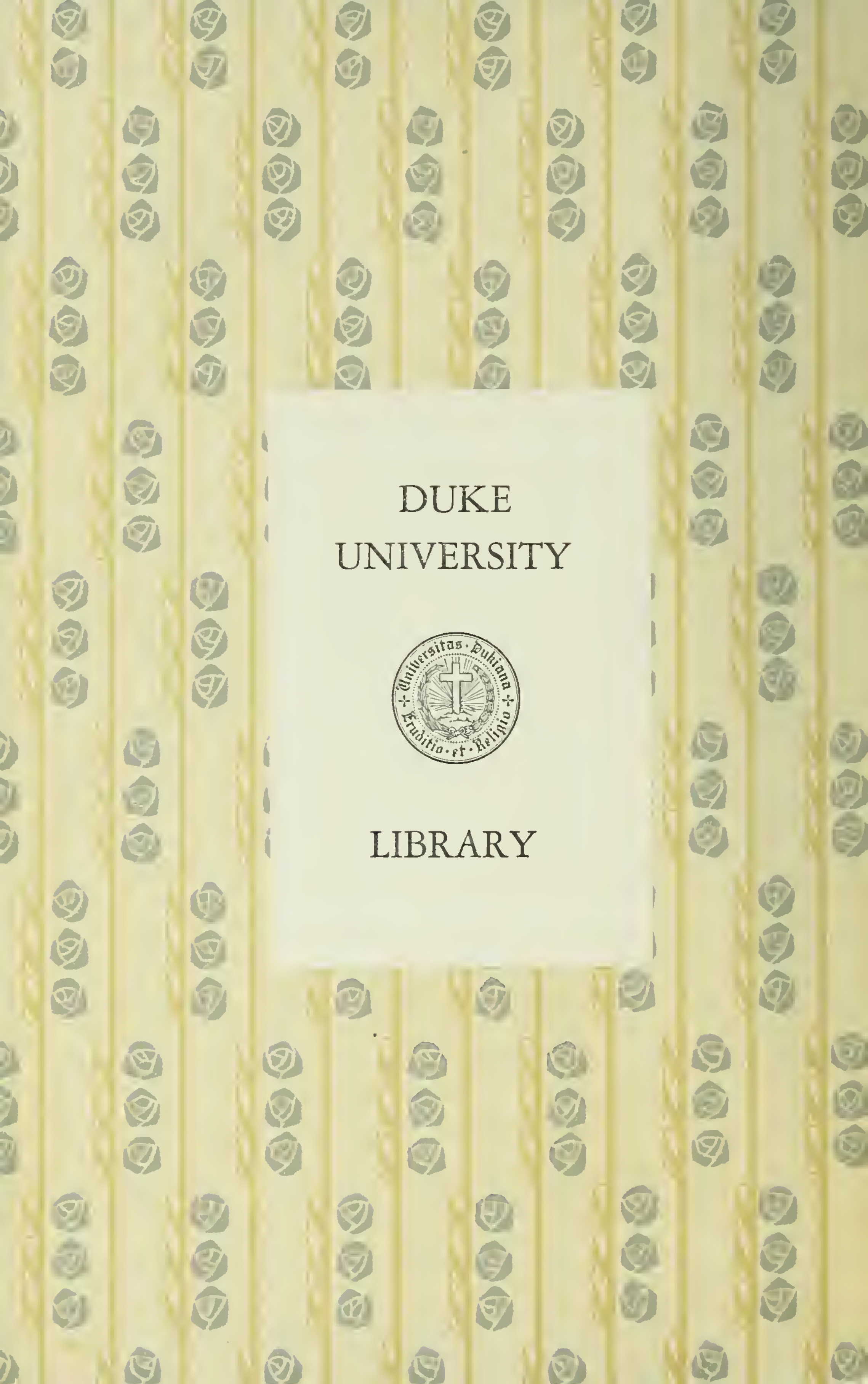

К. Головинъ
(К. Орловскій)
Полное Собраніе
Сочиненій
Изданіе
А. Ф. Маркса
С.-П.-Б.

DUKE
UNIVERSITY
Universitas Dukiana
Eruditio et Religio
LIBRARY

ВНѢ КОЛЕИ.

К. Головинъ (К. Орловскій).

ВНѢ КОЛЕИ

РОМАНЪ

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86
1902

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одной изъ низовыхъ губерній, верстахъ въ пяти отъ берега Волги и въ десяти отъ губернскаго города С., лежитъ большое село Бѣлые Столбы. Какъ почти всѣ черноземныя села, оно расположилось на днѣ широкаго оврага. Приземистыя избы, съ соломенными крышами подъ расчестку, въ безпорядкѣ засѣли по одному изъ отлогихъ береговъ. Почему оно получило такое странное названіе, сказать трудно. Говорятъ, когда-то, лѣтъ за семьдесятъ или болѣе, его бывшій владѣлецъ, обреченный на безвыходное проживаніе въ деревнѣ по всемилостивѣйшему указу императора Павла, вздумалъ было обвести всю обширную барскую усадьбу высокою оградой изъ бѣлаго плитняка и вмѣсто воротъ, у самаго начала вѣковой липовой аллеи, поставилъ два колоссальные каменные столба. Но отъ этихъ памятниковъ барскаго тщеславія не осталось теперь и слѣдовъ, и самый родъ прежнихъ владѣльцевъ исчезъ безслѣдно, какъ только на Руси можетъ исчезать былое. Липовая аллея, сильно порѣдѣвшая отъ времени, попрежнему ведетъ изъ села въ усадьбу, но доступъ къ ней со всѣхъ сторонъ открытъ. Старинный просторный домъ весело и бодро глядитъ на привольную степь. Съ высокаго мѣста, на которомъ расположилась усадьба, взглядъ свободно обнимаетъ и широкую гладь полей, гдѣ-то

вдали сливщуюся съ небомъ, и село на противоположномъ берегу рѣки, и громадную плотину, которою она запружена. При всей незатѣйливости этой обстановки, когда безоблачное іюньское небо любуется зеленымъ моремъ колосьевъ, почти такимъ же безпредѣльнымъ, какъ и оно, или когда вечернее солнце играетъ на крестѣ и на окнахъ деревенской церкви и золотитъ поверхность соннаго пруда, залюбуешься на эту картину, не богатую красками: какимъ-то дивнымъ спокойствіемъ, какою - то природною мощью дышетъ эта не шумная степь!

Только съ одной стороны, за домомъ, гдѣ старинный садъ незамѣтно спускается къ оврагу, картина замкнута рамкой густой зелени. Здѣсь и вѣковая морщинистая липа, и стройный не по возрасту тополь, и кудрявый вязъ, заслоняютъ своею пестрою листвой весь остальной, чужой міръ. Съ террасы, выходящей въ садъ, кажется будто зеленая чаща, въ которой чѣмъ дальше, тѣмъ гуще стелются тѣни, непроницаемою стѣной заграждаетъ доступъ въ этотъ міръ. А стòитъ окунуться въ эту чащу, хоть затѣмъ, чтобъ испробовать новое впечатлѣніе послѣ широкаго однообразія полей! Садъ постепенно становится лѣсомъ, спускъ дѣлается круче и вдругъ обрывается почти отвѣсно глубокій оврагъ, на днѣ котораго, освободившись изъ - подъ плотины, рѣчка все глубже и глубже прорываетъ себѣ дорогу къ недалекой Волгѣ. Но не та ужъ эта смирная рѣчка, чьи берега чуть замѣтно спускаются къ ложбинѣ: здѣсь они ближе подступили къ ней и хмурятся, покрытые густою щетиной бурьяна и репейника, среди которой ползетъ цѣпкій кустарникъ. И сама она бурлитъ и сердится, быстро стекая по каменистому дну. А вокругъ нея, мрачный и безмолвный, вѣковымъ сторожемъ стоитъ непочатый дубовый лѣсъ.

Бѣлые Столбы почти уже сорокъ лѣтъ какъ принадлежатъ Аннѣ Григорьевнѣ Корецкой. Здѣсь она провела свое дѣтство, и они ей достались въ приданое, когда

девятнадцати лѣтъ она вышла замужъ за гвардейскаго офицера Алексѣя Николаевича Корецкаго, случайно попавшаго въ С. губернію. Здѣсь она воспитала своихъ сыновей, Митю и Володю, и, овдовѣвъ, одиннадцать лѣтъ назадъ, продолжала, какъ и при жизни мужа, твердою рукою вести свое хозяйство. Она не запускала его ни до освобожденія крестьянъ, ни послѣ, и гордится тѣмъ, что принадлежащія ей пять тысячъ слишкомъ десятинъ земли приносятъ теперь вдвое больше, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, что имѣніе ея нигдѣ не заложено и лѣсъ остался нетронутымъ. И порядки въ ея домѣ, хоть они не отличаются изысканностью, и здоровыя, массивныя постройки, свидѣтельствуютъ о томъ, что Анна Григорьевна хозяйка отличная. И эта репутація обезпечиваетъ ей, женщинѣ довольно мало образованной и вовсе незнатной, всеобщее уваженіе въ уѣздѣ, далеко за предѣлами сосѣдства. Расчетливая хозяйка Бѣлыхъ Столбовъ была извѣстна; ея домъ, хотя далеко не первый въ уѣздѣ, рѣдко бывалъ пустымъ.

Родъ Корецкихъ былъ довольно-таки захудалый, рѣдкій изъ его представителей выходилъ въ люди, и то не въ самые крупные. Тѣмъ не менѣе они поддерживали съ грѣхомъ пополамъ кое-какія связи и служили постоянно въ гвардіи, либо въ одномъ изъ болѣе видныхъ министерствъ. Таковъ былъ и покойный мужъ Анны Григорьевны, Алексѣй Николаевичъ. Когда судьба его случайно занесла въ С. и тамъ на балу у губернатора онъ увидалъ хорошенькую Анюту Скворцову, наслѣдницу Бѣлыхъ Столбовъ, которой очень скоро вскружилъ голову, онъ сначала раздумывалъ, было ли прилично ему предложить свою руку и сердце провинціальной дѣвочкѣ, совершенно чуждой блестящему петербургскому міру. Но практическія соображенія взяли верхъ надъ тщеславіемъ въ сердцѣ небогатаго и къ тому же слегка влюбленнаго офицера. Онъ женился и по настоянію тестя даже вышелъ въ отставку. Но занятіе хозяйствомъ ему не пришлось по

вкусу. Алексѣй Николаевичъ скучалъ въ обществѣ своей хорошенькой, но вовсе уже не свѣтской жены. Тщеславіе ему не давало покоя, тѣмъ болѣе, что родной братъ его, Петръ Николаевичъ, успѣвшій также выгодно жениться, держалъ въ Петербургѣ открытый домъ и такъ быстро шелъ впередъ по гражданскому поприщу, что обѣщалъ вскорѣ сдѣлаться на немъ звѣздой первой величины. Алексѣй Николаевичъ не утерпѣлъ и вновь попросился на службу. Анна Григорьевна, скрѣпя сердце, послѣдовала за нимъ, но лѣтомъ постоянно, хотя бы и безъ мужа, уѣзжала въ свои Бѣлые Столбы. Ей Петербургъ былъ не по сердцу; отношенія между супругами не могли быть задушевными, практическій смыслъ Анны Григорьевны очень хорошо понялъ слабости ея мужа, и ей было немного стыдно за его мелочное самолюбіе; а онъ, съ своей стороны, не могъ простить ей, что она рѣшительно не годилась въ свѣтскія женщины. Такъ вяло шли года. Алексѣй Николаевичъ дослужился-таки до генеральскаго чина, но даже въ эпоху Восточной войны оставался генераломъ исключительно разводнымъ. Неудовлетворенное самолюбіе его медленно подтачивало. Тѣмъ временемъ подростали сыновья: старшаго Дмитрія, выказывавшаго большія способности, помѣстили въ Московскій университетъ; младшій былъ тогда еще мальчикомъ. Дѣти были вообще, что̀ очень часто бываетъ, гораздо болѣе привязаны къ матери, чѣмъ къ отцу. Для Мити это было, впрочемъ, большимъ счастіемъ: онъ не вынесъ изъ родительскаго дома ни одного изъ тѣхъ раздражающихъ впечатлѣній, которыя потомъ, какъ ѣдкая закваска, осаждаются въ молодой душѣ. Но вотъ наступилъ памятный день 19 февраля, и Алексѣю Николаевичу, твердо вѣрившему, что не рѣшатся освободить „этихъ сиволапыхъ“, пришлось убѣдиться на дѣлѣ, что насталъ конецъ его патріархальной власти, которою онъ, впрочемъ, пользовался чисто фиктивно. Перваго пріѣзда въ Бѣлые Столбы мирового посредника онъ не

вытерпѣлъ. Онъ попробовалъ было съ нимъ обращаться по-генеральски, но почему-то вдругъ замялся и безъ боя уступилъ представителю новаго порядка. Ужиться съ этимъ порядкомъ, онъ, однако, не могъ и поддался болѣзненной раздражительности, роковой предвѣстницѣ конца. На грѣхъ случилась новая бѣда: на одномъ разводѣ что-то вышло неладно, и ему пришлось изъ очень высокихъ устъ услышать далеко не лестный отзывъ. Алексѣй Николаевичъ захилѣлъ, промаялся еще съ годъ, и вдругъ, послѣ очень сытнаго обѣда, окончилъ свое земное странствіе. Такъ переходитъ въ сумерки иной сѣренькій день, и солнце, никѣмъ незамѣченное, опускается за безцвѣтныя тучки, изъ-за которыхъ его не было видно.

Анна Григорьевна теперь уже безвыѣздно зажила въ деревнѣ, справилась съ переходнымъ временемъ и стала понемногу тою хлопотливою, добродушною хозяйкой, какою застали мы ее теперь. Она и не старалась выйти изъ той рамки, которую ей создала жизнь, и ея узкій мірокъ ограничивался хозяйствомъ, въ которомъ она знала толкъ, и дѣтьми, въ которыхъ она души не чаяла, хоть и не задавалась мыслью направлять ихъ развитіе. Она не совсѣмъ ясно понимала, что дѣлается въ головѣ ея сыновей. Иногда только она недовѣрчиво качала головой, когда слишкомъ рѣзкое, бойкое слово доходило до нея. Теперь, когда открывается нашъ разсказъ, ея старшаго сына нѣтъ въ Бѣлыхъ Столбахъ; онъ путешествуетъ за границей. Младшій, Володя, въ прошломъ году окончившій курсъ въ Одесскомъ университетѣ, недавно пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ гостилъ. Анна Григорьевна сама только недѣли съ три у себя въ Бѣлыхъ Столбахъ: ей пришлось, а для нея это рѣдкость, побывать въ Москвѣ по дѣлу, и оттуда она, къ великому изумленію домашнихъ и сосѣдей, привезла съ собой молодую дѣвушку, свою дальнюю родственницу, про которую никто до сихъ поръ не слыхивалъ, а теперь всѣ видѣвшіе ее говорили не то съ

удивленіемъ, не то съ укоромъ. Надѣ Ольшевской выпала незавидная доля озадачить большинство обитателей того мирнаго уголка, въ которомъ она нечаянно явилась.

Анна Григорьевна не считала нужнымъ объяснять, почему ей вздумалось привезти съ собой племянницу; ея молчаніе на этотъ счетъ, быть можетъ, и придавало нѣкоторую загадочность присутствію молодой дѣвушки въ Бѣлыхъ Столбахъ. На самомъ дѣлѣ вотъ что случилось: мѣсяца за два предъ тѣмъ къ Аннѣ Григорьевнѣ пришло длинное письмо отъ отца Нади, Сергѣя Ольшевскаго, въ которомъ онъ умолялъ ее принять участіе въ судьбѣ его дочерей, возбуждавшей его живѣйшія опасенія: по матери, тоже Скворцовой по рожденію, Надя приходилась ей внучатною племянницей. Анна Григорьевна, не долго думая, отправилась въ Москву, гдѣ, по словамъ отца ихъ, тогда находились молодыя дѣвушки. Она долго и тщетно разыскивала ихъ по Бѣлокаменной. Старшей, Александры уже не было тамъ. Съ младшею ее свелъ, наконецъ, случай. Разъ, когда Анна Григорьевна возвращалась въ свою гостиницу, на лѣстницѣ ей попалась дѣвушка, торопливо сходившая по ступенямъ. Глаза ихъ встрѣтились, и обѣ онѣ мигомъ узнали другъ друга, хотя предъ тѣмъ и то за нѣсколько лѣтъ имъ всего пришлось свидѣться два-три раза. Надя попробовала было укрыться отъ тетки, и не малаго труда стоило Аннѣ Григорьевнѣ уговорить племянницу войти къ ней. Надя, видимо, дичилась и сначала не поддавалась ни ласкамъ, ни убѣжденіямъ, но прямодушному участію Анны Григорьевны удалось побѣдить ея упорное запирательство; положеніе молодой дѣвушки было въ самомъ дѣлѣ безвыходное. Сначала она съ недовѣрчивостью пойманной птички отвѣчала на заботливыя старанія тетки, но послѣ долгаго отпора она наконецъ покорилась, и тутъ же все ея существо, какъ бы возродившееся къ новой жизни, отдалось ласковому добродушію старушки. Рѣшено было что она поселится

въ Бѣлыхъ Столбахъ. Но въ виду несовершеннолѣтія Нади, Аннѣ Григорьевнѣ пришлось долго возиться съ разными формальными затрудненіями, пока ее наконецъ оффиціально признали попечительницей молодой дѣвушки.

II.

Было совершенно безоблачное, довольно свѣжее утро въ концѣ апрѣля. Наканунѣ сильная гроза съ ливнемъ пронеслась надъ Бѣлыми Столбами, одна изъ тѣхъ весеннихъ грозъ, которыми лѣто вдругъ рѣшительно возвѣщаетъ о своемъ близкомъ наступленіи. На листьяхъ деревьевъ блестѣли еще не испарившіяся дождевыя капли. Вся природа спѣшила проявить во всей полнотѣ свои обновленныя силы. Даже на хмурыхъ дубахъ, всегда недовѣрчиво встрѣчающихъ весну, почка замѣтно повеселѣла. Сирень еще не думала зацвѣтать, но въ воздухѣ уже носился пряный запахъ распускавшейся черемухи.

Молодой человѣкъ, довольно высокаго роста съ ружьемъ, перекинутымъ черезъ плечо, не спѣша пробирался въ садъ по дорожкѣ, ведущей изъ лѣса. Одѣтъ онъ былъ въ легкій сѣрый пиджакъ и хотя съ ногъ до головы былъ покрытъ болотными брызгами, что-то изящное, ловкое было и въ его костюмѣ, и во всей его стройной осанкѣ. Ему было двадцать три года, но казался онъ моложе. Въ легкой, однако не совсѣмъ увѣренной походкѣ, въ блестящихъ подвижныхъ глазахъ, въ красивыхъ, но, казалось, не вполнѣ еще опредѣлившихся чертахъ лица, было еще что-то полудѣтское. Дойдя до лужайки предъ домомъ, онъ съ явнымъ удовольствіемъ опустился на скамейку, досталъ серебряную папиросницу и съ наслажденіемъ затянулся. Какая-то граціозная лѣнь была во всей его позѣ. Черный сетеръ растянулся у его ногъ и, видимо довольный собой, урывками

поглядывалъ на хозяина своими прищуренными серьезными глазами.

Молодой человѣкъ поглядѣлъ на часы.

— А! девяти еще нѣтъ! Еще добрыхъ полчаса до завтрака,—громко сказалъ онъ и досталъ изъ кармана измятую книжку. Но едва развернулъ онъ ее, какъ послышался скрипъ отворившейся калитки, и изъ-за кустовъ показалось сѣрое женское платье. Собака съ веселымъ лаемъ бросилась къ дамѣ, и молодой человѣкъ мигомъ вскочилъ на ноги.

— Надя, откуда вы такъ рано?—живо спросилъ онъ у подходившей дѣвушки, и глаза его заискрились, а по лицу пробѣжалъ легкій румянецъ.

— Я на селѣ была,—отвѣтила она ровнымъ, довольно низкимъ голосомъ, и подала ему руку.—Тамъ больныхъ много.

Надѣ Ольшевской только-что минуло осьмнадцать лѣтъ, и, судя по выраженію ея мягко-очерченныхъ губъ, особенно, когда онѣ раскрывались для улыбки, ее почти можно было счесть за ребенка. Но выраженію этому странно противорѣчили ея большіе, темносѣрые глаза и твердыя, правильныя дуги густыхъ черныхъ бровей. Эти глаза умѣли такъ пристально вглядываться, они порой смотрѣли, казалось, изъ такой глубины, что въ мысли таившейся въ нихъ уже, конечно, ничего не было дѣтскаго. Видно было, что ея маленькая, изящная головка уже много передумала нелегкихъ думъ, и жизнь своею мрачною печатью легла на ея чистый, высокій лобъ. Одѣта она была очень просто. На сѣрую блузу, стянутую у гибкой таліи чернымъ кожанымъ кушакомъ, была накинута суконная куртка. Голова была повязана бѣлымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались густыя пряди волнистыхъ бѣлокурыхъ волосъ.

— Да вы тоже, Володя, сегодня не по обыкновенію рано встали, судя вотъ по этому,—продолжала она, подходя къ скамейкѣ и указывая на висѣвшій на немъ ягташъ, въ которомъ виднѣлись четыре застрѣленныя утки.

Володя почему-то сконфузился.

— Не утерпѣлъ, Надя,—сказалъ онъ.—Я всего въ первый разъ туда на болото забрелъ.

— Да чего-жъ вы будто извиняетесь,—смѣясь возразила она.—Охота самое здоровое упражненіе, да къ тому же вы, благодаря ей, стряхнули съ себя петербургскую лѣнь. И прекрасно!

Она сѣла и взглянула на него и ласково и шутливо въ то же время.

— А вамъ все кажется, что вы непремѣнно обязаны быть серьезнымъ человѣкомъ, исключительно занятымъ важными вопросами. Живите такъ, какъ хочется, а не какъ должно хотѣться.

Въ ея тонѣ былъ странный оттѣнокъ снисхожденія. Она говорила съ нимъ почти, какъ взрослые говорятъ съ дѣтьми, хотя и была пятью годами моложе. Володю отъ ея словъ еще пуще бросило въ краску.

— Вы, Надя,—сказалъ онъ не совсѣмъ рѣшительно,—все, вотъ, будто надо мной смѣетесь. Развѣ я мальчикъ, неспособный понять высокихъ задачъ нашего поколѣнія. А я, вѣдь, даю вамъ слово, готовъ горячо служить общему дѣлу...

Она не дала ему договорить.

— Вы бы лучше матушкѣ помогали въ управленіи,—она и не молода къ тому же, да жили бы себѣ, пока живется...

— Да отчего вы, наконецъ,—горячо прервалъ онъ ее, и глаза его вспыхнули такъ же, какъ щеки,—отчего вы никогда со мной про это не хотѣли говорить? Вѣдь я же знаю, чѣмъ вы были прежде, вѣдь я тоже изъ вашихъ!

Брови ея сдвинулись, глаза упорно, почти враждебно остановились на немъ.

— Вѣдь я васъ просила,—сказала она отрывисто,—никогда мнѣ не говорить про это! Неужели вы не можете понять?... И голосъ ея вдругъ оборвался, и она уже продолжала тихо, почти невнятно:—Дайте же мнѣ

забыть про то время, свыкнуться съ новою обстановкой... Развѣ, вы думаете, это легко?

Но она тотчасъ подавила свое волненіе.

— Покажите лучше, начала она опять весело,—что за романъ вы тутъ читали.

И она протянула руку къ лежавшей на скамейкѣ книгѣ.

— Это не романъ, а рѣчи Лассаля въ собраніи берлинскихъ рабочихъ.

— Вотъ какъ! Ну, я вижу, вы рѣшительно не хотите терять ни минуты. Похвально!

Онъ снова нѣсколько обиженнымъ тономъ сталъ толковать ей про рабочій вопросъ, про свою рѣшимость посвятить ему всю свою жизнь. Но она снова остановила потокъ его горячихъ словъ.

— Ну, Володя, если ужъ на то пошло, такъ у васъ здѣсь подъ рукой удобный случай все это доказать на дѣлѣ. Стоитъ только глаза раскрыть. Вы когда-нибудь бывали у себя на селѣ?

— Конечно, бывалъ.—Еще бы!

— А въ крестьянскую избу ни разу на своемъ вѣку не заглянули,—въ этомъ я твердо увѣрена. Такъ-ли?

Володя промолчалъ.

— Ну, вотъ видите. Это, вѣдь, не какіе-то далекіе, отвлеченные рабочіе, по которымъ такъ удобно сокрушаться. Тамъ и грязь, и духота, и больныя дѣти. Все это очень непривлекательно. А я, вотъ, не бѣлоручка, и всего этого не боюсь.

Володя живо перебилъ ее, устремивъ на нее свои блестящіе черные глаза.

— Да зачѣмъ вы туда чуть не каждый день ходите? Вѣдь вы рискуете въ самомъ дѣлѣ заболѣть.

Надя покачала головой.

— Покорно благодарю за участіе, я вѣдь бывалая. Зачѣмъ я хожу? А затѣмъ, что мнѣ захотѣлось узнать, каковъ на дѣлѣ тотъ сѣрый народъ, о которомъ мы съ вами, культурные люди, такъ любимъ разглагольствовать.

— Ну хорошо, Надя, да все-таки вы не профессоръ соціальныхъ наукъ и не докторъ, это совсѣмъ не ваше дѣло.

Лицо Нади вдругъ какъ-то особенно оживилось. Видно было, что въ ней просилось наружу какое-то глубокое, долго сдержимое, совсѣмъ ужъ не ручное чувство.

— Вы хотите сказать,—иронически отвѣтила она,—что это для меня, пожалуй, неприлично? Полноте, я вѣдь не „барышня" какая. И узнала я въ самомъ дѣлѣ многое, напримѣръ, хоть то, что ваши мужички живутъ теперь чуть-ли не вдвое хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, которое мы вотъ съ вами предаемъ такъ усердно проклятію. У кого было тогда по три лошади, да столько же коровъ, теперь по одной, и то еще хорошо. А есть и такіе, которые и совсѣмъ безъ нихъ обходятся, и на другихъ, болѣе достаточныхъ крестьянъ, работаютъ не хуже крѣпостныхъ.

— Полноте,—съ жаромъ сказалъ Володя.—Вы-ли это говорите? Стало быть, по вашему такъ выходитъ, что имъ лучше было подъ ярмомъ рабства. Стало быть свобода...

Да, вотъ и громкія слова явились,—перебила она.—„Ярмо рабства, свобода". Въ томъ-то и дѣло, что у васъ, господа радикалы, на все готовы оффиціальныя клички, а что̀ въ дѣйствительности происходитъ, того вы не знаете и, къ сожалѣнію, знать не хотите. Вы, напримѣръ, хоть бы на то обратили вниманіе, что ваши Бѣлые Столы на даровомъ надѣлѣ, что̀ положимъ для васъ лично очень выгодно, а каковъ этотъ даръ приходится крестьянамъ, какъ вы думаете?

Надя не удерживала болѣе то заглушенное, но все еще непокорное чувство, которое теперь все громче сказывалось у нея на душѣ. Но страннымъ образомъ, чѣмъ болѣе росло ея одушевленіе, тѣмъ менѣе, казалось, она находила отголоска въ Володѣ. Слушая ее, молодой человѣкъ, повидимому, уже не обращалъ вниманія на ея слова, но взглядъ его жадно ловилъ каждое

движеніе ея лица, упиваясь лучистымъ блескомъ ея глазъ. Она скоро это замѣтила, и ея горячности мигомъ будто не стало. Опять явилась у нея на губахъ полунасмѣшливая, но все же ласковая улыбка.

— Да полно съ вами говорить про это, Володя. Вы меня не слушаете. Вамъ только сладенькаго нужно въ жизни, какъ цвѣтку нужно солнце. И пользуйтесь имъ, пока оно свѣтитъ, потому, что вы все-таки очень хорошій малый, изъ тѣхъ, для которыхъ вся недѣля одинъ праздникъ съ начала до конца, ходите на охоту, любезничайте съ дамами, а Лассаля бросьте — къ чему онъ вамъ!

На террасѣ показался старый дворецкій Терентій, съ дѣтскихъ лѣтъ знавшій только Бѣлые Столбы и служившій господамъ съ тою плутоватою преданностью, которою отличалось старосвѣтское отживающее поколѣніе слугъ.

— Барыня изволили къ чаю выйти-съ,—сказалъ онъ, подходя къ молодымъ людямъ. И его безбородое лицо, желтое какъ воскъ и сморщенное ото лба до подбородка, какъ-то неодобрительно строго остановилось на Надѣ.

— Ну, ступайте къ матушкѣ,—сказала она,—а я пойду переодѣться. Теперь я опять возьмусь за свою роль благовоспитанной барышни.

Глаза Володи, очарованные и неподвижные, еще долго глядѣли въ ту сторону, гдѣ скрылось ея сѣрое платье. Наконецъ, онъ всталъ, глубоко вздохнулъ и, не считая нужнымъ мѣнять своей обрызганной одежды, направился къ дому; а Терентій все молчаливо стоялъ въ почтительномъ отдаленіи, насмѣшливо поглядывая на его задумчивое лицо.

— Прикажете принять-съ?—обратился онъ къ молодому барину, унося ружье и ягташъ, забытые Володей на скамейкѣ.

— Эхъ! молодая кровь!—проговорилъ онъ вслѣдъ молодому человѣку.—Врѣзавшись-таки порядочно Владиміръ Алексѣевичъ-то нашъ въ эту—прости ее Го-

сподь—птицу перелетную. А она-то, даромъ что изъ себя ничего, по утрамъ все по деревнѣ по больнымъ изволитъ таскаться, пачкается и папироски покуриваетъ и говоритъ-то какъ рѣшительно, будто не дѣвица! А еще барышня!

III.

Володя засталъ Анну Григорьевну за самоваромъ. Каждое утро, ровно въ девять часовъ, она садилась за чайный столъ и сама, аккуратная въ высшей степени, требовала того же и отъ домашнихъ. На ней былъ неизмѣнный утренній капотъ коричневаго цвѣта и столь же неизмѣнный старомодный чепецъ; но этотъ невзрачный нарядъ глядѣлъ такимъ же чистымъ и свѣжимъ, какъ и она сама. Отпечатокъ спокойствія и доброты лежалъ на ея сморщенномъ, но все еще красивомъ лицѣ. По всей ея осанкѣ, по всѣмъ ея движеніямъ видно было, что въ своемъ семейномъ кругу она чувствуетъ себя полновластною и привыкла не встрѣчать отпора своей волѣ.

Володя сперва приложился къ ея рукѣ—и затѣмъ уже она взяла его за голову и поцѣловала.

— Володя, на что̀ ты похожъ, — воскликнула Анна Григорьевна, увидавъ его забрызганные высокіе сапоги,—вотъ срамъ-то, въ этакомъ нарядѣ и ко мнѣ ходить!

— Я прямо съ охоты, мама,—извинялся онъ,—въ пять часовъ на утокъ пошелъ.

— И проголодался, бѣдняжка, должно-быть? Ну, ничего, выпей чаю, послѣ переодѣнешься. А что, Надеждѣ Сергѣевнѣ доложено, что чай поданъ?—строго обратилась она къ Терентію, показавшемуся въ дверяхъ.

— Надежда Сергѣевна въ саду были-съ, съ Владиміромъ Алексѣевичемъ,—отвѣтилъ онъ, и въ лицѣ его былъ нѣмой, но явный укоръ молодой дѣвушкѣ.—

Знаютъ-съ. Къ себѣ на верхъ прошли-съ, должно-быть переодѣться. Съ ранняго утра по деревнѣ изволили ходить.

Этотъ маленькій доносъ былъ пущенъ мимоходомъ, съ видомъ полнаго равнодушія. Терентій хорошо зналъ, что барыня терпѣть не могла этихъ прогулокъ Нади и ея страсти возиться съ ребятишками.

— Что, вы опять тамъ спорили, должно-быть?—спросила Анна Григорьевна у сына, когда вышелъ Терентій.

— Спорили, — мрачно и коротко отозвался Володя.

Анна Григорьевна озабоченно покачала головой.

— Ты все не можешь ужиться съ ней, Володя, какъ слѣдуетъ. Какъ ты не хочешь понять, что она бѣдная, сирота настоящая, хоть отецъ у нея и живъ, и попала къ чужимъ людямъ въ домъ, и намъ всѣмъ нужно ее приласкать и пріучить къ себѣ? На чужой сторонѣ не легко живется, а она къ тому же, вѣдь, къ полной свободѣ привыкла у отца и въ Москвѣ. Надо стараться, чтобъ она про все прежнее забыла и къ намъ привыкла. А ты, напротивъ, все ее будто дразнишь, Володя, не хорошо, право, не хорошо.

Володя не отвѣчалъ и сумрачно уставился на свою чашку. Не первый разъ ему приходилось это слышать. А какъ мало Анна Григорьевна догадывалась о настоящихъ чувствахъ сына и о причинѣ того, что онъ такъ часто спорилъ съ Надей.

— Къ ней надо быть снисходительнымъ,—продолжала мать,—она волкомъ глядитъ, это правда, но сердце у нея доброе, а это главное.

— Отчего вы мнѣ не хотите сказать, какъ вы нашли ее въ Москвѣ и что было съ ней тамъ?—спросилъ теперь Володя, поднимая къ матери свое покраснѣвшее до ушей лицо.

— Не твое дѣло, двадцать разъ я тебѣ говорила, а съ ней, ты мнѣ смотри, про это ни гугу.

Володя хотѣлъ было настаивать, но слова его были прерваны появленіемъ Нади. Свою блузу она промѣняла

на простенькое синее платье, очень мило сидѣвшее на ея изящномъ станѣ; непослушные волосы она пригладила—словомъ, по внѣшности она теперь не отличалась отъ сотни другихъ хорошенькихъ провинціальныхъ барышень, скромныхъ и тихихъ, еслибы не глаза, такъ строго и повелительно глядѣвшіе на окружавшій міръ, въ которомъ сама она занимала такое невидное мѣсто.

Надя подошла къ теткѣ своей ровною неторопливою походкой; но та не дала ей поцѣловать у себя руку, а, нагнувъ къ себѣ ея головку, сама поцѣловала ее и, право, сдѣлала это не хуже родной матери. Приэтомъ, невольно повинуясь своей прирожденной страсти къ аккуратности, она даже пригладила слегка нависшую прядь волосъ и полушутливо, полузаботливо сказала:

— Я увѣрена, мой другъ, ты опять безъ шляпы сегодня ходила. Смотри какъ ты загорѣла, съ апрѣльскимъ солнцемъ шутить не надо. Охъ, ужъ эти мнѣ твои прогулки по селу!

Несмотря на добродушный тонъ этихъ словъ, у Нади тотчасъ заговорило строптивое чувство самостоятельности; головка ея гордо откинулась назадъ, и что-то непокорное, почти вызывающее было въ этомъ движеніи, которымъ она будто отстраняла руку тетки.

Но Анна Григорьевна этого не замѣтила и продолжала, попрежнему мягко, выговаривать ей за ея страсть ходить по избамъ и водиться съ мужиками. Нѣсколько разъ у Нади запальчивый отвѣтъ просился на языкъ, но она умѣла сдержать себя, хотя краска и усилилась на ея лицѣ, и брови замѣтно сдвинулись.

— Народъ здѣсь грубый и твоей доброты не пойметъ,— говорила Анна Григорьевна. — Ты не смотри на то, что онъ на видъ такъ покоренъ и передо всякимъ изъ насъ шапку снимаетъ. Чуть съ нимъ забудешься и станешь за панибрата, онъ насъ всѣхъ и въ грошъ не поставитъ.

Володя, не проронившій ни слова съ тѣхъ поръ, какъ вошла Надя, тутъ счелъ долгомъ вмѣшаться.

— Какъ можно,—быстро заговорилъ онъ,—придерживаться этихъ устарѣлыхъ понятій. И зачѣмъ вы крестьянъ—называете все „народомъ“, точно и мы не такой-же народъ, а они не полноправные граждане, съ которыми мы должны подѣлиться своимъ избыткомъ образованія? Мнѣ кажется, только простотой обращенія съ ними мы можемъ избѣжать ихъ заслуженнаго недовѣрія.

И сказавъ это Володя глядѣлъ на кузину вполнѣ довольный собой.

Но ожидаемаго впечатлѣнія его слова не произвели. Анна Григорьевна только снисходительно улыбнулась да сказала:

— Я, мой другъ, съ мужиками почти сорокъ лѣтъ вожусь, а ты ихъ видѣлъ только съ боку, какъ на картинкѣ; такъ мнѣ, я думаю, они лучше извѣстны, чѣмъ тебѣ, вотъ я и не говорю такъ мудрено, какъ ты вотъ сейчасъ.

Но обиднѣе всего было то, что и Надя ему, повидимому, не сочувствовала. Напротивъ, на ея лицѣ негодующее выраженіе смѣнилось насмѣшливымъ.

— Это вы въ какомъ журналѣ такихъ либеральныхъ рѣчей начитались?—спросила она.—Вы, кажется, на мужиковъ смотрѣли, какъ на балетныхъ пейзанъ и интересуетесь ими, оставаясь на почтительномъ отдаленіи. Это и современно, и очень удобно.

Володя собирался колко отвѣтить, но въ комнату снова вошелъ Терентій, съ письмами на подносѣ.

— Заграничное - съ,—сказалъ онъ, подавая Володѣ письмо.

— Отъ Мити! — воскликнулъ тотъ, живо вскрывая конвертъ.

— Староста деревенскій пришелъ, ваше превосходительство спрашиваетъ,—обратился Терентій къ Аннѣ Григорьевнѣ.

— Пусть подождетъ на крыльцѣ.

— Отъ мужиковъ, кажись, присланъ. Говоритъ по важному дѣлу. Все насчетъ земли, должно-быть.

— Знаю, скажи чтобы подождалъ. За Яковомъ послать.

По лицу Нади вспыхнулъ легкій румянецъ, и брови ея опять сдвинулись, но она удержала слово, готовое сорваться у нея съ языка. Надя знала въ чемъ заключались переговоры крестьянъ съ барыней „насчетъ земли“.

— Яковъ Савельичъ здѣсь тоже дожидается,—уходя отвѣтилъ Терентій.

— Что же пишетъ Митя?—спросила Анна Григорьевна у сына.

— Митя сюда ѣдетъ! Сейчасъ, сейчасъ. Я, вотъ, докончу—полстраницы осталось.

Володя жадно дочитывалъ письмо, часто прерывая чтеніе смѣхомъ и восклицаніемъ:—Хорошо! браво! молодецъ! Онъ былъ, видимо, крайне доволенъ и заинтересованъ тѣмъ, что писалъ братъ.

— Онъ окончилъ свои занятія въ Гохенгеймѣ,—безсвязно сталъ разсказывать Володя,—и ѣдетъ на двѣ недѣли осматривать въ Богеміи какія-то имѣнія; его туда пригласили.

— Да когда онъ будетъ?—перебила его мать.

— Чрезъ три недѣли, въ первыхъ числахъ, я же вамъ сказалъ; онъ очень доволенъ тѣмъ, что видѣлъ за границей и службу онъ оставилъ совсѣмъ: онъ хочетъ здѣсь поселиться.

— Какъ службу оставилъ?

— Да такъ, вотъ дядюшка Петръ Николаевичъ ему написалъ, вы знаете, съ достоинствомъ тайнаго совѣтника и многихъ орденовъ кавалера: что нельзя цѣлые два года прогуливаться и баклуши бить,—такъ изволилъ выразиться его превосходительство это про Митю: буклуши бить.

— Да ты говори толкомъ, Володя!—нетерпѣливо сказала Анна Григорьевна.

— И что онъ карьеру свою испортитъ, и самъ онъ, превосходительный дядя, не будетъ уже въ состояніи

оказать ему содѣйствіе, — а Митя ему отвѣчалъ, что карьеры вашей мнѣ совсѣмъ не нужно, потому что я буду жить въ Бѣлыхъ Столбахъ и заниматься по земству—молодецъ! Такъ и отвѣчалъ любезному дядюшкѣ и подалъ въ отставку.

Анна Григорьевна не раздѣляла, однако, восторговъ сына. Она была, конечно, очень довольна, что ея дорогой Митя поселится у нея въ деревнѣ. Но по своимъ понятіямъ она не могла одобрить этого отреченія отъ службы, представлявшей такую блестящую будущность подъ покровительствомъ дяди, хотя этого самаго дядю она въ то же время крѣпко не долюбливала. Анна Григорьевна, однако, ничѣмъ не выразила своихъ мыслей и нѣсколько минутъ задумчиво промолчала.

— Ему, конечно, лучше знать что дѣлать,—проговорила она про себя:—Дай мнѣ письмо брата, Володя.

Надя между тѣмъ допила чай, достала изъ кармана старенькую кожаную папиросницу и закурила. Она знала очень хорошо, что Анна Григорьевна питаетъ отвращеніе къ табачному дыму, но ей на этотъ разъ почему-то именно хотѣлось досадить теткѣ: Анна Григорьевна только вскинула на нее взглядомъ и, не сказавъ ни слова, отодвинулась и продолжала читать письмо сына. Она поставила себѣ за правило ничѣмъ не мѣшать Надѣ. Этимъ она думала смягчить ея обидчивый нравъ, вѣчно готовый вспыхнуть. И въ самомъ дѣлѣ, не прошло и минуты, какъ Надя бросила свою недокуренную папироску, хотя въ то же время на лицѣ ея можно было прочесть, что она вовсе не намѣрена соображаться съ чужими вкусами и жертвовать чѣмъ-либо изъ своихъ привычекъ.

— Я очень радъ,—обратился къ молодой дѣвушкѣ Володя,—что вы скоро познакомитесь съ братомъ. Въ немъ вы найдете достойнаго противника, когда вамъ захочется спорить, и его, конечно, вы не станете упрекать въ недостаткѣ серьезности.

Володя казался все еще сильно обиженнымъ за утренній разговоръ съ кузиной.

— Съ чего вы взяли, что я охотница спорить? Могу васъ увѣрить, что я вовсе не намѣрена вашего ученаго брата подчивать своими мнѣніями, совсѣмъ для него неинтересными, и чѣмъ либо мѣшать его серьезнымъ занятіямъ.

Въ этихъ словахъ звучала плохо скрытая насмѣшка, и Володя, несмотря на свое поклоненіе молодой дѣвушкѣ, тотчасъ заступился за горячо любимаго брата.

— Ваша иронія, Надя, тутъ совершенно неумѣстна. Хотя я и расхожусь во многомъ съ братомъ Дмитріемъ,— онъ сказалъ это съ важностью человѣка глубоко сознающаго свою двадцатитрехлѣтнюю зрѣлость,—я долженъ признать въ немъ обширныя свѣдѣнія и рѣдкую для русскаго преданность труду.

Володя самъ не примѣчалъ, что, говоря съ Надей, онъ постоянно впадалъ въ высокопарный тонъ.

— Во всемъ этомъ, Владиміръ Алексѣевичъ, я не сомнѣваюсь. Вашъ братъ окажетъ, вѣроятно, большія услуги химіи, точно также какъ вы—русскому краснорѣчію. У него даже, кажется, докторскій дипломъ есть, и несомнѣнно, что его ученыя путешествія по живописнымъ мѣстамъ за границей принесутъ великую пользу Россіи вообще, и крестьянамъ Бѣлыхъ Столбовъ въ особенности.

Тутъ Анна Григорьевна оторвалась отъ письма, которое она все еще перечитывала, и сочла нужнымъ вмѣшаться.

— Я не знаю, Володя,—холодно сказала она сыну,— съ чего ты вздумалъ расхваливать Митю: онъ ни въ чьей защитѣ не нуждается. А Бѣлые Столбы мои, а не его, это Надя, вѣроятно, знаетъ.

Володя былъ крайне недоволенъ Надей и самимъ собой. Онъ отошелъ къ окну, слегка пожавъ плечами, и сталъ что-то насвистывать. Вдругъ онъ обернулся къ матери и порывисто сказалъ:

— Я пройду къ себѣ заняться кой-чѣмъ. Да и письмо нужно отправить къ Нерадовичу.

Это послѣднее имя онъ произнесъ, возвышая голосъ, какъ такое, передъ которымъ всѣ должны преклониться. Страннымъ образомъ, Надя, услыхавъ его, измѣнилась въ лицѣ и почти съ испугомъ обратилась къ молодому человѣку:

— Володя, вы про какого Нерадовича говорите?

— Какой Нерадовичъ? Тотъ самый, котораго у насъ тамъ въ Одессѣ вся университетская молодежь знаетъ и чтитъ какъ одного изъ самыхъ честныхъ и передовыхъ дѣятелей. Я тоже имѣлъ случай съ нимъ познакомиться. А вы, Надя, почему же имъ интересуетесь?

Все это Володя произнесь такъ самодовольно и гордо, какъ будто великою честью для него было знакомство съ этимъ виднымъ передовымъ дѣятелемъ. Но молодая дѣвушка, повидимому, думала иначе.

— И къ этому Нерадовичу вы собираетесь писать?— съ возрастающимъ безпокойствомъ спросила она.

— Съ вашего разрѣшенія, конечно,—иронически и важно произнесъ Володя.

— Такъ я скажу вамъ, въ такомъ случаѣ,—запальчиво продолжала она,—что еслибы вы знали кто этотъ Нерадовичъ, вы стали бы избѣгать всякихъ сношеній съ нимъ. Я обязана предостеречь васъ.

Володя такъ и ахнулъ, услышавъ это. Не ожидалъ онъ получить такой совѣтъ отъ своей пылкой кузины, да и прилично ли было ему, представителю молодого поколѣнія, принимать въ соображеніе осторожность? Молодой человѣкъ вспылилъ и воскликнулъ, что къ чорту осторожность, и что всякій порядочный человѣкъ долженъ въ огонь лѣзть за свои убѣжденія.

— Вы хотите мнѣ сказать, что Нерадовичъ изъ красныхъ и потому у этихъ подлецовъ-сыщиковъ на дурномъ счету? Да это я давно знаю! И вы меня думали испугать?

— Это мало, Володя; Нерадовичъ не сегодня, такъ завтра можетъ быть арестованъ, и тѣмъ не поздоровится, кто былъ съ нимъ въ перепискѣ.

Володя вспыхнулъ.

— Прекрасно!—воскликнулъ онъ,—и въ виду этого вы мнѣ совѣтуете отъ него отречься? И говоритъ мнѣ это никто иной, какъ Надя Ольшевская, которая сама была недавно изъ „ихнихъ"! Я вѣдь, знаю, Надежда Сергѣевна, все знаю, И откуда вамъ иначе добыть тѣ свѣдѣнія, которыя вы теперь мнѣ передаете такъ предупредительно?

Чувство оскорбленнаго достоинства вылилось у молодого человѣка. Онъ былъ радъ случаю блеснуть предъ Надей твердостью убѣжденій, которую она въ немъ всегда такъ обидно для него отрицала.

Но и ея терпѣнію насталъ конецъ. Своей преданности семьѣ Корецкихъ она только-что принесла въ жертву самыя дорогія свои убѣжденія, стала почти донощицей, и вотъ какъ ее за то благодарили! „Вѣдь, это гадко, глупо, что я сейчасъ говорила!" пронеслось у нея въ головѣ, это просто шпіонство, оговоръ какой-то!" и краска выступила у нея на лицѣ. Впрочемъ, не противъ Володи только у нея поднималось раздраженіе: хороша была и тетка, такъ думалось Надѣ,—все время молча слушавшая ея объясненіе съ Володей, не вступаясь за нее, между тѣмъ какъ она, вѣдь, только изъ-за него безпокоилась, изъ-за его безопасности. Безопасности! одно это слово, промелькнувшее у нея въ умѣ, возбудило ея презрѣніе къ этимъ людямъ. Развѣ для себя она когда-нибудь подумала бы о безопасности?

Все это вихремъ пронеслось въ ея головѣ.

— Вы мнѣ напоминаете чѣмъ я была прежде,—вспыхнувъ, воскликнула она,—чѣмъ я перестала быть ради васъ, ради вашихъ глупыхъ приличій и предразсудковъ. И зачѣмъ я вошла въ вашъ домъ, какъ будто я не знала, что намъ не ужиться никогда, потому что я и теперь такая, какая была и всегда такой останусь!

Анна Григорьевна испуганно взглянула на племянницу. Она не вмѣшивалась передъ тѣмъ въ споръ моло-

дой дѣвушки съ Володей потому, что ее оскорбило пренебреженіе, съ какимъ Надя говорила про ея безцѣннаго Митю, но теперь она перепугалась не на шутку.

— Что съ тобой, Надя? съ чего ты взяла? Опомнись!— тревожно проговорила Анна Григорьевна, подходя къ племянницѣ.

Та окинула ее быстрымъ, гнѣвнымъ взглядомъ.

— То развѣ, тетушка, что давно пора вамъ всю правду высказать и убраться изъ вашего дома и отъ всей вашей хваленой доброты ко мнѣ! Я, вѣдь, знаю, какова эта доброта. Никто здѣсь меня не любитъ и не станетъ любить, это я чувствовала съ перваго дня. Къ чему только, не понимаю, вы меня уговорила сюда пріѣхать?

Все заносчивѣе и враждебнѣе звучали ея слова. Анна Григорьевна усердно старалась ее приласкать и успокоить.

— Довольно,—рѣзко перебила ее Надя.—Не лгите и не удерживайте меня. Говорю вамъ, чѣмъ скорѣе я уберусь отсюда, тѣмъ лучше и для меня, и для васъ.

И проговоривъ это быстро и рѣшительно, она вышла изъ гостиной, хлопнувъ дверью.

Володя не проронилъ ни слова. Онъ не могъ простить себѣ, что своею неумѣстною выходкой оскорбилъ ту, къ стопамъ которой, вѣдь, онъ готовъ былъ восторженно упасть...

А Анна Григорьевна сидѣла подперевъ рукой сѣдую голову. Невеселыя мысли у нея копошились тамъ.

— Да,—проговорила она,—нелегко будетъ справиться съ такимъ нравомъ. Ну, Богъ поможетъ, какъ-нибудь...

Анна Григорьевна недолго оставалась въ раздумьи. Она знала цѣну времени и, вспомнивъ, что ее дожидаются по дѣлу, направилась къ крыльцу своею твердою, неспѣшною поступью.

IV.

Сельскій староста Бѣлостолбовскаго общества, Трофимъ Мироновъ, не одинъ дожидался барыни на крыльцѣ. Вслѣдъ за нимъ собралась куча домохозяевъ. Они стояли немного поодаль, но едва Анна Григорьевна показалась на крыльцѣ, всѣ они, скинувъ шапки, подошли къ дому.

— Что это значитъ?—строго начала Анна Григорьевна, остановившись на крыльцѣ.—Въ который разъ тебѣ повторять Трофимъ, что я съ цѣлою толпой разговаривать не стану. Ты одинъ ко мнѣ объявился, съ тобой однимъ я и стану вести дѣло. На это, вѣдь, ты и староста.

Трофимъ Мироновъ, высокій, коренастый старикъ, съ деревяннымъ лицомъ, на которомъ странно искрились пряткіе плутовскіе глаза, посмотрѣлъ внизъ, помялъ шапку въ рукахъ, потомъ наискось щурясь, поглядѣлъ на крестьянъ, какъ бы ища въ нихъ поддержки.

— Отъ міра тоже посланы, матушка ваше превосходительство,—пробормоталъ онъ нерѣшительно, почесывая затылокъ и почему-то глубоко вздохнулъ.—Безъ нихъ, вишь, ужъ никакъ нельзя.

— Гдѣ Яковъ?—спросила Анна Григорьевна, оглядываясь на сторону.

Изъ-за угла дома тотчасъ показался, будто разомъ отдѣлившись отъ стѣны, невысокаго роста, черноволосый мужикъ въ опрятномъ синемъ кафтанѣ. Его почти безбородое продолговатое лицо было необыкновенно сурово и неподвижно: словно это было не живое, а вылитое изъ чугуна лицо. Это былъ господскій староста Яковъ Савельевъ, обладавшій полнымъ довѣріемъ хозяйки, человѣкъ удивительно молчаливый и ни съ кѣмъ въ околоткѣ не водившійся. Онъ былъ изъ другого уѣзда и не смотря на свои сорокъ лѣтъ еще не женатъ.

— Чего они хотятъ, Яковъ?—спросила у него Анна Григорьевна.

— Не могу знать,—сумрачно, не поднимая глазъ, отвѣтилъ онъ.—Сами у нихъ изволите спросить. Все насчетъ земли, должно быть.

— Да кому же знать, какъ не вамъ, Яковъ Савеличъ,—заискивающимъ голосомъ обратился къ нему Трофимъ, а быстрые глазки такъ и перебѣгали отъ Анны Григорьевны на Якова и отъ него на кучку мужиковъ.

Яковъ въ отвѣтъ только моргнулъ лѣвымъ глазомъ и презрительно посмотрѣлъ въ сторону.

— Такъ говори же зачѣмъ пришелъ?—нетерпѣливо сказала Анна Григорьевна.

— Такъ вотъ, господа,—обратился къ крестьянамъ Трофимъ,—объясняйте зачѣмъ вы посланы отъ міра къ барынѣ.

По кучкѣ пронесся нестройный говоръ.

— Нѣтъ, ужъ пусть кто-нибудь одинъ говоритъ,—строго остановила крестьянъ Анна Григорьевна.

Но Трофимъ попрежнему не рѣшался начать. Онъ, видимо, остерегался барыни и въ то же время не хотѣлъ, изъ страха предъ крестьянами, вести переговоры въ черезчуръ примирительномъ духѣ.

Изъ толпы, наконецъ, выступили впередъ двое мужиковъ.

— Очень обижены мы вами, Анна Григорьевна, вотъ что,—началъ одинъ изъ нихъ, молодой еще человѣкъ, потряхивая черными, курчавыми волосами.—И Якову Савельичу свое мнѣніе объясняли,—продолжалъ онъ злобно и наискось поглядывая на старосту,—хоть ему теперь и вздумалось отнѣкиваться. И землю вашу, господскую, на озимой посѣвъ брать не станемъ, коли вы намъ настоящій надѣлъ, какъ слѣдуетъ, не отведете. Такъ ли, братцы?—повернулся онъ къ мужикамъ.

А Яковъ продолжалъ стоять, насупивъ брови, будто все это его нисколько не касалось.

— Такъ, такъ, ладно,—посыпалось въ кучкѣ.

— Надѣлъ? Какой же вамъ еще надѣлъ отводить, когда вы же сами отъ своей же земли отказались и на даровую стали?

— Хороша-то она даровая, съ нею сытъ не будешь,— сказали два, три голоса въ толпѣ.

— Вотъ какъ!—строго и рѣшительно проговорила Анна Григорьевна.—Вольно-жъ вамъ было отказываться. А теперь, какъ земля вздорожала, вы вздумали, что я вамъ ее за оброкъ отдамъ? Сто разъ вамъ говорила, что этому не бывать.

— Да какъ же, матушка, земля-то, кажись, наша. Отцы и дѣды наши ее пахали,—страннымъ, пискливымъ дискантомъ произнесъ другой выступившій мужикъ. высокій, бородастый дѣтина, отъ котораго никакъ нельзя было ожидать такого тонкаго голоса.

— Да ты что-жъ такимъ чурбаномъ стоишь, будто бы языка лишился?—внушительно обратилась Анна Григорьевна къ Трофиму.—Что-жъ ты имъ не объяснишь, что они пустое говорятъ? Самъ, кажется, знаешь, что земля ужъ не ихъ, коли они на даровомъ надѣлѣ?

Трофимъ промолчалъ нѣсколько секундъ, разводя нерѣшительно руками.

— Да что, матушка, и говорить,—сказалъ онъ мягкимъ, заискивающимъ голосомъ.—Развѣ ихъ вразумишь? Да и то, правду сказать, что больно трудно ужъ намъ приходится на этомъ самомъ на нищенскомъ надѣлѣ. Да и сами изволите знать—неурожай.

— Неурожай тутъ не причемъ,—оборвала его Анна Григорьевна.—Коли не хотите попрежнему брать землю подъ озимь, Никольскіе съ полнымъ удовольствіемъ возьмутъ. Пустовать не станетъ!

Никольское было сосѣднее большое имѣнье, принадлежавшее несовершеннолѣтней дочери одного богатаго петербургскаго барина, недавно умершаго.

— А теперь ступайте,—закончила она, обратясь разомъ ко всѣмъ крестьянамъ.—Не стану я съ вами на пустыя рѣчи время терять.

Но крестьяне не двигались съ мѣста, молча переглядываясь между собой, хоть они и знали по опыту, что Анна Григорьевна своего слова никогда не мѣняла.

— Ну, а какъ же будетъ насчетъ покоса? Маховатовскій буеракъ нонѣ отдавать станете?—нерѣшительно спросилъ высокій дѣтина съ дискантомъ.

Не въ обычаѣ у крестьянъ сразу кончать переговоры, и сбитые на одномъ пунктѣ, они рѣдко отчаиваются на другомъ что-нибудь выгадать.

Насчетъ Маховатовскаго буерака Анна Григорьевна оказалась сговорчивѣе. Рѣшивъ дѣло и подозвавъ къ себѣ Якова, она собиралась уйти; но вдругъ два другіе мужика, выйдя изъ кучки, бросились предъ ней на колѣни. Это были какъ разъ двое изъ самыхъ рьяныхъ говоруновъ на сходкахъ, всегда подбивавшіе прочихъ. Такіе говоруны нерѣдко въ присутствіи господъ прикидываются тихонями и лучше другихъ стараются ихъ разжалобить просьбами.

— Матушка, Анна Григорьевна! Не губи насъ, будь къ намъ матерью родною!—говорили они, чуть ли не со слезами.

Оказалось, что у нихъ были отобраны полевымъ сторожемъ и отобраны послѣ крупной руготни и сопротивленія ихъ лошади, травившія барскія зеленя.

Анна Григорьевна разрѣшила и эту просьбу, къ удовольствію просившихъ: въ частностяхъ она охотно была мягка и снисходительна.

— А теперь ступайте съ Богомъ,—сказала она,—а ты, — обратилась она къ Трофиму, — объяви Павлу Карпову, что я ему разрѣшаю изъ лѣса взять пять дубовъ пятивершковыхъ. Смотри только, чтобы вѣрно было, ни больше, ни меньше,—строго закончила она.

У Павла Карпова недавно сгорѣла надворная постройка.

— Что, Яковъ, ничего, вѣдь, съ ними не подѣлаешь—сказала она, когда отошли прочіе крестьяне.

— Да такъ, точно, Анна Григорьевна, какъ есть не подѣлаешь,—отвѣчалъ тотъ, ни чуть не измѣняясь въ

лицѣ.—Сами изволите знать, какой народъ нонче сталъ. Медвѣдь—одно слово...

Приближавшійся звонъ колокольчиковъ перебилъ Якова, который, впрочемъ, радъ былъ случаю сберечь нѣсколько лишнихъ словъ. Больно неохотникъ былъ высказывать свое мнѣніе Яковъ Савельичъ.

— Это сюда, кажется?—спросила Анна Григорьевна, прислушиваясь.

— Сюда,—проговорилъ Яковъ, равнодушно посмотрѣвъ въ сторону дороги.—Исправникъ, должно быть, ѣдетъ, его, кажись, тройка.

Исправникъ, отставной штабсъ-капитанъ Берендѣевъ, былъ человѣкъ далеко уже не молодой, но очень еще бодрый, аккуратный до-нельзя и съ дамами любезный до приторности. Сюртукъ на немъ былъ всегда съ иголочки, усы его были тщательно напомажены и подкрашены, и лайковыя перчатки всегда ослѣпительной бѣлизны. Выражался онъ необыкновенно мягко и, хоть былъ человѣкъ совсѣмъ стараго покроя, охотно щеголялъ современными выраженіями.

И на этотъ разъ Амфилохій Никандровичъ, такъ звали уѣзднаго властелина, почтительно расшаркался предъ хозяйкой Бѣлыхъ Столбовъ и еще почтительнѣе приложился къ ея рукѣ. Но хотя онъ и распрашивалъ ее съ видимымъ участіемъ, какъ идутъ у нея посѣвы и похвалилъ ея пышные озимые всходы, Анна Григорьевна тотчасъ смекнула, что у него совсѣмъ не то на умѣ. Она дала ему, однако, въ сласть разводить узоры своего краснорѣчія.

— У васъ, Амфилохій Никандровичъ, до меня, однако, дѣло есть, должно быть?

— Помилуйте, какое дѣло! Я счелъ долгомъ васъ посѣтить проѣздомъ въ Никольское: къ новой помѣщицѣ ѣду, къ Еленѣ Михайловнѣ, обѣдать, да кстати думалъ племянницѣ вашей отрекомендоваться, которая у васъ съ недавнихъ поръ живетъ.

Анна Григорьевна посмотрѣла ему прямо въ глаза. „А! вотъ зачѣмъ пожаловалъ!“ пришло ей на мысль.

— Нади, кажется, нѣтъ дома,—сказала она громко.

— Очень жаль,—любезно продолжалъ исправникъ.— Много я наслышался про Надежду Сергѣевну, дѣвица, говорятъ, прекрасная и доброты такъ-сказать ангельской.

Анна Григорьевна не отвѣчала.

— Только вотъ что-съ, ваше превосходительство,—уже въ полголоса повелъ свою рѣчь исправникъ, нагнувшись къ креслу Анны Григорьевны.—По нашей должности, вы знаете формальности есть такія. Что дѣлать? Хе, хе, хе! начальству стало извѣстно, что дѣвица Ольшевская, прежде, чѣмъ вамъ угодно было принять ее къ себѣ въ домъ, имѣла сношенія съ лицами не вполнѣ благонадежными.

— Позвольте, Амфилохій Никандровичъ,—рѣзко перебила его Анна Григорьевна,—это до васъ, кажется, не касается. Надя у меня въ домѣ, и я сама за нее отвѣчаю.

— Знаю, знаю,—возразилъ заискивающимъ тономъ исправникъ.—Неужели вы думаете, что я могъ заподозрить, отнестись къ вамъ съ недовѣріемъ... Молодые годы, извѣстное дѣло, увлеченіе, да и кто теперь, скажите, пожалуйста, не увлекается? И въ этомъ, если хотите, много есть даже очень хорошаго. Но все-таки мы обязаны слѣдить, наблюдать, и хотя молодыя лѣта вашей племянницы и ея присутствіе въ вашемъ домѣ исключаютъ всякую возможность опасности, — тутъ исправникъ сталъ очень важенъ и былъ видимо доволенъ собой за произнесенныя имъ отборныя слова,—но потому самому вы не откажетесь конечно въ ручательствѣ за нее...

— Да я жъ вамъ сейчасъ сказала, что ручаюсь за нее вполнѣ,—нетерпѣливо возразила Анна Григорьевна.

— Конечно, конечно—сладко улыбаясь продолжалъ Амфилохій Никандровичъ;—я и буду только просить васъ написать маленькое удостовѣреньице въ томъ, что ваша племянница...

— Вы моему слову, что ли, не вѣрите, Амфилохій Никандровичъ?—опять перебила его Анна Григорьевна.

— Помилуйте, это только такъ, формальность маленькая, хе, хе, хе! Удостовѣреньице такое, что вы ручаетесь за то, что Надежда Сергѣевна не будетъ имѣть уже никакихъ сношеній.

Анна Григорьевна поднялась съ кресел, выпрямилась предъ нимъ во весь ростъ и вперила въ него свои быстрые сѣрые глазки...

— Сношеніе?! въ моемъ домѣ! Да за кого вы меня принимаете? И съ чего вы взяли, что я вамъ стану какія-то тамъ письменныя ручательства сочинять? Съ полиціей, государь мой, ни съ тайною, ни съ явною, я никогда не водилась; а то, что я за Надю ручаюсь, какъ за себя, я хоть сто разъ вамъ готова повторить, да и самому губернатору также скажу, когда онъ ко мнѣ пожалуетъ.

Бѣдный Амфилохій Никандровичъ такъ опѣшилъ, что не нашелъ отвѣта, и всей его полицейской важности какъ не бывало.

— А вотъ кофе несутъ, не откушаете-ли чашечку?— И голосъ хозяйки звучалъ ласково и гостепріимно.

Но Амфилохій Никандровичъ отъ кофе отказался, увѣряя, что ему надо спѣшить въ Никольское.

Едва успѣлъ онъ выйти изъ гостиной, какъ въ противоположныхъ дверяхъ показалась Надя. Она быстро, почти бѣгомъ подошла къ Аннѣ Григорьевнѣ и стремительно бросилась передъ нею на колѣни.

— Тетя милая,—проговорила она горячо,—простите меня за то, что было сегодня утромъ! Я такая дурная! Я сладить съ собой не могу; я не стою вашей доброты!

Молодая дѣвушка вся дрожала отъ волненія и порывалась обѣими руками обнять тетку. И теперь, когда она хотѣла загладить свою утреннюю выходку, въ ней было что-то страстное, порывистое, необузданное.

— Да я давно тебя простила, мой другъ,—ласково сказала Анна Григорьевна, гладя Надю по головѣ.—

Вѣдь я знаю, что отъ тебя нельзя требовать того же, что отъ другихъ.

— Нѣтъ, я дурная, неблагодарная,—твердила Надя, и лицо ея уткнулось въ колѣни Анны Григорьевны.— Я слышала, что этотъ человѣкъ сейчасъ говорилъ вамъ про меня, и что за непріятности вамъ угрожаютъ, потому что я въ вашемъ домѣ.—Она подняла голову и заговорила еще быстрѣе:—Я шла къ вамъ сюда, чтобы сказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно предъ вами, и у самыхъ дверей я услышала свое имя и остановилась... вѣдь это я не дурно поступила—вдругъ прибавила она совершенно инымъ, уже не смиреннымъ, а вызывающимъ голосомъ,—что стала подслушивать? Вѣдь, я въ самомъ дѣлѣ подслушивала! И по лицу ея было замѣтно, что стоило ей сказать одно слово упрека, и непокорное чувство опять въ ней готово заговорить.

— Подслушивать нехорошо, положимъ, — улыбаясь отвѣчала Анна Григорьевна;—но на этотъ разъ бѣда не велика.

— Да, но вы не понимаете, тетя; что теперь мнѣ въ самомъ дѣлѣ оставаться нельзя,—поспѣшила она прибавить,—не оттого, что я не хотѣла, а потому что ради меня, вы рискуете подвергнуться всѣмъ этимъ глупымъ и несноснымъ дрязгамъ, а этого я не могу и не хочу допустить!

Надя все еще стояла на колѣняхъ, и руки ея все еще обнимали старушку. Яркая краска разлилась по ея лицу, на которомъ было и раскаяніе, и стыдъ, и негодованіе, и всѣ эти чувства выражались съ тою искреннею бурною страстью, которая всегда примѣшивалась къ каждому ея чувству.

— Это что еще такое?!—удивленно воскликнула Анна Григорьевна.—Ты за меня боишься? Ты, кажется, слышала, какъ я отвѣчала этому шуту гороховому? Отъ меня вздумалъ удостовѣренія какого-то спрашивать. Хотѣла бы я видѣть, какихъ они мнѣ надѣлаютъ непріятностей! Нѣтъ, мой другъ, не пущу тебя ни за что!

Послѣ того, что было сейчасъ, ты объ этомъ и думать перестань. Я дала слово твоему отцу и сдержу его: тебя мы уберечь сумѣемъ, а обо мнѣ не безпокойся! Но вотъ что ты мнѣ обѣщай, Надя,—прибавила она черезъ минуту:—не затѣвай тайкомъ отъ меня никакихъ переписокъ или иныхъ сношеній, ты уже знаешь, съ кѣмъ: ну, хоть съ этимъ Нерадовичемъ, изъ-за котораго ты спорила сегодня утромъ съ Володей. Коли ты слышала, что говорилъ исправникъ, ты должна понять, что это необходимо. Ты обѣщаешь? да?

Надя съ минуту простояла предъ ней молча, скрестивъ руки на груди и упорно смотря внизъ. Замѣтно было, что она не могла рѣшиться, не взвѣсивъ, на что она обязывается.

— Да, тетя, обѣщаю,—тихо проговорила она и отвернулась, чтобы выйти. Но Анна Григорьевна снова притянула къ себѣ голову молодой дѣвушки...

V.

Володя весь этотъ день ходилъ съ понуренною головой, слоняясь изъ угла въ уголъ и рѣшительно не зная, что дѣлать. Онъ чувствовалъ себя ужасно виновнымъ передъ кузиной Надей и не могъ понять, какъ это онъ, такъ безпредѣльно ей преданный, наговорилъ ей кучу жесткихъ, несправедливыхъ словъ. Онъ долженъ объясниться съ Надей, сказать ей про свою любовь. Онъ искалъ случая переговорить съ ней; но страннымъ образомъ, всякій разъ, какъ ему приходилось ее встрѣтить, или увидать издали, онъ не рѣшался поднять на нее глаза и даже просто избѣгалъ ее. Такъ проходилъ день, и Володя, въ десятый разъ собиравшійся отыскать Надю, стоялъ въ безплодной задумчивости на террасѣ и тормошилъ концомъ тросточки своего курчаваго чернаго сетера Нерона, спокойно лежавшаго у ногъ хозяина.

Вдругъ изъ раствореннаго окна втораго этажа раздался звонкій смѣхъ. Володя быстро поднялъ голову.

— Знаете, Володя,—сказала Надя,—что я вами цѣлыхъ полчаса любуюсь! Что вы тутъ дѣлаете? Давайте лучше погуляемъ до обѣда!

Озадаченный молодой человѣкъ не успѣлъ отвѣтить, какъ Надя уже накинула шляпку, захватила зонтикъ и съ лѣстницы донеслись звуки какого-то мотива, который она весело напѣвала. Володя не могъ надивиться случившейся перемѣнѣ:

— Неужели вы такъ на меня и не сердитесь, Надя?— неловко и краснѣя, спросилъ онъ ее.

— Вы, кажется, Владиміръ Алексѣевичъ, по одному моему виду можете судить насколько я сержусь.

Молодые люди прошли черезъ усадьбу въ поле, и Надя была до того весела, что рѣзвилась, какъ ребенокъ. У ней, въ самомъ дѣлѣ, было легко на душѣ. А Володя все собирался начать свое объясненіе, и отъ того, можетъ быть, что онъ не зналъ, какъ за него приняться, веселость молодой дѣвушки его не заражала, и онъ отвѣчалъ ей лишь односложно.

Надя ему, наконецъ, разсмѣялась прямо въ лицо:

— Что вы такъ раскисли сегодня, Володя? Точно васъ обидѣлъ кто-то, или вы чего-нибудь очень стыдитесь?

Володя пробормоталъ что-то.

— А я знаю,—продолжала Надя тѣмъ же шаловливымъ тономъ, — что вамъ ужасно хочется мнѣ кое-что сказать, а между тѣмъ, вы никакъ не смѣете. Такъ? угадала?—спрашивала она въ виду его упорнаго молчанія. Но отвѣта она все-таки не получила, и Володя сталъ только порывисто отбивать тростью молодые побѣги ракитовыхъ кустовъ.

Лицо Нади мгновенно опять стало серьезно.

— Повѣрьте мнѣ, Володя, — сказала она, дотрогиваясь до его локтя, — что гораздо лучше будетъ для насъ обоихъ, если вы никогда не станете заговаривать со мной о томъ, про что вы хотѣли сказать мнѣ теперь.

Но это было, конечно, совсѣмъ неисполнимое требованіе, и на Володю оно подѣйствовало какъ разъ на-

оборотъ и признаніе теперь сорвалось съ его губъ. Надя не перебивала его, хоть и покачивала иногда нетерпѣливо головой. Только тогда остановила она его, когда онъ спросилъ у нея, наконецъ, согласится ли она стать его женой.

— Вашею женой, Володя? — и удивительно мягко, почти грустно звучалъ ея голосъ.—Полноте! Развѣ это возможно? развѣ мы годимся другъ для друга?... Ну, скажите, пожалуйста, какая я вамъ буду жена?—И Надя попробовала улыбнуться.

Но эти слова только подлили масла въ огонь, и Володя стремительнѣе прежняго сталъ доказывать ей, что это не только возможно, но и разумно въ высшей степени; что они заживутъ отлично вмѣстѣ, а главное—такъ, по крайней мѣрѣ, выходило изъ его словъ—что ему страстно и неудержимо этого хочется.

Надя увидала, что эту полудѣтскую вспышку не такъ легко потушить, какъ ей думалось. Она стала говорить съ нимъ ласково и нѣжно, почти такъ, какъ большіе говорятъ съ дѣтьми. Но отъ этой ласки, отъ этой нѣжности было неизмѣримо далеко до того чувства, котораго добивался Володя. Онъ опустилъ голову и молча слушалъ. Иногда только онъ глубоко вздыхалъ, но и это походило на то, какъ дѣти вздыхаютъ по разбитой игрушкѣ.

— Ну, гдѣ вамъ жениться, Володя, въ ваши годы, да съ вашимъ характеромъ и еще на такой дѣвушкѣ, какъ я?—говорила Надя. — Вѣдь я не изъ такихъ, которымъ можно поручить свое счастье и потомъ спокойно глядѣть, какъ гладко стелется жизнь... Развѣ мы не можемъ и такъ оставаться друзьями и, повѣрьте мнѣ, гораздо лучшими друзьями? Я вамъ, конечно, предлагаю то, что принято считать плохимъ утѣшеніемъ; но вы очень скоро увидите, что вамъ жалѣть не о чемъ, а самолюбіе ваше тутъ, разумѣется, не причемъ...

При словѣ „самолюбіе“ Володя сдѣлалъ негодующее движеніе рукой, хоть на днѣ его сердца что-то и ще-

мило въ эту минуту. А между тѣмъ, когда Володя, понуря голову, шелъ рядомъ съ Надей, въ немъ поднимался сначала едва замѣтно вопрошающій голосъ: „Неужели такъ легко перенести то, что сейчасъ произошло между нами?“—удивленно спрашивалъ онъ самого себя. У Нади, между тѣмъ, прошелъ ея припадокъ веселости.

— Наши дороги въ жизни, Володя,—говорила она, когда они подошли къ усадьбѣ,—неизбѣжно разойдутся и разойдутся очень скоро. Вы не можете, да и незахотите идти со мною по тому пути, на который меня поставили обстоятельства.

Володя горячо протестовалъ, увѣряя, что онъ не менѣе ея способенъ на самоотверженіе.

— Я знаю, Володя,—тихо возразила Надя,—что вы говорите вполнѣ искренно. Но, повѣрьте мнѣ, очень скоро васъ потянетъ въ другую сторону. И нечего вамъ сожалѣть объ этомъ.

Володя не отвѣчалъ. Быть можетъ, у него тоже прокрадывалось сознаніе, что не зачѣмъ искать далекихъ сложныхъ задачъ, когда и безъ нихъ такъ легко и просто живется.

Къ дому, между тѣмъ, подъѣзжалъ тарантасъ съ тройкой вороныхъ.

— Опять кто-то ѣдетъ,—недовольнымъ голосомъ проговорила Надя.

Они были уже такъ близко, что легко было разглядѣть лица тѣхъ, кто теперь высаживался изъ тарантаса.

— А! Да это Томилинъ, Ѳедоръ Васильевичъ!—живо воскликнулъ Володя, узнавъ высокую фигуру немолодого уже, но замѣчательно бодраго мужчины, съ длинными, большими усами и съ очень замѣтнымъ военнымъ оттѣнкомъ во всей осанкѣ.

— Что за тройку подъ масть подобралъ! Прелесть!—Вырвалось у Володи,—восторженно глядѣвшаго на славныхъ вороныхъ Ѳедора Васильевича.

Надя слегка насмѣшливо посмотрѣла на молодого человѣка, замѣтивъ, какъ сильно приглянулись ему лошади.

— Вы какъ будто не рады, Надя, что прiѣхалъ Томилинъ?—продолжалъ Володя. — А онъ такой славный старикъ?

— Скучно,—равнодушно проговорила Надя. — Вѣдь, рѣдкiй день безъ гостей проходитъ! А кто бы это могъ быть, что съ нимъ прiѣхалъ?

На крыльцѣ стоялъ рядомъ съ Өедоромъ Васильевичемъ молодой человѣкъ съ продолговатымъ, почти желтымъ лицомъ, похожимъ на фигуры изъ гуттаперчи, такъ странно вытянуто было оно, и такъ приплюснутыми казались его впалыя щеки! Онъ тщательно стряхивалъ пыль со своего черезчуръ изысканнаго костюма. Странной формы дорожная шапочка съ кисточкою, висѣвшею позади, и монокль, вдавленный въ лѣвый глазъ, придавали что-то комическое его длинной фигурѣ.

— Это какой-то франтъ, совершенно невиданный въ здѣшнихъ мѣстахъ. И что его угораздило пожаловать сюда? Какой уморительный! Дѣлать нечего, придется занимать...—И съ этими словами Надя быстро побѣжала къ себѣ на верхъ, предоставивъ Володѣ заняться прiѣзжими.

VI.

Въ Бѣлыхъ Столбахъ обѣдали ровно въ половинѣ четвертаго, и всѣ сосѣди Анны Григорьевны очень хорошо знали, что за ея столомъ всегда было мѣсто для лишняго гостя, но у нея не дожидались никого. Өедоръ Васильевичъ Томилинъ, мировой судья того участка, въ которомъ лежали Бѣлые Столбы, былъ ея давнишнiй прiятель. Его маленькое имѣнiе,—Өедоръ Васильевичъ былъ очень небогатый человѣкъ,—находилось въ ближайшемъ сосѣдствѣ Бѣлыхъ Столбовъ, и живя без-

выходно въ деревнѣ многіе годы, онъ всегда радъ былъ подѣлиться своею опытностью съ сосѣдкой. Какъ бывшій мировой посредникъ и къ тому же въ тревожные дни введенія уставныхъ грамотъ, Өедоръ Васильевичъ очень хорошо помнилъ, что Анна Григорьевна одна въ уѣздѣ не потеряла голову и не смотрѣла на 19 февраля, какъ на повтореніе всемірнаго потопа. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и порядки въ уѣздѣ, да и самъ Өедоръ Васильевичъ, снова вошли въ правильную колею. Въ этотъ день онъ пріѣхалъ изъ губернскаго города вмѣстѣ со вновь назначеннымъ судебнымъ слѣдователемъ Коневецкимъ, недавно оперившимся птенцомъ Школы Правовѣдѣнія. Коневецкій привезъ съ собой изъ Петербурга платье самаго моднаго покроя, самоувѣренную развязность франта средней руки и необычайное пренебреженіе къ той должности, которую ему приходилось занимать, конечно, какъ переходную ступень. Онъ считалъ нужнымъ лично отрекомендоваться наиболѣе крупнымъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и не думалъ скрывать презрительнаго снисхожденія къ этой провинціальной средѣ, куда его занесла воля начальства и чаяніе карьеры. Онъ говорилъ въ носъ и намѣренно картавилъ. „Я такъ ’адъ, что здѣсь въ п’овинціи можно вст’ѣтить хотя нѣсколько по’ядочныхъ и об’азованныхъ людей“, такъ выражался онъ, думая, что это очень любезно. На Анну Григорьевну, впрочемъ, его самодовольный тонъ не произвелъ ровно никакого впечатлѣнія. „Что этотъ молокососъ сюда учиться пріѣхалъ?“

Были уже за третьимъ блюдомъ, когда въ столовую вошла Надя. Она коротко, мимоходомъ, поклонилась гостямъ и молча заняла свое мѣсто рядомъ съ Володей. Юный питомецъ римскаго права, должно-быть, нашелъ, что Надя привлекательное явленіе въ провинціальной глуши; только онъ плотнѣе прежняго ввернулъ въ глазъ свой монокль и пустился съ ней во всю прыть своей любезности. Но, увы! онъ потерпѣлъ неудачу. Надя

едва ему отвѣчала. Но бѣдный малый продолжалъ охорашиваться и сыпалъ каламбурами, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Онъ даже сталъ увѣрять Надю, что ей грѣшно запираться въ глуши и что Аннѣ Григорьевнѣ непремѣнно такъ и слѣдуетъ вывозить ее по крайней мѣрѣ въ Москвѣ.

— Я была въ Москвѣ,—отвѣчала Надя,—но только не ради московскихъ баловъ.

— Вы мнѣ сказали,—обратился вдругъ Коневецкій къ Ѳедору Васильевичу,—что можно будетъ достать здѣсь въ деревнѣ лошадей, чтобы доѣхать до Златоустовки, гдѣ у меня назначено слѣдствіе? а оттуда, если позволите, я уже поѣду ночевать къ вамъ.

— Вы, я думаю, врядъ-ли успѣете; златоустовское дѣло изъ крупныхъ и, какъ всѣ дѣла о сопротивленіи властямъ, не скоро можетъ быть кончено.

— Ничего,—развязно возразилъ молодой человѣкъ.— Кончимъ завтра. Испа'вникъ тоже хотѣлъ туда пріѣхать къ вечеру. Ces braves paysans peuvent attendre. Впрочемъ, свидѣтели были мною вызваны сегодня къ двѣнаднати часамъ.

— И ждутъ до сихъ поръ?—Напрасно вы мнѣ про это не сказали утромъ въ городѣ.

— Да я же вамъ гово'ю, испа'вникъ...—ничего, подождутъ.

— И стало-быть,—рѣзко оборвала его Надя,—вмѣсто того, чтобы производить слѣдствіе, вы пріѣхали сюда обѣдать.

Молодой человѣкъ потупился и не отвѣчалъ. Анна Григорьевна, удивленно посмотрѣвъ на племянницу, поспѣшила замять разговоръ.

Златоустовское дѣло о сопротивленіи властямъ естественно привело ей на память утренній разговоръ съ крестьянами. Она пожаловалась Ѳедору Васильевичу, что крестьяне съ каждымъ годомъ, все настойчивѣе требуютъ надѣленія землей и все сильнѣе возстаютъ противъ возрастанія съемочныхъ цѣнъ.

— Удивительно,—говорила она,—какъ упорно держится увѣренность, что будетъ дана новая воля. Сколько имъ ни толкуй, а они все одно: „мы ваши, а земля наша“.

— Да вы скорѣе тому удивляйтесь, Анна Григорьевна, какъ съ этою вѣчно обманутою надеждой они живутъ еще такъ мирно, особенно въ виду стараній, которыя прилагаютъ извѣстные господа, чтобы подбить ихъ. Не дальше, какъ третьяго дня, одного такого франта связаннаго въ волость представили, и кто бы вы думали? Тѣ самые Златоустовскіе мужики, которые судятся за сопротивленіе властямъ. Мнѣ его, право, жаль стало, худенькій такой, тщедушный, платье все изодрано, должно-быть, пощипали его мужики. Онъ тамъ у златоустовскаго дьячка жилъ, а самъ землемѣромъ объявился и все крестьянамъ раздавалъ тамъ разныя книжечки: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и всю эту ихнюю ерунду. Одинъ мужичокъ у него и спрашиваетъ въ кабакѣ: „что, батюшка, это Псалтирь, что-ли? Ты знать у кутейниковъ живешь, такъ больше все духовныя книжки должно-быть раздаешь?“ Ну, онъ, сердечный, и оплошалъ и давай имъ толковать, что Бога нѣтъ, а царя и господъ надо по шапкѣ, и тогда настанетъ для народа настоящее житье. А они его въ награду за то взяли, да прямо въ полицію. И то сказать, молодцы!

Надя слушала этотъ разсказъ, едва сдерживая негодованіе. Въ ея глазахъ предметъ насмѣшекъ Өедора Васильевича былъ мученикъ, можетъ-быть ей лично не особенно симпатичный, такъ какъ вѣра въ то дѣло, за которое онъ страдалъ, въ ней слегка пошатнулась; но во всякомъ случаѣ, безкорыстный защитникъ этого дѣла, стоявшій неизмѣримо выше той среды, которая встрѣчаетъ однимъ глумленіемъ его неумѣлыя попытки.

— Это здѣшніе неграмотные мужики такъ наивны?— вмѣшался Володя.

— И знаете, Волобя,—продолжалъ Томилинъ, что дѣлаютъ тѣ, которые поразвитѣе и посмышленѣе? Они

своею грамотностью для того пользуются, чтобы нажиться и свою же братію давить, что есть мочи. Да-съ, нашъ русскій мужичокъ существо весьма практическое и ужъ вовсе не сентиментальное. Всякія улучшенія своего быта онъ понимаетъ въ видѣ барыша и только для себя лично, замѣтьте, а за французскую троицу: liberté, égalité, fraternité, онъ гроша мѣднаго не дастъ!

— Да вы же сами говорите, что крестьяне требуютъ себѣ новаго земельнаго надѣла и вполнѣ законно требуютъ, потому, что община тружениковъ и есть настоящій землевладѣлецъ.

У Володи даже лицо разгорѣлось отъ воодушевленія, а сидѣвшій противъ него юный правовѣдъ такъ и вытаращилъ лѣвый глазъ изъ-подъ монокля, услышавъ такія странныя рѣчи въ домѣ степной помѣщицы.

— Ого!—перебилъ Володю Өедоръ Васильевичъ,—община! Вотъ оно, по вашему, гдѣ настоящее царство справедливости! Знаете пословицу: съ міра по ниткѣ— нищему на рубаху? Ну, а какъ вы думаете, коли наоборотъ, рубашку на цѣлый міръ подѣлишь, много больше нитки на каждаго достанется? И давно это поняли наши мужики, и въ этихъ вашихъ хваленыхъ общинахъ тому, кто посильнѣе, и въ голову не приходитъ слабому помочь.

— Либерально, нечего сказать!—сквозь зубы пропустилъ Володя.

— А вамъ непремѣнно хочется все на либеральный аршинъ мѣрить? Вотъ у насъ на земскомъ собраніи тоже одинъ такой помѣщикъ есть, богатый человѣкъ, который тѣмъ только и занятъ, какъ бы ему и говорить и думать, какъ можно либеральнѣе. Чуть что скажетъ на земскомъ собраніи, тревожно прочитываетъ по утрамъ газеты, а ну, какъ вздумается мѣстному корреспонденту обвинить его въ отсталости? Въ газетахъ, разумѣется, про него не писали ни разу. Но за то одинъ изъ крестьянъ-гласныхъ ему разъ какъ-то послѣ засѣданія сказалъ: „Шутникъ ты, баринъ, право, — мы все это, вотъ,

въ толкъ никакъ взять не можемъ: съ чего это ты все за насъ такъ хлопочешь? Наши думали, что, вотъ, насъ кто обижать собирается. Нѣтъ: видимъ—ничего, ладно. Лучше бы ты, баринъ, свое дѣло зналъ, а мы ужъ сами за себя постоимъ".

— Ну, а вы какъ объ этомъ думаете, Надежда Сергѣевна?—неожиданно обратился Томилинъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Я разсказа вашего, признаюсь, и не слушала,—рѣзко отвѣтила Надя;—а думаю я, что, конечно, гораздо удобнѣе, сидя за обѣдомъ, острить насчетъ мужика, чѣмъ подвергать себя опасности, помогая ему.

Анна Григорьевна живо взглянула на Томилина, какъ бы упрашивая его не продолжать этотъ разговоръ. Ѳедоръ Васильевичъ и не отвѣчалъ Надѣ и только задумчиво сталъ покручивать свои волнистые усы. Наступило довольно продолжительное, натянутое молчаніе.

Послѣ обѣда Надя тотчасъ же усѣлась возлѣ окна за вышиваніе, какъ бы отстраняясь отъ остальныхъ. Володя, между тѣмъ, вступилъ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ въ горячій споръ о современной литературѣ. Очень любилъ Володя эти споры, хотя старики и не щадили обыкновенно современныхъ взглядовъ молодого человѣка. Ѳедоръ Васильевичъ остался вѣренъ вкусамъ своей молодости и, несмотря на сѣдые волосы, продолжалъ восторженно поклоняться своимъ давнишнимъ любимцамъ—поэтамъ начала столѣтія. Онъ даже совсѣмъ увлекся, разсказывая Володѣ, какъ онъ, будучи еще студентомъ, задумалъ со своими товарищами поставить *Разбойниковъ* Шиллера и какъ попечительное начальство, узнавъ объ этомъ, замѣнило актерамъ представленіе карцеромъ, а одного изъ нихъ, слишкомъ уже хорошо игравшаго Карла Моора, снарядило въ Вятку...

— Да, вотъ какое время тогда было! Даже Шиллеръ былъ запретнымъ плодомъ!—сказалъ онъ.—И молодежь тогда была настоящая; была у нея и вѣра въ будущее, и одушевленіе искусствомъ, и хоть всѣ мы очень хоро-

шо знали тогда, что не пройдетъ намъ даромъ эта шутка, благоразумная осторожность никому не приходила въ голову.

Надя сложила работу и поднялась съ мѣста.

— Благоразумною осторожностью вы всего менѣе,— съ горечью обратилась она къ Ѳедору Васильевичу,— имѣете право попрекать современную молодежь, хотя бы припомнивъ то, что вы за столомъ разказывали про тщедушнаго малаго, котораго привели въ волость крестьяне.

— Кажется, Надежда Сергѣевна,—на этотъ разъ возразилъ Томилинъ, и старческіе глаза его заискрились,— Шиллеръ и „всеобщій передѣлъ“ не одно и то же, и увлеченіе искусствомъ мало имѣетъ общаго съ идеалами людей, для которыхъ само творчество—ни что иное, какъ одно изъ отправленій черезчуръ нервнаго организма.

— Да?—медленно проговорила Надя,—сладенькіе и безмятежные восторги какимъ-нибудь Шиллеромъ по-вашему чище и выше, и поѣздка въ „Вятку“ ради представленія *Разбойниковъ* гражданскій подвигъ? Это, конечно, изящнѣе, эстетичнѣе—послѣднее слово она произнесла съ особенно презрительнымъ удареніемъ— чѣмъ возня съ чернымъ народомъ. И, конечно, также можно въ свои молодые годы восторгаться пылкими рѣчами романтическихъ героевъ и въ то же время, вотъ какъ вы Ѳедоръ Васильевичъ, будучи посредникомъ, преспокойно вводить уставныя грамоты, оставляющія крестьянъ безъ земли...

Проговоривъ это, Надя медленно вышла изъ комнаты. Часъ спустя она сидѣла съ книгой въ рукахъ въ садовой бесѣдкѣ. Но книги она не читала, и невеселыя мысли толпились у нея въ головѣ; а изъ дома до нея доносились оживленные голоса Володи и молодого правовѣда, усердно занятыхъ игрой на билліардѣ. Вдругъ передъ ней очутилась высокая фигура Томилина. Надя хотѣла встать и уйти, но Ѳедоръ Васильевичъ удержалъ ее.

— Надежда Сергѣевна,—началъ онъ,—мнѣ нужно переговорить съ вами. Вы меня оскорбили сегодня и оскорбили незаслуженно. А мнѣ, старику, вмѣсто того, чтобы на васъ обижаться, показалось, что лучше будетъ, если я попробую измѣнить ваше дурное мнѣніе обо мнѣ. Подумалъ я такъ потому, что мы когда-то были дружны съ вашимъ батюшкой, съ которымъ я служилъ подъ Севастополемъ, хотя онъ и многимъ былъ меня моложе.

Надя хотѣла было прервать съ первыхъ же словъ Өедора Васильевича: наставленій себѣ она вообще не допускала. Но голосъ старика былъ такъ мягокъ, что она невольно дослушала до конца.

— Воспоминаніе о моемъ отцѣ, во всякомъ случаѣ,— возразила она, однако—не особенно меня трогаетъ, Өедоръ Васильевичъ. Вы легко поймете почему, если были съ нимъ близки.

— Но я не совсѣмъ понимаю, какъ мнѣ приходится слышать это отъ васъ, его дочери. Въ наше время не привыкли высказывать чужимъ своего дурного мнѣнія о родителяхъ.

На этотъ разъ молодая дѣвушка не отвѣтила вовсе.

— И вотъ,—продолжалъ Өедоръ Васильевичъ,—мнѣ хотѣлось разсказать вамъ кое-что про житье-бытье поколѣнія, которое вы, повидимому, такъ презираете. Повѣрьте мнѣ, обстановка, задачи жизни мѣняются, какъ декораціи въ театрѣ; но люди остаются все тѣми же. Молодежь увлекается и теперь, какъ и прежде увлекалась, и одного только я ей отъ души желаю, чтобы предметъ ея увлеченій всегда оставался въ самомъ дѣлѣ высокимъ; чтобы, воображая, что она идетъ въ гору, она не шлепнулась въ болото...

Надя вспыхнула и хотѣла что-то возразить.

— Позвольте, Надежда Сергѣевна,—остановилъ онъ ее,—выслушайте меня немного сначала; вѣдь, мы, старики, чего грѣха таить, болтливы.

Они пошли рядомъ по дорожкѣ.

— Было время,—продолжалъ Ѳедоръ Васильевичъ,— и недавнее еще время, когда эта самая свобода, которая вамъ теперь кажется стѣсненіемъ, была для насъ недосягаемою мечтой. Надо всею нашею молодежью черною тѣнью легла несчастная память 14 декабря. Тогда, въ самомъ дѣлѣ, быть молодымъ чуть ли не считалось быть заподозрѣннымъ. Вы, вотъ, почти смѣялись надъ тѣмъ, что я вамъ разсказалъ про Шиллеровскихъ *Разбойниковъ.* А я бы вамъ могъ сотни такихъ случаевъ привести, когда по такому же невинному поводу губилась молодая жизнь. А, вѣдь, кровь тоже живо струилась, хотѣлось тоже дышать; а что же было дѣлать, когда отъ узкихъ рамокъ жизни можно было найти спасеніе только въ мірѣ отвлеченности и поэзіи? Это была въ вашихъ глазахъ мелкая борьба и мелкія страданія. Да развѣ легче оттого, что мысли не даютъ и самаго слабаго полета? А все-таки, какъ ни тѣсна была наша жизнь, какъ ни призрачны были наши интересы, одного мы никогда не теряли—вѣры въ будущее, вѣры въ Россію, и ея-то именно теперь и нѣтъ. А, вѣдь, одною только вѣрой и крѣпокъ человѣкъ.

Надя его слушала молча, да и теперь она какъ-то нерѣшительно заговорила, возражая ему:

— Однако же, Ѳедоръ Васильевичъ, изо всѣхъ этихъ прекрасныхъ идеаловъ не вышло ровно ничего, и тогдашняя ручная оппозиція преспокойно сидѣла у себя въ деревняхъ, наслаждаясь плодами крѣпостного права.

— Какъ ничего?—воскликнулъ Томилинъ.—А 19 февраля, не стоившее Россіи почти ни капли крови! Ручная оппозиція, говорите вы! А мало, вы думаете, было жертвъ этой ручной оппозиціи?

И Ѳедоръ Васильевичъ разсказалъ молодой дѣвушкѣ кое-что изъ своихъ прошлыхъ воспоминаній. Онъ привелъ ей длинный перечень талантливыхъ молодыхъ силъ, угасшихъ въ глуши, не имѣя даже возможности испробовать себя на служеніи родинѣ. Онъ разсказалъ какъ самъ въ концѣ 40-хъ годовъ, хотя и былъ тогда

на службѣ въ Петербургѣ и на хорошемъ счету, однако разъ ночью былъ отправленъ съ фельдъегеремъ въ Пермь за то только, что у него по вечерамъ частенько собиралась молодежь.

— И прожилъ я тамъ пять лѣтъ безъ видовъ на будущее, почти безъ средствъ и, кажется, просто забытый. И только, когда началась Восточная война, мнѣ разрѣшили поступить офицеромъ въ армію. Много тамъ, подъ Севастополемъ, я нашелъ своихъ сверстниковъ, которыхъ жизнь была испорчена, какъ моя. И всѣ они не проклинали своей родины, не ждали спасенья отъ какихъ-то самозванныхъ заграничныхъ освободителей а до конца исполняли свой долгъ передъ царемъ и Россіей. Ну, а если теперь въ своей деревушкѣ я на старости лѣтъ вмѣсто того, чтобы отрицать и браниться, съ удовольствіемъ перечитываю Пушкина, да Шиллера, да няньчусь съ цвѣтами, какъ вы думаете, это очень достойно порицаній и насмѣшки?

Надя только взглянула на него, но должно-быть онъ прочелъ хорошій отвѣтъ въ ея глазахъ, такъ какъ его рука крѣпко пожала руку молодой дѣвушки.

Въ саду стало темнѣть, и сквозь весеннія сумерки мѣсяцъ бѣлѣлъ на безоблачномъ небѣ. Птичьи голоса умолкли съ закатомъ, и, какъ мирное чувство въ успокоенной душѣ, вечерняя тишина опустилась на землю.

— Надежда Сергѣевна! Барыня васъ проситъ чай разливать!—Послышался съ террасы голосъ Терентія.— Николай Осиповичъ Боровской пріѣхали-съ.

— Ахъ! нашъ высокоторжественный прокуроръ!—сказалъ Ѳедоръ Васильевичъ.—Ну, прощайте! Мнѣ пора; да и недолюбливаю я, признаться, этого господина.

— Онъ, говорятъ, очень уменъ?

— Уменъ... д-да... Впрочемъ, вы сами увидите.

И хотя Надя его удерживала къ чаю, Ѳедоръ Васильевичъ объявилъ, что у него яровые посѣвы не кончены, а для этого вставать надо рано и, минуя домъ, онъ пошелъ отыскивать свой тарантасъ.

VII.

Николай Осиповичъ Боровской былъ назначенъ прокуроромъ въ С** за годъ предъ тѣмъ. За это время онъ успѣлъ пріобрѣсти репутацію человѣка недюжиннаго и совсѣмъ не подходящаго подъ какую-нибудь общую мѣрку. Что-то загадочное было и въ складѣ его ума и въ манерѣ его говорить и держать себя съ людьми... Многимъ казалось, что онъ никогда не высказываетъ вполнѣ своей мысли и оттого, можетъ быть, въ его словахъ имъ часто слышится затаенная насмѣшка. При всемъ томъ Николай Осиповичъ вовсе не былъ что̀ называется сухимъ человѣкомъ: какъ всѣ люди хорошо владѣющіе словомъ, онъ, напротивъ, вступалъ легко и охотно въ бесѣду, и въ его обращеніи не было и слѣда той сдержанной холодности, которую такъ любятъ напускать на себя посредственности, бьющія на званія серьезныхъ людей. Но за то всякій разговоръ съ нимъ оставлялъ такое впечатлѣніе, что совсѣмъ нельзя было выяснить себѣ какого собственно мнѣнія Николай Осиповичъ о томъ, о чемъ говорилъ со своимъ собесѣдникомъ. Не мудрено, что онъ ни съ кѣмъ не сошелся за этотъ годъ и особенною любовью мѣстнаго общества не пользовался.

Въ Бѣлыхъ Столбахъ Боровской бывалъ очень рѣдкимъ гостемъ. Въ этотъ вечеръ онъ заѣхалъ туда случайно, возвращаясь въ городъ изъ Никольскаго, гдѣ обѣдалъ, чтобы передать Аннѣ Григорьевнѣ порученіе отъ ея новой сосѣдки—Елены Михайловны Ардынцовой.

Елена Михайловна, овдовѣвшая около года предъ тѣмъ, недавно пріѣхала въ Никольское, года два назадъ купленное ея покойнымъ мужемъ. Опекуномъ ея падчерицы, единственной дочери и наслѣдницы этого мужа, пятнадцатилѣтней Жени, по завѣщанію покойнаго былъ назначенъ шуринъ Анны Григорьевны Петръ

Николаевичъ Корецкій. Обстоятельство это, которое, мимоходомъ сказать, пришлось вовсе не по вкусу Еленѣ Михайловнѣ, заставляло его искать сближенія съ хозяйкой Бѣлыхъ Столбовъ, и Боровскому, съ которымъ она была хорошо знакома еще въ Петербургѣ, она поручила извѣстить Анну Григорьевну о своемъ намѣреніи побывать у нея на дняхъ съ падчерицей. Но у Николая Осиповича, когда онъ ѣхалъ въ Бѣлые Столбы, было въ виду и нѣчто иное, о чемъ онъ Аннѣ Григорьевнѣ не передалъ. Въ Никольскомъ онъ встрѣтился съ исправникомъ, который за столомъ разсказалъ про странную молодую дѣвушку, привезенную Анной Григорьевной изъ Москвы и возбудившую заботливое опасеніе властей. То немногое, что было изъ прошлаго Нади извѣстно Амфилохію Никандровичу по оффиціальной перепискѣ, онъ передалъ слушателю съ самою милою откровенностью: „Говорятъ, она изъ самыхъ опасныхъ“, прибавилъ онъ уже отъ себя, — „и въ то же время красавица писаная“.

Николай Осиповичъ молча выслушалъ разсказъ исправника; но въ немъ самомъ зародилось желаніе увидать загадочную молодую особу, соединявшую привлекательную внѣшность съ такимъ пылкимъ увлеченіемъ, что въ восемнадцать лѣтъ она уже становилась предметомъ офиціальной тревоги. Съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ въ С**, случай или даже можетъ быть собственный выборъ его постоянно наталкивалъ на дѣла съ политической окраской. Изъ нихъ онъ сдѣлалъ для себя почти спеціальность и въ обществѣ успѣлъ прослыть за неумолимаго гонителя тѣхъ, которые, не задумываясь, хотятъ поставить созданіе своей фантазіи на мѣсто того, что выработало прошлое.

Первое лицо, на которое въ Бѣлыхъ Столбахъ наткнулся Боровской, былъ юный представитель слѣдственной власти, совершенно забывшійся среди прелестей билліарда. Коневецкому пришлось выслушать наставленіе, очень внушительное, хотя и вы-

сказанное въ мягкомъ тонѣ; по крайней мѣрѣ онъ тотчасъ бросился искать лошадей и долженъ былъ довѣрить крестьянской телѣгѣ свою изнѣженную особу и изящный костюмъ.

Когда Надя вошла въ гостиную, она собиралась встрѣтить Боровского не дружелюбно. Въ ея глазахъ Николай Осиповичъ былъ какъ разъ олицетвореніемъ и къ тому же довольно крупнымъ ненавистнаго ей порядка вещей и еще болѣе ненавистнаго образа мыслей. Но одного взгляда на Боровского было для нея достаточно, чтобы убѣдиться, какимъ безсильнымъ окажется противъ него ея протестъ. Боровской, увидавъ ее, всталъ медленно, почти торжественно ей поклонился и снова занялъ свое мѣсто, не сказавъ ей ни слова. Только глаза его на мигъ остановились на ней, и она должна была сознаться, что до сихъ поръ ни чьи глаза не смотрѣли на нее изъ такой глубины и въ то же время такъ невозмутимо и повелительно. Ей стало почему-то досадно: она молча поклонилась, отошла къ чайному столу и будто укрылась за шипѣвшимъ на немъ самоваромъ.

Ея появленіе даже не прервало спора, успѣвшаго уже возникнуть между Боровскимъ и Володей. Николай Осиповичъ, извиняясь, что онъ такъ безцеремонно услалъ Коневецкаго, принялся доказывать, что Златоустовское дѣло, какъ всѣ дѣла, возникающія по поводу крестьянскихъ безпорядковъ, совершенно нелѣпое и въ то же время важное дѣло, которое слѣдуетъ разрѣшить какъ можно скорѣе и притомъ съ неумолимою строгостью.

— За послѣднее время,—говорилъ онъ,—эти волненія стали повторяться часто, и потому острастка необходима: такіе безсильные и безтолковые порывы неповиновенія приносятъ одинъ только вредъ тѣмъ, кто ихъ затѣваетъ, и потому для ихъ же пользы надо ихъ останавливать и наказывать какъ можно строже.

— Стало-быть,—возразилъ Володя,—по вашему изъ-за состраданія къ этимъ бѣднымъ людямъ ихъ надо сажать въ тюрьму, да ссылать по Владиміркѣ?

— Конечно, а вы хотѣли бы каждому изъ нихъ прочитать лекціи государственнаго права и убѣдить ихъ путемъ логики? Ничего нѣтъ глупѣе безсильнаго возстанія, толку изъ него не можетъ быть никакого. — И по выраженію лица Николая Осиповича никакъ нельзя было узнать, сожалѣлъ онъ объ этомъ или находилъ это въ порядкѣ вещей.—Бунтъ въ нашей деревнѣ—это то же, что дикій звѣрь, сорвавшійся съ цѣпи, онъ кидается на что ни попало, а себѣ все-таки свободы возвратить не можетъ. Тутъ одно средство—военная сила, гуманностью не пособишь.

Володя отвѣчалъ довольно запальчиво, но Боровскому не особеннаго труда стоило сбить одинъ за другимъ всѣ доводы молодого человѣка, и голосъ его при этомъ все время оставался мягкимъ, почти ласкающимъ. И странное дѣло! хотя молодость нетерпѣливо сноситъ чье-либо превосходство, Володя при всемъ своемъ негодованіи противъ безсердечныхъ словъ Боровского, невольно про себя восхищался его ровною вкрадчивою рѣчью и готовъ былъ признать его почти такимъ же авторитетомъ, какимъ въ его глазахъ были патентованные запѣвалы радикализма.

Разговоръ, между прочимъ, коснулся и того злополучнаго юноши, котораго Златоустовскіе крестьяне съ такою черною неблагодарностью предали въ руки власти.

— А что, какъ вы думаете,—спросилъ Володя,—народъ никогда не откликнется на пропаганду?

Улыбка заиграла на тонкихъ губахъ Боровского.

— Горючаго матеріала набралось-таки довольно,— уклончиво отвѣчалъ Николай Осиповичъ, — только сдается мнѣ, что не годятся тѣ фитили, которыми стараются его зажечь. А впрочемъ, кто знаетъ? и вѣрнѣе всего конечно эти фитили тушить, какъ можно усерднѣе...

— Тетушка, чай готовъ,—проговорила Надя, и всѣхъ поразила странная рѣзкость, съ которою были сказаны эти немногія слова.

Боровской помѣстился у стола рядомъ съ ней, и ко-

гда онъ, принимая чашку изъ ея рукъ, вскинулъ на нее глазами, и во взглядѣ его, и въ сопровождавшей его улыбкѣ было что-то самоувѣренное, почти вызывающее. „Несмотря на все ваше теперешнее отвращеніе ко мнѣ“, казалось говорили его глаза, „я сумѣю заставить васъ слушать меня со вниманіемъ и даже съ сочувствіемъ“.

Онъ продолжалъ, почему-то теперь обращаясь къ ней:

— Вы видѣли когда-нибудь, какъ освѣщаютъ очень большую залу посредствомъ селитряной нити, и огонь вдругъ пробѣгаетъ съ одно конца на другой? Ну, такъ вотъ наша страна представляется мнѣ такою залой, только уже очень, очень большою, и давно ее старались зажечь этимъ способомъ, только нити должно-быть не хватаетъ или не умѣютъ приложить ее какъ слѣдуетъ, и выходитъ, что огонь вспыхиваетъ только кое-гдѣ.

И снова показалось на его лицѣ загадочное выраженіе, будто онъ пожалуй и не прочь увидать какъ загорѣлось бы въ залѣ на четырехъ концахъ...

Надя не отвѣчала. Николай Осиповичъ на этомъ круто оборвалъ разговоръ и теперь все тѣмъ же вкрадчивымъ голосомъ сталъ разсказывать про разныя мелочи изъ мѣстной жизни, повидимому очень безобидныя мелочи, но все-таки какъ разъ подобранныя съ намѣренною, мѣткою ироніей. Мимоходомъ, какъ бы невзначай, Николай Осиповичъ задѣвалъ такихъ лицъ и такіе вопросы, которые стояли гораздо выше маленькой провинціальной рамки; и Володя, въ отвѣтъ ему, не скупился на сочувственный смѣхъ. Но выходило это впрочемъ такъ, какъ будто самъ Боровской оставался въ сторонѣ, какъ безучастный зритель всего того, что передавали его ѣдкіе, но спокойные разсказы.

— Вы какъ будто лекцію изъ древней исторіи читаете,—перебила его Надя,—такъ мало все это васъ трогаетъ.

Должно быть Николаю Осиповичу хотѣлось вызвать молодую дѣвушку на споръ, только по лицу его, въ отвѣтъ на ея слова, пробѣжала веселая улыбка.

— Не трогаетъ?—сказалъ онъ смѣясь.—Развѣ вы не знаете, что моя прямая обязанность — обвинять и преслѣдовать.

— Я знаю, что и кого вы преслѣдуете,—живо, съ пылающимъ лицомъ перебила его Надя, — и вдобавокъ какъ вы преслѣдуете!

— Вотъ на этотъ счетъ вы и ошибаетесь, Надежда Сергѣевна;—вамъ конечно меня представили какимъ-то кровожаднымъ гонителемъ, не правда ли? Могу васъ увѣрить, что, исполняя свои обязанности, ни малѣйшей вражды я не ощущаю къ тѣмъ, кого мнѣ приходится обвинять. Положимъ, во мнѣ нѣтъ къ нимъ особаго сердобольнаго чувства; но когда приходится выбирать изъ поля сорную траву, развѣ эта операція не производится и безъ злобы, и безъ состраданія?

— И вы не видите, что это хладнокровіе во сто разъ хуже самой рьяной нетерпимости?

— Можетъ быть. Это зависитъ отъ точки зрѣнія. Для меня, признаюсь, эти различія между тѣмъ, что лучше и что хуже вовсе не существуютъ. Хуже или не хуже насъ тѣ, кого намъ приходится обвинять по такъ-называемымъ „политическимъ“ дѣламъ, я не знаю, и это насъ не касается; они просто не укладываются въ данный общественный строй, и строй этотъ ихъ давитъ, какъ поѣздъ давитъ то, что лежитъ поперекъ рельсовъ, и какъ они бы насъ давили, если бы были покрѣпче.

— Поѣзда и соскакиваютъ иногда, не забудьте.

— Ну что же,—проговорилъ Боровской,—коли соскочитъ, разговоръ будетъ другой.

Надя удивленно и пристально взглянула на него. Ей опять стало досадно на себя за то, что она, несмотря на свое презрѣніе къ этому человѣку, была взволнована этимъ разговоромъ; а у него даже полутономъ не повысился его ровный спокойный голосъ.

— Того мальчика вы тоже собираетесь пустить по знакомой дорожкѣ,—спросила Надя,—котораго крестьяне

третьяго дня привели въ волость, несмотря на то, что ему еще и двадцати лѣтъ нѣтъ?

— Что дѣлать? Улики налицо,—отвѣчалъ Боровской, слегка пожимая плечами;—а вы его знаете?

— Видѣла.

— Да гдѣ же ты съ нимъ встрѣтилась?—тревожно спросила Анна Григорьевна.—Ты въ Златоустовской волости вѣдь не была никогда?

— Я его видѣла не въ Златоустовѣ,—нехотя отвѣчала молодая дѣвушка.

— Вы мнѣ позволите дополнить ваше показаніе?—вмѣшался Николай Осиповичъ.—Вы по всей вѣроятности встрѣтили его въ Бѣлыхъ Столбахъ, куда онъ хаживалъ къ сыну здѣшняго священника? Такъ ли? Вы видите, что у меня довольно точныя и вѣрныя свѣдѣнія, добавилъ онъ, не дождавшись отвѣта.

Анна Григорьевна всплеснула руками. Какъ, у нея, въ ея родныхъ Бѣлыхъ Столбахъ оказался пропагандистъ и вдобавокъ онъ состоялъ въ дружбѣ съ сыномъ отца Зосимы, который слишкомъ двадцать лѣтъ священствуетъ въ Бѣлостолбовской церкви!

Боровской поспѣшилъ ее успокоить, увѣряя, что ровно никакого сочувствія молодой представитель *Земли и Воли* среди крестьянъ не встрѣтилъ.

— А теперь позвольте мнѣ у васъ на балконѣ папироску выкурить. Я знаю, что вы табаку не терпите; а я, грѣшный человѣкъ, безъ него обходиться не умѣю.

Володя провелъ Николая Осиповича на террасу. Молодой человѣкъ уже пришелъ къ заключенію, что Боровской—личность выдающаяся, хотя и принадлежащая ко враждебному лагерю. Рѣшивъ это, отъ сталъ закидывать Николая Осиповича вопросами и замѣчаніями, ходя съ нимъ взадъ и впередъ по террасѣ, но Боровской лишь разсѣянно внималъ этимъ изліяніямъ и уже собирался вернуться въ гостиную, какъ вдругъ на порогѣ показалась стройная фигура Нади.

— Что вы дѣлаете? Какъ можно выходить въ одномъ платьѣ? Вы простудитесь! Съ апрѣльскими ночами не шутятъ!—живо проговорилъ Боровской, быть можетъ съ оттѣнкомъ черезчуръ живого участія. Володя бросился въ домъ за вещами Нади.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами,—сказала она, быстро и рѣшительно подходя къ Боровскому,—а обо мнѣ, пожалуйста, не безпокойтесь! Я хотѣла просить васъ насчетъ... ну, этого молодого человѣка.

— Съ которымъ вы познакомились у отца Зосимы?—не безъ ироніи перебилъ ее Боровской. Лицо его сдѣлалось очень неподвижнымъ, и на губахъ только показалась слабая, насмѣшливая улыбка.

— Неужели вы не можете хоть на этотъ разъ... посмотрѣть сквозь пальцы?—продолжала она, не обращая вниманія на выраженіе его лица. — Или, можетъ быть, вамъ кажется страннымъ, что я съ такою просьбой обращаюсь къ вамъ, котораго почти не знаю?

— Нисколько. Но я не объясняю себѣ вашего заступничества.—Ироническое выраженіе у него теперь исчезло.— Для васъ, именно для васъ, такой энергической и умной, можетъ имѣть значеніе дѣло, а не тѣ кто за него берутся. Что значитъ въ громадной вѣковой борьбѣ какой-нибудь одинъ человѣкъ, да еще такой ничтожный, какъ этотъ... Или, можетъ быть, — добавилъ онъ, пристально всматриваясь въ нее, — вы имѣете иныя, личныя причины заботиться о немъ?

— За кого вы меня принимаете? Развѣ въ такомъ случаѣ я бы стала о немъ просить? Онъ молодъ, слабъ, положимъ, даже ограниченъ,—вотъ вамъ мои причины. Чего же вамъ еще?

Володя прибѣжалъ съ бурнусомъ и бережно укуталъ имъ кузину. Наступило молчаніе.

— Вы поймите, Надежда Сергѣевна,—спустя минуту сказалъ Боровской,—что мною руководятъ такіе же безличные мотивы, какъ и вами, и они заставляютъ меня отказать вамъ. Не гнѣвайтесь на меня за то; повѣрьте

мнѣ, наши взгляды гораздо болѣе сродны, чѣмъ вы думаете. Когда вы будете постарше, вы сами увидите какъ ничтожна цѣнность отдѣльной человѣческой жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, слушая эти жесткія слова, Надя вовсе не ощущала того презрительнаго негодованія, котораго они, очевидно, заслуживали.

— Настоящая сила вездѣ возьметъ свое, Надежда Сергѣевна,—продолжалъ Боровской,—и благо тѣмъ, кто сумѣлъ обезпечить ее за собой. Въ нашъ вѣкъ это, разумѣется, не одна физическая сила, и побѣжденный сегодня, можетъ надѣяться, что современемъ она будетъ на его сторонѣ. Я, помните, сравнилъ бунтующій народъ съ дикимъ звѣремъ... коли хотите, это не совсѣмъ такъ. У звѣря—всегда одни его мускулы да зубы, а въ политической борьбѣ каждая сторона можетъ пріискать себѣ усовершенствованныя орудія и побѣдить! Теперь это оружіе въ нашихъ рукахъ,—вы понимаете кто эти „мы“,—и пока оно въ нашихъ, было бы глупо, разумѣется, имъ не пользоваться. Но когда-нибудь оно можетъ оказаться и не у насъ. Въ томъ-то и заключается прогрессъ, что болѣе надежное оружіе не составляетъ ни чьей привилегіи, а переходитъ изъ рукъ въ руки, и, стало-быть, торжество наше не что иное, какъ торжество ума! А вамъ уже не трудно отсюда вывести какую угодно мораль.

Надя посмотрѣла на него въ недоумѣніи. Она была не въ состояніи подвести итогъ этимъ загадочнымъ рѣчамъ.

— А теперь я пойду проститься съ вашею тетушкой, становится поздно,—продолжалъ онъ, подавая руку молодой дѣвушкѣ, и Надя почти безсознательно пожала эту руку.—Только позвольте мнѣ на прощанье дать вамъ небольшой совѣтъ. Избѣгайте впредь такихъ встрѣчъ, какъ вотъ эта у отца Зосимы. Повести онѣ ни къ чему не могутъ; а кто знаетъ? какому-нибудь педанту-законнику, вотъ какъ я, можетъ придти въ по-

лову обратиться къ вамъ на этотъ счетъ съ нескромнымъ вопросомъ...

Онъ быстро вышелъ, не давъ ей времени отвѣтить. А Надѣ показалось, что въ самомъ дѣлѣ, не было бы ничего удивительнаго, еслибъ этотъ человѣкъ, только-что съ ней говорившій, когда-нибудь отнесся къ ней какъ къ подсудимой...

Поздно вечеромъ, когда Надя зашла въ спальню Анны Григорьевны, чтобы проститься, тетка ее слегка пожурила за ея рѣзкое обращеніе съ Томилинымъ. Надя съ удивительною покорностью выслушала этотъ упрекъ.

— Мы съ нимъ помирились, тетенька, и будемъ съ нимъ кажется впредь друзьями.

— Ну, а этотъ прокуроръ-то, нравится тебѣ? Ты съ нимъ, кажется, долго разговаривала?

— Мудреный онъ, тетенька,—нерѣшительно отвѣчала Надя,—съ разу не поймешь.

И въ самомъ дѣлѣ, то что она слышала отъ Боровского, глубоко засѣло у нея въ головѣ и путало прежде установившіяся у нея понятія. Она привыкла до сихъ поръ дѣлить людей на два лагеря, съ одной стороны, какъ ей казалось, и большее образованіе, и безкорыстіе, и готовность жертвовать собой, съ другой—противоположныя качества. И что же? Двое людей, съ которыми она встрѣтилась въ этотъ день, принадлежали оба къ этому ненавистному ей лагерю, а между тѣмъ, они какъ разъ стояли на двухъ противоположныхъ полюсахъ, и у старшаго изъ нихъ она находила какъ разъ тѣ дорогія ей качества, которыя она считала достояніемъ людей своего лагеря. А тотъ, другой, который обвиняетъ и ссылаетъ съ полнымъ хладнокровіемъ сторонниковъ ея образа мыслей, развѣ онъ на самомъ дѣлѣ не стоитъ на той же почвѣ какъ они? „Не люди дороги, а дѣло", говорилъ онъ, „тотъ побѣждаетъ, у кого лучшее оружіе; стало-быть тотъ, кто развитѣе и образованнѣе", развѣ это не тѣ же мысли, которыя ей приходилось такъ часто слышать отъ своихъ передовыхъ дру-

зей? И однако эти мысли, считавшіяся всегда просвѣщенными, могутъ логически вести къ тѣмъ выводамъ, которые изъ нихъ дѣлаетъ Боровской.

Молодая дѣвушка долго не ложилась. Вся ея короткая, но уже тревожная жизнь представлялась ей какъ загадка, къ которой она потеряла ключъ. Нѣтъ, жизнь не проста,—въ ней и люди, и мысли не укладываются въ готовыя рамки. А все-таки, думалось ей, должна же быть твердая опора. И Надя углубилась въ воспоминаніе минувшихъ дней, любуясь въ то же время спокойною весеннею ночью. И темныя очертанія сада, по которому слабо мерцалъ серебристый отливъ луны, являлись ей окутанными тѣмъ полнымъ, торжественнымъ покоемъ, который свойственъ природѣ только, и котораго не знаетъ никогда людская жизнь, вѣчно ищущая настоящей дороги и постоянно увлекаемая въ двѣ разныя стороны.

VIII.

Пора намъ однако познакомить читателя съ тѣмъ, какъ протекла первая молодость Нади. Для этого мы должны перенестись въ городъ О., одинъ изъ самыхъ людныхъ центровъ нашего юга. Тамъ поселился съ женой и дочерьми, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ небольшомъ купленномъ имъ домѣ, отставной подполковникъ Сергѣй Ольшевскій. Сергѣй Ольшевскій всегда былъ любимцемъ женщинъ и остался имъ, несмотря на свою женитьбу, на свой сорокалѣтній возрастъ и на двѣ раны, полученныя подъ Севастополемъ. Онъ широко пользовался этою милостью судьбы. Ей онъ былъ, между прочимъ, обязанъ и своею женитьбой на хорошенькой, но рано увядшей Машѣ Скворцовой, двоюродной сестрѣ Анны Григорьевны. Для него, по шею засѣвшаго въ долгахъ офицера, эта женитьба была настоящимъ спасеніемъ, невѣста приносила ему очень крупное приданое. Но ему, избалованному женскими

ласками, казалось совершенно въ порядкѣ вещей, что нашлась хорошенькая дѣвушка, готовая посвятить себя и свое состояніе его благополучію. Года не измѣняли его наклонности и прибавляли къ нимъ лишь одно: когда ему приходились оставаться съ домашними наединѣ, записной дамскій любезникъ становился ворчливымъ и несносно брюзжалъ. Жена его, покорная и безгласная, сносила съ рабскимъ терпѣніемъ эту шероховатую изнанку своего блестящаго мужа. Не мудрено, однако, что довольно быстро увяла ея безотрадная жизнь. Она скончалась тридцати пяти лѣтъ, оставивъ мужу двухъ дочерей: старшей Александрѣ шелъ десятый годъ, младшей Надѣ минуло семь лѣтъ.

Смерть жены мало отразилась на жизни Ольшевскаго, только чаще прежняго овладѣвала имъ хандра, неизбѣжная спутница людей сильно пожившихъ. У Ольшевскаго были, впрочемъ, достаточныя причины роптать на судьбу: счастье, баловавшее его рядомъ удачныхъ проказъ, измѣняло во всемъ остальномъ. На службѣ и среди товарищей ему рѣшительно не везло. Ольшевскій былъ всегда однимъ изъ лучшихъ офицеровъ его полка и подъ Севастополемъ не разъ отличался. Но товарищи почему-то его недолюбливали, а начальство, хоть и хвалило за храбрость, не выхлопотало ему, однако, заслуженной награды. Тамъ, гдѣ его сверстники получили по три Георгіевскихъ креста и быстро дослужились до генеральскаго чина, Ольшевскій продолжалъ быть лишь эскадроннымъ командиромъ. По заключеніи мира онъ тотчасъ подалъ въ отставку и записался въ многочисленный кругъ недовольныхъ. Съ какою-то вычурною желчностью онъ разстался съ мундиромъ и очень хлопоталъ, чтобы всѣ замѣтили, какъ онъ съ тѣхъ поръ никогда уже не надѣвалъ своей Анны съ бантомъ, единственнаго украшенія, доставленнаго ему войной. Съ этихъ поръ Ольшевскій сдѣлался самымъ ярымъ обличителемъ всѣхъ общественныхъ неправдъ. Его шумный либерализмъ не навлекъ

на него, впрочемъ, никакихъ гоненій, что̀ нисколько не мѣшало ему воображать себя героемъ. Кругъ его любовныхъ похожденій съузился: онъ сталъ искать у себя дома подъ рукой то, что прежде влекло его въ разныя стороны. Для своихъ подроставшихъ дочерей онъ случайно пріискаль воспитательницу, у которой оказалось смазливое личико и податливый нравъ. О своихъ обязанностяхъ къ дѣтямъ строгій критикъ чужихъ недостатковъ имѣлъ довольно слабыя понятія. Въ его обращеніи съ ними была удивительная смѣсь распущеннаго добродушія съ припадками напускной строгости. Понятно какъ это должно было отозваться на воспитаніи дѣвочекъ. У дѣтей всегда бываетъ врожденное чутье справедливости; Дѣвочки и не любили, и не боялись отца. Его свободное обращеніе съ ними не вызывало привязанности; а его рѣдкіе припадки строгости возбуждали ропотъ. За то его легкомысленныя шутки въ присутствіи дочерей оставляли по себѣ неизглядимый слѣдъ, хоть и смыслъ ихъ не всегда былъ понятенъ дѣтямъ. Съ утратою уваженія къ отцу терялась у нихъ и всякая способность уважать что-либо. Безпорядочная обстановка дома и образъ жизни отца служили живымъ подтвержденіемъ его необдуманныхъ словъ. Старшей дѣвочкѣ шелъ уже четырнадцатый годъ, а двѣнадцатилѣтняя Надя была развита и понятлива не по лѣтамъ...

Отецъ былъ бы радъ помѣстить ихъ въ какое-нибудь закрытое заведеніе, чтобы сбыть съ рукъ какъ можно скорѣе. Но въ качествѣ либерала онъ твердо помнилъ, что закрытое заведеніе никуда не годится. Онъ захотѣлъ быть вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и ограничился тѣмъ, что, какъ можно ранѣе, помѣстилъ дочерей въ гимназію. Здѣсь и взошли сѣмена, посѣянныя легкомысленнымъ отцомъ. Александра опередила въ гимназіи сестру двумя годами. Природа у нея была пассивная, довольно вялая, но за то любопытство въ ней было тѣмъ болѣе развито, чѣмъ менѣе она была въ состояніи объяснить себѣ слышанное и видѣнное. Немудрено,

что въ гимназіи она съ жадностью воспринимала, что̀ могли сообщить ей старшія подруги. У нихъ были готовые отвѣты на ея недоумѣніе,—отвѣты иногда точные не по лѣтамъ. Въ воображеніи Саши Ольшевской вдругъ живо забилась до того нетронутая струнка тревожной любознательности и у нея раскрылись глаза на счетъ странныхъ отношеній, существовавшихъ въ родительскомъ домѣ. Ей хотѣлось какъ можно скорѣе поравняться со старшими, стать во всѣхъ отношеніяхъ такою же, какъ онѣ, развитою—это слово, конечно, въ гимназіи у всѣхъ было на языкѣ, какъ высшая похвала. Неудивительно, что Саша подпала совершенно подъ вліяніе одной гимназистки старшаго класса, считавшейся умницей первой руки и развитіемъ опередившей чуть-ли не всю молодежь гимназіи. Это была Варя Покровская, дочь небогатаго чиновника, дѣвушка некрасивая, съ рѣзкими, угловатыми движеніями и непріятнымъ густымъ голосомъ. Сверстницы ее боялись, да и въ самомъ дѣлѣ было что-то повелительное въ ея угрюмыхъ пріемахъ. Сама она не любила давать объясненій на счетъ своей домашней жизни и вообще не отличалась сообщительностью. Оттого, можетъ-быть, она и пользовалась вліяніемъ. Какъ бы то ни было, ея мнѣніе въ гимназіи считалось безошибочнымъ, и Сашѣ было очень лестно, что Варя Покровская удостоила ее даже не дружбы, а покровительства. Саша иногда заходила къ ней, и тутъ, дома, Варя раза два въ ея присутствіи будто преобразилась и съ непривычною горячностью, какъ бы нехотя, разговорилась про какія-то, непонятныя для Саши, но все-таки заманчивыя цѣли, ради которыхъ никакая жертва не должна быть дорога. Саша возвращалась домой въ какомъ-то чаду и торжественно пересказывала сестрѣ слышанное. Надя ей внимала молча; возбужденіе сестры къ ней пока не передавалось. Отъ Вари Покровской или точнѣе отъ ея брата, Юрія, только что поступившаго въ Университетъ, Саша все чаще приносила домой такія книжки,

содержаніе которыхъ она не совсѣмъ понимала, но прочитывала усердно.

Разъ Надя, тѣмъ временемъ тоже поступившая въ гимназію, нашла на столѣ у сестры одну изъ книжекъ молодаго Покровскаго. Она принялась читать ее, только не съ тѣмъ поклоненіемъ авторитету Вари, съ которымъ Саша приступала къ этимъ для нея загадочнымъ страницамъ. Надѣ сначала, напротивъ, дикимъ показался странный языкъ книжки; но чѣмъ менѣе симпатичнымъ было для нея прочитанное, тѣмъ глубже оно западало ей въ память и тѣмъ настойчивѣе она хотѣла ихъ выяснить, понять и затѣмъ, конечно, отвергнуть. Ей съ дѣтства казалось, что такъ легко и просто всѣхъ на свѣтѣ любить. А теперь приходилось читать про требованія кровавой мести за какое-то насиліе. Ее смущали и отталкивали эти странныя рѣчи, возвѣщавшія, однако, о близкомъ наступленіи счастливой и свободной жизни. Ей хотѣлось помирить это странное противорѣчіе между любовью къ сѣрому люду, и дикими угрозами разрушенія.

— Саша!—обратилась разъ Надя къ сестрѣ.—Возьми меня съ собой къ Покровскимъ когда-нибудь. Отчего ты всегда къ Варѣ одна ходишь?

— Спроси у Вари сама,—уклончиво отвѣчала Саша;—а такъ я тебя съ собой взять не могу.

— Вотъ какъ!—удивленно возразила Надя. — Вѣдь вы съ ней, кажется, такъ дружны! Чего же тутъ церемониться?

— Да ты забываешь, мой другъ, что Варя цѣлыми четырьмя годами тебя старше. Ни по лѣтамъ, ни по развитію вы сравниться не можете.

Слово „развитіе“ Саша произнесла какъ-то особенно торжественно.

— Я, значитъ, по-твоему, не достойна слушать ваши умныя бесѣды?—обиженнымъ тономъ проговорила Надя, которой ужасно хотѣлось казаться большою, такъ какъ ей пошелъ уже пятнадцатый годъ.

— Да тебя папа и Софья Петрова не отпустятъ,— Софьей Петровной звали своеобразную гувернантку,— тебя, вѣдь, въ девять часовъ спать отсылаютъ.

— Ну, не отпустятъ,—негодующимъ тономъ вырвалось у Нади, и лицо ея мгновенно разгорѣлось,—такъ я и стану у нихъ спрашивать!.. Да ты, я вижу, почему-то сама меня не хочешь съ собою взять. Ну, и безъ тебя обойдусь.

И Надя рѣзко отвернулась отъ сестры. А у Саши въ самомъ дѣлѣ были свои причины не желать, чтобы сестра присутствовала при ея разговорахъ съ Варей, въ которыхъ уже не одна Варя, а также и братъ ея принималъ живое участіе.

Въ тотъ же день, Надя, выходя изъ гимназіи, обратилась къ Варѣ, которая только что простилась съ ея сестрой.

— Послушайте, Покровская,—начала она, и при этомъ ея брови какъ-то особенно сдвинулись,—я давно хотѣла спросить у васъ: вамъ бы не было непріятно, еслибъ я сегодня вечеромъ зашла къ вамъ съ сестрой?

И въ этой просьбѣ было что-то почти вызывающее.

— Коли вамъ можетъ это доставить удовольствіе, приходите,—отвѣчала Варя.

Надя въ тотъ же вечеръ, не спросившись никого, ушла съ сестрой къ Покровскимъ. Тамъ, по обыкновенію, не было гостей. Братъ Вари, Юрій, казалось, былъ не особенно доволенъ появленіемъ молодой дѣвушки. Это былъ красивый малый, невысокаго роста, съ мягкими чертами, на которыхъ такъ и читалась добродушная славянская вялость, чуждая рѣзкимъ и сухимъ чертамъ его сестры.

— Вамъ едва-ли съ нами будетъ весело, — были не особенно привѣтливыя слова, которыми Варя встрѣтила Надю. — Только вы уже за это на себя пеняйте, а мы, знаете, народъ вольный, стѣсняться не умѣемъ.

Надя вся вспыхнула, только не оттого, чтобъ она

разсердилась на слова молодой дѣвушки, а изъ-за чувства стыда, какъ это Варя могла подумать, что ее, Надю, какъ маленькую дѣвочку, слѣдуетъ забавлять.

— Коли я захотѣла къ вамъ придти, — возразила она,—значитъ меня интересуетъ то, чѣмъ вы занимаетесь. А стѣсняться я и сама терпѣть не могу.

Маленькое общество усѣлось за столомъ, на которомъ было поставлено нѣсколько стакановъ съ блѣднымъ и къ тому же холоднымъ чаемъ. Варя его сама никогда не разливала: все, что касалось хозяйства, ей претило въ высшей степени.

Надя тотчасъ почувствовала, что ея присутствіе стѣсняетъ остальныхъ и какъ ни рѣшилась она заранѣе немедленно приступить къ занимавшимъ ее вопросамъ, разговоръ какъ-то не входилъ въ настоящую колею. Юрій съ замѣтнымъ неудовольствіемъ глоталъ свой холодный чай и въ первый разъ, можетъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ Сашей, не зналъ о чемъ съ ней говорить; а Варя просто и явно скучала. Облокотясь на столъ обѣими руками, она изрѣдка пробѣгала глазами по нѣсколько строкъ лежавшей передъ ней измятой книженки. „И только-то! думалось Надѣ... Вотъ, стало быть, источникъ-то свѣта!“ И въ то же время отъ нея не ускользали тѣ странныя, тревожныя ощущенія, которыя возбуждало въ сестрѣ присутствіе молодого человѣка. Весь вечеръ, однако, не прошелъ такъ безцвѣтно и уныло.

— Ты знаешь, Варя,—обратился къ ней ея братъ,—Нерадовичъ хотѣлъ сегодня зайти. Я встрѣтился съ нимъ, выходя изъ Университета.

Надя съ такимъ откровеннымъ изумленіемъ посмотрѣла на Варю, что та разсмѣялась.

— Вамъ страннымъ кажется, что такой человѣкъ, какъ Нерадовичъ, удостоиваетъ насъ грѣшныхъ своимъ посѣщеніемъ.

Нерадовичъ былъ въ гимназіи учителемъ русской словесности и въ глазахъ своихъ юныхъ учениц ка-

зался настоящимъ пугаломъ. Немудрено, что Надю удивило, какъ этотъ недоступный учитель, всегда такой строгій къ малѣйшей ошибкѣ, бывалъ запросто въ домѣ одной изъ своихъ учениць. За чайнымъ столомъ нѣсколько минутъ царило неловкое молчаніе. Молодой Юрій съ видимымъ замѣшательствомъ покусывалъ свои чуть замѣтные усы. Вдругъ онъ не вытерпѣлъ, нагнулся къ Сашѣ и, видимо конфузясь, сталъ ей что-то говорить шопотомъ, отчего лицо дѣвушки мгновенно вспыхнуло. Она нерѣшительно встала и пошла съ нимъ въ сосѣднюю небольшую комнатку.

— Отчего вы конфузитесь? — вдругъ имъ въ слѣдъ разсмѣялась Варя,—точно, право, есть чего стыдиться! Хочется пошушукаться вдвоемъ, ну и ступайте. Или ты сестры боишься, Саша?

Въ отвѣтъ на это Саша порывистымъ движеніемъ захлопнула дверь, и изъ сосѣдней комнаты стали лишь слабо доноситься шопотомъ произносимыя, спѣшныя рѣчи.

Вся эта сцена такъ изумила Надю, что ея большіе глаза еще шире раскрылись на Варю.

— Вы, Ольшевская, кажется, этого не одобряете?— насмѣшливо проговорила та.—А коли хотите быть изъ нашихъ, придется и вамъ привыкнуть и не стыдиться простыхъ, естественныхъ влеченій.

Въ эту минуту въ передней раздался звукъ слабаго, будто надтреснутаго звонка. Дверь отворилась, и послышался негромкій, очень низкій голосъ, въ которомъ то и дѣло попадались рѣзко звучавшія странныя насмѣшливыя ноты.

— Молодежъ, я вижу,—сказалъ вошедшій,—по обыкновенію свое дѣло знаетъ: все по порядку, какъ слѣдуетъ. А гдѣ сестра? Получивъ отвѣтъ, гость какъ-то особенно беззвучно отворилъ дверь и вошелъ въ комнату, щуря свои небольшіе черные глазки, прямо устремившіеся на Варю. Это былъ довольно высокій, неуклюжій, слегка мѣшковатый человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти,

съ широками и сильными плечами и маленькою головой, неловко сидѣвшею на этихъ плечахъ. Онъ казался не то чтобы полнымъ, а именно мѣшковатымъ, хотя его движенія, и въ особенности небольшіе, безпокойные глаза обличали въ немъ нервную, живую натуру. Лицо его не легко забывалось: черные, жесткіе какъ щетина, волосы какъ бы мысомъ выступали надъ его низкимъ лбомъ, и хоть черты этого блѣднаго лица казались будто недодѣланными, за то въ крѣпкихъ, стиснутыхъ челюстяхъ его изогнутаго рта было что-то рѣшительное и могучее, а порой даже хищное и зловѣщее.

— Что, безъ дѣла сидѣть изволите, Варвара Васильевна?— началъ онъ вмѣсто привѣтствія.—А чай у васъ еще не простылъ?—Тутъ только онъ замѣтилъ Надю, и тонъ его тотчасъ перемѣнился.—Какъ? И вы сюда?—обратился онъ ласково, хотя все-таки насмѣшливо, къ Надѣ.—На поклоненіе приходите къ Варварѣ Васильевнѣ? Такую молоденькую ученицу, признаюсь, не ожидалъ я здѣсь встрѣтить. Впрочемъ, конечно, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

И онъ усѣлся посреди молодыхъ дѣвушекъ и такъ пристально всмотрѣлся въ Надю, что бѣдная дѣвочка, неизвѣстно отчего, покраснѣла до ушей.

— Не бойтесь меня,—я не кусаюсь,—шутливо продолжалъ Нерадовичъ.

— Я ничего не боюсь,—съ дѣтскою самоувѣренностью произнесла Надя и почувствовала, что вспыхнула еще больше. Глаза его были попрежнему устремлены на нее, и что-то колящее, жгучее почти до боли было въ этомъ взглядѣ.

— У васъ замѣчательно серіозные глаза для вашихъ лѣтъ,—не переставалъ онъ обращаться къ Надѣ,—и необыкновенно гордыя брови,—да, именно гордыя. Я такихъ еще не видалъ у дѣтей. Я это, помнится, замѣтилъ разъ, когда вы отвѣчали мнѣ на урокѣ,—точно не я, а вы тогда были учителемъ.

Ее непріятно поражалъ этотъ неестественно шутливый тонъ, и она теперь уже почти враждебно глядѣла ему прямо въ глаза.

— Только вотъ чего я боюсь,—началъ онъ опять,—какъ бы вамъ скучно не было въ нашемъ обществѣ. Варвара Васильевна, изволите видѣть, хоть ей только восемнадцать лѣтъ, не по лѣтамъ развитая и серьезная особа...

— Однако, Нерадовичъ,—перебила его Варя,—полно вамъ за Надей Ольшевской ухаживать. Съ какими вы сегодня вѣстями?

Нерадовичъ обернулся и смѣрилъ ее такимъ взглядомъ, что Варя невольно присмирѣла.

— Я, кажется, Варвара Васильевна, отчета никому давать не привыкъ: поживете, узнаете. Ну, такъ вы мнѣ объясните,—обратился онъ снова къ Надѣ,—съ какой стати такой молоденькой дѣвочкѣ, какъ вы, вздумалось цѣлый вечеръ просиживать съ такими скучными людьми, какъ мы вотъ. Или лучше я вамъ скажу, по вашимъ глазамъ вижу, что вы пришли сюда за какимъ-то очень важнымъ для васъ отвѣтомъ и, какъ почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, отвѣта никакого не дождались. Такъ-ли?

— Она сюда пришла за сестрой присматривать,—недовольнымъ тономъ вмѣшалась Варя, и снова ее остановилъ повелительный взглядъ Нерадовича.

Надѣ хотѣлось выбѣжать вонъ изъ комнаты и никогда болѣе не возвращаться къ Покровской. Но въ то же время ее приковывалъ къ мѣсту пристальный взглядъ этого страннаго человѣка, возбуждавшаго въ ней и отвращеніе и любопытство, какъ будто сейчасъ отъ него именно она услышитъ что-то неожиданное и поражающее. И она отвѣчала ему теперь уже совершенно спокойно.

— Я не знаю, что вы могли прочесть на моемъ лицѣ, но къ Покровской я въ самомъ дѣлѣ хотѣла обратиться съ вопросомъ.

— И конечно не обратились? Что же? Можетъ быть, я буду въ состояніи удовлетворить вашу любознательность?

Но, разумѣется, Надя ни за что̀ на свѣтѣ не сказала бы предъ чужимъ, да еще предъ учителемъ, что за книжки получала отъ Покровскихъ ея сестра.

— Вашу сестрицу,—продолжалъ онъ,—я здѣсь встрѣчалъ уже неоднократно и ея довѣріе, кажется, успѣлъ уже пріобрѣсть. Зачѣмъ же вы меня дичитесь? Александра Сергѣевна!—обратился онъ къ дверямъ,—вы, безъ сомнѣнія, сочли за нужное заняться просвѣщеніемъ своей сестрицы?

Саша вернулась въ комнату, усѣлась за столъ и оперла на обѣ руки свои разгорѣвшіяся щеки.

— Надя кое-что сама читала,—проговорила она,—безо всякаго участія съ моей стороны.

— И вами овладѣла тревога,—снова обратился Нерадовичъ къ Надѣ,—всегда предшествующая обращенію?

— До обращенія, кажется, далеко,—бойко произнесла Надя, и глаза ея заискрились отъ оживленія.

— Что вы прочли?—спросилъ онъ ее тономъ судьи.

Она назвала книжку.

— Ну-съ, конечно, бросили, какъ нѣчто мерзкое и отвратительное?—продолжалъ онъ ее допрашивать.

Она кивнула головой.

— И тѣмъ не менѣе снова возвращались къ чтенію?

— Прочла и еще буду читать,—возразила она рѣшительно.—Буду читать, пока, наконецъ, не успѣю убѣдиться, что все это вздоръ и къ тому же вздоръ самаго гадкаго свойства.

— Вотъ какъ! И съ какою энергіей вы изволите выражаться? Въ пятнадцать лѣтъ! Браво! Ну, а коли совсѣмъ не то выйдетъ?

— То-есть, какъ не то?

— Коли вы, напротивъ, убѣдитесь, что это-то и есть самая настоящая истина. Что тогда?

Тогда... И будто пламя зажглось въ черныхъ гла-

захъ дѣвушки.—Нѣтъ!.. Этого не можетъ быть! Что это за любовь къ народу, которая выражается подстрекательствомъ къ убійству?

— А я все-таки вамъ скажу,—попрежнему спокойно говорилъ онъ, не спуская съ нея глазъ;—когда вы убѣдитесь, а что это будетъ, за то я ручаюсь,—тогда вы многое поймете, что теперь возмущаетъ васъ.

— И это *вы* мнѣ говорите?—вскакивая съ мѣста воскликнула Надя.

— Да! Я—учитель гимназіи! Я, носящій коронный мундиръ!—Голосъ Нерадовича теперь вдругъ зазвучалъ торжественно.—И съ тою же увѣренностью, съ какою я сказалъ вамъ сейчасъ, что вы будете *изъ нашихъ*, я скажу вамъ еще теперь, что за нами будущее, что мы прольемъ много крови и своей и чужой; а все-таки насъ благословлять будутъ. Вы, вотъ, не понимаете, какъ это путемъ страха и казни можно дойти до мира и любви. Этого сразу не поймешь. Въ это вѣровать надо. Великія дѣла требуютъ иногда слѣпыхъ орудій... Развѣ на свѣтѣ что-нибудь создалось безъ крови и огня?

Она его слушала, не совсѣмъ отдавая себѣ отчетъ въ смыслѣ этихъ странныхъ словъ, но повинуясь невольно силѣ убѣжденія, которою онъ, казалось, былъ проникнутъ. Да еслибъ онъ сталъ объяснять ей, разсуждать съ ней, она, можетъ-быть, и не поддалась бы ему. Ей именно нужно было чего-нибудь такого, гдѣ оставалось бы много загадочнаго, гдѣ нужно было скорѣе вѣрить, чѣмъ понимать...

— Когда-нибудь въ другой разъ,—продолжалъ онъ,—и голосъ его снова звучалъ спокойнымъ, обыкновеннымъ тономъ,—мы вдоволь про это наговоримся. А Варвара Васильевна не откажется, конечно, васъ снабдить полезнымъ чтеніемъ. И даже, знаете что? Коли хотите, мы въ другой разъ здѣсь на дняхъ соберемся и съ вами что-нибудь прочтемъ вмѣстѣ? Тогда, не безпокойтесь, вы поймете.

Нерадовичъ остался у Покровскихъ недолго. Онъ

пошутилъ немного съ Сашей, подразнилъ Юрія и все это самымъ добродушнымъ отеческимъ тономъ, и вдругъ неожиданно объявилъ, что ему пора въ одно мѣсто, гдѣ его ожидаютъ. Варя была крайне недовольна всѣмъ его поведеніемъ.

— Это ни на что не похоже,—объявила она брату, когда Нерадовичъ вышелъ.—Онъ сталъ шутникомъ, балагуромъ какимъ-то!

Юрій разсмѣялся.

— А тебѣ бы все хотѣлось, Варя, чтобы нашъ братъ ходилъ съ суровымъ, трагическимъ видомъ, какъ прилично оперному заговорщику?! Жаль, право, что ты не родилась въ первые вѣка христіанства! Тебя, чего добраго, къ лику святыхъ причислили бы.

На пути къ дому Надя стала живо упрекать сестру за ея странное поведеніе съ Юріемъ. Саша ей въ отвѣтъ только разсмѣялся и стала что-то въ полголоса напѣвать. Вдвоемъ съ сестрой ей уже не было совѣстно.

— Ну да!—отвѣчала она.—Юрій мнѣ нравится. Что̀ же тутъ удивительнаго и главное дурного? Разспроси-ка ты въ гимназіи у подругъ изъ тѣхъ, кто постарше. Много-ли такихъ, у которыхъ нѣтъ сердечной привязанности? Да что̀ гимназія! ты посмотри, что̀ дома у насъ дѣлается? Какой примѣръ намъ отецъ подаетъ!

Надя вся вспыхнула отъ негодованія. Хотя она и не любила отца, она еще не успѣла отвыкнуть отъ уваженія къ нему; а въ ней это чувство, какъ всякое другое, принимало какой-то восторженный оттѣнокъ.

— Да ты развѣ ничего не замѣчаешь?—продолжала Саша, забывая совершенно, что сама только недавно о томъ догадалась. — Ты не находишь странною ту роль, которую Софья Петровна играетъ въ нашемъ домѣ?

Надя попробовала возражать, но Саша напомнила ей про двѣ, три домашнія сцены, бывшія въ ихъ присутствіи, и съ глазъ Нади будто спала пелена: то, мимо чего она проходила до сихъ поръ, не примѣчая ничего, вдругъ стало для нея ясно. Но когда въ ея глазахъ по-

шатнулся авторитетъ отца, она къ своему открытію не отнеслась равнодушно, какъ сестра. Она не умѣла мириться съ тѣмъ, что въ ней возбуждало отвращеніе. Въ ней громко заговорило негодованіе, и Сергѣй Ольшевскій въ одинъ тотъ вечеръ потерялъ надъ своею младшею дочерью всякую тѣнь власти.

IX.

Нерадовичъ былъ незаконный и въ то же время единственный сынъ богатаго симбирскаго помѣщика Сапѣгина. Ему дали безпорядочное, хотя и довольно старательное воспитаніе,—а главное его снабдили твердою надеждой на то, что будущее его вполнѣ обезпечено. И вотъ, когда онъ только что поступилъ въ университетъ и успѣлъ уже привыкнуть къ привольной жизни богатой молодежи, его вдругъ поразила неожиданная кончина отца и еще болѣе можетъ быть ея роковыя послѣдствія для него самаго. Сапѣгинъ умеръ, не оставивъ завѣщанія, и все его имѣніе досталось племянникамъ. Молодому человѣку достались только десять тысячъ, давнымъ-давно положенныхъ въ банкъ на его имя, да ранній опытъ непрочности жизненныхъ надеждъ. Въ домѣ отца онъ всегда былъ на правахъ признаннаго сына, хотя Сапѣгинъ почему-то не рѣшался усыновить его. Теперь двоюродные братья, конечно, поспѣшили ему выяснить все неравенство ихъ положеній. Избалованный баричъ, батюшка Левъ Александровичъ — какъ всѣ его величали въ имѣніи отца, — вдругъ обратился въ бездомнаго скитальца, и сердце молодого человѣка откликнулось на этотъ рѣзкій поворотъ судьбы такою пламенною ожесточенною злобою, какой и не подозрѣвали въ немъ, конечно, оттолкнувшіе его родственники. Онъ твердо рѣшился на усиленную работу, чтобы добыть себѣ положеніе гораздо выше того, которое онъ утратилъ. Его самолюбіе не было мел-

каго свойства. Онъ принудилъ себя къ самымъ строгимъ лишеніямъ, чтобы приберечь свой небольшой капиталъ. Онъ бросилъ всѣ прежнія привычки, сталъ искать уроковъ, усердно посѣщалъ лекціи,—но во всемъ этомъ руководила имъ не безкорыстная любовь къ знанію, а тѣ два единственныя чувства, которыя завладѣли имъ въ одинаковой мѣрѣ: стремленіе къ власти и желаніе мщенія. Но страннымъ образомъ, успѣхъ упорно не давался ему. Уроки шли туго; въ товарищахъ онъ не былъ счастливъ; сочиненіе, надъ которымъ онъ трудился, не получило медали. Словомъ, уже при выходѣ изъ университета у него зародилась горечь неисполненныхъ ожиданій и неразрывное съ нею ожесточеніе. Года закаляли въ немъ это чувство. Онъ не находилъ ни служебныхъ, ни литературныхъ занятій. Долго и тщетно добивался онъ штатнаго мѣста: ему все отвѣчали, что филологъ — Нерадовичъ поступилъ на этотъ факультетъ — способенъ лишь занять мѣсто учителя; и что, впрочемъ, на каждую вакансію имѣется по нѣскольку соискателей. Левъ Нерадовичъ не хотѣлъ ограничиться званіемъ канцелярскаго писца и предлагалъ свои услуги подъ рядъ всѣмъ столичнымъ редакціямъ. Но и тутъ оказалось, что право на извѣстность публикѣ пріобрѣтается только путемъ извѣстности редактору. И вотъ у Нерадовича сказалось озлобленіе уже не противъ одной только семьи, а противъ цѣлаго общества. Если въ немъ не находятъ себѣ мѣсто люди съ талантомъ и знаніемъ, оно должно быть перестроено, а главное—разрушено. Къ этому выводу онъ пришелъ не путемъ отвлеченныхъ теорій,—къ нимъ онъ питалъ вообще мало довѣрія и даже слегка презиралъ ихъ. Нерадовичу показалось, что ко власти ведетъ еще одна дорога — темная и опасная, но за то открывающая доступъ къ неожиданнымъ крупнымъ поворотамъ. Вступившему на нее необходима сильная воля и умѣнье подчинять себя лишеніямъ, а эти два качества онъ за собою зналъ. И вотъ онъ рѣшился вступить на скромное

поприще учительской карьеры; его небольшой капиталъ былъ уже сильно истощенъ двумя годами напраснаго исканія. И сдѣлавъ этотъ шагъ, онъ разъ навсегда рѣшился для вида мириться со всѣмъ, избѣгать всякихъ столкновеній съ начальствомъ, а предъ учениками строгостью обезпечить себѣ уваженіе. Цѣлыя пять лѣтъ онъ провелъ въ захолустьи, пока, наконецъ, его не перевели въ О. За это долгое время всѣ его нравственныя пружины какъ бы закалились и окрѣпли. Свое озлобленіе онъ тщательно скрывалъ, и оно накоплялось, какъ сокровище у скряги. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ О., ему открылась, наконецъ, возможность перейти къ дѣйствію. Мало-по-малу онъ размножалъ свои знакомства и пріобрѣталъ извѣстность, даже вліяніе среди тѣхъ людей, которые наполовину только принадлежали явному общественному строю. Долгіе годы ожиданія развили въ немъ удивительную способность распознавать людей и открываться только предъ тѣми, кого нечего было бояться. Въ глазахъ начальства онъ слылъ еще за благонадежнаго, когда онъ уже былъ въ близкой связи съ коноводами подпольнаго движенія.

Надя, сама того не сознавая, подчинилась его обаянію. Ее привлекало что-то загадочное, скрывавшее недосказанную глубокую мысль и, главное, непоколебимую волю. Надю съ самыхъ раннихъ лѣтъ чутьемъ влекло ко всему, въ чемъ чувствовалась сила. Нерадовичъ постарался усилить и сохранить впечатлѣніе, произведенное имъ на молодую дѣвушку. Его поразило въ ней рѣдкое въ ея годы развитіе воли, и эту волю ему захотѣлось подчинить себѣ. Онъ понялъ, что ея молодая душа изъ тѣхъ, которыя ищутъ откровенія и готовы слѣдовать повсюду затѣмъ, кто сумѣлъ бы удовлетворить ихъ потребность вѣровать и жертвовать собою.

— Съ этою дѣвочкой надо быть осторожнымъ,—говорилъ онъ Варѣ Покровской.—Нашими обычными пріемами ее легко оттолкнуть навсегда; а ею стоитъ за-

няться побольше, чѣмъ старшею сестрой. Ей прямо на седьмое небо хочется. Ну, мы его и дадимъ, даже съ нѣкоторымъ бенгальскимъ освѣщеніемъ. А „всю нашу трезвость и реальность“ пока въ ея присутствіи надо припрятать.

— Да вы, Нерадовичъ, просто втюрились въ эту дѣвчонку,—недовольнымъ голосомъ отвѣтила Варя.

— Ну, ужъ, это мое дѣло. А пока скажу вамъ, что изъ этой дѣвочки, при нѣкоторомъ умѣньи, можно сдѣлать нѣчто такое, до чего не дойти многимъ изъ нашихъ.

И Нерадовичъ строго держался этой системы. Варя продолжала встрѣчать Надю недоброжелательно, даже сурово. Но это не мѣшало Надѣ бывать у Покровскихъ, куда приходилъ часто и Нерадовичъ. Онъ заботливо выбиралъ чтенія для Нади. Молодая дѣвушка прошла черезъ высшую школу „развитія“, посредствомъ отборныхъ произведеній радикальнаго идеализма. А рядомъ съ этимъ ученіе подкрѣплялось и примѣрами изъ дѣйствительности. Все, что въ печати можно было набрать изъ разныхъ извѣстій о безсердечномъ притѣсненіи съ одной стороны, о горькой нуждѣ, даже голодѣ съ другой,—все это усердно предлагалось Надѣ, чтобы довести въ ней пламенную любовь къ страждущимъ до надлежащей точки кипѣнія. При этомъ умалчивалось до поры до времени о другой сторонѣ медали — о трезвыхъ и реальныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ упразднено различіе между полами и высшимъ закономъ является нервное раздраженіе. Все ученіе Нерадовича представлялось Надѣ, какъ широкое примѣненіе той самой любви къ угнетеннымъ, которая всегда мерещилась ей, какъ основное начало цѣлой жизни. И когда она спрашивала, какимъ образомъ братская любовь можетъ выражаться словами мести и угрозы, онъ отвѣчалъ, что они необходимы для устрашенія тѣхъ, которые мѣшаютъ осуществленію полнаго мира между людьми.

— Вѣдь и христіанство требовало жертвъ,—говаривалъ онъ,—А христіанство сулило рай только на небѣ.

Теперь же людямъ захотѣлось ступить шагомъ дальше и самый этотъ рай предвкусить на землѣ и притомъ устроить его не для самихъ себя, а для всѣхъ, кому приходится тѣсно и трудно. Мы съ вами, конечно, не останемся въ выигрышѣ,—увѣрялъ онъ; — но что значитъ наше личное счастье передъ сознаніемъ, какія блага станутъ доступными для массъ! Ну, а если достиженіе этой цѣли, требующей добровольной жертвы отъ насъ, потребуетъ ея тоже, но уже не совсѣмъ добровольно, отъ тѣхъ немногихъ, кто станетъ этому противиться,—развѣ наше торжество будетъ куплено слишкомъ дорогою цѣной?

„Вотъ оно, стало быть, объясненіе!—думалось Надѣ:—принесеніе себя въ жертву, дающее право требовать жертвы и отъ другихъ". И Надѣ казалось, что въ словахъ Нерадовича было самое высокое самоотверженіе. Въ виду этой задачи, Надя совершенно забыла про окружавшую ее неприглядную дѣйствительность. Ее перестала возмущать странная домашняя обстановка. Несправедливыя выходки отца не вызывали уже въ ней ропота. Ей только казалось, будто сама она выростала все выше и выше надъ этою обстановкой и нравственно освобождалась отъ нея. И въ то же время, она теперь лучше прежняго понимала иныя изъ любимыхъ звонкихъ изреченій отца. Они, конечно, далеко не достигали высоты ученія Нерадовича, но все-таки изъ-за нихъ, она много прощала отцу. И вотъ, Надѣ на этотъ счетъ тоже пришлось потерпѣть разочарованіе.

Въ домѣ Ольшевскихъ жила старая служанка, бывшая еще няней матери Нади, а затѣмъ исполнявшая тѣ же обязанности у обѣихъ дѣвочекъ. На ея рукахъ, съ давнихъ поръ, было все домашнее хозяйство. Въ одинъ прекрасный день, Софья Петровна, все еще исполнявшая свои мнимыя обязанности воспитательницы, стала тяготиться присутствіемъ старушки. Между обѣими женщинами начались споры, и Сергѣй Ольшевскій, уступая настояніямъ Софьи Петровны, вдругъ объявилъ

старушкѣ, чтобъ она убиралась изъ его дома съ пожитками—со своимъ краденымъ добромъ, какъ онъ выразился. Старушкѣ было лѣтъ семьдесятъ. Краденаго добра у нея не было вовсе; но за то она сильно прихварывала и, разумѣется, ни къ какому мѣсту уже не могла пристроиться.

— Въ богадѣльню, значитъ, идти прикажите, батюшка, вѣкъ доживать? — тихо отвѣтила она Ольшевскому.—Много вамъ благодарна за такую доброту вашу и вниманіе.

Старушка была такъ изумлена неожиданнымъ приказомъ барина, что слезы даже не успѣли у нея навернуться на глаза, и она сразу и не поняла, какъ это ей придется умереть не на старомъ мѣстѣ. Саша отнеслась къ этому довольно равнодушно, но за то Надя страстно заступилась за старушку: она напрямикъ объявила отцу и Софьѣ Петровнѣ, что до этого она не допуститъ, и лучше сама уйдетъ изъ дому вмѣстѣ со старою няней, чѣмъ дастъ ее выгнать послѣ сорокалѣтней службы. Это былъ первый случай явнаго сопротивленія со стороны Нади, и Сергѣя Петровича она вывела изъ себя, тѣмъ болѣе что онъ сознавалъ всю несправедливость своего поступка. Какъ всѣ слабохарактерные люди, онъ тѣмъ болѣе вспылилъ и тѣмъ страшнѣе грозился, чѣмъ менѣе онъ былъ въ состояніи привести какую-нибудь угрозу въ исполненіе. Надю онъ хотѣлъ запереть на хлѣбъ и на воду, и одно только заступничество Софьи Петровны отстранило отъ нея это не совсѣмъ умѣстное наказаніе. Софья Петровна, видимо, старалась смягчить его гнѣвъ, и даже настояла на томъ, чтобы старушку оставили при мѣстѣ, хоть въ душѣ она съ этой минуты возненавидѣла Надю и не упускала уже затѣмъ ни одного случая настроить противъ нея податливаго отца. Солоно должно-быть пришлось отъ нея бѣдной старушкѣ, по крайней мѣрѣ, она уже четыре дня спустя сама объявила, что не останется больше въ домѣ Сергѣя Петровича, и какъ ни упрашивала ее Надя,

она, въ самомъ дѣлѣ, помѣстилась въ богадѣльню, гдѣ вскорѣ и умерла. Этотъ случай не только поставилъ Надю въ рѣзкое противорѣчіе съ домашними, но еще возбудилъ противъ нея цѣлый рядъ мелкихъ гоненій, которыя она переносила съ презрительною стойкостью, но за то все болѣе отдалялась отъ своихъ и уходила въ заманчивый міръ мечтательныхъ стремленій.

Женщины вообще склонны къ обобщенію. Немудрено, что неопытной дѣвочкѣ, какъ Надѣ, казалось, что во всѣхъ семьяхъ господствуетъ тотъ же безсмысленный, мелочной гнетъ, та же безпорядочная распущенность, которую она видѣла у себя дома.

Такъ прошелъ рѣшительный годъ для Нади. Къ концу его она уже не была ребенкомъ. Въ ней успѣла развиться несвойственная ея лѣтамъ самостоятельность мысли и воли. Это и придавало ей внѣшнее спокойствіе въ обращеніи съ домашними. Одного ей только пламенно хотѣлось—поскорѣе дополнить тѣ недостаточныя свѣдѣнія, которыя могла ей дать гимназія, и овладѣть тою областью положительнаго знанія, гдѣ, по словамъ Нерадовича, всѣ тревожные вопросы находятъ такіе ясные и удовлетворительные отвѣты. Впрочемъ, ей приходилось убѣждаться, что другія, многимъ ея старшія, менѣе требовательны, чѣмъ она. У Покровскихъ она познакомилась съ тремя, четырьмя молодыми людьми, вполнѣ посвященными въ великія тайны, и одна черта въ нихъ поразила ее съ самаго начала. Повидимому, сомнѣній для нихъ ни въ чемъ не было: всѣ вопросы казались имъ рѣшенными окончательно, и отвѣты на нихъ были такъ непреложны и опредѣленны, какъ любой символъ вѣры. Для молодой дѣвушки это единодушіе мысли, это сложившееся міровоззрѣніе казалось заманчивымъ. Было, стало-быть, что-то твердое, чему вѣритъ цѣлое поколѣніе и чему, конечно, принадлежитъ будущее. Одно только ей страннымъ казалось—полное несходство между этими вѣрованіями и дѣйствительностью. Какъ перешагнуть черезъ

эту пропасть? Въ ея глазахъ то, что̀ признавалось истиной, слѣдовало осуществить. Нельзя же было жить спокойно, такъ, какъ будто между убѣжденіями и дѣйствительностью общаго ничего нѣтъ. Но какъ же приступить къ дѣлу? Какъ согласовать важность и трудность задачи съ ничтожными средствами горсти молодыхъ людей и все-таки сдѣлать это такъ, чтобы неизбѣжный поворотъ совершился мирнымъ путемъ?

Какъ разъ въ то время, въ одномъ изъ крупныхъ имѣній на Днѣстрѣ, произошли волненія, о которыхъ много говорили во всей Новороссіи. Цѣлая сотня крестьянскихъ семействъ давнымъ-давно переселилась сюда по приглашенію владѣльца и проживала на его землѣ уже болѣе полувѣка. Вдругъ помѣщику вздумалось измѣнить условія, на которыхъ были поселены эти пришлые крестьяне и, въ виду ихъ отказа, онъ велѣлъ имъ убраться съ его земли. Начался процессъ, надѣлавшій много шуму, а въ самомъ имѣніи, для прекращенія безпорядковъ, понадобилась вооруженная сила. Про это событіе много говорилось въ кружкѣ молодежи, и самыя грозныя проклятія клеймили это злоупотребленіе правомъ собственности. Надѣ казалось, однако, что всѣ эти пламенныя рѣчи, мало помогаютъ пострадавшимъ крестьянамъ. „Да не въ крестьянахъ дѣло, поймите это, Ольшевская, — говорилъ ей одинъ, сурово глядѣвшій, юноша,—а въ томъ безобразномъ общественномъ строѣ, при которомъ такія дѣла становятся возможными“.—„Но, пока этотъ строй существуетъ“,—такъ думалось Надѣ,—„не мѣшало бы облегчить судьбу бѣдняковъ, которымъ отъ того не легче, что есть на свѣтѣ нѣсколько людей, посвятившихъ себя улучшенію судьбы цѣлаго человѣчества!“

— Вы напрасно такъ полагаете, Надя,—сказалъ ей, улыбаясь, Нерадовичъ.—Чѣмъ чаще будутъ повторяться подобные случаи, тѣмъ лучше. Они служатъ нагляднымъ примѣромъ всѣхъ прелестей нашихъ порядковъ, а люди, извѣстное дѣло, умудряются только примѣрами.

Вы знаете,—громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; а нашихъ мужиковъ нужно порядкомъ-таки расшевелить, пока они выйдутъ изъ своей неподвижности.

Надю это объясненіе мало удовлетворило.

— Ну, если вы хотите непремѣнно помочь,—продолжалъ Нерадовичъ въ томъ же шутливомъ тонѣ,—мы васъ, конечно, на это благое дѣло только благословить можемъ. Да вы здѣсь съ вашею сестрой, едва ли не однѣ, у которыхъ на то имѣются средства.

— Какія средства?—удивленно спросила Надя.

— Мы всѣ, вы знаете, народъ очень небогатый; а у васъ съ Александрой Сергѣевной, сколько мнѣ извѣстно, есть недурное состояньице.

Надѣ до того времени и не приходило въ голову, что ей съ сестрой должно принадлежать довольно значительное наслѣдство матери. Опекуномъ у нихъ былъ отецъ, и молодыя дѣвушки привыкли считать своими только тѣ не большія деньги, какія Сергѣй Петровичъ считалъ за благо имъ выдавать на мелкіе расходы.

Надя подробно разспросила Нерадовича. „Такъ вотъ, стало-быть, подумала она, гдѣ моя обязанность и гдѣ средства необходимыя, чтобы дѣйствовать!“ Если есть у ея сестры и у ней состояніе, оно должно послужить для облегченія судьбы тѣхъ несчастныхъ, о которыхъ ей такъ часто доводилось слышать. Надя еще не знала, что эти „отвлеченные несчастные“ совсѣмъ не то, что̀ настоящіе бѣдняки, которымъ можно помочь не разглагольствованіями, а дѣйствительнымъ пособіемъ.

Но состояніе молодыхъ дѣвушекъ было въ рукахъ отца и нельзя было думать, чтобы Сергѣй Петровичъ охотно съ нимъ разстался. Нерадовичъ передалъ молодымъ дѣвушкамъ про законъ, дозволявшій имъ выбрать себѣ по желанію опекуна и попечителя. Всякій споръ изъ-за денегъ ей несказанно претилъ, хотя бы онъ возникъ изъ-за благого желанія помогать ближнему. Саша, правда, не раздѣляла этого взгляда; но за то она не посмѣла бы прямо идти наперекоръ отцу. Левъ Але-

ксандровичъ не ограничился одною этою попыткой. Онъ не далъ заглохнуть брошенному сѣмени и напоминалъ сестрамъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что наслѣдство матери налагаетъ на нихъ священныя обязанности. Состояніе молодыхъ дѣвушекъ слѣдовало, какъ можно скорѣе, прибрать къ рукамъ. Но у Нерадовича въ виду было и нѣчто совсѣмъ иное. Несмотря на огромную разницу въ лѣтахъ, молодая, полуразвившаяся дѣвушка возбудила въ немъ столь сильно вспыхнувшее чувство, что онъ и не думалъ съ нимъ бороться, хоть и отчаивался почти въ возможности его удовлетворить. Нерадовичу съ женщинами не везло никогда, и рядъ обидныхъ неудачъ оставилъ въ немъ горечь неудовлетвореннаго сладострастія. Любовь для него была какимъ-то жгучимъ, болѣзненнымъ чувствомъ, очень похожимъ на озлобленіе. Конечно, до поры до времени онъ сдерживался въ присутствіи Нади: онъ слишкомъ хорошо зналъ, что одного неосторожнаго слова, одного слишкомъ горячаго взгляда было достаточно, чтобы навсегда уничтожить обаяніе, какимъ онъ пользовался въ ея глазахъ. Одна Варя Покровская догадывалась; но она слишкомъ его боялась, чтобы высказать свои подозрѣнія. „Нужно было,—такъ думалъ Нерадовичъ,—вполнѣ подчинить себѣ умъ и волю Нади, втянуть ее въ самый круговоротъ движенія, и тогда уже для иныхъ цѣлей воспользоваться своимъ авторитетомъ надъ ней“. Но прежде всего слѣдовало оторвать ее совсѣмъ отъ семьи. Удобный случай представился скоро. Юрій Покровскій давно подбивалъ Сашу бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома. Да и она тяготилась стѣсненіями, которыми по необходимости были окружены ея отношенія къ молодому человѣку. Теперь у нея былъ новый могучій поводъ желать скорой развязки: ея связь съ Юріемъ не осталась безъ послѣдствій. При всей самостоятельности, къ которой ее пріучили ея передовые друзья, ее пугало неизбѣжное признаніе отцу. А между тѣмъ обвѣнчаться съ Юріемъ было не легко; отецъ ни за что бы

не согласился на такой бракъ съ бѣднымъ студентомъ, вдобавокъ недавно исключеннымъ изъ университета за какую-то исторію. Нерадовичъ—предъ нимъ не считали нужнымъ скрываться—часто подтрунивалъ надъ безвыходнымъ положеніемъ молодыхъ людей и предложилъ Сашѣ оригинальный исходъ, чтобъ изъ него выйти. Въ числѣ его молодыхъ друзей изъ студентовъ былъ одинъ грузинъ, князь Тумановъ, сынъ извѣстнаго кавказскаго героя, для котораго, несмотря на подвиги и раны, служба всегда оставалась мачихой. Сынъ наслѣдовалъ отъ него кромѣ славнаго имени лишь крайне ограниченныя средства, съ которыми можно было поддерживать развѣ только внутреннее наболѣвшее раздраженіе, всегдашній спутникъ обманутыхъ надеждъ. Молчаливый и угрюмый, молодой кавказецъ мало водился съ товарищами и не много воспользовался университетскою наукой. Въ его тѣсный умственный кругозоръ уложилось не много понятій, но за то эти понятія были усвоены крѣпко, съ упорною страстностью южной, хотя и замкнутой натуры. Случай свелъ его съ Нерадовичемъ, и Тумановъ сталъ однимъ изъ самыхъ слѣпыхъ его поклонниковъ. Ограниченный и въ то же время страстный, Тумановъ былъ созданъ для того, чтобы служить въ чужихъ рукахъ удобнымъ орудіемъ. Нерадовичъ рѣшилъ, что молодой Кавказецъ — подходящая личность для роли жениха Саши Ольшевской; ему, благодаря громкому имени, Сергѣй Петровичъ, конечно, въ согласіи не откажетъ. Саша и Юрій, ни минуты не колеблясь, дали согласіе на то, чтобъ она для виду стала женой другого. Туманову объяснили, что этою жертвой онъ возвратитъ свободу угнетенной дѣвушкѣ и благодаря ему она сама и ея состояніе будутъ къ услугамъ „дѣла“. Молодой фанатикъ согласился. Познакомить его съ Сергѣемъ Петровичемъ, было, конечно, не трудно. Ольшевскому показалось лестнымъ это сближеніе съ сыномъ извѣстнаго, да еще титулованнаго генерала, тѣмъ болѣе, что оно доставляло ему случай обмѣниваться съ молодымъ че-

ловѣкомъ жалобами на тѣхъ, которые такъ мало цѣнили его собственныя заслуги. Словомъ, въ три недѣли все дѣло было улажено, и Сергѣю Петровичу волей неволей пришлось разстаться съ бо̀льшею частью приданаго Саши. Разумѣется, его расчетъ съ дочерью вышелъ пополамъ со грѣхомъ.

Но труднѣе было справиться съ Надей. По ея понятіямъ, Саша была обязана выйти за Юрія. Она не допускала, чтобъ отецъ не согласился, и со своею молодою пылкостью объявила, что она сумѣла бы вынудить его согласіе. А вся эта жалкая ложь съ подставнымъ мужемъ ей казалась чѣмъ-то низкимъ и омерзительнымъ въ высшей степени.

— Да, я и буду на самомъ дѣлѣ женой Юрія,—говорила ей Саша.—Дѣло, вѣдь, не въ свадебной церемоніи, и не моя вина, коли мнѣ приходится лгать передъ отцомъ. Чего же тебѣ еще, коли Тумановъ согласенъ? И ты развѣ не понимаешь, какъ это съ его стороны благородно?

Въ самомъ дѣлѣ, въ кружкѣ Покровскихъ всѣ до единаго были увѣрены, что поступокъ молодого кавказца представлялъ собою верхъ рыцарскаго благородства. Но доводы эти все-таки не убѣдили Надю. Самому Нерадовичу пришлось вступиться, чтобъ устранить ея недоумѣніе.

— Я хорошо понимаю,—сказалъ онъ,—что вамъ претитъ этотъ обманъ. Но бываютъ въ жизни обстоятельства, гдѣ приходится насиловать себя, потому что имѣешь предъ собой двѣ противоположныхъ обязанности, и вотъ тутъ-то и приходится рѣшить, которую изъ нихъ слѣдуетъ принести въ жертву. Но мнѣ, я думаю, вы довѣриться можете. Вы убѣждены, надѣюсь, что ничего дурного, несогласнаго съ честью я не посовѣтую?

Надѣ лишній разъ пришлось подчиниться обаянію этого человѣка. Ея прямые, не робкіе глаза не выдержали пронзительнаго взгляда его маленькихъ, безпокойныхъ зрачковъ.

— Я, конечно, вамъ вѣрю,—сказала она не громко.— И кому же здѣсь мнѣ вѣрить, какъ не вамъ? Она этимъ почти хотѣла сказать, что всѣ остальные, съ которыми она встрѣчалась у Покровскихъ, не пріобрѣли ни ея довѣрія, ни уваженія.

— Ну, такъ вотъ видите,—продолжалъ Нерадовичъ замѣчательно тихо.—Если вы, можетъ-быть, внутренно и не совсѣмъ будете со мною согласны, на этотъ разъ все-таки подчинитесь тому, что̀ я скажу. Здѣсь дѣло идетъ объ освобожденіи вашей сестры изъ-подъ домашняго гнета, да и объ вашемъ тоже. И не для того, понимаете вы, мы хотимъ вамъ обезпечить свободу, чтобы вы обѣ могли только вдоволь наслаждаться жизнью. Этого, можетъ-быть, для васъ было бы и мало. Наша цѣль выше: пока вы обѣ подъ властью отца, вы ничего не можете сдѣлать для общаго дѣла; вы даже не въ состояніи достигнуть полнаго развитія. И что̀ же дѣлать, если ради этого приходится воспользоваться готовностью Туманова, и не сказать вашему отцу всей правды? Это, конечно, своего рода жертва, но, вѣдь, вы знаете, что борьба не обходится безъ жертвъ, и что мы приносимъ ихъ не для мелкой цѣли.

Надя слушала молча. Она все-таки не совсѣмъ понимала, какъ это служеніе великому дѣлу должно начаться обманомъ. Видно было, что ея головка усердно работала надъ этою сложною задачей. „Вѣдь этотъ человѣкъ,—говорила она себѣ,—не можетъ требовать чего-нибудь безчестнаго, такъ какъ вся его жизнь одно безкорыстіе. Не онъ-ли ее училъ, что жизнь должна быть посвящена труду и заступничеству за слабыхъ? Сколько разъ онъ говорилъ ей про неизбѣжность тяжелыхъ жертвъ. И что̀ же? она станетъ противиться ему въ первый же разъ, когда отъ словъ приходится перейти къ дѣлу“? Она подняла голову и прямо посмотрѣла ему въ глаза. Это былъ замѣчательно глубокій и совсѣмъ уже не дѣтскій взглядъ, хотя все въ ней еще—и мягкое, нѣжное очертаніе губъ, и узкія плечи,

и стройная гибкость еще не вполнѣ развитаго стана,— обличало полуребенка.

— Я васъ послушаюсь,—сказала она.—Я солгу передъ отцомъ.

— И послѣ свадьбы вашей сестры,—добавилъ Нерадовичъ, пристально глядя на нее,—вы тоже оставите свой домъ и переселитесь къ ней. Кто знаетъ, можетъ быть очень скоро вамъ придется гимназію перемѣнить на иную, болѣе дѣятельную жизнь...

— Могу васъ поздравить,—насмѣшливо замѣтила ему Варя Покровская, подслушавшая этотъ разговоръ,—съ удачнымъ подражаніемъ отцамъ іезуитамъ! Вы, кажется, себѣ вполнѣ усвоили, что цѣль оправдываетъ средства.

— Что же? Я всегда находилъ, что іезуиты молодцы въ своемъ родѣ,—холодно отвѣтилъ Нерадовичъ.

Ожиданіямъ Нерадовича, однако, не было суждено оправдаться вполнѣ. Свадьба Саши Ольшевской имѣла негаданное для него послѣдствіе. Юрій Покровскій разсчиталъ, что ему не совсѣмъ удобно будетъ замѣнять собою Туманова въ томъ самомъ городѣ, гдѣ жилъ отецъ Саши. Побѣгъ былъ рѣшенъ въ принципѣ, безъ всякихъ возраженій со стороны новой княгини. Но куда слѣдовало бѣжать? Нерадовичъ предлагалъ свои услуги Юрію, обѣщая ему содѣйствіе друзей по общему дѣлу въ разныхъ городахъ Россіи. Но молодой человѣкъ рѣшилъ иначе. По его понятіямъ всего лучше удалиться на возможно большее разстояніе отъ разгнѣваннаго отца и отъ родныхъ порядковъ. Эти порядки ему сулили мало привлекательнаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ исключенъ изъ университета. Итакъ, слѣдовало уѣхать за границу, въ одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ уголковъ, гдѣ русскіе юноши свободно развиваются подъ руководствомъ знаменитыхъ мастеровъ, наслаждаясь въ то же время очаровательною природой Швейцаріи, въ особенности когда у нихъ случайно въ распоряженіи порядочная сумма денегъ. И не долго думая, Юрій предложилъ Сашѣ переселиться въ Цю-

рихъ. Его давно тянуло въ ширь изъ скромной обстановки родной жизни, а благовидный предлогъ—свѣтъ положительнаго знанія, такъ ярко свѣтящій на берегахъ Цюрихскаго озера, тутъ же былъ подъ рукой. Юрій былъ изъ числа тѣхъ людей, у которыхъ суровое ученіе революціоннаго аскетизма какъ нельзя лучше мирится съ эпикурейскими вкусами натуры, падкой на дубоватыя наслажденія. Такихъ людей, обыкновенно, товарищи обожаютъ, хотя не ставятъ ни въ грошъ. Но Юрій и не задавался мечтой о выдающейся дѣятельности, а пока не могъ пожаловаться на плоды своихъ политическихъ увлеченій, доставившихъ ему, правда, исключеніе изъ университета, но въ то же время и обладаніе хорошенькою дѣвушкой, да къ тому же съ приличнымъ капиталомъ.

Когда Надя узнала про намѣреніе сестры, она тотчасъ же рѣшила, что поѣдетъ съ ней. Она видѣла, наконецъ, путь къ тому настоящему знанію, которое дома для нея было недоступно. Цюрихъ являлся ей во всемъ обаяніи своей просвѣщающей дѣятельности. Для нея это были своего рода святыя мѣста. И на этотъ разъ, когда она рѣшилась, никому, даже Нерадовичу, не удалось ее остановить. Убѣдившись въ этомъ, онъ даже косвенно помогъ ей уѣхать, благодаря кое-какимъ связямъ среди оффиціальнаго персонала средняго разбора. Княгинѣ Тумановой былъ выданъ отъ мужа особый паспортъ и не трудно было при нѣкоторомъ послабленіи властей включить въ этотъ паспортъ имя ея несовершеннолѣтней сестры. И вотъ въ одинъ и тотъ же день на Сергѣя Ольшевскаго обрушилось два грозныхъ извѣстія: онъ узналъ, что старшая дочь обманула его своимъ замужествомъ и что младшая вмѣстѣ съ нею тайкомъ уѣхала за границу. Какъ ни равнодушенъ онъ былъ къ своимъ дѣтямъ, этого было, однако, достаточно, чтобы мигомъ превратить его въ старика. Упреки совѣсти, а главное стыдъ разомъ покончили съ его упорною бодростью.

X.

Прошелъ еще годъ, и до Сергѣя Ольшевскаго лишь изрѣдка, окольнымъ путемъ, доходили извѣстія про дочерей. И какъ ни горевалъ онъ, изъ за этого естественнаго чувства все-таки иногда сквозило самодовольное сознаніе, что его дочери достигнутъ въ Цюрихѣ такой завидной умственной высоты. И вотъ, болѣе года послѣ отъѣзда дочерей, къ Сергѣю Петровичу неожиданно пришло странное письмо изъ Цюриха. Писала ему Надя съ какою-то удивительною смѣсью гордой независимости и сдержаннаго раскаянія. Она сознавалась, что Саша разошлась съ Юріемъ; по тону ея письма видно было, что она старалась говорить объ этомъ, какъ о самомъ простомъ и естественномъ событіи, а въ заключеніи прямота и откровенность у нея прорывались наружу и она объявляла отцу, что обѣ онѣ собираются назадъ въ Россію, но желаютъ знать сперва, захочетъ ли онъ снова принять ихъ въ свой домъ.

Сергѣй Петровичъ такъ обрадовался, что ему самому показалось, будто онъ и не зналъ до сихъ поръ, какъ сильно привязанъ къ дѣтямъ. Мѣсяцъ спустя онѣ пріѣхали. Надѣ удалось побѣдить свое смущеніе, когда она вступила въ родной домъ, и показать видъ, будто, по ея мнѣнію, все то, что произошло—совершенно въ порядкѣ вещей. Она уклонилась ото всякихъ объясненій и только сказала, что долго возилась съ Сашей, пока убѣдила ее въ необходимости вернуться. „Сашѣ было чего-то стыдно, но она говорила ей, что стыдиться нечего и что слѣдуетъ откровенно спросить у васъ, согласны ли вы насъ принять, потому что это былъ самый простой и естественный выходъ. Не правда ли?“ Въ Надѣ говорило между тѣмъ громкое чувство стыда; ей хотѣлось броситься къ отцу, но она не выдала себя и подавила свое волненіе.

— Ты прекрасно сдѣлала, мой другъ,—мягко отвѣ-

тилъ Сергѣй Петровичъ, видимо робѣвшій. — Я вамъ отецъ и, думается мнѣ, современный отецъ, которому понятно все, чего хочетъ молодежь...

Сергѣй Петровичъ даже заранѣе приготовилъ нѣсколько трогательныхъ и въ то же время благородныхъ словъ; но рѣчь его осѣкалась и — увы! — Надѣ онъ не казался никогда такимъ жалкимъ, какъ именно теперь, когда вздумалъ играть передъ ней на либеральной стрункѣ.

Саша, однако, не была такъ сдержана, какъ сестра, и мало-по-малу выдала Сергѣю Петровичу всѣ свои тайны. Радикальная Мекка на живописныхъ берегахъ Цюрихскаго озера не оправдала ожиданій молодыхъ дѣвушекъ. Свѣтъ положительнаго знанія, который издали мерещился сестрамъ, свѣтилъ тамъ, конечно, въ полномъ блескѣ. Но почтенные ученые, которымъ было поручено просвѣщать молодые умы, оказались недоступными для своихъ поклонниковъ изъ Россіи и даже какъ-то особенно недовѣрчиво относились къ этимъ дальнимъ пришельцамъ. Самъ знаменитый профессоръ Ротермайеръ, свѣтило нѣмецкой демократіи и герой 1848 года, неохотно допускалъ къ себѣ русскихъ, хотя они именно поклонялись всего усерднѣе его теоріи о роли фосфора въ нравственныхъ и религіозныхъ отправленіяхъ мозга. Не лучше было и съ русскими товарищами. Они, правда, держались кучкой, ихъ поневолѣ сближало опальное положеніе среди прочихъ студентовъ, но за то небольшая кучка, заброшенная среди чужого, почти враждебнаго общества, постоянно занималась взаимнымъ обличеніемъ и заподозриваніемъ своихъ членовъ. Въ одномъ только господствовало полное единодушіе: всѣ были твердо убѣждены, что все человѣчество дѣлится на два рѣзко-враждебныхъ лагеря: одному изъ нихъ, который опредѣлялся коротенькимъ словомъ „мы“, приписывались всѣ доблести; другой, обнимавшій весь остальной міръ, предавался соборному проклятью. Надя не хотѣла мириться съ этимъ огульнымъ отлученіемъ и трудно,

право, было повѣрить въ святость и высоту убѣжденій, во имя которыхъ произносились эти грозныя проклятія, когда въ то же время носители ихъ заурядъ взводили другъ на друга—увы!—слишкомъ справедливыя обвиненія. Да и сама наука, для которой всѣ они съѣхались въ прелестный швейцарскій уголокъ, какъ-то оставалась на заднемъ планѣ. Толки о томъ, слѣдуетъ ли вновь перестроить общество, сперва разрушивъ его, или просто разрушить, ничего не перестраивая, оставляли достаточно свободнаго времени, пожалуй, еще для попоекъ, но уже слишкомъ мало для правильнаго посѣщенія лекцій. Вновь прибывающая свѣжая молодежь еще предавалась иллюзіямъ серьезнаго ученія и носилась съ розовыми планами водворенія благоденствія на землѣ; но мало-по-малу, какъ насѣкомые въ паутину, и она втягивалась въ омутъ сплетенъ и дрязгъ, и она съ чужихъ словъ довѣрчиво повторяла общія мѣста и пріобрѣтала навыкъ къ безшабашной ругани.

Ей стыдно и больно было за ту среду, въ которой она искала правды; но она не могла заглушить въ себѣ громкаго сознанія встрѣчаемыхъ ею уродливостей. Вѣдь знамя не падало отъ слабости тѣхъ, кто не умѣлъ держать его высоко. Она вспомнила съ горькою насмѣшкой, какъ всѣ новобранцы изъ Россіи и она тоже съ сестрой должны были отправиться на поклоненіе къ мѣстному коноводу, высоко стоявшему надъ всѣми тревогами и невзгодами руководимыхъ имъ добровольцевъ. Это былъ Александръ Филипповичъ Тычковъ, извѣстный редакторъ русскаго журнала *Красный Пѣтухъ*. Ей живо представилась его маленькая обрюзглая, жирная фигура и то генеральское величіе, съ которымъ онъ будто выслушивалъ доклады и давалъ резолюціи. Приходившіе къ нему твердо вѣрили, что онъ—мученикъ за святое дѣло, за которое и они готовы пострадать. И они, въ самомъ дѣлѣ, часто страдали, слѣдуя по темной дорогѣ, которую онъ указывалъ имъ. А онъ между тѣмъ наслаждался удобствами цивилизованной жизни и сверхъ того ува-

женіемъ многихъ изъ тѣхъ соотечественниковъ, которые такъ часто громили неосторожныхъ юношей, повѣрившихъ его словамъ. И страннымъ образомъ, эти слова не были даже особенно краснорѣчивы. Трудно было сказать, чѣмъ поддерживалось его обаяніе, — развѣ тѣмъ тупымъ чувствомъ, съ которымъ поклоняются идоламъ, не требуя отъ нихъ невозможныхъ чудесъ. Да! удивительно было это добровольное поклоненіе, тѣмъ болѣе, что для Тычкова главною работой не было даже ожидаемое вдали торжество общаго дѣла, а борьба его съ другимъ коноводомъ сосѣдняго кружка, Померанцевымъ, редакторомъ женевскаго органа *Маршъ-Маршъ*. Это былъ настоящій ближайшій врагъ, мѣшавшій его революціонной карьерѣ, какъ мѣшаютъ другъ другу соперники по любой канцеляріи.

Не легкими показались Надѣ мѣсяцы, проведенные въ Цюрихѣ. Она старалась зажмурить глаза передъ всѣмъ тѣмъ, что коробило ее, боясь, чтобы не пошатнулась ея вѣра. Привело это, разумѣется, къ тому, что она отстранила себя отъ всѣхъ товарищей и тѣмъ самымъ возбудила противъ себя явное недоброжелательство. Но всего хуже было то отчужденіе, которое возникло между нею и сестрой. Саша не возмущалась тѣмъ, что видѣла, потому, можетъ быть, что смотрѣла на окружавшій ее мірокъ глазами Юрія. А молодой человѣкъ былъ чѣмъ угодно, только не фанатикомъ революціонной суровости. Его манила привольная жизнь, свободная отъ всякихъ обязанностей, гораздо болѣе, чѣмъ горячность убѣжденій, какъ встарь разгулъ заволжскихъ степей манилъ русскую вольницу. И Сашу заразили эти эпикурейскіе взгляды. Такъ хорошо чувствовать себя внѣ всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ сознаніемъ долга или семейныхъ обязанностей! Когда ея ребенокъ умеръ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, отецъ и мать остались удивительно равнодушными къ этому событію, освободившему ихъ отъ дальнѣйшихъ заботъ. Надю эта легкая жизнь возмущала въ высшей степени. Стычки между сестрами

повторялись тѣмъ чаще, что Надя не скупилась на предостереженія и, разумѣется, только надоѣдала сестрѣ. И предостереженія эти сбылись скоро: деньги, взятыя съ собою изъ Россіи, уходили какъ-то съ удивительною быстротой. Поведеніе Юрія, скоро пріобрѣтшаго замѣтную популярность среди юныхъ поборницъ всероссійскаго переполоха, все чаще стало вызывать слезы въ глазахъ бѣдной Саши. И вотъ въ одинъ прекрасный день утренній поѣздъ увезъ молодаго человѣка въ Женеву, а съ нимъ вмѣстѣ одну приглянувшуюся ему смазливую брюнетку и вдобавокъ большую часть оставшагося у Саши капитала. Коротенькая записка извѣщала Сашу, что любовь свободна, какъ птица, и въ то же время извиняла Юрія за этотъ довольно принудительный, хотя конечно временный заемъ. Не малаго труда стоило Надѣ ободрить сестру и заставить ее подумать о будущемъ. Надя давно рѣшила, что оставаться имъ въ Цюрихѣ не зачѣмъ. Она не дѣлала себѣ уже иллюзій насчетъ той степени учености, которой ей можно здѣсь достигнуть, и воспользовалась упадкомъ духа Саши, чтобы доказать ей необходимость возвращенія въ Россію.

И вотъ онѣ опять подъ роднымъ кровомъ, и Саша очень скоро успокоилась, когда увидѣла, что совсѣмъ не такъ страшно снова встрѣтиться съ оскорбленнымъ отцомъ. „Но что же будетъ дальше“? между тѣмъ думалось Надѣ. Она хорошо сознавала, что жизнь ея съ сестрою не можетъ снова войти въ мирную колею, по которой тянется безмятежная жизнь большинства провинціальныхъ дѣвушекъ. Да, впрочемъ, такой жизни ей не хотѣлось. Она твердо сказала себѣ, что не измѣнитъ никогда тому знамени, которое слишкомъ за годъ передъ тѣмъ указалъ ей Нерадовичъ и что вся жизнь ея будетъ отдана безкорыстному служенію дѣлу обиженныхъ и бѣдныхъ. Но какъ слѣдовало приступить къ этому дѣлу? Гдѣ и какъ работать—и въ самомъ дѣлѣ работать, а не ограничиваться произнесеніемъ шумныхъ рѣчей?...

Она тщетно старалась узнать, куда дѣвался Нера-

довичъ. Онъ уже не былъ учителемъ. Многія изъ ея подругъ оставили городъ, а почти всѣ остальныя почему-то отъ нея сторонились. Вари Покровской тоже не было въ О., да Надя и не пожелала бы къ ней обратиться. Тумановъ, правда, не уѣхалъ,—да развѣ не стыдно ему показаться на глаза?

Надя также предвидѣла, что отношенія ихъ къ отцу не долго останутся мирными. И она не ошиблась. Сергѣй Петровичъ не выдержалъ роли мягкосердаго либеральнаго папеньки. Два, три раза ему пришлось услыхать въ клубѣ двусмысленные намеки по поводу возвращенія его дочерей и этого было совершенно достаточно, чтобы возбудить въ немъ уснувшее на время раздраженіе. Онъ сталъ грубо и обидно зачастую упрекать Сашу, что она, какъ онъ выражался, замарала его честное имя, и насмѣшливо спрашивалъ у нея—сохранила ли она пріятное воспоминаніе о своихъ заграничныхъ похожденіяхъ съ Юріемъ? Надю возмущали эти упреки и съ обычною пылкостью она вступилась за сестру.

— Ты у меня молчи,—вскрикнулъ на нее Сергѣй Петровичъ.—Молоко на губахъ не обсохло, а, вишь уже какою умницею стала!—Я вѣдь знаю, что это ты сестру подбиваешь: безъ тебя она никогда изъ повиновенія не вышла бы!

— Такъ отпустите насъ,—твердо возразила Надя.— Мы не насильно къ вамъ вернулись въ домъ!

— Да! Отпустить!—По-міру пойдете, что ли? На улицу, чтобы на моихъ дочерей пальцемъ показывали?

— У насъ средства есть, батюшка,—отвѣчала вся вспыхнувшая Надя.—Моя часть наслѣдства матери у васъ осталась нетронутою. А я всегда готова подѣлиться съ Сашей. Да и работать мы умѣемъ.

— Что? что такое?—Ты еще, дѣвчонка этакая, у меня денегъ просишь? Мало тебѣ, что Сашинъ капиталъ тамъ съ любовниками растранжирили обѣ? И ты по этой дорожкѣ хочешь идти?

И Сергѣй Петровичъ сталъ выражаться такъ отборно, что Надя предпочла тотчасъ же прекратить этотъ споръ и выйти изъ комнаты.

Такъ долго продолжаться не могло, и на выручку сестеръ пришелъ человѣкъ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать помощи. Это былъ Леванъ Тумановъ. Онъ случайно встрѣтилъ сестеръ въ городскомъ саду и подошелъ къ нимъ.

— Я узналъ, что вы здѣсь,—началъ онъ, обращаясь къ Сашѣ,—и хотѣлъ сказать вамъ, что если я могу на что-нибудь пригодиться, прошу васъ мною располагать.

Эти слова, изумившія Надю и ея сестру, были сказаны какимъ-то равнодушнымъ, почти деревяннымъ тономъ. Ни одинъ мускулъ на его лицѣ, не богатомъ выраженіемъ, не дрогнулъ и глаза его смотрѣли откровенно и прямо, будто то, что онъ говорилъ, разумѣлось само-собою.

— Мы совершенно чужіе, конечно,—продолжалъ онъ;—но мы все-таки, такъ-сказать, принадлежимъ къ одному лагерю и потому обязаны другъ другу помогать. А такъ какъ я знаю, что вы уже... уже разстались... ну, словомъ, коли хотите,—неожиданно закончилъ онъ, не зная какъ договорить свою фразу,—я зайду къ вамъ, такъ какъ вамъ, можетъ быть, непріятно здѣсь со мной разговаривать въ саду, гдѣ такъ много народу.

И Тумановъ сдержалъ слово: на слѣдущій же день онъ явился къ Ольшевскимъ. Этому недальновидному, ограниченному человѣку съ перваго раза стало понятно, какъ щекотливо, почти невыносимо положеніе его мнимой жены въ домѣ родного отца. Прямая, честная натура Туманова такъ вызывала на откровенность, что Надя тутъ же ему призналась во всемъ.

— Ну, что-жъ?—сказалъ онъ все такъ же безжизненно и въ то же время просто.—Зачѣмъ же вы ко мнѣ не обратились? Этому помочь очень легко. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать все, что могу для васъ и Александры Сергѣевны и не потому, что она моя жена,—

при этихъ словахъ слабая улыбка показалась на губахъ кавказца,—а потому что мы всѣ товарищи по общему дѣлу. И я предлагаю вамъ переѣхать ко мнѣ. Я, вы знаете, бѣденъ, но вы, конечно, не будете взыскательны. Само собою разумѣется, что Александра Сергѣевна и я—мы останемся попрежнему чужими, пока она этого пожелаетъ. Но, живя со мной, вамъ будетъ удобнѣе встрѣчаться съ нашими, чѣмъ у себя дома.

Какъ ни странно было это неожиданное предложеніе, очень скоро было рѣшено, что сестры переселятся къ Туманову. Сергѣй Петровичъ вспылилъ, хотя и самъ не отдавалъ себѣ отчета почему, и высказалъ нѣсколько довольно циничныхъ предложеній на счетъ странныхъ условій совмѣстной жизни его дочери съ ея нaзваннымъ мужемъ. Но очень немногаго труда стоило Надѣ убѣдить его, что такой исходъ, въ сущности, самый лучшій и естественный. Кто же въ правѣ удивляться, что жена поселилась у мужа? И Сергѣй Петровичъ былъ вовсе не прочь на всякій случай имѣть подъ рукой готовый отвѣтъ насмѣшникамъ.

Однимъ изъ первыхъ, съ кѣмъ Надя встрѣтилась у Туманова, былъ Нерадовичъ. Левъ Александровичъ разстался теперь со своею оффиціальною благонамѣренною маской. Дошли ли до начальства слухи о его двусмысленныхъ связяхъ, или онъ просто не полюбился новому директору, только въ одинъ прекрасный день ему дали понять, что слѣдуетъ оставить учительскую должность. Для Нерадовича это не было уже потерей карьеры: на службу онъ болѣе не разсчитывалъ и въ деньгахъ теперь, неизвѣстно почему, онъ уже не особенно нуждался. Но увольненіе было равносильно угрозѣ и вынуждало его къ удвоенной осторожности. Для него теперь началась подпольная жизнь, съ неизбѣжными частыми перемѣнами квартиры, съ поддѣльными паспортами и съ таинственными разъѣздами по Россіи подъ вымышленными именами. Чѣмъ глубже онъ рылъ свои подземные ходы, тѣмъ болѣе поднимался на иномъ по-

прищѣ, неуловимомъ для оффиціальнаго міра. Здѣсь онъ пріобрѣлъ и власть, и почетъ и вдоволь могъ насладиться страннымъ противорѣчіемъ между своимъ ничтожнымъ положеніемъ среди легальнаго общества и растущимъ обаяніемъ, какимъ окружена была его особа на другой, нелицевой сторонѣ того же общества. Среди мѣстныхъ кружковъ на югѣ онъ чуть ли не былъ въ то время главнымъ коноводомъ. Онъ всего болѣе содѣйствовалъ тому, что въ этихъ кружкахъ явилась решимость перейти отъ словъ къ дѣйствію. Долгая опытность дала ему рѣдкое въ его средѣ знакомство съ народомъ и умѣнье подлаживаться къ его языку и обычаямъ.

Надя передъ нимъ высказалась съ полною откровенностью. Нерадовичъ слушалъ молча и слегка насмѣшливо, пока она тревожно говорила ему про встрѣченныя ею разочарованія.

— Да, да! Въ этомъ много правды,—отвѣчалъ онъ.—Да я же васъ туда и не посылалъ,—вы, конечно, припомните. Ну, а что же вы думаете теперь дѣлать? Покинуть свои дѣтскія заблужденія и стать благовоспитанною барышней?

— Что дѣлать?—отвѣчала она.—Въ этомъ-то, Нерадовичъ, и весь вопросъ. Именно—*дѣлать*, а не говорить только. А на этотъ счетъ, кажется, не особенно много надежды.

— Вы напрасно такъ думаете. Мы здѣсь руки сложа не сидимъ. Поживемъ, увидимъ,—можетъ быть и къ вамъ обратимся.

На этотъ разъ однако Нерадовичъ ограничился самыми туманными загадочными намеками. Но все то, что она примѣчала у Туманова, показывало ей, что дѣло идетъ уже совершенно объ иномъ, чѣмъ въ тѣ дни, когда ей приходилось выслушивать страстныя рѣчи въ квартирѣ Покровскихъ. Теперь говорили мало, недомолвками, какъ бываетъ среди людей, между которыми все высказано и всѣ сомнѣнія исчезли.

Въ числѣ молодыхъ людей, часто посѣщавшихъ Туманова, былъ одинъ крайне невзрачный малый, съ головой будто ушедшею въ его неуклюжее туловище и съ совершенно безцвѣтнымъ, будто полинялымъ лицомъ, на которомъ странно поражали удивительно черные, блуждавшіе глаза. Большой изогнутый ротъ и носъ формы птичьяго клюва изобличали его восточное происхожденіе. Такими немногими внѣшними чертами и ограничивались въ немъ всѣ племенныя особенности: это былъ молодой еврей, Рафаилъ Гольденштейнъ. Молчаливый, сурово глядѣвшій молодой человѣкъ былъ совершенно чуждъ всякой мысли о наживѣ. Его собственная бѣдность для него будто не существовала. За то, когда ему случалось заговорить, онъ высказывался увѣреннѣе и рѣзче всѣхъ прочихъ, и дикая необузданность его мыслей проявлялась съ удивительнымъ спокойствіемъ, будто не было ничего страннаго въ тѣхъ насильственныхъ кровавыхъ дѣйствіяхъ, которыхъ онъ настойчиво требовалъ. Разъ Надя попробовала возражать ему, но онъ тотчасъ остановилъ ее запальчивымъ восклицаніемъ:

— Да что̀ вы толкуете? Вы развѣ не знаете, сколько нашихъ погибло? развѣ сладкими рѣчами да либеральною сентиментальностью тутъ поможемъ? У насъ одна только сила и есть—то, что мы ни передъ чѣмъ не отступаемъ, понимаете ли вы? ни передъ наказаніемъ, ни передъ преступленіемъ.

Въ тотъ же вечеръ, оставшись вдвоемъ съ Нерадовичемъ, Надя снова рѣшительно поставила ему вопросъ, куда онъ ведетъ участниковъ своего дѣла.

— Я уже не ребенокъ,—говорила она,—мнѣ пора знать, на что̀ мы идемъ—на рѣзню, которую предлагаетъ Гольденштейнъ и про которую я слышать не могу безъ омерзѣнія, или намъ суждено вѣчно сидѣть сложа руки и браниться.

— Да я же вамъ неоднократно говорилъ,—спокойно отвѣчалъ онъ,—что мы вовсе не сидимъ сложа руки.

А коли вы мнѣ не вѣрите, какъ же вы хотите, чтобъ я на васъ положился?

— Но вы, кажется, меня довольно знаете, Нерадовичъ,—запальчиво возражала молодая дѣвушка,—чтобы не сомнѣваться въ моей готовности идти, куда вы захотите, но при одномъ условіи, чтобъ я была твердо убѣждена, что вы въ самомъ дѣлѣ ведете туда, куда слѣдуетъ. Я готова собой пожертвовать, но я хочу знать ради чего.

— Вы сами не понимаете, Надя, чего просите. Вы не догадываетесь, какія обязанности примете на себя, какъ скоро вамъ станутъ извѣстны цѣли наши и средства. Для того, кто пришелъ къ намъ, уже нѣтъ отступленія, никогда не будетъ.

И въ голосѣ Нерадовича будто слышалась несвойственная ему нѣжность. Но эти слова, конечно, только удвоили настойчивость молодой дѣвушки, и Нерадовичъ уступилъ. Вѣдь, рано или поздно, онъ это зналъ, передъ Надей слѣдовало открыться: недаромъ же онъ подготовлялъ ее къ этому цѣлыхъ два года.

— Хорошо, Надя,—медленно заговорилъ онъ.—Я скажу вамъ все. Только знайте, что съ этихъ поръ для васъ уже нѣтъ болѣе ни семейныхъ обязанностей, ни личной, самостоятельной воли. Намъ принадлежать нельзя на половину, и чего бы мы ни потребовали отъ васъ, вы навсегда съ нами связаны.

Надя въ отвѣтъ ему молча и медленно кивнула головой. Онъ растворилъ окно и указалъ на темную улицу, по которой лишь изрѣдка раздавались шаги прохожихъ.

— Посмотрите,—сказалъ онъ.—Городъ вамъ кажется спокойнымъ, а между тѣмъ здѣсь, какъ и въ цѣлой странѣ, идетъ подземная работа, и когда-нибудь совершенно неожиданно весь окружающій васъ привычный міръ рухнетъ, какъ подточенное зданіе. А рухнетъ онъ потому, что мнимо-твердая почва, на которой его строили, превратится вдругъ въ волнующееся море. Мы

сотни лѣтъ живемъ народнымъ трудомъ и всѣ мы увѣрены, что такъ будетъ вѣчно, и иначе быть не можетъ, потому что народъ, какъ почва, застылъ въ своей неподвижности и самъ не подозрѣваетъ своей разрушительной силы. Ну, а теперь близко время, когда онъ ее узнаетъ и однимъ движеніемъ стряхнетъ все то, что̀ нагромоздили на его плечи. И развѣ не великое и не безкорыстное дѣло его этому научить? Работы, конечно, еще много впереди, но за то съ каждымъ годомъ наростаютъ для насъ новые союзники.

— Я, однако, не вижу приступа къ дѣлу,—робко возразила Надя.

— Приступъ давно сдѣланъ, хотя не всѣ и не одновременно работаютъ. Мы сходимся и организуемся, гдѣ можемъ. Здѣсь нашихъ уже не мало и намъ не разъ приходилось отсюда высылать ихъ въ разные города, куда они разносятъ наше ученіе.

И Нерадовичъ передалъ ей, какимъ образомъ собираются въ О. и сносятся между собой воротилы движенія. Нѣсколько дней спустя онъ объявилъ ей, что ея давнишнее желаніе будетъ исполнено и она можетъ присоединиться къ партіи добровольцевъ, какъ онъ выражался, которая отправится скоро въ Москву подъ личнымъ его руководствомъ, чтобы дѣйствовать тамъ на фабричныхъ. Надю это извѣстіе привело въ восторгъ.

Мѣсяцъ спустя, она переѣхала съ сестрой и Тумановымъ въ Москву и поселилась съ ними въ трехъ комнатахъ на дворѣ, въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ, близъ Мясницкой. Однако, къ немалому ея огорченію, дѣятельность, которую ей сулили, отодвигалась все далѣе, какъ неуловимый призракъ. Она знала сборное мѣсто, гдѣ происходили совѣщанія кружка и хранились его печати и бумаги. Она присутствовала на нѣкоторыхъ собраніяхъ и много наслышалась про устройство мастерскихъ да про то, что разные члены кружка все собираются поступить на которую-либо изъ Московскихъ фабрикъ. Но ей лично порученій не давали никакихъ,

хотя она и знала теперь весь личный составъ кружка. Отъ нея будто сторонились. Особенно недовѣрчиво къ ней относились женщины, говорившія даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ про ея молодость и недостатокъ силъ. Но главнымъ виновникомъ этого устраненія Нади отъ настоящаго „дѣла“ былъ самъ Нерадовичъ. Ему было жаль подвергнуть ее всѣмъ случайностямъ дѣятельной агитаціи. „Ея слабенькія, тоненькія ручки,—говорилъ онъ,— не годятся для грубой работы.“ И на самомъ дѣлѣ, онъ не только уберегалъ ее отъ трудовъ и опасностей,—онъ дѣлалъ это для самого себя, хотя все откладывалъ рѣшительное объясненіе съ ней изъ-за какой-то непонятной робости передъ этимъ молодымъ существомъ. А Надю, между тѣмъ, часто преслѣдовали насмѣшками прочія дѣвушки кружка. Особенно презрительно выражалась на ея счетъ никогда не любившая ее Варя Покровская, которая теперь стала одною изъ самыхъ горячихъ представительницъ партіи крайняго направленія такъ-называемыхъ „бунтарей“. Варя позволяла даже возставать противъ Нерадовича, обвиняя его въ косности и бездѣйствіи. Въ этомъ она вторила Гольденштейну и, благодаря мрачному еврейчику, сходки кружка принимали зачастую очень бурный характеръ.

Если, такимъ образомъ, Надя встрѣтила мало сочувствія среди новыхъ товарищей, ея сердце, въ свою очередь, не лежало къ нимъ. Быть можетъ, она тяготилась своею бездѣятельностью, но было тутъ и нѣчто иное, въ чемъ она, впрочемъ, не охотно сознавалась предъ собой. Ей пришлось теперь ясно увидать ту изнанку, которую Нерадовичъ такъ долго и бережно отъ нея скрывалъ. Она не могла привыкнуть къ грубымъ рѣчамъ, къ неопрятности въ одеждѣ, которыми будто хвастались въ кружкѣ. Ея брезгливость скоро, разумѣется, примѣтили и на нее тотчасъ посыпались разныя насмѣшливыя прозвища: ее называли „кисейною барышней“, „бѣлоручкой“, „принцессой“, и Варя Покровская съ недоумѣніемъ спрашивала ее: съ какой ста-

ти она удостаиваетъ своимъ посѣщеніемъ ихъ плебей-скую среду? Ко всему этому, конечно, еще можно было привыкнуть, но хуже было то, что глумленіе шло далѣе этого, что оно затрогивало самую основу убѣжденій молодой дѣвушки. Ее преслѣдовали за идеализмъ ея взглядовъ, обзывая его „паточною сентиментальностью“, годною развѣ для институтокъ...

— Полно вамъ сердобольничать-то,—рѣзко говорилъ ей Гольденштейнъ,—хныканьемъ народу не поможешь. Оно годится развѣ для слабонервныхъ бабъ.—И въ самомъ дѣлѣ, слабонервность, какъ выражались въ кружкѣ, считалась позорною чертой даже у женщинъ. — Мы не потому за народъ стоимъ,—твердилъ Гольденштейнъ,—что онъ заслуживаетъ какого-то состраданія,—чортъ ли въ немъ, въ состраданіи!—а потому, что онъ сила и сила безсознательная. Ну и должны мы втолковать его крѣпколобой башкѣ, что оно такъ, а потомъ уже дѣло само собой сдѣлается.—Надѣ каждый день доводилось слышать, что все дѣло въ томъ, какъ бы одолѣть противника, такъ какъ торжество силы и есть высшій законъ человѣческаго прогресса. А между тѣмъ эти сильные люди, такъ увѣренные въ крѣпости своихъ нервовъ, большею частью изнемогали на первыхъ же порахъ отъ черной работы; горячо хватались за какое-нибудь ремесло, нанимались на фабрику, и спустя три, четыре дня возвращались съ намозоленными руками и со страшною ломотой въ членахъ,—простуженные, недовольные, проклиная непосильную имъ чужую работу. Да и плохо какъ-то принимались эти попытки: мастерская не устроилась; распространеніе книжекъ среди рабочихъ шло туго и всѣ старанія сблизиться съ ними обнаруживали полную неумѣлость прилаживаться къ ихъ понятіямъ и языку. Самъ Нерадовичъ, всегда сдержанный, обнаруживалъ признаки нетерпѣнія. Разъ, вернувшись домой усталый и недовольный, онъ разразился длинною бранною рѣчью:

— Да что же мы наконецъ каторжные какіе? или

обязаны мы этихъ олуховъ насильно осчастливить? Ну, коли эти бараны не хотятъ понять, что сами собой безъ насъ они никогда не выйдутъ изъ положенія рабочаго скота, такъ чортъ съ ними! Что-жъ? намъ изъ-за этого подлаго народа себѣ грудь надсаживать, да самимъ въ петлю лѣзть?

— Это все ваша очаровательная система мирной пропаганды,—язвительно вмѣшался Гольденштейнъ;—топоръ да красный пѣтухъ—вотъ средства.

Надю эти слова покоробили не на шутку. „Такъ вотъ, стало-быть, какъ думалъ и отзывался объ этомъ народѣ ея учитель! „Олухи“, „бараны“, „рабочій скотъ!“ Вотъ какова та пламенная, безкорыстная любовь, про которую ей твердили и ради которой должны приноситься такія жертвы! А каково послѣднее слово всей этой дѣятельности: топоръ и красный пѣтухъ! Хорошъ прогрессъ, нечего сказать!“ Такія мысли теперь нерѣдко приходили на умъ Надѣ, и какъ ни старалась она поддерживать въ себѣ преданность своему знамени, она не въ силахъ была ихъ отогнать. Она стала искать случая наединѣ переговорить съ Нерадовичемъ, чтобы потребовать себѣ настоящей дѣятельности,—задачи хотя бы трудной, но достойной ея усилій. А этого безцѣльнаго скитанья по сходкамъ, этого вѣчнаго повторенія трескучихъ, зачастую грубыхъ словъ она далѣе выносить не въ состояніи. Все это она рѣшилась ему высказать и затѣмъ уѣхать обратно въ родной городъ и тамъ искать занятій, если окажется, что надежды ее обманули.

Не ожидала Надя, какъ должно кончиться это объясненіе. Она застала разъ Нерадовича въ квартирѣ, гдѣ собирался кружокъ, въ какомъ-то уныломъ настроеніи. На ея просьбу дать ей наконецъ настоящую работу онъ отказался наотрѣзъ.

— Въ такомъ случаѣ я уѣду,—сказала она.

— Нѣтъ! вы не уѣдете, Надя!—вскрикнулъ онъ.—Я васъ не пущу. Неужели вы не понимаете, отчего я васъ

не пускаю туда, куда идутъ другія, почему я васъ оберегаю отъ возможныхъ послѣдствій?

Надю изумилъ этотъ неожиданный порывъ несвойственной ему страстности. Она до сихъ поръ не догадывалась; но теперь узда, долго его сдерживавшая, была сорвана и вылились наружу горячія признанія, которыя давно у него просились на языкъ,—вылились неудержимо и безсвязно.

Молодая дѣвушка не поняла его съ первыхъ словъ; но вдругъ, когда она увидала эти запылавшіе глаза и услышала его бурныя признанія, она мигомъ какъ бы выросла предъ нимъ, и такое глубокое, леденящее презрѣніе выразилось на ея лицѣ, что Нерадовичъ не устоялъ передъ ея взглядомъ. Онъ сознавалъ, что былъ смѣшонъ въ эту минуту, и вспыхнувшее чувство стыда и униженія заговорило громче страсти. Онъ понялъ, что власть его надъ молодою дѣвушкой утрачена.

— Такъ вотъ стало-быть для чего вы меня сюда манили! Вотъ что означали ваши громкія слова!

Волненіе вдругъ осилило ее и она закрыла лицо руками. Онъ хотѣлъ подойти къ ней.

— Я оскорбилъ васъ,—началъ онъ удивительно мягкимъ, заискивающимъ голосомъ.

Ея самообладаніе тотчасъ къ ней вернулось.

— Нѣтъ, не оскорбили. То, что смѣшно и гадко, оскорблять не можетъ. Мнѣ просто жаль, и не васъ даже, а своего глупаго, обманутаго довѣрія. Зачѣмъ я не осталась дома и не вынесла хотя бы вдесятеро болѣе того, что мнѣ пришлось терпѣть отъ отца?

Съ этими словами она вышла и въ слѣдующіе два дня не показывалась въ общей квартирѣ. Она обдумывала, какъ ей поступить; ей нельзя было даже переговорить съ сестрой и Тумановымъ. Оба они уже цѣлую недѣлю находились на одной изъ фабрикъ. Наконецъ она рѣшила остаться въ Москвѣ, найти себѣ работу, а съ кружкомъ порвать всякую связь. На третій день отправилась въ общую квартиру, чтобы тамъ сообщить

свое рѣшеніе,—по ея понятіямъ, разрывъ долженъ былъ совершиться гласно. На дорогѣ туда ей попался на встрѣчу Тумановъ.

— Какое счастье, что мы встрѣтились!—воскликнулъ онъ и увлекъ ее подъ сосѣднія ворота.—Квартиру накрыла полиція, былъ обыскъ. Троихъ изъ нашихъ арестовали, а остальныхъ розыскиваютъ. Нерадовичъ, Саша и почти всѣ прочіе разъѣхались въ разныя стороны. Мнѣ поручено сказать вамъ; я тоже ѣду сегодня. Если вы хотите остаться въ Москвѣ, вы должны перемѣнить квартиру.

Стало-быть, она была совершенно одна, брошенная въ чужомъ городѣ на произволъ судьбы. Гордость ей мѣшала обратиться за помощью къ отцу. У нея еще остались кое-какія средства. Она взяла скромную комнату въ одной изъ московскихъ гостинницъ и стала отыскивать занятія. Тутъ и нашла ее Анна Григорьевна, случайно поселившаяся въ той же гостинницѣ.

XI.

Вернемся, однако, въ Бѣлые Столбы. Володя только что прискакалъ домой на своемъ гнѣдомъ жеребцѣ,— это было дней пять или шесть послѣ описаннаго нами вечера. Онъ ѣздилъ въ Никольское по приглашенію Елены Михайловны и счелъ за лучшее туда отправиться верхомъ: ему казалось, что, явясь на конѣ, онъ, несомнѣнно, произведетъ сильное впечатлѣніе.

— Ну, какъ я радъ, что мы познакомились съ Ардынцевыми!—живо воскликнулъ онъ, встрѣтивъ Надю въ сѣняхъ.—Елена Михайловна такая милая и простая, и домъ у нихъ настоящая прелесть. Она къ намъ завтра собирается со своею падчерицей, разумѣется. Вы, по крайней мѣрѣ, здѣсь найдете себѣ сверстницу,—прибавилъ онъ. Володя сталъ живо разказывать, какъ любезно его принимали въ Никольскомъ. Онъ не счелъ нуж-

нымъ, однако, сказать Надѣ, что всего болѣе очаровало его тамъ, хотя его заискрившіеся глаза и выдавали его тайну съ достаточною откровенностью. А эта тайна была никто иной, какъ падчерица Елены Михайловны, Женичка Ардынцева.

На пятнадцатилѣтнюю Женичку не мудрено было залюбоваться. Все въ ней было еще не додѣлано и не доразвито, какъ въ свѣжей почкѣ, готовой распуститься, или въ недоконченномъ эскизѣ, надъ которымъ, однако, съ любовью работала умѣлая рука. Стройная, какъ молодая сосна, и въ то же время гибкая, какъ свѣжая лоза, она вся, казалось, подобно весенней природѣ, была смѣшеніемъ нѣжной прелести съ юною, расцвѣтающею силой. Въ ней все будто просилось вверхъ, какъ въ молодомъ растеніи, которое тянется къ солнцу. Во всѣхъ ея движеніяхъ была какая-то прирожденная, упругая ловкость, какъ будто чутье ей подсказывало, какъ именно слѣдовало стать и какъ двигаться. Въ ней не было и слѣда той робкой угловатости, которая такъ свойственна очень молодымъ дѣвушкамъ. Трудно было сказать, въ чемъ именно заключалась ея красота. Тутъ не было ни законченности формъ, ни строгой, классической правильности очертаній. Это не была та блѣдная, прозрачная красота, будто вѣчно озаренная молочнымъ. болѣзненнымъ свѣтомъ мѣсяца. Напротивъ, живость и здоровье такъ и струились во всемъ ея существѣ, и все-таки это было въ высшей степени легкое и граціозное существо, будто скользившее по землѣ, на которой ему, казалось, такъ хорошо живется. Несмотря на длинныя, черныя рѣсницы и на густые, темные волосы, двумя тяжелыми косами спускавшіеся почти до пояса, ея подвижное, искрившееся личико поражало нѣжною бѣлизной кожи, па которой то загорался, то потухалъ прозрачный, свѣжій румянецъ. Да и темный цвѣтъ ея волосъ не былъ густымъ, матовымъ чернымъ цвѣтомъ, свойственнымъ югу. Ихъ гибкія, шелковистыя пряди отливали теплымъ, слегка металлическимъ отблескомъ,

будто въ нихъ затерялся и не переставалъ играть вечерній солнечный лучъ. И этотъ лучъ съ ранняго дѣтства озарялъ все ея личико, созданное, казалось, для того, чтобъ отгонять мрачныя и грустныя мысли у тѣхъ, кому доводилось на нее взглянуть. У него не было одного опредѣленнаго выраженія, какъ не было сложившейся формы въ измѣнчивыхъ чертахъ. На немъ быстро отражалось малѣйшее новое чувство, какъ самый легкій вѣтеръ вызываетъ зыбь на гладкой поверхности воды. Улыбка была сродни ея немного раскрытымъ, ярко-розовымъ губамъ, но всякій разъ казалось, будто это совсѣмъ иная, новая улыбка: у этого полуребенка мысли и чувства выражались на столько разнообразныхъ ладовъ, сколько можетъ для нихъ придумать на струнахъ инструмента опытная музыкальная рука.

Описывая свою поѣздку въ Никольское, Володя не сказалъ всю правду Надѣ. На самомъ дѣлѣ, поѣздка эта не обошлась безъ приключеній. Дорогой Володя заранѣе представлялъ себѣ малѣйшія подробности своего посѣщенія у Ардынцевыхъ, и, чего грѣха таить, при мысли о встрѣчѣ съ Еленой Михайловной немного робѣлъ. Но дѣйствительность даже въ самыхъ пустыхъ мелочахъ почти никогда не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Когда онъ проскакалъ село и подъѣхалъ, умѣривъ шагъ лошади, къ воротамъ усадьбы, передъ его глазами вдругъ предсталъ, какъ бы выдѣлившись изъ окружавшихъ построекъ, большой трехъэтажный домъ во вкусѣ Александровской эпохи, съ рядомъ дорическихъ колоннъ и двумя флигелями, полукругомъ выступавшими впередъ на подобіе распущенныхъ крыльевъ двуглаваго орла. Все это было довольно угловато, но несомнѣнно внушительно, особенно благодаря обширному двору, вокругъ котораго правильно размѣстились многочисленныя каменныя службы. Никольское было старинная барская усадьба, принадлежавшая когда-то богатому роду графовъ Паницыныхъ. Общая недолговѣчность барскихъ созиданій на Руси отозвалась и на немъ, и графъ Ѳедоръ

Ларіоновичъ Панщинъ, не избѣжавшій общей участи безтолковаго совершенія долговъ, вынужденъ былъ за два года передъ тѣмъ продать Ардынцеву свою родовую усадьбу. Елена Михайловна, какъ женщина со вкусомъ, сдѣлала, что могла, чтобы смягчить ея казенную величавость, такъ неудачно заимствованную нами у Наполеоновской имперіи. Красивый пестрый цвѣтникъ съ фонтаномъ разстилался среди двора. Открытая терраса была ограждена отъ солнца широкимъ полотнянымъ навѣсомъ, на пестроту котораго будто косились строгія бѣлыя колонны. Терраса эта, вся убранная растеніями, нарушала своею цвѣтущею зеленью величавую холодность правильнаго, непривѣтливаго зданія.

Все это далеко не понравилось Володѣ. Ему даже показался совсѣмъ негостепріимнымъ этотъ домъ, глядѣвшій такъ оффиціально, и робость его оттого, конечно, слегка увеличилась. На зло ему, на всемъ дворѣ не было видно ни души. У самыхъ воротъ онъ остановилъ было оторопѣвшаго мальчика и спросилъ у него: „дома ли барыня и не можетъ ли онъ отвести его лошадь?“ Но тотъ вытаращилъ на него свои удивленные глаза и, молча простоявъ съ минуту, съ какимъ-то страннымъ визгомъ отбѣжалъ прочь. „Прямо подъѣхать къ дому,— подумалъ Володя, — соскочить съ лошади и вызвать кого-нибудь изъ сѣней?“ Но поступить такъ ему показалось совершенно невозможнымъ: черезчуръ ужъ непривѣтливо и важно глядѣлъ на него будто опустѣвшій домъ. Онъ сошелъ съ лошади, отворилъ ворота и сталъ отыскивать кому бы можно было поручить своего жеребца. Въѣздъ его оказался далеко не столь блестящимъ, какъ онъ думалъ, и должно быть его озабоченная фигура была нѣсколько комична, только вдругъ сзади его раздался звонкій, хотя и сдержанный смѣхъ и почти въ тотъ же мигъ очутился передъ нимъ огромный датскій песъ, оскалившій зубы и встрѣтившій его хриплымъ, отрывистымъ лаемъ. Положеніе Володи становилось критическимъ, тѣмъ болѣе, что испуганная лошадь приня-

лась совершать невѣроятные прыжки. Но спасеніе было уже не далеко. „Jack, Jack, be quiet, you naughty fellow“, послышался все еще смѣющійся и въ то же время будто ласкающій голосъ и къ нему скорѣе подбѣжала, чѣмъ подошла, стройная дѣвушка въ платьѣ чернаго цвѣта съ бѣлыми полосками; нѣтъ, это была не дѣвушка, а сказочная фея,—такъ легко и воздушно двигалась она, едва касаясь земли. Собака мигомъ стихла и стала ласкаться къ своей госпожѣ, которая принялась теперь гладить ея могучую голову, слегка насмѣшливо поглядывая на стоявшаго предъ ней молодого человѣка. Это было всего одно мгновеніе обоюднаго молчанія, но Володѣ оно показалось мучительно долгимъ, и какая-то непонятная робость овладѣла имъ, хоть онъ и не спускалъ глазъ съ молодой дѣвушки, которая со своей стороны нисколько не смутилась отъ неожиданной встрѣчи.

— Вы... вы хотите къ мама?—спросила она, убѣдившись, повидимому, что онъ не рѣшается заговорить первый. Насмѣшливое выраженіе исчезло съ ея губъ и смѣнилось ободряющею, почти ласковою улыбкой. А въ то же самое время ея бойкая головка уже успѣла сообразить, что этотъ оторопѣвшій молодой человѣкъ— никто иной какъ ихъ сосѣдъ изъ Бѣлыхъ Столбовъ, про котораго она наслышалась отъ Томилина и Боровского.

— Да-съ...—А Елена Михайловна дома?—конфузясь спросилъ въ свою очередь Володя, у котораго даже брови сдвинулись отъ досады.—Вы... вы, конечно, дочь, то-есть падчерица Елены Михайловны?—продолжалъ онъ неувѣренно и неловко. Да развѣ можно было не казаться неловкимъ, когда лошадь, которую онъ держалъ за уздцы, не переставала дергать его руку и взбивать копытомъ песокъ?

— Конечно, вы догадались,—отвѣчала Женичка съ оттѣнкомъ насмѣшливости.—Вы, кажется, не знали какъ найти дорогу къ крыльцу?—безпощадно продолжала она,

но тотчасъ перемѣнила тонъ, замѣтивъ, что краска сильнѣе выступила на щекахъ молодого человѣка.—Я васъ проведу, если хотите. Лошадь ваша, кажется, очень непослушная? Да?—вдругъ неожиданно прибавила она, обращаясь къ предмету всегда сильно ее интересовавшему. Женичка страстно любила лошадей и никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что въ Никольскомъ ей пока не представлялось случая ѣздить верхомъ.

— Ничего, она смирная,—и Володя принялся усиленно гладить своего жеребца по шеѣ. Въ такихъ случаяхъ очень молодые люди охотно прибѣгаютъ къ содѣйствію животныхъ, безмолвныхъ и удобныхъ посредниковъ.

— Какая она славная! какъ ее зовутъ?

И она со своей стороны тоже неизвѣстно почему стала гладить блестящую шею лошади.

— Солиманъ.

И почему-то ему тотчасъ показалось, что это историческое имя не лишено нѣкоторой вычурной комичности. Но Женичка думала уже о другомъ.

— Отчего же вы къ намъ верхомъ пріѣхали? Вотъ видите, это имѣетъ нѣкоторое неудобство, и еслибъ я не была тутъ, мой Жакъ, пожалуй, васъ встрѣтилъ бы совсѣмъ не гостепріимно.

Они стояли лицомъ къ лицу по обѣ стороны лошади. Живые глазки Женички уже давно замѣтили, что робкій молодой человѣкъ, съ которымъ она говорила, очень недуренъ собой и что, повидимому, застѣнчивость не мѣшала ему испытывать нѣкоторое удовольствіе отъ ихъ неожиданной встрѣчи.

— Ѳедоръ Васильевичъ Томилинъ, — снова заговорила она,—много разсказывалъ намъ про ваши Бѣлые Столбы.

Слѣдовало непремѣнно дать ему понять, такъ казалось ей, что она его знаетъ и тѣмъ самымъ какъ бы узаконить его присутствіе въ Никольскомъ. Онъ тотчасъ схватилъ на лету ея намѣреніе.

— Ѳедоръ Васильевичъ мнѣ передавалъ, что Елена

Михайловна мнѣ разрѣшаетъ къ вамъ пріѣхать въ Никольское.

— Разрѣшаетъ. И я тоже разрѣшаю,—съ насмѣшливою важностью произнесла она и наклонила голову къ самой шеѣ лошади, прищуривъ въ то же время свои заискрившіеся глаза.

Теперь только къ Володѣ настолько вернулось самообладаніе, что онъ могъ вполнѣ разглядѣть стоявшую передъ нимъ дѣвушку. Теперь только она стала для него вполнѣ земнымъ, хоть и прелестнымъ существомъ, и онъ могъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ ловко сидѣла на ея головкѣ черная шляпа съ павлинымъ перомъ, какъ мягко ложились на тонкія плечи волнистыя косы и какъ изящно обхватывали стройный станъ складки платья, стянутаго у пояса кожанымъ кушакомъ. Платье это не доходило до самой земли, и быстрый взглядъ Володи могъ примѣтить удивительно изящныя ножки, повидимому, совершенно непривычныя къ покою.

— Пойдемте, однако, домой! Что мы здѣсь стоимъ?—сказала она вдругъ, примѣтивъ, быть можетъ, что глаза молодого человѣка слишкомъ упорно и восхищенно устремлялись на нее.—Да, я и забыла спросить у васъ: васъ, не правда ли, зовутъ Владиміръ Алексѣевичъ?

— А васъ—Евгенія Александровна?—спросилъ онъ въ свою очередь, почему-то ощущая все усиливающійся припадокъ веселости.—Вы видите, что мы вовсе ужъ не такъ незнакомы другъ съ другомъ, какъ сперва казалось. Вы здѣсь всё лѣто проводить будете?

— Я думаю. Откровенно говоря, я даже этого нѣсколько боялась.

— Отчего боялись?

— Да такъ. Я представляла себѣ здѣшнія мѣста какъ совершенную глушь, гдѣ во всѣ стороны тянется безконечная степь. Ну, словомъ, я думала найти какое-то безлюдное затишье... Но, впрочемъ, я давно убѣдилась, что ошибалась на этотъ счетъ и теперь даже очень полюбила Никольское.

Молодой человѣкъ невольно окинулъ взглядомъ окружавшую ихъ усадьбу, глядѣвшую оффиціально, какъ чиновникъ въ парадномъ мундирѣ.

— Вы не понимаете, какъ можно полюбить Никольское,—сказала она, тотчасъ понявъ этотъ взглядъ.—Мнѣ самой оно казалось сначала очень натянутымъ, какъ старухи въ фижмахъ на древнихъ портретахъ,—у насъ ихъ тамъ цѣлая галлерея. Но ко всему этому скоро привыкаешь: и къ старухамъ, и къ самой усадьбѣ, тѣмъ болѣе, что нашъ садъ съ огромными старинными липами долженъ быть лѣтомъ такая прелесть.

— Вы кажется, изъ тѣхъ, которые вездѣ легко уживаются.

Онъ уже совершенно забылъ свою робость.

— Можетъ быть,—отвѣчала она, смѣясь.

Въ эту минуту на дворъ вбѣжалъ невысокаго роста мальчикъ въ какой-то странной зеленой курткѣ съ позументами и блестящими пуговицами. Это былъ все тотъ же классическій помѣщичій казачекъ, но тоже подчинившійся хоть на чуточку общимъ требованіямъ современнаго прогресса.

— Вася,—остановила его молодая дѣвушка,—возьми лошадь и отведи ее въ конюшню. Мама дома?

— Кажется, дома-съ,—отвѣчалъ мальчикъ и взялъ Солимана за поводъ.

Молодые люди направились къ дому, разговаривая какъ старинные знакомые. Дойдя до крыльца, Женичка вызвала одного изъ стоявшихъ тутъ слугъ и приказала доложить Еленѣ Михайловнѣ о пріѣздѣ гостя. Исполнивъ это, юная фея разсталась со своимъ новымъ знакомымъ и тотчасъ исчезла за калиткой ведущею въ садъ. Володю такъ и обдало стариннымъ величіемъ, когда онъ вступилъ въ широкія сѣни, откуда большая лѣстница съ двумя поворотами поднималась во второй этажъ. Ему не дали, впрочемъ, времени для наблюденій. Спустя двѣ минуты слуга вернулся и сказалъ, что Елена Михайловна ихъ проситъ. Володя засталъ хо-

зяйку Никольскаго въ небольшомъ кабинетѣ, единственной комнатѣ, гдѣ старинная угловатая меблировка была замѣнена мягкими, низкими креслами, обитыми голубымъ ситцемъ. Комната эта, веселая и уютная, была любимымъ убѣжищемъ Елены Михайловны. Увидавъ молодого человѣка, она медленно и плавно приподнялась со своего мѣста, указывая ему на стоявшія возлѣ него кресла; всѣ ея движенія отличались необыкновенною плавностью, точно въ нихъ былъ ровный, немного торжественный размѣръ классическаго стиха. Несмотря на свои двадцать семь лѣтъ, изъ которыхъ восемь были проведены въ замужествѣ, Елена Михайловна сохранила рѣдкую, почти дѣвическую свѣжесть на своихъ тонкихъ, прозрачныхъ чертахъ и въ то же время это замѣчательно моложавое лицо умѣло всегда выражать до малѣйшихъ оттѣнковъ то, что именно въ данную минуту слѣдовало, и мягкія, нѣжныя губы, и голубые глаза—замѣчательно глубокіе глаза, умѣвшіе пристально вглядываться и хорошо высматривать—издавна научились повиноваться и съ необыкновеннымъ мастерствомъ видоизмѣнять то несомнѣнное краснорѣчіе, которымъ всегда обладаетъ красивое лицо умной женщины. Одно только слегка нарушало общее впечатлѣніе этого лица—правильныя, гордыя брови и высокій лобъ, съ котораго давно слетѣла дѣвическая безмятежность мысли, если за этимъ лбомъ она когда-нибудь скрывалась.

Володю почему-то обдало холодною водой отъ любезнаго пріема Елены Михайловны и въ особенности отъ мягкаго звука ея низкаго, замѣчательно ровнаго голоса. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ голосъ: трудно было услышать болѣе симпатичные, болѣе пѣвучіе звуки, а между тѣмъ въ немъ было такое спокойствіе, такое равнодушіе, какъ будто говорившей этимъ голосомъ никогда уже не суждено было волноваться и любить. Конечно, Володя себѣ въ этомъ не отдалъ отчета, но въ присутствіи этой женщины,

такъ умѣвшей владѣть собой, а можетъ быть и другими, онъ ощущалъ какую-то странную тревогу, какъ предъ таинственною, непостижимою силой. Елена Михайловна, впрочемъ, умѣла дѣлать ручными гораздо болѣе строптивыхъ, чѣмъ Володя, и молодой человѣкъ очень скоро заговорилъ съ ней безъ всякой натянутости, высказываясь даже, можетъ быть, нѣсколько болѣе, чѣмъ онъ самъ того хотѣлъ. Но всетаки, какъ ни просто держалась съ нимъ Елена Михайловна, ему было въ ея присутствіи не по себѣ, и съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ онъ часто посматривалъ въ сторону замкнутой двери, въ надеждѣ, что она раскроется и пропуститъ уже знакомое ему черное платье. Но слишкомъ полчаса онъ уже былъ у Елены Михайловны, а Женичка не показывалась. Молодая женщина слушала и поощряла его, какъ будто то, что онъ говорилъ, въ самомъ дѣлѣ ее интересовало. Кто знаетъ, быть можетъ, она и желала кое-что отъ него выпытать. А Володя думалъ про себя, полагая, что онъ понимаетъ ее какъ нельзя лучше: „Не выдамъ я своихъ завѣтныхъ убѣжденій этой пустой свѣтской барынѣ, которой, вѣроятно, они покажутся только смѣшными!“ За то онъ съ большою готовностью разговорился про своего брата Дмитрія, сообщивъ ей о его скоромъ пріѣздѣ.

— Я буду очень рада,—отозвалась она, и чуть замѣтная искра показалась въ ея спокойныхъ глазахъ.— Вы знаете,—продолжала она, вопросительно взглянувъ на Володю,—что мы съ вашимъ братомъ давно знакомы?

Должно быть то, что она прочла на лицѣ Володи, вполнѣ ее удовлетворило. По крайней мѣрѣ, она принялась совершенно свободно и, повидимому, равнодушно сыпать лестными отзывами про умъ и способности Дмитрія.

Между тѣмъ подали завтракъ, и Елена Михайловна повела молодаго человѣка въ столовую, гдѣ, къ его крайнему удовольствію, уже была Женичка,

ожидавшая ихъ прихода вмѣстѣ со своею гувернанткой, старою и добродушною миссъ Финчъ. Но Володя ошибся, надѣясь возобновить съ Женичкой прерванный разговоръ. Молодая дѣвушка точно преобразилась: когда Елена Михайловна представила ей Володю, Женичка сказала, что уже познакомилась съ нимъ за часъ передъ тѣмъ. Но она ограничилась этимъ короткимъ отвѣтомъ и затѣмъ будто совершенно застыла въ благовоспитанную, натянутую барышню. Съ нимъ она не заговаривала вовсе, почти нехотя отвѣчая на его вопросы. За то она съ большимъ усердіемъ разспрашивала сидѣвшаго за столомъ управляющаго, молодого и довольно неуклюжаго питомца Земледѣльческой Академіи, про различныя системы плуговъ. Ее даже не смущало, что молодой человѣкъ какъ-то сурово и неохотно ей отвѣчалъ, какъ будто желая ей дать понять, что онъ вовсе не намѣренъ ей выказывать учтивости, такъ какъ его обязанность заключается единственно въ надзорѣ за хозяйствомъ. Неудивительно, что у Володи мигомъ разсѣялись его веселыя впечатлѣнія и онъ тотчасъ послѣ завтрака поспѣшилъ ускакать домой. Однако, по мѣрѣ того какъ онъ удалялся отъ Никольскаго, неопредѣленное, но сладостное чувство снова прокрадывалось къ нему и рядъ неясныхъ, но милыхъ воспоминаній затрезвонилъ въ его воображеніи. Нѣсколько разъ онъ даже разсмѣялся самъ, не зная почему, и когда онъ былъ въ Бѣлыхъ Столбахъ, его поѣздка казалась ему чѣмъ-то необычайно веселымъ, хотя онъ не счелъ нужнымъ передавать о томъ Надѣ съ полною откровенностью. На слѣдующій день Елена Михайловна сдержала данное Володѣ слово и пріѣхала въ Бѣлые Столбы съ Женичкой. Разговаривая съ Анной Григорьевной, она съ замѣчательнымъ умѣньемъ тотчасъ попала въ тонъ, хотя кругозоръ обѣихъ женщинъ совершенно расходился.

Надя сперва дичилась и не хотѣла показаться. На что ей было знакомиться съ петербургскою барыней,

съ куклой, какъ она выражалась, да съ такою пустою дѣвочкой, какою была, конечно, ея падчерица. Но и Надя не устояла противъ обаянія спокойной, вкрадчивой привѣтливости Елены Михайловны. Она тотчасъ почувствовала, что здѣсь ея внутренній протестъ, всегда готовый высказаться, не имѣетъ ровно никакого повода. Елена Михайловна обошлась съ ней, не выказавъ ни малѣйшаго оттѣнка любопытства, а еще менѣе покровительства. Любезность не стоила никакихъ усилій хозяйкѣ Никольскаго.

— Я требую отъ васъ,—говорила она Надѣ, и это слово выражалось какъ самая ласковая просьба,—чтобы вы къ намъ ѣздили совершенно по-просту, по-сосѣдски, и какъ можно чаще, если, конечно, Женя вамъ не покажется черезчуръ ребенкомъ. А Женичка, между тѣмъ, довершила то, что начала Елена Михайловна. Прежде всего въ ней поразило Надю полное отсутствіе всякой натянутости. Природная ловкость была у нея не только въ движеніяхъ, но и во всемъ, что она говорила и дѣлала. Едва ли передъ тѣмъ Надѣ приходилось встрѣтить молодое существо, такъ полное жизни и въ то же время такъ радостно и свѣтло живущее.

Володя, разумѣется, бросился высаживать дамъ, когда подъѣхала къ дому коляска Елены Михайловны. Женичка протянула ему руку точно такъ же, какъ и Елена Михайловна, и развѣ очень зоркій глазъ могъ подмѣтить оттѣнокъ насмѣшливости въ ея улыбающемся взглядѣ, какъ былъ пожалуй, оттѣнокъ снисходительности въ привѣтливомъ поклонѣ Елены Михайловны.

Когда Надя увела Женичку въ садъ, Володя не утерпѣлъ и почти тотчасъ же вслѣдъ за ними исчезъ изъ гостиной. Онъ живо догналъ молодыхъ дѣвушекъ, увѣряя, что гораздо лучше Нади сумѣетъ показать Евгеніи Александровнѣ то, чѣмъ могъ похвалиться вѣковой садъ,—и старинную бесѣдку, и липу, посаженную, какъ гласило преданіе, еще при Петрѣ, и въ особенности то мѣсто, откуда былъ такой чудесный видъ на

озеро и село. Но, объявивъ это, Володя погрузился въ полное молчаніе и, слегка понуря голову, шелъ рядомъ съ дѣвушками, очевидно, не зная, о чемъ завести рѣчь. А Женичка, повидимому, этого вовсе и не примѣчала,—такъ живо болтала она съ новой подругой. Застѣнчивость не мѣшала, однако, Володѣ вдоволь налюбоваться юною наслѣдницей Никольскаго, тѣмъ болѣе, что въ присутствіи Нади, такъ несхожей съ нею, Женичка казалась, можетъ быть, еще привлекательнѣе. Ея живому личику не доставало, конечно, той глубокой, немного строгой выразительности, которою жизнь рано запечатлѣла нѣжныя черты Нади. Но за то вся она была олицетворенная весна. Жизнь такъ и искрилась въ ней, какъ солнечный лучъ блеститъ въ прозрачной каплѣ утренней росы. Восторженный взглядъ молодого человѣка то и дѣло скользилъ по ней, переходя отъ ея изящной головки, отъ мягкаго изгиба ея тонкой шеи, по которой вились богатыя косы, къ кончику ея кожанаго сапожка, такъ задорно выглядывавшему изъ-подъ складокъ платья.

— Вашъ вчерашній пріѣздъ,—вдругъ обратилась къ Володѣ Женичка,—и въ особенности ваша красивая лошадь возбудили во мнѣ необыкновенное желаніе покататься верхомъ, и какъ нарочно у насъ вчера обѣдалъ Томилинъ, котораго я и упросила достать мнѣ лошадь. Онъ, вы знаете, большой знатокъ. Ну, такъ вы, можетъ быть, Владиміръ Алексѣевичъ, согласитесь когда-нибудь со мной покататься?

Володя, разумѣется, былъ въ восторгѣ. Языкъ его мигомъ развязался, и никогда, можетъ быть, передъ тѣмъ въ присутствіи молодой дѣвушки онъ не чувствовалъ себя такъ въ ударѣ, какъ сегодня. Страннымъ образомъ, однако, ему и въ голову не приходило „развивать“ Женичку, какъ онъ это неоднократно дѣлалъ еще студентомъ.

— Петръ Николаевичъ мнѣ пишетъ,—говорила хозяйкѣ Бѣлыхъ Столбовъ, прощаясь съ ней, Елена Ми-

хайловна,—что онъ собирается пріѣхать сюда въ половинѣ іюня.—Онъ, кажется, очень недоволенъ, что Дмитрій Алексѣевичъ не хотѣлъ болѣе оставаться подъ его начальствомъ. И представьте себѣ, онъ даже мнѣ поручаетъ убѣдить вашего сына снова поступить на службу!

— Я съ Петромъ Николаевичемъ въ перепискѣ не нахожусь,—довольно сухо отвѣтила Анна Григорьевна.

Елена Михайловна какъ бы мимоходомъ упомянула объ этомъ какъ разъ затѣмъ, чтобъ убѣдить насколько воспоминанія давно минувшихъ годовъ оставили слѣды въ памяти ея собесѣдницы. Анна Григорьевна между тѣмъ, хоть Ардынцева произвела на нее самое благопріятное впечатлѣніе, все-таки подумывала про себя, что, должно быть, не безъ задней мысли богатая вдова сочла нужнымъ съ ней познакомиться: „Вѣдь не затѣмъ она сюда пожаловала,—думала, про себя старушка,—что мой шуринъ состоитъ опекуномъ ея падчерицы“.

XII.

Между Бѣлыми Столбами и Никольскимъ сразу установились оживленныя сношенія. Елена Михайловна была, повидимому, очень рада новому знакомству. Про Володю и говорить нечего. А Надя, съ своей стороны, охотно поддалась любезности сосѣдей. Молодость брала свое, и строптивое чувство вражды къ окружающему ее міру съ каждымъ днемъ въ ней слабѣло. Она сознавала это и почти стыдилась такой измѣны. А чутье между тѣмъ ей подсказывало, что на самомъ дѣлѣ новая среда ей гораздо больше сродни, чѣмъ та, въ которой провела она послѣдніе два года. Ѳедоръ Васильевичъ Томилинъ, съ которымъ она видѣлась часто, содѣйствовалъ этому превращенію. Ему, можетъ быть, молодая дѣвушка довѣрялась болѣе, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, и, въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было не вѣрить этому старику, у котораго сердце до сихъ поръ такъ тепло билось, когда онъ говорилъ, что право молодости

выше всякихъ другихъ требованій и одна только ошибка не допускаетъ утѣшенія: напрасная и безцѣльная растрата этой золотой поры. И Надѣ въ самомъ дѣлѣ, казалось, что ни одна весна до сихъ поръ для нея не расцвѣтала такъ хорошо. А приволжская весна въ этомъ году выдалась какъ нельзя лучше! Май былъ только въ первыхъ числахъ, а луга уже ярко одѣлись и кое-гдѣ по нимъ блестѣли пестрые узоры. Ракиты живо пускали молодые побѣги, а въ лѣсу красноватая почка быстро превращалась въ сочную, нѣжную зелень. Дни стояли сухіе, почти жаркіе, и безоблачное небо уже пугало хозяевъ насчетъ яровыхъ.

Разъ въ полдень Надя отправилась въ село. Время было не рабочее. Кое-гдѣ только бабы копошились въ огородѣ, либо мужикъ съ бороной готовилъ свою полосу подъ гречу. За то по улицѣ пестрыми кучками стояли ребяты и дѣвушки. Надя знала почти все село, и въ отношеніи къ ней мужики успѣли мало-по-малу отвыкнуть отъ врожденнаго недовѣрія къ „господамъ“. Она шла къ дому священника. У церковной ограды Надѣ попалась навстрѣчу небольшая кучка крестьянъ, въ числѣ которыхъ былъ староста Трофимъ. Всѣ они, видимо озабоченные, громко спорили о чемъ-то.

— Что, Трофимъ, о чемъ у васъ дѣло идетъ?—обратилась къ старостѣ молодая дѣвушка.

— Такъ, промежь себя больше—по своимъ дѣламъ толкуемъ,—отвѣчалъ тотъ.

— У барыни были, землю снимали,—подхватилъ другой.

— Рѣшили, стало быть?—спросила Надя.

— Что подѣлаешь! еще на одинъ годикъ взяли. Вишь, къ самымъ дворамъ подошла,—продолжалъ сердитымъ голосомъ тотъ же мужикъ, указывая на гумна. Трофимъ молчалъ.—Предлагали на шесть лѣтъ условіе заключить. Шалишь, хитры больно!

— Отчего-жъ не взять,—опять спросила Надя,—вѣдь, цѣны годъ отъ году ростутъ?

Крестьяне не отвѣчали.

— Извѣстно отчего!—вполголоса проговорилъ одинъ изъ нихъ, стоявшій позади.

— Новой воли все ждете?

— Да ужъ не безъ этого,—задорно сказалъ теперь не говорившій до того крестьянинъ, слывшій въ деревнѣ за самаго бойкаго говоруна.—Должно быть, выйдетъ когда-нибудь настоящая воля-то. На людяхъ тоже слышно. А этакъ развѣ можно—измаялись совсѣмъ.

Надя не захотѣла продолжать разговоръ и медленно отошла прочь. Ей всегда тяжело было, когда передъ ней сами крестьяне затрогивали этотъ вѣчный тревожный вопросъ. Что̀ могла она сказать имъ? Ни обнадеживать ихъ, ни разувѣрять ей одинаково не хотѣлось.

Къ ней навстрѣчу подходилъ, между тѣмъ, молодой человѣкъ съ жиденькою бородкой на худощавомъ и тускломъ лицѣ и съ холстиновымъ картузомъ на длинныхъ, не совсѣмъ тщательно причесанныхъ волосахъ. Это былъ старшій сынъ отца Зосимы, мѣстнаго священника, служившій землемѣромъ при мировомъ съѣздѣ.

— Вы къ намъ, Надежда Сергѣевна?—началъ онъ, кланяясь,—отца нѣтъ дома, къ Никольскому священнику поѣхалъ.

— Я собственно васъ хотѣла видѣть,—сказала Надя, подавая ему руку,—про школу съ вами переговорить, ну и разспросить васъ насчетъ вашего пріятеля. Имѣете вы какія нибудь свѣдѣнія о немъ?

— Въ воду канулъ,—отвѣчалъ Василій.—Вы лучше Боровского разспросите.

Знакомство Нади съ Василіемъ началось довольно страннымъ образомъ. Едва три недѣли послѣ своего пріѣзда въ Бѣлые Столбы она встрѣтилась съ нимъ въ школѣ, молодой человѣкъ ей тутъ же сообщилъ, что у него есть для нея полученное наканунѣ письмо. Оказалось, что письмо было отъ Нерадовича. Василій не объяснилъ, какимъ способомъ оно дошло по адресу, хотя уже, конечно, не по почтѣ. Нерадовичъ, почему-то

узнавшій про ея отъѣздъ изъ Москвы, извѣщалъ ее о судьбѣ общихъ знакомыхъ и не безъ ироніи освѣдомлялся, каково-то ей живется въ ея новомъ положеніи. Надю это письмо и успокоило насчетъ близкихъ ей людей, и въ то же время раздражило, какъ напоминаніе, что за нею слѣдятъ и она, стало быть, не вполнѣ свободна. Обстоятельство это ее, однако, сблизило съ Василіемъ и черезъ его посредство съ цѣлымъ семействомъ отца Зосимы. Въ Бѣлыхъ Столбахъ молодой человѣкъ былъ единственнымъ живымъ существомъ, въ которомъ она могла встрѣтить полное сочувствіе.

— Ну-съ, а насчетъ школы,—продолжалъ Василій,—я вамъ, кажется, пріискалъ подходящую личность изъ бывшихъ товарищей. Только придется вамъ пріѣзда Дмитрія Алексѣевича подождать. Анна Григорьевна ни за что не согласится на смѣну прежняго учителя, хоть онъ и никуда не годится.

Надя при этомъ вспомнила, что давно просила Володю подумать о школѣ и переговорить съ матерью. Тотъ, разумѣется, принялъ самое живое участіе, обѣщалъ ей съ три короба, а затѣмъ про школу позабылъ.

— Да я Дмитрія Алексѣевича совсѣмъ не знаю, — отвѣчала Надя, и брови ея при этомъ сдвинулись.—А вашъ отецъ развѣ не можетъ словечко ввернуть?

— Отецъ?—насмѣшливо проговорилъ Василій.—Какое ему дѣло до школы! Теперешній учитель человѣкъ смирный,—чего-жъ еще? А мнѣ и заикнуться про это нельзя. Онъ мнѣ, вы знаете, самому-то ни въ чемъ не мѣшаетъ; но за то, я думаю, на меня давно рукой махнулъ.

Пока Василій говорилъ это, на главную улицу изъ проселка въѣхали бѣговыя дрожки и на нихъ предстала въ запыленной рясѣ не молодая, но здоровая фигура отца Зосимы. Онъ остановился передъ кучкой мужиковъ и долго съ ними про что-то толковалъ.

— Батюшка съ мужиками насчетъ пашни сговаривается,—немного сконфуженно замѣтилъ Василій.

Эти слова напомнили молодой дѣвушкѣ про то, что сказали ей крестьяне. Она передала это Василію.

— Неужели здѣсь исхода никакого нѣтъ?—спросила она.—Слѣдовало бы крестьянамъ растолковать, что имъ же выгодно вступить въ соглашеніе съ тетушкой.

— Попробуйте,—отвѣчалъ Василій.

— А то упорная надежда на новую волю, какъ они говорятъ, ихъ къ добру не приведетъ.

Василій пожалъ плечами.

— А я вамъ вотъ что скажу, Надежда Сергѣевна; мы, вотъ, съ вами про это толкуемъ, а вы убѣдите-ка мужиковъ, что мы заботимся о лучшемъ надѣленіи ихъ землею. „Да что же барышня отъ этого выгоду какую получитъ что-ли?" Вотъ что они вамъ скажутъ.

Бѣговыя дрожки поравнялись съ молодою дѣвушкой, и священникъ раскланялся, приподнявъ свою поярковую шляпу.

— Крестьяне вамъ, батюшка, должно быть, на тетушку жалуются,—сказала Надя.

— Помилуйте! На что же жаловаться?—обязательно улыбаясь отвѣтилъ священникъ.—Они за ея превосходительство Бога молятъ, вотъ что!

— Да они мнѣ сами говорили сейчасъ про господскую землю.

— Да! про землю!..—видимо не особенно заинтересованный этимъ вопросомъ, сказалъ отецъ Зосима.—Что же, кажется, они съ генеральшей согласились. Ну и прекрасное дѣло! За умъ, значитъ, взялись...

— Вы бы, однако, батюшка, какъ духовный отецъ, имъ растолковали.

— Да что имъ толковать-то,—живо перебилъ священникъ,—сами свое дѣло знаютъ. Не зайдете ли къ намъ, Надежда Сергѣевна? Чайку бы откушали.

Надя отказалась отъ угощенія и медленно пошла большою дорогой по направленію къ городу. Церковь находилась у выѣзда изъ села, на краю ложбины, и стояла выше самыхъ крышъ домовъ. Оттуда дорога

спускалась подъ гору, и во всѣ стороны взглядъ широко обнималъ безконечную гладь. Только справа, въ сторону усадьбы, круто обрывался оврагъ, а за нимъ виднѣлся старинный лѣсъ, гдѣ черезъ молодую листву мрачно сквозили хмурые дубовые стволы, да кое-гдѣ вдали поднимался отлогій пригорокъ, какъ рѣдкая лѣнивая волна на спокойной поверхности залива. Кругомъ стояла полная тишина, и перистые стебли глядѣли ровною непроницаемою стѣной.

Едва молодая дѣвушка миновала деревню, ее охватило безмолвіе степи. Нигдѣ ни человѣческаго голоса, ни скрипа колесъ, ни стука копытъ. Одна лишь степь-матушка, широкая и обильная, подготовлявшая богатую жатву. А надъ нею блѣдно-голубое небо, холодное и прозрачное, какъ бываетъ небо первыхъ весеннихъ дней, и кое-гдѣ на немъ будто мѣломъ написаны холодныя бѣлыя облака. Только ласточки то и дѣло шныряли, почти касаясь земли, да жаворонокъ стремительно поднимался съ поля и отрывисто, будто скачками, исчезалъ въ воздушной выси.

Но совсѣмъ не спокойствіе и не миръ навѣвала молчаливая степь на душу молодой дѣвушки. За глубокимъ безмолвіемъ ей слышались ропотъ и слезы. Изобиліе и просторъ ей говорили про тѣхъ, кого она считала обдѣленными. „Вѣдь этотъ просторъ, думалось ей, не существуетъ для тѣхъ, кто трудится надъ богатою степью. Имъ будто въ насмѣшку дали недостаточные клочки земли. Вотъ тутъ рядомъ, у самыхъ огуменниковъ, клиномъ вдавалось сѣроватое пятно—это было то самое паровое поле съ безпорядочнымъ засѣвомъ сорныхъ травъ, безъ котораго не могли обойтись крестьяне. И годъ изъ году будетъ такъ повторяться при безсильной борьбѣ съ растущими цѣнами на господскую землю. И все это для того, лишь чтобы семья Корецкихъ могла наслаждаться удобствами привольной жизни“. Надя въ эту минуту живо ощущала всю несправедливость такого положенія вещей. И не противъ тети она возмущалась,

„Анна Григорьевна срослась съ привычками крѣпостнаго права и ее винить нельзя за усвоенные ею предразсудки“, такъ говорила себѣ молодая дѣвушка. „Но ея старшій сынъ, этотъ умница Дмитрій, получившій высшее образованіе и теперь, должно быть, весело разъѣзжающій по Европѣ, и Володя, этотъ пылкій радикалъ, не успѣвшій однако до сихъ поръ и пальцемъ двинуть для улученія быта своихъ сосѣдей — крестьянъ, да, вѣдь, онъ и заглядываетъ къ нимъ не иначе, какъ на охотѣ“. Надѣ казалось теперь и возмутительнымъ, и неестественнымъ, что она со своими взглядами, со своимъ прошлымъ, живетъ у этихъ людей, пользуется ихъ гостепріимствомъ и такимъ образомъ почти раздѣляетъ съ ними отвѣтственность. Развѣ она тѣмъ самымъ не измѣняетъ и своимъ убѣжденіямъ, и этимъ людямъ, которые приняли ее въ свой домъ какъ родную? Да полно! зачѣмъ обманывать себя? Съ тѣхъ поръ, какъ она въ Бѣлыхъ Столбахъ, она, вѣдь, не думала протестовать. Она мирилась со всѣмъ, что было вокругъ нея. Развѣ, въ сущности, и теперь ей на самомъ дѣлѣ хочется разорвать съ ними всякую связь и пойти раздѣлять участь того сѣраго люда, о которомъ она сокрушается? Развѣ въ сердцѣ своемъ она уже не измѣнила своему знамени?..

Все это столпилось и заспорило въ ея головѣ, и Надя шла все дальше, не замѣчая, что она прошла уже болѣе двухъ верстъ отъ деревни, а голубое небо между тѣмъ успѣло скрыться подъ навѣсомъ тучъ и на поля все гуще настилалась облачная тѣнь.

— Надежда Сергѣевна!—вдругъ неожиданно прозвучалъ рядомъ знакомый ей голосъ. Она не замѣтила даже, что возлѣ нея остановился маленькій изящный тарантасъ, изъ котораго теперь поспѣшно выходилъ Боровской.

— Надежна Сергѣевна, куда вы? Посмотрите, какъ небо заволокло! Сейчасъ ливень начнется, или для васъ въ эту минуту дѣйствительный міръ такъ же мало существуетъ, какъ моя тройка, которую вы не примѣтили?

Онъ дружески протянулъ ей руку, сказалъ, что ѣдетъ въ Бѣлые Столбы и предложилъ вернуться съ нимъ.

Неожиданная встрѣча непріятно поразила Надю. А между тѣмъ она не могла скрыть отъ себя, что этотъ несимпатичный ей человѣкъ имѣлъ для нея какую-то странную притягательную силу и возбуждалъ въ ней совсѣмъ непонятное любопытство.

Разговоръ, между тѣмъ, завязался самый обыкновенный. Но молодой дѣвушкѣ почему-то все казалось, какъ будто у нихъ происходилъ не просто обмѣнъ заурядныхъ мыслей, а какой-то скрытый допросъ, и ея слова противъ воли выдавали Боровскому самыя тайныя ея мысли. Чувствовалъ ли это Боровской или нѣтъ, только на лицѣ его, такъ мнилось Надѣ, читалось увѣренное, почти торжествующее выраженіе.

— Я видѣлъ вчера Елену Михайловну,—говорилъ онъ между прочимъ.—Она просто въ восхищеніи отъ своего знакомства съ вами. Вы ее очаровали.

— Я, конечно, должна быть очень польщена этимъ похвальнымъ отзывомъ,—почти съ ѣдкостью отвѣчала Надя.

— Напрасно вы вдаетесь въ ироническій тонъ, да еще со мной.. Я оттого упомянулъ объ Ардынцевой, что у нея, какъ у васъ, совершенно свободный и замѣчательно ясный умъ—свободный отъ всевозможныхъ предразсудковъ воспитанія, положенія и среды. Видите ли, всѣ люди дѣлятся на двѣ категоріи и только на двѣ, на тѣхъ, которыхъ ведутъ другіе, и тѣхъ, которые идутъ сами впередъ. Первыхъ ведетъ не одно чужое вліяніе, а вся та масса нелѣпыхъ вѣрованій, которыми напичкана наша общественная жизнь. А эти путы мѣшаютъ каждому свободному шагу. Повѣрьте мнѣ, и въ нашъ передовой вѣкъ очень, очень рѣдки тѣ, которые отъ нихъ свободны, хотя бы даже и въ томъ кругу, къ которому до послѣднихъ мѣсяцевъ принадлежали и вы.

На этихъ послѣднихъ, довольно неожиданныхъ, сло-

вахъ онъ оборвался и пристально на ее взглянулъ; но губы его тотчасъ сложились въ привѣтливую улыбку.

— Вѣдь, тѣ идеалы, которымъ тамъ покланяются, тоже своего рода кумиръ и также заслоняютъ отъ глазъ дѣйствительность. Ну, а для того, чтобы самому идти безъ чужого руководства, нужно разбить всѣ такіе кумиры и смѣло разсѣять призраки, созданные предразсудкомъ. Тѣ немногіе, которые въ силахъ это сдѣлать, и составляютъ небольшой кружокъ избранныхъ, къ какому бы лагерю они ни принадлежали.

Боровской рѣдко увлекался, но въ этотъ разъ его краснорѣчіе, повидимому, закусило удила,—такъ живо блестѣли его глаза, всегда такіе спокойные и пристальные. Онъ, казалось, забылъ, что произноситъ не публичную рѣчь и что слушаетъ его и недовѣрчиво слушаетъ, лишь одна молодая дѣвушка, которую ему почему-то такъ захотѣлось убѣдить.

— Вотъ потому именно, что мы оба принадлежимъ къ числу этихъ немногихъ—я скромничать не люблю—мнѣ непонятно, какъ это вы могли посвятить себя такому безнадежному дѣлу, какъ то, которому вы прежде служили. И говоря это, поймите меня, я и не думаю осуждать ни васъ, ни прежнихъ вашихъ друзей,—злобы я къ нимъ не питаю никакой. Но они безсильны, они ударяютъ лбомъ объ стѣну, а, между тѣмъ, вредъ они приносятъ и даже очень большой, потому что возбуждаютъ недовѣріе къ инымъ людямъ, которые лучше ихъ сдѣлали бы то же самое, а теперь благодаря имъ должны прятаться. Ну, а вы, такая умная и въ особенности—какъ бы это сказать?—ну,такая сильная, коли хотите, какъ могли вы увлечься фразами?

— Я не понимаю, съ какого права вы заговариваете со мной объ этомъ, Николай Осиповичъ!—гнѣвно прервала она его. Но ей лишній разъ пришлось убѣдиться, что этого человѣка ей сразить не легко.

— Съ какого права?—спокойно возразилъ онъ.—Да, во-первыхъ, я почти вдвое старше васъ; во-вторыхъ, я

еще разъ вамъ повторяю, мы гораздо ближе стоимъ другъ къ другу, чѣмъ вы подозрѣваете... Но, впрочемъ, что я съ вами заболтался?—посмотрите, дождь пошолъ!

И въ самомъ дѣлѣ крупныя капли тяжело падали съ неба, а по дорогѣ заклубилась черная пыль, поднятая расходившимся вѣтромъ.

— Вы такъ дойти до Бѣлыхъ Столбовъ не можете. Сядьте со мной. Я васъ довезу.....

Надя дала себя усадить, и онъ бережно укуталъ ее лежавшимъ въ тарантасѣ пледомъ.

Едва миновали они плотину, какъ за ними послышался звонкій хохотъ и стукъ копытъ по мосту. Еще мигъ и ихъ обскакали двѣ лошади. Въ одной изъ нихъ Надя узнала Солимана, на другой скакала Женичка, повидимому, очень довольная, что гроза ихъ застала врасплохъ. За ними въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхалъ обращенный въ жокея казачокъ Вася.

— Я къ вамъ, укрыться отъ дождя! весело закричала Женичка, обгоняя тарантасъ.

Когда Боровской и Надя подъѣхали, Володя уже соскочилъ съ лошади и собирался помочь своей дамѣ. Но Женичка едва уперлась ногой на его протянутую руку и мигомъ вскочила на ступени крыльца. Тутъ она стояла, высоко поднявъ шлейфъ своей амазонки, и весело привѣтствовала Надю.

— Мы съ Владиміромъ Алексѣевичемъ хотѣли до Волги доѣхать, насъ дождь и захватилъ, и долго не думая я рѣшила, что заѣду къ вамъ... Здравствуйте, Николай Осиповичъ!—обратилась она насмѣшливо къ Боровскому.—И вы тоже занимаетесь спасаніемъ погибающихъ?

Она разсмѣялась и принялась хлыстикомъ отряхивать съ платья дождевыя брызги. И гроза, и вся неожиданность этого пріѣзда въ Бѣлые Столбы дѣйствовали на молодую дѣвушку возбуждающимъ образомъ.

— Теперь, Надя, вы меня проведите къ себѣ. Я должна переодѣться съ головы до ногъ. Обѣ молодыя дѣвушки побѣжали на верхъ въ комнату Нади.

— Послушайте, Надя,—говорила Женичка, выбирая, какое изъ платьевъ надѣть на мѣсто своей скинутой амазонки.—Я давно хотѣла просить васъ, чтобы мы были съ вами на „ты“, какъ настоящія подруги. Хотите, Надя? Вы знаете, что вы мнѣ ужасно нравитесь!—И Женичка, которая, между тѣмъ, уже успѣла рѣшить, во что одѣться, подошла къ Надѣ и сзади обвила ея талію обѣими руками.—Такъ рѣшено, стало быть? — Она повернула къ себѣ голову Нади и громко ее поцѣловала.

— Теперь я могу разспросить тебя вотъ о чемъ,— важно начала она, помѣстившись на кровати своей новой подруги.—Я вчера видѣла нашего судебнаго слѣдователя Коневецкаго, который все такъ смѣшно картавитъ. Ты знаешь, онъ преуморительный!—И она стала передразнивать не только голосъ Коневецкаго, но и его манеры и даже тотъ особенный жестъ, съ которымъ онъ вставлялъ себѣ въ лѣвый глазъ монокль.—Ну, такъ вотъ этотъ очаровательный молодой человѣкъ увѣрялъ меня да и мама тоже что ты, пожалуйста, не разсердись, что ты „нигилистка“!—Послѣднее слово Женичка произнесла шепотомъ, причемъ она необыкновенно покраснѣла, и голыя ея плечики вздрогнули не то отъ стужи, не то отъ смущенія.

Надя не разсердилась.

— Да ты отдаешь себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое нигилистка?

— Признаюсь, я ихъ не видала никогда. Конечно, я ихъ на улицѣ встрѣчала, по крайней мѣрѣ, мнѣ говорили, что это онѣ. Ты знаешь, въ черныхъ, не совсѣмъ чистыхъ платьяхъ, да въ кругленькихъ шляпахъ на стриженыхъ волосахъ, да въ очкахъ, нѣтъ, впрочемъ, очки не у всѣхъ!—но вотъ непремѣнно съ книжкой изъ библіотеки, грязною такою! Но понимаешь, я все-таки настоящимъ образомъ никогда ихъ не видала. А очень бы хотѣлось!...

— А какъ тебѣ кажется, я похожа на такую, съ грязною книжкой въ рукахъ?

— Ну, не ври Надя!—вскрикнула Женичка, спрыгнувъ съ кровати, и опять обняла Надю.—Будь, пожалуйста, серьезною! Я, вѣдь, не маленькая. Мнѣ черезъ три дня, десятаго числа, шестнадцать лѣтъ. Я очень хорошо понимаю, что дѣло совсѣмъ не во внѣшности, а въ убѣжденіяхъ, и что между ними есть очень образованныя и умныя.

— Да вотъ насчетъ этихъ самыхъ убѣжденій ты когда-нибудь задумывалась?

— Въ романахъ я, разумѣется, читала,—живо перебила ее Женичка,—и хоть это, конечно, очень недостаточное знакомство, все-таки, откровенно признаюсь тебѣ, онѣ производили на меня всегда такое впечатлѣніе, что сами хорошенько не знаютъ, изъ-за чего хлопочатъ и волнуются. Потомъ, вотъ видишь, онѣ какъ-то всѣ въ городахъ воспитаны да на книжкахъ „развивались“, какъ онѣ говорятъ, а между тѣмъ все про народъ толкуютъ! А народъ-то, кажется, онѣ видѣли всего на качеляхъ на масляницѣ. Такъ ли?

— Ну, не совсѣмъ,—разсмѣялась Надя.—Есть и исключенія. Ну, а ты,—неожиданно спросила она въ свою очередь,—никогда всѣми этими идеями не тревожилась? никогда не задумывалась насчетъ этого самого народа, по милости котораго мы всѣ живемъ?

Женичка на мигъ примолкла, опустила глаза и потомъ вопросительно остановила ихъ на своей собесѣдницѣ.

— Какъ тебѣ сказать?...—проговорила она не совсѣмъ рѣшительно. — Народъ, такъ вообще, не могу сказать, чтобъ я объ немъ много думала. Это, знаешь, и очень велико, и очень неопредѣленно. А то, что мы, богатые люди, не для себя однихъ жить должны,—это, разумѣется, совершенная правда. Но, конечно, на меня одинъ какой-нибудь несчастный всегда производилъ больше впечатлѣнія, чѣмъ все то, что я читала про какую-то далекую нужду многихъ. Я, можетъ быть, не такъ выражаюсь, но ты поймешь меня, Надя; это по твоимъ понятіямъ, можетъ быть, даже нехорошо.

— Нехорошаго тутъ, мой другъ, ничего нѣтъ; но опять-таки я тебѣ скажу, что давать иногда нищему двугривенный на улицѣ тоже не великое дѣло.

Женичка вся вспыхнула.

— Да ты меня за дурочку что-ли принимаешь? И замѣть, что ты мнѣ все-таки ничего не объяснила. А знаешь, я даже иногда просто думаю, что и объяснять-то тутъ нечего и что какъ тамъ ни ищи настоящаго смысла въ вашихъ идеяхъ, ни до какого не доберешься. Ну, а что тебя касается, такъ что ни говори, а я все-таки не повѣрю, будто ты нигилистка.

Съ этими словами Женичка встала, подошла къ зеркалу и принялась застегивать лифъ.

— Ну, я готова, Надя. Пойдемъ внизъ.

— Я непремѣнно хочу—обратилась она вдругъ къ Надѣ,—чтобы ты съ нами тоже попробовала верхомъ прокатиться. Ѳедоръ Васильевичъ—спасибо ему за это!—сразу досталъ мнѣ двухъ лошадей. А другая амазонка у меня пока имѣется. Я, вѣдь, немногимъ только выше тебя.

XIII.

Въ Никольскомъ, къ десятому числу, собралось довольно многочисленное общество. Кромѣ обитателей Бѣлыхъ Столбовъ и Боровского, тутъ были наши старинные знакомые Томилинъ и Берендѣевъ, да птенецъ школы правовѣдѣнія Поневецкій, да еще два сосѣда помѣщика, Уховъ и Дровнинъ. Послѣдній былъ тотъ самый добродушный либералъ, про котораго Томилинъ разсказывалъ за обѣдомъ у Анны Григорьевны. Удивительно сердобольное, почти институтское сердце билось въ его старческой груди! Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ съ юношескимъ пыломъ восторгался, чѣмъ случится: американскими неграми и дунайскими славянами, французскою республикой и великорусскою общиной, Гамбеттой и митрополитомъ Филаретомъ, Фаланстерами по

образцу Фурье и дѣтскими садами, и народными школами, вопреки всякимъ образцамъ. Говорилъ онъ тоненькимъ, минорнымъ голоскомъ и очень любилъ прибѣгать къ уменьшительнымъ выраженіямъ. Въ земствѣ, котораго онъ былъ усерднымъ членомъ, онъ славился тѣмъ, что прежде всѣхъ предлагалъ выразить сочувствіе или написать адресъ. Никто не подсмѣивался надъ нимъ такъ немилосердно, какъ его ближайшій сосѣдъ, мѣстный предводитель Уховъ.

Аркадій Степановичъ Уховъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ жирнымъ обѣдамъ, которые онъ охотно давалъ съ истинно степнымъ хлѣбосольствомъ. Онъ любилъ хорошо выпить и поѣсть, любилъ кровныхъ жеребцовъ и красивыхъ женщинъ, и любилъ бы также охоту и псовую, и ружейную, еслибъ—увы! физическимъ упражненіямъ не мѣшала черезчуръ могучая тучность его обширнаго тѣла. Уховъ, однако, лѣнтяемъ не былъ, и его грузная особа такъ же охотно передвигалась, какъ его практическій умокъ легко и быстро перебѣгалъ съ одного предмета на другой. Полныхъ людей обыкновенно считаютъ добряками и лежебоками; Уховъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.

Володя и Надя пріѣхали рало. Гостей еще не было Женичка куда-то исчезла, а хозяйка дома ушла къ себѣ одѣваться. Володя отправился бродить по саду, а Надя зашла въ старинную библіотеку. Здѣсь полчаса спустя Томилинъ засталъ ее за книгой.

— Что это, стихи! да еще нѣмецкіе! Браво... Да это Шиллеръ! Въ самомъ дѣлѣ! Поздравляю. Ахъ, старые годы и старые восторги!

Надей овладѣло странное, давно не испытанное чувство робости.

Весна беретъ свое, — сказалъ Томилинъ смѣясь,— и спасибо ей за это. Ну, а еслибы вы часъ — другой вели умныя рѣчи съ нашимъ общимъ другомъ, Боровскимъ, вамъ Шиллеръ въ голову не пришелъ бы, за это я ручаюсь. А что, вы продолжаете его считать

очень умнымъ съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ познакомились?

Надя не успѣла отвѣтить, какъ самъ Николай Осиповичъ показался въ дверяхъ, а вслѣдъ за нимъ и Коневецкій, одѣтый щегольски до неприличія.

— Извините насъ, что мы вторгаемся въ это святилище,—съ оттѣнкомъ ироніи началъ Боровской.—Но цѣлый домъ будто опустѣлъ. Мы тщетно отыскивали Елену Михайловну.

— Я скажу ей, что вы пріѣхали,—отвѣчала Надя вставая, чтобъ избѣгнуть разговора съ Коневецкимъ.

Трое мущинъ не долго оставались одни. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалась Женичка.

— Я думала найти здѣсь Надю,—сказала она входя.

Начались поздравленія, черезчуръ восторженныя со стороны Коневецкаго. Впрочемъ, было отъ чего и восторгаться. Въ своемъ свѣтломъ шелковомъ платьѣ—она въ первый разъ сняла трауръ по отцу—Женичка была особенно мила.

— Пойдемте въ гостиную,—сказала она, рѣшительно не зная о чемъ говорить съ этими тремя людьми, такъ неподходящими другъ къ другу.—Мама уже тамъ, конечно; да и гости, я думаю, пріѣхали,—я слышала звонъ колокольчиковъ.

Гости въ самомъ дѣлѣ уже собрались. Исправникъ успѣлъ выложить весь запасъ своей любезности. Бѣдный Дровнинъ уже вынесъ на себѣ двѣ, три насмѣшки отъ Ухова, который между тѣмъ расположился въ покойныхъ креслахъ рядомъ съ Еленой Михайловной.

Дровнинъ съ умиленіемъ разсказывалъ, какъ онъ узналъ въ этотъ самый день, что въ глухомъ углу одной изъ отдаленныхъ губерній имѣется какая-то деревушка, гдѣ идеальная артельная система примѣнена крестьянами къ хозяйству въ полной чистотѣ.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ,—что у насъ въ Россіи осуществлено и процвѣтаетъ то, къ чему стре-

мятся въ Европѣ лучшіе люди.—И мы этого даже не знаемъ! Ну, не грѣшно ли?

И онъ живо сталъ разсказывать, какъ хорошо живется въ этой новой Аркадіи, гдѣ, наконецъ, поняли, что земля не должна принадлежать никому.

— Это въ костромскихъ-то болотахъ твоя Аркадія?—замѣтилъ ему Уховъ.—Да тамъ, братецъ мой, и земля-то гроша мѣднаго не стоитъ. И дѣлятъ они тамъ между собой, артелью-то, мохъ развѣ какой, или кору березовую. Потому хлѣба тамъ и на галокъ не хватаетъ, не то, что на людей.

Дровнинъ такъ обидѣлся, что у него даже пятна выступили на блѣдныхъ щекахъ.

— Нѣтъ, Аркадій Степановичъ, ты понять не хочешь, какъ это важно,—отвѣчалъ онъ.—Вѣдь, это братство настоящее и наше самородное, не отъ нѣмцевъ и не петербургскими канцеляріями выдуманное.

— Ну, да! не предложишь ли сочувственный адресъ туда написать или послать кого-нибудь на счетъ земства, чтобъ изслѣдовать на мѣстѣ? Ужъ чего, чего мы по твоей милости не изслѣдовали—и какую форму лаптей носятъ у насъ въ уѣздѣ, и сарафаны бабьи, и цыплятъ считали, все статистика. Ну, а ты знаешь, выдуманная тобой опытная агрономическая станція...

— Ну, такъ что жъ?—испуганно спросилъ Дровнинъ.

— Проѣзжаю я тамъ на этой недѣлѣ. Смотрю, смотрю... гдѣ же ферма? Вижу пасется стадо какое-то, и все тутъ. Ну, мужичокъ одинъ попался, спасибо ему; онъ мнѣ и разсказалъ, что земскій агрономъ какъ снялъ осенью хлѣбъ, такъ и продалъ; и не хлѣбъ одинъ, а всю постройку, и куръ твоихъ, и былъ таковъ! а землю отдалъ подъ выгонъ. Что, хороша станція? А вѣдь наши карманы-то платили кровными денежками.

И Уховъ своею жирною ладонью ударилъ по тому мѣсту, гдѣ обыкновенно помѣщается кошелекъ. Всѣ засмѣялись.

— Ну, ваши денежки, я думаю, ужъ не такія кровныя, Аркадій Степановичъ,—съ нѣкоторымъ ехидствомъ, но все-таки любезно замѣтилъ ему Боровской.

Ухова это вмѣшательство немного озадачило. Не охотникъ онъ былъ до новаго прокурора и говорилъ обыкновенно про него: „пока человѣка не раскусишь, отъ него лучше подальше“. Но Ухову и не пришлось отвѣчать. Послышался звонъ бубенчиковъ и стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— Графъ Сергѣй Борисовичъ пріѣхали, — черезъ нѣсколько минутъ доложилъ слуга.

Елена Михайловна поднялась съ мѣста и съ сіяющимъ лицомъ пошла навстрѣчу гостю.

Графъ успѣлъ уже подняться по лѣстницѣ и съ изысканною, немного старомодною любезностью подошелъ къ хозяйкѣ. Онъ хотѣлъ поцѣловать ей руку, но Елена Михайловна подставила лобъ его бѣлымъ, надушеннымъ усамъ.

— Mon oncle! Quelle charmante surprise!—говорила она старику.

— Ma chère amie! J'ai tenu à vous voir et à féliciter Génie. Я ѣду къ сыну, вы знаете, въ Дубняки,— сынъ графа былъ предводителемъ сосѣдняго уѣзда,— и захотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы повидать васъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Сергѣй Борисовичъ Сокольницкій, родной братъ матери Елены Михайловны, былъ уже семидесятилѣтнимъ старикомъ. И волосы, и усы были у него уже совсѣмъ бѣлые. Въ голосѣ, все еще красивомъ, часто звучала будто надорванная струна. Но все-таки онъ сохранилъ привычную ему бодрость осанки. И порой, когда онъ говорилъ съ женщиной, почти юношеское оживленіе на мигъ вспыхивало на его лицѣ; и въ сюртукѣ съ аксельбантами, и въ прическѣ, и въ манерахъ было какое-то старательное изящество, отъ котораго вѣяло старымъ временемъ и давно забытыми нравами. Страннымъ образомъ, и теперь, несмотря

на пыльную дорогу, онъ будто вышелъ не изъ тарантаса, а изъ уборной. Елена Михайловна познакомила его со всѣми гостями и для всѣхъ онъ старался придумать нѣсколько ласковыхъ словъ. Когда ему ничего не приходило въ голову, въ его безмолвномъ поклонѣ видно было, что онъ будто извинялся въ этомъ.

— Я хорошо помню вашего покойнаго супруга,—сказалъ онъ Аннѣ Григорьевнѣ. — Онъ былъ образцовый офицеръ, и разъ, на маневрахъ въ Красномъ, не пропустилъ великаго князя чрезъ линію, parce que le grand duc avait oublié le mot de „passe“.

Анна Григорьевна и не подозрѣвала, чтобы мужъ ея когда-либо отличился хотя бы строгимъ соблюденіемъ дисциплины.

— C'est votre fille, madame?—прибавилъ онъ, любезнымъ поклономъ указывая на Надю.—Charmante! — и глаза старика заискрились, хоть онъ, вѣроятно, и не разслышалъ, что Надя вовсе не дочь Анны Григорьевны.

— Вы, стало быть, племянникъ покойнаго князя Павла Дмитріевича?—сказалъ онъ Боровскому. — Очень радъ. Большіе мы съ нимъ были пріятели. Съ нимъ вмѣстѣ дѣлали Турецкую и Польскую кампанію. Мы оба тогда были адъютантами у фельдмаршала. C'était un galant homme, dur quelquefois, mais un galant homme.

Въ Никольскомъ обѣдали рано—Елена Михайловна слѣдовала въ этомъ провинціальнымъ обычаямъ. Но къ ея ужасу, когда она подала руку графу, чтобы направиться въ столовую, тотъ обвелъ комнату глазами и сказалъ ей:

— Je crois, ma chère amie, que nons allons être treize à table!

Исправникъ Берендѣевъ, тоже замѣтившій это, раздумывалъ про себя, не слѣдуетъ ли ему немедленно сдѣлаться больнымъ и улетучиться. Но Елена Михайловна нашла иной исходъ: она подозвала Женичку и что-то шепнула ей на ухо, и та немедленно скрылась.

Но черезъ нѣсколько минутъ, когда уже всѣ стояли за закуской, она вернулась и отрицательно покачала головой въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Елены Михайловны. Та не знала, что ей придумать. Старикъ графъ былъ суевѣренъ, хоть и не признавался въ томъ. Къ счастію, вдругъ въ дверяхъ показалась фигура управляющаго. Онъ съ большимъ достоинствомъ подошелъ къ Еленѣ Михайловнѣ и сказалъ ей, отчеканивая каждое слово:

— Вы мнѣ приказали черезъ вашу дочь сѣсть за столъ, чтобы быть четырнадцатымъ?

Почтенный агрономъ, повидимому, сообразилъ, что не стоитъ изъ-за щепетильности рисковать мѣстомъ.

— Я васъ только просила,—мягкимъ голосомъ отвѣтила ему Ардынцева, хотя въ глазахъ у ней показалось вовсе не мягкое выраженіе. Она отвернулась и агрономъ очутился лицомъ къ лицу со старикомъ графомъ, который отвѣсилъ ему любезный поклонъ, воображая, что этотъ неизвѣстный молодой человѣкъ собирается выразить ему свое почтеніе.

Графъ много разсказывалъ за обѣдомъ, никогда не измѣняя своей неторопливой, будто внимательной рѣчи, то и дѣло пересыпанной французскими словами. Съ усиленнымъ вниманіемъ онъ выслушивалъ все то, что говорилось въ отвѣтъ, и хотя оно и не всегда доходило до его слуха, его лицо не переставало выражать желаніе угодить всѣмъ присутствовавшимъ.

Уховъ ему поддакивалъ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ: „такъ, ваше сіятельство! совершенно вѣрно!"—то и дѣло выливалось изъ его устъ. Разсказы графа вращались, главнымъ образомъ, около воспоминаній близко ему знакомой придворной среды. Но, повидимому, особенно цѣнилъ онъ тѣ изъ этихъ воспоминаній, въ которыхъ сказывалось чье-либо безкорыстіе или независимость. Уховъ подчеркивалъ ихъ, нѣсколько видоизмѣняя ихъ смыслъ, такъ что выходило, будто рѣчь графа служитъ какимъ-то обличеніемъ новому времени и новымъ порядкамъ.

— Что дѣлать? Такихъ людей теперь ужъ нѣтъ, ваше сіятельство,—говорилъ онъ.—Настоящей власти признавать не хотятъ, а передъ какимъ-нибудь мальчишкой, котораго никто и не знаетъ, раболѣпствуютъ, а главное—передъ радужною бумажкой.

— Такъ, такъ,—отвѣчалъ графъ, который не вполнѣ разслышалъ.

— Позвольте, однако, Аркадій Степановичъ, — сладенькимъ дискантомъ вмѣшался Дровнинъ.—Кого это вы мальчишками называете? И потомъ, опять на счетъ сторублевой бумажки. Что другое, а ужъ безкорыстіе и самопожертвованіе...

— Да, на чужой счетъ, — отвѣчалъ Уховъ. — Была одна дойная корова—казна, а теперь ихъ цѣлое стадо разводится.

Графъ старался разслышать и приложилъ руку къ лѣвому уху въ видѣ рожка.

Володю давно подмывало тоже ввернуть свое слово. Нельзя же было пропустить мимо ушей того, что говорилъ Уховъ. Да и бѣсило его, что его сосѣдями были исправникъ и Коневецкій, и за весь обѣдъ онъ не успѣлъ сказать и двухъ словъ Женичкѣ, все время болтавшей съ Боровскимъ. На бѣду онъ вмѣшался въ споръ какъ разъ въ ту минуту, когда графъ принялся усерднѣе прежняго слушать.

— Кажется, не представителямъ барства,—рѣзко сказалъ онъ Ухову, — взывать къ безкорыстію и къ независимости. Между тѣмъ какъ они, со времени Московскихъ царей, привыкли къ низкопоклонству и къ батогамъ...

Анна Григорьевна и Женичка ахнули, услыхавъ такія, ни съ чѣмъ несообразныя, слова; а графъ какъ нарочно слушалъ съ самымъ внимательнымъ выраженіемъ на лицѣ. Выходка молодого человѣка его взорвала.

— Батоги,—проговорилъ онъ немного дрожавшимъ, но все-таки сдержаннымъ голосомъ,—Московскіе цари!—

И ему, вѣроятно, припомнилось въ эту минуту, что двумъ изъ его предковъ при Иванѣ Грозномъ отсѣкли головы.—Зачѣмъ такъ далеко ходить? Я вамъ вотъ что разскажу, un sonvenir plus récent. Мой покойный отецъ (еще бы не покойный! подумалъ Володя), который былъ очень приближенъ къ императору Александру Павловичу, присутствовалъ на Тильзитскомъ свиданіи, когда нашъ государь долженъ былъ заключить міръ, apres notre échec à Friedlan (хорошъ échec! разбили въ пухъ,—опять подумалъ Володя,—ишь, какъ выражается!)...

Вокругъ стола, однако, всѣ разговоры замолкли и всѣ слушали графа со вниманіемъ.

— Eh bien! Bonaparte avait conféré le légion d'honneur a mon père, и когда въ тотъ же день императоръ пожаловалъ ему голубую ленту, мой отецъ ему сказалъ: „Какъ государь! нашъ Андрей Первозванный рядомъ съ этою красною дрянью?!“ Et l'empereur ne lui a jamais pardonné cela и, разумѣется, никогда онъ уже не получилъ Андреевской ленты, и потомъ, такъ какъ ему многое было не по сердцу, онъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ провелъ en disgrace, въ Женевѣ, и зналея тамъ съ однимъ только графомъ Остерманомъ, à qui nous devons la brillante affaire de Kulm и который не поладилъ съ покойнымъ государемъ. Вотъ какіе были низкопоклонники! Да!

Володя хотѣлъ что-то возразить, но его остановилъ негодующій взглядъ Женички, сидѣвшей противъ него, и онъ ограничился тѣмъ, что пробормоталъ въ сторону Коневецкаго:

— „Эти выдохшіеся аристократы неисправимы; какъ будто очень важно, получатъ ли они Андреевскую ленту или нѣтъ“!..

— Однако, я думаю, намъ съ вами семидесятилѣтнихъ стариковъ не передѣлать,—замѣтила ему тоже въ полголоса Надя, которой, вообще, старикъ графъ казался скорѣе симпатичнымъ.

Графъ Сергѣй Борисовичъ теперь посвятилъ все

свое вниманіе дамамъ и вслѣдствіе этого на противоположномъ концѣ стола разговоръ сталъ живѣе.

— Какъ это вы гово'ите,—выдохшіеся а'исток'аты,— не тотчасъ возразилъ сперва огорошенный Коневецкій.— Я вамъ скажу, я много встрѣчалъ въ Петербу'гѣ молодыхъ людей изъ высшаго к'уга и ихъ конечно по'азвитію и независимости сужденій съ д'угими с'авнить нельзя. Вотъ нап'имѣ'ъ, г'афъ Се'жъ Пустозвоновъ, князь Пье'ъ Тупицкій.

На этотъ разъ Боровской остановилъ своего расходившагося подчиненнаго.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ очень тихо,—что ваши благородные друзья, столь доблестно подвизающіеся въ ресторанахъ, тѣмъ особенно доказываютъ свою полную независимость отъ какихъ-либо занятій.

— Да, золотая молодежь — это одна изъ нашихъ язвъ,—сказалъ Дровнинъ.

— Евтихій Семеновичъ, — тотчасъ оборвалъ его Уховъ.—Что же вы въ самомъ дѣлѣ въ цеховые не записываетесь, коли дворяниномъ быть такъ стыдно? Ей-Богу!..

— Дворяниномъ быть не стыдно, — опять съ чуть замѣтною насмѣшкой заговорилъ Боровской,—потому что это совершенно безразлично. А безразличныхъ вещей незачѣмъ и стыдиться, какъ нечего ихъ превозносить. Дворянство — это мыльный пузырь, который вздумала пустить императрица Екатерина и должно быть она на этотъ счетъ была большая ужъ мастерица, такъ какъ онъ на нашихъ глазахъ только лопнулъ.

— Видно, не совсѣмъ онъ былъ мыльнымъ пузыремъ,—отвѣтилъ Уховъ, но уже безъ прежняго задора. „Ага! Да ты вотъ каковъ!"—подумалъ онъ про себя. Но Боровской не продолжалъ спора; на мигъ только лицо его утратило обычное спокойствіе и теперь снова онъ обратился къ Женичкѣ съ какою-то невинною шуткой.

Послѣ обѣда перешли на террасу пить кофе. Передъ ней красивыми группами, по старинному образцу, были

расположены стриженныя деревья. Двѣ каменныя лѣстницы полукругомъ спускались въ садъ.

Сколько воспоминаній балконъ этотъ и все Никольское во мнѣ воскрешаетъ!—обратился графъ къ хозяйкѣ дома, вынимая изъ кармана необыкновенно поношенный кожаный портсигаръ. Онъ досталъ оттуда удивительно зловонную папироску. Тридцать лѣтъ сряду графъ курилъ тотъ же скверный табакъ и подчивалъ имъ всѣхъ, увѣряя, что онъ превосходный.

— Я въ послѣдній разъ былъ здѣсь лѣтомъ 1836 года у графа Ѳедора Ларіоновича,—и, говоря это, старикъ глубоко вздохнулъ.—Вы слышали, конечно, про покойницу графиню Марью Васильевну? Въ живыхъ вы ея уже не застали. Une beauté classique. Я сюда пріѣзжалъ по рекрутскому набору.—И графъ погрузился на мигъ въ прошлыя грезы. — У Ѳедора Ларіоновича тогда открытый домъ былъ на цѣлую губернію. C'est ce qui a embrouillé ses affaires. А вы знаете, что при его отцѣ, томъ самомъ, что посломъ былъ въ Вѣнѣ, здѣсь гостилъ государь Александръ Павловичъ, когда объѣзжалъ низовыя губерніи? И такой домъ avec de pareils souvenirs, Паницынъ рѣшился продать, да еще съ фамильными портретами. Вѣдь, Никольское цѣлыя шесть поколѣній принадлежало Паницынымъ. Да, правъ былъ вашъ дядюшка, князь Павелъ Дмитріевичъ,—обратился онъ вдругъ къ Боровскому, — когда мнѣ говарилъ: „у насъ нѣтъ аристократіи, потому что нѣтъ традиціи".

— Что же, графъ?—отвѣчалъ Боровской—Тѣмъ легче безъ излишнихъ тяжестей впередъ идти. Вы должны это знать по своей военной опытности.

Графъ не возражалъ и отвернулся.

— Пожалуйста, ради меня,—черезъ нѣсколько минутъ сказалъ онъ Еленѣ Михайловнѣ,—молодежи не мѣшайте забавляться. Je suis sûr que ces demoiselles voudraient descendre au jardin, и онъ улыбнулся въ ту сторону, гдѣ стояли молодыя дѣвушки.

Женичкѣ, въ самомъ дѣлѣ, не сидѣлось на террасѣ.

На лужайкѣ передъ домомъ, среди правильно разбитыхъ цвѣтниковъ, она устроила партію въ крокетъ. Боровской тоже неожиданно присоединился къ молодежи, а такъ какъ число играющихъ должно быть непремѣнно четное, почтенный глава уѣздной полиціи, какъ неутомимый дамскій угодникъ, тоже принялъ участіе въ игрѣ.

— La petite est vraiment delicieuse,—обратился снова графъ къ Еленѣ Михайловнѣ, засмотрѣвшись на оживленную группу играющихъ. И въ самомъ дѣлѣ, Женичка была необыкновенно мила и граціозна. Володя не спускалъ съ нея глазъ, хотя она почему-то въ этотъ вечеръ не обращала на него вниманія.

Майскіе вечера длинны и солнце стояло еще довольно высоко, хоть и шелъ уже восьмой часъ. На террасѣ, однако, царилъ теперь вечерній покой. Графа, повидимому, все преслѣдовали минувшія воспоминанія. Онъ потерялъ охоту разсказывать. Уховъ тяжело дышалъ послѣ сытнаго обѣда и даже оставилъ въ покоѣ Дровнина, который теперь дѣлился съ бѣднымъ Ѳедоромъ Васильевичемъ своими филантропическими затѣями. И сама хозяйка дома, можетъ быть, задумалась надъ тѣмъ, что ей, двадцатисемилѣтней женщинѣ, будто суждено лишь присутствовать при чужой жизни, а самой оставаться между поблекшими воспоминаніями прошлаго и расцвѣтавшею зарей будущаго молодого счастья.

— Однако, мнѣ пора назадъ въ городъ, — сказалъ графъ, вставая и поднося къ губамъ красивую руку хозяйки.—Завтра утромъ пароходъ ѣдетъ вверхъ уже въ девять часовъ. А въ мои годы, вы знаете, ложатся рано.

Всѣ поднялись. Прощаясь поочередно съ присутствующими, графъ вдругъ замѣтилъ на груди Томилина солдатскій Георгіевскій крестъ. Глаза его тотчасъ заискрились сочувствіемъ.

— Гдѣ вы это получили? Извините, я до сихъ поръ не примѣтилъ.

— Подъ Севастополемъ, графъ,—былъ короткій отвѣтъ Өедора Васильевича.

— Подъ Севастополемъ! Какъ вы счастливы, что были тамъ!—А меня тогда не выпускали изъ Петербурга, да посылали развѣ ополченія собирать по губерніямъ!

— Да вы, графъ, не разъ были въ бояхъ (старикъ имѣлъ Георгія на шеѣ).

— Это давно, давно... еще на Кавказѣ. Но все-таки это не Севастополь. Передъ каждымъ тамошнимъ солдатомъ намъ шапку приходится снимать. Графъ пожалъ руку Томилину и поспѣшилъ уѣхать.

Игра тоже продолжалась недолго. Исправникъ и Коневецкій совершали такіе невѣроятные промахи, что Женичка не вытерпѣла и прекратила игру.

Всѣ разошлись. Боровской предложилъ Надѣ пройтись съ нимъ по саду, а Женичка побѣжала за своей накидкой. Становилось свѣжо. Она пошла отыскивать Надю, но едва достигла поворота въ боковую аллею, гдѣ густо засѣли расцвѣтавшіе кусты сирени, какъ ее нагналъ Володя.

— Евгенія Александровна!—началъ онъ.

Она не отвѣчала и прибавила шагъ.

— Евгенія Александровна! отчего вы сегодня, и какъ разъ сегодня такъ странно обходитесь со мной? За что вы на меня сердитесь?

— Вы еще спрашиваете за что?!...

— Да помилуйте,—заговорилъ онъ, уже ободренный тѣмъ, что она, по крайней мѣрѣ, отвѣтила,—неужели вы могли разсердиться за то, что я сказалъ за столомъ? Ну, положимъ, это было неумѣстно, потому что слѣдуетъ имѣть снисхожденіе къ предразсудкамъ даже такого стараго чучелы въ виду того, что онъ вашъ дядя.

Она остановилась и гнѣвно на него посмотрѣла.

— Перестаньте такъ говорить. Да какъ вы смѣете его чучелой называть? Это почтенный старикъ, боевой генералъ, и очень онъ нуждается въ вашемъ снисхожденіи! „Потому что онъ мнѣ дядя“, говорите вы. Да,

во-первыхъ, онъ мнѣ вовсе не дядя; а во-вторыхъ, совсѣмъ не поэтому вы должны его уважать.

Володя опять нѣсколько сконфузился отъ этой лекціи.

— Я не зналъ, что вы такъ взыскательны, Евгенія Александровна.

— Еще бы! У насъ въ домѣ, да еще въ день моего рожденія, вы себѣ позволяете такія выходки! Да послѣ этого я, понимаете вы, никогда больше съ вами верхомъ не поѣду.

Это въ глазахъ Володи была, повидимому, ужасная карательная мѣра, хоть и не упомянутая въ лѣстницѣ наказаній.

— Я же сознаю, Евгенія Александровна,—отвѣчалъ онъ покорнымъ голосомъ,—что напрасно такъ выразился, хотя, согласитесь сами, бываютъ минуты, когда убѣжденія, такъ сказать, просятся наружу.

Когда Володя говорилъ про свои убѣжденія, онъ неизбѣжно прибѣгалъ къ возвышенному слогу.

— Какія это еще у васъ убѣжденія?—отрѣзала ему Женичка, однако уже болѣе примирительнымъ тономъ, и принялась нюхать вѣтку сирени.

— Я до сихъ поръ ихъ не высказывалъ передъ вами.

— И прекрасно сдѣлали—отвѣчала она, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.—Если они у васъ въ этомъ родѣ, то для васъ самихъ всего лучше ихъ не только скрывать, но постараться забыть совсѣмъ.

— Да, я готовъ въ вашемъ присутствіи,—началъ опять Володя, становясь все болѣе уступчивымъ.

— Нѣтъ, не только въ моемъ присутствіи,—перебила она его,—вы должны обѣщать мнѣ, понимаете ли? серьезно обѣщать, какъ можно скорѣе перемѣнить свой дикій образъ мыслей. Если вы только его скрываете въ присутствіи дамъ, это будетъ одно лицемѣріе и хорошаго тутъ ровно ничего нѣтъ.

— Да помилуйте, да какой же онъ дикій... и къ тому же, если вы хотите знать всю правду,—добавилъ

онъ нерѣшительно,—я сегодня за обѣдомъ такъ выразился, потому что...—Онъ замялся.

— Потому что... ну, да говорите же!

— Потому что я за все время обѣда былъ не въ духѣ.

— Не въ духѣ! Вотъ такъ причина!—разсмѣялась она.

— Вы безъ умолку разговаривали съ Боровскимъ...

— Безъ умолку?! Да какъ вы смѣете такъ говорить?—запальчиво возразила она, между тѣмъ глаза ея лукаво улыбались.

— Ну, Евгенія Александровна, на этотъ разъ простите великодушно,—уже весело сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

— Смотрите, чтобъ это не повторялось.

Онъ вздумалъ было приложиться къ ея рукѣ, которую не выпускалъ изъ своей. Но она быстрымъ движеніемъ вырвала ее, хлестнула его по пальцамъ вѣткой сирени и побѣжала къ дому. А онъ поднялъ упавшую вѣтку и жадно прильнулъ губами къ распускавшимся лепесткамъ.

Боровской и Надя ходили, между тѣмъ, взадъ и впередъ по старинной липовой аллеѣ.

— Вы удивились, можетъ быть,—говорилъ онъ ей,—что мнѣ сегодня измѣнило мое обычное хладнокровіе. Но я не могу равнодушно выносить гусинаго чванства тѣхъ, чьи... предки... даже и Рима не спасали. Приходится имъ слишкомъ часто напоминать, этимъ господамъ, такъ любящимъ играть въ англійскіе лорды, что они безполезнѣйшее сословіе въ Россіи, что ихъ, лишь какъ куколъ на пружинѣ, создало и поддерживаетъ правительство. И что же? Передъ этимъ самымъ правительствомъ они, вѣдь, неоднократно пробовали и до сихъ поръ пробуютъ играть въ оппозицію и хвастаться своею независимостью. Я во сто кратъ больше уважаю какого-нибудь чиновника-бюрократа, хотя бы даже взяточника, чѣмъ этихъ картонныхъ рыцарей, не пригодныхъ ни на какое дѣло.

Надя заступилась за стараго графа.

— Къ нему, однако, все это не относится,—сказала она.—Вы слышали, онъ былъ раненъ на Кавказѣ, имѣетъ Георгія.

Да развѣ вы не знаете, какъ получаются всѣ ихъ отличія? „Независимость и благородство!“ Убереги насъ судьба отъ того, чтобъ эти люди когда-нибудь могли выказать на дѣлѣ эти блестящія качества! Къ счастію до сихъ поръ они не умѣли пользоваться никакими поблажками и предпочитали сидѣть сложа руки, да хватать деньги и ордена. А если бы когда-нибудь имъ пришлось стать у дѣлъ, въ качествѣ партіи, это будетъ худшее время, когда-либо пережитое Россіей.

Много и красно говорилъ онъ на эту тему. Надя слушала, удивляясь его словамъ, и въ то же время какъ бы не вполнѣ довѣряя ему. Ей все еще казалось, что нѣтъ у нея настоящаго ключа къ этому мудреному человѣку.

— Вотъ вамъ моя исповѣдь, — закончилъ онъ. — Рѣдко мнѣ случалось высказываться съ такою откровенностью. Вы теперь видите, что мы съ вами вовсе не принадлежимъ къ разнымъ лагерямъ.—Онъ остановился на мигъ, какъ бы ожидая отвѣта. Она только молча и задумчиво кивнула головой. — Вы должны понять и оцѣнить, почему я, тѣмъ не менѣе, порицаю и даже преслѣдую—да! съ готовностью преслѣдую вашихъ, такъ называемыхъ, друзей, несмотря на то, что они враждуютъ съ моими же врагами. На самомъ дѣлѣ они тормозятъ наше развитіе; они создаютъ небывалую солидарность между правительствомъ, которое у насъ одно только крѣпко, и призракомъ дворянства; а тѣмъ самымъ они могутъ сдѣлать живымъ этотъ призракъ. Они мѣшаютъ дружному единенію двухъ могучихъ силъ—народа и правительства. Вы понимаете, что подъ этимъ послѣднимъ словомъ я разумѣю такихъ людей, которые бы пользовались властью для просвѣщенныхъ цѣлей.

Это довольно туманное исповѣданіе политической вѣры и привлекало Надю, и въ то же время смущало ее своею неопредѣленностью. Она почти догадывалась, что послѣднее слово этой программы было, въ сущности, достиженіе личной власти.

Николай Осиповичъ былъ одинъ изъ многочисленныхъ племянниковъ извѣстнаго умомъ и крутостью князя Павла Дмитріевича Боровского, того самаго, который прославился неумолимымъ усмиреніемъ тмутараканскаго мятежа. За выказанную имъ при этомъ энергію онъ и получилъ княжескій титулъ и Андреевскую ленту. Бездѣтный старикъ полюбилъ блѣднаго, способнаго мальчика, позаботился объ его воспитаніи и выбралъ его наслѣдникомъ. Николай Боровской вышелъ изъ Правовѣдѣнія съ золотою медалью и съ золотыми надеждами на блестящее положеніе, на княжескій титулъ и на крупное состояніе. Но апоплексія неожиданно сразила старика, не успѣвшаго еще распорядиться ничѣмъ, или, можетъ быть, отлагавшаго со дня на день свое завѣщаніе. Разрушенныя ожиданія и неизбѣжная при этомъ перемѣна въ обращеніи съ нимъ людей превратили молодого человѣка въ яраго ненавистника той высокой среды, въ которую онъ едва было не вступилъ. Передъ нимъ вдругъ закрылись двери заколдованнаго міра избранныхъ, но онъ рѣшился въ нихъ проникнуть, хотя бы съ помощью подобраннаго ключа. Впрочемъ, имя покойнаго дяди ему служило еще хотя слабымъ покровительствомъ, а Правовѣдѣніе открывало передъ нимъ широко дорогу судебной карьеры. Онъ вступилъ на нее увѣренно и бодро, и съ первыхъ же шаговъ завоевалъ себѣ извѣстность. Начальство въ немъ признало недюжинный ораторскій талантъ, усидчивость въ работѣ и холодный, не увлекающійся умъ. Нѣкоторая рѣзкость въ пріемахъ ему не повредила. Напротивъ, ему охотно поручали наиболѣе трудныя дѣла, особенно съ политической окраской. Въ немъ видѣли неумолимаго гонителя

увлеченій. А между тѣмъ за этою спокойной внѣшностью скрывалось неудержимое стремленіе вверхъ и ненависть ко всему, что̀ могло на пути удержать это стремленіе.

Между тѣмъ наступали сумерки, тѣ чудные майскіе сумерки, когда тьма кажется прозрачною, и всѣ окружающіе предметы, будто окутанные саваномъ, какъ привидѣнія, сливаются съ воздушною мглой. Неясныя очертанія деревьевъ уходили въ спускавшееся небо, а вдали домъ, холодный и безмолвный какъ блѣдная красавица, выступалъ изъ надвигавшейся тѣни. Среди тишины будто закопошился цѣлый невидимый міръ: и въ зелени вѣтвей, и въ роскошной травѣ, и въ темнѣвшемъ воздухѣ что-то двигалось и шелестило, будто новая тайная природа просыпалась съ наступленіемъ ночи; то задремавшая птица проснется и взмахнетъ крыломъ, то въ чащѣ гдѣ-то вскрикнетъ сычъ, то большая ночная бабочка стрѣлой ударится въ кустъ и вся затрепещетъ, упиваясь распустившимся цвѣткомъ; сирени запахли сильнѣе и передъ глазами выступили странные переливы неясныхъ, загадочныхъ тѣней. Молодая дѣвушка невольно посмотрѣла на Боровского, какъ бы желая отыскать на его лицѣ откликъ ощущенію, которое вызывала въ ней наступившая майская ночь. Они вышли изъ аллеи, и, можетъ быть, потому, что теперь слабый лучъ молодого мѣсяца падалъ на это лицо, оно казалось оттого еще блѣднѣе и неподвижнѣе обыкновеннаго.

— Смотрите, не простудитесь, Надежда Сергѣевна,— сказалъ онъ ей только,—сыро становится. Не вернуться ли намъ?

— Вернемтесь,—отвѣчала она, какъ бы очнувшись.

Гости почти всѣ разъѣхались. Елена Михайловна, вѣрная своимъ обязанностямъ хозяйки, усѣлась за копѣечный преферансъ съ Анной Григорьевной, исправникомъ и съ Томилинымъ. Женичка разливала чай. Вдругъ въ гостиную поспѣшно вошелъ съ конвертомъ въ рукахъ Володя Корецкій.

— Сейчасъ нарочный изъ Бѣлыхъ Столбовъ эту депешу привезъ,—обратился онъ къ Аннѣ Григорьевнѣ.— Митя будетъ завтра сюда. Онъ изъ Москвы телеграфируетъ.

Это извѣстіе разомъ положило конецъ игрѣ. У Анны Григорьевны карты выпали изъ рукъ, да и Елена Михайловна не смогла во время остановить тревожное выраженіе, сказавшееся на ея лицѣ. Всѣ четверо встали и почтенный исправникъ, у котораго, какъ нарочно, было девять безъ козырей на рукахъ, подумалъ въ это время, что дамы, быть можетъ, прелестныя, но во всякомъ случаѣ ужъ черезчуръ капризныя существа, вовсе не пригодныя на такое дѣло, какъ карточная игра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Съ пріѣздомъ Дмитрія въ Бѣлые Столбы ничто почти не измѣнилось въ ровномъ теченіи тамошней жизни. Анна Григорьевна сначала было заговорила о своемъ твердомъ намѣреніи передать сыну всю непосильную для нея обузу управленія; но очень скоро оказалось, что на такое отреченіе она не была способна. Старшій сынъ, конечно, былъ въ ея глазахъ авторитетомъ. Но, страннымъ образомъ, какъ разъ съ тѣхъ поръ какъ Дмитрій вкусилъ отъ плодовъ заграничной науки, этотъ авторитетъ сталъ встрѣчать у нея какое-то скрытое недовѣріе. Она охотно слушала, какъ онъ излагалъ передъ ней свои преобразовательныя затѣи, но именно, какъ внимаютъ мудренымъ затѣямъ, которыя осуществлять иногда опасно. Всего менѣе ей нравилось, что Дмитрій неоднократно заговаривалъ о необходимости сдѣлать крестьянамъ уступки.

— Послушай только мужиковъ,—постоянно отвѣчала она,—они наговорятъ тебѣ съ три короба; живутъ они себѣ, какъ и прежде жили, а впрочемъ, теперь не наше дѣло ихъ кормить. Пока они были мои, я имъ опускаться не давала. А теперь ихъ у меня отняли, они мнѣ только сосѣди, и живу я съ ними по-сосѣдски: не обижаю, да и себя въ обиду не даю.

Дмитрій не возражалъ, хоть и не могъ онъ не замѣтить, что въ Бѣлыхъ Столбахъ кое-что измѣнилось къ худшему за тѣ два года, въ которые онъ туда не

заглядывалъ. Онъ ограничился скромною ролью помощника матери, стараясь, сколько могъ, подновить тѣ устарѣлые пріемы, которыми велось давнымъ-давно установленное хозяйство.

Изучая сельское хозяйство съ учеными нѣмцами, онъ не привезъ съ собою, конечно, смѣлаго намѣренія превратить родную приволжскую степь въ какой-нибудь цвѣтущій уголокъ южной Германіи, до невозможности разработанный людскимъ муравейникомъ; но за то иную слабость онъ съ собою привезъ: онъ до того пристрастился къ химіи, что даже въ майскіе вечера, когда такъ хочется жить и такъ тянетъ на приволье, онъ забирался на цѣлые часы въ большую комнату наверху, превращенную въ лабораторію, и съ истинно-германскою настойчивостью цѣплялся за какой-нибудь неудававшійся опытъ. Не мало ему за это пришлось вынести насмѣшекъ отъ Нади.

— Вы изъ-за мертвой природы на живую разучитесь смотрѣть,—говорила она ему разъ, когда онъ сошелъ въ садъ почти уже за полночь.

— Не безпокойтесь,—отвѣтилъ онъ весело,—жить я не разучусь и отшельникомъ не стану даже ради любого великаго открытія.

Она недружелюбно вскинула на него глазами.

— Я думаю, ради чего бы то ни было вы жертвы никакой не принесете,—сказала она вполголоса, будто вскользь.

Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ ужъ онъ не былъ похожъ на отшельника; вся его фигура, рослая и крѣпкая, привыкла къ настоящей жизни, а не къ спертому воздуху рабочаго кабинета. И какъ разъ этотъ мажорный тонъ, проникавшій всю его натуру, всего болѣе возстановлялъ противъ него молодую дѣвушку.

— Можетъ быть, вы и правы,—сказалъ онъ, будто не замѣчая враждебнаго тона ея голоса:—я вовсе не считаю себя призваннымъ налагать на себя какую-нибудь эпитемью и люблю химію совершенно такъ, какъ мой братъ любитъ охоту, по вольности дворянства.

— Я и не сомнѣваюсь въ томъ, что ваши ученыя занятія,—она подчеркнула слово „ученыя“,—для васъ служатъ только забавой. Счастливцы тѣ люди, для которыхъ все въ жизни забава, только я имъ не завидую.

Такія стычки происходили у нихъ ежедневно. Дмитрій отвѣчалъ на ея выходки всегда совершенно спокойно, почти весело. Мать ему передала, что̀ ей было извѣстно изъ прошлаго Нади, и эта скорбная повѣсть возбудила въ немъ къ молодой дѣвушкѣ не то участіе, не то состраданіе, очень похожее на то чувство, которое возбуждаетъ въ насъ ребенокъ, покинутый родителями или птичка выпавшая изъ гнѣзда.

Разъ утромъ, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда Дмитрія, Анна Григорьевна, Володя и Надя давно уже сидѣли за завтракомъ, а его все не было. Анна Григорьевна уже успѣла два раза позвонить и съ возрастающимъ нетерпѣніемъ спрашивала у Терентія: куда же ушелъ Дмитрій Алексѣевичъ? Очень ужъ большая она была охотница до аккуратности.

— Сказываютъ, на село изволили пойти,—объяснилъ Терентій, когда она въ третій разъ обратилась къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, — старшина съ мужиками ихъ здѣсь поджидалъ на дворѣ и съ ними вмѣстѣ отправились на межу.

— Это опять насчетъ земли,—воскликнула Анна Григорьевна,—просто отбоя нѣтъ.

— Кажись, они сюда идутъ-съ,—взглянувъ въ окно, замѣтилъ Терентій своимъ неизмѣннымъ деревянно-почтительнымъ голосомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ столовую Дмитрій. И въ походкѣ его и въ лицѣ замѣтна была не свойственная ему нервность, брови его были сдвинуты, губы слегка подергивало, онъ молча занялъ свое мѣсто и разсѣянно сталъ водить рукой по высокому лбу.

— Ты, кажется, очень усталъ,—обратилась къ нему Анна Григорьевна,—какъ тебѣ не надоѣло слушать эту вѣчную канитель про надѣлъ.

Дмитрій не тотчасъ отвѣчалъ.

— Я хотѣлъ убѣдиться,—медленно заговорилъ онъ, поднимая на мать свои большіе каріе глаза,—насколько справедливы вѣчныя жалобы крестьянъ, и обошелъ съ ними всю межу и отрѣзанную отъ нихъ землю; ну, и убѣдился, что жалобы ихъ имѣютъ полное основаніе и что вовсе не было бы трудно съ ними сговориться, конечно, съ нѣкоторымъ убыткомъ для насъ. Я не хотѣлъ бы поднимать этотъ вопросъ послѣ того, что вы мнѣ говорили, но лично для себя я все-таки долженъ былъ его хорошенько разобрать.

Опять наступило молчаніе. Взглядъ Дмитрія еще на мигъ былъ обращенъ къ матери, потомъ не получивъ отвѣта онъ отвернулся, не смотря ни на кого изъ присутствующихъ. На Анну Григорьевну его слова, повидимому, не произвели никакого впечатлѣнія. Только небольшія морщинки у ея носа вдругъ будто вытянулись и придали ея лицу небывалую строгость.

— Ты можешь разбирать, что тебѣ угодно,—холодно сказала она наконецъ,—объ одномъ только прошу—не давай никакихъ обѣщаній. Я пять разъ предлагала мужикамъ взять полный надѣлъ, спроси коли хочешь у Ѳедора Васильевича, и они упорно отказывались. Коли теперь имъ это невыгодно, пусть на себя пѣняютъ.

Сказавъ это, Анна Григорьевна вышла. Володя, предъ тѣмъ погруженный въ книгу, вдругъ поднялъ голову, и сумрачно произнесъ, не глядя ни на кого въ особенности:

— Я не понимаю матери; это какіе-то плантаторскіе взгляды.

— Отчего же ты не выразилъ своего мнѣнія въ ея присутствіи?—насмѣшливо спросилъ Дмитрій.

— Отчего, отчего?... попробуй!... Я прочелъ ей разъ замѣчательное мѣсто изъ Чернокнижникова, вотъ отсюда,—и онъ ударилъ ладонью по книгѣ,—а она мнѣ сказала, что это галиматья. Чернокнижниковъ—галиматья!.

— А покажи, что у тебя изъ твореній апостола всероссійскаго сумбура,—и Дмитрій протянулъ руку за книгой,—строго запрещенная, конечно?

— Нравственно-соціальныя условія прогрессивно-эволюціоннаго развитія русскаго народа,—однимъ духомъ произнесъ Володя.

— Коротко и ясно,—сказалъ Дмитрій,—и все-таки яснѣе содержанія. Охота тебѣ была этимъ подчивать матушку!

— Да ты развѣ читалъ?

Володя старался придать своему вопросу небрежно-презрительный оттѣнокъ.

— И представь себѣ, не почувствовалъ ровно никакого умиленія.

— Для ретроградовъ, конечно,—язвительно замѣтилъ Володя,—самыя убѣдительныя доказательства, какъ объ стѣну горохъ.

— Ну, а васъ они, разумѣется, вразумили на гражданскій подвигъ.

И глаза Нади, упорно глядѣвшіе внизъ съ самаго входа Дмитрія, чуть-чуть насмѣшливо блеснули въ отвѣтъ юному радикалу.

Володя смущался отъ одного взгляда этихъ ясныхъ глазъ, въ которыхъ онъ всегда тщетно искалъ себѣ одобренія. Онъ сердито откинулъ книгу и всталъ.

— Ты все еще не рѣшилъ, когда поѣдешь въ Никольское?—спросилъ онъ у брата, вдругъ перемѣняя разговоръ.

— Ты знаешь, что я вовсе не намѣренъ ѣхать въ Никольское.

И странное, почти тяжелое выраженіе мгновенно легло на лицо Дмитрія.

— Не понимаю, почему съ самаго твоего пріѣзда Елена Михайловна здѣсь не показывается,—продолжалъ Володя, не замѣчая впечатлѣнія, произведеннаго его вопросомъ на брата.

— Поѣзжай туда самъ, коли хочешь,—отрѣзалъ Дмит-

рій, и всегда мягкій его голосъ вдругъ прозвучалъ отрывисто, почти грубо.

Володя, не отвѣчая ни слова, вышелъ изъ комнаты. Съ пріѣзда брата онъ уже два раза бывалъ въ Никольскомъ и какъ на зло не заставалъ хозяйки дома. Тотчасъ ему почудилось, что зародившіяся было у него сладкія мечты разбиты навсегда. Влюбленные очень легко падаютъ духомъ.

— Вы нисколько, какъ я вижу, не поддерживаете въ братѣ священный огонь,—сказалъ Дмитрій, и веселая, слегка насмѣшливая нота опять прозвучала въ его голосѣ,—не знаю, благодарить ли васъ за это?

— Благодарить не за что,—рѣзко отвѣтила она, и глаза ея при этомъ добавили: съ вами уже конечно я заодно не буду.—Недостатокъ твердости,—продолжала она,—все-таки лучше сознательнаго преслѣдованія вредныхъ цѣлей.

— А этотъ закоренѣлый грѣшникъ, преслѣдующій вредныя цѣли, никто другой, какъ я?

— Да, вы! Вы не увлекаетесь, вы знаете чего хотите, и тѣмъ хуже для васъ.—У нея глаза разгорѣлись и краска выступила на лицѣ.—Надъ фразами вашего брата вы смѣетесь, ну и, положимъ, онъ смѣшонъ, восторгаясь какимъ-нибудь Чернокнижниковымъ!

Она забыла, что сама еще очень недавно зачитывалась тѣми книжками, которыми увлекался Володя.

— А судьба вашихъ крестьянъ,—этотъ надоѣдающій вамъ вопросъ о надѣлѣ, что это, фраза? Дать имъ возможность жить по-человѣчески, это тоже по вашему радикальное увлеченіе?

На этотъ разъ онъ выслушалъ ее молча. Ему не пришло на умъ отвѣтить ей въ легкомъ, шутливомъ тонѣ. Такъ съ нимъ она еще не говорила никогда, и онъ не могъ понять, какимъ образомъ у этого ребенка могли вырываться такія горячія, негодующія слова.

— Вы знаете, я добросовѣстно старался изучить этотъ вопросъ.

— Да, съ благоразумнымъ равнодушіемъ человѣка, который не прочь сдѣлать доброе дѣло, лишь бы оно не стоило ему слишкомъ много труда.

— Вы забываете только одно,—отвѣтилъ онъ понизивъ голосъ,—что Бѣлые Столбы не мои и что я не имѣю ровно никакого права навязывать свои взгляды матери, а впрочемъ, можетъ быть, сыновняя почтительность не входитъ въ число обязанностей, признаваемыхъ вами?

На этотъ разъ она не отвѣчала. Глаза ея на мигъ встрѣтились со взглядомъ Дмитрія, необыкновенно прямымъ и твердымъ взглядомъ, и она невольно ихъ опустила, но тотчасъ потомъ снова заговорила съ прежнею враждебностью:

— Есть, однако, у васъ здѣсь подъ руками иное дѣло, за которое вы могли бы взяться, не вызывая неудовольствія Анны Григорьевны. Вы знаете, въ какомъ положеніи находится здѣшняя школа, содержимая, положимъ, на деньги вашей матушки?

— Учитель никуда не годится,—перебилъ онъ ее,— этотъ старикъ Сикофантовъ пьяница и круглый невѣжда.

— И несмотря на это, вы шагу не сдѣлали, чтобы смѣнить учителя. Я вамъ говорила, что есть охотникъ на это мѣсто, человѣкъ молодой, хорошій. Вамъ стоило два слова сказать Ѳедору Васильевичу, и онъ мигомъ бы выхлопоталъ назначеніе въ училищномъ совѣтѣ...

— Очень радъ вамъ сдѣлать пріятное, Надежда Сергѣевна,—отвѣчалъ онъ, довольно сдержанно,—но позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что одного желанія тутъ недостаточно. При всѣхъ качествахъ вашего кандидата не могъ же я,—согласитесь сами,—ради простой любезности выхлопотать ему назначеніе, не получивъ о немъ кое-какихъ свѣдѣній.

Надя почти сердито откинула голову назадъ.

— Любезность тутъ ни при чемъ,—сказала она,— мои слова, конечно, не имѣютъ для васъ никакого вѣса, но, вѣдь, самъ священникъ...

— Ну, рекомендаціи отца Зосимы я мало довѣряю. И какимъ бы равнодушнымъ вы меня не считали, я какъ разъ и въ этой мелочи нахожу осмотрительность необходимою.

Сказавъ это, онъ вышелъ и велѣлъ заложить бѣговыя дрожки, чтобъ ѣхать къ Томилину.

II.

Усадьба Федора Васильевича, сельцо Теплое, скромно стоявшее на краю отлогаго оврага, издали казалось очень невзрачнымъ; но вблизи всякаго поражала рѣдкая, почти нѣмецкая, чистота и аккуратность. Маленькія деревянныя строенія содержались отлично, крыши были выкрашены на славу, мусоръ вездѣ тщательно подобранъ, и даже простой частоколъ глядѣлъ бодро и чинно, будто рота солдатъ выведенная на ученіе.

Въ одномъ только заботливыя усилія хозяина, очевидно, не удавались: посаженные имъ липки и клены что-то ужъ очень плохо принимались, и даже самые кусты сирени въ палисадникѣ почему-то глядѣли чахлыми.

Самъ хозяинъ стоялъ въ бѣломъ военномъ кителѣ на крыльцѣ небольшого флигелька, гдѣ помѣщалась мировая камера. Онъ только-что покончилъ съ дѣлами и говорилъ съ управляющимъ Елены Михайловны, Гондзевскимъ.

— Вы понимаете, Станиславъ Викентьичъ, — говорилъ онъ,—что сами меня поставили въ невозможность обвинить крестьянъ за порубку, хоть они, спору нѣтъ, кругомъ виноваты. Я въ толкъ не возьму, какъ это вы, человѣкъ образованный, кончившій курсъ въ академіи, могли написать такое ни съ чѣмъ несообразное условіе. Вѣдь, у васъ теперь мужики хозяева въ лѣсу!

На тщедушномъ лицѣ поляка заиграла странная, полунасмѣшливая улыбка.

— Постараемся впредь быть разсудительнѣе.

Болѣе онъ сказать не успѣлъ; на дворъ въѣзжали бѣговыя дрожки, и Ѳедоръ Васильевичъ, узнавъ Дмитрія, пошелъ на встрѣчу гостю и провелъ его въ домъ.

Въ маленькой пріемной, черезъ которую они прошли на балкончикъ, крашеный полъ блестѣлъ, какъ зеркало, и пылинку трудно было отыскать на кругломъ столѣ изъ краснаго дерева и на комодѣ, служившемъ книжною полкой.

— Устроился, какъ видите, за тѣ два года, что вы сюда не заглядывали. Ну, вотъ садомъ похвастаться не могу,—Ѳедоръ Васильевичъ добродушно показалъ на крошечный полисадникъ, гдѣ, правда, дорожки были подчищены отлично, и цвѣточныя клумбы искусно разбиты, но за то, увы! тѣни не было и слѣда.

— За то цвѣты у васъ славные,—озираясь перебилъ его Дмитрій.—И въ самомъ дѣлѣ, комнатная культура Ѳедору Васильевичу удавалась лучше воздушной. Бѣлые рододендроны въ полномъ цвѣту украшали балкончикъ, а у оконъ пріемной блестѣли на солнечномъ свѣтѣ темнозеленые листья крупныхъ фиговыхъ деревьевъ. Но лучшимъ дѣтищемъ старика, его гордостью, были двѣ чайныя розы, только что распустившіяся и наполнявшія комнату своимъ нѣжнымъ благоуханіемъ.

Дмитрій усѣлся и досталъ побурѣвшую пенковую трубку съ изображеніемъ необыкновенно сердитаго старика.

— Въ Германіи пріучился—сказалъ онъ закуривая.

Томилинъ сталъ разспрашивать его съ особеннымъ оттѣнкомъ восторженнаго любопытства про его путевыя впечатлѣнія. Самъ никогда не бывавшій за границей, старикъ еще отъ студенческихъ годовъ питалъ какую-то романтическую любовь къ Германіи, которую почему-то воображалъ населенною исключительно безкорыстными поклонниками чистаго искусства.

Старика немного удивило, что вмѣсто поэтическихъ

мечтаній и преслѣдованія неуловимыхъ задачъ отвлеченной философіи Дмитрій интересовался всего болѣе сельско-хозяйственными фермами и улучшенными породами скота. Но въ Томилинѣ дѣльный помѣщикъ существовалъ бокъ-о-бокъ съ питомцемъ Шиллера, и намѣреніе молодого человѣка посвятить себя деревнѣ возбудило живѣйшее сочувствіе Ѳедора Васильевича.

— И службу, стало быть, бросили окончательно,—сказалъ онъ,—не смотря на дядюшку?

— Скорѣе даже благодаря дядюшкѣ,—весело отвѣчалъ Дмитрій;—я, вы знаете, когда-то очень усердно принялся за дѣло и воображалъ, какъ очень многіе, что именно мнѣ суждено, сидя въ канцеляріи, двигать Россіей. И въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ же порахъ, чего, чего у меня ни перебывало въ рукахъ, о чемъ не писалъ я проектовъ? И устройство городовъ, и устройство полиціи, то усиленіе ея власти, то обузданіе ея, и тюремная реформа, и орошеніе степей,—ну, словомъ, я прошелся по всѣмъ отраслямъ того, что мы наивно принимаемъ за управленіе государствомъ. Только вотъ бѣда: поощряли меня усердно, благодарили тоже усердно, даже два крестика дали, только читалъ меня, я думаю, одинъ писарь! Гдѣ-нибудь въ провинціи хлѣба нужно или тамъ школу или дорогу новую, а туда отвѣчаютъ: „на основаніи такого-то пункта такого-то циркуляра было разъяснено и т. д.“—ну, а рѣшенія, конечно, никакого; шесть лѣтъ я трудился надъ истребленіемъ казенной бумаги; наконецъ, тошно стало, укатилъ за границу; дядюшка былъ, впрочемъ, такъ милъ, что снабдилъ даже казеннымъ порученіемъ, что-то въ родѣ изслѣдованія нѣмецкихъ минеральныхъ водъ для примѣненія къ Липецку и Старой Руссѣ. Порученія я, разумѣется, не исполнилъ, да никто о немъ и не заботился, а когда дядюшка сталъ меня звать въ Петербургъ, грозя въ противномъ случаѣ перунами, я объявилъ ему, что занимаюсь агрономіей, намѣренъ уѣхать въ имѣніе и баста!

— Что же, въ земство поступите?

— Конечно, хотя меня и забаллотировали въ прошлый разъ и даже очень дружно. А какъ у васъ, попрежнему уѣздъ раздираемъ партіями?

— Раздираемъ, но безъ кровопролитія. За предводительскимъ обѣдомъ вражда утихаетъ. Уховъ великій хлѣбосолъ; онъ у насъ, вы знаете, считается главнымъ столпомъ нашихъ бѣлыхъ.

— Ну, хорошъ бѣлый,—разсмѣялся Дмитрій.

— Да вотъ въ томъ-то и бѣда, — отвѣчалъ Томилинъ,—что весь вопросъ у насъ, кто за или противъ Ивана Ивановича, а не за или противъ такого-то предложенія. И вотъ почему такимъ людямъ, какъ вы, пройти очень трудно. Вы не захотите быть за панибрата съ какимъ-нибудь бариномъ, который такъ и просится на скамью подсудимыхъ, вы не станете проводить въ судьи или въ управу махроваго дурака, потому что онъ предводительскій племянникъ. Ну, а такъ какъ независимость въ глазахъ нашихъ избирателей — первородный грѣхъ, такъ вамъ и накатаютъ вороныхъ справа и слѣва.

— Ну, а вы какъ же съ этимъ миритесь?

Ѳедоръ Васильевичъ разсмѣялся.

— Я? Да, вѣдь, я посредникомъ былъ еще въ 61 году, а въ уѣздѣ всѣ почему-то воображаютъ, что безъ меня ужъ никакъ нельзя; а впрочемъ, вѣдь, я гласный отъ крестьянъ, вы знаете? Ну, да ничего—уладимъ дѣло!...

— Я хотѣлъ узнать ваше мнѣніе объ одномъ вопросѣ, который меня очень трововжитъ,—опять началъ Дмитрій,— вы вѣдь у насъ въ Бѣлыхъ Столбахъ вводили уставную грамоту?

И Дмитрій передалъ ему про настойчивыя домогательства крестьянъ.

— На этотъ счетъ вы не безпокойтесь,—перебилъ его Томилинъ,—мужики упорно отказывались отъ земли, потому что надѣялись ее получить дешевле; а теперь, когда обманулись въ разсчетѣ, и требуютъ назадъ, потому что платятъ за нее вдвое дороже. Это совершенно

въ порядкѣ вещей, но васъ оно ни къ чему не обязываетъ. Грамота крестьянами подписана.

— Все это очень хорошо, но подите-ка увѣрьте крестьянъ въ законности того, что теперь имъ приходится нанимать у помѣщика землю, которую они даромъ пахали съ поконъ вѣка, да еще докажите имъ, что въ этомъ заключается улучшеніе ихъ быта. Мнѣ хотѣлось бы добиться, чтобы не судебное рѣшеніе стояло между нами, а взаимное довѣріе и согласіе опредѣляло бы ихъ отношенія къ намъ.

— Боюсь, вамъ этого долго придется ждать. Вѣковое недовѣріе вдругъ не исчезаетъ, мужику трудно увидать равноправнаго сосѣда въ томъ, кто такъ недавно былъ надъ нимъ полновластнымъ хозяиномъ. Мы для для него то же, что казна для многихъ изъ насъ, и никакіе законы и циркуляры не убѣдятъ его, что наша собственность священна. Вотъ хотя бы въ Никольскомъ, народъ богатый, на полномъ надѣлѣ и даже лѣсъ имъ дали отличный, а господскую дубовую рощу немилосердно рубятъ.

— То-то я замѣтилъ, проѣзжая къ вамъ, что Никольскій лѣсъ обратился въ какой-то паркъ, гдѣ, положимъ, гулять очень пріятно.

— Да, да, возня съ этимъ народомъ,—сказалъ Томилинъ.—У Елены Михайловны завелся полякъ управляющій, и не разберу я право, по неопытности или нарочно онъ разоряетъ имѣніе. Это вашъ дядюшка, въ качествѣ опекуна, наградилъ Елену Михайловну этимъ бариномъ и полную довѣренность ему выдалъ. Очень его цѣнитъ Петръ Николаевичъ, потому что въ академіи былъ, ученый...

И въ хозяйствѣ, разумѣется, ничего не смыслитъ, это на дядюшку похоже.

— Подите вотъ, рекомендовалъ даже за человѣка высокообразованнаго и передового. А вы бы посмотрѣли какіе намъ циркуляры вашъ дядюшка разсылалъ, когда исправлялъ должность: „имѣть неусыпный надзоръ за

всѣми проживающими въ уѣздѣ разночинцами, въ особенности за воспитанниками семинарій и высшихъ учебныхъ заведеній, а главное, чтобы во время народныхъ праздниковъ и увеселеній не происходило никакихъ безчинствъ и не произносилось возмутительныхъ рѣчей". Нашелъ чего бояться, да и кому прикажете надзирать? Всего-то у насъ трое становыхъ въ уѣздѣ, и тѣ пьяницы горькіе; губернаторъ насъ тогда вызывалъ—я еще посредникомъ былъ, — чтобы внушить по поводу циркуляра; ну онъ, вы знаете, человѣкъ бывалый, и самому ему было совѣстно, когда онъ читалъ наставленія, видно было что про себя онъ самъ надъ циркуляромъ смѣялся... А вы бы съѣздили къ Еленѣ Михайловнѣ...

Дмитрій почему-то мигомъ перемѣнился въ лицѣ и схватился за шляпу.

—Я и забылъ васъ спросить,—сказалъ онъ,—про того молодого человѣка...

— Ахъ, да, кандидатъ въ учители, за котораго такъ усердствуетъ Надежда Сергѣевна: разузналъ все. Отличныя рекомендаціи, былъ въ фельдшерской школѣ. Всѣ говорятъ, человѣкъ смирный и хорошій. Онъ, кажется, вашему священнику племянникъ.

— Да, да. Стало быть, годится?

— Какъ нельзя лучше. Живо все устроимъ въ училищномъ совѣтѣ.

Дмитрій простился со старикомъ и поѣхалъ назадъ, но дорогой, у самой усадьбы, онъ свернулъ въ поле, гдѣ рабочіе взметали паръ новыми плугами, выписанными изъ Москвы. Его глазъ издали поразила неряшливость работы. Онъ привязалъ лошадь къ ракитѣ и пошелъ къ рабочимъ.

— Что вы дѣлаете, развѣ такъ можно пахать?—прикрикнулъ онъ на двухъ рослыхъ парней, валившихъ что называется черезъ пень колоду. Парни остановились, скинули шапки и съ удивительно тупымъ выраженіемъ уставились на барина.

— Да такъ намъ, вишь, староста указывалъ, Яковъ Степановичъ!—проговорилъ одинъ изъ рабочихъ.

— Постой, я тебѣ покажу, какъ пахать нужно.

И Дмитрій схватился за плугъ и стегнулъ лошадь, но плугъ сталъ по пластамъ чернозема совершать невѣроятные прыжки.

— Да что же это, наконецъ,—воскликнулъ Дмитрій,—плуги работали отлично. Э-э, да тутъ три винта повытасканы и лемехъ весь расшатался; чего же вы смотрите?

— Не могимъ знать—равнодушно сказалъ парень, зѣвая.

— Это не могло случайно произойти, кто-нибудь плуги испортилъ нарочно.

Рабочіе продолжали равнодушно смотрѣть на барина и явное злорадство стало примѣшиваться къ тупому выраженію ихъ глазъ.

— Гдѣ староста? позвать его!

Но Яковъ Степановичъ стоялъ уже тутъ за спиной Дмитрія, глядя, по обыкновенію, внизъ своими холодными неподвижными зрачками. Онъ будто изъ земли выросъ. Дмитрій разбранилъ его за недосмотръ, но безбородое лицо старосты не выразило ровно никакого смущенія. Оно осталось такимъ же застывшимъ, будто вылитымъ изъ мѣди.

— Они должно быть попортили,—отвѣчалъ онъ, презрительно кивнувъ на рабочихъ.—Сами изволите знать, какой народъ.

Дмитрію уже давно казался подозрительнымъ этотъ человѣкъ, всегда невозмутимый и вѣчно глядѣвшій исподлобья. Толку онъ, разумѣется, не добился и довольно разсерженный этимъ случаемъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ лошадь. Тутъ онъ увидѣлъ стоявшую на дорогѣ Надю съ Боровскимъ. Николай Осиповичъ въ первый разъ былъ въ Бѣлыхъ Столбахъ со времени пріѣзда Дмитрія. Мужчины поздоровались, они были знакомы еще съ Петербурга.

— Я вами любовалась, — иронически сказала Надя.—Даже пахать не побрезгали? Вѣдь, это, говорятъ, обязанъ дѣлать каждый годъ самъ китайскій императоръ.

— Ну, это бѣда еще не великая, — началъ Боровской, которому Дмитрій передалъ, что произошло.—Теперь и не такіе невинные акты неудовольствія совершаются нашими эксъ-вассалами. За одно только пока имъ спасибо: хотя на поджоги они довольно усердны, они все-таки пока лишь знаютъ первобытные мотивы, какъ месть или желаніе поживиться, а высшія теоріи, которыя имъ такъ стараются внушить иные молодцы, что-то не прививаются.

— Да и молодцовъ этихъ они, къ счастью, принимаютъ не особенно любезно,—замѣтилъ Дмитрій.

— Долго ли это будетъ, не берусь пророчить,—усмѣхнулся Боровской, и трудно было судить по его тону, въ какую сторону клонятся его желанія.—Нашъ черный людъ, что иныя швейцарскія озера, такія мирныя и зеркальныя въ тихую погоду, а вы знаете, что съ ними бываетъ, когда вдругъ изъ-за утеса нагрянетъ на нихъ вѣтеръ.

Они втроемъ направились къ дому. Лошадь повелъ староста.

— А вотъ помните,—обратился Николай Осиповичъ къ Надѣ,—златоустовское дѣло о крестьянскихъ безпорядкахъ?—Ну-съ, Коневецкій слѣдствіе окончилъ и даже очень не дурно: пятнадцать человѣкъ въ острогъ посадили.

— За что это?—спросилъ Дмитрій.

— Да, коли хотите, ни за что: станового побили, потому что онъ лишній разъ взыскивалъ растраченныя старшиной подати, и пороли безо всякихъ заднихъ мыслей, даже, представьте себѣ, одного, правда крошечнаго, агитатора въ наши руки доставили. Вотъ какъ мы своихъ союзниковъ цѣнить умѣемъ!

Дмитрія брала злость.

— Это просто значитъ ихъ наталкивать на пропаганду,—сказалъ онъ.

— Можетъ быть. Только, вѣдь, это не мое дѣло. Я просто обвинитель по обязанности, и въ этомъ качествѣ моя совѣсть—Судебные Уставы,

— Точно такъ же, какъ совѣсть адвоката—X томъ. А такъ какъ подобныхъ томовъ, слава Богу, пятнадцать, то у лицъ разныхъ вѣдомствъ столько же различныхъ совѣстей, ничуть не похожихъ на общечеловѣческую...

Почти у самаго дома, къ которому они теперь подходили, ихъ обогнала коляска. Сидѣвшая въ ней Елена Михайловна быстрымъ и легкимъ движеніемъ вышла, не дождавшись шедшаго къ ней Боровского.

— Я давно не была у вашей тетушки,—обратилась она къ Надѣ, какъ бы извиняясь.

И теперь только глаза ея поднялись на Дмитрія. Она протянула ему руку, какъ ее протягиваютъ хорошему товарищу.

— Очень рада васъ видѣть, Дмитрій Алексѣевичъ,—сказала она совсѣмъ просто.—Должна бы пожурить васъ за то, что вы не были у меня до сихъ поръ...

Она, быть можетъ, намѣренно не дождалась отвѣта и попросила Надю провести ее къ Аннѣ Григорьевнѣ. Мужчины послѣдовали за ними.

„Неужели я не могу видѣться съ нею равнодушно, какъ съ любою изъ моихъ знакомыхъ,—говорилъ себѣ Дмитрій проходя въ гостиную. — Если ей угодно не помнить про то, что̀ было между нами, зачѣмъ же мнѣ ея дичиться?“

И онъ сказалъ себѣ, что тайное раздраженіе противъ нея, какъ осадокъ, лежавшій на его сердцѣ, надо осилить, и не для виду только, а на самомъ дѣлѣ сохранять полную невозмутимость.

— Я право не знаю, какъ мнѣ справиться со всѣми дѣлами по имѣнію,—между прочимъ сказала она Дмитрію.—Вашъ дядюшка прислалъ мнѣ какого-то очень уче-

наго господина, но я сильно подозрѣваю, что онъ намѣренно портитъ имѣніе, а я безъ Петра Николаевича его уволить не могу.

— Сынъ вамъ поможетъ, если хотите,—обязательно предложила Анна Григорьевна.

Красивые глаза Елены блеснули и на мигъ ласково и въ то же время съ оттѣнкомъ нерѣшительности остановились на Дмитріи.

— Я не имѣю никакого права располагать временемъ Дмитрія Алексѣевича,—сказала она.

— Время мое совершенно къ вашимъ услугамъ,—поспѣшилъ онъ отвѣтить, но эти слова звучали такъ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать, что время свое, ничуть для него не драгоцѣнное, онъ готовъ посвятить безпомощной хозяйкѣ, но не желаетъ ставить свои отношенія къ Никольскому на болѣе короткую ногу. Было рѣшено, что онъ напишетъ Петру Николаевичу для полученія отъ него довѣренности.

III.

Въ Москвѣ, въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ, на Срѣтенкѣ, проживало семейство Лучицкихъ. Оно тогда состояло изъ отставного гусарскаго полковника Михаила Григорьевича Лучицкаго, его второй жены и троихъ дѣтей: дочери отъ перваго брака, Елены, которой шелъ восемнадцатый годъ, и двухъ сыновей отъ второй жены, замѣчательно дурно воспитанныхъ и неотесанныхъ мальчиковъ: Вани и Андрюши. Въ свое время Михаилъ Григорьевичъ былъ лихимъ офицеромъ, повѣсой хоть куда и, какъ очень многіе повѣсы, добрымъ малымъ въ нехорошемъ значеніи этого слова, то-есть человѣкомъ съ мягкимъ сердцемъ, въ сущности неспособнымъ на сильную привязанность и съ еще болѣе мягкою волей. Въ тридцать

пять лѣтъ, когда ему дали армейскій полкъ, онъ сидѣлъ по уши въ долгахъ и почти совсѣмъ растратилъ приданое свое первой жены, рано умершей отъ горя. Пріятели считали его отличнымъ товарищемъ, съ душой на распашку; но это сомнительное качество привело его лишь къ тому, что онъ мало-по-малу утратилъ всякія опредѣленныя нравственныя понятія и совершенно уже смѣшивалъ полковую кассу съ собственною. Въ то время на этотъ счетъ у насъ не были особенно строги; но, должно быть, Лучицкій зашелъ уже слишкомъ далеко, только вдругъ ему дали отставку, о которой онъ просилъ развѣ по словамъ приказа, и Михаилу Григорьевичу пришлось еще благодарить судьбу за то, что отдѣлался этимъ. Михаилъ Григорьевичъ поселился въ Москвѣ, гдѣ про его исторію знали лишь смутно, и привезъ съ собою вторую супругу, Клеопатру Андреевну, дочь бѣлгородскаго купца Сверчкова, особу съ рѣзкими чертами лица и нравомъ рѣшительнымъ. Несмотря на купеческое происхожденіе, Клеопатра Андреевна принесла мужу не особенно много денегъ, но за то твердое намѣреніе держать его въ рукахъ и, съ помощью кое-какихъ его связей, попасть въ хорошее общество.

Первая жена Михаила Григорьевича была по рожденію графиня Сокольницкая, и хотя знатная родня не особенно охотно его навѣщала, братъ покойной, графъ Сергѣй Борисовичъ, очень привязался къ своей маленькой племянницѣ Леночкѣ. На ней и сосредоточивались всѣ честолюбивые замыслы Клеопатры Андреевны. Мужа она считала совершенно отпѣтымъ человѣкомъ, за которымъ нужно было зорко смотрѣть, чтобы не дать ему растратить послѣдніе деньги. Въ Леночкѣ, напротивъ, она видѣла будущую надежду семьи. Уже съ дѣтства Леночка обѣщала стать красавицей; и это была какая-то загадочная, совсѣмъ не будничная красота. Ей слѣдовало пріискать хорошую партію, для того, во-первыхъ, чтобы выдать ее безъ приданаго, а затѣмъ,—въ особенности,—чтобы создать себѣ въ ней и

и въ ея роднѣ опору для себя и для сыновей. Къ сожалѣнію, воспитывать ее дома не было никакой возможности, у Лучицкихъ не хватало средствъ на дорогихъ учителей. Леночку пришлось отдать въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Тамъ она прослыла умницей и гордячкой, заслужила хорошія отмѣтки за успѣхи и явную нелюбовь подругъ. Когда Елену, семнадцати лѣтъ, взяли назадъ изъ института, она оставила его безъ сожалѣнія и вернулась къ роднымъ безъ радости. Не про ту узкую, мѣщанскую жизнь она мечтала, какую нашла въ родительскомъ домѣ.

Странное было ея положеніе въ семьѣ. Отецъ по своему любилъ ее и слегка побаивался, но не смѣлъ за нее заступаться. Мачиха въ душѣ ее ненавидѣла, какъ всѣ грубые люди ненавидятъ болѣе тонкія, изящныя натуры. Леночка относилась къ ней съ холодною, презрительною покорностью. Дѣвушку всѣ дома прозвали царевной-недотрогой, и въ самомъ дѣлѣ она держала себя въ средѣ родныхъ, какъ существо иной, высшей породы. Клеопатра Андреевна не скупилась на мелкія притѣсненія, хоть и не дѣлала этого никогда открыто. Въ ея поведеніи съ падчерицей была странная смѣсь подобострастія и деспотизма, какъ будто она въ частностяхъ хотѣла отомстить ей за то, что молодой дѣвушкѣ въ домѣ было отведено первое мѣсто. Не мудрено, что Елена тяготилась этою почетною, но безотрадною неволей, что ее тянуло вонъ изъ-подъ родного крова.

Въ масляницу 62 года ее въ первый разъ повезли на балъ въ Дворянское Собраніе. Безъ робости и смущенія вступила она въ ярко освѣщенный залъ; впервые открывавшійся передъ нею пестрый и шумный міръ не имѣлъ для нея, какъ для иныхъ дѣвушекъ, таинственнаго обаянія. Лицо ея, спокойное, немного строгое, не поражало съ перваго взгляда; надо было всмотрѣться въ ея задумчивыя черты, чтобы постичь всю ихъ чистоту, всю ихъ художественную прелесть: за то онѣ

забывались не скоро, и воображеніе невольно пріискивало имъ сходство не среди обыкновенныхъ живыхъ лицъ, а въ числѣ тѣхъ созданій художественнаго творчества, которыя вызвали изъ міра фантазіи образы тихой, почти неземной красоты. Одинъ старичокъ сказалъ, что у нея, какъ у сказочной царевны, будто звѣзда горитъ на лбу. Но молодые люди, поговоривъ съ нею, уходили болѣе смущенные, чѣмъ очарованные: должно быть, ихъ ослѣпляла, эта самая звѣзда, или пугались они слегка надменнаго выраженія ея большихъ, немного опущенныхъ глазъ. Въ каждой толпѣ, однако, найдется одинъ, у кого скажется совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ у остальныхъ. Такъ и теперь случилось. Одного изъ кавалеровъ Леночки, какъ разъ, впрочемъ, самаго юнаго изъ нихъ, привлекли именно эти глаза, это выраженіе спокойной, почти царственной гордости, какое читалось на нѣжномъ личикѣ дѣвушки. Правда, ему было всего двадцать два года, и въ женщинахъ онъ еще искалъ воплощенія того смутнаго романтическаго идеала, который создали въ немъ любимые поэты. Въ то время университетская молодежь еще зачитывалась поэтами. Молодой человѣкъ былъ Дмитрій Корецкій, тогда еще студентъ четвертаго курса.

Одной кадрили съ Еленой, двухъ-трехъ отрывковъ самаго безсодержательнаго разговора было достаточно, чтобы влюбить его въ молодую дѣвушку. Мазурка, которую онъ тоже протанцовалъ съ нею, очаровала его окончательно. Да и его стройная и вмѣстѣ крѣпкая фигура, открытое лицо съ волнистыми темнорусыми волосами, произвели на нее выгодное впечатлѣніе. Только ей все время казалось, хоть онъ и былъ пятью годами ея старше, что предъ нею совершенный еще мальчикъ, гораздо болѣе молодой и неопытный, чѣмъ она сама. Это безсознательное ощущеніе она сохранила и въ послѣдствіи.

Дмитрій сталъ часто бывать у Лучицкихъ. Нельзя сказать, чтобъ его тамъ принимали особенно радушно.

Михаилъ Григорьевичъ, правда, иногда съ чувствомъ пожималъ его руку и, крутя сѣдой усъ, вспоминалъ свою молодость. Иной разъ, напротивъ, онъ какъ-то подозрительно, съ недоумѣніемъ, искоса поглядывалъ на молодого человѣка. Клеопатра Андреевна явно не жаловала Дмитрія. Она приглашала его вскользь, когда у нихъ бывали гости; молодой человѣкъ не только аккуратно являлся, но и пріискивалъ разные предлоги, чтобы бывать у нихъ запросто по вечерамъ. Не трудно было догадаться въ чемъ дѣло, а Клеопатра Андреевна рѣшительно не допускала, чтобы Дмитрій былъ пригоднымъ женихомъ для Елены. Какой же толкъ, думалось ей, можетъ быть, въ двадцатидвухлѣтнемъ мальчикѣ, хотя бъ онъ и могъ современемъ имѣть порядочное состояніе? Она никогда не оставляла молодыхъ людей вдвоемъ; но случай вознаградилъ Дмитрія за это стѣсненіе. Одна изъ его московскихъ кузинъ оказалась въ то же время лучшею подругой Елены, и такъ какъ молодой дѣвушкѣ позволяли къ ней ѣздить одной, то и Дмитрій вдругъ почувствовалъ небывалую нѣжность къ своимъ родственникамъ и всегда умѣлъ къ нимъ попадать именно въ тотъ вечеръ, когда ожидали Елену. Обстоятельство это тщательно скрывалось отъ Клеопатры Андреевны. Дмитрій съ перваго же мѣсяца своего знакомства съ Лучицкими сталъ мечтать о женитьбѣ, хоть и не смѣлъ еще заикнуться о своемъ чувствѣ. Но, конечно, этого и не было нужно. Уже на балу въ Собраніи Елена знала, что этотъ красивый молодой человѣкъ, всею душой принадлежитъ ей. Сама она съ нимъ оставалась всегда сдержанною: она не могла или не хотѣла сойти съ той немного холодной высоты, на которой она невольно держалась со всѣми окружающими.

Такъ бы еще долго и мирно тянулись мѣсяцы, если-бы не случилось одно неожиданное обстоятельство. Съ Михаиломъ Григорьевичемъ въ клубѣ встрѣтился пріѣзжій изъ Петербурга господинъ, когда-то бывшій его

младшимъ товарищемъ по полку. Звали его Александромъ Васильевичемъ Ордынцевымъ. Онъ рано оставилъ военную службу, выгодно женился и благодаря тестю быстро пошелъ по гражданскому поприщу. Изъ довольно плохого офицера вышелъ бюрократъ хоть куда—ловкій и смышленый. Теперь, въ 45 лѣтъ, онъ уже былъ тайный совѣтникъ и занималъ вліятельное мѣсто. Состояніе у него было очень большое. Оно-то и заставило его выйти изъ полка. Гражданская служба все-таки оставляла болѣе досуга для управленія дѣлами, а на этотъ счетъ у Ордынцева оказались способности необыкновенныя. Онъ совмѣщалъ въ себѣ,—что такъ рѣдко бываетъ,—опытнаго канцелярскаго дѣльца съ дѣльцомъ не менѣе опытнымъ въ денежныхъ предпріятіяхъ. Михаилу Григорьевичу онъ признался, что въ Москву онъ пріѣхалъ ради пріисканія невѣсты. У Лучицкаго зародилась смѣлая мысль выдать за него свою Леночку. Клеопатра Андреевна, разумѣется, приняла эту мысль съ восторгомъ и горячо взялась за ея осуществленіе. Ордынцевъ тотчасъ догадался въ чемъ дѣло, когда его пригласили обѣдать и онъ увидалъ строгій профиль молодой дѣвушки, напомнившій ему очень любимую имъ флорентинскую мадонну Андреа дель-Сарто. Ему, конечно, какъ человѣку бывалому, и въ голову не пришло бы жениться на 18 лѣтней дѣвочкѣ. Но родители какъ будто наводили его на эту мысль, и онъ тѣмъ болѣе сталъ лелѣять ее въ своемъ воображеніи, что само поведеніе Елены вводило его въ заблужденіе. Дѣвушка очень скоро замѣтила къ чему клонятся визиты Ордынцева, и хотя ее возмущали замыслы родныхъ, она не высказала того протестующаго негодованія, съ какимъ молодыя дѣвушки обыкновенно встрѣчаютъ такія попытки. На то она была слишкомъ увѣрена въ себѣ. Самъ Ордынцевъ ей казался человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, и она была ему благодарна за то, что онъ держался съ ней совершенно просто, безъ заискиванья и совсѣмъ ужъ за ней не ухаживалъ. Ей даже

нравился въ немъ скептицизмъ дѣлового человѣка, знающаго толкъ не въ дѣлахъ только, но и въ людяхъ. Разъ, когда онъ при ней разговорился о петербургскомъ обществѣ какъ человѣкъ хорошо его изучившій, въ ея спокойныхъ глазахъ онъ даже замѣтилъ блеснувшую мимолетную искру.

— Вамъ тѣсно здѣсь,—сказалъ онъ, когда они послѣ обѣда остались вдвоемъ, въ первый разъ заговаривая съ нею по дружески.—Васъ тянетъ вверхъ, потому что вы сознаете, что созданы для широкой жизни, для власти и простора.

— Повѣрьте мнѣ,—спокойно, но вовсе не враждебно отвѣтила она,—я сама найду для себя выходъ, когда мнѣ захочется такого простора.

Ордынцеву этотъ отвѣтъ понравился, и на другой же день онъ заявилъ Клеопатрѣ Андреевнѣ о своихъ намѣреніяхъ.

— Только вы погодите ей говорить объ этомъ,—добавилъ онъ, въ виду слишкомъ уже радостнаго согласія мачихи;—ее нужно подготовить мало-по-малу.

Елена поняла, что опасность близка и въ первый разъ сочла нужнымъ сказать Дмитрію про Ордынцева. Молодому человѣку это сообщеніе развязало языкъ. Онъ пламенно заговорилъ съ ней про все то, о чемъ она уже давно догадывалась, и какова была его радость, когда она тутъ же дала ему слово. Рѣшено было, что онъ тотчасъ же поѣдетъ въ Бѣлые Столбы, чтобы добиться согласія матери. Анна Григорьевна, знавшая о любви сына изъ его писемъ, уговаривала его одуматься и не связывать въ двадцать два года всей своей будущности изъ-за мимолетной вспышки. Дмитрій признался своей невѣстѣ, что не легко будетъ убѣдить мать, а тайно, вопреки ея волѣ, онъ не хотѣлъ жениться.

Елена рѣшила, что до возвращенія Дмитрія ей слѣдуетъ держаться прежняго обращенія съ Ордынцевымъ. Она была слишкомъ увѣрена въ счастливомъ исходѣ, чтобы не отнестись спокойно къ его предложенію. Но

прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а отъ Дмитрія извѣстій не приходило. Клеопатра Андреевна, знавшая о его отъѣздѣ, приняла мѣры, чтобы перехватить его письма, которыя она безцеремонно прочла. Теперь только молодая дѣвушка поняла, какъ дорогъ ей былъ Дмитрій. Долго она боролась съ мыслію объ его измѣнѣ, но на лицѣ ея стали показываться слѣды тайныхъ мученій. Мачиха ихъ усилила, сколько могла, колкими намеками на отсутствіе Дмитрія. Разъ, уже черезъ пять недѣль послѣ его отъѣзда, проѣзжая съ мачихой въ каретѣ по Кузнецкому Мосту, Елена увидала его среди улицы, и вся кровь у нея отлила къ сердцу, когда она замѣтила устремленный на нее гнѣвный, негодующій его взглядъ.

— Это, кажется, господинъ Корецкій, — язвительно сказала Клеопатра Андреевна.—Какъ странно, что онъ даже не поклонился.

Елена не отвѣчала, но пріѣхавъ домой тотчасъ принялась къ нему писать. Она все еще не утратила своей вѣры въ него: нѣжно упрекая за долгое молчаніе, она просила его на слѣдующій вечеръ пріѣхать къ ихъ общимъ знакомымъ, гдѣ и прежде они встрѣчались. Запечатавъ письмо, она сдѣлала большую ошибку. Вмѣсто того, чтобъ отнести его въ почтовый ящикъ, она передала его горничной, и письмо очутилось тамъ же, гдѣ у Клеопатры Андреевны хранились письма Дмитрія. Когда на слѣдующій вечеръ Елена возвратилась домой отъ подруги, въ ней совершился такой переломъ, какой сразу и на долго измѣняетъ цѣлую жизнь. Сперва отчаяніе овладѣло ею, но оскорбленная гордость помогла ей превозмочь это чувство. Съ ней въ этотъ вечеръ случилось то же, что бываетъ съ цвѣткомъ, захваченнымъ утреннимъ морозкомъ.

Въ ея сердцѣ что-то сомкнулось и поблекло. На слѣдующее утро она объявила мачихѣ, что рѣшилась выйти за Ордынцева.

Честолюбіе—послѣдняя ставка для женщинъ, разо-

чарованныхъ въ любви, когда натура у нихъ слишкомъ сильная, чтобы надломиться отъ постигшаго ихъ горя. Выходя за Ордынцева, Елена, конечно, сама не знала, что творитъ. Очень скоро она измѣрила послѣдствія рокового шага, сдѣланнаго въ минуту отчаянія. Несмотря на свою неопытность, уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она знала своего мужа вдоль и поперекъ. Жизнь и дѣла до того изсушили этого не стараго еще человѣка, что внѣ тѣснаго круга личныхъ вопросовъ и отношеній онъ не интересовался рѣшительно ничѣмъ. Его несомнѣнный умъ будто заржавѣлъ, вращаясь въ этомъ кругу. Наружность этого сорокалѣтняго дѣльца была гораздо моложе и свѣжѣе его сердца, а между тѣмъ онъ ожидалъ, что его молодая жена, съ полною готовностію дастъ ему то счастіе, которое въ его глазахъ одно только имѣло цѣну. На это, думалъ онъ, ему давало право его крупное состояніе.

У Елены на первыхъ порахъ закружилась голова. Она поняла, что стоитъ отдаться тому чувству отвращенія, которое поднималось у нея противъ мужа, и она легко можетъ шагъ за шагомъ спуститься внизъ по торной, загрязненной дорогѣ.

Къ счастью, она умѣла владѣть собою, и она выбрала иной, не легкій, но менѣе скользкій путь. Этого ненавистнаго ей мужа со всею его опытностію, со всѣмъ его цинизмомъ, она подчинитъ себѣ; и всѣ его способности, все его богатство, которыми онъ даже не умѣлъ пользоваться какъ слѣдуетъ, она рѣшилась пустить въ ходъ по настоящему пути. Этимъ скептикомъ съ дряхлѣющею душой она станетъ руководить, какъ послушнымъ орудіемъ. Она заставитъ его работать, идти въ гору, и тогда, можетъ быть, полюбитъ его, какъ свое же созданіе.

Положеніе Ордынцева въ Петербургѣ на самомъ дѣлѣ вовсе не соотвѣтствовало его состоянію. На него смотрѣли, какъ на выскочку. На службѣ онъ достигъ извѣстной довольно видной степени, но дальше не по-

шелъ: онъ не переступилъ черезъ ту грань, которая отдѣляетъ чиновнаго бюрократа отъ дѣятеля высшаго полета. И, страннымъ образомъ, Ордынцевъ довольствовался этою второстепенною ролью. Должно быть, онъ усталъ карабкаться вверхъ. Въ кругу „настоящихъ“ его не считали своимъ. Друзья его, если у такихъ людей бываютъ друзья, тоже принадлежали къ дѣловому міру. Самый близкій изъ нихъ, Петръ Николаевичъ Корецкій, еще болѣе самого Ордынцева жилъ воздухомъ канцеляріи. Все это Елена поняла очень скоро. Незамѣтные оттѣнки, которыми отдѣляются слои петербургскаго общества, быстро сказались ея чутью. Но она тотчасъ же рѣшила, что ей предстоитъ задача, поставить свое общественное положеніе въ уровень со своими честолюбивыми мечтами, и что задачу эту она разрѣшитъ. Борьба нравилась ей и помогала забыться. Въ главномъ орудіи, въ деньгахъ, недостатка не было.

Первые два года замужества пошли у нея на то, чтобъ овладѣть мужемъ и изучить поле дѣйствій, на которомъ она должна будетъ потомъ двигать имъ, какъ шахматною фигурой. Она заставила мужа много выѣзжать и въ то же время усадила его за усиленную работу. Какимъ-то чудомъ ей удалось пробудить въ немъ уснувшее было честолюбіе. И подчиненные его не могли надивиться, откуда взялась у ихъ начальника новая административная прыть.

Дядя Елены, графъ Сокольницкій, облегчилъ ей доступъ въ высшія сферы. Не малаго труда и ловкости стоили ей, однако, тѣ осадныя работы, которыя она упорно вела, пока настежь открылись, наконецъ, предъ ней двери въ заколдованный міръ. Когда успѣхъ былъ достигнутъ, Елена рѣшила, что пора открыть пріемы у себя. Ордынцевъ волей-неволей долженъ былъ купить и отдѣлать по вкусу жены домъ на Сергіевской, но за то съ него была снята эпитимія сильно надоѣдавшихъ ему выѣздовъ. Теперь Елена могла уже обходиться безъ своего невольнаго спутника. Въ 23 года она обезпечила

себѣ положеніе не только красивой, любезной, но и серьезной женщины. Ея усилія были направлены именно въ эту сторону. Она хорошо понимала, какъ опасно малѣйшее легкомысліе не въ поведеніи только, но и въ словахъ. Елена всегда была охотница до чтенія. Теперь, развивая свой кругозоръ, она въ то же время дѣлала карьеру. Въ чопорномъ кружкѣ княгини Старобѣльской цѣнили ея мнѣніе и даже повторяли ея отзывы. Елена такъ вошла въ свою роль, что всѣ попытки сближенія съ ней на иной не столь умственной почвѣ встрѣчали самый холодный, спокойный отпоръ. Ее пугала немного первая встрѣча съ Дмитріемъ. Раздраженіе противъ него улеглось, и прежнее чувство,—она сознавала это,—могло забиться съ новою силой.

Но когда произошла эта встрѣча, — года три уже послѣ ея замужества,—Дмитрій отнесся къ Еленѣ съ такою ледяною вѣжливостью, что гордость помогла ей превозмочь и эту опасность.

Ордынцевъ, между тѣмъ, все болѣе углублялся подъ вліяніемъ жены въ служебную дѣятельность. Она позаботилась о томъ, чтобъ его отсутствіе въ тѣхъ домахъ, гдѣ она бывала, приписывалось усиленнымъ занятіямъ. Дома во время пріемовъ жены онъ показывался не надолго и всегда съ важною молчаливостью. Къ карьерѣ ведутъ многіе пути: таинственное молчаніе, за которымъ подозрѣваются глубокія мысли—одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ.

Во время своего успѣшнаго восхожденія по общественной лѣстницѣ Елена совершенно и намѣренно забыла про московскихъ родныхъ. Всѣ планы Клеопатры Андреевны разбились о ледяную сдержанность падчерицы. Поздравительныя письма къ праздникамъ и красивые подарки для Вани и Андрюши, вотъ чѣмъ Еленѣ удалось ограничить свои отношенія къ мачихѣ. Она начинала мириться со своею жизнью, какъ вдругъ неожиданное открытіе пробудило въ ней давно забытыя тревоги. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ

отецъ ей неосторожно сболтнулъ про тѣ письма Дмитрія, которыя до сихъ поръ покоились у Клеопатры Андреевны. Тутъ только она узнала, что Дмитрій извѣщалъ ее про согласіе матери, полученное послѣ долгихъ усилій. Отчаяніе овладѣло ею, отчаяніе и жажда мести за отнятое у ней счастіе. На цѣлую недѣлю заперлась она у себя, отдаваясь горю и пламенному желанію объясниться съ Дмитріемъ, но благоразуміе все-таки взяло верхъ. Къ счастію, Дмитрія тогда не было въ Петербургѣ. Елена одумалась и поняла, что одинъ шагъ на встрѣчу Дмитрію, одно неосторожное слово, и навсегда разбита та стѣна, которою она съ такимъ трудомъ окружила себя, утрачено общественное положеніе, достигнутое послѣ четырехлѣтнихъ усилій. И когда они снова встрѣтились и опять объяснились равнодушными словами, она уже настолько владѣла собою, что удержала исповѣдь, готовую вылиться съ ея трепещущихъ губъ.

Эта побѣда надъ собою закалила ее; она твердо доигрывала свою роль. Теперь было уже не далеко до желанной развязки. Ея успѣхи все росли. Важныя лица заискивали въ ней. Одна очень высокопоставленная особа была даже у нея на домашнемъ спектаклѣ. Ордынцева стали прочить на высокій государственный постъ. Одно только безпокоило Елену. Всегда прекрасное здоровье мужа дѣлалось шаткимъ.

Восемь лѣтъ непривычной для него жизни съ постоянною работой мозга, вѣчная скрытая тревога, въ которой держала его властвовавшая надъ нимъ воля молодой жены, незамѣтно подкосили Ордынцева. Разъ во время крупной партіи въ Англійскомъ клубѣ его сразилъ ударъ. На слѣдующій день сознаніе и языкъ возвратились, но Ордынцевъ чувствовалъ приближеніе конца и воспользовался этимъ послѣднимъ днемъ, чтобы написать завѣщаніе. Тутъ, какъ проблескъ его проснувшейся воли, у него сказалось желаніе отомстить женѣ за ея долгое господство и за то презрѣніе къ нему, которое онъ смутно чувствовалъ за ея ласковымъ обра-

щеніемъ. Та вовсе уже не идеальная любовь, которую возбуждала въ немъ Елена, исчезла предъ могилой, и Ордынцевъ съ предсмертнымъ злорадствомъ оставилъ женѣ одну вдовью законную часть, завѣщавъ дочери отъ перваго брака все остальное имущество, въ томъ числѣ и недавно купленное имъ Никольское. Впрочемъ, такъ какъ почти все состояніе заключалось въ капиталахъ, эта вдовья часть была очень почтенныхъ размѣровъ. Опекуномъ надъ дочерью Ордынцевъ вмѣстѣ съ женой назначилъ своего друга Петра Николаевича.

Схоронивъ мужа, Елена окинула взглядомъ всю свою жизнь и страшная пустота сказалась въ этой жизни. Въ двадцать восемь лѣтъ, съ ея умомъ, съ ея красотой она не знала любви. Да и на цѣломъ свѣтѣ не было человѣка, къ которому она была бы привязана, кто бы ею дорожилъ. Болѣзненное сознаніе этого одиночества горько сказалось Еленѣ, и она съ испугомъ подумала о будущемъ, гдѣ, можетъ быть, ожидаетъ ее то же безотрадное прозябаніе среди мнимыхъ, ничтожныхъ заботъ и въ концѣ этого неумолимая, холодная старость. Елена вспомнила про Дмитрія, съ которымъ она давно не видалась. Онъ путешествовалъ тогда за границей. Онъ не былъ женатъ.

Кто знаетъ, можетъ быть воспоминаніе о ней еще жило въ его сердцѣ. Съ этою смутною надеждой она поѣхала въ Никольское.

IV.

Дмитрій очень добросовѣстно принялся за исполненіе своего обѣщанія Еленѣ. Его негодующее чувство противъ нея вдругъ какимъ-то чудомъ совершенно остыло. Зачѣмъ было мстить за прошлое, когда самъ онъ уже давно пересталъ сожалѣть о немъ? Развѣ онъ не можетъ относиться къ ней съ тѣмъ мирнымъ равнодушіемъ, которое всегда приходитъ на смѣну угаснувшей

страсти? Разсуждая такимъ образомъ, Дмитрій, впрочемъ, какъ это часто бываетъ, невольно обманывалъ самого себя. Истинной причины случившейся съ нимъ перемѣны онъ не сознавалъ. На самомъ дѣлѣ спокойная прелесть, которою было проникнуто все ея существо, сказалась и для Дмитрія.

И Елена не пробовала возвратиться къ прошлому, не оправдывалась предъ нимъ, хотя теперь ей это было такъ легко. Она тоже думала создать новую почву для новыхъ отношеній, привлечь его не раскаяніемъ, а испробовать на немъ силу своего обаянія. Ей часто говорили, что у нея совершенно мужской умъ, доступный тому, что̀ рѣдко на самомъ дѣлѣ интересуетъ женщинъ, тѣхъ по крайней мѣрѣ женщинъ, которыя умѣютъ быть откровенны съ собою. И она щедро подѣлилась съ Дмитріемъ тѣмъ сочувствіемъ его видамъ на будущую дѣятельность, которое такъ рѣдко можно встрѣтить у женщинъ. Товарищество съ женскимъ умомъ, быть можетъ, самая дорогая и самая несбыточная мечта для тѣхъ, кто въ жизни затѣялъ сойти съ обычной колеи будничныхъ заботъ и разъ навсегда намѣченной карьеры. Такое товарищество Дмитрій вполнѣ нашелъ у Елены; конечно, отъ него было неизмѣримо далеко до его прежняго молодого чувства. Умъ у нея постарѣлъ за эти десять лѣтъ постоянной борьбы за общественное положеніе. Быть можетъ, она прибергала свое признаніе какъ вѣрное средство, точно такъ же какъ прибергаютъ козыря къ самому концу игры; но въ жизни, какъ и въ картахъ, этотъ расчетъ часто бываетъ ошибочнымъ.

Какъ бы то ни было, Дмитрій очень скоро освоился въ Никольскомъ. Володѣ уже теперь не приходилось жаловаться на перерывъ отношеній къ сосѣдямъ. За то въ его сердце стала прокрадываться иная тревога. Женичка очень уже явно благоволила къ Дмитрію. Она питала къ нему особенное, полукомическое уваженіе, какъ будто онъ олицетворялъ въ ея глазахъ какую-то неопредѣленную власть. Кто знаетъ? можетъ быть она была не

прочь и на немъ испробовать чарующую силу своихъ бархатныхъ глазокъ. Впрочемъ, обязанности, добровольно принятыя на себя Дмитріемъ, ставили его чуть ли не въ положеніе опекуна Женички. Отвѣтъ Петра Николаевича не заставилъ себя долго ждать. Чиновный дядя прислалъ требуемую довѣренность, но въ то же время писалъ торжественно и сухо, что уступаетъ лишь просьбѣ Елены Михайловны и не можетъ допустить, чтобы такой ученый и достойный человѣкъ, какъ господинъ Гондзевскій, не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія. Онъ просилъ, во всякомъ случаѣ, не увольнять управляющаго до своего пріѣзда, обѣщая быть въ Бѣлыхъ Столбахъ къ концу іюня; а между тѣмъ, ученый господинъ Гондзевскій, можетъ быть, отлично зналъ многочисленные предметы академической программы, но владѣть самымъ обыкновеннымъ плугомъ не былъ въ состояніи, а людьми и подавно. Хозяйство у него велось спустя рукава, и трудно было рѣшить, была ли тутъ виною одна самоувѣренная неумѣлость или, чего добраго, побужденія болѣе вреднаго свойства. Дмитрію, съ истинно польскимъ задоромъ, онъ отказался дать какой-либо отвѣтъ; а когда письмо Петра Николаевича заставило его смириться — этотъ задоръ смѣнился гибкостью, не мѣшавшею ему, впрочемъ, огрызаться при случаѣ.

Разъ,—это было въ самыхъ первыхъ числахъ іюня,—Женичка, усѣвшаяся съ книгой подъ тѣнью стараго вяза, услыхала доносившійся до нея громкій и раздраженный голосъ Дмитрія.

— Я не привыкъ,—говорилъ этотъ голосъ,—шутить когда приказываю, и заставлю васъ это понять. Я знать не хочу вашихъ возраженій и не буду стѣсняться вашею подписью. Вотъ что̀ сдѣлаю я съ данными вами обязательствами!

Отвѣта Гондзевскаго Женичка не разобрала, но ей послышалось, что чья-то рука нервно рвала на клочья какую-то бумагу. Чрезъ нѣсколько секундъ калитка въ

садъ растворилась, и предъ нею стоялъ Дмитрій, не успѣвшій еще овладѣть своимъ гнѣвомъ.

— Я не зналъ, что вы здѣсь, — извинялся онъ, видимо сконфуженный тѣмъ, что молодая дѣвушка слышала его рѣзкія слова.

— Мнѣ такъ совѣстно, что вы изъ-за нашихъ дѣлъ...

Онъ не далъ ей договорить; его разгоряченное лицо снова приняло обычное спокойное выраженіе.

— Напротивъ, я очень радъ случаю побороться съ затрудненіями. Я пріѣхалъ въ деревню не сидѣть сложа руки, а въ Бѣлыхъ Столбахъ все черезчуръ уже гладко.

Они пошли по липовой аллеѣ, и Женичкѣ показалось очень интереснымъ то, что онъ сталъ разсказывать ей про хозяйство Никольскаго. Съ ней обращались какъ съ большою, коли считали нужнымъ ей передавать такія серьезныя вещи.

За оградой, вдоль которой они шли, послышался конскій топотъ.

— Это вашъ братъ сюда ѣдетъ, я узнаю галопъ Солимана.

— Какъ, вы различаете даже звукъ копытъ его лошади,—улыбнулся онъ ей въ отвѣтъ.

Женичка покраснѣла. Они прошли къ оградѣ, къ которой теперь подъѣзжалъ Володя.

— Вы, разумѣется, къ намъ? — спросила она молодого человѣка.

Володя сумрачно взглянулъ на брата и на Женичку.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ взволнованно, хоть и старался казаться равнодушнымъ,—я только думалъ прокатиться, и самъ не понимаю, какъ сюда попалъ.

— Вотъ какъ! Прогулка верхомъ въ такой жаръ,— лукаво замѣтила Женичка.

Въ самомъ дѣлѣ, потъ струился съ горячаго лба Володи. Онъ выказалъ, однако, примѣрную стойкость и не выдалъ себя.

— Дома надо позаняться, — отвѣчалъ онъ, хоть и

очень затруднился бы сказать, въ чемъ заключались эти занятія.

— Напрасно. Мы вотъ сегодня вечеромъ на сѣнокосъ собираемся на Курмиловскіе луга, и Надя тоже обѣщалась.

Женичка отвернулась отъ Володи, который, неизвѣстно почему, сталъ усиленно трепать взмыленную шею своей лошади.

— Дмитрій Алексѣевичъ, вернемтесь домой, воздухъ становится такой душный, какъ бы вечеромъ не собралась гроза.

И, въ самомъ дѣлѣ, небо приняло густой фіолетовый оттѣнокъ, будто къ нему поднимался какой-то паръ отъ высохшей земли, и тоскливая, гнетущая тишина, какъ полдневный сонъ послѣ работы, охватила усталую природу.

Елена Михайловна была не одна, когда они вошли въ уютную гостиную. Они застали тамъ Томилина и Боровского, да еще одного незнакомаго имъ господина, съ какою-то преднамѣренной небрежностью усѣвшагося въ креслѣ возлѣ хозяйки.

При входѣ Женички онъ, однако, мигомъ всталъ, бросилъ папироску и подошелъ къ ней съ развязною любезностью.

— Очень радъ представиться вамъ, кузина,—сказалъ онъ по-французски, протягивая руку.

Онъ былъ ниже средняго роста, но его небольшая особа вся дышала силой и самоувѣренностью. Самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ отличалось его мускулистое тѣло и круглое, слегка румяное лицо и молодцоватый черный усъ надъ слегка надменною губой. Еслибы не усталое выраженіе большихъ глазъ, подернутыхъ влагой, нельзя было бы замѣтить, что онъ уже сильно пожилъ и вся его молодость была показная. Что-то грубоватое было въ его несомнѣнно красивыхъ чертахъ и въ слегка хрипломъ его голосѣ. Это былъ сынъ графа Сокольницкаго Борисъ, и трудно понять, какъ такой сынъ могъ родиться отъ такого отца. Женичка не то чтобъ очень

обрадовалась этому съ неба упавшему родственнику, но, чего грѣха таить, ея тщеславное сердечко не прочь было лишній разъ получить дань поклоненія, тѣмъ болѣе лестную, что графъ Борисъ Сергѣевичъ былъ столькими годами ея старше.

— Признаюсь, не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить уѣзднымъ предводителемъ,—сказалъ ему Дмитрій, когда ихъ познакомили.

— Что же, за умъ взялся, пора, — крутя лѣвый усъ отвѣтилъ графъ тономъ отличнаго малаго, чрезъ который чуть-чуть сквозила слегка надменная нотка.

— Les temps sont durs, il faut retourner à la charrue, почему-то перешелъ онъ на французскій языкъ.

Въ его судьбѣ незадолго предъ тѣмъ случился совершенно негаданный поворотъ. Онъ занималъ приближенную должность при одномъ изъ маленькихъ дворовъ; положеніе его отца обезпечивало ему вѣрный и быстрый путь впередъ, и вдали мерещилась полная возможность современемъ сдѣлаться гдѣ-нибудь трехбунчужнымъ пашой. Но эти мечты совершенно нечаянно разлетѣлись въ прахъ.

Произошло личное, чрезвычайно рѣзкое столкновеніе; молодой графъ въ припадкѣ гнѣва вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ одно изъ отцовскихъ имѣній и промѣнялъ свои многообѣщающіе эксельбанты на скромную должность уѣзднаго предводителя. Все это онъ сдѣлалъ съ чрезвычайнымъ трескомъ, дабы придать своему поступку значеніе демонстраціи. „Пока въ оппозиціи находятся какіе-нибудь Ивановы да Петровы, думалось графу, въ душѣ глубоко презиравшему свой уѣздъ,— она выѣденнаго яйца не стоитъ, но когда въ ея рядахъ увидятъ графа Сокольницкаго“... и Борисъ Сергѣевичъ, хотя и былъ вовсе не глупый человѣкъ, чистосердечно воображалъ, что встревожитъ не на шутку Петербургъ. Но, увы! Петербургъ своею забывчивостью удивляетъ даже тѣхъ, кто о немъ самаго плохого мнѣнія.

Елена Михайловна благосклонно внимала кислова-

тому злословію своего двоюроднаго брата: она всегда дорожила родствомъ съ Сокольницкими. Боровской графу поддакивалъ, хоть и не трудно было уловить въ его одобрительныхъ словахъ оттѣнокъ насмѣшливости. Видно, однако, самому графу надоѣло сыпать остротами на любимую тему о томъ, что у насъ все идетъ къ чорту; только онъ теперь поспѣшилъ усердно заняться Женичкой. Женичка довольно охотно внимала льстивымъ рѣчамъ своего собесѣдника. Вдругъ передъ самымъ обѣдомъ неожиданно появился Володя, неловко извиняясь, что измѣнилъ своему намѣренію позаняться дома. Женичка приняла его съ самымъ обиднымъ равнодушіемъ, и Володя, въ свою очередь, счелъ нужнымъ выказать ей свое неудовольствіе, стараясь быть какъ можно болѣе колкимъ и холоднымъ. Графъ, напротивъ, былъ особенно въ ударѣ, разговаривалъ больше всѣхъ и даже почему-то за обѣдомъ вздумалъ дразнить бѣдную миссъ Финчъ, увѣряя ее, что Лондонъ ужасная трущоба и что англичанки самыя безсердечныя женщины на свѣтѣ.

Когда все общество перешло на террасу пить кофе, густыя свинцовыя тучи заволакивали небо и быстро тянулись одна за другою, подгоняемыя рѣзкими ударами поднявшагося вѣтра. Воздухъ посвѣжѣлъ, но тяжело было дышать отъ скопившагося электричества, будто какая-то тяжесть нависла надъ землей.

— Я думаю надо будетъ отказаться отъ нашей поѣздки,—сказала Елена Михайловна, обращаясь къ Томилину.

Вдали по временамъ вспыхивала блѣдная молнія и слышались глухіе медленные раскаты.

— Грозы не будетъ, могу васъ увѣрить,—отвѣтилъ Томилинъ, вглядываясь въ сѣрое небо.—Вѣтеръ идетъ съ востока.

Рѣшено было черезъ часъ ѣхать на Курмиловскіе луга, не обращая вниманія на погоду.

— Вы, я слышалъ, подобно мнѣ, оставили Петербургъ и будете, конечно, служить по выборамъ, обра-

тился графъ къ Дмитрію, и глаза его пытливо уставились на Корецкаго.

— Не совсѣмъ подобно вамъ,—былъ двусмысленный отвѣтъ Дмитрія.

Графъ задумчиво слѣдилъ взглядомъ за извивавшеюся голубоватою струйкой дыма отъ своей папироски.

— Всѣмъ порядочнымъ людямъ,—продолжалъ онъ—надо идти въ провинцію, къ землѣ, pour infuser du sang nouveau... надо поднять, облагородить...

„Хороша-то будетъ свѣжая кровь“, подумалъ Дмитрій и встряхнулъ своими густыми, мягкими волосами, отвѣчая графу:

— Я не управлять сюда и не учить пріѣхалъ, а учиться. Мнѣ тошно стало въ Петербургѣ вѣчно молотить солому вмѣсто зерна; и вотъ, чтобъ окончательно не развратиться отъ этого занятаго бездѣлья, я хочу здѣсь поискать настоящаго, хоть и скромнаго дѣла...

Они подошли къ Еленѣ.

— Въ деревнѣ бываютъ дѣла во множественномъ числѣ только, но ровно никакого дѣла,—сострилъ графъ.

— Еще бы,—вмѣшался Володя, одинаково взбѣшенный и противъ брата, и противъ новаго гостя.—Настоящее дѣло можетъ быть лишь тамъ, гдѣ есть развитые люди.

Томилинъ смѣясь потрепалъ молодого человѣка по плечу.

— Да, а вотъ еще одно изъ теперешнихъ любимыхъ словъ,—сказалъ онъ,—прежде были просто люди глупые и умные и таковыми оставались по смерть, а теперь изобрѣли эту кличку развитыхъ. И что̀ въ нихъ развивать-то приходится?

Володя вспыхнулъ:

— Вы, стало быть, отрицаете...

— Ничего я, дружокъ мой, не отрицаю, а напротивъ положительно утверждаю, что на самомъ тучномъ черноземѣ пшеница сама собой не выростетъ, пока зерна не посѣешь; зерно, братецъ мой, первое дѣло, а культу-

рой тамъ и средой, какъ вы ее называете, безъ зерна ничего не подѣлаешь.

Боровской всталъ и, засмѣявшись, обратился къ графу:

— Видите какіе у насъ здѣсь столпы благонамѣренности, а въ Петербургѣ увѣряютъ, что провинція заражена.

Графъ пожалъ плечами.

— А вамъ,— продолжалъ Николай Осиповичъ, обращаясь уже къ Дмитрію, — я отъ души желаю найти здѣсь достойное поле дѣятельности, конечно не оффиціальной дѣятельности, такъ какъ вы отъ нея сторонитесь.

— Вамъ стоитъ только захотѣть, чтобы стать предводителемъ на мѣсто Ухова,—опять съ нѣкоторою пытливостью во взглядѣ добавилъ графъ.

Дмитрій посмотрѣлъ на нихъ обоихъ, и на мигъ его глаза насмѣшливо заискрились.

— Я никакихъ должностей не ищу,—сказалъ онъ,— а коли вамъ представляется загадочнымъ то дѣло, про которое я сейчасъ говорилъ, извольте, я скажу вамъ, какъ я на него смотрю. Много у насъ говорилось про сближеніе съ меньшею братіей да про улучшеніе народнаго быта. Только говорилось оно всегда совершенно такъ, какъ будто дѣло шло объ улучшеніи какой-нибудь породы скота. Масса, народъ, меньшая братія, да вѣдь это все отвлеченности какія-то, придуманныя для того, чтобы смотрѣть издалека, не марая себѣ рукъ, а вѣдь народъ не сплошная масса, въ немъ живые люди, не похожіе другъ на друга; чему-жъ удивляться, коли онъ на всѣхъ насъ смотритъ съ недовѣріемъ? Что̀ онъ получилъ отъ насъ, развитыхъ людей, какъ сказалъ братъ? Сперва крѣпостное право, а потомъ презрительное газетное и канцелярское нѣжничанье, которое мимо него, чрезъ его голову, бьетъ на либеральный эффектъ. Пора каждому изъ насъ просто, безъ ужимокъ, ближе подойти къ крестьянской избѣ, лично подѣлиться съ мужикомъ тѣмъ, что̀ мы можемъ ему дать, не деньгами только, а

честнымъ вліяніемъ. Это тоже, коли хотите, значитъ идти въ народъ.

— Да надѣть поддевку и смазные сапоги,—отвѣтилъ графъ и пожалъ плечами,—эту пѣсню намъ давно изъ Москвы напѣваютъ.

— Маскарадовъ вовсе никакихъ не нужно. Потому что они тоже игра въ народность, а у мужика великая смѣтка на всякое ряженье; надо, въ самомъ дѣлѣ, убѣдить ихъ, что мы на нихъ какъ на людей смотримъ, а не какъ на игрушки, которыми въ досужее время не мѣшаетъ позабавиться. Кабы всякій изъ насъ по одиночкѣ зналъ хотя бы каждую семью изъ своихъ прежнихъ крѣпостныхъ и помогалъ бы гдѣ и какъ нужно, а не просто огульно выдавалъ бы извѣстную сумму для очистки совѣсти. Какъ вы думаете? мало бы тутъ было дѣла?

— Это вы цѣлую громадную стѣну хотите по камешкамъ разбирать,—сказала Елена, внимательно слѣдившая за каждымъ словомъ Дмитрія.

— Она рухнетъ, повѣрьте мнѣ,—отвѣтилъ онъ,—хотя, конечно, самыя китайскія стѣны тѣ, которыя создало воображеніе.

Онъ обернулся. За нимъ стояла Надя—молодая дѣвушка недавно пріѣхала—и въ первый разъ глаза ея остановились на немъ безъ недружелюбнаго взгляда.

Вѣтеръ гналъ предъ собой все новыя тучи; солнце еще высоко стояло, но полутьма надвигалась съ заволоченнаго неба и лишь украдкой сквозь тучи пробирался лучъ и на мигъ вспыхивалъ на потемнѣвшей листвѣ.

— Что же, ѣхать? благословляете?—снова нерѣшительно обратилась Елена къ Томилину.

Дамы пошли одѣваться.

— А знаете что,—шутливо обратился Боровской къ Дмитрію, оставшись съ нимъ вдвоемъ на террасѣ,—было бы совершенно достаточно сказаннаго вами сейчасъ, чтобы причислить васъ къ многочисленной фалангѣ

неблагонадежныхъ. Очень немного пришлось бы измѣнить въ вашихъ словахъ...

— Я не сомнѣваюсь въ вашей способности извращать чужія мысли,—рѣзко отвѣтилъ Дмитрій.

Лошади были поданы. Графъ помѣстился съ Женичкой въ плетеномъ кабріолетѣ, похожемъ на корзину, и съ видомъ опытнаго спортсмена схватилъ вожжи и и стегнулъ по лошадямъ бичемъ. Но маленькія шведки оказали ему неповиновеніе, и Женичкѣ пришлось, къ его великой досадѣ, взять вожжи изъ его рукъ. Остальные помѣстились на высокомъ шарабанѣ, очень замысловатомъ по формѣ. Странными казались троичная упряжь и красная рубаха кучера съ этимъ нерусскимъ экипажемъ, замѣняющимъ кое-гдѣ стародавнюю помѣщичью линейку, столь напоминавшую Ноевъ ковчегъ.

V.

До Курмиловскихъ луговъ было верстъ около девяти. Дорога съ небольшими перерывами шла лѣсомъ. Мѣстность была холмистая, изрѣзанная небольшими оврагами. Въ жаркіе лѣтніе дни это былъ лучшій уголокъ въ цѣломъ околоткѣ; здѣсь всегда тянуло прохладой отъ недалекой Волги. Тучи все еще шли по небу, но вѣтеръ уже не такъ порывисто гналъ ихъ передъ собой, и гроза уходила все дальше въ заволжскую степь. Лишь изрѣдка, среди наступавшей вечерней тишины, мѣрно и торжественно слышались отдаленные раскаты. Встревоженная природа улеглась, и вѣяніе грозы только все дальше уносило съ собой тяжелое удушье іюньскаго дня.

Едва успѣла тройка въѣхать въ дубовую чащу, какъ отъ одного изъ деревьевъ у самой дороги отдѣлилась оторопѣлая, почти испуганная фигура, въ которой сидѣвшіе въ экипажѣ тотчасъ узнали г. Гондзевскаго. Онъ прошелъ мимо, низко кланяясь, и будто желая

стушеваться. Въ то же время другой какой-то человѣкъ, очевидно тутъ же стоявшій, быстрыми шагами скрылся за деревьями.

— А, да это, кажется, нашъ землемѣръ, сынъ священника, Василій,—сказалъ Дмитрій.—О чемъ они могли тутъ шушукаться?

— Очень мнѣ не нравится вашъ управляющій,—замѣтилъ Томилинъ Еленѣ Михайловнѣ.

— Сдается мнѣ,—улыбнулся Боровской,—что еслибы пошарить въ этой мѣстности, нашлось бы кое-кого притянуть къ отвѣту. Этотъ Василій мнѣ въ особенности очень подозрителенъ.

— Съ Божіею помощью справимся и безъ отеческой руки начальства,—возразилъ Дмитрій.—А знаете что̀?—обратился онъ къ Еленѣ.—Сегодня мнѣ пришлось почти насильно вырвать у Гондзевскаго условіе съ здѣшними крестьянами на расчистку лѣса, благодаря которой чрезъ два года въ немъ не оказалось бы ни одного дуба. Къ счастію, условіе не было засвидѣтельствовано.

— Вы поступили не особенно легально,—смѣясь замѣтилъ Боровской.

— Въ своемъ имѣніи, я бы, вѣроятно, такъ и не поступилъ. Но нельзя же ради легальности давать на расхищеніе лѣсъ. Впрочемъ, съ крестьянами не мудрено будетъ сговориться. Я съ ними уже толковалъ.

— Теперь сѣнокосъ, въ эту пору никто до лѣса не коснется,—сказалъ Томилинъ.

— А куда дѣвался вашъ братъ?—спросила Дмитрія Елена.—Онъ сѣлъ на свою лошадь и исчезъ.

Какъ бы въ отвѣтъ ей, позади раздался неистовый лай Джака. Володя на своемъ Солиманѣ, какъ разъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ засѣлъ мелкій, густой подлѣсокъ, вдругъ изъ-за кустовъ выскочилъ на дорогу и хотѣлъ, должно быть, похвастать предъ Женичкой своею лихою ѣздой. Ему только удалось напугать ея шведокъ; онѣ рванулись въ сторону, и графъ, быть можетъ, съ излишнимъ усердіемъ ухватился за вожжи, довольный

случаемъ явиться спасителемъ Женички. Джакъ накинулся на Солимана, и Володѣ, конечно, не сдобровать бы, если бы почтенныя лѣта его лошади не пріучили ее хладнокровно встрѣчать самые неожиданные случаи.

— Какъ вы неосторожны! Такъ ѣздить нельзя,— гнѣвно воскликнулъ графъ, а Женичка только насмѣшливо прищурила глазки, дѣлая видъ, что не смотритъ на Володю. Это раздражило его, конечно, гораздо болѣе словъ графа, и неповинный Солиманъ поплатился за обоихъ. Володя сердито ударилъ его хлыстомъ и неправильнымъ галопомъ понесся впередъ по дорогѣ.

Черезъ полчаса экипажи въѣзжали на довольно большую поляну. Ее обступали порѣдѣвшія группы деревьевъ, а за нею тянулся обширный лугъ, отлого спускавшійся къ рѣчкѣ, той самой рѣчкѣ, которая выше протекала чрезъ Бѣлые Столбы. Здѣсь она лѣниво извивалась по лугу, а дальше внизъ вдругъ рѣзко поворачивала и скрывалась за круто выступившимъ обрывомъ. Лысое плоскогорье, будто стѣна, тутъ замыкало видъ. Оно медленно поднималось, какъ огромный зеленоватый шатеръ со стороны поляны и только у самаго берега круто спускался его будто отрѣзанный скатъ. Здѣсь, да на самой вершинѣ, обнаженная желтоватая глина выступала изъ-подъ тощаго покрова рѣдкой, полузасохшей травы. Теперь совсѣмъ уже остановились тучи и свинцовымъ покровомъ повисли надъ головой, а на западѣ понемногу свѣтлѣло и опускавшееся солнце косыми лучами рѣзко освѣщало желтую вершину холмовъ. А съ лѣса уже вѣяло тѣнью и легкая дымка тумана ложилась на луга. Вездѣ въ безпорядкѣ мелькали свѣжія копны и все сильнѣе несся отъ нихъ острый запахъ свѣжаго сѣна. На самомъ концѣ у холмовъ косцы кончали работу. Ихъ длинныя бѣлыя рубахи—ближайшая деревня была татарская—рѣзко выдѣлялись среди пестрой кучки дѣвушекъ, загребавшихъ вслѣдъ за ними траву. На полянѣ за косьбу еще не принимались, и гу-

стая жирная трава, настоящая степная трава, какъ волна разступалась предъ лошадьми, точно она готова была утопить ихъ въ своей сочной, зеленой глуби.

Обѣ молодыя дѣвушки съ графомъ и съ Томилинымъ спустились къ лугу, Володя сумрачно остался нѣсколько позади съ Боровскимъ, которому вѣроятно очень надоѣдалъ затѣяннымъ съ нимъ серьезнымъ разговоромъ. Дмитрій и Елена какъ-бы невольно остались вдвоемъ и безъ всякой опредѣленной цѣли медленно вернулись въ лѣсъ.

— Мнѣ показалось, Елена Михайловна, — началъ Дмитрій,—что вы очень недовѣрчиво отнеслись къ тому, что я высказалъ тамъ у васъ на террасѣ. Вы какъ будто думаете, что я предаюсь несбыточнымъ мечтамъ, неправда ли?

— Признаюсь вамъ, да. И что̀ за охота вамъ приносить свои способности въ жертву иллюзіямъ? Вы можете сдѣлать многое, но не на этомъ поприщѣ. Я хотѣла бы васъ видѣть на настоящей дорогѣ, и если бы вы только захотѣли, я могла бы, можетъ быть, вамъ облегчить первые шаги...

Онъ разсмѣялся.

— Благодарю васъ, у меня честолюбія нѣтъ,—и на его лицѣ и тѣни не было того притворства, съ которымъ у насъ обыкновенно произносится эта фраза,—то-есть нѣтъ петербургскаго честолюбія по крайней мѣрѣ. Я слишкомъ скроменъ да и слишкомъ гордъ для призрачнаго дѣла.

— Я васъ не понимаю, — отвѣтила она. — Неужели вы удовлетворитесь какими-то уѣздными успѣхами изъ-за такихъ мелочей, какъ всѣ эти земскія школы и проекты, отъ которыхъ и пользы-то настоящей нѣтъ никому?

Говоря это, она остановилась подъ одинокимъ старымъ дубомъ. Лицо ея вдругъ оживилось, и непривычнымъ блескомъ вспыхнули ея глубокіе, всегда спокойные глаза.

— Да развѣ для того, чтобы быть полезнымъ,—живо возразилъ Дмитрій,—непремѣнно надо имѣть оффиціальную вывѣску? флагъ выкинуть какой-нибудь? Развѣ нельзя быть просто частнымъ человѣкомъ, поступающимъ какъ самому хочется?

Ему захотѣлось непремѣнно убѣдить эту опытную не по лѣтамъ женщину, которую странное ея замужество рано пріучило распознавать людей и смотрѣть на жизнь безъ иллюзіи.

Она слегка покачала головой и улыбнулась.

— Эта частная, исключительно семейная жизнь,— сказала она,—не для васъ создана. Для брата вашего она можетъ годиться. Ну, а вы... я знаю васъ немножко, Дмитрій Алексѣевичъ! Вы не имѣете права запереться въ такомъ тѣсномъ кругу. Не скрою отъ васъ, я того мнѣнія, что жить для одного семейства, значитъ не жить вовсе или по крайней мѣрѣ, очень добродѣтельно, не дѣлать ровно ничего.

Семейная жизнь! И она говорила про эту жизнь презрительно, она, благодаря которой онъ этой жизни до сихъ поръ не узналъ! Эти немногія слова вызвали въ немъ исчезнувшую горечь прошлыхъ воспоминаній, и голосъ его слегка задрожалъ, когда онъ сталъ отвѣчать ей.

— Вы забываете, Елена Михайловна, что вы сами сдѣлали для меня невозможною жизнь, о которой я когда-то мечталъ.

Онъ стоялъ прямо передъ ней, прислонясь къ низко растущей вѣткѣ дуба. Его каріе глаза загорѣлись. Разговоръ ихъ принялъ такой неожиданный оборотъ, что Еленѣ далѣе нельзя было скрывать отъ него истины. О, еслибъ онъ могъ знать, какъ дорого бы она дала, чтобы жить съ нимъ этою жизнію, и какъ бы она сумѣла вывести ее изъ узкой колеи заурядности!

— И вы до сихъ поръ не перестали упрекать меня?— сказала она тихо.—И вы до сихъ поръ не догадались?..

Она не договорила и посмотрѣла ему прямо въ глаза,

чтобы прочесть въ нихъ ту тревогу ожиданія, которую ей такъ хотѣлось въ нихъ увидѣть; но огонь въ нихъ уже успѣлъ потухнуть, и только недовѣрчивая улыбка показалась на губахъ.

Она сказала ему, какъ все случилось, какъ надолго была испорчена ея жизнь, и въ истинѣ ея словъ нельзя было усомниться, такъ неподдѣльно звучало въ нихъ горькое сожалѣніе.

— И вотъ, Дмитрій,—закончила она мягкимъ, почти умоляющимъ голосомъ, — отъ какой случайности все такъ рѣзко измѣнилось. Я до сихъ поръ не могу простить, не могу вспомнить объ этихъ украденныхъ письмахъ, изъ-за которыхъ вы цѣлыхъ десять лѣтъ считали меня обманщицей...

Но та струна въ его сердцѣ, которой она думала коснуться, порвалась уже слишкомъ давно. Онъ старался успокоить Елену, сочувственно отозваться на вызванныя ею воспоминанія, но страннымъ образомъ онъ, такъ долго упрекавшій ее, не былъ взволнованъ этимъ открытіемъ.

Ея чуткое ухо не подмѣтило почти равнодушной ноты въ его словахъ. Ей слишкомъ хотѣлось воскресить прошлое.

Они подошли къ самой опушкѣ. Небо стало проясняться, косы рабочихъ вдали сверкали въ лучахъ заходящаго солнца. Съ луга, близъ того мѣста, гдѣ они стояли, слышались веселые голоса.

Женичка и Сокольницкій взялись за грабли и съ помощью Томилина нагребли цѣлую высокую кучу свѣжаго сѣна, на которую теперь молодая дѣвушка взобралась, перекидываясь съ графомъ скомканными въ мячъ охапками пахучей травы; Надѣ сообщилось ея оживленіе, и обѣ дѣвушки, стоя на высокой копнѣ, начали защищаться отъ прочихъ. Даже Боровской не отставалъ отъ другихъ. Одинъ Володя стоялъ въ сторонѣ, нетерпѣливо играя хлыстикомъ.

— Вотъ какъ молодежь забавляется,—сказала Елена, любуясь игрой.—Какъ мы, однако, постарѣли съ вами,

Дмитрій! И неправда ли, какъ мало я гожусь для этой сельской обстановки? Вѣдь, мы съ вами даже не знаемъ, что дѣлать здѣсь на сѣнокосѣ; и вы, конечно, въ правѣ спросить у себя, съ какой стати я затѣяла эту прогулку.

Она улыбнулась, говоря это, хотя смутно и чувствовала въ эту минуту, что молодость, еще сохранившаяся на ея свѣжихъ чертахъ, давно уже утрачена ея сердцемъ. Они спустились на лугъ.

— Николай Осиповичъ,—обратилась къ нимъ Женичка,—предлагаетъ вотъ на эту гору взойти,—и она указала на лысый холмъ, замыкавшій лугъ.—Тамъ, говорятъ, видъ очень красивый, да и все мѣсто здѣсь, вы знаете, историческое. Ѳедоръ Васильичъ увѣряетъ, что именно здѣсь былъ станъ Пугачева, когда онъ...

— Бѣжалъ сюда отъ Михельсона изъ-подъ Казани,—договорилъ за нее Томилинъ.

— Не поздно ли будетъ?—сказала Елена Михайловна.

Однако рѣшено было пойти, такъ какъ всѣ увѣряли, что взобраться на вершину можно въ полчаса.

— За что̀ вы дуетесь?—спросила Женичка, проходя мимо Володи, который все держался поодаль.

— Владиміръ Алексѣевичъ ждетъ не дождется, пока онъ насъ вновь удивитъ своею ѣздой,—замѣтилъ графъ.

Молодого человѣка взорвало:

— Кому нравится по сырой травѣ кататься, кому нѣтъ,—возразилъ онъ рѣзко и посмотрѣлъ на Женичку съ самымъ сокрушающимъ неодобреніемъ.

— Ваши лѣта, конечно, этого не позволяютъ,—продолжалъ графъ.

У Женички только правильная дуга ея темныхъ бровей гордо приподнялась и она молча отошла прочь.

— Что-жъ? идемъ смотрѣть мѣсто стоянки Пугачева,—сказалъ Володѣ Боровской.—Для васъ это, конечно, дорогое воспоминаніе?

— Смотрите что̀ вамъ угодно, не долго вамъ ждать новаго Пугачева, успѣете налюбоваться,—произнесъ Во-

лодя громко, чтобы всѣ его могли слышать.—Онъ тутъ же пошелъ отыскивать своего Солимана и ускакалъ домой. А Женичка, хоть и пожала плечиками, услыхавъ его послѣднія слова, но что-то ужъ очень разсѣянно стала теперь внимать веселымъ разсказамъ графа. Боровской и Надя остались немного позади другихъ.

— Вы должны всходить съ уваженіемъ на этотъ пригорокъ,—началъ онъ полушутя,—вѣдь, здѣсь классическая мѣстность русскихъ бунтовъ. Тутъ и пугачевцы хозяйничали, и кто знаетъ, на которомъ изъ этихъ холмиковъ зажигали сторожевые огни во времена Стеньки Разина... Доживемъ, можетъ быть, когда снова закипитъ здѣшній народецъ подъ фальшивые звуки „Дубинушки", этой доморощенной нашей *Марсельезы.*

Она почувствовала легкій морозъ по спинѣ, потому, быть можетъ, что такъ странно было это слышать отъ Боровского.

— Боюсь только,—отвѣтила она вполголоса, глядя на него въ упоръ,—какъ бы судьи тогда не превратились въ подсудимыхъ.

— И будетъ тогда, конечно, судъ скорый, если и не правый.—А знаете, мнѣ иногда приходитъ въ голову, какъ мы это беззаботно, мы, ничтожная горсть, живемъ окруженные этою страшною спящею мужицкою силой... Точно у насъ въ головахъ вмѣсто подушки пороховая бочка.

Она остановилась и заговорила почти шепотомъ:

— Я не понимаю, какъ можете вы, съ вашимъ яснымъ умомъ, относиться ко всему этому съ вѣчною иронiей. Ваше настоящее мѣсто—вы сами это давно знаете—въ рядахъ тѣхъ, которые идутъ впередъ.

Насмѣшливое выраженіе тотчасъ слетѣло съ его лица.

— Ахъ, Надежда Сергѣевна,—сказалъ онъ,—я съ бо̀льшимъ еще правомъ къ вамъ обращусь съ противоположнымъ вопросомъ: какъ вы, съ вашимъ яснымъ умомъ, не поняли, что это мнимое „впередъ" не что̀ иное, какъ верченіе бѣлки въ колесѣ; неужели намъ, видя-

щимъ далѣе другихъ, такъ какъ нашъ кругозоръ обширнѣе, идти на буксирѣ у мальчишекъ, все разрѣшившихъ съ храбростію незнанія. Намъ слѣдуетъ беречь себя для того времени, когда поймутъ, наконецъ, что гимназисты, не кончившіе курса, не годятся даже въ застрѣльщики. Вѣдь, только у насъ произвели въ пятое сословіе, которому всѣ обязаны подчиняться, эту аристократію въ новомъ родѣ—молодое поколѣніе. А, вѣдь, что̀ же новаго оно для насъ придумало за пятнадцать лѣтъ своего процвѣтанія? Стриженыхъ женщинъ на улицѣ и въ литературѣ. Однако, пойдемте, мы отстали.

Надя стала возражать, но въ ея голосѣ слышалось недовѣріе къ собственнымъ словамъ. Опять сказалось въ ней, какъ всегда предъ этимъ человѣкомъ, внутреннее раздвоеніе. Ее и отталкивалъ и привлекалъ въ то же время его холодный умъ, дѣйствовавшій какъ разлагающая сила, какъ химическій реактивъ.

— И ради чего,—продолжалъ онъ,—вызываютъ они на подвигъ, эти апостолы безсознательной вѣры, ради того, чтобы какому-нибудь Кузьмѣ Миронову, котораго они знаютъ изъ книжекъ только, лучше жилось на свѣтѣ? Да какое мнѣ дѣло до Кузьмы Миронова, столь же чужого мнѣ какъ краснокожій индѣецъ? Вѣдь, если онъ когда-нибудь проснется, онъ первымъ долгомъ передушитъ своихъ непрошенныхъ печальниковъ, а потомъ выдвинетъ изъ своихъ же рядовъ такихъ героевъ кулачества, которые почище обдерутъ собственную братію, чѣмъ любые опричники.

— Ну, теперь я понимаю,—сказала она, и негодующая нота прозвучала у нея,—почему вы такъ охотно произносите обвинительныя рѣчи.

— Теперь понимаете,—засмѣялся онъ,—въ самомъ дѣлѣ? И, конечно, возмущаетесь тѣмъ, что я такъ откровенно разбиваю ваши идолы? И все-таки этимъ идоламъ и я поклоняюсь, только не по вашему, конечно. Для меня они разукрашенные истуканы, годные для толпы, но за ними я вижу ту настоящую, могучую силу, ко-

торая всѣхъ насъ двигаетъ впередъ, хотя бы и ей служили слѣпые поклонники. Жизнь все-таки становится шире и выше, какъ бы ни вязла она въ тинѣ предразсудковъ. Путь развитія не гладкая садовая дорожка. Это тяжелый головоломный путь; и не бѣда, что слабые на немъ себѣ ломаютъ шею. Наступитъ очередь и для настоящихъ, для зоркихъ руководителей, и на этотъ-то часъ и надо приберечь себя. Кто знаетъ, онъ можетъ быть недалекъ. И на этомъ пути, хоть мы вышли съ вами на него съ различныхъ сторонъ, мы все-таки можемъ подать другъ другу руку. Ни у васъ, ни у меня голова не закружится.

Теперь она снова его невольно заслушалась, и странное обаяніе имѣли для нея эти мудреныя рѣчи. Порой ей казалось, что слышитъ она въ нихъ иной, тоже давно ей знакомый голосъ, когда-то ее тоже увлекавшій. голосъ Нерадовича.

Они дошли до вершины пригорка. Небо теперь совершенно очистилось; только къ востоку, гдѣ скатъ шелъ къ рѣкѣ, темная мгла окутала небосклонъ, и крутой берегъ, чуть замѣтно желтѣвшій вдали, и вся безпредѣльная луговая гладь степей за Волгой утопали въ сѣромъ полумракѣ. Тутъ темныя тучи рѣзко, выдѣлявшіяся на вечернемъ небѣ, стояли еще непроницаемою стѣной. По временамъ лишь дальняя зарница вспыхивала на мигъ и освѣщала заливъ рѣки, и огненныя струйки зажигались на темной поверхности воды. Вдругъ на одно мгновеніе всю широкую даль обдало пламенемъ и будто завѣса раскрылась и вся глубь необъятной картины замерцала посреди мрака. Даже бѣлыя колокольни города, невидимыя до того, выступили, какъ привидѣнія. Всѣ замерли. любуясь неожиданною прелестью вида. Они еще долго стояли тутъ. выжидая какъ бы еще разъ освѣтилась картина, только-что снова ушедшая во мглу. Но этотъ отблескъ грозы былъ уже послѣдній; ночь наступала торжественно и тихо, глубокая степная ночь. Они молча сошли къ полянѣ. Для гостей было уже слиш-

комъ поздно, чтобы возвращаться въ Никольское. Экипажи вслѣдъ за своими господами проѣхали къ Курмиловскимъ лугамъ, а оттуда было рукой подать до города и до Бѣлыхъ Столбовъ.

Одинъ только графъ вернулся съ Еленой Михайловной и Женичкой. Онъ лишь на другой день собирался въ свое имѣніе, гдѣ ждалъ его отецъ.

Дмитрій усадилъ Надю въ тарантасъ.

— Какъ вы неосторожны,—сказалъ онъ ей, замѣтя, что она даже не взяла съ собой накидки.—Ночные туманы здѣсь опасны... И онъ бережно укуталъ ее въ свое пальто, не взирая на ея протесты. Какая-то отеческая заботливость была въ его обращеніи съ ней, и, конечно, ужъ не вражда говорила въ его глазахъ, когда онъ такъ заботливо охранялъ ее отъ ночной прохлады.

Они скоро выѣхали въ открытое поле; послѣ грозы ночь была свѣжая, душистая. Въ воздухѣ пахло полынью и ржанымъ хлѣбомъ. Они молча сидѣли, не глядя другъ на друга; но у обоихъ въ головѣ копошился вопросъ, откуда въ нихъ, которымъ такъ легко было бы сойтись, зародилось такое странное отчужденіе.

— Что̀ вамъ проповѣдывалъ Боровской,—весело спросилъ онъ, когда они уже стали подъѣзжать,—по обыкновенію революцію въ вицъ-мундирѣ?

Она не отвѣчала. Ей почему-то непріятно показалось, что онъ вдругъ коснулся вопроса, который въ ней самой возбуждалъ почти болѣзненное недоумѣніе. Ея брови даже сдвинулись, и строптивое выраженіе опять показалось на ея чертахъ.

— Ахъ Надя, Надя!—вырвалось у него, и онъ съ укоромъ покачалъ головой:—зачѣмъ вы всегда такая странная? Какъ будто васъ кто-нибудь обязываетъ во мнѣ видѣть врага.

Въ первый разъ онъ называлъ ее уменьшительнымъ именемъ. Оно прозвучало въ ея ушахъ почти обидой, хотя Володя ее всегда называлъ просто Надей. Она и на этотъ разъ не отвѣчала; онъ даже не могъ разгля-

дѣть ея лица. Она отвернулась, и голова ея спряталась въ самый уголъ тарантаса. На крутомъ поворотѣ дороги, молодой мѣсяцъ, теперь глянувшій прямо на нихъ, вдругъ обдалъ ее серебристымъ лучомъ. Но что̀ увидѣлъ мѣсяцъ на этомъ лицѣ, остался ли на немъ слѣдъ враждебнаго чувства къ ея спутнику, про это онъ одинъ могъ повѣдать, а мѣсяцъ ни съ кѣмъ не дѣлится многовѣковыми своими наблюденіями.

VI.

Весенній разливъ каждый годъ въ Бѣлыхъ Столбахъ и въ окрестныхъ селахъ оставлялъ послѣ себя неизбѣжнымъ слѣдомъ лихорадку. Народъ, впрочемъ, особеннаго вниманія на нее не обращалъ. Въ Бѣлыхъ Столбахъ даже больницы не было. Въ виду близости города, Анна Григорьевна находила, что можно обходиться безъ нея. Но въ этомъ году болѣзнь держалась упорнѣе обыкновеннаго и не унялась даже съ наступленіемъ лѣта. На слѣдующее утро, послѣ поѣздки на Курмиловскіе луга, новый учитель Брусковъ явился къ Дмитрію и сказалъ ему, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ и что въ трехъ крестьянскихъ семьяхъ оказываются признаки тифа.

— Да какъ же, Александръ Ѳомичъ, — удивился Дмитрій,—вчера здѣсь былъ земскій докторъ и ничего особеннаго не нашелъ.

— Да что онъ понимаетъ, вашъ нѣмецъ? Я самъ, вѣдь, кое-что по этой части знаю. По-моему, признаки несомнѣнны.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Дмитрій,—надо тотчасъ же больныхъ удалить въ особое помѣщеніе.

— Ужъ это разумѣется, коли на то будетъ ваше милостивое распоряженіе,—съ оттѣнкомъ ироніи отвѣчалъ Брусковъ.

— Ну такъ пойдемте, увидимъ и распорядимся.

И Дмитрій съ учителемъ тотчасъ отправился на село.

Брусковъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, очень худощавый, но здоровый на видъ, съ продолговатымъ, почти безбородымъ лицомъ. Носъ у него былъ длинный, слегка заостренный, зубы необыкновенно крѣпкіе и глаза косые, похожіе на миндаль, но чрезвычайно быстрые и живые. Голова его слегка напоминала очень молодого, чистокровнаго сетера. Говорилъ онъ отрывисто, немного рѣзко, и слова его почти всегда сопровождалъ короткій, беззвучный смѣхъ. Дмитрію нравились въ немъ особенная поворотливость и увѣренность въ себѣ.

У самаго входа въ село, передъ избой, гдѣ помѣщалась школа, Дмитрій замѣтилъ телѣгу, нагроможденную разнымъ домашнимъ скарбомъ, поломаннымъ и изношеннымъ до послѣдней степени; около нея возился старый и хилый человѣчекъ въ изодранномъ холстинковомъ казакинѣ съ испитымъ лицомъ и такимъ же измятымъ видомъ, будто бы его сейчасъ только поколотили. Четверо дѣтей, малъ мала меньше, стояли тутъ же съ тупымъ безучастіемъ.

— Что, батюшка, перебираться изволите? — равнодушно и насмѣшливо обратился къ старику Брусковъ.— Наконецъ выжили, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Дмитрію, — а то весь домъ запрудилъ своимъ потомствомъ и всякою дрянью. Добраго пути.

Замѣтивъ Дмитрія, старикъ Сикофантовъ подошелъ къ нему.

— Честь имѣю откланяться, ваше высокородіе, — заговорилъ онъ надтреснутымъ голосомъ.—Отправляюсь на всѣ четыре стороны искать мѣста, гдѣ бы издохнуть; спасибо за всѣ ваши милости ко мнѣ, старику, и къ моимъ малолѣтнимъ дѣткамъ.

Дмитрія покоробило отъ этой безвыходной и безпорядочной нищеты, которой виной онъ былъ самъ, хоть и смѣнилъ учителя изъ наилучшихъ побужденій. Онъ

велѣлъ Сикофантову понавѣдаться къ нему и собирался идти далѣе, какъ вдругъ подошелъ съ вѣчною притворно-слащавою улыбкой отецъ Зосима. Поярковая шляпа на головѣ священника была замѣнена соломенною неопредѣленнаго цвѣта, и желтовато-сѣдые волосы, похожіе на мочалку, жидкими клочьями падали на засаленную рясу.

— По хозяйству изволите?—кланяясь обратился онъ къ Дмитрію.—Надо денькомъ попользоваться. Самъ не знаю какъ управиться съ сѣномъ: ведро едва ли простоитъ.

Въ самомъ дѣлѣ тяжелый душный воздухъ предвѣщалъ близкое повтореніе грозы. Дмитрій не долюбливалъ священника и нехотя отвѣчалъ ему:

— Больные у васъ есть на селѣ: я къ нимъ.

— Есть, есть, какъ не быть,—съ неумѣстною веселостью, отвѣчалъ священникъ.—Вы, стало быть, къ нимъ? Похвально! И лицо его при этомъ выражало рѣшительное нежеланіе себя подвергнуть мытарству.—Уѣзжать изволите?—усмѣхнулся онъ, обращаясь къ Сикофантову,—ну, съ Богомъ, пожили мы съ вами много лѣтъ въ мирѣ, ну, а вамъ утѣшеніе, что преемникъ вашъ такой достойный человѣкъ.

Онъ сталъ расточать похвалы Брускову. Дмитрію это тѣмъ болѣе не понравилось, что отецъ Зосима былъ давнишній пріятель Сикофантова и измѣнилъ этой дружбѣ потому, что Брусковъ состоялъ въ родствѣ съ попадьей. Дмитрій поспѣшилъ уйти. Больныхъ оказалось уже шесть человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ восьмидесятилѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, но удивительно бодрый, на видъ даже въ припадкѣ горячки.

— Я не понимаю, чего смотрѣлъ докторъ,—сказалъ Дмитрій Брускову.

Тотъ засмѣялся.

Докторъ Карлъ Карловичъ Финдейзенъ былъ изъ числа тѣхъ земскихъ врачей, которые всегда ужасно спѣшатъ, когда имъ приходится лѣчить крестьянъ, об-

ращаются къ больнымъ съ бранью и боятся до нихъ дотронуться. Состоящая въ его вѣдѣніи больница отличалась тѣмъ, что всегда была переполнена, хотя аккуратно отпускала на кладбище почти всѣхъ, кто въ нее ни поступалъ. Крестьяне съ тупымъ недоумѣніемъ глядѣли на барина, когда онъ заходилъ въ избы, гдѣ были больные, къ которымъ они относились съ не менѣе тупымъ безучастіемъ.

— Гдѣ, батюшка, его лѣчить-то?—говорила Дмитрію вострoглазая бабенка, жена внука заболѣвшаго старика.—Помаялся онъ довольно на свѣтѣ, пора ему.

А старикъ, увидавъ Дмитрія, приподнялся на печкѣ и хриплымъ, но все еще твердымъ голосомъ благодарилъ его. И въ голосѣ этомъ слышалось удивленіе, какъ Дмитрію могло вздуматься къ нему зайти въ избу и въ то же время совершенно равнодушная покорность передъ смертью.

— Ничего не болитъ, — говорилъ онъ, — а только такъ горю я весь и все кружится, будто и въ нутрѣ все засохло... знать такъ и надо...

Дмитрій тотчасъ распорядился, чтобы больныхъ перевели въ особый флигель близъ усадьбы, гдѣ при крѣпостномъ правѣ помѣщалась ткацкая. Теперь онъ стоялъ пустымъ, и Дмитрій не могъ простить себѣ, какъ онъ не настоялъ, чтобъ этотъ флигель обратили въ больницу.

Не благодарностію, а скорѣе удивленіемъ были встрѣчены эти заботы. Дмитрія поразило, что его мягкое обращеніе встрѣчало гораздо менѣе довѣрія, чѣмъ суровый, рѣзкій тонъ Брускова. Тотъ совсѣмъ ужъ не сердобольничалъ съ больными, отпускалъ шуточки, а иногда даже прикрикивалъ. И страннымъ образомъ, безсердечіе, повидимому, принималось мужиками, будто оно-то и было какъ разъ въ порядкѣ вещей. Въ одномъ только домѣ барину обрадовались. Тамъ захворалъ молодой хозяинъ, единственный работникъ въ семьѣ, и жена его да сестра, на чьихъ рукахъ должно было остаться

хозяйство, плакали навзрыдъ и съ радостью приняли распоряженіе Дмитрія, когда онъ объявилъ, что, при хорошемъ уходѣ, больной можетъ оправиться въ двѣ недѣли и, стало быть, поспѣетъ къ уборкѣ хлѣба.

У этого дома, послѣдняго, куда зашелъ Дмитрій, онъ встрѣтился съ Надей. Онъ слегка поморщился, увидавъ ее въ сопровожденіи Василія.

— Больныхъ посѣщаете,—сказала она съ оттѣнкомъ прежняго недовѣрія, хоть и не было въ ея голосѣ на этотъ разъ прежней насмѣшливости.

— Полагаю, что вы не припишите это одному любопытству, — холодно отвѣтилъ онъ и тотчасъ обратился къ Брускову:

— Потрудитесь немедленно съѣздить въ городъ и привезти врача и необходимыя лѣкарства.

— Отъ нѣмца большого прока не будетъ, а впрочемъ, какъ хотите,—отвѣчалъ тотъ отходя.

Дмитрій отправился съ Надей обратно къ дому.

— Не понимаю,—сказалъ онъ,—что вамъ за охота водить знакомство съ этимъ землемѣромъ: самый пустой мальчишка и пьяница вдобавокъ.

— Это ужъ мое дѣло, я въ совѣтахъ не нуждаюсь,— отвѣтила она.

— Разумѣется, какъ хотите, я считаю только долгомъ предупредить васъ, чтобы вы избѣгали лишней фамильярности съ его стороны. А кстати, знаете вы, какія могутъ быть послѣдствія иныхъ добрыхъ дѣлъ?— И онъ разсказалъ ей про встрѣчу съ Сикофантовымъ.

— Въ нашихъ глазахъ,—закончилъ онъ съ ироніей,— это ничего не значитъ. Пусть цѣлая семья умираетъ съ голоду, лишь бы нашелся учитель по возможности передовой. Слабые осуждены на гибель; это законъ природы.

Она не нашла отвѣта, хотя ее раздражалъ его насмѣшливый тонъ, и она тоже часто задавалась вопросомъ: неужели ни въ чемъ не можетъ быть достигнутъ

успѣхъ безъ принесенія въ жертву ослабѣвшихъ и непригодныхъ для дѣла.

Двадцатипятирублевая бумажка, впрочемъ, значительно утѣшила горе бѣднаго Сикофантова.

Анна Григорьевна не противилась устройству больницы въ самой усадьбѣ, хотя докторъ Финдейзенъ и отговаривалъ отъ этого, пугая ее тифомъ.

Но Анна Григорьевна была не пугливаго свойства и вполнѣ одобрила намѣреніе сына, признавая, что положеніе богатой помѣщицы влечетъ за собою кой-какія обязанности.

Во всѣ слѣдующіе дни и Дмитрій и Надя, не обращая вниманія на опасность, то и дѣло наблюдали за присмотромъ въ больницѣ. Новыхъ случаевъ заболѣванія не было, но пришлось для этого тщательно выкуривать зараженныя избы, несмотря на сопротивленіе хозяевъ. Дмитрій сознавалъ, что голодная зима, причиненная неурожаемъ въ предыдущемъ году, во многомъ обусловила появленіе тифа; больные были какъ разъ въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ. Онъ тутъ могъ провѣрить, до какой степени былъ правъ, говоря, что на крестьянъ нельзя смотрѣть какъ на какое-то стадо, въ которомъ всѣ равны. Кто хочетъ помогать всѣмъ, не помогаетъ, большею частью, никому. Но попытки его, чего грѣха таить, не увѣнчались успѣхомъ. Мужички продолжали недовѣрчиво посматривать на молодого барина и пришли даже къ очень нелестному для него заключенію. „Баринъ-то нашъ, Митрій Алексѣичъ,—говорилъ старостѣ Трофиму одинъ мужичекъ,—извѣстный въ цѣлой деревнѣ за отчаяннаго пройдоху,—ишь, добрый какой, его курица обидитъ“. — „Простой совсѣмъ, что и говорить“,—былъ надъ Дмитріемъ приговоръ сельскаго старосты. — Двадцать пять рублей, отданные Сикофантову, тоже оказали свое дѣйствіе. Мужички рѣшили, что Дмитрій счета деньгамъ не знаетъ и что его надувать самъ Богъ велѣлъ.

Послѣдствія этого не замедлили сказаться. Не прохо-

дило дня, чтобы не случилось въ Бѣлыхъ Столбахъ какой-нибудь потравы или нарушенія заключеннаго обязательства. При начавшейся вывозкѣ удобренія на господскія поля, рабочіе преспокойно сваливали каждый пятый возъ на свою землю. Крестьянскіе гуси мирно паслись на хозяйскихъ овсахъ. Пашню обрабатывали кое-какъ. Дмитрій не любилъ ссориться изъ-за мелочей, но онъ зналъ въ то же время, что смотрѣть сквозь пальцы на такія продѣлки, значило потерять въ имѣніи всякую власть. Раза два онъ ограничился угрозой, но когда въ одинъ прекрасный день цѣлый табунъ крестьянскихъ лошадей оказался на сѣнокосѣ въ господскомъ лѣсу, Дмитрій приказалъ ихъ всѣхъ до единой загнать на дворъ. Цѣлые два дня мужики за ними не являлись, думая, что баринъ струситъ и сдастся, прокормивъ лошадей. Но приходилось боронить паръ, и на третій день хозяева явились съ повинною.

Дмитрій требовалъ въ видѣ штрафа очень умѣренной отработки. Жалобный вопль поднялся ему въ отвѣтъ: „Гдѣ намъ, батюшка, отработать; мы, сироты твои, отощали совсѣмъ“.

Долго прилагались всякія усилія, чтобы смягчить барина, не исключая и обычныхъ колѣнопреклоненій. Мужики не вѣрили, что Дмитрій настоитъ на своемъ и уступали шагъ за шагомъ, торгуясь за каждый рабочій день. Дмитрій не выказалъ нетерпѣнія, но и не уступилъ. Онъ объявилъ, что поѣдетъ къ судьѣ и велѣлъ запрягать. Мужики подались тогда только, когда онъ уже садился въ экипажъ, но и тутъ потребовали на выпивку.

— Угощать васъ за потраву—вотъ еще выдумали,— воскликнулъ онъ, приказавъ трогать лошадей.—Ропотъ пошелъ по толпѣ, негодованіе было тѣмъ сильнѣе, что на стойкость Дмитрія не разсчитывали. Но едва успѣла тройка выѣхать изъ усадьбы, какъ раздались отчаянные крики „стой, стой!..“ Дмитрій увидалъ десятокъ молодцовъ, бѣгущихъ за нимъ безъ шапокъ. Угроза

подѣйствовала, и мнѣніе о немъ перемѣнилось; но именно за то, что въ баринѣ пришлось ошибиться, у мужиковъ появилось чувство озлобленія. Прежніе случаи не повторялись, но за то стали производиться теперь продѣлки иного рода, гдѣ сказывалась уже месть и гдѣ виновныхъ отыскать было нельзя.

За оврагомъ въ лѣсу стоялъ на полянкѣ очень старый дуплистый дубъ, которому и возраста не знали. Онъ держался почти только корой, но Анна Григорьевна дорожила этимъ древнѣйшимъ изъ старожиловъ Бѣлыхъ Столбовъ. Разъ утромъ лѣсной сторожъ пришелъ донести, что за ночь въ дупло положили соломы, и старое дерево подожгли. Дмитрія это взорвало, онъ пошелъ посмотрѣть на трупъ вѣкового дуба. Дорогой по оврагу ему попались на встрѣчу староста Яковъ, шедшій подъ руку, совершенно по-товарищески, съ Василіемъ. Они шли другимъ склономъ оврага, оживленно разговаривая, и не замѣтили Дмитрія.

— Это что за дружба у Якова съ поповскимъ сыномъ?—спросилъ Дмитрій у шедшаго за нимъ лѣсника.

— Что и говорить—шаромыжники,—отвѣтилъ тотъ и презрительно повелъ плечомъ.

Дмитрій не успѣлъ дойти до мѣста, гдѣ наканунѣ еще стоялъ дубъ, а теперь будто скошенный, валялся около дымящагося пня.

У самаго входа въ лѣсъ, растянувшись на мху, лежалъ Володя, закинувъ руки за голову. Его двустволка съ ягдташемъ были тутъ рядомъ, а черный сетеръ Неронъ высунулъ языкъ и трясясь всѣмъ тѣломъ смотрѣлъ на хозяина усталыми, прищуренными глазами.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? на охотѣ былъ?—спросилъ у брата Дмитрій.

— А ты, конечно, опять въ Никольское ѣздилъ?— Володя лѣниво преподнялся на локтяхъ и бросилъ на старшаго брата сокрушающій взглядъ.—Теперь ты, кажется, тамъ каждый день бываешь, — желчно добавилъ онъ.

— А ты зато пересталъ тамъ показываться.

— Нога моя тамъ не будетъ,—гнѣвно произнесъ Володя, вскакивая на ноги.—Волочись сколько твоей душѣ угодно за этою дѣвочкой.

Ревность Володи показалась Дмитрію до того смѣшною, что онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— У тебя, кажется, семь пятницъ на недѣлѣ,—отвѣчалъ онъ.—Прежде ты на Сокольницкаго злился, теперь на меня...

— Я злился на графа!.. Вотъ еще! Дрянной аристократишка!..

— А позволь у тебя спросить, милѣйшій мой представитель передовой молодежи, въ силу какихъ это либеральныхъ побужденій изволилъ ты сегодня застрѣлить вотъ этихъ бѣдныхъ птичекъ,—и онъ указалъ на ягдташъ — несмотря на то, что въ іюнѣ охота, кажется, запрещена?

— Двѣ утки, да пять дроздовъ, стоитъ объ этомъ говорить,—сконфуженно отвѣтилъ Володя.

— Положимъ, что дичь не важная, но до Петрова дня осталось всего двѣ недѣли. Обождать можно, кажется, законъ этотъ, согласись, имѣетъ полное основаніе, и просвѣщенному радикалу, какъ ты, можно бы не подавать меньшей братіи такой хорошій примѣръ.

Володя не отвѣчалъ и смущенно поглядывалъ то на собаку, устало вилявшую предъ нимъ пушистымъ хвостомъ, то на ягдташъ съ застрѣленными птицами.

— И знаешь,—продолжалъ Дмитрій,—въ силу чего ты, и не ты одинъ, такъ поступаешь? Въ силу того самаго ненавистнаго тебѣ барства, благодаря которому люди съ извѣстнымъ положеніемъ живутъ въ полной увѣренности, что про нихъ законъ не писанъ. Это, конечно, не мѣшаетъ съ либеральнымъ азартомъ произносить жалкія слова.

— Ты придираешься къ пустякамъ,—нетерпѣливо возразилъ юный радикалъ.—Это всегдашняя замашка подобныхъ тебѣ реакціонеровъ.—Онъ съ увѣренностію сѣлъ теперь на любимаго конька и продолжалъ съ

возрастающимъ паѳосомъ.—Вы стоите на почвѣ узкой законности, потому что это удобное средство, чтобы закрывать глаза передъ свѣтомъ твердыхъ убѣжденій.

— Убѣжденіе, братецъ мой, великое слово, и приберечь бы его не мѣшало для тѣхъ, кто на опытѣ закалилъ ихъ какъ желѣзо въ огнѣ, а не вычиталъ изъ послѣдняго нумера журналовъ. Ну, скажи, пожалуйста, защитникъ меньшей братіи, съ тѣхъ поръ какъ ты въ Бѣлыхъ Столбахъ, что ты сдѣлалъ, чтобы помочь хотя бездѣлицей какому-нибудь живому, а не отвлеченному бѣдняку? развѣ то, что во время охоты удостоилъ своего вниманія какихъ-нибудь смазливыхъ дѣвчонокъ.

Володя вспылилъ.

— Что я сдѣлалъ? Ты хорошо знаешь, что настоящая работа впереди. Это просто недобросовѣстно!

— Ну, а теперь я предложу тебѣ,—отвѣчалъ Дмитрій,—пройтись со мной до стараго дуба; ты мимоходомъ не замѣтилъ, что̀ съ нимъ сдѣлала меньшая братія?

Они отправились на поляну, шагахъ въ трехстахъ, отъ мѣста, гдѣ Дмитрій засталъ брата. Впечатлительную натуру молодого человѣка глубоко возмутило грубое насиліе надъ бѣднымъ старымъ дубомъ.

— Экіе скоты!—воскликнулъ съ негодованіемъ Володя.

— Вотъ теперь и скоты!—спокойно сказалъ Дмитрій.—Не скоты, а дѣти. Какъ у ребенка послѣ хохота наступаютъ слезы, такъ у мужика въ его отношеніи къ намъ нѣтъ перехода отъ спокойнаго добродушія къ безтолковой мести.

На возвратномъ пути домой братья уже не заговаривали другъ съ другомъ.

VII.

На слѣдующій день, часу въ первомъ, Дмитрій поѣхалъ въ Никольское, на этотъ разъ верхомъ. Онъ сталъ теперь бывать тамъ очень часто. Не встрѣтивъ никого

въ сѣняхъ и въ прихожей, онъ прошелъ чрезъ весь домъ и постучался у дверей угловой гостиной.

— Можно войти, Елена Михайловна? Никольское сегодня точно заколдовано, ни души нигдѣ.

— Войдите, я очень рада,—послышался ея голосъ изъ-за дверей.

Онъ засталъ ее за письменнымъ столомъ.

— Извините меня, я сейчасъ кончу,—сказала она, приглашая его сѣсть на маленькій диванъ возлѣ стола.— Эти часы я всегда посвящаю перепискѣ.

Онъ сталъ невольно слѣдить за увѣреннымъ и быстрымъ движеніемъ ея красивой руки и за тѣми отчетливыми строками, которыя безъ остановки выливались изъ-подъ ея пера. Почеркъ у нея былъ твердый, немного угловатый.

— Я пишу къ одному изъ самыхъ умныхъ и вліятельныхъ людей въ Петербургѣ,—заговорила она опять, дописывая четвертую страницу листа необыкновенно плотной матовой сѣрой бумаги,—къ Михаилу Владиміровичу Чистопольскому. Вы съ нимъ знакомы, конечно?

Дмитрій зналъ государственнаго человѣка только по наслышкѣ.

— Я, между прочимъ, говорю ему про васъ. Это человѣкъ способный васъ оцѣнить и двинуть какъ слѣдуетъ. Я не хочу отказаться отъ мысли видѣть васъ у дѣлъ, то-есть, понимаете, настоящимъ образомъ у дѣлъ, а не просто, какъ всѣ въ ихъ тупомъ чиновничьемъ муравейникѣ. Я всегда имъ говорила тамъ, въ Петербургѣ,—и она произнесла фразу, слегка напоминающую слогъ *Revue des deux Mondes*;—Le gouvernement ne doit pas laisser les talents en friche, inoccupés ils tournent a l'aigre.

— Comme le lait pendant l'orage,—разсмѣялся Дмитрій.

Разговоры между ними, какъ ни часто они повторялись, всегда принимали шутливый оборотъ. Дмитрій находилъ въ нихъ съ каждымъ днемъ все болѣе удовольствія. Между нимъ и Еленой возникали, ему такъ

казалось, искренно дружескія отношенія, какія иногда вопреки предразсудку все-таки бываютъ между мужчиной и женщиной. Въ прочности такихъ отношеній позволительно, однако, усомниться, когда тѣхъ же людей въ прежніе годы соединяло иное чувство. Обманывалъ себя на этотъ счетъ, впрочемъ, одинъ только Дмитрій. Елена хорошо знала на что идетъ, и въ минуты откровенности съ собой,—а такія минуты у нея случались довольно часто,—она давала воображенію уносить себя въ то прекрасное будущее, когда она станетъ женой любимаго человѣка. Но увы! товарищество съ женщиной и любовь къ ней стоятъ почти на двухъ противоположныхъ полюсахъ. Въ обществѣ Елены Дмитрій находилъ пока чисто умственное наслажденіе, что не мѣшало ему, конечно, любоваться не только красотой ея, но еще болѣе тѣмъ изяществомъ, которымъ дышала и она сама, и вся ея обстановка.

Но кто могъ поручиться, надолго ли онъ остановится на этомъ безмятежномъ эстетическомъ чувствѣ.

— Я все-таки надѣюсь убѣдить васъ,—сказала она пересаживаясь на мягкое низкое кресло.—Je rêve pour vous les grandes ambitions, les vraies.

— Эти ambitions, какъ вы ихъ называете,—возразилъ онъ,—на дѣлѣ сотканы изъ самыхъ пустыхъ тщеславій; для безкорыстныхъ они въ томъ заключаются, чтобы прочихъ обогнать, а для другихъ... Видите, Елена Михайловна, мнѣ все кажется, что тамъ у васъ въ Петербургѣ какіе-то лѣса строятъ, выше и выше, и разукрашиваютъ ихъ такъ, чтобы всѣ думали, что это-то и есть самый домъ, а между тѣмъ фундаментъ и не выведенъ еще; ну, согласитесь,—полезнѣе хотя бы мусоръ возить для постройки, чѣмъ карабкаться по этимъ лѣсамъ?

— Другими словами, si je comprends votre apologue, лучше въ провинціи завязнуть, потому что она и есть вашъ полезный мусоръ. Очень лестное сравненіе, между прочимъ,—нечего сказать!.. А выводъ вашъ ужъ потому невѣренъ, что мусоръ пачкаетъ руки.

Съ Еленой Михайловной спорить было не легко. Дмитрію, впрочемъ, и не хотѣлось спорить. Кто знаетъ, можетъ быть, у него и кружилась слегка голова отъ той лести, которую она подносила ему такъ охотно.

— Мнѣ очень, очень жаль разбивать ваши иллюзіи,— продолжала она.—Мѣсяца черезъ два, когда вы перезнакомитесь со всѣми здѣсь, мы возобновимъ этотъ разговоръ. Вы сами увидите тогда, что̀ такое провинція! Вотъ я, напримѣръ, охотно бы стала принимать всѣхъ здѣшнихъ. J'ai cherché une perle parmi ces huîtres и что-жъ, кромѣ Боровского, съ которымъ можно поговорить... Но отчего это, какъ вы думаете,—и голосъ ея вдругъ зазвучалъ какъ-то особенно задушевно,— съ вами мы такъ легко сошлись и такъ понимаемъ другъ друга на полусловѣ? оттого, что мы оба иного міра, иной породы, коли хотите. Мы думаемъ и чувствуемъ не такъ, какъ здѣшніе...

И взглядъ, которымъ сопровождались эти слова, говорилъ еще гораздо яснѣе, какъ дорожила Елена этимъ духовнымъ сродствомъ.

Дверь отворилась и показалась Женичка, приглашая идти завтракать. На самомъ дѣлѣ подъ этимъ предлогомъ она хотѣла поскорѣе разузнать отъ Дмитрія, отчего перестал показываться его братъ, и Женичка исполнила это съ невинною изворотливостію, которой дѣвочки научаются едва ли не ранѣе, чѣмъ азбукѣ.

— Вы все-таки дѣлаете исключеніе изъ общаго приговора въ пользу Боровского,—сказалъ Дмитрій, проходя съ Еленой въ столовую.

— Симпатичнымъ я его конечно не нахожу,—смѣясь отозвалась Елена.—Слишкомъ у него двойственная натура. Онъ похожъ на тѣ шелковыя матеріи, которыя отливаютъ различными цвѣтами, смотря по тому, съ какой стороны на нихъ взглянешь... Du bleu gendarme sur fond roug et même très rouge.

— И какіе у него странные глаза,—замѣтила Женичка,—тусклые, блѣдные и между тѣмъ, какъ они при-

стально глядятъ, точно жгутъ, право... у змѣй, должно-быть, такія бываютъ.

— И все-таки,—сказала Елена,—я ему прощаю изъ-за одного: онъ способенъ на безкорыстное чувство. Вотъ подите какія бываютъ противорѣчія! Боровской любитъ горячо вашу кузину Надю.

— Боровской любитъ Надю?—съ изумленіемъ воскликнулъ Дмитрій.

— Какъ, и вы не замѣтили?—лукаво улыбнулась Женичка.

— Онъ женится на ней, и я этому очень рада,—добавила Елена.

Дмитрій не подозрѣвалъ этого. Теперь только ему вдругъ показалось яснымъ, совершенно яснымъ, почему Надя такъ необъяснимо странно держала себя съ этимъ черствымъ, холоднымъ, какъ лезвіе ножа, человѣкомъ. И Дмитрій почему-то возмущался этой мыслью. А впрочемъ, какое ему было до этого дѣло? рѣшилъ онъ самъ съ собой и снова пустился съ Еленой въ одну изъ тѣхъ замысловатыхъ бесѣдъ, въ которыхъ она такъ мастерски умѣла вызывать искры остроумія собесѣдника, не досказывая собственной мысли.

Вскорѣ послѣ завтрака Дмитрій уѣхалъ.

По всей дорогѣ въ Бѣлые Столбы онъ не встрѣтилъ ни души. Людской жизни и слѣдовъ не было видно въ степи, будто природа одна въ тиши вела свою работу и готовилась къ близкой жатвѣ. Дмитрій оставилъ лошадь на мельницѣ, куда ему пришлось заѣхать, и оттуда по оврагу пѣшкомъ направился въ садъ. Тутъ никогда не косили, и надъ жирною густою травой вился и жужжалъ цѣлый рой насѣкомыхъ; все вокругъ такъ обильно цвѣло, все такъ кипѣло и упивалось пахучими цвѣтами, воздухъ такъ полонъ былъ запаха и звука... Томительною нѣгой вѣяло отъ этого роскошнаго расцвѣта природы.

Дмитрія между тѣмъ неотвязчиво преслѣдовала мысль о томъ, что ему сообщили въ Никольскомъ; хоть

онъ и твердилъ себѣ, что нѣтъ ему рѣшительно никакого дѣла до будущей судьбы Нади, предстоящая свадьба ея съ Боровскимъ казалась ему неестественною и возмутительною. Онъ дошелъ до небольшого мостика перекинутаго черезъ рѣчку, и по крутому берегу сталъ медленно подниматься къ саду. Дорожка наискось ползла по скату и передъ входомъ въ садъ огибала стоявшую на самомъ высокомъ мѣстѣ бесѣдку. Это были только обращенные корнями вверхъ березовые стволы, вокругъ которыхъ густою тканью вился дикій виноградъ. Бѣлые стволы, издали похожіе на остатки разрушеннаго храма, рѣзко выдѣлялись среди зелени липъ и дубовъ. Видъ отсюда былъ не широкій, но за то чѣмъ-то таинственнымъ казалась кудрявая, тѣнистая чаща, въ которой утопалъ взглядъ за крутизной оврага. Подходя къ бесѣдкѣ, Дмитрій услышалъ голосъ Боровского, говорившаго съ несвойственнымъ ему жаромъ. Слова долетали урывками; но, поднимаясь, Дмитрій ихъ разслышалъ. Они его видѣть не могли: уступъ берега скрывалъ его отъ нихъ.

— Я скоро уѣду отсюда и боюсь, какъ бы вы не сохранили обо мнѣ невѣрнаго представленія. Мнѣ не зачѣмъ казаться лучшимъ, да и можно ли рѣшить кто лучше? Я не хочу казаться инымъ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ. Добрую ли я память оставлю или злую, но въ одномъ вы можете быть увѣрены: вы не встрѣтите въ жизни человѣка, который бы такъ васъ понялъ и оцѣнилъ.

Шелестъ листьевъ не далъ Дмитрію разслышать отвѣта Нади. Должно быть она говорила почти шепотомъ; но судя по тому, съ какимъ волненіемъ ей сталъ возражать Боровской, видно было, что получилъ онъ не тотъ отвѣтъ, котораго ждалъ.

— Нѣтъ, я не холоденъ и не разсчетливъ, какъ вы думаете, я только изъ числа тѣхъ, да и вы тоже, которымъ даны орлиныя крылья, чтобы летѣть выше, для которыхъ мало обычнаго близорукаго кругозора, и вотъ почему мы съ вами люди одной семьи, почему...

Онъ не договорилъ. У входа въ бесѣдку показался Дмитрій. Мужчины холодно поклонились другъ другу.

— Вы, я слышалъ,—обратился онъ къ Дмитрію,—стали почти сестрой милосердія и успѣшно конкуррируете съ докторомъ Финдейзеномъ? Боюсь только, какъ бы вы не встрѣтили въ народѣ вопіющей неблагодарности.

Дмитрій пропустилъ эти слова мимо ушей и обратился къ Надѣ съ вопросомъ самаго безразличнаго свойства. Голосъ его однако слегка дрожалъ.

— Я сообщилъ Надеждѣ Сергѣевнѣ о своемъ назначеніи прокуроромъ въ О.,—продолжалъ не смущаясь Боровской.

— Вы скоро ѣдете туда?—спросилъ Дмитрій.

— Въ половинѣ августа, вѣроятно. Кстати, позволю себѣ вамъ дать добрый совѣтъ передъ сдачей мною здѣшнихъ дѣлъ: будьте на сторожѣ, Дмитрій Алексѣевичъ, въ вашемъ околоткѣ не спокойно.

— Въ самомъ дѣлѣ?—холодно сказалъ Дмитрій.

— Говорю вамъ то, что положительно знаю; мужики сильнѣе прежняго толкуютъ о новомъ надѣлѣ. У предводителя въ имѣніи, въ Дѣвичьей Слободѣ, на дняхъ были безпорядки, исправникъ туда ѣздилъ и старый этотъ любезникъ Берендѣевъ себя молодцомъ показалъ. Прокламаціи нашлись. Волостной старшина въ полицію доставилъ цѣлую охапку брошюръ и воззваній. Ухову дали на всякій случай жандарма изъ здѣшней команды. Оно не мѣшаетъ, коли придется актъ составить или слѣдствіе начать. Они гораздо рѣшительнѣе и расторопнѣе нашихъ слѣдователей, особенно такихъ, какъ нашъ Коневецкій; ну и вамъ не мѣшало бы сюда, въ Бѣлые Столбы, жандарма получить; полковникъ согласится.

— Покорно благодарю,—иронически отвѣтилъ Дмитрій.—Не посовѣтуете ли вы цѣлыя двѣ роты солдатъ выпросить?

— Какъ хотите, скажу вамъ только, что какъ разъ здѣсь въ вашей мѣстности цѣлое гнѣздо этихъ голубчиковъ завелось.

Боровской сказалъ, что ему пора назадъ въ городъ по дѣлу и простился.

— И вы за этого человѣка пойдете, Надя!—горячо и стремительно воскликнулъ Дмитрій, когда Боровской ушелъ.

Она ушамъ не повѣрила, услыхавъ эти неожиданныя слова.

— Не все ли равно вамъ—за кого я пойду?—было ея изумленнымъ отвѣтомъ, хотя онъ вырвался у нея болѣе какъ формальный протестъ, чѣмъ какъ голосъ оскорбленной гордости.

— Э, полноте,—страстно отвѣчалъ онъ,—не прибѣгайте со мной къ оффиціальной уклончивости, вы, которая всегда требуете суровой правды; между нами и рѣчи не можетъ быть о нарушеніи условныхъ приличій. Вы понимаете меня какъ нельзя лучше. Вы скажете, съ какой стати вздумалъ я, посторонній человѣкъ, чуждый всѣмъ вашимъ симпатіямъ, вступаться въ то, что зависитъ лишь отъ вашего свободнаго выбора? Мнѣ даетъ на то право, конечно, не дальнее родство, а то, что я старше и опытнѣе васъ. Я вамъ не такой ужъ врагъ, Надя, чтобы равнодушно смотрѣть, какъ вы отдадите свою жизнь человѣку не стоящему вашего мизинца.

Должно быть за послѣднее время Надя перестала относиться къ Дмитрію, какъ прежде, съ презрительною враждой; только его слова не вызвали ея негодованія. Можетъ быть ихъ неподдѣльная искренность смягчила ея строптивый нравъ.

— Успокойтесь, я не давала слова Боровскому,—отвѣтила она,—и не сдѣлала этого по очень простой причинѣ: онъ и не заикался про то, на что вы намекаете.

Они, сами того не примѣчая, стали медленно спускаться къ оврагу.

— То, что не случилось еще,—продолжалъ онъ,—можетъ случиться на дняхъ, и тогда будетъ поздно открывать вамъ глаза. Не оскорбляйтесь моими словами,—вы слишкомъ умны чтобы не понять, что такое Боров-

ской. Но потому именно, что вы его поняли, и васъ, можетъ быть, привлекаетъ въ немъ то странное, почти непонятное сходство, какое—я знаю это—несомнѣнно есть между нимъ и вами, между вашимъ честнымъ увлеченіемъ и тѣми софизмами, которыми онъ такъ охотно щеголяетъ.

Они прошли мостикъ и направились къ лѣсу. Съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій проходилъ здѣсь съ полчаса назадъ, все какимъ-то чудомъ перемѣнилось. Оврагъ опустѣлъ. Не слышно уже было жужжанія пчелъ и плавнаго взмаха крыльевъ надъ полевыми цвѣтами. Все стихло и замерло вокругъ. Только облака все гуще и ниже спускались, и лѣсъ будто нахмурился и потемнѣлъ, но Дмитрій и Надя не замѣчали, какъ все ближе надвигалась гроза.

— Сродство между мной и Боровскимъ—полноте!..— говоря это, Надя покачала головой.

— Да неужели вы не видите, что Боровской ни что иное, какъ самое полное воплощеніе тѣхъ самыхъ взглядовъ, которые вамъ выдавали за истину и которые вы, извините меня, почти безсознательно усвоили себѣ. Та дорога, на которую васъ поставили съ дѣтства, ведетъ не къ безкорыстному служенію ближнимъ, о которомъ мечтали вы, а къ холодному эгоизму Боровского. Онъ преслѣдуетъ тѣхъ самыхъ людей, которые хотятъ того же, чего въ сущности хочетъ и онъ, потому что они пока слабое меньшинство, а Боровскіе всегда на сторонѣ силы. Они служатъ правительству, пока этимъ они надѣются достигнуть власти, и подкапываются подъ него же, когда имъ кажется, что оно слабѣетъ. Да развѣ не то же самое точь въ точь проповѣдуютъ ваши друзья? Развѣ тѣ изъ нихъ, которые не слѣпо идутъ по чужому указанію, не потому вызываютъ къ бунту, что иной дороги вверхъ передъ ними нѣтъ? Отдѣльныя личности должны приноситься въ жертву идеѣ, говорятъ они; уваженіе къ чужой жизни и къ чужому праву они называютъ жалкою слабостью: да развѣ Боровской не поступаетъ какъ разъ по этимъ правиламъ?

Она слушала молча, не находя возраженій. Въ первый разъ ей случалось встрѣтить человѣка, который бы такъ прямо, не обинуясь, отказывалъ въ уваженіи ея идоламъ. Поклоненіе идоламъ часто и держится лишь потому, что никто не смѣетъ на нихъ посягнуть, а лишь коснется чья-либо рука суевѣрно почитаемой святыни, къ общему удивленію, ни одинъ голосъ не возвышается въ ея защиту.

— То чувство,—закончилъ Дмитрій,—которое съ ранняго дѣтства говорило въ васъ,—я кое-что знаю изъ вашего прошлаго,—было искреннее, теплое участіе къ страждущимъ. Что же оно имѣетъ общаго, скажите мнѣ, съ идеями тѣхъ, кто высшимъ закономъ признаетъ борьбу за существованіе? Вамъ долго могло казаться, что вы заодно съ ними, потому что вы видѣли въ нихъ тоже страждущихъ и гонимыхъ. А между вами и этими людьми давно наступилъ расколъ, хоть вы сами этого и не замѣчаете.

— Я не замѣчаю,—горько прервала она его.—О, если-бы вы знали, какъ я мучилась тѣмъ, что слѣдую за однимъ знаменемъ съ людьми, въ которыхъ все меня отталкиваетъ!...

— Да скиньте же съ себя эти добровольно наложенныя путы,—съ возрастающею горячностью снова заговорилъ Дмитрій.—Порвите открыто и безповоротно съ вашими мнимыми друзьями. Многіе бы отъ нихъ отказались, еслибъ ихъ не связывалъ страхъ, а для васъ, кажется, не существуетъ страха.

Она покачала головой и отвѣчала вполголоса.

— Вы не понимаете, что значитъ порвать съ людьми, которыхъ преслѣдуютъ, которые страдаютъ за то, что мыслятъ свободно...

— Они, эти люди, свободно мыслятъ? Помилуйте,— воскликнулъ Дмитрій.—Что, кажется, можетъ быть дороже независимости убѣжденій!.. А они тщательно искореняютъ въ тѣхъ, кто идетъ за ними, всякую способность глядѣть собственными глазами и судить незави-

симо. Не только мыслить, даже чувствовать у нихъ можно лишь по обязательной формулѣ. Ими признается только наука, увѣряютъ они, а какая это наука? Подъ страхомъ отлученія они требуютъ безусловнаго принятія того, что разъ навсегда признано символомъ вѣры, потому что такъ рѣшили Бокль, или Молешоттъ или иной кто, кого они не читали никогда. И это свобода? Да они русскую молодежь просто въ монастырь заперли и въ схиму постригли. Неужели васъ это никогда не возмущало?

Она не отвѣтила. Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Вы не хотите признать этого передъ мною,—снова заговорилъ онъ,—потому что вы не перестаете во мнѣ видѣть какого-то врага если не для васъ лично, то для дорогихъ вамъ убѣжденій. Такъ, Надя, я не ошибаюсь?

Она только рѣшительно покачала головой. Дмитрія поразила блѣдность ея лица.

— Что съ вами, Надя,—проговорилъ онъ почти испугавшись,—вы устали отъ прогулки? Вы всегда такая неутомимая?..

Она вздрогнула и вдругъ невольно оперлась о его руку.

— Да у васъ ознобъ и рука ваша совсѣмъ горячая. Вернемтесь скорѣе домой—мы и такъ зашли страшно далеко...

Едва успѣлъ онъ договорить это, какъ вихорь ударилъ по лѣсу, пыль столбомъ поднялась съ дороги и заклубилась, унося съ собой сорванные листья и сучья.

— Буря! куда я васъ завелъ,—проговорилъ онъ съ безпокойствомъ ускоряя шагъ.

Все закружилось и застонало вокругъ. Дикій ревъ прошелся по верхушкамъ деревьевъ, на мигъ все стемнѣло, вихорь залѣплялъ глаза.

Но это продолжалось едва минуту, лѣсъ опять утихъ. Только кое-гдѣ слышалось паденіе вѣтки, оторванной вѣтромъ, но застрявшей на пути.

— Гроза будетъ не на шутку, а намъ итти болѣе двухъ верстъ,—проговорилъ Дмитрій, озираясь на потемнѣвшій лѣсъ.

Почти надъ самою головой блѣдно-голубоватая струя пробѣжала по тучкамъ, и въ то же мгновеніе раздался странный трескъ, будто стекло гдѣ-то разбилось вблизи. На опушкѣ теперь опять застоналъ вѣтеръ. Еще нѣсколько минутъ онъ будто не подходилъ, какъ бы не смѣя разомъ нагрянуть на могучіе дубы. Одинъ за другимъ слѣдовали сухіе, рѣзкіе удары, но голосъ бури поднимался все громче и выше, и все шире охватывалъ трепещущій лѣсъ. Тяжелыя капли западали сперва рѣдко и нерѣшительно, но вдругъ будто цѣлая туча разомъ опустилась на землю. Къ реву и свисту расходившагося вѣтра, къ раскатамъ, повторявшимся все чаще, присоединился рѣзкій шумъ ливня, барабанившаго по листвѣ.

Дикіе бѣшеные звуки слились въ одинъ неясный, но оглушительный гулъ.

Надя сильнѣе оперлась на руку Дмитрія, безсознательно отдаваясь подъ его защиту. Онъ велъ ее быстро и молча, и ему казалось, что никогда не кончится лѣсъ, вездѣ окружавшій ихъ непроницаемою тьмой и ему не спасти ее отъ какой-то неминуемой бѣды.

Дождь хлесталъ имъ въ лицо и вѣтеръ то и дѣло кружилъ сучья надъ ихъ головами.

— Вы еще простудитесь по моей винѣ,—повторялъ онъ, крѣпче прижимая къ себѣ ея горящую руку, и странное чувство отвѣтственности за нее овладѣло имъ, какъ бы сознаніе того, что она поручена ему кѣмъ-то, и онъ не сумѣетъ ее уберечь. А Надя, между тѣмъ, почти безсознательно слѣдовала за нимъ, лихорадка овладѣвала ею все сильнѣе, но странное дѣло, она охотно довѣряла себя этому, такъ нелюбимому ей человѣку, и въ первый разъ, быть можетъ, въ ея жизни въ ней сказывалось покорное чувство подчиненія болѣе сильному.

VIII.

Къ вечеру Надя не на шутку расхворалась, и докторъ, второпяхъ вызванный изъ города, многозначительно покачавъ головой, объявилъ Аннѣ Григорьевнѣ, что дѣло науки не предсказывать, а лишь опредѣлять выяснившееся состояніе паціента и что, конечно, молодость Надежды Сергѣевны позволяетъ ожидать счастливаго исхода. Этотъ загадочный приговоръ до того перепугалъ Анну Григорьевну, что она днемъ и ночью не отходила отъ кровати племянницы.

Больная лежала безъ памяти.

— Цѣлыхъ два дня она провела въ полубезсознательномъ состояніи. Докторъ сталъ осторожно намекать на тифъ, ссылаясь на вѣроятность зараженія при уходѣ за больными.

Анна Григорьевна теперь только поняла, какъ сильно привязалась къ Надѣ, но опасеній своихъ она не выдала никому и спокойно, безъ шума, она неотступно слѣдила за ходомъ болѣзни, какъ въ эти первые трудные дни, такъ и послѣ. Молодость Нади взяла свое. Слова доктора не оправдались. На третій день она очнулась будто отъ сна, и ея поблѣднѣвшее, немного исхудалое личико говорило не о страданіи, а о той покорной, почти счастливой безпомощности, какую чувствуютъ совсѣмъ еще маленькія дѣти, когда ихъ ласкаетъ и убаюкиваетъ мать. Она даже улыбнулась въ отвѣтъ на первыя заботливыя слова Анны Григорьевны. „Какъ мнѣ хорошо было, тетя, вы не повѣрите“, сказала она стараясь приподняться.

Странная перемѣна случилась съ Надей. Въ первый разъ со времени ея дѣтства гордое, строптивое чувство въ ней смирилось, будто растаяло у нея что-то на сердцѣ. Она давала распоряжаться собою съ непривычною для нея покорностью.

Миромъ повѣяло на молодую дѣвушку изъ той области неясныхъ грезъ, гдѣ носилось ея воображеніе, пока болѣзнь сковывала ея мысль и волю. Когда Дмитрій въ первый разъ зашелъ къ ней въ комнату, и она, слабымъ движеніемъ, протянула ему маленькую исхудалую ручку, у нея въ глазахъ и слѣда не оставалось прежней вражды.

Почти цѣлыхъ двѣ недѣли Надя не могла выйти изъ комнаты, но она и не торопилась. Ей казалось, что она теперь только поняла, какъ хорошо подъ теплымъ домашнимъ кровомъ. Не было, впрочемъ, недостатка и въ заботливомъ участіи постороннихъ. Боровской неоднократно навѣдывался. Елена Михайловна часто заѣзжала, привозя съ собой какую-то особенную клубнику исполинскихъ размѣровъ, которою щеголялъ ея садовникъ. Надя какъ будто, однако, не особенно радовалась этимъ посѣщеніямъ любезной сосѣдки, и сама Елена Михайловна, хоть и не скупилась на ласковыя слова, никогда подолгу не оставалась въ комнатѣ Нади.

За то съ Дмитріемъ она вела долгіе бесѣды, все тѣснѣе сплетая вокругъ него невидимыя дружескія узы. И чего грѣха таить, на мѣсто прежней чистой, немного заоблачной любви, воспитанной идеализмомъ студенческихъ годовъ, въ сердце Дмитрія покрадывалось иное, менѣе возвышенное, но за то болѣе обыденное чувство. Только благодаря невольному самообману, онъ не замѣчалъ подступа этой новой волны, на этотъ разъ уже совсѣмъ земной страсти.

Анна Григорьевна отдавала себѣ очень ясный отчетъ въ томъ, къ чему клонятся частыя посѣщенія Елены. И чѣмъ они чаще повторялись, тѣмъ радушнѣе она принимала хозяйку Никольскаго. Въ былые годы Анна Григорьевна очень неохотно соглашалась на женитьбу сына. Совершенно въ иномъ свѣтѣ представлялась такая женитьба теперь. И не заикаясь объ этомъ въ присутствіи сына, она въ душѣ таила желаніе ускорить по возможности желаемую развязку.

Былъ сѣрый, невеселый день въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюня, все утро накрапывалъ дождь, и зелень въ саду, на которой повисли блестящія капли, отдавала вновь свѣжимъ, пряным запахомъ весны. Несмотря на сырую погоду, Надѣ вдругъ неудержимо захотѣлось на воздухъ; еще слабая, опираясь на руку Дмитрія, она въ первый разъ прошлась по старинному саду. Довѣрчивая и покорная, она молча слушала то, что говорилъ ей Дмитрій, хотя внимала она, собственно, не его словамъ, а тому своеобразному отголоску, который находили они, эти совершенно простыя, непритязательныя слова въ ея проснувшемся сердцѣ. Повернувъ къ дому, они встрѣтили Елену, только что пріѣхавшую съ Женичкой: молодую дѣвушку Елена въ первый разъ взяла съ собою съ тѣхъ поръ, какъ захворала Надя. Они вмѣстѣ пошли въ верхній этажъ, и у Нади въ этотъ разъ ласковый взглядъ глубокихъ красивыхъ глазъ Елены почему-то вызвалъ почти болѣзненное чувство. Должно быть Надя чѣмъ-нибудь выдала себя, только не прошло и десяти минутъ, какъ Елена Михайловна сошла съ Дмитріемъ въ гостиную къ Аннѣ Григорьевнѣ, оставивъ молодыхъ дѣвушекъ вдвоемъ. Женичка нетерпѣливо ожидала этого: ей хотѣлось разузнать у Нади причину страннаго поведенія Володи, который глазъ не показывалъ въ Никольскомъ. Надя, впрочемъ, предупредила ея вопросъ.

— Какъ Володя будетъ жалѣть, — сказала она, — узнавъ, что ты была здѣсь съ Еленой Михайловной. Онъ уже третій день въ городѣ.

Женичка слегка надула губки. Она, конечно, смутно подозрѣвала, что сама была причиной мрачнаго настроенія Володи, но въ то же время не могла простить ему, что онъ сталъ искать утѣшенія въ кутежѣ съ двумя школьными товарищами, случайно встрѣченными въ городѣ. Володя погрузился съ ними въ разныя студенческія воспоминанія и еще болѣе того въ размашистое веселье, какое можно было вдоволь найти на шумномъ

вокзалѣ Ахбарова, построенномъ на самомъ обрывѣ волжскаго берега. Товарищи эти были Блюмштейнъ и Эльборусси, сыновья богатыхъ коммерсантовъ изъ числа тѣхъ, чьи предки взяли нѣкогда Іерихонъ однимъ трубнымъ гласомъ. Оба они, разумѣется, радикалы чистѣйшей воды и очень любили за бокаломъ шампанскаго разсуждать о всемірной революціи и содѣйствовать разрѣшенію соціальнаго вопроса, давая татарамъ въ ресторанахъ по три рубля на чай.

Все это Женичка узнала отъ Нади, которая не безъ смѣха подмѣчала, какъ молодую подругу сердилъ этотъ разсказъ.

— А знаешь, Надя,—сказала Женичка,—я все-таки не вѣрю, чтобы твой троюродный братъ былъ на самомъ дѣлѣ такой красный.

— И я не вѣрю,—улыбнулась Надя.

— Ну, ты другое дѣло, ты этому даже очень рада.

— Напротивъ, я сама надъ его громкими фразами всегда смѣялась.

Женичка сдѣлала удивленные глаза.

— Да какъ же это?.. Я вѣдь, думала, извини меня, что Владиміръ Алексѣевичъ былъ къ тебѣ что-то очень неравнодушенъ.

Сказавъ это Женичка покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ. Надя ее очень живо успокоила на этотъ счетъ.

— И ты увѣряешь меня,—нерѣшительно проговорила Женичка все болѣе смущенная,—что не старалась поддерживать въ немъ священный огонь. Да, вѣдь, ты сама кажется...

Веселость мгновенно исчезла съ лица Нади, и какъ ни старалась Женичка снова оживить разговоръ, Надя уже не могла вернуться къ шутливой болтовнѣ. Намекъ Женички кольнулъ ее въ самое больное мѣсто. Онъ напомнилъ ей недавно совершившійся разрывъ, за который Надя не переставала упрекать себя какъ за измѣну.

Къ вечеру изъ города вернулся Володя. Кутежъ въ веселой компаніи не разогналъ его мрачности. Напротивъ,

къ ней примѣшивалось теперь еще чувство стыда за три дня, проведенные имъ по стогнамъ и перепутьямъ города. Онъ коротко и смутно отвѣчалъ на вопросы матери и поспѣшилъ въ комнату Нади.

— Надя,—сказалъ онъ шепотомъ, какъ бы опасаясь, чтобы другіе не услышали,—я съ важною новостью. Нерадовичъ здѣсь, я его видѣлъ.

Лицо молодого человѣка все было проникнуто многозначительностью сообщеннаго имъ извѣстія.

На молодую дѣвушку оно, однако, не произвело ожидаемаго дѣйствія. На чертахъ Нади выразилось удивленіе, испугъ, что угодно, только не радость.

— Не можетъ быть!.. вамъ показалось...—проговорила она.

— Да увѣряю же васъ, видѣлъ, говорилъ съ нимъ.

И Володя казался очень польщеннымъ бесѣдой съ тузомъ агитаціи, какимъ считался Нерадовичъ.

Онъ усѣлся и началъ разсказывать:

— Выхожу я сегодня часу въ третьемъ изъ вокзала Ахбарова и поднимаюсь въ гору по Царицынской улицѣ, прохожу мимо лабаза и вижу—стоитъ въ дверяхъ человѣкъ средняго роста, довольно полный, одѣтый купцомъ, только, знаете, не изъ неважныхъ, сюртукъ у него довольно поношеный и суконная фуражка тоже. Ну, хоть у него борода какъ слѣдуетъ: окладистая и даже серьга въ лѣвомъ ухѣ—меня тотчасъ поразило странное сходство. Прошелъ я нѣсколько шаговъ, обернулся... и говорю себѣ: онъ, непремѣнно онъ.—Левъ Алексѣевичъ,—вырвалось у меня,—какими судьбами? Купецъ сперва поморщился, но должно быть живо что-то сообразилъ, только онъ тутъ же подошелъ ко мнѣ;—Войдите, Корецкій, говоритъ, и заперъ за нами двери въ лавку. Я тутъ же замѣтилъ, что дверь была съ колокольчикомъ и отпираясь звонила, что есть мочи. Въ лавкѣ были сыры и молочный товаръ, крупа, мыло и всякая всячина, не было только покупателей.—Ну-съ, коли вы меня узнали, Корецкій,—сказалъ онъ засмѣявшись,—значитъ

загримированъ я плохо; впередъ мнѣ наука.—Я, конечно, сталъ горячо увѣрять, что бояться нечего, что мнѣ, даже обидно такое сомнѣніе, потому что я, вѣдь, вы знаете, готовъ за нихъ стоять грудью.—Ну, ну, сами знаемъ,—продолжалъ Нерадовичъ,—вы, разумѣется, свой человѣкъ: не выдадите! Только пойдемъ вотъ туда,— и онъ показалъ на маленькую дверь въ углу лавки,— все-таки вѣрнѣе будетъ. Мы прошли въ низенькую комнату съ крошечнымъ окномъ на дворъ. Тутъ за столомъ сидѣлъ какой-то очень смуглый господинъ и что-то писалъ.—Рекомендую вамъ, Гольденштейнъ, тоже изъ нашихъ,—указалъ на него Левъ Алексѣевичъ. Тотъ сердито на меня посмотрѣлъ и шепотомъ, но съ большимъ жаромъ что-то сказалъ Нерадовичу.—Ну, успокойтесь, батенька, и строчите себѣ. Лучше васъ все это знаю,— отвѣчалъ ему Левъ Алексѣевичъ.—Боязливъ ужъ очень, извѣстно, пуганая ворона,—добавилъ онъ обращаясь ко мнѣ. И Нерадовичъ сталъ разсказывать, понимаете, съ полнымъ довѣріемъ ко мнѣ, что онъ перенесъ свою дѣятельность въ наши края, гдѣ, какъ онъ увѣряетъ, почва очень хорошая и дѣла много впереди. Я въ первый разъ чувствовалъ себя такъ близко у самаго источника могучаго движенія, ведущаго насъ къ свѣту и простору.

Володя до сихъ поръ, казалось, ощущалъ священный трепетъ отъ этой близости. Надя, однако, вовсе не раздѣляла его восторга, но въ пылу разсказа Володя не примѣчалъ этого.

— Представьте себѣ, Надя,—продолжалъ онъ,—Нерадовичъ уже цѣлыя три недѣли провелъ здѣсь, то въ городѣ, то въ разныхъ селахъ, и даже въ Бѣлыхъ Столбахъ онъ былъ уже два раза, и какъ онъ успѣлъ хорошо познакомиться съ нашею мѣстностью, у него должно быть—подробности онъ мнѣ не сообщилъ—вездѣ друзья есть; говорю вамъ, этотъ человѣкъ настоящій геній.

Надя соображала, кто могли быть эти друзья. „Сынъ священника, конечно, черезъ него я получала письма,—

а кто знаетъ, можетъ быть и Брусковъ"; и при мысли, что сама она помогла Брускову поселиться въ Бѣлыхъ Столбахъ, тревожное, гнетущее чувство овладѣло ею и краска показалась на ея лицѣ.

— Онъ много разсчитываетъ на здѣшнихъ крестьянъ, — восторженно заговорилъ опять Володя, — и раскрылъ предо мною цѣлый обширный планъ.

Володя слегка предавался самообольщенію: Нерадовичъ въ сущности никакихъ плановъ ему и не думалъ повѣрять.

— Онъ въ городѣ проживаетъ подъ именемъ купца Аладьина и бумаги у него всѣ какъ слѣдуетъ. Молодецъ! онъ предупредилъ меня, разумѣется, чтобъ я не вздумалъ какъ-нибудь при встрѣчѣ назвать его настоящимъ именемъ. Маркелъ Маркеловичъ Аладьинъ. И вамъ это не мѣшаетъ помнить, такъ какъ вы очень скоро его здѣсь увидите. Онъ зналъ, представьте себѣ, что вы у насъ живете и много про васъ разспрашивалъ. А кто бы могъ предвидѣть, что намъ съ вами такъ скоро придется стать работниками великаго дѣла народнаго обновленія? Да что, Надя, вы какъ будто этому не радуетесь?

Отвѣта онъ получить не успѣлъ. Дмитрій показался въ дверяхъ.

— При немъ ни слова, пожалуйста,—сказала она шепотомъ, схвативъ Володю за руку.

— А я и забылъ тебѣ передать,—обратился къ брату Дмитрій,—кто былъ здѣсь сегодня.

И онъ сказалъ Володѣ, какъ Женичка разспрашивала про него. Молодой человѣкъ мгновенно преобразился. Этихъ немногихъ словъ было достаточно, чтобы воскресить въ немъ иныя грезы, и „геніальный" Нерадовичъ со своими освободительными планами тотчасъ стушевался предъ волшебнымъ образомъ милой дѣвушки. А Надя, оставшись одна, долго еще раздумывала о томъ, что услыхала отъ Володи. Давно невиданныя лица всплывали передъ ней и съ насмѣшливымъ укоромъ

грозно и злобно обступали ее, требуя отвѣта за отступничество. И въ первый разъ въ ея жизни, Надей овладѣлъ страхъ передъ будущимъ.

IX.

Женичка Ордынцева сидѣла въ Никольскомъ саду на своей любимой скамейкѣ подъ большимъ вязомъ. Она только-что вернулась съ купанья, и влажные еще ея распущенные волосы роскошною волной падали на плечи. Ясный, не слишкомъ жаркій лѣтній день склонялся къ вечеру, и тѣни деревьевъ все длиннѣе вытягивались къ освѣщенной солнцемъ лужайкѣ. За то въ самой чащѣ кое-гдѣ на высокихъ вѣтвяхъ или на темной корѣ дубовъ и липъ ярко выступали свѣтлыя пятна отъ падающаго туда цѣлаго снопа лучей. Молодая дѣвушка держала въ рукахъ недавно начатый англійскій романъ, но она его не читала. Въ ея годы ни одна книга не скажетъ тѣхъ заманчиво-таинственныхъ рѣчей, какія нашептываетъ шелестъ листьевъ въ лѣтній день.

Женичку почти испугалъ скрипъ мужскихъ шаговъ по песку дорожки. Она удивилась слегка, увидавъ подходившаго къ ней Володю.

Дорогой въ Никольское молодой человѣкъ сто разъ повторялъ себѣ отъ слова до слова все ожидавшее его объясненіе съ Женичкой. Но при видѣ ея удивительная робость неожиданно овладѣла имъ и весь разговоръ сложился совсѣмъ не такъ, какъ онъ это заранѣе думалъ.

— Я спросилъ Елену Михайловну,—извинился онъ,—но ея нѣтъ дома, и мнѣ сказали, что вы въ саду...

— Да, мама въ городъ уѣхала и вернется только послѣ обѣда. А миссъ Финчъ нездорова, такъ что я, какъ видите, предоставлена самой себѣ...

Она сказала это нерѣшительно, поднимая на него глаза, въ которыхъ читалось сомнѣніе—можно ли ей

остаться съ нимъ вдвоемъ, но видъ его немного смущеннаго лица ободрилъ ее. „Онъ робѣетъ, стало быть можно“, рѣшила она.

— Пройдемтесь по саду,—сказала она, почему-то воображая, что прогулка все-таки приличнѣе.

Какъ очень часто бываетъ, Володя рѣшительно не зналъ о чемъ заговорить. Это его бѣсило, тѣмъ болѣе, что въ первые дни ихъ знакомства съ ней онъ держалъ себя такъ непринужденно, совсѣмъ ужъ иначе, чѣмъ съ другими барышнями.

— Вы знаете, что мы были вчера въ Бѣлыхъ Столбахъ,—начала она, почему-то пристально всматриваясь въ сороку, невдалекѣ качавшуюся на дубовомъ суку.— Я нашла, что Надѣ гораздо лучше.

— Мнѣ сказали, что вамъ угодно было упомянуть обо мнѣ,—иронически отозвался онъ и тутъ же покраснѣлъ.

Этихъ немногихъ словъ было достаточно, чтобъ измѣнить милостивое настроеніе Женички. У нея тотчасъ зародилось желаніе побѣсить его.

— Можетъ быть я и упомянула, не помню,—холодно и насмѣшливо отвѣтила она,—и признаюсь, даже совсѣмъ забыла, что мнѣ на это Надя отвѣтила. Вы, кажется, по дѣламъ куда-то ѣздили, да?

Володя покраснѣлъ еще болѣе, на этотъ разъ скорѣе отъ гнѣва, чѣмъ отъ смущенія.

— Я вижу,—сказалъ онъ,—что лучше было-бъ, еслибъ я не вздумалъ сюда пріѣхать сегодня.

— Для васъ или для меня лучше?—проговорила она, холодно вскинувъ на него глазами.

— Евгенія Александровна, — и голосъ его задрожалъ,—васъ, можетъ быть, удивило, что я вотъ почти цѣлый мѣсяцъ не заглядывалъ въ Никольское?

Она остановилась и будто окутала себя ледяною, почти величавою холодностью.

Почему мнѣ этому нужно удивляться? Вы говорите, что цѣлый мѣсяцъ... Да, въ самомъ дѣлѣ, вы, кажется, давно здѣсь не были.

Онъ былъ такъ обиженъ и раздраженъ, что ему захотѣлось тотчасъ же уѣхать; и конечно никогда уже, никогда онъ не вернется въ Никольское. Но почему-то у него не хватало рѣшимости.

— Евгенія Александровна,—проговорилъ онъ съ рѣшимостію отчаянія, и ему показалось, что онъ, очертя голову, бросается въ какую-то пропасть,—зачѣмъ вы такъ со мной перемѣнились?... вы очень хорошо знаете, почему я пересталъ здѣсь показываться, но вы какъ будто нарочно...

Онъ запнулся и почувствовалъ, что не въ силахъ договорить. Ей тотчасъ его стало жаль и она захотѣла прійти къ нему на помощь.

— Ну что же, я нарочно?...—сказала она въ полголоса и взглядъ ея, теперь уже мягкій, почти ласковый взглядъ, на мигъ остановился на немъ. Этого было достаточно, чтобъ ободрить его.

— Неужели вы забыли про тотъ вечеръ,—заговорилъ онъ теперь горячо,—когда, помните, мы ѣздили на курмиловскіе луга?...

— И вамъ такъ хотѣлось насъ всѣхъ удивить своею ѣздой,—прибавила она съ лукавою улыбкой.

Но теперь вся робость его исчезла и даже это воспоминаніе не затронуло его самолюбія. Слова, въ которыхъ слышались и упрекъ, и покорность неудержимо полились, и теперь Женичкѣ пришла очередь смущаться,—такъ горячо зазвучало въ нихъ чувство, котораго онъ до того никогда не смѣлъ высказывать.

— Неужели вы могли подумать, что Сокольницкій...—вырвалось у нея и она тотчасъ остановилась, упрекая себя за неосторожность недоговореннаго ею полупризнанія.

— Такъ знайте же, Евгенія Александровна,—проговорилъ онъ съ жаромъ,—что благодаря вамъ я прожилъ за все это время самые горькіе и самые тяжелые дни своей жизни.

Она не отвѣчала. Румянецъ ярко заигралъ на ея ще-

кахъ и рука ея судорожно вертѣла сорванный ею большой кленовый листъ. Они молча прошли въ самую глубь сада, гдѣ правильными рядами стояли вѣковыя липы. Тамъ Елена Михайловна не успѣла еще обновить на новый ладъ старинное устройство сада и правильно разбитыя дорожки подъ густою тѣнью скрещивались, образуя затѣйливые узоры во вкусѣ прошлаго столѣтія.

— Мы съ вами никогда еще не заходили сюда,—сказалъ Володя, оглядываясь на угловатыя фигуры лужаекъ и на окаймляющія ихъ стриженыя липы, выстроившіяся въ чинный рядъ со своими круглыми, какъ церковные куполы, маститыми головами.

— Какъ все это чопорно и чинно! Здѣсь напудреннымъ маркизамъ гулять, а не простымъ смертнымъ.

— А мнѣ это нравится,—отвѣчала Женичка,—я старину люблю, пускай она себѣ чинная—мнѣ она не мѣшаетъ...

Оба они засмѣялись. Такъ мало уже было чиннаго въ юной владѣтельницѣ Никольскаго, которой бы, конечно, не помѣшала рѣзвиться и шалить самая чопорная старина.

Они заговорили теперь совершенно просто, будто и не было между ними только-что исчезнувшей натянутости. Какое-то безсознательное созвучіе было въ ихъ мысляхъ и словахъ, то милое созвучіе, которое бываетъ полнымъ тогда только, когда его не примѣчаютъ. Они усѣлись на дерновой скамейкѣ, устроенной посреди большого круга обсаженнаго деревьями. Тѣнь будто ограждала ихъ отъ остального міра и какъ разъ въ этомъ одиночествѣ сказывалось имъ не вполнѣ сознанное, но сладкое чувство взаимной близости. Глаза Володи такъ и упивались каждымъ ея движеніемъ, каждою чертой ея тонкаго личика, каждымъ изгибомъ стройнаго стана. Онъ будто въ первый разъ теперь разглядѣлъ и понялъ всю прелесть этого личика; и вся она, съ ея шаловливыми, темными глазами, съ мягкими прядями распу-

щенныхъ волосъ, казалась ему воплощеніемъ какой-то дивной мечты. Нѣтъ, не мечты даже! его воображеніе не въ силахъ было создать этого чарующаго облика, да и вовсе уже ничѣмъ неземнымъ вѣяло отъ ея не вполнѣ еще расцвѣтшей прелести. Напротивъ, она была поэзіей самой жизни, полной движенія и красокъ, хотя еще безсознательной жизни.

Между двумя липами поставлены были качели, прикрѣпленныя веревками къ стволамъ. Женичка вспрыгнула на высокое сидѣнье, опершись на срубленный липовый пень, и принялась тихо качаться, пока Володя, облокотясь на вѣтку, продолжалъ съ нею безсвязную болтовню, слѣдя за нею очарованными глазами.

— Послушайте, Владиміръ Алексѣевичъ,—сказала она, вдругъ принимая серьезный видъ,—я давно хотѣла у васъ спросить, что думаете вы дѣлать послѣ этого лѣта? поступите на службу?

— То-есть какъ дѣлать?—въ свою очередь удивленно спросилъ онъ,—насчетъ службы вы знаете, что мои убѣжденія...

— И слушать не хочу;—Женичка заткнула себѣ уши,—я вѣдь съ вами теперь серьезно говорю, вы не станете же вѣчно на охоту ходить да разныя книжки почитывать и только?

Володя попробовалъ разсмѣяться, хотя былъ довольно озадаченъ этою неожиданной ему нотаціей. Ему и въ голову теперь не приходило думать о будущемъ.

— Я понимаю отлично,—продолжала она съ большою важностью,—что въ Петербургъ вамъ не хочется послѣ того, что было съ вашимъ братомъ, онъ, вѣдь, при мнѣ все разсказалъ мама. Но знаете, что я для васъ придумала?

Володю поразило въ особенности то, что юная очаровательница дала себѣ трудъ подумать о немъ и это какъ разъ въ то время, когда онъ взводилъ на нее втихомолку самыя ужасныя обвиненія.

— Мой планъ тѣмъ хорошъ, что вы можете остаться

здѣсь и заниматься дѣлами, а Дмитрій Алексѣевичъ, конечно, уѣдетъ. Мама говоритъ, что стоитъ ему захотѣть и онъ пойдетъ очень далеко. Ну, такъ видите, по моему вы должны бы пойти по выборамъ и сдѣлаться предводителемъ на мѣсто Ухова. Всѣ говорятъ, что онъ такой дурной человѣкъ.

— Я, предводителемъ?!—въ изумленіи воскликнулъ Володя.—Помилуйте, съ моими убѣжд...

— Опять вы свое,—перебила она его живо,—говорю вамъ, что не хочу слышать про ваши убѣжденія; вы могли бы, кажется, со мной по крайней мѣрѣ... Да и нѣтъ ихъ у васъ вовсе этихъ знаменитыхъ убѣжденій.

Еслибы въ эту минуту Володѣ пришлось сдѣлать выборъ между ними и маленькою волшебницей, которою любовались его заискрившіеся глаза, увы, эти убѣжденія врядъ ли бы устояли въ неравной борьбѣ, но теперь выбора никакого не предстояло, и Володѣ просто всѣ любимые имъ великіе вопросы въ эту минуту казались сущими пустяками въ сравненіи съ тѣмъ, что хотѣлось ему вычитать въ ея лучистыхъ глазахъ.

— Не знаю, что будетъ со мной,—торжественно и горячо произнесъ онъ,—но одно скажу вамъ, Евгенія Александровна, что дороже для меня на цѣломъ свѣтѣ теперь...

Она не дала ему договорить. Ей почему-то показалось, что никакъ ужъ ей нельзя долѣе оставаться тутъ рядомъ съ нимъ; она захотѣла тотчасъ спрыгнуть съ качелей, но въ торопяхъ кончикъ ея ножки не успѣлъ опереться на липовый пень и Женичка непремѣнно упала бы, еслибы Володя не схватилъ ее во-время обѣими руками. Невольно онъ привлекъ къ себѣ ея трепещущій станъ, и на мигъ, только на одинъ мигъ, она послушно отдалась обнявшимъ ее рукамъ молодого человѣка.

— Его губы коснулись ея запылавшей щеки.

— Женя, милая,—прошепталъ онъ.

Но она уже ускользнула отъ него и негодующая, взвол-

нованная взглянула на него съ такимъ укоромъ, что Володя не смѣлъ уже подойти къ ней. И гнѣвъ и стыдъ говорили въ ней, хотя въ то же время, едва внятно для нея самой, сказывалось въ ея сердцѣ иное, вовсе уже не строптивое чувство, готовое простить его поступокъ. Онъ опустилъ предъ нею глаза, какъ провинившійся мальчикъ. „Простите меня, Женя“, подошелъ онъ къ ней съ такою покорностью, что долго сердиться на него, очевидно, уже было нельзя. И когда онъ нерѣшительно взялъ ее за руку и, продолжая, безсвязными словами просить у нея прощенія, долго еще держалъ эту руку, все крѣпче сжимая ее въ своей, она и не думала отрывать ее.

— Что же будете вы мнѣ еще говорить про свои убѣжденія?—вдругъ шаловливо спросила она у него.

— Ахъ, развѣ я помню теперь что-нибудь, — воскликнулъ онъ, поднося ея тонкіе пальчики къ своимъ губамъ.

— Помните это, по крайней мѣрѣ, — отвѣчала она лукаво,—я принимаю ваши слова, какъ обѣщаніе исправиться.

Они пошли къ дому и она совершенно довѣрчиво оперлась на его руку, такъ несомнѣнно было ея полное господство надъ нимъ.

— Ну, а вы, Женя, — вдругъ, неизвѣстно почему, спросилъ онъ, — развѣ согласились бы долго жить въ деревнѣ?

Она опустила голову, чтобы скрыть отъ него лукавую улыбку, заигравшую на ея губахъ.

— Не знаю, право,—я деревню полюбила; только съ какого права вы вздумали называть меня просто Женя, прошу, чтобъ этого не было!

Ей показалось, что она очень строго посмотрѣла на него въ эту минуту, хотя ровно никакой строгости не было въ ея бархатныхъ глазахъ.

Они подошли къ той скамейкѣ, гдѣ Володя засталъ ее за книгой; ее поразило, какъ это съ тѣхъ поръ такъ

вытянулись тѣни деревьевъ и къ наступавшему вечеру пріутихли птицы, забившіяся въ глубь вѣтвей.

— Ахъ, половина седьмого,—сказала она, посмотрѣвъ на часы,—вы должны сейчасъ, сейчасъ уѣхать. Вы понимаете, что не могу же я васъ пригласить отобѣдать со мною вдвоемъ,—прибавила она улыбаясь.

Десять минутъ спустя Володя уже скакалъ во весь духъ по дорогѣ въ Бѣлые Столбы. Кровь у него стучала въ вискахъ; дикія, радостныя мысли пестрою толпой кружились у него въ головѣ.

— Митя, Митя, — закричалъ онъ, увидѣвъ брата у самаго въѣзда въ усадьбу,—ахъ, еслибы ты могъ знать, какъ я счастливъ, такъ счастливъ, понимаешь ты, какъ никогда, никогда до сихъ поръ... да гдѣ тебѣ понять?

— Ты изъ Никольскаго, — улыбнулся Дмитрій въ отвѣтъ.

— Ну да, ну да...

И Володя тутъ же съ горячею поспѣшностью объявилъ ему, что онъ совершенно рѣшился на долго, навсегда остаться въ Бѣлыхъ Столбахъ, что онъ сдѣлается отличнымъ хозяиномъ и непремѣнно будетъ предводителемъ на мѣсто Ухова. И Володѣ теперь казалось, что иначе и быть не могло, и что все это давнымъ-давно придумано имъ самимъ.

— А что скажутъ Блюмштейнъ и Эльборусси?—разсмѣялся Дмитрій.

— А, ну ихъ къ чорту, — рѣшительно произнесъ Володя.

— И Чернокнижникова тоже? — сказалъ Дмитрій.— Но Володя уже былъ у крыльца, соскочилъ съ лошади и никто въ домѣ не могъ понять, откуда у него взялось завладѣвшее имъ радостное оживленіе.

X.

Два дня спустя были выборы въ гласные отъ землевладѣльцевъ. Володя уже наканунѣ вечеромъ отпра-

вился встрѣчать дядю, котораго ожидали съ раннимъ поѣздомъ изъ Москвы. Хотя Петръ Николаевичъ провелъ отлично ночь въ вагонѣ, онъ, какъ и подобаетъ петербургскому сановнику, сильно жаловался на утомленіе, причиненное дорогой, и негодовалъ противъ замѣченныхъ имъ безпорядковъ, такъ какъ ему даже не сумѣли отвести хорошее отдѣленіе. Онъ продолжалъ брюзжать даже, когда ему отвели большой удобный нумеръ Петербургской гостинницы, лучшей въ городѣ. На слугу, подававшаго ему чай, онъ посмотрѣлъ необыкновенно свирѣпымъ образомъ: „Что это такое,—прикрикнулъ онъ, — да развѣ это сливки, да развѣ такъ подаютъ?“

— Ужасная у васъ здѣсь отсталость,—сказалъ онъ племяннику,—и что это за городъ, что за мостовыя, а меня увѣряли въ Петербургѣ, что здѣсь большой центръ и чуть ли не цѣлая сотня тысячъ жителей.

Сѣтованія Петра Николаевича были совершенно напрасны. Гостинница, не въ примѣръ инымъ провинціальнымъ, обладала бархатною мебелью, обоями съ позолотой и электрическими звонками. Словомъ было все, за однимъ, конечно, малымъ исключеніемъ—опрятность оставляла желать лучшаго. Звонки большею частью не дѣйствовали, а иногда, хоть и очень рѣдко, по стѣнамъ мелькалъ слишкомъ знакомый на Руси шоколадный жукъ. Самый городъ, конечно, изобиловалъ пустырями, съ полуразрушенными заборами и полусгнившими хатами, являвшими видъ еще болѣе печальный, чѣмъ заборы; но за то въ перемежку съ такими допотопными лачугами высились громадныя пятиэтажныя зданія. Нѣмецкая и Дворянская улицы были освѣщены не хуже Петербурга. Кое-гдѣ завелись асфальтовые тротуары, а парикмахеръ изъ Парижа назывался Giroud, а не Ивановъ. Петръ Николаевичъ вообще обнаружилъ полное неудовольствіе и не обѣщалъ себѣ ничего, кромѣ скуки отъ пребыванія въ Бѣлыхъ Столбахъ.

Впрочемъ, неудовольствіе было обычнымъ выраженіемъ его плоскаго лица съ удивительно гладкими и ровными бакенбардами, лица того особаго канцелярскаго цвѣта, который равно напоминаетъ залежавшуюся дѣловую бумагу и желтую рублевую ассигнацію.

На Володю нелюбезное обращеніе дяди, протянувшаго ему одинъ палецъ при встрѣчѣ, не произвело ровно никакого впечатлѣнія. Необыкновенно смѣшными ему казались начальническія замашки Петра Николаевича. Когда въ двѣнадцать часовъ пріѣхалъ Дмитрій, Петръ Николаевичъ сперва и къ нему обратился съ юпитерскими громами.

— Хорошъ, нечего сказать; службу бросилъ, и для чего позволь узнать? Здѣсь киснуть будешь? И чего добраго, земскую либеральную дурь себѣ въ голову набьешь?

Но Дмитрія тоже лишь разсмѣшили эти упреки. Онъ безцеремонно обнялъ дядюшку, похлопавъ его даже по плечу, и, должно быть, Петръ Николаевичъ хорошо сознавалъ, что командирскій тонъ съ племянникомъ рѣшительно не удается, только онъ преложилъ гнѣвъ на милость и совершенно уже по товарищески выразилъ желаніе вмѣстѣ позавтракать, отпустивъ даже безо всякой надобности игривую шуточку насчетъ мѣстнаго дамскаго общества. Они спустились въ обширную залу, размѣрами и убранствомъ не уступавшую любой залѣ въ какой-нибудь первоклассной гостинницѣ. Даже канцелярское око Петра Николаевича, привыкшее къ благочинію, было поражено этою провинціальною роскошью. Правда, и тутъ не обходилось безъ неизбѣжнаго органа, этого усладителя купеческихъ попоекъ; но пріютился онъ въ самомъ скромномъ углу и лишь съ согласія посѣтителей наигрывалъ свои пьесы, притомъ самыя отборныя пьесы, смѣняя *Жизнь за Царя* маршемъ *Тангейзера*, а попурри изъ *Аиды* букетомъ мелодій изъ *Timbale d'argent*.

— А я, Митя, прямо въ управу зайду и пошлю за тобой, когда соберутся для выборовъ,—сказалъ Володя.

— Ахъ, да! у васъ сегодня выборы,—презрительно вставилъ Петръ Николаевичъ.—И ты будешь баллотироваться?—съ оттѣнкомъ порицанія добавилъ онъ.

Слуга почтительно отворилъ передъ ними стеклянную дверь въ комнату меньшихъ размѣровъ, предназначенную для отборной публики. Тамъ они застали Боровского за скромнымъ, почти спартанскимъ завтракомъ.

Петръ Николаевичъ очень любезно съ нимъ поздоровался, даже съ оттѣнкомъ заискиванья, какое иногда бываетъ у крупныхъ чиновниковъ, когда они встрѣчаются съ молодыми людьми, очень хорошо поставленными по службѣ, и въ которыхъ они предвидятъ чиновниковъ еще болѣе крупныхъ.

— Я слышалъ, васъ переводятъ въ О.,—сказалъ онъ ему, приглашая завтракать вмѣстѣ.—Работы тамъ будетъ много, это по плечу лишь такимъ людямъ, какъ вы.

— Ну и здѣсь ея было не мало, особенно въ послѣдній годъ. Мнѣ цѣлое гнѣздо удалось накрыть. Не знаю, какъ распутаетъ все это мой преемникъ. Здѣсь, между прочимъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, теперь обрѣтается очень крупный агитаторъ Левъ Нерадовичъ, купецъ Маркелъ Аладьинъ тожъ, онъ же евпаторійскій мѣщанинъ Ѳедоръ Кошка. Какъ видите, не дремлемъ.

— А вышеозначенный Нерадовичъ,—вставилъ засмѣявшись Петръ Николаевичъ,—все таки онъ у васъ, какъ кошка, ускользнетъ изъ рукъ.

Петръ Николаевичъ тѣмъ не менѣе очень заинтересовался словами Боровского; онъ слушалъ его съ видомъ человѣка, которому хорошо извѣстно все то, что недоступно простымъ смертнымъ. Петръ Николаевичъ не успѣлъ, однако, высказать что либо очень выдающееся: приходилось отвѣчать на услужливые вопросы слуги и заказать завтракъ. Отъ разнообразныхъ рыбныхъ яствъ Петръ Николаевичъ отказался, предпочитая стерляжьей ухѣ жидкій бульонъ и заманчивой свѣжей осетринѣ простую телячью котлетку. Какъ всѣ пе-

тербургскіе чиновники, бодрые и тучные на видъ, Петръ Николаевичъ страдалъ катарромъ желудка. Едва заказанъ былъ завтракъ и разговоръ сталъ оживляться, какъ вошли въ комнату два новыхъ посѣтителя. Это были старый графъ Сокольницкій и его сынъ. Графъ собирался въ тотъ же день уѣхать въ Петербургъ, а Борисъ Сергѣевичъ, провожая отца, думалъ воспользоваться случаемъ, чтобы принять участіе въ выборахъ: имѣніе Сокольницкихъ лежало въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ.

— А-а, ваше превосходительство,—съ громкимъ радушіемъ привѣтствовалъ графъ Петра Николаевича, поспѣшно вставшаго ему на встрѣчу.—Что, на долго изволите?—графъ рожкомъ приложилъ къ уху свою руку...—А-а, c'est pour les affaires de la petite, je comprends.

Дмитрій могъ замѣтить, какъ еще на одинъ тонъ повысилась любезность дядюшки при видѣ стараго генерала. Отъ него не ускользнуло и то, что молодой Сокольницкій очень холодно и небрежно отвѣтилъ на поклонъ Петра Николаевича, а затѣмъ тотчасъ углубился въ изученіе карты блюдъ и съ очень строгимъ видомъ заказывалъ какой-то необыкновенный завтракъ.

— У васъ, говорятъ, здѣсь были аресты,—обратился къ Боровскому молодой графъ, покончивъ со своими гастрономическими преніями.

— Типографію накрыли и въ уѣздѣ поймали трехъ человѣкъ съ прокламаціями.

— Не въ Бѣлыхъ Столбахъ, надѣюсь,—испуганно проговорилъ Петръ Николаевичъ.

— Нѣтъ, въ имѣніи предводителя; а въ вашемъ уѣздѣ спокойно?—въ свою очередь обратился Боровской къ Борису Сергѣевичу.

Тотъ самодовольно усмѣхнулся:

— Пока Богъ миловалъ, а про васъ,—добавилъ онъ съ оттѣнкомъ ироніи,—всѣ говорятъ чуть ли не окрещиваясь. Напустили вы страху!

— Я нахожу,—холодно и увѣренно возразилъ Боров-

ской,—что лѣченіе всякой болѣзни должно быть радикальное. Лучше вырвать изъ поля нѣсколько хлѣбныхъ колосьевъ, чѣмъ оставить хоть одну сорную травку.

— Это вольный переводъ словъ императрицы Екатерины,—замѣтилъ ему Дмитрій.

— Я съ тридцатыхъ годовъ знаю эту губернію,—грустно замѣтилъ старый графъ,—et jamais jusqu'à ce jour je n'ai entendu parler d'arrestations!

— А, вѣдь, въ сущности,—снова началъ, слегка хихикая Борисъ Сергѣевичъ,—всѣ ваши рѣшительныя мѣры ни къ чему не поведутъ, и сами вы это очень хорошо знаете.

— Можетъ быть,—засмѣялся Боровской.

— Ну, а что полагаетъ на этотъ счетъ правительство?—насмѣшливо спросилъ молодой Сокольницкій Петра Николаевича.

Тотъ сперва подозрительно оглянулся по комнатѣ, будто для того, чтобъ убѣдиться, не подслушиваетъ ли кто, затѣмъ поправилъ галстукъ и заговорилъ въ полголоса.

— Между нами будь сказано, дѣла идутъ скверно, не видно твердаго руководства. Самыя лучшія мѣры парализуются.

— И вы это говорите, vous qui avez le pouvoir,—воскликнулъ старый графъ, и въ глазахъ его блеснула негодующая искра.

Петръ Николаевичъ развелъ руками:

— Что дѣлать, ваше сіятельство, мы совершенно безпомощны.

Боровской злобно улыбнулся:

— Безпомощность и аресты въ то же время,—вставилъ онъ.

— Насъ не слушаютъ, — продолжалъ оживляясь Петръ Николаевичъ.—Провинція, вотъ гдѣ зло. Въ провинціи только и умѣютъ, что взятки брать, да фрондировать. Что-жъ мы можемъ сдѣлать противъ этого изъ Петербурга?

— Такъ къ чему же тогда, дядюшка, всѣ ваши циркуляры?—сказалъ Дмитрій.—Вѣдь, когда я былъ въ министерствѣ, всѣ вы тамъ говорили и писали въ полномъ убѣжденіи, что курицы несутъ даже яйца не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства.

Петръ Николаевичъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ сталъ поправлять на себѣ жилетъ.

— Разладъ во всемъ—и въ центрѣ, и на окружности,—сказалъ онъ еще понизивъ голосъ.— Всѣ вѣдомства между собою въ тайной борьбѣ, на насъ вину сваливаютъ, а кабы вы знали какія затрудненія на каждомъ шагу намъ создаютъ другія министерства!...

Старый графъ вздохнулъ.

— Прежняго духа нѣтъ, вотъ что!—сказалъ онъ.

— А новый еще не народился,—добавилъ его сынъ.— Да и откуда ему взяться, когда не хотятъ довѣриться людямъ съ независимымъ положеніемъ. Нечего удивляться, что они не оказываютъ никакой поддержки. Мы сторонимся и ждемъ, къ чему все это приведетъ!

— Къ хорошому не приведетъ,—сказалъ Петръ Николаевичъ,—и понятно, что каждый прежде всего думаетъ о себѣ, кому же охота потерпѣть отъ крушенія?..

— Ну, это мы еще посмотримъ,—самодовольно возразилъ молодой графъ, залпомъ выпивая рюмку краснаго портвейна.

Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые себя считаютъ на такой высотѣ, что до нихъ не доплескать демократическимъ волнамъ.

— Я умываю себѣ руки,—продолжалъ теперь уже довольно рѣшительно Петръ Николаевичъ, откидываясь на стулѣ.—Что бы ни случилось, не я виноватъ! Я двадцать разъ твердилъ.

Никто не узналъ, что собственно твердилъ Петръ Николаевичъ.

— Пусть тѣ пеняютъ на себя, кто создалъ эту всеобщую разнузданность. Онъ оглянулъ своихъ собесѣд-

никовъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ удостовѣриться—можно ли съ ними говорить вполнѣ откровенно.

— Да-съ,—продолжалъ онъ,—мы идемъ къ неизвѣстности, и въ концѣ концовъ, можетъ быть, лучше, чтобы рухнуло то, что сгнило, а то мы истощаемся въ усиліяхъ чинить и все чинить.

Петръ Николаевичъ, самъ того не замѣчая, понемногу отдался тому духу порицанія, который часто овладѣваетъ чиновными особами, когда они разстаются съ канцелярскою обстановкой и вицъ-мундиръ замѣняютъ визиткой. Провинція и на него дѣйствовала. Какой-то шутникъ очень ужъ давно замѣтилъ, что русскій дворянинъ пока въ вицъ-мундирѣ—чиновникъ, во фракѣ—либералъ, а въ халатѣ—просто помѣщикъ.

Петръ Николаевичъ и молодой Сокольницкій, хотя одинъ былъ у дѣлъ, а другой во временной оппозиціи, оба подверглись одинаковой метаморфозѣ.

— Nous sommes sur un volcan, mais je sais bien où je serai, moi! не совсѣмъ точно повторилъ Борисъ Сергѣевичъ извѣстныя слова Людовика-Филиппа въ послѣдніе дни реставраціи.

— Благо тѣмъ, кто знаетъ, гдѣ они будутъ,—двусмысленно засмѣялся Боровской.

— Однако, господа,—вмѣшался теперь Дмитрій, котораго весь этотъ разговоръ возмущалъ до глубины души,—опасность, въ самомъ дѣлѣ, велика не потому, что врагъ страшенъ, а потому, что такъ думаютъ и говорятъ люди подобные вамъ. Какъ!... господинъ Боровской, посылающій людей на каторгу, равнодушно ожидаетъ паденія того порядка вещей, во имя котораго онъ ихъ обвиняетъ и обвиняетъ иногда безжалостно; вы, графъ, представитель родового дворянства, вы откровенно признаете, что пусть тамъ себѣ все идетъ къ чорту, вамъ это все равно, потому что васъ будто бы тронуть не посмѣютъ; а вы, дядюшка, опытный администраторъ, сами не вѣрите въ силу того правительства, въ составъ котораго вы входите? Да, господа, вы въ

самомъ дѣлѣ накличете грозу, которую безъ васъ и пронесло бы мимо.

Ему не возражали, только молодой Сокольницкій высокомѣрно и презрительно сталъ крутить надушенные усы.

— Правду вы говорите, совершенную правду,—обратился къ Дмитрію старый графъ, кладя ему на плечо руку. Avec be tels principes мы бы ни Кавказа не покорили, ни Севастополя не отстояли бы цѣлыхъ одиннадцать мѣсяцевъ.

— Ваше сіятельство,—отвѣтилъ ему Боровской,—военные успѣхи очень красивы выходятъ въ книжкахъ, но теперь, повѣрьте мнѣ, народъ практичнѣе сталъ, его калачомъ скорѣе заманишь, чѣмъ Георгіевскими крестиками.

— И вы этому радуетесь?—горячо возразилъ Дмитрій,—а впрочемъ, вы клевещете на народъ, погодите, будетъ случай и вы увидите, что онъ умирать не разучился и калачъ не сталъ его символомъ вѣры.

Боровской въ отвѣтъ только повелъ плечами. Разговоръ, какъ оно всегда и бываетъ, оборвался не приведя ни къ чему. Всѣ спѣшили покончить съ завтракомъ. Старый графъ задумчиво поглядывалъ на прочихъ и вспоминалъ, что въ прежніе годы, въ годы его молодости, когда онъ дрался на Кавказѣ, не расшатывали власть, которой служили, хотя можетъ-быть и умѣли въ иныхъ случаяхъ на собственный страхъ высказывать предъ нею больше самостоятельности, чѣмъ бываетъ это часто теперь.

XI.

Едва окончились выборы, Володя пошелъ отыскивать своихъ лошадей, которыхъ во время пріѣзда господъ кучеръ всегда отводилъ на одинъ изъ постоялыхъ дворовъ, почти на краю города. Петръ Николаевичъ уже

два часа передъ тѣмъ уѣхалъ въ Бѣлые Столбы въ коляскѣ Дмитрія, собиравшагося вмѣстѣ съ Томилинымъ отобѣдать у Елены Михайловны. Володя не сразу добился кучера, преспокойно отводившаго душу за полштофомъ сивухи. На дворѣ, повидимому, не было никого, только куры усердно возились въ навозѣ, да лошади, запряженныя въ телѣги и повозки, доѣдали овесъ, спокойно отмахиваясь хвостами отъ слѣпней. Володя былъ въ очень повышенномъ настроеніи. На выборахъ онъ перезнакомился со всѣмъ уѣздомъ и необыкновенно быстро попалъ въ самую колею. Гораздо легче старшаго брата онъ усвоилъ себѣ всю подноготную избирательной техники и хоть самъ еще не имѣлъ права участвовать въ баллотировкѣ, съ удивительной прытью вошелъ въ интересы мѣстныхъ партій и много помогъ успѣшному избранію Дмитрія. Онъ и самъ вошелъ сразу во вкусъ дѣла и мѣстнымъ дѣятелямъ пришелся очень по нраву. И радостное волненіе, вызванное у него процедурой выборовъ, еще не улеглось.

Молодой человѣкъ только-что успѣлъ раза три окрикнуть хозяина, какъ незамѣченный имъ при входѣ сутуловатый мужикъ показался изъ-за телѣги и подошелъ къ нему.

— Что, баринъ,—заговорилъ онъ не снимая шапки,—посмотрѣть бы вамъ моихъ лошадокъ—въ Дѣвичью слободу на ярмонку продавать ведемъ. Можно сказать первый сортъ лошадки.

Володя остановился какъ вкопанный. Голосъ мужика показался ему знакомымъ.

— Не узнали, батюшка?—продолжалъ тотъ засмѣявшись,—видно теперь нарядился получше, чѣмъ въ тотъ разъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ невзрачный мужикъ, въ поношенномъ кафтанѣ, съ жидкою рыжею бородкой совсѣмъ уже не походилъ на Льва Нерадовича. На этотъ разъ встрѣча съ нимъ не особенно порадовала Володю.

— Никто бы не узналъ васъ въ этомъ костюмѣ,— сказалъ онъ слегка запинаясь и видимо сконфуженный.—Какъ же вы это сюда на постоялый дворъ попали?

Нерадовичъ бережно оглянулся—на дворѣ все еще не было никого.

— Да вотъ собираюсь въ ваши края,—отвѣтилъ онъ понизивъ голосъ.—Изъ города пора убираться; здѣсь не совсѣмъ безопасно.

— Вы уже стало быть теперь не купецъ Аладьинъ?— спросилъ опять Володя, у котораго сильно сказывалось желаніе поскорѣе отдѣлаться отъ непрошеннаго собесѣдника.

— Купецъ Аладьинъ уѣхалъ съ пароходомъ въ Симбирскъ,—беззвучно засмѣялся Нерадовичъ,—а предъ вами теперь хвалынскій крестьянинъ Ефимъ Петровъ. Не мѣшаетъ вамъ это припомнить. Мы съ вами еще увидимся. А поставилъ я сюда лошадокъ потому, что зналъ, что вы сюда зайдете.

— Вотъ какъ!—вырвалось у Володи, вовсе непольщеннаго этимъ стараніемъ Нерадовича съ нимъ встрѣтиться.

— Да-съ. Повидать васъ нужно было, чтобы вручить вамъ небольшое посланьице къ уважаемой вашей кузинѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ,—и Нерадовичъ досталъ изъ-за пазухи тщательно заклеенный конвертъ. Насмѣшливая искра показалась въ его небольшихъ пронзительныхъ глазахъ.—Могу надѣяться, что сегодня же передадите по назначенію? Что дѣлать, приходится васъ безпокоить. Для нашей корреспонденціи надо случаемъ пользоваться.

— Давайте,—сказалъ Володя, живо схватывая письмо, хотя въ то же время глаза его избѣгали взгляда Нерадовича и краска смущенія показалась на его лицѣ.

Въ корридорѣ за дверью послышались чьи-то шаги, и Нерадовичъ поспѣшно отошелъ къ своей телѣгѣ, а Володя, отыскавъ кучера, приказалъ ему запрягать и привезти тарантасъ къ Петербургской гостинницѣ.

На пути туда молодого человѣка нагналъ ѣхавшій на извозчикѣ Боровской.

— Владиміръ Алексѣичъ!—остановилъ его прокуроръ.—Вы домой? Не можете ли вы меня съ собой захватить въ Бѣлые Столбы? Моихъ лошадей взялъ слѣдователь, а здѣсь сегодня такой съѣздъ, что достать негдѣ.

Володя разумѣется согласился. Но когда онъ усѣлся въ тарантасѣ рядомъ съ Николаемъ Осиповичемъ, какая-то странная тревога охватила его при мысли о порученіи, которое онъ волей-неволей взялся исполнить. Володѣ казалось, что зоркій взглядъ Боровского проникаетъ сквозь его пальто, и письмо Нерадовича, спрятанное въ карманѣ жилета, почти жгло его. Онъ дорого бы далъ, кабы могъ теперь порвать всякую связь съ этимъ загадочнымъ человѣкомъ,—такъ жутко ему было отъ сознанія, что ему пришлось стать невольнымъ пособникомъ темныхъ дѣяній Нерадовича.

Николай Осиповичъ, однако, въ эту минуту вовсе не думалъ ни о своемъ молодомъ спутникѣ, ни даже о своихъ прокурорскихъ обязанностяхъ. Совсѣмъ иныя заботы были у него теперь на душѣ. Онъ ѣхалъ въ Бѣлые Столбы затѣмъ, чтобы сдѣлать предложеніе Надѣ Ольшевской. Долго онъ не хотѣлъ признаваться себѣ въ чувствѣ, которое все болѣе овладѣвало имъ при встрѣчахъ съ молодою дѣвушкой. Сперва онъ даже и не допускалъ существованія такого чувства. Развѣ любовь могла заглянуть въ его честолюбивое сердце? Развѣ могъ онъ Боровской, чья жизнь вся была отдана одной суровой задачѣ, увлечься какъ юноша? И одна мысль о такой возможности возбуждала въ немъ почти презрительное чувство. А между тѣмъ, незамѣтно для него, молодая дѣвушка, сама того не подозрѣвая, овладѣвала всѣмъ его существомъ, покоряла себѣ его умъ. Но когда онъ понялъ, что насмѣшки его надъ собой безсильны, что есть на свѣтѣ чувство, предъ которымъ не устоять никакому честолюбію, онъ тотчасъ разомъ отдался этому чувству, и незнакомая ему до того ра-

дость съ той же минуты охватила его сердце. Именно потому, что такимъ безразсудствомъ казалась ему женитьба на небогатой дѣвушкѣ, принадлежавшей къ той средѣ, къ которой онъ до того относился съ такимъ презрѣніемъ, онъ страстно теперь захотѣлъ этой женитьбы. Она была для него первою вполнѣ безкорыстною мечтой въ его жизни, и мечта эта казалась ему чѣмъ-то въ родѣ искупленія.

Въ Бѣлыхъ Столбахъ Боровской и Володя застали Анну Григорьевну на террасѣ вдвоемъ съ Петромъ Николаевичемъ; и хотя сановникъ провелъ съ нею всего нѣсколько часовъ, она уже явно тяготилась его присутствіемъ. Петръ Николаевичъ успѣлъ уже задѣть въ ней обидчивое самолюбіе хозяйки. Онъ жаловался и на пыльную дорогу, и на слѣпней, не дававшихъ покоя, и на жаръ и въ то же время на сквозной вѣтеръ въ гостинной. Мѣстность онъ сравнивалъ съ грязною не то желтою, не то сѣрою скатертью. Очень ужъ видно избаловали его живописные берега Финскаго залива. Наконецъ,—и это было всего хуже,—отъ ботвиньи съ осетриной и отъ грибовъ подъ сметаной Петръ Николаевичъ отвернулся съ ужасомъ. Словомъ, между нимъ и обстановкой Бѣлыхъ Столбовъ разладъ оказался полный.

Не мудренно, что пріѣздъ Боровского обрадовалъ Анну Григорьевну, въ особенности когда она узнала цѣль этого пріѣзда. Надя съ самаго обѣда ушла въ лѣсъ—она поспѣшила укрыться отъ генеральскихъ шуточекъ Петра Николаевича,—и въ ожиданіи ея возвращенія, Анна Григорьевна увела Боровского въ свой кабинетъ,—комнату, въ которую допускались только родные, да дворецкій Терентій и старая ключница Анисья. Здѣсь, не скрывая своей радости, она выслушала признаніе Боровского, и Николай Осиповичъ послѣ очень многихъ годовъ почувствовалъ давно незнакомый ему приливъ смущенной робости, пока онъ не спѣша, съ трудомъ подыскивая слова, говорилъ ей о своемъ желаніи стать мужемъ Нади.

— Ну, Христосъ съ вами, — сказала Анна Григорьевна видимо тронутая, — берегите ее и защищайте какъ я ее берегла и защищала. — Слезы блеснули на глазахъ старушки. — Она вѣдь у меня добрая дѣвушка, хоть и есть въ ней этотъ шальной и непокорный духъ. Будьте къ ней всегда снисходительны. Ну, да не мнѣ васъ учить. Коли вы съ нею слюбились, значитъ поняли другъ друга.

Когда въ саду изъ-за кустовъ показалось голубое платье молодой дѣвушки, Боровской поспѣшилъ къ ней, и оба они снова исчезли за деревьями. Анна Григорьевна тотчасъ же подѣлилась радостнымъ извѣстіемъ съ Петромъ Николаевичемъ и Володей. Ее поразило, что сынъ, изумленный этою новостью, повидимому вовсе не отозвался на ея счастливое настроеніе.

— Не знаю, право, мама, — сказалъ онъ покачавъ головой, — только мнѣ сдается, что вы слишкомъ торопитесь радоваться. Болѣе опредѣленнаго отвѣта она отъ Володи не добилась.

Надя и Боровской что-то ужъ очень долго не возвращались. Прошло цѣлыхъ два часа, а они все-таки не показывались. Наконецъ Анну Григорьевну взяло нетерпѣніе и она позвонила Терентія.

— Николай Осиповичъ вотъ уже съ полчаса какъ уѣхать изволили-съ, — доложилъ старикъ съ неизмѣннымъ равнодушіемъ въ голосѣ.

— Какъ? уѣхалъ! — съ изумленіемъ воскликнула Анна Григорьевна.

— Они изволили просить, — все также спокойно объяснилъ Терентій, — чтобъ имъ какой - нибудь экипажъ дали въ городъ ихъ довезти. Яковъ и распорядился; буланаго мерина запрегли имъ въ телѣжку.

— Въ телѣжку? для Николая Осиповича телѣжку! — Краска бросилась въ лицо старушки. — Да какъ же это можно! Коляску бы заложили.

— Этого ужъ не могу знать, — былъ отвѣтъ Терентія.

— А гдѣ Надежда Сергѣевна?

— Къ себѣ на верхъ изволили пройти-съ.

Анна Григорьевна тотчасъ же, забывъ про свои года, поспѣшила на верхъ къ Надѣ. Дверь въ комнату была заперта, и ей долго пришлось стучаться, пока ей отворила молодая дѣвушка.

— Что это значитъ?—заговорила Анна Григорьевна, гнѣвно и тревожно;—отчего уѣхалъ Боровской, ни съ кѣмъ не простившись?

Надя отвѣтила не сразу. Ея щеки пылали и большого труда, повидимому, ей стоило передать теткѣ про то, что случилось. Нехотя и отрывисто она сказала ей, что Боровской сдѣлалъ ей предложеніе и она отвѣтила ему, что ни теперь, ни послѣ, она не можетъ стать его женой.

— Да отчего же? ты съ ума сошла?—съ возрастающимъ гнѣвомъ продолжала ее разспрашивать тетка.— Ты отъ своего счастья отворачиваешься.

— Ахъ, тетушка, объ одномъ васъ прошу, оставьте меня, не мучьте меня этими вопросами!

Болѣе яснаго отвѣта, Анна Григорьевна, такъ отъ нея и не получила. Она сошла внизъ совершенно растерянная. Петръ Николаевичъ только развелъ руками, услыхавъ, что Надя отказала Боровскому.

— Дѣвчонка бѣлены объѣлась!—рѣзко произнесъ онъ. Я говорилъ вамъ, что добра отъ нея вы не дождетесь.

Одинъ только Володя не былъ удивленъ.

— Я предвидѣлъ это. Она Дмитрія полюбила, вотъ что,—отвѣтилъ молодой человѣкъ на гнѣвные разспросы матери.

— Дмитрія? Не можетъ быть!—воскликнула она негодующимъ голосомъ.—Да, вѣдь, они вѣчно ссорились...

— Ссорились, а потомъ и помирились,—сказалъ Володя, на этотъ разъ выказывая несвойственную ему проницательность.

Этого Анна Григорьевна не ожидала. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ въ ея домѣ поселилась Надя, недоброе, почти враждебное чувство къ молодой дѣвушкѣ сказалось въ душѣ старушки.

— Позвольте, мама, я пойду къ Надѣ и переговорю съ ней,—предложилъ Володя.

— Да, да, пойди ты! Я не въ состояніи теперь говорить съ ней спокойно.

Услыхавъ голосъ Володи, молодая дѣвушка тотчасъ ему отворила. Передъ нимъ, почему-то ей казалось, легче признаваться, хотя разговоръ съ Боровскимъ, повидимому, оставилъ въ ея сердцѣ все еще неулегшееся волненіе. Она сказала Володѣ, какъ ей трудно и тяжело было отвѣчать на порывистыя, почти отчаянныя мольбы Боровского. Этотъ человѣкъ возбуждалъ въ ней непонятную для нея самой тревогу, и она съ усиліемъ подыскивала слова, чтобы мягче, примирительнѣе выразить свой отказъ. Но ей не удалось это. Боровской выслушалъ ее съ плохо сдержаннымъ бѣшенствомъ.

— Я, вы знаете, Володя, не пуглива, — заключила она,—а мнѣ почти страшно стало отъ того, что я прочла въ его глазахъ. Это былъ даже не гнѣвъ, не разочарованіе, а какая-то холодная, мстительная ненависть. Я до сихъ поръ не могу успокоиться.

— А мнѣ, Надя, приходится вамъ сообщить еще неожиданную новость. Я въ городѣ встрѣтился съ Нерадовичемъ. Представьте себѣ, онъ поджидалъ меня на постояломъ дворѣ, переодѣтый мужикомъ, и потребовалъ отъ меня, чтобъ я вамъ непремѣнно передалъ сегодня же вотъ эту записку.

При одномъ имени Нерадовича молодая дѣвушка поблѣднѣла, какъ полотно. Она почти безсознательно взяла изъ рукъ Володи конвертъ и стояла безмолвно, слушая его разсказъ, слова котораго доходили до нея лишь какъ безсвязные звуки.

— Оставьте меня теперь, — вполголоса проговорила она, тщетно стараясь побороть свое волненіе.—Я должна все это сообразить, прочесть его письмо... Ахъ, Володя, не знаю, отчего мнѣ такъ тяжело; какъ будто намъ всѣмъ грозитъ какая-то бѣда.

Едва вышелъ изъ комнаты Володя, Надя дрожащими

пальцами распечатала записку. Вотъ что она прочла: „Не знаю, Надежда Сергѣевна, порадуетъ ли васъ это извѣстіе,—только сегодня же, я поселяюсь въ вашихъ краяхъ. Сдается мнѣ, что не обрадуетъ, да дѣлать нечего, придется вамъ со мной повидаться. Вы знаете, отъ насъ отдѣлаться не легко, да я и предупреждалъ васъ—помните, въ тотъ вечеръ, когда вы такъ упрашивали меня принять васъ въ наше „сообщество“, ну и пришла вамъ теперь пора на дѣлѣ доказать свою вѣрность. Мы ждать не можемъ, и сегодня же вечеромъ вы отъ меня узнаете, какого содѣйствія мы отъ васъ потребуемъ. Съ половины двѣнадцатаго, я буду ждать васъ у Ѳедотовой пасѣки—вы видите, что мѣстность я знаю не дурно. Когда у васъ въ залѣ всѣ улягутся, поставьте себѣ въ трудъ эту маленькую прогулку. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что не прожду васъ напрасно. Вы хорошо знаете, что руки у насъ длинныя, да и мѣткія тоже, а коли у васъ есть тамъ за кого бояться, вы непремѣнно придете. За себя, я знаю, вы не трусите. Стало быть: до скораго свиданія“.

Подписи не было. У нея руки опустились. Какое-то незнакомое изнеможеніе овладѣло ею. Должно быть впечатлѣнія этого вечера одно за другимъ слишкомъ уже потрясли ея нервы. Не было у нея на этотъ разъ той быстрой рѣшимости, какую всегда вызывало въ ней всякое затруднительное положеніе.

Что ей было дѣлать? Идти къ этому человѣку и вновь подчиниться его власти, или нѣтъ—прямо высказать ему, что она этой власти уже не признаетъ, что она стряхиваетъ ее съ себя. Да развѣ она могла такъ поступить? Развѣ она не связана даннымъ словомъ? не передъ Нерадовичемъ только связана, а передъ тѣмъ дѣломъ, за которое взялась стоять?

А если она не пойдетъ? Развѣ это слово обязывало ее рабски подчиняться всякому приказанію человѣка, котораго она давно перестала уважать? а что, если она тогда накличетъ бѣду на пріютившую ее семью? Только

повидавшись съ Нерадовичемъ она можетъ узнать, что замышляетъ онъ.

XII.

У Елены Михайловны Томилинъ и Дмитрій застали Бориса Сокольницкаго, успѣвшаго ихъ обогнать на ямщицкой тройкѣ. Графъ оживленно разсказывалъ Еленѣ про выборы, представляя ихъ въ самомъ комическомъ видѣ. Она, однако, слушала разсѣянно, а когда вошелъ Дмитрій, разсѣянность превратилась въ нетерпѣніе. Сокольницкій давно подмѣтилъ благосклонность своей кузины къ Дмитрію, и слегка насмѣшливо улыбнувшись, тотчасъ прервалъ свой разсказъ и усердно занялся Женичкой. Но и здѣсь, на этотъ разъ, онъ потерпѣлъ неудачу. Молодая дѣвушка очень равнодушно внимала его любезностямъ, и когда послѣ обѣда все общество отправилось въ садъ, она взяла подъ руку Томилина, и съ необыкновенною серьезностью принялась его разспрашивать насчетъ того, что происходило на выборахъ. Ее, повидимому, очень интересовали всѣ подробности этого великаго событія и, хотя она ни разу не упомянула про Володю, Томилинъ догадался, что собственно возбуждало ея любопытство.

— Знаете, что мнѣ въ голову пришло сегодня?— сказалъ онъ улыбаясь.—Нашъ общій другъ, Владиміръ Алексѣевичъ, будетъ современемъ предводителемъ хоть куда. Онъ успѣлъ уже пріобрѣсти несомнѣнную популярность.

— Право?—отвѣтила она съ притворнымъ равнодушіемъ, и почувствовавъ, что краска стала заливать ея щечки, Женичка опустила голову и принялась внимательно чертить зонтикомъ какія-то каракули на пескѣ дорожки.

Томилинъ уѣхалъ не дождавшись чаю. Сокольницкій рано ушелъ въ отведенную ему комнату, увѣряя, что у него разболѣлась голова. Онъ собирался прогостить у

кузины нѣсколько дней. Послѣ чая, который Женичка разливала въ маленькой угловой гостиной, Дмитрій тоже хотѣлъ вернуться къ себѣ.—Володя ему прислалъ изъ Бѣлыхъ Столбовъ верховую лошадь, но Елена его удержала.—Женичка объявила, что ей хочется поиграть на роялѣ и тотчасъ скрылась. Дмитрій и Елена остались вдвоемъ. Изъ залы доносились звуки Бетховенской Sonate Pathétique, бойко и отчетливо разыгрываемой быстрыми пальчиками Женички.

— Ну что-жь, вы полюбовались сегодня на цвѣтъ уѣзднаго общества? сказала Елена, усаживаясь на кушетку въ углу гостиной.—Вы что-то кажется не привезли съ собой особенно веселыхъ впечатлѣній.

Дмитрій сталъ увѣрять ее, что каковы бы ни были люди, изъ-за нихъ онъ къ дѣлу не охладѣетъ.

— Я веселыхъ впечатлѣній и не ожидалъ,—добавилъ онъ усаживаясь на стулѣ возлѣ нея.—Да и не изъ тѣхъ я, кто легко разочаровывается и бросаетъ начатое.

— И вы такъ и рѣшились утопить себя и свои способности въ провинціальномъ болотѣ?—продолжала она съ укоромъ.—А я имѣю для васъ извѣстіе изъ Петербурга. Вчера я получила отвѣтъ Чистопольскаго. Онъ пишетъ, что съ готовностью приметъ васъ къ себѣ въ министерство и дастъ вамъ ходъ... Вотъ посмотрите— и она достала изъ письменнаго столика листъ плотной какъ пергаментъ бумаги, исписанный красивымъ, но далеко не четкимъ почеркомъ, настоящимъ почеркомъ государственнаго человѣка.—Вотъ что онъ пишетъ—и она прочла кудрявую французскую фразу: „malgré la supérfétation dont soufrent tous les emplois, malgré cette pléthore administrative, il y a toujours place pour une capacité que vous recommandez“.—И онъ вамъ сразу предлагаетъ мѣсто вице-директора.

Дмитрій покачалъ головой.

— Я упрямъ, Елена Михайловна,—сказалъ онъ.—Разочаровываюсь я не легко, это правда; но за то когда

разочарованіе наступило, я не возвращаюсь никогда на оставленную дорогу.

— Въ самомъ дѣлѣ?—улыбнулась она, и въ ея темныхъ глазахъ словно блеснула какая-то загадочная недосказанная мысль.

Понялъ ли Дмитрій этотъ намекъ или нѣтъ, только ему показалось, что непремѣнно слѣдуетъ высказать ей, какъ цѣнитъ онъ ея заботы о его будущности. Въ отношеніи къ ней, по крайней мѣрѣ, онъ измѣнилъ своему правилу и вернулся на старый путь, убѣдившись, что покинулъ его лишь вслѣдствіе недоразумѣнія.

— Вы конечно обвиняете меня въ честолюбіи,—продолжала она, и голосъ ея становился все мягче, словно ласка слышалась въ немъ. — Можетъ-быть вы правы. Но вѣдь вамъ, женщинамъ, приходится быть честолюбивыми не за себя. А мнѣ, у которой нѣтъ семьи, такъ приходится и подавно.

Она встала и подошла къ открытому окну.

— Вы не станете меня упрекать за то, я думаю, что свое честолюбіе я перенесла на васъ,—добавила она шутя, и взглядъ ея скользнулъ по немъ, а затѣмъ ушелъ въ глубь потемнѣвшаго сада.

Душистая ночь широкою волной вливалась въ полуосвѣщенную комнату. Садъ весь былъ наполненъ прянымъ запахомъ отцвѣтавшихъ липъ. Она оперлась на подоконникъ и залюбовалась ночью.

— Видите, Елена Михайловна, — медленно отвѣтилъ онъ,—я боюсь какъ бы не потратили напрасно время посвященное моей будущей карьерѣ. Неужели мы съ вами не можемъ найти иной точки соприкосновенія, иного общаго интереса, кромѣ этой несносной политики? Давайте-ка лучше вмѣстѣ природой любоваться...

— Звѣзды на небѣ вмѣстѣ считать, — засмѣялась она перебивая его.

— Да,—продолжалъ онъ, тоже подходя къ окну,—это будетъ конечно лучше, чѣмъ мечтать о нихъ для своего мундира. Такая ночь—это общее для всѣхъ и всѣмъ

понятное наслажденіе. Ахъ, Елена Михайловна, еслибы можно было для всѣхъ насъ надолго,—навсегда вѣдь нельзя,—вычеркнуть изъ жизни всѣ политическія, а въ особенности же всѣ служебныя заботы! Вамъ не сдается иногда, что сюда въ нашу степь не доходитъ вовсе волны этой нелѣпой общественной жизни и можно, коли захочешь, совсѣмъ не слышать ихъ отдаленнаго шума; а такъ хорошо окунуться въ эту тишину?

Она покачала головой и разсмѣялась.

— Нѣтъ, я не охотница до такого ужъ слишкомъ невозмутимаго спокойствія. Да и вы на себя клевещете—вамъ тоже жизни и движенія хочется. А вотъ эта тишина — и она движеніемъ головы указала на садъ — совсѣмъ иное дѣло, — она, конечно, не наскучитъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ихъ будто охватило теперь ощущеніе той полной, широкой тишины, какая бываетъ только въ деревнѣ ночью. Звуки рояли умолкли: Женичка ушла къ себѣ на верхъ. Еленѣ даже немного жутко стало отъ этого сознанія одиночества съ Дмитріемъ среди глубокаго молчанія сада и дома. Ознобъ почему-то у нея пробѣжалъ по спинѣ.

Невольно они заговорили въ полголоса, словно боясь, чтобъ ихъ не подслушала сама безмолвная ночь. Они стояли такъ близко, что плечи ихъ касались. По его щекѣ пробѣгало ея дыханіе. Какое-то странное опьяненіе овладѣвало имъ, что-то давящее, похожее на усталость и въ то же время возбуждающее, какъ искристое вино. Онъ будто не слышалъ даже того, что говорила Елена; ея слова вызывали въ немъ неопредѣленное ласкающее ощущеніе, совсѣмъ не похожее на ихъ дѣйствительный смыслъ. „Не въ нихъ, не въ этихъ словахъ настоящая суть“, чувствовалъ онъ смутно; „есть въ нихъ что-то иное, чего не договариваетъ она, но что оба мы понимаемъ, и такъ хорошо и сладко намъ это понимать.“

Вдругъ она вся выпрямилась и быстрымъ движе-

ніемъ отдалилась отъ окна. Дмитрій удивленно посмотрѣлъ на нее.

— У меня голова разболѣлась,—сказала она опускаясь на кушетку.—Отъ этого душистаго воздуха, должно-быть.—И слабая улыбка показалась у нея на губахъ.

Онъ стоялъ передъ ней, не рѣшаясь снова заговорить. Онъ не находилъ словъ для того, что просилось ему на языкъ.

— Вамъ не кажется, Дмитрій,—начала она въ полголоса,—какъ оно кажется мнѣ, что мы съ вами теперь совершенно такіе же опять, какъ тогда въ Москвѣ, когда мы, помните, встрѣчались по вечерамъ у вашей кузины?

Эти немногія слова разогнали смущеніе, сковавшее ему языкъ.

— Да, да, мы совершенно такіе же,—радостно отвѣтилъ онъ,—и мнѣ такъ хорошо чувствовать, что вы все та же прежняя Елена...

И въ самомъ дѣлѣ, ему теперь казалось, что десять лѣтъ съ тѣхъ поръ прошли какъ сонъ, и что сна этого нѣтъ уже болѣе... Но пробужденіе все-таки не походило на то, что между ними было прежде. Теперь онъ чувствовалъ очаровательную близость прелестной женщины, приводившую въ движеніе всю его кровь. Это не была уже та дѣвушка, чистая и строгая, которой онъ поклонялся тогда съ пламенною, но чистою любовью. Теперь ея созрѣвшая красота вызывала въ немъ иныя, болѣе тревожныя мечты...

Онъ самъ не зналъ, какъ онъ очутился совершенно рядомъ съ нею, и безсвязныя, страстныя рѣчи сорвались съ его губъ. Она молча и покорно его заслушалась, и голова ея медленно опустилась къ нему на плечо. Онъ обхватилъ ея станъ обѣими руками и притянулъ ее еще ближе къ себѣ. Она ему непротивилась.

— Елена, Елена... ты моя... моя...—шепталъ онъ, цѣлуя ея горячія губы.

Но вдругъ онъ почувствовалъ, будто въ его рукахъ

не живая, отдавшаяся ему, женщина, а мраморная статуя. Елена не старалась высвободиться изъ его объятій, она только приподняла голову и ея глаза неподвижно съ испугомъ остановились на немъ. Она оледенѣла, и страстной за мигъ предъ тѣмъ женщины словно не стало.

— Елена... что съ вами?...—проговорилъ онъ, откидываясь назадъ, и голосъ его прозвучалъ почти дико.

Она не отвѣчала. Только руки ея слабымъ движеніемъ будто отстраняли его.

— Что случилось?—съ большимъ еще изумленіемъ спросилъ онъ.

Въ ту самую минуту, когда она покорно отдавалась ему, въ головѣ у нея промелькнула мысль, что она, вѣдь, наканунѣ осуществленія своей мечты, что Дмитрій будетъ ея мужемъ, и что въ одно мгновеніе она можетъ лишиться всего этого, лишиться всѣхъ плодовъ своей долгой стойкости, если не восторжествуетъ надъ искушеніемъ. Разсчетъ до того во всемъ ей сталъ привычкой, что даже и теперь, когда ее охватило страстное упоеніе, голова у нея не закружилась, и разсудокъ тотчасъ вернулъ себѣ надъ нею власть. Елена не была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ отдаваться беззавѣтно, забывъ про все остальное. Она опомнилась на самомъ краю опасности, и ей хватило силы, чтобы не пожертвовать увлеченію тѣмъ, къ чему она такъ осторожно шла съ тѣхъ поръ, какъ снова встрѣтилась съ Дмитріемъ.

Но и онъ протрезвился теперь. Онъ понялъ, что не увлечь ему эту женщину, такъ хорошо владѣющую собой, и у него сказалось неясное еще сознаніе, что ею руководилъ какой-то разсчетъ болѣе сильный, чѣмъ сама любовь. Этого было достаточно, чтобъ осилить вспышку проснувшейся страсти.

Нѣсколько секундъ прошло въ тяжеломъ молчаніи. Елена встала, онъ ея не удерживалъ.

— Простите меня,—проговорилъ онъ глухо, стараясь подавить свое волненіе.

Елена теперь вполнѣ вернула себѣ рѣдко измѣнявшее ей самообладаніе. Она даже попробовала улыбнуться.

— Неужели мы не можемъ съ вами оставаться попрежнему?..—проговорила она, протягивая ему руку...—друзьями,—прибавила она, придавая этому слову какой-то особенный смыслъ.

Онъ едва коснулся ея пальцевъ. Страннымъ показалось ему это холодное пожатіе руки послѣ того, что только-что произошло между ними.

— Прошлаго, Елена Михайловна,—сказалъ онъ съ оттѣнкомъ ироніи,—никогда вполнѣ не вернешь. А теперь,—добавилъ онъ немного погодя,—я думаю, мнѣ пора васъ оставить. Было уже далеко за одиннадцать.

Кровь у него стучала въ вискахъ, когда онъ выходилъ на крыльцо и садился на лошадь. Онъ отдалъ поводья жеребцу и пустилъ его шагомъ. А Елена далеко за полночь не ложилась, перебирая всѣ подробности своего разговора съ Дмитріемъ. Она была довольна собой. Одержанная побѣда стоила ей большого напряженія воли, но за то она знала теперь всю полноту своей власти и надъ Дмитріемъ, и надъ собою. Къ этому торжествующему сознанію примѣшивалось, быть можетъ, и нѣкоторое сожалѣніе. Побѣды рѣдко обходятся безъ слезъ; но, по крайней мѣрѣ, она сумѣла остаться вѣрною себѣ и не пожертвовать будущимъ для минуты забвенія и страсти. Съ этою счастливою мыслью она мирно уснула. Въ одномъ только она ошиблась; выигрываютъ тѣ лишь, кто не боится крупныхъ ставокъ.

XIII.

Звѣздная, безлунная ночь разстилалась надъ степью. Тьма казалась прозрачною, до того былъ чистъ воздухъ и ярко мерцали созвѣздія. Ухо становилось особенно чуткимъ и невольно прислушивалось, точно вотъ-вотъ

что-то непремѣнно прозвучитъ среди непробудной ночи, но слышался только съ необычайною ясностью мѣрный стукъ подковъ о твердый высохшій грунтъ дороги, да изрѣдка лай собаки доносился съ дальняго села. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ среди дубовой заросли налѣво отдѣлялась дорога къ Курмиловскимъ лугамъ, Дмитрій туда повернулъ голову лошади. Ему не хотѣлось ѣхать домой. Онъ не въ силахъ былъ стряхнуть съ себя чувство стыда и тревоги, которое онъ вынесъ изъ Никольскаго. Что-то жгучее до боли было въ этомъ чувствѣ. Оно говорило ему про какую-то затаенную ложь и въ Еленѣ, и въ немъ самомъ. Будто святотатство какое-то случилось и что-то было поругано и разбито. Да; ложь была и въ его горячихъ словахъ, и въ непонятной холодности Елены. Волненіе расходившейся крови онъ принялъ за голосъ воскресшей любви, а она... она, увѣрявшая его, что любовь эта не переставала жить, поборола ее въ себѣ ради одного разсчета.

Теперь онъ ясно понималъ, что случилось съ нею, и какой это былъ мелкій, дрянной разсчетъ; неужели она не знала, что отдавшись ему, она свяжетъ его болѣе тѣсными узами, чѣмъ когда-либо прежде; неужели она могла думать, что онъ... Да какова же была его любовь къ ней, коли минутнаго наслажденія было бы достаточно, чтобы разомъ потушить ее; и Елена говорила, что она все та же прежняя... Теперь, какъ нарочно, во всей своей дѣвственной прелести ярко воскресъ предъ нимъ образъ когда-то любимой дѣвушки, и онъ тоже понялъ теперь, что дѣвушки этой нѣтъ, какъ нѣтъ и не можетъ быть его прежняго чувства.

Любовь, какъ сѣмя, брошенное въ безплодную землю, теряетъ свою жизненную силу: въ сердцѣ ея не вызвать вновь, и то, что является къ ней на смѣну при новой встрѣчѣ съ женщиной, когда-то любимою, такъ же похоже на любовь, какъ на хлѣбный колосъ похожа та сорная трава, которая заглушала зерно въ полѣ. Ему стало невыразимо жаль этой, навсегда исчезнувшей

прежней Елены. Разрывъ съ прошлымъ, со всею молодостью, болѣзненно сказался Дмитрію. Да, онъ обманывалъ себя, какъ она его обманывала. Все это было блѣдное, искусственное отраженіе стараго чувства. Поступокъ его казался ему чѣмъ-то постыднымъ, какимъ-то посягательствомъ на святыню. Развѣ Елена могла быть для него женщиной, какъ всѣ, предметомъ страстнаго чувственнаго влеченія? И какъ не остановился онъ, хотя бы передъ дорогимъ призракомъ своихъ чистыхъ юношескихъ мечтаній?

Какая-то ночная птица, беззвучно взмахивая крыльями, быстро перелетѣла черезъ дорогу. Дмитрій очнулся. Должно быть ужъ очень давно, слишкомъ часъ назадъ, онъ повернулъ къ Курмиловскимъ лугамъ.

Большая Медвѣдица уже опустилась къ краю неба, а между тѣмъ вдоль по дорогѣ шли все тѣ же мелкіе кусты. Лѣсу не было видно. Онъ сбился съ пути. Дмитрій пришпорилъ лошадь, чтобы скорѣе доѣхать до какой-нибудь деревни, но деревня не встрѣчалась; кусты теперь исчезли, потянулись поля, но кругомъ было все то же безлюдье. Дмитрій не зналъ мѣстности, и скакалъ впередъ наудачу. Кончились, въ свою очередь, и поля, и самая дорога затерялась среди кочковатаго луга. Даже въ ночной тьмѣ все казалось голо и пусто вокругъ. Дмитрій въѣхалъ на чуть замѣтное возвышеніе, казавшееся отлогимъ бугромъ среди луга, но бугоръ передъ нимъ разсѣкся надвое и въ разсѣлинѣ снова оказалась дорога, круто спускавшаяся внизъ. Но на этотъ разъ подъ ногами лошади была уже рыхлая глина. Онъ бережно спускался, стараясь во мглѣ разглядѣть путь. „Волга!“—вырвалось у него восклицаніе.

Берегъ тутъ былъ не высокій, но замѣчательно крутой. Неровная тропинка криво сползала по уступу, и черная масса воды, на которой вспыхивало кое-гдѣ слабое отраженіе звѣздъ, текла, какъ казалось, подъ самыми ногами. Рѣка здѣсь, должно быть, образовала колѣно: слѣва глинистый берегъ выступалъ мысомъ, и

острый его уголъ, рѣзко обрисовывался на звѣздномъ сводѣ неба. За этимъ мысомъ все исчезало во мглѣ, а справа широкая лента рѣки, слабо отливая серебристымъ блескомъ, уходила въ темную даль. Рѣка такъ же спала, какъ и берегъ, точно замерли ея ровныя воды, и изрѣдка лишь съ чуть слышнымъ плескомъ слабая волна обливала камень на берегу, или лѣниво ударялась о бортъ стоявшихъ на якорѣ лодокъ.

Тутъ было, конечно, не колѣно рѣки, какъ сначала подумалъ Дмитрій, а одинъ изъ многихъ рыбачьихъ затоновъ. Двѣ большія лодки съ мачтами безъ парусовъ ночевали у берега. Вода не качала ихъ въ своихъ мирныхъ объятіяхъ. Слабая тяга воздуха едва поднимала повисшіе флюгера. Не слышно было ни возни, ни говора на лодкахъ, только одинъ чей-то лѣнивый голосъ въ просонкахъ что-то неясно бормоталъ. „Спросить у нихъ, какое это мѣсто, и какъ отсюда проѣхать домой",—подумалъ Дмитрій и, взявъ лошадь за поводъ, спустился пѣшкомъ къ рѣкѣ.

Два фонаря слабо освѣщали лодки и красноватыми полосами отражались въ водѣ. Одна лодка была пуста, на днѣ ея въ безпорядкѣ лежали какіе-то холщевые мѣшки, да валялись, брошенные въ кучу, овчинные тулупы. На другой, человѣкъ восемь рыбаковъ въ однѣхъ рубахахъ, прикрывшись кафтанами, растянулись, кто вдоль, кто поперекъ. Одинъ только человѣкъ, совсѣмъ уже старикъ, сидѣлъ у борта на доскѣ и чинилъ парусъ; съ нимъ-то и разговаривалъ, сквозь сонъ, лежавшій возлѣ него товарищъ, длинный, косматый дѣтина. Но и его сонъ одолѣлъ совсѣмъ, когда Дмитрій подошелъ къ лодкѣ и окликнулъ рыбаковъ.

Старикъ медленно обернулся къ нему, вовсе не удивившись, казалось, тому, что какому-то барину вздумалось въ глухую полночь, съ лошадью, сойти къ рѣкѣ и разузнать у него про дорогу. Русскій мужикъ рѣдко чему удивляется, а коли онъ старъ, да много на своемъ вѣку бродилъ изъ края въ край, его и подавно ничѣмъ

не удивишь. Старикъ подошелъ къ Дмитрію, пробираясь черезъ спящихъ товарищей и валявшіяся рядомъ съ ними доски да свитки каната.

— Въ Бѣлые Столбы какъ отсюда проѣхать? — съ недоумѣніемъ отозвался онъ на вопросъ Дмитрія и на мигъ какъ бы задумался. — Не знаю, батюшка, вотъ не знаю, мы люди чужіе, съ верховъ пріѣхали сюда, на затонъ. Мѣсто это сняли на двѣ недѣли у купца здѣшняго, Севрюгина, Саввы Никитича — изволите знать? а какъ проѣхать къ вамъ, не могимъ знать.

И старикъ опять призадумался: на видъ онъ былъ совсѣмъ уже дряхлый, сгорбленный и беззубый, только глаза его при свѣтѣ фонаря блестѣли не по старчески.

— А далеко отсюда до города будетъ?—опять спросилъ Дмитрій, думая хотя этимъ опредѣлить, куда онъ заѣхалъ.

— Да будетъ верстъ пятнадцать али и цѣлыхъ двадцать, а мѣсто это Волчьимъ затономъ прозывается.

— Пятнадцать верстъ,—опять началъ Дмитрій,—да ты говоришь, что берегъ здѣсь Севрюгина, стало быть до Черныхъ Хуторовъ не далеко?

— Да, что я, право,—вдругъ что-то вспомнилъ старикъ,—съ нами человѣчекъ есть одинъ изъ здѣшнихъ изъ самыхъ мѣстовъ, онъ вамъ дорогу и укажетъ.

— Эй, дядя Пахомъ,—толкнулъ онъ ногой одного изъ спящихъ,—вставай, дядя Пахомъ, до тебя есть дѣло!

— Чего ты загорланилъ-то?—промычалъ въ носъ проснувшійся дѣтина и приподнялся на локтяхъ.

— Спи ты себѣ тамъ, чего не въ свое дѣло вступаешься,—тихо, но внушительно отвѣтилъ ему старикъ.— Вотъ, батюшка,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Дмитрію,—меня ужъ ко сну не клонитъ. Старъ сталъ, цѣлыя ночи просиживаю, а ребята пусть себѣ спятъ.

Дядя Пахомъ между тѣмъ медленно приподнялся и уставилъ на стараго рыбака съ какимъ-то особенно покойнымъ, довѣрчивымъ выраженіемъ свое худое, по-

чти безбородое лицо. Мужичокъ онъ видно было былъ совсѣмъ плохенькій, въ изодранной рубахѣ, съ котомкой черезъ плечо, да съ ветхими онучами и лаптями на ногахъ.

— Ну, дядя Пахомъ,—сказалъ ему старикъ, — тутъ баринъ есть, дорогу на Черные Хутора спрашиваетъ. Такъ ты можетъ дорогу-то знаешь и барину укажешь.

— Знаю... знаю... какъ не знать,—проговорилъ тотъ все съ тѣмъ же покорнымъ, ласковымъ выраженіемъ, а глаза его между тѣмъ впились въ повѣшенный на мачтѣ фонарь, будто они тамъ силились отыскать разрѣшеніе какой-то мудреной задачи.

— Божій человѣкъ, чудной совсѣмъ,—рекомендовалъ дядю Пахома старикъ.

— Какъ мы позавчера въ Хвалынскомъ были, притащился онъ къ намъ къ лодкамъ и проситъ Христа ради, чтобы мы его съ собой взяли на низъ, отъ угодниковъ говоритъ пришелъ, изъ Воронежа, измаялся весь, гдѣ ему на пароходѣ-то, деньжонокъ грошъ да полушка, а ему въ губернію надоть, говоритъ. И повѣрите ли, батюшка, вѣдь грамотѣ ученъ, книжка съ нимъ есть такая, все намъ вычитывалъ, чудной какъ есть.

— Да ты, Пахомъ, вѣдь здѣшній,—обратился къ нему Дмитрій,—что жъ ты на лодкѣ ночуешь, ты бы къ своимъ пошелъ.

— Нѣтъ, баринъ,—медленно покачалъ головой Пахомъ.—Тебѣ-то я дорогу укажу въ Черные Хутора, а къ своимъ мнѣ не зачѣмъ идти, не туда мой путь лежитъ.

Онъ приподнялся и вылѣзъ изъ лодки; не попросивъ даже у Дмитрія никакой платы за свою услугу, онъ молча повелъ за поводъ лошадь вверхъ по крутому уступу.

— А далеко будетъ до Черныхъ Хуторовъ? — спросилъ Дмитрій, вскакивая въ сѣдло.

— Въ часъ безъ малаго дойдемъ,—отвѣчалъ провод-

никъ и пошелъ впередъ увѣренною, не спѣшною поступью.

Дмитрію захотѣлось поразспросить дядю Пахома.

— Отчего же, братецъ,—началъ онъ,—коли у тебя здѣсь родные, ты къ нимъ не идешь?

Пахомъ отвѣчалъ не сразу. Онъ точно вспоминалъ что-то.

— Нѣтъ у меня родныхъ,—проговорилъ онъ, тяжело вздохнувъ.—А исходить мнѣ еще много приходится.

— Да, вѣдь, ты изъ здѣшнихъ мѣстъ?

— Изъ здѣшнихъ мѣстъ я точно, а все-таки я не здѣшній,—былъ загадочный отвѣтъ Пахома.

— Ты, должно быть, безпаспортный?—спросилъ опять Дмитрій.

Пахомъ слабо засмѣялся и почти съ испугомъ посмотрѣлъ на Дмитрія.

— Напрасно ты, баринъ, меня этимъ словомъ коришь,—сказалъ онъ немного погодя. — Довольно ужъ намаялся я съ полицейскими-то. Добрые люди вотъ меня не разспрашиваютъ, а когда нужда случится кормятъ. Къ угоднику Митрофанію ходилъ поклониться: грѣхи людскіе замаливать, а теперь на Иргизъ въ монастырь иду—тамъ старецъ есть одинъ. Къ нему меня Богъ посылаетъ; такое мнѣ откровеніе было, авось доберусь какъ нибудь.

Пахомъ опять замолкъ, и Дмитрій такъ и не узналъ отъ него, какое ему было откровеніе и зачѣмъ онъ странствуетъ изъ монастыря въ монастырь.

— Только напрасно ты это насчетъ паспорта-то сказалъ,—опять заговорилъ странникъ.—Паспортъ я отъ общества выправилъ настоящій, на три года, значитъ, плакатъ прозывается.

Дмитрій поспѣшилъ его успокоить.

— Я, вѣдь, не полицейскій,—засмѣялся онъ.—Зачѣмъ мнѣ тебя обижать? Ты и за меня помолись. И онъ протянулъ страннику зеленую бумажку.

— Да что ты, баринъ, что ты,—заговорилъ тотъ и

посмотрѣлъ на него въ упоръ.—Да ты словно добрый какой. На что мнѣ столько денегъ, помилуй! Два года я хожу по святой землѣ Русской, а голодать никогда не голодалъ; ну, спасибо тебѣ, можетъ другой попадется поголоднѣе меня—подѣлюсь съ тѣмъ.

— Да, говорятъ, ты грамотѣ ученъ,—опять спросилъ Дмитрій, ожидавшій, что на этотъ разъ старикъ разговорится.—Что же ты маешься, такъ, безъ дѣла?

Пахомъ съ укоромъ покачалъ головой.

— Баринъ, баринъ, маюсь-то я точно маюсь, а какъ ты это говоришь безъ дѣла! Я тебѣ сказалъ, что мнѣ вымолить надо людскіе грѣхи. И было мнѣ откровеніе: „Иди, Пахомъ, молись“, ну, я и иду, пока мнѣ силы Богъ даетъ... А грамотѣ я, точно, знаю, здѣшній баринъ покойникъ меня мальчикомъ въ ученье отдалъ. А потомъ я въ прикащикахъ жилъ подъ Москвой, на фабрикѣ одной когда воля вышла...

— Ну, что-жъ и жилъ бы себѣ припѣваючи,—замѣтилъ Дмитрій.

— То-то, баринъ, припѣваючи!.. Насмотрѣлся я тамъ, въ Москвѣ, какъ припѣваючи люди живутъ. Хозяинъ у насъ былъ такой, что никогда безъ спора людямъ разсчета не дастъ. И все наровитъ штрафъ съ рабочаго взыскать не по божинскому! Онъ меня заставлялъ въ книжкѣ имъ записывать, которые грамотѣ не знали, что онъ на то, да на то обязался. Я ему и говорю, хозяину-то: „Лука Савельичъ, креста на васъ нѣтъ, что вы мнѣ эту неправду писать велите“. Онъ меня и прогналъ, да и обругалъ, что ни на есть хуже.

— А давно это было?

— Лѣтъ съ десятокъ будетъ. Собралъ я свои пожитки и пошелъ съ фабрики въ городъ мѣста искать. Только повстрѣчался мнѣ монахъ одинъ, строгій такой, ряса на немъ ветхая-преветхая, сталъ онъ у меня разспрашивать,—ну, тутъ и было мнѣ чрезъ него откровеніе. Сказалъ онъ мнѣ, что коли я грамотѣ обученъ, великій это даръ Божій, и долженъ я свою науку въ

прокъ пустить—народъ темный учить уму-разуму. И благословилъ онъ меня на подвигъ—по всей Русской землѣ угодниковъ за народъ молить, свои обиды прощать, а когда другой человѣчекъ мнѣ повстрѣчается кого обижаютъ, за того заступаться... и всю онъ мнѣ тогда Христову вѣру открылъ, настоящую православную, какъ Самъ Христосъ на землѣ училъ.

Дмитрія все болѣе интересовали странныя рѣчи Пахома. Въ нихъ слышалось такое удивительное смѣшеніе разнородныхъ понятій, что онъ захотѣлъ добиться отъ него полной исповѣди.

Пахомъ теперь ужъ не дичился его, и, прерываясь отъ времени до времени, продолжалъ свой разсказъ.

— Съ тѣхъ поръ я и сталъ ходить изъ города въ городъ: во всѣхъ святыхъ мѣстахъ перебывалъ, и въ Кіевѣ, и на Соловкахъ, и у Нила Столобенскаго. Въ свою деревню только два раза заходилъ; брата моего общество въ рекрута сдало; онъ, значитъ, хоть и вернулся теперь, а какой ужъ хозяинъ? А мнѣ плакатъ выдали, чтобъ я отъ своей земли, отъ надѣльной отказался. Иди себѣ, значитъ, дуракъ, на всѣ четыре стороны. Дѣтокъ у меня нѣтъ, значитъ и Христосъ съ ней, съ землькой,—пускай другіе владѣютъ.

— А что, ты съ монахомъ тѣмъ не встрѣчался больше?

— Какъ же, въ Кіевѣ опять съ нимъ встрѣтился. И книжекъ разныхъ онъ мнѣ тогда много далъ. По народу заказалъ раздавать. Книжки все божественныя.

Дмитрій слегка усомнился въ божественности книжекъ.

— А!—сказалъ онъ,—а про что же тамъ написано было?

— Да все про то, какъ Христосъ православному народу велѣлъ жить по вѣрѣ, и какъ отъ діавольскаго искушенія пошли въ народѣ неправды разныя и обиды, и по сейчасъ у меня такая книжка имѣется, самая что ни на есть откровенная: *Кто змій и какъ отъ него спа-*

саться прозывается. Сказано тамъ, какъ Христосъ всю землю подѣлилъ народу православно̀му, и заказалъ народу жить въ мирѣ и согласіи, и землей той владѣть сообща, чтобы каждый на землѣ той работалъ и не было ни отъ кого утѣсненій и поборовъ, и какъ потомъ отъ самого отъ діавола пошла смута по народу, и стали отъ него землю отбирать, да и съ той-то, которая осталась, оброки да подати требовать, и придумали тогда утѣснители бумагу эту, что паспортомъ прозывается, и клеймо на нее діавольское наложили, чтобы не смѣлъ никто безъ бумаги той по вольной землѣ православной ходить. Вотъ и заказано мнѣ грѣхъ этотъ великій у святыхъ угодниковъ вымолить, и когда вымолится тотъ грѣхъ, Христосъ царю православному на сердце положитъ,— народу опять всю землю отдать, и придетъ тогда Христово царство на Руси.

Пахомъ опять замолчалъ. Дмитрій уже его не разспрашивалъ; тяжелыя мысли вызвалъ у него разсказъ странника. Какъ самъ Пахомъ безцѣльно скитался изъ края въ край, такъ, казалось Дмитрію, идетъ по всей Руси общее безсознательное скитаніе къ неизвѣстной цѣли. И какъ встрѣчался Пахомъ съ загадочнымъ монахомъ, такъ странно перекрещиваются тайные пути незамѣтныхъ пока и смутныхъ движеній, а куда приведутъ всѣ эти пути,—думалось Дмитрію — къ спасенію, или къ гибели? Куда идешь ты, сама Русь матушка?

— А вотъ и Черные Хутора,—сказалъ Пахомъ, указывая на кучку строеній, неяснымъ пятномъ темнѣвшихъ на косогорѣ.—Теперь, баринъ, тебѣ ужъ не сбиться, отъ Черныхъ Хуторовъ въ лѣсъ дорога одна; ты самъ, баринъ, откуда?

Дмитрій назвался.

— Ну, такъ прямая дорога тебѣ,—продолжалъ странникъ, снявъ шапку,—мимо Ѳедотовой пасѣки, а оттуда до Бѣлыхъ Столбовъ...

— Тамъ я дорогу уже знаю,—перебилъ его Дмитрій и простился съ нимъ.

Пахомъ тою же неторопливою поступью пошелъ назадъ къ Волгѣ, и фигура его скоро слилась со мглой лѣтней ночи, а Дмитрій пустилъ лошадь рысью по направленію къ лѣсу.

XIV.

Ѳедотовою пасѣкой назывался небольшой лѣсной оврагъ, на днѣ котораго чернѣла даже при яркомъ солнцѣ вѣчно мутная лужа. Здѣсь когда-то стояли ульи, и была устроена плотина. Ульевъ давно не было. Только весенняя вода собиралась въ ложбинѣ и не просыхала цѣлое лѣто, да въ народѣ сохранилось почему-то за этимъ мѣстомъ прежнее названіе. Угрюмымъ казалось оно и среди бѣлаго дня, а ночью отъ оврага вѣяло сыростью и холодомъ могилы.

Пропѣли уже вторые пѣтухи, когда Надя собралась въ путь. Въ домѣ въ этотъ день всѣ улеглись поздно. Надя сама не могла бы сказать, какъ и когда она рѣшилась.

Только вдругъ всѣ ея сомнѣнія исчезли, и словно чужая сила повлекла ее за собою помимо ея воли. „Измѣрить опасность,—говорила она себѣ, торопливо спускаясь къ оврагу,—значитъ на половину избѣгнуть ее“. Не о себѣ она думала въ эту минуту, боялась она только за близкихъ; она сама не могла бы объяснить, почему Нерадовичъ ей казался окруженнымъ какимъ-то страшнымъ обаяніемъ, будто на самомъ дѣлѣ въ его рукахъ была непонятная ей таинственная власть. Можетъ быть и до сихъ поръ эта тайна, это обаяніе дѣйствовали на воображеніе Нади, подчиняя себѣ ея волю, и влекли ее на свиданіе съ человѣкомъ, одно имя котораго возбуждало въ ней самыя тяжелыя воспоминанія.

Нерадовичъ ожидалъ ее уже болѣе часа.

— Пришли-таки, — сказалъ онъ, завидѣвъ ее, и голосъ его звучалъ, и увѣренно и насмѣшливо въ то же время. — Я и не сомнѣвался въ томъ, что вы придете.

Онъ пристально въ нее всмотрѣлся своими прищуренными глазами, словно хотѣлъ сперва прочесть на ея лицѣ, какая перемѣна съ ней произошла со дня ихъ послѣдней встрѣчи.

Надя гордо и холодно стояла передъ нимъ, не протягивая руки.

— Я уже слышалъ,—опять началъ онъ,—что вы настоящею барышней стали, живя съ этими степными магнатами. Я вижу, что мнѣ сказали правду. Вы смотрите настоящею герцогиней. Впрочемъ, за вами всегда водилась эта спѣсь...

Надя перебила его съ нетерпѣніемъ:

— Не за тѣмъ, я думаю, вы меня сюда вызвали,—проговорила она рѣзко,—чтобы заставить меня выслушать такія пустыя слова!

— Ай, ай, какая горячность, Надежда Сергѣевна,—принужденно разсмѣялся онъ. — Торопиться намъ незачѣмъ, сюда не придетъ никто,—успѣемъ переговорить о дѣлѣ... Ну-съ, какъ вамъ живется на лонѣ роскоши и досуга, — торжественно добавилъ онъ. — Благодушествовать изволите? Лакомо барское житье?...

Онъ намѣренно старался уколоть ее, чтобы вызвать молодую дѣвушку на рѣзкій отвѣтъ, который бы выдалъ ея дѣйствительное настроеніе; но она осилила въ себѣ гнѣвное чувство, возмущенное его словами. Ей вдругъ припомнилось, что въ покинутой ею средѣ, изъ которой вдругъ, какъ живой укоръ, предсталъ предъ нею этотъ человѣкъ, оставались другіе, недавно еще такъ близкіе ей люди. Ей стало за себя стыдно, что первымъ ея словомъ къ Нерадовичу не былъ вопросъ о сестрѣ.

— Прошлое, стало быть, не совсѣмъ еще вышло изъ памяти, съ тою же ироніей отвѣчалъ ей Нерадовичъ, когда она спрашивала про Сашу и Туманова.—Пока цѣлы всѣ. Могу сказать, что сестра ваша, которую вы всегда считали слабенькою, выказываетъ стойкость, которая не всегда бываетъ у болѣе крѣпкихъ натуръ. Да, да, вѣдь, я знаю, что вы всегда были довольно

низкаго мнѣнія объ Александрѣ Сергѣевнѣ... а вотъ она не сбивается-таки съ пути и ни за что не промѣняетъ нашу трудовую жизнь на барскія сладости, хотя папенька вашъ и обѣщаль ей съ три короба, если она къ нему вернется.

Надя еще разъ заглушила въ себѣ негодующія слова протеста, ей захотѣлось подробнѣе узнать про сестру.

— Особенной опасности пока нѣтъ,—продолжалъ Нерадовичъ.—Въ Москвѣ насъ встревожили, да обошлось дѣло пустяками. Трехъ только взяли, и то не изъ крупныхъ. Мы сперва разбрелись, а потомъ опять слетѣлись понемногу въ старое гнѣздо. Правда не совсѣмъ какъ сыръ въ маслѣ пришлось тамъ кататься, презрѣнный металлъ далеко не всегда въ изобиліи, и сестрица ваша не щеголяетъ въ модныхъ платьяхъ, а случилось два, три раза, что и не ѣла цѣлыя сутки. За то она въ Кіевѣ на одномъ заводѣ шесть недѣль въ поденщицахъ прожила. Конечно, вамъ это должно казаться глупо и смѣшно, потому что гораздо пріятнѣе у богатыхъ тетушекъ въ довольствѣ проживать...

Надю взорвало.

— Вы забываете,—возразила она запальчиво,—какъ вы меня кинули въ Москвѣ, не оставивъ мнѣ даже никакихъ указаній. А за тѣ четыре мѣсяца, которые я провела тамъ съ вами, что за дѣло поручали вы мнѣ и чѣмъ мнѣ отвѣчали, когда я просила себѣ работы?

Нерадовичъ, повидимому, былъ очень доволенъ, что вызвалъ ее на отпоръ.

Какъ мало еще вы меня понимаете, Надежда Сергѣевна, засмѣялся онъ.—Да развѣ я пуританинъ какой и васъ хочу въ монастырь запереть?—живите себѣ какъ душѣ угодно, ходите въ бархатѣ да въ шелку, не въ этомъ суть. Только дураки одни привязываются ко внѣшности, тѣмъ лучше, если побольше нашихъ будетъ жить въ палатахъ, лишь бы въ этихъ палатахъ они не забывались среди пріятностей и комфорта.

— И вы думаете,—съ презрительнымъ негодованіемъ

отозвалась Надя,—что для меня значатъ что-нибудь эти удобства жизни. Хорошо вы меня знаете.

Она стала защищаться, сама того не замѣчая. Нерадовичъ этимъ тотчасъ воспользовался.

— Тѣмъ лучше, если я ошибаюсь,—отвѣчалъ онъ.— Врагъ горами качаетъ, и тотъ кому не страшны геройскіе подвиги, иной разъ поддается самымъ буржуазнымъ искушеніямъ. Но, вѣдь, не словъ намъ нужно, а дѣлъ, коли вы все прежняя, Надя, коли вы не стали измѣнницей.

При этомъ словѣ она выпрямилась.

— Тому, что я считаю истиной,—проговорила она,— я не измѣняла и не измѣню никогда.

Но какъ ни рѣшительны были эти слова, внутренній голосъ подсказывалъ ей, что въ нихъ кроется двусмысленность и недоразумѣніе; и краска бросилась ей въ лицо, отъ сознанія этой неискренности.

Нерадовичъ счелъ, однако, за лучшее не примѣчать, что слова молодой дѣвушки могли быть истолкованы различно.

— Вы можете это доказать, Надя,—продолжалъ онъ задушевно.—Вы всегда у меня просили работы; за вами теперь очередь помочь намъ. Я не поручу вамъ тяжелаго дѣла... Чтобы сказать вамъ про все это, я и вызвалъ васъ сюда, и я увѣренъ,—забудьте мои рѣзкія слова,—что мы можемъ на васъ разсчитывать.

Легкій шелестъ, какъ испуганный говоръ пробѣжалъ по листвѣ осинъ, густо засѣвшихъ по оврагу. Нерадовичъ схватилъ руку молодой дѣвушки въ обѣ свои. Когда онъ выпустилъ ее, она повисла точно безжизненная.

— Чего же вы отъ меня хотите?—проговорила она едва слышно. Она снова чувствовала надъ собой гнетущую власть этого человѣка, олицетворявшаго ея прошлую жизнь. Пока Надя шла на свиданіе съ нимъ, ей казалось что власть эту она стряхнула давно, но теперь, въ его присутствіи невидимыя путы охватывали, будто скручивали ея волю.

— Прежде всего, — отвѣчалъ онъ,—я долженъ объяснить вамъ, зачѣмъ я здѣсь. Для меня давно уже стало ясно, что вся наша пропаганда не приводитъ ни къ чему. Книжки, раздаваемыя на фабрикахъ и въ деревняхъ, бесѣды съ рабочими—все это ребячество и самообольщеніе. Комедія съ переодѣваніемъ, гдѣ наши поступаютъ въ поденщики, ведетъ лишь къ тому, что милые представители меньшей братіи ихъ приколотятъ, да выдадутъ полиціи. Давно ужъ я твержу, что сущее идіотство русскому мужику толковать о правахъ человѣка, о равенствѣ, о всемірной республикѣ и о какой тамъ еще передовой канители: чортъ-ли ему въ равенствѣ да въ республикѣ, очень нужно мужику, чтобы всѣ были равны, когда онъ о томъ только и думаетъ, какъ бы самому разбогатѣть, другихъ надувая. А когда вдобавокъ ему про Бога да Царя заикнешься, онъ того и смотри руки вязать, да маршъ къ сотскому. Дураки мы были, что съ этими глупыми теоріями столько времени провозились.

— Да вы сами кажется, Нерадовичъ, въ эти теоріи не вѣрите?—перебила его Надя.

Онъ желчно засмѣялся.

— Вѣрить! очень нужна тутъ моя вѣра. Выкиньте же изъ своей головы эту романтическую чепуху. Она хороша для гимназистовъ и институтокъ, которыхъ этимъ только и заманить можно.

Нерадовичъ забывалъ, что самъ такъ долго и старательно предъ Надей окрашивалъ романтизмомъ свое ученіе. Въ пылу разговора онъ отрекался теперь отъ лицемѣрнаго поклоненія тому, что въ его глазахъ было лишь идеалистическими побрякушками. А впрочемъ, можетъ быть ему и казалось что Надя умственно окрѣпла и выросла до высоты настоящаго трезваго взгляда на жизнь.

— Народъ, продолжалъ онъ одушевляясь,—что пассивный рычагъ, которымъ мы руководимъ, чтобы поднять имъ вверхъ дномъ наше прогнившее общество, а для

рычага, вы знаете, нужна точка опоры, и не въ либеральномъ пустозвонствѣ, конечно, мы ее найдемъ. Мужикъ однимъ только дорожитъ, за одно только цѣпляется, за землю. Вотъ и надо ему втолковать, что рядомъ съ нимъ живетъ баринъ, у котораго столько же земли сколько у всѣхъ мужиковъ вмѣстѣ, и что отнять ее для него прямая выгода, потому что тогда ея у него будетъ вдвое больше. Это онъ пойметъ, а къ чорту фразы объ отвлеченныхъ правахъ. Очень объ нихъ онъ заботится!

— Значитъ, онъ для васъ все-таки только рабочій скотъ, который вы заманиваете на лучшій кормъ,—воскликнула Надя, и ей тотчасъ пришелъ на умъ Боровской, сравнившій народъ съ дикимъ звѣремъ. И тотъ и другой ничего въ немъ не видѣли, кромѣ животнаго.

Нерадовичъ, должно быть, не замѣтилъ впечатлѣнія, произведеннаго на молодую дѣвушку его словами.

— Эхъ, Надежда Сергѣевна, — возразилъ онъ, — ну, какое вамъ дѣло до того, какъ намъ слѣдуетъ смотрѣть на народъ. Перестаньте же въ немъ искать аркадскихъ пастушковъ. Наше дѣло — суровое дѣло, а не идиллія. Ну-съ, извольте видѣть, въ сихъ благословенныхъ краяхъ, благодаря изобилію въ нихъ даровыхъ надѣловъ, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, мужики стали въ послѣдніе годы все сильнѣе роптать на вздорожаніе земли; я и рѣшился попытать здѣсь счастья, благо тутъ оказалось на лицо человѣчка два-три изъ сочувствующихъ нашему дѣлу. Конечно, я знаю, что второго Пугачева долго еще ждать, но это не бѣда, пускай, коегдѣ, сперва по одиночкѣ, поднимается волненіе; отъ копѣечной свѣчи, вы знаете...

— Да,—съ возрастающимъ негодованіемъ, перебила его Надя,—пускай этихъ мужиковъ усмирять станутъ, и по нашей милости въ Сибирь на поселеніе отправятъ.

— Что дѣлать?—равнодушно пожалъ онъ плечами.— Безъ жертвъ не обходится. Народъ тогда только и всколыхнется порядкомъ, когда ему не въ терпежъ станетъ.

Говорю вамъ: здѣшняя мѣстность подготовлена какъ нельзя лучше. Сѣмена брошены, и даже кое-какіе всходы уже примѣчаются. И какъ разъ ваши Бѣлые Столбы...

Онъ остановился и точно впился въ нее своими жгучими глазами.

— Что жъ, Бѣлые Столбы?—вставила Надя, съ плохо скрытымъ волненіемъ въ голосѣ.

Онъ отвѣчалъ не тотчасъ. Взглядъ его, казалось, проникалъ въ самые сокровенные уголки ея мысли, и опять въ немъ загорѣлась, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ Москвѣ, искра чувства, не имѣющаго ничего общаго съ тою суровою задачей, ради которой онъ перенесъ свою дѣятельность въ Приволжье. Но, должно быть, онъ встрѣтилъ въ ея взглядѣ ту же гордую, непреклонную рѣшимость, которою она его остановила тогда.

— Въ Бѣлыхъ Столбахъ,—продолжалъ онъ, не спуская съ нея глазъ, — мужики болѣе озлоблены, чѣмъ гдѣ-либо. Незачѣмъ вамъ это объяснять, вы сами это знаете. Сынъ тамошняго попа, Василій, меня давно посвятилъ во всѣ подробности. Ну, да и пошлялся я довольно по здѣшнимъ деревнямъ, сумѣлъ-таки въ настоящаго мужика преобразиться и, кажется, не возбудилъ ничьихъ подозрѣній.

— А гдѣ вы живете?—спросила она.

— Тамъ есть человѣчекъ одинъ, у кого я пристроился; да это все равно, вы знаете, я птица перелетная.—Даже ей онъ не хотѣлъ довѣриться вполнѣ. — Когда нужно будетъ, мы съ вами всегда найдемъ возможность сговориться.

— И вы думаете,—возразила она,—что я всякій разъ буду являться на вашъ зовъ!...

Но говоря это, она сама сознавала, что вполнѣ свободно она собою располагать не можетъ.

— Я предупредилъ васъ, — отвѣтилъ онъ, и снова иронія зазвучала въ его голосѣ, — что съ той минуты, какъ вы стали изъ нашихъ, вы уже не принадлежите

себѣ. Помните тотъ вечеръ, когда вы такъ настойчиво требовали отъ меня полной откровенности?

Она не отвѣчала и слегка опустила голову.

Нерадовичъ скрестилъ руки и будто выросъ передъ нею въ эту минуту.

— Вы будете приходить сюда, когда я этого потребую,—сказалъ онъ повелительно.—Пока я вамъ не даю никакихъ порученій: у насъ идетъ подготовительная работа, и нельзя напередъ разсчитать день, когда тронется этотъ народецъ...

— Да что же вы затѣяли, Нерадовичъ? — съ безпокойствомъ спросила она.

Онъ снова недовѣрчиво всмотрѣлся въ нее.

— Да вы, въ самомъ дѣлѣ, что ли, боитесь за этихъ Корецкихъ? Какая трогательная благодарность за то, что богатая тетка пріютила васъ въ своихъ хоромахъ на нѣсколько мѣсяцевъ! Это ли ваша готовность идти вслѣдъ за нами, куда бы мы ни пошли. Вы просили работы въ Москвѣ, а теперь, когда мы имѣемъ въ васъ нужду, у васъ возникаютъ деликатныя сомнѣнія?

Кровь у нея прилила къ лицу; негодованіе и стыдъ боролись въ ея сердцѣ, и воля ея не находила исхода, что могла она ему отвѣтить? О, еслибъ отъ нея зависѣло порвать тотчасъ съ этимъ ненавистнымъ человѣкомъ? Какъ бы недвусмысленно тогда заговорила ея совѣсть, какъ бы рѣшительно повлекла она ее на сторону тѣхъ, кому онъ угрожалъ.

— Я не хочу допустить, чтобъ это было такъ,—заговорилъ онъ мягко и примирительно.—Вы не захотѣли бы нарушить данное слово, если бы вы даже могли это сдѣлать. Да и чего я требую отъ васъ? того только, чтобы вы мнѣ передавали, что будетъ дѣлаться и говориться у Корецкихъ, чтобы вы были, такъ сказать, нашимъ союзникомъ въ непріятельскомъ лагерѣ.

— То есть,—воскликнула она,—вы хотите, чтобъ я была вашимъ шпіономъ и этимъ отплачивала за гостепріимство!

— Шпіонъ, что за громкія слова! Да бросьте же эту брезгливость, намъ она, повѣрьте, не къ лицу. Да и трагическаго ровно ничего не произойдетъ: русскій мужичокъ развѣ припуститъ краснаго пѣтуха, а до смертоубійства дѣло не доросло пока...

— И вы думаете, что зная это, я могу спокойно жить въ томъ домѣ, хозяевамъ котораго вы угрожаете поджогомъ и, зная это, не предупредить ихъ?

На этотъ разъ голосъ ея прозвучалъ такъ страстно, возмущенное чувство такъ громко въ ней заговорило, что Нерадовичъ уже не сомнѣвался, въ какой мѣрѣ онъ можетъ разсчитывать на молодую дѣвушку.

— Теперь поздно колебаться, Надежда Сергѣевна,— и угроза читалась на его лицѣ, хотя голосъ звучалъ ровно и низко. — Или, можетъ быть, въ васъ говоритъ иное чувство, которое для женщины сильнѣе всѣхъ остальныхъ, тогда, конечно, я съ вами теряю слова, но знайте одно, что за вашу измѣну будетъ отвѣчать намъ тотъ, кто вамъ дорогъ. И если мои подозрѣнія оправдаются...—Онъ остановился, услыхавъ отдаленный топотъ лошади. — Кто-то ѣдетъ сюда по дорогѣ изъ Черныхъ Хуторовъ,—проговорилъ онъ.—И это не мужицкая кляча: тѣ не бѣгутъ такою рысью. Стало быть приходится убираться отсюда; до свиданія, Надежда Сергѣевна, совѣтую вамъ обдумать то, что я вамъ сказалъ.

Нерадовичъ скрылся за деревьями, бережно наступая на сухіе листья, слабо хрустѣвшіе подъ его осторожными шагами.

Молодая дѣвушка осталась на мѣстѣ, какъ вкопаная, голова у нея шла кругомъ. Она повела рукой по горячему лбу, какъ бы стараясь опомниться и собраться съ мыслями, но она не въ силахъ была подавить бурныя нестройныя ощущенія, овладѣвшія ею, найти исходъ изъ ихъ грозныхъ противорѣчій. Она шла на свиданіе съ Нерадовичемъ въ полной увѣренности, что сумѣетъ отстоять предъ нимъ свою независимость, что ей удастся разгадать его намѣренія, — и что же? своихъ настоя-

щихъ плановъ онъ ей не выдалъ, но за то она болѣе, чѣмъ когда-либо, была его плѣнницей, и не его только, но плѣнницей собственнаго опрометчиваго слова. Ей оставалось лишь стать его пособницей, либо открыться во всемъ предъ Корецкими и выдать имъ своего бывшаго учителя.— Иного выбора не было. Она должна сдѣлаться доносчицей, или принести въ жертву тѣхъ, для которыхъ, вѣдь, она сама готова была пожертвовать собой. Все было мрачно вокругъ нея, и сознаніе полной безпомощности овладѣло ею. Развѣ даже для Корецкихъ, развѣ даже для самого Дмитрія она могла погубить человѣка, въ чьихъ рукахъ были всѣ нити движенія, которому она прежде добровольно отдалась всею душой?

Надя вдругъ вскрикнула, увидавъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Дмитрія. Онъ круто осадилъ лошадь.

— Какъ! вы здѣсь? въ эту пору?—почти дикимъ голосомъ воскликнулъ онъ, узнавъ Надю.—Зачѣмъ вы здѣсь, что вы здѣсь дѣлаете?—гнѣвно разспрашивалъ онъ ее, будто онъ имѣлъ право требовать отъ нея отчета, и въ то же время онъ тревожно прислушивался къ слабѣвшему звуку раздвигаемыхъ вѣтвей и шаговъ, удалявшихся по мху. Онъ соскочилъ съ лошади и подошелъ къ ней. Страннымъ образомъ, повелительный, негодующій тонъ его словъ не возмущалъ ея. Она чувствовала себя такою виноватою передъ нимъ, что готова была покорно выслушать самый рѣзкій укоръ.

— Да отвѣчайте же мнѣ,—продолжалъ онъ, стиснувъ ей руку,—зачѣмъ застаю я васъ здѣсь въ третьемъ часу ночи, кто тамъ скрывается отъ меня въ чащѣ, съ кѣмъ вы здѣсь были?

Она все молчала, судорожнымъ движеніемъ сдавивъ обѣими руками свои горячіе виски.

— Я требую отъ васъ объясненія!—страстно звучали его отрывистые вопросы. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, почему такой порывъ гнѣва овладѣлъ имъ при видѣ молодой дѣвушки, не обязанной ничѣмъ предъ нимъ,

точно такъ же, какъ она не могла бы сказать, почему ея пылкой строптивости будто не стало передъ этимъ человѣкомъ, казавшимся ей теперь законнымъ судьей ея поступковъ. Слезы вдругъ навернулись на глазахъ Нади... Страшное напряженіе нервовъ послѣ всего прожитаго ею въ эту ночь разрѣшилось безпомощнымъ чувствомъ, отдавшимъ себя подъ защиту или подъ приговоръ Дмитрія.

— Оставьте меня... не спрашивайте... я ничего, ничего не могу сказать,—произнесла она чуть слышно, покрывая обѣими руками щеки, по которымъ слезы катились ручьемъ.

Ему стало невыразимо жаль ее. Видѣть слезы въ ея глазахъ было такъ необычайно, что онѣ тронули его болѣе, чѣмъ чьи-либо иныя слезы.

— Надя, бѣдная моя,—сказалъ онъ съ участіемъ, мнѣ по крайней мѣрѣ, вы можете открыться.

— Вамъ открыться... вамъ... да развѣ я могу?—Она ломала себѣ руки въ отчаяніи.

Если бы предъ нимъ была не Надя Ольшевская, а какая-либо иная дѣвушка, эта неожиданная встрѣча возбудила бы въ немъ странныя подозрѣнія. Но, думалось ему, Надю онъ зналъ слишкомъ хорошо, чтобы допустить мысль о какомъ-нибудь скрытомъ, недостойномъ побужденіи. Она вся была олицетворенная прямота, и если у нея была тайна, то, конечно, уже не краснѣть ей за то приходилось; да она и не краснѣла предъ Дмитріемъ: не стыдъ, а боязнь, боязнь за близкое будущее читалась на ея встревоженномъ лицѣ. Дмитрій продолжалъ, понизивъ голосъ и какъ бы стараясь ободрить ее.

— Этотъ человѣкъ,—онъ причина вашего волненія... да? Онъ, должно быть, имѣетъ надъ вами власть?.. Вѣдь не спроста же вы пошли къ нему сюда въ глухую ночь?..

Она все молчала.

— Не отвѣчайте мнѣ, коли это вамъ трудно... хоть

знакомъ дайте мнѣ понять, что я не ошибаюсь; неужели вы не видите какъ мучитъ меня эта неизвѣстность?

При этихъ словахъ Дмитрія она вдругъ точно встрепенулась. Она не могла даже очистить себя отъ того естественнаго подозрѣнія, которое должно было зародиться въ мысляхъ Дмитрія. Это было хуже всего!

— Думайте обо мнѣ, что хотите,—проговорила она съ усиліемъ,—объяснить я вамъ ничего не могу.

Она высвободила свою руку, которую онъ схватилъ было, и хотѣла отвернуться и отойти отъ него. Дмитрій удержалъ ее.

— Вы меня не поняли, Надя,—сказалъ онъ,—что̀ бы вы ни сдѣлали, хотя бы вы мнѣ и ничего не объясняли, я въ васъ усомниться не въ силахъ, знайте это и знайте также, что довѣрія своего я не бросалъ на вѣтеръ никогда.

Лучъ радости промелькнулъ въ сердцѣ у молодой дѣвушки.

— Мнѣ и упрекать себя не въ чемъ, Дмитрій,—проговорила она тихо.—Вѣрьте этому, если можете вѣрить.

— Да, Надя,—отвѣтилъ онъ горячо,—но если это такъ, и я знаю, что это такъ, то все, что вы отъ меня скрываете, ни что иное, какъ отголосокъ вашей прежней жизни, неволя, отъ которой вы не смѣете освободиться.

У него вдругъ въ мысляхъ промелькнуло имя Нерадовича, про котораго утромъ въ его присутствіи говорилъ Боровской. Онъ слыхалъ кое-что отъ матери про отношенія Нерадовича къ Надѣ. Человѣкъ, бѣжавшій отсюда, подумалъ Дмитрій, и былъ, должно-быть, тотъ самый Нерадовичъ. Тутъ надо дѣйствовать быстро чтобы спасти ее.

— Неволя,—проговорила она почти шепотомъ,—отъ которой не можетъ быть освобожденія.

— Я понимаю,—продолжалъ онъ,—тѣ мнимыя обязанности, которыя вы для себя создали, вы не хотите порвать съ этими людьми, но я васъ выхвачу изъ ихъ власти, даже если вы сами того не захотите.

Она покачала головой, но все-таки ей смутно казалось, что Дмитрій какимъ-то чудомъ вырветъ ее изъ заколдованнаго круга, изъ котораго она сама не знала исхода.

Онъ понялъ, что теперь незачѣмъ настаивать на признаніяхъ съ ея стороны. Да и къ чему признанія? Ключъ у него уже былъ, а тамъ, мало-по-малу онъ сумѣетъ открыть всю опутавшую ее сѣть.

— Не пора ли намъ домой, Надя?—спросилъ онъ уже безо всякой тревоги въ голосѣ. И знаете что, я довезу васъ верхомъ; вы совсѣмъ устали, и дойти до Бѣлыхъ Столбовъ я вамъ не могу позволить.

Она покорно, какъ ребенокъ, дала себя усадить впереди на сѣдло. Да она и была ребенкомъ въ его сильныхъ рукахъ.—Что, вамъ ловко такъ сидѣть?—спросилъ онъ, ласково поправляя складки ея платья и поддерживая ея станъ правою рукой. Она только кивнула головой, и онъ пустилъ лошадь ровною рысью. Теперь, когда она будто совсѣмъ довѣрилась ему, Надя казалась Дмитрію нѣжнымъ, слабымъ существомъ, которое ему суждено оберегать. И это сознаніе покровительства наполняло сердце Дмитрія сладостнымъ чувствомъ, совсѣмъ не похожимъ на то, съ которымъ онъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ уѣзжалъ изъ Никольскаго. Да онъ и забылъ теперь про Никольское; онъ помнилъ только одно, что рука его обнимаетъ дорогое, милое существо. Онъ теперь даже радовался своей странной встрѣчѣ съ Надей, вдругъ сблизившей ихъ, несмотря на то, что между ними осталось такъ много невысказаннаго. На востокѣ уже бѣлѣлъ небосклонъ, когда они подъѣхали къ дому.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Петръ Николаевичъ всталъ необычайно рано. Всю ночь ему не давалъ спать неугомонный лай собакъ на дворѣ, да муха, бившаяся объ окно, да комары, неумолимо пищавшіе вокругъ его ложа. Онъ всунулъ ноги въ вязаныя туфли, накинулъ бархатный халатъ и почувствовалъ усиленный приливъ неудовольствія ото всей этой несносной деревенской обстановки. Онъ подошелъ къ окну и сердито оглянулъ проснувшійся садъ; сѣрое, невеселое утро встало надъ Бѣлыми Столбами. Даже въ іюлѣ такія утра наступаютъ иногда послѣ звѣздныхъ ночей. Петръ Николаевичъ забарабанилъ по окну, не рѣшаясь открыть его—онъ вѣчно боялся простудиться. Онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Въ Петербургѣ зимой и лѣтомъ на дачѣ все такъ хорошо напередъ устроено и разсчитано: въ передней непремѣнно ждутъ просители, да чиновникъ съ докладомъ, и хотя онъ тамъ всегда ворчитъ по поводу этихъ тяжелыхъ обязанностей служебнаго положенія, здѣсь въ деревенской глуши онъ сожалѣлъ объ отсутствіи этой привычной скуки. „Еще бываютъ люди, думалось ему, которые увѣряютъ, что въ деревнѣ-то и есть настоящій отдыхъ и настоящее дѣло, а тутъ, какъ разъ, некуда дѣваться послѣ безсонной ночи!“.

Въ домѣ никто еще не поднимался. Петръ Николаевичъ позвонилъ своего камердинера, умылся и спро-

силъ чаю. Какъ нарочно, на зло ему, едва налилъ онъ себѣ чашку, въ нее ударилась и принялась барахтаться муха, та самая, должно быть, которая надоѣдала ему всю ночь. Онъ разразился громкою бранью, хотя въ комнатѣ былъ совершенно одинъ; какъ бы въ отвѣтъ на нее снова вошелъ камердинеръ и доложилъ, что къ его превосходительству пріѣхалъ управляющій изъ Никольскаго. Петръ Николаевичъ запахнулъ свой халатъ и съ торжественнымъ видомъ принялся пить чай: онъ почти обрадовался Гондзевскому—это хоть сколько нибудь походило на обычный пріемъ чиновника съ докладомъ.

— Здравствуйте, милый мой,—отвѣтилъ онъ на глубокій поклонъ Гондзевскаго и подалъ ему третій палецъ. Тотъ почти къ этому пальцу приложился.

— Елена Михайловна, кажется, вами несовсѣмъ довольна,—съ приличною строгостію отозвался сановникъ на оправдательную рѣчь поляка, который, предвидя грозу, спѣшилъ выставить себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

— Ваше превосходительство,—воскликнулъ Гондзевскій, придавъ своему туловищу форму вопросительнаго знака,—принимая на себя довѣренную мнѣ должность, я думалъ здѣсь найти просвѣщенныхъ хозяевъ, способныхъ оцѣнить вашу высокую рекомендацію и мои усилія въ примѣненіи усовершенствованныхъ пріемовъ агрономической науки.

Совсѣмъ не тотъ это былъ Гондзевскій, который передъ Еленой Михайловной и Дмитріемъ такъ щепетильно отстаивалъ свой гоноръ, порой даже съ замѣтною примѣсью нахальства.

— Знаю, любезный мой, знаю,—возразилъ Петръ Николаевичъ, уже нѣсколько смягченный,—что вы ученый агрономъ; но все-таки вы допустили, кажется, нѣкоторыя оплошности въ хозяйствѣ и по отношенію къ крестьянамъ не всегда соблюдали интересы экономіи.

Туловище Гондзевскаго теперь выпрямилось и при-

няло нѣсколько протестующій видъ восклицательнаго знака.

— Ваше превосходительство намѣренно ввели въ заблужденіе,—сказалъ онъ,—если я и входилъ съ крестьянами въ соглашенія, которыя профанамъ могутъ казаться невыгодными, то это потому лишь, что въ наше время можно дѣйствовать на крестьянъ только мягкими мѣрами.

— Была какая-то исторія съ лѣсомъ,—нетерпѣливо перебилъ его Петръ Николаевичъ, неясно выговаривая слова, такъ какъ онъ жевалъ кусокъ сухаря и запивалъ его чаемъ. Здѣсь Гондзевскій пустился въ длинныя объясненія того, какъ напрасно очернили его благія намѣренія и какъ все дѣло было испорчено вмѣшательствомъ Дмитрія.

— Конечно, господинъ Корецкій — племянникъ вашего превосходительства, и я потому обязанъ къ нему относиться съ уваженіемъ, но вы понимаете, какъ тяжело опытному управляющему подчиняться молодому человѣку, ничего не понимающему въ хозяйствѣ и къ тому же горячему и неделикатному въ обращеніи.

— Я Дмитрію выслалъ довѣренность,—совсѣмъ по генеральски отрѣзалъ Петръ Николаевичъ, — и вы не должны были себѣ позволить...

Но подобострастіе вдругъ совсѣмъ исчезло съ лица г. Гондзевскаго. Онъ теперь даже перебилъ своего патрона, хоть и сдѣлалъ это самымъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— Вашему превосходительству,—сказалъ онъ, — я всегда готовъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; ваше превосходительство, конечно, изволите припомнить, что я аккуратно высылалъ къ вамъ какъ денежныя суммы по имѣнію, такъ и вѣдомости о приходѣ и расходѣ, и если я не могу въ настоящее время представить общій отчетъ по управленію, то потому лишь, что мнѣ неизвѣстно, какъ ваше превосходительство соблаговолили распорядиться этими суммами.

Съ лица Петра Николаевича немедленно слетѣло генеральское выраженіе. Онъ припомнилъ, что въ этихъ суммахъ онъ самъ, въ качествѣ опекуна, не былъ бы въ состояніи дать особенно полный отчетъ. Временныя затрудненія въ деньгахъ — Петръ Николаевичъ велъ крупныя дѣла и потому иногда нуждался въ кредитѣ— вынудили его къ займу несовсѣмъ законнаго свойства. Деньги эти онъ конечно думалъ возвратить, но для него все-таки было крайне непріятно, что Гондзевскій догадывался объ этомъ обстоятельствѣ и могъ о немъ сообщить Еленѣ Михайловнѣ и Женичкѣ.

— Конечно, Дмитрій поступилъ очень неосторожно,— замѣтилъ онъ будто вскользь, не глядя прямо на Гондзевскаго.

— Самовольное нарушеніе условія со стороны Дмитрія Алексѣевича,—продолжалъ тотъ,—крайне озлобило крестьянъ. И меня нисколько не удивитъ, ваше превосходительство, если во время уборки хлѣба возникнутъ въ Никольскомъ безпорядки.

Петръ Николаевичъ не успѣлъ отвѣтить, въ его комнату входила Анна Григорьевна, чтобъ освѣдомиться о здоровьѣ деверя. Хоть она его и недолюбливала, Анна Григорьевна всегда твердо исполняла то, что по ея понятіямъ входило въ обязанности гостепріимства.

— Сегодня же я буду въ Никольскомъ и окончательно переговорю съ вами, поспѣшилъ отпустить управляющаго Петръ Николаевичъ.

Одѣвшись, онъ, затѣмъ, перешелъ въ гостиную, гдѣ Анна Григорьевна по утрамъ неизмѣнно разливала чай.

— Хорошъ, братъ, нечего сказать,—обратился онъ съ напускною важностію къ Дмитрію,—славныхъ вещей я отъ Гондзевскаго про тебя наслышался.

— Это вы, должно быть, про условіе объ очисткѣ лѣса, котораго я ему не далъ заключить,—хладнокровно отвѣтилъ Дмитрій.

— Да, шутка сказать, разорвалъ документъ, подписанный обѣими сторонами, да это произволъ, самоуправ-

ство, какъ? Правительство озабочено улучшеніемъ быта крестьянъ, все просвѣщенное общество, вся литература въ одинъ голосъ твердятъ про необходимость водворить строгую законность и увеличить размѣры крестьянскаго землевладѣнія, а ты подаешь примѣръ нарушенія этой же законности, и все это для того лишь, чтобы не дать крестьянамъ необходимаго лѣсного матеріала. Да ты плантаторъ послѣ этого; и, если произойдутъ безпорядки, я умываю себѣ руки!

Долго еще Петръ Николаевичъ ораторствовалъ въ этомъ смыслѣ, производя, увы, мало впечатлѣнія на слушателей; даже Володя равнодушно барабанилъ по столу, думая про себя, что въ такой прохладный денекъ, какъ сегодня, отлично будетъ прокатиться верхомъ съ Женичкой.

— Когда мы съ вами будемъ въ Никольскомъ, дядюшка,—отвѣтилъ Дмитрій,—я берусь убѣдить вась въ знаніи и честности господина Гондзевскаго.

Вошедшій Терентій доложилъ, что къ барину пріѣхалъ изъ Черныхъ Хуторовъ волостной старшина, за которымъ съ ранняго утра было послано.

Вернувшись ночью домой съ Надей, Дмитрій въ усадьбѣ не встрѣтилъ никого. Весь домъ былъ погруженъ во мракъ, и никто—такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось—его съ Надей не видалъ. Дмитрій самъ отвелъ лошадь въ конюшню. Спавшій конюхъ въ просонкахъ пробормоталъ: „кто тамъ?“ повернулся на другой бокъ и снова захрапѣлъ. Дмитрій провелъ всю остальную ночь, не раздѣваясь, на креслѣ передъ окномъ, и дневной свѣтъ засталъ его все въ томъ же безпокойномъ раздумьи. Проснувшееся въ немъ чувство не сулило радостей впереди, оно какъ солнце въ этотъ сѣрый день, зарождалось окруженное тучами.

Но сомнѣніе въ прямотѣ молодой дѣвушки ни на одинъ мигъ не запало въ его сердце. Чѣмъ болѣе онъ вдумывался въ обстоятельства ихъ ночной встрѣчи, тѣмъ понятнѣе ему казалось ея поведеніе. Ее напугалъ,

конечно, тотъ человѣкъ, имя котораго она ему не смѣла выдать. Она боялась за нихъ, за Корецкихъ, хотя бояться собственно и нечего. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, всѣ опасенія Нади казались Дмитрію лишь призраками, навѣянными ночью. Что, въ сущности, могли сдѣлать эти люди? Они развѣ только могутъ держать ее подъ страхомъ мнимой отвѣтственности предъ ними. Этого онъ, конечно, не допуститъ; хоть опасности нѣтъ, онъ станетъ зорко наблюдать, чтобы кто-нибудь изъ этихъ людей не потревожилъ вновь молодую дѣвушку. Въ особенности подозрительнымъ казался ему Василій; рѣшившись быть на сторожѣ, Дмитрій приказалъ послать за старшиной.

Онъ прошелъ въ контору, гдѣ его дожидался старшина Чернохуторской волости Прокофій Артемьевъ. Это былъ высокій немолодой мужикъ съ правильнымъ лицомъ, замѣтно старавшійся держать себя съ большимъ достоинствомъ. Знакъ на его груди преобразилъ его: лѣтъ за десять предъ тѣмъ онъ былъ простымъ кучеромъ.

Дмитрій коротко объяснилъ ему, что въ волости завелись неблагонадежныя личности, волнующія крестьянъ, что поэтому не мѣшало-бы сельскимъ старостамъ имѣть надзоръ за людьми, пріѣхавшими со стороны, и представлять въ волость тѣхъ, которые покажутся подозрительными.

— Можетъ случиться, что кто-нибудь изъ этихъ голубчиковъ нарядится мужикомъ, — заключилъ Дмитрій, — ну а вашего брата провести трудно.

— Будьте благонадежны, — самодовольно отвѣчалъ благообразный старшина.—Своего дѣла не упустимъ. Строго будетъ приказано старостамъ, потому, значитъ, ко мнѣ начальство имѣетъ довѣріе и у меня на то знакъ...

— Можетъ случиться что будутъ подложные указы или прокламаціи раздавать...

Старшина улыбнулся.

— На этотъ счетъ не извольте сумлѣваться, Дмитрій Алексѣевичъ, — сказалъ онъ, — объ этихъ енгилистахъ всегда надзоръ имѣемъ, приказаніе намъ есть секретное отъ исправника, и штуки всѣ ихнія поняли мы вполнѣ. Изволили слышать? въ Дѣвичьей Слободѣ, у предводителя, тоже такіе облыжные царскіе указы про новую волю народу читали; такъ все это мы накрыли и къ начальству представили, все это по нашей части, сами знаемъ какъ поступать надоть, недаромъ указъ вышелъ, изволили слышать?.. чтобы насъ, значитъ, старшинъ, всѣ волости почитали какъ начальниковъ, потому знакъ имѣемъ.

— А что, много въ народѣ толкуютъ про новую волю? спросилъ Дмитрій.

— Толкуютъ, какъ не толковать: народъ, сами изволите знать, глупый, только при мнѣ, конечно, не смѣютъ!.. Я имъ говорю: господа, Царь разъ далъ волю, и полно будетъ, какую вамъ еще другую волю? а если кто вамъ говоритъ—не вѣрьте... Только, по правдѣ сказать, все-таки толкуютъ, не выбьешъ дурь изъ головы.

И волостной сановникъ вздохнулъ.

Простившись со старшиной, Дмитрій пошелъ въ поле; надо было рѣшить скоро ли начинать уборку ржи и заранѣе все приготовить въ молотильномъ сараѣ. Надя, между тѣмъ, все не показывалась въ гостиной. Послѣ этой тревожной ночи уснуть она, конечно, не могла; и чувствовала такое полное изнеможеніе, что не въ состояніи была подняться съ постели.

— Поди-ка, Володя,—обратилась Анна Григорьевна къ сыну довольно раздраженнымъ голосомъ,—посмотри скоро ли придетъ Надя, а то я прикажу убрать чай, одиннадцатый часъ, это ни на что не похоже. Володя радъ былъ случаю улизнуть, но къ Надѣ онъ не пошелъ, „не бѣда, коли опоздаетъ немножко, подумалъ онъ, а мама погорячится, да и успокоится“. У Володи было слишкомъ много своихъ грезъ, чтобы въ это утро весь остальной міръ не отошелъ для него на задній

планъ. Въ головѣ его такъ и кружились сладкія, немного задорныя воспоминанія о Никольскомъ и въ то же время недавно зародившіяся мечты о будущей совсѣмъ новой дѣятельности. То, что ему показалось несбыточнымъ, когда въ первый разъ о томъ заговорила Женичка, теперь, послѣ вчерашнихъ выборовъ, улыбалось ему, какъ нѣчто вполнѣ возможное и близкое къ осуществленію.

Не мудрено, что изъ памяти его вовсе изчезла неожиданная встрѣча съ Нерадовичемъ на постояломъ дворѣ. Молодой человѣкъ совсѣмъ не тревожился послѣдствіями этого появленія Нерадовича, хотя, конечно, не было у него уже и тѣни сочувствія къ тому, что могъ затѣять, такъ уважаемый имъ прежде, запѣвало агитаціи. Едва успѣлъ Володя сойти въ садъ и погрузиться въ свои дорогія мечты, какъ Надя показалась въ дверяхъ гостиной. На ней лица не было. Краска совсѣмъ исчезла съ ея поблѣднѣвшихъ щекъ, и большіе глаза горѣли будто въ лихорадкѣ. Въ прежніе дни Анну Григорьевну обезпокоилъ бы ея болѣзненный, усталый видъ, но теперь она лишь сухимъ тономъ, безъ малѣйшей тѣни участія, спросила у молодой дѣвушки, думаетъ ли она, что всѣ въ домѣ обязаны ждать пока ей будетъ угодно придти. Надя отъ чаю отказалась.

— Такъ можно было, кажется, давно объ этомъ сказать.

Анна Григорьевна отрывисто позвонила. Съ прошлаго вечера она долго передумывала, слѣдуетъ ли разспросить Надю про то, на что намекалъ Володя. Она рѣшилась обождать, пока ея собственныя наблюденія подтвердятъ догадку сына. Дмитрій и Надя, конечно, выдадутъ себя, думалось ей, если въ самомъ дѣлѣ Володя не ошибся, а пока лучше избѣгать тяжелыхъ объясненій. Въ комнатѣ царило натянутое молчаніе. Петръ Николаевичъ погрузился въ газету, но въ томъ какъ онъ ее вертѣлъ, изрѣдка откашливаясь, былъ нѣмой укоръ молодой дѣвушкѣ. Въ рукахъ Анны Григорьевны длин-

ныя спицы, которыми она что-то вязала, нетерпѣливо прыгали, словно и онѣ на что-то сердились. Вдругъ Петръ Николаевичъ отложилъ газету, насмѣшливо прищурилъ глаза и обратился къ Надѣ съ вопросомъ:

— А что, Надежда Сергѣевна, куда это вы изволили ночью, уже послѣ двѣнадцати часовъ, выйти прогуляться? Мнѣ не спалось, и я замѣтилъ, какъ ваше свѣтлое платье мелькнуло передъ моимъ окномъ.

— Я вышла въ садъ, у меня голова болѣла,—сдержанно отвѣтила Надя.

— Да, да и мнѣ показалось что потомъ, ужъ очень поздно, не знаю только въ какомъ часу, лѣстница вверхъ скрипнула отъ чьихъ-то легкихъ шаговъ. Это вы, должно быть, возвращались съ прогулки?

— Должно быть,—былъ короткій отвѣтъ Нади.

Но видно ея голосъ при этомъ сильно дрогнулъ, только Анна Григорьевна сочла за лучшее прекратить этотъ допросъ.

— Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, Надя, мнѣ нужно съ тобой переговорить,—сказала она, укладывая вязанье въ корзинку.

Про ночную прогулку Нади она съ нею не коснулась. Анна Григорьевна поставила себѣ за правило ни въ чемъ не стѣснять свободу молодой дѣвушки.

— Скажи мнѣ теперь, —начала она, стараясь быть спокойною, — что у васъ вчера было съ Боровскимъ? Ты ему отказала?..

— Отказала. Я не могу стать женою человѣка, котораго не люблю.

— Но отчего же ты вчера такъ мнѣ ничего и не объяснила? или ты думала, что меня это совсѣмъ не касается?

И въ голосѣ Анны Григорьевны будто поднималась гнѣвная волна.

— Мнѣ тяжело было съ вами вчера про это говорить, тетушка.

— Тяжело, почему тяжело? Развѣ ты со мною не

можешь быть откровенною? Развѣ есть у тебя какая-нибудь иная причина?..

— Я вамъ уже сказала тетушка, что я не люблю Боровского,—съ плохо скрытымъ волненіемъ перебила ее Надя. — Другой причины у меня нѣтъ.

Анна Григорьевна не захотѣла настаивать. Она чувствовала, что самообладаніе ей готово измѣнить. Подозрѣніе, запавшее ей въ душу, все росло. Она поспѣшно оборвала разговоръ подъ предлогомъ какихъ-то дѣлъ по хозяйству. Надя вернулась къ себѣ въ комнату.

Она понимала чего не договаравала тетка. Ея чуткое ухо сразу подмѣтило оттѣнокъ холодности въ голосѣ Анны Григорьевны, а когда та упомянула про размолвку съ Боровскимъ, Надя тотчасъ догадалась, откуда шла эта холодность. За нѣсколько дней передъ тѣмъ она, долго не думая, уѣхала бы изъ Бѣлыхъ Столбовъ. Куда?.. Да не все ли равно? Ей не привыкать стать къ кочевой жизни. И чѣмъ тѣснѣе новое, невысказанное чувство привязывало ее къ дому Корецкихъ, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе она бы покинула этотъ домъ. Еслибы даже ее Дмитрій полюбилъ, какъ она его любитъ — а онъ и не думаетъ объ ней — она бы не захотѣла стать его женой вопреки его матери, войти въ семью окольнымъ путемъ—это претило ей въ высшей степени, и она нашла бы въ себѣ довольно твердости, чтобы разомъ, не колеблясь, порвать свои отношенія къ Корецкимъ: но теперь она уже не можетъ этого сдѣлать. Съ тѣхъ поръ, какъ она узнала, что противъ нихъ замышляютъ что-то недоброе, она не имѣетъ права уѣхать. Ей надо остаться въ Бѣлыхъ Столбахъ, чтобы защитить Корецкихъ въ случаѣ опасности.

Прежде всего она должна снова повидаться съ Дмитріемъ. Сказать ему все она, конечно, не имѣетъ права, но она можетъ, она должна предостеречь его! Есть средство вырвать оружіе изъ рукъ противниковъ: войти въ соглашеніе съ крестьянами и тѣмъ устранить поводъ къ ихъ раздраженію; Дмитрій это безъ сомнѣнія

поймеѣтъ, и тогда уже нечего будетъ опасаться Нерадовича. Цѣлыхъ два часа она ожидала возвращенія Дмитрія, но онъ не являлся. Ею овладѣло нетерпѣніе, и она пошла его отыскивать въ поле.

II.

Дмитрій возвращался съ поля въ сопровожденіи старосты Якова. По пути они зашли въ молотильный сарай, и, къ своему изумленію, Дмитрій нашелъ паровую молотилку испорченною. Это показалось ему тѣмъ страннѣе, что за мѣсяцъ передъ тѣмъ она была въ совершенномъ порядкѣ. Тутъ, очевидно, не обошлось безъ чьей-то злонамѣренной руки. Дмитрій съ непривычною ему рѣзкостью разбранилъ Якова за то, что тотъ не предупредилъ во-время о порчѣ машины. Староста отвѣчалъ своимъ обычнымъ равнодушнымъ голосомъ, упорно глядя внизъ. Брань, казалось, не производила на него ровно никакого впечатлѣнія.

— Попортилась,—твердилъ онъ,—значитъ починить надо. А кто ее знаетъ, отчего она развинтилась и кто гайки утащилъ.

Дмитрій сталъ подозрѣвать что Яковъ виноватъ не въ одномъ недосмотрѣ. Онъ пристально вглядѣлся въ застывшее лицо старосты.

— Ты у меня смотри, Яковъ,—сказалъ онъ выходя изъ сарая,—я шутить не люблю.

Яковъ попрежнему не выразилъ никакого смущенія.

— Что же? прикажите разсчитать, коли мною не довольны,—произнесъ онъ холодно.

— Сегодня же въ городъ за машинистомъ послать. Зѣвать нечего.

— Машинистъ-то, слышно, въ уѣздѣ,—отвѣтилъ Яковъ,—у предводителя работаетъ. А вотъ, лучше въ Никольское съѣздить, тамъ сегодня человѣкъ одинъ подрядился, тоже изъ города вчера пріѣхалъ, Ефимомъ

прозѣвается,—землякъ мнѣ, тоже Хвалынскій, дѣло свое ничего—знаетъ.

— Найми его, пожалуй, только за настоящимъ машинистомъ все-таки послать.

Дмитрій увидалъ подходившую къ нимъ Надю и тотчасъ отпустилъ Якова.

— Вы будто взволнованы,—начала она, замѣтивъ гнѣвный блескъ его глазъ и его сдвинувшіяся брови. Онъ передалъ ей о случившемся.

— Вы понимаете, тутъ злой умыселъ очевиденъ, это хоть кого взбѣситъ... тѣмъ болѣе,—добавилъ онъ,— что это сдѣлалъ не посторонній, а кто-нибудь изъ служащихъ здѣсь; а коли такъ, я, стало быть, имѣю дѣло съ цѣлымъ заговоромъ.

Надѣ показалось, что слова эти звучали упрекомъ ей самой.

— Заговоры не бываютъ безъ причины,—отвѣтила она и посмотрѣла ему прямо въ глаза, чтобы вычитать въ нихъ недоговоренную мысль.

— Причину я понимаю отлично,—живо возразилъ онъ.—Есть кто-нибудь, можетъ и не одинъ, а нѣсколько, кому нужно противъ меня возбуждать людей и портить хозяйство.

— Вы крестьянъ противъ себя возстановили.

— Да не въ крестьянахъ дѣло! Мужики станутъ лѣсъ вырубать или травить поля, пожалуй даже хлѣбъ подожгутъ,—этому примѣровъ много,—но умышленная порча дорогой молотилки совсѣмъ не въ ихъ духѣ. Такой подлой мести, исподтишка, русскій мужикъ не знаетъ. Да и не одно это: я только что былъ на селѣ, чтобы сказать Трофиму, когда приняться имъ за уборку, и получилъ какой-то странный, уклончивый отвѣтъ, очень похожій на отказъ. Мужики точно мнѣ въ лицо глянуть не смѣютъ, отвѣчаютъ неохотно, словомъ—что-то замышляютъ и не отъ себя это замышляютъ, а будто ихъ подбиваетъ кто-то... Да чтоже я вамъ все это объясняю, Надежда Сергѣевна,—и голосъ Дмитрія вдругъ

перешелъ на ироническій тонъ,—вамъ все это гораздо лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ.

Краска бросилась ей въ лицо, и глаза ея блеснули; Дмитрію тотчасъ стало совѣстно, но онъ не успѣлъ взять назадъ свои обидныя слова.

— Я и шла сюда, Дмитрій, чтобы переговорить съ вами обо всемъ этомъ,—сказала она тихо.—Можетъ быть, я сумѣю вамъ дать хорошій совѣтъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Да, совѣтъ,—продолжала она, — какъ ни странно вамъ это слышать.—Въ ея прямомъ взглядѣ не было и тѣни смущенія.—Что бы ни затѣяли противъ васъ, дѣйствовать могутъ только посредствомъ крестьянъ. И съ крестьянами вамъ надо помириться. Этимъ вы предотвратите опасность.

— Ну, опасности ровно нѣтъ никакой. Могутъ быть убытки, непріятности, а этимъ, вы знаете, меня не испугаешь.

— Нѣтъ, Дмитрій,—и въ отвѣтъ ему она покачала головой,—кто знаетъ, обойдется ли этимъ, да и вы не одни: у васъ мать, которая не вынесетъ нравственнаго потрясенія. Избѣгнуть взрыва пока еще можно, но можно только уступками.

Дмитрій остановился и недовѣрчивое удивленіе опять показалось на его лицѣ.

— И вы мнѣ даете такой совѣтъ, Надя? Вы, которая боитесь мнѣ выдать зачинщика всей этой кутерьмы!..

И на этотъ разъ она покорно выслушала упрекъ.

— Если вы не хотите понять чувства, которому я повинуюсь,—проговорила она въ полголоса,—я ничего не могу прибавить въ свое оправданіе... Да оправдываться я и не умѣю.

— Надя,—взволнованно отвѣтилъ онъ,—когда же наконецъ исчезнутъ между нами эти недомолвки? Искренность не бываетъ наполовину...

Она опустила голову и не отвѣтила.

— Обѣщайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, что когда бу-

дутъ улажены эти затрудненія, вы мнѣ скажете все. О, еслибы вы могли понять съ какою радостью я повѣрю всякому вашему слову.

Должно быть, онъ прочелъ въ ея глазахъ безмолвный, но утвердительный отвѣтъ, только онъ болѣе не настаивалъ.

— А улажено будетъ все,—продолжалъ онъ,—и очень скоро; я самъ давно вижу, что уступки необходимы, потому что для насъ съ матерью есть нѣчто выше, чѣмъ наше законное право—есть нравственная обязанность сдѣлать все, зависящее отъ насъ, чтобъ обезпечить и успокоить этихъ бѣдныхъ сбитыхъ съ толку людей.

Лицо Нади освѣтилось благодарною радостью.

— Я бы такъ хотѣла,—сказала она,—видѣть васъ, Дмитрій, всегда вполнѣ правымъ и не по закону только правымъ, и знать, что всѣ другіе это чувствуютъ и признаютъ...

Онъ горячо пожалъ ей руку.

— А теперь,—простился онъ съ нею,—я пойду къ матери, чтобъ уговорить и ее.

Анну Григорьевну Дмитрій засталъ за какими-то счетами.

Дмитрій сказалъ ей про молотилку.

— Якова придется разсчитать, закончилъ онъ,—я его сильно подозрѣваю.

Анна Григорьевна поддалась не сразу; она вѣрила Якову, который уже цѣлые четыре года жилъ въ Бѣлыхъ Столбахъ.

Но Дмитрій такъ настойчиво требовалъ его увольненія, что она, наконецъ, согласилась.

— Это еще не все,—продолжалъ Дмитрій.—Если вы не хотите, чтобы въ Бѣлыхъ Столбахъ все пошло вверхъ дномъ, надо помириться съ мужиками.

— Какъ вверхъ дномъ? Да и чего тутъ мириться!—воскликнула она.

— Вы мнѣ уже нѣсколько разъ въ этомъ отказы-

вали,—спокойно возразилъ Дмитрій.—Но теперь это стало необходимосьтю. Черезъ пять дней начнется уборка, и могу васъ увѣрить, что они не выйдутъ на работу, если мы съ ними не согласимся на счетъ земли.

— И ты хочешь, чтобъ я уступила передъ мужиками, оттого что они своевольничаютъ и хотятъ нарушить условія!—Ея голосъ задрожалъ отъ негодованія.—Да, вѣдь, послѣ этого хозяйничать въ самомъ дѣлѣ будетъ невозможно. Это значитъ то же, что распустить вожжи, когда лошади несутъ.

— На этотъ счетъ правилъ не можетъ быть,—возразилъ ей сынъ.—Иной разъ уступать, конечно, опасно, а главное унизительно; но только не для насъ и не въ теперешнемъ случаѣ. Я ни предъ кѣмъ и не уступаю, потому что угрозы никакой нѣтъ, я только нахожу, что наши мужики не какіе-нибудь чужіе арендаторы, съ которыми всегда твердо стоишь на своемъ правѣ.

— Такъ чего же ты собственно хочешь?—подумавъ немного, спросила Анна Григорьевна.

— Теперь,—отвѣчалъ Дмитрій,—мужики держатъ изъ году въ годъ нашу землю, и она имъ обходится кругомъ по семи рублей за десятину. Я думаю предложить имъ взять разомъ семьсотъ пятьдесятъ десятинъ на пятнадцать лѣтъ и платить за нихъ по пяти рублей. Тутъ главное дѣло не въ цѣнѣ, а въ томъ, что у нихъ будетъ тогда впереди надолго обезпеченное владѣніе землей, и чувствуя себя хозяевами, они успокоятся и станутъ исправно работать. А теперь, развѣ тотъ, кто снялъ у насъ двѣ или три десятины, можетъ знать, что онѣ останутся за нимъ на другой годъ? Развѣ эта неизвѣстность не подрываетъ все его хозяйство? И случись неурожай, онъ поправиться уже не можетъ и долженъ отстать отъ земли.

— Хотѣла бы я только знать,—и Анна Григорьевна пытливо взглянула на сына,—откуда у тебя взялась какъ разъ теперь эта нѣжность къ мужикамъ? Не заслушался ли ты Надиныхъ рѣчей, чего добраго?

Между бровями Дмитрія тотчасъ показалась морщина.

— Я не понимаю, съ какой стати вы заговорили про Надю,—сказалъ онъ.

Но у Анны Григорьевны раздраженіе теперь вылилось наружу.

— Съ такой стати,—отрѣзала она, уже не сдерживаясь,—что пора тебѣ наконецъ раскрыть глаза на ея счетъ. Я ли ни старалась ее приласкать, а все она въ лѣсъ глядитъ. Чего добраго, коли сюда забредетъ одинъ изъ тѣхъ оборванцевъ, съ которыми она прежде водилась, она изъ-за него всѣхъ насъ продать готова. Знаешь ли, что Надя чуть ли не всю эту ночь гдѣ-то пропадала.

— Знаю, тѣмъ больше, что мы вернулись вмѣстѣ,— холодно отвѣтилъ Дмитрій, — мы встрѣтились, когда я возвращался изъ Никольскаго.

Морщина все глубже бороздила его лобъ, но голосъ его не дрогнулъ, и Анна Григорьевна обманулась насчетъ того, что чувствовалъ ея сынъ, слушая ее.

— Ты былъ съ нею? Это, конечно, иное дѣло,—нерѣшительно проговорила она. И удивленіе и досада слышались въ ея голосѣ, хоть она и придала ему слегка насмѣшливый оттѣнокъ.

— Мнѣ кажется,—спокойно продолжалъ Дмитрій,— что доброе дѣло не оставляютъ неоконченнымъ. Коли вы приняли Надю въ свой домъ, вы наложили на себя обязанности, которыя не въ вашей волѣ теперь отбросить. Да вы этого и не захотите сдѣлать.

„Нѣтъ, подумала Анна Григорьевна, еслибъ онъ любилъ ее, онъ бы не могъ говорить о ней такъ хладнокровно“.

— Отъ Елены Михайловны нарочный привезъ,—сказалъ вошедшій Терентій, подавая Дмитрію записку. Пробѣжавъ ее. Дмитрій передалъ матери. Вотъ что прочла она:

„Вашъ дядя ужасный человѣкъ! Онъ вотъ ужъ цѣлый часъ читаетъ мнѣ лекцію объ агрономіи и твердитъ мнѣ о какихъ-то правахъ крестьянъ на лѣсъ, въ кото-

рыхъ я ничего не смыслю; если вы не хотите, чтобы весь завтрашній день у меня болѣла голова, пріѣзжайте ко мнѣ на выручку и, разумѣется, отобѣдайте въ Никольскомъ; вы поможете мнѣ спастись и отъ мудрыхъ рѣчей Петра Николаевича и отъ необходимости держать въ имѣніи такого несноснаго человѣка, какъ Гондзевскій. Надѣюсь, до скораго свиданія. *Е. Ордынцева.*"

„Вчерашняго вечера какъ будто и не было", промелькнуло у Дмитрія, когда онъ прочелъ записку.

— Ты поѣдешь?—спросила Анна Григорьевна.

— Конечно, поѣду.—И Дмитрій приказалъ Терентію чтобы запрягали лошадей.—Я вмѣшался въ управленіе Никольскимъ и не могу же теперь не довести начатаго до конца.

Анна Григорьевна опять съ недоумѣніемъ посмотрѣла на сына. „Нѣтъ,—подумала она,—онъ не могъ бы теперь спокойно ѣхать въ Никольское говорить съ Еленой Михайловной про дѣла, еслибы!.. И Анна Григорьевна почти успокоилась, сказавъ себѣ, что ея опасенія были преувеличены.

— Но объясни мнѣ,—начала она опять,—какимъ образомъ ты въ Никольскомъ отстаиваешь интересы Ордынцевыхъ противъ крестьянъ, а у насъ наоборотъ?

— Да тамъ чужое имѣніе, а здѣсь свое,—перебилъ ее Дмитрій.—Вотъ и объясненіе.

Анна Григорьевна призадумалась. Обрадованная тѣмъ, что тревоги ея насчетъ Дмитрія были, казалось, напрасны, она теперь стала уступчивѣе и мягче.

— Вспомните,—продолжалъ Дмитрій, — что мы все-таки для мужиковъ не простые сосѣди. Судъ и законъ годятся для равныхъ и къ тому же для чужихъ, а мы для нихъ ни то ни другое. Нельзя оставаться господами для тѣхъ, съ кѣмъ торгуешься.

— Ну, дѣлай какъ хочешь, — вдругъ неожиданно рѣшила Анна Григорьевна,—пеняй на себя, коли дѣла пойдутъ скверно.

III.

Когда Петръ Николаевичъ пріѣхалъ въ Никольское и облекся предъ Еленой въ свою опекунскую власть, чтобы защитить Гондзевскаго, она едва сдержала нетерпѣніе и досаду, вызванныя его вмѣшательствомъ. Бывшаго друга своего мужа она всегда недолюбливала. Онъ напоминалъ ей про ненавистную чиновничью среду, въ которой прошли два первые года ея замужества, и въ особенности про обиду, нанесенную ей умирающимъ мужемъ, когда своимъ завѣщаніемъ Ордынцевъ приставилъ къ ней Петра Николаевича, въ качествѣ непрошеннаго совѣтчика. Въ этотъ день, вдобавокъ, его пріѣздъ былъ особенно непріятенъ Еленѣ. Совсѣмъ не дѣловаго свойства были вопросы, занимавшіе ее, и воспоминанія прошлаго вечера оставили жгучее чувство, вызывавшее въ ней раздраженіе отъ одного звука голоса Петра Николаевича.

Дмитрій засталъ ее со своимъ дядей на большой террасѣ, выходившей на дворъ. Здѣсь днемъ было всего прохладнѣе. Женичка стояла, облокотясь на перила, и все вниманіе ея, казалось, было сосредоточено на Джэкѣ, въ величавомъ спокойствіи отдыхавшемъ внизу подъ крыльцомъ, между тѣмъ какъ она очень уже разсѣянно слушала, что говорилъ ей Сокольницкій.

— Придите ко мнѣ на помощь, Дмитрій Алексѣевичъ,—съ притворною веселостію начала Елена.—Вотъ я цѣлый часъ слушаю вашего дядюшку и ничего понять не могу.

И Елена Михайловна принялась излагать предъ нимъ мудреныя рѣчи Петра Николаевича, намѣренно съ очаровательною безпомощностію путаясь въ замысловатыхъ вопросахъ хозяйства. Ей хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ скучныхъ и ненужныхъ дрязгъ, чтобы затѣмъ перейти на иныя темы, занимав-

шія ее гораздо болѣе; но Дмитрій не понялъ или не хотѣлъ понять этого. Онъ слушалъ ее съ невозмутимымъ вниманіемъ дѣлового человѣка.

— Я охотно приму этотъ трудъ на себя,—сказалъ онъ въ отвѣтъ Еленѣ.—Мы теперь же съ Петромъ Николаевичемъ провѣримъ отчетность, а потомъ мы вмѣстѣ пройдемся по усадьбѣ и полямъ. Легко будетъ убѣдить дядюшку, какъ хорошо велъ хозяйство Гондзевскій.

И сказавъ это, Дмитрій подошелъ къ Женичкѣ. Петръ Николаевичъ слегка поморщился отъ предстоявшей ему скучной работы, а Елену поразила странная перемѣна въ Дмитріи, она смутно чувствовала, что предъ ней совсѣмъ уже не тотъ человѣкъ, который наканунѣ вмѣстѣ съ нею любовался іюльскою ночью. Ей казалось, что въ это короткое время въ немъ совершился непонятный поворотъ, и будто цѣлая пропасть отдѣляла отъ настоящаго, недавно прошедшія, сладкія и тревожныя минуты.

— Вы не видались еще съ братомъ сегодня?—спросила у Дмитрія Женичка, подавая ему руку.—Ничего онъ вамъ не сказалъ?

— Ничего особеннаго. Мы видѣлись мелькомъ.

Графъ Борисъ Сергѣевичъ, сухо поздоровавшись съ Дмитріемъ, тотчасъ ушелъ съ террасы. Глаза Женички вдругъ приняли сосредоточенное выраженіе, словно она собиралась сказать что-то важное и могла это сдѣлать только теперь, въ отсутствіи Сокольницкаго.

Володя за два часа передъ тѣмъ заѣзжалъ въ Никольское на своемъ Солиманѣ и предложилъ молодой дѣвушкѣ съ ней проѣхаться верхомъ.

Но Елена Михайловна на этотъ разъ нашла какія-то препятствія и разстроила прогулку. Съ Володей она обошлась при этомъ довольно сухо. Должно быть, Борисъ Сергѣевичъ успѣлъ ей раскрыть глаза на счетъ возможныхъ послѣдствій сближенія между молодыми людьми. Володя просидѣлъ въ Никольскомъ какихъ-

нибудь четверть часа и ускакалъ домой. За послѣдніе дни онъ очень выросъ въ собственныхъ глазахъ и ни за что бы не хотѣлъ уронить свое достоинство.

— Вы знаете,—продолжала Женичка понизивъ голосъ,—что вчера Боровской сдѣлалъ предложеніе вашей кузинѣ, и она ему отказала.

— Неужели? вы это знаете навѣрно?

Лицо Дмитрія, самымъ недвусмысленнымъ образомъ выразило радостное удивленіе.

— Мнѣ вашъ братъ сказалъ... и вы очень довольны, сознайтесь?

Женичка лукаво прищурила глазки.

— Ахъ, я была бы такъ рада, еслибы... она не договорила.

— Ну, и я былъ бы радъ отъ души еслибы...

И глаза его тоже досказали его мысль, вслѣдствіе чего щечки Женички поалѣли, какъ маковъ цвѣтъ.

— Тш... васъ услышатъ,—проговорила она съ замѣшательствомъ.

— Евгенія Александровна, хотите мы будемъ союзниками?

Дмитрій крѣпко пожалъ ея маленькую руку, и, самъ не зная почему, вдругъ почувствовалъ приливъ радости.

Возвращеніе графа прервало ихъ разговоръ.

— Хотите, кузина, мы поѣдемъ верхомъ?—обратился онъ къ Женичкѣ,—я прикажу осѣдлать вашу лошадь.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте, мое сѣдло испортилось, живо отвѣтила она и, припомнивъ вдругъ, что еще недавно готова была ѣхать съ Володей, прибавила:—Кажется, дождикъ будетъ.

Женичка сознавала, должно быть, что говорила явную неправду, только она тотчасъ затѣмъ скрылась и не показывалась до самаго обѣда.

— Ну-съ, дядюшка, пойдемте,—сказалъ Дмитрій.— Предупреждаю васъ, что у насъ дѣла довольно впереди.

— А я и забылъ вамъ разсказать,—припоминая что-то, началъ Петръ Николаевичъ,—про новаго машиниста,

котораго нанялъ сегодня Гондзевскій. Я съ нимъ встрѣтился: презамѣчательный человѣкъ. Представьте себѣ, самоучка, русскимъ умомъ дошелъ до механики, совсѣмъ простой мужикъ, а во всей подробности мнѣ разсказалъ устройство паровика, тамъ эти поршни, понимаете, цилиндры, винты....

Но Елену, къ которой былъ обращенъ этотъ разсказъ, вовсе не занимала геніальная способность мужика, въ которомъ почтенный сановникъ не подозрѣвалъ одного изъ представителей темной силы, чье разрушительное дѣйствіе онъ самъ нерѣдко оплакивалъ. Неподвижный взглядъ ея красивыхъ глазъ былъ устремленъ въ какую-то невѣдомую даль, словно она тамъ искала отвѣта на поднявшійся въ ея умѣ мучительный вопросъ. Молодой графъ умѣлъ хорошо наблюдать и отъ него не ускользнула странная напряженность въ движеніяхъ и голосѣ двоюродной сестры. Онъ понималъ, что въ этой спокойной женщинѣ, прозрачной, какъ горное озеро въ тихую погоду, такъ онъ разъ выразился про нее, готова подняться нешуточная буря.

Петръ Николаевичъ не разъ уже отиралъ платкомъ вспотѣвшій лобъ, такъ жутко ему приходилось отъ длинной вереницы цифръ, на которыя Дмитрій безпощадно обращалъ его утомленное вниманіе.

Увы! эта долгая провѣрка не оставляла сомнѣнія въ томъ, что рекомендованный имъ питомецъ академіи очень уже развязно злоупотреблялъ его довѣріемъ. И когда отъ цифръ перешли къ живому дѣлу, то и здѣсь обнаружилось, что дипломъ не обезпечиваетъ ни честности, ни даже знанія. У паровика они застали новаго машиниста за работой.

Наканунѣ вечеромъ онъ пріѣхалъ изъ города, и Гондзевскій тотчасъ его подрядилъ.

— Тутъ пустяки одни, дня на два работы—,отвѣтилъ машинистъ на вопросъ Дмитрія.

— Стало быть послѣзавтра ты можешь ко мнѣ поступить въ Бѣлые Столбы?

Машинистъ согласился, и при этомъ въ его прыткихъ маленькихъ глазкахъ на мигъ блеснуло что-то похожее на злорадство. Дмитрій этого не замѣтилъ, да и не обратилъ бы на то вниманія. Трудно ему было догадаться, что передъ нимъ, въ поношенномъ сѣромъ кафтанѣ, никто иной, какъ тотъ самый Нерадовичъ, котораго онъ чуть не засталъ съ Надей на Ѳедотовой пасѣкѣ.

Левъ Александровичъ сумѣлъ усвоить себѣ ухватки мастерового, и его загрязненныя руки на первый взглядъ даже ничѣмъ не отличались отъ жесткихъ рукъ рабочаго. Петръ Николаевичъ съ явнымъ восхищеніемъ слѣдилъ за ихъ ловкими, увѣренными движеніями.

— Каковъ молодецъ, самородокъ, — замѣтилъ онъ Дмитрію.

Нерадовичъ подавилъ на своихъ губахъ улыбку.

— А скажи мнѣ, любезный, — продолжалъ сановникъ, — ты изъ какихъ мѣстъ?

— Хвалынскій безземельный крестьянинъ Ефимъ Петровъ,—не моргнувъ отвѣтилъ Нерадовичъ.

— А гдѣ ты этому искусству научился?

— Никакого особеннаго искусства тутъ нѣтъ, ваше благородіе.

Губы и брови дрогнули у Петра Николаевича, когда онъ услышалъ этотъ неподходящій титулъ.

— На машинномъ заводѣ жилъ-съ въ Питерѣ, — продолжалъ Нерадовичъ, не отрываясь отъ работы, — у нѣмца всю эту штуку высмотрѣлъ, дѣло самое обыкновенное.

— Какъ же это, однако, — промолчавъ съ минуту, заговорилъ опять сановникъ, — дѣло это совсѣмъ не легкое, съ такимъ локомотивомъ справляться?

— Не локомотивъ, а локомобиль, дядюшка,—поправилъ его Дмитрій.

— Ну да, ну да,—съ легкою запинкой продолжалъ Петръ Николаевичъ,—у насъ, вѣдь, всѣ говорятъ, что русскихъ техниковъ нѣтъ и все иностранцевъ выписываютъ.

— Мало ли что у насъ водится, и про что господа не вѣдаютъ,—проговорилъ сквозь зубы машинистъ, навинчивая только что смазанную имъ гайку.

— Пойдемте, дядюшка, дѣла у насъ еще много,— остановилъ Дмитрій восхищеннаго жителя Невы.

— А ты, братецъ,—обратился онъ къ машинисту,— послѣзавтра понавѣдайся въ Бѣлыхъ Столбахъ.

Нерадовичъ молча кивнулъ головой.

Страннымъ образомъ, пока съ нимъ говорилъ Петръ Николаевичъ, его, очевидно, только смѣшилъ робѣвшій передъ нимъ сановникъ, но когда повелительнымъ тономъ заговорилъ Дмитрій, озлобленіе готово было подняться у переодѣтаго агитатора, и полусознательная ненависть закипала у него противъ молодого барина, въ которомъ онъ чуялъ главнаго, настоящаго врага.

Ревизія имѣнія порядкомъ уходила Петра Николаевича. Цифры денежныхъ суммъ вертѣлись у него въ головѣ, всѣ эти чуждые ему вопросы о молотилкахъ, о скотѣ, о постройкахъ, объ удобреніи, казались ему чѣмъ-то враждебнымъ и непонятнымъ, какъ азбука для дѣтей. И въ самомъ дѣлѣ, для этого петербургскаго бюрократа, много читавшаго докладныхъ записокъ о подъемѣ русскаго земледѣлія, настоящее хозяйство было тарабарскою грамотой. А впереди еще предстояло крайне непріятное дѣло. Послѣ всего видѣннаго имъ, Петръ Николаевичъ уже не могъ оставить въ Никольскомъ Гондзевскаго.

Съ видимымъ замѣшательствомъ онъ объявилъ поляку, что, къ крайнему своему прискорбію, онъ вынужденъ его уволить и попросить у него обратно довѣренность. Прибавивъ, что онъ готовъ ему выдать самый лучшій аттестатъ и рекомендовать его знакомымъ, Петръ Николаевичъ даже съ чувствомъ протянулъ Гондзевскому руку и выразительно глянулъ ему въ глаза.

Но всякая тѣнь подобострастія исчезла теперь съ лица поляка. Онъ выпрямился, и еслибъ у него были усы, онъ непремѣнно бы сталъ крутить ихъ.

— Какъ вашему превосходительству будетъ угодно,— возразилъ онъ съ холоднымъ достоинствомъ, — только довѣренности своей я возвратить не могу, пока не сдамъ имѣнія въ чьи-нибудь вѣрныя руки и заготовлю полную отчетность о всѣхъ поступившихъ суммахъ.

Эти слова, произнесенныя съ особымъ удареніемъ, заставили Петра Николаевича усиленно утирать потъ па лбу.

— Затѣмъ,—продолжалъ Гондзевскій болѣе и болѣе куражась, — я долженъ получить удовлетвореніе по разнымъ моимъ личнымъ счетамъ и по убыткамъ, причиняемымъ мнѣ неожиданнымъ увольненіемъ.

Петръ Николаевичъ что-то невнятно прошамкалъ.

— Убытки ваши сущій вздоръ,—оборвалъ Гондзевскаго Дмитрій, — а довѣренность будетъ уничтожена, коли вы не хотите ее возвратить, имѣніе же временно приму я.

Сказавъ это, Дмитрій увелъ дядю. Когда они вернулись домой, тамъ уже собирались обѣдать, но Дмитрій не захотѣлъ остаться — у него и въ Бѣлыхъ Столбахъ предвидѣлось слишкомъ много дѣлъ. На слѣдующее утро онъ, впрочемъ, обѣщалъ вернуться, чтобы принять Никольское изъ рукъ Гондзевскаго, но это любезное обѣщаніе было дано имъ какъ-то особенно сухо, и Елена подмѣтила странную, непривычную ноту въ его голосѣ; она взглянула на него съ недоумѣніемъ, какъ бы не допуская, чтобы въ ихъ отношеніяхъ совершился роковой внезапный поворотъ.

— Вы мною довольны, надѣюсь,—проговорилъ онъ, весело прощаясь съ нею,—и не взыщете если не могу у васъ остаться.

Слова эти были сказаны совсѣмъ непринужденно, но и въ нихъ было нѣчто новое, непохожее на то, какъ онъ говорилъ съ нею еще наканунѣ. Она молча протянула ему руку. Рука эта была холодна, какъ ледъ.

IV.

Золотистые отливы полей стали блѣднѣть и приняли свѣтлую, желтобурую окраску совсѣмъ уже спѣлаго хлѣба. Дни стояли ясные; правда къ полудню собирались сѣроватыя облака съ яркими бѣлыми краями, ложившіяся на небо затѣйливымъ рисункомъ. Но къ вечеру оно прояснилось опять, и развѣ только съ самаго его края доносился слабый отголосокъ дальней грозы. Несмотря на іюльскій зной на воздухѣ дышалось легко. Слабый вѣтеръ ровною струей вѣялъ надъ степью. Словомъ, царствовала тихая, обильная благодать черноземнаго лѣта. Но умолкнувшій лѣсъ, гдѣ не слышалось уже птичьихъ голосовъ, и листъ, уже кое-гдѣ желтѣвшій на деревѣ, и мохъ, который теперь сухо хрустѣлъ подъ ногой, все это говорило, что лѣто повернуло къ осени.

Въ Бѣлыхъ Столбахъ были наканунѣ уборки. Іюльское утро сіяло во всей своей спокойной красѣ. Прозрачнымъ казалось яркоголубое небо, ночная роса еще блестѣла на травѣ и на листьяхъ. Надѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на поля, гдѣ теперь все было пока тихо и безлюдно, а со слѣдующаго утра должна была закипѣть работа. Ее мучило сознаніе какой-то вины передъ близкими ей людьми. Но не одно это сознаніе заставляло ее искать уединенія. Она въ особенности избѣгала Дмитрія. Послѣ ихъ встрѣчи на Ѳедотовой пасѣкѣ, странное смущеніе, похожее на стыдъ, овладѣвало ею въ его присутствіи. Съ тѣхъ поръ прошло пять дней, и ей казалось, что на лицѣ его она читала презрительный укоръ. Дмитрій тоже, повидимому, не искалъ случая объясниться съ нею. И страннымъ образомъ, хоть она сама избѣгала его, Надѣ казалось почти обиднымъ его очевидное нежеланіе заговорить вновь о томъ, что произошло на Ѳедотовой пасѣкѣ.

За эти пять дней она не видала его почти вовсе.

Онъ все возился съ дѣлами Никольскаго, хотя старанія его устроить эти дѣла, казалось, вовсе не доставили ему благодарность Елены. Дмитрій упорно держался своей дѣловой роли, будто онъ совсѣмъ забылъ про тотъ недавній вечеръ, когда Елена едва не измѣнила для него всѣмъ завѣтамъ своего прошлаго. О, какъ упрекала она теперь себя за то, что такъ легко поддалась увѣреніямъ его воскреснувшей любви! Но въ тѣ самыя минуты, когда она всего строже осуждала себя за это, кто знаетъ, можетъ быть тайный голосъ ей нашептывалъ чуть внятно, что совсѣмъ въ иномъ ей слѣдуетъ себя винить. У совѣсти тоже есть свой оффиціальный языкъ.

Надя миновала плотину и, не заходя въ село, свернула на большую дорогу. Вдругъ за нею послышался веселый звонъ бубенчиковъ; тройка быстро въѣхала на пригорокъ у пруда и остановилась въ нѣсколькихъ саженяхъ за молодою дѣвушкой. Она обернулась. Къ Дмитрію, сидѣвшему въ тарантасѣ, подходила кучка мужиковъ съ сельскимъ старостой во главѣ. Мужики тащили за собою землемѣрную цѣпь, колья и веревки. За ними шли Василій и Брусковъ.

— Такъ, значитъ, батюшка, на межу идти прикажете,—снявъ шапку, заговорилъ староста Трофимъ.

— Да, начинайте; когда я изъ города вернусь, я пройду къ вамъ въ поле. Все, кажется, улажено?

Трофимъ сталъ мять шапку и почесалъ затылокъ.

— Вотъ только, батюшка,—осклабился онъ, нерѣшительно произнося слова,—толкуютъ, что къ надѣльной нашей, значитъ, землѣ, прирѣзать бы десятинъ съ десятокъ, вонъ у самыхъ у огуменниковъ. — И Трофимъ показалъ рукой на низкій валъ, окружавшій крестьянскіе огороды.—Что бы вамъ, батюшка, заглянуть-то? Недалече будетъ.

Но Дмитрій наотрѣзъ отказался.

— Это что еще за выдумки? Вчера, кажется, все было рѣшено и условія подписаны!

По лицу старосты было видно, что заявленная имъ просьба изъ тѣхъ, на которыхъ особенно не настаиваютъ. Русскій человѣкъ, извѣстное дѣло, никогда не обойдется безъ того, чтобы не просить надбавки.

— Такъ начинать, сталоть, прикажете?—сговорчиво добавилъ староста,—много вамъ благодарны, батюшка.

И, поклонившись еще разъ барину, поплелся съ мужиками по межнику. Едва отошли они на нѣсколько шаговъ, какъ послышался громкій безпорядочный говоръ ихъ голосовъ, на этотъ разъ, впрочемъ, веселый, повидимому, говоръ.

— Я очень радъ, что дѣло уладилось,—сказалъ Дмитрій подошедшей Надѣ.—Осталось только засвидѣтельствовать условія, да провести межу. Отчасти я вамъ обязанъ этимъ счастливымъ исходомъ.

Надя, однако, не отозвалась на его довольное расположеніе духа.

— Вы въ городъ ѣдете?—спросила она только.

-- Да; на всякій случай надо лишними рабочими запастись и для насъ и для Никольскаго. Я теперь временно въ должности управляющаго у Елены Михайловны,—весело добавилъ онъ. Лицо Дмитрія, казалось, такъ и дышало тѣмъ одушевленіемъ, какое приноситъ съ собою усиленная и успѣшная дѣятельность. Но оживленіе это не передавалось Надѣ.

— У васъ много было дѣла за послѣднее время,— проговорила она съ тѣмъ только, чтобъ отвѣтить что-нибудь.

— И вы не можете себѣ представить, какъ я радъ этому дѣлу! Теперь только я чувствую, что у меня въ самомъ дѣлѣ въ рукахъ вожжи, и, благодаря мнѣ, все здѣсь движется и, надѣюсь, не сойдетъ съ настоящаго пути. По-моему тогда только хорошо живется, когда чувствуешь, что съ каждымъ шагомъ идешь къ цѣли. А знаете ли, что за эту недѣлю я ни разу и не заглянулъ въ свою лабораторію, право.

Надя не возразила ничего.

— Ну-съ, до свиданія, Надежда Сергѣевна,—протянулъ онъ ей руку,—мнѣ торопиться надо.—Трогай,—приказалъ онъ кучеру.

Тройка дрогнула и живо понеслась по дорогѣ. Тарантасъ скоро исчезъ за облакомъ пыли.

Надя безо всякой опредѣленной цѣли свернула на тотъ же межникъ, по которому шли крестьяне. Тяжело у ней было на сердцѣ и на радостное чувство Дмитрія отозваться она не могла.

„Развѣ онъ могъ бы, говорила она себѣ, такъ всецѣльно отдаться работѣ, такъ охотно принимать на себя дрязги по управленію Никольскимъ, съ тѣмъ только, чтобъ угодить Еленѣ, еслибъ онъ...“

Надя и себѣ не договаривала свои мысли, но болѣзненно щемившее сердце сознавало, что въ этой кипучей жизни для нея мѣста не было.

Во время ихъ ночной встрѣчи была однако минута, когда у молодой дѣвушки мелькнула надежда, что онъ можетъ быть относится къ ней не съ одною только дружескою заботливостію. Но это, конечно, было самообольщеніе. У Дмитрія къ ней было, можетъ быть, состраданіе къ ея тяжелому положенію въ ихъ домѣ—и только. О, еслибы Дмитрій могъ поскорѣе успѣшно выйти изо всѣхъ неразрѣшенныхъ еще затрудненій. Если бы всякая опасность была устранена, съ какою радостною поспѣшностію она уѣхала бы отсюда, чтобы никогда, никогда уже не встрѣчаться съ Корецкими!

— Надежда Сергѣевна, куда вы?—сзади обозвалъ ее чьей-то голосъ.

Она обернулась; за нею шелъ сынъ священника Василій съ какимъ-то тяжелымъ инструментомъ въ рукахъ, нести который ему помогалъ Брусковъ.

— Представьте себѣ, астролябію забылъ,—насмѣшливо заговорилъ Брусковъ,—пришлось домой сбѣгать. Хорошъ землемѣръ!

— А вы тоже на межу, Александръ Ѳомичъ?—машинально спросила Надя.

— Да такъ, отъ нечего дѣлать,—засмѣялся онъ.—Лѣтомъ, вѣдь, школьному учителю только бить баклуши приходится, да барскія денежки себѣ даромъ въ карманъ класть.

— Охота же вамъ было проситься на эту должность, коли такъ,—возразила Надя.

— Что-жъ,—повелъ онъ плечами,—коли добрые люди платятъ, да вы такъ милостивы были, что незнакомаго человѣка рекомендовали...

— А васъ по настоящему,—сказалъ Василій,—пожурить надо. Вѣдь, это вы, кажется, нашего магната надоумили съ мужиками сойтись.

Слова эти и тонъ, какими они были сказаны, непріятно прозвучали въ ушахъ Нади.

— Я думаю, и безъ меня бы это сдѣлалось,—отвѣчала она сухо.—А вамъ, при вашихъ убѣжденіяхъ, слѣдовало бы радоваться, что мужики лучше заживутъ.

— Вотъ какъ,—вмѣшался Брусковъ,—за какихъ же вы насъ идіотовъ принимаете, что такіе узоры передъ нами разводите. Изъ силъ мы здѣсь съ Василіемъ Зосимычемъ выбиваемся, чтобы втолковать этимъ осламъ все безобразіе такого положенія дѣлъ, при которомъ у господъ Корецкихъ, то-есть у трехъ человѣкъ, въ двадцать разъ больше земли, чѣмъ у двухсотъ душъ бѣлостолбовскихъ крестьянъ, а вы намъ все дѣло испортили. Развѣ вы не понимаете, что когда они съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ помирятся, ничѣмъ ужъ этихъ олуховъ не разшевелишь? Эхъ, барышня, барышня, а вы, я увѣренъ, все изъ самыхъ благихъ побужденій... Романтизмъ вѣчный, улучшеніе быта! А что въ немъ толку въ этомъ улучшеніи?

— Да какъ вамъ не стыдно такъ говорить?—съ негодованіемъ воскликнула Надя.

— Вотъ еще стыдно! Вамъ дѣло толкуешь, объяснить вамъ стараешься въ чемъ ваша ошибка, а вы говорите стыдно!.. Да вы ужъ не изъ нашихъ развѣ?.. а впрочемъ, Вася, — и Брусковъ хлопнулъ по плечу земле-

мѣра,—дѣло, вѣдь, не окончательно испорчено. Земля-то еще не отведена!

— Василій Зосимычъ,—обратилась теперь Надя къ молодому человѣку почти умоляющимъ голосомъ,—да вы не станете, надѣюсь, теперь отговаривать крестьянъ: они, я знаю, васъ охотно послушаютъ. Вы здѣсь въ селѣ выросли. Вы понимаете, какую отвѣтственность приняли бы на себя...

— Надежда Сергѣевна, да что же это, наконецъ,—вмѣшался Брусковъ,—вы его еще хотите съ толку сбить? на что-жъ это похоже?

Надя, не слушая, продолжала уговаривать Василія, напоминая ему, какъ часто онъ самъ говорилъ съ нею прежде о необходимости обезпечить крестьянъ. Молодой человѣкъ только молча покусывалъ усы.

— Вы совсѣмъ перешли въ непріятельскій лагерь,—съ гнѣвнымъ изумленіемъ перебилъ ее Брусковъ.

— Пойдемъ живѣе, Василій, мужики, видишь, тамъ дожидаются; а вы, я думаю,—снова обратился онъ къ Надѣ,—не станете обходить съ нами межу; больно ужъ не дамское это дѣло. Или, можетъ быть, пожелаете ораторскій талантъ пустить въ ходъ съ господами сельскими обывателями. Ну-съ, барышня, до свиданія, не взыщите, коли мы васъ покидаемъ.

И, приподнявъ картузъ, онъ крупными шагами вмѣстѣ съ Василіемъ направился къ стоявшей впереди группѣ крестьянъ.

V.

Нерадовичъ не торопился окончаніемъ своей работы въ Бѣлыхъ Столбахъ. Онъ уже третій день чинилъ паровикъ и предупредилъ Дмитрія, что еще добрую недѣлю придется съ нимъ провозиться.

Слишкомъ уже сподручно было Льву Александровичу находиться подъ удобнымъ предлогомъ въ самомъ сердцѣ непріятельскаго лагеря. Ночевалъ онъ въ усадьбѣ,

въ рабочей избѣ, чтобы не терять времени на напрасную бѣготню взадъ и впередъ. Володѣ и Надѣ онъ, разумѣется, избѣгалъ попадаться на глаза: у Корецкихъ и не подозрѣвали, кто поселился у нихъ подъ именемъ Ефима Петрова. Дмитрію Нерадовичъ казался умѣлымъ и ловкимъ мастеромъ и ему онъ думалъ поручить уходъ за паровикомъ на время молотьбы, такъ какъ другого машиниста подъ рукой пока не было.

Мастерству Нерадовичъ выучился не на петербургскомъ заводѣ, какъ увѣрилъ онъ Петра Николаевича. Уже пять лѣтъ назадъ, будучи еще учителемъ словесности, онъ исподволь подготовилъ себя къ машинному дѣлу, вѣрно разсчитавъ, что это едва ли не лучшій способъ для „хожденія въ народъ“ на тотъ случай, если ему придется испробовать свои силы въ пропагандѣ среди крестьянъ. Въ то самое время, когда Надя встрѣтилась съ Дмитріемъ на большой дорогѣ, Нерадовичъ шелъ торопясь по широкой улицѣ села: онъ заходилъ въ школу къ Брускову и отправлялся на работу.

— Приходи, братъ, пособишь мнѣ въ сараѣ,—остановилъ онъ попавшагося навстрѣчу ему рабочаго, одного изъ недавно нанятыхъ Дмитріемъ.—Одному мнѣ не справиться, а всѣ, кажись, зачѣмъ-то въ поле ушли.

— Да, баринъ велѣлъ на межу идти, вѣхи втыкать,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, бѣда не велика, коли однимъ меньше будетъ, пойдемъ.

Вокругъ нихъ, между тѣмъ, собралось человѣкъ съ десятокъ парней, которымъ наканунѣ уборки, да еще въ воскресенье, было нечего дѣлать.

— А что тамъ межевать собираются?—обратился къ нимъ Нерадовичъ, будто совсѣмъ не догадывался, въ чемъ дѣло.

— Да слышно, вишь, старики у барина землю сняли на пятнадцать лѣтъ,—отвѣчалъ ему одинъ изъ парней, осклабясь неизвѣстно почему.

— Вотъ какъ, на пятнадцать лѣтъ! — добродушно

разсмѣялся Нерадовичъ. — Хитеръ видно баринъ-то вашъ. —И будто невзначай, Левъ Александровичъ сталъ разсказывать, что не черезъ пятнадцать лѣтъ, а всего черезъ какой-нибудь годъ или два непремѣнно выйдетъ новая воля и на всю землю будетъ общій передѣлъ; а ему это доподлинно извѣстно, потому онъ самъ въ городѣ слышалъ, какъ о томъ генералы говорили. Между тѣмъ къ кучкѣ парней теперь присоединилось и нѣсколько мужиковъ постарше, изъ настоящихъ хозяевъ.

— Да ты что родимый, — недовѣрчиво проговорилъ одинъ изъ нихъ, совсѣмъ тихій на видъ, хоть онъ постоянно болѣе всѣхъ кричалъ на сходкахъ, — правду настоящую говоришь, или такъ себѣ языкъ чешешь? И мы-то про волю слыхивали, только вотъ ужъ который годъ, а нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Да больно скоро захотѣли, а про то и не слыхивали, что господа царскій указъ попамъ строго-на строго въ церквахъ читать запретили, космы имъ остричь грозятся, а ужъ извѣстное дѣло: что такое стриженый попъ? Только вотъ теперь слышно — царь всѣ ихнія штуки поразвѣдалъ и указъ секретнѣйшій прямо по волостямъ разошлетъ.

— Такъ что-же это мы съ дуру-то,—нерѣшительно проговорилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Ну ты, слушай его, мало ли что вретъ,—сказалъ другой, плюнулъ и отошелъ въ сторону.

— Да вы все же поторопились-то, кажись, напрасно,— продолжалъ Нерадовичъ, замѣтивъ что ему не особенно довѣряютъ.

— Коли указъ-то выйдетъ, а вы себя на пятнадцать лѣтъ связали, будете сожалѣть, да поздно; да что съ вами толковать! Не мое дѣло, а ваше.

И Нерадовичъ пошелъ своею дорогой.

— А ну, коли оно и взаправду-то такъ,— послышались за нимъ нерѣшительные голоса,— будемъ мы въ дуракахъ, что подписали условіе.

— Подписали-то подписали, а явить не явили,—за-

мѣтилъ смирный на видъ воротило сходокъ; и говорившіе съ Нерадовичемъ крестьяне побрели на межу› гдѣ уже принялись разставлять вѣхи.

Нѣсколько часовъ спустя Брусковъ сидѣлъ въ своей комнатѣ при школѣ за токарнымъ станкомъ. Онъ только-что отточилъ круглую деревянную чашку.

— Эко, баринъ, хитрая штука какая,—проговорилъ всматриваясь въ станокъ мужикъ, зашедшій къ Брускову посовѣтоваться насчетъ своей зашибленной руки. Неизвѣстно почему въ Бѣлыхъ Столбахъ среди крестьянъ Брусковъ пріобрѣлъ репутацію знахаря.

— Да ты, баринъ, свою работу продаешь что ли?—продолжалъ мужикъ.

— Такъ, больше для потѣхи, — разсмѣялся Брусковъ. — На, возьми, пригодится... Онъ протянулъ ему чашку.

— Много благодарны, — отвѣтилъ тотъ ему поклономъ, не трогаясь съ мѣста.

— Ну, братецъ, а теперь ступай, у меня дѣло есть.

— А насчетъ руки какъ же скажете?—переминаясь съ ноги на ногу продолжалъ разспрашивать мужикъ.

— Говорятъ тебѣ, пройдетъ. Что, право, повадились вы ко мнѣ изъ-за всякихъ пустяковъ ходить!..—Не въ обычаѣ Брускова было нѣжничать съ народомъ, хоть это, повидимому, не мѣшало ему пользоваться нѣкоторою популярностью. — А, Яковъ Степановичъ, что скажете? — и Брусковъ протянулъ руку вошедшему Якову.—А ты, братецъ, ступай,—повторилъ онъ нерѣшавшемуся уйти мужику.

Тотъ вздохнулъ, кашлянулъ и медленно вышелъ, раза два обернувшись на порогѣ.

— Есть новости какія? — снова обратился Брусковъ къ Якову совсѣмъ уже инымъ, оживленнымъ голосомъ.

— Да вотъ разсчиталъ меня Дмитрій Алексѣевичъ,—сумрачно проговорилъ Яковъ. — Завтрашній день отсюда уберусь куда-нибудь; такъ вотъ я насчетъ этого къ вамъ и зашелъ.

— Ну, положимъ, разсчитали-то васъ по дѣломъ,— съ короткимъ беззвучнымъ смѣхомъ отозвался Брусковъ.—А убираться вамъ покуда незачѣмъ. Пригодитесь еще.

— Нѣтъ ужъ, Александръ Ѳомичъ, увольте. Дѣлать мнѣ здѣсь ровно нечего. Народу здѣшнему, вы знаете, я по душѣ не прихожусь.

— Да какъ же это,—съ тѣмъ же небрежнымъ смѣхомъ продолжалъ Брусковъ, — наканунѣ важныхъ событій? Крестьяне, я думаю, завтра на работу не выйдутъ, а?

— А чортъ ихъ знаетъ, у нихъ семь пятницъ на недѣлѣ,—презрительно и злобно отвѣчалъ Яковъ.—Пока одно только вижу, что по вашей милости я мѣста лишился, а мѣсто хорошее.

— Дѣло у нихъ съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ разойдется,—сказалъ Брусковъ, не обращая вниманія на послѣднія слова Якова.—Мужики съ межи ушли; говорятъ, зачѣмъ намъ съ бариномъ связываться, коли вся земля-то наша будетъ. Это Нерадовичъ съ Василіемъ ловко устроили.

— Пустое они говорятъ, Александръ Ѳомичъ,—покачалъ головой Яковъ,—этому не бывать.

— Добромъ, конечно, не бывать. Намъ съ вами другъ друга морочить незачѣмъ. А когда они за умъ возьмутся, да сами за себя постоятъ, и безо всякаго указа земля будетъ ихняя. Какъ вы на этотъ счетъ думаете?

Но Яковъ не отвѣчалъ. По лицу его пробѣжала словно судорога, но оно тотчасъ опять приняло свое безжизненное выраженіе.

Яковъ еще въ Москвѣ, гдѣ онъ два года прожилъ у столярнаго мастера, сбился съ обычной колеи простого рабочаго. Онъ былъ родомъ дворовый человѣкъ и стараніями прежняго барина научился грамотѣ и столярному мастерству. Но грамота ему въ прокъ не пошла. Всегда несообщительный и угрюмый, онъ не ладилъ съ другими рабочими, не ходилъ въ кабакъ, но

за то очень легко поддался увѣщаніямъ какого-то залетнаго диллетанта по дѣлу „просвѣщенія“ массъ. Онъ вышелъ какимъ-то недодѣланнымъ, съ обрывками понятій, крѣпко засѣвшихъ въ его упрямой головѣ. При всей его сноровкѣ и ловкости онъ ни къ какой настоящей работѣ не былъ уже пригоденъ, такъ какъ и потерялъ охоту работать и въ будущемъ ничего опредѣленнаго передъ собой не видѣлъ. Для русскаго рабочаго отстать отъ своего брата хуже, можетъ быть, чѣмъ для всякаго иного. Въ Бѣлыхъ Столбахъ онъ могъ бы жить припѣваючи, да и не давалъ ему покоя тотъ несвязный сумбуръ, котораго онъ нахватался въ Москвѣ. Съ мужиками онъ держался сурово и презрительно и въ тоже время мечталъ о „черномъ передѣлѣ“. Когда Нерадовичъ, съ мѣсяцъ передъ тѣмъ, въ первый разъ явился въ околоткѣ, онъ сбилъ Якова окончательно съ толку и обратилъ его въ слѣпое орудіе.

— Что-жъ вы, батюшка, молчите?—опять спросилъ Брусковъ, снова принимаясь за станокъ.—Вы же говорили, что у васъ до меня есть дѣло?

— Да я такъ, больше чтобъ узнать не будетъ ли какихъ порученій; я думалъ въ городъ къ мастеру опредѣлиться. Мнѣ тамъ сподручнѣе будетъ, а въ городѣ, можетъ, и случай представится другихъ надоумить насчетъ притѣсненій рабочаго человѣка, значитъ, отъ капиталистовъ.

Яковъ вдругъ оживился, словно произнесенное имъ мудреное выраженіе подѣйствовало на него, какъ электрическая искра.

— Тамъ все-таки народъ развитѣе будетъ, лучше мужичья понимаетъ...

Дверь въ комнату заскрипѣла и вошедшій Нерадовичъ перебилъ Якова. Онъ мимоходомъ кивнулъ головой бывшему старостѣ и обратился къ Брускову.

— Что-жъ, чѣмъ дѣло кончилось,—живо спросилъ онъ, — отказались? Я видѣлъ, что мужики съ межи ушли.

— Ушли-то ушли,—отвѣтилъ Брусковъ,—да новый староста, котораго вчера наняли, кремень настоящій, потребовалъ, чтобы Василій продолжалъ межеваніе съ рабочими, а Трофима настращалъ бариномъ. Тотъ и не знаетъ въ чью сторону ему гнуть. Сходку на селѣ собираетъ.

— Чортъ бы побралъ эту мокрую курицу! Ну, а вы, Яковъ, уходить собираетесь?

Яковъ повторилъ то, что сказалъ передъ тѣмъ Брускову, но уже нерѣшительно и вяло. Онъ словно побаивался Нерадовича.

— Порученій вамъ теперь не будетъ никакихъ,—оборвалъ онъ Якова.—Въ городѣ вамъ дѣлать нечего: почва не подготовлена, а спасибо вамъ за то, что молотилку испортили и дали мнѣ возможность здѣсь водвориться. Нерадовичъ сухо кивнулъ ему головой.

Яковъ молча простоялъ еще съ минуту, но Левъ Александровичъ повторилъ, на этотъ разъ уже нетерпѣливо, движеніемъ головой въ знакъ того, что ему нечего болѣе сказать своему подручнику.

— Много вамъ благодаренъ, значитъ, что изъ-за васъ мѣста лишился, — сказалъ Яковъ и, слегка поклонившись, вышелъ изъ комнаты.

— Ничего изъ него путнаго не выйдетъ, — равнодушно произнесъ ему вслѣдъ Нерадовичъ, — такой человѣкъ, ни рыба, ни мясо, да и съ народомъ ладить не умѣетъ.

Дверь опять растворилась и впустила на этотъ разъ тощую особу г. Гондзевскаго.

— А-а, вотъ и еще интересная жертва помѣщичьяго деспотизма, — привѣтствовалъ его Левъ Александровичъ.—Садитесь и разсказывайте.

Нерадовичъ ткнулъ перстомъ въ спинку аляповатаго деревяннаго стула, ножки котораго были выточены Брусковымъ.

Интересная жертва была одѣта съ иголочки въ голубой сюртукъ и въ невѣроятные штаны сиреневаго

цвѣта, на плоскихъ ногахъ были лаковыя ботинки, а на шеѣ красовался голубой шелковый галстукъ съ розовыми горошинками. Полякъ самодовольно пріосанился и сталъ увѣрять, что, благодаря его старанію, Никольскіе крестьяне доведены до крайней степени раздраженія.

— Они теперь ни на какія соглашенія не пойдутъ, — закончилъ онъ.

— Ну, положимъ, на этотъ счетъ иллюзій себѣ дѣлать не слѣдуетъ,—замѣтилъ Нерадовичъ, обращаясь къ Брускову.—Сторонниковъ мы, въ сущности, не пріобрѣли ни одного, за исключеніемъ развѣ Якова. Да не въ этомъ дѣло. Пусть они только побушуютъ хорошенько, а тамъ чортъ съ ними.

— Нѣтъ, могу васъ увѣрить, — продолжалъ Гондзевскій, — что недостойный образъ дѣйствій Дмитрія Алексѣевича...

— Эхъ, батюшка,—перебилъ его Брусковъ, — между нами-то вы бы по крайней мѣрѣ эти разводы не разводили. Дмитрій Алексѣевичъ ровно ничего возмутительнаго не сдѣлалъ, а вы вотъ, конечно, постарались раздуть по возможности неудовольствіе мужиковъ.

— Не вамъ, кажется, на то жаловаться,— обиженно проговорилъ Гондзевскій,—а я конечно глубоко оскорбленъ въ своей чести, тѣмъ болѣе, что господинъ Корецкій не только своими интригами лишилъ меня мѣста, но съ наглостію требуетъ, чтобъ я выѣхалъ изъ Никольскаго и даже позволяетъ себѣ грозить мнѣ судомъ. Я, разумѣется, не поддаюсь, — меня не испугаешь.

— Стойкость главное дѣло,—сквозь зубы и довольно презрительно вставилъ Брусковъ.

При сдачѣ имѣнія Гондзевскій выдумывалъ разныя проволочки и всячески осложнялъ эту непріятную для него операцію. При этомъ обнаружились такіе грѣшки, что Дмитрію пришлось ему пригрозить слѣдователемъ.

— Ну-съ, а какъ будетъ насчетъ презрѣннаго метал-

ла? — спросилъ Нерадовичъ, забарабанивъ пальцами по столу, за которымъ онъ сидѣлъ.

Тому, кто вошелъ бы въ комнату въ эту минуту, не зная отношеній этихъ трехъ людей, непонятнымъ бы показалось, какъ это невзрачный и сутуловатый мужикъ, въ плохомъ сермяжномъ кафтанѣ да въ стоптанныхъ сапогахъ, обращался съ двумя остальными какъ начальникъ съ подчиненными. А Нерадовичъ и не думалъ смягчать повелительный тонъ, не допускавшій возраженій, когда онъ говорилъ съ Брусковымъ и Гондзевскимъ.

Полякъ осклабился:

— Я могу вамъ передать всего восемьсотъ рублей,— сказалъ онъ, доставая бумажникъ изъ кармана,—знаю что мало, да что прикажете дѣлать? за годъ управленія...

— Да что вы съ нами-то виляете, — нетерпѣливо перебилъ его Нерадовичъ.—Напрасная потеря времени: давайте сюда деньги. — Онъ бережно сосчиталъ ихъ и передалъ Брускову.—У васъ, Александръ Ѳомичъ, есть гдѣ спрятать,—сказалъ онъ, и снова обратился къ Гондзевскому.

— Мы, вѣдь, всѣ очень хорошо знаемъ, какими путями добываются подобныя сбереженія.

— И можемъ догадаться, что себя вы при этомъ не забыли,—добавилъ Брусковъ.

Гондзевскій вздумалъ протестовать.

— Ну, ну, пожалуйста не теряйте лишнихъ словъ,— остановилъ его Нерадовичъ, — а то мы, пожалуй, у васъ спросимъ, сколько вамъ заплатили крестьяне за право разчистки господскаго лѣса. Меня-то, батенька, вы не проведете; а, Василій, съ какими вѣстями?—живо обратился онъ къ входившему землемѣру. Тотъ не сразу отвѣтилъ: онъ сильно запыхался, и усталое, разгоряченное лицо, съ котораго потъ лилъ градомъ, да покрытые цѣлымъ слоемъ грязи и пыли высокіе сапоги свидѣтельствовали о томъ, что онъ въ этотъ день топтался не мало.

— Вы ужъ знаете, что мужики съ межи ушли,—заговорилъ онъ усѣвшись.—Думали, голосили долго, наконецъ-таки рѣшились уйти, наши старанія, значитъ, не пропали. Я продолжалъ работу, какъ вдругъ прибѣжалъ изъ села ко мнѣ посланный и говоритъ, что баринъ приказалъ бросить межеваніе. Я, разумѣется, сейчасъ въ село, узнать въ чемъ дѣло. На сходкѣ проспорили долго. Наконецъ осилили тѣ, кто господской земли брать не хотѣлъ. Когда Дмитрій Алексѣевичъ изъ города пріѣхалъ, Трофимъ къ нему сейчасъ съ извѣстіемъ, что крестьяне отъ условія отказываются. Дмитрій Алексѣевичъ вспылилъ. Говорятъ, въ такомъ гнѣвѣ его никто не видáлъ. Пошелъ онъ на село и принялся увѣщевать крестьянъ. Но не тутъ то было; когда мужикъ заартачится, извѣстное дѣло, чѣмъ больше его убѣждать, тѣмъ онъ больше на попятный. И земли, говорятъ, вашей брать не хотимъ, пускай все будетъ по старому, а работать на васъ тоже не желаемъ. Шабашъ! На томъ и порѣшили.

Глаза Василія словно прыгали отъ удовольствія, когда онъ это разсказывалъ. Нерадовичъ и Брусковъ потирали руки.

— Теперь, главное, не терять времени,—сказалъ Левъ Александровичъ и заходилъ по комнатѣ.—На работу завтра мужики не выйдутъ, но этого недовольно. Теперь бы ихъ подбить на что-нибудь такое!...

Онъ молча прошелся раза два, усиленно работая мыслью.

— Надо, чтобъ изъ этой исторіи вышло что-нибудь крупное, настоящее...

— Боюсь, вы одно только, Нерадовичъ, упускаете изъ виду,—вмѣшался Брусковъ,—то, что васъ знаютъ въ Бѣлыхъ Столбахъ двѣ личности, на которыхъ вамъ разсчитывать никакъ нельзя.

— Ну, Володя не страшенъ,—перебилъ его Нерадовичъ.

— Но зато ваша хваленая Надежда Сергѣевна...

Нерадовичъ рѣзко оборвалъ Брускова, и жилы у него на лбу налились; но Брусковъ настаивалъ и, ссылаясь на Василія, разсказалъ про свою встрѣчу съ Надей. Нерадовичъ прослушалъ его молча, съ трудомъ сдерживая гнѣвъ.

— Ну-съ, это мое дѣло, — сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ.—Будетъ, что будетъ, а мнѣ сдается, что Бѣлымъ Столбамъ не сдобровать.

VI.

Было уже довольно поздно, когда Дмитрій вернулся домой послѣ своей неудачи съ крестьянами.

Анна Григорьевна встрѣтила его молча: не любила она тратить слова на напрасные упреки. Но глаза ея говорили ясно, какого мнѣнія она была на счетъ примирительныхъ попытокъ сына.

— Володя,—обратился Дмитрій къ брату,—съѣзди сейчасъ же къ Томилину и попроси его завтра утромъ побывать въ Никольскомъ. Скажи ему, что я очень разсчитываю на его вліяніе на тамошнихъ крестьянъ. Если тамъ все гладко обойдется, со здѣшнимъ народомъ я справлюсь.

Потомъ онъ коротко и отчетливо отдалъ новому старостѣ приказанія на счетъ завтрашняго дня и послалъ во всѣ сосѣднія деревни пригласить тамошнихъ въ Бѣлые Столбы на уборку. Онъ не выказывалъ при этомъ ни той тревоги, ни того нетерпѣнія, какими обыкновенно отличаются у насъ распоряженія по хозяйству въ затруднительныя минуты. Его хладнокровіе даже поразило Надю, слѣдившую за каждымъ его словомъ съ возрастающимъ чувствомъ стыда и вины передъ нимъ.

Когда они остались вдвоемъ, послѣ ухода Анны Григорьевны, и Дмитрій, слегка утомленный, не примѣчая ея присутствія, опустился на кресло, она нерѣ-

шительно приподняла на него глаза и заговорила съ несвойственнымъ ей дрожаніемъ въ голосѣ.

— Вы на меня сердитесь, Дмитрій; я дала вамъ дурной совѣтъ, и вы совершенно правы...

Но онъ не далъ ей договорить.

— На этотъ счетъ вы можете быть спокойны. Сердиться на васъ? съ какой стати? Вы тутъ ни при чемъ.

Хотя онъ сказалъ это почти весело, въ его словахъ ей послышался оттѣнокъ пренебреженія, будто онъ отрицалъ самую возможность какого бы то ни было вліянія съ ея стороны.

— Развѣ я кажусь вамъ раздраженнымъ?—продолжалъ онъ, вглядываясь въ Надю.

— Я даже удивляюсь, какъ мало вы...

— Э, помилуйте,—снова перебилъ онъ ее,—плохо же вы меня знаете, Надя. Раздражаются противъ людей, на которыхъ разсчитываютъ; отъ мужиковъ я не жду для себя ровно ничего, да и не въ правѣ ждать. Они могутъ мнѣ причинить развѣ хлопоты да скуку, но ужъ, воля ваша, не раздраженіе. Я его приберегаю для иныхъ случаевъ. А вотъ съ пріятелемъ вашимъ, съ Василіемъ,—неожиданно окончилъ онъ вставая,—я-таки раздѣлаюсь.—Это слово, пріятель, опять прозвучало для нея какъ упрекъ.—А теперь, Надя, прощайте-съ.—И онъ протянулъ ей руку,—мнѣ завтра приходится вставать съ пѣтухами.

На слѣдующее утро, уже въ пять часовъ, онъ былъ на ногахъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, мужики не вышли на работу, и обширная гладь полей по прежнему оставалась безлюдною и нѣмою. Рабочіе, нанятые въ городѣ, пришлись очень кстати. Съ крестьянами Дмитрій уже въ переговоры не входилъ; изъ посланныхъ въ сосѣднія деревни двое принесли обѣщаніе явиться на косьбу ржи изъ „уваженія“ къ барину, т. е. за приличную плату съ водкой въ придачу.

Дмитрій разсчиталъ, что съ ихъ помощью даже

своими рабочими рожь могла быть выкошена въ пять дней.

Но какъ на зло въ одиннадцатомъ часу на дорогѣ изъ Никольскаго показалась тройка Ѳедора Васильевича и, завидя Дмитрія на полѣ, Томилинъ поспѣшилъ къ нему съ извѣстіемъ, что Никольскіе крестьяне, подбитые Гондзевскимъ, не только рѣшительно отказались выйти на работу, но еще грозились не пускать другихъ.

Ѳедоръ Васильевичъ и стращалъ и уговаривалъ народъ, но это не привело рѣшительно ни къ чему.

— Они мнѣ прямо объявили,—закончилъ онъ,—что съ косами пойдутъ на всякую деревню, какая вздумала бы наняться у Ордынцевыхъ. Что тутъ прикажете дѣлать? Вы сами знаете, что наше вліяніе что-нибудь значитъ, лишь пока самимъ крестьянамъ угодно въ него вѣрить. Оно какъ чучело для птицъ, котораго перестаютъ бояться, какъ только на него сѣлъ воробей.

— Но посмотримъ какъ они съ косами пойдутъ,— вспылилъ Дмитрій, и тотчасъ приказалъ нанятыхъ имъ наканунѣ рабочихъ послать въ Никольское. Онъ сознавалъ себя отвѣтственнымъ предъ Еленой Михайловной, такъ какъ изъ-за него и возникла вся эта кутерьма.— Я хотѣлъ, чтобъ этого Гондзевскаго подъ судъ отдали,— сказалъ онъ, усаживаясь съ Томилинымъ въ тарантасъ.— Столько разныхъ грѣшковъ открылось, что немудрено было его въ острогъ упечь. Но Елена Михайловна и дядюшка про это и слышать не хотѣли. И что же? Намъ теперь приходится спокойно глядѣть, какъ этотъ франтъ у насъ подъ самымъ носомъ безнаказанно возбуждаетъ мужиковъ. Елена Михайловна питала свойственное почти всѣмъ свѣтскимъ женщинамъ отвращеніе ко вмѣшательству оффиціальной власти, а у Петра Николаевича сказывалась боязнь передъ разоблаченіями Гондзевскаго.

— Поживете, батенька, узнаете, — возразилъ Томилинъ, — каковы наши средства, то-есть понимаете, законныя средства, противъ любого, кто вздумаетъ травить на насъ мужиковъ. Да и хорошо еще, коли госпо-

динъ такой является не въ оффиціальной ливреѣ. И это бываетъ!..

— Ахъ да, кстати, я вамъ хотѣлъ, какъ предсѣдателю съѣзда и бывшему посреднику, сказать, какъ накуралѣсилъ у меня нашъ землемѣръ, тоже оффиціальная ливрея, какъ видите!—И Дмитрій передалъ Томилину про случившееся наканунѣ въ Бѣлыхъ Столбахъ.— Пускай онъ идетъ себѣ на всѣ четыре стороны, Христосъ съ нимъ! Но держать его на казенной службѣ, воля ваша, глупо. Вѣдь, не мнѣ одному онъ насолитъ.

— На этотъ счетъ могу васъ успокоить,—отвѣчалъ Томилинъ. — Вчера въ городѣ мнѣ говорилъ Коневецкій, что сдѣлано распоряженіе объ арестованіи Василія Тріумвирова (это была семинарская фамилія отца Зосимы), онъ, кажется, замѣшанъ въ дѣлѣ раздачи прокламацій въ Дѣвичьей Слободѣ у предводителя.

Гнѣвъ Дмитрія мгновенно упалъ. Ему не то чтобы жаль стало молодого малаго, но Василій тотчасъ показался ему беззащитнымъ существомъ, противъ котораго уже невозможно было никакое раздраженіе.

— На дняхъ, должно быть,—продолжалъ Томилинъ,— къ вамъ сюда власти наѣдутъ, предупреждаю васъ. Они тамъ разузнали какъ-то, что здѣсь въ околоткѣ скрывается какой-то очень важный агитаторъ, Нерадовичемъ его, кажется, зовутъ. Онъ въ городѣ у нихъ цѣлыя три недѣли подъ самымъ носомъ орудовалъ, да не досмотрѣли, должно быть, изъ рукъ выпустили.

Дмитрій поморщился. Очень ужъ не нравилась ему перспектива непрошеннаго полицейскаго вмѣшательства.

Въ Никольскомъ Дмитрій засталъ Петра Николаевича въ крайне возбужденномъ настроеніи. Съ несвойственною ему горячностью сановникъ отпускалъ несвязныя гнѣвныя слова. Два раза, не смотря на присутствіе Елены, онъ даже прокричалъ: „Это чортъ знаетъ что такое!“ и при этомъ сердито комкалъ бывшее у него въ рукахъ письмо.

— Подъ судъ этого мошенника надо,—твердилъ онъ.—

Я не понимаю, какъ давно не заявили слѣдователю про штуки Гондзевскаго!

Негодованіе Петра Николаевича объяснялось тѣмъ, что наканунѣ вечеромъ бывшій управляющій написалъ Еленѣ длинное письмо, въ которомъ намекалъ на какія то суммы, посланныя имъ Петру Николаевичу и неизвѣстно куда исчезнувшія. „Мои дѣйствія,—гордо заканчивалъ свой доносъ Гондзевскій,—позволилъ себѣ очернить человѣкъ, который, не смотря на свое высокое положеніе, не постыдился присвоить себѣ деньги, принадлежащія сиротѣ“.

Елена тотчасъ переслала это письмо къ своему товарищу по опекѣ, прибавляя отъ себя, что она даже не хочетъ остановить своего вниманія на такомъ грязномъ доносѣ. Въ сущности, она была не прочь уколоть Петра Николаевича подъ видомъ нежеланія вступаться въ дѣло поднятое Гондзевскимъ.

— Послѣ этого я ни минуты болѣе не останусь опекуномъ,—произнесъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства.—Я уѣду отсюда черезъ два дня и тотчасъ сдамъ все: отчеты, деньги, чтобы не слышать больше объ этихъ противныхъ дрязгахъ. Въ моемъ положеніи, при моихъ занятіяхъ, я не могу терять времени на хлопоты по чужимъ, разстроеннымъ дѣламъ. Я принялъ опеку ради моего покойнаго друга, — и Петръ Николаевичъ устремилъ свои генеральскіе взоры горѣ, то-есть, на потолокъ, — и если я встрѣчаю неблагодарность, на мое мѣсто возьмите кого хотите, хотя бы любого изъ моихъ молокососовъ племянниковъ!

Голосъ Петра Николаевича оборвался. Елена не отвѣчала. Она была очень рада случаю отдѣлаться отъ навязаннаго ей товарища по управленію, но слѣдовало все-таки выказать недовольное удивленіе расходившемуся сановнику, который позволилъ себѣ въ ея домѣ возвышать голосъ и дѣлать неприличную сцену.

Петръ Николаевичъ слегка опѣшилъ, замѣтивъ холодное и гордое выраженіе глазъ Елены. Эти глаза умѣли сдерживать и не такихъ орловъ.

— А Гондзевскаго подъ судъ, — обратился Петръ Николаевичъ уже къ Дмитрію, значительно понизивъ голосъ.—Пусть онъ мнѣ не попадается на глаза.

— Э, дядюшка, бросьте,—отвѣчалъ Дмитрій,—теперь намъ, право, не до Гондзевскаго.

И онъ въ двухъ словахъ, не обращая уже вниманія на дядю, передалъ Еленѣ про положеніе дѣлъ. Она его слушала съ притворнымъ вниманіемъ, желая казаться благодарною за его усилія. Но слова Дмитрія были для нея однимъ пустымъ звукомъ. Её раздражала эта вѣчная заботливость о дѣлахъ Никольскаго. Каждый разъ, когда Дмитрій заговаривалъ про эти дѣла, она видѣла въ его словахъ что-то насмѣшливое, почти обидное для себя, словно онъ настаивалъ на этихъ безразличныхъ для нея вопросахъ какъ разъ для того, чтобы рѣзче провести черту между настоящимъ и недавнимъ прошлымъ. И какая-то невидимая стѣна, Елена чувствовала это, все выше и выше поднималась между ними, хоть имъ чуть-ли не каждый день приходилось встрѣчаться.

— Елена Михайловна, вы меня не слушаете, — вдругъ сказалъ Дмитрій, пораженный странною неподвижностью ея взгляда.

Елена словно очнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, — проговорила она, принужденно улыбаясь, — я вамъ очень признательна... безъ васъ, я думаю, новый управляющій потерялъ бы голову.

Ѳедоръ Васильевичъ пріискалъ для Никольскаго старика нѣмца, съ хорошими рекомендаціями, случайно оставшагося безъ занятій.

— Все это очень, очень трудно,—продолжала она съ видимымъ усиліемъ, и намѣренно стала преувеличивать свои опасенія, хотя для нея, въ эти послѣдніе дни, Никольское будто не существовало вовсе.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались торопливые шаги, и графъ Борисъ Сергѣевичъ стремительно вошелъ, не здороваясь ни съ кѣмъ.

— Хороши здѣшніе мужики, — воскликнулъ онъ, обращаясь къ Дмитрію,—и, нечего сказать, отлично вы распорядились... Мы съ Евгеніей Александровной возвращались съ прогулки, какъ вдругъ у самой усадьбы, на полѣ, слышны какіе-то крики. Представьте себѣ, что здѣшніе мужики цѣлою гурьбой съ косами, вышли на тѣхъ рабочихъ, которыхъ вы прислали.

Дмитрій тотчасъ схватился за шляпу.

— Пойдемте, Ѳедоръ Васильевичъ, — оборвалъ онъ разсказъ графа, — этому безобразію надо положить конецъ.

— Посмотримъ, какъ вы конецъ положите, — проговорилъ вслѣдъ ему насмѣшливо Сокольницкій. — Роту солдатъ, да розогъ надо, вотъ что!

Впрочемъ, графъ вмѣстѣ съ Петромъ Николаевичемъ тоже отправились въ поле. Имъ хотѣлось посмотрѣть, какой оборотъ приметъ дѣло.

Въ сѣняхъ Дмитрію и Томилину попалась фигура новаго управляющаго.

— Не ходите туда,—заговорилъ онъ безъ всякаго нѣмецкаго акцента,—толку вы никакого не добьетесь, да и не совсѣмъ оно безопасно.

Нѣмецъ, очевидно, струсилъ. Но совѣта его не послушались. Дорогой онъ подробно разсказалъ про случившееся.

— Едва принялись косить рожь присланные изъ Бѣлыхъ Столбовъ тридцать человѣкъ рабочихъ, какъ на нихъ поднялось чуть-ли не все село. Хоть мужики и были въ полѣ на своей землѣ, они бросили работу, пошли къ господской ржи и стали громко кричать, что не дадутъ ее косить никому. Ваши рабочіе,—закончилъ онъ, обращаясь къ Дмитрію,—поругались съ ними-таки порядкомъ, да нечего дѣлать, пришлось уступить силѣ.

Едва они вышли за ворота, послышался отдаленный безпорядочный гулъ. Постройки и деревья пока еще заслоняли отъ нихъ поля. Но когда они обогнули садъ,

среди желтой зыби спутанныхъ ржаныхъ колосьевъ, на гребнѣ холмистаго поля, показалась шумная нестройная толпа; десятки голосовъ неистово горланили и отдѣльныя бранныя слова только изрѣдка выдѣлялись изъ общаго безсвязнаго гама. Обѣ стороны, и рабочіе и Никольскіе мужики, смѣшались въ одну кучу.

Все это безцѣльно волновалось и шумѣло, усиленно махало руками и обмѣнивалось неутомимою бранью. Долго, конечно, продолжались бы крики и руганье если бы кто-нибудь не вмѣшался. До столкновенія, до взрыва дѣло не дошло бы, конечно. Настоящей страсти не было, какъ не было и опредѣленной цѣли.

Косы съ обѣихъ сторонъ, разумѣется, въ дѣло не пошли, крику на самомъ дѣлѣ было гораздо больше, чѣмъ раздраженія, но какъ не дать воли расходившейся глоткѣ? Такъ долго еще бѣсятся взмыленныя волны и безцѣльно рвутся на берегъ, когда давно уже утихла вздымавшая ихъ буря. Появленіе господъ произвело неожиданное дѣйствіе.

Завидя ихъ, рабочіе изъ Бѣлыхъ Столбовъ вдругъ спохватились, что имъ, собственно говоря, дѣлать тутъ было нечего.

— Да чего мы тутъ, братцы,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—безъ толку горланимъ? Не въ Никольское насъ рядили, такъ и нечего намъ здѣсь путаться. Пойдемъ!

— Да и въ заправду такъ, заголосили другіе. И тутъ же стали подбирать кто кафтанъ, кто свитку, взяли котелки, захваченные для варки пищи, и, закинувъ косы на плечо, отправились навстрѣчу къ господамъ. Никольскіе имъ не думали мѣшать: они только провожали ихъ руганью, къ которой теперь примѣшивался смѣхъ. Послѣ побѣды веселость смѣняла раздраженіе.

— Куда вы?—остановилъ Дмитрій поровнявшихся съ нимъ рабочихъ.

— Да назадъ, откуда пришли,—довольно грубо, встряхнувъ волосами, отвѣтилъ одинъ, шедшій впереди,—мы къ тебѣ, баринъ, а не сюда нанимались, а въ Николь-

скомъ, воля твоя, работать мы не согласны. Коли хошь, пожалуй вели насъ разсчитать. За работой не погонимся—вездѣ найдемъ.

— Отпустите ихъ, не настаивайте,—шепнулъ Дмитрію Томилинъ.—Они и въ Бѣлыхъ Столбахъ пригодятся, а здѣсь вы ужъ ихъ косить ничѣмъ не заставите. Они пошли впередъ къ толпѣ Никольскихъ мужиковъ, все еще стоявшихъ посреди ржаного поля, гдѣ кое-гдѣ валялись первые накошенные снопы. Они шумно толковали между собой, но въ виду отсутствія сопротивленія крики понемногу утихали.

— Какъ вы смѣете не давать косить другимъ, коли сами отказались?—закричалъ на нихъ Дмитрій.

Кое-кто изъ мужиковъ скинулъ шапку, но большинство глядѣло враждебно на подошедшихъ.

— Да такъ, баринъ, видать, смѣемъ,—заговорилъ одинъ довольно молодой парень и побойчѣе другихъ.—Порѣшили, чтобы не косилъ никто барскую рожь, такъ и не дадимъ.

— Не дадимъ, не дадимъ!—въ отвѣтъ хоромъ заголосили въ толпѣ.

— Условіе съ нами, значитъ, нарушили насчетъ лѣсато,—подхватилъ другой, рослый и коренастный мужикъ и подошелъ совсѣмъ близко къ Дмитрію.—Ну, такъ вотъ мы и порѣшили, что не бывать у васъ нонѣ хлѣба.

Говорившій раздражался отъ звука собственныхъ словъ, голосъ его становился все громче, а лицо побагровѣло.

— Потише, братъ, чего ты на меня лѣзешь,—осадилъ его Дмитрій.

Должно быть было что-то внушительное въ этихъ словахъ, только онъ отступилъ на шагъ.

— Да вотъ самъ Станиславъ Викентычъ намъ объяснялъ,—продолжалъ онъ не такъ ужъ громко,—что условіе наше совсѣмъ по закону было. Онъ указалъ рукой налѣво. Дмитрій взглянулъ въ ту же сторону и увидалъ стоявшаго невдалекѣ Гондзевскаго, который спо-

койно покуривалъ папироску, да засунувъ руки въ карманъ насмѣшливо поглядывалъ на происходившую сцену.

— А лѣсъ господскій вы, стало быть, даромъ имѣете право рубить,—вмѣшался Томилинъ.

Въ толпѣ кое-кто засмѣялся.

— Да какъ же такъ, ваше благородіе,—обратился теперь тотъ же мужикъ къ Томилину, снимая передъ нимъ шапку,—коли условіе было заключено, значитъ не даромъ.

— Знаю я какое это было условіе и кому вы заплатили за лѣсъ,—возразилъ Томилинъ.

Хохотъ въ толпѣ усилился.

— Кому бы ни платили, ваше благородіе, это ужъ дѣло наше...

— А ты забылъ,—перебилъ мужика Дмитрій,—что я вамъ говорилъ тогда на сходкѣ, что управляющій никакого права не имѣлъ вамъ лѣсъ продавать и что его за это смѣнятъ. Помнишь? И тогда вы со мной помирились на томъ, чтобъ я вамъ пустошь отдалъ выкосить.

Возраженій въ толпѣ не послѣдовало.

— А за то,—опять вмѣшался Томилинъ,—что вы сегодня бунтовать затѣяли, становой актъ составитъ и судить васъ будутъ; сами знаете, какъ было въ Златоустовѣ. Пятнадцать человѣкъ въ острогѣ сидятъ, небось слыхали?

— То въ Златоустовѣ, а то здѣсь,—засмѣялся въ отвѣтъ одинъ рыжій мужичокъ съ необыкновенно простоватымъ лицомъ.

— Тамъ станового избили,—опять заговорилъ подступившій къ Дмитрію мужикъ,—становой все, значитъ, начальство, а здѣсь начальства мы не видимъ.

— Петруха! эй, Петруха!—вдругъ сзади закричалъ кто-то;—али пойти намъ свою рожь косить, чего ей стоять-то?

— Пойдемъ, ладно,—отвѣчалъ Петруха, очевидно, пораженный вѣрностью этого довода.

— Это, пожалуй, получше будетъ, чѣмъ здѣсь буянить-то,—засмѣялся Томилинъ, очень хорошо понимавшій, что мужиковъ никакими убѣжденіями не уломать и что за отсутствіемъ всякой дѣйствительной власти угрозы рѣшительно ни къ чему бы не повели.

— Бросьте ихъ теперь, не теряйте даромъ словъ,— вполголоса сказалъ онъ, отводя Дмитрія въ сторону,— обострять столкновеній съ мужиками не слѣдуетъ никогда, а мнѣ кажется, я придумалъ средство выпутаться изъ затрудненія.

Крестьяне сначала поодиночкѣ, потомъ все рѣшительнѣе и чаще стали уходить къ селу. Толпа стояла, и шумные неправильные ряды направились по межняку къ дорогѣ.

Гондзевскій, между тѣмъ, подошелъ къ новому управляющему и сталъ надъ нимъ подтрунивать.

— Что, это ваша обыкновенная система дѣла вести, Христофоръ Карлычъ? Поздравляю съ блестящимъ началомъ. Къ снѣгу, должно быть, хлѣбъ уберется, честь и слава Дмитрію Алексѣевичу и вамъ.

Слова поляка долетѣли до слуха Дмитрія. Онъ быстро обернулся и подошелъ къ Гондзевскому.

— Что вы здѣсь дѣлаете? Какое право вы имѣете здѣсь оставаться?

— Да такое же какъ и вы, господинъ Корецкій!—И злобное выраженіе смѣнило насмѣшливое на лицѣ поляка.

— Мнѣ противно здѣсь встрѣчать ваше гнусное лицо, я прикажу безъ дальнѣйшихъ церемоній васъ посадить на телѣгу и отвезти въ городъ.

Гондзевскій поблѣднѣлъ.

— Я, можетъ быть, мѣшаю распоряжаться здѣсь попримѣру вашего почтеннаго дядюшки,—сказалъ онъ, выставляя впередъ правую ногу и дергая лѣвою рукой часовую цѣпочку.

Несмотря, однако, на эти слова и на вызывающую позу, голосъ у поляка слегка дрожалъ.

Рука Дмитрія схватила его за плечо, и отъ одного ея прикосновенія, казалось, вся тщедушная фигура Гондзевскаго затряслась.

— Говорю вамъ, чтобы вашего духу здѣсь не было сегодня вечеромъ, а то... я не всегда владѣю собой и не совѣтую вамъ это испытать на себѣ.

— Попробуйте! — воскликнулъ Гондзевскій, отстраняясь отъ Дмитрія.

Но Дмитрій къ нему уже повернулся спиной.

— Что же вы придумали, Ѳедоръ Васильевичъ? — обратился онъ къ Томилину.

— Послушаемъ сперва, что предложатъ вашъ дядюшка и графъ Борисъ Сергѣичъ.

Оба они, до того остававшіеся позади, теперь подошли.

— Роту солдатъ надо, чтобъ образумить здѣшнихъ негодяевъ,—съ необыкновенною воинственностью произнесъ Петръ Николаевичъ.—Я сегодня же губернатору напишу, чтобъ онъ положилъ конецъ такому безобразію.

— И онъ, конечно, вамъ пришлетъ тѣлохранителей,— насмѣшливо отвѣтилъ Дмитрій.—А вы, графъ, того же мнѣнія?

— Совершенно. Съ тѣмъ добавленіемъ развѣ, чтобы въ Никольскомъ одного на десять мужиковъ порядкомъ выпороли на конюшнѣ.

— Да, чтобы всѣ чувствовали, что у насъ un pouvoir fort, но вотъ что, графъ, какъ вы думаете, такія бонапартовскія мѣры очень помогутъ успѣху здѣшняго хозяйства? Порядокъ мы, положимъ, водворимъ, а что дальше? Солдаты что ли уберутъ и смолотятъ хлѣбъ? Ну, а хотя бы убытки, которые понесетъ Елена Михайловна, кто ихъ возмѣститъ?

— Какъ, а судъ на что?—воскликнулъ Петръ Николаевичъ.

— Да, судъ! Мы подадимъ жалобу Ѳедору Васильевичу, и онъ, положимъ, намъ присудитъ вознагражденіе, а какъ и съ кого вы его взыщете? Пока протянется

дѣло, хлѣбъ будетъ стоять, да осыпаться, и вдобавокъ надолго установятся съ крестьянами враждебныя отношенія, къ явному ущербу обѣихъ сторонъ. Такъ ли, Ѳедоръ Васильевичъ?

Томилинъ разсмѣялся.

— Да, я думаю,—сказалъ онъ.—энергическія мѣры лучше отложить въ сторону, а то, пожалуй, мужички догадаются, что власти надъ ними нѣтъ ровно никакой.

Томилинъ изложилъ задуманный имъ планъ дѣйствій:

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ Дмитрію,—ваши Бѣлостолбовскіе, которые тоже немного бунтуютъ, очень будутъ не прочь за порядочную плату наняться въ Никольское. Своей земли у нихъ мало—не сидѣть же имъ сложа руки. Только вамъ это имъ предложить, конечно, неудобно, и если позволите, я самъ поведу переговоры. Мое хозяйство маленькое, да идетъ оно какъ заведенное колесо, не бѣда, стало быть, коли денекъ у меня пропадетъ, а вы тѣмъ временемъ подайте мнѣ прошеніе на Никольскихъ мужиковъ. Я завтра же ихъ вызову и задамъ имъ таки страху. Во время уборки не весело таскаться въ камеру; они не приговора боятся, а возни съ судомъ.

На этомъ и порѣшили. Томилинъ съ Дмитріемъ тотчасъ усѣлись въ тарантасъ.

— Вы меня извините передъ Еленой Михайловной,—прощаясь сказалъ Сокольницкому Дмитрій,—послѣзавтра я заѣду опять.

Томилинъ и Дмитрій версты съ двѣ проѣхали молча. Ѳедоръ Васильевичъ казался очень озабоченнымъ, хоть и говорилъ передъ тѣмъ съ такою увѣренностью въ успѣхѣ.

— Знаете, за кого я безпокоюсь, Дмитрій Алексѣевичъ,—вдругъ заговорилъ онъ,—не за васъ и, конечно, не за Елену Михайловну: дѣло такъ или иначе уладится, хотя, не спорю, времена наступаютъ, кажется, не легкія. Тревожусь я за Надежду Сергѣевну; она, бѣдная, какъ деревцо недавно пересаженное. Ее бы холить

и беречь надо! А ну какъ подберется къ ней кто нибудь изъ прежнихъ ея знакомыхъ и примется ее смущать? Какъ она за послѣднее время? что-то я давно ее не видалъ?

Дмитрій въ отвѣтъ проговорилъ что-то очень невнятное, и краска усилилась на его лицѣ.

— Дай ей Богъ ужиться въ вашемъ домѣ,—продолжалъ Томилинъ.— Я любовался, право, какъ матушка ваша всегда была къ ней добра, ну, а вы какъ съ ней помирились, или попрежнему на военномъ положеніи?

— Я?—глаза Дмитрія заблестѣли и онъ крѣпко стиснулъ руку Томилина.—Я?... Знайте, Ѳедоръ Васильевичъ, что я въ обиду ее не дамъ никому, потому что каждый волосокъ на ея головѣ мнѣ дороже жизни!

VII.

Разсчетъ Томилина оказался вѣрнымъ. Ему не стоило даже особенныхъ усилій сговориться съ Бѣлостолбовскими крестьянами. Правда, нѣкоторые упорно стояли за то, чтобы не входить ни въ какое соглашеніе съ Никольскою барыней, потому, говорили они, отъ господъ имъ видно одно только утѣсненіе, но ихъ перекричали очень скоро тѣ, болѣе многочисленные, да и болѣе практичные домохозяева, которые не видѣли причинъ отказываться отъ предложенной имъ платы.

Русскій мужичекъ не склоненъ къ обобщеніямъ и не отказывается отъ барыша изъ за принципа. Потолковали съ какой нибудь часъ и порѣшили въ тотъ же день облюбовать кому придется какая десятина, устроивъ такимъ образомъ все къ лучшему. Томилинъ уѣхалъ домой. Володю между тѣмъ Дмитрій засталъ на полѣ верхомъ. Молодой человѣкъ распоряжался съ непривычнымъ ему рвеніемъ, и надо ему отдать справедливость, распоряжался не дурно. Недавно еще безмолвное поле кишѣло теперь народомъ. Двѣ деревни,

обѣщавшія явиться пособить, пришли въ полномъ составѣ. Бабьи сарафаны и платки на головахъ у дѣвушекъ пестрѣли среди бѣлыхъ рубахъ. Вернувшаяся изъ Никольскаго партія рабочихъ тоже уже была размѣщена на трехъ десятинахъ. Работа кипѣла. Володя съ оживленнымъ, загорѣвшимъ лицомъ, видимо довольный собою, разъѣзжалъ по полю и громко отдавалъ приказанія.

— Справимся какъ-нибудь, коли простоитъ погода,— счелъ онъ долгомъ отрапортовать брату, когда тотъ подошелъ къ косцамъ.

Дмитрію немного комичнымъ показалось усердіе Володи и тотъ видъ дѣлового хозяина, съ которымъ онъ распоряжался. Новый староста, человѣкъ смышленый и видавшій виды, не могъ нахвалиться молодымъ бариномъ, хоть и дѣлалъ онъ это съ тою, слегка насмѣшливою лестью, съ которою опытный русскій человѣкъ изъ простонародья преувеличенно выхваливаетъ затѣи господъ. Когда, однако, Дмитрій передалъ брату про то, что происходило въ Никольскомъ, Володя захотѣлъ тотчасъ бросить домашнее дѣло и поскакать туда.

— Нельзя же оставить Елену Михайловну безъ мужской помощи, — извинялся онъ передъ братомъ, замѣтивъ лукавое выраженіе на лицѣ Дмитрія. — Сокольницкій, вѣдь, въ счетъ нейдетъ; гдѣ ему!

Дмитрій остановилъ этотъ рыцарскій пылъ, объяснивъ брату, что его появленіе не особенно желательно, такъ какъ Бѣлостолбовскіе мужики, того и гляди, не захотятъ слушаться его приказаній.

— Дай срокъ, — сказалъ онъ ему, — коли хочешь, послѣзавтра вмѣстѣ туда поѣдемъ.

Слова эти возбудили въ молодомъ человѣкѣ наплывъ гнѣвнаго чувства противъ тѣхъ людей, благодаря которымъ возникла вся эта кутерьма. Онъ словно теперь только припомнилъ свою встрѣчу съ Нерадовичемъ на постояломъ дворѣ и сообразилъ, какая связь могла

быть между этимъ человѣкомъ и начавшимися волненіями.

— Тутъ не обошлось безъ подстрекательства, — съ важностію принялся онъ увѣрять Дмитрія,—надо принять мѣры и зло вырвать съ корнемъ,—произнесъ онъ, невольно впадая въ тонъ оффиціальной бумаги; онъ тутъ же разсказалъ Дмитрію про Нерадовича.

— Я до сихъ поръ не придавалъ его словамъ особеннаго значенія,—продолжалъ молодой человѣкъ, все болѣе и болѣе оживляясь.—Но теперь несомнѣнно, что онъ здѣсь гдѣ-нибудь скрывается и мутитъ крестьянъ. Да и сообщники у него есть въ околоткѣ: Гондзевскій, Василій Тріумвировъ.

— Знаю, знаю, вотъ открылъ Америку! — перебилъ его Дмитрій.

— Ну, и Брусковъ тоже. Я сильно его подозрѣваю. Онъ съ перваго же дня мнѣ не понравился.

Брускову какъ-то разъ случилось довольно рѣзко и насмѣшливо отвѣтить Володѣ.

— Ты думаешь Брусковъ тоже?.. Можетъ быть.— И Дмитрій сталъ перебирать въ памяти разныя мелочи, сначала ускользнувшія отъ его вниманія. — Но, откровенно говоря, я этому не придаю важности. Выгнать ихъ, конечно, отсюда придется, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, но, все-таки, настоящаго вліянія на крестьянъ у нихъ нѣтъ и едва-ли будетъ такъ скоро. Какъ они тамъ не поддѣлывайся подъ мужицкій ладъ, мужикъ въ нихъ своего брата не признаетъ,

Въ настроеніи Никольскихъ крестьянъ на другой же день произошелъ крутой поворотъ. Прогнать Бѣлостолбовскихъ не было, конечно, никакой возможности. Бѣлые Столбы были почти вдвое больше и люднѣе Никольскаго. Приходилось, волей-неволей, смириться; а тутъ какъ-разъ былъ полученъ вызовъ къ мировому судьѣ по иску о своевольномъ нарушеніи условія. Мужички стали себѣ почесывать затылки и раздумывать, какъ бы не пришлось имъ поплатиться, да и обидно имъ

было, что чужая деревня уберетъ господскій хлѣбъ и получитъ за то хорошую плату. „Ишь какъ! по двѣнадцати рублей за десятину посулили“,—разсуждали тѣ же, кто наканунѣ были самыми ярыми коноводами.— Потолковали да поругались какъ слѣдуетъ и рѣшили отправить четырехъ человѣкъ къ управляющему. Явились они къ Христофору Карловичу съ чиннымъ и смиреннымъ видомъ. Совсѣмъ шелковыми они стали въ этотъ короткій срокъ.

— Какъ же это такъ, Христофоръ Карлычъ? чужихъ позвали, а насъ словно и нѣтъ совсѣмъ, какъ будто даже обидно выходитъ.

Смыслъ ихъ рѣчей былъ таковъ, что Никольскіе совсѣмъ не прочь съ господами помириться, какъ будто ни въ чемъ не бывало; но Христофоръ Карловичъ высказалъ имъ самое гордое равнодушіе, чѣмъ, конечно, только усилилъ ихъ желаніе идти на мировую.

Старичекъ нѣмецъ преспокойно почитывалъ издавна выписываемую имъ „Rigasche Zeitung“ и, не отрываясь отъ газеты, объявилъ, что теперь уже поздно, такъ какъ нельзя же отказать только-что нанятымъ Бѣлостолбовскимъ.

— На самихъ себя пеняйте, коли по глупости и озорству попали въ просакъ.

Депутація медленно удалилась. Часа черезъ два пришла другая, болѣе многочисленная. На этотъ разъ она застала въ конторѣ вмѣстѣ съ управляющимъ Томилина, заѣхавшаго навѣдаться, какъ идетъ дѣло. Увидѣвъ судью, мужики поклонились особенно низко, причемъ нѣкоторые даже съ особенно скорбнымъ видомъ принялись вздыхать. Ѳедору Васильевичу пришло на мысль воспользоваться этимъ примирительнымъ настроеніемъ, чтобы разомъ двухъ зайцевъ убить.

Онъ предложилъ мужикамъ замѣнить работу въ Никольскомъ такою же работой въ Бѣлыхъ Столбахъ. Тѣ не сразу поняли, да русскій человѣкъ и не охотно принимаетъ неожиданныя предложенія, въ которыхъ онъ всегда подозрѣваетъ для себя обманъ.

— Вы тамъ столько же десятинъ уберете, сколько бы здѣсь убрали,—пояснилъ Томилинъ,—а Дмитрій Алексѣевичъ не откажется васъ угостить. Оно на то же и выйдетъ. А здѣсь дѣла вамъ уже не предвидится никакого, такъ вы одно изъ двухъ и выбирайте: либо въ Бѣлыхъ Столбахъ покосить, либо штрафъ!—Посланные и на этотъ разъ ушли ни съ чѣмъ, но къ вечеру дѣло было улажено.

Ѳедоръ Васильевичъ былъ очень радъ своей выдумкѣ. Такимъ способомъ и безъ суда обойтись можно, думалось ему, а мужикамъ все-таки не удастся безнаказанно нарушить условія. Теперь въ обѣихъ усадьбахъ дѣло пошло какъ по маслу. Не было, повидимому, и признака ропота, тѣмъ болѣе, что господа не скупились на угощеніе. Опытный хозяйскій глазъ подмѣтилъ бы, однако, въ Бѣлыхъ Столбахъ все еще тлѣвшее неудовольствіе.

И Анна Григорьевна недовѣрчиво покачивала головой, когда старшій сынъ, довольный успѣхомъ, увѣрялъ ее, что все пойдетъ, какъ нельзя лучше. Она совсѣмъ не вмѣшивалась въ его распоряженія, но какъ-то искоса глядѣла на нихъ съ молчаливымъ неодобреніемъ, такъ обыкновенно бываетъ съ людьми стараго вѣка, когда руководство начинаетъ ускользать изъ ихъ рукъ.

Съ Надей Анна Григорьевна держалась холодно. Какъ ни старалась она подавить недоброе чувство къ молодой дѣвушкѣ, прежняго радушія она воскресить была не въ силахъ. Дмитрій, правда, уже не подавалъ ей поводовъ къ опасеніямъ,—его время такъ было занято полями, что онъ съ Надей встрѣчался лишь мелькомъ. Анна Григорьевна, тѣмъ не менѣе, не возвратила Надѣ своей прежней довѣрчивой ласковости. Молодая дѣвушка оставалась въ ея глазахъ какъ обвиняемая, съ которой оправданіе все-таки не сняло вполнѣ клейма недовѣрія. На молодую дѣвушку Анна Григорьевна не смотрѣла теперь уже, какъ на пригрѣтую въ ея домѣ безпомощную сироту, нуждавшуюся въ ея любви и по-

кровительствѣ; она видѣла въ Надѣ чужое, почти враждебное существо, готовое измѣнить пріютившей ее семьѣ. Почему въ ней сказывалась эта перемѣна, Анна Григорьевна не сумѣла бы объяснить даже самой себѣ. Но между Надей и ею глухо и незамѣтно росло отчужденіе, какъ незамѣтно выростаетъ и глушитъ поле сорная трава. Да и самой Надѣ все душнѣе становилось въ домѣ Корецкихъ. Она съ каждымъ днемъ болѣе уходила въ себя и словно отдѣлялась отъ семьи. На нее тоже легло какое-то оцѣпенѣніе воли. Цѣлые часы она просиживала безъ занятій. Ею овладѣло ноющее, томительное чувство какой-то неразрѣшенной задачи, стоящей поперекъ ея жизни. Оно походило на то, что ощущаешь передъ медленно надвигающейся грозой, когда туча неподвижно виситъ на небѣ и такъ и хочется, чтобы, наконецъ, полилъ дождь и грянулъ громъ.

Такъ прошла цѣлая недѣля. Дни тянулись невозмутимо ясные. Ни грозы, ни вѣтра, ни дождя. Молодую дѣвушку почти раздражала эта полная, гладкая тишина. Когда ея взглядъ уходилъ въ бездонную синеву неба, когда она прислушивалась къ лѣнивому шелесту дремлющей листвы, странное нетерпѣніе брало ее отъ этой сіяющей неподвижности. Ей казалось, что и природа, какъ и она сама, ждетъ какой-то неизбѣжной развязки.

Дмитрій за эту недѣлю всего только разъ съѣздилъ въ Никольское, и то на самое короткое время. „Все тамъ идетъ отлично, думалось ему, новый управляющій оказывается дѣльнымъ, а здѣсь дома столько работы“. Дмитрій поддавался какому-то самолюбивому чувству начинающаго хозяина, которому во что бы то ни стало хотѣлось выказаться на первомъ трудномъ опытѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ былъ радъ удобному предлогу не показываться въ Никольскомъ. Въ присутствіи Елены ему почему-то становилось неловко, и это полусознательное ощущеніе дѣлалось все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ отодвигался въ даль послѣдній вечеръ, имъ проведенный съ нею. Эти воспоминанія словно глохли

и покрывались плѣсенью, какъ заростаетъ тиной застоявшаяся вода. Живая струя его жизни текла теперь уже въ другую сторону. Володя тоже не ѣздилъ къ Ордынцевымъ.

— Откровенно говоря,—сказалъ ему братъ,—совѣтую тебѣ быть на-сторожѣ съ Еленой Михайловной. Мнѣ сдается, что съ нѣкоторыхъ поръ она къ тебѣ не благоволитъ.

И Володя, скрѣпя сердце, обуздалъ свое нетерпѣніе. Въ Женичкѣ онъ былъ совершенно увѣренъ; графъ Борисъ Сергѣевичъ не возбуждалъ уже его ревности. Напротивъ, Володя сталъ питать къ нему то презрительное состраданіе, какое въ очень молодыхъ людяхъ часто возбуждаетъ соперникъ болѣе зрѣлый, какъ скоро они почему-то перестали его бояться. Но Володя чувствовалъ въ то же время, что со стороны Елены его виды не найдутъ поощренія, и хоть онъ и не думалъ отчаиваться въ будущемъ, предъ молодою женщиной онъ все-таки немного робѣлъ.

Всякому терпѣнію, однако, наступаетъ конецъ, а у влюбленныхъ и подавно. Почти цѣлыя двѣ недѣли онъ не видался съ Женичкой. Ее уже не отпускали въ Бѣлые Столбы, да и сама Елена перестала туда ѣздить. Разъ онъ почти тайкомъ, словно ему надо было скрываться, самъ осѣдлалъ лошадь и поскакалъ въ Никольское.

Вечеръ наступилъ. На поляхъ все было полно оживленія. Рожь была вся уже въ копнахъ. Нагруженные возы съ хлѣбомъ во всѣ стороны пробивали себѣ колеи по жнивѣ, перекрещивались, сталкивались, да скрипѣли при каждомъ небольшомъ подъемѣ. Гамъ и хохотъ, руготня и споры наполняли тихій вечерній воздухъ, и все новыя вереницы повозокъ спѣшно тянулись съ поля. Желѣзныя шины колесъ стучали, попадая на камень, телѣги стонали подъ тяжестью сноповъ, а тамъ, вдали, гдѣ мгла уже спускалась на землю, бабы все еще нагружали новые возы. На полѣ рѣдѣли копны, все даль-

ше отъѣзжали за ними телѣги, а на берегу озера, недалеко отъ молотильнаго сарая, все чаще и выше поднимались тяжелыя скирды, словно противъ деревни выросталъ другой, новый посёлокъ, выстроенный изъ соломы и хлѣба: а тамъ, гдѣ уже кончили урокъ, пустыя телѣги живо съѣзжали съ поля; весело раздавались голоса возчиковъ и неровно дрожа въ вечерней тиши, сперва нескладно и нерѣшительно, потомъ все дружнѣе и громче поднималась и тоскливая, и задорная пѣсня.

Но Володя не примѣчалъ всего этого. Съ какимъ-то ожесточеніемъ онъ пришпоривалъ Солимана, и хотя до Никольскаго было всего шесть верстъ, своего бѣднаго коня онъ измучилъ-таки порядкомъ.

У самаго въѣзда во дворъ онъ вдругъ остановился. „Нѣтъ, подумалъ Володя,—я пройду лучше садомъ“. Неизвѣстно почему онъ предпочелъ этотъ окольный путь, и шагомъ объѣхавъ усадьбу, слѣзъ у калитки и привязалъ Солимана къ дереву. Едва успѣлъ молодой человѣхъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ ему послышался чей-то голосъ, казалось, довольно взволнованный. Еще нѣсколько шаговъ, и Володя узналъ, что это былъ Сокольницкій, говорившій съ кѣмъ-то по-французки. Словъ онъ разслышать не могъ, но до него долетѣлъ обрывокъ фразы: „Vous ne m'avez pas compris, Jenny, je voulais...“

Въ отвѣтъ ему послышался запальчивый голосъ Женички.. Потомъ вдругъ все смолкло. Должно быть они примѣтили подходящаго Володю.

Женичка сидѣла на той же скамейкѣ подъ вязомъ, на которой засталъ онъ ее въ тотъ навсегда памятный ему день. Яркій румянецъ на ея щекахъ и глаза, загорѣвшіеся блескомъ раздраженія, свидѣтельствовали о томъ, что происходившій тутъ разговоръ не былъ совсѣмъ обычнаго свойства. Графъ стоялъ передъ ней переминаясь съ ноги на ногу и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ крутилъ усы лѣвою рукой. Лицо его было необычайно блѣдно. Приходъ Володи его, видимо, бѣсилъ.

— Вы иногда замѣчательно упрямы, кузина, вы знаете что это къ вамъ очень идетъ,—проговорилъ онъ съ напряженнымъ смѣхомъ и, небрежно кивнувъ головой Володѣ, крупными шагами направился къ дому. На пути туда онъ сталъ насвистывать какой-то маршъ.

Володя съ недоумѣніемъ смотрѣлъ па молодую дѣвушку, не рѣшаясь заговорить первый. Вдругъ слезы блеснули у нея на глазахъ. Мигомъ онъ очутился на скамейкѣ возлѣ нея и схватилъ ея руку.

— Что было между вами, что сказалъ вамъ этотъ человѣкъ?—взволнованно спрашивалъ онъ ее, словно онъ сознавалъ за собою право знать все, что до нея касается.

— Не говорите про этого человѣка—я не хочу его видѣть, не хочу слышать про него...—прерываясь отвѣтила она, и вдругъ, отирая слезы, быстро поднялась съ мѣста.—Я знаю, что мама хочетъ меня за него выдать... онъ позволилъ себѣ... но этому не бывать!

Понятно, что Володю эти несвязныя слова встревожили не на шутку. Онъ принялся все разспрашивать горячѣе и настойчивѣе прежняго. Но заставить Женичку сказать то, чего она сказать не хотѣла, было дѣломъ не легкимъ. Самообладаніе и рѣшимость къ ней тотчасъ вернулись.

— Вамъ незачѣмъ знать, что онъ говорилъ мнѣ здѣсь сейчасъ,—отвѣтила она, слегка даже притопнувъ ножкой. — Довольно съ васъ и того, кажется, что я сейчасъ сказала.

И вдругъ раздраженіе ея упало и она прибавила совсѣмъ мягкимъ тономъ, понижая голосъ:

— Я никогда, никогда не буду его женой.

Этимъ Володя могъ удовольствоваться. Снова онъ схватилъ ея ручку и прильнулъ съ жаромъ къ ней губами.

Съ перваго же дня своего пребыванія въ Никольскомъ, Сокольницкій сталъ явно ухаживать за молодою дѣвушкой. Елена Михайловна его замѣтно поддерживала. Но, чего грѣха таить, и сама Женичка съ кокетливымъ легкомысліемъ своихъ шестнадцати лѣтъ,

не то чтобъ его поощряла, а выказывала ему урывками довольно снисходительное вниманіе. Безъ этого онъ и не вздумалъ бы волочиться за дѣвочкой, едва вышедшей изъ дѣтства. Несмотря на различіе въ лѣтахъ и на то, что, при его состояніи, приданое Женички не было особенною приманкой, Сокольницкій былъ не прочь сдѣлаться женихомъ молодой дѣвушки, воображая, конечно, что его опытность съ женщинами, да и блестящее положеніе помогутъ ему не только вскружить ей голову, но и благополучно миновать опасности такой женитьбы.

Должно быть, его собственная голова немного закружилась, только въ этотъ вечеръ, когда онъ съ нею сошелъ въ садъ послѣ обѣда, его ухаживаніе приняло слегка игривый характеръ, не совсѣмъ пригодный для будущаго жениха. Ему вдругъ такъ хотѣлось поцѣловать ея полуоткрытыя, чуть-чуть задорныя губки, что рука его, почти помимо воли, обвила ея легкій станъ. Но ему тотчасъ пришлось раскаяться. Плоды его стараній были мигомъ и навсегда потеряны. Женичка ускользнула изъ его рукъ и выпрямилась передъ нимъ во весь ростъ съ негаданною для него запальчивою рѣшимостью.

Онъ старался успокоить ее, оправдаться, но все это было напрасно. Женичка не испугалась, не убѣжала и выслушала его извиненія, но разбила его на каждомъ словѣ:

— Я про васъ много наслышалась, — сказала она Володѣ уже съ улыбкой на губахъ, — съ тѣхъ поръ, какъ...

— Съ тѣхъ, поръ какъ мы разстались здѣсь у этой же скамейки,—живо перебилъ онъ ее,—каково, думаете вы, было мнѣ не видѣть васъ цѣлыхъ шестнадцать дней.

— Шестнадцать,—разсмѣялась она,—какъ вы хорошо считаете! А вы забыли, какъ послѣ сюда заѣхали.

— Да, на какихъ-нибудь десять минутъ! И вы ду-

маете я не замѣтилъ, какъ не любезно тогда приняла меня ваша мачиха.

Это слово заставило ее разсмѣяться еще болѣе. Она никогда не могла свыкнуться съ тѣмъ, что Елена имѣетъ надъ нею какую-то власть.

— Что же, Женя,—и голосъ его вдругъ задрожалъ,— вы видите, я васъ послушался, я теперь не тотъ уже, какимъ былъ тогда...

— Да, да, я знаю, знаю и очень, очень рада.

На этотъ разъ она уже не сердилась, что онъ называлъ ее этимъ уменьшительнымъ именемъ.

— Ну, коли такъ, Женя, могу-ли я надѣяться, что скоро получу обѣщанную награду?

Глаза его заискрились и опять ручка ея очутилась въ обѣихъ его рукахъ.

— Обѣщанную? я ничего не обѣщала, — лукаво, вполголоса проговорила она.

— Если вы не дадите отвѣта, — и, говоря это, онъ вдругъ совсѣмъ наклонился къ ней, — я сегодня же пойду къ Еленѣ Михайловнѣ и скажу ей...

— Нѣтъ, мама вы пока не говорите ничего, я знаю напередъ.

И она дала понять Володѣ, что на согласіе Елены Михайловны разсчитывать нельзя.

— Да мнѣ и не нужно знать ея отвѣта,—вдругъ съ жаромъ воскликнулъ онъ,—если только вы...

Руки его очутились вокругъ ея стана. На этотъ разъ она не противилась, и губы его нѣмымъ поцѣлуемъ договорили его слова. Но почти тотчасъ она вскрикнула; ея чуткому уху послышались чьи - то легкіе шаги.

— Это мама,—проговорила она, отходя отъ Володи и поправляя нависшую на ея лобъ волнистую прядь волосъ.

Изъ-за кустовъ, у поворота дороги, показалось свѣтлое кисейное платье Елены.

VIII.

Для Елены только что истекшіе дни были чуть ли не самыми тяжелыми въ ея жизни. Такъ недавно еще она радовалась своему мастерскому самообладанію и была увѣрена, что до желаннаго счастья ей только рукой подать, и вдругъ эта рѣзкая, необъяснимая перемѣна. Сперва она старалась успокоиться, твердила себѣ, что все объяснится, что никакой перемѣны и не было, хотя внутренній голосъ съ перваго же раза подсказалъ ей всю правду. Но дни тянулись за днями, безсонныя ночи смѣняли одна другую, а Дмитрій упорно молчалъ. Онъ такъ держался съ нею, какъ будто ничего особеннаго между ними и не произошло. Иногда ей даже самой казалось, что она обманываетъ себя, что прошлое было не дѣйствительность, а сонъ какой-то. И опять въ ней поднималось негодующее чувство, не хотѣвшее допустить того, что она понимала все яснѣе. Развѣ онъ могъ позабыть то, что онъ говорилъ ей въ тотъ недавній вечеръ? Развѣ онъ не любилъ ее почти съ самаго ея дѣтства? не оставался вѣрнымъ этой любви до сихъ поръ? Нѣтъ, такія перемѣны невозможны! И вѣчно повторяя себѣ это, она въ то же время доискивалась причинъ такой перемѣны. „Имъ овладѣла другая женщина“, промелькнуло у нея въ мысляхъ; и хотя Елена, когда имя Нади впервые ей подсказалось само собой, презрительно оттолкнула такое подозрѣніе, оно все-таки упорно возвращалось и дразнило ее.

Разъ она въ присутствіи Женички выразила удивленіе, что Боровской что-то давно не показывается, и Женичка ей передала про неудачное сватовство Николая Осиповича. Это извѣстіе поразило ее въ самое сердце. Она тотчасъ привела его въ связь съ поведеніемъ Дмитрія и мигомъ у нея сомнѣнія исчезли. То, что̀ ей передъ тѣмъ казалось нелѣпымъ и невозможнымъ, вдругъ стало для нея совершенно очевиднымъ. Для женщинъ самый

пустой случай иногда служитъ полнымъ доказательствомъ.

Какъ, цѣлыхъ десять лѣтъ она любила его, и ради этой любви она устояла противъ всѣхъ искушеній, а теперь стоило явиться этой нищей дѣвчонкѣ, чтобъ эти десять лѣтъ были разомъ вычеркнуты, какъ ни въ чемъ не бывало? Вѣдь, не для мужа, не для сухой морали она сберегла себя, пожертвовала своими лучшими годами. Съ истинно женскою добросовѣстностью она готова была теперь обвинить Дмитрія за свое замужество и за то, что жизнь ея съ тѣхъ поръ протекла такъ безотрадно и безстрастно. Ею овладѣло самое дурное изъ всѣхъ раскаяній,— раскаяніе въ несовершенной винѣ. Вотъ, стало быть, награда за безупречную жизнь! Вѣдь, она могла бы, какъ многія женщины, наполнить ее не одними холодными, честолюбивыми планами.

Горкія, злыя слезы хлынули изъ ея глазъ. Всѣмъ своимъ прошлымъ она пожертвовала Дмитрію, одно его имя наполняло это прошлое, ея жизнь могла быть совсѣмъ иною, оставить ей дорогія воспоминанія... и что же теперь? Первая молодость прошла, ничѣмъ не вернуть ея золотой прелести, сердцу не забиться вновь первою дѣвственною любовью. Все свое счастье она поставила на одну карту, и проиграла!

Часто говорятъ, что всего труднѣе перенести первое разочарованіе, то, которое скашиваетъ и уноситъ молодыя иллюзіи; это совершенная неправда: всего хуже утрата послѣдней надежды; съ годами сердце не привыкаетъ къ боли, но за то потеря становится уже непоправимою. Правда, Елена была еще молода, но что могли ей дать слѣдующіе годы взамѣнъ того призрака, которому она отдала столько лѣтъ? Развѣ одна память даромъ потраченнаго времени, этотъ настоящій адъ на землѣ,—не отравитъ собою и будущаго?

Цѣлую ночь Елена перебирала эти горькія мысли съ какимъ-то ожесточеннымъ наслажденіемъ. Утромъ, когда она заглянула въ зеркало,—она испугалась своего

лица. Глаза у нея расширились и потускнѣли. Темная черта обрисовалась подъ ними, а между бровями, какъ зловѣщее предостереженіе, была едва замѣтная складка. На видъ Елена оставалась такою же спокойною, какъ и всегда, но въ душѣ у нея накипало злобное мстительное чувство. Она, однако, все-таки еще ждала чего-то, ей все еще казалось, что Дмитрій непремѣнно объяснится съ нею, какъ будто объясненіе могло еще къ чему-нибудь привести. А Дмитрій, между тѣмъ, перестаіъ даже показываться въ Никольскомъ. Разъ только за цѣлую недѣлю онъ завернулъ на нѣсколько минутъ. Еслибъ онъ могъ прочесть на ея лицѣ то, что она чувствовала, онъ испугался бы. Въ тотъ же вечеръ, когда Володя засталъ Женичку въ саду съ графомъ, но цѣлымъ часомъ раньше, Дмитрій тоже поѣхалъ въ Никольское. Онъ считалъ себя обязаннымъ еще разъ заглянуть туда, чтобъ убѣдиться, все ли хорошо идетъ въ тамошнемъ хозяйствѣ. Переговоривъ съ управляющимъ, которымъ нельзя было нахвалиться, онъ прошелъ къ Еленѣ и засталъ ее одну на террасѣ, выходившей въ садъ. Она сидѣла въ глубокомъ креслѣ, и ея полузакрытые глаза были опущены на работу, которую она держала въ рукахъ.

— Ну-съ, Елена Михайловна,—началъ онъ, усаживаясь возлѣ нея,—я могу теперь съ вполнѣ спокойною совѣстью возвратить вамъ порученныя мнѣ бразды правленія.—Онъ улыбался говоря это.—Христофоръ Карловичъ настоящій кладъ, и теперь все, я думаю, пойдетъ отлично.

— Въ самомъ дѣлѣ,—равнодушно отвѣтила она.—Глаза ея на мигъ взглянули на него и снова опустились на работу.—Я вамъ очень благодарна,—добавила она, немного погодя.

Дмитрій досталъ папироску и закурилъ. Съ минуту оба они молчали. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они были знакомы, онъ не находилъ про что заговорить съ ней.

Елена первая стряхнула съ себя это неловкое ощущеніе. Она вдругъ словно оживилась и съ непринужденностью свѣтской женщины заговорила о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ дня. Въ ея ровномъ голосѣ, въ той легкости, съ которою она шутливо касалась важныхъ лицъ и ихъ мелкихъ отношеній, совсѣмъ, повидимому, отсутствовала горькая нота. Въ ней будто проснулась та прежняя Елена, которая такъ хорошо изучила стратегію гостиныхъ и такъ умѣла каждому сказать то, что именно слѣдовало. Дмитрія, однако, почему-то непріятно поразило ея напускное остроуміе.

— Знаете-ли, — вдругъ сказалъ онъ,—что мы говоримъ съ вами, точно мы на какомъ-нибудь петербургскомъ вечерѣ и я вамъ только-что представленъ.

— Право? Вамъ это кажется?—Веселость разомъ исчезла и она уже не думала подавлять иронію въ своемъ голосѣ.—Вамъ это странно потому, можетъ быть,—продолжала она,—что вы такъ ужъ пристрастились къ хозяйству; вы кажется про все иное и думать разучились.

Брови его слегка сдвинулись.

— Что дѣлать, Елена Михайловна,—возразилъ онъ,— время теперь настало самое прозаическое.

— И вы, кажется, совершенно удовлетворены этою прозой?—Щеки ея мгновенно вспыхнули.—Я предупреждала васъ, что нельзя безнаказанно запираться въ глуши: она рано или поздно на всѣхъ кладетъ свою печать.

Озлобленіе все сильнѣе у нея порывалось наружу.

— Можетъ быть,—коротко отвѣтилъ онъ.

Елена отложила работу на столикъ и вся выпрямилась.

— Я даже начинаю это чувствовать на себѣ и потому думаю скоро уѣхать.

— Вотъ какъ!—вы мнѣ про это не говорили.

Но удивленіе было только въ его словахъ, а голосъ звучалъ совершенно равнодушно.

— Вы надолго уѣдете?

Она помолчала немного, пристально вглядываясь въ него. Вдругъ она напряженно разсмѣялась.

— Да не все ли вамъ равно, Дмитрій Алексѣевичъ,— сказала она,—и развѣ я сама это знаю? Я, слава Богу, не связана ничѣмъ и каждый день могу мѣнять свои рѣшенія. Свобода—хорошее дѣло, неправда ли? А вамъ хочется знать, когда я вернусь въ Никольское?.. Можетъ быть и никогда.

Еще разъ она коротко разсмѣялась, встала и почему-то унесла свою работу на противоположный край террасы. Она довольно долго ее укладывала тамъ въ большую соломенную корзину, словно Дмитрія тутъ и не было; потомъ она подошла къ перiламъ и съ наслажденіемъ принялась нюхать только что распустившуюся великолѣпную махровую розу.

— Неправда ли, какъ хороши эти розы?—вдругъ спросила она, не глядя на него.—Я такъ ихъ люблю. А вамъ онѣ нравятся?

И снова она вдохнула въ себя ароматъ цвѣтка.

— Хотите?... Она съ какимъ-то страннымъ ожесточеніемъ сорвала цвѣтокъ, не обращая вниманія на то, что уколола себѣ палецъ.—Вотъ!...

Она протянула ему розу, продолжая не глядѣть на него, и выпустила ее изъ рукъ, не дождавшись, чтобы Дмитрій ее взялъ. Роза упала на каменный полъ. Она рѣзко обернулась и со сверкающими гнѣвными глазами заговорила опять, замѣтивъ, что Дмитрій все еще на другомъ концѣ террасы.

— Вы, кажется, ждете не дождетесь, что я васъ отпущу въ Бѣлые Столбы. Поѣзжайте, поѣзжайте, такому хозяину, какъ вы, надо сидѣть дома.

Онъ подходилъ къ ней и собирался поднять упавшій цвѣтокъ.

— Я и хотѣлъ проститься съ вами,—сказалъ онъ наклоняясь къ розѣ; но она предупредила его и подняла цвѣтокъ сама и бросила его за перила въ садъ.

— Я и забыла, что у васъ у самихъ въ Бѣлыхъ

Столбахъ цвѣтовъ довольно,—сказала она и почувствовала теперь, что сильно укололась—Я даже не могу вамъ подать руку, видите,—съ притворною шутливостью добавила она,—прощайте.

Елена чуть замѣтно наклонила голову и долго въ полутьмѣ наступавшаго вечера напряженно глядѣла на дверь, за которою онъ скрылся. Брови ея сдвинулись и упорная, злая мысль сковала ея пристальный взглядъ.

„Кончено, навсегда кончено," шепталъ ей насмѣшливый голосъ.

Она и не примѣтила, какъ на террасу вошелъ Сокольницкій.

— Я только-что встрѣтилъ уходившаго Дмитрія Алексѣевича,—обратился онъ къ ней,—мнѣ такъ и хотѣлось спросить у него, долго ли онъ еще будетъ здѣсь, въ Никольскомъ великимъ визиремъ. Да что съ вами, кузина?

Лицо его выразило какое-то странное полунасмѣшливое участіе.

— Такъ, ничего. И она провела рукой по горѣвшему лбу.

— Ну вотъ,—продолжалъ графъ,—такъ я вамъ на прощанье дамъ хорошій совѣтъ: остерегайтесь этихъ Корецкихъ; добра вы отъ нихъ не дождетесь.

— Вы развѣ уѣзжать собираетесь?

— Я у васъ загостился, кузина, пора къ себѣ.

Она вдругъ припомнила, что имѣла на него виды для Женички и принялась его уговаривать остаться, но вышло оно такъ холодно и вяло, что графъ разсмѣялся. Онъ давно съ любопытнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми признаками того, что происходило у нея на душѣ.

— Нѣтъ, кузина,—отвѣчалъ онъ,—я лучше не обѣщаю вамъ сюда возвратиться, а увидимся мы, конечно, осенью гдѣ-нибудь тамъ, гдѣ русскіе всего легче встрѣчаются, такъ какъ и вы, и я здѣсь долго не усидимъ—за это я ручаюсь. До свиданія въ Біарицѣ.

И онъ съ чувствомъ поднесъ ея руку къ своимъ надушеннымъ усамъ, а его умные, масляные глаза при этомъ лукаво прищурились. Хотя графу очень жутко было вспоминать про свое объясненіе съ Женичкой, онъ не подавалъ вида, что уноситъ изъ Никольскаго что-либо кромѣ пріятныхъ впечатлѣній.

— А вы Женю не видали?—вдругъ почему-то спросила Елена, останавливая графа.

— Видѣлъ даже очень недавно; я ее оставилъ въ саду у большого вяза вмѣстѣ съ молодымъ Корецкимъ.

Сказавъ это самымъ равнодушнымъ тономъ, Сокольницкій повернулся на каблукахъ и вышелъ. Того, что онъ сказалъ, было, однако, достаточно, чтобы придать мыслямъ Елены другое направленіе. Она давно рѣшила, что ухаживанью Володи надо положить конецъ. Теперь вдобавокъ Елена перенесла на молодого человѣка гнѣвное чувство, возбужденное въ ней Дмитріемъ. „Нельзя дозволить ему кружить голову этой дѣвочкѣ“, и говоря себѣ это, она думала, конечно, что ею руководитъ самая безкорыстная заботливость о судьбѣ Женички. Она поспѣшно спустилась въ темнѣвшій садъ и ускоренными шагами направилась къ большому вязу. Увидавъ ее, молодые люди пошли къ ней навстрѣчу. Елена Михайловна холодно кивнула головой Володѣ и тотчасъ обратилась къ падчерицѣ.

— Jenny, ma chère, rentrez je vous prie, miss Finch vous cherche partout,—отрывисто и повелительно сказала она.

Молодая дѣвушка молча повиновалась, хоть и знала очень хорошо, что миссъ Финчъ ее вовсе не спрашивала. Елена медленно пошла рядомъ съ Володей. Ему казалось, что она словно удерживаетъ его, чтобы прочесть нотацію. Хоть онъ и увѣрялъ себя, что ему рѣшительно нѣтъ дѣла до ея мнѣнія, онъ все-таки, въ самой глубинѣ сердца, передъ нею слегка робѣлъ.

— Я очень сожалѣю, Владиміръ Алексѣевичъ,—начала Елена,—что вы мнѣ не велѣли доложить о своемъ пріѣздѣ.

Слово „мнѣ“ она произнесла съ особымъ удареніемъ. Молодой человѣкъ вспыхнулъ и отъ оскорбленнаго достоинства и тоже немного отъ стыда.

— Вы знаете, что я всегда очень рада васъ видѣть,— продолжала она, но голосъ и выраженіе глазъ не подтверждали любезности этихъ словъ. Володя не нашелъ, что отвѣтить. Они молча шли къ дому.—Вы не зайдете пить чай?—спросила она, когда они были у самой террасы, но у Володи ледяное выраженіе хозяйки Никольскаго отбило всякую охоту пользоваться ея гостепріимствомъ. Онъ отказался даже съ излишнею поспѣшностью, и Елена не настаивала. Она снова чуть замѣтно кивнула головой и, какъ всегда, легкая и стройная, поднялась по ступенямъ террасы.

„Если онъ хоть сколько-нибудь умѣетъ жить, говорила она себѣ, онъ пойметъ, что ему незачѣмъ болѣе сюда ѣздить“.

Володя быстрыми шагами пошелъ за своею лошадью. Несмотря на всю неловкость, которую онъ только-что ощущалъ передъ Еленой, несмотря даже на то, что доступъ въ Никольское для него теперь почти закрытъ, у молодого человѣка было легко и ясно на душѣ. Онъ и не сомнѣвался въ будущемъ, или вѣрнѣе онъ даже о немъ не думалъ. Настоящее было такъ вѣдь хорошо. Володя очень удивился, найдя у крыльца конторы брата, разговаривающаго съ новымъ управляющимъ. Онъ не подозрѣвалъ, что Дмитрій тоже былъ въ Никольскомъ.

— Что за чудный вечеръ,—ласково обратился Володя къ старику нѣмцу. Всякому, кого бы онъ ни встрѣтилъ, онъ сказалъ бы что-нибудь пріятное.

— Да-съ, ничего, — отозвался Христофоръ Карловичъ,—только боюсь какъ бы не поднялся сильный вѣтеръ завтра и дождя не нанесъ. Очень ужъ небо красное.

— Что жъ, за пшеницу завтра принимаетесь?—спросилъ Дмитрій, вскакивая въ сѣдло.—Я тоже думаю.

Управляющій пустился въ разныя хозяйственныя соображенія, очень дѣльныя, но слегка многорѣчивыя.

Видно было, что онъ своимъ мѣстомъ доволенъ, несмотря на недавній переполохъ.

— Да,—замѣтилъ Дмитрій,—можно сказать, что мы изъ нелегкаго положенія выпутались.

Нѣмецъ покачалъ головой.

— Выпутались ли, Дмитрій Алексѣевичъ, это еще вопросъ: будьте настorожѣ, вотъ вамъ мой совѣтъ. Пока ваши мужики здѣсь рожь косили, я замѣтилъ, извините меня, что они на васъ очень злятся за то особенно, что имъ не удалось на своемъ поставить. Поговаривали даже, что краснаго пѣтуха вамъ подпустятъ.

— Э-э, Христофоръ Карлычъ, пустыя слова,—возразилъ Дмитрій.—А мѣры, впрочемъ, я принялъ, постройку всю застраховалъ, хлѣбъ тоже застрахую въ скирдахъ. Пожарныхъ трубъ у насъ три, ночныхъ объѣздчиковъ держу четырехъ.

— Такъ-то такъ,—настаивалъ управляющій,—а надо смотрѣть зорко. Одинъ глазъ хорошо, а два лучше, переиначилъ онъ неизвѣстно почему пословицу.—И опять я вамъ доложу: Гондзевскій, положимъ, отсюда-то выѣхалъ, но живетъ онъ почти рядомъ, на постояломъ дворѣ у Акима, и наши рабочіе два раза слышали, какъ онъ грозился, что васъ убьетъ.

— Вотъ какъ,—разсмѣялся Дмитрій,—пусть попробуетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы все-таки его напрасно подъ судъ не отдали, Дмитрій Алексѣевичъ. Вѣдь, всѣ доказательства есть, и теперь еще можно, коли хотите.

— Да, чтобъ его оправдали! Ну-съ прощайте, Христофоръ Карловичъ.

Володя, между тѣмъ, весь погрузился въ свои сладкія мечты. Лошадь его, которой онъ совсѣмъ отдалъ поводъ, преспокойно щипала пшеничные колосья. Самъ онъ и не слыхалъ того, что говорилъ его братъ съ управляющимъ. Онъ былъ въ томъ радостномъ чаду, отъ котораго такъ сладко пьянѣешь.

— Что, Владиміръ Алексѣевичъ,—вдругъ услыхалъ

онъ голосъ подошедшаго нѣмца, — вы, говорятъ, тоже отличились во время уборки. А лошадка у васъ какая хорошая.

И онъ сталъ гладить красивую шею Солимана.

— Да, да, я тоже полюбилъ хозяйство,—улыбаясь неизвѣстно чему, отвѣтилъ Володя.—А что за дивный вечеръ, повторилъ онъ опять, озираясь на небо, гдѣ уже кое-гдѣ блѣдно зажигались звѣзды, и полною грудью вдохнулъ въ себя свѣжѣющій воздухъ.

Братья шагомъ поѣхали по дорогѣ въ Бѣлые Столбы.

IX.

На большой дорогѣ, верстахъ въ трехъ отъ Бѣлыхъ Столбовъ, проѣзжимъ уже издалека бросалась въ глаза группа кудрявыхъ ракитъ, стоявшихъ на пригоркѣ. Изъ нихъ очень скоро выдѣлялась большая, неуклюжая постройка, очень схожая съ крѣпостями, нарисованными на лубочныхъ картинкахъ. Потомъ оказывалось, что это была огромная четырехугольная ограда изъ желтовато-сѣраго нетесанаго камня, къ одному изъ угловъ которой была прислонена большая каменная изба, крытая соломой, съ проходомъ посреди. Кирпичъ во многихъ мѣстахъ выглядывалъ изъ-за бѣлой замазки стѣнъ, на которыхъ пятнами выступали зеленоватыя стекла оконъ съ полусгнившими рамами. Это былъ извѣстный всему околотку постоялый дворъ, куда заѣзжали рѣшительно всѣ, кто изъ уѣзда возилъ въ городъ хлѣбъ на продажу. Держалъ его уже десять лѣтъ кирсановскій мѣщанинъ Акимъ Егоровъ Забулдаевъ, человѣкъ необыкновенно тучный, съ багрянымъ, всегда довольнымъ лицомъ и силачъ какихъ мало. Носилъ онъ зимой и лѣтомъ вѣчно тотъ же засаленный, длиннополый сѣрый кафтанъ на байковой подкладкѣ. Стужа и жаръ для него словно не существовали, какъ не зналъ онъ за собой иного нравственнаго ощущенія, кромѣ удовольствія получать деньги за постой и за угощеніе, да барышъ съ перепродан-

ныхъ лошадей. Дѣла свои онъ велъ отлично, хотя не умѣлъ ни читать ни писать, и счеты за него сводилъ молодецъ, трехполѣнный дѣтина, съ вѣчно улыбавшимся, замѣчательно глупымъ лицомъ. Днемъ и ночью рѣдко бывало пусто на дворѣ. Всегда тамъ слышались ржаніе и топотъ лошадей, пискливое кудахтанье куръ, возившихся въ навозѣ, гамъ и крики возчиковъ и всякаго люда, заходившаго отвести душу за чаркой. Къ Акиму всѣ привыкли. Жалобъ на него не слышалось, хоть и слылъ онъ за человѣка себѣ на умѣ, который и съ мертваго сдеретъ, и долга никому не спуститъ. Должно быть, полюбился онъ народу за то, что всегда умѣлъ найти веселую прибаутку, даже когда ему приходилось задержать за собою тулупъ отданный въ залогъ, и всегда ласково потчивалъ гостей.

А ужъ больно непривлекательное мѣсто былъ Акимовъ дворъ: въ проходѣ съ землянымъ поломъ всегда стояли вонь и грязь неописанная. Въ большой комнатѣ слѣва, гдѣ была распивочная, и стѣны, и полъ, и дырявые столы всегда отзывались особымъ запахомъ дерева пропитаннаго водкой. Они словно потѣли виномъ. Сзади за перегородкой помѣщался самъ хозяинъ, давно бросившій жену и дѣтей гдѣ-то въ далекомъ захолустьѣ. Справа отъ прохода была такъ-называемая чистая комната для господъ, хотя чистотой она похвастаться не могла. Убранство ея заключалось въ грязныхъ, изодранныхъ обояхъ, въ кожаномъ диванѣ, изъ котораго кое-гдѣ зіялъ конскій волосъ, да въ трехъ ярко окрашенныхъ картинахъ, изображавшихъ переходъ Суворова черезъ Чортовъ мостъ, коронованіе императора Николая Павловича и мученія богача въ аду, которому Лазарь изъ рая отказывался подать воды. Впрочемъ, горшки съ геранью на подоконникахъ обнаруживали нѣкоторыя поэтическія наклонности хозяина. Сзади была еще маленькая комнатка на дворъ, гдѣ теперь помѣстился Гондзевскій. Акимъ Егоровъ сидѣлъ сгорбившись на ступеняхъ крыльца. Онъ только-что вернулся съ бахчи, которую

держалъ въ имѣніи Ухова, усталый, но видимо довольный: арбузы и огурцы завязались отлично.

Солнце стояло высоко на безоблачномъ небѣ и безжалостно пекло его потное лицо, сильно напоминавшее кусокъ сырой говядины. Косматыя овчарки съ дикимъ воемъ привѣтствовали хозяина, звякая цѣпями. Былъ это какъ разъ тотъ самый день, когда въ Бѣлыхъ Столбахъ кончали уборку ржи, а Дмитрій и Володя, какъ будто сговорившись, оба поѣхали въ Никольское.

— Здравствуй, братецъ, закусить пришелъ?—ласково, приподнимая суконную фуражку, привѣтствовалъ Акимъ подходившаго машиниста, который не въ первый разъ заглядывалъ къ нему на дворъ.—Милости просимъ. И вставъ онъ пропустилъ Нерадовича.

— Макаръ, наливкой Ефима попотчуй,—приказалъ онъ своему молодцу.

Въ комнатѣ стояла тяжелая, смрадная духота. На грязномъ потолкѣ черными пятнами лѣпились крупныя мухи, которыя вдругъ, словно ошалѣвъ отъ виннаго пара, жужжа ударялись объ оконное стекло и снова на мигъ замирали гдѣ-нибудь въ углу рамы. Народу было немного: человѣкъ восемь или десять, все больше изъ Бѣлостолбовскихъ. Ребята это были уже не молодые, настоящіе хозяева, зашедшіе сюда отвести душу во время полуденнаго отдыха. Одинъ былъ только тутъ еще совсѣмъ молодой, съ правильнымъ молодцоватымъ лицомъ, сильно, однако, помятымъ, одѣтый съ нѣкоторыми признаками щеголеватости. На немъ были очень высокіе сапоги, блестѣвшіе въ смрадной комнатѣ, потертые плисовые штаны и красная рубаха съ косымъ воротомъ. Онъ лѣниво наигрывалъ на гармоникѣ, закинувъ ногу на ногу, и отрывками что-то напѣвалъ хриплымъ теноромъ. Лицо его, сонное, но залитое кровью, и большіе неподвижные, стеклянные глаза говорили, что это одинъ изъ тѣхъ людей, которые цѣлые дни просиживаютъ не двигаясь съ мѣста, а вдругъ-таки выкинутъ какую-нибудь отчаянную штуку.

Звали его Флегонтомъ. Нерадовичъ помолился иконѣ въ чистомъ углу и усѣлся за столомъ, поклонившись всѣмъ поочередно. Его знали всѣ. Макаръ поднесъ ему чарку съ мутною черноватою жидкостью.

— Настоящая смородинная.

Нерадовичъ превозмогъ отвращеніе и хлебнулъ изъ чарки.

— О чемъ бесѣду ведете, господа? обратился онъ къ прочимъ.

— Да вотъ про свои обиды,—отвѣчалъ кто-то.—Въ дуракахъ мы теперь совсѣмъ остались. Нанялись къ Никольской барынѣ, а теперь выходитъ, что и деньжонокъ за то намъ не видать. Разсчитайся, значитъ, сперва съ бариномъ за убытки. Ишь хитрая штука какая.

— Молодецъ Дмитрій Алексѣевичъ,—подхватилъ другой.

Вообще было замѣтно, что, несмотря на раздраженіе, мужики готовы были чуть ли не похвалить Дмитрія за то, что онъ не дался въ обиду.

— Ну, ужъ и молодецъ,—расзмѣялся Нерадовичъ,— по нашему это просто значитъ обманъ.

— Такъ, такъ, обманъ и есть, подакнули ему двое.

— И дѣло-то какъ ловко сладили,—продолжалъ тотъ, кто заговорилъ первый,—съ этою съ мировою судьей. Намъ не въ домекъ было.

— Ну да, станете еще на судей-то разсчитывать, сами господа, извѣстно за кого стоятъ. Ѳедоръ Васильевичъ, вишь ты, давно, говорятъ, нахлѣбникомъ у Анны Григорьевны, да и у Никольской барыни тоже, надо же чѣмъ-нибудь за хлѣбъ-соль поблагодарить.

— Михѣичъ, вѣдь, это онъ правду говоритъ.

Поднялись шумные толки. Нерадовичъ со злорадствомъ подмѣчалъ, какъ росло и накипало ожесточеніе. Онъ незамѣтно подливалъ масло въ огонь, какъ будто его дѣло тутъ совсѣмъ сторона.

Флегонтъ громче заигралъ на гармоникѣ.

Архіерей же Еремѣй,
Давай деньги поскорѣй.

Закончилъ онъ какую то пѣсню, не отличавшуюся уваженіемъ къ духовенству.

— Ну, ты,—закричалъ на него кто-то,—вишь, люди про дѣло толкуютъ, а онъ со своими пѣснями дурацкими!...

— А ты что? нешто спрашиваютъ?—отозвался Флегонтъ лѣниво, хотя глаза его при этомъ на мигъ сверкнули.

— Оставь, пусть потѣшается,—заступился за Флегонта Нерадовичъ.

Флегонтъ былъ однимъ изъ немногихъ парней въ Бѣлыхъ Столбахъ, бывавшихъ на сторонѣ. Онъ ходилъ на работу въ Петербургъ и тамъ пріобрѣлъ залихватскую развязность фабричнаго, сталъ франтить и цѣлые дни просиживалъ по кабакамъ. За то и доставалось ему отъ тятеньки.

— И на работу въ свой чередъ не пойдетъ,—укорялъ его одинъ мужичекъ постарше,—ишь здоровый какой, а знаетъ только по кабакамъ шляться.

— А самъ-то ты что̀ же, да еще старикъ: у всякаго значитъ свое горе есть. Запить надо.

И Флегонтъ спросилъ себѣ лишнюю рюмку сладкой.

— А что, братъ, кажись пора, — сказалъ вставая одинъ изъ мужиковъ,—часа два слишкомъ будетъ. Пойдемъ.

Кое-кто еще поднялся съ мѣста.

— Куда вы это? къ Никольской барынѣ спѣшите?—насмѣшливо спросилъ Нерадовичъ.

— Нѣтъ, ужъ слава тебѣ Господи, покончили, будетъ съ нея. Свою рожь убирать идемъ.

— А много у васъ ея наберется, своей-то ржи?—поджигалъ ихъ Нерадовичъ.—Небось, до зимняго Николы хватитъ съ дарового-то надѣла.

— Чего-жъ ты зубы-то скалишь, Ефимъ?—выгова-

ривалъ ему тотъ самый пожилой мужикъ, который поспорилъ съ Флегонтомъ.

— Мое дѣло сторона; коли вамъ хорошо на нищенскомъ надѣлѣ, Богъ съ вами.

Сердитый говоръ пошелъ по комнатѣ.

— Хорошо! извѣстное дѣло какъ хорошо! Поперекъ горла она намъ сѣла господская-то межа.

— А вы все сидите, да ждете у моря погодки, авось лучше будетъ? Молодцы!

— Дураки и есть! — вмѣшался Флегонтъ.—Чего съ ними толковать, Ефимъ, послушай-ка лучше пѣсню,— и снова принявшись за гармонику онъ запѣлъ громче прежняго:

Ой ты Ваня, ой Ванюша
Забубенна голова!

— Молчи ты, молокососъ, — бѣшено закричалъ на него одинъ низкорослый, широкоплечій мужикъ,—не до твоихъ паскудныхъ пѣсенъ теперь.

Онъ вырвалъ у Флегонта гармонику изъ рукъ и швырнулъ ее объ полъ. Но у того кровь застучала въ вискахъ, онъ вскочилъ на ноги и однимъ ударомъ повалилъ мужика.

Ихъ стали разнимать.

— Полно драться, забубенная голова,—сказалъ подходя Нерадовичъ.

Флегонтъ отскочилъ въ сторону.

— Не трогайте, зашибу!—закричалъ онъ засучивая рукава.

— Брось его, чего связываться?

Флегонтъ скрестилъ руки на груди.

— Плюнуть бы на васъ и только,—сказалъ онъ презрительно.—Бабы вы настоящія; коли не въ моготу вамъ приходится, чего думаете? Краснаго пѣтуха барину во ржаныя скирды, и готово.

— Рожь-то еще не успѣли застраховать Дмитрій Алексѣевичъ,—ехидно вставилъ Нерадовичъ.

— Что ты, что ты, Христосъ съ тобою,—испуганно

проговорилъ старый мужикъ.—На то развѣ Богъ хлѣбъ уродилъ, чтобъ его спалить?

— Пожалуй берегите барскую рожь, много вамъ отъ нея пользы будетъ,—насмѣшливо продолжалъ Нерадовичъ.

Въ проходѣ послышался голосъ Брускова, говорившаго съ хозяиномъ. Акимъ показался въ дверяхъ.

— Тебя, Ефимъ, спрашиваютъ,—сказалъ онъ Нерадовичу.

Тотъ поспѣшилъ выйти, а мужики долго еще спорили, пока рѣшились, наконецъ, побрести къ себѣ на село.

Брусковъ увелъ Нерадовича въ комнату Гондзевскаго и заперъ за собою дверь. Поляка они застали сидящимъ на постели. На этотъ разъ въ довольно неряшливомъ костюмѣ Гондзевскій чистилъ свою двустволку.

— Что, батюшка, на охоту собираетесь? — спросилъ у него Брусковъ.

— Да, на охоту,—отвѣчалъ тотъ, глядя въ сторону.

— Ну, а позвольте васъ спросить, для какого звѣря вы предназначаете вотъ этотъ патронъ?—И говоря это Брусковъ поднялъ съ кровати валявшійся тамъ зарядъ съ пулей.—Въ это время года, кажется, ни волковъ—ни лисицъ не имѣется... ну, да это ваше дѣло, а теперь вотъ вамъ наша покорная просьба: потрудитесь насъ съ Львомъ Александровичемъ оставить здѣсь пока вдвоемъ. Мы съ вами безъ церемоніи, какъ видите.

— Помилуйте, какія тутъ церемоніи, обязательно возразилъ полякъ.—Да я, кстати, кончилъ.

И сказавъ это Гондзевскій вышелъ на улицу, взявъ съ собою ружье. Брусковъ швырнулъ патронъ обратно на постель и усѣлся. Патронъ скатился подъ кровать.

— Дѣло совсѣмъ дрянь выходитъ,—обратился онъ къ Нерадовичу.—Василія арестовали сегодня.

— Вотъ какъ! я не зналъ, — довольно равнодушно отвѣтилъ Левъ Александровичъ.

— Да; становой пріѣзжалъ съ двумя сотскими. Отецъ

Зосима божился, что ни про что не знаетъ и обѣщалъ проклясть сына; просто потѣха!

— Что-жъ, ничего не нашли?

— Двѣ, три пустыя книжонки. Мы ему ничего, вѣдь, и не довѣряли. Да не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что намъ съ тобой отсюда убираться надо, пока сами цѣлы.

— Съ чего ты это взялъ?—пожимая плечами отвѣчалъ Нерадовичъ и помѣстился на кровати, такъ какъ въ комнатѣ былъ всего одинъ стулъ.—Никто еще не догадался кто я такой, а въ Черныхъ Хуторахъ до меня едва ли доберутся, старшина набитый дуракъ.

Нерадовичъ уже за три дня предъ тѣмъ окончилъ работу съ паровикомъ, а такъ какъ настоящій машинистъ, наконецъ, явился, Дмитрій счелъ за лучшее его нанять на время молотьбы, а Нерадовича разсчиталъ.

— Никто, говоришь ты, не догадался,—продолжалъ Брусковъ,—объ этомъ мы еще потолкуемъ. Я знаю, у тебя на этотъ счетъ разныя есть романическія соображенія.

— Брусковъ! прошу не въ свое дѣло не вмѣшиваться,—почти съ угрозой въ глазахъ проговорилъ Нерадовичъ.

— Какъ хочешь! Но скажи мнѣ, пожалуйста, ради какихъ благъ мы здѣсь свой порохъ разстрѣливаемъ? Чего ты достигъ своею пресловутою мужицкою пропагандой? Какого-то водевильнаго бунта въ имѣніи этой петербургской грандъ-дамы, которой еслибъ и пришлось убытки потерпѣть, все-таки было бы ни тепло, ни холодно. Подведи-ка итоги и, не говоря пустыхъ фразъ, выясни-ка себѣ, что мы выиграли. Право, я удивляюсь тебѣ, Нерадовичъ. Не глупый ты человѣкъ, а затѣялъ грошевую пугачевщину.

Нерадовичъ долго еще слушалъ, пока Брусковъ развивалъ эту тему.

— Слушаю я тебя, братецъ мой,—сказалъ онъ наконецъ,—и дивлюсь, какъ это ты дальше своего носа не видишь? Неужели ты воображалъ, что я въ самомъ дѣлѣ вздумалъ поднять всероссійскую революцію въ

какихъ-нибудь Бѣлыхъ Столбахъ? Я никакихъ иллюзій себѣ не дѣлалъ и теперь не дѣлаю насчетъ возможности поднять здѣсь крупную исторію или даже навербовать себѣ новобранцевъ среди степныхъ мужиковъ.

— Такъ зачѣмъ же тогда?..

Но теперь Нерадовичъ не далъ уже ему говорить, онъ всталъ и подошелъ къ Брускову во весь ростъ.

— Всѣ твои недоумѣнія,—продолжалъ онъ, — оттого происходятъ, что тебѣ, какъ и многимъ другимъ, крупныхъ эффектовъ хочется, чего-нибудь потрясающаго нервы, потому что и ты, вѣдь, при всей своей хваленой трезвости, боишься черной работы, тебѣ опернаго финала хочется, а у насъ идетъ пока самая скучная проза; разрушить домъ, положимъ, скорѣе, чѣмъ его выстроить, но все-таки и на то время нужно. Здѣсь, милый мой, мы не представленіе даемъ, а только дѣлаемъ репетицію и то самую начальную. Мы, вѣдь, что бы ни говорили, народъ знаемъ мало и только этими слабыми попытками можемъ съ нимъ покороче сойтись, да и его къ себѣ пріучить. Скучно это очень и много нашихъ тутъ поляжетъ, да что дѣлать. Мы, вѣдь, подъ вѣковую стѣну подкапываемся, а какъ она себѣ тамъ ни гнила, копать еще много приходится.—Нерадовичъ прошелся по комнатѣ.—А читалъ ты, что Гольдштейнъ пишетъ изъ Симбирска?—остановился онъ опять передъ Брусковымъ и досталъ изъ кармана шифрованное письмо:—„Мнѣ удалось,—принялся читать Левъ Александровичъ,—попасть въ прикащики къ одному хлѣбному торговцу и въ интересахъ сего разжирѣвшаго буржуя я обмѣриваю и обвѣшиваю на славу. Разсудилъ я, что это лучшій способъ узнать мужиковъ поближе, да и помочь имъ узрѣть на практикѣ всѣ доблести милыхъ капиталистовъ.“—Нерадовичъ сложилъ письмо и засунулъ его опять за пазуху.—Вотъ этотъ настоящій, не боится себѣ руки марать, хотя бы на грошевомъ дѣлѣ; а то, право, тошно становится видѣть, какъ всѣ вы на первыхъ же шагахъ устаете да спотыкаетесь.

— Да. и этотъ настоящій человѣкъ, — возразилъ Брусковъ,—тебѣ нѣсколько разъ говорилъ, что мирная пропаганда ни чорта не стоитъ.

На губахъ Нерадовича показалась презрительная улыбка.

— И у тебя, стало быть,—сказалъ онъ, — зародились кровожадные инстинкты? Больно вы уже нетерпѣливы, господа; а съ нетерпѣніемъ мы пропали.

На этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ терпѣніе лопнуло у Брускова.

— Ты морочить меня, что ли, собираешься,—заговорилъ онъ вскакивая съ мѣста.—Развѣ я не знаю, коли на то пошло, что тебя здѣсь задерживаетъ! И вотъ это-то насъ и сгубитъ, потому что амуры къ нашему дѣлу примѣшивать, воля твоя, не полагается.

Нерадовичъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, постой,—продолжалъ Брусковъ горячась,— это давно у меня накипѣло! Ты вертишься около Бѣлыхъ Столбовъ ради этой царь-дѣвицы, которая насъ всѣхъ продать готова.

— Она? ни за что: я ее знаю!

Замѣтивъ волненіе Нерадовича, Брусковъ почувствовалъ свою силу.

— Одно изъ двухъ,—сказалъ онъ насмѣшливо,—либо она за насъ, и тогда пусть она это докажетъ на дѣлѣ, либо она измѣнница, и тогда она должна быть наказана, а этого ты и не хочешь.

— Она не измѣнница! Она...

И не договоривъ, Нерадовичъ зашагалъ по узкой комнатѣ.

— Да развѣ она намъ помогала?—настаивалъ Брусковъ,—развѣ тогда на межѣ она не старалась уговорить Василія? И кто же какъ не она выдала его теперь? Да она и насъ съ тобой выдастъ ради своего возлюбленнаго.

— Возлюбленнаго?—воскликнулъ Нерадовичъ съ пылающими глазами.

— А, а? ты и не зналъ? или просто не хотѣлъ знать?

Да про это, вѣдь, всѣ здѣсь говорятъ. Она сосваталась съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ или, пожалуй, еще что-нибудь иное... почище; а когда женщина полюбитъ, много для нея значатъ какія-нибудь отвлеченныя убѣжденія.

Нерадовичъ его уже не слушалъ. Онъ схватилъ шапку, такъ рванулъ дверь, что задрожали стѣны, и стремительно вышелъ на улицу. Онъ былъ въ томъ возбужденномъ настроеніи, въ которомъ самый умный и хладнокровный человѣкъ дѣйствуетъ безотчетно. Ему было надо видѣться съ молодою дѣвушкой во что бы то ни стало. Онъ не могъ простить себѣ теперь, что такъ долго не искалъ встрѣчи съ нею. А, вѣдь, она еще такъ молода, думалось ему, ее въ самомъ дѣлѣ могутъ увлечь, и тогда она будетъ потеряна для общаго дѣла. Объ одномъ ли этомъ дѣлѣ безпокоился теперь Нерадовичъ? въ этомъ онъ не хотѣлъ или не могъ теперь отдать себѣ отчета. Но гдѣ и какъ повидаться ему съ Надей? Вторично написать ей? Онъ сознавалъ, что она на этотъ разъ уже не придетъ. Страха за себя она не знаетъ; его угрозы и останутся только угрозами. Онъ чувствовалъ себя безсильнымъ передъ нею.

Дождаться ея въ саду? Но, вѣдь, онъ тамъ могъ встрѣтиться съ Володей, да и любой изъ садовыхъ рабочихъ спросилъ бы у него, чего ему надо. Одинъ неосторожный шагъ—и могли легко возникнуть подозрѣнія. Вѣдь, онъ уже не служитъ въ Бѣлыхъ Столбахъ и не имѣетъ повода являться въ усадьбу. Оставалось довѣриться случаю. Нерадовичъ тщетно прождалъ цѣлые три часа въ рощѣ, недалеко отъ дороги, ведущей отъ мостика, въ надеждѣ тамъ увидать Надю. Онъ все-таки рѣшился къ ней написать. Однако, была еще слабая надежда ее встрѣтить на селѣ. Надя иногда послѣ обѣда заходила въ школу, гдѣ все хозяйство было на ея рукахъ. Она выписывала книги да учебныя пособія и держала отчетность. Хотя лѣтомъ постояннаго ученья не было, по воскресеньямъ она дѣлала мальчикамъ экзаменъ. И вотъ когда Нера-

довичъ проходилъ мимо школы, ему показалось, что черезъ окно онъ слышитъ ея голосъ. Это была дѣйствительно она. Молодая дѣвушка зашла въ этотъ вечеръ къ Брускову подъ предлогомъ какихъ-то объясненій насчетъ учебныхъ занятій будущей зимы, а на самомъ дѣлѣ ей хотѣлось вывѣдать отъ него, куда дѣвался Нерадовичъ. Ее томило обманчивое спокойствіе, за которымъ она чуяла бѣду. Надо было попытаться хотя что-нибудь узнать про будущіе замыслы прежнихъ друзей. Передъ ней Брусковъ можетъ быть и проговорится. Нерадовичъ быстро вскочилъ на крыльцо и грубымъ движеніемъ оттолкнулъ дверь. Надя сидѣла въ школьной комнатѣ на одной изъ скамей. Брусковъ, покуривая папиросу, ей что-то объяснялъ. Она обернулась на шумъ, и краска мгновенно ей бросилась въ лицо. Она старалась, однако, подавить смущеніе и съ кажущимся равнодушіемъ протянула Нерадовичу руку, какъ будто въ ихъ встрѣчѣ не было ничего удивительнаго. Затѣмъ она снова обратилась къ Брускову и хотѣла продолжать разговоръ.

— Теперь я думаю, Надежда Сергѣевна, наша бесѣда прекращается сама собою,—сказалъ тотъ съ насмѣшливымъ поклономъ.—Левъ Александровичъ безъ сомнѣнія имѣетъ вамъ сказать нѣчто важное и интересное.

И, не дожидаясь возраженія, Брусковъ вышелъ изъ комнаты. Едва затворилась за нимъ дверь, Надя пристально взглянула на Нерадовича. Теперь въ ея глазахъ не было уже и тѣни смущенія.

— Я не подозрѣвала, что вы еще въ Бѣлыхъ Столбахъ,—начала она. Но онъ отвѣтилъ ей такимъ же пронизываюшимъ взглядомъ. Они казались двумя врагами, готовыми вступить въ бой. Оба точно мѣрили свои силы передъ схваткой.

— Какъ видите,—сказалъ Нерадовичъ,—я до поры до времени не намѣренъ удаляться. Вы думали, что отъ меня отдѣлались и я васъ такъ и не потребую къ отчету?

Его грозный тонъ не пугалъ ея вовсе.

— Требуйте меня къ отвѣту, сколько угодно,—проговорила она совершенно спокойно, не спуская съ него глазъ.

Онъ сталъ горячо упрекать ее за измѣну, приписывая ей свою неудачу съ крестьянами и недавній арестъ Василія, но замѣтно было, что онъ самъ не вѣрилъ своимъ словамъ.

— Еслибъ я хотѣла измѣнить,—спокойно и рѣзко возразила она,—я бы начала съ доноса, а васъ до сихъ поръ не трогали.

Нерадовичъ, въ сущности, былъ радъ всякому предлогу для примиренія. Вовсе уже не для того искалъ онъ свиданія съ молодою дѣвушкой, чтобъ уличить ее и довести до полнаго разрыва.

— Но если оно такъ,—заговорилъ онъ опять,—то чѣмъ же объясните вы свое странное поведеніе? Гдѣ то содѣйствіе, на которое я имѣлъ право разсчитывать?

— Содѣйствіе? Развѣ я вамъ обѣщала его? Развѣ вы не поняли, какое чувство возбудили во мнѣ ваши слова въ тотъ вечеръ, когда мы встрѣтились въ лѣсу?

Ноздри ея презрительно раздулись и въ глазахъ что-то блеснуло. Но, страннымъ образомъ, онъ все еще не отчаивался, напротивъ, чѣмъ заносчивѣе были ея слова, тѣмъ мягче и примирительнѣе становился онъ.

— Ахъ, Надя,—возразилъ онъ,—вы бы не отвѣчали мнѣ такъ, еслибы не старались извинить въ собственныхъ глазахъ перемѣну въ своемъ образѣ мыслей. Вы подпали подъ чужое вліяніе.

— Потому, что я не захотѣла стать вашею сообщницей? Пеняйте на самого себя. Вы сами мнѣ открыли глаза. Хороша польза, которую вы принесли здѣшнему народу. Дмитрій Алексѣевичъ, вы это очень хорошо знаете, добровольно хотѣлъ сдѣлать крестьянамъ уступки, и кто же помѣшалъ этому, какъ не вы и ваши пособники? И вы хотите, чтобъ я была заодно съ вами!

— Вы не только не были съ нами заодно, вы старались сбить съ толку Василія.

— Да,—перебила она съ горячностью,—и я буду поступать такъ же всякій разъ, когда увижу, что ради какихъ-то загадочныхъ, сомнительныхъ цѣлей дурачатъ бѣдныхъ крестьянъ.

— Надя, да вы стали говорить языкомъ нашихъ враговъ? Васъ сбили съ толку, вы повѣрили людямъ, готовымъ въ минуту опасности задобрить народъ какою-нибудь подачкой, чтобъ этимъ жалкимъ способомъ отдѣлаться отъ дѣйствительнаго удовлетворенія его нуждъ. Помните, что я твердилъ вамъ столько разъ? Жертвы неизбѣжны! И если это требованіе вамъ кажется суровымъ, согласитесь, по крайней мѣрѣ, что ставящіе его безкорыстны. Наши руки чисты, Надя, вы когда-то это понимали.

Онъ все еще не хотѣлъ признать свое дѣло окончательно проиграннымъ.

— Вы безкорыстны? вы чисты?—съ негодованіемъ воскликнула она.—А вы забыли про нашу послѣднюю встрѣчу въ Москвѣ? Что, возвышенные мотивы любви къ народу говорили въ васъ тогда?

— Если даже такъ, Надя,—и голосъ его дрогнулъ,—если и теперь я остаюсь здѣсь лишь для того, чтобы предостеречь васъ и не дать васъ опутать...

— Объ этомъ не безпокойтесь,—сказала она презрительно. Надя живо встала, глаза ея пылали.—И вотъ, стало быть,—сказала она тихо, низкія грудныя ноты слышались въ ея голосѣ,—ради какихъ высокихъ цѣлей вы смущаете крестьянъ, наталкиваете ихъ на безобразный, сумасшедшій поступокъ, и вы не понимаете всего различія между вами, съ вашею жалкою революціонною комедіей и людьми, которые въ самомъ дѣлѣ добросовѣстно стараются помочь народу не фразами только...

Нерадовичъ поблѣднѣлъ.

— Вы очень горячо заступаетесь за этихъ людей, Надежда Сергѣевна,—сказалъ онъ, всматриваясь въ нее.

— Во мнѣ говоритъ чувство справедливости.

— Какое мнѣ дѣло до справедливости? Далеко бы мы ушли, еслибы стали умиляться передъ добродѣтелями своихъ враговъ!—Онъ прошелся по комнатѣ.—И неправду вы говорите, Надежда Сергѣевна, чувство справедливости!—захохоталъ онъ,—много о немъ женщины заботятся. Не потому вы перешли на сторону Корецкихъ, что они лучше и правѣе насъ, а потому...

Она не выдержала его взгляда и опустила глаза...

— Развѣ я не читаю па вашемъ смущенномъ лицѣ... Какихъ мнѣ еще нужно признаній? Вы измѣнили своимъ убѣжденіямъ, потому что любите Дмитрія Корецкаго.

Слова эти ее взорвали. Она забыла всякую осторожность.

— Да, я расхожусь съ вами рѣшительно и навсегда,—проговорила она гордо,—я это дѣлаю открыто, какъ видите. Власти надъ собою я не признаю.

Бѣшенство овладѣло имъ; онъ тоже не былъ уже въ состояніи взвѣшивать слова.

— А! а? наконецъ вы договорились, — воскликнулъ онъ.—Какъ будто я давно не понялъ, что вы лицемѣрите со мной, но мы съ вами разсчитаемся, за васъ поплатится тотъ, кому вы продали себя!

Онъ бросился вонъ изъ комнаты и хлопнулъ дверью. Она опустилась на скамейку, закрывъ лицо руками; негодованіе и стыдъ поднимались въ ея сердцѣ. И въ то же время она чувствовала себя какъ будто легче и свободнѣе, какъ будто теперь только она возвратила себѣ независимость. Не будетъ, по крайней мѣрѣ, этой гнетущей двойственности въ ея жизни. Ею овладѣло какое-то странное изнеможеніе. Послѣ объясненія съ Нерадовичемъ будто какое-то затишье наступило въ ней. А затишье въ самомъ дѣлѣ стояло вокругъ. На дворѣ понемногу темнѣло. Солнечный лучъ потухалъ на крестѣ церкви. Все рѣже по улицѣ раздавались шаги прохожихъ. Вдругъ послышался неровный топотъ копытъ, замычали коровы, заблѣяли овцы; раздавался понукающій голосъ пастуха. Стадо возвраща-

лось съ выгона домой. Какъ туча прошло оно мимо школы и долго еще слышались слабѣвшіе крики, стукъ притворявшихся воротъ и протяжные, жалобные голоса животныхъ; потомъ все стихло. Только большая ночная бабочка, стремительно влетѣвшая въ комнату, дрожала крыльями и долго билась объ окно.

Молодая дѣвушка встрепенулась. Надвигавшаяся ночь ее словно разбудила. Надо было тотчасъ же переговорить съ Дмитріемъ: она спустилась съ крыльца и быстрою походкой направилась къ дому.

X.

Дмитрій и Володя проѣхали шагомъ почти до Бѣлыхъ Столбовъ. Едва колыхавшійся ночной воздухъ ласкалъ имъ лицо. Теплою пахучею струей пробѣгалъ по немъ южный вѣтерокъ, желтая луна медленно выплывала изъ-за мглистаго края неба.

Братья сперва ѣхали молча. Оба они слишкомъ были полны впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Никольскаго.

— Митя,—сказалъ вдругъ Володя, осаживая лошадь,—ты знаешь, она будетъ моею женой. Она мнѣ сказала сегодня... Ну словомъ, я удивительно, я дико счастливъ.

— Я думаю, не такъ легко будетъ добиться согласія Елены Михайловны. Совѣтую тебѣ не слишкомъ предаваться надеждамъ.

Но Володя рѣшительно не допускалъ и мысли о препятствіяхъ.

— А ну, Богъ съ ней съ Еленой Михайловной,—воскликнулъ онъ.—Много станемъ мы ее спрашивать. Она къ тому же и не родная мать.

— Не мать, а все-таки опекунша.—И Дмитрій покачалъ головой.—Не горячись, братъ, годика два все обождать придется.

Но Володя и слышать не хотѣлъ о проволочкахъ.

Съ самоувѣреннымъ эгоизмомъ счастливой любви онъ сталъ излагать передъ братомъ свои радужные виды на будущее, въ полномъ убѣжденіи, что и для Дмитрія ничего на свѣтѣ нѣтъ важнѣе осуществленія мечты, отъ которой радостно пьянѣло его воображеніе. Они стали медленно спускаться въ отлогій широкій оврагъ, плотно заросшій дубовымъ кустарникомъ. До Бѣлыхъ Столбовъ оставалось всего версты двѣ.

— Представь себѣ,—вдругъ захохоталъ Володя, закуривая папироску, — какое я сегодня уморительное письмо получилъ отъ этихъ дураковъ, отъ Блюмштейна и Эльборуси. Они хотятъ, чтобъ я принялъ участіе въ глупѣйшей манифестаціи въ честь какихъ-то харьковскихъ студентовъ, которыхъ сюда выслало начальство. Вздумали чуть ли не процессію цѣлую устроить отъ самаго вокзала желѣзной дороги и потомъ, кажется, окна выбить собираются въ губернаторскомъ домѣ. Мальчишки настоящіе и нашли когда мнѣ это предлагать.

Темнота не позволила Володѣ разглядѣть улыбку на лицѣ Дмитрія, вспомнившаго, какъ еще недавно братъ цѣлые дни проводилъ съ этими мальчишками. Володя продолжалъ хохотать, пока Дмитрій немного отсталъ, чтобы поправить стремя. Вдругъ изъ-за кустовъ, слѣва отъ дороги, раздался выстрѣлъ и Дмитрій почувствовалъ, какъ что-то прожужжало мимо его уха, словно тяжелый жукъ пролетѣлъ. Лошади кинулись впередъ.

— Что это? въ тебя стрѣляли?—съ ужасомъ воскликнулъ Володя.

— Кажется, но какъ видишь, я цѣлъ и невредимъ.

Володя хотѣлъ опрометью броситься въ кусты, гдѣ послышался легкій осторожный шорохъ, но братъ остановилъ его.

— Куда ты? съ ума сошелъ? Вѣдь ружье о двухъ стволахъ, тебя изъ-за куста застрѣлятъ, какъ куропатку. Давай лучше поскачемъ впередъ, кажется, по дорогѣ сюда идутъ.—И въ самомъ дѣлѣ, среди вечерней тиши

издали доносились чьи-то голоса.—Это Никольскіе послѣ выпивки съ работы идутъ,—сказалъ Дмитрій, отъѣхавъ шаговъ съ двѣсти.—Поѣзжай скорѣе къ матушкѣ, а то она отъ другихъ какъ-нибудь узнаетъ и перепугается, а мы здѣсь съ мужичками постараемся этого голубчика розыскать. Кажется, они къ намъ спѣшатъ на встрѣчу.

Между тѣмъ, Анна Григорьевна съ Надей вдвоемъ были въ гостиной, слабо освѣщенной лампой съ матовымъ стекломъ. Допитыя чашки стояли на столѣ; самовара еще не убирали въ ожиданіи молодыхъ господъ. Надя съ безпокойствомъ прислушивалась къ каждому шороху, съ трудомъ скрывая нетерпѣливое безпокойство.

Дмитрію не въ рѣдкость было поздно возвращаться домой, но въ этотъ вечеръ его долгое отсутствіе наполняло ее тревогой. Анна Григорьевна молча раскладывала пасьянсъ. Надя замѣтила, что у нея дрожали руки. Совсѣмъ это было непривычно для бодрой старушки.

— Въ десятый разъ не выходитъ,—съ неудовольствіемъ бросая карты, сказала она и откинулась назадъ въ свое кресло.

— Ты ничего не слышала?—вдругъ приподнимаясь, спросила она молодую дѣвушку.

— Ничего тетушка,—отвѣчала та, почему-то вздрогнувъ.

Вопросъ Анны Григорьевны пробудилъ ее отъ тяжелаго раздумья.

— Мнѣ показалось, будто вдали стрѣлялъ кто-то,—нерѣшительно проговорила старушка, снова усаживаясь въ кресло.—Должно быть померещилось. Въ ушахъ у меня стучитъ сегодня, воздухъ такой тяжелый—гроза завтра будетъ.

„Нервы у нея разстроены“,—подумала Надя. Воздухъ дышалъ всею прелестью ясной лѣтней ночи. Вдругъ у крыльца послышался топотъ подскакавшей лошади и черезъ полминуты въ сѣняхъ раздался громкій взволнованный голосъ Володи: „Гдѣ мамаша?“ и тотчасъ затѣмъ онъ быстро вошелъ въ гостиную.

— Мамаша, пожалуйста не пугайтесь,—торопливо заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ.—Я нарочно сюда прискакалъ, чтобы вамъ разсказать.

Но это какъ разъ перепугало Анну Григорьевну въ высшей степени.

— Что случилось? Гдѣ Дмитрій? — спросила она, живо вставая. Инстинктъ ей тотчасъ подсказалъ истину.—Гдѣ Дмитрій? Съ нимъ несчастіе случилось? Да говори же!

Надя, вся поблѣднѣвшая, тоже поднялась съ мѣста и неподвижно стояла, боясь услыхать страшное извѣстіе.

— Мама, милая, ради Бога не пугайтесь.—Володя совсѣмъ уже растерялся.—Дмитрій не раненъ, въ него не попали.

— Какъ, стрѣляли?—въ тотъ же мигъ проговорили обѣ женщины.

— Да, въ оврагѣ, изъ-за кустовъ... кто-то выстрѣлилъ, да я же говорю вамъ, что не попали!

И онъ бросился къ матери, которая, затрясшись всѣмъ тѣломъ, тяжело упала на кресло.

Надя подошла къ ней тоже; она двигалась почти невольно, словно ее подталкивалъ кто-то.

— Это Нерадовичъ!—шепотомъ сказала она Володѣ.

— Какъ Нерадовичъ? Развѣ онъ все еще здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, я видѣла его сегодня.

Анна Григорьевна разслышала и мигомъ пробудилась отъ своего оцѣпенѣнія.

— Какъ, ты видѣлась съ этимъ человѣкомъ,—гнѣвно воскликнула она, и снова бодрая и рѣшительная выпрямилась передъ молодою дѣвушкой,—ты знаешься съ убійцей моего сына?

Володя захотѣлъ успокоить ее, говоря, что неизвѣстно еще, кто стрѣлялъ, что Надя, вѣдь, ни въ чемъ не виновата...

— Оставь меня, я знаю что говорю,—рѣзко оборвала его мать.— Все, долго сдерживаемое, неудовольствіе противъ Нади, теперь просилось наружу.—Она живетъ въ

моемъ домѣ, она ѣстъ мой хлѣбъ и все-таки тайно сговаривается съ этими негодяями.

Надя закрыла лицо руками.

— Тетушка, тетушка!—проговорила она всхлипывая.

Эти жесткія слова не вызвали въ ней гнѣвнаго отпора. Чувство вины передъ семьей Корецкихъ заглушило въ ней гордость.

— Да, я тебя хорошо узнала теперь, — уже прямо обращаясь къ ней, продолжала Анна Григорьевна.— Какъ ни старайся тебя приласкать, ты все въ лѣсъ глядишь. Вѣдь всѣ здѣшніе безпорядки—твои друзья затѣяли. Ты съ ними заодно. Ты знала, что сюда явился этотъ Нерадовичъ, твой бывшій учитель, а кто знаетъ, можетъ быть и не учитель только.

— Мама, мама, какъ можете вы, — уговаривалъ ее Володя.

Надя была не въ силахъ вымолвить и слова.

— Нѣтъ, пора ей всю правду высказать, я понимаю теперь, гдѣ ты по цѣлымъ часамъ пропадала. Жить изъ милости въ чужомъ домѣ и шушукаться съ тѣми, кто крестьянъ бунтуетъ, да и не прочь убить изъ-за куста, это низко, это подло. Уйди, пожалуйста, не показывайся мнѣ на глаза, мнѣ противно тебя видѣть.

Руки у нея тряслись отъ волненія.

Надя молча отвернулась и медленною, нетвердою поступью направилась къ растворенным дверямъ террасы. На самомъ порогѣ она остановилась и нерѣшительно, съ испугомъ въ голосѣ, спросила у Володи:

— Да гдѣ же Дмитрій? Отчего онъ нейдетъ?

— Онъ будетъ сейчасъ, онъ меня сюда послалъ.

— Какъ смѣешь ты называть его при мнѣ? — воскликнула Анна Григорьевна. Но вдругъ ей показалось, что въ словахъ Володи была какая-то нерѣшительность, и страшное сомнѣніе запало къ ней на умъ.

— Ты обманываешь меня, — сказала она задыхающимся голосомъ,—его ранили, ты хочешь меня къ этому подготовить. Зрачки ея расширились отъ ужаса.

— Да нѣтъ же, мама, нѣтъ, увѣряю васъ,—твердилъ Володя, но ему не удалось ее успокоить. Она все болѣе убѣждалась, что отъ нея что-то скрываютъ. Дмитрій не являлся. Она заходила по комнатѣ, ломая руки въ безпомощной тревогѣ. Разъ десять она звала Терентія и приказывала верхового послать за молодымъ бариномъ. Всѣхъ служащихъ въ домѣ она хотѣла поднять на ноги. Съ террасы слышались подавленныя всхлыпыванья Нади. Молодая дѣвушка тоже съ возрастающею тревогой ожидала прибытія Дмитрія. Безпокойство не давало ей чувствовать понесенную обиду.

Такъ прошелъ цѣлый часъ. Молодой дѣвушкѣ, наконецъ, стало не въ моготу, слишкомъ тяжело было слышать, какъ измученная мать рыдала и молилась, то падая въ изнеможеніи на кресло, то снова метаясь изъ угла въ уголъ.

Надя спустилась въ садъ и ушла въ глухую, тѣнь старыхъ липъ, куда не доходили ни людскіе голоса, ни бѣлые лучи мѣсяца. Но и свѣжее безмолвіе ночи не успокоило ея. Оно только разбудило заглушенное было чувство острой боли отъ несправедливыхъ укоровъ тетки. Была уже полночь, когда Дмитрій вернулся. Тогда только, когда она услыхала его голосъ у крыльца, Анна Григорьевна повѣрила, что онъ живъ и не раненъ. Она бросилась къ нему и долго судорожно прижималась къ его груди.

— Ничего, мама, право, ничего,—весело заговорилъ онъ,—я не только живъ и невредимъ, но уже поймалъ виновника этой передряги.

— Нерадовича?—спросилъ Володя.

— Какой Нерадовичъ? Это былъ ни кто иной, какъ милѣйшій господинъ Гондзевскій.

И Дмитрій принялся разсказывать. Всѣ усѣлись въ томъ возбужденно счастливомъ настроеніи духа, какое наступаетъ послѣ благополучно минувшей опасности.

— Никольскимъ мужикамъ, которыхъ мы встрѣтили съ Володей, я велѣлъ обшарить кусты въ оврагѣ. Они

настоящую облаву учинили, хотя тотъ молодецъ, разумѣется, уже улизнулъ. И представьте себѣ, они даже съ большимъ удовольствіемъ это сдѣлали, когда я имъ сказалъ, что подозрѣваю Гондзевскаго. Они теперь на него ужасно злятся за то, что онъ ихъ подбилъ на бунтъ. Вотъ вамъ и народная благодарность. Троимъ изъ нашихъ, которые тоже тутъ подвернулись, я приказалъ захватить лошадей и поѣхать къ Акимову двору. Самъ я впередъ поскакалъ туда же, чтобъ отрѣзать Гондзевскому отступленіе и разбудилъ Акима. Тотъ сперва не хотѣлъ впутываться въ дѣло, но я его пристращалъ. Рабочій тамъ у него на постояломъ дворѣ объяснилъ, что Гондзевскій цѣлый день гдѣ-то пропадалъ и ружье съ собой охотничье унесъ. Пошарили у него въ комнатѣ и нашли подъ кроватью патронъ съ пулей; вскорѣ прискакали рабочіе, а спустя полчаса явился онъ самъ; мы его впустили, и едва онъ перешагнулъ черезъ порогъ, двое изъ рабочихъ, которые его поджидали въ проходѣ, схватили его и отобрали ружье. Его такъ огорошило, что защититься онъ не успѣлъ, но, разумѣется, сталъ барахтаться и ругаться, что есть мочи. Узнавъ меня, онъ закричалъ, что это насиліе, самоуправство, ну, чего тамъ еще — словомъ, что мнѣ придется строго отвѣчать, а я ему показалъ патронъ и говорю; „Что̀ это, батюшка, вы съ этимъ на молодыхъ стрепетовъ ходили?“ Связали мы ему руки и помѣстили его въ его же комнатѣ. Когда осмотрѣли ружье, оба ствола оказались разряженными, но изъ одного недавно былъ данъ выстрѣлъ. Онъ все-таки не признавался, но черезъ часъ прибѣжали двое изъ Никольскихъ мужиковъ съ найденною ими въ оврагѣ серебряною папиросницей, которою онъ всегда щеголялъ и обронилъ ее, должно быть, среди кустовъ. На ней красовался гравированный его шифръ. „А на это что̀ вы скажете?“ спросилъ я тогда. Тутъ ужъ онъ пересталъ запираться, но за то вошелъ въ азартъ неописанный и объявилъ, что онъ хотѣлъ мнѣ отомстить за нанесен-

ное оскорбленіе и былъ совершенно правъ, потому что я своими клеветами очернилъ его честное имя и, въ добавокъ, безстыдный притѣснитель народа. Дали мы ему наболтаться въ сласть, заперли его и приставили трехъ человѣкъ караулить до утра. А такъ какъ слѣдователя, пожалуй, не скоро дождешься, я пока въ Черные Хутора за старшиной послалъ. Скрутятъ его какъ нельзя лучше, въ свидѣтеляхъ недостатка не было.

Наступило короткое молчаніе. Всѣ трое были подъ сильнымъ впечатлѣніемъ.

— Такъ Нерадовичъ тутъ, стало быть, не причемъ?— вдругъ заговорилъ Володя.

— Нерадовичъ? Съ какой-стати ты на него подумалъ?

— Такъ, Надѣ пришло въ голову, что это былъ онъ, она съ нимъ видѣлась сегодня.

— Опять? Онъ все еще здѣсь скрывается? Неужели долго еще не будетъ отъ него покоя бѣдной Надѣ...

— Какъ, ты еще о ней жалѣешь! — воскликнула Анна Григорьевна. — Она знается съ этими негодяями, она дрянная дѣвчонка.

Дмитрій не вѣрилъ ушамъ.

— Что вы, мама, вы ли это говорите?—вырвалось у него негодующее восклицаніе.

— Да, я ей это въ лицо сказала, я ее выгоню изъ дома.

И Анна Григорьевна въ новомъ порывѣ гнѣва сказала сыну, что произошло у нея съ племянницей. Дмитрій былъ въ отчаяніи.

— Какъ могли вы ее такъ оскорбить? Бѣдная, бѣдная Надя. Гдѣ она, Володя?

— Должно быть въ саду.

Дмитрій не слушалъ уже, что продолжала говорить его раздраженная мать. Онъ бросился на террасу, стараясь разглядѣть среди темноты, не покажется ли свѣтлое платье молодой дѣвушки. Тѣнь отъ дома широкимъ пятномъ ложилась на садъ, а вдали на листвѣ дрожали полосы луннаго свѣта. Нади не было видно.

Онъ спустился въ садъ и принялся искать ее, все болѣе углубляясь въ чащу деревьевъ. Въ густой липовой аллеѣ на старинной деревянной скамейкѣ что-то бѣлѣло. Когда, ускоривъ шагъ, онъ подошелъ, она все еще оставалась въ совершенной, словно мертвой неподвижности. На ея лицѣ были слѣды недавнихъ слезъ.

— Надя... милая... бѣдная моя, что съ вами?—вполголоса заговорилъ онъ, опускаясь возлѣ нея на скамейку.

Она словно очнулась.

— Вы, это вы!—радостно воскликнула она:—вы въ самомъ дѣлѣ не ранены?

Надя живо отерла послѣднія слезы.

— И вы еще обо мнѣ безпокоитесь, дорогая моя!.. Вы, которой пришлось выслушать такіе незаслуженные упреки?..

Сердце ея забилось въ отвѣтъ на его слова, но она не сразу поняла, что передъ нею пламенно любящій ее человѣкъ, не требующій отъ нея никакихъ оправданій.

— Нѣтъ, то были справедливые, заслуженные упреки,—отвѣтила она, не смѣя взглянуть ему въ лицо.— Я виновата передъ всѣми вами. Я скрывала отъ васъ. что видѣлась съ Нерадовичемъ. Вѣдь съ нимъ-то я и была въ ту ночь, когда вы меня застали у Ѳедотовой пасѣки.

— Признаюсь вамъ, Надя, я тогда же догадался.

Странно звучалъ въ ея ушахъ почти веселый тонъ его словъ.

— Догадались? и не требовали отъ меня полной откровенности? Вы, стало быть, мнѣ все-таки вѣрили?— И глаза ея, теперь поднятыя на Дмитрія, полны были благодарности. — Но всего вы не знаете. Нерадовичъ требовалъ отъ меня, чтобъ я стала его сообщницей, его шпіономъ въ вашемъ домѣ, а я все-таки не смѣла вамъ открыться. Глупая боязнь передъ тѣмъ. что могло походить на доносъ, остатокъ какого-то суевѣрнаго чувства долга... вѣдь этотъ человѣкъ, вмѣстѣ съ Бру-

сковымъ и Василіемъ, бунтовалъ противъ васъ крестьянъ. Вѣдь, онъ не переставалъ все это время жить здѣсь въ околоткѣ, переодѣтый мужикомъ подъ именемъ Ефима Петрова.

— Какъ, Ефимъ Петровъ, это Нерадовичъ!—съ изумленіемъ воскликнулъ Дмитрій.— Ефимъ Петровъ? тотъ самый, который здѣсь жилъ въ качествѣ машиниста? не можетъ быть.

Теперь за нею была очередь изумиться. Когда она описала Дмитрію наружность и пріемы Нерадовича, онъ тотчасъ узналъ его въ машинистѣ.

— Вотъ порадуется дядюшка Петръ Николаевичъ,— разсмѣялся Дмитрій,—когда услышитъ, кто былъ смышленый мужикъ, приводившій его въ восторгъ.

Но сдѣланное открытіе еще усилило смущеніе Нади.

— И вы мнѣ все-таки простите,—сказала она,— несмотря на то, что благодаря моему молчанію вы всѣ подвергались опасности? Вѣдь, этотъ человѣкъ способенъ на все, Дмитрій; о, кабы я могла тогда подозрѣвать... вѣдь онъ могъ убить васъ сегодня.

Она вся вздрогнула и покрыла лицо руками.

— Да, вѣдь, не онъ въ меня выстрѣлилъ, а Гондзевскій,—поспѣшилъ онъ ее успокоить.—Вы видите, что вамъ не за что упрекать себя. Не я въ опасности, а вы, васъ надо освободить отъ гнета этихъ людей. Они вамъ не простятъ никогда.

Онъ схватилъ обѣ ея руки и нѣжнымъ движеніемъ слегка потянулъ ее къ себѣ.

— Неправда-ли Надя,—добавилъ онъ вполголоса,— вы съ ними разорвали теперь всякую связь? Навсегда разорвали?—И вы не раскаетесь въ томъ, что перешли на нашу, на мою сторону?

— Нѣтъ, нѣтъ, — только и смогла она отвѣтить, покачавъ головой.

Развѣ объ этомъ можно еще было спрашивать? Исповѣдь ея была досказана, и слова Анны Григорьевны

были забыты и прощены. Легко становилось на сердцѣ Нади, точно съ него тяжесть была снята. И робко пока еще въ него прокрадывалось сладкое сознаніе любви Дмитрія.

Густая, черная листва окружала ихъ непроницаемымъ покровомъ. Точно сама ночь стояла на-сторожѣ, оберегая ихъ въ своемъ пріютѣ тишины и покоя. Едва замѣтными кружками прокрадываясь сквозь липовые сучья, падали на землю молочныя пятна луннаго свѣта. Какъ слабая зыбь, сонный вѣтеръ крался по вѣтвямъ, точно липы шептались вокругъ нихъ и самъ воздухъ притаилъ дыханіе, въ травѣ кое-гдѣ загорались искры отъ свѣтящихся жучковъ, да изрѣдка ночная бабочка закружится надъ вѣткой или задрожитъ упиваясь цвѣткомъ. Дмитрію и Надѣ хорошо было среди ночного покоя. Отъ него миромъ и нѣгой вѣяло на нихъ, словно ночь сама говорила имъ, какъ ничтожны всѣ людскія тревоги, какъ есть на землѣ только одна вѣчная правда и одно вѣчное юное счастье—правда и счастье созвучной любви.

— Я знаю, что ты моя навсегда, — наклонился онъ къ ней, притягивая ее ближе къ себѣ.

Надя тихо опустила къ нему голову на плечо. Ея волосы коснулись его щеки. Еще одинъ блаженный мигъ, и губы ихъ слились въ долгій поцѣлуй. Вдругъ она почувствовала, будто ее обожгло что-то и почти съ испугомъ она освободилась изъ его рукъ.

— Пойдемъ, Дмитрій,—вполголоса сказала она вставая,—поздно...

Они вышли изъ-подъ густого навѣса липъ. Полный мѣсяцъ высоко уже стоялъ надъ крышей дома и широкою струей заливалъ весь садъ. Точно саваномъ были опутаны тополи и ясени близъ террасы. Одинъ только домъ, какъ черное привидѣніе, стоялъ неосвѣщенный.

Надю вдругъ обдало какимъ-то необъяснимымъ страхомъ. Что-то грозящее ей померещилось въ черныхъ вѣтвяхъ деревьевъ, выдѣлявшихся на безоблачной си-

невѣ темнаго неба. Даже холодный блескъ мѣсяца, такъ невозмутимо глядѣвшаго имъ прямо въ лицо съ высоты, возбуждалъ въ ней странную тревогу, точно блѣдное, спокойное свѣтило являлось ей какъ строгій обличитель.

Дмитрій, напротивъ, весь отдался тому полному счастью, которое такъ рѣдко на землѣ.

— Ну, теперь, Надя, —заговорилъ онъ опять, не выпуская ея руки изъ-подъ своей,—я тебя въ обиду не дамъ этимъ людямъ.—Надо, чтобы завтра же все было кончено и они твоему спокойствію ужъ не мѣшали.

— Что же ты думаешь сдѣлать?—съ безпокойствомъ спросила она.

Онъ понялъ недосказанный смыслъ ея вопроса.

— Тревожиться тебѣ нечего,—отвѣтилъ онъ ласково,—я все устрою такимъ образомъ, что на тебя не падетъ и тѣни упрека даже собственной твоей слишкомъ ужъ чуткой совѣсти. Я не выдамъ Нерадовича и Брускова, мы и безъ полиціи, Богъ дастъ, обойдемся. Въ сущности не такъ ужъ они страшны, какъ тебѣ казалось, да ничего особеннаго они не успѣли надѣлать. Только я позабочусь о томъ, чтобы они очистили наши мѣста и тебя оставили бы въ покоѣ.

Но хотя она горячо благодарила его за это, молодая дѣвушка не могла освободиться отъ странной боязни, вновь овладѣвшей ею. Надѣ все не вѣрилось, что горе и неволя теперь для нея миновали навсегда.

XI.

Анна Григорьевна всю ночь не смыкала глазъ. Какъ ни раздражена она была противъ Нади, сознаніе своей несправедливости сначала незамѣтно, потомъ все громче говорило въ ней. Чувствовать себя неправою передъ кѣмъ-либо было для нея всегда невыносимо. Блѣдный утренній свѣтъ, прокрадываясь сквозь ставни, застигъ ее въ рѣшимости загладить нанесенную обиду.

Но въ то же время ей не давала покоя другая тревожная мысль. Во всемъ поведеніи Нади, когда ей пришлось выслушать упреки тетки, да и въ словахъ Дмитрія тоже, когда онъ узналъ о случившемся, Анна Григорьевна подмѣтила что-то странное, недосказанное. Молодая дѣвушка не отвѣтила ей съ тѣмъ гнѣвнымъ негодованіемъ, какого заслуживали ея оскорбительныя слова. Тяжелое горе, боязнь за Дмитрія, вотъ что сказывалось тогда у Нади. А самъ Дмитрій? Какъ глубоко возмутили его слова матери! Какъ бросился онъ опрометью, чтобы отыскать Надю и утѣшить ее!..

Что если она ошиблась насчетъ чувства сына къ молодой дѣвушкѣ?

Едва успѣла она сойти въ кабинетъ, гдѣ по утрамъ до чаю занималась счетами, какъ Дмитрій показался въ дверяхъ. Онъ зашелъ къ матери, чтобы уговорить ее сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Дмитрій сталъ доказывать, что Анна Григорьевна совершенно напрасно заподозрила Надю, что бѣдная дѣвушка и безъ того мучилась за послѣднее время, не находя выхода изъ своего двойственнаго положенія.

Анна Григорьевна слушала его молча, стараясь разгадать, что кроется за его кажущимся спокойствіемъ.

— Ее нельзя винить за то,—продолжалъ онъ,—что она не рѣшалась сразу оторваться отъ старыхъ друзей. И если Надя такъ долго оставалась вѣрна своему прошлому, то, вѣдь это, согласитесь, заслуживаетъ уваженія.

— Ты зналъ про ея свиданія съ Нерадовичемъ?— перебила его Анна Григорьевна.

— Догадывался, по крайней мѣрѣ.—И Дмитрій разсказалъ ей про свою встрѣчу съ молодою дѣвушкой на Ѳедотовой пасѣкѣ.—Я не захотѣлъ добиваться признаній, я зналъ, что рано или поздно она выскажется.

Онъ заговорилъ теперь горячо, объясняя матери, почему онъ самъ ни на минуту не усумнился въ Надѣ.

Слушая его, Анна Григорьевна все больше убѣжда-

лась въ своей несправедливости къ Надѣ. Она не колеблясь рѣшила, что возьметъ назадъ свои обидныя слова. Но разговоръ съ сыномъ открывалъ ей глаза и насчетъ того подозрѣнія, которое прежде запало ей на мысль.

— Будь откровененъ со мною, Дмитрій,—сказала она вставая и глядя прямо въ лицо сына.—Ты ее любишь!.. Ты и не подумалъ,—съ укоромъ продолжала она,—къ чему это можетъ повести. Въ твои года нельзя поступать какъ влюбленный мальчикъ.

— Я все обдумалъ, и рѣшилъ, что Надя будетъ моею женой,—спокойно и твердо возразилъ Дмитрій.

— И ты рѣшилъ это, не сказавъ мнѣ ни слова? Неужели ты могъ думать, что мнѣ это будетъ пріятно? Или тебѣ, можетъ быть, все равно огорчить старуху мать? Ты, пожалуй, обойдешься и безъ моего согласія?

— Зачѣмъ вы это говорите? Вѣдь, вы меня знаете...

Анна Григорьевна уже не владѣла собою. Недавнее чувство раскаянья смѣнилось теперь новымъ приливомъ раздраженія.

— Ты можешь поступать какъ тебѣ угодно. Можешь жениться на комъ хочешь, но благословенія своего на эту безобразную свадьбу я не дамъ.

— И вы все это говорите потому только, что Надя бѣдная сирота, безприданница?

— Если бы ты вздумалъ жениться на любой безприданной дѣвушкѣ, видитъ Богъ, я бы не стала тебѣ мѣшать! Правда, не то я имѣла для тебя въ виду, я надѣялась, что теперь, когда нѣтъ уже помѣхи для твоей свадьбы съ Еленой...

— Какъ, вы думали?—перебилъ онъ ее и почти засмѣялся, услышавъ такъ неожиданно имя Елены.—Вы забыли, что десять лѣтъ назадъ сами такъ долго отказывали мнѣ въ своемъ согласіи, когда...

— И вѣчно буду въ томъ раскаиваться. У Леночки Лучицкой тоже не было гроша за душой, но она была изъ хорошей, честной семьи.

— Да!—вырвалось у Дмитрія горькое восклицаніе.— Хороша честность!

— За такую невѣсту мнѣ не пришлось бы краснѣть,— не слушая его, продолжала Анна Григорьевна.—Она не убѣжала, какъ твоя Надя, изъ родительскаго дома. Она не водилась съ цѣлою артелью шалопаевъ.

— Мамаша, да какъ вы можете... — хотѣлъ остановить ее Дмитрій.

— Нѣтъ, тебѣ нужно всю правду сказать! Ты думаешь, я могу спокойно принять въ свою семью дѣвушку, которая Богъ вѣсть какихъ мерзостей насмотрѣлась въ Москвѣ, да за границей, да и кто знаетъ, насмотрѣлась ли только...

— За Надю я отвѣчаю, какъ за себя!—воскликнулъ Дмитрій.

— Такъ всѣ влюбленные говорятъ. На мою невѣстку не должна падать и тѣнь сомнѣнія, и мнѣ стыдно за тебя, коли ты самъ этого не понимаешь.

Анна Григорьевна заходила по комнатѣ.

— Вотъ, стало быть, мнѣ награда за то,—продолжала она,—что я изъ состраданія приняла къ себѣ чужую въ домъ! Очень мнѣ нужно было не въ свое дѣло соваться!

— Что же, теперь вы хотите ее выгнать изъ дому? Пусть она себѣ погибаетъ, лишь бы не страдало ваше самолюбіе?

— И ты мнѣ это говоришь, Дмитрій? — съ изумленіемъ. не вѣря ушамъ, возразила Анна Григорьевна.— Я никого, кажется, до сихъ поръ не выгоняла на улицу. Не съ твоей Нади мнѣ начинать, успокойся.

— Хорошо,—возразилъ Дмитрій.—Мы съ ней подождать можемъ. Время покажетъ, что вы въ ней ошибались, а пока я отсюда уѣду.

— Ты уѣдешь? — воскликнула съ испугомъ Анна Григорьевна, но она не успѣла прибавить ни слова: за дверью послышались легкіе шаги.

— Тетя, можно къ вамъ?—постучалась Надя.

— Оставь насъ вдвоемъ,—живо сказала Анна Григорьевна сыну.—Мы послѣ съ тобой поговоримъ! Уѣхать! вотъ еще что выдумалъ!..

— Вы мнѣ обѣщаете обойтись съ ней мягко и справедливо? Помните, она беззащитная. — Съ этими словами онъ вышелъ.

Анна Григорьевна отворила дверь и впустила Надю.

— Какъ я рада, что ты сама пришла,—сказала Анна Григорьевна, усаживаясь за письменный столъ.—Я хотѣла идти къ тебѣ на верхъ, я виновата передъ тобою, Надя, забудь про вчерашній вечеръ.

Она проговорила это съ усиліемъ, будто нерѣшительно, но вдругъ она притянула къ себѣ молодую дѣвушку и поцѣловала ее въ лобъ, какъ въ прежніе дни.

— Я обидѣла тебя, бѣдная моя,—прибавила она съ мягкостію, какой давно уже не было въ ея голосѣ.

— Нѣтъ, тетя,—отвѣтила Надя чуть слышно,—вамъ нечего предо мною извиняться, не для того я сюда пришла, чтобы напомнить вамъ про вчерашній вечеръ.

Голосъ молодой дѣвушки оборвался. Анна Григорьевна пристально и удивленно всмотрѣлась въ ея блѣдное лицо.

— Мнѣ надо просить васъ, — продолжала Надя, собравшись съ силами,—отпустить меня. Я не могу оставаться въ вашемъ домѣ.

— Какъ, даже послѣ того, что я просила у тебя прощенія?

Надя покачала головой.

— Вы меня не поняли, тетя. Повѣрьте, во мнѣ теперь говоритъ не самолюбіе. Я просто не могу здѣсь оставаться.

Анна Григорьевна была изумлена и даже оскорблена немного.

— Да куда же ты поѣдешь?—воскликнула она.

— Обо мнѣ не безпокойтесь, — твердо и тихо отвѣчала молодая дѣвушка,—я себѣ дорогу найду.

— И стало быть,—продолжала Надя,— вы мнѣ дадите лошадей въ городъ, я думаю уѣхать завтра.

Анна Григорьевна встала.

— Да ты въ самомъ дѣлѣ затѣяла уѣхать? И ты думаешь, я такъ тебя и пущу на всѣ четыре стороны?..

За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ еслибъ она узнала о намѣреніи племянницы, она бы, можетъ быть, ему обрадовалась: это была такая простая неожиданная развязка; а теперь въ ней громко вдругъ заговорила жалость къ бѣдной дѣвушкѣ, которую нельзя же оставить на произволъ случайностей.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не уѣдешь,—заговорила она опять— ты вѣдь не къ отцу вернешься, я знаю. Гдѣ тебѣ жить одной?

— Я могу найти себѣ работу,—спокойно отвѣтила Надя.

— Работу, да это вѣчныя бредни молодежи!—съ возрастающею горячностью отвѣтила Анна Григорьевна.— Швеей ты что-ли сдѣлаешься или какими-нибудь несчастными переводами будешь заниматься? Полно, не дури. Это такъ издали все легко кажется! А ну-ка, подумай, что въ самомъ дѣлѣ съ тобой будетъ, куда ты отсюда поѣдешь? Въ какіе-нибудь номера меблированные, гдѣ всякіе проходимцы останавливаются. И ты въ девятнадцать лѣтъ, да слабенькая такая, останешься какъ перстъ одна! Пойми-же, что этого нельзя.

Надя молча, не двигаясь съ мѣста, выслушала тетку. Только судорожно сжимавшіеся пальцы выдавали ея тревогу.

— И объясни же мнѣ, съ чего ты это вздумала, коли ты правду говоришь и на меня не обижаешься? Развѣ тебѣ съ нами худо было?

Анна Григорьевна совсѣмъ забыла, какъ сама она встрѣтила вѣсть о намѣреніи сына. Она помнила только, что судьба племянницы на ея отвѣтственности.

— Не спрашивайте меня, тетя,—съ видимымъ усиліемъ проговорила Надя.—Повѣрьте, для всѣхъ насъ будетъ лучше, если я уѣду.

Когда Надя проснулась въ это утро, дневной свѣтъ,

ярко заливавшій ея комнату, вдругъ совершенно иначе освѣтилъ ея собственное положеніе. Мечты, унесенныя ею въ уютную тишину спальни, разсѣялись какъ сонъ. Лучи утренняго солнца немилосердно и рѣзко говорили ей, что то были неосуществимыя мечты. Развѣ она могла стать женой Дмитрія иначе, какъ цѣной семейнаго раздора, можетъ быть, даже полнаго разрыва между матерью и сыномъ? Она знала, какъ непреклонна воля тетки, а насчетъ того, согласится ли та добровольно видѣть ее женой сына, она сомнѣваться не могла. И если бы даже можно было надѣяться на счастливый исходъ, развѣ она не постыдится вступить въ чужую семью, гдѣ она вѣчно будетъ какою-то самозванкой? Нѣтъ, она не войдетъ въ эту семью потаенною дверью, она не станетъ кривыми путями добиваться согласія тетки. Получить это согласіе изъ милости, послѣ борьбы и попрековъ, гордость ей не позволяла. Она лучше заглушитъ въ своемъ сердцѣ любовь. Надя рѣшила, что сегодня же объявитъ теткѣ о своемъ намѣреніи уѣхать.

Анна Григорьевна тотчасъ сказала себѣ, что жертвы этой она не приметъ.

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ,—сказала она взволнованнымъ голосомъ,—я тебя не пущу. Я обѣщала твоему отцу беречь тебя, и пока ты не пристроена какъ слѣдуетъ, я слово свое выполню свято.

Надя долго и упорно отстаивала свое рѣшеніе; но въ ней самой поднимался голосъ, повторявшій слова тетки, и кто знаетъ, можетъ быть, слабая надежда прокрадывалась въ ея сердце и говорила ей, что время— могучій союзникъ.

XII.

Дмитрій, между тѣмъ, отправился на село, чтобъ объясниться съ Брусковымъ. У самой плотины ему встрѣтился чернохуторскій старшина, ѣхавшій на телѣжкѣ.

— За мной посылать изволили?—поклонился тотъ съ видомъ человѣка, который не догадывается зачѣмъ его позвали.

— Вы слышали, что случилось вчера?

— Слышалъ, какъ не слышать, озорство какое, прости Господи, а вы молодчика этого сами изволили скрутить? Прекрасное дѣло.

— Онъ пока на постояломъ дворѣ сидитъ подъ карауломъ. Такъ я васъ и хотѣлъ попросить перевести его въ волость и продержать въ арестантской, пока слѣдствіе начнется.

— Будьте покойны—не убѣжитъ!—самодовольно засмѣялся старшина, твердо убѣжденный въ надежности сельской кутузки.

— Ну, а насчетъ того, про что мы съ вами прошлый разъ толковали? Никакихъ подозрительныхъ личностей не оказывается?

— Рѣшительно никакихъ-съ, всю волость обшарить велѣлъ; будьте благонадежны; у насъ вотъ въ Черныхъ Хуторахъ мужичекъ одинъ проживаетъ со стороны, Ефимомъ прозывается. Только ничего, паспортъ у него исправный.

— А, вотъ какъ!—улыбаясь отвѣтилъ Дмитрій, пораженный неожиданнымъ извѣстіемъ и проницательностью старшины.—Не Ефимъ ли это Петровъ, машинистъ?

— Тотъ самый-съ, мастеръ отличный. Онъ у одного солдата безсрочнаго живетъ. Мужичекъ былъ у насъ, Пахомомъ его звать, отъ надѣла своего отказался и такъ путается кое-гдѣ. Блажной такой. Домъ свой, значитъ, брату отдалъ, солдату-то тому, Ефимъ у него и проживаетъ. А самъ Ефимъ, могу васъ увѣрить, человѣкъ надежный и аккуратный.

— Да, да,—оборвалъ разговоръ Дмитрій, съ трудомъ сдерживая смѣхъ.—Спасибо за ваши хлопоты. А теперь вы ужъ, пожалуйста, Гондзевскимъ этимъ займитесь.

Старшина опять поклонился и мелкою рысью поѣхалъ къ Акимову двору.

Брускова Дмитрій засталъ за любимымъ занятіемъ— у токарнаго станка.

— Что прикажете, Дмитрій Алексѣевичъ?—заговорилъ учитель, подымаясь съ мѣста и предлагая Дмитрію стулъ.

— Благодарю васъ, я постою. Объясненіе у насъ будетъ самое короткое и, надѣюсь, приведетъ къ обоюдному соглашенію.

Брускова слегка покоробило отъ тона, которымъ были произнесены эти слова.

— Вы нанялись сюда помѣсячно,—продолжалъ Дмитрій,—такъ я васъ попрошу сегодня же въ конторѣ получить свое жалованье по 1 августа и выѣхать изъ Бѣлыхъ Столбовъ.

— Очень хорошо-съ, Дмитрій Алексѣевичъ,—съ принужденнымъ смѣхомъ отвѣчалъ Брусковъ,—а соблаговолите ли вы объяснить мнѣ причину такого неожиданнаго мѣропріятія?

— Причина очень простая,—съ холодною сдержанностью продолжалъ Дмитрій.—Я считаю ваше пребываніе здѣсь неудобнымъ, ну, хотя бы вслѣдствіе той роли, которую вамъ угодно было разыграть при обмежеваніи крестьянской земли.

— Ага,—дерзко отвѣтилъ Брусковъ,—это, должно быть, почтенная кузина ваша, Надежда Сергѣевна...

— Господинъ Брусковъ,—оборвалъ его Дмитрій, съ трудомъ сдерживаясь,—прошу васъ не забываться.

Между его бровями легла глубокая морщина. Трость, которую онъ держалъ въ рукѣ, быстро завертѣлась. Это былъ дорогой камышъ съ небольшимъ свинцовымъ кистенемъ вмѣсто набалдашника.

— А васъ, господинъ Корецкій,—спокойно возразилъ Брусковъ,—я попрошу вспомнить, что здѣсь я пока у себя, и если вамъ угодно было зайти ко мнѣ...

— Хорошо, допустимъ это; всего я еще не досказалъ. Вы должны къ завтрашнему дню не только оставить Бѣлые Столбы, но и здѣшній околотокъ.

— Какіе предѣлы угодно вамъ будетъ указать для этого неопредѣленнаго понятія?

— Вы понимаете меня какъ нельзя лучше,—съ возрастающимъ нетерпѣніемъ отвѣтилъ Дмитрій.—Отправляйтесь куда вамъ угодно, но предупреждаю васъ, что если завтра васъ застанутъ въ здѣшней мѣстности...

— Ну-съ?

— Послѣдствія, думаю, были бы для васъ не совсѣмъ пріятны.

— Такъ-съ! меня бы упекли въ мѣста не столь отдаленныя?

— Какъ видите, этого пока не дѣлаютъ, но вторично предупреждаю васъ: если я узнаю, что вы отсюда не убрались,—а узнать это я берусь,—другой отсрочки уже не будетъ.

— И тогда, все-таки, значитъ, альгвазилы? великодушія хватило ровно на 24 часа.

— Великодушничать я съ вами и не думаю. Еслибъ я дѣлалъ вамъ честь находить васъ опаснымъ, можете быть увѣрены, что церемониться съ вами не сталъ бы, а такъ рукъ марать не стоитъ.

— А все-таки,—язвительно замѣтилъ Брусковъ, засовывая руки въ карманы, — доставили себѣ удовольствіе передъ собой порисоваться рыцарскимъ благородствомъ. Эхъ, Дмитрій Алексѣевичъ, ужъ коли искоренять, такъ искоренять, мы, плебеи, этихъ деликатностей не понимаемъ.

— Я въ этомъ и не сомнѣваюсь.

Дмитрій направился къ выходу.

— А теперь у меня до васъ есть еще одна просьба,— прибавилъ онъ, надѣвая шляпу.—Потрудитесь вашему пріятелю, господину Нерадовичу, передать отъ меня, что данный мною вамъ совѣтъ относится и къ нему, и что если онъ желаетъ попрежнему здравствовать на поприщѣ своей полезной дѣятельности...

Лицо Брускова приняло удивленный видъ.

— Не давайте себѣ труда притворяться: совершенно

было бы напрасно. Могу васъ увѣрить, что мнѣ доподлинно извѣстны ваши отношенія къ Нерадовичу, или, если хотите, къ машинисту Ефиму Петрову.

— Такъ отправляйтесь же сами отыскивать этого машиниста, — воскликнулъ Брусковъ, — коли вамъ до него есть дѣло!

— Въ этомъ я не вижу ровно никакой надобности, такъ какъ пріятель вашъ, могу васъ въ томъ увѣрить, завтра же убѣдится, что я шутить не люблю, если вы его заблаговременно не предупредите.

Дмитрій отвернулся, чтобы выйти, но въ ту же минуту растворилась дверь, и въ ней показалась фигура Нерадовича.

Увидавъ Дмитрія, мнимый машинистъ, вѣрный своей роли, снялъ шапку и почтительно поклонился. Тѣмъ не менѣе, оба они, пораженные неожиданною встрѣчей, смѣрили другъ друга пристальнымъ взглядомъ.

— Вы мнѣ только-что говорили, что незнакомы съ господиномъ Нерадовичемъ,—скрестивъ руки на груди обратился Дмитрій къ Брускову.

На мигъ глаза Нерадовича невольно остановились на лицѣ Брускова, какъ бы желая угадать, что тутъ сейчасъ произошло.

— Я не думалъ отрицать, что знаю Ефима, — спокойно отвѣтилъ учитель.

Нѣсколько секундъ всѣ трое молчали. Дмитрій и Нерадовичъ съ трудомъ сдерживали накипѣвшее у нихъ чувство взаимной ненависти.

— Я поручилъ Брускову, — заговорилъ опять Дмитрій, глядя въ упоръ на своего врага,—передать вамъ, что до завтрашняго дня вамъ даю срокъ, если хотите, цѣлымъ отсюда убраться.

— Какъ вы изволите, Дмитрій Алексѣевичъ, такъ говорить, что мнѣ словно и въ недомекъ,—продолжалъ Нерадовичъ притворяться мужикомъ.

— Оставьте эту жалкую комедію, я знаю кто вы такой, знаю, какія милыя дѣлишки вы здѣсь затѣяли; на-

конецъ, знаю гдѣ васъ найти. И если вы мнѣ опять попадетесь на глаза, я съ вами расправлюсь какъ слѣдуетъ. Поняли?

Лицо Нерадовича страшно поблѣднѣло и гнѣвныя искры словно брызнули изъ его глазъ, но онъ все еще сдерживался.

— Ничего не понимаю. Знать меня кажись изволите, Ефимъ, въ машинистахъ у васъ жилъ. За паровикъ что ли на меня гнѣваетесь?

— А-а, ну коли такъ,—воскликнулъ Дмитрій,—коли ты все еще мужика изъ себя корчишь, пусть будетъ по твоему! Только такихъ мерзавцевъ, какъ ты, изъ поля вонъ, чтобы духу твоего завтра здѣсь не было, по-русски я кажется съ тобой говорю?—Дмитрій встряхнулъ его за плечо.—Понялъ? А теперь вонъ отсюда. Пошелъ! И сильнымъ движеніемъ онъ оттолкнулъ его къ двери.

Теперь Нерадовичъ не владѣлъ уже собою. Кровь залила бѣлки его глазъ. Передъ нимъ былъ человѣкъ, котораго онъ ненавидѣлъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, который отнялъ у него любимую женщину, и этотъ человѣкъ только-что жестоко оскорбилъ его.

— А, ну, такъ къ чорту же тебя!... воскликнулъ онъ, и рука его стала шарить въ боковомъ карманѣ...

Дмитрій замѣтилъ это движеніе, и въ тотъ самый мигъ, когда Нерадовичъ вытянулъ изъ кармана револьверъ, онъ со всего размаха ударилъ его по рукѣ выше кисти свинцовымъ набалдашникомъ. Рука онѣмѣла отъ боли, но не выпустила пистолета. Дмитрій кинулся впередъ и схватилъ противника за локоть. Нерадовичъ только-что успѣлъ перехватить револьверъ другою рукой, какъ Брусковъ бросился къ нему, чтобъ удержать его.

— Ты съума сошелъ? Стрѣлять, чтобы народъ сбѣжался? Давай сюда пистолетъ!..

Дмитрій обхватилъ Нерадовича сзади обѣими руками и крѣпко стиснулъ его, не давая двинуться съ мѣста.

— Берегитесь!—крикнулъ онъ Брускову, но тотъ успѣлъ отскочить въ сторону, схвативъ пріятеля за другой локоть.

— Давай пистолетъ, говорятъ тебѣ! Куда дѣвалось твое пресловутое хладнокровіе?

Взбѣшенный Нерадовичъ нѣсколько секундъ силился отъ нихъ высвободиться, но Дмитрій держалъ его, какъ въ желѣзныхъ тискахъ; вдругъ точно пристыженный своею безпомощностью Нерадовичъ выпустилъ пистолетъ.

— Вотъ, бери, коли ты съ нимъ заодно,—злобно сказалъ онъ Брускову.

Тотъ поднялъ револьверъ съ полу.

— Теперь, кажется, Дмитрій Алексѣевичъ,—сказалъ онъ,—трагическаго исхода нечего уже бояться. Въ моихъ рукахъ эта штука не опасна.

Дмитрій теперь пустилъ Нерадовича. Въ первый мигъ тотъ, въ порывѣ бѣшенства, хотѣлъ снова кинуться на врага; но отрезвленіе тотчасъ наступило. Сознавая свое безсиліе, онъ не двинулся съ мѣста. Короткій, почти беззвучный смѣхъ Брускова словно подчеркнулъ его пораженіе.

— Плохо же вы владѣете собою,—сказалъ Дмитрій, не спуская съ Нерадовича глазъ.—Ну, да не въ томъ дѣло. Слова своего я назадъ не возьму! совѣтую вамъ не забыть того, что я сказалъ.

Въ самыхъ дверяхъ онъ обернулся къ Брускову:

— А вы все-таки зайдите въ контору за деньгами.

— Не безпокойтесь,—смѣясь возразилъ тотъ:—презрѣннаго металла я не презиралъ никогда.

Оставшись вдвоемъ съ Брусковымъ, Нерадовичъ на на него яростно накинулся:

— Еслибы не ты, я бы убилъ его; ты мнѣ за это отвѣтишь!

— А тебѣ очень на каторгу хочется?—продолжалъ подтрунивать Брусковъ.

— Кто каторги боится, тому соваться къ намъ не за чѣмъ.

— Приберегп-же, по крайней мѣрѣ, свое геройство для иного случая, когда заговоритъ въ тебѣ не личная ненависть! Много пользы для нашего дѣла, коли однимъ помѣщикомъ станетъ меньше на Руси.

При этихъ словахъ въ Нерадовичѣ тотчасъ зашевелилось то сознаніе чужого превосходства, какое неизбѣжно внушаетъ самообладаніе. Въ его головѣ мелькнуло, что, увлекаясь, нельзя руководить другими. Воля его словно выпрямилась и окрѣпла.

— Въ нашемъ распоряженіи еще цѣлый день,—сказалъ онъ,—надо имъ воспользоваться.

— Да, чтобы навострить лыжи какъ можно скорѣе. Ты довѣряешь, можетъ быть, великодушію господина Корецкаго?

— Ну, братецъ мой, не тебѣ меня учить, кому можно довѣриться, кому нѣтъ. Ты хотѣлъ-бы, чтобы мы смиренно удалились, да еще поблагодарили за то, что насъ пока не отправили въ кутузку? Нѣтъ, я здѣсь послѣ себя память оставлю.

— Какъ хочешь, а я такъ уберу свои пожитки, да маршъ на желѣзную дорогу.

— Молодецъ! Да ты прямо ужъ иди къ начальству, повинись во всемъ и проси себѣ мѣсто писаря гдѣнибудь въ казенной палатѣ.

Брусковъ между тѣмъ, не теряя времени, досталъ изъ-подъ лавки небольшой поношенный чемоданъ.

— Для нашего дѣла,—сказалъ онъ,—я поѣду куда угодно, но, воля твоя, для личной мести я пальцемъ не двину. Да и много ты успѣешь въ эти нѣсколько часовъ! Попадешься въ руки полиціи да и только.

— Ну, это мы еще увидимъ; а ты, братецъ, тряпка и больше ничего!

Сказавъ это, Нерадовичъ вышелъ и крупными шагами направился къ Акимову двору.

XIII.

Вернувшись домой, Дмитрій изумился, увидавъ стоявшаго у крыльца жандарма. Терентій объяснилъ ему, что прокуроръ съ исправникомъ изволили пріѣхать за четверть часа передъ тѣмъ. „И ихъ вотъ, — онъ указалъ съ неодобреніемъ на жандарма,—на козлахъ съ собою привезли“. На вопросъ Дмитрія жандармъ коротко отвѣтилъ: „не могимъ знать“, причемъ вытянулся по военному и посмотрѣлъ на вопрошавшаго строго и въ то же время почтительно. Дмитрій поспѣшилъ въ гостиную, гдѣ Анна Григорьевна съ грѣхомъ попаламъ поддерживала разговоръ съ неожиданными гостями. Красныя пятна, выступившія на ея лицѣ, свидѣтельствовали, какъ мало удовольствія ей доставлялъ этотъ оффиціальный наѣздъ, да еще съ прибавкой вооруженной силы. Боровской, не заѣзжавшій въ Бѣлые Столбы съ того самаго вечера, когда онъ сдѣлалъ предложеніе Надѣ, теперь совсѣмъ уже не смотрѣлъ другомъ дома. Весь замкнутый въ судейскую сдержанность, онъ словно леденилъ воздухъ своими рѣчами, да и Аннѣ Григорьевнѣ было съ нимъ неловко, и это ощущеніе, какъ часто бываетъ, она вымещала на немъ же. Хотя Николай Осиповичъ объяснилъ ей свой пріѣздъ, купно съ начальникомъ мѣстной полиціи, необходимостью собрать коекакія свѣдѣнія о злоумышленникахъ, будто бы скрывавшихся въ околоткѣ, она холодно отвѣчала, что ничего про это знать не можетъ и что ему слѣдуетъ обратиться къ ея старшему сыну. Немудрено, что при такихъ условіяхъ разговоръ не блисталъ оживленіемъ. Почтенный исправникъ пробовалъ было сладко лебезить, выставляя на показъ лайковую перчатку ослѣпительной бѣлизны, но его притворная заботливость о здоровьи хозяйки, повидимому, ея вовсе не тронула.

— А вотъ насчетъ того, что вы намъ сообщили,— продолжалъ онъ, пріосанившись,—про вчерашнее зло-

дѣяніе,—Анна Григорьевна съ первыхъ же словъ разсказала о покушеніи Гондзевскаго,—надо принять мѣры, рѣшительныя, такъ сказать, мѣры... Въ какія времена мы живемъ, скажите пожалуйста!

Боровской поднялъ на исправника свои холодные глаза.

— Да кажется, — сказалъ онъ,—Дмитрій Алексѣевичъ уже самъ распорядился насчетъ арестованія подозрѣваемаго имъ лица... Въ энергіи, повидимому, недостатка не было,—прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ ироніи.

Дмитрій вошелъ.

— Николай Осиповичъ имѣетъ что-то сказать тебѣ,— тотчасъ обратилась къ сыну Анна Григорьевна.

Дмитрій холодно раскланялся съ Боровскимъ и съ исправникомъ.

— Признаюсь,—началъ онъ,—я былъ нѣсколько озадаченъ, увидавъ на крыльцѣ такого непривычнаго посѣтителя.

— Его присутствіе будетъ, конечно, непродолжительно,—отчеканилъ Боровской тономъ человѣка, который читаетъ протоколъ или резолюцію,—тѣмъ болѣе что вы не откажетесь помочь намъ полезными указаніями.

Дмитрій молча на него посмотрѣлъ, какъ бы приглашая его объясниться.

— Вамъ, я думаю,—продолжалъ тотъ,—случайно уже пришлось узнать отъ меня въ городѣ, что мы попали на слѣдъ опаснаго агитатора, называвшагося купцомъ Аладьинымъ. Онъ, повидимому, догадался, что его разыскиваютъ, такъ какъ подъ этимъ же именемъ, то-есть, разумѣется, съ подложнымъ видомъ, имъ отправленъ былъ въ Симбирскъ одинъ изъ его товарищей, нѣкто Гольденштейнъ. Тамошняя полиція извѣщаетъ насъ, что этотъ Гольденштейнъ успѣлъ уже оттуда скрыться. Между тѣмъ мы разузнали, что прежній Аладьинъ, переодѣвшись мужикомъ, выбылъ въ уѣздъ и находится теперь въ здѣшней мѣстности. Намъ достовѣрно извѣстно, что онъ успѣлъ добыть пару крестьянскихъ лошадей, кото-

рыхъ будто бы собирался повести на ярмарку въ Дѣвичью слободу, а предварительно отвелъ на одинъ изъ постоялыхъ дворовъ города, на тотъ самый, гдѣ останавливаются обыкновенно и ваши лошади. Но въ тотъ же день купленная имъ пара была перепродана содержателю двора, а самъ онъ куда-то скрылся. Все это, между прочимъ, подтвердилъ вашъ кучеръ, видѣвшій его тамъ въ день земскихъ выборовъ.

Анна Григорьевна, съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдившая за разсказомъ Боровского, при этихъ словахъ заволновалась и прервала Николая Осиповича.

— Какъ, вы допрашивали моего кучера?

Николай Осиповичъ улыбнулся.

— Приставу второго стана,—продолжалъ онъ,—поручено было допросить его безъ всякихъ формальностей, и, благодаря этому, мы пріобрѣли еще одно цѣнное указаніе. Тотъ самый человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ на постояломъ дворѣ, прожилъ въ Никольскомъ цѣлыхъ десять дней, подъ именемъ Ефима Петрова, въ качествѣ машиниста. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что это ни кто иной, какъ государственный преступникъ Нерадовичъ.

При этомъ имени какой-то неопредѣленный страхъ овладѣлъ Анной Григорьевной. Конечно, она не имѣла повода выгораживать Нерадовича; она бы даже обрадовалась его арестованію, но почему-то она чуяла бѣду въ спокойной послѣдовательности, съ которою Боровской шелъ къ какой-то невполнѣ еще выясненной цѣли.

Амфилохій Никандровичъ слушалъ прокурора съ разсѣянною улыбкой человѣка, которому все это кажется довольно скучнымъ. Его слегка коробило, какъ это при дамѣ можно вести такое сухое формальное объясненіе.

— Ефимъ Петровъ,—сказалъ Дмитрій,—у меня дѣйствительно прожилъ нѣсколько дней и затѣмъ былъ окончательно разсчитанъ. Не объясняю себѣ только, чѣмъ я могу вамъ быть въ настоящемъ случаѣ полезенъ.

— Очень просто, Дмитрій Алексѣевичъ, вы можете помочь намъ разыскать этого мнимаго Ефима.

Дмитрій вспыхнулъ.

— Извините меня, но въ сыщики я рѣшительно не гожусь.

— Вы меня не поняли!—Я попрошу васъ отвѣтить только на одинъ вопросъ. Вы, конечно, знаете, гдѣ проживаетъ, или, по крайней мѣрѣ, проживалъ Ефимъ?

— Вы совершенно ошибаетесь; повторяю вамъ: онъ былъ разсчитанъ, и затѣмъ я свѣдѣній о немъ не имѣю. Знаю только, что онъ не здѣшній, а безземельный крестьянинъ Хвалынскаго уѣзда.

Боровской опять улыбнулся.

— Да, сказалъ онъ, — и знаете не хуже меня, насколько онъ дѣйствительно крестьянинъ.

— Кто онъ на самомъ дѣлѣ,—равнодушно отвѣчалъ Дмитрій,—я этимъ, признаюсь, не интересовался.

— И теперь не станете интересоваться,—покачалъ головой Николай Осиповичъ,—если даже я скажу вамъ, что этотъ самый Нерадовичъ волновалъ и вашихъ, и Никольскихъ крестьянъ? что онъ уже ранѣе этого проживалъ въ здѣшней мѣстности, такъ какъ вполнѣ дознано его участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ въ имѣніи предводителя?

Анна Григорьевна слушала съ возрастающею тревогой. Вотъ, стало быть, каковъ былъ этотъ Нерадовичъ, и Надя, знавшая про нихъ, все-таки скрывала отъ нея истину, да и Дмитрій тоже, — вѣдь онъ догадывался, что Нерадовичъ здѣсь, и все-таки онъ не сдѣлалъ ровно ничего, чтобы предать въ руки властей такого опаснаго человѣка!

Амфилохій Никандровичъ счелъ нужнымъ успокоить ее увѣреніемъ, что всѣмъ этимъ ужасамъ будетъ теперь положенъ конецъ, такъ какъ Нерадовича схватятъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Можетъ быть, все это такъ и было, — сказалъ Дмитрій,—но вы забываете, что я не обладаю ни поли-

цейскою властью, ни въ особенности полицейскимъ чутьемъ.

. Боровской почувствовалъ намекъ и его передернуло отъ презрительнаго тона, какимъ были сказаны эти слова.

— Насчетъ власти,—отвѣтилъ онъ,—могу васъ только поздравить съ тою энергіею, какую вы обнаружили при арестованіи Гондзевскаго. У васъ, кстати сказать, замѣчательная наклонность къ тому, что принято называть самоуправствомъ, наклонность, впрочемъ, издавна свойственная россійскому дворянству.

— А потрудитесь мнѣ указать тѣ средства, съ помощью которыхъ, можно, соблюдая и законъ, и деликатность, задержать преступника, пока явится на мѣсто одинъ изъ многочисленныхъ, но всегда отсутствующихъ представителей короннаго правосудія? Или, можетъ быть, вы думаете, что я своимъ краснорѣчіемъ убѣдилъ бы господина Гондзевскаго спокойно дожидаться слѣдователя?

Боровской слегка покачался, не двигаясь съ мѣста, и придалъ своему лицу выраженіе снисходительнаго участія.

— Вы одно только упустили изъ виду, — сказалъ онъ,—тѣ затрудненія, которыя вы теперь создали для самого себя. Бываютъ случаи, когда выгоднѣе, а стало быть...—онъ слегка запнулся,—и практичнѣе смотрѣть сквозь пальцы.

— Когда въ васъ стрѣляютъ изъ-за куста? — разсмѣялся Дмитрій.—И вамъ случалось это правило примѣнять въ своей прокурорской дѣятельности?

— Что же, однако, вы станете дѣлать теперь?—продолжалъ не смущаясь этимъ Боровской.—Пошлете заявленіе слѣдователю и поднимете сенсаціонное дѣло, въ которомъ вамъ придется можетъ-быть услышать отъ адвоката несовсѣмъ любезныя вещи? И ради гадательнаго обвиненія этого мелкаго негодяя начнется кутерьма городскихъ сплетенъ. Охота вамъ это затѣвать!..

Дмитрій слушалъ молча, и насмѣшка все яснѣе проступала на его губахъ.

— Бросьте обвиненіе! вотъ вамъ мой совѣтъ. Знаете, что сказалъ бы вамъ губернаторъ, еслибъ ему пришлось съ вами на этотъ счетъ объясниться? Его превосходительство, вѣроятно, съ полнымъ участіемъ къ вамъ разумѣется, намекнулъ бы на тѣ неудобныя послѣдствія, которыя изъ за такого дѣла могутъ возникнуть для самой администраціи. Какой предлогъ для трескучей защитительной рѣчи съ политическою окраской, для ядовитыхъ намековъ газетъ! Гондзевскій превратился въ либеральнаго мученика; изъ личной мести сдѣлаютъ аграрное преступленіе. „И какъ же вы, Дмитрій Алексѣевичъ,—скажетъ губернаторъ,—вы, человѣкъ просвѣщенный, могли довести у себя въ имѣніи до такого прискорбнаго случая, влекущаго за собою такія хлопоты и затрудненія?“

Дмитрій промолчалъ нѣсколько секундъ, будто извлекая весь сокъ изъ доводовъ Боровского.

— И несмотря на всѣ эти непріятности для властей, я все-таки сегодня же отправлю къ Коневецкому свое заявленіе.

— Какъ вамъ угодно, только позвольте мнѣ удивиться вашей непреклонности относительно Гондзевскаго, въ виду явнаго вашего нежеланія, сколько-нибудь содѣйствовать намъ въ отысканіи болѣе опаснаго преступника.

— Я васъ не понимаю.

Брови у Дмитрія сдвинулись, и улыбка сошла съ его губъ.

— Да неужто же вы меня хотите увѣрить, Дмитрій Алексѣевичъ, что вы не догадывались, кто такой Ефимъ Петровъ?

— Я думаю,—перебилъ его Дмитрій, — намъ лучше прекратить эти ни къ чему не ведущія объясненія. Вы только-что обвиняли меня въ излишней крутости, а теперь чуть ли не подозрѣваете въ какой-то солидар-

ности съ агитаторами!... — Сказавъ это, Дмитрій обратился къ исправнику:—Амфилохій Никандровичъ, если вы думаете приступить къ дознанію здѣсь на мѣстѣ, нашъ домъ совершенно въ вашемъ распоряженіи. Я сейчасъ велю принести вамъ чернильницу и бумаги.

Амфилохій Никандровичъ опѣшилъ.

— Помилуйте, какое же тутъ дознаніе!—мягко возразилъ онъ.—Мы не станемъ тревожить вашу матушку, я пораспрошу развѣ кое-кого изъ крестьянъ... не правда ли, Николай Осиповичъ?

Боровской холодно кивнулъ головой.

— Это ужъ ваше дѣло,—сказалъ онъ.—За мною будетъ очередь тогда лишь, когда вы накроете отыскиваемую личность, а на то у васъ есть привезенный вами жандармъ.

Амфилохій Никандровичъ почувствовалъ какую-то скрытую иронію въ словахъ Боровского и счелъ нужнымъ слегка пріосаниться.

— Не безпокойтесь, Николай Осиповичъ,—заявилъ онъ съ обидчивостью не лишенною достоинства.—Я, кажется, слишкомъ десять лѣтъ занимаю свою должность. Отыскать мнимаго Ефима Петрова будетъ не трудно, тѣмъ болѣе, что намъ доставлены фотографическіе портреты Нерадовича.

„Еще учить меня вздумалъ“, мысленно добавилъ онъ, „а самъ-то что? Говорить-то гораздъ, и насчетъ исполнительности...“ И Амфилохій Никандровичъ даже мысленно щелкнулъ языкомъ, ощущая полное неуваженіе къ представителю новыхъ властей, во многомъ умалившихъ прежнее всемогущество полиціи.

— Такъ если позволите, ваше превосходительство,— обратился онъ къ Аннѣ Григорьевнѣ,—я теперь васъ покину и отдамъ кое-какія приказанія... А вы Николай Осиповичъ,—спросилъ онъ у Боровского,—на моихъ лошадяхъ обратно въ городъ поѣдете?

Боровской кивнулъ головой и усѣлся возлѣ Анны Григорьевны, ни словомъ болѣе не касаясь обстоятель-

ства, вызвавшаго его въ Бѣлые Столбы. Дѣловые вопросы словно перестали для него существовать, хотя лицо его сохраняло невозмутимую прокурорскую строгость. Не прошло и десяти минутъ, какъ онъ всталъ и простился. Имя Нади не было произнесено ни имъ, ни Анной Григорьевной.

— Вохинъ!—подозвалъ между тѣмъ жандарма вышедшій на крыльцо Амфилохій Никандровичъ,—отправляйся сейчасъ въ волость къ старшинѣ.

— Слушаю-съ, ваше высокородіе,—по военному отвѣчалъ Вохинъ и тотчасъ повернулъ на лѣво-кругомъ.

— Постой, болванъ! — закричалъ на него Берендѣевъ.—Разспроси у него хорошенько, да и писаря тамошняго, каналью, построже за бока, чтобъ они тебѣ тамъ всѣхъ по ниточкѣ разобрали, кто за послѣдній мѣсяцъ въ волости сталъ проживать изъ стороннихъ и всѣ ли паспорта ихъ явлены тамъ. А кто окажется, допроси построже и паспорта ихъ отбери.

Амфилохій Никандровичъ подробно объяснилъ, какъ слѣдуетъ ему приняться за дѣло, чтобъ изловить злоумышленниковъ.

— А ко мнѣ сюда сейчасъ же вызвать здѣшняго сельскаго старосту,—приказалъ онъ попавшемуся ему на глаза кучеру, и прошелъ чрезъ дворъ въ контору.

— Отчего ты не сказалъ Боровскому всю правду насчетъ этого Нерадовича?—спросила Анна Григорьевна у сына, когда они остались вдвоемъ.—Ты, вѣдь, знаешь, гдѣ онъ теперь?

— Знаю, да.—Черезъ Надю знаю, и разумѣется я не сталъ бы заботиться о судьбѣ Нерадовича... Но я связанъ даннымъ словомъ.

И Дмитрій передалъ матери про свою встрѣчу съ Нерадовичемъ въ школѣ, умолчавъ однако объ опасности, которой онъ при этомъ подвергся.

Анна Григорьевна, въ сущности, одобряла поступокъ сына. Но въ сердцѣ ея слишкомъ еще живы были воспоминанія о недавнихъ тревогахъ. Стало быть,—восклик-

нула она,—намъ еще приходится спасать этого Нерадовича изъ-за того только, чтобы не огорчать Надю. — Ее снова охватило недоброе чувство противъ молодой дѣвушки.—А ты слышалъ, что давича говорилъ Николай Осиповичъ? Нерадовичъ пробылъ здѣсь болѣе мѣсяца, и Надѣ это было извѣстно. Хороша, нечего сказать... А хотѣла бы я знать, куда дѣнется она, если уѣдетъ изъ нашего дома. Сейчасъ попадется, не сегодня такъ завтра.

— Вотъ изъ-за этого, мама, вы и должны ее беречь... Неужели вамъ будетъ все равно, если Надю арестуютъ?

Сердце Анны Григорьевны тотчасъ откликнулось на эти слова.

— Да я ее что-ли изъ дома гоню, Митя? — горячо отвѣтила старушка на упрекъ сына. — Кабы ты зналъ, какого мнѣ стоило труда уговорить ее остаться!

Анна Григорьевна передала ему весь свой разговоръ съ Надей.

Дмитрій выслушалъ ее молча. Онъ понималъ все самоотверженіе обѣихъ женщинъ, понималъ, чего стоили матери ея старанія удержать Надю. Какъ ни тяжело ему было отъ тѣхъ натянутыхъ неестественныхъ отношеній, въ какихъ имъ всѣмъ приходилось жить, онъ въ душѣ благодарилъ мать.

Амфилохій Никандровичъ вернулся къ обѣду. Вернулся съ голоднымъ желудкомъ и далеко не съ побѣдоноснымъ видомъ.

Ему не удалось узнать почти ничего. Вызванные имъ крестьяне подтвердили, что всѣ они хорошо помнятъ Ефима Петрова, что онъ былъ мастеръ исправный, но разумѣется, благоразумно умолчали про его подстрекательства. Жандармъ Вохинъ тоже ни въ чемъ не успѣлъ. Онъ пришелъ съ извѣстіемъ, что писаря нашелъ мертвецки пьянымъ. Наканунѣ было засѣданіе волостнаго суда, вслѣдствіе чего сельскія власти по обыкновенію находились въ состояніи невмѣняемости. Одинъ старшина какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, но за то онъ,

какъ нарочно, укатилъ въ городъ, когда Гондзевскій былъ имъ отведенъ въ арестантскую. Въ виду этого Амфилохій Никандровичъ рѣшилъ, что дѣлать ему въ Бѣлыхъ Столбахъ нечего, и что онъ вернется на слѣдующій день продолжать такъ блистательно начатое дознаніе. Неудача, впрочемъ, его, повидимому, не особенно тревожила. За столомъ онъ ѣлъ и болталъ за двоихъ, пробовалъ любезничать съ Надей, а послѣ обѣда усѣлся съ Анной Григорьевной за копѣечный преферансъ съ болваномъ. Обыгравъ ее на десять рублей, почтенный исправникъ въ десятомъ часу уѣхалъ въ отличномъ расположеніи духа.

XIV.

Былъ уже третій часъ ночи, когда Терентій въ туфляхъ на босу ногу осторожно пробрался по темному коридору верхняго этажа и бережно отворилъ дверь въ комнату Дмитрія.

— Батюшка, Дмитрій Алексѣевичъ,—шепотомъ заговорилъ онъ, съ трудомъ переводя духъ.—У насъ не ладно...

Дмитрій совсѣмъ не могъ заснуть въ эту ночь и тотчасъ приподнялся на постели, услыхавъ Терентія.

— Что случилось?—вскочилъ онъ торопливо, съ тѣмъ усиліемъ разглядѣть темноту, какое всегда является у людей застигнутыхъ врасплохъ среди неясныхъ ощущеній безсонницы. Дѣйствительность сама становится грознымъ призракомъ, когда она неожиданно вторгается въ прозрачный міръ ночной тишины.

— У насъ на гумнѣ загорѣлось,—все съ тѣмъ же ужасомъ въ голосѣ продолжалъ Терентій. — должно-быть подожгли...

Дмитрій бросился растворять окно и отпихнулъ ставни. Большой огненный языкъ, высовываясь изъ-за крышъ надворныхъ построекъ, лизалъ ночное небо;

вокругъ него какъ пламенная струя дрожало широкое зарево. Какъ разъ надъ нимъ грустно и блѣдно свѣтилъ полный мѣсяцъ.

— Это ржаныя скирды! — воскликнулъ Дмитрій. — бѣги скорѣе, буди старосту и людей: главное молотильный сарай отстоять.

— Староста съ рабочими ужъ на пожарѣ,—отвѣчалъ Терентій,—да что тутъ подѣлаешь—солома!..—добавилъ онъ съ вѣчнымъ пессимизмомъ старыхъ слугъ.

— Что можно, то сдѣлаемъ.—И Дмитрій живо принялся одѣваться.—Я самъ туда сейчасъ. Село бы на ноги поднять!.. Да всѣ ли бочки у нихъ въ порядкѣ? Я еще сегодня приказывалъ... Иди, братецъ, распорядись.

Терентій вышелъ не спѣша, шлепая туфлями по корридору: торопливость была не въ его привычкахъ.

Въ нѣсколько минутъ Дмитрій былъ одѣтъ и поспѣшилъ будить брата. Володя, спавшій сномъ праведныхъ, однако быстро вскочилъ съ кровати.

— Тише, не шуми,— предостерегалъ Дмитрій,—смотри, чтобы мама не разбудить.

Домъ, однако, за исключеніемъ барыни былъ уже на ногахъ. Двѣ горничныя, совсѣмъ растрепанныя, съ испуганными лицами, вынырнули изъ дѣвичьей и готовы были уже всхлыпивать, словно имъ лично грозила опасность. Дмитрій остановилъ этотъ порывъ безсознательнаго страха, и строго приказалъ имъ остаться при барынѣ на тотъ случай, еслибы проснулась Анна Григорьевна. Онъ поспѣшилъ внизъ. Въ сѣняхъ сновали оторопѣлыя фигуры садовника, кучера, да еще какого-то мальчугана, который неизвѣстно почему забѣжалъ въ домъ и смотрѣлъ на прочихъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и вытаращивъ глаза. Только старая ключница Анисья осталась невозмутимою среди общей суматохи, хоть она въ цѣломъ домѣ была всего болѣе предана господамъ.

— Багоръ, гдѣ багоръ?—кричалъ садовникъ.

— Анисья,—спрашиваль кучеръ,—у тебя ключи отъ каменнаго сарая? тамъ ведра пригодятся.

— У старосты ключи, самъ знаешь, чего пристаешь!— журила его Анисья.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—прикрикнулъ на нихъ Дмитрій.—На пожаръ ступайте. Тамъ люди нужны!

Дмитрій схватилъ шляпу и трость. Полуодѣтый Володя, все еще взъерошенный, тоже прибѣжалъ съ верху, суетясь и отыскивая хлыстъ.

— Баринъ, напрасно вы туда идете—стала уговаривать Дмитрія Анисья.

— Что же, ты думаешь меня убьютъ тамъ?

— А кто ихъ знаетъ? Ишь озорники какіе!

— Будь что будетъ,—сказалъ онъ выходя на крыльцо.—А вотъ что плохо, вѣтеръ поднялся.

Дмитрій съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на небо. Въ самомъ дѣлѣ, сучья деревьевъ шумѣли и волновались въ ночной полутьмѣ, словно и они были охвачены испугомъ.

Легкіе торопливые шаги послышались на лѣстницѣ.

— Дмитрій, куда вы? умоляю васъ, не ходите на пожаръ,—вся дрожа отъ волненія проговорила Надя, бросаясь за нимъ на крыльцо.

— Чего ты боишься, Надя?... Пусти меня!

Она обхватила его обѣими руками.

— Вѣдь это дѣло Нерадовича,—продолжала она удерживать.

— Да, онъ меня благодаритъ за данную ему отсрочку... Однако, Надя, нельзя терять времени, пусти меня.

— Въ такомъ случаѣ я пойду съ тобою.

— Нѣтъ, вотъ еще, и не думай туда идти, береги мама.

Онъ нѣжно отстранилъ ее, но вдругъ, припомнивъ что-то, остановился и взялъ ее за руку.

— А скажи мнѣ, Надя, теперь, вѣдь, настоящее дѣло начинается, а не слова только, ты совсѣмъ, безповоротно отступаешь отъ прежнихъ друзей и раскаиваться въ этомъ не станешь?

Слова его звучали почти торжественно.

— Ты еще спрашиваешь? и въ такую минуту!—Она опустила къ нему голову на грудь.—Развѣ я не вся, не всею душой твоя?

Онъ на мигъ обхватилъ ея станъ.

— Теперь поди къ себѣ на верхъ, поручаю тебѣ мать,— тихо проговорилъ онъ и крупными шагами пошелъ вслѣдъ за братомъ, который что было мочи бѣжалъ по направленію къ гумну.

Яркое, вьющееся пламя горѣвшей соломы страннымъ, блестящимъ пятномъ ложилось на мѣстность, точно выхватывая ее изъ объятій ночи. На стѣнахъ каменныхъ строеній дрожалъ огневой отблескъ. Черное зеркало пруда вспыхивало, отражая полымя. На другомъ его берегу то и дѣло выступали соломенныя крыши да смазанныя известью стѣны построекъ, точно огромный красный фонарь ходилъ по селу, и то здѣсь, то тамъ вдругъ проливалъ рѣзкую волну свѣта. Бѣлыя стѣны церкви издалека являлись какъ страшный призракъ въ обагренномъ саванѣ. Странными и неестественными казались фигуры людей, то ярко озаренныя, то снова терявшіяся во мглѣ.

Староста съ рабочими разбивалъ уцѣлѣвшія пока скирды, но въ ихъ спѣшной работѣ было что-то безсвязное и недовѣрчивое къ себѣ. Всѣ суетились, кричали, давали совѣты, и всѣ сознавали, что это не поведетъ ни къ чему. А вокругъ почти неподвижно стояла равнодушная толпа сбѣжавшихся посмотрѣть на пожаръ. Съ тупымъ удивленіемъ, къ которому, быть можетъ, примѣшивалось злорадство, глазѣли они на охваченныя пламенемъ скирды, откуда вѣтромъ то и дѣло разносило горѣвшіе клочьи соломы. Изрѣдка слышалась въ толпѣ негромкая прибаутка или подавленный смѣхъ.

— Ишь какъ пылаетъ: вона, еще скирду захватило!— точно поддакивалъ пожару одинъ парень.

— А сколько трудовъ съ ней было, со ржицей!— вдругъ заговорилъ другой голосъ.

— Да чего вы, нехристи, стоите рты разинувъ?—закричалъ на нихъ староста.—Пособили бы!...

— Чего тутъ пособлять,—хихикнулъ ему кто-то въ отвѣтъ,—не камень, вѣдь, солома!... Развѣ ее отстоишь?

— Митроха!— заголосилъ кто-то совсѣмъ позади.

— А что тебѣ?

— Да какъ ты скажешь,—и говорившій посмотрѣлъ на небо, которое все гуще стали заволакивать тучи,—коли пойдетъ дождь, затушитъ ему барскія скирды али нѣтъ?

— Гдѣ ему затушить, вотъ выдумалъ.

— А вотъ и врешь, Митроха! коли быть дождю настоящему, безпремѣнно затушитъ.

— А что,—послышалось на другомъ концѣ,—вѣтеръ, ишь, на деревню нашу подулъ. Грѣха бы не было.

Съ нѣкоторыхъ поръ искры то и дѣло летѣли черезъ прудъ, но вѣтеръ пока не доносилъ ихъ до противнаго берега, и онѣ либо догорѣвъ потухали на воздухѣ, либо словно обезсиленныя опускались къ пруду и исчезали на его гладкой поверхности. Три пожарныя трубы работали усердно. Но успѣхъ не отвѣчалъ стараніямъ. Всякій хотѣлъ дѣлать по-своему, а новый староста не пріучилъ еще къ себѣ народа. Струя воды направлялась куда попало, и силы тратились на безполезную борьбу. Прибѣжавъ на пожарище, Володя тотчасъ понялъ, что дѣло ведется неладно, что соломы не потушить и десяти трубамъ. Но и онъ только увеличилъ общую суматоху безсвязными, нетерпѣливыми приказаніями. Да его слушались плохо.

— Да что жъ ты, братецъ мой, солому тушишь—пожурилъ Дмитрій старосту, тотчасъ смекнувъ въ чемъ дѣло. Тотъ пробовалъ свалить вину на рабочихъ.—Ну, теперь разсуждать не время,—сказалъ онъ, и велѣлъ разнести какъ можно скорѣе крайніе изъ уцѣлѣвшихъ стоговъ, чтобы хотя здѣсь остановить огонь, не давая ему пищи. До того времени принимались за скирду тогда лишь, когда къ ней уже подступало пламя. Такъ

постепенно загорѣлось болѣе половины сложеннаго хлѣба. Рукава пожарныхъ машинъ Дмитрій направилъ не въ самое пламя, а туда, гдѣ пока еще не загоралось.

— Такъ, пожалуй, кое-что и спасемъ,—ободрялъ онъ людей.

Но рукъ не хватало для работы. Стоявшіе вокругъ глядѣли на пожаръ, не трогаясь съ мѣста. Володя пробовалъ ихъ усовѣстить, но Дмитрій, сначала сдѣлавшій видъ, что вовсе ихъ не примѣчаетъ, остановилъ брата.

— Брось ихъ, вѣдь это не ихъ дѣло, имъ забавно смотрѣть, какъ горитъ чужое добро, пусть потѣшаются.

Въ толпѣ было человѣкъ двадцать изъ чужой, сосѣдней деревни. Слова Дмитрія задѣли ихъ за живое.

— Что жъ, братцы,—заговорилъ одинъ изъ нихъ,—али мы въ самомъ дѣлѣ безъ толку глазѣть станемъ? Давайте-ка подсоблять.

И лишнія руки тотчасъ оказали свое дѣйствіе. Живѣе стали разбрасываться снопы. Болѣе сильная струя забила изъ пожарныхъ трубъ, а пламя между тѣмъ все грознѣе охватывало скирды, оставленныя ему въ добычу. Шире и выше поднималось оно, сыпля искрами во всѣ стороны.

— Одну трубу на крышу сарая направь,—приказалъ Дмитрій.—Накалиться можетъ.

Молотильный сарай, стоявшій всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ пожара, защищала пока желѣзная крыша, да и вѣтеръ, дувшій на село, относилъ къ сараю сравнительно немногія искры. Дмитрія поразило лицо одного изъ людей, державшихъ кишку. Его вдругъ освѣтило пламя, и Дмитрій къ своему удивленію узналъ странника, который въ ночь его встрѣчи съ Надей на Ѳедотовой пасѣкѣ проводилъ его отъ Волги до Черныхъ Хуторовъ.

— Пахомъ! какъ ты сюда попалъ?—воскликнулъ онъ.

— Призналъ меня, баринъ?—отвѣчалъ тотъ все съ тѣмъ же невозмутимымъ взглядомъ, уходящимъ куда-

то въ глубокую даль. — Сегодня только домой воротился.

— Да неужто ты на Иргизѣ успѣлъ побывать?

Пахомъ вздохнулъ, не отрываясь отъ работы.

— Нѣтъ, баринъ, то-то и дѣло, что не успѣлъ: заболѣлъ въ тотъ день, какъ мы съ тобой простились. Рыбаки меня въ городъ повезли, въ земскую больницу. Тамъ я пролежалъ до вчерашняго дня: ну и вижу я, силъ моихъ не хватаетъ въ дальній путь идти. Значитъ, видно, Богу моя молитва не угодна. Ну, я домой и побрелъ. Братъ у меня есть въ Черныхъ Хуторахъ.

— Знаю, знаю,—перебилъ его Дмитрій.—Только зачѣмъ ты еще работаешь, коли ты больной?

— Какая тутъ работа, помилуй!

Староста подошелъ къ Дмитрію.

— Изъ Никольскаго сюда ѣдутъ, труба должно-быть.

— А что, Филиппъ,—спросилъ у старосты Дмитрій,— ни на кого ты подозрѣнія не имѣешь? Ничего не слышно, кто бы это могъ поджечь?

Филиппъ почесалъ себѣ затылокъ.

— Толкуютъ ребята точно,—проговорилъ онъ съ запинкой,—что никому этой шалости не сдѣлать, окромя Флегонта,—изволите знать? Парень такой есть, въ красной рубахѣ и въ будни ходитъ. Изъ себя ничего, только пьяница отъявленный. А можетъ и пустое говорятъ...

— Да тутъ не одинъ виноватъ,—сказалъ Дмитрій.

Пахомъ къ нимъ прислушался.

— Коли хошь, баринъ, я тебѣ все докажу, какъ дѣло было!..

Рабочіе навострили уши. Дмитрій тотчасъ увелъ Пахома въ сторону.

— Какъ пришелъ я сегодня домой, — сталъ разсказывать Пахомъ,—вижу у брата человѣкъ какой-то поселился, Ефимомъ прозывается. Только замѣтно, словно онъ отъ меня хоронится, и ухватки совсѣмъ ужъ не крестьянскія. Какъ сталъ я брату говорить про угодниковъ, вижу Ефимъ-отъ какъ будто посмѣивается. Я

и спросилъ у брата, откуда онъ съ нимъ знакомство свелъ. А братъ мнѣ говоритъ, что тотъ, Ефимъ-то, изъ города пришелъ, машинистомъ объявился, и у него фатеру знялъ. Знать, у брата ни жены, ни ребятишекъ нѣту: мѣста довольно. Только подъ вечеръ къ брату въ избу парень одинъ здѣшній, Флегонтъ Парѳеновъ, явился, по всему видно озорникъ большущій. Потолкался онъ немного въ избѣ, потомъ, вижу, увелъ Ефима въ клѣть и долго съ нимъ тамъ о чемъ-то шушукался. Меня такъ всего вдругъ разбирать стало, словно подталкиваетъ кто-то: „иди, Пахомъ, смотри, недоброе они тамъ замышляютъ". Пошелъ я за ними и слышу, Флегонтъ-отъ хохочетъ: „Насолимъ же мы, говоритъ, барину, Митрій Алексѣичу". Я про тебя и вспомнилъ, какъ въ тотъ вечеръ съ тобой встрѣтились на Волгѣ. Какъ примѣтили они меня, замолчали они. Ефимъ въ избу опять вошелъ, повертѣлся тамъ, будто ждетъ чего-то, потомъ шапку взялъ, да на улицу. Совсѣмъ ужъ темно было. Пѣтухи давно пропѣли. Что это, думаю, ему за надобность въ такой часъ выходить? Побрелъ я за нимъ, а онъ меня не примѣтилъ. Только вижу, какъ дошелъ онъ до большой дороги, подъ ракитой его Флегонтъ тамъ поджидаетъ, да съ нимъ еще трое. Мѣсяцъ тогда освѣтилъ, все хорошо было примѣтно. Пошли они всѣ къ Бѣлымъ Столбамъ, а я за ними, подальше, такъ чтобъ имъ незамѣтно было; только вижу, какъ прошелъ я плотину, скирда одна загорѣлась, я и побѣжалъ въ усадьбу, да поднялъ тревогу.

— Спасибо тебѣ, братъ, спасибо,—потрепалъ его Дмитрій по плечу.

Между тѣмъ никольскій управляющій Христофоръ Карловичъ подъѣхалъ съ пожарною трубой.

— Эхъ, народецъ, народецъ,—сказалъ онъ, направляя кишку,—что съ нимъ дѣлать прикажете? Повѣрите ли, Дмитрій Алексѣевичъ, шестой разъ приходится мнѣ видѣть эти ужасные поджоги. Ведите при этомъ расчеты по хозяйству!

— А что, Христофоръ Карловичъ, отстоимъ мы остальной хлѣбъ, какъ вы думаете?

— Можетъ быть и отстоимъ, да боюсь, какъ бы не перекинуло на село. А впрочемъ, подѣломъ этимъ мерзавцамъ. Видите, стоитъ себѣ и не помогаетъ даже; да и нашли же когда поджечь; вѣтеръ прямо на село тянетъ.

Впрочемъ, кое-кто изъ толпы, увлеченные примѣромъ, стали поодиночкѣ подсоблять рабочимъ. Можетъ быть тутъ дѣйствовало чувство самосохраненія: искры, все дальше уносимыя вѣтромъ, сыпались уже теперь на противоположный берегъ.

Изъ толпы бывшихъ на пожарѣ крестьянъ выдѣлилась чья-то широкоплечая, сутуловатая фигура. Она словно окунулась въ полутьму и подошла къ стоявшей поодаль кучкѣ мужиковъ. Тѣ совершенно безучастно глядѣли на происходившее и обмѣнивались, какъ ни въ чемъ не бывало, веселыми шуточками.

— Что, Флегонтъ,—заговорилъ подошедшій къ нимъ человѣкъ, — вѣдь съ народомъ ничего не подѣлаешь: истуканы настоящіе.

— Истуканы и есть,—разсмѣялся Флегонтъ.

— Разнести бы имъ теперь усадьбу, чѣмъ стоять да смотрѣть на пожаръ, благо теперь тамъ ни одного караульнаго нѣтъ. Всѣ рабочіе съ трубами возятся.

— Что и говорить! Преотлично было бы! Да вотъ мы съ ними, пожалуй.

Флегонтъ, повидимому, что-то придумалъ и кивнулъ своимъ товарищамъ головой.

— Что, братцы, если намъ идти туда, краснаго пѣтуха припустить?

Тѣ нерѣшительно другъ на друга поглядывали.

— А то и безъ васъ пожалуй. А ты, Ефимъ, пойдешь съ нами?—спросилъ онъ сутуловатаго мужика.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Нерадовичъ.—На такое дѣло и безъ меня обойдетесь.

— Да ты самъ, видно, баба настоящая.

И Флегонтъ сплюнулъ отходя прочь; за нимъ медленно побрели остальные, а Нерадовичъ, постоявъ еще съ минуту, скорыми шагами направился къ дубовымъ кустамъ, засѣвшимъ на верхней сторонѣ пруда.

Вдругъ на крышѣ одного изъ крестьянскихъ сараевъ показался красный языкъ, и черезъ нѣсколько мгновеній пламенныя струйки побѣжали по соломенному шатру.

— На селѣ загорѣлось! — разомъ воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Я говорилъ вамъ, Дмитрій Алексѣевичъ, что этого не миновать,—сказалъ Христофоръ Карловичъ.

Толпа мигомъ заволновалась. Крики, стоны и визги поднялись изъ нея; вмѣсто насмѣшливыхъ прибаутокъ слышался теперь безпомощный вой женскихъ голосовъ. Началась безцѣльная, растерянная бѣготня.

— Батюшка, родимый,—жалобно заголосила подбѣжавшая къ Дмитрію баба,—прикажи-ка хоть одинъ изъ твоихъ пожарныхъ струментовъ къ намъ въ деревню послать. Смотри, вишь совсѣмъ рядомъ съ нашею избенкой загорѣлось.

— Филиппъ,—окрикнулъ старосту Дмитрій,—поѣзжай сейчасъ съ тремя нашими трубами въ село. Рабочихъ здѣсь оставить можешь: тамъ народу довольно.

Староста молча повиновался, хоть и былъ порядкомъ изумленъ этимъ приказаніемъ.

— Что вы, Дмитрій Алексѣевичъ, — вступился никольскій управляющій,—очень вамъ нужно свое добро въ жертву приносить ради мужиковъ. Они же всю эту бѣду надѣлали.

— Здѣсь,—Христофоръ Карловичъ,—спокойно возразилъ Дмитрій, — горитъ хлѣбъ, безъ котораго мы все-таки останемся сыты; а тамъ, я думаю, помощь будетъ понужнѣе. Позвольте васъ просить здѣсь распоряжаться вмѣстѣ съ братомъ, а я на село пойду. Впрочемъ, я думаю, нашему сараю уже не грозитъ опасность.

Въ самомъ дѣлѣ, все еще яркое пламя теперь сосредоточилось, не переходя за созданное вокругъ него пустое пространство. Только огненныя брызги все еще вылетали изъ него, какъ изъ пылающаго жерла.

Дмитрій спустился уже къ плотинѣ, какъ вдругъ увидѣлъ возлѣ себя Надю.

— Ты хорошо это сдѣлалъ, — сказала она взволнованнымъ голосомъ.—Спасибо тебѣ!

Глаза ея искрились, вѣтеръ игралъ ея распущенными косами.

— Зачѣмъ ты здѣсь?! — почти рѣзко воскликнулъ онъ.—Я тебя просилъ остаться дома, при матери.

— Извини меня, я не въ силахъ была тебя послушаться. Съ Анной Григорьевной ничего не случилось, при ней горничныя.

Онъ пе возражалъ болѣе; оба они, ускоряя шагъ. молча направились къ селу.

Среди неяснаго гула и рева голосовъ послышался звонъ бубенчиковъ во всю прыть скакавшей къ нимъ тройки. Они не успѣли дойти до мѣста, гдѣ вспыхнулъ и разрастался огонь, какъ ихъ догналъ тарантасъ.

— Дмитрій Алексѣевичъ, вы? Какъ это случилось? воскликнулъ Томилинъ, живо выскакивая.

Дмитрій коротко и спѣшно разсказалъ ему, какъ все было.

— Меня разбудили извѣстіемъ, что въ Бѣлыхъ Столбахъ горитъ. Я, разумѣется, сейчасъ къ вамъ. Какой тяжелый ударъ для бѣдной Анны Григорьевны!

„Да,—подумалъ Дмитрій, — не легко будетъ матери перенести это, и, конечно, не ради однихъ только матеріальныхъ убытковъ. Всего хуже для нея то, что подожгли Бѣлостолбовскіе мужики, тѣ самые, съ которыми она столько лѣтъ мирно жила, сохраняя надъ ними, какъ ей казалось, какую-то патріархальную власть даже и при новыхъ порядкахъ. И теперь, съ этою давнишнею мечтой дружбы и лада приходилось разстаться“. Да и онъ самъ, какія неудачи встрѣтилъ

онъ на первыхъ же порахъ своей жизни въ деревнѣ!.. Не на радость пріѣхалъ онъ въ родительскій домъ. Грустно было Дмитрію сознавать, какъ жалко разбивались всѣ его виды на полезную дѣятельность.

Огонь между тѣмъ все грознѣе разлетался по соломеннымъ крышамъ, какъ маяки все чаще загорались онѣ подъ чернымъ сводомъ неба, гдѣ тучи совсѣмъ уже заслонили теперь тихіе лучи мѣсяца.

На крайней избѣ, съ которой начался пожаръ, крыша уже совсѣмъ обвалилась. Кое-гдѣ только надъ стѣнами торчали, какъ ребра скелета, обуглившіяся стропила. Сосѣдніе дома пока только-что занимались, и робкое еще пламя словно пробивало себѣ путь. Облако смраднаго дыма ложилось надъ селомъ. Гарь и духота стояли въ ночномъ воздухѣ. Нѣсколько мужиковъ возились съ подъѣхавшими трубами. Слышались безпорядочные возгласы: „Сюда! тащи! вотъ такъ, да выше, выше!“ Но во всѣхъ этихъ усиліяхъ было что-то безсвязное и безпомощное: всякій хотѣлъ спасать только свое, и всѣ терялись въ безнадежной борьбѣ со врагомъ, у котораго силились вырвать уже схваченную добычу. А врагъ, между тѣмъ, все шире распускалъ свои огненныя крылья. Самъ староста Филиппъ терялся въ общей сумятицѣ, оттого, можетъ быть, что руки у него опускались на чужомъ дѣлѣ. Для него непонятно было, какъ это могъ Дмитрій Алексѣевичъ кинуть свое добро, чтобъ идти помогать этимъ олухамъ мужикамъ, которые не умѣютъ и свои-то пожитки дружно отстоять. И въ самомъ дѣлѣ, вокругъ горѣвшихъ построекъ собралась неподвижная толпа, словно оцѣпенѣлая отъ горя и ужаса. Бабы ревомъ ревѣли, дѣти безсмысленно смотрѣли на пожаръ, и никто не двигался помогать тѣмъ, кто силились тушить, неумѣлою рукой направляя водяныя струи на пылавшія избы. По временамъ среди этой застывшей толпы поднимался дикій и неистовый вопль, и какъ испуганное стадо она безцѣльно кидалась въ сторону, чтобъ опять замереть въ своей безпомощности.

Къ стону и крику людей примѣшивалось мычаніе коровъ, спасшихся изъ загорѣвшагося хлѣва.

Немалаго труда стоило Дмитрію и Ѳедору Васильевичу установить правильную цѣпь, чтобъ черпать воду изъ пруда: всѣ кидались лишь на ближайшую опасность: разрозненныя силы не сливались въ одну. Хозяинъ не хотѣлъ разстаться со своею пылающею хатой, чтобъ идти защищать уцѣлѣвшаго сосѣда.

— Да что жъ, батюшка, я свое добро кину,—говорилъ Дмитрію тотъ мужикъ, чья изба раньше всѣхъ занялась.—У сосѣда, можетъ, и такъ не загорится!

Между тѣмъ среди надвинувшихся сердитыхъ тучъ тоже вспыхивало зарево. Свѣтъ молніи широкою полосой дрожалъ на небосклонѣ и неумолкаемо гудѣлъ пока еще отдаленный громъ.

— Вотъ откуда развѣ намъ помощи ждать,—покачалъ головой Томилинъ, посмотрѣвъ на темное небо.

Вѣтеръ порывистыми ударами еще нѣсколько разъ пронесся мимо, потомъ онъ вдругъ стихъ и улегся, какъ подстрѣленный звѣрь. На другомъ берегу пруда медленно потухали недавно пылавшія скирды.

Дмитрію, наконецъ, удалось дружно повести защиту. Онъ сосредоточилъ всѣ усилія на томъ дворѣ, который загорѣлся послѣднимъ, и настоялъ-таки чтобы разобрали крышу сосѣдней избы. Толпа неохотно и тупо ему поддавалась, но онъ, не теряя времени на споры, приказалъ старостѣ взять топоръ и приняться за крышу. Едва примѣръ былъ данъ, мужики перестали роптать и сами взялись, но сразу врагъ не уступилъ. Огонь перекинуло еще на одну избу, потомъ и на слѣдующую. Тяжело было Дмитрію слышать, какъ заголосили бабы, увидавъ что даже снятіе крыши съ ихъ хаты не спасло отъ огня.

— Чего жъ то было крышу ломать?!.. завопила одна старуха,—Божья значитъ воля!

Точно укоромъ для Дмитрія прозвучали эти слова, приходилось отступить и на другомъ мѣстѣ возобновить

борьбу, а огненный кругъ все расширялся, захватывая надворныя постройки.

Вдругъ со двора только-что загорѣвшейся избы поднялся отчаянный, раздирающій вой, тотъ ужасный лошадиный вой, котораго никогда не забыть тому, кто хоть разъ его слышалъ.

— Ахъ, сивку-то, сивку не вывели въ пору!—заревѣла старуха, которая только-что передъ тѣмъ жаловалась, что разобрали крышу ея хаты.—Родимый, пособи,—принялась она упрашивать стоявшаго около нея дюжаго мужика,—вѣдь одна у насъ всего-то лошадка на дворѣ и есть.

— У людей добра-то небось почище сгорѣло твоей сивки, чего горланишь!—отвѣтилъ ей мужикъ тоже изъ погорѣльцевъ.

— Да какъ же, батюшка, пропадать намъ, значитъ, совсѣмъ? Сынишка у меня больной, небось знаешь: гдѣ ему заработать?

Дворъ ея былъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ на селѣ.

— Такъ сынъ твой пусть и достаетъ сивку,—отвѣтилъ ей кто-то изъ толпы.

Старуха молча всплеснула руками. Сына ея не было въ Бѣлыхъ Столбахъ, онъ служилъ поваренкомъ у предводителя. Никто, однако, не брался спасать ея лошадь. Слишкомъ ужъ опасно было идти подъ запылавшій соломенный навѣсъ. Но вдругъ неожиданно отыскался охотникъ. Это былъ Пахомъ, который все время усердно работалъ у трубы и случайно разслышалъ жалобы старухи.

— Гдѣ твоя лошадь?—спросилъ онъ подходя.

— Вотъ батюшка, вотъ!—поклонилась она ему въ поясъ, указывая на горѣвшій дворъ.—Слышишь, небось, какъ воетъ.

— Вотъ нашелся, ишь силачъ какой!—сталъ кто-то трунить надъ Пахомомъ.

— Не сгорѣть же ей! тоже Господняя тварь,—тихимъ, почти беззвучнымъ голосомъ отвѣчалъ Пахомъ,

и лицо его при этомъ оставалось такъ безмятежно, какъ будто затѣянное имъ дѣло было изъ самыхъ простыхъ.

А дѣло было далеко не простое. Крышу всю разобрать не успѣли, и клочья пылавшей соломы извивались огненными змѣями. Надо было пройти дворомъ въ денникъ, гдѣ была заперта лошадь.

Пахомъ снялъ шапку, три раза набожно перекрестился и переступилъ черезъ порогъ горѣвшей избы. Стоявшіе тутъ невольно кинулись впередъ, не смѣя, однако, идти за нимъ. Духъ захватывало у всѣхъ отъ ожиданія. Пахомъ благополучно пробрался дворомъ, отвязалъ веревку, которою былъ прикрѣпленъ запоръ, и отпихнулъ дверь въ денникъ. Еще разъ послышался испуганный вой лошади. Потомъ что-то затрещало на крышѣ, пламя хлынуло вверхъ усиленною волной, на мигъ что-то словно заколыхалось, и весь шатеръ, какъ огненный покровъ, опустился на землю.

Сперва какъ будто не поняли, что случилось. Но вдругъ дикій крикъ ужаса прошелъ по толпѣ, того ужаса, который охватываетъ людей, когда они передъ своими глазами видятъ чью-либо гибель и сознаютъ, что не въ силахъ помочь. Обвалившіеся брусья и стропила похоронили подъ своими горящими обломками бѣднаго Пахома въ тотъ самый мигъ, когда онъ уже схватывалъ сивку за гриву...

Дмитрій, стоявшій поодаль, услышалъ этотъ крикъ и тотчасъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ случилась бѣда. Онъ увидѣлъ передъ собою безобразныя развалины стѣнъ, черная струя дыма густо поднималась надъ обвалившеюся крышей, пламя словно притихло, какъ будто его насытила схваченная имъ жертва, и ни крика, ни стона не доходило съ того мѣста, гдѣ только-что передъ тѣмъ погибъ человѣкъ.

— Да чего же вы стоите,—воскликнулъ онъ,—его вытащить надо!—Безсознательно онъ ринулся впередъ, какъ будто можно было еще вырвать бѣднаго Пахома

изъ охватившихъ его огненныхъ объятій. Но никто не двинулся за нимъ. Всѣ знали, что спасенія не могло быть: нѣмыя развалины не выдали бы схороненнаго ими заживо. Дмитрій съ отчаяніемъ глядѣлъ на остатки догоравшаго двора. Къ ужасу и жалости примѣшивалось ноющее чувство, какъ бы вины передъ Пахомомъ. Вѣдь, ему Дмитрій былъ обязанъ поднятой тревогой, вѣдь, Пахомъ сдѣлалъ, что могъ, чтобы спасти Бѣлые Столбы, и бѣдный странникъ долженъ былъ поплатиться своею горемычною жизнью за оказанную услугу.

Наступившее затишье помогло, между тѣмъ, остановить пожаръ. Пламенныя волны какъ будто стихли; брызги ихъ не сыпались уже въ даль. Явилась, наконецъ, и та помощь, на которую надѣялся Томилинъ.

Нароставшая гроза надвинулась, и крупныя дождевыя капли задробили съ низко нависшихъ тучъ.

— Теперь дальше не пойдетъ,—сказалъ Томилинъ, все время помогавшій Дмитрію.

У мужиковъ отлегло на душѣ. Громко раздались выраженія признательности барину. Въ настроеніи крестьянъ за эту ночь произошелъ крутой поворотъ въ пользу Дмитрія.

— Батюшка, Дмитрій Алексѣевичъ,—испуганно заговорилъ вдругъ староста Филиппъ,—поглядите-ка сюда, словно у насъ въ усадьбѣ загорѣлось.

Дмитрій обернулся. Въ самомъ дѣлѣ, на черномъ небѣ виднѣлась чуть замѣтная пока пламенная струйка.

— Да, горитъ, что это не домъ ли ужъ?! — вырвалось у Дмитрія. Мысль объ опасности для матери тотчасъ охватила его.

— Нѣтъ,—успокаивалъ староста,—это должно быть рядомъ будетъ, кладовая, кажись.

— Кладовая! Да, вѣдь, и на домъ перекинуть можетъ.

Страхъ за мать заставилъ Дмитрія забыть и пожаръ на селѣ, и даже страшную смерть Пахома. Опрометью, вмѣстѣ съ Надей, онъ бросился къ дому. Томилинъ за

него распорядился, чтобы трубы немедленно ѣхали къ усадьбѣ. Крестьяне на это и не думали роптать.

Анна Григорьевна спала крѣпкимъ сномъ послѣ проведенной ею наканунѣ тревожной ночи. Ее не разбудила даже суматоха, поднявшаяся въ домѣ, но все таки это не былъ мирный сонъ, приносящій успокоеніе. Какой-то призракъ то носился передъ ней, то, казалось, опускался къ ней на грудь, спирая ей дыханіе. Надя и Дмитрій стояли возлѣ нея. Она читала укоръ себѣ на ихъ печальныхъ блѣдныхъ лицахъ, словно опасность какая-то грозила имъ, и они молили ее о пощадѣ. Она силилась протянуть къ нимъ руки, но тутъ она увидѣла, что цѣлая бездна зіяла между нею и ими. И вотъ, тотъ самый призракъ, такъ долго не дававшій ей покоя, очутился между нимъ и молодою дѣвушкой. Мало-помалу, онъ становился все явственнѣе и принялъ, наконецъ, человѣческій образъ. Она узнала въ немъ Боровского, но это былъ уже не прежній Боровской, а какой-то, грозный, неумолимый мститель. Дмитрій и Надя хотѣли подать другъ другу руки, но призракъ стоялъ между ними, и все грустнѣе и безпомощнѣе глядѣли ихъ лица. Они стали отодвигаться все далѣе, все глубже и шире дѣлалась бездна между ними и Анной Григорьевной, и все болѣе они терялись въ туманной мглѣ.

Она кинулась впередъ и проснулась. Въ комнатѣ было темно и душно. Она приподнялась на кровати, силясь возстановить въ своей памяти только-что видѣнный сонъ. Холодный потъ выступилъ на ея лбу, и ей болѣзненно захотѣлось свѣжаго воздуха, такъ невыразимо тяжело ей было въ душной атмосферѣ комнаты. Анна Григорьевна встала, накинула на плечи лежавшій около кровати бурнусъ и растворила окно.

Ночь хмурилась, вѣтеръ гнулъ верхушки деревьевъ. Анна Григорьевна остолбенѣла, увидавъ широкое зарево, поднимавшееся изъ-за крышъ надворныхъ построекъ... Спальня ея окнами выходила на дворъ.

„Это на гумнѣ пожаръ“,—тотчасъ догадалась Анна Григорьевна,—„и меня не разбудили“!

Хлопотливая, дѣятельная хозяйка немедленно сказалась въ ней. Она не могла допустить, чтобы сумѣли безъ ея участія справиться съ бѣдой. Живо она надѣла туфли и вышла въ корридоръ. Къ ея изумленію, комнаты ея сыновей оказались пустыми. „Дмитрій! Володя!“, прокричала она нѣсколько разъ съ возрастающею тревогой. Никто не отзывался. Она стала звать Надю, подошла къ ея дверямъ, но молодой дѣвушки тоже не было.

— Да гдѣ же всѣ? Гдѣ же горничныя?.. Мавра, Дуняша!..

Въ домѣ все было пусто и безмолвно. Ужасъ овладѣлъ старушкой, она поочередно растворяла двери, не понявъ сразу, что всѣ на пожарѣ. Ее оставили одну, не сказавъ ни слова о случившемся! Гнѣвное негодованіе овладѣвало ею.

Анна Григорьевна вернулась къ себѣ и стала поспѣшно одѣваться. Зловѣщій блескъ зарева сильнѣе прежняго краснѣлъ на черномъ небѣ, и ей теперь показалось, что горитъ не на одномъ гумнѣ, а и на селѣ тоже. „Это они, это бездѣльники крестьяне подожгли“, говорила она себѣ, второпяхъ отыскивая свои вещи. Но вдругъ, выглянувъ въ окно, она увидѣла нѣчто еще болѣе страшное: нѣсколько фигуръ сновали по двору; неясно долетали до ея слуха чьи-то голоса, какой-то злобный смѣхъ. Зажженная лучина была въ рукахъ одного изъ этихъ людей и ярко освѣщала его красную рубаху. Это былъ высокій, плечистый молодецъ. И вотъ что-то вспыхнуло у самыхъ дверей въ кладовую, ближайшую къ дому каменную постройку. Это было должно быть подложенное туда сѣно, такъ быстро оно воспламенилось. Потомъ изъ слухового окна той же кладовой брызнуло пламя. Крыша была изъ драни. Огонь лизнулъ ее и мигомъ пошелъ тонкою змѣйкой по деревянной чешуѣ. Анна Григорьевна всплеснула руками: этого было слишкомъ много и для ея твердости.

— Господи, да что же это такое! Они всю усадьбу спалятъ!...

Она чувствовала, что не въ силахъ собраться съ мыслями. Кровь у нея стучала въ головѣ, словно ее охватывало опьяненіе.

Но она скоро оправилась отъ ужаса, рѣшимость къ ней вернулась. Надо было во что бы то ни стало дозваться кого-нибудь: не оставили же всѣ на произволъ судьбы и ее, и самый домъ!

Въ корридорѣ было совершенно темно. Старушка ощупью добралась до лѣстницы и стала вполголоса звать Терентія и Анисью, жившихъ въ нижнемъ этажѣ: она словно боялась, какъ бы не услыхали ее поджигатели. Никто не отвѣчалъ на ея зовъ. Анна Григорьевна живо принялась спускаться по лѣстницѣ. Но, должно быть, видѣнное ею черезчуръ потрясло ея нервы. Голова ли закружилась у нея, или нога не отыскала ступени въ темнотѣ, только вдругъ она упала всѣмъ тѣломъ, скатилась до поворота лѣстницы и ударилась вискомъ о деревянную ступень. Старушка лишилась чувствъ.

XV.

За плотиной Дмитрія нагналъ Христофоръ Карловичъ. Нѣмецъ казался до крайности возмущеннымъ.

— Diese verfluchten Kerle!—заговорилъ онъ почему-то на родномъ языкѣ и прибавилъ уже по-русски бранное слово совсѣмъ непечатнаго свойства.—Вашъ братецъ отправился туда съ пожарнымъ инструментомъ,—продолжалъ онъ, указывая рукой на усадьбу.—А здѣсь, я думаю, опасности уже нѣтъ. Пятнадцать скирдъ-таки удалось спасти. Снопы сложили подальше, а остальные пускай себѣ тлѣютъ. Съ такимъ дождемъ не страшно.

Въ самомъ дѣлѣ, дождь немилосердно хлесталъ имъ въ лицо. Но Дмитрій и Надя не обращали на то вниманія. Молча они дошли до усадьбы.

Драночную крышу на кладовой спалило почти цѣликомъ, но крѣпкія стропила и брусья едва тлѣли и дымились, заливаемые крупнымъ дождемъ. На сосѣднія постройки огонь не перекидывало: въ Бѣлыхъ Столбахъ почти все было крыто желѣзомъ.

— Митя!—раздался въ темнотѣ взволнованный голосъ Володи,—иди скорѣе; съ мамà случилось несчастіе.

Дмитрій и Надя поспѣшили въ домъ. Анну Григорьевну уже отнесли въ спальню и уложили на кровать. Старуха Анисья стояла у изголовья, горько всхлыпывая. Анна Григорьевна все еще лежала въ безпамятствѣ. Полуоткрытые глаза смотрѣли безжизненно, на блѣдномъ лицѣ виднѣлись слѣды запекшейся крови.

Дмитрій пощупалъ у матери пульсъ.

— Слава Богу, жива!—воскликнулъ онъ.—Надо смыть кровь и сдѣлать перевязку... За докторомъ послано?—спросилъ онъ у брата.

Тотъ молча кивнулъ головой.

— Да какъ же это случилось? — спросилъ Дмитрій, окидывая взглядомъ присутствующихъ. Въ дверяхъ показались оторопѣлыя фигуры двухъ горничныхъ.

— Батюшка,—вполголоса заговорила Анисья, отирая слезы, — съ меня, старой дуры, взыщите, да вотъ съ этихъ глупыхъ дѣвокъ, — и она показала на Мавру и Дуняшу.—Барыню-то нашу одну оставили, тоже на пожаръ глядѣть пошли. А я все время въ сѣняхъ просидѣла, думала, что онѣ-то при генеральшѣ,—и вотъ, прости меня, Господи, задремала, должно быть, маленько, только слышу я въ просонкахъ, какъ что-то упало на лѣстницѣ, тяжело такъ упало. Опомнилась я, схватила подсвѣчникъ. Гляжу, а барыня-то наша, голубушка, лежитъ навзничь, а головка ея объ ступеньку и ударилась, должно быть... Только вижу кровь—испугалась я, перекрестилась, подумала грѣхъ какой случился, не убились ли онѣ въ самомъ дѣлѣ до смерти. Кричу я, кричу, а что я могу сдѣлать одна? Только, спасибо ему Владиміръ Алексѣевичъ прибѣжать въ домъ изволили

и кличатъ они меня: „Анисья, что, мамаша не испугалась?“ Ну, съ ними вдвоемъ барыню мы принесли сюда и уложили...

Между тѣмъ обмыли ранку на вискѣ и наложили повязку, но Анна Григорьевна не приходила въ чувство.

— Нашатырнаго спирту бы надо,—сказала Надя.—У тетушки есть, кажется.

Стклянка отыскалась, и спиртъ оказалъ свое дѣйствіе. Вѣки у старушки зашевелились, стиснутыя губы немного раздвинулись и чуть замѣтно она повела головой.

Радость блеснула на всѣхъ лицахъ.

— Удара, по крайней мѣрѣ, не было,—тяжело вздохнувъ, проговорилъ Дмитрій. — Но, дай Богъ, чтобъ обошлось безъ воспаленія.

Весь остатокъ ночи всѣ они провели у кровати больной, напряженно слѣдя за каждымъ ея движеніемъ. Анна Григорьевна совсѣмъ очнулась, но слабость была такъ велика, что она едва могла шевелить губами и чуть слышно у нея вырывались невнятныя слова. Про пожаръ всѣ забыли, но ливень за нихъ объ немъ позаботился и къ разсвѣту потухли послѣднія искры.

Въ 9 часовъ пріѣхалъ докторъ, на этотъ разъ не пресловутый Финдейзенъ.

— Сильное, должно быть, было потрясеніе мозга,—шепнулъ онъ Дмитрію, двусмысленно покачавъ головой.— Теперь ничего сказать положительнаго нельзя.

Прописавъ лѣкарство, онъ уѣхалъ, обѣщая вернуться къ вечеру. Разумѣется. у него, какъ и у всѣхъ его собратій, было неотложное дѣло, какъ разъ потому, что въ немъ нуждались.

Домъ наполнился тою безпокойною тишиной, которую всегда приноситъ съ собою болѣзнь. Ходили на цыпочкахъ, осторожно притворяли двери, говорили шепотомъ. У всѣхъ было гнетущее, тоскливое ожиданіе, всегда сопровождающее начало болѣзни, ходъ которой предугадать нельзя.

И какъ разъ въ этотъ тревожный день внѣшняя, чужая жизнь, всегда равнодушная къ семейнымъ заботамъ, съ самаго утра стучалась въ домъ Корецкихъ, предъявляя къ нимъ свои всегдашнія, настойчивыя требованія. Словно оттого, что ихъ постигла бѣда, они должны были отдать въ ней отчетъ постороннимъ. Покушеніе на жизнь Дмитрія, поджогъ, крестьянскіе безпорядки, вся эта цѣпь крупныхъ и мелкихъ невзгодъ какъ будто давала каждому право заглядывать въ ихъ семью и вступаться въ ихъ дѣла. Пока частная жизнь идетъ втихомолку, никому дѣла нѣтъ—не скрывается ли горе иль нужда за этою тишиной. Но чуть заявятъ они свое существованіе, чуть стряслась бѣда, и тѣ, кого она постигла, обратились за помощью къ общественной власти, имъ уже надолго не отдѣлаться отъ вмѣшательства.

Полчаса спустя послѣ отъѣзда доктора, лихая тройка подвезла исправника къ крыльцу Бѣлостолбовскаго дома. Амфилохій Никандровичъ, встрѣтившій доктора на дорогѣ, узналъ отъ него все. Онъ счелъ долгомъ высказать самыми отборными словами приличное случаю душевное соболѣзнованіе. Но въ его сахарныхъ рѣчахъ сквозила какая-то оффиціальная недовѣрчивость, какъ будто на пострадавшихъ отъ поджога должна была пасть тѣнь какого-то подозрѣнія.

— Тяжелыя времена, Дмитрій Алексѣевичъ,—повторялъ онъ нѣсколько разъ и усиленно гладилъ свои усы, вслѣдствіе чего на его бѣлоснѣжной перчаткѣ вдругъ оказались темно-бурыя пятна.—За десять лѣтъ, доложу вамъ, въ первый разъ мнѣ приходится пріѣзжать въ Бѣлые Столбы для исполненія законныхъ обязанностей.—И Амфилохій Никандровичъ съ печалью во взглядѣ покачалъ головой.—Все, могу васъ увѣрить, отъ этихъ злоумышленниковъ идетъ...

Упомянувъ еще разъ о своемъ участіи въ болѣзни Анны Григорьевны, почтенный исправникъ тотчасъ за тѣмъ перешелъ къ цѣли своего пріѣзда.

— Ну-съ, а теперь я приступлю къ продолженію вчерашняго дознанія,—сказалъ онъ, круто обрывая свой разговоръ съ Дмитріемъ.

Такая поспѣшность обыкновенно не входила въ привычки словоохотливаго исправника.

— Вы бы, кстати,—замѣтилъ ему Дмитрій,—начали предварительное слѣдствіе о пожарѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ былъ злой умыселъ...

Амфилохій Никандровичъ пріосанился.

— Съ моей стороны,—произнесъ онъ,—никакого упущенія не будетъ. И, конечно, еслибы слѣдствіе было поручено мнѣ...

Исправникъ желчно разсмѣялся.

— Посмотримъ, — добавилъ онъ иронически,—какъ распорядится господинъ судебный слѣдователь... Мы, вѣдь, только для нихъ, такъ сказать, черную работу приготовляемъ... А затѣмъ ихъ уже дѣло...

Амфилохій Никандровичъ всегда съ горечью вспоминалъ, про то умаленіе власти, которое за послѣднее время пришлось испытать полиціи. Онъ не безъ удовольствія отмѣчалъ промахи, совершаемые юношами, смѣнявшимися на его глазахъ въ должности слѣдователя.

— Только позвольте мнѣ,—сказалъ исправникъ уходя,—сперва покончить съ главнымъ дѣломъ... то-есть, вы понимаете, главное потому, что, такъ сказать, здѣсь замѣшанъ государственный интересъ.

Амфилохій Никандровичъ велѣлъ прислать къ нему Вохина и, въ ожиданіи его, удалился въ контору.

— Что ты, братецъ мой, словно выпивши? вознегодовалъ онъ, увидавъ передъ собою красное, сильно отекшее лицо жандарма.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, я, кажись, ничего...

Но блюститель порядка говорилъ неправду. Едва наканунѣ уѣхалъ исправникъ, Вохинъ отправился на Акимовъ дворъ и тамъ потребовалъ себѣ угощенія. Не му-

дрено, что послѣ этого онъ проспалъ сумятицу, бывшую ночью, мирно покоясь на сѣновалѣ.

— Хорошъ молодецъ!—журилъ его Амфилохій Никандровичъ, убѣдившись, что Вохинъ зналъ о пожарѣ только по наслышкѣ.—Смотри, чтобъ этого больше не было, а то достанется тебѣ отъ начальства...

И снабдивъ его снова надлежащими инструкціями, исправникъ вторично отправилъ Вохина на розыски.

Самъ онъ тотчасъ затѣмъ покатилъ на своей тройкѣ въ Черные Хутора. На этотъ разъ благообразный старшина былъ дома и перепугался не на шутку, увидавъ владыку уѣзда.

— Что ты, болванъ этакій,—зашумѣлъ исправникъ,—въ городъ скакать вздумалъ, когда начальство по дѣлу въ твою дурацкую волость ѣдетъ. А!.. Просидишь ты у меня въ арестантской! А писаря здѣшняго смѣню... Что это значитъ? мертвецки пьянъ, когда его требуютъ по дознанію.

Старшина съ безпокойствомъ мялъ въ рукахъ фуражку и глядѣлъ на исправника съ тупымъ испугомъ человѣка, который ожидаетъ, что вотъ-вотъ, его сейчасъ примутся трепать за бороду. Но къ такому отеческому наставленію Амфилохій Никандровичъ, какъ человѣкъ образованный, прибѣгалъ только изрѣдка. Онъ гнѣвно откинулъ фартукъ тарантаса и, опираясь на плечо старшины, вышелъ изъ экипажа.

— Гдѣ у тебя здѣсь ,— продолжалъ онъ войдя въ волостное правленіе,—проживаетъ именующій себя Ефимомъ Петровымъ, хвалынскимъ крестьяниномъ?.. Говори!—Амфилохій Никандровичъ придалъ своему лицу величаво таинственное выраженіе.—Записанъ онъ у тебя въ волости?...

— Это который машинистъ-то?—нерѣшительно проговорилъ старшина.

— А знаешь, кто такой этотъ машинистъ? — И Амфилохій Никандровичъ сокрушающимъ движеніемъ руки схватилъ старшину за плечо. — Знаешь? измѣнникъ Царю!.. Злодѣй!..

Старшина повелъ недоумѣвающими глазами.

— Ефимъ Петровъ?.. Точно здѣсь проживаетъ, только мужикъ онъ, кажись, исправный...

Не слушая его, Амфилохій Никандровичъ тотчасъ приказалъ схватить и привести къ нему Ефима. Каково же было его негодованіе, когда онъ узналъ, что Ефимъ въ ту же ночь скрылся неизвѣстно куда! Не подумавъ о томъ, что самъ онъ могъ еще наканунѣ арестовать злоумышленника, еслибы не полѣнился съѣздить въ Черные Хутора, Амфилохій Никандровичъ разнесъ по генеральски всѣхъ, кто ни попадался ему на глаза. Въ заключеніе онъ приказалъ взять подъ арестъ ни въ чемъ неповиннаго солдата, у котораго проживалъ Ефимъ, и во всѣхъ деревняхъ волости оповѣстить, чтобъ Ефима при случаѣ схватили, гдѣ бы онъ ни показался.

Теперь Амфилохію Никандровичу не оставалось ничего болѣе, какъ приняться за слѣдствіе о пожарѣ. Онъ велѣлъ старшинѣ тотчасъ явиться въ Бѣлые Столбы съ понятыми, но ему не пришлось доказать на этотъ разъ свое превосходство надъ судебною властью: когда онъ вернулся въ Бѣлые Столбы, слѣдствіе уже было въ полномъ ходу.

Коневецкій, вообще говоря, не отличался аккуратностью. Для юнаго питомца законовѣдѣнія преслѣдованіе виновнаго по горячимъ слѣдамъ было простою метафорой, но для тѣхъ людей, съ кѣмъ онъ былъ знакомъ, Коневецкій дѣлалъ исключенія: онъ находилъ, что этого требовало приличіе. И получивъ наканунѣ заявленіе Дмитрія, онъ рѣшился приступить къ дѣлу на слѣдующій же день. Покушеніе на убійство, да еще въ знакомомъ домѣ, это былъ случай, выходящій изъ ряду вонъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы не встрѣчали болѣе г. Коневецкаго, въ немъ совершилась большая перемѣна. Онъ не переставалъ картавить, одѣвался попрежнему щегольски, хотя степная жизнь и тутъ налагала свою печать неряшливости; но въ его манерахъ стало все

сильнѣе проявляться сознаніе не только своего достоинства, но и своей важности. Все чаще ему случалось теперь осаживать простыхъ смертныхъ, обращавшихся къ нему, и ссылаться на права слѣдственной власти, когда ему угодно было допустить проволочку въ дѣйствіяхъ этой самой власти. Онъ научился даже, принимая просителей, дѣлать видъ, будто не разслышалъ, что ему сказали, причемъ супилъ брови даже вовсе не по чину.

— Вы видите, что все дѣло ясно до очевидности,— сказалъ Дмитрій, передавъ Коневецкому въ немногихъ словахъ, какія улики ему удалось собрать противъ Гондзевскаго.

Не таково было, однако, мнѣніе слѣдователя. Коневецкій успѣлъ уже проникнуться тѣмъ духомъ противорѣчія, который у многихъ представителей, хотя бы скромной власти, побуждаетъ отыскивать истину какъ разъ не тамъ, гдѣ имъ на нее указываютъ. При всей своей готовности услужить, Коневецкій тотчасъ ощутилъ разныя недоумѣнія. Отчего подозрѣніе должно было пасть именно на Гондзевскаго? Развѣ то обстоятельство, что онъ вернулся домой съ ружьемъ могло что-нибудь доказывать? Коневецкій даже пустился въ разныя хитроумныя догадки, чтобы найти какого-нибудь другого виновнаго.

Онъ вызвалъ письмоводителя и тутъ же съ приличною торжественностью велѣлъ ему записать показанія Дмитрія. Онъ всячески торопилъ его, пока тотъ не спѣша выводилъ на бумагѣ оффиціальныя каракули.

— Могу васъ увѣрить, — заявилъ онъ громогласно, когда Дмитрій выставилъ свою подписъ на бумагѣ,— что сегодня же виновные будутъ въ острогѣ.

Сказавъ это, онъ отправился на село и тотчасъ приказалъ собрать крестьянъ. Пока они явились, прошло не мало времени, такъ какъ всѣ были на работѣ, и Коневецкому казалось совсѣмъ непозволительнымъ, какъ это они могли заставлять его, слѣдователя, дожидаться

въ душной избѣ, гдѣ онъ пока основалъ свою резиденцію. Староста Филиппъ и хозяйскіе рабочіе. между тѣмъ, поочередно давали свои показанія.

— Что-жъ, вы имѣете на кого-нибудь подозрѣніе?—ставилъ онъ каждому неизмѣнный вопросъ, сопровождая его взглядомъ, пронизывающимъ до самой глубины души.

Рабочіе, однако, не испугавшись этого взгляда, какъ бы въ одинъ голосъ заявили, что загорѣлось оно можетъ и по Божьей волѣ, а подозрѣнія они ни на кого не имѣютъ. Про толки, ходившіе наканунѣ, теперь не было и рѣчи, словно имя Флегонта у нихъ изъ памяти вышибло. Одинъ только Филиппъ, помолчавъ немного, да почесавъ затылокъ, встряхнулъ волосами и повелъ взглядомъ по стѣнамъ избы. „Да никому, какъ Флегонту, этого не сдѣлать“, объявилъ онъ и почему-то уставился на полъ.

— А кто этотъ Флегонтъ?—строго произнесъ слѣдователь.—Вы знаете, что вы обязаны отвѣчать мнѣ, какъ самому Богу, и что за ложное показаніе будете отвѣчать по всей строгости законовъ.

Неизвѣстно почему Коневецкій воображалъ, что запугиваніе свидѣтеля лучшее средство добиться истины.

— Да Флегонтъ Парѳеновъ, извѣстное дѣло, первый озорникъ на всемъ селѣ,—сказалъ староста.

— Но чѣмъ же вы можете подтвердить свое показаніе?—продолжалъ слѣдователь все съ большею торжественностью.

— Мужики стали теперь одинъ за другимъ входить въ избу, сперва кланялись образамъ въ чистомъ. углу, потомъ, вздыхая, отвѣшивали поклонъ и начальству.

— Куда лезете!—осаживалъ ихъ письмоводитель.—Можете постоять и на улицѣ. Вызовутъ, когда будетъ надо.

Но Коневецкій тотчасъ опѣшилъ передъ собравшеюся кучкой крестьянъ. Онъ не зналъ, выслать ли ихъ обратно на улицу, чтобы продолжать допросъ Филиппа,

или тутъ же допросить одного изъ нихъ и котораго именно. Не зная, какъ приступить къ дѣлу, онъ всталъ, закурилъ папироску и принялся вертѣть въ рукахъ исписанные листы показаній.

— Вызвать сюда Флегонта Парѳенова, — съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосѣ приказалъ онъ тощему мужичку съ медалью на груди. Это былъ десятскій.

— Флегонтъ Парѳеновъ здѣсь, ваше благородіе, на крыльцѣ стоитъ,—проговорилъ онъ пискливымъ голоскомъ.

Мужички переглянулись.

Флегонтъ, въ своей неизмѣнной красной рубахѣ, тотчасъ вошелъ самоувѣренно и бойко и сталъ передъ самымъ Коневецкимъ, глядя ему прямо въ лицо. Это еще болѣе смутило уже начинавшаго терять голову слѣдователя, и онъ даже забылъ, что надо очистить комнату отъ прочихъ свидѣтелей.

— Идите же, чего стоите, — вмѣшался въ дѣло письмоводитель.—Нельзя всѣхъ разомъ допрашивать.

Въ эту самую минуту въ избу вошелъ исправникъ. Онъ любезно расшаркался съ Коневецкимъ и усѣлся на лавкѣ у стѣны.

— Позволите мнѣ присутствовать? — спросилъ онъ съ притворною почтительностью.

Мужики все не двигались съ мѣста.

— Какъ же, какъ же, сдѣлайте одолженіе, — проговорилъ робѣвшій Коневецкій.

— У васъ, я вижу, дѣло ужъ очень подвинулось,— продолжалъ все также насмѣшливо Амфилохій Никандровичъ, доставая папироску.— Свидѣтелей разомъ изволите допрашивать?

— Да нѣтъ же, это такъ только... Стоятъ почему-то. Ступайте,—нерѣшительно и тихо обратился Коневецкій къ мужикамъ.

— Вы слышите, что приказываетъ господинъ слѣдователь? ступайте! — повторилъ исправникъ приказаніе, но несравненно громче и повелительнѣе.

Мужики тотчасъ повиновались, и начался допросъ Флегонта. Онъ рѣшительно отрицалъ всякое участіе въ поджогѣ.

— Изволите видѣть, ваше благородіе, — объяснялъ онъ, встряхивая кудрями,—какъ примѣтилъ я зарево со стороны барскаго гумна, побѣжалъ туда съ народомъ. А больше ничего не знаю.

Большаго Коневецкій отъ него не добился. Онъ, очевидно, не зналъ, какъ обойти упорное и голое отрицаніе Флегонта. Амфилохій Никандровичъ что-то насвистывалъ.

— Вы грамотный?—спросилъ Коневецкій послѣ нѣсколькихъ безразличныхъ вопросовъ.

— Какъ же, грамотѣ ученъ.

— Такъ подпишите свое показаніе.

— Флегонтъ медленно, стискивая въ пальцахъ данное ему перо, вывелъ на листѣ бумаги свою кривую подпись и вышелъ, лишній разъ тряхнувъ кудрями. Коневецкій сталъ отирать свой вспотѣвшій лобъ.

— Кого теперь прикажете вызвать? — равнодушно спросилъ письмоводитель.

— Да кого, я, право, не знаю.

— На спискѣ значится первымъ Исай Терентьевъ.

— Ну такъ, пожалуй, Исая Терентьева.

Вызванные свидѣтели появлялись одинъ за другимъ. Обычною чередой ставились вопросы: ваше имя? сколько вамъ лѣтъ? православнаго исповѣданія? подъ судомъ не были?—и получались замѣчательно однообразныя показанія. Всѣ одинаково видѣли пожаръ и никто ровно ничего не зналъ о его причинѣ. „Слышу я, батюшка,— говорилъ слѣдователю какой - нибудь Кузьма, или Михей или Савелій, — стучится ко мнѣ кто-то въ окно. Вставай, говоритъ, братъ, у господъ на гумнѣ загорѣлось. Вижу, горятъ барскія скирды. Село-то наше все ужъ на ногахъ. Ну, и побѣжалъ я, значитъ, въ господскую усадьбу“. Затѣмъ на повторявшіеся все тѣ же вопросы Коневецкаго слѣдовалъ все тотъ же разсказъ,

какъ явились на пожаръ сперва староста Филиппъ съ рабочими, а за ними и господа, какъ потомъ огонь перекинуло на деревню, и все это испещрялось безчисленными вздохами и восклицаніями.

Цѣлые три часа прошло въ этихъ разспросахъ, а разъясненіе дѣла не двигалось ни на шагъ. Усталый Коневецкій все чаще прикладывалъ носовой платокъ къ вспотѣвшему лбу. Въ ушахъ его уже безсмысленно звучали однообразно повторявшіяся слова. Какая-то муха неугомонно вертѣлась около него; то она жужжала надъ его головой, то садилась къ нему на носъ или на лежавшій передъ нимъ листъ бумаги. Онъ даже пересталъ уже отмахиваться отъ нея, все болѣе отдаваясь полному отупѣнію. Исправникъ со своего мѣста слегка посмѣивался, а иногда подходилъ къ письмоводителю и пробѣгалъ написанныя показанія.

Наконецъ чаша была испита до дна. Послѣдняго свидѣтеля отпустили. Коневецкій вдругъ почувствовалъ необыкновенную потребность въ чьемъ-либо сочувствіи.

— Вы не повѣрите, Амфилохій Никандровичъ,—сказалъ онъ, глубоко вздыхая,—что за каторжная должность! Толкуешь по цѣлымъ днямъ съ этими олухами, а хоть бы одно получить отъ нихъ показаніе, идущее къ дѣлу.

Онъ всталъ и вмѣстѣ съ письмоводителемъ принялся собирать исписанные листы.

Исправникъ разсмѣялся.

— А вы бы хотѣли чтобъ они вамъ всю правду, какъ на ладони, выложили... Что-жъ, полагаете этимъ кончить?—добавилъ онъ, увидавъ, что Коневецкій укладываетъ бумаги въ портфель.

— Еще бы! Сдѣлаю постановленіе о прекращеніи слѣдствія...

— За неотысканіемъ виновнаго, конечно?—сталъ уже явно подтрунивать Амфилохій Никандровичъ.—А, вѣдь, виновный-то у васъ налицо.

— Какъ налицо? — съ недоумѣніемъ воскликнулъ озадаченный Коневецкій.

— А Флегонтъ? Вѣдь, у васъ имѣются показанія старосты Филиппа?

— Показанія, никѣмъ не подтвержденныя...

Коневецкій начиналъ сердиться.

— Еще бы вы захотѣли, чтобы мужики вамъ на одного изъ своихъ показали! Хорошо же вы ихъ знаете! Да, вѣдь, онъ первымъ бы долгомъ счелъ доносчику краснаго пѣтушка подпустить.

— Что-жъ изъ этого?..

Коневецкій вручилъ письмоводителю до крайности переполненный бумагами портфель и облекся во всю величавую холодность судейскаго достоинства.

— Какъ что? Да вы бы тутъ же безъ дальнѣйшихъ разговоровъ Флегонта этого приказали арестовать. Тогда бы посмотрѣли, какъ заговорили бы мужички. А то, извѣстное дѣло, боятся.

— Вы хотите, чтобъ я лишилъ свободы человѣка по голословному оговору одного свидѣтеля!—воскликнулъ Коневецкій, весь проникнутый уваженіемъ къ правамъ Флегонта.—Такъ могла поступать въ прежнія времена полиція...

— За то и умѣла она получше васъ находить виновныхъ,—въ свою очередь разгнѣвался исправникъ и мысленно добавилъ: „насовали вездѣ этихъ молокососовъ и удивляются потомъ, что преступники гуляютъ на свободѣ!“ — Пойдемте, однако,—добавилъ онъ, — не сидѣть же намъ вѣчно въ этой вонючей избѣ.

Они вмѣстѣ направились къ дому, обмѣниваясь колкими замѣчаніями о сравнительныхъ достоинствахъ старыхъ и новыхъ учрежденій. А письмоводитель, слѣдовавшій за ними съ тяжелымъ портфелемъ подъ мышкой, производилъ любознательныя наблюденія надъ курами, искавшими въ навозѣ овсяныхъ зеренъ.

Жандармъ Вохинъ, завидѣвъ исправника, бросился къ нему на встрѣчу съ сіяющимъ лицомъ.

— Привелъ, ваше высокоблагородіе,—объявилъ онъ прикладывая руку къ фуражкѣ.

— Что такое? Кого привелъ?—насупивъ брови спросилъ Амфилохій Никандровичъ.

— Самаго этого, ихняго, значитъ, главнаго командира,—отвѣтилъ Вохинъ.

— Какъ? Нерадовича?—живо воскликнулъ исправникъ.—Молодецъ, коли такъ. Да гдѣ жь ты его нашелъ?

— На постояломъ дворѣ нашелъ. По всѣмъ примѣтамъ выходитъ онъ.

— Да гдѣ же онъ, гдѣ? Смотри, чтобы не убѣжалъ.

— На конюшню его заперъ, въ пустое стойло. Ничего, не убѣжитъ, не извольте безпокоиться.

Амфилохій Никандровичъ живо вошелъ въ контору и въ ожиданіи Нерадовича принялся разсматривать фотографическія карточки агитатора, не дававшагося въ руки полиціи. Коневецкій послѣдовалъ туда за нимъ, крайне интересуясь наконецъ увидѣть воочію одну изъ тѣхъ загадочныхъ личностей, о которыхъ всѣ такъ много толковали.

Минутъ чрезъ пять снова явился Вохинъ. Онъ тащилъ старичка, едва волочившаго ноги, со связанными руками, одѣтаго въ какое-то невообразимое рубище, на которомъ едва уцѣлѣли двѣ болтавшіяся костяныя пуговицы.

— Какъ, это Нерадовичъ?!—изумился Амфилохій Никандровичъ, увидавъ измятое, безобидное лицо старика, ничуть не похожее на лежавшія на столѣ фотографіи. Коневецкій прыснулъ со смѣха.

— Ты Нерадовичъ?—уже прямо къ нему обратился исправникъ.

— Ась?—проговорилъ старикъ, прикладывая ладонь къ правому уху.—Про какого это Нерадовича изволите спрашивать, ваше благородіе? Я бывшій здѣшній сельскій учитель, по фамиліи Сикофантовъ. Меня Дмитрій Алексѣевичъ уволили, можно сказать, ни за что ни про что, по навѣту злыхъ людей.

Старикъ бы непремѣнно развелъ руками, еслибъ онѣ не были у него связаны.

— Это мы еще увидимъ!—Амфилохій Никандровичъ ударилъ кулакомъ по столу.—Вы всѣ мастера запираться

Но исправникъ тотчасъ сообразилъ, что хотя не мѣшаетъ, конечно, поддержать авторитетъ полиціи, однако, въ данномъ случаѣ не могло быть сомнѣнія въ грубой ошибкѣ со стороны Вохина...

— Я сейчасъ вернусь,—сказалъ онъ, схвативъ фуражку.—А ты съ нимъ подожди здѣсь,—приказалъ онъ жандарму и крупными шагами направился къ дому.

На его лицѣ не было уже и тѣни самодовольства, когда онъ вошелъ въ гостиную. Упрашивая Дмитрія съ нимъ пойти въ контору, чтобъ удостовѣрить личность арестованнаго, Амфилохій Никандровичъ, что называется, поджалъ хвостъ.

— Какъ?—разсмѣялся Дмитрій, увидавъ Сикофантова:—вы его могли принять за политически опаснаго человѣка?—Можете его отпустить на всѣ четыре стороны.

Дмитрій разсказалъ исторію объ увольненіи старика. Какъ ни тяжело было у него на душѣ въ этотъ день, арестъ Сикофантова разсмѣшилъ и его.

Амфилохій Никандровичъ, однако, былъ видимо раздраженъ неудачей, тѣмъ болѣе, что Коневецкій не щадилъ его, глумясь надъ посрамленіемъ полиціи.

— Пустить его на всѣ четыре стороны, Дмитрій Алексѣевичъ,—обидчиво сказалъ исправникъ, — я не могу безъ разрѣшенія начальства. Не безъ повода же его задержали. Скажи,—обратился онъ къ жандарму,—зачѣмъ ты его задержалъ?

— Да какъ же, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ сконфуженный Вохинъ,—вижу я, человѣкъ не въ своемъ видѣ болтается возлѣ постоялаго двора, а одѣтъ не по мужицкому. Подхожу я къ нему и говорю: „кажи свой паспортъ“, потому мнѣ велѣно всегда первое дѣло паспортъ спрашивать, — а у него паспорта и нѣтъ. Затерялъ, говоритъ. Ну, значитъ, онъ и есть главный безобразникъ...

Исправникъ остановилъ расходившагося Вохина и сказалъ Сикофантову, что его отведутъ въ арестантскую при полиціи.

— Много вамъ благодаренъ,—въ отвѣтъ на это поклонился старикъ, — по крайней мѣрѣ буду знать, гдѣ голову сложить. А что, позвольте узнать, ваше благородіе, какое мнѣ тамъ будетъ отпускаться содержаніе?

Но Амфилохій Никандровичъ на это не отвѣтилъ и, приказавъ Вохину отвезти Сикофантова въ городъ на телѣгѣ, самъ поспѣшилъ уѣхать. На этотъ разъ онъ покидалъ Бѣлые Столбы въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Въ умѣ его зарождались самыя фантастическія подозрѣнія и онъ лелѣялъ ихъ съ какимъ-то особымъ удовольствіемъ. „Надо ухо держать востро“, думалъ онъ, и перебирая все слышанное имъ въ Бѣлыхъ Столбахъ, съ неодобреніемъ припоминалъ нѣкоторыя слова Дмитрія. „Кто бы могъ подумать, что въ домѣ такой почтенной особы, какъ Анна Григорьевна“... Онъ все рѣшительнѣе приписывалъ Дмитрію свою неудачу въ отысканіи Нерадовича и готовъ былъ даже видѣть въ его заступничествѣ за Сикофантова какіе-то неблагонамѣренные поводы. Въ тотъ же вечеръ, разговаривая въ клубѣ съ мѣстнымъ голубымъ полковникомъ, Амфилохій Никандровичъ передалъ ему свои недоумѣнія относительно семьи Корецкихъ.

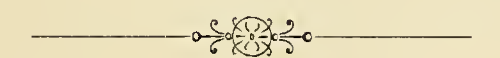
А юный птенецъ правовѣдѣнія, отдохнувъ и подкрѣпившись обѣдомъ, ускакалъ между тѣмъ въ Черные Хутора и тамъ блистательно повелъ слѣдствіе надъ Гондзевскимъ. Неудача съ крестьянами возбудила въ немъ охоту къ обвиненію. Коневецкій не сомнѣвался уже болѣе въ достаточности уликъ. Да кстати онѣ и были довольно убѣдительнаго свойства. Свидѣтели показали, что полякъ нѣсколько разъ грозился убить Дмитрія, и подтвердили, что его не было дома какъ разъ въ то время, когда былъ данъ выстрѣлъ. Словомъ, Коневецкій очень скоро убѣдился въ его виновности, а главное его тянуло домой, и въ тотъ же вечеръ онъ далъ приказъ о заключеніи Гондзевскаго въ мѣстный тюремный замокъ.

ВНѢ КОЛЕИ.

К. Головинъ (К. Орловскій).

ВНѢ КОЛЕИ

РОМАНЪ

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86
1902

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XVI.

Елена на слѣдующій день заѣхала освѣдомиться о здоровьѣ Анны Григорьевны. Завидѣвъ ея коляску изъ окна своей комнаты, Володя тотчасъ бросился на крыльцо. Онъ надѣялся увидать Женичку, но Женички не было, и на лицѣ молодого человѣка читалось явное разочарованіе, когда лихая четверка подкатила къ дому экипажъ. Елена протянула ему руку съ тою же дружескою непринужденностью, какая была въ ея обращеніи съ нимъ въ первое время ихъ знакомства. Вся она, казалось, была олицетворенное участіе, такъ искренно звучали ея вопросы и такъ сочувственно и тепло глядѣли ея красивые, мягкіе глаза.

— Нѣтъ, Владиміръ Алексѣевичъ, я не войду къ вамъ,—отвѣчала она на убѣжденія молодого человѣка. Къ матушкѣ вашей меня, конечно, не пустятъ; да чужіе въ такихъ случаяхъ только мѣшаютъ. Но, пожалуйста, какъ скоро наступитъ перемѣна къ лучшему, вы меня извѣстите. Я, впрочемъ, сама буду наѣзжать.

Володя разсыпался въ выраженіяхъ благодарности.— Все его раздраженіе противъ Елены разлетѣлось какъ дымъ, и онъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобъ эта милая, очаровательная женщина, отъ которой такъ и вѣяло обаяніемъ, могла стоять ему поперекъ дороги къ счастью.

— Надѣюсь,—продолжала она,—что до моего отъѣзда все уладится. Вы знаете, что недѣли черезъ двѣ мы думаемъ ѣхать за границу.

Послѣднія слова она проговорила точно мимоходомъ. какъ будто они касались чего-то безразличнаго и давно всѣмъ извѣстнаго. Но Володю они кольнули въ самое сердце.

— Вы уѣзжаете?—воскликнулъ онъ, не скрывая своего волненія.

— Неужели я вамъ про это не говорила?.. Мы ѣдемъ куда-нибудь на морскія купанья.

Володя теперь сообразилъ, что въ присутствіи Елены надо притворяться, будто извѣстіе это его не особенно трогаетъ и сожалѣніе онъ выражаетъ изъ одной только вѣжливости. Ему не удалось, однако, тотчасъ пріискать подходящую фразу, и, какъ оно часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, онъ ухватился за попавшуюся ему на умъ бездѣлицу. вовсе не интересную ни для него, ни для Елены.

— А у меня, представьте себѣ,—проговорилъ онъ, съ принужденною живостью,—есть ваши книги, которыя я все еще не успѣлъ возвратить.—Я сейчасъ за ними схожу, если позволите...

— Какъ хотите, но вамъ, право, не зачѣмъ спѣшить,—улыбнулась ему въ отвѣтъ Елена, понимавшая какъ нельзя лучше, что книги понадобились Володѣ для того только, чтобы скрыть свое смущеніе. Но Володя настоялъ на своемъ, и съ необычайнымъ усердіемъ принялся отыскивать книги. Это были два тома стихотвореній Мюссе: долго онъ ихъ не могъ найти. Десять разъ онъ проходилъ мимо того мѣста въ столовой, гдѣ давно нечитанная лежала одна изъ книгъ Мюссе, и не примѣчая ее Володя старался рѣшить мучительный вопросъ: что же будетъ послѣ и не разрушено ли навсегда его будущее. Но въ то же время онъ твердилъ себѣ, что счастья своего онъ не отдастъ безъ боя, что какимъ-то неизъяснимымъ чудомъ все это устроится

къ лучшему. Вдругъ онъ увидѣлъ книгу, какъ будто она только-что очутилась передъ нимъ, и тутъ же припомнилъ, что второй томъ взяла къ себѣ Надя. Онъ побѣжалъ въ ея комнату—Нади тамъ не было. Книга лежала на старинномъ комодѣ изъ краснаго дерева. Онъ схватилъ ее и поспѣшно вернулся къ Еленѣ Михайловнѣ, не замѣтивъ, что между листовъ заложенъ какой-то конвертъ. Горничная Мавра, убирая комнату барышни, разъ нашла книгу раскрытою, и, вмѣсто закладки, сунула въ нее случайно попавшее ей подъ руки письмо.

Володя хотѣлъ извиниться, что такъ долго промѣшкалъ съ книгой, но не сдѣлалъ этого, увидавъ, что Елена разговариваетъ съ его братомъ.

Дмитрій не зналъ о ея пріѣздѣ и, возвращаясь домой съ поля, очень удивился при видѣ ея коляски. Еще болѣе, конечно, его поразилъ бы спокойный дружескій тонъ, которымъ Елена съ нимъ заговорила, еслибъ онъ издавна не зналъ, какъ хорошо она владѣетъ собою. И онъ мысленно поблагодарилъ ее за то, что своимъ обращеніемъ она какъ будто вычеркиваетъ самую память о недавнемъ прошломъ.

Елена поблагодарила Володю и съ полнымъ равнодушіемъ положила книгу съ собою рядомъ въ коляску.

— Мы еще увидимся, конечно, нѣсколько разъ увидимся,—сказала она Дмитрію, прощаясь.

Анна Григорьевна, между тѣмъ, не поправлялась. Она лежала въ какомъ-то полузабытьи, словно умъ ея и воля застыли въ оцѣпенѣніи, и жизнь въ ней лишь тлѣла, какъ тлѣетъ свѣтильня за недостаткомъ масла. Въ такомъ состояніи прошли цѣлыхъ два дня. Зловѣщее сознаніе опасности медленно подкрадывалось ко всѣмъ членамъ семьи. На третій день больной стало хуже; она почти не могла говорить, не принимала пищи, и мысли у нея, очевидно, путались. Докторъ не произносилъ рѣшающаго слова, но всѣ въ домѣ понимали, что слово это было—воспаленіе мозга. Для всѣхъ ихъ

жизнь будто притаилась и замерла. Она вся сосредоточилась на одной общей имъ заботѣ. А между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, и каждый новый день приносилъ новыя требованія.

Объ отъѣздѣ Нади, разумѣется, не было и рѣчи: она не считала себя въ правѣ покинуть тетку, пока не миновала опасность. Но она и Дмитрій, какъ бы сговорившись, не упоминали о своей помолвкѣ, точно они считали себя обязанными передъ больною забыть на время про будущее. Всякое слово любви показалось бы имъ теперь чѣмъ-то безчестнымъ, какъ будто въ немъ было злоупотребленіе довѣріемъ той безпомощной теперь женщины, чья воля еще такъ недавно противилась ихъ счастью.

Вѣсть о пажарѣ въ Бѣлыхъ Столбахъ и о болѣзни Анны Григорьевны быстро разнеслась по уѣзду. Каждый день Корецкихъ навѣщалъ кто-нибудь изъ сосѣдей, въ томъ числѣ не преминулъ прикатить на тройкѣ кровныхъ рысаковъ тучный предводитель Уховъ. Онъ вовсе не былъ привычнымъ гостемъ въ Бѣлыхъ Столбахъ, но счелъ долгомъ выразить ихъ хозяевамъ приличное соболѣзнованіе. Дмитрію эти наѣзды причиняли не малую скуку. Но дѣлать было нечего. Приходилось терпѣливо выслушивать и не менѣе терпѣливо повторять все тѣ же объясненія.

— Честь вамъ и слава, Дмитрій Алексѣевичъ,—началъ густымъ басомъ свое привѣтствіе Уховъ,—вы примѣръ намъ всѣмъ показали. Рѣдко кому удается въ такомъ случаѣ не потерять головы.

Аркадій Степановичъ, тяжело дыша, опустился въ предложенное ему кресло. Ему по крайней мѣрѣ Дмитрій могъ не разсказывать о бывшемъ пожарѣ.

— Знаю, про все знаю,—проговорилъ онъ съ любезнымъ, словно ободряющимъ, движеніемъ руки,—и про ваше присутствіе духа, и про то, можно сказать, рѣдкое самоотверженіе, съ которымъ вы бросили собственное добро, чтобъ идти спасать погорѣльцевъ!

Чуть замѣтная ироническая нотка звучала въ этихъ похвалахъ.

Дмитрій въ отвѣтъ только забарабанилъ пальцами по столу.

— Тяжелыя времена настаютъ,—продолжалъ Аркадій Степановичъ, — ухо востро держать надо, доложу вамъ, съ мужиками... Вѣдь у меня тоже, вы слыхали народъ зашевелился. Только я насчетъ этого, вы знаете, безъ церемоніи; по старинному, послалъ за полиціей; исправникъ, разумѣется, самъ явился и сейчасъ же отыскалъ у кого были, ну, тамъ прокламаціи разныя: онъ на этотъ счетъ молодецъ. Человѣкъ съ десятокъ при сей вѣрной оказіи взяли... были они виноваты или нѣтъ, не знаю, да это все равно, больше для острастки...

Аркадій Степановичъ пустился въ соображенія о томъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ пресѣкать зло въ самомъ началѣ, и по этому поводу мимоходомъ намекнулъ, что и въ Бѣлыхъ Столбахъ должно-быть не обошлось безъ чужого подстрекательства.

— Напрасно это вы, Дмитрій Алексѣевичъ,—заключилъ онъ вкрадчивымъ тономъ свою рѣчь, — съ народомъ такъ мягко поступили. Конечно, не мое это дѣло,— поспѣшилъ онъ добавить, замѣтивъ признаки нетерпѣнія на лицѣ Дмитрія,—вы поступили очень, очень благородно, простивъ мужикамъ такъ великодушно. Но только, воля ваша, послушайте меня, старика (когда Аркадій Степановичъ принимался за увѣщанія, онъ неизвѣстно почему величалъ себя старикомъ), потачки народу давать не слѣдуетъ. Вы, я слышалъ, мужикамъ земельку даже отдали подешевле, такъ, изъ милости. Разумѣется, вы богатый человѣкъ, гдѣ намъ съ вами тягаться (Уховъ не прочь былъ пѣть Лазаря, несмотря на свое отличное состояніе), но все же, доложу вамъ, нехорошій это примѣръ...

И Аркадій Степановичъ грустно покачалъ головой.

— Я и не разсчитываю, чтобы нашлись охотники

примѣру этому послѣдовать,— разсмѣялся ему Дмитрій въ отвѣтъ.

Уховъ будто бы не замѣтилъ намека.

— Надо подумать о будущей Управѣ, — объявилъ онъ послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній довольно туманнаго свойства о нуждахъ земства вообще и необходимости дружнаго согласія всѣхъ порядочныхъ людей.

— Я думаю лучшаго состава и желать нельзя, — былъ обязательный отвѣтъ Дмитрія.

Уховъ сталъ пожимать съ чувствомъ его руку.

— Ахъ, нѣтъ, Дмитрій Алексѣевичъ, видитъ Богъ я ни за что не пойду... и вотъ потому намъ съ вами надо согласиться впередъ, чтобы не выскочилъ какой-нибудь шумовой кандидатъ. Это бываетъ-съ, очень часто бываетъ-съ... А, пожалуй, можетъ выйти и нѣчто хуже; чего добраго, у насъ красные возьмутъ верхъ на собраніи и мужиковъ подобьютъ. А это значитъ десять копѣекъ лишнихъ съ десятины накинутъ. Посмотрите, что въ иныхъ земствахъ дѣлается (Аркадій Степановичъ привелъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ ужасовъ, къ которымъ приводитъ господство въ земствѣ такъ-называемыхъ красныхъ). Нашъ уѣздъ пока Богъ миловалъ; былъ у насъ Дровнинъ, да еще два три балагура. Ну, мы имъ въ угоду иногда на школу какую-нибудь сотенку накинемъ, или акушерку тамъ выпишемъ, больше для потѣхи; пусть себѣ радуются, читая въ газетахъ, что наше земство себя выказало съ отличной стороны, ну, знаете тамъ, современное направленіе, духъ времени... (Уховъ расхохотался, но тотчасъ же принялъ опять сосредоточенное выраженіе). А теперь ужъ не то. Вы видѣли каковы были выборы.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Я думаю, вы напрасно тревожитесь,—спокойно возразилъ Дмитрій.—Суходеревскій,—такъ звали кандидата лѣвой,—слишкомъ богатый человѣкъ.

— Эхъ, батюшка,—перебилъ его Уховъ, — богатство

тутъ ни при чемъ! Надо себя показать, чтобъ имѣть право либеральнымъ козыремъ ходить по городу, да попасть въ категорію опасныхъ. Вѣдь, у насъ теперь это почти что почетная должность выходитъ. Да и такіе есть у насъ господа, что словно боятся какъ бы ихъ тамъ въ газетахъ не прописали, или барынька какая-нибудь сумбурная не назвала бы ретроградомъ. Пуще огня боятся, право!

Разговоръ грозилъ затянуться, но Уховъ не увлекался и не упускалъ изъ виду намѣченной цѣли. Онъ и теперь вернулся къ ней окольнымъ путемъ, убѣждая Дмитрія сплотиться съ нимъ для отпора зловредному направленію.

— Вы, такъ-сказать, сила для земства,— провозгласилъ онъ.—И не могу не повторить еще разъ, что грѣшно вамъ отказываться отъ должности. Вамъ, какъ человѣку просвѣщенному и богатому, слѣдуетъ быть у насъ предводителемъ. А мнѣ пора отдохнуть.

Отвѣтъ Дмитрія, повидимому, успокоилъ Аркадія Степановича, такъ рѣшительно и откровенно высказанъ былъ отказъ. Уховъ въ чужихъ словахъ хорошо умѣлъ отличать оттѣнокъ искренности. Но за то Дмитрій ему не далъ никакихъ обѣщаній насчетъ будущаго союза съ нимъ въ собраніи.

— Позвольте мнѣ сначала осмотрѣться, — сказалъ онъ.—Мнѣ трудно судить заранѣе о дѣлѣ, въ которомъ я до сихъ поръ не участвовалъ.

Аркадій Степановичъ вздохнулъ, похвалилъ Дмитрія за осторожность, которая такъ рѣдко бываетъ въ молодые годы, а про себя, между тѣмъ, подумалъ, что Дмитрій тоже, вѣроятно, изъ нахватавшихся либеральной дури.

„Должно быть правду говорилъ про него въ клубѣ исправникъ,—рѣшилъ Уховъ,—что по его же милости успѣли во-время скрыться эти нигилисты.“

И пріѣхавъ въ городъ на засѣданіе съѣзда, онъ сталъ распускать про Дмитрія слухи, представлявшіе

его почти какъ сообщника тѣхъ, кто поджигалъ его же хлѣбъ.

Ровно двадцать четыре часа спустя въ Бѣлые Столбы въѣзжала другая, менѣе кровная, но тоже сытая тройка, и у крыльца дома изъ тарантаса высунулась тощая, строгая фигура Алексѣя Алексѣевича Суходеревскаго. Предводитель земской лѣвой, поправивъ на носу золотые очки, ровными, чуть слышными шагами послѣдовалъ въ гостиную за Терентіемъ. Дмитрія слегка удивило это посѣщеніе: Алексѣй Алексѣевичъ въ Бѣлыхъ Столбахъ не бывалъ никогда. Но цѣль его пріѣзда скоро разъяснилась. Всегда сдержанный и холодный, Алексѣй Алексѣевичъ не тратился на лишнія слова. Послѣ короткаго вступленія, посвященнаго, какъ водится, огульному плачу надо всѣмъ, что творится на Руси, Суходеревскій выразилъ увѣренность, что Дмитрій, въ качествѣ представителя молодого поколѣнія, примкнетъ къ передовой части мѣстнаго земства.

— Вашъ поступокъ съ крестьянами даетъ намъ право на это разсчитывать, — сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣтилъ Дмитрій, — я оказался передовымъ, самъ того не подозрѣвая.

Эти слова слегка озадачили Алексѣя Алексѣевича. Онъ снова поправилъ на носу очки и, должно быть ободренный этимъ, продолжалъ:

— Вы не могли не замѣтить, что и въ нашемъ уѣздѣ, какъ почти вездѣ въ Россіи, существуетъ партія, тормозящая наше развитіе...

„Такъ, подумалъ Дмитрій, одно изъ любимыхъ казенныхъ словечекъ уже налицо.“

Не долго пришлось ожидать и остальныхъ. Сухая рѣчь Алексѣя Алексѣевича, при всей своей сдержанности, была словно начинена избранными терминами, какъ „прогрессъ, меньшая братія, единеніе съ народомъ, уравненіе правъ и т. д.“. Все это произносилось безжизненно и ровно, какъ заученная проповѣдь.

— И всѣмъ этимъ прекраснымъ вещамъ, стало быть,—

сказалъ Дмитрій,—не даетъ здѣсь укорениться зловредная дѣятельность Аркадія Степановича Ухова съ братіей.

— Я никого не называлъ,—оговорился Алексѣй Алексѣевичъ.—У насъ въ уменьшенномъ видѣ повторяется то же, что и въ цѣломъ государствѣ.

— И вы меня приглашаете подъ вашимъ знаменемъ сразиться съ духомъ тьмы, такъ-ли?

Но, должно быть, Алексѣй Алексѣевичъ понялъ, что мало надежды на желанный союзъ. По крайней мѣрѣ, онъ не продолжалъ уже своего передового плача и, сдѣлавъ нѣсколько вѣскихъ замѣчаній насчетъ погоды, поднялся съ мѣста. Провожая его, однако, Дмитрій самъ вернулся къ оставленной имъ темѣ.

— Вы предлагали мнѣ примкнуть къ вашей партіи,—сказалъ онъ, пожимая руку гостю.—Откровенно говоря, въ земствѣ я никакихъ партій не признаю. Бываютъ пустыя, бываютъ и хорошія предложенія, и сколько мнѣ извѣстно, ни на тѣ, ни на другія привилегіи не дано никому. Позвольте же мнѣ всякій разъ присоединяться къ дѣльной мысли, откуда бы она ни исходила.

Это безпристрастіе не пришлось по вкусу Алексѣю Алексѣевичу, и при каждомъ удобномъ случаѣ онъ сталъ расписывать Дмитрія самыми черными красками.

Между тѣмъ, слухи, пущенные Амфилохіемъ Никандровичемъ и Уховымъ, не пропали безслѣдно для губернскаго начальства. Жандармскій полковникъ имѣлъ даже по ихъ поводу долгое совѣщаніе съ Боровскимъ, у котораго онъ давно привыкъ искать вдохновенія. Николай Осиповичъ выслушалъ съ обычнымъ полунасмѣшливымъ хладнокровіемъ недоумѣніе мѣстнаго представителя всевидящаго ока. „Вотъ нашли кого заподозрить“, разсмѣялся онъ мысленно надъ рвеніемъ полковника. Боровской не счелъ, однако, нужнымъ разувѣрять его.

— По-моему,—сказалъ онъ только,—намъ рѣшительно нѣтъ дѣла до споровъ крестьянъ со своими помѣщиками. Мы обязаны вступаться тамъ лишь, гдѣ есть поводъ опасаться чего-либо направленнаго противъ госу-

дарственной власти, какъ было, напримѣръ, въ Златоустовѣ.

— Да тамъ оказались совершенные пустяки,—возразилъ полковникъ.

— Можетъ-быть; а коли въ Бѣлыхъ Столбахъ вы думали найти нѣчто болѣе существенное, вольно же было полиціи выпустить изъ рукъ настоящихъ виновныхъ.

Сказавъ это, Боровской ехидно улыбнулся.

— Да въ томъ-то и дѣло, Николай Осиповичъ, что настоящимъ виновнымъ помогли укрыться. Развѣ вы находите поведеніе Корецкаго не подозрительнымъ?

Николай Осиповичъ чуть замѣтно повелъ плечами.

— Судить объ этомъ предоставляю вамъ, — сказалъ онъ.

— А присутствіе въ домѣ Анны Григорьевны этой бывшей нигилистки вамъ кажется совершенно въ порядкѣ вещей?—продолжалъ расходившійся полковникъ;— и если сопоставить всѣ странныя обстоятельства...

Онъ принялъ необыкновенно сосредоточенный видъ.

— Я не сомнѣваюсь, что вы сумѣете изо всего этого вывести надлежащее заключеніе,—отвѣтилъ Боровской съ легкимъ наклоненіемъ головы.

Отъ Николая Осиповича полковникъ тотчасъ поскакалъ къ губернатору. Но ему не удалось возмутить спокойствіе областного начальника. Его превосходительство, по характеру склонный къ мягкости, какъ почти всѣ охотники до дамскаго общества, былъ изъ числа тѣхъ администраторовъ, которые въ глубинѣ души убѣждены въ собственномъ безсиліи. Долголѣтняя опытность научила его ожидать крайне малаго отъ самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятій, и, управляя губерніей, онъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ двѣ цѣли—обильное составленіе благотворительныхъ подписокъ и исправное собираніе податей. Опасенія полковника онъ встрѣтилъ покачиваньемъ головы. Анну Григорьевну онъ зналъ уже давно, бывалъ даже иногда у нея въ домѣ. И въ

ея-то семьѣ искали тайнаго сочувствія агитаціи, потому только, что она взяла къ себѣ племянницу съ прошлымъ слегка загадочнаго свойства!

Полноте,—добродушно успокаивалъ онъ полковника,—статочное ли дѣло, восемнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ бояться?.. Да еще такихъ хорошенькихъ,—добавилъ онъ, припомнивъ, что Надя произвела на него своею наружностью самое выгодное впечатлѣніе.

Когда, однако, дня три спустя Дмитрій заѣхалъ къ нему съ визитомъ по дѣлу о размежеваніи съ казной, тянувшемуся уже давно,- губернаторъ счелъ долгомъ освѣдомиться между прочимъ о его кузинѣ, Надеждѣ Сергѣевнѣ, о которой онъ сохранилъ такое пріятное воспоминаніе. Цѣлою сѣтью самыхъ любезныхъ фразъ его превосходительство окуталъ легкій, скользящій намекъ на то, что молодымъ дѣвушкамъ, рано оставившимъ родительскій домъ, иногда такъ трудно бываетъ избѣгать знакомства съ неудобными людьми...

Намекъ этотъ встревожилъ Дмитрія не на шутку. Вернувшись домой, онъ тотчасъ пошелъ отыскивать Надю въ саду, и, найдя ее въ бесѣдкѣ надъ оврагомъ, передалъ ей свой разговоръ съ губернаторомъ.

Надя удивленно вскинула на него глазами.

— Неужели ты думаешь,—сказала она,—что я могу переписываться съ Нерадовичемъ послѣ всего, что случилось?..

— Ты меня не поняла, Надя. У тебя можетъ-быть сохранились какія-нибудь письма, или бумаги, или даже книги, пожалуй... Все это надо уничтожить. Вѣдь не даромъ про тебя заговорилъ губернаторъ. Кто знаетъ, что они про тебя тамъ насплетничали? Чего добраго обыскъ затѣютъ.

Надя покачала головой.

— Все, что у меня было, давно сожжено ужъ въ Москвѣ. Здѣсь, правда, я получила два письма отъ Нерадовича, одно черезъ Василія, его я тоже сожгла, другое черезъ Володю. И она разсказала Дмитрію, какимъ

образомъ его младшему брату пришлось сдѣлаться невольнымъ пособникомъ Нерадовича.

— Это письмо я дѣйствительно сохранила. Вѣдь благодаря ему намъ пришлось встрѣтиться съ тобой на Ѳедотовой пасѣкѣ...

Она прямо взглянула на него своими широко-раскрытыми, откровенными глазами. Но Дмитрій слегка нахмурился, услыхавъ это.

— Надя,—сказалъ онъ,—согласишься ты мнѣ отдать это письмо?..

Ему почему-то хотѣлось порвать эту послѣднюю нить съ ея прошлымъ, словно онъ ревновалъ ее къ этому прошлому. Надя не отгадала его мысли.

— Я бы съ удовольствіемъ это сдѣлала,—отвѣтила она просто,—кабы письмо не затерялось...

Брови Дмитрія еще болѣе сдвинулись. Но молодая дѣвушка попрежнему этого не замѣтила.

— Оно лежало у меня на комодѣ, въ распечатанномъ конвертѣ,—продолжала она.—Мавра его, должно-быть, куда-нибудь кинула или заложила.

Въ искренности ея словъ нельзя было сомнѣваться; да и не сомнѣніе было въ мысляхъ у Дмитрія. Онъ просто не хотѣлъ, чтобъ оставался какой-нибудь видимый слѣдъ прежнихъ отношеній Нади къ ненавистному ему человѣку.

— Какъ ты неосторожна! Я тебя не узнаю,—сказалъ онъ.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ; такъ странно ей было слышать отъ него хотя бы малѣйшее слово укора.

— Да это совсѣмъ не важно, Дмитрій. Письмо къ тому же было безъ подписи.

Оба промолчали нѣсколько секундъ.

— Дмитрій, развѣ ты думаешь,—сказала она вполголоса, — что прошлое мнѣ можетъ быть дорого?.. Я съ отвращеніемъ теперь о немъ припоминаю. Я не могу простить себѣ, что ради меня ты далъ Нерадовичу

отсрочку. Вѣдь я виновата и въ пожарѣ, и въ болѣзни тети...

Она наклонила голову. Слезы готовы были навернуться въ ея глазахъ.

— Надя, зачѣмъ упрекать себя,—нѣжно проговорилъ Дмитрій, опускаясь возлѣ нея на скамейку. — Вѣдь я объ одной тебѣ забочусь; тебя хочу уберечь... Складки не должно быть въ твоей жизни.

И въ первый разъ послѣ ихъ объясненія ночью въ саду онъ притянулъ къ груди ея трепещущій станъ.

XVII.

Въ положеніи Анны Григорьевны совершился наконецъ давно ожидаемый поворотъ: докторъ, навѣщавшій ее каждый день, нашелъ однажды что пульсъ у больной почти нормальный, лихорадки нѣтъ и отека мозга уже нечего опасаться. Сказалъ онъ это съ подобающимъ видомъ торжества, напомнивъ, что всѣ пророчества его сбылись въ точности. Случилось это ровно двѣ недѣли спустя послѣ пожара. У всѣхъ домашнихъ, даже у прислуги отлегло на душѣ. Выздоровленіе, однако, пошло туго. Наступилъ августъ со своимъ вѣчно прозрачнымъ небомъ, на которомъ лишь гдѣ-то вдали тихо плыли бѣлыя облачки, точно оно было также гладко, какъ сама степь.

Обильный урожай былъ собранъ и свезенъ на гумно; закипѣла молотьба, зашумѣлъ паровикъ. Но хозяйка Бѣлыхъ Столбовъ, для которой въ былые годы это время было настоящимъ праздникомъ живой и неутомимой дѣятельности, на этотъ разъ оставалась совершенно безучастною къ ходу ею же заведеннаго хозяйства.

Анна Григорьевна не спрашивала даже, что дѣлалось въ имѣніи, и когда сыновья пробовали съ нею заговаривать объ этомъ, она отвѣчала имъ слабымъ кивкомъ головы, какъ будто все это ее перестало ка-

саться. День за днемъ она просиживала въ широкомъ кожаномъ креслѣ у открытаго окна, иногда бралась за вязанье или просила, чтобъ ей что-нибудь почитали, но работа скоро выпадала изъ рукъ, а выраженіе лица говорило, что прочитаннаго она даже не слыхала. Ее будто преслѣдовала одна тяжелая, неугомонная дума. Прошла еще цѣлая недѣля, пока она изъявила, наконецъ, желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ. Да и воздухъ ее не живилъ, и во время прогулки она словно избѣгала заглядывать въ сторону полей и деревни. При всемъ томъ, однако, къ близкимъ она относилась съ благодарною лаской, но и въ этомъ было что-то похожее на безпомощную покорность больного ребенка, когда его убаюкиваетъ мать. Странно и грустно было видѣть это полное отреченіе отъ жизни. Чужихъ, въ томъ числѣ и Елену, заѣзжавшую раза два, она совсѣмъ отказывалась принимать. Только Ѳедора Васильевича старушка видѣла охотно и разъ даже вела съ нимъ бесѣду, длившуюся болѣе часа. Эта бесѣда какъ будто успокоила и въ то же время оживила ее, точно Ѳедоръ Васильевичъ нашелъ отвѣтъ на какое-то мучившее ее сомнѣніе. Только послѣ его отъѣзда она подозвала къ себѣ Дмитрія и сказала, что передаетъ ему окончательно все управленіе Бѣлыми Столбами.

— Ты лучше меня поведешь дѣло, Митя. Времена теперь новыя, и люди тоже новые. Передѣлывать ихъ по-своему я не въ силахъ, а себя къ нимъ подлаживать я тоже не могу.

Сказано это было безо всякаго оттѣнка горечи, хотя на самомъ дѣлѣ это сознаніе разлада съ новыми порядками и отзывалось всего тяжелѣе на сердцѣ Анны Григорьевны. Она чувствовала, что ее постигла неудача какъ разъ въ томъ дѣлѣ, которое она знала всего лучше. Нѣчто подобное чувствуетъ, должно быть, опытный боевой генералъ, когда ему приходится на старости лѣтъ неожиданно понести непривычное пораженіе. Но признавшись открыто въ своемъ безсиліи, Анна Гри-

горьевна какъ будто почувствовала себя лучше. Дмитрій не пробовалъ возражать ей: слишкомъ очевидно было, что къ рѣшенію своему она пришла послѣ долгой борьбы и пришла безповоротно. Съ этихъ поръ она опять стала охотно говорить про дѣла съ сыномъ, давала ему даже совѣты, но, конечно, все это она дѣлала теперь съ тѣмъ, слегка порицающимъ безучастіемъ, съ которымъ говорятъ о политикѣ государственные люди, вышедшіе въ отставку.

Анна Григорьевна и теперь, однако, не была вполнѣ искренна съ близкими. На душѣ у нея оставалась другая гнетущая забота, которою она не дѣлилась ни съ кѣмъ. Ни единымъ словомъ она не упоминала про отъѣздъ Нади, хотя срокъ этого отъѣзда миновалъ давно. Съ молодой дѣвушкой она держалась неизмѣнно ровно и ласково, часто благодарила ее за то, что племянница такъ хорошо и старательно ходила за нею во время болѣзни, но во всемъ этомъ старушка намѣренно избѣгала воспоминанія о томъ, что̀ происходило между нею и Надей въ злополучный день пожара. Иногда только, когда Надя, отвернувшись отъ тетки, не могла видѣть ея лица, взглядъ Анны Григорьевны упорно приковывался къ молодой дѣвушкѣ, и въ этомъ взглядѣ были и тяжелое недоумѣніе, и грустный укоръ.

Время шло, и Аннѣ Григорьевнѣ все труднѣе и невозможнѣе казалось рѣшиться на разлуку съ Надей. Недавняя болѣзнь создала между ею и племянницей новую, хоть и безсознательную родственную связь. Нельзя же было считать чужою эту дѣвушку, которая за всѣ эти двѣ недѣли выказывала ей нѣжную привязанность дочери. Надя простила нанесенную ей обиду, какъ умѣютъ прощать тѣ лишь, кого обида затронуть не могла, потому что сами они стоятъ выше упрека. Мысль о какомъ-либо разсчетѣ со стороны Нади и не приходила на умъ Аннѣ Григорьевны. На то она слишкомъ хорошо знала Надю, знала, что ея чистое, гордое сердце никогда не спускалось до

разсчета. И теперь ей придется разстаться съ молодою дѣвушкой, отпустить ее на неизвѣстное будущее или, скорѣе, на слишкомъ извѣстную, вѣрную гибель. Съ первыми же шагами за порогъ ея дома молодая дѣвушка подпадетъ снова подъ власть, тяготѣвшую надъ ней такъ долго; да если она даже и уйдетъ отъ этой власти, развѣ ей не грозитъ другая, еще болѣе вѣрная, опасность? Развѣ ей дадутъ успокоиться и оффиціальныя подозрѣнія не станутъ тяготѣть надъ нею, не отнимутъ у нея всякую возможность освободиться отъ памяти своей прежней жизни? Чтò бы ни сдѣлала Надя, ей отъ этого прошлаго не уйти; ей неминуемо попасть на тотъ роковой путь, на которомъ погибаетъ столько горячихъ молодыхъ существъ. И все это оттого лишь, что самолюбіе тетки возмутилось отъ одной мысли о женитьбѣ на ней сына. Да, это было одно самолюбіе: всѣ доводы, казавшіеся Аннѣ Григорьевнѣ такъ убѣдительными, разлетались одинъ за другимъ. То, въ чемъ она еще такъ недавно видѣла голосъ безкорыстнаго материнскаго чувства, Анна Григорьевна стала называть теперь уже инымъ, настоящимъ именемъ... И когда она вспоминала потомъ, что отъѣздъ Нади приближается съ каждымъ днемъ, она не давала себѣ думать объ этомъ, создавала разныя отсрочки и ей самой все яснѣе становилось, что съ племянницей ее связываетъ уже не одно чувство долга, а что-то очень похожее на привязанность матери.

Она этому чувству однако поддалась не сразу. Послѣдній выводъ, на который помимо воли наталкивали ее обстоятельства, она сдѣлать не рѣшилась. Намъ часто кажется, что мы спасаемъ себѣ свободу рѣшенія потому, что упорно не хотимъ принести ту маленькую жертву, которую давно отъ себя требуемъ сами. Но Аннѣ Григорьевнѣ дорого обходился этотъ остатокъ упрямства: мысль, которую она силилась отогнать, возвращалась и все настойчивѣе требовала единственнаго возможнаго рѣшенія. Анна Григорьевна опять послала

за Томилинымъ, въ надеждѣ, что Ѳедоръ Васильевичъ поддержитъ ея слабѣвшую рѣшимость.

„Прежде я совѣта ни у кого не спрашивала“, подумала она, горько улыбаясь, когда отослала къ Томилину записку съ просьбой заѣхать въ Бѣлые Столбы.

Ѳедоръ Васильевичъ не оправдалъ ея ожиданій. Онъ горячо заступился за Надю, увѣряя, что для любимаго сына такого клада ей не найти.

— Я не смѣлъ заговорить съ вами про Надежду Сергѣевну,—сказалъ онъ.—Но у меня давно это на сердцѣ. Какъ ни пожалѣть, когда подумаешь, что она съ сынкомъ вашимъ могла бы быть такъ счастлива, а столько времени мается бѣдная!....

Томилинъ и слышать не хотѣлъ про то, что прошлое Нади могло служить помѣхой.

— Эхъ, повѣрьте мнѣ, Анна Григорьевна, кто изъ омута выбрался, тотъ по доброй волѣ въ него не вернется, развѣ его туда насильно втолкнутъ. Я, ужъ вы знаете, потакать не охотникъ всѣмъ этимъ задачамъ молодого поколѣнія, какъ у насъ теперь выражаются, а все-таки доложу вамъ, такой барышни, какъ Надежда Сергѣевна, не отыскать. Самъ готовъ, кажется, за нее въ огонь...

— Да, я вижу вы всѣ отъ нея съ ума сходите,—попробовала разсмѣться Анна Григорьевна, но у старушки не легко было на душѣ. Чѣмъ ближе она подходила къ неизбѣжной уступкѣ, тѣмъ больнѣе было передъ нею смириться.

Но болѣзнь научила ее терпѣть и пошатнула ея гордость. Физическая немощь рѣдко обходится безъ того, чтобы не смягчить черезчуръ неподатливую волю. Выслушавъ Томилина, Анна Григорьевна ничего не возразила: про себя она уже почти съ нимъ соглашалась. Вечеромъ въ тотъ же день Надя бережно вошла въ кабинетъ, гдѣ теперь Анна Григорьевна большею частью оставалась послѣ обѣда, иногда цѣлые часы просиживая въ задумчивой неподвижности. Ей случалось даже

просить, чтобъ ее оставляли одну; такъ было и въ этотъ вечеръ.

— Что̀ тебѣ?—увидавъ Надю спросила она, какъ бы оторванная отъ неугомонной думы.

— Извините, тетушка, я знаю, вы хотѣли, чтобы васъ не тревожили, но мнѣ, право, надо сказать вамъ... (голосъ Нади задрожалъ), теперь вамъ лучше и я уже здѣсь не нужна...

— Это что еще такое!—почти гнѣвно оборвала ее тетка.

— Да, мнѣ пора уѣхать, тетя. Вы помните, мы тогда рѣшили, что я останусь недѣлю... а съ тѣхъ поръ почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ.

— Ну, а если я не захочу тебя пустить совсѣмъ?...

Анна Григорьевна выпрямилась въ креслѣ, но хотя слова звучали повелительно, ласка читалась на ея лицѣ и руки ея съ легкимъ дрожаніемъ протянулись къ молодой дѣвушкѣ.

— Не захотите? Да вы же сами, тетушка...—успѣла только проговорить удивленная Надя и уже была на колѣняхъ передъ теткой, которая нѣжно притягивала ее къ себѣ и принялась цѣловать ея опущенную голову.

— Ты останешься здѣсь, Надя,—сквозь слезы проговорила Анна Григорьевна;—совсѣмъ останешься... какъ моя дочь... понимаешь теперь?

И Анна Григорьевна дала волю пробудившемуся теплому чувству, которое такъ долго сковывало растаявшее теперь упорство.

Надя не вѣрила ушамъ. Неужели счастье было такъ близко? Можетъ быть, Аннѣ Григорьевнѣ она показалась слегка холодною въ этотъ мигъ: радость не тотчасъ даетъ ростокъ въ сердцѣ, которое жизнь не научила счастью.

— Ну, а теперь поди, зови его сюда,—съ какою-то поспѣшностью проговорила Анна Григорьевна, словно торопилась безповоротно закрѣпить свое рѣшеніе. Ей

хотѣлось радостью сына поскорѣе заглушить послѣдніе отголоски своей строптивой и такъ долго боровшейся гордости.

XVIII.

Володя тщетно ожидалъ, что какой-нибудь счастливый случай поможетъ ему, наконецъ, снова повидаться съ Женичкой. Но вотъ уже почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ со дня его послѣдней встрѣчи съ нею и ожидаемая помоіщь не являлась. Женичка болѣе не пріѣзжала въ Бѣлые Столбы, а Володя уже не рѣшался отправиться въ Никольское. Зато онъ сталъ придумывать самые трудно-исполнимые планы, и его замѣчтавшееся воображеніе не останавливалось даже передъ мыслью о бѣгствѣ съ молодою дѣвушкой въ какой-нибудь дальній, благодатный край. Но иное дѣло задумать похищеніе, иное дѣло исполнить задуманное. Володѣ какъ-то все не удавалось облечь свои романическіе замыслы въ житейскую прозу. Когда онъ бывалъ вполнѣ откровеннымъ съ собою, онъ даже сознавался, что врядъ ли Женичка согласится съ нимъ уѣхать тайкомъ. И когда эти сомнѣнія у него возникали, Володя готовъ былъ обрушить свой гнѣвъ на обожаемую имъ маленькую чародѣйку, обвиняя ее въ томъ, что она совершенно о немъ позабыла.

А Женичка и не думала про него забывать. Но правда и то, что она и не пыталась вовсе стряхнуть съ себя довольно шаткое иго мачихи. Елена Михайловна приняла, между тѣмъ, всѣ мѣры, дабы положить конецъ свиданію молодыхъ людей, не давая, однако, падчерицѣ никакого повода къ прямому отпору. Слугамъ было строго запрещено принимать Володю, еслибъ онъ вздумалъ явиться. Съ миссъ Финчъ Елена имѣла пространное объясненіе, въ которомъ съ необыкновенною, даже слегка рѣзкою ясностью, выразила ей свое неудовольствіе за допущенное сближеніе молодыхъ людей и

свою твердую волю не дать этому сближенію никакой пищи въ будущемъ. Съ самой Женичкой Елена Михайловна вовсе не заводила рѣчи про Володю, благоразумно разсудивъ, что пылкій нравъ избалованной дѣвочки едва ли подчинится ея волѣ. Елена знала очень хорошо, что до сихъ поръ столкновеній между ею и падчерицей не было потому только, что она своей власти никогда не давала чувствовать. За то она была неистощима въ придумываніи разныхъ предлоговъ, чтобы не отпускать Женичку въ Бѣлые Столбы. Болѣзнь Анны Григорьевны пришлась ей очень кстати. Женичка понимала какъ нельзя лучше всю тщету этихъ предлоговъ, но и она предпочитала дипломатическую податливость явному неповиновенію. Ее возмутило бы всякое рѣзкое стѣсненіе свободы; но ласковый, всегда мягкій голосъ Елены обезоруживалъ ея сопротивленіе. Да и зачѣмъ было Женичкѣ спѣшить и тревожиться? Въ шестнадцать лѣтъ жизнь не тѣснится къ одному узкому, тяжелому исходу, да и Женичка не вѣрила, чтобы въ будущемъ что-либо могло омрачить для нея эту, пока солнечную, жизнь.

Терпѣніе Володи наконецъ лопнуло. Послѣ долгихъ размышленій онъ остановился на самомъ простомъ, но за то и на самомъ несбыточномъ средствѣ. Онъ просто осѣдлалъ своего жеребца и поскакалъ въ Никольское. Подъѣзжая къ нему, онъ ощущалъ ту же тревогу, какъ и въ тотъ достопамятный, давнопрошедшій день, когда онъ впервые увидѣлъ Женю. Ему живо представился ея стройный, изящный обликъ, то простенькое черное платье, въ которомъ она впервые предстала передъ нимъ, когда онъ стоялъ въ такой комической безпомощности передъ безмолвнымъ, негостепріимнымъ домомъ. Онъ вспомнилъ, какъ съ перваго взгляда на ея полудѣтское и въ то же время вызывающее личико онъ почувствовалъ что-то, чего не возбуждала въ немъ ни одна прежде видѣнная имъ дѣвушка. Какъ ласково и тепло искрились ея глубокіе черные глаза! Какимъ граціоз-

нымъ изгибомъ ложились на ея плечи висѣвшія за маленькими розовыми ушами богатыя темныя косы! Почему-то именно теперь эти образы заговорили въ немъ живѣе, какъ будто онъ теперь только понялъ и ощутилъ всю ея опьяняющую, юную прелесть. И глупые предразсудки самодурной мачихи,—такъ величалъ онъ въ эту минуту Елену Михайловну,—и эта нелѣпая ея власть надъ дорогою дѣвушкой могутъ лишить его, навсегда лишить того, что дороже ему даже собственной семьи.

На этотъ разъ его опасенія сбылись. Дюжій ливрейный лакей съ внушительными отвислыми бакенбардами объявилъ ему, что барыни нѣтъ дома. Сдѣлалъ онъ это съ тѣмъ невозмутимымъ нахальствомъ, какое является у слугъ, когда они почему-либо думаютъ, что господа не жалуютъ того, съ кѣмъ имъ приходится говорить.

А между тѣмъ это была очевидная ложь, такъ какъ изъ оконъ второго этажа доносились звуки Мендельсоновскаго каприччіо, любимой музыкальной піесы Елены. Володя тотчасъ узналъ ея отчетливую, нѣсколько сухую игру, такъ непохожую, какъ онъ думалъ, на сладкіе, нѣжные звуки рояля, когда его касались пальчики Жени. На этотъ разъ ему, однако, показалось, что игра Елены звучала какъ-то отрывисто, почти гнѣвно.

И въ самомъ дѣлѣ, въ причудливые, страстные аккорды Мендельсона она вливала собственную, наболѣвшую гнѣвную страсть. Несмотря на то, что о предстоявшей женитьбѣ Дмитрія не было объявлено никому, на другой день вѣсть о ней уже достигла Никольскаго. Вѣсть эта не застала Елену врасплохъ: она давно предвидѣла такую развязку. Но совершившаяся бѣда совсѣмъ не то, что ея ожиданія. Мстительная ненависть, какъ долго тлѣвшій огонь, вспыхнула на душѣ у Елены, когда она узнала, что другая станетъ женой любимаго человѣка и ничѣмъ этого уже не предотвратить. Ничѣмъ? Въ головѣ Елены вдругъ блеснула мысль, что

есть человѣкъ, чье самолюбіе будетъ также уязвлено этою свадьбой, какъ уязвлена ея любовь. Человѣкъ этотъ, насколько она его знала, не былъ изъ тѣхъ, кто прощаетъ обиды. А у него какъ разъ была въ рукахъ власть, съ помощью которой онъ могъ не только помѣшать свадьбѣ Нади, но почти вычеркнуть ее изъ числа живыхъ. Елена знала кое-что изъ прошлаго молодой дѣвушки: личныя впечатлѣнія дополняли отрывочныя свѣдѣнія, полученныя отъ исправника, а остальное досказывала женская догадливость. И тотчасъ Елена сказала себѣ, что еслибы Надѣ пришлось теперь поплатиться за молодыя увлеченія, это было бы заслуженнымъ, хоть и позднимъ возмездіемъ. Семьѣ Корецкихъ будетъ даже оказана услуга,—такъ увѣряла она себя,—если рукой правосудія будетъ вырвана изъ ея среды эта вошедшая въ нее самозванка. Елена была не прочь подыскать самые благородные и безкорыстные мотивы для своего желанія уничтожить соперницу. Но себя ей было не легко обмануть. Да и къ чему было сочинять небывалыя побужденія? Съ неумолимою и черствою проніей надъ собой Елена разсѣяла созданные ею же призрачные поводы: вся ея безотрадная жизнь, завершенная послѣднимъ разочарованіемъ, давала ей право ненавидѣть людей и мстить имъ, когда представится случай. Она написала двѣ строчки Боровскому, прося его побывать у нея въ Никольскомъ передъ отъѣздомъ.

Весь день она мысленно подготовляла свой навѣтъ на бѣдную дѣвушку. Она предвкушала свое торжество, говоря себѣ, что Дмитрію не видать почти уже принадлежавшаго ему счастья. Елена усѣлась за рояль, какъ бы отыскивая въ музыкѣ голосъ, который ей могъ бы громко передать переполнявшее ее злобное ощущеніе. Но играть она долго была не въ силахъ: музыка рѣдко даетъ отголосокъ для бурнаго настроенія; страсть въ ней ищетъ исхода, лишь когда она начинаетъ стихать. Елена встала и принялась отыскивать книгу, съ помощью которой она могла бы забыться: слишкомъ на-

пряженное чувство приноситъ съ собою утомленіе. Ей попались случайно подъ руку два тома Мюссэ, переданные ей Володей и оставленные безъ вниманія на одномъ изъ столовъ гостиной. Полные тревоги стихи Мюссэ болѣе соотвѣтствовали теченію ея мыслей, чѣмъ любимый ею Мендельсоновскій мотивъ. Едва она открыла книгу, изъ нея выпалъ вскрытый уже конвертъ, на которомъ она прочла адресъ: Надеждѣ Сергѣевнѣ Ольшевской. Почеркъ ей показался необыкновенно отрывистымъ и рѣзкимъ, однимъ изъ тѣхъ мужскихъ почерковъ, которымъ пишутъ люди съ безпокойною, хоть и сильною натурой. „Что, подумала она, если Надѣ это было писано однимъ изъ ея бывшихъ друзей?“ Что, если она, можетъ быть, держитъ въ рукахъ ключъ къ загадочному прошлому молодой дѣвушки? Письмо задрожало въ ея пальцахъ. Ей неудержимо захотѣлось прочесть его. Но, вѣдь, это было почти то же, что кража, это входило какъ разъ въ кругъ того, что по ея понятіямъ рѣзко осуждалось какъ неблаговидный поступокъ. „Да развѣ важныя письма, тотчасъ подсказала ей податливая совѣсть, забываются между листами какой-нибудь книги?“ Совѣсть, однако, не договорила, что ничего не значащаго письма ей незачѣмъ было и читать. Она быстро вынула его изъ конверта и прочла то самое, что Нерадовичъ писалъ Надѣ, вызывая ее на свиданіе. Лицо Елены оживилось злобною радостью. Она держала въ рукахъ доказательство вины молодой дѣвушки. Подписи не было, но содержаніе было достаточно ясно. Елена снова вложила письмо въ конвертъ и бережно спрятала въ ящикъ письменнаго стола.

Володя между тѣмъ быстро скакалъ по дорогѣ въ Бѣлые Столбы, вымещая свой гнѣвъ на бѣдномъ Солиманѣ. Встрѣтивъ брата съ Надей у воротъ усадьбы, онъ соскочилъ съ лошади и съ пылающимъ лицомъ передалъ имъ взволнованнымъ голосомъ про свою неудачу. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что слова его не производятъ на нихъ ожидаемаго впечатлѣнія.

— Вы вотъ,—сказалъ онъ почти негодующимъ тономъ,—теперь вполнѣ наслаждаетесь своимъ счастьемъ, а мнѣ-то каково, подумайте!.. Эхъ, счастливые люди всегда эгоисты,—добавилъ онъ, забывая, какъ мало его трогали чужія невзгоды, когда ему улыбалась судьба.

Дмитрій и Надя переглянулись.

— Ну, братъ,—отвѣтилъ Дмитрій, улыбаясь,—положимъ, твое горе очень велико, но едва ли такъ ужъ безутѣшно.

— Ты думаешь я утѣшусь, потерявъ Женичку?—вспылилъ Володя, хоть онъ могъ бы припомнить, какъ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ онъ тоже предавался отчаянію, получивъ немилосердный отвѣтъ Нади на горячія мольбы своей, такъ скоро угаснувшей, страсти.

— Зачѣмъ же терять, милый мой, а главное, падать духомъ? Тебѣ двадцать три года, а ей шестнадцать. Право, что-то рано еще думать о женитьбѣ.

Но Володя и слышать не хотѣлъ про отсрочку.

— Подумай,—настаивалъ онъ, — черезъ нѣсколько дней ея здѣсь не будетъ... Гдѣ и когда я ее опять увижу, если дамъ ей уѣхать, не рѣшивъ ничего на счетъ будущаго? Кто знаетъ? ее могутъ уговорить, обойти какъ-нибудь, вѣдь она почти ребенокъ.

Послѣдній доводъ не лишенъ былъ основательности и доказывалъ, что Володя не совсѣмъ твердо вѣрилъ въ стойкость своей юной возлюбленной. Надя за него заступилась. Она хотѣла, чтобы всѣ вокругъ нея были счастливы и совсѣмъ ей ужъ не такъ несбыточною казалась женитьба Володи на шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Дмитрій,—одну попытку мы еще сдѣлаемъ, хотя я и совершенно увѣренъ въ неудачѣ. Я съѣзжу въ Никольское самъ; полагаю, что меня пока еще не запрещено пускать. Я постараюсь убѣдить Елену Михайловну... ты, я думаю, знаешь, что въ шестнадцать лѣтъ не выходятъ замужъ безъ согласія опекуновъ. Ну, а насчетъ согласія самой героини

твоего романа вѣроятно сомнѣній нѣтъ?.. А, впрочемъ, это ужъ твое дѣло...

Володя принялся горячо увѣрять, что между нимъ и Женичкой все рѣшено, хоть и не было высказано никакихъ формальныхъ обѣщаній.

— Да они, вѣдь, и не нужны,—быстро добавилъ онъ тономъ человѣка, не совсѣмъ увѣреннаго въ своихъ словахъ. Только ты мнѣ вотъ что еще обѣщай: я дамъ тебѣ записку для нея, для Жени... всего нѣсколько строкъ... ну ты ихъ и передай ей, такъ, понимаешь, чтобы никто не видалъ... можетъ быть она и отвѣтитъ. А то, право, слишкомъ грустно не видѣть ея и не знать даже, что она дѣлаетъ..,

На другой же день Дмитрій сдержалъ обѣщаніе и поѣхалъ въ Никольское. Онъ согласился взять съ собой крошечное письмецо отъ брата къ молодой очаровательницѣ. Дмитрію весь этотъ полудѣтскій романъ казался до того невиннымъ, что онъ согласился въ немъ играть неблагодарную роль посредника. Да и не прочь онъ былъ оказать брату содѣйствіе; онъ хорошо сознавалъ, что юная краса молодой дѣвушки могла вскружить и не такую влюбчивую голову.

Дмитрія грозный лакей Елены Михайловны не встрѣтилъ такъ же сурово, какъ Володю. Его попросили наверхъ, но въ гостиной онъ засталъ не Елену, а Женичку: хозяйка дома доканчивала какое-то письмо и велѣла сказать, что сейчасъ къ нему выйдетъ. Женичка быстро поднялась съ мѣста, увидавъ его.

— Наконецъ!—сказала она, весело протягивая ему руку.—Вы насъ совершенно забыли.

— И вы тоже, Евгенія Александровна, забыли кажется дорогу въ Бѣлые Столбы. А тамъ, вы знаете, есть кто-то, кому очень тяжело васъ такъ долго не видать.

Она немного покраснѣла и не возражала ничего. Они стояли у открытой двери, ведущей на террасу.

— Мой братъ заѣзжалъ вчера сюда, но...

Она живо перебила его.

— Знаю, знаю, Дмитрій Алексѣевичъ... Мнѣ было такъ совѣстно, но, пожалуйста, не думайте...

Онъ улыбнулся.

— Вы помните, Евгенія Александровна, какъ мы съ вами договорились быть заодно? Что-жъ, какъ вы думаете, союзъ этотъ все крѣпко держится?.. Ну, пожалуй, не отвѣчайте мнѣ словами. Я, вѣдь, и въ глазахъ читать умѣю.

Она нерѣшительно подняла на Дмитрія свое запылавшее теперь лицо.

— Скажите... вашему брату...—проговорила она съ усиліемъ, и рѣшимость вдругъ блеснула въ ея бархатныхъ глазкахъ,—что до нашего отъѣзда мы съ нимъ непремѣнно увидимся. За это я ручаюсь.

— А мнѣ какъ разъ поручено вамъ передать вотъ это,—и онъ досталъ изъ кармана записку Володи.—Согласитесь,—улыбнулся онъ,—что для человѣка моихъ лѣтъ это странное порученіе. Вы не сердитесь на меня за то, что я его принялъ?

Совсѣмъ не гнѣвомъ блеснули Женичкины глазки, когда ея слегка дрожавшая ручка взяла и тотчасъ спрятала куда-то маленькій треугольный конвертикъ.

— Но у меня здѣсь и болѣе серьезное дѣло,—продолжалъ онъ.—Я жду вашей мачихи, чтобы передать ей одну важную просьбу... Вы догадаетесь отъ кого, такъ какъ просьба касается васъ. И потому мнѣ прежде всего надо знать ваше мнѣніе...

Но бѣдной дѣвочкѣ на этотъ разъ не пришлось отвѣчать: въ дверяхъ кабинета показалась Елена Михайловна. И въ движеніяхъ ея, и въ голосѣ и, казалось, въ самомъ платьѣ темнаго цвѣта, плотно обхватывавшемъ ея стройную особу, было что-то строгое и непреклонное.

— Извините, я доканчивала письмо,—сказала она, протягивая Дмитрію кончики пальцевъ, и сухая металлическая нотка прозвучала въ ея голосѣ.—Впрочемъ,

я вижу вамъ не было скучно. (Она украдкой взглянула на оживленное личико падчерицы.) Est ce que vous lui faites aussi la cour?—прибавила она съ плохо скрытою ироніей.

Женичка тотчасъ скрылась на террасу. Дмитрій вслѣдъ за Еленой вошелъ въ кабинетъ. Онъ не переступалъ черезъ порогъ этой комнаты съ самаго того вечера, когда въ первый и послѣдній разъ его губы страстно коснулись ея лица. Казалось, это было такъ недавно, а теперь...

— Я почти должна спросить у васъ,—начала она, усаживаясь въ кресло,—чему я обязана вашимъ неожиданнымъ пріѣздомъ? Вы такъ разучились бывать въ Никольскомъ...

— И на этотъ разъ, Елена Михайловна, причина есть и даже очень серьезная причина.

Она указала ему на стулъ возлѣ себя.

— Тѣмъ лучше. Это предвѣщаетъ мнѣ длинный разговоръ.

Въ любезныхъ словахъ все еще слышалась какъ-будто насмѣшка.

Дмитрій тотчасъ безъ предисловій приступилъ къ дѣлу. Елена слушала его не перебивая и на лицѣ ея не отразилось никакого впечатлѣнія.

— Вы кончили, Дмитрій Алексѣевичъ?—спросила она все съ тѣмъ же спокойствіемъ, когда Дмитрій досказалъ ей о просьбѣ брата, которую взялся передать.—И вы говорите все это такъ просто, какъ будто рѣчь идетъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Вы хотите, чтобъ я дала свое согласіе на свадьбу вашего брата съ моею падчирицей? И вы не сомнѣваетесь даже, можетъ быть, что я это согласіе дамъ? Ну, вотъ видите, я буду съ вами также пряма и откровенна, какъ вы со мною. Я нахожу, что въ лѣтахъ Жени думаютъ еще объ учителяхъ, а не о замужествѣ. Я убѣждена, что такой умный человѣкъ, какъ вы, поймете это не хуже меня.

Слова Елены становились, можетъ быть, еще язви-

тельнѣе отъ того ровнаго, холоднаго тона, которымъ онѣ были проговорены. Но Дмитрій все еще не считалъ свое дѣло проиграннымъ.

— Я никогда и не помышлялъ о немедленной свадьбѣ,—отвѣтилъ онъ. —Молодые люди могутъ подождать годъ или даже два. Я заговорилъ про это теперь для того только, чтобы Володя имѣлъ право съ вашего согласія видѣться со своею будущею невѣстой.

Губы Елены сложились въ странную улыбку и на мигъ она пристально взглянула на Дмитрія.

— То-есть, другими словами,—заговорила она, помолчавъ нѣсколько секундъ,—вы хотите, чтобы будущность моей падчерицы была связана напередъ даннымъ словомъ, хотя бы она теперь и не могла еще сдѣлать сознательный выборъ?

— Бываютъ обстоятельства выходящія изъ ряда вонъ. Жизнь въ деревнѣ сблизила молодыхъ людей короче и скорѣе, чѣмъ это случилось бы при иной обстановкѣ. Зачѣмъ же портить ихъ будущее изъ-за того только, что они молоды? Вспомните, Елена, что̀ было съ нами: развѣ ваша жизнь и моя тоже не была испорчена надолго изъ-за упрямства вашей мачихи?

Послѣднія неосторожныя слова взорвали Елену Михайловну.

— Вы, кажется, ужъ теперь меня сравниваете съ Клеопатрой Андреевной,—проговорила она, не сдерживая гнѣва.—Благодарю васъ! Ваша жизнь, насколько мнѣ извѣстно, испорчена не была. Вы мирно путешествовали за границей, изучали тамъ, если не ошибаюсь, агрономію, что не служитъ признакомъ особаго горя, а теперь, кажется, вамъ будущее улыбается вполнѣ.

Несмотря на этотъ ясный намекъ, Дмитрій сдѣлалъ видъ, будто не понялъ.

— Не обо мнѣ идетъ рѣчь, Елена Михайловна,—сказалъ онъ.

— Да, вы правы,—перебила она его, злобно засмѣявшись,—мы говорили про вашего брата. Если онъ вос-

пользовался тою короткостью отношеній, какую создаетъ иногда случайно деревенская жизнь для того, чтобы вскружить голову шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ, которая, мимоходомъ сказать, очень богатая невѣста, то это ему не дѣлаетъ чести. Повторите ему мои слова, пожалуйста. А вамъ я скажу, что мнѣ кажется страннымъ ваше посредничество въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вы, по крайней мѣрѣ, не увлекаетесь безкорыстнымъ чувствомъ любви.

Елена намѣренно подчеркивала обидный смыслъ каждаго изъ своихъ рѣзкихъ, отрывистыхъ словъ. Кровь бросилась въ лицо Дмитрія; онъ вскочилъ со стула, но Елена продолжала, не давая ему заговорить:

— Вы тотчасъ увѣряли меня, что Женя отвѣчаетъ... на любовь вашего брата. Я не знаю какимъ образомъ вы успѣли въ этомъ убѣдиться. Но во всякомъ случаѣ ваши же слова доказываютъ, что пріѣзжая ко мнѣ въ домъ, вы тайно отъ меня переговариваетесь съ моею падчерицей, которая почти еще ребенокъ, и все это для того, разумѣется, чтобы дать ей понять всю глубину безкорыстнаго чувства вашего брата...

Все это Елена проговорила не сводя съ Дмитрія глазъ, и хотя ея голосъ оставался ровнымъ и низкимъ, слова ея звучали почти какъ удары хлыста.

— Я думаю, Елена Михайловна,—сухо возразилъ Дмитрій,—вамъ не придется впредь жаловаться на то, что я злоупотребляю вашимъ гостепріимствомъ!

— Какъ вамъ будетъ угодно,—холодно отвѣтила она, не двигаясь съ мѣста и слегка только кивнула головой, когда онъ отвернулся.

У выхода на лѣстницу Дмитрій встрѣтилъ Женичку. Она его поджидала.

— Что-жъ? Дурныя извѣстія?—спросила она, угадавъ по его лицу, что Дмитрій и Елена не пришли къ соглашенію.

— Для васъ, Женя, отвѣтилъ онъ ласково, —хорошаго все-таки много впереди; жизнь ваша такъ ши-

рока. Но жаль васъ за то, что вамъ приходится зависѣть отъ этой женщины.

— Мнѣ отъ нея зависѣть! — Широко открывшіеся глазки Женички такъ и говорили о твердости рано выросшей ея воли.—Она можетъ насильно запереть меня въ комнату, но заставить меня сдѣлать по своему никогда! И хотите я сейчасъ вамъ докажу это? Она вамъ отказала, неправда ли? А я... скажите вашему брату... нѣтъ, лучше я сама скажу.

— Какая вы милая.—И онъ съ чувствомъ поцѣловалъ ея тонкую ручку.—Ну, хотите я сообщу вамъ одну тайну? Вамъ одной только?

И онъ сказалъ ей про свою помолвку. Женичка захлопала руками.

— Какъ я рада, за васъ и за нее!—воскликнула она.— Я такъ ее люблю. Скажите это.

Едва Дмитрій вышелъ на крыльцо, Елена растворила дверь изъ гостиной и увидала Женичку, все еще стоявшую на верхней ступени лѣстницы.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?—спросила она рѣзко.—Ты опять съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ разговаривала?

Елена была такъ раздражена, что не могла уже сдерживаться съ молодою дѣвушкой. Но и Женичка не была расположена къ уступчивости.

— Да. Я съ нимъ разговаривала,—отвѣтила она,—и буду это дѣлать, всякій разъ какъ представится случай. Съ какихъ поръ запрещено разговаривать съ хорошими знакомыми?

— Корецкіе для насъ уже не хорошіе знакомые. И ты ихъ больше у меня не увидишь.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду къ нимъ.

Пылавшіе глаза Женички почти въ упоръ глядѣли на мачиху.

— Къ нимъ? Вотъ какъ! Коли ты со мною забываешься, я тебѣ съ нынѣшняго же дня запрещаю выходить изъ дому безъ миссъ Финчъ и гдѣ-либо гулять кромѣ сада.

Но иногда бываетъ опасно слишкомъ давать чувствовать свою власть, и Еленѣ Михайловнѣ пришлось это тотчасъ испытать. Въ отвѣтъ на ея слова Женичка громко расхохоталась.

— Ну это мы посмотримъ,—сказала она.—Вы забываете, что вы мнѣ не мать и что настоящая хозяйка здѣсь—я.

Проговоривъ это, молодая дѣвушка стрѣлой сбѣжала съ лѣстницы и, схвативъ на пути шляпку, забытую въ сѣняхъ, тотчасъ направилась въ конюшню.

— Осѣдлай мнѣ лошадь, приказала она своему тѣлохранителю, маленькому Васѣ.

— Кому же прикажете съ вами поѣхать, барышня? спросилъ тотъ.

— Никому. Я поѣду одна.

— Да какже-съ?... Ея превосходительство строго запретили.

Женичка такъ разсердилась, что даже топнула ножкой.

— Ты меня долженъ слушаться,—рѣшительно воскликнула она,—я здѣсь госпожа, а никто иной.

И убѣдившись въ томъ, что Вася принялся чистить и сѣдлать лошадь, Женичка побѣжала домой переодѣваться.

XIX.

Дмитрій засталъ брата въ какой-то таинственной бесѣдѣ съ кучеромъ. Володя казался взволнованнымъ, и почему-то сконфуженный, тотчасъ оборвалъ разговоръ.

— Ты съ недобрыми вѣстями, сказалъ онъ Дмитрію, проходя съ нимъ въ садъ. — Признаюсь, я этого ожидалъ.

Дмитрія удивило равнодушіе, съ какимъ Володя его выслушалъ.

— Я зналъ, что отъ этой своенравной бабы толка не добиться,—сквозь зубы пропустилъ молодой человѣкъ.— Ну, да это ничего. Увидимъ еще, чья возьметъ.

И гнѣвнымъ ударомъ хлыста онъ сорвалъ пышный цвѣтокъ махровой георгины. Очевидно было, что Володя кое-что затѣялъ. Онъ смотрѣлъ такъ самоувѣренно и таинственно, что должно-быть крѣпко надѣялся на успѣхъ придуманнаго имъ средства. Но Володя не былъ изъ тѣхъ, кто умѣетъ долго хранить про себя завѣтную тайну, и Дмитрію не особенно трудно было довести его до признанія.

— Я увезу ее отсюда, вотъ что, съ пылающимъ лицомъ, съ глядѣвшими навыкатъ зрачками объявилъ онъ брату.—Тройка насъ будетъ ждать на большой дорогѣ и мы съ ней прямо ускачемъ въ городъ къ вечернему поѣзду. Спохватится Елена Михайловна, да будетъ поздно!

Дмитрій не вѣрилъ ушамъ, такъ неожиданна была пылкая отвага Володи.

— Объ этой рыцарской затѣѣ ты должно-быть и писалъ ей? спросилъ онъ брата.—Спасибо за то, что поручилъ мнѣ отвезти ей такое милое предложеніе.

— Нѣтъ, я и не заикнулся объ этомъ въ запискѣ, слегка запинаясь, отвѣтилъ Володя.—Но мы съ нею еще увидимся, и я ей докажу что иного исхода быть не можетъ.

— Ты просто съ ума сошелъ...

— Что жъ ты думаешь, она не согласится? горячо и тревожно воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Кто ее знаетъ... За шестнадцатилѣтнюю дѣвочку поручиться нельзя. Да не въ ея согласіи дѣло. Совѣтую тебѣ эту дурь выбросить изъ головы.

— Вотъ какъ! Ты что ли мнѣ помѣшать собираешься?

— Непремѣнно. Можешь быть въ томъ увѣренъ, и по весьма простой причинѣ: богатыхъ невѣстъ порядочные люди не увозятъ.

Володя не нашелъ что отвѣтить и только остановилъ на братѣ свой удивленный взглядъ. Съ этой точки зрѣнія онъ очевидно не обсудилъ еще задуманнаго имъ плана.

— Еслибы Женичка была бѣдная дѣвушка, продолжалъ Дмитрій,—я бы тебя не осудилъ; кто знаетъ, можетъ-быть даже помогъ бы. Я, вѣдь, не пуританинъ, и не вижу причины покоряться упрямству самодурной мачихи. Но Женичка наслѣдница большаго состоянія, и посуди самъ, какъ всѣ будутъ въ правѣ оцѣнить твой поступокъ.

Володя понурилъ голову. На этотъ доводъ у него не было возраженій.

— Не падай духомъ, милый мой,—опять заговорилъ Дмитрій, кладя ему руку на плечо.—Отсрочка не велика бѣда. А тебѣ, право, еще рано думать о свадьбѣ. У тебя есть надежный союзникъ, сама Женичка, и съ этою мыслію ты можешь спокойно глядѣть на будущее.

Долго еще Дмитрій утѣшалъ брата, ходя съ нимъ взадъ и впередъ по аллеямъ сада. Володя ему не возражалъ. Онъ чувствовалъ, что Дмитрій былъ правъ, хотя и не сознавался въ этомъ, и горе молодого человѣка искало себѣ облегченія въ укорахъ судьбѣ, не хотѣвшей ему дать того, чего онъ такъ страстно желалъ.

Вдругъ на дворѣ послышался топотъ подскакавшей лошади. Черезъ минуту скрипнула калитка и въ ней показалась стройная фигура дѣвушки въ темносиней амазонкѣ.

— Женя!... Неужели это вы!...—вырвалось у Володи радостное восклицаніе. Онъ бросился къ ней, не помня себя отъ восхищенія.

Румянецъ ярче обыкновеннаго игралъ на свѣжихъ щечкахъ молодой дѣвушки. Ѣзда верхомъ, да и смущеніе тоже вызвало краску на ея лицѣ. Теперь, когда она сдѣлала по-своему, пылкая рѣшимость въ ней какъ будто улеглась, и словно робость овладѣла ею. Ея поступокъ теперь казался ей чѣмъ-то необычайнымъ, почти неприличнымъ. Она продолжала стоять не двигаясь съ мѣста, съ приподнятымъ шлейфомъ амазонки на лѣвой рукѣ.

Никогда она еще не казалась Володѣ такою очаро-

вательною, какъ именно въ эту минуту. Темносиній лифъ туго стягивалъ ея изящный дѣвственный станъ. Заплетенныя на затылкѣ косы выбились во время ѣзды и сбѣгали по ея тонкимъ плечамъ. Стройныя ножки, обутыя въ высокія ботинки, глядѣли изъ-подъ складокъ амазонки.

— Ну вы, однако, молодецъ, Евгенія Александровна, улыбнулся Дмитрій, здороваясь съ нею,—признаюсь, не ожидалъ такъ скоро васъ опять увидѣть.

— Я же вамъ сказала, что пріѣду въ Бѣлые Столбы.— Слово свое я держу всегда.

Несмотря, однако, на эти слова и на сопровождавшій ихъ открытый взглядъ большихъ черныхъ глазъ, робость не покидала Женичку, и она медленно, какъ будто не рѣшаясь идти далѣе, послѣдовала за братьями. Молодая дѣвушка съ Володей усѣлись на скамейкѣ прямо противъ дома; Дмитрій продолжалъ разговоръ стоя.

— Съ кѣмъ же вы пріѣхали?—спросилъ онъ.—И какъ же васъ сюда пустили?

Она покраснѣла еще больше, объясняя ему, какъ все было. Взглядъ ея при этомъ какъ будто просилъ Дмитрія пощадить ее.

Избытокъ радости какъ будто сковалъ языкъ Володи: и онъ тоже почти оробѣлъ глядя украдкой въ нѣмомъ восторгѣ на сидѣвшую рядомъ съ нимъ милую дѣвушку. Теперь на яву исполнилось то, о чемъ за полчаса передъ тѣмъ онъ не смѣлъ и мечтать, и молодой человѣкъ словно пугался своего счастья.

Можно было бы даже подумать, что не онъ, а Дмитрій особенно радъ пріѣзду Женички. По крайней мѣрѣ Дмитрій говорилъ съ нею такъ по-дружески ласково, веселая улыбка такъ озаряла его лицо, что они, казалось, совершенно поглощены другъ другомъ. Впрочемъ, они и были уже давнишніе пріятели. Его непринужденность скоро разогнала налетѣвшее было на нее смущеніе.

— Кто бы могъ подумать,—говорилъ онъ,—что въ

этой маленькой капризной головкѣ столько твердости и воли?

— Ахъ, Дмитрій Алексѣевичъ,—съ полною откровенностью отвѣтила она, разсмѣявшись,—когда я подъѣзжала къ Бѣлымъ Столбамъ, мнѣ вдругъ такъ страшно показалось, что я готова была повернуть назадъ.

— Ну, а теперь не страшно?

Женичка задумчиво покачала головой.

— Нѣтъ, только совѣстно немного,—произнесла она нерѣшительно,—вѣдь, что обо мнѣ подумали бы въ Петербургѣ, еслибъ узнали..

— Ну, до Петербурга далеко; а здѣсь васъ, я думаю, не осудятъ... А что до меня касается, я бы за это готовъ къ вашимъ ножкамъ упасть, или стихи для васъ сочинить, или еще сдѣлать какую-нибудь несообразность...

Женичка опять разсмѣялась. Глазки у ней заискрились обычнымъ, беззаботнымъ огонькомъ.

— А теперь вотъ что я вамъ скажу, Евгенія Александровна;—не для того вы, я думаю, сюда пріѣхали, чтобы съ такимъ старикомъ, какъ я, бесѣду вести. Предпочитаю исчезнуть, пока меня не гонятъ.

И отвѣсивъ ей глубокій, комическій поклонъ, Дмитрій поднялся на террасу дома. Женичка улыбнулась ему вслѣдъ, но тотчасъ затѣмъ потупилась.

— Я не знаю, какъ и благодарить васъ,—взволнованнымъ, слегка дрожащимъ голосомъ заговорилъ теперь Володя.

Она подняла на него опущенные глаза. Въ нихъ было полное откровенное признаніе полюбившей дѣвушки, которая безъ оглядки и безъ колебанія отдаетъ все свое будущее счастье.

— За что-жъ меня благодарить,—проговорила она тихо.—Я сказала вашему брату, что привезу отвѣтъ сама, ну вотъ я и привезла...

Онъ наклонился къ ней, взялъ обѣ ея руки въ свои и чуть слышно прошепталъ.

— Отвѣтъ?... на то, что братъ сегодня говорилъ Еленѣ Михайловнѣ?...

Онъ все еще хотѣлъ подтвержденія, какъ будто не довольно яснымъ отвѣтомъ было ея присутствіе здѣсь, вдвоемъ съ нимъ въ Бѣлостолбовскомъ саду.

— Ну, да; ну, да,—вся покраснѣвъ выговорила она.

Онъ еще ближе наклонился къ ней, еще менѣе внятнымъ сталъ его голосъ.

— Вы будете моею женой?...

Теперь онъ уже не требовалъ отвѣта да и Женичка не была въ силахъ дать его. Онъ только притянулъ къ своимъ губамъ обѣ ея похолодѣвшія руки.

Кровь стучала у него въ вискахъ. Страстное желаніе крѣпко обнять ее такъ и блестѣло въ его взглядѣ, но здѣсь почему-то, здѣсь, гдѣ она была въ его власти, въ его родномъ домѣ онъ не смѣлъ рукой прикоснуться до ея стана. Она довѣрилась ему, и онъ ни за что не злоупотребитъ этимъ довѣріемъ. Онъ выпустилъ ея ручки изъ своихъ и оба они невольно, какъ бы повинуясь одинаковому внушенію, чуть замѣтно отстранились другъ отъ друга. Имъ обоимъ показалось, что они какъ будто выросли въ этотъ мигъ, и дѣтство отъ нихъ словно отлетѣло. И съ полною серіозностью совершенно взрослыхъ людей, для которыхъ жизнь уже не шутка, они стали заглядывать въ будущее. Володя и Женичка говорили о немъ спокойно и разсчетливо, какъ о чемъ-то совсѣмъ отъ нихъ зависящемъ. Съ увѣренностію людей, которые и не сомнѣваются, что это будущее устроится именно такъ, какъ они этого хотятъ, молодые люди подробно и отчетливо рѣшали, какъ они будутъ каждую зиму только на три мѣсяца пріѣзжать въ Петербургъ и станутъ они жить такъ скромно и разсудительно, хотя у нихъ будетъ ложа въ оперѣ и въ Михайловскомъ театрѣ и раза по два въ недѣлю они будутъ принимать гостей, но, конечно, самыхъ близкихъ. А все остальное время года они будутъ проводить въ деревнѣ, гдѣ Володя сдѣлается примѣрнымъ хозяиномъ и такимъ пред-

водителемъ, какихъ еще не бывало на Руси. Отъ времени до времени они, впрочемъ, станутъ ѣздить за границу, гдѣ Женичка еще не бывала; она упомянула про это завѣтное свое желаніе съ уступчивою осторожностію, но Володя тотчасъ же сталъ ей горячо вторить и оба согласились насчетъ того, что путешествіе будетъ длинною цѣпью наслажденій и восторговъ. При этомъ они забывали только одно, про Елену Михайловну и про совершенную невозможность осуществить эти радужныя мечты ранѣе извѣстнаго, довольно продолжительнаго срока. А между тѣмъ пока они строили свои воздушные замки воображеніе ихъ разгоралось и все ярче рисовало имъ ту райскую безоблачную жизнь, которую создадутъ они другъ для друга. Все живѣе чувствовали они, что главное въ этой жизни не путешествія, не красоты природы, не Петербургъ и даже не деревня, а вѣчная неразрывная близость, при которой они сольются какъ бы въ одно существо. Остальное все блѣднѣло и стушевывалось при одной этой жгучей мысли. И вдругъ неизвѣстно почему имъ стало какъ будто неловко. Дрожь пробѣжала у нихъ по спинѣ несмотря на знойный день. Глаза у нихъ горѣли. Пульсъ бился сильнѣе. Женичкѣ показалось, что ей какъ-то жутко, даже немного страшно. Она медленно приподнялась съ мѣста. Ноги ей едва повиновались, точно гири приковали ихъ къ землѣ.

— Мнѣ слѣдовало бы Надю поздравить,—нерѣшительно проговорила она.

Въ этотъ самый мигъ Надя показалась на террасѣ: она вела подъ руку Анну Григорьевну. Дмитрій слѣдовалъ за ними.

Анна Григорьевна пошла на встрѣчу къ Женичкѣ и ласково обняла ее, пока Дмитрій подкатывалъ матери мягкое кресло на колесахъ.

— Вы еще похорошѣли, душенька, съ тѣхъ поръ какъ мы васъ не видали здѣсь,—сказала Анна Григорьевна и усѣлась въ кресло.

На Женичку появленіе Анны Григорьевны подѣй-

ствовало какъ напоминаніе той дѣятельности, про которую за минуту предъ тѣмъ она совершенно забыла. Но Володя все еще былъ въ возбужденно-радостномъ настроеніи, которое не допускаетъ, чтобы существовали на свѣтѣ преграды желаніямъ.

— Поздравьте насъ, мама,—подошелъ онъ къ Аннѣ Григорьевнѣ,—мы съ нею—женихъ и невѣста.

— Не слишкомъ ли ты мой другъ торопишься?—съ ласковымъ укоромъ отвѣтила ему мать. — Про свадьбу пока рано помышлять. Женя собою располагать не можетъ.

Женичка, какъ будто обиженная этимъ, тотчасъ возразила, что она дала слово Володѣ.

— Зачѣмъ себя такъ долго напередъ связывать?— мягко обратилась къ ней Анна Григорьевна.—Вы вотъ надняхъ уѣзжаете съ Еленой Михайловной за границу...

— Всего на два мѣсяца,—живо перебила ее Женичка.

Анна Григорьевна улыбнулась.

— Ну, а потомъ все-таки подождать придется можетъ-быть годъ, можетъ-быть и больше.

Годъ или больше! Да, это была совершенная правда. Женичка, опустила голову, сознавая что все, о чемъ они съ Володей толковали, были пока неосуществимыя мечты. Надя подошла къ Женичкѣ и поцѣловала ее.

— Я тебя не поздравила еще, мой другъ,—сказала ей Женичка вполголоса и увела ее немного въ сторону: ей казалось, что у Нади она встрѣтитъ какъ разъ особенно теплое сочувствіе къ себѣ, что подруга сумѣетъ понять ее совершенно иначе, чѣмъ другіе. Вѣдь Надя тоже любила и тоже должна была долго бороться, чтобы завоевать себѣ счастье.

— А я вотъ что придумалъ, — заговорилъ Дмитрій, приходя на помощь брату, который теперь уже совсѣмъ растерянный молча стоялъ предъ нимъ. — Дѣдушка Петръ Николаевичъ отказался отъ опеки надъ Женичкой и она имѣетъ право выбрать себѣ другого опекуна. Пусть она попроситъ графа Сергѣя Борисовича.

— Какъ! это старое чучело?

— Да, это старое чучело, какъ ты выражаешься, одинъ изъ самыхъ благородныхъ характеровъ съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. А онъ вдобавокъ имѣетъ на Елену Михайловну большое вліяніе: это можетъ-быть единственный человѣкъ, котораго она послушается.

Когда Женичкѣ было передано то, что задумалъ Дмитрій, она сначала и слышать не хотѣла про стараго графа. Мысль о томъ, что отецъ Бориса станетъ ея опекуномъ, ее пугала. Но Дмитрій уговорилъ ее очень скоро.

— Вы знаете, сказалъ онъ, — что графъ готовъ изъ кожи лѣзть за каждую пару хорошенькихъ глазокъ. Повѣрьте мнѣ, онъ станетъ за васъ горой.

Извѣстныя рыцарскія наклонности Сокольницкаго не допускали и мысли, чтобъ онъ сталъ пользоваться своими опекунскими правами въ интересахъ сына. Всѣ согласились съ Дмитріемъ; это былъ дѣйствительно самый лучшій исходъ.

— Лишь бы графъ согласился, вотъ что,—предостерегалъ Дмитрій.

— Ну за это я ручаюсь, — сверкнула глазами Женичка: кокетливость въ ней тотчасъ заговорила.

Молодость обнадежить не трудно. Женичка и Володя утѣшились тѣмъ, что предъ ними была хоть какая-нибудь дорога, она ужъ непремѣнно ихъ къ цѣли приведетъ: въ этомъ они разумѣется не сомнѣвались. Когда, именно, цѣль будетъ достигнута, они у себя пока не спрашивали. А, конечно, при содѣйствіи графа и еще болѣе съ помощью того могучаго союзника, который никогда не измѣняетъ молодости, ждать имъ придется не долго. Да и само настоящее развѣ не было хорошо?

Слишкомъ часъ прошелъ въ той прелестной, безсодержательной болтовнѣ, отъ которой ни одно слово не остается въ памяти, но за то надолго сохранится на

сердцѣ какое-то легкое праздничное ощущеніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ свѣтлыхъ часовъ, которые выдѣляются въ жизни, будто для нихъ нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго и освѣщены они яркимъ солнцемъ, какъ освѣщаются имъ среди неба бѣлыя вершины горъ. Молодые люди забыли и про Елену Михайловну, и про отъѣздъ Женички, и про всѣ ожившія ихъ препятствія. Но вдругъ среди веселаго смѣха Женичка спохватилась, что должно-быть уже очень поздно, что нельзя же ей на цѣлый день пропадать изъ дому.

Дмитрій и Володя объявили, что проводятъ ее верхомъ до Никольскаго. Всю дорогу они болтали и смѣялись какъ будто ихъ не ожидала, быть-можетъ долгая разлука. И когда минута прощанія настала, когда предъ ними показались, выплывая изъ плоскаго оврага, избы Никольскаго, въ этомъ прощаньи не было ни горя, ни тревоги.

— До свиданья въ Петербургѣ,—твердила Женичка.

— Еще бы, конечно,—вторилъ ей Володя,—ужъ какънибудь да увидимся.

Между тѣмъ объясненіе совершенно иного рода происходило въ маленькой гостиной Елены Михайловны. Боровской подъѣхалъ къ Никольскому какъ разъ въ то время, когда Женичка, пустивъ лошадь галопомъ, проскакала черезъ ворота усадьбы. Поровнявшись съ нею. Боровской поклонился, слегка удивленный, что она одна.

— Знаете, я только-что встрѣтилъ Евгенію Александровну верхомъ,—сообщилъ онъ Еленѣ, входя въ маленькую угловую гостиную.

Елена Михайловна тотчасъ позвонила и была не мало изумлена узнавъ, что барышня приказали себѣ осѣдлать лошадь и не пожелали взять съ собой никого.

— Доложить мнѣ, когда Евгенія Александровна вернется,—сказала Елена, отпуская лакея.

Въ сущности, поступокъ Женички ее занималъ гораздо менѣе того, о чемъ ей приходилось говорить съ Боровскимъ.

— Я долго не былъ у васъ,—началъ онъ усаживаясь,—но вы должны меня извинить. Я такъ былъ заваленъ работой въ послѣднее время, въ виду сдачи должности.

— Да, мнѣ говорили. И какъ, должно быть, тяжело заниматься этими политическими дѣлами!—Елена поправила складку на своемъ платьѣ и проговорила эти слова совершенно тѣмъ же тономъ, какимъ выражаютъ сожалѣніе о смерти незнакомаго родственника.—Особенно—добавила она,—когда въ нихъ могутъ быть замѣшаны знакомые.

— Этого мнѣ пока не случалось; я, вѣдь, разборчивъ на знакомства,—попробовалъ онъ отшутиться.

— А вся эта исторія въ Бѣлыхъ Столбахъ?—совершенно невиннымъ тономъ продолжала Елена.—Я думаю, вамъ не особенно пріятно было производить дознаніе у Анны Григорьевны, съ которою вы такъ дружны?

Елена была изъ числа тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя хорошо знаютъ офиціальные термины и даже немного щеголяла этою мудростію.

— Во-первыхъ, моя дружба къ Аннѣ Григорьевнѣ совсѣмъ ужъ не такого близкаго свойства (онъ произнесъ это съ оттѣнкомъ раздраженія), а во-вторыхъ, я ровно никакого дознанія въ Бѣлыхъ Столбахъ не производилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Елена посмотрѣла на него съ притворнымъ удивленіемъ.—Я, кажется, слышала, что тамъ была накрыта цѣлая шайка и что даже племянница Анны Григорьевны оказалась немного замѣшанною въ тамошнихъ безпорядкахъ.

Боровскому невинный взглядъ Елены Михайловны показался черезчуръ проницательнымъ, и онъ даже уклонился отъ пристальныхъ лучей ея умныхъ глазъ.

— Мнѣ такъ жаль бѣдной Анны Григорьевны,—продолжала Елена,—она приняла къ себѣ въ домъ эту молодую дѣвушку какъ родную дочь, несмотря на то, что у Нади было такое странное прошлое. Вѣдь, не правда ли,

вы тоже про это слыхали? Мнѣ всегда грустно бываетъ, когда я вижу, что такимъ хорошимъ людямъ приходится страдать за свое доброе сердце.

Николая Осиповича смутить было нелегко. Но и ему жутко пришлось отъ наивныхъ разспросовъ Елены.

— Я думаю, вы ошибаетесь,—сказалъ онъ.—Анна Григорьевна нисколько не раскаивается въ томъ, что взяла къ себѣ Надежду Сергѣевну.

— Да,—улыбнулась Елена,—ей даже пришлось согласиться на женитьбу старшаго сына. Какъ? вы даже не слыхали, что свадьба Дмитрія съ Надей рѣшена?

Блѣдные глаза Боровскаго на мигъ блеснули: онъ еще не зналъ о помолвкѣ Дмитрія.

— Но за это именно я и сожалѣю о бѣдной Аннѣ Григорьевнѣ,—неумолимо продолжала Елена.—Каково ей было, я думаю, давать согласіе на такую свадьбу!

— Вы это знаете... положительно?

На этотъ разъ голосъ Боровского дрогнулъ.

— Совершенно положительно.

„Я его заставлю выдать себя", промелькнуло у нея въ мысляхъ.

Боровской невольно пододвинулъ свой стулъ къ креслу Елены.

— Что-жъ, это прекрасная развязка,—сказалъ онъ съ плохо скрытымъ раздраженіемъ.—Молодая дѣвушка, о которой вы такъ безпокоитесь, такимъ образомъ по крайней мѣрѣ спасена.

Изъ-за чего она хлопочетъ?—спрашивалъ онъ между тѣмъ самого себя.

— Какъ? въ честную семью втерлась двусмысленная личность, и вы это называете счастливою развязкой?— И вы не видите, что всѣ порядочные люди обязаны раскрыть Корецкимъ глаза пока еще время?

— Я не считаю себя въ правѣ вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла,—сдержанно проговорилъ Боровской, а мозгъ его, несмотря на кажущееся равнодушіе его словъ, усиленно работалъ надъ разрѣшеніемъ задачи,

не можетъ ли быть, въ самомъ дѣлѣ, разстроена эта ненавистная свадьба?

— Мужчины всегда такъ говорятъ,—съ укоромъ возразила Елена.—А, вѣдь, бываютъ случаи, когда такое невмѣшательство по моему преступно. На что же, наконецъ, у насъ есть власть, есть судъ, коли дѣвушка, замѣшанная въ пропагандѣ, можетъ какъ ни въ чемъ не бывало дѣлаться женой честнаго человѣка.

— Власть и судъ!—желчно разсмѣялся онъ:—развѣ онѣ могутъ разгадывать загадки.

Елена поняла, что спокойствіе начинаетъ измѣнять ему и что ей можно, не рискуя, выдать себя, сдѣлать еще лишній шагъ на пути къ полной откровенности.

— Въ такомъ случаѣ не будемъ про это говорить. Пусть бывшія нигилистки дѣлаютъ блестящія партіи, пусть ихъ вездѣ принимаютъ, до меня это не касается. (Елена презрительно откинулась назадъ). А между тѣмъ не такъ ужъ трудно было бы разузнать кое-что изъ прошлаго этой барышни и привлечь ее къ отвѣтственности. Стоило бы только захотѣть.

Боровского начинало подмывать.

— Что же такое вы собственно знаете?—спросилъ онъ, и снова заискрились его глаза.

— Я? Ничего особеннаго; ничего, по крайней мѣрѣ, такого, чего не могла знать полиція, еслибъ исполняла свои обязанности. Впрочемъ, повторяю вамъ, Николай Осиповичъ, оставимъ этотъ разговоръ,—онъ вовсе не забавенъ.

— Сколько мнѣ извѣстно,—настаивалъ Боровской,— Надежда Сергѣевна получила довольно странное воспитаніе. Она наслышалась разныхъ ходячихъ идей, была даже въ Цюрихѣ, но во всемъ этомъ нѣтъ преступленія...

Елена будто нехотя передала Боровскому всю ту исторію Нади, которую по разнымъ отрывкамъ создало ея воображеніе. Онъ слушалъ ее молча, не скрывая уже своего живого любопытства.

— Все это, конечно, не преступленіе,—закончила

она.—Но развѣ за такіе же поступки вы сами не судили и не ссылали многихъ.

Жажда мщенія, возбужденная извѣстіемъ о предстоящемъ замужествѣ Нади, все сильнѣе поднималась въ сердцѣ Боровского и заставляла его уже лелѣять мысль, что, можетъ быть, въ его власти отплатить молодой дѣвушкѣ за ея оскорбительный отказъ, за предпочтеніе оказанное ею другому.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—не ко мнѣ вы должны бы обратиться съ этимъ... сообщеніемъ; я уѣзжаю отсюда черезъ недѣлю.

— Помилуйте, да развѣ я хочу чтобы вы стали преслѣдовать эту бѣдную дѣвушку!

Елена сдѣлала негодующее движеніе рукой.

— Притомъ же все это однѣ догадки,—продолжалъ онъ, не слушая ея.—Нѣтъ у насъ ни одного доказательства...

— Вы думаете?—Она пристально всмотрѣлась въ него. Лицо Боровского все дышало возбужденнымъ ожиданіемъ.—То, что я сообщу вамъ, останется между нами, вы мнѣ это обѣщаете?

Она встала, какъ будто выжидая его отвѣта. Боровской тотчасъ же послѣдовалъ ея примѣру. Его молчаніе должно быть удовлетворило ее, только она подошла къ письменному столу, достала оттуда конвертъ и подала ему.

— Прочтите это, сказала она холодно.—Мнѣ это письмо случайно попалось въ руки и я не сочла себя въ правѣ возвратить его по принадлежности.

Онъ прочелъ надпись на конвертѣ, сперва не рѣшаясь вынуть изъ него письмо. Глаза ихъ встрѣтились. Они поняли другъ друга, поняли, что одинаковое чувство ненависти руководитъ ими обоими и что съ этой минуты они становятся сообщниками. Зачѣмъ же имъ краснѣть другъ предъ другомъ и чего-жъ стыдиться?

Боровской прочелъ письмо. Пальцы его дрожали.

— Тутъ нѣтъ подписи,—сказалъ онъ.

— За то есть адресъ на конвертѣ и содержаніе, кажется, довольно ясно.

— Сомнѣнія нѣтъ, это писалъ къ ней тотъ самый агитаторъ, котораго наша милая полиція уже два раза выпустила изъ рукъ. Почеркъ мнѣ какъ будто извѣстенъ.

Онъ припомнилъ, что гдѣ-то видѣлъ этотъ почеркъ въ доставленныхъ ему перехваченныхъ бумагахъ.

Опять встрѣтились ихъ глаза. Онъ нерѣшительно протянулъ ей письмо.

— Нѣтъ, оставьте его при себѣ,—сказала она,—оно можетъ вамъ пригодиться.

Ни Елена, ни Боровской не почувствовали того презрительнаго отчужденія другъ отъ друга, какое почти всегда вызывается отгаданнымъ неблаговиднымъ побужденіемъ. Напротивъ, общность недосказанныхъ мыслей создавала между ними какое-то странное сближеніе.

Когда часъ спустя Елена проводила гостя до лѣстницы и простилась съ нимъ,—Боровской не остался къ обѣду,—она увидала Женичку, вбѣгавшую на первую ступень. Молодая дѣвушка только-что вернулась изъ Бѣлыхъ Столбовъ.

— Ты, вопреки моему запрещенію, ѣздила верхомъ,—строго и холодно остановила она падчерицу.

— Да. Я съѣздила проститься съ Корецкими,—былъ прямой отвѣтъ молодой дѣвушки.

Елена не захотѣла вступать въ явную борьбу съ падчерицей. Она поняла, что ей не сломить проснувшейся рѣшимости Женички.

— Хорошо,—сказала она только,—такъ знай же, что мы чрезъ два дня отсюда уѣзжаемъ.

Женичка не возразила. Ея мысли такъ еще наполняли радужныя счастливыя грезы, что ей было не до споровъ съ мачихой. Всѣ будничныя дрязги, казалось, ушли для нея въ какую-то туманную даль. Она молча, почти равнодушно наклонила голову и пошла наверхъ въ свою комнату.

Два дня спустя Елена Михайловна съ Женичкой и миссъ Финчъ уѣхали за границу, гдѣ собиралась провести осенніе мѣсяцы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Тихіе дни наступили для Бѣлыхъ Столбовъ. Ровно и однообразно текли они, принося съ собою хорошее ощущеніе полнаго мира, на которомъ такъ и хотѣлось бы остановиться, не давая жизни идти впередъ. (Такъ отрадно было бы, казалось, еслибы можно на вѣки сохранить это сознаніе тишины и не дать ему потонуть въ безцвѣтномъ туманѣ прошлыхъ воспоминаній). Случается иногда, что въ книгѣ попадешь на такую страницу, на которой хотѣлось бы остановиться, чтобы не портить впечатлѣнія дальнѣйшимъ ходомъ разсказа; бываетъ и то, что спокойнымъ, счастливымъ чувствомъ такъ и наполняется сердце отъ случайно услышанной музыкальной фразы и тоже хотѣлось бы удержать звуковыя волны, не дать имъ замолкнуть въ дрожащемъ воздухѣ. Но разсказъ не останавливается, аккордъ замираетъ, а жизнь быстро стерла бы радужныя краски съ людского счастья, еслибъ ей дали застыть въ неподвижности.

Свадьба Дмитрія и Нади была назначена на 15 октября. Срокъ этотъ приближался, а все прожитое время съ того самаго вечера, когда Анна Григорьевна дала имъ свое согласіе, сливалось для нихъ обоихъ въ одинъ, все продолжавшійся ясный день. Онъ казался и Дмитрію и Надѣ волшебнымъ днемъ, потому, можетъ быть,

что ранѣе этого жизнь ихъ не баловала покоемъ. Имъ сдавалось, что они взошли на высокій горный подъемъ, что дальше идти уже некуда, а у ногъ ихъ широко раскинулась мирная равнина. На первыхъ порахъ такое ощущеніе и есть не что иное какъ полное счастье. Въ одномъ только они съ каждымъ днемъ шли впередъ: по мыслямъ они все больше роднились. Надя и не замѣчала сама какъ исчезала всякая умственная рознь между нею и женихомъ. Не Дмитрія она уже только любила, а весь его умственный складъ передавался ей. И дѣлалось это не путемъ убѣжденій и доказательствъ, а тѣмъ гораздо болѣе полнымъ сліяніемъ, которое приноситъ съ собою созвучная жизнь. Надя уже не спрашивала себя правъ ли Дмитрій во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ: съ нея было довольно и того, что въ ея глазахъ онъ былъ правъ не на одніхъ словахъ, а на дѣлѣ. Всегда ровное отношеніе къ меньшимъ, чуждое раздраженія и запальчивости, стараніе принести пользу безо всякаго разсчета на благодарность, это было какъ разъ то, чего Надѣ хотѣлось, чего требовала ея безкорыстная жажда справедливости. И она радостно подмѣчала, какъ довѣріе къ Дмитрію все росло, какъ все чаще стали обращаться къ нему за совѣтомъ крестьяне. Въ его заботахъ о нихъ они уже не видѣли признаковъ малодушной слабости, его требованія уже не возбуждали ропота, натянутыя отношенія исчезли. Мужики знали, что въ дѣловой просьбѣ имъ отказа не будетъ: Дмитрій распорядился чтобъ изъ кассы имѣнья выдавались нуждающимся крестьянамъ на уплату податей, или на какую-нибудь необходимую покупку, денежныя ссуды за самые небольшіе проценты. И этою мѣрой онъ вызвалъ крайнее неудовольствіе противъ себя со стороны Акима Забулдаева: содержатель постоялаго двора былъ издавна сельскимъ банкиромъ, и барыши, отсюда происходящіе, считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ.

Осень понемногу стала одѣвать Бѣлые Столбы въ богатое разноцвѣтное убранство. Среди пожелтѣвшихъ

липъ краснѣли листья клена и вяза, хмурый дубъ все еще бодрился, но понемногу блекла и бурѣла его все еще темнозеленая одежда, и вѣтеръ сухо шелестѣлъ въ его сморщенныхъ отживавшихъ листьяхъ. За то на поляхъ, гдѣ еще недавно одни жалкіе остатки соломы кое-гдѣ торчали на черной глади, теперь уже яркимъ ковромъ зеленѣли густыя озими. Небосклонъ словно разступился, и глаза дальше проникали за прозрачную дымку, ложившуюся на края безоблачнаго сентябрьскаго неба. То церковная колокольня, то помѣщичій садъ, то крыши деревни выступали вдали тамъ, гдѣ глазъ прежде встрѣчалъ одну синеватую мглу. Грачи стаями слетались на поле; воробьи густо залѣпляли крышу на гумнѣ, а спугнутые оттуда, шумною тучей слетались на стоявшія вблизи ракиты. Ласточки не ныряли теперь уже по воздуху, журавли давно потянули на югъ, но жаворонокъ еще кое-гдѣ выпархивалъ изъ куста, громко бросая на вѣтеръ свое привѣтствіе ясному дню.

Разъ въ воскресенье утромъ—это было уже во второй половинѣ сентября—Надя объявила, что пойдетъ съ прочими членами семьи къ обѣднѣ. До этого она въ церковь не ходила, и Анна Григорьевна ее не приневоливала.

— Не хотите отъ другихъ отстать, кузина—разсмѣялся Володя. Самъ онъ, когда ему не случалось утромъ проспать, какъ-то невольно присоединялся къ богомольной матери, хотя обѣдню онъ слушалъ большею частію разсѣянно, бросая искоса пытливые взгляды въ сторону крестьянскихъ дѣвушекъ. Анна Григорьевна всегда молилась усердно, а въ этотъ день съ какимъ-то особеннымъ умиленіемъ крестилась медленно, немного торжественно и творила земные поклоны, не смотря на то, что колѣни ей плохо служили. Вообще она туго оправлялась отъ болѣзни. Надя не молилась; по крайней мѣрѣ, словъ молитвы она не произносила. Но служба навѣвала на нее какое-то особенное благодатное чувство, не смотря даже на гнусливый голосъ дьячка и да-

леко не стройное пѣніе. Сердце ея переполнялось тихимъ, отраднымъ чувствомъ благодарности за себя и любви къ окружающимъ. И прежде, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, ее тянуло къ простому сѣрому люду. Но въ этомъ слегка мечтательномъ влеченіи ей представлялся всегда народъ вообще, отвлеченный народъ, существо очень неопредѣленное и мало осязательное. Съ недавнихъ только поръ она близко увидала настоящаго работника, того, который не отстаетъ отъ сохи и не заглядываетъ за свою борозду. И въ своихъ попыткахъ сблизиться съ нимъ ей часто приходилось задавать себѣ вопросъ: какая можетъ быть у нея съ нимъ точка соприкосновенія, какъ могутъ они понять другъ друга, между тѣмъ какъ его вѣрованія такъ расходятся съ ея образомъ мыслей? Теперь, въ церкви, среди молящейся толпы, это сознаніе розни и обособленности сказалось въ ней еще живѣе. А между тѣмъ ей такъ хотѣлось чувствовать заодно и съ семьей, въ которую она входила, и съ крестьянскимъ людомъ, которому ей такъ хотѣлось принести пользу уже не на словахъ только. Неужели, думала она, глядя на стоявшую позади толпу, молитва этихъ людей теряется въ пространствѣ, обращается къ несуществующему небу?

Послѣ обѣдни Анна Григорьевна заказала молебенъ. Читали Евангеліе: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи“. Слова эти поразили ее, какъ будто она слышала ихъ въ первый разъ. Вотъ, казалось ей, настоящій призывъ неистощимой, кроткой любви, путь къ убѣжищу готовому для всѣхъ безъ исключенія. И она могла такъ долго отстранять себя отъ этого призыва, видѣть въ немъ чуть ли не какой-то обманъ! Но тотчасъ въ ней поднимался иной, давно знакомый голосъ: „да, полно, говорилъ онъ, находятъ ли всѣ приходящіе обѣщанное утѣшеніе, и много ли пользы для тѣхъ, кому оно сулитъ покой развѣ за гробомъ?“ Случайно взглядъ ея упалъ на стоявшаго позади Томилина: подъ конецъ службы Ѳедоръ Васильевичъ при-

близился къ тому мѣсту, гдѣ стояли Корецкіе: Бѣлые Столбы были его приходомъ, и онъ часто туда наѣзжалъ къ обѣднѣ. Томилинъ ласково кивнулъ Надѣ. Взглядъ ея уже не отрывался отъ его сухого, продолговатаго лица, точно она думала прочесть на немъ какое-то объясненіе.

— Въ первый разъ сюда пришла сегодня,—шепнулъ ему на ухо Володя..

Служба кончилась. Анна Григорьевна у паперти сѣла на дрожки. „Устала немножко, домой не дойду“, какъ будто извинялась она. Для нея всегда тяжело было сознаваться въ своей слабости. Домашніе показывали видъ, будто они не примѣчаютъ, что она далеко уже не прежняя, бодрая хозяйка. Дмитрій, Томилинъ и Надя прошли домой черезъ садъ. Володя отправился вести переговоры со старикомъ пасѣчникомъ Ксенофонтомъ, съ которымъ ходилъ часто вдвоемъ на охоту. Тотъ еще съ утра пришелъ объявить, что около Бѣлыхъ Столбовъ дрофа показалась въ большомъ числѣ. И Володя собирался на слѣдующее же утро вмѣстѣ съ нимъ попытать счастіе.

— Почему это вы, Надежда Сергѣевна,—вдругъ спросилъ у молодой дѣвушки Томилинъ,—такъ пристально на меня глядѣли во время Евангелія?

— Да такъ, мнѣ въ голову пришла одна мысль насчетъ васъ.

Она продолжала не сразу.

— Мнѣ думается, нашли ли вы то успокоеніе, про которое говорится въ текстѣ. Вѣдь, и вы несомнѣнно труждающійся, я знаю, изъ тѣхъ, которые пришли...

Томилинъ вздохнулъ.

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, кто про себя можетъ сказать, что онъ пришелъ и куда пришелъ?

— Ну, вотъ видите,—живо возразила она (они вошли уже въ садъ и поднимались къ дому),—коли даже вы не можете сказать утвердительно, что же должны тогда чувствовать простые, необразованные люди? Осьмнадцать

вѣковъ они слышатъ эти утѣшенія съ амвона, а много ли облегчилась отъ того ихъ нужда?

— А вы думаете, нѣтъ? Вы думаете, чувство довѣрчивой покорности не помогаетъ даже въ физическихъ страданіяхъ? Да поглядите вотъ на себя: развѣ вамъ не лучше теперь, когда вы чувствуете себя примиренною со всѣми?

— Да въ томъ-то и дѣло, Ѳедоръ Васильевичъ,—улыбнулась ему Надя въ отвѣтъ,—что я боюсь какъ бы мое собственное счастье не заставило меня позабыть про другихъ.

— Эхъ, Надя, Надя,—вмѣшался Дмитрій,—когда ты перестанешь мучить себя, какъ будто ты и права не имѣешь быть просто счастливою! Ну скажи мнѣ, пожалуйста, развѣ лучше было бы тѣмъ, о комъ ты всегда сокрушаешься, еслибъ у нихъ отняли надежду и перестали они молиться по-своему, можетъ быть, и не зная даже какими словами молиться, и стали бы они роптать и завидовать другимъ. Ты недавно, кажется, видѣла примѣръ, сколько пользы имъ принесли тѣ, кто возбуждали ихъ къ протесту. Лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ—конечно, да бѣда-то въ томъ, что синицу эту имъ сулятъ только, а дать не могутъ, а вмѣсто нея оказывается развѣ красный пѣтухъ.

Они втроемъ усѣлись на скамейку предъ домомъ.

— Я никогда до сихъ поръ, Дмитрій,—опять начала Надя,—съ тобой про это не заговаривала. Мнѣ казалось, что и ты избѣгалъ этихъ вопросовъ, потому... потому что и твои мнѣнія расходятся съ понятіями Анны Григорьевны... ну да и съ вашими тоже, Ѳедоръ Васильевичъ...

— Вотъ какъ,—разсмѣялся Томилинъ,—это все, конечно изъ-за лабораторіи, въ которой Дмитрій Алексѣевичъ весной проводилъ цѣлые часы? А теперь всетаки отъ химіи поотсталъ, а?

Дмитрій молчалъ.

— Мнѣ совсѣмъ не до смѣха,—продолжала Надя,—я

очень хорошо сознаю, что настоящихъ, твердыхъ убѣжденій у меня нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что надо очень, очень много знать, прежде чѣмъ рѣшиться утверждать положительно.

— Знаніе, Надя,—будто съ усиліемъ проговорилъ Дмитрій,—да, вѣдь, это фонарь въ потемкахъ, которымъ солнце не замѣнишь! Представь себѣ, что я въ темной комнатѣ, куда еле-еле сквозитъ дневной свѣтъ, и меня увѣряютъ, будто я не имѣю права выйти оттуда, пока къ дверямъ не подберутъ ключа. А ключа все не находятъ, либо, если найдутъ, онъ замка не отпираетъ. Ну, какъ ты думаешь, стану я дожидаться, можетъ быть цѣлую жизнь, или просто постараюсь отворить, а пожалуй и выломать дверь. А тамъ, я знаю, солнце ясно свѣтитъ и видъ чудесный, а меня туда не пускаютъ, потому что вотъ такой-то ученый все еще не рѣшилъ, какой системы долженъ быть знаменитый ключъ...

— Ну хорошъ же ты послѣ этого естествоиспытатель,—сказала Надя, а глаза ея между тѣмъ засвѣтились сочувствіемъ.

— Да развѣ одно другому мѣшаетъ? Конечно, никакая вѣра не поможетъ отыскать законъ паденія тѣлъ, но за то этотъ законъ, да и всякій другой, не помогутъ мнѣ, коли у меня есть горе.

— Молчи, молчи, зачѣмъ про горе упоминать,—и Надя съ какимъ-то суевѣрнымъ испугомъ закрыла ему ротъ ладонью.

— Да его и не будетъ—улыбнулся Томилинъ,—довольно вы натерпѣлись...

Къ нимъ крупными шагами, съ сіяющимъ лицомъ, подходилъ Володя. Въ рукѣ у него было нѣсколько писемъ и газетъ. Дорогой онъ перехватилъ только-что привезенную изъ города почту.

— Ко мнѣ! Заграничное!—запыхавшись воскликнулъ онъ, вынимая изъ пачки одинъ маленькій голубой конвертъ. Письмо было адресовано ему, крупнымъ, хоть и

очень юнымъ женскимъ почеркомъ. На конвертѣ была французская марка; на штемпелѣ значилось: Biaritz.

— Что если это отъ Жени?—и Володя дрожащими пальцами распечаталъ письмо.

Оно въ самомъ дѣлѣ было отъ Жени и оказалось на цѣлыхъ осьми страницахъ. Послѣдняя была даже исписана крестъ-на-крестъ—барышни всегда большія охотницы такъ писать: слишкомъ уже много интереснаго онѣ приберегаютъ къ концу.

Женичка совсѣмъ, повидимому, не скорбитъ о своемъ отъѣздѣ изъ Россіи. Она говорила, конечно, что очень сожалѣетъ о Никольскомъ, но тѣмъ не менѣе восторженно описывала свои заграничныя впечатлѣнія. Вотъ что писала она, между прочимъ, конечно, по-французски:

„...Море — это та же степь, но вѣчно гнѣвное и страстное. Я ужасно люблю море. Мы каждый день купаемся и ѣздимъ на лодкѣ. Мнѣ нравятся волны, потому что онѣ сильныя, и я ихъ совсѣмъ не боюсь. Мы только-что вернулись изъ поѣздки въ Испанію. Я была очень разочарована. Представьте себѣ, сейчасъ за Пиринеями также гладко, какъ у насъ, только вмѣсто нашихъ полей какія-то выжженныя, сѣрыя, съ жалкою растительностью, и деревьевъ совсѣмъ нѣтъ. Страна какъ будто лѣнивая, сонная, такая же какъ народъ. Только соборъ въ Бургосѣ чудесный. Здѣсь очень весело; мы со многими Англичанами познакомились. Я ихъ гораздо больше люблю, чѣмъ Французовъ. Когда они что-нибудь скажутъ, такъ и чувствуешь, что это правда. Каждый день играемъ въ lawntennis: вы бы очень полюбили эту игру. Очень хорошо тоже на ослахъ кататься. У насъ будущимъ лѣтомъ непремѣнно будутъ ослы. Не знаю долго ли мы здѣсь останемся. Мама собирается отсюда въ Ниццу. Всѣ говорятъ, что тамъ еще лучше, чѣмъ здѣсь. Но въ Петербургѣ мы непремѣнно будемъ до зимы. Итакъ, все-таки могу вамъ сказать: до скораго свиданія“.

Затѣмъ письмо оканчивалось всего двумя буквами Е. О. Женичка долго обдумывала, какъ ей всего приличнѣе кончить и наконецъ остановилась на этой лаконической подписи. Не менѣе долго она колебалась и для начала письма. Она бралась за него нѣсколько разъ и перепортила цѣлыхъ пять листовъ бумаги. Сперва она было написала: „Cher Владиміръ Алексѣевичъ“, но это ей показалось слишкомъ фамильярно. Потомъ она замѣнила этотъ приступъ словомъ „Monsieur“, но это было уже слишкомъ холодно и оффиціально. Фраза: „Cher monsieur Karetzky“ тоже ей не понравилась, и она пришла къ заключенію, что лучше всего прямо начать письмо безъ всякаго приступа.

На Володю, хоть онъ былъ сначала счастливъ и польщенъ, посланіе Женички въ концѣ концовъ не произвело особенно радостнаго впечатлѣнія. Слишкомъ ужъ явно она восхищалась путешествіемъ, и смутное чувство безпричинной ревности прокрадывалось къ нему въ сердце. Да и возвращеніе въ Россію все откладывалось—теперь уже рѣчь шла о зимѣ, и Женичка говорила про это какъ ни въ чемъ не бывало! Онъ бережно сложилъ письмо и спряталъ его въ карманъ, но радость его куда-то отлетѣла.

— А графъ Сергѣй Борисовичъ,—сказалъ Дмитрій,—согласился-таки быть опекуномъ дамы твоего сердца. Сегодня мнѣ про это написалъ никольскій управляющій.

Но и эта добрая вѣсть не разсѣяла напавшаго на Володю раздумья.

— Ну а какъ ваша охота?—спросила у него Надя.

— Да какая тутъ охота!—махнулъ онъ рукой.

— А что, Θедоръ Васильевичъ,—обратился къ Томилину Дмитрій, не хотите ли позавтракать? Вы, я думаю, проголодались?

Всѣ поднялись съ мѣста. Не успѣли они, однако, пройти нѣсколько шаговъ, какъ увидали вбѣгавшую второпяхъ ключницу Анисью.

— Дмитрій Алексѣевичъ,—заговорила она вся растерянная,—идите сюда, батюшка. Не знаю, какъ и быть съ генеральшей, что-то недоброе случилось...

Всѣ поспѣшили въ домъ. Въ своемъ кабинетѣ, на мягкомъ вольтеровскомъ креслѣ Анна Григорьевна лежала безъ чувствъ.

II.

Анна Григорьевна оправилась и на этотъ разъ. Цѣлые три часа до пріѣзда доктора она пролежала въ безпамятствѣ, но потомъ сознаніе и языкъ къ ней возвратились. Остался только общій упадокъ силъ, продолжавшійся и въ слѣдующіе дни. Мертвенная желтоватая блѣдность покрывала лицо, глаза глядѣли тускло и неподвижно. Не смотря на то, что старушка избѣгла паралича, докторъ, повидимому, оставался недоволенъ ходомъ болѣзни. Прямыхъ опасеній, какъ водится, онъ не высказывалъ, но о будущемъ говорилъ съ таинственною нерѣшительностью. „На этотъ разъ, объявилъ онъ на третій день и при этомъ усиленно сталъ обтирать платкомъ вспотѣвшую лысину,—бояться нечего; а при надлежащемъ уходѣ и приличныхъ случаю медикаментахъ можно надѣяться, что острый припадокъ не повторится“. Такъ прикрывалъ онъ несомнѣнную опасность смягчающими научными терминами, будто придуманными для того только, чтобы вводить родныхъ въ заблужденіе. Но эта осторожность не успокоила Дмитрія и Надю. Оба они сознавали, хоть и не высказывали этого другъ другу, что угрожающій призракъ затемнилъ ихъ счастье, что насталъ конецъ безмятежнымъ днямъ, которыми они недавно еще такъ довѣрчиво наслаждались.

Было сѣрое, тоскливое сентябрьское утро. Анна Григорьевна уже шестыя сутки не выходила изъ спальни. Надя сидѣла въ своей комнатѣ у окна, въ ожиданіи что ее позовутъ къ теткѣ. Дмитрія не было дома; онъ

уѣхалъ осматривать участокъ лѣса назначенный на срубъ. Дождь съ самаго разсвѣта съ грустнымъ постоянствомъ осеннихъ дождей равномѣрно билъ въ стекла оконъ. Надя уже цѣлый часъ неподвижно глядѣла, какъ одна за другою капли ударялись все въ то же самое мѣсто на каменной плитѣ у подъѣзда и какъ водяныя брызги небольшими струйками разсыпались въ разныя стороны. Она слѣдила упорно за этими струйками, какъ дѣлаютъ это люди чья мысль работаетъ и у которыхъ остается ровно настолько вниманія, чтобы сосредоточить его на самомъ пустомъ предметѣ. „Вотъ, вотъ, сейчасъ выше отскочитъ", мелькало у нея въ головѣ, когда болѣе крупная капля падала въ маленькую лужицу, образовавшуюся на поверхности плиты. А между тѣмъ мысль уносила ее далеко назадъ. Какъ разъ за годъ передъ тѣмъ она собиралась въ Москву съ сестрой и съ Нерадовичемъ. Тогда былъ тоже мутный сентябрьскій день, какъ теперь; она живо припомнила всѣ подробности сборовъ и отъѣзда. Ей только что минуло тогда восемнадцать лѣтъ. Ровно годъ отдѣлялъ ее отъ этого времени, а какъ все негаданно измѣнилось въ ея жизни! И не только внѣшность этой жизни совсѣмъ уже не та; нѣтъ, весь ея внутренній міръ, ея понятія и желанія, все это словно пересоздано вновь. Наканунѣ былъ опять день ея рожденія. И какъ непохожъ онъ былъ на тотъ, который за годъ передъ тѣмъ она провела въ О. въ маленькой квартирѣ Тумановыхъ! Правда, и теперь онъ прошелъ невесело; болѣзнь Анны Григорьевны бросала грустную тѣнь на всю семью, но за то сколько теплой любви окружаетъ ее теперь, вмѣсто того суроваго, мнимаго долга, которому сама она годъ назадъ себя посвятила. Да, жизнь ея расцвѣла, какъ расцвѣтаетъ иногда отъ лѣтняго солнца побитое морозомъ молодое дерево. Теперь только, въ послѣдніе дни, она почувствовала себя вполнѣ свободною отъ нитей связывавшихъ ее съ прошлымъ. Онѣ порваны всѣ до единой, и Надя уже съ полной откровенностью призна-

валась предъ собой, какъ счастлива она тѣмъ, что возвратила себѣ полную свободу. Молодая дѣвушка ощущала то, что бываетъ съ людьми, которые только что укрылись отъ опасности и радостно отдаются возраждающему чувству избавленія.

Надя растворила окно. Дождь лилъ все сильнѣе. „Бѣдный Митя, какъ онъ себя не бережетъ“, подумала она, и ей вдругъ усиленно захотѣлось его тотчасъ же увидѣть возлѣ себя, словно ему опасность какая-то грозила, и одна она сумѣла бы его уберечь. „Очень ему нужно вѣчно хлопотать! Какъ будто безъ его участія ничего не можетъ сдѣлаться по имѣнію“, продолжала она разсуждать съ собою, совершенно забывая, какъ мало такія мысли шли къ прежней Надѣ, которая еще такъ недавно требовала во всемъ и отъ себя и отъ другихъ строгаго подчиненія долгу. Вдругъ послышался звукъ копытъ ударявшихъ о намокшую землю. Это былъ Дмитрій, конечно. Но пріѣхавшій обогнулъ палисадникъ на дворѣ, и она узнала кучера. Онъ привезъ изъ города почту.

— Что, намокъ, бѣдный?—спросила она черезъ окно.

— Да, ужъ порядкомъ, барышня,—весело отвѣтилъ тотъ, отряхивая свои мокрые густые волосы. — Ну да ничего, дѣло пустое! Для васъ письмецо привезъ.

— А Дмитрія Алексѣевича не встрѣтилъ?—спросила Надя, для того только завязавшая этотъ разговоръ, чтобъ освѣдомиться о Дмитріи. Письмо ее нисколько не интересовало. Когда его однако ей подали, она удивилась, увидавъ на конвертѣ почеркъ Туманова. Конвертъ изъ грубой сѣроватой бумаги былъ запечатанъ сургучемъ. Надя почему-то сперва разсмотрѣла печать, на которой былъ изображенъ какой-то небывалый цвѣтокъ, и убѣдилась въ томъ, что она была не тронута. Молодая дѣвушка взглянула на клеймо—на немъ значилось: „Ст. Плетеный Ташлыкъ“.

Вотъ что съ возрастающей тревогой прочла Надя, когда вскрыла, наконецъ, письмо Туманова.

„Многоуважаемая Надежда Сергѣевна.—Считаю дол-

гомъ увѣдомить васъ о постигшей насъ бѣдѣ. Жена моя была арестована третьяго дня, во время моего отсутствія. Вернувшись домой, вчера я узналъ отъ нашей служанки, какъ было дѣло. Полицейскіе явились въ 9 часовъ вечера. Мужчинъ въ квартирѣ не было. Жена не пробовала сопротивляться и не успѣла сжечь бумагъ. Служанку взяли тоже, но выпустили на другой день, да она къ нашему дѣлу неприкосновенна. Я, конечно, долженъ былъ перемѣнить квартиру. Какъ ни тяжело мнѣ теперь, а для общаго дѣла надо себя беречь. Когда жену взяли, она успѣла-таки сказать нашей служанкѣ, чтобы та извѣстила васъ. „Передайте мужу, чтобъ онъ написалъ Надѣ. У нея теперь хорошія связи. Она можетъ быть для насъ что-нибудь сдѣлаетъ.“ Не знаю сильны ли ваши связи, но сомнѣваюсь, чтобы вы что-нибудь сдѣлать захотѣли. Кто къ прежнему дѣлу повернулся спиной, тотъ мало заботится о тѣхъ, которые продолжаютъ за него стоять. Мы часто съ женой про васъ толковали и сожалѣли о васъ. Саша васъ не переставала любить и все еще вѣритъ, что вы намъ не измѣнили. Я этихъ иллюзій не раздѣляю и думаю, что письмо мое васъ не опечалитъ особенно. Какое вамъ дѣло до сестры, которая настолько была наивна что продолжала служить прежнему, безнадежному дѣлу, когда вамъ, напротивъ, предстоитъ наслаждаться счастьемъ и богатствомъ. Письмо это я счелъ неудобнымъ вамъ послать отсюда. Одинъ изъ нашихъ, который уѣзжаетъ сегодня, взялся его опустить въ ящикъ на одной изъ маленькихъ станцій. Такъ, я думаю, все-таки будетъ вѣрнѣе насчетъ офиціальной любознательности. Съ этою же цѣлью я запечаталъ конвертъ сургучомъ. Но, отсылая его къ вамъ, я вполнѣ сознаю, что это лишь исполненіе формальности. такъ какъ счастливые люди о бѣдныхъ родственникахъ мало заботятся, особенно когда тѣ имѣли несчастіе попасть въ число неблагонадежныхъ.

„Вашъ

„Леванъ Тумановъ.“

Наивныя предосторожности Туманова, увы, оказались совершенно напрасными. Письмо его было прочтено гдѣ слѣдуетъ, тщательно запечатано и отправлено по адресу, а съ содержанія его была снята копія.

Надя сперва не почувствовала обидныхъ укоровъ шурина—такъ поразило ее извѣстіе объ арестѣ сестры. „Бѣдная, бѣдная Саша“, громко повторяла она нѣсколько разъ и тотчасъ застыдилась собственнаго счастья при мысли о бѣдѣ, постигшей сестру. Образъ этой сестры теперь ярко воскресъ предъ воображеніемъ молодой дѣвушки. Черты ея лица вдругъ съ удивительною отчетливостью выступили предъ памятью Нади, и для нея эти черты получали какую-то странную, нѣжную прелесть. Надя почему-то вдругъ припомнила мелкіе позабытые случаи изъ прошлой ея жизни съ сестрой, и каждый изъ этихъ случаевъ дорисовывалъ какую-нибудь симпатичную, милую черту въ характерѣ Саши. Разлука съ сестрой и постигшее ее горе вдругъ придали ей въ глазахъ Нади какое-то особое обаяніе. Никогда еще Саша не была ей такъ дорога какъ именно теперь. Прежде Надѣ случалось осуждать сестру за отсутствіе твердости воли; порой даже полупрезрительное мнѣніе о ней слагалось въ гордой головкѣ Нади. Какъ совѣсть мучила ее теперь за эти суровыя, несправедливыя сужденія! „Бѣдная, бѣдная Саша! Она, слабая и нерѣшительная, сумѣла однако принести себя въ жертву ради своихъ убѣжденій.“ Конечно, Надѣ эти убѣжденія теперь казались дикими, безобразными; но каковы бы ни были они, самопожертвованіе все-таки оставалось въ ея глазахъ великимъ. Она живо представила себѣ какова должна быть жизнь Саши за послѣдніе мѣсяцы, жизнь исполненная лишеній и завершенная тюрьмой. А она сама? Она такъ забылась среди счастливыхъ ощущеній послѣднихъ недѣль, что ни разу въ это время даже не вспомнила про сестру. Совѣсть обвиняла ее все громче и громче въ безсердечьи. Она разошлась съ прежнею средой, но это не давало ей

права хладнокровно вычеркнуть изъ памяти тѣхъ, къ кому она прежде стояла близко.

Надя еще разъ принялась за письмо Туманова. Тутъ только сказалась ей вся горечь его упрековъ и они тѣмъ болѣзненнѣе отозвались въ ея сердцѣ, что она сама только-что говорила себѣ почти то же. Краска стыда бросилась ей въ лицо. Какъ? Тумановъ былъ увѣренъ, что она пальцемъ не шевельнетъ для защиты сестры, потому что, какъ онъ выражался, счастливые люди становятся равнодушны къ горю бѣдныхъ родственниковъ? Неужели и она такова? Вѣдь, поведеніе ея съ сестрой давало Туманову право такъ думать о ней, и потому именно, что своего шурина она знала за человѣка недальнаго ума, приговоръ его казался суровѣе всякаго иного. Но она покажетъ, что онъ ошибался: она сдѣлаетъ все, что въ ея силахъ, дабы спасти сестру или по крайней мѣрѣ, повидаться съ нею. Силы ея, конечно, не велики. Тѣхъ связей, на которыя намекаетъ Тумановъ, у нея нѣтъ вовсе, но всетаки попытку она сдѣлаетъ. Она, пожалуй, обратится къ Боровскому, какъ ни тяжело это для нея, или попроситъ графа Сергѣя Борисовича. Плана дѣйствія у нея еще не было никакого. Надя смутно представляла себѣ только рядъ хлопотъ и усилій, въ которыхъ она себя не пощадитъ.

Въ особенности ей надо повидаться съ сестрой, утѣшить сколько можно и образумить ее. Если ей не удастся избавить Сашу отъ грозившаго суда,—а на этотъ счетъ Надя себѣ не дѣлала иллюзіи,—она, по крайней мѣрѣ, принесетъ сестрѣ нравственную помощь, подѣлится съ нею тѣми новыми успокаивающими мыслями, которыхъ она съ недавнихъ поръ исполнена сама. Только сдѣлавъ это, обнявшись съ сестрой хоть разъ, Надя получитъ право быть счастливою. Знать о безвыходномъ положеніи сестры и оставаться къ нему равнодушною, это въ глазахъ Нади было чѣмъ-то до того низкимъ и презрѣннымъ, что потомъ уже о счастьи для нея не могло быть и рѣчи. Совѣсть не дастъ ей покоя. Образы

покинутыхъ ею когда-то близкихъ людей будутъ преслѣдовать ее съ горькимъ упрекомъ за то что счастье въ жизни досталось ей какъ награда за измѣну. Она рѣшилась во что бы то ни стало поѣхать въ О***, тамъ разыскать Туманова, повидаться съ сестрой... Надя все еще не ясно сознавала, къ чему поведетъ ея поѣздка. Но каковы бы ни были послѣдствія, сама поѣздка казалась ей чѣмъ-то неизбѣжнымъ. И если даже сестру она не увидитъ и ее не пустятъ къ Сашѣ, она все-таки найдетъ средство доставить ей хоть какую-нибудь вѣсточку. Бѣдная заключенная, по крайней мѣрѣ, будетъ знать, что ее не совсѣмъ забыла семья.

Когда Надя часъ спустя сообщила о своемъ намѣреніи жениху, Дмитрій про ея отъѣздъ не захотѣлъ и слышать.

— Тебѣ ѣхать туда почти наканунѣ свадьбы? Слишкомъ за тысячу верстъ?—воскликнулъ онъ въ порывѣ такого страстнаго чувства, какого ей не довелось еще видѣть отъ сдержаннаго Дмитрія.—Да развѣ я тебя пущу?

Надя слушала его, опустивъ голову, и не возражала ничего. Она дала ему наговориться въ волю. Глубокая грусть читалась на ея лицѣ.

— И въ какое время ты это задумала! Мать больна, опасно больна; я ея оставить не могу; ты, вѣдь, это знаешь...

— Я поѣду одна, Дмитрій,—тихо отвѣтила молодая дѣвушка, не поднимая на него глазъ.

— Одна? Да пойми же, что это невозможно. Что же это наконецъ? Если тебѣ все равно покинуть мать въ такую минуту—вѣдь, она теперь стала матерью и для тебя,—то неужели разстаться со мною для тебя ничего не значитъ? Вотъ, стало быть, какова твоя любовь!..

— Ничего не значитъ? И ты можешь такъ говорить? Неужели ты думаешь мнѣ легко на это рѣшиться?

Пламенныя слова Дмитрія опять полились бурною рѣкой. Ему словно казалось, что у него хотятъ вырвать

изъ рукъ съ такимъ трудомъ добытое счастье, какъ будто рѣчь шла не про короткую поѣздку на нѣсколько дней, а про разлуку навсегда.

Но поколебать рѣшеніе разъ принятое Надей ему оказалось не подъ силу.

— Я, вѣдь, уѣзжаю не на долго, Дмитрій,—по прежнему тихо отвѣчала она.—До О*** по желѣзной дорогѣ менѣе трехъ сутокъ. Если я поѣду завтра, ты въ понедѣльникъ вечеромъ (разговоръ ихъ происходилъ въ среду) получишь отъ меня телеграмму. Тамъ я всего пробуду три, четыре дня, а въ воскресенье на той недѣлѣ уже буду здѣсь.

— И ты говоришь про это такъ просто и спокойно, какъ будто дѣло совсѣмъ рѣшено и до меня вовсе не касается?

— Мнѣ больно огорчать тебя, Дмитрій, но пойми же, что я не могу быть счастлива съ тобой, зная, что бѣдную сестру ждетъ тюрьма, а можетъ быть и ссылка. Дай мнѣ увидаться съ ней, по крайней мѣрѣ... Ты прочелъ, что пишетъ Тумановъ. Эти упреки будутъ преслѣдовать меня всю жизнь—вѣдь, онъ правъ, Дмитрій, я своихъ забыла...

Дмитрій сдѣлалъ гнѣвное движеніе рукой. Его мало трогала въ эту минуту судьба ея родныхъ, недостойныхъ родныхъ, втолкнувшихъ ее въ безобразный омутъ, откуда почти чудомъ она была спасена.

— Много они про тебя помнили,—страстно возразилъ онъ,—и много ты видѣла отъ нихъ добра и любви! Бѣдная моя, обманутая дѣвочка, брось ихъ, забудь.

Но слова эти только усилили ея грустъ. Онъ понялъ это, сѣлъ возлѣ нея, и бережно взявъ ея руку въ свои, заговорилъ нѣжнымъ, почти умоляющимъ голосомъ:

— И какую пользу можешь ты принести сестрѣ? Положимъ, ты къ ней привязана; тебѣ хочется лишній разъ съ нею повидаться... Я это понимаю. Но, вѣдь, ты ровно ничего не достигнешь своею поѣздкой, не только помочь чѣмъ-либо сестрѣ, даже увидѣть ее не удастся. Тебя къ ней не пустятъ.

— Я попрошу Боровского, онъ въ этомъ мнѣ отказать не можетъ.

— Боровской! Ты на него разсчитываешь? Сколько я его знаю, нѣтъ у тебя злѣе врага.

Надя подняла на Дмитрія свои, теперь широко раскрытые, глаза.

— Нѣтъ, Митя, ты на его счетъ ошибаешься. Положимъ, я оскорбила его самолюбіе, но изъ-за этого онъ не откажетъ мнѣ въ свиданіи съ Сашей. У Боровского не мелкая натура.

Дмитрій истощилъ одинъ за другимъ всѣ свои доводы, въ десятый разъ повторяя ей одно и то же. Онъ сознавалъ, что былъ правъ, но противодѣйствіе его слабѣло предъ ея тихою рѣшимостью.

— Неужели, Митя, ты не хочешь принести этой жертвы ради моего спокойствія? Вѣдь, я же приношу ее, мнѣ, вѣдь, не легко съ тобою разставаться. Я чувствую, что для меня это священный долгъ; можетъ быть я и ошибаюсь, можетъ-быть и не достигну ничего; но еслибъ я не поѣхала туда, воспоминаніе о погибшей, которой я и руки не протянула на прощанье, отравило бы всю мою жизнь.

Дмитрій былъ въ отчаяньи. Онъ не находилъ уже словъ, чтобы убѣдить ее. Конечно, онъ могъ бы ее не пустить; онъ зналъ, что Надя не воспротивилась бы прямо высказанной имъ волѣ; но имѣлъ ли онъ право лишить ее того, что въ ея глазахъ было единственно возможнымъ успокоеніемъ для взволновавшейся совѣсти?

— Подожди, по крайней мѣрѣ, пока матушкѣ станетъ лучше,—сказалъ онъ, уступая,—мы тогда поѣхали бы вмѣстѣ.

— Нѣтъ, Митя, рѣшаться, такъ ужъ рѣшаться. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Сестра ждать не можетъ. Кто знаетъ, гдѣ она будетъ черезъ недѣлю? А ѣхать одной мнѣ не въ диковинку.

Онъ молча зашагалъ по комнатѣ.

— Хорошо, Надя,—остановился онъ передъ нею,—я тебя отпущу, но и не думай о томъ, чтобъ ѣхать одной: ты возьмешь съ собой Анисью, на нее положиться можно.

— Какъ, Анисью? Что станетъ дѣлать безъ нея тетя?

— Ну, мама какъ-нибудь и безъ нея обойдется. А тебя, по крайней мѣрѣ, я хочу сдать въ надежныя руки. Когда ты поѣдешь?

— Я думаю, завтра.

Было рѣшено между ними въ тотъ же вечеръ сказать Аннѣ Григорьевнѣ про отъѣздъ Нади, не объясняя ей, однако, всей правды. Ее увѣрили, что Надя получила извѣстіе про болѣзнь отца: ее не хотѣли слишкомъ тревожить.

Анна Григорьевна удивительно спокойно, почти безучастно отнеслась къ этому извѣстію. Она и не думала возражать; способность къ отпору въ ней была словно подорвана.

— Поѣзжай, дружокъ мой,—сказала она, цѣлуя Надю въ лобъ,—потѣшь отца. Хорошо ты это дѣлаешь, надо отца уважать. Кланяйся отъ меня Сергѣю Петровичу. А что-жъ Митя съ тобой поѣдетъ?

— Нѣтъ, мама, я при васъ останусь. Поѣдетъ Анисья.

— Ну, какъ вы знаете. Только побереги себя, дружокъ мой, смотри не простудись.

У Дмитрія и Нади слезы навертывались на глазахъ, такъ имъ тяжело было видѣть этотъ упадокъ воли у недавно еще бодрой старушки.

— Прощайте, тетя милая,—еще разъ поцѣловала ея руку Надя,—можетъ быть завтра, когда я поѣду, вы будете еще спать.

— Прощай, прощай, Христосъ съ тобой, Надочка; возвращайся скорѣе.

И старушка прижала къ себѣ молодую дѣвушку, перекрестивъ ее дрожащею рукой.

На другой день Дмитрій и Володя проводили Надю на поѣздъ.

Отъѣзжающихъ было мало. Широкая станція смо-

трѣла печально въ дождливый осенній день. Казалось все, даже самъ поѣздъ, лѣниво, не спѣша, приготовлялся въ путь. На одной сторонѣ платформы терпѣливо ожидала звонка давно уже собравшаяся кучка крестьянъ съ какими-то холщевыми мѣшками, да котомками. Въ залѣ перваго класса человѣкъ семь или восемь мирно доѣдали завтракъ, изрѣдка обмѣниваясь отрывочными замѣчаніями. Буфетный слуга, въ удивительно засаленномъ фракѣ, съ сонною и подбитою физіономіей, не спѣша подавалъ кушанье, причемъ нерѣдко приходилось громко подзывать его раза по три. Тучная помѣщица съ многочисленными узелками и двумя собачонками усѣлась въ углу и сладко дремала. Всѣ знали очень хорошо, что до третьяго звонка оставалось еще полчаса. Только господинъ съ гнѣвнымъ лицомъ, въ красной желѣзнодорожной фуражкѣ, крупными шагами расхаживалъ по платформѣ, на кого-то прикрикивалъ и дѣлалъ видъ будто отдаетъ важныя приказанія: это былъ помощникъ начальника станціи.

Надю Дмитрій поспѣшилъ усадить въ вагонъ: оберъ-кондукторъ обѣщалъ устроить такъ, чтобъ ее тамъ не тревожили. На прощаньи женихъ и невѣста говорили о самыхъ безразличныхъ предметахъ; оба они крѣпились, чтобы скрыть другъ отъ друга свою грусть. Володя пробовалъ даже подшучивать, но веселость его не находила отголоска. Дмитрій и Надя почти тяготились долгимъ промежуткомъ времени остававшимся до отъѣзда. Имъ обоимъ такъ было тяжело, что казалось былъ бы облегченіемъ даже сигнальный свистокъ. Отсрочка на прощаньи, это то же, что медленно произведенная операція.

— Ты мнѣ телеграмму дай уже изъ Харькова, пожалуйста,—въ десятый разъ повторялъ онъ.

— Ну да, ну да. А ты смотри, маму побереги.

Наступило молчанье. Потомъ опять заговорилъ Дмитрій:

— Ты ничего изъ своихъ вещей не забыла?

Но вотъ раздался второй звонокъ.

— Пожалуйте изъ вагона: черезъ пять минутъ ѣдемъ,—сказалъ кондукторъ, входя въ отдѣленіе перваго класса, гдѣ помѣстилась Надя.

И Дмитрій и она какъ будто почувствовали какое-то облегченіе при мысли, что сейчасъ вотъ поѣздъ тронется. „Ну, прощай, Надя, обнялъ онъ ее,—будь умница. Прощай". И онъ вышелъ съ Володей на платформу. Но тутъ, когда преграда отдѣлила его отъ Нади, сердце его болѣзненно вдругъ сжалось. Онъ не могъ отогнать мрачныхъ мыслей, навѣянныхъ этою неожиданною разлукой, какъ ни твердилъ себѣ, что черезъ нѣсколько дней она вернется. Дмитрій стоялъ прислонившись къ окну вагона, и взглядъ его какъ будто прощался не съ ней одною, а со всею этою тѣсною обстановкой, гдѣ ей придется провести нѣсколько часовъ.

— Хорошо ли тебѣ здѣсь?—еще разъ повторилъ онъ.—Анисья, поручаю вамъ Надежду Сергѣевну.

— Будьте спокойны, Дмитрій Александровичъ. Небось уберегу барышню.

И ласковое, доброе выраженіе показалось на морщинистомъ лицѣ старой ключницы.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Дмитрій повторилъ еще разъ тѣ же вопросы и тѣ же наставленія. Зазвонили въ третій разъ; потомъ раздался пронзительный свистокъ; потомъ на нѣсколько секундъ наступила какая-то странная гробовая тишина. И медленно, какъ движутся люди страдающіе одышкой, поѣздъ, скрипя рессорами, двинулся съ мѣста, а паровозъ пустилъ къ сѣрому небу густое облако дыма.

Тутъ Надя себя уже не сдерживала. Слезы хлынули изъ ея глазъ и долго она неподвижно глядѣла въ ту сторону, гдѣ давно уже скрылись дома города. Ей казалось, что чья-то рука насильно вырвала ее изъ дорогой среды и влечетъ ее туда, гдѣ не видать ей уже счастья, на мигъ блеснувшаго въ ея жизни.

III.

На 28 сентября, черезъ три дня послѣ отъѣзда Нади, въ окружномъ судѣ было назначено къ слушанію дѣло о кандидатѣ агрономіи, житомірскомъ мѣщанинѣ, Станиславѣ Викентьевѣ Гондзевскомъ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство. Судъ на этотъ разъ измѣнилъ своей обычной неторопливости: Коневецкій въ три недѣли окончилъ слѣдствіе, а мѣсяца хватило на утвержденіе обвинительнаго акта. Правда и то, что обвиненіе казалось простымъ до очевидности.

Дѣло это возбуждало въ городѣ живой интересъ и, какъ водится, общество и на этотъ разъ сочло нужнымъ раздѣлиться на партіи. Много спорили о томъ, имѣлъ ли Дмитрій право собственною властью арестовать Гондзевскаго; и стараніями тѣхъ добрыхъ людей, въ чьихъ глазахъ преступникъ достоинъ большаго сочувствія, чѣмъ жертва преступленія, Гондзевскій мало-по-малу превратился въ страдальца за правое дѣло. Корреспондентъ Безвидовъ даже тиснулъ на его счетъ статейку въ одной петербургской газетѣ.

Немудрено, что зала суда была совершенно полна, и судебному приставу, что рѣдко случается въ провинціи, пришлось чуть ли не силой защищать входныя двери отъ напора любопытныхъ. Гондзевскій и не ожидалъ что его произведутъ въ герои дня: когда его ввели въ залу, онъ съ тупымъ изумленіемъ окинулъ взглядомъ пеструю толпу, собравшуюся послушать какъ изъ-за него прокуроръ и адвокатъ будутъ обмѣниваться ядовитыми рѣчами. Его личною судьбой, конечно, не интересовался никто. Но защищать его взялся мѣстное свѣтило, Заболдуха-Забалдай. Обвиненіе поддерживалъ извѣстный своею мягкою ѣдкостью товарищъ прокурора Соборянскій. Словомъ, ожидалось нѣчто вродѣ перваго представленія, и всѣ заранѣе облизывались предъ вѣроятнымъ скандаломъ. Всего болѣе колыха-

лись отъ возбужденія дамы, и увы! симпатіи ихъ большею частію не были на сторонѣ Дмитрія. Наѣзжая въ городъ исключительно по дѣламъ, онъ не счелъ нужнымъ познакомиться съ мѣстнымъ обществомъ, и прелестныя супруги всего чиновнаго люда, отъ прокуратуры до акциза включительно, питали къ нему болѣе или менѣе явное нерасположеніе. Неудивительно, что среди прекраснаго пола обличенія г. Безвидова находили готовый отголосокъ.

Одною изъ наиболѣе усердныхъ защитницъ угнетенной невинности Гондзевскаго была супруга мѣстнаго управляющаго акцизомъ, Клементина Адамовна Дзынгаревская, особа въ высшей степени миловидная, съ непослушными и густыми бѣлокурыми волосами и чистокровною варшавскою ножкой, которую охотно показывала. Весь молодой и въ особенности не молодой чиновный людъ былъ неизмѣнно влюбленъ въ кокетливую польку. На этотъ разъ, помѣстившись въ залѣ суда на первой скамейкѣ, Клементина Адамовна все свое вниманіе посвятила вице-губернатору, который за ней ухаживалъ тѣмъ болѣе старательно, что собственная его половина обладала непривлекательною наружностью и еще болѣе непривлекательнымъ нравомъ. Была въ залѣ и другая дама не менѣе горячо расположенная въ пользу защиты. Ее звали Екатериной Николаевной Бондаревой. Давно уже она развелась съ мужемъ и въ мѣстномъ обществѣ была самою видною представительницей женской эманципаціи. Она затягивалась папиросκой и тянула шампанское не хуже любого гусара и въ качествѣ сторонницы свободной любви, установила для своихъ многочисленныхъ поклонниковъ нѣчто вродѣ маленькой говорильни, гдѣ обмѣнивались передовыми сентенціями, почерпнутыми изъ послѣднихъ нумеровъ газетъ и журналовъ. На этотъ разъ она съ неудовольствіемъ подмѣчала, что въ присутствіи дамъ изъ болѣе высокаго мѣстнаго круга молодежь ее какъ будто избѣгала. Даже обычные посѣтители ея маленькой го-

стиной, пряткій чиновникъ по особымъ порученіямъ Бѣлковъ и не менѣе пряткій адъютантъ начальника дивизіи, баронъ фонъ-Кратцфусъ, дѣлали видъ будто ее не примѣчаютъ. На это она язвительно даже намекала сидѣвшему возлѣ нея корреспонденту Безвидову.

Гондзевскій, на вопросъ предсѣдателя, виновнымъ себя не призналъ и тотчасъ по прочтеніи обвинительнаго акта начался допросъ свидѣтелей. Предсѣдатель говорилъ тѣмъ глухимъ, словно выходящимъ изъ щели голосомъ, какой бываетъ у второстепенныхъ пѣвцовъ, исполняющихъ въ операхъ басовыя партіи злого духа, привидѣнія, тѣни, или иной какой-либо, сверхъестественной личности, поющей обыкновенно изъ-за кулисъ.

Первымъ былъ вызванъ Дмитрій. Онъ, безъ лишнихъ словъ, разсказалъ какъ былъ въ него пущенъ выстрѣлъ, какъ затѣмъ онъ самъ распорядился о задержаніи Гондзевскаго и какъ были найдены вещественныя доказательства: серебряный портсигаръ, патронъ, оказавшійся подъ кроватью Гондзевскаго и ружье, изъ котораго недавно былъ выпущенъ зарядъ. Предсѣдатель слушалъ его молча, съ видомъ человѣка, который давно знаетъ суть дѣла и заботится лишь о томъ, чтобы скорѣе одолѣть скучное производство. Прокуроръ мягко и вкрадчиво поставилъ нѣсколько вопросовъ, на которые Дмитрію пришлось повторить уже сказанное. Въ публикѣ послышался ропотъ неудовлетвореннаго ожиданія. Дѣло становилось черезчуръ яснымъ и уже вовсе не романтичнымъ. „Неужели этотъ человѣкъ просто мошенникъ?“ удивилась г-жа Дзынгаревская.

— Я думаю,—улыбнулся вице-губернаторъ и тотчасъ изобразилъ на своемъ лицѣ испугъ, такъ какъ замѣтилъ невдалекѣ отъ себя свою законную половину.

— Его, пожалуй, обвинятъ. Какое безобразіе!—заволновалась г-жа Бондарева.

— Дождемся конца,—успокоивалъ ее Безвидовъ.

На лицахъ присяжныхъ была та зловѣщая, деревянная холодность, которой такъ боятся адвокаты.

Очередь ставить вопросы была за защитникомъ.

— И вы, стало быть, такъ-таки и заарестовали подсудимаго собственною властью, метнулъ въ него сокрушающимъ взглядомъ адвокатъ.

— Ближайшій органъ власти, старшина—иронически отвѣтилъ Дмитрій,—находился за шесть верстъ, а вызвать его въ полночь было не совсѣмъ легко.

— Я желаю знать не ваше мнѣніе, а голый фактъ. И вы сочли себя въ правѣ связать подозрѣваемое вами лицо и приставить къ нему караулъ?

— Да; счелъ себя въ правѣ.

Заболдуха съ торжествующимъ взглядомъ обвелъ всю залу.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Господа присяжные оцѣнятъ вашъ поступокъ. Они и скажутъ, возможно ли у насъ такое нарушеніе правъ свободнаго гражданина...

Предсѣдатель, говоря все какъ будто изъ-за кулисы, остановилъ Заболдуху.

— Я теперь настаивать не буду... Но какой поводъ имѣли вы заподозрить г. Гондзевскаго, когда, по вашимъ словамъ, вы услыхали какой-то выстрѣлъ?

Дмитрій съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Я уже объяснилъ суду, что пуля пролетѣла мимо моего уха и что, стало быть, выстрѣлъ былъ пущенъ въ меня. Подозрѣвалъ же я Гондзевскаго потому, что мнѣ было передано управляющимъ села Никольскаго про слышанныя отъ него угрозы...

— Это гнусная клевета!—возгласилъ со своего мѣста подсудимый.

Предсѣдатель и на этотъ разъ все также вяло сдѣлалъ ему замѣчаніе. Адвокатъ презрительно взглянулъ на своего кліента и продолжалъ разспрашивать.

— Вы утверждаете, стало быть, что слышали что ли тамъ свистъ пули? У васъ должно быть необыкновенно тонкій слухъ... Потрудитесь разсказать подробно, какъ все это произошло.

— Я уже передалъ суду все, что знаю, — нетерпѣ-

ливо отвѣтилъ Дмитрій,—и болѣе ничего добавить не имѣю.

— Господинъ предсѣдатель! — громогласно возгласилъ Заболдуха,—прошу васъ занести въ протоколъ, что свидѣтель отказывается давать показанія.

Но предсѣдатель это требованіе пропустилъ мимо ушей. Скука его все болѣе одолѣвала.

— Ввести свидѣтеля Владиміра Корецкаго,—говоря въ носъ, приказалъ онъ судебному приставу.

— Это неуваженіе священныхъ правъ защиты,—вполголоса негодовала г-жа Бондарева. Но Безвидовъ ея болѣе не слушалъ: онъ мысленно погрузился весь въ свою будущую корреспонденцію.

— Какъ прекрасно на васъ сидитъ это платье, лебезилъ предъ Клементиной Адамовной адъютантъ баронъ Кратцфусъ.

— Вы находите? Оно совсѣмъ простенькое.

— Завтра устраивается partie de plaisir за городъ: вы поѣдете?—усердничалъ чиновникъ по особымъ порученіямъ. Вице-губернаторъ былъ уже усмиренъ своею супругой.

Показаніе Володи ничего не прибавило къ дѣлу. Оно было только повтореніемъ словъ Дмитрія, развѣ съ прибавкой нѣкоторой сбивчивости въ мелочахъ. Заболдуха язвительно замѣтилъ, что нечему удивляться, если братья показываютъ такъ согласно. Володя уже повернулся къ судьямъ спиной, чтобы выбрать себѣ мѣсто въ залѣ, какъ защитникъ его остановилъ вопросомъ:

— А вы можете утвердительно сказать, что стрѣляли именно въ вашего брата?

— Еще бы! Я слышалъ выстрѣлъ. Я былъ въ десяти шагахъ отъ брата.

— Пожалуй и въ двадцати?

— Можетъ быть... Я не считалъ.

— Такъ-съ. И на этомъ разстояніи, конечно, вы не могли разслышать свиста пули, пролетѣвшей будто бы мимо вашего брата... Я больше ничего не имѣю.

Прокуроръ счелъ долгомъ вступиться.

— Едва ли необходимо,—сказалъ онъ сахарнымъ голосомъ,—услыхать свистъ пули для того, чтобъ опредѣлить былъ ли данъ выстрѣлъ...

— Конечно, не остался въ долгу Заболдуха,—но я хотѣлъ обратить вниманіе господъ присяжныхъ на то, что не всякій выстрѣлъ имѣетъ цѣлью убійство, что стрѣляютъ иногда и холостыми зарядами.

Прокуроръ въ отвѣтъ только пожалъ плечами.

Потянулся длинный рядъ свидѣтелей вызванныхъ обвинительною властью. Тутъ было человѣкъ десять Никольскихъ крестьянъ, слышавшихъ выстрѣлъ, пока они шли домой изъ Бѣлыхъ Столбовъ, староста Филиппъ и трое рабочихъ, посланныхъ верхомъ на постоялый дворъ для задержанія Гондзевскаго. Всѣ они показывали дружно и не дали сбить себя съ толку, какъ ни старался о томъ адвокатъ. Было доказано, что Гондзевскій до поздняго вечера пропадалъ гдѣ-то съ двустволкой, и что портсигаръ найденный въ кустахъ принадлежалъ ему.

Слѣдующій свидѣтель работникъ на постояломъ дворѣ, Макаръ, рѣшительно ничего не помнилъ изъ событій того вечера, когда былъ арестованъ Гондзевскій. Макаръ вообще сохранялъ что бы то ни было въ памяти не болѣе трехъ дней. Онъ даже сперва показалъ что двустволка Гондзевскаго весь день пролежала въ его комнатѣ на кровати, но когда прокуроръ ему напомнилъ, что онъ на слѣдствіи показывалъ иначе, Макаръ спутался окончательно, и ни слова нельзя было уже отъ него добиться.

Заболдуха съ торжествомъ посмотрѣлъ на присяжныхъ.

Введенъ былъ Акимъ Забулдаевъ. Онъ показалъ, ко всеобщему удивленію, что Гондзевскій за все время проведенное имъ на постояломъ дворѣ велъ себя скромно и трезво, никакихъ угрозъ противъ Дмитрія не произносилъ, а въ тотъ день, когда произошла эта „шалость"—

такъ выразился Акимъ о покушеніи на убійство — выходилъ ли со двора Гондзевскій, онъ, Забулдаевъ, не помнитъ. „Когда же Дмитрій Алексѣевичъ изволили пріѣхать на лошади и потребовали, чтобъ я помогъ имъ задержать г. Гондзевскаго, я имъ въ отвѣтъ сказалъ: побойтесь вы Бога, Дмитрій Алексѣевичъ, что вы такое затѣяли? Человѣкъ онъ смирный и ничего онъ противъ васъ не замышлялъ. А помогать вамъ я, воля ваша, не стану, потому, значитъ, это не по закону“. Все это онъ проговорилъ твердо, безъ запинки, какъ заученый урокъ. Дѣло было въ томъ, что Акимъ Егоровъ крѣпко сердился на Дмитрія за устроенный имъ въ Бѣлыхъ Столбахъ дешевый кредитъ для крестьянъ.

— А потрудитесь сказать,—обратился къ нему прокуроръ,—гдѣ былъ подсудимый, когда явился къ вамъ г. Корецкій?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Только вышелъ онъ не больше какъ за четверть часа предъ тѣмъ. А, впрочемъ, дѣло было ночное, всѣ на дворѣ спали...

— Ну, а ружье Гондзевскій захватилъ съ собою когда вышелъ?—прервалъ Акима прокуроръ.

— Не припомню, ваше превосходительство.

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе. Присяжные видимо заволновались на своихъ мѣстахъ. Только двое запасные мирно дремали.

— Свидѣтелю необходимо дать очную ставку съ г. Корецкимъ,—сказалъ прокуроръ.

Дмитрія въ залѣ не было. Давъ свое показаніе, онъ просилъ у суда позволенія удалиться.

— Г. Корецкій счелъ за лучшее заблаговременно исчезнуть,—ехидно вставилъ адвокатъ.

Товарищъ прокурора тотчасъ потребовалъ, чтобы прочитано было показаніе данное Акимомъ на предварительномъ слѣдствіи. Защитникъ этому воспротивился, и суду приходилось разрѣшить спорный вопросъ.

— Не думаете ли вы, что пора позавтракать?—шеп-

нулъ предсѣдатель члену суда, сидѣвшему направо.— Не хотите ли выкурить папиросу? Наклонился онъ къ уху члена, сидѣвшаго налѣво.

Послѣдовало, разумѣется, согласіе.

— Судъ удаляется, чтобы постановить рѣшеніе, — уже громко проговорилъ предсѣдатель.—Объявляю перерывъ на четверть часа.

Когда судъ вышелъ изъ залы, въ ней произошло то, что бываетъ въ учебной комнатѣ, когда дѣтей оставляютъ однихъ и они пользуются этимъ, чтобы шалить. Начались громкіе разговоры. Молодежь стала любезничать съ дамами. Двѣнадцать присяжныхъ церемоніальнымъ маршемъ прошли въ свою комнату. Защитникъ подошелъ къ публикѣ и тотчасъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Засуетились даже судебные пристава. Одинъ только подсудимый, всѣми забытый, да вещественныя доказательства, лежавшія на столѣ, спокойно остались на своихъ мѣстахъ.

— Неужели все-таки состоится обвиненіе?—волнуясь спросила у Заболдухи г-жа Бондарева.

Тотъ пожалъ плечами.

— Кто знаетъ? Кабы всѣ присяжные были изъ интеллигенціи, я бы поручился за оправданіе. А то цѣлыхъ шесть мужиковъ...

— Вы не думаете закусить въ буфетѣ?—суетился около Клементины Адамовны чиновникъ по особымъ порученіямъ.

— Ахъ, нѣтъ, благодарствуйте.—И небесная улыбка показалась въ ея васильковыхъ глазахъ.—Mais au reste, il fait si chaud...—прибавила она, озираясь. Бѣлковъ тотчасъ кренделемъ подставилъ ей свой локоть, но она, будто не замѣчая этого, искала глазами вице-губернатора; и тотъ, не взирая на гнѣвъ супруги, исполнилъ свой рыцарскій долгъ, хоть и съ легкою тревогой на сердцѣ.

— Говорятъ, этотъ Гондзевскій не простой убійца... продолжала г-жа Бондарева надоѣдать адвокату.

— Что вы, что вы, забыли, что онъ невиненъ,—улыбнулся Заболдуха.

— Ну да, ну да, я хотѣла сказать, что тутъ есть политическая подкладка.

— Здѣсь важна не личность подсудимаго, сказалъ корреспондентъ,—онъ, пожалуй, и дрянь совершенная. Необходимо обуздать произволъ такихъ плантаторовъ, какимъ себя показалъ этотъ Дмитрій Корецкій. Вѣдь, все дѣло изъ-за того поднялось, что Гондзевскій стоялъ за крестьянъ...

Поднялся цѣлый ворохъ сплетенъ, и всѣми было рѣшено, что по настоящему судить бы надо не Гондзевскаго, а Дмитрія, какъ отъявленнаго ретрограда.

— Судъ идетъ,—прервалъ эти изліянія приставъ.

Новый рядъ свидѣтелей разъяснилъ обстоятельства, предшествовавшія выстрѣлу—увольненіе Гондзевскаго и угрозы его, произнесенныя на постояломъ дворѣ. Особенно твердо и обстоятельно показывалъ Христофоръ Карловичъ. Мотивъ преступленія выяснился. Но Заболдуха и тутъ извлекъ для себя выгоду: самъ онъ до того времени не заикнулся о поводахъ къ мести со стороны Гондзевскаго, но когда противная сторона ихъ коснулась, онъ этимъ тотчасъ воспользовался для цѣлей защиты. Надо было всячески очернить Дмитрія и выставить его въ такомъ неблаговидномъ свѣтѣ, что въ крайнемъ случаѣ покушеніе на его жизнь могло показаться чуть ли не законнымъ возмездіемъ. Заболдуха очень хорошо зналъ, что присяжные нѣкоторымъ образомъ походятъ на женщинъ, на нихъ дѣйствуетъ не столько виновность обвиняемаго сама по себѣ, сколько большая или меньшая симпатичность его жертвы.

Такъ, когда двое изъ крестьянъ разсказали про сцену между Дмитріемъ и Гондзевскимъ во время бунта въ Никольскомъ, Заболдуха раздулъ ее въ вопіющее оскорбленіе незаслуженно обвиненнаго управляющаго со стороны богатаго самодура помѣщика. Самое увольненіе Гондзевскаго преобразилось въ жестокое лишеніе на-

сущнаго хлѣба бѣднаго, честнаго труженика. Заболдуха дѣлалъ, что могъ, чтобы сбить съ толку и Христофора Карловича: онъ притворялся, что не понимаетъ его отвѣтовъ и силился поставить нѣмца въ противорѣчіе съ самимъ собой. Когда же это не удалось, онъ прибѣгнулъ къ иной уловкѣ.

— Что, скажите, пожалуйста, вы долго находились безъ мѣста до поступленія своего въ Никольское?— спросилъ онъ.

— Восемь мѣсяцевъ.

— Такъ что вы были очень довольны, когда вамъ предложили эту должность?

— Не скрою, что былъ доволенъ. Мѣсто хорошее.

— Да-съ, хорошее, я думаю,—съ двусмысленною усмѣшкой продолжалъ Заболдуха.—И были, конечно, очень благодарны Дмитрію Алексѣевичу и готовы всячески услужить ему...

Замѣчаніе было, казалось, совсѣмъ безобидное, а между тѣмъ оно все-таки набрасывало тѣнь на добросовѣстность Христофора Карловича.

Но полное торжество Заболдухи началось съ той минуты, когда рѣчь зашла про условіе заключенное Гондзевскимъ съ крестьянами и нарушенное Дмитріемъ. Тутъ уже онъ постарался какъ можно болѣе сгустить краски, не заботясь даже о томъ, что тѣмъ самымъ онъ доказывалъ виновность подсудимаго. Заболдуха вѣрно разсчиталъ, что представить Дмитрія угнетателемъ крестьянъ, значило пріобрѣсти для оправданія шесть присяжныхъ изъ мужиковъ. Свидѣтели съ готовностью пошли на эту удочку и подтвердили, что Станиславъ Викентьевичъ совсѣмъ было согласились съ ними насчетъ лѣса, а Дмитрій Алексѣевичъ самовольно условіе нарушить изволили. Тутъ самъ Гондзевскій попросилъ у предсѣдателя слова и взволнованнымъ голосомъ разсказалъ, какъ Дмитрій въ порывѣ гнѣва разорвалъ на клочки подписанное крестьянами условіе.

— Я всегда заботился о примиреніи правъ и инте-

ресовъ крестьянъ съ тѣмъ, что признается у насъ правами землевладѣльцевъ. И вотъ, когда мнѣ удалось достигнуть такого соглашенія и обезпечить ихъ необходимымъ для нихъ лѣсомъ...—Онъ не договорилъ, такъ сильно былъ онъ тронутъ этимъ воспоминаніемъ.

Предсѣдатель и не думалъ останавливать Заболдуху въ его попыткахъ извратить дѣло.

— Да, вѣдь это, кажется, ужъ не Гондзевскаго судятъ, а Дмитрія Алексѣевича,—улыбаясь шепнулъ вице-губернаторъ сидѣвшему возлѣ него Суходеревскому.

— Ну, и по дѣломъ.

Вице-губернаторъ еще разъ улыбнулся, а потомъ вздохнулъ, припомнивъ, что ему никакъ нельзя подсѣсть къ очаровательной полькѣ.

Появились свидѣтели, вызванные защитой. Тутъ были двое крестьянъ и какая-то смазливая горничная, увѣрявшая, что Гондзевскій, управляя Никольскимъ, былъ примѣромъ честности и безкорыстія. Горничная при этомъ неизвѣстно почему краснѣла и дѣлала предсѣдателю глазки. Явился какой-то случайно проѣзжій господинъ, не то литераторъ, не то стряпчій, знавшій подсудимаго еще со школьной скамьи: изъ его словъ выходило, что Гондзевскій „благороднѣйшій и можно сказать развитѣйшій“, какъ онъ выразился, молодой человѣкъ. Наконецъ выступили и два какіе-то жидка, Мошель Натансонъ и Янкель Бриллльянтъ, которые имѣли передать какіе-то два трогательные анекдотца изъ его прошлаго. Словомъ, выходило, что если Гондзевскій и не обвиняется напрасно, что доказать было трудно, то онъ во всякомъ случаѣ человѣкъ очень честный и, главное, передовой.

Слово было дано товарищу прокурора. Соборянскій, какъ водится, завелъ рѣчь издалека. „Бываютъ дѣла“, началъ онъ, „въ которыхъ съ перваго взгляда сознаешь присутствіе могучей, хоть и испорченной воли, сильныхъ психическихъ мотивовъ, всесокрушающей страсти. Свойство такихъ дѣлъ—приковывать къ себѣ наше вни-

маніе. Не то мы видимъ въ настоящемъ случаѣ. Предъ нами мелкая, я почти скажу, ничтожная натура, гнусное преступленіе, до того очевидное, что почти не стоитъ его доказывать, и преступленіе это совершено безо всякихъ повидимому мотивовъ. Связи между нимъ и прошлымъ виновника, между дѣяніемъ и характеромъ совершившаго его, на первый взглядъ нѣтъ вовсе. Невольно спрашиваешь у себя, какимъ образомъ поднялась рука этого ничтожнаго человѣка на кровавое дѣло и поднялась безо всякаго повода? Но все это только кажется. Если мы глубже вникнемъ во внутренній міръ подсудимаго, раскроемъ, такъ-сказать, его психію, мы найдемъ таінную нить, связующую дѣяніе съ мотивомъ. Концы этой нити—я охотно это признаю — скрываются не въ самомъ преступникѣ, лежатъ, можетъ быть, далеко за предѣлами его пониманія. И вотъ почему, господа судьи и господа присяжные засѣдатели, я приглашу васъ вмѣстѣ со мною взглянуть шире и глубже на настоящее дѣло, взглянуть на него, какъ на проявленіе общественнаго недуга. Предъ вами возстаетъ тогда уже не личность какого-нибудь Гопдзевскаго, а цѣлое общество и глубоко коренящееся въ немъ зло, которое вы и призваны здѣсь карать...“ Прокуроръ остановился, оглянулъ залу и отпилъ немного изъ стоявшаго возлѣ него стакана воды. Всѣ слушали, притаивъ дыханіе, хоть и не всѣ понимали смыслъ этихъ словъ, въ томъ числѣ, конечно, и присяжные. Адвокатъ забарабанилъ карандашомъ по лежащему предъ нимъ листу бумаги.

„Я сказалъ уже“, продолжалъ Соборянскій, „что фактическая сторона дѣла ясна до очевидности. Мнѣ придется не столько разъяснять ее вамъ, сколько разсѣять тотъ искусственный мракъ, который силилась внести въ настоящее дѣло защита“. И Соборянскій съ ласковою, снисходительною ироніей указалъ на старанія Заболдухи запутать дѣло и сбить съ толку свидѣтелей. „Я охотно соглашусь съ доводами защитника въ пользу безупречнаго прошлаго его кліента, я уступлю ему и

двухъ почтенныхъ евреевъ, засвидѣтельствовавшихъ безкорыстіе подсудимаго, и даже хорошенькую горничную“—въ публикѣ послышался сдержанный смѣхъ—„скромно говорившую про его честность. Все это не ослабляетъ ничуть обвиненія. Посмотримъ же, каковы факты, добытые судебнымъ слѣдствіемъ.“

Соборянскій на этихъ фактахъ остановился недолго. Онъ скользилъ по нимъ, какъ будто даже съ пренебреженіемъ, торопясь перейти на почву болѣе благодарную для краснорѣчія. Онъ указалъ на причину увольненія Гондзевскаго, на угрозы, произнесенныя имъ на постояломъ дворѣ, и на всѣ мелочи, обличавшія его вину. Все это было сгруппировано ясно, выпукло и красиво. Доводы противника, казалось, заранѣе были разбиты.

„И вотъ, стало быть, человѣкъ уличенный въ недобросовѣстности, человѣкъ, котораго могли предать суду за его злоупотребленія и котораго, тѣмъ не менѣе великодушно прощаютъ. И что же? Человѣкъ этотъ, за то лишь, что его уволили отъ должности, рѣшается на убійство... Какое, подумаешь, глубокое нравственное паденіе! Какое несоотвѣтствіе между мотивомъ и дѣяніемъ! Да, еслибы мы не знали всего того, что здѣсь раскрыто на судѣ, мы бы не повѣрили въ возможность такого дѣянія. Гдѣ же ключъ къ этому противорѣчію, къ этой низко павшей душѣ?“

Прокуроръ здѣсь пустился въ тонкій и глубокій анализъ того типа людей, образецъ которыхъ онъ видѣлъ въ Гондзевскомъ. Онъ описалъ нравственную разнузданность, созданную отсутствіемъ твердыхъ принциповъ, разъѣдающее дѣйствіе дурныхъ примѣровъ, создающихъ наконецъ злую волю, не знающую себѣ узды. Онъ счелъ нужнымъ даже упомянуть о вліяніи національнаго характера. „Странное дѣло!“—воскликнулъ онъ, — „этотъ характеръ, создавшій столь привлекательный типъ польской женщины, этого воплощенія нѣжной граціи“ — послѣднія слова были по адресу Клементины Адамовны, которая немедленно потупилась, „этотъ самый характеръ

въ мужскомъ поколѣніи часто представляетъ намъ примѣры непонятной смѣси дерзкой, иногда преступной отваги съ самымъ низкимъ коварствомъ". Клементина Адамовна, вспомнивъ о своемъ мужѣ, глубоко вздохнула.—„Но я не стану на этомъ настаивать. Вина лежитъ глубже. Она заключается въ цѣломъ нашемъ обществѣ; да, милостивые государи, въ русскомъ обществѣ. Когда проточная вода превращается въ стоячую, на ней заводится плѣсень, когда организмъ разлагается и переходитъ въ гніеніе, въ немъ появляются вибріоны. Въ нашемъ обществѣ такими вибріонами, такою плѣсенью и бываютъ Гондзевскіе."

Въ залѣ послышались слабыя рукоплесканія: общество любитъ, чтобъ ему говорили про его гнилость.

Дойдя такимъ образомъ до любезной всѣмъ ораторамъ высоты полета, Соборянскій пустился уже въ настоящій возвышенный паѳосъ. Онъ не щадилъ красокъ, чтобъ описать тлетворное вліяніе общества, создающее испорченныхъ личностей, и какъ онъ выразился, „наполняющее воздухъ міазмами, содѣйствующими ихъ порчѣ". Изъ его словъ даже прямо выходило, что въ такомъ обществѣ и должны неминуемо совершаться преступленія, что, стало быть, отвѣтственность за нихъ падаетъ не на самихъ виновныхъ, а на создавшую ихъ среду. „И вотъ, гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели", закончилъ онъ, торжественно возвышая голосъ, „вамъ предстоитъ теперь произнести свой безпристрастный приговоръ, успокоить взволнованную общественную совѣсть."

Оказывалось, такимъ образомъ, что въ гниломъ обществѣ совѣсть все-таки уцѣлѣла.

„Не одного Гондзевскаго вы осудите, нѣтъ! вы произнесете свое карающее слово тѣмъ самымъ и надо всѣми подобными ему; вы поможете оживить застоявшуюся воду, вы остановите процессъ разложенія и разсѣете накопляющіеся міазмы."

Присяжные хлопали, да хлопали ушами, а подъ ко-

нецъ перестали совсѣмъ даже понимать, Гондзевскій или иной кто стрѣлялъ въ Димитрія. Въ публикѣ были вообще довольны рѣчью. Вице-губернаторъ даже обратился къ Безвидову, усѣвшемуся на скамейкѣ позади него.

— Что, вѣдь не дурно говоритъ? Какъ вы находите?

— Я нахожу только, что прокуроръ бьетъ на оправданіе, отвѣтилъ тотъ.

Вице-губернаторъ вытаращилъ удивленные глаза.

Заболдуха началъ свою рѣчь далеко не такъ плавно, какъ говорилъ предъ нимъ прокуроръ. Онъ словно запинался, повторялъ иногда тѣ же выраженія и ударялъ кулакомъ по столу. Но мало-по-малу его слова точно высвободились отъ препятствій, какъ рѣка освобождается ото льдовъ, и потекли все шире и сильнѣе. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ его рѣчи, какъ передавали ее газеты:

„Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Мнѣ предстоитъ тяжелая задача. Я долженъ... Я постараюсь поколебать сложившееся у васъ, можетъ быть, предубѣжденіе. Мнѣ трудно это, потому что я конечно не имѣю... т. е. не обладаю такимъ же талантомъ, какъ представитель обвинительной власти. Блестящая рѣчь представителя обвинительной власти усилила... умножила трудности моей задачи. Я бы не надѣялся... т.-е. не разсчитывалъ на вѣрный успѣхъ, еслибы не убѣжденіе, что правда всегда находитъ отголосокъ у людей правды, каковы безъ сомнѣнія вы, гг. судьи и присяжные засѣдатели...“

Среди публики находили, что защитникъ гораздо слабѣе прокурора.

— Онъ что-то мямлитъ,—сказалъ кому-то Суходеревской.

— Онъ пасуетъ, я его не узнаю,—шепнула Безвидову г-жа Бондарева.

„Я намѣренъ, продолжалъ Заболдуха,—стать на ту же точку зрѣнія, съ какой такъ вѣрно на это дѣло

взглянулъ прокуроръ. Да, оно касается не одного подсудимаго. Въ немъ заинтересовано все общество, хотя можетъ быть и не по той причинѣ, на которую указало обвиненіе. Бываютъ случаи и очень даже частые случаи, въ которыхъ всѣ готовы признать очевидную вину одного человѣка, а между тѣмъ этотъ мнимый виновный въ сущности жертва и жертва за правое дѣло, за то самое дѣло, за которое гибли люди, оставившіе послѣ себя самую честную память...“

— Туманно; очень туманно,—покачалъ головой вице-губернаторъ.

Но тутъ защитникъ сначала намеками, а потомъ все яснѣе начерталъ характеристику этихъ людей гибнущихъ за правое дѣло. Это мѣсто его рѣчи было выпущено газетами, по не зависящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Заболдуха даже зашелъ такъ далеко въ этомъ апоѳеозѣ, что предсѣдатель его остановилъ.

Адвокатъ скрестилъ руки на груди и помолчалъ немного.

„Я хотѣлъ только сказать, — снова началъ онъ,— что иные изъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ выносятъ на своихъ плечахъ грѣхъ самого общества, грѣхъ эгоизма и корысти... Еслибъ они даже и были виновны—такая вина не что иное, какъ заслуга.“

Предсѣдатель опять остановилъ Заболдуху. Тотъ сгорбился, обѣими руками опираясь на столъ, и продолжалъ совсѣмъ низкимъ голосомъ, скороговоркой:

„Обратимся къ фактамъ. Землевладѣлецъ Корецкій и братъ его, проѣзжая по дорогѣ, слышатъ изъ-за кустовъ какой-то выстрѣлъ и почему-то воображаютъ тотчасъ, что выстрѣлъ пущенъ непремѣнно въ одного изъ нихъ. Совѣсть ужъ очень должно быть у нихъ была чиста. Мнимая пуля не задѣла даже хвоста лошади, хотя прицѣлъ, согласитесь, былъ довольно великъ. Но господинъ Корецкій тутъ же сообразилъ, что на его жизнь совершено покушеніе, и совершено Гондзевскимъ. Онъ скачетъ на постоялый дворъ, окруживъ

себя тѣлохранителями, и когда Гондзевскій, не подозрѣвая засады, спокойно возвращается домой, его схватываютъ, вяжутъ, приставляютъ къ нему караулъ... Что это такое, мм. гг.? Мы въ Персіи, въ Хивѣ, или въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ священною волей монарха, личность ограждена отъ насилій? Какъ? Человѣка могутъ частные люди лишить свободы по неосновательному подозрѣнію?.. Нѣтъ, говорятъ намъ, у Гондзевскаго была въ рукахъ двустволка; изъ нея былъ недавно данъ выстрѣлъ, и къ колибру этой двустволки подходилъ найденный въ комнатѣ Гондзевскаго патронъ. И это доказательство? Нельзя, стало быть, безнаказанно имѣть при себѣ ружье, а имѣя его, держать у себя патроны? Съ какихъ поръ это вмѣняется въ преступленіе?.. Но я иду дальше. Я утверждаю, что все это ложь. Вы слышали показанія свидѣтеля Акима Забулдаева: это по крайней мѣрѣ человѣкъ неподкупный уже въ силу своей обезпеченности".

Заболдуха воспользовался какъ нельзя лучше словами Акима, и у доброй половины присяжныхъ возбудилъ сомнѣніе насчетъ того, выходилъ ли вообще Гондзевскій съ ружьемъ въ эту ночь на улицу. Потомъ онъ, принялся разбирать выставленныхъ обвиненіемъ свидѣтелей и чуть ли не всѣхъ поочередно заподозрилъ въ подкупности.

— Замѣтьте, мм. гг., кто эти свидѣтели—люди облагодѣтельствованные г. Корецкимъ или зависящіе отъ него... Но довольно, я не хочу утомлять вашего вниманія, поднимать весь этотъ соръ подкупной клеветы. Какъ! хотятъ обвинить Гондзевскаго въ покушеніи на убійство, а между тѣмъ никто, замѣтьте, никто, даже г. Корецкій не видѣлъ его на мѣстѣ преступленія... Да что я говорю: на мѣстѣ преступленія? Его не видѣли идущимъ туда или возвращающимся оттуда. Потому развѣ его обвинить, что трое Никольскихъ крестьянъ утверждаютъ, будто въ этихъ злополучныхъ кустахъ нашли его портсигаръ, который онъ же могъ обронить ранѣе, проходя этимъ мѣстомъ.

„Но, скажутъ мнѣ, были поводы къ мести со стороны Гондзевскаго. Хорошо, посмотримъ каковы эти поводы; оставимъ, забудемъ пока недоказанный фактъ покушенія и посмотримъ, что за личность Гондзевскій и каковъ тотъ, кто выдаетъ себя за его жертву“.

Заболдуха точно также, какъ и прокуроръ, теперь торопился перейти на болѣе благодарную тему. Онъ въ краткихъ словахъ, по догадкамъ, очертилъ молодость Гондзевскаго, его борьбу съ лишеніями, его честныя старанія принести въ Никольскомъ пользу не одному только помѣщичьему имѣнью, гдѣ служилъ, но и крестьянамъ околотка, „этимъ вѣчнымъ подвижникамъ сохи“, какъ онъ назвалъ ихъ, и потомъ всею мощью своей реторики обрушился на Дмитрія. Сперва онъ подробно разсказалъ про вмѣшательство Дмитрія въ управленіе Никольскимъ и намекнулъ даже на существованіе какихъ-то двусмысленныхъ отношеній между нимъ и Еленой Михайловной. „Богатая петербургская барыня,— сказалъ онъ,—наскучивъ праздностью великосвѣтской прогнившей среды, пріѣзжаетъ въ деревню, и тутъ, чтобы наполнить чѣмъ-нибудь свои досуги, зазываетъ къ себѣ сосѣда помѣщика, такого же празднаго, какъ и она, подъ благовиднымъ предлогомъ занятія хозяйствомъ. Да, вѣдь иначе и быть не можетъ. Развѣ люди привыкшіе къ пустой, салонной жизни способны къ труду? развѣ они понимаютъ тѣ священныя обязанности, которыя налагаетъ на нихъ привилегированное положеніе? Меня, по крайней мѣрѣ, до глубины души возмущаетъ зрѣлище праздности этихъ общественныхъ трутней, которые и сами безсознательно тяготятся проклятіемъ, лежащимъ на нихъ роскошной жизни...“

Тутъ опять цѣлая тирада была пропущена въ напечатанномъ отчетѣ.

„И вотъ начинается борьба этихъ людей съ человѣкомъ труда и просвѣщенія, какимъ былъ въ Никольскомъ Гондзевскій. Они не способны понять его возвышенныхъ честныхъ стремленій. Когда Гондзевскій, въ

силу своей довѣренности, заключилъ съ крестьянами условіе о пользованіи лѣсомъ этихъ русскихъ плантаторовъ, г. Корецкій не посовѣстился нарушить условіе, разорвать документъ. Я не нахожу словъ, чтобы заклеймить такой позорный поступокъ. У насъ, въ концѣ девятнадцатаго вѣка, при гласномъ судѣ, такія дѣйствія не влекутъ за собою даже заслуженной ими судебной кары. Но есть иная кара. Есть голосъ общественной совѣсти, и вы, милостивые государи, будете его выразителями“.

Заболдуха подробно изложилъ то, что онъ называлъ борьбой Дмитрія съ Гондзевскимъ, борьбой „плантатора, воспитаннаго на крѣпостномъ правѣ, на традиціяхъ насилія и самовластія, съ человѣкомъ свободы и мысли“.

„И этотъ человѣкъ долженъ былъ уступить въ неравномъ бою. Его увольняютъ, и не просто увольняютъ, его осыпаютъ оскорбленіями, бросаютъ въ него грязью, угрожаютъ судомъ... судомъ! И кто поступаетъ такимъ образомъ? Молодой помѣщикъ, не имѣющій понятія не только о научной агрономіи—этого и требовать нельзя, конечно, отъ крупнаго землевладѣльца, умѣющаго только разорять себя и другихъ... Вы знаете, какую всеобщую ненависть возбудилъ противъ себя и въ собственномъ имѣніи г. Корецкій, ненависть, завершившуюся извѣстнымъ вамъ пожаромъ въ Бѣлыхъ Столбахъ. Да; какъ ни грустно въ этомъ признаться, у бѣднаго рабочаго люда, когда у него слишкомъ наболѣла душа, когда онъ слишкомъ изнемогаетъ подъ тяжестью произвола, иного средства нѣтъ, чтобъ отмстить за вѣковое зло“.

Тутъ предсѣдатель снова хотѣлъ остановить защитника, но онъ продолжалъ, уже не обращая на то вниманія.

„Да, милостивые государи, вотъ что лежитъ въ основаніи этого возмутительнаго процесса. Съ одной стороны, плантаторъ, у котораго собственные обнищавшіе крестьяне голодаютъ на такъ называемомъ даровомъ надѣлѣ, этой насмѣшкѣ надъ великодушнымъ закономъ, съ другой—бѣдный труженикъ заступающійся за народъ, лишенный

чести, посаженный на скамью подсудимыхъ... Что говорю я: лишенный чести! Безчестны не они, эти борцы за правду, за возстановленіе равенства, а праздные эксплуататоры труда, которые не стыдятся на свою порочную жизнь вымогать у работника его послѣднюю копѣйку! Между ними вы произнесете свой неподкупный приговоръ, вы возстановите поруганную честь подсудимаго... и это будетъ настоящимъ судомъ правды, той правды, которая становится выше преходящихъ, вымирающихъ злоупотребленій, хотя бы и основанныхъ на кажущемся правѣ. Человѣчество идетъ впередъ, оно отбрасываетъ гнилые устои, и близокъ часъ, когда упадутъ безобразныя привилегіи, дающія праздному меньшинству жить насчетъ горькаго труда работника. Да. Вотъ смыслъ настоящаго дѣла. Оно касается не одного Гондзевскаго. Вашего приговора ждетъ лучшая часть общества; на васъ смотритъ вся Россія. Вы скажете, можно ли безнаказанно угнетать крестьянъ, безчеловѣчно пользоваться монополіей собственности... Въ нашемъ государствѣ, слава Богу, право работника на землю признано самимъ закономъ, хоть и признано еще не полно и нерѣшительно. И когда наступитъ часъ настоящаго освобожденія, когда вся земля будетъ принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ, вашъ оправдательный приговоръ съ благодарностью припомнитъ недалекое потомство; онъ будетъ однимъ изъ рѣшительныхъ шаговъ къ ниспроверженію отживающихъ порядковъ!..“

Послѣднія слова Заболдуха произнесъ такъ громко, что покрылъ ими звонокъ предсѣдателя. Раздались шумныя рукоплесканія. Апплодировала даже, хотя и нерѣшительно, жена вице-губернатора. Когда стихло волненіе, предсѣдатель коротко и сухо резюмировалъ пренія. Онъ провелъ ту лучезарную мысль, что если присяжные согласятся съ доводами прокурора, они обвинятъ подсудимаго; если же они склонятся въ пользу мнѣнія защиты, они его оправдаютъ.

Присяжнымъ были поставлены два вопроса: „Былъ ли

въ ночь на 15 іюля въ землевладѣльца Дмитрія Корецкаго, съ цѣлью лишить его жизни, произведенъ выстрѣлъ изъ ружья, близь дороги ведущей изъ села Никольскаго въ село Бѣлые Столбы?“ и: „если былъ произведенъ, то виновенъ ли въ этомъ преступленіи мѣщанинъ Гондзевскій?“.

Присяжные совѣщались полчаса. Нельзя сказать, чтобъ ихъ приговора ожидали съ большою тревогой. Любопытство тоже притупляется, да и Гондзевскимъ не особенно интересовались. Главное было достигнуто— была выслушана трескучая рѣчь, а теперь преобладало желаніе скорѣе вернуться домой и отобѣдать.

Старшина, престарѣлый чиновникъ со Станиславомъ на шеѣ, дребезжащимъ голосомъ прочелъ отвѣтъ — на вопросъ о выстрѣлѣ: „да, былъ произведенъ“; на вопросъ о виновности: „нѣтъ, не виновенъ“.

Послышались жидкія рукоплесканія, среди которыхъ былъ и сдержанный смѣхъ. „Я готова была бы васъ разцѣловать“, сказала Заболдухѣ г-жа Дзынгаревская. Предсѣдатель среди всеобщаго невниманія объявилъ Гондзевскаго отъ суда свободнымъ. Но про него уже всѣ забыли, въ томъ числѣ и его защитникъ.

IV.

Дмитрія исходъ процесса не особенно тревожилъ. Совсѣмъ иное занимало его мысли. Онъ только-что получилъ телеграмму отъ Нади о пріѣздѣ ея въ О. Аннѣ Григорьевнѣ за послѣдніе два дня стало какъ будто лучше и, не смотря на пыль и на мусоръ такъ старательно поднятые на судѣ, у Дмитрія было легко на душѣ, когда, въ тотъ же вечеръ, часовъ въ восемь, онъ вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Послѣ дождливаго, мглистаго дня неожиданно выдался ясный осенній вечеръ. Дмитрій вошелъ въ небольшой городской садъ, раскинутый невдалекѣ отъ Волги и едва сдѣлалъ онъ въ немъ нѣсколько шаговъ, какъ ему попался на

встрѣчу губернаторъ. Поровнявшись съ нимъ, его превосходительство немедленно взялъ его подъ руку.

— Очень, очень радъ. Давно не видались... А какъ здоровье Анны Григорьевны.

Они усѣлись подъ кустомъ акаціи, на которой облетѣли почти уже всѣ листья.

— А я долженъ васъ пожурить, Дмитрій Алексѣевичъ,—необыкновенно ласково заговорилъ губернаторъ, истощивъ запасъ обычныхъ привѣтствій. — Зачѣмъ вы обратились въ судъ по этому несчастному дѣлу?—Николай Осиповичъ Боровской, я знаю, уже говорилъ вамъ—вы видите, онъ былъ правъ. Что прикажете дѣлать съ нашею адвокатурой и съ нашими присяжными.

Дмитрій молчалъ. Темнота не давала разсмотрѣть насмѣшливую улыбку въ которую сложились его губы.

— Напрасно его не послушались! Признаюсь, и мнѣ бы оказали большое одолженіе...

— Вашему превосходительству?—Да какими судьбами?

Дмитрію тотчасъ пришли въ голову слова Боровского.

— Избавили бы городъ отъ сегодняшняго скандала. Вы знаете, пока нѣтъ искушенія, люди не грѣшатъ. Вся политика въ томъ и заключается, чтобъ оберегать ихъ отъ искушенія искушеній. И повѣрьте, сегодняшній случай мнѣ столь же непріятенъ, какъ и вамъ.

— Ахъ, обо мнѣ не безпокойтесь. Гондзевскій и его мизерное покушеніе давно схоронены въ моей памяти.— Но чѣмъ же я могъ бы угодить вамъ?

Губернаторъ носовымъ платкомъ сталъ потирать себѣ лобъ, хотя ужъ, конечно, не страдалъ отъ жары въ сентябрьскій вечеръ.

Очень просто. Вмѣсто того, чтобы поднимать судебное дѣло, вы бы обратились ко мнѣ, и по надлежащемъ дознаніи г. Гондзевскій былъ бы удаленъ.

— Административнымъ порядкомъ.—перебилъ его Дмитрій.—Да кто же вамъ мѣшаетъ примѣнить этотъ порядокъ и теперь, коли вы находите нужнымъ?

— Теперь, не безъ замѣшательства отвѣтилъ—губернаторъ,—Гондзевскій сталъ лицомъ извѣстнымъ. Попробуйте-ка его тронуть, и увидите какой поднимется гвалтъ. Да и такъ про него въ газетахъ протрубятъ, хотя бы вотъ у насъ въ *Нижневолжскомъ Курьерѣ*, гдѣ тоже участвуетъ этотъ господинъ Безвидовъ.

— Но мнѣ кажется, что *Курьеръ* выходитъ подъ вашею же цензурой?—уже съ явнымъ смѣхомъ возразилъ Дмитрій.

— Цензура? Да. Хорошо еще когда мы въ состояніи съ ея помощью устранять то, что касается правительства и должностныхъ лицъ.

Дмитрій всталъ.

— То-есть, другими словами, становаго пристава тронуть нельзя, хотя бы онъ былъ и мошенникъ. А соціализмъ проповѣдывать можно, потому что этимъ ни одно должностное лицо не затрогивается. Чудесные плоды эта система принесла, нечего сказать.

Дмитрій раскланялся, а губернаторъ просидѣлъ еще нѣсколько минутъ на своемъ мѣстѣ, постукивая тростью по дорожкѣ. Слова Дмитрія задѣли его за живое. „Вотъ думалъ онъ, богатый помѣщикъ и даже консерваторъ, какъ увѣряютъ, а въ сущности, это все тотъ же духъ порицанія и оппозиціи. Хорошо было бы, нечего сказать, еслибы дали этимъ господамъ свободно разглагольствовать насчетъ должностныхъ лицъ.“ И губернаторъ самъ собою рѣшилъ что управленіе краемъ стало труднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ.

На слѣдующій день открылось въ С*** уѣздное земское собраніе. Господа гласные отъ землевладѣльцевъ къ назначенному часу явились далеко не въ полномъ числѣ. Зато гласные крестьяне всѣ до единаго толпились, кто въ прихожей, кто въ углу залы какъ разъ противоположномъ тому, гдѣ стояло предсѣдательское кресло. Уховъ съ особымъ приливомъ радушія принималъ всѣхъ, и не мало тревоги сквозило изъ-за его стремительной любезности. Когда вошелъ Дмитрій, онъ даже счелъ

долгомъ съ чувствомъ прижать его руку къ своей груди. „Я не изъ числа вашихъ недоброжелателей“, говорили его сѣрые заплывшіе глазки, хотя за минуту передъ тѣмъ онъ обмѣнивался лукавыми сожалѣніями объ исходѣ процесса, даже съ членами враждебной партіи. Вообще про дѣло Гондзевскаго много было толковъ и нельзя сказать, чтобъ общее настроеніе было въ пользу Дмитрія. Въ лагерѣ Суходеревскаго выражалось явное злорадство, а среди болѣе маститыхъ и тучныхъ клевретовъ Ухова—притворное негодованіе. Дмитрію пришлось испытать, когда онъ вошелъ въ залу, то леденящее впечатлѣніе, очень похожее на струю холоднаго воздуха, какое производитъ внезапная пріостановка враждебныхъ толковъ. Но Дмитрій зналъ отлично, что всегда трусливое злословіе очень похоже на разъярившуюся собаку: стоитъ прямо въ упоръ на нее взглянуть и она подожметъ хвостъ и примется ласкаться. Онъ такъ и сдѣлалъ и какъ ни въ чемъ не бывало со всѣми обмѣнялся крѣпкими рукопожатіями. Когда, однако, и Заболдуха вздумалъ было къ нему подойти и протянуть руку, Дмитрій повернулся къ нему спиной.

Первый часъ былъ уже въ исходѣ, а изъ господъ дворянъ прибыло немного болѣе половины. Не дожидаясь остальныхъ, отслужили молебенъ и принялись за повѣрку суммъ, это вѣчно повторяющееся лицемѣріе мнимаго контроля. Уховъ съ какимъ-то особеннымъ усердіемъ отпиралъ ящики съ деньгами и раздавалъ присутствующимъ разноцвѣтныя пачки процентныхъ бумагъ и ассигнацій. „Посмотрите, казалось говорило его лицо, въ какомъ у меня все отличномъ порядкѣ и какъ мало я боюсь ревизіи“. А ему словно отвѣчало неподвижное и строгое лицо купца Севрюгина, который съ торжественною аккуратностію провѣрялъ одну за другою денежныя пачки, хотя зналъ очень хорошо, что это пустая формальность.

Первый день сессіи прошелъ очень безцвѣтно. Прослушали три, четыре офиціальныхъ бумаги, выбрали,

какъ водится, коммиссіи, и пошло равнодушное, почти безмолвное принятіе обязательныхъ статей смѣты. Публика, состоявшая ровно изъ трехъ человѣкъ, зѣвала на своихъ стульяхъ, господа покуривали, да обмѣнивались замѣчаніями насчетъ цѣнъ на хлѣбъ; крестьяне, почти исключительно старшины, чинно молчали. Въ пять часовъ былъ обѣдъ у предводителя, на который онъ усердно приглашалъ всѣхъ, не исключая и недруговъ. Крестьянъ, разумѣется, туда не звали. Впрочемъ Суходеревскій и Заболдуха стоически отказались отъ предложенной трапезы. Всѣ уже собирались ѣхать къ Аркадію Степановичу, какъ въ дверяхъ залы показался молодой графъ Сокольницкій. Уховъ съ чувствомъ бросился къ нему.

— Что, очень опоздалъ? любезно извинялся графъ.— Вчера только мы покончили въ моемъ уѣздѣ.

Уховъ такъ настойчиво просилъ Бориса Сергѣевича у него отобѣдать, что тотъ, хоть и былъ прямо съ парохода, не могъ отказаться. Обѣдъ прошелъ мило и радушно, какъ и всѣ предводительскіе обѣды въ первый день собранія. Дровнинъ сказалъ прочувствованную рѣчь и сравнилъ земство съ сѣменемъ, изъ котораго выростетъ вѣковое дерево, какъ онъ выразился.—„Дремучее",—смѣясь подсказалъ ему графъ. Но закончивъ воззваніе къ общему согласію Дровнинъ отъ избытка чувствъ уронилъ на столъ бокалъ съ шампанскимъ.

— Плохой знакъ,—шепнулъ Дмитрію Томилинъ,— быть скандалу.

Второй день начался съ чтенія доклада объ увеличеніи содержанія управы. Уховъ откинулся на креслѣ сложивъ руки на животѣ и глядѣлъ человѣкомъ, котораго это вовсе не касается. Когда докладъ былъ конченъ и наступило, какъ водится, гробовое молчаніе, вѣчный спутникъ предложенія о надбавкѣ жалованья, Уховъ какъ бы нехотя встрепенулся и произнесъ:

— Господа! Никому изъ насъ неизвѣстно, на кого падетъ вашъ выборъ. Но, конечно, желательно, чтобы вы-

брали самыхъ достойныхъ. А вамъ извѣстно, что окладъ управы опредѣленъ давно, цѣны на все дорожаютъ, и опять труды по управѣ—я хвастать не хочу, но всѣ вы знаете, что съ каждымъ годомъ дѣла растутъ. Я не для себя это говорю, потому я этихъ обязанностей уже не приму.

Опять молчаніе. Кто-то кашлянулъ. Кто-то другой чиркнулъ спичкой и закурилъ папироску. Гласные отъ крестьянъ зашевелились, но все-таки не возражали.

— Я думаю, предложеніе надо передать коммиссіи,— нерѣшительно, слегка краснѣя, произнесъ мировой судья Нѣмчиновъ, человѣкъ удивительно скромный и одинъ изъ самыхъ близкихъ сторонниковъ Ухова.

— Прежде всего казалось бы,—заговорилъ Дмитрій,— надо спросить у собранія, желаетъ ли оно вообще входить въ разсмотрѣніе вопроса.

— Прежде всего, господа, надо бы закусить,—сказалъ теперь Уховъ, замѣтивъ не совсѣмъ благопріятное настроеніе.—Экая съ ними возня,—право,—добавилъ онъ мысленно,—вчера еще за обѣдомъ все казалось улажено...

— Vous n'avez pas do nouvelles d'Hélène?—обратился къ Дмитрію молодой графъ.—Представьте, съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Никольскаго—ни строчки.

— Я думаю, Елена Михайловна въ Біаррицѣ.

— А-а! Такъ мы увидимся тамъ. Я на дняхъ уѣзжаю... Ну, а какъ вы думаете,—вдругъ перешелъ онъ на другую тему,—поддержать намъ Аркадія Степановича?

— А вы какъ на этотъ счетъ думаете?—въ свою очередь спросилъ Дмитрій.

— Я? Какъ вамъ сказать... Au fond, je m'en soucie comme de J'an quarante... копѣечное дѣло.

Всѣ опять собрались въ залу. Не смотря на убѣдительные доводы Ухова, среди крестьянъ замѣчалось колебаніе.

— Мы вотъ думаемъ,—несовсѣмъ рѣшительно, сказалъ одинъ изъ мужицкихъ гласныхъ,—коли шесть

лѣтъ цѣлыхъ управѣ выдавалось одно жалованье, такъ значитъ пусть такъ оно и останется.

— Какъ останется!—запѣтушился Уховъ,—а что цѣны на все растутъ, этого вы не считаете?

— Вы слышите, что говоритъ Аркадій Степановичъ,—началъ ему поддакивать скромный судья.

— Цѣны на землю тоже дорожаютъ,—ядовито вставилъ адвокатъ Заболдуха.

Дмитрій и Томилинъ открыто возстали противъ предложенія, и увидавъ себѣ поддержку нерѣшительная оппозиція крестьянъ пріободрилась. Дмитрій сказалъ, между прочимъ, что всякая копѣйка, потраченная на непроизводительный расходъ сокращаетъ тѣ издержки земства, которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ принести народу пользу. — А средствъ на такіе расходы у насъ и безъ того не хватаетъ,—добавилъ онъ.

— Какъ, содержаніе управы вы называете непроизводительнымъ расходомъ,—съ негодованіемъ воскликнулъ одинъ изъ сторонниковъ Ухова.—Да кто же станетъ послѣ этого земству служить?

Но Аркадій Степановичъ благороднымъ движеніемъ руки тотчасъ же остановилъ прыть своего клеврета.

— Господа,—сказалъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства,—я ничѣмъ, кажется, не заслужилъ вашего недовѣрія...

— Еще бы! Еще бы! — послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Вы знаете, я не для себя прошу этой надбавки. И намеки разныхъ господъ—(при этомъ онъ метнулъ косой взглядъ на Дмитрія и Томилина) меня оскорбить не могутъ. Но скажу вамъ откровенно, господа, эти пренія не дѣлаютъ собранію чести. И я, кажется, былъ въ правѣ ожидать къ себѣ большаго вниманія...

Голосъ предсѣдателя заглушили одобрительные возгласы. Но едва ли они помогли бы при баллотировкѣ, еслибъ Уховъ не встрѣтилъ неожиданную поддержку. Земская лѣвая разсудила, что принципы вещь очень

хорошая, но что прибавка жалованья тоже не мѣшаетъ на тотъ случай, еслибы власть перешла въ руки Суходеревскаго съ братіей. И вотъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ старшинъ, предложеніе было принято 22 голосами противъ 16. Лицо Ухова просіяло. И когда затѣмъ были подняты иные вопросы, болѣе безкорыстнаго свойства, онъ обнаружилъ полную готовность, оказать противной сторонѣ всяческую любезность.

Прежде всего отъ этого выиграли школы. На нихъ сразу надбавили цѣлыхъ шесть тысячъ рублей, не смотря на то, что это пришлось сильно не по вкусу членамъ самой Уховской партіи. Чуть-чуть даже не принята была любимая мысль Дровнина объ устройствѣ на счетъ земства дѣтскаго сада, да еще съ туманными картинами и чтеніемъ стиховъ. Уховъ даже совсѣмъ позабылъ трунить надъ обычною жертвой своихъ насмѣшекъ. Вожди лѣвой, разумѣется, не противорѣчили своему собрату и только чуть замѣтно посмѣивались, стараясь какъ можно болѣе наклониться къ столу. Графъ не переставалъ рисовать карандашомъ женскія головки. Словомъ, на земцевъ нашелъ тотъ странный стихъ, при которомъ они болѣе всего стыдятся выказать скупость. На этотъ разъ изъ бѣды выручили мужички. Какъ ни привыкли они молчать, когда разсуждаютъ господа, ихъ практическій смыслъ не выдержалъ слишкомъ ужъ явной нелѣпости, и златоустовскій старшина, молодой еще человѣкъ, съ обстриженною черною бородкой и бойкими угольными глазами, обратился къ Дровнину съ вопросомъ:

— А позвольте узнать, Евтихій Семеновичъ, для какого вы это гулянья свой садъ назначаете?

Дровнинъ такъ и ахнулъ. Прочіе разсмѣялись, такъ какъ было совершенно очевидно, что старшина отлично понимаетъ въ чемъ дѣло.

— Вы бы лучше, Евтихій Семеновичъ, въ своемъ имѣньи такіе сады разводили,—добавилъ онъ,—а мы такъ и безъ нихъ обойдемся.

Перешли къ вопросу о народномъ продовольствіи. Начались долгія сѣтованія о томъ, что магазины пусты, а у крестьянъ послѣ неурожая въ прошломъ году не было и чѣмъ сѣмена купить. Суходеревскій даже цѣлую рѣчь прочелъ о разореніи крестьянъ отъ малоземелья. Но собраніе все-таки пришло только къ платонической надеждѣ, что въ будущемъ все это исправится.

— Господа,—началъ Дмитрій,—изъ сказаннаго ясно, что крестьянамъ прежде всего нуженъ дешевый кредитъ. Не малоземелье ихъ разоряетъ, а страшные проценты, которые они платятъ ростовщикамъ. Я слышалъ, собраніе будетъ обсуждать проектъ объ учрежденіи земскаго общества взаимнаго кредита.

Уховъ перемѣнился въ лицѣ, услыхавъ это: задуманный банкъ былъ его любимымъ дѣтищемъ.

— Вотъ еслибы деньги, предназначенныя для этого,—продолжалъ Дмитрій,—пошли на устройство ссуднаго банка, доступнаго крестьянамъ, уѣзду была бы въ самомъ дѣлѣ принесена существенная польза...

— Вы удаляетесь отъ вопроса,—зазвонилъ въ колокольчикъ предсѣдатель,—теперь рѣчь идетъ не о взаимномъ кредитѣ.

— Позвольте. Какъ скоро у земства есть средства на устройство банка, онъ можетъ принять подъ свою отвѣтственность учрежденіе, выдающее крестьянамъ мелкія ссуды. Это поможетъ и на случай покупки сѣмянъ.

— Такъ, такъ,—послышалось среди крестьянъ.

— Дмитрій Алексѣевичъ,—поглаживая свою бороду вставилъ чернохуторскій старшина,—въ своемъ имѣньи изволитъ такія ссуды выдавать...

Но сочувствіе мысли Дмитрія было далеко не всеобщее. Нѣкоторымъ изъ старшинъ, которые съ отправленіемъ своей должности совмѣщали банкирскія операціи, оно пришлось не по вкусу. Савва Никитичъ Севрюгинъ пришелъ въ неописанный ужасъ. Уховъ сталъ перешептываться съ сосѣдями. Графъ прервалъ на мигъ свое рисованіе и шепнулъ сидѣвшему около него

Суходеревскому; „C'est du socialisme pur“. Земская лѣвая не поддержала Дмитрія за то, что онъ не соглашался съ ея любимою теоріей малоземелья. Одинъ только Дровнинъ принялъ его сторону, чѣмъ содѣйствовалъ развѣ только его большему пораженію.

Но теперь очередь была за самимъ Евтихіемъ Семеновичемъ. Онъ давно уже досталъ изъ кармана и тревожно мялъ въ рукахъ какой-то листъ, исписанный дрожащимъ старческимъ почеркомъ. Посовѣтовавшись съ Заболдухой, онъ всталъ, попросилъ слова и заговорилъ напряженнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Господа! Въ великой странѣ, къ которой мы, Русскіе, не можемъ не относиться съ сочувствіемъ, потому что страна эта колыбель свободы, во Франціи, вотъ уже три года идетъ ожесточенная борьба между сторонниками народнаго дѣла и представителями мрака и старины.

— Позволь, однако, Евтихій Семеновичъ, къ чему ты это клонишь?—остановилъ его предсѣдатель.

Бѣлая эспаньйолка задрожала на подбородкѣ Дровнина и сѣрые его глазки забѣгали. Въ эту минуту онъ былъ удивительно похожъ на стараго итальянца, дающаго уроки пѣнія.

— Господа,—снова заговорилъ онъ, не обращая вниманія на слова Ухова,—мы не можемъ остаться равнодушными къ тому, что происходитъ во Франціи. Тамъ идетъ борьба за тѣ же демократическія начала, которымъ и мы всѣ горячо преданы,

Въ собраніи послышался ропотъ, перемѣшанный со смѣхомъ. Графъ принялся рисовать голову осла, у котораго было отдаленное сходство съ Дровнинымъ. Лица крестьянъ оставались совершенно неподвижны.

— Сочувствіе свое,—продолжалъ Дровнинъ,—я предлагаю вамъ выразить въ формѣ адреса...

— Что за чепуха!—воскликнулъ Уховъ.

Но Евтихій Семеновичъ былъ въ томъ восторженномъ настроеніи, въ которомъ уже не смущаются ничѣмъ.

— Адресомъ—все громче возвышалъ онъ голосъ,— на имя человѣка, который воплощаетъ въ себѣ республиканскую Францію, который потому и въ насъ, Русскихъ, долженъ вызвать себѣ благодарность — на имя Леона Гамбетты!

Земская лѣвая, въ данную минуту состоящая изъ семи человѣкъ, подчеркнула эти слова дружными рукоплесканіями.

— Я полагаю, мы сюда собрались не для балагурства,—началъ Дмитрій.

— А я напротивъ думаю,—сказалъ графъ,—что мы должны благодарить Евтихія Семеновича за доставленное удовольствіе.

Смѣхъ въ самомъ дѣлѣ все усиливался. Дровнинъ начиналъ замѣтно конфузиться. „Итакъ, господа“, начиналъ онъ нѣсколько разъ, но его никто уже не слушалъ.

— Я полагаю, господа, пришли къ нему на помощь могучія легкія господина Заболдухи,—прежде всего надобно выслушать адресъ. Заглушать такой порывъ почтеннаго чувства могутъ только жалкіе обскуранты.

— Читать! — Не читать!—послышалось съ разныхъ сторонъ.

Слово „обскурантъ“ замѣтно подѣйствовало.

— Отчего же и не прочесть? Во всякомъ случаѣ забавно будетъ, вполголоса замѣтилъ графъ.

Рѣшено было выслушать адресъ. Вотъ каково было его содержаніе:

„Великій гражданинъ, великой націи!—Съ самаго дня паденія позорнаго деспотизма вы твердо боретесь за священныя начала свободы, равенства и братства. Слава ваша проникла далеко за предѣлы вашего отечества. Не удивляйтесь тому, что изъ скромнаго угла далекой Россіи, съ глухихъ береговъ Волги, поднимается къ вамъ братскій голосъ. Земство С*** уѣзда постановило переслать къ вамъ настоящее выраженіе своего сочувствія. Мы надѣемся, что вы благосклонно

примете этотъ отдаленный привѣтъ неизвѣстныхъ вамъ людей, которые изъ степей Востока слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ на пути къ торжеству великихъ принциповъ среди просвѣщеннѣйшей націи въ мірѣ".

Французскій переводъ, не слишкомъ плохой, былъ приложенъ къ тексту. Когда чтеніе было окончено, Суходеревскій поднялся съ мѣста.

— Дѣлать объ этомъ офиціальное постановленіе,— сказалъ онъ, — мы, конечно, не можемъ; губернаторъ его опротестуетъ и адресъ не будетъ отосланъ. Вотъ почему я предлагаю его подписать такъ-сказать не гласно, какъ частныя лица, и въ протоколѣ нашемъ о томъ не упоминать.

— А я, напротивъ, предлагаю упомянуть самымъ торжественнымъ образомъ,—сказалъ насмѣшливо графъ.— Тогда я подпишу съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Вы подпишетесь? удивленно спросилъ Уховъ.

— Непремѣнно. — Графъ подошелъ къ предсѣдателю.—И всѣмъ вамъ совѣтую,—продолжалъ онъ вполголоса:—бѣды отъ этого не будетъ ровно никакой; губернаторъ не пропуститъ.

— Мнѣ кажется мы уже слишкомъ много времени посвятили этой комедіи, сказалъ Дмитрій.—У насъ право недостаточно времени, чтобы терять его на водевильныя шутки.

— Комедія! Водевильныя шутки! съ негодованіемъ поднялись на Дмитрія Суходеревскій и Заболдуха. Собраніе мигомъ превратилось въ какой-то клубъ. Говорили по три человѣка разомъ. Горячія рѣчи сыпались и не слушались никѣмъ; не рѣшивъ ничего. собраніе какъ бы само себя распустило.

— Что вы такъ серіозно ополчились противъ этого балаганнаго адреса? спросилъ въ прихожей у Дмитрія графъ.

— Да просто потому, что мы изъ за него цѣлый часъ потеряли.

— Ну и прекрасно. Хоть позабавились немного. А

теперь кстати и обѣдать пора. Право, жаль, что не подписали. Такъ, for the sake of fun.

— Что вы меня не поддерживали совсѣмъ, Өедоръ Васильевичъ?—сказалъ Томилину Дмитрій, выходя съ нимъ на улицу.

— Да только потому, что я хорошо собраніе знаю и почти навѣрное могу сказать напередъ, къ чему у насъ придутъ по каждому вопросу. Зачѣмъ же свой порохъ напрасно разстрѣливать? И вы, повѣрьте мнѣ, очень скоро къ этому хладнокровію придете.

— Но тогда я, можетъ быть, перестану на собранія ѣздить,—невеселымъ тономъ отвѣтилъ Дмитрій.

Они молча прошли нѣсколько шаговъ по улицѣ.

— А вы мнѣ лучше скажите,—опять началъ Томилинъ,—есть ли у васъ какія-нибудь извѣстія отъ Надежды Сергѣевны?

— Есть. Третьяго дня изъ О*** телеграмму получилъ. Теперь буду письма ожидать.

Говоря это, Дмитрій опять оживился. Томилинъ не возразилъ ничего и только задумчиво покачалъ головой.

Въ тотъ же вечеръ въ клубѣ Уховъ, довольный результатами дня, разсказывалъ жандармскому полковнику про невѣроятное предложеніе, какъ онъ выразился, съ которымъ Дмитрій провалился на собраніи. Онъ только что усѣлся съ полковникомъ и съ Амфилохіемъ Никандровичемъ въ преферансъ.

— Видите какимъ духомъ несетъ отъ иныхъ, такъназываемыхъ консерваторовъ, сказалъ онъ, сдавая карты.

— Да, да,—отозвался полковникъ.

— И представьте себѣ, вѣдь онъ у себя тамъ въ имѣньи ужъ завелъ такую ссудную кассу. Вчера ко мнѣ приходитъ одинъ простой мужикъ, совсѣмъ даже безграмотный, Акимъ Забулдаевъ, содержатель постоялаго двора, вы его знаете, Амфилохій Никандрычъ?

Исправникъ утвердительно кивнулъ головой.

— Такъ вотъ этотъ Забулдаевъ и говоритъ мнѣ про эти самыя благотворительныя ссуды: „вѣдь, это, Арка-

дій Степановичъ, сыцализмъ настоящій". Видите какой нюхъ у простого народа.

— Скажите пожалуйста,—снова отозвался полковникъ.

— А васъ, Аркадій Степановичъ,—заговорилъ исправникъ,—поздравить можно? Опять у насъ будете предсѣдателемъ?

— Кто знаетъ, кто знаетъ,—побѣдоносно и загадочно въ то же время отвѣчалъ Уховъ, и устремилъ на прочихъ торжествующій взглядъ.

— Десять безъ козырей.—объявилъ онъ собравъ карты.

Ему въ этотъ день рѣшительно везло.

V.

Аркадій Степановичъ черезчуръ торопился праздновать побѣду. Слѣдующее засѣданіе началось съ такъ называемаго санитарнаго вопроса. Въ С*** были двѣ земскія больницы, губернская и уѣздная, хотя обѣ онѣ помѣщались въ томъ же зданіи и находились подъ руководствомъ того же доктора Финдейзена. Въ собраніи былъ прочитанъ докладъ управы, въ которомъ выражалась благодарность Финдейзену за отличное содержаніе больницы. Ревизіонная коммиссія подтвердила это; наканунѣ она осмотрѣла больницу и видѣннымъ осталась вполнѣ довольна. Уховъ обвелъ собраніе глазами, какъ бы не сомнѣваясь, что оно скрѣпитъ выраженное одобреніе.

— Мы должны,—сказалъ онъ.—отъ имени земства благодарить Карла Ивановича Финдейзена.

Эти выраженія земской признательности повторялись ежегодно и доставили уже Финдейзену, при содѣйствіи губернатора, два крестика и чинъ коллежскаго совѣтника.

— Меня это крайне удивляетъ, — возразилъ Дмитрій.—Я долженъ, напротивъ, заявить, что больница въ самомъ плачевномъ состояніи.

Эти слова подѣйствовали на нервы собранія, какъ фальшивый аккордъ, вдругъ прозвучавшій въ оркестрѣ.

— Какъ же это вы, однако,—съ укоромъ произнесъ Уховъ,—возражаете противъ отзыва двухъ господъ гласныхъ, обревизовавшихъ больницу, между тѣмъ какъ сами вы ея не видали?

— Въ этомъ вы и ошибаетесь,—спокойно отвѣтилъ Дмитрій.—Во-первыхъ, заведенные въ ней порядки мнѣ давно извѣстны; а во-вторыхъ, я сегодня утромъ ее осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ.

У большинства присутствующихъ тотчасъ оказалось то непріятное ощущеніе, какое бываетъ, когда у стула, на которомъ сидишь, оказывается вдругъ подломанная ножка.

— Нечистота и вонь неописанныя,—продолжалъ Дмитрій,—и я не понимаю, какъ почтенные гласные, вчера ѣздившіе въ больницу, этого не примѣтили. Бѣлье грязно и недостаточно. Ухода почти нѣтъ. Тѣснота ужасная, хотя смертность такъ велика, что мѣста должно бы оказываться достаточно. И эти порядки, если можно это называть порядками, ведутся издавна.

— Я вполнѣ присоединяюсь къ заявленію гласнаго Корецкаго,—въ свою очередь сказалъ Томилинъ,—и мы должны благодарить Дмитрія Алексѣевича за взятый имъ на себя починъ.

Члены комиссіи пробовали возражать, съ чувствомъ увѣряя, что они оскорблены такимъ недовѣріемъ. Но возражать оказалось нелегко. Къ заявленію Дмитрія присоединились и другіе голоса. Со стороны крестьянъ, сперва довольно сдержанно, а потомъ все рѣшительнѣе, тоже стали подниматься обвиненія.

— Совершенно вѣрно изволитъ говорить Дмитрій Алексѣевичъ,—слышалось оттуда;—это, можно сказать, не больница, а свиной хлѣвъ.

— Это еще не все,—опять заговорилъ Дмитрій.—Я просмотрѣлъ денежную отчетность и убѣдился въ полномъ ея несогласіи съ дѣйствительностью. Показавъ, напримѣръ, расходъ на тридцать новыхъ подушекъ, а на повѣрку выходитъ, что это солома, обтянутая парусиной.

— Меня поразилъ,—подхватилъ Томилинъ,—огромный расходъ на вино. Представьте себѣ, одной малаги вышло сорокъ восемь бутылокъ, изъ которыхъ, разумѣется, ни одной капли не попало въ ротъ больнымъ.

Въ собраніи поднялся хохотъ. Зато все мрачнѣе становились лица Ухова и его сторонниковъ. Публика, а ея на этотъ разъ было довольно, стала волноваться. Вдругъ предсѣдатель замѣтилъ въ числѣ присутствующихъ маленькую сухощавую фигурку, съ носомъ въ видѣ птичьяго клюва и золотыми на немъ очками.

— Самъ докторъ Финдейзенъ здѣсь присутствуетъ,—сказалъ онъ,—и, конечно, опровергнетъ слышанное нами отъ нѣкоторыхъ господъ гласныхъ.

Докторъ уже передъ этимъ неоднократно выражалъ свое негодованіе усиленными жестами. Услыхавъ слова предсѣдателя, онъ вскочилъ со стула и произнесъ:

— Все этто происходитъ оттого, что хотятъ разсуждать про дѣло лица некомпетентныя, die Nichts vom Fach verstehen.

Уховъ обязательно указалъ доктору на свободное мѣсто у стола.

— Этто все равно... Я буду постоять. Господинъ Корецкій не имѣлъ правъ сдѣлать ревизіи въ мой больница. И что онъ говоритъ про какой-то подушка?.. Извѣстной дѣло, какой нужно для простой народъ подушка.

— Такъ что по-вашему объ этомъ судить могутъ одни спеціалисты?—насмѣшливо возразилъ Дмитрій.— Ну, а что вы скажете про грязь и вонь въ больницѣ?

— Запахъ, какъ запахъ всегда бывайтъ, гдѣ есть паціенты. Вы это не можете знайтъ, weil sie sind nicht vom Fach. Это запахъ отъ дезинфекціонскихъ средствъ.

— Хороша дезинфекція!—разсмѣялся Томилинъ.

Собраніе теперь уже безъ удержу отдалось веселому настроенію, и докторъ, проговоривъ еще съ минуту, махнулъ руками.

— Я имѣю отъ самъ Государь,—произнесъ онъ все

болѣе волнуясь,—чинъ Collegienrath и Св. Станиславъ на шеѣ; я двадцать лѣтъ имѣю практика, и меня учить никто не можетъ.

— Собраніе, кажется, могло вполнѣ оцѣнить возраженія г. доктора,—сказалъ Дмитрій.—Я предлагаю ему выразить не благодарность, а порицаніе отъ лица земства и на будущее время его отъ службы уволить.

За доктора пробовалъ было заступиться Уховъ, но удержать собраніе онъ уже не былъ въ силахъ, а вызывать изъ-за Финдейзена столкновенія онъ не хотѣлъ, въ виду будущихъ выборовъ.

Его мытарства этимъ не окончились. Дмитрій и Томилинъ подробно разсмотрѣли денежную отчетность управы, чего, къ сожалѣнію, почтенные гласные обыкновенно не дѣлали. Ихъ поразилъ очень солидный итогъ суммъ, израсходованныхъ на ремонтъ мостовъ по уѣзду и не только за текущій, но и за прошлые два года. Случайно Томилину пришлось недавно проѣхать чрезъ одинъ изъ этихъ мостовъ, или вѣрнѣе мимо его жалкихъ остатковъ, по руслу небольшой рѣчки Малиновки, такъ какъ самый мостъ въ весеннее половодье снесло. Не говоря пока никому о своемъ открытіи, онъ справился у нѣкоторыхъ изъ бывшихъ тутъ старшинъ, и тутъ же получилъ отъ нихъ самые неутѣшительные отзывы о состояніи переправъ по уѣзду.

— Помогите, батюшка,—въ одинъ голосъ отвѣчали крестьянскіе гласные,—мы на собраніи заявить не смѣемъ, потому все-таки, извѣстное дѣло, начальство, Аркадій Степановичъ, съ исправникомъ въ большомъ согласіи живутъ. А нашему брату эти мосты во какъ по горло сидятъ; весной народъ на ремонтъ сгоняли, потому губернаторъ собирался тогда по губерніи ѣздить. А настоящаго то есть ремонту никакого не производятъ.

Подрядчикомъ всѣхъ земскихъ сооруженій издавна состоялъ Севрюгинъ и въ послѣдніе три года изъ земской кассы ему было переплачено слишкомъ двадцать пять тысячъ рублей. На состояніе дорогъ каждый годъ

поднимались на собраніи жалобы; но Севрюгину и Аркадію Степановичу всегда до сихъ поръ удавалось недовольныхъ успокоить обѣщаніями будущихъ исправленій. Жирные предводительскіе обѣды и желаніе не поссориться съ богатымъ купцомъ Севрюгинымъ не мало способствовали сговорчивости земцевъ. На этотъ разъ, однако, дѣло обошлось не такъ просто. Послѣ санитарнаго вопроса на очереди былъ дорожный. По обыкновенію поднялись кое-какія жалобы, причемъ каждый заботился лишь о той дорогѣ, по которой ему часто приходилось ѣздить.

— Я знаю, что дороги у насъ не важныя,—примирительно заявилъ Уховъ.—Вы помните, какое половодье было прошлою весной. Что прикажете дѣлать, господа? съ природой спорить на станешь. Будущая управа, конечно, приметъ всѣ мѣры...

И на лицѣ Аркадія Степановича выразилась самая многообѣщающая улыбка. Члены Уховской партіи вспомнили про вкусную хлѣбъ-соль своего предсѣдателя и не настаивали. Представители земской лѣвой жили большею частью либо въ городѣ, либо въ его ближайшемъ сосѣдствѣ и потому не особенно терпѣли отъ состоянія дорогъ. Одинъ только Заболдуха сказалъ, что во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ имѣются повсюду шоссе, а у насъ даже не умѣютъ исправно содержать допотопные пути сообщенія.

— Что дѣлать, господа?—разводя руками возразилъ Уховъ,—мы должны беречь наши скудныя средства. И безъ того наша смѣта тяжела.

— А управѣ все-таки жалованье накинули,—ядовито замѣтилъ адвокатъ.

— Я не скажу,—теперь заговорилъ Дмитрій,—чтобы наше земство особенно скупилось. Нашему подрядчику, Саввѣ Никитичу Севрюгину, за послѣдніе три года переплачено слишкомъ двадцать пять тысячъ рублей.

Эти слова раздались какъ громовой ударъ. Савва Никитичъ быстро, какъ ужаленный, вскочилъ съ своего

мѣста. Какъ! Позволяли себѣ касаться заповѣдной области его счетовъ съ земствомъ, приводили даже цифры! Да послѣ этого не было и возможности порядочному человѣку вести съ управой дѣла...

— Я все получилъ согласно контракту, ни копѣйкой болѣе,—дрожащимъ голосомъ произнесъ Савва Никитичъ. —Какъ передъ Богомъ это говорю: извольте провѣрить, коли хотите.

— Мы и провѣрили съ Өеодоромъ Васильевичемъ, и нашли, что деньги-то вы исправно получили, а работъ за эти три года не произвели никакихъ.

— Я не могу позволить вамъ, г. Корецкій,—остановилъ его Уховъ,—касаться того, что было въ прежніе годы. Счеты за тогдашнее время всѣ закончены, а вы къ тому же были, кажется, за границей...

Но Дмитрія сбить было не такъ легко.

— Позвольте,—возразилъ онъ,—я свелъ этотъ итогъ, чтобы напомнить земству, какія суммы оно истратило и спросить у собранія, знаетъ-ли оно, какія соотвѣтственно тому были произведены работы. Мнѣ сдается, что ровно никакихъ. Дороги и мосты приходятъ въ отчаянное положеніе не сразу.

— Истинная правда!—послышалось со стороны крестьянъ,—ремонту, можно сказать, у насъ нѣтъ никакого...

— Дороги и мосты у насъ сибирскіе,—подхватилъ кто-то.

Уховъ въ изнеможеніи откинулся въ креслѣ и принялся утирать лобъ. Онъ чувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ поднимавшеюся бурей. Севрюгинъ все еще стоялъ, опираясь на столъ дрожащими руками.

— Вы изволили сказать,—безжалостно продолжалъ Дмитрій,—что дороги у насъ испорчены весеннимъ половодьемъ, но отчего же тогда и теперь, въ концѣ сентября, мосты почти вездѣ таковы, что ихъ приходится объѣзжать? Отчего весной, ради проѣзда губернатора, сгоняли крестьянъ на производство тѣхъ же работъ, за которыя управа платитъ Севрюгину?

— Кто это вамъ сказалъ?—яростно накинулся на Дмитрія Уховъ.

— Напрасно меня оскорблять изволите,—защищался Савва Никитичъ,—я вотъ какъ предъ Богомъ...

Но ихъ уже не слушали. Старшины, ободренные даннымъ примѣромъ, стали наперерывъ разсказывать, какъ почти всѣ дорожныя работы производятся натуральною повинностью, не смотря на денежныя затраты по смѣтѣ. Заболдуха произнесъ громовую обличительную рѣчь, въ которой много говорилось объ ужасахъ крѣпостного права и очень мало объ уѣздныхъ мостахъ. Томилинъ передалъ о своемъ личномъ знакомствѣ съ несуществующимъ мостомъ черезъ рѣчку Малиновку.

— Какъ же это вы, однако, Ѳедоръ Васильевичъ, — съ участіемъ заговорилъ Севрюгинъ: Томилина всѣ въ земствѣ остерегались, такъ какъ онъ издавна пользовался вѣсомъ и уваженіемъ въ уѣздѣ и вдобавокъ былъ на отличномъ счету у губернатора.—Надѣюсь, не изволили ушибиться?

— Нѣтъ, Савва Никитичъ, мы всѣ съ осторожностію ѣздимъ по вашимъ мостамъ,—шутливо замѣтилъ кто-то изъ гласныхъ,—всѣ знаемъ, каковы они.

Все многочисленнѣе становились обличители. Они выходили теперь даже изъ предводительской партіи. Какъ водится, въ виду явнаго пораженія вождя, въ ея рядахъ сказывалось поползновеніе къ измѣнѣ.

— Я честь имѣю предложить собранію,—заключилъ пренія Дмитрій,—начать искъ противъ купца Севрюгина для взысканія съ него неправильно полученныхъ имъ съ управы денегъ.

Тутъ поднялась настоящая буря. Пока шли разоблаченія, оскорбительныя для самолюбія, можно было еще какъ-нибудь отшутиться, да и въ собраніи вопросъ скорѣе возбуждалъ смѣхъ, чѣмъ раздраженіе. Но какъ скоро было произнесено зловѣщее слово „взысканіе“, страсти забушевали не на шутку. Савва Никитичъ поблѣднѣлъ отъ злости. Уховъ затрясся на своемъ креслѣ,

а въ собраніи началась перепалка, въ которой гласные, будто сорвавшись съ цѣпи, накинулись уже не на однихъ виновныхъ, а принялись нападать другъ на друга. Звонокъ предсѣдателя оставался безсильнымъ. Слышались крики: „Подъ судъ!—Нѣтъ, не надо!—Взыскать!—Все до послѣдней копѣйки!—Не хотимъ!—Да вы сами-то чего же защищаете мазуриковъ!“

Севрюгинъ не вытерпѣлъ, наконецъ, и вышелъ изъ залы, плюнувъ въ сторону. Его примѣру тотчасъ послѣдовалъ графъ. „Вотъ ужъ кашу-то заварили, нечего сказать“, мимоходомъ замѣтилъ онъ Дмитрію. А когда его кто-то вздумалъ удерживать, онъ рѣзко отвѣтилъ, что до скандаловъ не охотникъ. Уховъ до того растерялся, что не замѣтилъ даже ухода графа. А Борисъ Сергѣевичъ прямо изъ собранія поѣхалъ къ губернатору и, смѣясь, разсказалъ ему про случившееся. Его превосходительство остался крайне недоволенъ.

Уховъ съ тупымъ отчаяніемъ глядѣлъ на волновавшихся гласныхъ, какъ смотрятъ на разрушеніе своего дома стихіей, противъ которой нельзя устоять. Дмитрій добился-таки, чтобы сдѣлано было постановленіе о взысканіи денегъ съ виновныхъ, а это стоило ему не мало труда: бури въ русскихъ собраніяхъ обыкновенно разрѣшаются ничѣмъ.

Изъ залы управы всѣ поспѣшили въ клубъ, чтобы тамъ растворить свои впечатлѣнія среди бездоннаго моря городскихъ сплетень. Не поѣхалъ въ клубъ одинъ Уховъ. Онъ сознавалъ себя разбитымъ окончательно. И это было вдвойнѣ тяжело послѣ недавняго торжества. Но въ заступникахъ у него не оказалось недостатка: посторонніе остались ему болѣе вѣрными, чѣмъ вскормленные имъ земцы. И увеличительное стекло клубной болтовни быстро превратило случившееся въ какое-то огромное дѣло съ политической окраской. Дмитрій оказался чуть ли не мятежникомъ, колеблющимъ государство. Этого взгляда особенно держались жандармскій полковникъ и Амфилохій Никандровичъ. Они усердно

поддакивали доктору Финдейзену, когда онъ выражалъ предъ ними свое негодованіе противъ Дмитрія.

— Вы правы, докторъ, — говорилъ полковникъ, — господинъ Корецкій поступилъ дерзко, очень дерзко.

— Онъ еще такъ недавно познакомился со здѣшнимъ обществомъ,—вставилъ исправникъ,—а такъ, можно сказать, рѣзко нападаетъ на людей достойныхъ.

— Я двадцать лѣтъ имѣю практика,—твердилъ докторъ,—и я еще не видалъ такой нахальство.

— Мы доктора всѣ знаемъ и любимъ,—потрепалъ Финдейзена по плечу вице-губернаторъ.

Словомъ, доктору сдѣлали маленькую овацію, и тузы губернскаго управленія единогласно рѣшили, что такъ, какъ поступилъ Дмитрій, могутъ дѣйствовать только люди неблагонамѣренные.

Почта въ тотъ же вечеръ привезла Дмитрію письмо отъ Нади. Молодая дѣвушка, повидимому, сомнѣвалась въ успѣхѣ своего предпріятія. Съ Боровскимъ она еще не видалась, и никакой нити пока не имѣла въ рукахъ. Въ большомъ городѣ, гдѣ для нея воскресали самыя тягостныя воспоминанія, Надю охватило, казалось, несвойственное ей недовѣріе къ себѣ. Отъ письма ея вѣяло грустью, а между тѣмъ она не хотѣла отказаться отъ своей попытки. „Мнѣ тяжело говорить тебѣ это, Дмитрій“, заканчивала она, — „но врядъ ли я успѣю вернуться такъ скоро, какъ думала. Ты былъ совершенно правъ; здѣсь все гораздо труднѣе и недоступнѣе, чѣмъ я даже полагала. Но пожалуйста не слишкомъ грусти. Я пробуду здѣсь еще три, четыре дня, и если не успѣю повидаться съ Сашей, все-таки отсюда уѣду. Не безпокойся обо мнѣ; я остановилась въ домѣ отца, хотя его здѣсь не застала: онъ, я думаю, за это не посѣтуетъ. Прислуга увѣряетъ, что онъ уѣхалъ въ Кіевъ, не зная про то, что случилось съ Сашей. Онъ долженъ вернуться завтра или послѣ-завтра. Мнѣ и съ нимъ хотѣлось бы повидаться, ты это, конечно, поймешь. Жди меня во вторникъ или въ среду. Я получила твою телеграмму и очень

была обрадована, что бѣдной мамѣ лучше. Еще разъ умоляю тебя не грустить.“

Но это была совершенно невыполнимая просьба. Тяжкое раздумье охватило Дмитрія, когда онъ прочелъ эти строки. Онъ еще болѣе прежняго упрекнулъ себя за то, что отпустилъ Надю. Ему даже захотѣлось самому поѣхать въ О*** и привезти ее назадъ въ Бѣлые Столбы. Но онъ тотчасъ оставилъ эту мысль—по разсчету времени онъ могъ съ Надей разъѣхаться на пути. Гнетущее чувство безпомощности, какой-то неопредѣленный страхъ наполнили его сердце, и какъ ни старался онъ стряхнуть съ себя эти смутныя ощущенія, онъ успокоиться уже не могъ. Дмитрій поспѣшилъ къ ней отправить телеграмму съ убѣдительною просьбой вернуться какъ можно скорѣе. И когда онъ сдалъ телеграфисткѣ исписанный имъ наскоро бланкъ, и аппаратъ задрожалъ, передавая его просьбу, у Дмитрія болѣзненно защемило сердце отъ неотвязной мысли, что, вѣдь, отъ него же зависѣло не допустить Надю до ея необдуманной поѣздки И все упорнѣе думалось ему, что поѣздка эта повлечетъ за собою какую-то негаданную бѣду.

VI.

Савва Никитичъ Севрюгинъ былъ крайне озлобленъ на Дмитрія за причиненную ему непріятность. На слѣдующее же утро въ пріемный часъ онъ отправился къ губернатору. Ему пришлось дожидаться недолго: начальникъ губерніи всегда цѣнилъ тароватаго коммерсанта, хорошо помня, что Савва Никитичъ всегда былъ первымъ во всѣхъ благотворительныхъ подпискахъ и недавно еще пожертвовалъ двѣ тысячи на пріютъ для дѣвицъ. Его превосходительству угодно было принять Севрюгина ласково, хотя съ оттѣнкомъ снисходительнаго покровительства. Савва Никитичъ почти слезно передалъ ему про свои обиды, умоляя о высокомъ заступничествѣ.

— Одна моя надежда на ваше превосходительство. Совсѣмъ вчера на земскомъ собраніи меня осрамили, такъ сказать, ни за что ни про что.

— Знаю, знаю,—перебилъ его губернаторъ, который во все время разсказа нетерпѣливо вертѣлъ въ рукѣ гусиное перо.—Мнѣ самому это, повѣрьте, очень непріятно.

Губернатору уже наканунѣ вечеромъ были сообщены протоколы засѣданія, а исправникъ, бывшій у него съ докладомъ въ десятомъ часу утра, дополнилъ ихъ своими личными впечатлѣніями.

— Сами, ваше превосходительство, изволите знать,—продолжалъ Севрюгинъ,—я ли когда-нибудь чужимъ добромъ воспользовался? Свято, какъ предъ Богомъ, такъ сказать, чтилъ всегда законъ, и скорѣе, чѣмъ кого другого обидѣть, всегда радъ своею трудовою копѣйкой, въ нѣкоторомъ родѣ, нуждающемуся пособить.

— Помню, Савва Никитичъ, все помню. Да чѣмъ же я могу вамъ помочь, сами посудите?

Губернаторъ усиленно заморгалъ глазами, что бывало съ нимъ обыкновенно, когда онъ не находилъ выхода изъ затрудненія.

— Да я думалъ, ваше превосходительство,—смиренно заговорилъ Севрюгинъ послѣ нѣкотораго молчанія,—что, кабы вамъ угодно было, въ нѣкоторомъ родѣ, опротестовать постановленіе собранія...

— То-есть, какъ опротестовать? Земство рѣшило предъявить на васъ искъ, а на этотъ счетъ ему предоставлена закономъ полная власть.

Савва Никитичъ поднялъ вверхъ обѣ руки въ знакъ протеста.

— Совсѣмъ незаконное постановленіе,—ваше превосходительство, смѣю васъ увѣрить,—умиленно возгласилъ онъ.—Рѣшили съ меня взыскать суммы, выданныя мнѣ не за прошлый только годъ, а за цѣлые три. Какой же это законъ? Развѣ можно старые, давно конченные счеты, такъ сказать, сызнова тревожить? И кто же

послѣ этого станетъ съ земствомъ дѣла вести, коли честному человѣку такія будутъ тревоги, да обиды чинить?

— Я посмотрю, что можно будетъ для васъ сдѣлать— нерѣшительно отвѣтилъ губернаторъ и бросилъ разсѣянный взглядъ на лежавшія на столѣ дѣла въ синихъ оберткахъ, какъ бы намекая, что пора кончить аудіенцію.

— Мнѣ, ваше превосходительство, не деньги дороги,— настаивалъ теперь уже возвышая голосъ Савва Никитичъ.—Богъ съ ними. Я за такою малостью не погонюсь. Сами изволите знать, какіе отъ земства барыши. И впередъ ужъ съ этими господами рукъ марать не стану. Честь мнѣ дорога, вотъ что!—Онъ ударилъ себя кулакомъ по груди.—Не хочу допустить, чтобы меня, старика, напрасно ошельмовали. И доложу я вамъ,—тутъ Савва Никитичъ принялъ конфиденціальный тонъ,—вся эта напраслина черезъ Дмитрія Алексѣевича Корецкаго вышла. Они всѣхъ на земствѣ смутили, должно быть отъ личной злобы на меня. И совсѣмъ непутевый онъ человѣкъ—въ дѣлѣ ровно ничего не смыслитъ, а только знаетъ народъ мутить. Да-съ, ваше превосходительство, доложу вамъ, человѣкъ онъ опасный, Дмитрій Алексѣевичъ—можно сказать даже тайные замыслы имѣетъ. Богъ вѣсть съ какими людьми знается. Фанаберію у себя какую-то въ имѣньи завелъ.

Савва Никитичъ покачалъ головой; слово „фанаберія“ онъ вѣроятно привелъ, думая что оно равносильно „фаланстеріи“, про которую онъ наслышался когда-то отъ бывшаго уѣзднаго судьи, любившаго читать запрещенныя книжки.

Но тутъ губернаторъ всталъ съ своего кресла, находя что Савва Никитичъ ужъ черезчуръ злоупотребляетъ его терпѣніемъ.

— Повторяю вамъ, сказалъ онъ,—я сдѣлаю, что только могу. Я думаю лучше будетъ переговорить съ будущимъ предсѣдателемъ управы. Надѣюсь какъ-нибудь ваше дѣло и уладится. А къ протестамъ, вы знаете, я

прибѣгаю только въ крайнемъ случаѣ. До крутыхъ мѣръ я не охотникъ.

Савву Никитича въ кабинетѣ губернатора смѣнилъ жандармскій полковникъ. Онъ казался озабоченнымъ не на шутку.

— Съ какими вѣстями, Антонъ Денисовичъ?—спросилъ у него губернаторъ.

- Да насчетъ г. Корецкаго, — усаживаясь на предложенный ему стулъ, отвѣчалъ полковникъ.—Надо, ваше превосходительство, принять мѣры. Я уже имѣлъ случай вамъ про это докладывать; а то, что произошло на земскомъ собраніи, явно показываетъ, что это за безпокойный человѣкъ.

Губернаторъ передвинулся на креслѣ и заложилъ ногу за ногу.

— Я пока не вижу поводовъ къ дѣйствію власти,— заговорилъ онъ, сухостью тона стараясь прикрыть свою тревогу.

— Какъ, ваше превосходительство?—возразилъ пламенный блюститель тишины и порядка.—Развѣ все поведеніе г. Корецкаго на собраніи не подозрительно въ высшей степени? Вы изволите, конечно, знать уже изъ протоколовъ, что онъ третьяго дня предлагалъ на земскія средства учредить какой-то благотворительный банкъ. Развѣ это не агитація?—Полковникъ очень любилъ щеголять нѣкоторыми мудреными иностранными словами, которыя недавнія событія ввели въ офиціальный языкъ.—А рѣзкія его выходки противъ Аркадія Степановича Ухова? Да не только это, всѣ бывшіе на собраніи говорятъ, что онъ выражался неприличнымъ, можно сказать, дерзкимъ образомъ противъ установленныхъ властей. Вы этого, конечно, изъ протоколовъ усмотрѣть не могли.

Губернаторъ поправилъ лѣвою рукой галстухъ и кашлянулъ.

— Но мнѣ кажется напротивъ,—сказалъ онъ, — что образъ мыслей Дмитрія Алексѣевича самаго охранительнаго свойства.

— Охранительнаго-съ? Да кто его проситъ, что нибудь охранять? Онъ развѣ имѣетъ офиціальное порученіе или должность занимаетъ? Онъ не болѣе какъ простой помѣщикъ, оставившій почему-то государственную службу, что на него уже набрасываетъ нѣкоторую тѣнь, и обязанъ лишь подчиняться всей строгости законовъ и отбывать лежащія на немъ казенныя повинности. А онъ, вмѣсто того, сперва завелъ какіе-то споры съ крестьянами и чуть ли не цѣлый бунтъ возбудилъ, а потомъ, вдругъ, задумалъ какія-то благотворительныя кассы устраивать.

И полковникъ закидалъ губернатора цѣлой кучей обвиненій противъ Дмитрія. Онъ, конечно, не походилъ на тѣхъ всемогущихъ блюстителей стараго времени, предъ которыми трепетали сами губернскія власти, но пылкій нравъ иногда заносилъ его недальновидный умъ далеко за предѣлы благоразумія, и давалъ ему несомнѣнный перевѣсъ надъ мягкимъ, примирительнымъ губернаторомъ.

— Все-таки, я тутъ не вижу еще ничего особеннаго, — продолжалъ успокоивать его начальникъ губерніи.

— А вы развѣ не слыхали (Антонъ Денисовичъ нагнулся чрезъ столъ, и заговорилъ вполголоса), что г. Корецкій помолвленъ съ живущею у его матери дѣвицей Ольшевской, состоящей подъ негласнымъ полицейскимъ надзоромъ?

Губернаторъ сдѣлалъ удивленное движеніе рукой.

— Вамъ не угодно было мнѣ повѣрить, когда я сообщалъ вамъ про тѣ преступныя связи, въ которыхъ находится эта молодая особа съ лицами заподозрѣнными. Въ настоящую минуту, кажется, на этотъ счетъ сомнѣнія быть не можетъ. Вы изволили, конечно, прочесть копію съ письма, на-дняхъ адресованнаго къ ней, мужемъ ея сестры, княземъ Тумановымъ? И намъ достовѣрно извѣстно, что дѣвица Ольшевская, получивъ это письмо, на другой же день выѣхала въ О***.

Полковникъ многозначительно устремилъ на губернатора свой вопрошающій взоръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? все болѣе волнуясь, отозвался его превосходительство.—Это, разумѣется, нѣкоторымъ образомъ видоизмѣняетъ положеніе вопроса...

— Я полагаю, снова заговорилъ Антонъ Денисовичъ,—что въ виду этого власть не можетъ оставаться бездѣятельною. Въ Бѣлыхъ Столбахъ долженъ быть произведенъ обыскъ...

— Въ домѣ Анны Григорьевны? Ахъ, что́ вы!—испуганно отвѣтилъ губернаторъ.

— Да позвольте же, ваше превосходительство, это единственный способъ напасть на слѣдъ какого-нибудь злоумышленія... Кто знаетъ, съ кѣмъ Ольшевская состояла въ перепискѣ? У нея могутъ отыскаться книги, рукописи, возмутительнаго содержанія...

Губернатору все это было очень непріятно. Ему, всегда любезному съ дамами, приходилось разрѣшить обыскъ у молодой, хорошенькой дѣвушки, да еще въ домѣ всѣми уважаемой Анны Григорьевны! А между тѣмъ, доводы полковника ему казались неотразимыми.

— Вдобавокъ,—продолжалъ все болѣе увѣренный въ себѣ Антонъ Денисовичъ,—такой обыскъ можетъ дать полезныя указанія насчетъ самого Дмитрія Алексѣевича. Что бы вы ни говорили про его охранительный образъ мыслей, согласитесь, что его помолвка съ особой замѣшанною въ преступной агитаціи представляется крайне странною?...

— Да,—какъ бы про себя, вымолвилъ губернаторъ,—во время освобожденія крестьянъ бывали такіе крѣпостники, которые зачитывались *Колоколомъ*, а въ бытность за границей ѣздили на поклоненіе къ Герцену... У насъ все возможно...

— И наконецъ,—добавилъ полковникъ,—развѣ васъ не поразила непозволительная рѣзкость Дмитрія Алексѣевича относительно доктора Финдейзена?... Посудите

сами, развѣ можно такъ оскорблять человѣка достойнаго, заслуженнаго?...

Нападеніе, которому подвергся докторъ Финдейзенъ въ земскомъ собраніи, всего болѣе, можетъ быть, возстановило его превосходительство противъ Дмитрія.

— Пожалуйста только,—сказалъ онъ, не рѣшаясь дать полковнику прямой отвѣтъ, — сдѣлайте все это какъ можно деликатнѣе и мягче. Выберите такого офицера, который бы отличался умѣньемъ обращаться съ дамами...

— Да помилуйте, ваше превосходительство, они всѣ у насъ люди, можно сказать, тонко благовоспитанные.

— А я со своей стороны поручу Амфилохію Никандровичу ему сопутствовать. Онъ хорошо знакомъ съ Анной Григорьевной и сдѣлаетъ все, чтобы смягчить непріятность такой щекотливой мѣры...

Губернаторъ очень не любилъ крутого образа дѣйствій. Но еще болѣе онъ опасался всего похожаго на скандалъ, а за послѣднее время, благодаря Дмитрію, въ мирномъ губернскомъ городѣ произошелъ цѣлый рядъ крайне прискорбныхъ столкновеній.

Слѣдующій день былъ послѣднимъ днемъ земской сессіи. Оставалось произвести выборы и разъѣхаться.

Уховъ, не смотря на многократныя упрашиванья, отказался наотрѣзъ баллотироваться предсѣдателемъ. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ и не думалъ отрекаться отъ прежняго мѣста. У него былъ свой планъ. Аркадій Степановичъ разсчитывалъ, что всѣхъ прочихъ кандидатовъ забаллотируютъ, и тогда, какъ бы изъ снисхожденія къ земству, онъ приметъ еще разъ предложенное ему предсѣдательство. И въ самомъ дѣлѣ онъ, повидимому не ошибся. Суходеревской надѣялся, что разгромъ постигшій Савву Никитича уничтожилъ всѣ шансы его противника. Но ему отъ этого легче не стало: за него положено было всего пятнадцать шаровъ. Та же участь постигла и двухъ другихъ охотниковъ

баллотироваться. Уховъ торжествовалъ: новыхъ кандидатовъ не предвидѣлось.

— Господа, вдругъ заявилъ Дмитрій,—будемъ просить Ѳеодора Васильевича Томилина баллотироваться.

Уже передъ началомъ засѣданія Дмитрій переговорилъ объ этомъ съ Томилинымъ и съ нѣкоторыми изъ городскихъ и крестьянскихъ гласныхъ. „Я знаю, это непріятная, тяжелая служба, говорилъ Томилину Дмитрій,—но подумайте что въ вашихъ рукахъ, и только въ вашихъ, земское дѣло пойдетъ честно и хорошо". Томилинъ далъ себя уломать, хоть и очень непріятно ему было разставаться съ невозмутимостью своего уголка.

Неожиданная кандидатура Ѳедора Васильевича встрѣтила почти единодушное сочувствіе, особенно среди крестьянъ. Уховъ понялъ, что дѣло его проиграно окончательно. За Томилина было подано тридцать голосовъ, и съ нимъ состязаться Аркадій Степановичъ не рѣшился.

Въ исходѣ шестого часа выборы были окончены. Дмитрій собиралая уѣхать въ Бѣлые Столбы, которыхъ не видалъ почти цѣлую недѣлю, какъ вдругъ у крыльца его встрѣтилъ только-что выпрыгнувшій изъ тарантаса Володя.

— Что случилось?—спросилъ у него старшій братъ, испугавшись его взволнованнаго лица.—Мама?... Что съ нею?

— Мама ничего, здорова. Случилась бѣда, да не съ нею.

— Пойдемъ отсюда поскорѣе. Здѣсь при чужихъ говорить нельзя...

И уведя брата въ сосѣднюю улицу, гдѣ въ вечерній часъ не было ни души, Володя перебиваясь на каждомъ словѣ, разсказалъ ему про совершившійся въ тотъ же день наѣздъ полицейскихъ въ Бѣлые Столбы. Полковникъ и Амфилохій Никандровичъ видно не мѣшкали.

Дмитрій слушалъ брата съ возрастающимъ негодованіемъ.

— Это ни на что не похоже!—воскликнулъ онъ.—Поѣдемъ со мной къ губернатору. Ты ему сейчасъ все разскажешь. Не можетъ быть, чтобъ онъ самъ позволилъ такое безобразіе.

Братья усѣлись въ тарантасъ и поскакали къ губернаторскому дому.

— Представь себѣ—продолжалъ Володя разсказывать пока они ѣхали,—теперь онъ только достаточно овладѣлъ собою, чтобы послѣдовательно объяснить, что случилось, — сегодня въ двѣнадцатомъ часу вдругъ прискакала во всю прыть къ нашему дому тройка, и изъ экипажа, я стоялъ на крыльцѣ, выскакиваетъ исправникъ, а съ нимъ какой-то жандармскій офицеръ. Амфилохій Никандровичъ сейчасъ ко мнѣ со своею противною улыбкой, да съ разспросами про мама. „Мы къ вамъ, говоритъ, по дѣлу. Позвольте васъ познакомить со штабъ-ротмистромъ Малиновскимъ.“ Тотъ звякнулъ шпорами и поклонился. Я посмотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ и, представь себѣ, этому подлецу Малиновскому даже руку протянулъ. „Такъ и такъ, говоритъ Амфилохій Никандровичъ, у насъ порученьеце есть — сами знаете, служебныя обязанности иногда бываютъ не совсѣмъ пріятныя, хе-хе-хе.“ Еще смѣяться вздумалъ, полицейская крыса! „Мнѣ-бы Анну Григорьевну безпокоить не хотѣлось.“ Тутъ онъ мнѣ объяснилъ, что имъ поручено вдвоемъ у насъ въ домѣ обыскъ сдѣлать, — „такъ, знаете, говоритъ, — самый маленькій; пожалуйста не безпокойтесь... Укажите намъ только комнату, которую занимала ваша уважаемая кузина, Надежда Сергѣевна...“

— Какъ? Обыскъ у Нади? съ негодованіемъ перебилъ его Дмитрій.—И ты ихъ пустилъ въ ея комнату?

— Что жъ было дѣлать? Требуютъ; на законномъ основаніи! Я, признаться, оторопѣлъ немного и далъ имъ ключъ отъ Надиной комнаты.

Дмитрій снова прервалъ его гнѣвнымъ восклицаніемъ.

— Пошарили тамъ у нея въ письменномъ столѣ, на полкахъ, и разумѣется ничего не нашли. Исправникъ хотѣлъ даже къ ней въ комодъ заглянуть, но самъ этотъ Малиновскій его остановилъ: „Ничего мы здѣсь не найдемъ", говоритъ; и потомъ ко мнѣ обратился: „А теперь позвольте намъ пройти въ комнаты занимаемыя вашимъ старшимъ братомъ". И сказалъ онъ это, знаешь, самымъ ласковымъ, сахарнымъ тономъ. Я хотѣлъ ихъ остановить: „Что вы это, говорю, что вы? Развѣ брата подозрѣвать можно"?

— Да развѣ обо мнѣ дѣло! нетерпѣливо возразилъ Дмитрій,—пусть у меня ищутъ! Не все ли равно? Къ Надѣ они смѣли войти, вотъ чего не слѣдовало допускать.

— Принялись они и тебя шарить; даже въ лабораторію заглянули. „Сколько у вашего брата иностранныхъ книгъ", говоритъ мнѣ этотъ противный Малиновскій и щиплетъ себя за усы. „Да развѣ это запрещено"? спрашиваю я его. „Не то чтобы запрещено", отвѣчаетъ, „а все-таки, знаете, странно... Можетъ-быть есть и запрещенныя цензурой"... А самъ все на исправника поглядываетъ. Напали они на сочиненіе Огюста Конта, да на какое-то русское заграничное изданіе. „Это несомнѣнно запрещенныя книги", совсѣмъ уже строго сказалъ Малиновскій и объявилъ, что какъ это ни прискорбно, а ихъ придется отобрать...

— Олухи! болваны! сквозь зубы произнесъ Дмитрій.

— Ко мнѣ-то и не заглянули совсѣмъ, а у меня-то весь Лассаль есть и цѣлая фаланга что ни есть самыхъ нецензурныхъ вещей. Ну да чортъ съ ними! Перелистываютъ они себѣ тамъ и сами не знаютъ, что взять и по всему видно очень недовольны, что путнаго ничего не нашли... Только вижу я, входитъ мама, и совсѣмъ прежняя мама, такая рѣшительная, твердая, какъ будто она совсѣмъ и больна не была. Я даже удивился.

Ну и досталось имъ отъ нея. На Малиновскаго она и не глядитъ, не поклонилась ему даже, и все къ Амфилохію Никандровичу обращается: „Да какъ вы смѣете мой домъ обыскивать? Вы не знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло. Что мнѣ вашъ губернаторъ! Я до самого министра дойду“! Они предъ ней, кажется, даже струхнули...

Лошади остановились, подкативъ къ подъѣзду. Губернатора дома не оказалось, онъ поѣхалъ въ соборъ ко всенощной, такъ по крайней мѣрѣ объявилъ швейцаръ: дѣло было въ субботу. Въ дѣйствительности губернаторъ былъ вовсе не въ соборѣ, а у Клементины Адамовны Дзынгаревской, къ которой довольно часто заѣзжалъ по вечерамъ.

Дмитрій приказалъ кучеру ѣхать въ Бѣлые Столбы. Анну Григорьевну онъ засталъ въ страшномъ волненіи. Къ старушкѣ вернулась вся ея прежняя рѣшительность. Она не могла успокоиться послѣ нанесеннаго ей оскорбленія. Дмитрія встревожило овладѣвшее ею лихорадочное возбужденіе: онъ боялся послѣдствій для ея здоровья. Глаза ея блестѣли, голосъ звучалъ отрывисто и гнѣвно. Случившееся въ этотъ день будто воскресило прежнюю Анну Григорьевну, какъ струя воздуха раздуваетъ гаснущее пламя. Прежняя твердость, прежнія силы къ ней вернулись какимъ-то чудомъ. „Ты обо мнѣ не безпокойся“, повторяла она сыну. „Я про свою болѣзнь забыла; я себя и свои Бѣлые Столбы въ обиду не дамъ“. И въ самомъ дѣлѣ казалось будто недавняя болѣзнь совсѣмъ уступила предъ наплывомъ горячаго чувства.

Въ воскресенье утромъ пришло новое письмо отъ Нади, менѣе длинное, чѣмъ первое, но такое же грустное. Надя писала, что видѣлась, наконецъ, съ сестрой, но это свиданіе, должно быть, не разогнало ея тяжелаго настроенія. Она еще разъ повторила, что непремѣнно будетъ во вторникъ. „Зачѣмъ же она не вернулась немедленно“? спросилъ у себя Дмитрій. Вообще письмо невѣсты привело его въ недоумѣніе. Въ ея словахъ было

что-то недосказанное, и два дня, остававшіеся до ея пріѣзда, казались ему невѣроятно длиннымъ, томительнымъ срокомъ.

Между тѣмъ онъ еще разъ попытался видѣть губернатора. Но ему опять сказали, что его нѣтъ дома. Слугамъ было велѣно Дмитрія не принимать. „Ты лучше мнѣ это дѣло предоставь“, объявила ему Анна Григорьевна, когда онъ явился въ Бѣлые Столбы. „Я вижу, что вы съ Володей хоть и мущины, а все же съ этими чиновниками такъ сладить не сумѣете какъ я. Мнѣ онъ отвѣтитъ. За это я ручаюсь“. И въ самомъ дѣлѣ, когда Анна Григорьевна написала губернатору, не особенно стѣсняясь выраженіями, онъ ей отвѣтилъ на другой же день. Его превосходительство мягкимъ, но офиціальнымъ языкомъ сожалѣлъ о случившемся недоразумѣніи и увѣрялъ, что никакихъ послѣдствій изъ этого не произойдетъ. „Никакихъ послѣдствій“! гнѣвно воскликнула Анна Григорьевна. „Вотъ онъ увидитъ какія будутъ для него послѣдствія! Онъ меня вздумалъ баснями кормить что ли“?

Наступилъ вторникъ. Дмитрій съ Володей отправились въ городъ встрѣчать Надю. Анна Григорьевна осталась дома, съ тревогой ожидая весь день ихъ возвращенія. Ни съ утреннимъ, ни съ вечернимъ поѣздомъ Надя не пріѣхала. Страхъ предъ какою-то невѣдомою бѣдой овладѣлъ Дмитріемъ. Онъ бросился на телеграфную станцію и отправилъ въ О*** депешу. Всю ночь онъ тщетно прождалъ отвѣта. Въ 7 часовъ утра въ среду ему принесли со станціи его же телеграмму съ отмѣткой, что личности, которой она была адресована, въ О*** не оказалось. Дмитрій уже не сомнѣвался, что случилось какое-то несчастіе. Онъ поскакалъ въ Бѣлые Столбы и сказалъ Аннѣ Григорьевнѣ всю правду на счетъ причины отъѣзда Нади, объявивъ матери, что самъ въ тотъ же вечеръ отправится въ О***. Анна Григорьевна всплеснула руками: „И ты ее отпустилъ“! воскликнула она, „туда, гдѣ всѣ ея прежніе знакомые,

въ самый омутъ... Кто знаетъ теперь, кого она тамъ встрѣтила, что съ ней сталось!..“

Но теперь было уже не до упрековъ, и Анна Григорьевна это поняла. Она замкнулась въ мрачную неподвижность отчаянія. Медленно тянулись часы этого страшнаго дня. Была послана вторая телеграмма уже къ Анисьѣ, съ требованіемъ дать извѣстіе о барышнѣ. Наступалъ вечеръ. Для Дмитрія были поданы лошади. Но вотъ кто-то подскакалъ къ крыльцу. Это былъ работникъ отправленный въ городъ, чтобъ еще разъ освѣдомиться, не пришло ли съ почты какое-нибудь письмо. И въ самомъ дѣлѣ письмо онъ привезъ, письмо отъ Анисьи. Дмитрій поспѣшилъ его вскрыть, но едва успѣлъ онъ прочесть первыя строки, какъ оно выпало изъ его задрожавшихъ рукъ.

VII.

Пріѣхавъ въ О., Надя сперва остановилась въ гостиницѣ. Но въ родномъ городѣ, гдѣ протекло ея дѣтство, въ ней сильно забилось желаніе, повидаться съ отцомъ, особенно въ такое время, когда его постигло горе. Такъ недавно устроившееся ея собственное счастье какъ бы смыло все грустное прошлое. На слѣдующее утро, она отправилась пѣшкомъ къ Сергѣю Петровичу, но домъ оказался пустымъ. Единственными живыми существами въ немъ были старая кухарка, давно служившая у Ольшевскихъ, да цѣпная собака, сердито залаявшая на дворѣ, когда Надя позвонила у подъѣзда. Молодой дѣвушкѣ пришлось долго ждать, пока ей отперла кухарка.

— Барышня, вы ли это?—обрадовалась и удивилась она.—Вотъ ужъ не ждали, не гадали! И батюшка-то какъ вамъ обрадуется; все время, повѣрите ли, объ васъ сокрушался!

Надя отъ нея узнала, что Сергѣй Петровичъ, вотъ уже болѣе недѣли, уѣхалъ въ Кіевъ по дѣламъ и его съ часа на часъ ожидаютъ.

— Да вы къ намъ, барышня, переберитесь—развѣ дома не лучше, чѣмъ въ гостиницѣ. А батюшка вашъ, когда пріѣдетъ, такъ ужъ радъ будетъ.

Надя рѣшилась такъ и сдѣлать, и приказала свои вещи перевезти изъ гостиницы. Старое, давно забытое чувство, привязанности къ отцу, и покинутому дому, воскресло въ ея сердцѣ. Она прошлась по пустымъ комнатамъ. Затхло и грустно было въ нихъ, хотя на стеклахъ оконъ, игралъ яркій лучъ южнаго осенняго солнца. Какое-то неряшливое запустѣніе наполняло весь домъ, точно давно въ немъ не жилъ никто. Сильно постарѣлъ онъ за полтора года отсутствія изъ него Нади; и неодушевленные предметы, какъ люди, дряхлѣютъ иногда не по днямъ, а по часамъ. Молодая дѣвушка подумала, что и владѣлецъ его, должно быть, также почувствовалъ надъ собою за эти полтора года руку времени.

— Не узнаете вы батюшку, точно отгадавъ ея мысль, заговорила кухарка: - посѣдѣли они, сгорбились.

Надя не смѣла спросить, про Софью Петровну, но словоохотливая старушка и безо всякихъ разспросовъ, ей все разсказала: Софья Петровна уже за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ разсталась со своимъ покровителемъ, и эта размолвка, должно быть, не мало содѣйствовала тому, что прежній баловень прекраснаго пола, такъ опустился за послѣднее время. Надя узнала отъ кухарки и то, что Сергѣю Петровичу до его отъѣзда не было извѣстно про арестъ Саши. Услыхавъ объ этомъ, старуха всплеснула руками и заголосила:

— Что это, прости Господи! барышня-то наша— да что я, дура, говорю — не барышня, а княгинюшка—ее значитъ взяли, да въ тюрьму посадили!

Надя пробовала отъ нея разузнать, какія въ О.... имѣются мѣста заключенія: но кухарка на этотъ счетъ ничего объяснить не сумѣла.

— Не знаю, барышня; вотъ не знаю. Развѣ у дворника спросить, когда вернется: послала его на зиму дровъ закупить.

Не болѣе свѣдущимъ оказался и дворникъ, но за то онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ околодочнымъ и тотъ даже обязательно согласился явиться самолично и объяснить Надѣ: „что, дескать, кутузокъ въ городѣ много; при каждой части своя, а главная, самая что ни на есть лучшая—при полицмейстерскомъ домѣ. И которыхъ велѣно хватать, значитъ по секретному приказанію, тѣхъ больше туда и отводятъ. И преотличное тамъ помѣщеніе“.

Въ двѣнадцать часовъ Надя велѣла себѣ нанять извощика и поѣхала въ судебныя мѣста. Долго она странствовала по лѣстницамъ и корридорамъ большаго зданія, пока ей указали гдѣ прокурора дожидаются просители. Когда она у сторожа или у проходившаго мелкаго чиновника спрашивала про Боровского, тѣ на нее большею частію смотрѣли съ удивленіемъ, и недовѣрчиво посмѣивались. „Ишь къ какому важному лицу захотѣла! Да еще такая молоденькая!“ думали они вѣроятно про себя. У двери пріемной комнаты, за которою былъ кабинетъ прокурора, ее остановилъ сторожъ.

— Кого вамъ надо?

— Николая Осиповича Боровского.

— Его превосходительство занятъ. Здѣсь подождите, сурово объявилъ сторожъ.

— Надя сѣла на стулъ у окна.

Было тутъ еще человѣкъ пять, тоже дожидавшихся. Сидѣвшіе за столомъ молодой секретарь и двое писцовъ, тоже молодыхъ, совсѣмъ даже не похожихъ, на обыкновенныхъ писцовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, переглянулись между собою и насмѣшливо кивнули въ сторону Нади.

Прошло полчаса. Разныя личности торопливо проходили по комнатѣ, шумно запирая за собою двери, но про Боровского не было и слуху. Надя встала и подошла къ секретарю.

— Позвольте васъ спросить, когда можно будетъ видѣть Николая Осиповича Боровского?

— Николай Осиповичъ сегодня въ засѣданіи, отвѣчалъ тотъ съ видомъ человѣка, который не допускаетъ, чтобы постороннимъ внутренній распорядокъ суда былъ неизвѣстенъ.—Потрудитесь подождать.

Она хотѣла опять сѣсть на свое мѣсто, но секретарь ее остановилъ:

— А вамъ зачѣмъ надо видѣть Николая Осиповича? спросилъ онъ не скрывая двусмысленной улыбки.

— По дѣлу, — отвѣчала она просто, не догадываясь о его задней мысли.

— Гм, по дѣлу? Просьба, должно-быть, есть какая-нибудь?

— Да, просьба.

Секретарь опять улыбнулся и посмотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Не знаю-съ, когда кончится засѣданіе. Должно-быть не скоро,—сказалъ онъ и вдругъ принялся усердно писать. Но лишь только отошла Надя, онъ снова переглянулся съ писцами, и всѣ трое разсмѣялись.

— Воображаю, какое дѣло, — ухмыляясь замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— А ничего, хорошенькая,—подхватилъ другой.

Надя просидѣла въ пріемной комнатѣ битыхъ два часа. Вдругъ изъ боковыхъ дверей стремительно вошелъ господинъ во фракѣ съ серебрянымъ адвокатскимъ значкомъ. Надя его остановила.

— Я думаю вамъ долго придется ждать Николая Осиповича,—обязательно объяснилъ ей тотъ.—Засѣданіе, вѣроятно, продлится до вечера. Напрасно вамъ не сказали.

И быстро, со всего размаха, поклонившись ей, онъ также стремительно вышелъ въ другія двери.

Изъ судебныхъ мѣстъ Надя поѣхала въ домъ полиціймейстера, надѣясь что-нибудь узнать про сестру. Но и тамъ ей не посчастливилось. На вопросъ о томъ, гдѣ помѣщаются арестанты, услыхавшіе его трое полицейскихъ разомъ посмотрѣли на нее самымъ свирѣпымъ образомъ.

— А чего вамъ надо въ арестантской-то? грубо спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Мнѣ хотѣлось бы съ родственницей повидаться.

Свирѣпое выраженіе усилилось.

— Къ арестантамъ никого посторонняго безъ особаго позволенія не пущаютъ,—объявилъ ей все тотъ же полицейскій.

Надя попробовала настаивать и получить хотя бы свѣдѣнія о томъ, не содержится ли тутъ арестантка княгиня Туманова. При этомъ имени двое изъ бывшихъ тутъ чиновниковъ многозначительно переглянулись.

— По-русски говорятъ вамъ, никого не пущаютъ,— былъ единственный отвѣтъ, котораго она добилась.

Надя попробовала еще спросить, нельзя ли видѣть самого полицеймейстера, но ей отвѣтили, что онъ принимаетъ только до одиннадцати часовъ утра, а среди бывшаго въ комнатѣ разношерстнаго люда послышался громкій хохотъ.

Вечеромъ Надя отправила Дмитрію свое первое письмо, въ которомъ отразились испытанныя ею неудачи. Въ то же время она написала два слова Боровскому, съ просьбой принять ее на нѣсколько минутъ на слѣдующій день между двѣнадцатью и часомъ.

Николай Осиповичъ рѣдко чему-либо изумлялся, но записка Нади поразила его своею неожиданностію.

Его кратковременное знакомство съ молодою дѣвушкой казалось ему порваннымъ навсегда. И странное дѣло, когда онъ держалъ въ рукѣ присланный ею клочекъ бумаги, рука эта почему-то задрожала и непонятное волненіе заставило сильнѣе забиться его сердце. Неужели не совсѣмъ еще схоронено мимолетное, угаснувшее чувство, на смѣну котораго давно уже пришло ожесточеніе, вызванное уязвленнымъ самолюбіемъ?

Когда Боровскій получилъ отъ Елены на прощаньѣ попавшее ей въ руки письмо Нерадовича, онъ сперва хотѣлъ имъ пользоваться. Съ помощью его не трудно было привлечь Надю къ отвѣтственности по по-

литическому дѣлу. Но почти тотчасъ въ его душѣ поднялось гадливое чувство. Это не былъ голосъ возмущенной совѣсти — Боровской не допускалъ для себя такой слабости, годной развѣ для людей неувѣренныхъ въ себѣ, а просто инстинктивное отвращеніе къ мелкой и скрытой мести, поражающей изъ-за угла. „Я не стану орудіемъ злобы этой женщины“, почти съ презрѣніемъ сказалъ онъ себѣ ;онъ угадалъ поводы руководившіе Еленой. Еслибъ онъ потрудился глубже заглянуть въ самого себя, онъ созналъ бы, конечно, что въ немъ самомъ заговорила не одна гадливость, а еще болѣе, можетъ-быть, чувство жалости къ молодой дѣвушкѣ когда-то имъ любимой. Письма Нерадовича онъ однако не уничтожилъ.

Боровской съ поспѣшностью написалъ въ отвѣтъ Надѣ, что въ назначенный ею часъ онъ будетъ къ ея услугамъ. Запечатавъ конвертъ, онъ вышелъ въ переднюю, гдѣ дожидалась присланная съ запиской Анисья. Онъ подробно разспросилъ ее, съ какихъ поръ Надя пріѣхала въ О. и долго ли она думаетъ пробыть. Анисья ничего ему не сказала про настоящую причину путешествія Нади—она никогда про своихъ господъ ничего не передавала чужимъ. Но вернувшись домой, старушка не могла нахвалиться Николаемъ Осиповичемъ.

— Такой онъ ласковый,—говорила она,—и такъ про васъ, Надежда Сергѣевна, много разспрашивалъ...

Надѣ было немного жутко отъ предстоявшаго свиданія. Обращаться къ кому-либо съ просьбой ей всегда претило, а передъ человѣкомъ глубоко ею оскорбленнымъ это было вдвойнѣ неловко, почти тяжело. Чувство стыда и робости овладѣло ею, когда она на другой день вошла въ ту самую комнату, гдѣ наканунѣ тщетно дожидалась Боровского. За то пріемъ ей былъ оказанъ совершенно иной: секретарь вскочилъ со своего мѣста, почти извинился передъ нею и побѣжалъ въ кабинетъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ дверяхъ показался Боровской. Лицо его глядѣло холодно и офиціально.

какъ будто онъ собирался принять обыкновеннаго просителя. Онъ пригласилъ ее войти и пропустилъ мимо себя. Но когда они остались вдвоемъ, лицо и обращеніе его мгновенно измѣнились: офиціальная маска слетѣла. Несвойственная ему отрывистая тревога была въ его голосѣ и движеніяхъ, когда онъ предложилъ ей сѣсть около письменнаго стола, пододвинувъ ей кресло.

— Чѣмъ могу я вамъ быть полезнымъ, Надежда Сергѣевна?—сказалъ онъ все еще не вполнѣ овладѣвъ собой.—Я радъ услужить вамъ.

Надя тотчасъ подмѣтила въ немъ признаки тревоги, и робость ея исчезла, какъ она всегда исчезаетъ у женщинъ, сознающихъ, что передъ ними робѣетъ мужчина.

— Благодарю васъ, я долго васъ не задержу...

Но Боровской не далъ ей высказать свою просьбу. Онъ даже не разслышалъ ея отвѣта: такъ занималъ его вопросъ, что могло побудить ее пріѣхать въ О.

— Я знаю, что вы здѣсь съ воскресенья; ваша горничная мнѣ вчера сказала... Вы здѣсь однѣ? то-есть... безъ вашего семейства?

— Я съ горничной.

— Какъ?!—быстро воскликнулъ онъ,—и вашъ... онъ запнулся и не выговорилъ слова „женихъ“,—и Дмитрій Алексѣевичъ васъ не сопровождаетъ?

— Его мать больна, онъ не могъ ее оставить,—спокойно отвѣтила Надя.

Явное удивленіе выразилось на лицѣ Боровскаго. Онъ не обратилъ никакого вниманія на извѣстіе о болѣзни Анны Григорьевны. Одна только мысль была у него на умѣ и читалась въ его запылавшихъ глазахъ: „Какъ могъ Дмитрій съ нею разстаться хоть на нѣсколько дней, если онъ ее любитъ. Что значитъ даже мать въ сравненіи съ нею? Еслибъ она была не его, а моя невѣста...“ Тутъ уже сама мысль обрывалась у него, переходя въ какое-то неопредѣленное, но страстное чувство.

— Вы у меня не спрашиваете о предметѣ моей просьбы,—опять заговорила Надя.

— Да, извините меня, я... Онъ не договорилъ.

Надя сказала ему про сестру.

— Княгиня Туманова ваша сестра? — съ возрастающимъ удивленіемъ перебилъ онъ ее, — и вы стало-быть...

— Я пріѣхала сюда, чтобы просить за нее, а если я ничего не достигну, то затѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ съ нею повидаться.

— Просить за вашу сестру?.. Но вы конечно не знаете въ чемъ она обвиняется и какія имѣются улики?

— Я ничего не знаю... Да я и не затѣмъ пріѣхала, чтобъ ее оправдывать, а чтобы попытаться ее спасти.

— Мнѣ жаль, что приходится васъ разочаровывать: для княгини Тумановой никто уже сдѣлать ничего не можетъ...

Боровской однако не сказалъ Надѣ, что самъ онъ былъ главнымъ виновникомъ ареста Саши. Съ перваго же дня своего пріѣзда онъ повелъ дѣло съ такою энергіей, что одно за другимъ были сдѣланы нѣсколько важныхъ открытій и задержаны личности, которыхъ давно тщетно разыскивали. Теперь онъ былъ почти готовъ упрекнуть себя за усердіе, въ эту минуту онъ ради молодой дѣвушки охотно бы пожертвовалъ суровостью своей офиціальной роли.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, Надежда Сергѣевна. Сестрѣ вашей, повторяю, вы помочь не можете. Но сами вы себя поберегите; не встрѣчайтесь съ людьми, которыхъ вы знали прежде. Разорвите съ ними безповоротно, вѣдь половинныхъ разрывовъ не бываетъ.

Надя вспыхнула.

— Разорвать съ людьми не значитъ про нихъ забыть,—запальчиво воскликнула она.—Какъ можете вы этого не понимать! Сестра въ опасности и оттого она стала мнѣ вдвойнѣ дорога... Да и не потому только, что она мнѣ сестра; будь она мнѣ чужая, было бы то же самое... Да не въ этомъ дѣло, Николай Осиповичъ. Скажите мнѣ все подробно, зачѣмъ ее взяли, въ чемъ

она обвиняется?.. Или, можетъ быть,—съ горечью добавила она,—это канцелярская тайна?..

— Я, вы знаете, не формалистъ, Надежда Сергѣевна, отвѣтилъ Боровской, задѣтый за живое послѣдними ея словами.—Княгиня Туманова обвиняется въ раздачѣ брошюръ и прокламацій на фабрикѣ, гдѣ она жила въ поденьщицахъ подъ вымышленнымъ именемъ.—И Боровской передалъ ей какія неотразимыя улики имѣлись противъ бѣдной Саши.—Повѣрьте мнѣ я бы обрадовался возможности освободить ее отъ суда. Я, вы знаете, преслѣдую не личности, а дѣло, а она простое орудіе въ другихъ, болѣе сильныхъ рукахъ... Повторяю вамъ, ей помочь нельзя.

— Можетъ быть. Но чѣмъ менѣе для нея надежды впереди, тѣмъ болѣе она нуждается въ утѣшеніи. Вѣдь она отрѣзана теперь отъ семьи, отъ цѣлаго свѣта. Мнѣ надо по крайней мѣрѣ съ нею проститься, все-таки ей можетъ быть станетъ легче, когда увидитъ, что ее не всѣ бросили.

Боровской снова принялся ее уговаривать:

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, эти прощанья не утѣшаютъ никого; они только еще болѣе растравляютъ горе. А сами вы только подвергнете себя напраснымъ подозрѣніямъ...

— Какъ? перебила его Надя, вставая—вы думаете меня остановить такимъ соображеніемъ? Скажите лучше прямо, что вы отказываете мнѣ въ разрѣшеніи повидаться съ сестрой.

— Я этого не сказалъ, Надежда Сергѣевна, но...

Онъ тоже всталъ и во взглядѣ его была какая-то смѣсь восхищенія ею и боязни за нее.

— А если такъ, дайте мнѣ бумагу съ которою бы меня къ ней пропустили, мнѣ сказали, что это отъ васъ зависитъ. Она содержится при полиціи, не правда ли?

— Да, при полицейскомъ управленіи. Я исполню вашу просьбу. Не скрою отъ васъ, однако, что у насъ

принято разрѣшать такія свиданія лишь въ крайнемъ случаѣ...

Надя взглянула на него почти презрительно

— А! вы можетъ быть за себя боитесь, проговорила она.—Вы, пожалуй, нарушили бы этимъ какія-нибудь правила... начальство на это взглянетъ косо. Такъ бы вы и сказали... Я пойду къ главному начальнику края и отъ него добьюсь разрѣшенія: ему по крайней мѣрѣ нечего бояться.

Боровского эти слова не оскорбили. Онъ даже не обратилъ вниманія на то, чтò было обиднаго въ нихъ для него. Его поразила только спокойная, твердая рѣшимость молодой дѣвушки. Онъ все болѣе любовался ею.

— Ахъ, Надежда Сергѣевна, вырвалось у него восклицаніе,—еслибы вы могли стать женой человѣка такого же умнаго и сильнаго, какъ вы! Чего бы ни исполнилъ, чего бы ни достигъ вмѣстѣ съ вами такой человѣкъ. Вы созданы для того, чтобы вдохновлять другихъ!

Пылающій взглядъ, сопровождавшій эти слова поразилъ, почти испугалъ молодую дѣвушку. Лицо ея стало вдругъ сдержанно и холодно.

— Разговоръ нашъ, кажется, затянулся, Николай Осиповичъ, сказала она.—Я не хочу злоупотреблять вашею любезностью. Если вы согласны исполнить то о чемъ я просила, потрудитесь указать мнѣ, какъ я должна поступить.

Нѣсколько мгновеній еще Боровской глядѣлъ на нее молча, стараясь побороть свое волненіе. Губы его судорожно сжались и снова поднялось въ его сердцѣ озлобленное чувство. Ея слова укололи его тѣмъ больнѣе, что онъ сознавалъ хорошо, какъ непозволительно онъ предъ ней увлекся.

— Хорошо, Надежда Сергѣевна, проговорилъ онъ глухо,—я сейчасъ напишу для васъ нѣсколько словъ и сегодня же пошлю офиціальное предложеніе въ полицію.

Отрывистымъ движеніемъ онъ взялъ изъ лежавшей на столѣ дести бѣлый листъ, и перо его забѣгало по

немъ, поспѣшно выводя строки какимъ-то скачущимъ лихорадочнымъ почеркомъ.

— Съ этимъ васъ пропустятъ, подалъ онъ ей подписанную бумагу.—Большаго я ничего для васъ сдѣлать не могу.

Она поблагодарила его и тотчасъ вышла. А Боровской, какъ ни старался онъ найти отрезвленіе въ обычной работѣ, не могъ заглушить воскресшаго чувства. Неужели, спрашивалъ онъ себя съ какимъ-то злобнымъ отчаяніемъ, единственная женщина которую онъ когда-либо любилъ останется для него всегда недоступною?

Бумага данная Надѣ Боровскимъ оказала свое дѣйствіе, когда на утро слѣдующаго дня молодая дѣвушка явилась въ полицейское управленіе. Правда, чиновникъ къ которому она обратилась недовѣрчиво на нее посмотрѣлъ и заявилъ о разныхъ недоумѣніяхъ. Другой чиновникъ, немного покрупнѣе, строго у нея спросилъ, взвѣсивъ предварительно каждое слово, написанное Боровскимъ: „Вы родственница?“ Получивъ въ отвѣтъ, что она сестра Тумановой, онъ неодобрительно покачалъ головой. Не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ скитаній по разнымъ столамъ, ради какихъ-то справокъ, и безъ занесенія чего-то въ какую-то книгу: извѣстно, что безо всего этого шагу нельзя ступить въ любомъ присутственномъ мѣстѣ. Но все-таки послѣ этихъ мытарствъ ей дали требуемое разрѣшеніе, и полицейскій провелъ ее въ ту часть зданія, гдѣ содержались заключенные.

Арестантская помѣщалась въ особомъ флигелѣ полицейскаго дома. Съ виду она не представляла ничего внушительнаго. Въ довольно широкомъ корридорѣ, съ грязнымъ войлочнымъ половикомъ, за маленькимъ столомъ сторожъ мирно допивалъ чай. Отсюда рядъ дверей, совершенно обыкновенныхъ, выбѣленныхъ и не особенно чистыхъ, велъ въ арестантскія камеры. У главнаго входа стоялъ часовой, солдатъ изъ мѣстной команды. Другой такой же солдатъ, съ удивительно

тупымъ, скучающимъ лицомъ, шагалъ взадъ и впередъ по корридору. Полицейскій сопровождавшій Надю переговорилъ со сторожемъ и между прочимъ сказалъ что „имъ вотъ разрѣшено на полчаса имѣть свиданіе съ арестанткой Тумановой“. Сторожъ еще разъ глотнулъ чаю, крякнулъ и пробормотавъ: „№ 7, значитъ“, отворилъ одну изъ низкихъ дверей. Надя вошла въ узкую комнатку съ каменнымъ поломъ и запачканными стѣнами, плохо освѣщенную маленькимъ, высоко пробитымъ въ стѣнѣ окномъ.

На кровати сидѣла молодая женщина и что-то читала. На ней было черное шерстяное платье, безъ воротничка и рукавчиковъ, отчего кожа на шеѣ и кистяхъ рукъ принимала какой-то смуглый, неопредѣленный оттѣнокъ. Лицо казалось усталымъ: на щекахъ не было и тѣни румянца.

— Надя!—воскликнула она поднявъ голову и увидавъ бросившуюся къ ней сестру. Онѣ крѣпко обнялись. Но почти тотчасъ затѣмъ какой-то странный стихъ напалъ на Сашу Туманову. Она вдругъ будто застыдилась овладѣвшаго ею прилива нѣжнаго чувства и высвободилась изъ обхватившихъ ее рукъ Нади.—Нѣтъ, зачѣмъ это, Надя, проговорила она, отстраняя сестру,—что это мы съ тобой разнѣжничались, точно институтскія подруги. Поцѣловались разъ и будетъ. Ты мнѣ лучше скажи, какъ ты сюда попала и до меня добралась.

Надя грустно оглядѣла исхудалый, угловатый обликъ недавно еще хорошенькой сестры и пожелтѣвшее лицо, черты котораго приняли какое-то неестественное, ожесточенное выраженіе.

— Ну, хорошо, я тебѣ надоѣдать не буду, и времени у насъ къ тому же немного...

Надя сказала ей про письмо Туманова.

— Ахъ, это Левка тебя сюда вызвалъ (Туманова въ кружкѣ всѣ называли этимъ уменьшительнымъ именемъ). Какъ это онъ собственнымъ умомъ дошелъ и тебя даже уговорить сумѣлъ...

Надю непріятно поразила рѣзкость тона сестры, въ которой она чувствовала что-то напускное.

— Ахъ, Саша, да вѣдь онъ такъ къ тебѣ привязанъ,—съ укоромъ проговорила она.

— Да, я знаю что привязанъ. Онъ добрый такой. Сметки, правда, немного, да это ничего... И я къ нему привязана—ты не думай,—Саша даже расхохоталась при этихъ словахъ, но хохотъ ея мгновенно осѣкся, и озлобленное, жесткое выраженіе опять показалось на губахъ.—Ты стало-быть, такъ-таки и пріѣхала. Ну, спасибо...—Она странно, почти насмѣшливо взглянула на сестру. — Не думала я что ты изъ-за меня побезпокоишься...

У Нади почти слезы навертывались на глазахъ. Это свиданіе, котораго она такъ добивалась, приносило съ собой одни тяжелыя впечатлѣнія, совсѣмъ даже помимо той грустной обстановки въ которой она заставала сестру.

— Ахъ, Саша, плохо же ты меня знаешь, сказала она вздохнувъ и снова обвила рукой станъ молодой женщины.—Бѣдная, милая моя. Неужто мнѣ о тебѣ не пожалѣть, да не попробовать хоть сколько-нибудь тебя утѣшить?

— Ничьей мнѣ жалости не надо, гнѣвно возразила Саша,—и утѣшеній твоихъ я не прошу. Вотъ еще, милости оказывать мнѣ вздумала! Сама знаю что приходится заваренную кашу расхлебывать. Видишь, я не жалуюсь.

На лицѣ молодой женщины напряженное выраженіе еще усилилось. Видно было, что она старалась придать себѣ настоящую спартанскую твердость. У Нади еще больнѣе сжалось сердце. Она просидѣла нѣсколько секундъ молча, не глядя на сестру, и потомъ стала разспрашивать Сашу, какъ и отчего произошелъ ея арестъ.

— Отчего? Съ тою же желчною и упрямою проніей проговорила Саша,—спроси лучше, отчего меня раньше

не трогали. — Она видимо гордилась своимъ положеніемъ.—А впрочемъ, изволь, разскажу.

Саша даже оживилась немного, передавая сестрѣ подробности своей жизни въ подпольной средѣ. Ей какъ будто было пріятно объ этомъ разсказывать. Потомъ она перешла къ описанію ареста и начатаго уже слѣдствія.

А здѣсь мнѣ не худо, закончила она: — обходятся ничего, вѣжливо; кормятъ тоже не дурно. Сыровато только здѣсь немного, ну да сама знаю, не дворецъ здѣсь. На то наша сестра и идетъ. Не то что ты вотъ, бѣлоручка, на полпути свернула, чтобы съ барами жить...

Надя хотѣла что-то отвѣтить сестрѣ, но встрѣтивъ пристальный, холодный взглядъ Саши, она не рѣшилась выговорить то, что просилось къ ней на языкъ. Молодая женщина къ тому же тотчасъ перешла на другую тему.

— Главное, есть книги и бумага, писать не мѣшаютъ, а чтенія вдоволь—дѣльнаго чтенія.

Надя взглянула на толстую книгу лежавшую возлѣ сестры на кровати. Это былъ томъ Біологіи Спенсера въ русскомъ переводѣ.

— Неужели это помогаетъ тебѣ справиться съ горемъ? невольно спросила Надя, хорошо знавшая, что въ прежнее время Саша вовсе не была охотница до такой неудобоваримой умственной пищи.

— А ты бы мнѣ посовѣтовала что-нибудь душеспасительное читать? желчно разсмѣялась Саша. Но тутъ вдругъ не стало ея напускной суровости, будто пружина какая-то въ ней лопнула. Слезы неожиданно хлынули изъ ея глазъ, и всхлипывая, въ припадкѣ нервнаго возбужденія, она прильнула лицомъ къ плечу младшей сестры. Та притянула ее къ себѣ, нѣсколько разъ поцѣловала ее въ лобъ и принялась ее ласкать, какъ мать больное плачущее дитя.

— Ахъ Надя, Надя! Я такъ несчастна! Не вѣрь

всему тому, что я говорила... и насчетъ тебя въ особенности. Я такъ рада, что ты пришла...

Слезы заглушили ея голосъ. Надѣ вдругъ припомнились поразившія ее недавно слова: „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіися...“ и она попыталась открыть передъ сестрой этотъ путь къ утѣшенію и миру.

— Дай волю слезамъ, говорила она сестрѣ.—Не крѣпись, какъ ты вотъ сейчасъ дѣлала. Вѣдь, это была искусственная твердость. Повѣрь мнѣ, другъ мой, легче станетъ. Наказанія вѣчныя не бываютъ...

— Какъ? Ты хочешь еще чтобъ я себя виновною признала, съ новымъ приливомъ гнѣва возразила Саша,—да, пожалуй, у начальства прощенія стала просить.

Саша не поняла сестры.

— Ну, коли ты безъ вины терпишь, мягко отвѣтила Надя,—тѣмъ легче тебѣ утѣшиться, тѣмъ меньше терпѣть придется.

— Да что ты мнѣ за басни разсказываешь? какъ будто я не знаю, сколько изъ нашихъ годы цѣлые по тюрьмамъ сидятъ да на каторгѣ. Великихъ милостей прикажешь ожидать что ли?

— Милостей, да не оттуда. Скажи себѣ только, что ни одинъ приговоръ не можетъ состояться безъ иной, высшей воли...

— Да, что ты за ахинею несешь?! не поститься ли ты мнѣ прикажешь послѣ этого?

Саша встала, отерла слезы и положила руки на плечи сестры.

— Есть небесная справедливость, скажешь ты? Такъ зачѣмъ же тогда вотъ ты, Надя, счастлива и богата; пожалуй себѣ еще жениха найдешь, а я въ грязномъ чуланѣ заперта? И коли на то пошло, развѣ ты не такъ же виновата, какъ я. Благоразумно только опомнилась во время...

У Нади слова сестры отозвались укоромъ въ ея чуткой совѣсти. Да, ей тоже казалось, что она не имѣетъ права на лучшую судьбу, чѣмъ сестра.

— Вотъ видишь, сказала она однакожъ, помолчавъ немного,—если моя жизнь измѣнилась къ лучшему, развѣ и для тебя невозможенъ поворотъ?

Саша вздохнула.

— Отсюда не вывернешься, чуть слышно пробормотала она.—Поздно.

— Кто знаетъ? Можетъ-быть и удастся что-нибудь для тебя сдѣлать. Говорятъ, тѣхъ прощаютъ, которые...

— Раскаиваются? перебила ее Саша: — а потомъ на нихъ пальцемъ указываютъ...

Но все-таки, не смотря на эту попытку выказать стойкость, надежда словно блеснула въ сердцѣ Саши.

— Горько, Надя. Очень горько... И мужа мнѣ жаль. Онъ добрый, добрый... Да и отца тоже, хоть мы съ нимъ и не видѣлись давно. Что онъ, знаетъ?.. Нѣтъ? Ну, тѣмъ лучше. Когда онъ вернется, ты его сперва подготовь—больно ему будетъ очень. А теперь вотъ о чемъ надо мнѣ тебя попросить, — вдругъ перемѣнивъ голосъ продолжала Саша.—Согласишься ты повидаться съ моимъ мужемъ?

— Еще бы! воскликнула Надя.

— Да, вѣдь, дѣло совсѣмъ не простое, и даже не вполнѣ безопасное. Онъ, должно быть, теперь на квартирѣ Гольдштейна. У насъ было давно рѣшено туда перебраться, если насъ потревожатъ. И оба они конечно не подъ настоящими именами живутъ: Гольдштейнъ называется мѣщаниномъ Абрамомъ Вадзинскимъ, а мужъ цеховымъ Александромъ Пунинымъ. Тебѣ, я знаю, непріятно будетъ съ Гольдштейномъ свидѣться — вы никогда друзьями не были. Да и не его одного ты тамъ встрѣтишь. Варя Покровская здѣсь — Дунькой прозывается, и Бульдогъ тоже. (Это было прозвище Нерадовича).

У Нади брови дрогнули при этомъ имени, но она ничего не возразила.

— Да, наклевывалось, какъ будто здѣсь дѣло, продолжала Саша,—да помѣшали. Ты, стало быть, все-таки

согласна? Ну такъ ты имъ скажи... а нѣтъ, лучше я имъ напишу, вдругъ рѣшилась она, оторвала изъ пачки клочекъ грубой сѣрой бумаги и принялась на немъ писать карандашомъ.

— Что это, шифрованное?—воскликнула Надя, получивъ отъ сестры записку. — Нѣтъ, какъ хочешь, мой другъ, а шифрованнаго письма я не передамъ.

Саша изумилась.

— Не передамъ, потому что это значило бы злоупотреблять довѣріемъ.

Дѣлать было нечего. Хоть эта щепетильность показалась Сашѣ оченью глупою, она рѣшилась сообщить Надѣ содержаніе записки. Сашѣ удалось при помощи другой арестантки, съ которою она познакомилась гуляя по двору, найти средство сообщаться съ друзьями остававшимися на свободѣ. Переписку соглашался доставлять сторожъ, конечно, не изъ одной любезности, и оставалось только опредѣлить способъ и мѣсто.

— Можетъ быть ты мнѣ сюда и отвѣтъ принесешь? — добавила Саша. — А пока ты мужу хотя двѣ строчки отъ меня доставь, чтобъ онъ зналъ, что я жива и пока здорова.

Едва успѣла Саша исписать второй клочекъ бумаги, какъ въ дверяхъ показался сторожъ и объявилъ ухмыляясь, что барышня вотъ ужъ изволитъ цѣлый часъ здѣсь находиться, хоть всего на полчаса было разрѣшено.

Надя снова обняла Сашу, хоть и не такъ ужъ нѣжно, какъ въ первый разъ; она дала сторожу цѣлковый на чай и поспѣшила выйти на улицу. Пока она шла домой, ее неотвязно преслѣдовала мысль о страшномъ неравенствѣ ея жизни съ судьбой бѣдной сестры. Ей вдругъ показалось, что она не имѣетъ права на свое счастье, что она какъ будто обманомъ присвоила себѣ чужую долю земныхъ радостей. Долго не могла молодая дѣвушка отогнать эту мысль; она словно стерегла бѣдную Надю на каждомъ шагу и насмѣшливо ей шептала, что незаконное счастье не прочно.

VIII.

Саша Туманова сообщила сестрѣ адресъ Гольдштейна. Но отыскать его квартиру оказалось дѣломъ нелегкимъ. Мѣщанинъ Абрамъ Вадзинскій успѣлъ уже перемѣнить мѣстожительства: нелегальная жизнь по необходимости кочевая. Дворникъ того дома, изъ котораго выѣхалъ Гольдштейнъ, далъ Надѣ самыя сбивчивыя указанія. Она почти противъ воли продолжала свои поиски, тѣмъ болѣе, что возвращеніе ея въ Бѣлые Столбы все отсрочивалось. Надя сознавала, что женихъ не одобрилъ бы этихъ новыхъ сношеній съ прежнимъ кружкомъ Нерадовича, и въ письмѣ, отправленномъ къ нему послѣ свиданія съ Сашей, молодая дѣвушка не объяснила Дмитрію, почему замедлила свой отъѣздъ. Да и сама она чувствовала, что порученіе сестры очень сомнительнаго свойства: въ сущности это было почти то же, что передача шифрованнаго письма. Но, вѣдь, нельзя же ей было отказать Сашѣ въ ея просьбѣ: отношенія жены къ мужу въ глазахъ Нади стояли выше всякихъ иныхъ соображеній. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ Надя пріѣхала въ О..., она сознавала, что ее опутываютъ какія-то невидимыя сѣти и незамѣтно втягиваютъ въ ту среду, изъ которой она освободилась съ такимъ трудомъ. Словно какая-то таинственная, злая сила влекла ее туда, куда ей идти не хотѣлось. И внутренній, насмѣшливый голосъ нашептывалъ ей что не въ ея власти освободить себя отъ этой силы, что со своимъ прошлымъ раздѣлаться нельзя, какъ нельзя прервать и запрудить теченіе сильной рѣки.

Цѣлые два дня Надя провела въ поискахъ квартиры Гольдштейна. Только въ пятницу вечеромъ она попала на настоящій слѣдъ. Абрамъ Вадзинскій помѣщался въ четвертомъ этажѣ большого дома, одиноко стоявшаго среди низкихъ строеній отдаленной части города. Она поднялась по узкой, грязной лѣстницѣ.

Изъ-за дверей квартиры слышалось нѣсколько голосовъ. На звонокъ молодой дѣвушки долго не отвѣчали. Потомъ послышались чьи-то осторожные шаги, и незнакомый голосъ спросилъ изъ-за двери: „Кто тамъ?— „Отворите! Надя Ольшевская“,—сказала она, и въ отвѣтъ тотчасъ щелкнулъ замокъ. Сальный огарокъ, который держалъ въ рукѣ отворившій ей человѣкъ, плохо освѣщалъ маленькую, темную переднюю, но молодая дѣвушка тотчасъ узнала желтое, безжизненное лицо и курчавую черную бороду Левана Туманова; онъ измѣнилъ голосъ заговаривая съ нею чрезъ дверь.

— Вотъ не ждалъ, не гадалъ, негромко поздоровался онъ съ нею, помогая ей снять накидку.—Неужели вслѣдствіе моего письма вы сюда пріѣхали?—Что-то недовѣрчивое слышалось въ его голосѣ. Она кивнула головой.—Войдите, здѣсь все свои, знакомые.

Въ небольшой комнатѣ, освѣщенной керосиновою лампой, да огаркомъ воткнутымъ въ бутылку, три человѣка сидѣли вокругъ покосившагося стола, на которомъ шипѣлъ небольшой мѣдный самоваръ. Комната была низкая и въ ней тяжело дышалось отъ табачнаго дыма, не смотря на то, что было раскрыто окно, выходившее на дворъ. Меблировка состояла всего изъ стараго кожанаго дивана, да трехъ, четырехъ плетеныхъ стульевъ. Въ женщинѣ, сидѣвшей на диванѣ, съ папироской въ зубахъ, Надя узнала Варю Покровскую. Она не похорошѣла съ тѣхъ поръ, какъ Надя съ нею разсталась въ Москвѣ. Рядомъ на стулѣ сидѣлъ нашъ старый знакомый Брусковъ и тоже курилъ папироску. У Туманова въ рукѣ была коротенькая глиняная трубка, испускавшая необыкновенно зловонную струйку голубоватаго дыма. Не курилъ одинъ только хозяинъ квартиры Гольдштейнъ, сидѣвшій на другомъ концѣ дивана и неподвижно слушавшій какой-то оживленный разсказъ Брускова.

— Представьте себѣ: Надя!—воскликнулъ Тумановъ, входя съ невѣсткой изъ передней.

Присутствующіе повидимому не особенно удивились ея появленію; по крайней мѣрѣ они этого ничѣмъ не высказали. Никто не двинулся съ мѣста. Варя небрежно кивнула головой, пробормотавъ сквозь зубы: „Давно не видались“. Брусковъ насмѣшливо освѣдомился, благополучно ли она изволила совершить свое путешествіе, а Гольдштейнъ равнодушно спросилъ: „чаю не хотите ли“?

Надя отъ чаю отказалась.

— Какъ хотите; я подчивать не люблю и не умѣю. Садитесь, пожалуйста.

Онъ указалъ рукой на стоявшій противъ нея стулъ. Одинъ Тумановъ, казалось, обрадовался Надѣ. Когда Брусковъ захотѣлъ, какъ будто ничего не случилось, продолжать свой разсказъ, Тумановъ его остановилъ:

— Да погоди же, успѣешь. Дай ее разспросить. Поинтереснѣе будетъ, чѣмъ тебя слушать.

Брусковъ пожалъ плечами.

И то правда, сказалъ онъ вполголоса,—что при чужихъ лучше держать языкъ за зубами. Какъ вы на этотъ счетъ полагаете, Варвара Ивановна?

— Вы лучше намъ скажите, видѣли вы Сашу? спросилъ у Нади Тумановъ.

— Третьяго дня видѣла.

И Надя усѣвшись принялась разсказывать. Тумановъ ее то и дѣло перебивалъ разспросами; остальные трое слушали молча, какъ будто даже равнодушно.

— И такъ-таки васъ пустили туда, ядовито вставила Варя, когда она кончила,—скажите пожалуйста. Сейчасъ видно, что протекція есть.

— Боровской-то, вѣдь, имъ другъ и пріятель, насмѣшливо отозвался Брусковъ,—помните, я же говорилъ...

Надя не обращала вниманія на явную враждебность къ ней присутствующихъ. Отправляясь къ этимъ людямъ, молодая дѣвушка съ трудомъ осилила свое отвращеніе къ нимъ; но она сознавала, что исполняетъ добровольно принятую на себя обязанность. И это чув-

ство возвышало ее надо всѣмъ тѣмъ, что могла она услышать обиднаго.

— Я имѣю къ вамъ порученіе отъ сестры, заговорила опять Надя обращаясь къ одному Туманову, и передала ему про открытую Сашей возможность переписываться съ нею.

— Молодецъ, Саша! воскликнулъ онъ:—и спасибо вамъ, спасибо.

Прочіе, однако, не выказали особой радости.

— А позвольте узнать, Надежда Сергѣевна, спросилъ Брусковъ,—кто же передастъ нашъ отвѣтъ? Вы, можетъ быть?

— Я, коль это будетъ нужно.

— А, а, вотъ какъ! Прекрасно. Стало-быть мы-то сдуру завяжемъ эту переписку, а насъ потомъ и прихлопнутъ всѣхъ. Ловко придумано.

Тумановъ остолбенѣлъ услыхавъ это. Онъ не совсѣмъ понялъ смыслъ того, на что намекалъ Брусковъ, но въ то же время у него тотчасъ зародилось полусознательное недовѣріе къ Надѣ. Молодая дѣвушка встала и вся выпрямилась. На ея блѣдномъ лицѣ не было и кровинки. За то глаза блестѣли отъ негодованія.

— Что вы хотите сказать? уставилась она на Брускова.

— Да то, Надежда Сергѣевна, что такому посреднику, какъ вы вотъ, довѣриться трудно.

— Правда. Совершенная правда,—поддакнула ему Варя.—Хороша ваша невѣстка, обратилась она къ Туманову, шпіонкой стала. Да впрочемъ я ее давно знаю, удивляться тутъ нечему...

Тумановъ въ недоумѣніи водилъ глазами по сторонамъ.

— Да какъ вы смѣете это говорить, почти беззвучно вырвалось у Нади.

Какъ ни велико было въ ней чувство собственной правоты, этого было уже слишкомъ. Не оскорбленіе она чувствовала, а какое-то гнѣвное сознаніе несправедливости.

— Да какже-съ, Надежда Сергѣевна, не смущаясь продолжалъ Брусковъ, — сами посудите: въ Бѣлыхъ Столбахъ вы измѣнили намъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, перешли, такъ-сказать, въ непріятельскій лагерь, и по вашей милости Василія Тріумвирова арестовали, а потомъ и мы съ Нерадовичемъ чуть-чуть не попались. А здѣсь, едва только вы явились, всѣ дороги вамъ открыты и вамъ оказываетъ любезности тотъ самый Боровской, котораго мы своимъ заклятымъ врагомъ считаемъ. И вы все еще хотите, чтобы мы васъ принимали какъ одну изъ своихъ?

— Нѣтъ, воскликнула Надя,—я не изъ вашихъ и никогда вашею не буду. Послѣ того, чему я была свидѣтельницей въ Бѣлыхъ Столбахъ, я ничего уже не хочу имѣть съ вами общаго!

— Что и требовалось доказать, насмѣшливо поклонился ей въ отвѣтъ Брусковъ.

— Беззастѣнчиво по крайней мѣрѣ, сквозь зубы процѣдила Варя.

Теперь Гольдштейнъ, до того сидѣвшій молча и угрюмо, быстро всталъ и обратился къ Надѣ съ запылавшими глазами. Онъ вдругъ, какъ бы весь преобразился.

— То что вы сейчасъ высказали, проговорилъ онъ зазвенѣвшимъ голосомъ,—мы всѣ знаемъ давно. Но пора и вамъ узнать наше мнѣніе на вашъ счетъ. Вы отреклись отъ нашего дѣла какъ разъ въ ту минуту, когда вы могли ему помочь; а теперь пришли сюда, чтобъ явно бравировать предъ нами, потому что считаете это дѣло проиграннымъ. Съ нами, думаете вы, можно разорвать безнаказанно. Такъ знайте же, что такое поведеніе признается всѣми порядочными людьми позорнымъ. За вами останется общее презрѣніе всѣхъ тѣхъ, кого вы прежде считали товарищами.

— Вы сами къ намъ напросились, Ольшевская, вспомните это, добавила Варя.

— Эхъ, да что вы слова теряете, нетерпѣливо ввер-

нулъ Брусковъ.—Очень заботится Надежда Сергѣевна о нашемъ уваженіи.

Надя взглянула на Туманова. Она думала, что по крайней мѣрѣ, онъ вымолвитъ хоть слово протеста—вѣдь, онъ зналъ, что она не колеблясь совершила длинное путешествіе, вызванное его письмомъ. Но Тумановъ не отвѣчая на ея взглядъ, молча опустилъ голову. Глаза Нади блеснули гнѣвомъ.

— И вы заодно съ ними, сказала она шурину.—Ну, такъ знайте же и вы, что со всѣми вами связываетъ меня только сестра, а не будь ея, я бы пальцемъ не шевельнула ни для кого изъ васъ.

Проговоривъ это, она быстро направилась къ двери.

— А съ Нерадовичемъ повидаться не хотите? разсмѣялся ей вслѣдъ Брусковъ.—Онъ будетъ сейчасъ сюда.

Тумановъ, какъ бы опомнившись, бросился за Надей и хотѣлъ проводить ее до улицы. Но она уже успѣла накинуть свои вещи и выйти на лѣстницу.

— Благодаря вамъ однако, сказалъ Тумановъ, вернувшись въ комнату,—мы теперь лишены возможности воспользоваться предложеніемъ Саши. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ подозрѣваете Надю?

— Разумѣется нѣтъ, отозвался Гольдштейнъ.—Да помимо ея, не безопасна эта переписка съ помощью сторожа. Кто знаетъ, можетъ быть его и начальство въ тюрьмѣ подучило. По моему, лучше отказаться отъ нѣжничанья съ женой, чѣмъ полѣзть въ мышеловку.

— А я такъ думаю, вмѣшалась Варя,—что Надя шпіонка; я ей никогда не довѣряла.

Поднялся споръ, который вѣроятно бы долго затянулся, еслибы не прервалъ его слабо раздавшійся звонокъ.

— Это бульдогъ, должно быть,—сказалъ Брусковъ.— Только не говорите ему пока, что здѣсь Надя была, а то путнаго слова отъ него не добьетесь.

Это въ самомъ дѣлѣ былъ Нерадовичъ. Онъ замѣтно осунулся и постарѣлъ за послѣдніе мѣсяцы.

Левъ Александровичъ швырнулъ круглую войлочную шляпу на подоконникъ и потянулся къ чайнику, чтобы налить себѣ стаканъ.

— Что, бурда эта совсѣмъ остыла?—брезгливо сказалъ онъ, увидавъ въ стаканѣ мутную жидкость съ плавающими въ ней крупными листьями чаю.

— А вы, должно быть, съ плохими вѣстями?—отозвалась Варя.

— Я даже съ прямымъ рѣшеніемъ,—глотнувъ чаю, объявилъ онъ:—здѣсь намъ житья нѣтъ отъ Боровского: еще взяли двоихъ сегодня. Надо отсюда убираться. Да и вдобавокъ новое дѣло отыскалось. Я совершенно случайно попалъ сегодня на такой богатый слѣдъ, что лучшаго и желать нечего.

Нерадовичъ разсказалъ, какъ общій знакомый свелъ его съ прикащикомъ одного владимірскаго фабриканта, оказавшимся совершенно готовымъ къ воспріятію новыхъ идей.

Я съ нимъ и сговорился. Малый не то, чтобъ ужъ очень дальній, за то душа на распашку. Наймемся мы къ нему на фабрику и будемъ жить, какъ у Христа за пазухой. Онъ намъ прямо конторскія должности обѣщалъ: дѣло крупное—бумагопрядильня.

Заявленіе Нерадовича было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ.

— Вамъ это какъ будто не нравится,—сказалъ онъ, удивленный тѣмъ, что не встрѣтилъ ожидаемаго сочувствія.

— Не то, чтобы не нравилось, а говоришь ты совершенно пустое,—отчеканилъ ему въ отвѣтъ Гольдштейнъ. Онъ былъ въ этотъ вечеръ какъ будто коноводомъ остальныхъ.

Нерадовичъ не привыкъ встрѣчать такой явный отпоръ и посмотрѣлъ на Гольдштейна съ изумленіемъ.

— Да, да,—продолжалъ тотъ, — совершенно пустое. Пропаганда наша яйца выѣденнаго не стоитъ. Довольно мы съ ней промаялись. Слова одни теряемъ, а нашихъ

за то безо всякой пользы для дѣла ловятъ, да ссылаютъ.

— Ты все свое, — махнулъ на него рукой Нерадовичъ. — Я давно это отъ тебя слышу.

— Да не я одинъ это говорю. Спроси вотъ у нихъ— онъ кивнулъ головой въ сторону Брускова и Вари— мы всѣ рѣшили твою пропаганду бросить, какъ не ведущую ни къ чему.

— И вернуться къ мирнымъ занятіямъ благонамѣренныхъ гражданъ?—насмѣшливо добавилъ Нерадовичъ.

— Ну, не совсѣмъ. Мы только находимъ, что окольный путь длиненъ и опасенъ, и предпочитаемъ болѣе короткій. Пока взойдутъ тѣ сѣмена, которыя мы до сихъ поръ бросали, насъ всѣхъ давно на свѣтѣ не будетъ. Такъ мы вотъ и разсудили, что когда имѣешь дѣло съ болѣе многочисленнымъ врагомъ, равновѣсіе возстановляется однимъ только средствомъ, лучшимъ оружіемъ. А такое оружіе для насъ — рѣшимость не останавливаться ни предъ чѣмъ. Понимаешь?..

Гольдштейнъ подчеркнулъ эти слова: „ни предъ чѣмъ“.

— То-есть, говоря по просту, стать разбойниками?— презрительно отвѣтилъ Нерадовичъ.

Гольдштейнъ вскочилъ съ мѣста, услыхавъ это.

— Мы станемъ дѣлать сами, — воскликнулъ онъ, — то, къ чему подстрекали другихъ; вотъ и все. Ты, я думаю, не дѣлалъ себѣ иллюзій на счетъ мирнаго исхода той революціи, которую мы проповѣдуемъ. Ну такъ взамѣнъ всеобщей рѣзни въ дальнемъ будущемъ, мы вотъ предпочитаемъ сразу приступить къ казни отдѣльныхъ лицъ. По крайней мѣрѣ, выбирать ихъ будемъ не такъ слѣпо, какъ толпа. Да и накрыть насъ будетъ тогда потруднѣе. Всѣ эти распространенія брошюръ, вся наша проповѣдь уже не нужна; а чѣмъ меньше мы говоримъ и показываемся, тѣмъ насъ труднѣе найти. За то будетъ у насъ иная проповѣдь, но краснорѣчивѣе той...

— Съ револьверомъ въ рукахъ, — сказалъ Нерадовичъ.—Кого жъ ты этимъ убѣдишь?

— Убѣждать не станемъ, за то напугаемъ, по крайней мѣрѣ, кого слѣдуетъ. — И глаза Гольдштейна при этомъ сверкнули.

Нерадовичъ всталъ, скрестилъ руки на груди и обвелъ присутствующихъ глазами. Не трудно было ему увѣриться, что съ Гольдштейномъ согласны всѣ. Онъ сдѣлалъ, однако, еще попытку ихъ переубѣдить.

— Не трудись напрасно,—перебилъ его Брусковъ.— Я, вѣдь, еще тамъ говорилъ тебѣ, на Акимовомъ дворѣ, помнишь, что твоя система ни къ чему не ведетъ. Съ меня этого опыта будетъ.

— И ты, стало-быть, за личную расправу?—Нерадовичъ не могъ допустить, чтобы всегда осторожный Брусковъ, не отличавшійся особою пылкостью, былъ сторонникомъ организованнаго убійства. Что Варя Покровская раздѣляла взгляды Гольдштейна, это ему казалось въ порядкѣ вещей—суровая дѣвушка всегда была фанатичкой. Но къ натурѣ Брускова совсѣмъ не шли кровожадные инстинкты.

— Я вовсе не пришелъ къ этому выводу изъ любви къ искусству,—спокойно отвѣтилъ Брусковъ,—а потому, что иного исхода по моему нѣтъ.

Нерадовичъ не уступилъ безъ боя. Онъ поочередно обращался ко всѣмъ, надѣясь по крайней мѣрѣ, отвоевать въ свою пользу Туманова. Но и тутъ онъ встрѣтился съ твердою рѣшимостью: даже мягкій по природѣ Кавказецъ убѣдился доводами Гольдштейна. Нерадовичъ понялъ, наконецъ, что власть свою онъ утратилъ вполнѣ. А идти на буксирѣ у своихъ прежнихъ сторонниковъ, которыхъ онъ не считалъ себѣ равными ни по уму, ни по силѣ характера, Левъ Нерадовичъ не хотѣлъ.

— Коли такъ, мнѣ здѣсь дѣлать нечего, — угрюмо проговорилъ онъ, хватаясь за шляпу. — Наши дороги разошлись.

Онъ не хотѣлъ сознаться предъ собой, что путь, по которому онъ велъ своихъ друзей, неминуемо долженъ былъ привести къ этому. Инымъ проводникамъ случается въ испугѣ останавливаться предъ бездной, къ которой привели они сами.

— А мы приберегли тебѣ къ концу иную вѣсточку,— засмѣялся теперь Брусковъ. — Надя Ольшевская была здѣсь.

— Какъ! Надя! И вы мнѣ до сихъ поръ ничего не говорили!—Лицо Нерадовича преобразилось.

Тумановъ разсказалъ ему, какъ Надя пріѣхала въ О... и что произошло у Гольдштейна, за полчаса передъ его приходомъ.

— Молодецъ дѣвочка!—въ восторгѣ перебилъ его Нерадовичъ.—И вы съ нею такъ обошлись? Не стоите вы всѣ ея мизинца!

Варя и Брусковъ разсмѣялись. Но Нерадовичъ уже не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ спросилъ Туманова, гдѣ остановилась Надя.

— Не знаю, право; она мнѣ не сказала.

— Я ее отыщу. Въ домѣ ея отца, можетъ-быть, знаютъ... Прощайте.

Онъ надѣлъ шляпу и быстро вышелъ.

— Берегись попасть въ руки Боровского, пока будешь отыскивать Надю,—крикнулъ ему вслѣдъ Брусковъ.

Съ этой минуты все обаяніе Нерадовича въ глазахъ его ближайшихъ сторонниковъ окончательно исчезло.

IX.

Надя спѣшила домой по широкимъ прямымъ улицамъ. Шелъ спорый осенній дождь. Прохожихъ было немного, фонари тускло мерцали и городъ смотрѣлъ уныло и пустынно. Съ моря порывами дулъ влажный вѣтеръ. Молодая дѣвушка все прибавляла шагъ, точно чувствовала за собою погоню. И въ самомъ дѣлѣ, ей

иногда казалось, что ей надо укрыться, убѣжать, а то настигнутъ ее и не выпустятъ уже изъ этого города, откуда ей теперь хотѣлось выбраться какъ можно скорѣе. Она почти сожалѣла, что не послушалась Дмитрія и поѣхала въ О..., гдѣ встрѣтила она цѣлый рядъ такихъ гнетущихъ впечатлѣній. Послѣднія нити, еще связывавшія ее съ людьми, среди которыхъ протекли недавніе годы ея молодости, были окончательно порваны. У нея не было уже теперь съ ними и той слабой личной связи, которая иногда долго переживаетъ, какъ отголосокъ прошлаго, исчезнувшую дружбу. Но она не радовалась этому полному освобожденію. Ей почти жаль было, что по крайней мѣрѣ, уваженіе къ прежнимъ друзьямъ не уцѣлѣло послѣ разрыва. Невыразимая тоска овладѣла Надей, и къ этой тоскѣ примѣшивалось иное чувство, похожее на страхъ. Можетъ быть мрачная, сырая ночь среди чужаго города навѣвала на нее боязнь передъ какою-то призрачною опасностью. Раза два ей даже случилось вздрогнуть—холодъ должно быть пронизывалъ ея легкую одежду; „завтра же я уѣду“, рѣшила она съ собой; „отца дожидаться я не могу — я ему оставлю письмо“... Ей болѣзненно захотѣлось поскорѣе назадъ въ Бѣлые Столбы, къ дорогимъ людямъ, какъ послѣ дальняго, утомительнаго пути хочется домой, въ теплый уголъ, чтобы согрѣться и отдохнуть.

Дома ее ожидала негаданная бѣда. За часъ передъ тѣмъ пришелъ съ желѣзнодорожной станціи давнишній слуга Сергѣя Петровича, по имени Андрей, много лѣтъ исполнявшій при немъ обязанности камердинера и буфетчика и въ то же время повѣреннаго разнообразныхъ сердечныхъ шалостей. Онъ принесъ съ собой извѣстіе, что Сергѣя Петровича нѣтъ уже въ живыхъ и что тѣло его будетъ привезено на слѣдующее утро изъ Елисаветграда, гдѣ Сергѣй Петровичъ лишилъ себя жизни. Да, неутомимый побѣдитель женскихъ сердецъ, какъ ни удивительно это казалось, самъ покончилъ съ собою.

— Пріѣхали мы вчера съ бариномъ въ Елисаветградъ,—разсказалъ Надѣ Андрей,—тамъ у нихъ дѣла какія-то были—вексель должно быть надо было переписать. Они всю дорогу такіе веселые были, даже со мной шутить изволили. Только какъ мы уже на поѣздъ собирались, явился вдругъ въ гостиницу господинъ, съ которымъ они очень дружны были—Кондараки по фамиліи, купецъ одинъ здѣшній. Они вмѣстѣ долго о чемъ-то бесѣдовали, только я вижу, Сергѣй Петровичъ совсѣмъ вдругъ въ лицѣ измѣнились. А послѣ того вошли они въ нумеръ и говорятъ мнѣ: „Нѣтъ, Андрей, я сегодня не поѣду, нездоровится что-то". Они заперлись у себя и долго все ходили по комнатѣ. Потомъ все тихо стало,—только разъ я къ дверямъ ихъ подошелъ и слышу перо будто скрипитъ по бумагѣ. Такъ часа два прошло, они меня все не зовутъ. Вдругъ слышу я—выстрѣлъ... Я перепугался—Сергѣй Петровичъ всегда съ собой револьверъ брали, а двери все заперты. Я людей позвалъ двери выломать, а они говорятъ: за полиціей надо послать; безъ полиціи никакъ нельзя. Явился полицейскій ужъ часъ спустя, и нашли мы Сергѣя Петровича на полу—приказали ужъ долго жить: въ правый високъ себѣ выстрѣлили.

Надю эта вѣсть такъ ошеломила, что она не была даже въ состояніи понять и усвоить себѣ случившееся. Ни слезинки она не проронила, слушая Андрея. Воображеніе не въ силахъ сразу обнять слишкомъ неожиданное, поражающее событіе. Отецъ умеръ, и не просто умеръ, а насильственно и, стало быть, никогда уже никогда... Она этого не могла допустить. Ей казалось, что тутъ что-то не такъ, что Андрей разсказываетъ не то, что случилось, или что она слышитъ про какое-то убійство совершенно чужого человѣка, до котораго ей нѣтъ дѣла. Она какъ-то безсознательно повторяла себѣ, что случилось ужасное несчастіе, а между тѣмъ ей не вѣрилось, что это несчастіе касалось именно ея и въ то же время ей хотѣлось узнать, какъ и почему все это

произошло. Несчастіе возбуждало даже не горе, а удивленіе. И она все не могла понять, какимъ образомъ ея отца вдругъ не стало.

— Пріѣхалъ докторъ, — продолжалъ разсказывать Андрей,—потомъ слѣдователь, актъ написали, много меня разспрашивали: какія тамъ были причины? Несчастье ли какое, или тамъ денежная потеря? Нѣтъ говорю; ничего съ ними не было. Только какъ съ господиномъ Кондараки поговорили, въ лицѣ перемѣнились совсѣмъ. Господина Кондараки послали разыскивать. А на столѣ нашлась записка, которую Сергѣй Петровичъ передъ самою кончиной изволили написать...

— Гдѣ же записка?—вдругъ судорожно перебила его Надя, какъ бы опомнившись отъ какого-то оцѣпенѣнія. Она почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ.

— Записку мнѣ выдать отказались: къ дѣлу надо, говорятъ, приложить. А коли, хотите, копію съ нея выдадимъ.

Андрей досталъ изъ бумажника, гдѣ было нѣсколько пачекъ мелкихъ ассигнацій, исписанный крупнымъ почеркомъ листъ.

Надя живо схватила его и принялась читать.

— А господинъ Кондараки,--продолжалъ тѣмъ временемъ Андрей,—когда явились въ гостиницу, объяснили, что они съ Сергѣемъ Петровичемъ имѣли разговоръ насчетъ арестованья старшей сестрицы вашей, Александры Сергѣевны, про которое Сергѣй Петровичъ до того времени не слыхали. Когда слѣдствіе кончили, хотѣли распорядиться тамъ похоронить вашего батюшку, только я говорю: „Нѣтъ ужъ, позвольте, я своего барина увезу въ О... Тамъ у него свой домъ есть“. Такъ и рѣшили и деньги мнѣ предоставили какія были при покойникѣ—650 рублей. Прикажете, барышня, получить?

Надя этого вопроса не разслышала. Она вся, цѣлымъ существомъ своимъ была погружена въ чтеніе послѣднихъ строкъ написанныхъ отцомъ. Нѣсколько разъ она уже пробѣжала ихъ, а все не могла усвоить себѣ ихъ

настоящаго смысла. Вотъ что стояло на данномъ ей Андреемъ листѣ бумаги:

„Прошу никого не обвинять въ моей смерти. Я самъ единственный виновникъ какъ въ ней, такъ и въ томъ, что ее причинило. Я только что узналъ страшную вѣсть объ арестѣ старшей дочери Александры. Я больше года съ нею уже не видался, но думать объ ней я не переставалъ. Она была всегда моею любимицей. Я не сумѣлъ ее впору остановить, вернуть съ той дороги, по которой она пошла... Теперь поздно. Оттуда, гдѣ моя Саша, не возвращаются. Я сознаю теперь, что самъ виноватъ въ томъ, что случилось. Я не сумѣлъ воспитать дѣтей, подавать имъ хорошій примѣръ и внушить уваженіе къ тому, что уважать надо... Каюсь въ этомъ передъ всѣми, кто прочтетъ это. Каюсь въ особенности передъ дѣтьми. Я ничего уже для нихъ сдѣлать не могу. Жизнь моя пропала даромъ — что я говорю: даромъ?—она принесла вредъ. Теперь я понимаю, все понимаю, да поздно. Мнѣ стыдно передъ дѣтьми, стыдно передъ всѣми. Пусть мой примѣръ хотя другимъ послужитъ. Мои легкомысленныя слова передъ дѣтьми, слышанныя ими съ дѣтства, всему причиной. Я самъ научилъ ихъ ничему не вѣрить. Тогда я готовъ былъ хвастаться своимъ вольнодумствомъ. Теперь только я вижу, какіе оно принесло плоды. Чрезъ нѣсколько минутъ меня въ живыхъ не будетъ. Что меня ожидаетъ впереди, не знаю, да и не хочу знать. Знаю только, что жить мнѣ больше не нужно и нельзя...

„Завѣщанія я никакого не оставляю. Все, что у меня окажется, принадлежитъ дочерямъ. Да своего у меня ничего и нѣтъ. Мое имущество давно принадлежало имъ, какъ наслѣдство ихъ матери: я никогда съ ними не расчитался какъ слѣдуетъ. Каюсь и въ этомъ. Я всегда былъ дурнымъ отцомъ, хотя и любилъ своихъ дѣвочекъ. Да, я ихъ любилъ, теперь передъ смертью лгать не стану. Да и смерть моя лучше всего это докажетъ...

„Если Сашу когда-нибудь простятъ или, если судъ будетъ къ ней милостивъ, прошу младшую дочь, Надю, съ ней подѣлиться. Саша получила ужъ отъ меня три года тому назадъ двадцать пять тысячъ въ счетъ своей доли. Прошу Надю, однако, про это забыть и отдать ей половину того, что окажется. Если же бѣдную Сашу,— мнѣ даже страшно про это писать, — сошлютъ въ Сибирь, все будетъ принадлежать Надѣ. Прошу ее и тогда не забывать про сестру, да и про меня иногда вспомнить и за меня помолиться. Прошу ее также выдать тысячу рублей моему вѣрному слугѣ Андрею.

„Больше мнѣ писать нечего. Распоряжаться чѣмъ-либо и давать наставленія я не имѣю права. Я дурно жилъ и дурно выхожу изъ жизни. Все-таки даю бѣднымъ моимъ дѣвочкамъ на прощанье мое отцовское благословеніе, коли онѣ имъ не побрезгаютъ. Можетъ быть оно имъ и принесетъ счастье. Для меня все кончено, а ихъ жизнь, хотя и испорчена по моей винѣ, все-таки еще только начинается.

„Сергѣй Ольшевскій.“

Надя была не въ силахъ оторваться отъ этого лоскутка бумаги. Вдругъ—она уже много разъ перечитала завѣщанныя ей отцомъ горестныя строки — слезы хлынули изъ ея глазъ. Она все, какъ будто разомъ, поняла. Ей стало жаль бѣднаго, недостойнаго отца; не за себя жаль, конечно, а за него; за тѣ ужасныя минуты отчаянія, которыми, можетъ быть, онъ искупилъ свою грѣшную, безполезную жизнь. Именно потому, что онъ, умирая, такъ унижался передо всѣми, сердце у нея защемило отъ болѣзненной скорби. Во всемъ, что она могла запомнить объ отцѣ не было ни одной черты, ни одного воспоминанія, на которомъ бы можно было остановиться и успокоиться. Вся его безпорядочная жизнь и этотъ жалкій, отчаянный конецъ, все это вызвало ѣдкую горечь. У него не хватило силы, чтобы перенести свое единственное горе, какъ не хватило ея,

чтобы быть хорошимъ отцемъ и честнымъ человѣкомъ.

— Не прикажите ли, барышня, — опять заговорилъ Андрей, — принять дѣла и бумаги покойнаго вашего батюшки? Мнѣ все извѣстно, гдѣ у нихъ что хранится.

Надя вздрогнула, услыхавъ это.

— Нѣтъ, нѣтъ, послѣ,—сказала она глухо;—да и не нужно; совсѣмъ не нужно...

Она не могла собраться съ мыслями. Слезы все еще капали на ея щеки.

— А его привезутъ... завтра? — вдругъ поднялась она съ мѣста, оттирая глаза;—надо распорядиться, чтобы все было... какъ слѣдуетъ...

— Да вы ужъ не извольте безпокоиться, Надежда Сергѣевна, — сказала только-что вошедшая Анисья. — Не угодно-ли будетъ мнѣ довѣрить, я все устрою.

Въ передней уже оказался гробовщикъ, явившійся какимъ-то непонятнымъ образомъ, не смотря на поздній часъ. Надя разслышала, какъ Анисья съ нимъ заговорила о цѣнѣ и поспѣшила затворить двери, чтобъ уйти отъ этихъ ужасныхъ, омерзительныхъ дрязгъ.

— Триста рублей! Какъ это можно?!—ахалъ гробовщикъ. — Одного глазету слишкомъ на сто рублей потребуется. Все надо въ лучшемъ видѣ сдѣлать. Покойный баринъ, вѣдь, почти въ генеральскомъ чинѣ состоялъ...

Долго съ нимъ разсуждала Анисья и порѣшила, наконецъ, что на слѣдующій день, въ субботу, къ 12 часамъ, гробъ будетъ принесенъ и поставленъ на катафалкъ. Анисья распорядилась и насчетъ духовенства.

На слѣдующее утро, какъ разъ въ тотъ день, когда въ Бѣлыхъ Столбахъ былъ произведенъ обыскъ, Надя съ Андреемъ и Анисьей отправились на желѣзную дорогу встрѣчать тѣло отца. Его вынесли изъ товарнаго вагона и на дрогахъ шагомъ повезли въ домъ. Тамъ уже суетился гробовщикъ со своими людьми. Толстые сапоги рабочихъ скрипѣли по паркету. Сергѣя Петро-

вича положили въ нижнемъ этажѣ, въ столовой, въ самой большой комнатѣ въ домѣ. Простой сосновый гробъ, привезенный изъ Елисаветграда, уже не вскрывали: крышка другаго, наряднаго гроба навѣки закрылась надъ покойникомъ. Надѣ уже нельзя было еще разъ увидать его черты и проститься съ нимъ послѣднимъ поцѣлуемъ. Дрожь пробѣжала у нея по всему тѣлу, когда, покончивъ съ своею работой, гробовщикъ ушелъ, и молодая дѣвушка осталась одна въ комнатѣ, гдѣ, скрытый отъ ея глазъ, лежалъ ея отецъ. Она опустилась на колѣни и долго оставалась неподвижною у ступеней катафалка. Она не плакала и не молилась. Въ сердцѣ и въ головѣ Надя ощущала какую-то странную пустоту, точно ни мысли, ни чувства въ ней уже не было. Оставалось только какое-то усиліе что-то вспомнить и на чемъ-то сосредоточиться. Она старалась вызвать передъ собой обликъ отца, не того мертваго отца, который лежалъ въ гробу передъ ней, а прежняго Сергѣя Петровича; Надя словно хотѣла воскресить его въ памяти, чтобы проститься съ нимъ. И все ей что-то мѣшало, что-то отталкивало ее отъ этого образа. Она не могла себѣ представить его иначе, какъ страшно изуродованнымъ, съ почернѣвшею раной на вискѣ. И какъ только представлялся ей этотъ образъ, вызванный ея воображеніемъ, дрожь опять пробѣгала по спинѣ и уже прямое отвращеніе сказывалось въ ней. Она хотѣла съ любовью вспомнить объ отцѣ, и не могла. Она пробовала молиться, и молитва у нея не слагалась. Тотъ, кто лежалъ передъ нею въ гробу, былъ ей словно чужой. Холодомъ обдавало ее и отъ этого гроба съ тремя подсвѣчниками, обтянутыми флеромъ, и даже отъ самыхъ стѣнъ этой комнаты, скудно меблированной. Все сильнѣе сказывалась въ ней чувство пустоты, вѣющее отъ этихъ голыхъ, чужихъ стѣнъ, и все болѣе ей хотѣлось оторваться отсюда, чтобы поскорѣе уйти изъ этого дома къ своимъ настоящимъ роднымъ...

Чей-то голосъ заставилъ ее опомниться. Кто-то громко

кашлянулъ въ передней. Приходскій священникъ, отецъ Іоаннъ, явился со своимъ псаломщикомъ. Это былъ полный старичекъ съ совершенно плоскимъ лицомъ. И выраженіе этого лица и его голосъ были какъ-то равно глухи и беззвучны. Поправивъ на носу мѣдные очки, онъ подошелъ къ Надѣ, сперва хотѣлъ ее благословить, но почему-то раздумалъ и подалъ ей руку.

— Вы, стало-быть, дочь покойнаго? — сказалъ онъ почему-то улыбнувшись. — Не помню васъ, не видалъ что-то.

Надя ничего не отвѣтила.

— Такъ начинать, что-ли?

Началась служба. Псаломщнкъ роздалъ свѣчи. Присутствовали только Надя и трое слугъ. На бормотанье священника отвѣчали какіе-то странные возгласы единственнаго пѣвчаго, который вдругъ на нѣкоторыхъ высокихъ нотахъ почему-то необыкновенно завывалъ. Надя и тутъ не смогла вызвать у себя умиленія. Ей все казалось, что она въ чужомъ домѣ у какихъ-то чужихъ людей. И все тяжелѣе было оттого, что покойникъ такъ одиноко отходитъ изъ своего дома, что некому даже о немъ вспомнить и за него помолиться. Самая служба ей казалась исполненіемъ какого-то безразличнаго обряда. Равнодушный голосъ священника и неестественно громкія ноты, выкрикиваемыя на ненужномъ мѣстѣ, казались чѣмъ-то нейдущимъ къ дѣлу, не выражающимъ никакого живого чувства.

Ей даже за себя было стыдно изъ-за этого. Неужели и у нея, у дочери, нѣтъ теплаго, задушевнаго настроенія? Когда псаломщикъ запѣлъ: *Со святыми упокой,* она опустилась на колѣна, потому что всегда это такъ дѣлается; потомъ она потушила свѣчку, потому что священникъ потушилъ свою...

Панихида была окончена. Отецъ Іоаннъ подошелъ къ ней, опять улыбнулся и вяло проговорилъ:

— И какъ странно, такъ вдругъ окончилъ жизнь вашъ батюшка, скажите пожалуйста... Все въ руцѣ Божіей.

Эти слова священника показались ей еще болѣе полнымъ отрицаніемъ той торжественно грустной обстановки, которая должна бы сопровождать молитвы объ умершемъ.

— Вы единственная наслѣдница?—продолжалъ онъ разспрашивать.—Должно-быть у покойника были средства хорошія.

Надя сама не знала потомъ, что именно она отвѣчала. Она примѣтила только, какъ Анисья подошла къ священнику и подала ему какую-то цвѣтную бумажку. Потомъ отецъ Іоаннъ разоблачился и вышелъ, а псаломщикъ стоя передъ гробомъ, заунывнымъ голосомъ сталъ читать псалтырь. Надя, скрестивъ руки на груди, простояла нѣсколько минутъ, стараясь вникнуть въ чтеніе, потомъ она медленно вышла и поднялась въ верхній этажъ. Анисья остановила ее на лѣстницѣ.

— Барышня, вѣдь надо бы вамъ съ Андреемъ и со мной посмотрѣть, что послѣ вашего батюшки осталось... И въ полицію надо извѣстіе дать, а то, вѣдь, такъ нельзя.

— Я не могу, право, не могу теперь, Анисья. И въ самомъ дѣлѣ лучше полицію извѣстить. Пусть наложатъ печать, а теперь я ни до чего не дотронусь.

— И Надя прошла въ кабинетъ отца—веселенькую комнату, обитую зеленымъ репсомъ—и въ изнеможеніи упала на кресло, стоявшее передъ письменнымъ столомъ.

X.

Кабинетъ Сергѣя Петровича выходилъ окномъ въ крошечный садъ, разбитый на дворѣ. Собственно говоря, это былъ даже не садъ, а всего три-четыре дерева, да нѣсколько кустовъ сирени. Деревья были еще молодыя и верхушки ихъ едва равнялись съ крышей дома. На вѣткѣ бѣлой акаціи весело щебетала синица, не устающая голосить и въ глубокую осень. День былъ ясный

и теплый, и невысокое октябрьское солнце посылало въ открытое окно свои ласкающіе мягкіе лучи. Надя оперлась локтями на письменный столъ и опустила голову на руки. Легкій вѣтерокъ игралъ концами ея волосъ. Но для нея словно не было этого привѣта сладко умирающей природы юга. Она будто отрѣшилась отъ дѣйствительнаго міра, ушла въ неподвижное, почти безсознательное созерцаніе. Мысль ея даже не остановилась надъ чѣмъ-либо опредѣленнымъ. Она будто оцѣпенѣла, скованная тяготѣвшими надъ нею ощущеніями послѣднихъ дней. Куда дѣвалась ея всегдашняя бодрость? Вѣдь такъ еще недавно, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ Бѣлыхъ Столбахъ она была окружена любящими ее людьми и жизнь ей сулила одно счастье. Какъ же могла случиться такая перемѣна? Надя поѣхала въ О..., надѣясь хоть сколько-нибудь облегчить участь сестры и помириться съ отцомъ на порогѣ ожидавшей ее новой жизни. Надежда эта была жестоко обманута. Молодая дѣвушка встрѣтилась съ полною невозможностью хоть сколько-нибудь утѣшить сестру. И Надѣ казалось, что суровое отчаяніе Саши еще хуже и безотраднѣе роковой гибели отца. Въ первый разъ ей пришлось узнать тотъ непроницаемый и безъисходный мракъ, откуда нѣтъ уже спасенья, куда не проникаетъ надежда. Судьба сестры—это была та же смерть, только медленная, и еще болѣе горькая смерть. Въ родномъ домѣ Надю обдавало холодомъ могилы.

Молодая дѣвушка не могла отдать себѣ отчета, сколько времени она просидѣла въ неподвижности передъ открытымъ окномъ. Въ домѣ все было тихо. Вдругъ ее словно пробудилъ какой-то слабый шорохъ. Птичка, не перестававшая чирикать на оголенной вѣткѣ акаціи, взмахнула крыльями и перелетѣла на подоконникъ, гдѣ среди пыли валялись мелкія хлѣбныя крошки. Она весело щебетала вертясь и подпрыгивая, и подбирала эти крошки носикомъ. Дѣвушка взглянула на нее, и маленькое беззаботное существо точно сказало ей, что

на свѣтѣ не все безотрадно, и что даже въ тотъ домъ, котораго коснулась смерть, проникаетъ радостная жизнь природы и солнце шлетъ туда съ синяго неба свои вѣчно юные лучи.

Надо было прежде всего сказать Дмитрію про новую отсрочку ея отъѣзда: похороны отца будутъ въ понедѣльникъ, и въ тотъ же день поѣздъ повезетъ ее обратно въ Бѣлые Столбы. Да, но прежде этого слѣдовало еще разъ повидаться съ сестрой и сообщить ей про смерть отца. Надя рѣшилась написать Боровскому и попросить у него разрѣшеніе на второе свиданіе съ Сашей. Она достала листъ почтовой бумаги и, взявъ перо, принялась обдумывать свое письмо къ Дмитрію. Ей показалось теперь, что она виновата передъ нимъ, что цѣлую недѣлю она прожила какъ бы совершенно забывъ о немъ. А теперь, вѣдь, она принадлежитъ исключительно ему, и этой одной, главной обязанности должны уступить всѣ остальныя. Надя живо представила себѣ вдругъ, какъ онъ безпокоился за нее всѣ эти дни, какъ тревожно онъ ждетъ ея возвращенія. И на молодую дѣвушку словно пахнуло миромъ и радостью изъ далекаго, дорогого уголка. Перо забѣгало по бумагѣ. Вдругъ ей показалось, что щелкнулъ замокъ и дверь растворилась „Анисья! это вы? чего вамъ надо?“ спросила она не поднимая головы. Кто-то вошелъ, но это были не женскіе шаги. Она обернулась и съ изумленнымъ ужасомъ увидала передъ собою фигуру Нерадовича, уже подошедшаго къ столу.

— Вы! вы! зачѣмъ вы здѣсь?! Чего вы хотите?! — испуганно воскликнула она, отодвигаясь отъ него.

У него, казалось, тоже не было обычной самоувѣренности. Зрачки его безпокойно разбѣгались по сторонамъ и голосъ какъ будто дрожалъ, когда онъ отвѣтилъ.

— Не пугайтесь, Надежда Сергѣевна. Я, вѣдь, для васъ не врагъ какой-нибудь. Вчера я узналъ, что вы здѣсь. Мнѣ надо было съ вами повидаться во что бы то ни стало.

— Да неужели вы не понимаете, что между нами нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго?..

Она ясно сознавала теперь, что то именно, чего она боялась, была встрѣча съ этимъ человѣкомъ.

Нерадовичъ скрестилъ руки на груди.

— Совѣтую вамъ, Надежда Сергѣевна,—проговорилъ онъ, — примириться съ необходимостью видѣть меня лишній разъ, такъ какъ я отсюда не намѣренъ уйти, пока вы меня не выслушаете.

Голосъ его теперь звучалъ твердо и дерзко, какъ будто встрѣченный имъ враждебный пріемъ придалъ ему лишнюю рѣшимость.

— Да какъ же вы сюда вошли?

— Кухарка ваша мнѣ сказала, что вы дома. Фамиліи своей я, конечно, не назвалъ.

— А сказали ли вамъ также, — взволнованнымъ и негодующимъ голосомъ спросила она, — что я вчера узнала про смерть отца, что онъ лежитъ здѣсь въ гробу?...

На Льва Александровича это не произвело никакого впечатлѣнія.

— Вы считаете, что въ такой день, сказалъ онъ насмѣшливо,—людей подобныхъ мнѣ принимать нельзя? Трауръ этого не позволяетъ, что ли?

Она встала и смѣрила его съ ногъ до головы.

— Нерадовичъ, прекратите этотъ разговоръ. — Привести онъ ни къ чему не можетъ. Повторяю вамъ, послѣ того, что было въ Бѣлыхъ Столбахъ, я васъ не знаю и не хочу знать.

— Послѣ того, что произошло въ Бѣлыхъ Столбахъ? За пожаръ на меня гнѣваться изволите, да?...—Но вдругъ тонъ его рѣчи перемѣнился и въ ней прозвучалъ словно взрывъ отчаянія и гнѣва.—Да неужели вы не видите, что передъ вами человѣкъ, который уже ничего не принимаетъ въ расчетъ и ни передъ чѣмъ не останавливается?

Она оперлась о столъ задрожавшею рукой. Его пылавшіе глаза ее пугали.

— Да, Надежда Сергѣевна,—продолжалъ онъ.—Я все потерялъ. Будущаго у меня нѣтъ и бояться мнѣ ужъ нечего. Дѣло наше проиграно. Не общее дѣло, конечно, того проиграть нельзя,—а мое личное. Половину нашихъ схватили, а остальные со мной разорвали, слишкомъ мягкимъ меня считаютъ. Да, меня, слишкомъ мягкимъ, смѣйтесь! И самъ я съ часу на часъ ожидаю ареста.

— Да что же вы тогда здѣсь дѣлаете? — невольно спросила она.

— Ушелъ-бы, да не стоитъ. Все равно. Для меня ужъ дѣятельности впереди нѣтъ. Моя пѣсенка спѣта...— Въ его словахъ была какая-то особая грустная насмѣшка надъ собой.—Одно мнѣ только дорого теперь на свѣтѣ— вы, Надя, вы.

— Да какъ вы смѣете?..

Она не договорила, голосъ оборвался отъ волненія; яркій румянецъ запылалъ на щекахъ, негодованіемъ блеснули глаза.

— Я долго берегъ это чувство,—продолжалъ онъ,— и почти стыдился его, какъ мальчики это дѣлаютъ со своею первою любовью. Да, я боялся васъ—знайте это, Надя.—Въ словахъ его звучала теперь нѣжная, почти робкая нота.—Но теперъ скрывать мнѣ ужъ нечего. Когда игра окончена, осторожность неумѣстна. Я хочу передъ концомъ хоть на часъ, хоть на мигъ одинъ отвѣдать полнаго счастья...

Онъ произнесъ это тихо, чуть слышно, но лицо его говорило ясно, что за бурное чувство поднялось въ его груди и какъ готово оно бѣшено прорвать все еще сдерживавшую его плотину.

Страхъ все болѣе овладѣвалъ ею.

— Уходите отсюда,—проговорила она глухо.—Я не хочу васъ слушать; я позову людей.

— Никого вы не позовете и никто-бы не явился на вашъ зовъ... Въ домѣ одна кухарка. Да и развѣ вы думаете, что я васъ отсюда пущу?—добавилъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на сдѣланное ею движеніе.

Надя обвела комнату глазами, какъ-бы ища изъ нея выхода; въ ней была всего одна дверь. Молодая дѣвушка замѣтила электрическій звонокъ на стѣнѣ и бросилась туда. Испорченный звонокъ не далъ никакого звука подъ давленіемъ ея пальца. Нерадовичъ засмѣялся.

— Я васъ прошу, умоляю уйти,—заговорила она.— Если вы сейчасъ сказали правду, вы должны понять, какъ ужасно мнѣ слушать отъ васъ такія вещи... Да уходите-же, уходите. Внизу подъ этой комнатой лежитъ мой бѣдный отецъ, а вы...

— Да какое мнѣ дѣло до вашего отца, — перебилъ онъ ее, — котораго и сами-то вы никогда не любили. Эхъ, Надежда Сергѣевна! Полно вамъ меня морочить. Нашли чѣмъ меня испугать, покойникомъ. Фантасмагорія это, да и только... Мы съ вами люди крѣпкіе. Чего намъ призраковъ-то пугаться?

Она молча, почти невольно, опустилась на кресло, стоявшее у самой стѣны. Испугъ и безпомощность ея вызвали у Нерадовича внезапный приливъ жалости къ ней. Не двигаясь съ мѣста, онъ заговорилъ опять, и нѣжность снова прозвучала въ его словахъ.

— Вы сомнѣваетесь въ томъ, что я сказалъ правду!.. Ахъ, Надя, Надя! Вѣдь я полюбилъ васъ съ перваго дня, когда мы встрѣтились у Покровскихъ. Вы тогда были ребенкомъ, а я почти уже не молодымъ человѣкомъ. Вы и не подозрѣваете даже, что значитъ такая любовь?! Безнадежная, горькая, лелѣянная въ тиши... Это не сахарное чувство какого-нибудь празднаго мальчишки... Такая любовь горы съ мѣста сдвигаетъ. Знаете-ли, что ради васъ я былъ готовъ бросить свое дѣло и забыть свою злобу противъ общества. Вамъ даже, когда вы были еще дѣвочкой, стоило одно слово сказать—и я-бы разстался со всѣми своими видами на будущее, сдѣлался-бы ради васъ мирнымъ и благонамѣреннымъ. Я-бы на все пошелъ—на пошлость, на униженіе...

Слова его сперва, какъ пустой звукъ гудѣли въ

ушахъ Нади, но мало-по-малу смыслъ ихъ становился ясенъ, и взорванная его дерзостью, она быстро поднялась съ мѣста вся сіяющая гнѣвомъ.

— Ну, такъ знайте-же въ свою очередь, что даже и тогда, хоть я и была подъ вашимъ вліяніемъ, что-то въ васъ меня отталкивало. А каково-же должно быть мое чувство къ вамъ теперь, послѣ всего, что было въ Бѣлыхъ Столбахъ. Я презираю, я ненавижу васъ, и объ одномъ сожалѣю только—о томъ, что не выдала васъ, что Дмитрій изъ-за меня далъ вамъ уйти отъ заслуженнаго наказанія.

Слова эти подѣйствовали на него, какъ вѣтеръ дѣйствуетъ на пламя. Одного имени Дмитрія было достаточно, чтобы раздуть до бѣшенства его страсть.

— А, вы сожалѣете, что меня не выдали,—проговорилъ онъ сквозь зубы. — Вы все еще меня боитесь, стало-быть; можетъ быть за своего Дмитрія боитесь, и все-таки не понимаете, что людей въ моемъ положеніи раздражать опасно... Я явился къ вамъ не для шутокъ, Надежда Сергѣевна. Вы думаете, стоитъ на меня кинуть гордый взглядъ, какъ вамъ прежде это удавалось, и я смиренно преклоню голову и уйду?... Нѣтъ, этимъ меня уже не проймешь. Мнѣ остается, можетъ быть, всего нѣсколько дней прожить на свободѣ, и этими днями я хочу воспользоваться. Я рѣшилъ, что вы будете принадлежать мнѣ, хотя-бы на одинъ часъ только. И вы будете моею... А тамъ, коли хотите, возвращайтесь къ своему Дмитрію.

Она поблѣднѣла и затряслась всѣмъ тѣломъ, но тотчасъ осилила свое волненіе и, вся выпрямившись, не глядя на него, быстрою и рѣшительною походкой направилась къ двери. Нерадовичъ преградилъ ей дорогу.

— Куда вы? — схватилъ онъ ее за обѣ руки, — бѣжать хотите? Злобная улыбка была на его лицѣ.

— Пустите же меня, наконецъ...

Страхъ и отчаянье придали ей силы. Она стала бо-

роться съ нимъ. Но онъ крѣпче, до боли сжалъ кости ея рукъ. Онѣ хрустнули подъ его пальцами.

— Не теряйте же напрасно время, Надя...

Нѣсколько секундъ они простояли молча. Она все еще силилась вырваться отъ него къ двери.

— Андрей! Анисья! Андрей!—рѣшилась она на послѣднее средство, долго претившее ея гордости. Она почти не расчитывала на успѣхъ: голосъ ея едва ли могъ достигнуть передней.

— А, вотъ вы какъ!—сквозь зубы проговорилъ взбѣшенный Нерадовичъ.—Звать на помощь вздумали.

До этихъ поръ онъ еще бережно обходился съ ней, пуская въ дѣло лишь ровно настолько силы, чтобъ удержать молодую дѣвушку. Теперь правою рукой онъ крѣпко обнялъ ея станъ, лѣвою зажимая ей ротъ. Онъ повлекъ ее за собою въ глубь комнаты. Молодая дѣвушка уже не въ силахъ была ему противиться.

Но вдругъ на лѣстницѣ послышался скрипъ торопливыхъ шаговъ. Дверь въ сосѣднюю комнату растворилась. Силы вернулись къ Надѣ и отчаяннымъ движеніемъ она высвободилась изъ его объятій. Должнобыть и самъ онъ понялъ, что успѣхъ становился невозможнымъ.

— Анисья, вы?—проговорила Надя.

Анисья постучала въ дверь.

— Можно къ вамъ, барышня?—спросила она.

Надю поразилъ испуганный голосъ старой ключницы.

— Войдите,—сказала она, растворяя двери.

Старушка съ удивленіемъ посмотрѣла на незнакомаго ей Нерадовича, но словами его не выразила. Нерадовичъ опустился въ кресло, стараясь казаться спокойнымъ.

— Изъ полиціи, Надежда Сергѣевна, пришли,—проговорила Анисья все тѣмъ же испуганнымъ тономъ.—Насчетъ имущества покойнаго вашего батюшки. Печать наложить значитъ. Сами вы послать изволили.

— Ну такъ что-жъ, пусть войдутъ, почти обрадованнымъ голосомъ проговорила Надя.

— Да не спроста должно быть. Цѣлыхъ пять человѣкъ явилось: самъ приставъ съ двумя полицейскими, да съ ними еще офицеръ жандармскій, да статскій какой-то. Говорятъ въ бумагахъ Сергѣя Петровича, что-нибудь можетъ оказаться, по ихъ части... секретное.

При этихъ словахъ Нерадовичъ перемѣнился въ лицѣ: но онъ тотчасъ сообразилъ, что всякая попытка къ бѣгству повлечетъ лишь за собой его немедленный арестъ, тѣмъ болѣе, что Надя едва ли станетъ ему помогать. Въ сосѣдней комнатѣ уже слышались шаги и зазвенѣли шпоры. Выпрыгнуть изъ окна второго этажа было тоже не совсѣмъ удобно. Онъ принялъ развязную позу и закурилъ папиросу. Надя уже на него не смотрѣла. Она не совсѣмъ понимала испугъ Анисьи, хотя и ее озадачило это излишество полицейской силы.

Впрочемъ, и участковый приставъ, и жандармскій офицеръ повидимому явились съ самыми мирными намѣреніями. Они раскланялись съ отмѣнною вѣжливостью, извиняясь за причиняемое безпокойство.

— Это кабинетъ вашего покойнаго батюшки? — съ обязательною улыбкой спросилъ приставъ. — Съ него мы и начнемъ, если позволите.

— Мое присутствіе здѣсь, счелъ долгомъ съ своей стороны добавить офицеръ, кланяясь лишній разъ, — вызвано тѣмъ соображеніемъ, что покойный батюшка вашъ, какъ начальству извѣстно, велъ переписку съ разными лицами, проживающими за границей и оставилъ послѣ себя нѣсколько бумагъ политическаго содержанія. Мы, впрочемъ, выдадимъ вамъ расписку въ полученіи всего, что придется извлечь изъ принадлежащаго вамъ наслѣдства, обязательно добавилъ онъ.

Съ ними вмѣстѣ вошелъ какой-то статскій господинъ неопредѣленнаго званія, повидимому исправлявшій должность письмоводителя. По приглашенію при-

става, онъ усѣлся за письменный столъ и выложилъ изъ портфеля нѣсколько листовъ бѣлой бумаги. Офицеръ, между тѣмъ, покосившись въ сторону Нерадовича, обмѣнялся съ приставомъ многозначительнымъ взглядомъ. Они стали о чемъ-то шептаться. На лицѣ пристава выразилось удивленіе.

— Вѣрно, я говорю вамъ,—подтвердилъ вполголоса жандармъ.

Надя всего этого не замѣтила, но оно не ускользнуло отъ вниманія Нерадовича, хотя онъ и продолжалъ курить, повидимому, самымъ беззаботнымъ образомъ.

Одинъ изъ полицейскихъ принесъ между тѣмъ кусокъ сургуча и зажженную свѣчу.

— Ну-съ, мы приступимъ, если позволите,—все также любезно сказалъ приставъ, хотя въ его манерахъ стала теперь проглядывать не то недовѣрчивость, не то насмѣшка. Вошедшій Андрей принесъ ключи отъ письменнаго стола и отъ стоявшихъ по угламъ комнаты двухъ шкафовъ. Надя осталась совершенно безучастною, пока жандармъ и приставъ внимательно просматривали то, что находилось въ ящикахъ письменнаго стола. Послѣ бурнаго объясненія съ Нерадовичемъ ею овладѣло какое-то изнеможеніе. Она опустилась на стулъ и не замѣчала даже того, что происходило въ комнатѣ. Вынесенное ею тяжкое, горькое оскорбленіе не давало мѣста какому-либо иному чувству. Нерадовичъ украдкой поглядывалъ на полицейскихъ, стараясь сохранить видъ полнаго равнодушія. Но безпокойное движеніе зрачковъ и подергиваніе мускуловъ лица выдавало его тревогу. Нѣсколько разъ ему пришлось встрѣтиться съ пытливымъ, насмѣшливымъ взглядомъ жандарма. Онъ не зналъ, на что рѣшиться. Онъ все собирался встать, раскланяться съ Надей и выйти, какъ ни въ чемъ не бывало. Всякій разъ, когда это ему приходило въ голову, его останавливало какое-то чувство боязни передъ Надей, словно онъ сознавалъ, что стоитъ ему сдѣлать одинъ шагъ къ выходу, и молодая дѣвушка остано-

вить его и обличить передъ всѣми. А Надя оставалась неподвижною и упорная мысль какъ бы застыла на ея окаменѣвшемъ блѣдномъ лицѣ. Андрей между тѣмъ, съ усердіемъ слуги, которому до малѣйшей подробности извѣстны всѣ дѣла барина, давалъ полицейскимъ объясненія.

— Тутъ, вотъ, у покойнаго Сергѣя Петровича деньги хранились,—сказалъ онъ, отпирая одинъ изъ ящиковъ на лѣвомъ боку стола.—Только теперь денегъ нѣтъ, всѣ у нихъ были съ собой въ дорогу взяты. А вотъ чековая книжка.

Въ книжкѣ оказались почти одни только корешки.

— Документы вотъ разные,—указалъ Андрей на другой ящикъ,—свидѣтельство о залогѣ дома, пять векселей на двѣнадцать тысячъ, по которымъ и получить врядъ ли много придется; акціи, пятипроцентные билеты.

Акціи и билеты всего на сумму въ пятьдесятъ пять тысячъ и составляли вмѣстѣ съ домомъ весь остатокъ когда-то крупнаго состоянія матери Нади. Приставъ наложилъ на ящики съ документами казенную печать.

— Въ силу закона,—сказалъ онъ, улыбаясь,—это по настоящему обязанность господина мирового судьи. Но за все время моей службы какъ-то приходится ее исполнять чинамъ полиціи. Господинъ судья слишкомъ занятъ, должно быть... А какое еще есть имущество?

— Да вотъ платье, бѣлье въ спальнѣ есть,—объяснилъ Андрей.

— Ну, да это мы послѣ... А въ шкафахъ что? Книги, должно быть? Это будетъ поважнѣе.

Не смотря, однако, на тщательный розыскъ, найденное не отвѣчало ожиданіямъ. Книгъ у Сергѣя Петровича было вообще немного. Нашлась, разумѣется, цѣлая пачка нумеровъ *Колокола*, три, четыре книжки *Полярной Звѣзды*, да собраніе запрещенныхъ стихотвореній. Но у кого изъ россійскихъ вѣрноподданныхъ не оказалось бы этихъ обязательныхъ признаковъ страсти къ запретному плоду? Жандармскій офицеръ довольно презри-

тельно отложилъ на столъ эти, никого уже не пугающія страшилища временъ минувшихъ. Потомъ онъ принялся разсматривать цѣлый ворохъ лежавшихъ въ безпорядкѣ тетрадей и бумагъ. Тутъ пестрою кучей смѣшались письма знакомыхъ самаго безобиднаго свойства, хотя съ неизбѣжнымъ глумленіемъ надъ русскими порядками, счеты портнаго и брилліантщика—послѣдніе даже въ большомъ изобиліи, какъ свидѣтельство щедрости покойнаго къ прекрасному полу, да нѣсколько, довольно неразборчиво написанныхъ, замѣтокъ. Жандармъ сталъ бѣгло и нетерпѣливо ихъ перелистывать. „Сущіе пустяки“, сказалъ онъ почти сердито.

Записки касались всевозможныхъ политическихъ вопросовъ, но не выходили за предѣлы общедоступнаго разглагольствованія. Одна изъ нихъ только обратила на себя вниманіе жандарма; на заглавномъ листѣ значилось: *Проектъ конституціи.* Но, увы! и этотъ проектъ оказался недописаннымъ. Тѣмъ не менѣе, офицеръ сложилъ въ кучу всѣ найденныя тетради и бережно перевязалъ ихъ тесемкой.

— Все, кажется,—сказалъ онъ вздыхая.

Надя попрежнему не обращала вниманія на суетившихся полицейскихъ. Нерадовичъ, не проронивъ ни слова, закурилъ вторую, потомъ третью папиросу. Онъ надѣялся, что хладнокровіе его разсѣетъ подозрѣнія жандарма, если даже у того зародилась на его счетъ догадка. Не разъ уже за послѣдніе года ему удавалось, благодаря такому смѣлому хладнокровію, ускользать изъ полицейскихъ рукъ. Теперь, однако, онъ не владѣлъ собою, какъ тогда, и не былъ въ состояніи придать своему лицу необходимое, самоувѣренное равнодушіе. Кровь его еще не улеглась послѣ недавняго объясненія съ Надей.

— Потрудитесь составить актъ,—приказалъ офицеръ сидѣвшему у стола статскому господину. — Мы, какъ видите, немногое отсюда увозимъ, — обратился онъ къ Надѣ съ прежнею обязательностью.

Она подняла голову и чуть слышно проговорила: „Да, я вижу“, но вниманіе продолжало отсутствовать и взглядъ ея равнодушно скользнулъ по книгамъ и бумагамъ.

Пока письмоводитель быстрымъ почеркомъ составлялъ актъ, приставъ и жандармъ не переставали шептаться, стоя у самыхъ дверей.

— Неужели вы увѣрены?—спрашивалъ приставъ.

— Еще бы! Такое сходство... у насъ карточки.

— Да въ такомъ случаѣ и она тоже?..

Офицеръ пожалъ плечами.

— Конечно, подозрительно; но такъ прямо сказать ничего нельзя. Такія странныя бываютъ случайности. А слѣдить, разумѣется, будемъ.

Нерадовичъ глядѣлъ на говорившихъ съ возрастающимъ безпокойствомъ. „Вѣдь съ меня глазъ не спускаютъ все время, твердилъ онъ самому себѣ, и теперь у дверей стали точно затѣмъ, чтобы не дать уйти...“

— Не угодно ли вамъ будетъ подписаться?—ласково сказалъ Надѣ офицеръ, просмотрѣвъ уже готовый актъ.— Это такъ, пустая формальность. Вы этимъ засвидѣтельствуете то, что нами было совершено при исполненіи своихъ обязанностей. А мы вамъ квитанцію выдадимъ. Вотъ здѣсь подпишитесь.—И своимъ длиннымъ, выхоленнымъ ногтемъ онъ указалъ ей мѣсто на бумагѣ.

Надя взяла перо изъ его рукъ и выставила свое имя, не взглянувъ даже на содержаніе акта. Ей не было никакого дѣла до того, что сейчасъ происходило въ этой комнатѣ.

— А теперь мы попросимъ вашего знакомаго подписаться тоже въ качествѣ свидѣтеля, — продолжалъ офицеръ, указавъ на Нерадовича. — Они, конечно, не поставятъ себѣ въ трудъ?

— Нисколько... я съ большимъ удовольствіемъ, — поднялся Нерадовичъ съ своего мѣста и взялъ изъ рукъ жандарма перо.—Гдѣ прикажете?

Теперь Надя очнулась. Съ блестящими глазами она

слѣдила за каждымъ движеніемъ Нерадовича, пока онъ бойко расчеркивался на бумагѣ. Жандармъ и приставъ тоже упорно слѣдили за нимъ, хотя любезная улыбка не сходила съ ихъ лицъ.

— Полтавскій мѣщанинъ Иванъ Говоренко, — прочелъ жандармъ только-что написанное Нерадовичемъ.— Такъ-съ... прекрасно...

Глаза его уставились на Льва Александровича и любезная улыбка смѣнилась насмѣшливою.

Надя вздрогнула. Ея взглядъ тоже пристальпо слѣдилъ за лицомъ Нерадовича. Напряженнымъ усиліемъ воли ему удалось не выдать своей тревоги, а между тѣмъ у него спирало дыханіе и холодный потъ готовъ былъ выступить на его лбу.

— А позвольте васъ спросить,—обернулся жандармъ къ Надѣ,—вы хорошо знаете господина Говоренко?

Надя не отвѣчала. Секунды двѣ прошли въ молчаніи. Въ комнатѣ два раза послышался звукъ часоваго маятника, и Надѣ казалось, что это не часы стучатъ на каминѣ, а сердце у нея въ груди.

— Я у васъ спрашиваю это потому, — мягкимъ голосомъ продолжалъ офицеръ,—что мы имѣемъ поводъ сомнѣваться насчетъ подлинности фамиліи господина Говоренко...

Кровь бросилась въ блѣдныя щеки молодой дѣвушки. Что должна была она сказать? Неправду? зачѣмъ? Чтобы попытаться выгородить человѣка только-что оскорбившаго ее самымъ гнуснымъ образомъ? человѣка, едва не причинившаго смерть Аннѣ Григорьевнѣ? Вся она возмутилась отъ одной этой мысли и въ глазахъ ея блеснуло карающее чувство возмездія.

— Его зовутъ не Говоренко, а Левъ Нерадовичъ,— проговорила она рѣшительно.

Полицейскіе засіяли торжествомъ. Приставъ растворилъ дверь и кликнулъ въ сосѣднюю комнату: „Ѳоминъ, иди сюда!“ Андрей и Анисья рѣшительно не понимали смысла всего происходящаго.

Лицомъ Нерадовичъ мгновенно измѣнился. Долго сдерживаемые мускулы теперь повиновались уже одной овладѣвшей имъ бѣшеной злобѣ. Глаза его налились кровью. Указывая рукой на молодую дѣвушку, онъ проговорилъ, обращаясь къ жандармамъ:

— Вы хотите меня арестовать. — Въ эту минуту въ дверяхъ показался полицейскій, Ѳоминъ, — такъ арестуйте жь и ее: она моя сообщница.

— Ну, это не ваше дѣло, господинъ Нерадовичъ,— засмѣялся офицеръ, крутя свой изящный усъ.

Надя остолбенѣла.

— Я ваша сообщница? — воскликнула она. — Я, ненавидящая васъ болѣе всего на свѣтѣ.

— Увидимъ, много ли вамъ поможетъ эта поздняя ненависть,—злобно возразилъ Нерадовичъ.—Господинъ офицеръ, потрудитесь выслушать мое показаніе. Эта дѣвушка, Надежда Ольшевская, уже два года тому назадъ вступила въ наше сообщество. Затѣмъ она была въ Цюрихѣ и вернувшись оттуда, вмѣстѣ со мною и нѣкоторыми иными лицами, переѣхала въ Москву для активной пропаганды. Тамъ она принимала участіе въ нашихъ совѣщаніяхъ. Ей были извѣстны и цѣли наши и средства.

Бѣшенное желаніе отмстить Надѣ такъ овладѣло Нерадовичемъ, что онъ не остановился даже передъ оговоромъ самого себя.

— Цѣли ваши я считаю отвратительными,—перебила его Надя.

— Можетъ быть. Но еще годъ тому назадъ вы думали не такъ. Отрицайте это, коли можете.

Изъ дальняго угла комнаты послышались всхлипыванья Анисьи.

— Все это, Нерадовичъ, — строго объявилъ жандармъ, — вы сообщите тому, кто васъ будетъ допрашивать. А теперь я васъ арестую. Господинъ приставъ отвезетъ васъ въ то мѣсто, гдѣ вы будете содержаться.

Дворника послали за извощикомъ. Приставъ и двое

полицейскихъ увели Нерадовича и непытавшагося сопротивляться. Передъ уходомъ ихъ жандармъ что-то шепнулъ на ухо приставу.

Надя снова упала на стулъ и закрыла лицо руками. Она не въ состояніи была сообразить, что случилось. Бурныя и несвязныя мысли стучали у нея въ головѣ, быстро смѣняя одна другую.

— Барышня, за что же это такое?—подошла къ ней, не переставая всхлипывать, Анисья. — Что за страсти такія, Господи!

Надя ея не слушала. Она оставалась въ какомъ-то безчувствіи. Офицеръ стоялъ возлѣ нея, не рѣшаясь заговорить. Онъ только барабанилъ пальцами по столу, что-то соображая. Хоть ему и не въ диковинку было присутствовать при тяжелыхъ сценахъ, но и онъ ощущалъ какое-то замѣшательство передъ красивою молодою дѣвушкой, такъ неожиданно очутившеюся въ полицейскихъ сѣтяхъ. Анисья ломала себѣ руки въ безпомощномъ отчаяніи.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ жандармъ рѣшился заговорить.

— Мнѣ очень жаль,—обратился онъ къ Надѣ, слегка запинаясь,—что приходится васъ тревожить, особенно въ такой день, когда у васъ только-что случилось семейное горе...

— Какъ? вы все еще здѣсь? Чего же вы отъ меня хотите?—спросила она глухо, уставивъ на жандарма свои удивленные, словно потухшіе глаза.

— Мнѣ очень жаль,—повторилъ онъ,—но вы сами поймете, что случившееся здѣсь... происшествіе вынуждаетъ меня принять нѣкоторыя мѣры...

Она продолжала глядѣть на него съ недоумѣніемъ.

— Только-что арестованная здѣсь личность, — продолжалъ онъ, какъ бы осторожно подбирая слова,—принадлежитъ къ числу самыхъ опасныхъ агитаторовъ. И само уже присутствіе ея въ вашемъ домѣ, самый,

такъ-сказать, фактъ вашего знакомства съ нею, служилъ бы достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы допросить васъ.—Она продолжала слушать, все еще не понимая. — Но господинъ Нерадовичъ былъ не только арестованъ у васъ,—онъ прямо указалъ на васъ, какъ на сообщницу...

— Что-жъ, вы хотите арестовать и меня? — поднимаясь съ мѣста спросила удивленная дѣвушка, не вѣрившая ушамъ.

— Не арестовать, помилуйте, — мягкимъ голосомъ возразилъ жандармъ. — Но, согласитесь сами, мы не можемъ, такъ-сказать, упустить нити, ведущей къ открытіямъ... Я попрошу васъ только со мною съѣздить въ полицейское управленіе и тамъ дать свое показаніе, послѣ котораго вы будете, конечно, отпущены... Вотъ кстати уже и карету нашли, — добавилъ онъ, увидавъ входившаго полицейскаго, Ѳомина.

— Ахъ! вы и за каретой уже успѣли послать! — воскликнула Надя, понявшая теперь весь ужасъ своего положенія.—Такъ скажите же прямо, что вы меня арестуете! Чего вы стыдитесь?

Она гордо выпрямилась передъ жандармомъ. Онъ ей не отвѣтилъ, видимо затрудняясь, пріискать мягкую форму для своего непривлекательнаго дѣла.

— Васъ арестовать хотятъ? Барышня, да что-жъ это? завопила вся растерявшаяся Анисья.

— Да я же сказала вамъ здѣсь,—опять заговорила Надя,—что я давно порвала съ этими людьми. Этотъ Нерадовичъ случайно зашелъ сюда. Его впустили по ошибкѣ; онъ оставался противъ моей воли...

Краска бросилась ей въ лицо при воспоминаніи о ея недавней сценѣ съ Нерадовичемъ. Чувство достоинства громко заговорило и представило ей всю унизительность этихъ объясненій.

— Да что я теряю слова! Вы мнѣ не вѣрите!

— Я вѣрю вамъ, радъ вамъ вѣрить и заранѣе знаю, что когда вы все объясните, кому слѣдуетъ, всякое по-

дозрѣніе исчезнетъ. Но я ничего сдѣлать не могу. Я человѣкъ подначальный.

— Ну, а если я откажусь за вами послѣдовать, что тогда?—сверкнула она глазами.—Вы меня возьмете силой? Да?

Онъ не отвѣтилъ, въ невольномъ смущеніи опустивъ глаза. Анисья бросилась къ молодой дѣвушкѣ.

— Да мы съ Андреемъ васъ не пустимъ, Надежда Сергѣевна!—Андрей, однако, спокойно продолжалъ стоять въ углу, не считая удобнымъ вступаться за дочь своего бывшаго господина. — Что скажетъ Анна Григорьевна? Что скажетъ женишекъ вашъ, когда онъ узнаетъ?

Эти слова усилили краску стыда на лицѣ Нади. Все ея существо возмутилось при мысли, что имя Дмитрія, что ея любовь къ нему будутъ поруганы выставленіемъ ихъ напоказъ передъ этимъ чужимъ человѣкомъ, холодно исполнявшимъ свои суровыя обязанности.

— Ѣдемъ же, сказала она рѣшительно.—Я уступаю силѣ. Вы мнѣ позволите взять съ собою кое-какія вещи, да вотъ и ее тоже? Она указала на Анисью.

— Вещей сколько угодно,—отвѣтилъ жандармъ,—но присутствіе горничной едва ли будетъ удобно...

Надя не возражала. Гордость придавала ей силы. Она приказала Анисьѣ связать въ узелъ нужное платье и бѣлье. У нея хватило даже твердости, чтобъ утѣшать старушку.

— Ничего, Анисья. Я завтра же вернусь,—успокоивала она ее, хоть и сама этому не вѣрила. Теперь ей хотѣлось поскорѣе испить чашу до дна и покончить съ тяжелою, унизительною сценой. Она обняла все еще плакавшую старушку, быстро спустилась съ лѣстницы и на нѣсколько минутъ упала передъ гробомъ отца. „Кто знаетъ, можетъ быть не съ нимъ только я теперь прощаюсь“, съ горечью подумала она, вставая. Слезъ у нея не было. Она бы ни за что не выдала передъ чужими своего безнадежнаго горя. Она усѣлась въ ка-

ретѣ съ жандармомъ, и извощичьи клячи дряблою рысью повезли ее къ полицейскому дому.

Анисья въ тотъ же день послала Дмитрію письмо—то самое, которое онъ получилъ, когда собирался на поѣздъ.

XI.

Утромъ, на слѣдующій день, Николай Осиповичъ Боровской сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, вполнѣ убѣжденный, что по случаю воскресенья его не оторвутъ отъ работы посѣтители: на своей новой должности въ О... Николай Осиповичъ былъ такъ заваленъ дѣлами, что иной разъ приходилось не подъ силу даже ему, привыкшему къ усидчивому, и въ то же время быстрому труду. Вдругъ, ровно въ половинѣ одиннадцатаго, въ передней раздался звонокъ.

— Жандармскій капитанъ Бандуринъ,—спустя минуту доложилъ камердинеръ. Это былъ тотъ самый офицеръ, который наканунѣ арестовалъ Надю.

Приходъ жандарма не удивилъ Боровского: по самому свойству его занятій ему приходилось нерѣдко принимать такихъ посѣтителей. Но когда офицеръ передалъ ему про арестъ Нерадовича и Нади съ торжествующимъ видомъ человѣка, сдѣлавшаго важное открытіе, гнѣвное изумленіе выразилось на лицѣ Николая Осиповича и заставило его измѣнить своей обычной сдержанности.

— Какъ?! Вы арестовали Надежду Сергѣевну Ольшевскую? — воскликнулъ онъ, и жандарма поразила страстность его зазвенѣвшаго голоса. Бандуринъ ожидалъ выраженія признательности за удачную поимку важнаго преступника, а за свое извѣстіе онъ получилъ чуть не выговоръ.

Но Боровской тотчасъ вернулъ себѣ привычное самообладаніе.

— Разскажите, я васъ слушаю,—проговорилъ онъ спо-

койно, хотя съ оттѣнкомъ строгости, усаживаясь въ кресло.

Офицеръ съ дѣловою отчетливостью сообщилъ ему всѣ подробности, особенно настаивая на значеніи ареста такого опаснаго агитатора, какимъ считался Нерадовичъ. Все, что касалось Нади, въ его глазахъ было маловажно. Боровской напротивъ почти не скрывалъ своего нетерпѣнія, когда упоминалось про Нерадовича. „Дальше, дальше“, остановилъ онъ раза два Бандурина, когда тотъ слишкомъ ужъ распространялся насчетъ Льва Александровича.

— Гдѣ же вы ее помѣстили?—спросилъ Николай Осиповичъ, когда Бандуринъ кончилъ.—Неужели въ одной изъ этихъ отвратительныхъ арестантскихъ камеръ?

Офицеръ все болѣе изумлялся: никогда еще Боровской такимъ образомъ не отзывался о помѣщеніи для политическихъ арестантовъ.

— Г-жѣ Ольшевской была отведена особая комната, очень приличная и удобная, въ главномъ корпусѣ полицейскаго управленія; конечно на время,—прибавилъ онъ,—пока не будетъ сдѣлано распоряженіе.

Боровского передернуло при мысли, что жандармъ уже думаетъ о переводѣ молодой дѣвушки въ настоящія арестантскія камеры, гдѣ содержалась ея сестра. Онъ вдругъ живо припомнилъ свой недавній разговоръ съ Надей. „Ее слѣдуетъ освободить немедленно!“ Хотѣлъ онъ было воскликнуть, но тотчасъ сдержалъ себя.

— Я не вижу основаній,—сказалъ онъ, — для привлеченія дѣвицы Ольшевской къ отвѣтственности. Голословный оговоръ такого негодяя, каковъ этотъ Нерадовичъ, не можетъ служить доказательствомъ. Кто знаетъ, изъ-за какихъ грязныхъ побужденій онъ ее оклеветалъ?

— Заявленіе Нерадовича, ваше превосходительство, не походило на клевету. Да и то обстоятельство, что онъ былъ застигнутъ въ домѣ Ольшевской, само по себѣ уже служитъ уликой.

Боровской сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе рукой: онъ чуть-было не проговорился, что вполнѣ объясняетъ себѣ вѣроятныя причины появленія Нерадовича въ домѣ Нади. На мигъ въ его умѣ мелькнуло подозрѣніе, что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ молодая дѣвушка не прервала своихъ прежнихъ сношеній съ кружкомъ агитаторовъ. Но онъ тотчасъ отогналъ его, какъ нѣчто совсѣмъ невозможное. Николай Осиповичъ слишкомъ хорошо умѣлъ судить о людяхъ, чтобъ отдаваться боязливой подозрительности новичка.

Жандармъ между тѣмъ подумалъ, что въ иныхъ случаяхъ и гораздо меньшія улики казались Николаю Осиповичу вполнѣ достаточными.

— Это еще не все, ваше превосходительство,—снова заговорилъ онъ. — Вчера вечеромъ оба арестованныя лица были допрошены, и Нерадовичъ подтвердилъ свои обвиненія съ такими подробностями, что трудно ихъ принять за выдумки. Я привезъ къ вамъ его показаніе.

И Бандуринъ своими красивыми ногтями повернулъ замысловатый секретный замокъ изящнаго портфеля, который не выпускалъ изъ рукъ, и досталъ оттуда нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги.

Но Боровской не протянулъ даже руки, чтобы взять ихъ.

— А что показала г-жа Ольшевская? — спросилъ онъ.—Она тоже была допрошена, говорите вы?

— Она отказалась давать какія-либо показанія и ограничилась заявленіемъ, что ни въ какомъ преступномъ сообществѣ не состоитъ и въ теченіе семи мѣсяцевъ проживала въ домѣ своей тетки, генеральши Корецкой.

При этихъ словахъ Боровской нетерпѣливо кивнулъ головой, брови его сдвинулись и рука судорожно дернула за часовую цѣпочку.

— Ольшевская добавила еще, — и говоря это жандармъ зазвенѣлъ палашемъ, — что вашему превосходительству личность этой Корецкой извѣстна...

Боровской не отвѣтилъ ни слова. Только лобъ его сморщился еще болѣе, словно въ его умѣ воскресло тяжелое воспоминаніе.

— Она просила даже разрѣшенія—продолжалъ жандармъ, опираясь лѣвою рукой на эфесъ,— написать къ вашему превосходительству.

— Ну?—вырвалось у Боровского.

— Не было, конечно, повода въ этомъ отказывать. Мы дали ей бумаги; она что-то написала, перечла нѣсколько разъ и потомъ вдругъ разорвала записку: „Нѣтъ“, говоритъ „писать не буду“.

Боровской съ шумомъ отодвинулъ кресло и нѣсколько разъ молча прошелся по комнатѣ.

— Давайте сюда показаніе Нерадовича, наконецъ сказалъ онъ, остановившись передъ жандармомъ.

Бандуринъ сказалъ правду: обвиненіе Нерадовича не походило на пустую выдумку. Это было подробное изложеніе всего прошлаго Нади, ея вступленія въ кружокъ, поѣздки за границу и шестимѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ. Самому Боровскому въ первый разъ доводилось узнавать про это, и взглядъ его съ напряженнымъ, страстнымъ вниманіемъ будто впивался въ каждую строчку. Онъ читалъ съ какимъ-то упорнымъ, болѣзненнымъ наслажденіемъ, и вдругъ, когда онъ кончилъ, его обдало страхомъ при мысли, что, вѣдь, если этой бумагѣ будетъ данъ обычный ходъ и на основаніи ея начнется слѣдствіе, Надя безвозвратно погибла... „Это показаніе надо уничтожить“, промелькнула у него мысль.

— Никто еще не познакомился съ содержаніемъ этой бумаги?—спросилъ онъ, и голосъ его задрожалъ.—Производили допросъ вы?

— Я, ваше превосходительство, но въ то же время счелъ долгомъ сообщить о его результатахъ господину мѣстному начальнику жандармскаго управленія.

Боровской метнулъ гнѣвнымъ, загорѣвшимся взглядомъ на жандарма.

— Вы правы,—сказалъ онъ однако,—вы иначе поступить не могли... А показаніе Нерадовича и г-жи Ольшевской я оставлю у себя: дѣломъ этимъ я займусь самъ, конечно,—добавилъ онъ съ худо скрытою проніей,—при полезномъ содѣйствіи чиновъ корпуса жандармовъ.

Онъ отпустилъ Бандурина не протянувъ ему руки, и крупными шагами заходилъ по комнатѣ.

Первою мыслью Николая Осиповича было сжечь бумаги, привезенныя жандармомъ. Конечно, Нерадовичъ повторитъ свои показанія. Но руководя слѣдствіемъ Боровской могъ устранить изъ него все касавшееся Нади. Стоило ему отдать приказаніе, и Надя въ тотъ же день будетъ выпущена изъ заключенія. Боровской напередъ радовался уже при мысли, что сегодня же самъ онъ объявитъ любимой дѣвушкѣ про ея освобожденіе. Власть тѣмъ и хороша, что она даетъ средства однимъ почеркомъ пера превратить горе въ радость...

Расчетливый умъ Николая Осиповича не легко поддавался увлеченіямъ. Онъ быстро возвращалъ себѣ утраченное на мигъ господство. Боровской снова взялъ съ письменнаго стола лежавшее тамъ показаніе Нерадовича, не съ тѣмъ, однако, чтобъ его уничтожить. Онъ снова принялся за внимательное чтеніе, хотя каждая строка этого доноса крѣпко засѣла въ его память. И вдругъ Боровскому живо вспомнилось, что содержаніе его было уже извѣстно не одному Бандурину. Обстоятельство это, конечно, и не ускользало отъ его вниманія, но теперь оно какъ будто ярче освѣтилось, словно оно теперь выступило изъ ряда другихъ фактовъ. Если бы слухъ объ арестѣ Нади не выходилъ изъ круга подчиненныхъ ему, Боровскому, ничего бы не стоило вернуть ей свободу. Но теперь этого негласно уже сдѣлать нельзя. Въ глазахъ мѣстныхъ властей она также виновна, какъ десятки другихъ, судившихся и приговоренныхъ. Нѣтъ, она даже выдѣляется изъ числа прочихъ. Имя ея, какъ на зло, сразу пріобрѣтаетъ из-

вѣстность... Она сестра другой обвиняемой и какъ разъ съ нею вмѣстѣ, въ ея комнатѣ, былъ застигнутъ Нерадовичъ. Нужды нѣтъ, что всѣ обстоятельства дѣла указываютъ на явную вражду между нею и этимъ человѣкомъ. Нечего было и думать о томъ, чтобы заглушить это дѣло, выпустить Надю безъ огласки. Такой поступокъ съ его стороны возбудитъ несомнѣнные толки, кто знаетъ, можетъ быть даже подозрѣнія...

И Николай Осиповичъ снова зашагалъ по комнатѣ, живо и ярко представляя себѣ неизбѣжныя послѣдствія освобожденія Нади. Ему поручено веденіе политическихъ слѣдствій, какъ человѣку испытанной энергіи и умѣлости. И что же въ правѣ будутъ сказать другія мѣстныя власти, когда онѣ узнаютъ, что онъ самовольно освободилъ отъ законнаго преслѣдованія дѣвушку, противъ которой имѣлись самыя очевидныя улики? Какъ объяснитъ онъ имъ эту безпримѣрную милость? Молодостью и красотой Нади, что ли? Развѣ люди смотрѣвшіе съ завистью на его быструю карьеру не воспользуются этимъ, чтобы пустить въ ходъ самыя двухсмысленныя догадки? Въ тридцать три года онъ занимаетъ одно изъ первыхъ прокурорскихъ мѣстъ въ Россіи. Передъ нимъ широко раскрывается поле будущей дѣятельности. Еще не много времени, и онъ ступитъ выше и кто знаетъ, въ его рукахъ, можетъ быть, окажется власть,—та настоящая, самостоятельная власть, которая давно носилась передъ его воображеніемъ и приводила всю его душу въ страстный трепетъ. И все это онъ можетъ выпустить изъ рукъ, вслѣдствіе глупой вспышки чувства къ женщинѣ.

Но въ тотъ самый мигъ, когда Николай Осиповичъ сказалъ себѣ это, на его разсудокъ нахлынула новая возня этого же чувства. Какъ скоро ему представилось, съ тою отчетливостью, какую всегда принимала его мысль, что для будущей карьеры онъ долженъ принести въ жертву свободу Нади, что-то въ немъ возмутилось противъ этого неумолимаго вывода. Какъ? отъ

него зависитъ вся судьба единственной женщины, которую онъ любилъ, и онъ спокойно дастъ ей погибнуть изъ-за личнаго расчета? И страстные голоса снова заговорили въ его сердцѣ, заглушая собой робкія соображенія осторожности. Его вдругъ какъ бы воспламенила мысль, что, вѣдь, своимъ спасеніемъ Надя будетъ обязана ему одному, и что тогда... Онъ какъ бы напередъ наслаждался обладаніемъ любимою дѣвушкой.

Тогда?.. Насмѣшливо въ немъ поднялся опять иной, трезвый голосъ. Что тогда? Благодарность? Да развѣ можно полагаться на благодарность женщины? И если это чувство въ ней и будетъ, развѣ можно требовать, чтобъ оно превратилось въ любовь? Да и много ли стоитъ такая любовь, вымученная, почти насильственная? Боровской желчно разсмѣялся. Освободить Надю, значило бы возвратить ее Дмитрію... Нѣтъ, этого онъ не сдѣлаетъ, слишкомъ уже глупо было бы на собственный счетъ благодѣтельствовать этому человѣку. Боровской сознавалъ, что какъ бы ни являлся онъ передъ Надей въ роли спасителя, онъ не замѣнитъ ей, не заслонитъ собою любимаго человѣка. Какъ ни ожесточался онъ при одной этой мысли, Боровской отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что вѣрности Дмитрію ему не поколебать ничѣмъ.

Ничѣмъ? А страхъ? Если Надя будетъ знать, что ей предстоитъ не только разлука съ женихомъ, но тюрьма и ссылка, развѣ и тогда она не согласится купить себѣ свободу? Теперь Боровской не думалъ уже о томъ, чтобы выгородить Надю. Ему надо было усилить въ ней сознаніе опасности, подыскать, если можно, новую, лишнюю улику. И какъ разъ такая улика у него была въ рукахъ: письмо Нерадовича къ Надѣ, полученное имъ отъ Елены Ордынцевой, бережно хранилось у него подъ ключомъ. Онъ досталъ его изъ конторки и снова перечелъ, хоть и зналъ его наизусть. Рядомъ съ показаніемъ Нерадовича это письмо составляло уже неотразимое доказательство вины. И онъ рѣшился воспол-

зоваться имъ, какъ послѣднимъ средствомъ въ случаѣ упорства Нади... Противъ такой грозной улики не устоитъ, конечно, и ея твердость.

Николай Осиповичъ рѣдко ошибался въ людяхъ, но оцѣнка его всегда была немного ниже дѣйствительности. И для себя теперь онъ уже довольствовался тѣмъ, что могъ дать ей страхъ передъ такою будущностью. Одно желаніе такъ охватило все его существо, что онъ пересталъ уже быть разборчивымъ на средства. Онъ зналъ уже только одно: такое средство было въ его власти; имъ надо было воспользоваться въ этотъ же день, тотчасъ воспользоваться. Ему хотѣлось уже не любви молодой дѣвушки, онъ довольствовался однимъ обладаніемъ. Для этого онъ не остановится ни передъ какими послѣдствіями. Пусть говорятъ, что угодно, доносятъ на него, за эту цѣну онъ готовъ даже подвергнуть опасности свое блестящее положеніе... И говоря себѣ это, Боровской сознавалъ очень хорошо, что, въ сущности онъ готовъ совершить сдѣлку—продать молодой дѣвушкѣ ея свободу. Но какъ ни возмущалась въ немъ вся нравственная брезгливость натуры, которую всегда отталкивала всякая явная гнусность, также точно какъ физическое безобразіе, Боровской уже опомниться не могъ. Всѣ новыя соображенія были отброшены ради одного страстнаго желанія. Надя будетъ принадлежать ему, или она... да онъ и не допускалъ мысли, чтобы молодая дѣвушка могла заупрямиться. И что же будетъ потомъ?.. Боровской долго не могъ точно и прямо отвѣтить на этотъ вопросъ. Недавно еще онъ бы дорого далъ, чтобы соединить всю свою жизнь съ жизнью Нади. Боровской не хотѣлъ признаваться самому себѣ, что теперь объ этомъ не могло быть и рѣчи. Нельзя же стать мужемъ дѣвушки, привлеченной къ уголовному дѣлу. И хотя Боровской зналъ очень хорошо, что Надя не была виновата ни въ чемъ, ея случайное заключеніе въ тюрьму словно набрасывало на нее какую-то тѣнь. Теперь она годится

развѣ въ любовницы, а не въ жены, вотъ чего не договорилъ самому себѣ Боровской, но что все-таки гнѣздилось на самой глубинѣ его мысли.

Ровно въ часъ дрожки Боровского подъѣзжали къ дому полицейскаго управленія!

XII.

Надя удивительно спокойно провела ночь на своемъ нежданномъ новосельѣ. Пережитое ею въ нѣсколько часовъ до того потрясло и ошеломило бѣдную дѣвушку, что у нея не доставало даже силъ жаловаться на совершенное съ нею вопіющее дѣло. Она не въ состояніи была опомниться и заглядывать въ будущее: переломъ наступилъ слишкомъ быстро и круто. Въ головѣ у нея сдѣлалась какая-то странная пустота. Мысли сновали въ ней какими-то отрывками, не останавливаясь и не цѣпляясь одна за другую. Прежде всего ей нуженъ былъ покой, и сонъ, вѣрный утѣшитель молодости, унесъ ее далеко за стѣны ея неприглядтаго жилища. Когда Надя утромъ проснулась, она въ недоумѣніи оглянула голыя стѣны съ дешевенькими сѣрыми обоями и не могла отдать себѣ отчета, зачѣмъ она здѣсь и какъ она попала въ эту странную комнату. Она не сразу вспомнила, что здѣсь не по своей волѣ и уйти ей отсюда нельзя. Да и комната совсѣмъ не походила на тюрьму: все въ ней было чинно и опрятно, только царилъ въ ней какой-то форменный канцелярскій порядокъ. На двухъ высокихъ окнахъ, выходившихъ на дворъ, не было занавѣсокъ; полдюжины плетеныхъ стульевъ шеренгой выстроились вдоль стѣны. На длинномъ столѣ, покрытомъ клеенкой, стояла большая, квадратная чернильница, какія бываютъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Недавно здѣсь еще помѣщалось отдѣленіе канцеляріи, и лишь недѣли за двѣ передъ тѣмъ эту комнату, по недостатку мѣста, отвели для временнаго содержанія аре-

стантовъ, которымъ по чему-либо считали нужнымъ оказывать снисхожденіе.

Мало-по-малу воспоминанія Нади пришли въ порядокъ. Но страшное слово тюрьма все еще не являлось ей въ своемъ грозномъ свѣтѣ. Случившееся съ нею было такъ неожиданно, такъ нелѣпо, что ей все еще не вѣрилось, будто нынѣшній день совсѣмъ уже не то, что вчерашній, что между нею и остальнымъ міромъ выросла какая-то преграда. Молодость нелегко поддается горю: она борется съ нимъ, не хочетъ признать его власти. Только тотъ, кто много, пожилъ настежь отворяетъ ему двери, какъ знакомому гостю. Надя понимала только, что произошло какое-то удивительное недоразумѣніе, и сегодня же, черезъ нѣсколько часовъ, все разъяснится и будетъ улажено. Ей и въ голову не приходило, чтобъ ее могли на самомъ дѣлѣ обвинить въ сообщничествѣ съ Нерадовичемъ. И гнѣвное, возмущенное чувство направлялось у нея исключительно противъ него. При мысли о вчерашнемъ своемъ объясненіи, краска у нея бросилась въ лицо и негодованіе за его поступокъ совершенно заслоняло собой озлобленіе противъ тѣхъ, по чьей винѣ она здѣсь.

Она наскоро одѣлась и стала теперь соображать, какъ ей поступить и къ кому обратиться. И вотъ, именно теперь она съ изумленіемъ стала убѣждаться въ томъ, что собственно ей сдѣлать ничего нельзя, и сама она участи своей измѣнить не можетъ. Тутъ ей впервые померещилось, что значитъ лишеніе свободы и въ тотъ же мигъ ее словно обожгло при мысли, что-бы почувствовалъ Дмитрій, еслибы вдругъ онъ узналъ про случившееся съ нею. Но все-таки она страдала только за Дмитрія. Она не допускала мысли про возможность неизбѣжной, продолжительной разлуки съ нимъ. Ей было только стыдно за себя, за то, что она, его невѣста, очутилась на одномъ ряду съ преступниками.

Вдругъ въ двери щелкнулъ замокъ и въ комнату вошелъ низенькій полицейскій съ чайнымъ приборомъ.

Она поблагодарила его, отказавшись отъ чаю, и спросила у него, можно ли видѣть того офицера, который наканунѣ ее привезъ? „Не могимъ знать“, былъ короткій отвѣтъ полицейскаго. И какъ разъ въ эту минуту Надя почувствовала, что она въ самомъ дѣлѣ отрѣшена отъ прочаго міра; ей даже нельзя обратиться къ кому-либо изъ тѣхъ, кто имѣетъ надъ нею теперь власть. Ее, конечно, выпустятъ отсюда, но когда и какъ? Она начинала понимать, что это вполнѣ зависитъ отъ произвола совершенно незнакомаго ей должностнаго лица, которое не можетъ знать, что она совершенно невиновна, и которому ровно никакого дѣла нѣтъ до горя, причиняемаго дорогимъ ей людямъ. Она все живѣе ощущала свою безпомощность. А для нея, привыкшей соображать и рѣшаться быстро, эта полная невозможность хотѣть и дѣйствовать была чѣмъ-то не только ужаснымъ, но и непонятнымъ. Ее возмущало сознаніе, что вотъ, вотъ, можетъ быть, сейчасъ къ ней придутъ и объявятъ какое-нибудь приказаніе, а можетъ быть и долго, очень долго не придетъ никто. Ей самой ничѣмъ нельзя ускорить рѣшеніе. Въ этой опрятной, чинной комнатѣ она была будто на пустой скалѣ среди моря. Ни просьбы ея, ни крики даже, ни до кого не дойдутъ.

Мало-по-малу ее охватывало сознаніе пустоты—то самое, какое бываетъ у путешественника, потерявшаго слѣдъ въ степи, или захваченнаго снѣжною мятелью. Помощь можетъ быть и будетъ со стороны, а можетъ-быть и нѣтъ, и приходится ждать, да ждать, а между тѣмъ ночь темнѣе ложится вокругъ и снѣжные хлопья все гуще сыплются съ неба... Ее понемногу охватывалъ странный трепетный холодъ. Она стала прислушиваться къ отдаленнымъ голосамъ въ домѣ, къ стуку шаговъ по корридору, но равнодушная, неторопливая жизнь казеннаго мѣста шла своимъ чередомъ, минуя ее, совершенно забывъ о ней. Случалось, что скрипнетъ и отворится дверь и громко раздастся чей-нибудь начальническій голосъ, либо кто-нибудь пробѣжитъ по кор-

ридору, торопясь исполнить приказаніе. Но къ ея дверямъ не подходили. „Что же наконецъ?“ думалось ей, „такъ нельзя... Надо же предпринять что-нибудь, объясниться... Но съ кѣмъ? и какъ даже просто добиться того, чтобъ ее услыхали, чтобы на ея зовъ пришли“... Надя вспомнила про Боровского. Наканунѣ уже она задумала было къ нему написать. Но гордость ей помѣшала. Просить Боровского за себя лично ей претило въ высшей степени. А между тѣмъ онъ могъ освободить ее тотчасъ—она это знала. Молодая дѣвушка и не сомнѣвалась, что онъ это сдѣлаетъ. И какъ ни тяжело казалось ей быть чѣмъ-либо обязанною именно ему, она скоро пришла къ заключенію, что на его помощь ей и надо всего болѣе расчитывать. Какъ скоро онъ узнаетъ про ея арестъ, онъ тотчасъ распорядится. Но какъ сдѣлать, чтобъ онъ про это узналъ скорѣе? Вѣдь каждая, даже малѣйшая отсрочка все далѣе отодвигаетъ ея возвращеніе въ Бѣлые Столбы..... Надѣ въ точности не были извѣстны взаимныя отношенія разныхъ представителей офиціальной власти и ходъ сложнаго механизма, въ которомъ Боровскому принадлежала такая видная роль. Часы тянулись страшно медленно. Надя все больше вникала въ свое положеніе, все мучительнѣе придумывала средства къ исходу. Все грознѣе охватывало ее сознаніе безсилія. Вдругъ въ коррпдорѣ послышались быстрые, рѣшительные шаги, бряцаніе шпоръ, звукъ голосовъ. Потомъ она уже явственно услышала слова, сказанныя почти у самой двери: „Здѣсь? Не безпокойтесь—я съ госпожей Ольшевской переговорю самъ“. Дверь отворилась и въ комнату вошелъ Боровской, а въ корридорѣ затѣмъ опять послышался звукъ удалявшихся шаговъ.

Никогда еще Надя не встрѣчала Боровского такъ радостно, какъ въ этотъ день. На его лицѣ напротивъ лежала печать той приличной скорби, какая обыкновенно бываетъ у людей пріѣзжающихъ затѣмъ, чтобы выразить участіе по случаю семейнаго горя. Онъ тот-

часъ примѣтилъ однако произведенное на нее впечатлѣніе, и сердце у него забилось, откликаясь на радость молодой дѣвушки. Онъ быстро подошелъ къ ней и дружески протянулъ ей руку.

— Могъ ли я предвидѣть,—воскликнулъ онъ,—что мы встрѣтимся при такой обстановкѣ!

Она крѣпко пожала его руку и отвѣтила почти весело:

— Благодаря вамъ, конечно, я здѣсь останусь недолго.

— Еслибы вы меня послушались,—избѣгнулъ онъ прямого отвѣта,—этого бы не случилось. Сколько разъ я говорилъ вамъ. что слѣдуетъ разомъ порвать съ этими людьми. Какъ могли вы принять Нерадовича?!

Надя ждала отъ него совершенно иныхъ словъ и посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Да вы же знаете,—возразила она,—какъ все это произошло... Или, если вамъ всего не сказали, вы не могли не догадаться, что моя воля тутъ была ни при чемъ...

И она разсказала ему про то, что было наканунѣ. Само собою разумѣется она при этомъ смягчила рѣзкость своего объясненія съ Нерадовичемъ.

Боровской слушалъ ее молча, слегка опустивъ голову. Выраженіе скорби на его лицѣ еще усилилось. Оно походило въ эту минуту на лицо доктора, слушающаго разсказъ безнадежнаго больного.

— Да вы какъ будто мнѣ не вѣрите, — закончила она,—и въ глазахъ ея была теперь уже не радость, а какое-то изумленное смущеніе.

Я слишкомъ хорошо васъ знаю, чтобы вамъ не вѣрить,—произнесъ онъ тихо, отвѣчая на ея взглядъ,—но повѣрятъ-ли вамъ другіе? Обстоятельства сложились такъ странно...

— Но, вѣдь, рѣшеніе зависитъ отъ васъ, — горячо перебила она его, все еще цѣпляясь за надежду, что выслушавъ онъ тотчасъ-же освободитъ ее.—А вы знаете

меня не со вчерашняго дня. Вы можете судить обо мнѣ не по одному случайному обстоятельству.

Боровской покачалъ головой.

— Къ сожалѣнію, это совсѣмъ не такъ просто, какъ вы думаете,—грустно сказалъ онъ. — Нерадовичъ далъ вчера показанія, прямо обвиняющія васъ въ сообщничествѣ, и трудно, очень трудно будетъ разубѣдить судъ...

Она снова перебила его.

— Но этотъ судъ пока никто иной, какъ вы. А мнѣ, кажется, отъ васъ самихъ, не разъ приходилось слышать, что нашъ образъ мыслей сходится очень близко.

Боровской почти до крови закусилъ нижнюю губу.

— Мысль вольна, она остается при насъ. За нее отвѣчать не приходится. Но то, что я узналъ вотъ изъ этой бумаги, — и онъ досталъ изъ кармана показаніе Нерадовича,—было, признаюсь, и для меня совершенною неожиданностью. Прочтите сами.

И онъ передалъ ей сложенные вчетверо листы, исписанные бѣглымъ почеркомъ Нерадовича. Пока она читала, глаза его жадно слѣдили за каждымъ измѣненіемъ ея лица. Лицо это оставалось совершенно спокойнымъ. Только слабый румянецъ показался на ея щекахъ.

— Что-жъ, это неправда?—спросилъ онъ, когда она кончила, принимая бумагу обратно изъ ея рукъ.—Скажите, что это ложь, клевета?...

— Все это совершенная правда, отъ перваго слова до послѣдняго. Да не въ этомъ дѣло. Въ первый-же день нашего знакомства, мое прошлое было вамъ извѣстно. Новаго для васъ тутъ не можетъ быть ничего. Но съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый годъ, а въ Бѣлыхъ Столбахъ я была уже не та... Все, что здѣсь написано, обвиняетъ не меня, а прежнюю Надю Ольшевскую, которой и слѣда не осталось. Да зачѣмъ я вамъ это говорю? Вы убѣждены въ этомъ такъ-же, какъ я сама.

— Вы не хотите меня понять, Надежда Сергѣевна.

Здѣсь рѣчь идетъ не о моемъ мнѣніи. Еслибъ это прошлое не обнаружилось случайно, никакому суду до него не было-бы дѣла. Но такъ или иначе, по несчастному случаю или по неосторожности съ вашей стороны, оно выплыло наружу, и я пришелъ къ вамъ сюда затѣмъ лишь, чтобъ обсудить съ вами, какими средствами вы могли бы избѣгнуть послѣдствій.

Боровской проговорилъ это почти сурово. Воспоминаніе о Бѣлыхъ Столбахъ и о томъ, что вызвало перемѣну во взглядахъ молодой дѣвушки, не располагало его къ мягкости.

— Мы напрасно теряемъ слова, Николай Осиповичъ,—возразила она холодно и рѣзко, словно она была судьей и ему приходилось давать передъ нею отчетъ,—намѣрены вы мнѣ возвратить свободу или нѣтъ?

Онъ собирался отвѣтить уклончиво, все болѣе убѣждаясь въ трудностяхъ предстоявшаго ему объясненія. Но она не дала ему говорить и продолжала:

— Одно изъ двухъ, Николай Осиповичъ, либо вы меня считаете виновною — и въ такомъ случаѣ мнѣ остается лишь отвѣчать вамъ, какъ офиціальному лицу, либо нѣтъ—и тогда, какъ честный человѣкъ, вы обязаны меня немедленно освободить.

Но Боровской еще разъ попробовалъ увернуться отъ поставленной ему прямой дилеммы.

— Я здѣсь пока въ качествѣ друга,—мягко сказалъ онъ.—Она невольно сдѣлала рѣзкое отрицающее движеніе рукой.—Ну, положимъ, хорошаго знакомаго, желающаго найти для васъ благопріятный исходъ. Но судъ, когда дѣло до него дойдетъ, разсудитъ иначе. Онъ можетъ и не обратить вниманія на перемѣну въ вашемъ образѣ мыслей, и передъ нимъ останется голый фактъ—ваша несомнѣнная принадлежность къ тайному обществу.

— Но, вѣдь, та власть, отъ имени которой вы говорите,—воскликнула она,—не какая-нибудь машина, которую движетъ слѣпая сила, а живая власть въ рукахъ

разумныхъ живыхъ людей... Какъ? ей дѣла нѣтъ до того, что я уже не прежняя, и потому что случайный доносъ обвинилъ меня въ давнишней, да еще въ несовершенной винѣ, она слѣпо будетъ меня судить за эту вину... Да, вѣдь, это просто невозможно. Вы клевещете на судъ. Или вы, можетъ быть, не рѣшаетесь сознаться, что сами меня подозрѣваете, не смотря на то, что сами мнѣ выражали сочувствіе тѣмъ, отъ которыхъ я отступилась.

Отправляясь къ Надѣ, Боровской хотѣлъ увѣрить ее, что самъ онъ нисколько не раздѣляетъ какихъ-либо подозрѣній на ея счетъ. Но теперь, въ виду ея прямыхъ рѣзкихъ словъ, онъ измѣнилъ этому намѣренію. Надо было напугать ее, а для этого нельзя уже было являться передъ нею защитникомъ, убѣжденнымъ въ ея невиновности. Она слишкомъ ясно высказала, что въ такомъ случаѣ ему оставалось сдѣлать лишь одно—немедленно освободить ее.

— Арестованіе Нерадовича въ вашемъ домѣ доказываетъ, однако, — онъ съ видимымъ трудомъ подыскивалъ слова, — что вы не совсѣмъ отъ этихъ людей отступились...

— А, вы, наконецъ, рѣшаетесь договорить!—Она вся сіяла отъ гордаго негодованія. — Какъ? Нерадовичъ сдѣлалъ на меня доносъ, и вы все-таки во мнѣ видите его сообщницу? И вашу опытность не поражаетъ такая явная несообразность? Вы говорите неправду, Боровской, вы сами знаете, чего стоитъ этотъ доносъ, да и судъ, которымъ вы меня стращаете, пойметъ это. Въ чемъ меня могутъ обвинить? Въ томъ, что годъ тому назадъ я сочувствовала движенію, которому сочувствуютъ сотни другихъ? И вы думаете не послушаютъ тетку, да и не одну ее—всѣ, знавшіе меня въ Бѣлыхъ Столбахъ, покажутъ на судѣ.

Тутъ Боровской остановилъ ее. Онъ не ожидалъ встрѣтить у молодой дѣвушки такую твердость передъ опасностью. Ему надо было всячески усилить въ ея глазахъ вѣроятность обвиненія, чтобы выступить затѣмъ

въ роли ея спасителя. Онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству—къ письму, полученному отъ Елены: уѣзжая изъ дому онъ захватилъ его съ собой.

— Вы думаете, для суда эти улики не достаточны? А что скажете вы про это письмо?—Онъ протянулъ ей конвертъ, на которомъ стояло ея имя, не выпуская его, однако, изъ своихъ рукъ. Она тотчасъ узнала письмо Нерадовича.—Какъ вы думаете, судъ повѣритъ, что вы прекратили съ тайнымъ обществомъ всякія сношенія?

Надя и не думала отрицать, что письмо было ею получено. На то она была слишкомъ горда.

— Письмо это украли у меня въ комнатѣ,—сказала она презрительно.—Хороши средства, къ которымъ вы прибѣгаете! Хотѣла бы я знать, какъ оно попало къ вамъ?

— Могу васъ увѣрить, что попало совершенно случайно, и еслибъ я такъ старался о вашемъ обвиненіи. я бы, конечно, не былъ теперь у васъ. Я вамъ не врагъ, Надя. Я одинъ могу и желаю спасти васъ.

Онъ сказалъ это съ грустнымъ, почти нѣжнымъ укоромъ. Но молодую дѣвушку покоробило именно отъ этого оттѣнка нѣжности гораздо болѣе, чѣмъ ото всѣхъ ужасовъ предстоявшаго ей суда.

— Есть одно только средство, чтобы спасти васъ, средство незаконное, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ.—Возвратить вамъ свободу можно только уничтоживъ всѣ эти бумаги и прекративъ начатое слѣдствіе. А Нерадовича я заставлю молчать. Но сдѣлать это я могу только съ личною опасностью для себя, такъ какъ показаніе это прочелъ не я одинъ...

— Съ опасностью для васъ? — холодно и недовѣрчиво возразила она:—и вы хотите, чтобъ я повѣрила въ вашу готовность принести для меня жертву?

— Да. Какъ бы страннымъ вамъ это ни казалось. Вы не можете скрыться отсюда такъ, чтобы никто про это не зналъ. Пойдутъ разспросы, съ какой стати я освободилъ васъ, не смотря на имѣющіяся улики — и я, однако, готовъ это сдѣлать, Надя...

— Я не вѣрю въ безкорыстіе такой жертвы,—насмѣшливо вставила она.

— Я и не думаю принести ее даромъ!

Говоря это, онъ почувствовалъ какъ на лбу его выступили капли холоднаго пота. Съ самаго начала своего длиннаго разговора съ Надей Боровской точно боялся высказать то слово, къ которому и клонился весь этотъ разговоръ. Но теперь уже медлить и отступать было нельзя.

— Неужели вы не видите, что мнѣ дѣла нѣтъ до того, виновны вы или нѣтъ?

Надя не поняла и теперь. Она чувствовала только, что ей нечего ожидать помощи отъ этого человѣка, и тупое отчаяніе медленно подступало къ ней.

— Я готовъ для васъ нарушить законъ, — горячо продолжалъ онъ, — и не потому, что васъ обвиняютъ напрасно, а потому, что я люблю васъ. Вы отказали мнѣ, помните, Надя, обидно и презрительно отказали, когда я просилъ васъ стать моею женой, а теперь — онъ на мигъ запнулся—я хочу, понимаете ли, хочу, чтобы вы были моею.

Съ этой минуты, когда рѣшительное слово было сказано, онъ уже не останавливался, не боялся ея. Одно только чувство жило въ немъ теперь,—твердая, непреклонная воля овладѣть ею. Красныя пятна выступили на его блѣдныхъ щекахъ. Сѣрые холодные глаза горѣли непривычнымъ блескомъ.

— Судьба ваша зависитъ отъ васъ самихъ. Скажите одно слово, и вы сегодня же уйдете изъ этого дома, и слѣда не останется отъ доноса Нерадовича.

Надя такъ была поражена неожиданностью этого страннаго объясненія въ любви, что не нашла отвѣта. Языкъ не повиновался ей. Она стояла передъ Боровскимъ нѣмая отъ гнѣва и изумленія.

— Я знаю очень хорошо,—продолжалъ онъ съ какою-то горькою злостью,—что въ вашихъ глазахъ я кажусь отвратительнымъ и можетъ быть смѣшнымъ.

Любви требовать нельзя, да я и не прошу объ ней. Случай мнѣ доставилъ власть надъ вами, и я пользуюсь этимъ случаемъ. Довольно я настрадался изъ-за васъ.

Нерадовичъ...—это вѣдь то же, что говорилъ вчера Нерадовичъ! —почти безсознательно, ломая себѣ руки, прошептала она въ отвѣтъ.

Но онъ уже раскаялся въ своихъ жестокихъ словахъ. Приливъ нѣжности и состраданія къ ней вдругъ охватилъ его и отозвался въ его сердцѣ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ.

— Простите меня,—Надя, забудьте, что я сказалъ сейчасъ, вырвалось у него, и лицо его мгновенно преобразилось отъ мучительнаго сознанія, что никакія мольбы съ его стороны не вызовутъ въ ней ни малѣйшаго отклика.—Я люблю васъ горько, отчаянно.

— Любите,—воскликнула она,—и предлагаете этотъ отвратительный торгъ! Хотите, чтобъ я купила себѣ свободу, сдѣлавшись вашею........ Неужели вы не сознаете, какъ это гадко...

Она закрыла лицо руками, какъ бы затѣмъ, чтобы не дать волю слезамъ, навернувшимся въ ея глазахъ. Страстныя, нѣжныя его слова вызывали въ ней еще болѣе отвращенія, нежели всѣ его угрозы.

Въ немъ разомъ совершился переломъ. Онъ самъ вдругъ устыдился предложеннаго имъ торга, и любовь къ ней восторжествовала надо всѣмъ остальнымъ.

— Вы меня не поняли!—воскликнулъ онъ. — Какъ могли вы придать такой смыслъ тому, что я сказалъ. Я предлагаю вамъ отсюда выйти моею невѣстой. Прошу одного—дать мнѣ теперь же ваше слово...

Несчастный воображалъ, что однимъ этимъ онъ искупитъ нанесенное ей оскорбленіе. Стыдъ передъ ней заставилъ его позабыть, что такъ недавно еще, въ это же утро, онъ не допускалъ и мысли о такой женитьбѣ. Теперь онъ съ готовностью приносилъ ей эту жертву, вполнѣ увѣренный, что она оцѣнитъ благородство такого поступка.

— Я не хочу знать про послѣдствія, самодовольно хвалился онъ передъ нею своимъ великодушіемъ,—пусть судятъ обо мнѣ какъ хотятъ, лишь бы вы, Надя, послѣ, когда-нибудь, поняли и оцѣнили.

Молодая дѣвушка теперь снова владѣла собой. Она отняла руки отъ лица, и большіе ея глубокіе глаза, въ которыхъ уже не было слезъ, глядѣли на него съ неумолимымъ презрѣніемъ.

— Понять и оцѣнить все благородство приносимой вами жертвы!—это вы хотѣли сказать, Боровской? — Она говорила тихо, но такъ отчетливо, что слова ея, какъ звукъ струны, долго звенѣли въ его ушахъ.—Такъ знайте же, что я во сто разъ предпочитаю тюрьму и судъ, да и можетъ быть ссылку въ придачу, позору стать вашею женой! Теперь, послѣ того, что вы посмѣли мнѣ сказать!..

Боровской стоялъ передъ ней какъ осужденный.

— Вы думаете, я не поняла,—съ горькой насмѣшкой продолжала она,—что это предложеніе вы мнѣ сдѣлали въ послѣднюю минуту, рѣшась на него, какъ на отчаянное средство. Жалкій вы, низкій человѣкъ!.. Вы хотите, чтобъ я стала вашею женой изъ-за страха. Хорошее бы я вамъ принесла счастье. Да какъ могли вы, хоть на минуту усомниться въ моемъ отвѣтѣ, вы — такой умный въ добавокъ? Я отдала свою жизнь Дмитрію Корецкому, и возможна она для меня только съ нимъ— знайте это. Да неужели вы не видите, что разлука съ нимъ вотъ истинное, грозное горе, передъ которымъ ничего не значатъ всѣ ваши ужасы. А вы мнѣ предлагаете свободу, чтобъ быть вашею... женой, — да на что она мнѣ, эта свобода, съ вами-то?!

Для Боровского всѣ ея обидныя слова стушевались передъ однимъ—передъ любовью ея къ Дмитрію, которую молодая дѣвушка прямо ему бросила въ лицо съ какимъ-то торжествомъ. Въ этомъ была вся ея сила, а въ Боровскомъ одно напоминаніе объ этой любви вызывало самую бѣшеную злобу. Онъ бы вынесъ оскорбительный отказъ, но этого онъ вынести не могъ.

— Хорошо,—процѣдилъ онъ, стиснувъ зубы,—оставайтесь ему вѣрны. Увидимъ, много ли поможетъ вамъ заступничество господина Корецкаго. Да и самъ онъ будетъ ли вѣчно оплакивать васъ, когда вамъ придется жить за нѣсколько тысячъ верстъ отъ него. Посмотримъ, какъ онъ за вами поѣдетъ въ Сибирь!

Онъ съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ подыскалъ эту послѣднюю, брошенную ей насмѣшку и, отвернувшись отъ нея, поспѣшилъ выйти.

Въ тотъ же день былъ отданъ приказъ о переводѣ Нади Ольшевской въ арестантское помѣщеніе, и слѣдствіе о ней получило обычный ходъ. Боровской не забылъ приложить къ дѣлу и записку Нерадовича.

XIII.

Прошла цѣлая недѣля послѣ арестованія Нади. Молодую дѣвушку перевели въ одну изъ камеръ полицейской тюрьмы уже на слѣдующій день послѣ ея объясненія съ Боровскимъ. Слѣдствіе повели быстро и энергично. Ее допрашивали нѣсколько разъ подрядъ, все добиваясь отъ нея новыхъ признаній. Но молодая дѣвушка стояла на своемъ, ничего не прибавляя къ тому, что сказала въ первый разъ. Допросы становились все суровѣе; все настойчивѣе угрожали ей послѣдствіями ея запирательства. Наконецъ, послѣ трехъ четырехъ дней, Надю оставили въ покоѣ, и ее окружила та страшная тишина, та полная отрѣшенность отъ живого міра, которая хуже всякой угрозы и всякаго притѣсненія. А между тѣмъ слѣдствіе все разрасталось, вплетая въ общую сѣть всѣхъ случайно захваченныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ были и вовсе не знавшіе другъ друга. Всѣмъ ходомъ дѣла руководилъ Боровской, хоть прямого участія въ немъ онъ, какъ будто, и не принималъ: за всю эту недѣлю Надя да и остальные арестанты не видали его ни разу.

Дмитрій, пріѣхавшій въ субботу вечеромъ, тотчасъ отправился въ домъ Сергѣя Петровича и узналъ тамъ отъ слугъ всѣ подробности обыска и ареста. Анисья передала ему и оставшееся неоконченнымъ письмо, за которымъ Надю засталъ Нерадовичъ. Та минута, когда онъ прочелъ ея наскоро набросанныя, горячія строки, прерванныя на полусловѣ, была, можетъ быть, самою горькою, самою жгучею во всей его жизни. И именно то, что она не дописала ихъ, что рѣзкій поворотъ въ ея жизни захватилъ ее такъ неожиданно на живомъ выраженіи ея любви къ нему, и потомъ круто увлекъ ее, не давъ ей даже высказаться, — это-то и казалось всего больнѣе и горестнѣе. Неконченное письмо говорило живѣе, чѣмъ могла бы говорить сама она; какъ нѣмой, но краснорѣчивый свидѣтель, оно ярко освѣщало передъ Дмитріемъ тотъ мигъ, когда такъ неожиданно и жестоко надломилась ея молодая жизнь.

Въ воскресенье онъ перебывалъ у всѣхъ властей, отъ которыхъ надѣялся получить позволеніе видѣться съ нею, или хотя бы добиться свѣдѣній. Но вездѣ онъ встрѣчалъ либо прямой отказъ, либо невозможность получить хотя какой-нибудь отвѣтъ. Главнаго начальника края не было въ городѣ. Жандармскій генералъ Дмитрія не принялъ. Присутственныя мѣста по случаю праздника были заперты. Въ полиціи, для которой воскресеній почти нѣтъ, Дмитрій наткнулся на цѣлую стѣну формальныхъ препятствій. Офиціальный міръ стоялъ передъ нимъ, какъ заколдованный лѣсъ. Онъ заѣзжалъ и къ Боровскому, не засталъ его дома и, разумѣется, карточки своей не оставилъ: Дмитрій понималъ очень хорошо, что отъ Николая Осиповича онъ можетъ добиться толку, лишь захвативъ его врасплохъ.

Утромъ въ понедѣльникъ Николай Осиповичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ офиціальномъ кабинетѣ въ судѣ. Онъ только-что отпустилъ заходившаго къ нему товарища прокурора и погрузился въ чтеніе обвинительнаго акта по дѣлу о какомъ-то зага-

дочномъ убійствѣ. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ, той самой, гдѣ Надя ровно за двѣ недѣли передъ тѣмъ тщетно прождала Боровского, послышались чьи-то крупные, быстрые шаги и чей-то голосъ громко спросилъ: „Николай Осиповичъ Боровской здѣсь?“ Оторопѣвшій секретарь едва успѣлъ что-то отвѣтить, какъ дверь въ кабинетъ растворилась и Боровской увидѣлъ передъ собою входившаго Дмитрія. Онъ тотчасъ всталъ и облокотился на столъ. Боровской не успѣлъ скрыть непріятно-жуткаго ощущенія, произведеннаго неожиданнымъ посѣтителемъ. Мускулы его лица слегка задрожали, и голосъ прозвучалъ очень неровно, когда онъ заговорилъ, стараясь вернуть себѣ невозмутимую судейскую осанку.

— Извините меня, Дмитрій Алексѣевичъ, я теперь очень занятъ... Вамъ, конечно, сказали...

Боровской почувствовалъ самъ, что слова его вовсе не имѣли того сокрушающаго холоднаго величія, которое онъ такъ хорошо умѣлъ пускать въ ходъ съ докучавшими ему просителями. Было ли то сознаніе вины или какой-то неопредѣленный страхъ передъ Дмитріемъ, только всегда присущее Николаю Осиповичу сознаніе превосходства на этотъ разъ ему измѣнило.

Дмитрій отвѣтилъ ему спокойно, какъ будто то дѣло, за которымъ онъ явился, не выходило изъ ряда обыкновенныхъ. Какъ ни трудно ему было сдерживаться предъ человѣкомъ, отъ котораго зависѣла вся судьба Нади, приступая къ объясненію съ нимъ, онъ хотѣлъ избѣгнуть всего раздражающаго.

— Можетъ быть,—сказалъ онъ,—я и нарушаю теперь установленныя здѣсь правила, но бываютъ случаи настолько важные, что для нихъ можно поступиться даже формальностями, и потому, надѣюсь, и вы, Николай Осиповичъ, меня извините.

Боровской молча указалъ Дмитрію на кожаный стулъ и тоже опустился въ свое кресло. Онъ не могъ отрѣшиться отъ какой-то совершенно непривычной ему робости. Руки они другъ другу не протянули. Оба чув-

ствовали, что, несмотря ни на какія старанія соблюдать внѣшнюю учтивость, между ними лежитъ глубокая взаимная вражда и рано или поздно непремѣнно выйдетъ наружу.

— Моя родственница, Надежда Сергѣевна Ольшевская, — началъ опять Дмитрій, занявъ предложенное ему мѣсто,—была арестована здѣсь ровно девять дней назадъ. Онъ проговорилъ это смотря въ упоръ на Боровского и отчеканивая каждое слово. Тотъ слегка только двинулъ бровями, какъ бы приглашая Дмитрія продолжать.—Вы этого, по крайней мѣрѣ, не отрицаете,—заключилъ Дмитрій изъ молчанія Боровского.

— Я васъ только слушаю,—счелъ долгомъ вставить Николай Осиповичъ.

— И вы не откажетесь, конечно, объяснить мнѣ—по какому поводу это было сдѣлано и какимъ образомъ до сихъ поръ Надежда Сергѣевна не освобождена?

Боровского такъ и подмывало отвѣтить дерзостью на этотъ допросъ. Но пристальный взглядъ устремленныхъ на него глазъ Дмитрія и продолжавшееся сознаніе неловкости своего положенія принудило его къ умѣренности.

— Позвольте мнѣ отвѣтить вамъ инымъ вопросомъ: извѣстны вамъ обстоятельства, при которыхъ г-жа Ольшевская была задержана?

— Извѣстны, да...

— Въ такомъ случаѣ, вы должны себѣ объяснить, что присутствіе Нерадовича въ домѣ вашей кузины и сдѣланный имъ оговоръ служатъ достаточнымъ поводомъ...

— Я и не обвиняю полицейскихъ,—живо перебилъ его Дмитрій,—но я не могу понять, какъ сдѣланная ошибка не была тотчасъ исправлена?...

— Вы говорите про какую-то ошибку,—сказалъ Боровской, стараясь казаться удивленнымъ;—вамъ неизвѣстно, должно быть, какое показаніе далъ Нерадовичъ насчетъ вашей... родственницы.

Онъ подчеркнулъ это послѣднее слово.

Дмитрія такъ и передернуло, и онъ сдерживался лишь величайшими усиліями воли. Но прежде всего надо было узнать какъ можно болѣе подробностей о ходѣ дѣла и о положеніи Нади, а для этого слѣдовало выслушать Боровского спокойно. Николай Осиповичъ на вопросъ Дмитрія отвѣтилъ довольно обстоятельнымъ разсказомъ. Онъ признавалъ, что Дмитрій имѣетъ право знать о судьбѣ молодой дѣвушки, а можетъ быть къ этому примѣшивалось и нѣкоторое смутное удовольствіе отъ сознанія тѣхъ мученій, которыя разсказъ этотъ причиняетъ сопернику.

— И, стало быть, оговоръ такого негодяя, какъ Нерадовичъ, вотъ и все?!—воскликнулъ Дмитрій.

— Вы забываете,—перебилъ его Боровской злобно улыбаясь,—что этого негодяя застали вдвоемъ съ вашею кузиной, а это несомнѣнно указываетъ на нѣкоторую близость.

Дмитрій вспыхнулъ.

— Не смѣйте касаться ея ни единымъ словомъ,—проговорилъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

Боровской медленно поднялся съ креселъ и проговорилъ съ достоинствомъ:

— Я думаю, г. Корецкій, вы получили отъ меня теперь всѣ желаемыя свѣдѣнія, и потому разговоръ нашъ, такъ сказать, уже не имѣетъ предмета...

— Какъ! и вы думаете, я этимъ удовлетворюсь? Я васъ выслушалъ и теперь прошу васъ объяснить мнѣ, какимъ образомъ вы, знающій семейство наше и Надежду Сергѣевну, могли не прекратить до сихъ поръ этого возмутительнаго дѣла?

Теперь и лицо Боровского загорѣлось отъ волненія. Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но Дмитрій остановилъ его.

— Постойте, дайте мнѣ договорить. Вы не станете отрицать, что отъ васъ зависѣло повернуть это дѣло въ ту или другую сторону. Вы знали, хорошо знали, что Надя Ольшевская не можетъ быть участницей какого-нибудь заговора. За это ручается вамъ хотя бы

личность моей матери. И если вы все это знали и все-таки не возвратили ей свободу, вы, стало быть, а никто иной, хотѣли впутать ее въ уголовное дѣло!

Оба они стояли теперь одинъ противъ другого, только узкій письменный столъ раздѣлялъ ихъ.

— Вамъ угодно, г. Корецкій,—съ притворнымъ спокойствіемъ возразилъ Боровской, — искать какого-то умысла въ простомъ исполненіи закона? Или вы, можетъ быть думаете, что вашей... кузинѣ должно быть оказано особое снисхожденіе?

Эта наглая иронія взорвала Дмитрія.

— Зачѣмъ,—воскликнулъ онъ, — прибѣгаете вы къ этимъ недостойнымъ уверткамъ? Законъ, на который вы ссылаетесь, это въ вашихъ рукахъ неровные, обманные вѣсы! Скажите лучше прямо, что вы захотѣли потѣшить себя презрѣнною местью къ безпомощной женщинѣ.

— Извольте выйти отсюда,—съ засверкавшими глазами проговорилъ Боровской,—я не стану долѣе...

И рука его протянулась къ стоявшему на столѣ звонку. Но онъ не успѣлъ схватить его: Дмитрій крѣпко сжалъ кисть его руки и дрожащимъ голосомъ перебилъ его:

— Не давайте себѣ труда звонить. Я не уйду отсюда, пока не добьюсь отъ васъ отвѣта. Отпустите ли вы Надю Ольшевскую на поруки моей матери? да, или нѣтъ?

— Никакихъ объясненій болѣе я вамъ давать не стану. Если вы хотите, чтобы для г-жи Ольшевской было сдѣлано исключеніе, обратитесь къ главному начальнику края.

— Не безпокойтесь, я добьюсь настоящаго правосудія. Но въ одномъ и вы не имѣете права отказать. Потрудитесь мнѣ дать разрѣшеніе видѣться съ Надеждой Сергѣевной.

— Въ качествѣ двоюроднаго брата?—попробовалъ усмѣхнуться Боровской.

— Въ качествѣ ея жениха. Свиданіе съ близкими законъ разрѣшаетъ и преступникамъ.

Боровской промолчалъ нѣсколько секундъ, какъ бы наслаждаясь тѣмъ, что врагъ его вынужденъ просить у него милости тотчасъ послѣ рѣзкаго объясненія.

— Свиданіе съ родственниками, проговорилъ онъ мѣрно, — намъ разрѣшено допускать по нашему усмотрѣнію, и въ настоящемъ случаѣ я нахожу неудобнымъ, чтобъ обвиняемая Надежда Ольшевская имѣла какія-либо сношенія съ посторонними лицами. Этого требуетъ правильный ходъ слѣдствія.

Негодованіе могучимъ наплывомъ охватило Дмитрія. Ему вдругъ ярко припомнилось, какъ стоявшій передъ нимъ человѣкъ бывалъ въ Бѣлыхъ Столбахъ на правахъ друга дома, какъ онъ добивался руки той самой дѣвушки, которую теперь онъ преслѣдовалъ во имя лицемѣрнаго правосудія.

— И вы не стыдитесь своихъ словъ! Вы, хорошо знающій всю нелѣпость обвиненія Нади, вы, чуть не ставшій ея женихомъ...

Это напоминаніе еще болѣе растравило болѣзненную, все еще неудовлетворенную злобу Боровского.

— Въ моей должности,—сказалъ онъ,—я не могу обращать вниманія на какія-то права знакомства. Надежда Сергѣевна для меня такая же обвиняемая, какъ всѣ прочіе. Очень сожалѣю, что она вдобавокъ ваша невѣста.

Онъ пожалъ плечами и разсмѣялся. Это было уже слишкомъ.

— Негодяй!—воскликнулъ Дмитрій, и перчаткой, которую держалъ въ лѣвой рукѣ, онъ хлеснулъ по щекѣ Боровского.

Блѣдное лицо Николая Осиповича поблѣднѣло еще болѣе. Первымъ, непроизвольнымъ движеніемъ его было броситься на своего противника, но онъ тотчасъ остановился. Должно быть казенная обстановка комнаты, да и самый мундиръ, въ который онъ былъ об-

леченъ, мигомъ отрезвили и удержали его, живо напомнивъ о холодномъ величіи судейскаго сана.

— Я отплачу вамъ за это,—прошипѣлъ онъ, ударяя рукой по столу.

Но и съ Дмитріемъ произошла перемѣна. Чувство нестерпимой, мучительной боли и горячей ненависти нашло исходъ въ смертельномъ оскорбленіи противнику, но вслѣдъ затѣмъ сознаніе вернулось и подсказало ему, что онъ долженъ искать не удовлетворенія своей вражды и что Надѣ не поможетъ насиліе надъ Боровскимъ.

— Вотъ мой адресъ,—бросилъ онъ на столъ визитную карточку, на которой было названіе гостиницы, гдѣ онъ остановился.—Я буду ожидать вашего секунданта.

Дмитрій поспѣшилъ въ домъ главнаго начальника края, но ему сказали, что генералъ еще не вернулся изъ своей поѣздки и возвращенія его ожидаютъ лишь чрезъ три дня, въ четвергъ. Три дня! Лишнихъ три дня неизвѣстности для себя и страданій для Нади! Дмитрій почему-то твердо вѣрилъ, что стоитъ ему переговорить съ генераломъ и тотчасъ все разъяснится. Онъ увлекался этою надеждой, какъ мальчикъ. Горе постигло его такъ быстро и неожиданно, что онъ все еще не могъ въ него повѣрить. Люди рѣдко сразу признаютъ безповоротность своей судьбы. Всѣ они нѣсколько походятъ на больныхъ, не допускающихъ, что ихъ нельзя вылѣчить. И Дмитрій упорно цѣплялся за свою надежду, и благодаря ей, можетъ быть, срокъ ожиданія принималъ для него невѣроятно мучительные размѣры. Онъ тянулся передъ нимъ какъ степь, которой не видно конца. А тѣмъ временемъ Дмитрій поочередно обивалъ пороги у всѣхъ городскихъ властей. Его настойчивости удалось-таки добиться личнаго свиданія со всѣми, отъ кого могла прямо или косвенно зависѣть участь Нади. Его выслушивали съ тою уклончивою вѣжливостью, на которую такъ тороваты оффиціальныя лица, желающія прослыть современными по деликатности обращенія, а такихъ у насъ завелось много и въ провинціи. Обѣщали

разузнать, сдѣлать, что можно, но затѣмъ, послѣ болѣе настойчивыхъ просьбъ, тонъ слегка измѣнялся и получалъ уже оттѣнокъ нетерпѣливаго изумленія. Дмитрій стоялъ передъ своею задачей, какъ передъ секретнымъ замкомъ, который никакъ не поддается, пока не отыскана настоящая пружина. А пружиной этою и не могъ быть никто кромѣ главнаго начальника края.

Наконецъ четвергъ наступилъ, и генералъ, всегда аккуратный, въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ, но уже довольно поздно, такъ что о пріемѣ у него нечего было и думать. Въ пятницу, утромъ, Дмитрію объяснили, что генералъ въ этотъ день не принимаетъ никого, такъ какъ у него должна собраться коммиссія и ждутъ самого архіерея. Дмитрія стало разбирать какое-то ожесточенное, злое нетерпѣніе. Но до развязки было не далеко. На слѣдующее утро, когда онъ собирался уже ѣхать къ начальнику края, въ его гостиницу явился жандармъ, объявившій, что генералъ его немедленно требуетъ къ себѣ. Дмитрій поспѣшилъ туда почти обрадовавшись, хоть онъ въ то же время и не могъ скрыть отъ себя, что вызовъ его не предвѣщалъ ничего особенно хорошаго.

Въ пріемной было уже нѣсколько просителей, должно быть изъ неважныхъ, судя по ихъ скромной одеждѣ и по еще болѣе скромной манерѣ сидѣть и держаться. Посреди комнаты маленькій чиновникъ, въ вицъ-мундирѣ съ иголочки и съ артистическимъ проборомъ чрезъ всю голову, о чемъ-то живо и въ полголоса разговаривалъ съ высокимъ военнымъ господиномъ, у котораго на мундирѣ былъ аксельбантъ. Оба они, при входѣ Дмитрія мгновенно замолчали и устремили на него испытующіе, неблагосклонные взгляды. Дмитрій счелъ долгомъ подойти къ нимъ и объяснилъ военному съ аксельбантомъ, что вызванъ самимъ генераломъ. Недоумѣвающая строгость на лицахъ у обоихъ еще усилилась.

— Его высокопревосходительство занятъ,—объявилъ военный, причемъ поигралъ лорнетомъ и покачнулся на каблукахъ.

— Потрудитесь подождать,—сухо прибавилъ статскій, можетъ быть недовольный тѣмъ, что обратились не къ нему.

Дмитрій отошелъ къ окну. Адъютантъ и чиновникъ опять зашушукались, но должно быть разговоръ такъ увлекъ ихъ, что они стали уже недостаточно понижать голосъ; нѣсколько словъ долетѣли до Дмитрія.

— Могу васъ увѣрить, настоящая прелесть,—усмѣхался чиновникъ, причемъ даже прищелкнулъ двумя пальцами, — шестнадцать лѣтъ и такіе чудные глаза...

— Право?—скептически улыбнулся военный, и зрачки его стали совершенно масляные.—Какой вы, однако...

Чиновникъ самодовольно повелъ плечами. Но вотъ растворилась дверь въ кабинетъ, и оба мгновенно стихли. Изъ дверей вышелъ толстый господинъ съ усами и съ Анненскою звѣздой на фракѣ, раскланиваясь съ оставшимся на порогѣ генераломъ.

— Итакъ, я буду надѣяться, ваше высокопревосходительство,—сказалъ онъ, откланиваясь и крупными шагами направился къ выходу, разваливаясь и стуча по паркету. Незачѣмъ было даже глядѣть на его лицо, чтобъ убѣдиться въ его отличномъ расположеніи духа; такъ ходятъ и стучатъ только тѣ, чья просьба удовлетворена начальствомъ вполнѣ.

— Г. Корецкій здѣсь?—спросилъ генералъ у адъютанта.

Тотъ хотѣлъ было уже обратиться къ Дмитрію внушительно и строго, но услыхавъ свою фамилію, Дмитрій его предупредилъ.

— Я Корецкій,—сказалъ онъ, подходя къ генералу.

Начальникъ края слегка кивнулъ ему головой и, позвавъ его въ кабинетъ, бережно заперъ за нимъ двери. Потомъ онъ медленно и какъ бы задумчиво подошелъ къ большому письменному столу и, опершись на него лѣвою рукой, заговорилъ стоя.

— Я вызвалъ васъ къ себѣ, молодой человѣкъ—въ его тонѣ была какая-то отеческая строгость—чтобы

дать вамъ маленькое наставленіе, которое, надѣюсь, вамъ принесетъ пользу. Генералъ кашлянулъ и поправилъ у себя лѣвый погонъ.—Вы человѣкъ образованный, изъ хорошей фамиліи, и должны бы подавать примѣръ другимъ, а между тѣмъ до меня дошло, что вы себя компрометируете сношеніями съ людьми заподозрѣнными. Съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, вы покоя не даете никому съ вашими просьбами насчетъ какой-то арестантки по политическому дѣлу. Вы позволили себѣ быть дерзкимъ съ господиномъ прокуроромъ. По тону, съ какимъ были сказаны эти послѣднія слова, можно было заключить, что генералъ не особенно жалуетъ Боровского.—Такъ себя вести нельзя, и мнѣ жаль, что приходится это говорить такому человѣку, какъ вы.

Дмитрій молча выслушалъ эту нотацію, хотя въ вискахъ его сильно стучала кровь. Генерала раздражать не слѣдовало ни подъ какимъ видомъ.

— Но извѣстны ли вамъ всѣ подробности?—дрожащимъ голосомъ заговорилъ Дмитрій, когда генералъ кончилъ.

Начальникъ края сдѣлалъ слегка нетерпѣливое движеніе рукой, какъ бы въ знакъ того, что ни малѣйшая подробность отъ него ускользнуть не можетъ.

— Знаете ли вы, что это молодая дѣвушка—моя невѣста?

— Тѣмъ хуже, молодой человѣкъ, и ваше признаніе можетъ только подтвердить тѣ подозрѣнія, которыя мнѣ высказывали на вашъ счетъ. Совѣтую вамъ поскорѣе бросить это. Вы должны понять, что это одно сумасбродство.

Дмитрій и на этотъ разъ осилилъ свое волненіе.

— Разрѣшите мнѣ, ваше высокопревосходительство,—сказалъ онъ тихо,—со своей стороны дополнить ваши офиціальныя свѣдѣнія.

Генералъ выразилъ согласіе кивкомъ головы. Дмитрій нѣсколько дней приготовлялся къ этому объясненію, на которомъ были сосредоточены всѣ его на-

дежды. Теперь, когда ему пришлось говорить, онъ повелъ свой разсказъ съ какою-то лихорадочною тревогой; слова выходили безсвязно и поспѣшно, и волненіе его все усиливалось отъ сознанія, что своею тревогой онъ портитъ все дѣло. Онъ безпрестанно повторялся, силясь во что бы то ни стало, убѣдить генерала въ правотѣ Нади. Когда онъ дошелъ до арестованія Нади, воспоминаніе о поступкѣ Боровского такъ увлекло и возмутило его, что онъ не въ силахъ былъ удержать гнѣвныя слова, сорвавшіяся у него съ языка.

Генералъ его тотчасъ остановилъ. Онъ сознавалъ искренность такъ и звучавшую въ голосѣ Дмитрія, но сила привычки не дала ему отрѣшиться отъ принятой офиціальной точки зрѣнія и разомъ перемѣнить свой взглядъ на дѣло. Слишкомъ ужъ часто ему приходилось слышать подобныя жалобы. Въ его глазахъ Надя была все-таки не что иное, какъ арестантка, противъ которой имѣлись сильныя улики, и всѣ попытки оправдать ее, выдвинуть изъ этой установленной рамки, должны были встрѣтить разъ навсегда укоренившееся недовѣріе. Вдобавокъ нельзя же было допустить, чтобы въ его присутствіи, передъ начальникомъ края, такъ рѣзко отзывались объ одномъ изъ главныхъ представителей той же офиціальной власти.

— Я не могу вамъ позволить такъ выражаться насчетъ г. Боровского,—строго оборвалъ онъ Дмитрія.— Вы и безъ того разъ уже забылись, когда, явившись въ судъ, непочтительно отнеслись къ такому лицу, какъ господинъ прокуроръ.

— Непочтительно! — воскликнулъ Дмитрій,—только непочтительно? и онъ почти разсмѣялся.—Жалуясь на меня, г. Боровской не упомянулъ, стало быть, о томъ, чѣмъ закончилась наша бесѣда.

Боровской не счелъ нужнымъ сообщить генералу про нанесенное ему оскорбленіе: о пощечинѣ, данной безъ свидѣтелей, слѣдовало благоразумно умолчать.

— Вы, кажется, еще хвастаетесь своею дерзостью,—

строго возразилъ генералъ: — это не дѣлаетъ вамъ чести, и я вижу, что напрасно отнесся къ вамъ съ такою снисходительностью.

Когда Боровской довелъ до свѣдѣнія начальника края о своемъ столкновеніи съ Дмитріемъ, онъ представилъ его человѣкомъ опаснымъ, котораго слѣдовало привлечь къ дѣлу, какъ несомнѣннаго хоть и косвеннаго участника въ преступной пропагандѣ. Но генералъ, всегда осмотрительный, не поддался навѣту. Онъ тотчасъ заподозрилъ горячность обвиненія Боровского и снесся по телеграфу съ мѣстными властями С... губерніи. Отвѣтъ былъ полученъ неблагопріятный, хоть и уклончивый. Губернаторъ отозвался о Дмитріи, какъ о человѣкѣ безпокойномъ и неблагонадежномъ, но пока ни въ чемъ прямо не замѣшанномъ. Несмотря на такой отзывъ, генералъ не рѣшился на принятіе крутыхъ мѣръ противъ Дмитрія. По его мнѣнію, слѣдовало ограничиться удаленіемъ Дмитрія изъ О....

— Я ожидалъ возвращенія вашего высокопревосходительства,— снова заговорилъ Дмитрій, — съ твердою надеждой на вашу справедливость. Я глубоко убѣжденъ, что вы всмотритесь въ дѣло глубже; не ограничитесь одною формальною стороной. Если вы не можете теперь же снизойти къ моей просьбѣ, дозвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, повидаться съ моею невѣстой.

— Объ этомъ и рѣчи не можетъ быть,—рѣшительно отвѣтилъ генералъ.—Я не только не допущу свиданій между вами и арестованными лицами, но объявляю вамъ, что сегодня же вы должны выѣхать отсюда. Если вы станете выказывать упорство, вы сами можете подвергнуться обвиненію.

— За себя, ваше превосходительство, я не боюсь и не прошу.

— Довольно, г. Корецкій, не настаивайте. Вы должны благодарить меня за то. что я васъ отпускаю отсюда. Дозволяю вамъ выѣхать, куда вамъ угодно. Я дѣлаю это изъ уваженія къ памяти вашего батюшки, котораго

зналъ съ хорошей стороны. Мнѣ не хочется вѣрить, чтобы вы могли оказаться на сторонѣ злоумышленниковъ, а насчетъ той особы, за которую вы просите, вы можете быть увѣрены, что къ дѣлу ея отнесутся съ полнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ.

Дмитрій хотѣлъ возразить, но стѣнные часы въ кабинетѣ пробили одиннадцать.

— Ни слова болѣе, г. Корецкій! Поздно. Я долженъ васъ отпустить.

Генералъ позвонилъ, и въ кабинетъ тотчасъ вошелъ адъютантъ.

— Я принимать сегодня просителей уже не буду,— обратился къ нему генералъ, и движеніемъ головы далъ понять Дмитрію, что аудіенція кончена.—Большой у васъ докладъ?

Адъютантъ сталъ поспѣшно доставать бумаги изъ портфеля, и Дмитрій, волей-не-волей, долженъ былъ оставить кабинетъ начальника края.

Съ вечернимъ поѣздомъ онъ пустился въ обратный путь, въ опостылѣвшіе ему теперь Бѣлые Столбы.

XIV.

Въ первые дни своего заключенія Надя впала въ совершенно тупое отчаяніе. Послѣ своей тяжелой сцены съ Боровскимъ она поняла, что погибла безвозвратно. Всѣ ея надежды оборвались разомъ и тѣмъ полнѣе чѣмъ рѣшительнѣе она была сперва убѣждена въ томъ, что ее освободятъ немедленно. Впереди былъ одинъ мракъ, все густѣвшій, безысходный мракъ. Надя и не боролась съ этимъ подступавшимъ къ ней ощущеніемъ, она словно закрыла глаза передъ своею будущностью, какъ это дѣлаютъ иногда люди въ темнотѣ. Да передъ ней и не было будущаго, а лишь безконечное ужасное настоящее, въ которомъ каждый день совершенно похожъ на предшедшій. Она отдалась теченію, какъ уто-

пающій, котораго силы начинают покидать. Когда ее допрашивали, Надя отвѣчала коротко и равнодушно, не стараясь даже защищаться. Ей просто не хотѣлось вѣрить въ самую возможность защиты, чтобы загасить въ себѣ всякую искру надежды. Зачѣмъ ей было воскрешать напрасныя, неосуществимыя ожиданія? Лучше застыть въ полномъ безчувствіи, забыться, умереть душей, совсѣмъ даже перестать мыслить и вспоминать. О, еслибы возможно было стереть всякую память о прошломъ и для мысли создать тюрьму, въ которой бы укрыться ей отъ дневного свѣта! Страннымъ образомъ она даже перестала думать о Бѣлыхъ Столбахъ и о самомъ Дмитріи. Надя силилась убить образы прошлаго. Она знала, что стоитъ имъ передъ нею явиться—и сердце ея откликнется нестерпимою, ноющею болью. А ей прежде всего не хотѣлось страдать. Да и къ чему страдать? Въ страданіи есть все-таки борьба, усиліе стряхнуть съ себя тяжесть. А ей усилія помочь не могутъ. Перемѣнъ для нея уже не будетъ никакихъ. И вся ея воля напряглась къ тому, чтобы совершить это самоубійство.

Но долго такъ продолжаться не могло. Взрывъ долженъ былъ произойти—и въ самомъ дѣлѣ произошелъ чрезъ нѣсколько дней. Мысль и волю задушить не легко. Оторваться отъ времени, восторжествовать надъ нимъ живое существо не въ силахъ: время всегда побѣдитъ своимъ безконечнымъ терпѣніемъ. Оно все растетъ и растетъ, и всякій оторванный отъ него клочекъ показываетъ лишь, какъ велика неизмѣримая даль цѣлаго. Смирившаяся воля рано или поздно возстаетъ противъ его безжалостнаго гнета и хоть этимъ безнадежнымъ отчаяннымъ усиліемъ старается вернуть себѣ утихшее сознаніе жизни. Такъ случилось и съ Надей. Она вдругъ всѣмъ духовнымъ существомъ своимъ возмутилась противъ совершеннаго надъ нею насилія. Ѣдкая, жгучая ненависть овладѣла ею, и не только своихъ притѣснителей она теперь возненавидѣла—мо-

лодая дѣвушка ожесточилась противъ всего общественнаго строя, такъ несправедливо и слѣпо придавившаго ее. Какъ? Она довѣрчиво вернулась въ это общество съ полною готовностью подчиниться ему — и вотъ какова была награда! Если оно не хочетъ или не умѣетъ различить правыхъ отъ виноватыхъ, въ немъ, стало быть, все незаконно, отвратительно... Стало-быть право не оно, а тѣ, кто силится расшатать его.

Надя уже не дѣлала исключенія и для Корецкихъ. Даже противъ Анны Григорьевны, даже противъ Дмитрія у нея поднималось озлобленіе. Еслибъ они ее въ самомъ дѣлѣ любили, развѣ они могли бы допустить причиненную ей вопіющую несправедливость? Она не хотѣла вѣрить ихъ безсилію помочь ей. Надя съ горечью повторяла себѣ, что жизнь въ Бѣлыхъ Столбахъ пойдетъ прежнимъ чередомъ; о ней пожалѣютъ конечно, но что же это значитъ сравнительно съ собственною ея участью? Мало-по-малу ее забудутъ, и Дмитрій со временемъ найдетъ себѣ иное счастье... Какова же эта жалкая любовь, которую время сотретъ и какъ незамѣтную пыль пуститъ по вѣтру! То самое, неумолимое для нея, время окажетъ въ Бѣлыхъ Столбахъ свое примиряющее дѣйствіе. Эта неотступная мысль всего больнѣе отзывалась въ ея сердцѣ. Зачѣмъ же тогда покинула она путь, на который стала почти съ самаго дѣтства? Тамъ, на томъ пути, ее постигла бы можетъ-быть та же судьба, но тогда по крайней мѣрѣ она была бы заслужена... И не разъ подкрадывалось къ ней искушеніе, отъ котораго холодъ проходилъ у ней по всему тѣлу—искушеніе покончить съ жизнію. Ее то радовала, то пугала мысль, что все-таки въ ея власти вернуть себѣ свободу.

Разъ утромъ сторожъ, приносившій ей пищу, съ важнымъ видомъ сообщилъ ей какъ великую новость, что наканунѣ привезли еще четверыхъ. „Барышня одна молодая, только изъ себя очень нехороша“, объяснилъ онъ, „и мущинъ трое. Все народъ не старый. И вчера

отсюда другихъ въ острогъ перевели, а то мѣста здѣсь не хватило бы.“ Надя постаралась узнать отъ него, кто эти новые арестанты. Но именъ онъ ей не сказалъ. „Одного посадили въ сосѣднюю съ вашей камеру“, пояснилъ онъ только.

До этого Надя не вступала ни въ какія сношенія со своими сосѣдями. По обѣ стороны ея кельи помѣщались люди ей незнакомые. Въ первые дни ея пребыванія въ тюрьмѣ, они съ нею пробовали заговаривать, но въ то время она сама не хотѣла знать объ остальномъ мірѣ, хотя бы это былъ міръ заключенныхъ. Она отвѣчала нехотя, и ее оставили въ покоѣ. Ей хотѣлось только услышать о сестрѣ, а про нее сосѣди не знали. Во время прогулокъ Надя тоже знакомствъ не заводила, да оно и не легко было: крѣпко смотрѣли за тѣмъ, чтобъ арестанты между собою не переговаривались. Сашу Туманову и Нерадовича она не встрѣтила ни разу. Сторожъ тоже былъ не изъ словоохотливыхъ. Обѣщавшаго Сашѣ помогать ей въ перепискѣ начальство смѣнило. Но мало-по-малу новый сторожъ, убѣдясь, что Надя изъ смирныхъ, сталъ менѣе остороженъ. Да и полюбилась она ему очень. И теперь, когда онъ принесъ ей извѣстіе о новыхъ четырехъ арестантахъ, она добилась отъ него свѣдѣній о сестрѣ. Саша была въ числѣ переведенныхъ въ острогъ.

Для молодой дѣвушки это было новымъ огорченіемъ. Близость сестры, хоть Надя и не видѣлась съ нею, была все-таки хоть слабою связью съ роднымъ существомъ. А какъ разъ въ послѣдніе дни Надѣ вдругъ стали дороги воспоминанія ея дѣтства; въ ней какъ будто даже воскресла привязанность къ прежнимъ товарищамъ. Она забыла и про то, что одинъ изъ этихъ товарищей, самъ бывшій ея учитель, Нерадовичъ, сталъ главнымъ виновникомъ ея судьбы. Общее горе хоть кого сблизитъ. А поступокъ Боровского былъ такъ омерзителенъ, что передъ нимъ блѣднѣло совершенное Нерадовичемъ.

Когда вышелъ сторожъ, Надя постучалась въ стѣнку той камеры, куда помѣстили новаго арестанта. Тотъ откликнулся. Оказалось, что это былъ Гольдштейнъ.

— Ахъ вы здѣсь, Надежда Сергѣевна!—сказалъ онъ коротко засмѣявшись.—Вотъ этому я радъ, по дѣломъ вамъ.

Она не обратила вниманія на его непріязненный отвѣтъ и стала разспрашивать о томъ, какъ произведенъ былъ арестъ.

— А вамъ почему это знать надо? Вы хоть и здѣсь, подъ замкомъ тоже, все-таки не изъ нашихъ... Насъ взяли вчера, у меня на квартирѣ, самымъ, что ни на есть тривіальнымъ образомъ. И Туманова, и Варю, и Брускова тоже взяли.

Надѣ теперь всѣ эти люди казались почему-то близкими. Судьба ее насильно привела снова къ нимъ, и сознаніе, что ее вѣроятно постигнетъ одинаковая съ ними участь, воскрешало давно порванную связь.

Но Гольдштейнъ не захотѣлъ отвѣчать на дальнѣйшіе ея разспросы.

— Полно съ васъ и этого,—грубо сказалъ онъ.—У насъ общаго съ вами нѣтъ ничего и разговаривать не о чемъ. А то вы думаете, попались сюда, такъ и пріобрѣли себѣ вновь права на уваженіе. Вы-то здѣсь не засидитесь, выпустятъ-таки: не даромъ есть протекція.

Надю эти презрительныя слова оскорбили до глубины души. Она совершенно забыла, что еще недавно такъ гордо и холодно принимала упреки бывшихъ друзей. Узкій міръ тюрьмы создаетъ ложныя, призрачныя впечатлѣнія, совершенно также какъ просторъ пустыни. Среди полной разобщенія арестанской камеры грубыя слова Гольдштейна принимали грозные размѣры общественнаго суда.

Въ тотъ же день она встрѣтилась на тюремномъ дворѣ съ Варей Покровской, и та не преминула отнестись къ ней съ такимъ же презрѣніемъ, какъ Гольдштейнъ. Надя хотѣла воспользоваться тѣмъ, что двое

сторожей между собой заговорили и подошла къ Варѣ, протягивая ей руку. Варя не приняла руки.

— Мы съ вами, Ольшевская, и въ тюрьмѣ сойтись не можемъ,—холодно сказала она:—я съ измѣнницами не знаюсь.

Быть оттолкнутой этими людьми, никогда ею нелюбимыми, показалось Надѣ чѣмъ-то невыразимо тяжкимъ. Вернувшись въ свою камеру, она въ сотый разъ горько задумалась надъ вопросомъ: не виновата ли она передъ ними? не измѣнила ли она имъ изъ какихъ-нибудь себялюбивыхъ побужденій? На этотъ разъ она рѣшилась глубже, до самаго дна, разобрать свою совѣсть и разъ навсегда покончить съ мучившимъ ее вопросомъ. Она знала, что корыстнаго расчета у нея не было, но за то къ ней подкрадывалась иная мысль: не разсталась ли она съ прежними убѣжденіями оттого, что полюбила? И если такъ, она все-таки не была совершенно чиста, она все-таки пожертвовала истиной ради личнаго чувства. Истиной? Нѣтъ, она не могла признать за истину то, во что чистосердечно вѣрила прежде. Сомнѣнія у нея зародились давно, еще въ Цюрихѣ. А когда она полюбила Дмитрія, расколъ въ ея душѣ уже совершился. Не доставало только рѣшимости признаться въ этомъ передъ собой. Эту рѣшимость и далъ ей Дмитрій, заставивъ ее вникнуть въ свой внутренній міръ и довершить разрывъ съ прошлымъ. Она покинула прежнія убѣжденія, потому что перестала въ нихъ вѣрить. А все, что произошло потомъ — крестьянскія волненія, подстрекательства Нерадовича, страшная ночь пожара, все это утвердило ее на новомъ пути. Безчестнаго тутъ не было ничего. Нельзя же быть вѣчно связанною ложью, потому что когда-то ложь эта принималась за истину. И теперь, въ тюрьмѣ, Надя не согласилась бы вернуться на оставленную дорогу. Нѣтъ, этою цѣной она бы не купила даже свободы, еслибъ она могла вернуть ее себѣ новымъ вторичнымъ обращеніемъ. Виновною Надя себя признать не могла. И вдругъ странная мысль

пришла ей на умъ: не оттого ли ей приходится нести теперь незаслуженное наказаніе, что прошлые годы все еще тяготѣютъ надъ ней и сковываютъ ея жизнь какою-то непонятною, роковою отвѣтственностью. Вѣдь, самая поѣздка ея въ О... почти наканунѣ свадьбы была вызвана не чѣмъ инымъ, какъ этимъ тяготѣніемъ къ прошлому. Она и теперь чувствовала, что не могла иначе поступить. Она разсталась съ прежнимъ знаменемъ, но людей, съ которыми она стояла заодно, она не могла забыть. Даже и въ настоящую минуту, когда они такъ жестоко отталкиваютъ ее, она вся полна состраданіемъ къ нимъ. А у этихъ людей такой терпимости нѣтъ и быть не можетъ. Они требуютъ жертвъ своему идеалу, а тому, кто не хочетъ ихъ приносить, они отказываютъ даже въ человѣческомъ обращеніи. „Нѣтъ, сказала себѣ молодая дѣвушка,—нѣтъ, правоты не можетъ быть тамъ, гдѣ господствуетъ эта каменная нетерпимость, эта гордая вѣра въ самихъ себя!“

Сторожъ опять вошелъ въ камеру Нади и подалъ ей письмо. Она радостно узнала почеркъ Дмитрія. Конвертъ несомнѣнно былъ ранѣе вскрытъ, да и судя по числу, которымъ оно было помѣчено, письмо пришло за нѣсколько дней. Мысль, что посторонніе прочли то, что писалъ ей женихъ, почти отравила овладѣвшее ею въ первую минуту радостное чувство. Она сама до сихъ поръ не писала Корецкимъ, зная, что каждая ея строчка пройдетъ черезъ офиціальныя руки. Почтовой марки на конвертѣ не было. Письмо было подано по ея адресу еще въ то время, когда Дмитрій былъ въ О.., наканунѣ его разговора съ начальникомъ края.

— Какое сегодня число? — спросила Надя у сторожа.

— Пятнадцатое октября,—отвѣчалъ тотъ, уходя.

Пятнадцатое октября! день назначенный для ихъ свадьбы! Новая волна горькаго чувства поднялась въ ней при этомъ воспоминаніи. Она всего двѣнадцать дней провела въ тюрьмѣ, и какъ мучительно долго

протянулись эти немногіе дни! Ничтожный мигъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало ее впереди.

Письмо было помѣчено 8 октября. Цѣлую недѣлю оно пролежало у тюремнаго начальства, не доходя по назначенію. Сомнѣвались даже можно ли его вручить Надѣ. Въ немъ говорилось слишкомъ ужъ горячо про неудачныя попытки Дмитрія. Вопросъ о письмѣ дошелъ до Боровского, и надо отдать справедливость Николаю Осиповичу: онъ не похвалилъ за излишнее рвеніе полицейскія власти. Мелочныя притѣсненія всегда возмущали его, а къ его мстительной злобѣ противъ Нади все еще примѣшивалась струя иного чувства, не допускавшаго, чтобъ ее подвергали напраснымъ лишеніямъ. Онъ даже велѣлъ сообщить ей, что впредь ея переписка будетъ свободна отъ офиціальнаго контроля: у него была какая-то потребность выказать хоть въ этомъ что-то похожее на великодушіе.

Молодая дѣвушка нѣсколько разъ уже прочла письмо, и хотя Дмитрій видимо старался ободрить ее, увѣряя, что твердо надѣется на благопріятный исходъ, въ словахъ его противъ воли сквозило самое безутѣшное горе. Надѣ даже показалось, что съ горемъ этимъ не можетъ сравниться и ея собственное. Лишиться горячо любимаго существа и сознавать, что была еще недавно возможность спасти его, это еще хуже, чѣмъ идти къ собственной, неизбѣжной гибели. Слезы навернулись въ глазахъ молодой дѣвушки, и ея ожесточенное сердце вдругъ смягчилось. Дошедшій до нея отголосокъ иного горя болѣзненно отозвался въ ней и въ то же время какъ будто ее утѣшалъ. Вѣдь хуже всего для нея было то, что она усомнилась въ Дмитріи. Молчаніе тюрьмы, окружавшее Надю въ теченіе двѣнадцати дней, вызвало въ ней мысль о томъ, что она всѣми забыта. И теперь въ эту непроглядную тьму проникалъ лучъ свѣта: до нея доходилъ скорбѣвшій о ней дружескій голосъ. Надя вся оживилась при мысли, что хотя перепиской она сблизится съ Бѣлыми Столбами. Молодая дѣвушка рѣ-

шилась просить у начальства разрѣшенія писать Корецкимъ. Она готова была теперь подчиниться даже тому, чтобы письма ея проходили чрезъ чужія руки. Какова же была ея радость, когда ей объявили, что господинъ прокуроръ дозволилъ ея переписку не подвергать общему для всѣхъ арестантовъ контролю.

Надя тотчасъ принялась писать, и вновь открывшійся путь къ сближенію съ Дмитріемъ воскресилъ въ ней стемленіе впередъ, къ лучшему будущему. Страницу за страницей она наполняла словами, исполненными такою твердою вѣрой въ будущее, что въ нихъ словно забила струей вновь пробудившаяся молодая жизнь. Но вдругъ Надя остановилась и въ какомъ-то недоумѣніи отложила перо. Она сказала себѣ, и мысль эта кольнула ее въ самое сердце, что для нея возобновившаяся связь съ Бѣлыми Столбами—великое утѣшеніе, но для Корецкихъ эта связь можетъ рано или поздно стать бременемъ. Надя была твердо увѣрена, что Дмитрій не измѣнитъ ей никогда, и вся его жизнь поэтому будетъ испорчена памятью о той, которой вернуть свободу онъ не въ силахъ. Въ первые дни, можетъ быть въ первые годы, онъ станетъ о ней сожалѣть, какъ объ умершей. Но вѣдь смерть не только разлука, она и освобожденіе. А Надя изъ своей тюрьмы свяжетъ его, пожалуй, на многіе годы безотрадною вѣрностью потерянной невѣстѣ. Развѣ она имѣетъ право располагать его будущимъ изъза того только, чтобъ утѣшить себя призракомъ его неугасающей любви? Онъ не виноватъ въ томъ, что случилось. Онъ не долженъ страдать ради того, что связалъ свою жизнь съ дѣвушкой, надъ которою тяготѣла роковая отвѣтственность за прошлое. Нѣтъ, она освободитъ его отъ даннаго слова; она принесетъ ему эту жертву,—послѣднюю, единственно возможную для нея, жертву. И Надя почти обрадовалась тому, что у нея есть все-таки, что отдать другому. У нея оставалось одно послѣднее утѣшеніе—и она добровольно откажется отъ него.

На этотъ разъ въ ней говорило уже не озлобленное чувство. Напротивъ, мысль о предстоявшей великой жертвѣ какъ бы примирила ее съ судьбой. Ей теперь казалось, что она, наконецъ, поняла весь смыслъ страшнаго перелома въ ея жизни. Она всегда искала случая посвятить себя другимъ и думала найти его на широкомъ поприщѣ служенія всѣмъ страждущимъ вообще. Не даромъ она сознала, что это былъ не дѣйствительный, а призрачный подвигъ. Но то служеніе, которому она хотѣла посвятить себя — это было нѣчто вродѣ обѣта; а такіе обѣты связываютъ навсегда. Она думала, что ей стоитъ отречься отъ прежняго заблужденія — и ей откроется доступъ къ мирному, обыденному счастью. Но судьба требовала иного. Обѣтъ долженъ быть исполненъ, хоть и не такъ громко и широко, какъ она того прежде хотѣла. Ей предстоитъ скромная жертва уже не для всего человѣчества, а для одной семьи, пріютившей ее въ самую безотрадную минуту ея жизни. И скромность такой жертвы только возвышаетъ ея цѣну. И кто знаетъ,—говорила себѣ Надя,—можетъ быть въ такой области, куда не можетъ проникнуть человѣческій разумъ, есть непонятная на землѣ, взаимная отвѣтственность людей другъ за друга. Тамъ иная, недоступная намъ справедливость; тамъ признается искупленіе вины однихъ посредствомъ добровольнаго самопожертвованія со стороны невиновнаго. И вотъ она, искавшая такого самопожертвованія на ложномъ пути, страдаетъ теперь за несовершенную ею вину, страдаетъ больше тѣхъ, за которыми есть такая вина. Страннымъ образомъ эта мысль о возмездіи за чужое дѣло теперь не возмущала Надю, а придавала ей силы подняться на высоту самоотреченія.

Молодая дѣвушка изорвала на мелкіе клочки только-что написанное ею и принялась снова за письмо. Но второе ея письмо уже не походило на первое. Вотъ что написала она, не останавливаясь ни минуты, точно посторонній голосъ нашептывалъ ей слова:

„Нечего и говорить тебѣ, дорогой мой Митя, какъ обрадовало меня твое письмо. Но мнѣ стало отъ него и грустно: я увидѣла, что какъ ни стараешься ты казаться бодрымъ и утѣшить меня, ты самъ, бѣдный мой, упалъ духомъ. Это не хорошо и на тебя не похоже. Я увѣрена, что ты все сдѣлалъ и еще сдѣлаешь, чтобы меня освободить отсюда. Была бы не правда, еслибъ я стала увѣрять тебя, что мнѣ не хочется свободы. Но вотъ что я тебѣ скажу и, повѣрь мнѣ, скажу вполнѣ искренно, обдуманно. Очень можетъ быть,—даже почти гораздо лучше заранѣе приготовиться къ этому исходу, сказать тебѣ, что мы разлучены навсегда. Если мы ошибемся, тѣмъ лучше; по крайней мѣрѣ мы не создадимъ для себя разочарованій.

„И вотъ о чемъ, дорогой мой, я прошу тебя: не пиши ко мнѣ больше. Я не скажу: забудь про меня; я знаю, что я твоей не буду, что мы уже не свидимся. Ты думаешь я пишу такъ отъ озлобленія? Нѣтъ, Дмитрій, я была озлоблена, но я смирилась и твердо убѣждена, что такъ будетъ лучше. Это, скажу тебѣ, даже единственное разумное и возможное рѣшеніе. Я знаю, что многимъ свиданія разрѣшаются. И тебѣ, можетъ быть, позволятъ со мной повидаться, хоть я и думаю, что врядъ ли позволятъ. Но еслибы даже мы свидѣлись, къ чему бы это насъ привело? Подумай обо мнѣ, Дмитрій; если мнѣ приходится отвыкнуть отъ счастья, развѣ лучше будетъ, если оно зайдетъ ко мнѣ въ камеру урывкой, на какой-нибудь часъ?

„Нечего себя обманывать, Дмитрій, мы разлучены навсегда. Надо посмотрѣть истинѣ въ глаза, не боясь ея. Мы съ тобой, Дмитрій, не трусы. Я долго думала обо всемъ этомъ и рѣшила, что надо вполнѣ и безповоротно отречься. Нечего утѣшать себя надеждой, что судъ будетъ ко мнѣ милостивъ, что меня не сошлютъ и тогда мы все-таки заживемъ съ тобой вмѣстѣ. Нѣтъ, Дмитрій, это несбыточная мечта. Сошлютъ меня или нѣтъ — я не знаю, только вотъ что я тебѣ скажу: изъ

тюрьмы не выходятъ такими, какъ въ нее вошли. Глаза, долго не видѣвшіе свѣта, слѣпнутъ отъ яркаго солнца. Судъ и тюрьма дѣлаютъ непригодными къ жизни. Ну какая я тебѣ буду жена, если когда-нибудь даже выйду на волю, и то, вѣдь, не на полную волю? Ты, конечно, станешь увѣрять меня, что я это все неправду говорю и ты меня не покинешь ни за что. Но знай, что всякая попытка съ твоей стороны меня разувѣрить только сдѣлаетъ мое положеніе худшимъ. Я могу успокоиться только при мысли, что все кончено, что я не связываю твоего будущаго. А этого не можетъ быть, если я стану тѣшить себя безпокойною надеждой.

„Итакъ, слово твое я тебѣ возвращаю, не только возвращаю,—требую, чтобы ты его взялъ назадъ. Прежней Нади уже нѣтъ и не можетъ быть. Я не скажу тебѣ, что ты найдешь иное счастье въ жизни,—я знаю, ты возмутился бы отъ одной такой мысли,—во всякомъ случаѣ, того счастья, которое мы оба создали было для себя уже не будетъ. Я такъ радовалась напередъ, представляя себѣ, какъ заживемъ мы не только рука объ руку, но такъ-сказать чувство о чувство и мысль о мысль. Я, вѣдь, знаю, что у насъ было съ тобой то, что такъ рѣдко бываетъ въ жизни — полное сочувствіе. И теперь еще, когда оно оборвалась не дозвучавъ, оно наполняетъ мое сердце блаженною памятью. Ахъ, Дмитрій, какъ бы мы съ тобой хорошо и ровно зажили?

„Да, ты погрустишь, бѣдный мой! Но, ради Бога, не отдавайся унынію и, главное, не бросай дѣла, того хорошаго дѣла, за которое мы бы принялись вмѣстѣ. Оно одно тебя поддержитъ. Вѣдь другіе люди не виноваты въ томъ, что случилось. Они все-таки имѣютъ право на твою заботу о нихъ, потому что ты богаче и образованнѣе многихъ. Горе не даетъ намъ право забывать свой долгъ передъ людьми; да исполненіе этого долга и есть лучшее утѣшеніе. И если ты останешься ему вѣренъ, если ты будешь помнить, что никто, даже несчастные не должны жить сложа руки, ты и вдали

отъ меня будешь заодно со мной. У меня тоже свой долгъ есть, я тоже не должна падать духомъ, и это я стараюсь исполнить. Первые дни моей жизни здѣсь были, правда, ужасны. Теперь, надѣюсь, злоба и ожесточеніе меня оставили — видишь, и для меня еще существуетъ словечко „надежда". Но, чтобы поддержать себя въ этомъ настроеніи, надо, чтобъ я шла впередъ не колеблясь, чтобы призракъ минувшаго счастья не искушалъ меня. И тогда, можетъ быть, когда я выйду отсюда, у меня не останется и слѣда раздраженія, и все, что мнѣ дано будетъ жизни и свободы я сумѣю еще посвятить какому-нибудь хорошему дѣлу, хоть и тому, о которомъ я мечтала. Но, чтобы достигнуть этого, надо, чтобы мы прямо и твердо отказались другъ отъ друга. Я, по крайней мѣрѣ, тебѣ писать уже не буду.

„Итакъ, прощай, дорогой мой! Не старайся поколебать моего рѣшенія, а главное,—еще разъ повторяю,— не падай духомъ. Давай стараться заодно, чтобы, вспоминая другъ о другѣ, мы ободрялись, а не унывали. Помни, есть иное единеніе, иной союзъ, кромѣ того, до котораго намъ было такъ близко. И этотъ союзъ уже неразрывенъ. Жизнь коротка, страданіе и горе пройдутъ, а онъ переживетъ ихъ. Я, по крайней мѣрѣ, въ это хочу вѣрить и тебя вѣчно буду благодарить за то, что ты научилъ меня такъ вѣрить.

„Многое бы я еще хотѣла сказать тебѣ на прощанье, да, вѣдь, не выразить же въ одномъ письмѣ того, на что хватило бы едва всей нашей жизни. Скажу тебѣ еще лишь одно: благодарю тебя за тѣ мѣсяцы, которые мы провели вмѣстѣ. Безъ тебя мнѣ и не о чемъ было бы сожалѣть въ своей жизни. Благодарю и твою мать, и брата. Ахъ, какъ мнѣ жаль бѣдной тети! Зачѣмъ, зачѣмъ вошла я въ вашъ домъ и причинила вамъ всю эту тревогу! Но, вѣдь, это я напрасно говорю, и ты знаешь, Дмитрій, что я говорю неправду: я и не думаю сожалѣть о томъ, что жила у васъ. Простите меня, простите всѣ. Обними за меня мать и поцѣлуй ее го-

рячо въ ея добрые, правдивые глаза. И Томилину тоже скажи, что я всегда буду помнить о немъ съ благодарностью.

„Ну вотъ, кажется, и все, Дмитрій. Я бы и здѣсь, на бумагѣ, съ тобой не хотѣла проститься. Тяжело, очень тяжело прощаться, да нечего дѣлать—пора. Можетъ быть, тѣмъ, что случилось со мной и закончится все недоброе, что предназначалось на долю вашей семьи. И знай, Дмитрій, что бы ни случилось, сколько бы лѣтъ я здѣсь ни провела, заключенная Надя, вдали отъ тебя, не перестанетъ желать тебѣ и всѣмъ твоимъ счастья и молиться, чтобъ ея судьба не легла тѣнью на вашу жизнь. Прощай, прощай...“

Твоя Надя.

XV.

Дмитрія письмо Нади не застало въ Бѣлыхъ Столбахъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ обратиться къ самому источнику власти. Настоящихъ крѣпкихъ связей у него не было, но онъ все-таки надѣялся, что его выслушаютъ тамъ безпристрастно и взглянутъ на дѣло Нади, не съ одной формальной стороны. Прежде всего онъ поспѣшилъ къ дядюшкѣ, Петру Николаевичу. Но здѣсь Дмитрій горько ошибся въ расчетѣ: сановный дядя не только ему не обѣщалъ никакого содѣйствія, но отступился отъ племянника самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Ты хочешь, вспылилъ онъ даже, выслушавъ Дмитрія,—чтобъ я за эту барышню заступился потому, что она имѣла счастье тебѣ понравиться? Вотъ выдумалъ. Да еслибы ко мнѣ обратились съ вопросомъ на ея счетъ, я бы прямо объявилъ, что, на мой взглядъ, она просто нигилистка. И прекрасно сдѣлали, что ее взяли. Или, еще лучше, отвѣчу, что знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю! — Петръ Николаевичъ поднялъ обѣ свои

ладони, какъ бы отстраняя ими самую возможность отвѣтственности.—А тебѣ, любезный мой, скажу, что ты семью нашу и память своего отца просто срамишь, ну да, срамишь,—чего ты на меня смотришь, точно проглотить собираешься? Службу бросилъ; въ имѣніи все перепуталъ; со всѣми перессорился... Да, хорошаго я наслышался отъ вашего губернатора: онъ, вѣдь, на дняхъ здѣсь былъ. И какъ вѣнецъ всего — жениться вздумалъ на бывшей нигилисткѣ... Молодецъ! Да послѣ этого я тебя просто знать не хочу! я тебѣ не дядя!...

Петръ Николаевичъ чистосердечно воображалъ, что въ эту минуту видъ его былъ необыкновенно грозенъ.

— Я до сихъ поръ и не замѣчалъ, чтобы вы когда-либо были мнѣ дядей,—вставая, холодно возразилъ Дмитрій.

— Что! Что такое?! вскинулся было на него разъяренный Петръ Николаевичъ. Но Дмитрій уже отвернулся и направился къ дверямъ.—Дерзкій мальчишка!—прокричалъ ему вслѣдъ превосходительный дядя, вспомнивъ, какъ передъ нимъ трепещетъ самъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Дармоѣдовъ, когда докладываетъ ему дѣла своего департамента.

Отъ Петра Николаевича Дмитрій поѣхалъ къ графу Сокольницкому, на котораго всего болѣе расчитывалъ. Но въ домѣ графа ему сказали, что Сергѣй Борисовичъ въ отпуску за границей и едва ли вернется ранѣе Новаго Года.

— Они въ Ниццѣ теперь изволятъ быть съ молодымъ графомъ,—сообщилъ ему старикъ швейцаръ,—тамъ одну виллу занимать изволятъ съ Еленой Михайловной Ордынцевой. Адресъ прикажете?

Хотя содѣйствіе графа становилось такимъ образомъ очень сомнительнымъ, Дмитрій на всякій случай захватилъ адресъ. За отсутствіемъ графа и отказомъ Петра Николаевича Дмитрію въ Петербургѣ совершенно не доставало того магическаго ключа, который одинъ и открываетъ доступъ во святая святыхъ. Безъ такого ключа можно встрѣтить любезный, иногда даже очень

любезный пріемъ, получить всевозможныя справки и увѣренія; но что рѣшительно не возможно—это быть выслушаннымъ не въ качествѣ одного изъ безчисленныхъ просителей, всѣ усилія которыхъ въ офиціальномъ мірѣ остаются лишь холостыми зарядами.

Дмитрій однако не отчаивался. Онъ вспомнилъ, что въ одномъ изъ вѣдомствъ, какъ разъ въ томъ, куда ему приходилось обратиться, занималъ теперь видное мѣсто бывшій его товарищъ по выпуску, по фамиліи Гостомысловъ, съ которымъ онъ былъ не то чтобъ очень друженъ, а такъ себѣ, въ хорошихъ отношеніяхъ. Господинъ этотъ обладалъ красивымъ, довольно правильнымъ лицомъ, съ необыкновенно прямымъ носомъ и бойко глядѣвшими глазами: и носъ и глаза одинаково выражали то особое, весело добродушное самодовольство, что отличаетъ молодыхъ людей, которымъ на службѣ везетъ. Дмитрій какъ разъ засталъ его въ канцеляріи и былъ принятъ имъ очень радушно, хотя не безъ оттѣнка покровительственной формальности. Гостомысловъ взялся ему устроить свиданіе съ министромъ, причемъ далъ почувствовать, что именно чрезъ него дѣло можетъ быть устроено, а что обычная дорога подачи прошеній на офиціальныхъ пріемахъ никогда ни къ чему не приводитъ. Онъ даже выразился съ нѣкоторою ироніей чиновника, хорошо знающаго всѣ ходы, про неудачи, которыя неминуемо ожидаютъ на канцелярскихъ путяхъ людей непосвященныхъ.

— Васъ примутъ и, главное, выслушаютъ именно потому,—сказалъ онъ,—что вы не изъ нашихъ, что вы къ служебному міру не принадлежите; къ людямъ независимымъ, какъ вы, у насъ всегда благосклонны, разумѣется,—прибавилъ онъ усмѣхаясь,—если за нихъ замолвятъ словечко. Вы, вѣдь, для себя самого ничего не попросите, а это главное.

— Такъ что на мнѣ, думаете вы, оправдается евангельское слово про овцу погибшую, которая дороже цѣлаго стада.

— Именно, именно, — разсмѣялся Гостомысловъ, — кабы вы собирались для себя просить назначенія, тогда, конечно, было бы другое дѣло.

И Гостомысловъ сдержалъ данное обѣщаніе. Чрезъ какихъ-нибудь пять дней онъ написалъ Дмитрію, что министръ его приметъ у себя съ глазу на глазъ. У каждаго изъ новѣйшихъ русскихъ администраторовъ есть сильное желаніе пощеголять своею доступностью. Этому желанію не даютъ развернуться двѣ прямо противуположныя ему заботы — стремленіе выказать свою власть и уронить свое достоинство. Эти послѣднія и руководятъ главнымъ образомъ отношеніями къ подчиненнымъ, прямымъ и косвеннымъ. Оттого-то и оказывается, что чѣмъ менѣе сановника касается дѣло, за которымъ къ нему обратились, тѣмъ любезнѣе пріемъ этого сановника.

Разговоръ министра съ Дмитріемъ былъ веденъ на французскомъ языкѣ, что, какъ извѣстно, есть высшая степень офиціальной любезности. Ровно десять минутъ своего времени посвятилъ министръ выслушанію молодого человѣка и казался совершенно убѣжденнымъ его доводами.

— Je vous promets de faire tout ce qui sera possible,— закончилъ онъ, протягивая Дмитрію руку.

Гостомысловъ однако не былъ повидимому особенно увѣренъ въ успѣхѣ, когда Дмитрій разсказалъ ему про свою аудіенцію.

— Это значитъ,—объяснилъ онъ,—что мы пошлемъ бумагу къ Цѣпному мосту. А тамъ и будетъ настоящій узелъ вашего дѣла.

Впрочемъ, Гостомысловъ, имѣвшій знакомыхъ вездѣ, какъ и подобаетъ чиновнику, дѣлающему карьеру, снабдилъ Дмитрія коротенькою запиской къ одному изъ второстепенныхъ воротилъ могущественнаго вѣдомства.

Красивый адъютантъ въ голубомъ мундирѣ, которому была адресована эта записка, принялъ Дмитрія съ необыкновенною предупредительностью и съ тою

увѣренностью въ полной возможности уладить всякое дѣло, которою и отличается Цѣпной мостъ.

— Заверните черезъ недѣлю,—протянулъ онъ Дмитрію свою мягкую, надушенную руку,—тогда вѣроятно можно будетъ сообщить вамъ что-нибудь положительное.

Какъ разъ въ этотъ день пришло къ Дмитрію письмо Нади, пересланное ему изъ Бѣлыхъ Столбовъ. Ему было невыразимо больно видѣть полное отреченіе отъ жизни, какое читалось въ каждой строкѣ. Рѣшимость не отдавать ее безъ боя еще усилилась въ немъ; какъ ни слабы были его надежды на успѣхъ, онъ не допускалъ и мысли, чтобы Надя была для него потеряна.

Послѣ своего объясненія съ генераломъ въ О... Дмитрій не писалъ къ Надѣ: ему было слишкомъ тяжело признаваться въ своей неудачѣ. Но теперь, когда наступилъ какъ будто поворотъ къ лучшему, онъ каждый день сообщалъ ей, что дѣлалось имъ въ Петербургѣ. Молодая дѣвушка ему не отвѣчала, и въ каждомъ новомъ письмѣ Дмитрій все настойчивѣе умолялъ ее прервать свое упорное молчаніе.

Время однако шло не принося развязки. Наступилъ ноябрь. Дмитрій едва ли не каждый день навѣдывался о ходѣ своего дѣла, и каждый разъ ему приходилось замѣчать все усиливавшуюся внушительную холодность. Любезный адъютантъ сталъ выказывать нетерпѣніе.

— Вы не хотите понять,—рѣзко оборвалъ онъ Дмитрія, когда тотъ въ третій разъ къ нему явился, — что по дѣлу вашей родственницы необходимо собрать справки. Ваша настойчивость, г. Корецкій, крайне неумѣстна.

Послѣ этого онъ сдѣлался даже вовсе недоступнымъ. Дмитрій не могъ объяснить себѣ причину такой перемѣны. Разъ, когда онъ подъѣзжалъ на извощикѣ къ длинному зданію, ему показалось, что онъ узналъ Боровского въ господинѣ сошедшемъ съ крыльца и поспѣшно укрывшемся въ карету. Господинъ этотъ вы-

соко поднялъ бобровый воротникъ своей шинели, и Дмитрій не могъ ясно различить его черты.

Онъ рѣшился снова обратиться къ Гостомыслову. Но и тотъ какъ будто уже истощилъ съ нимъ весь запасъ своей услужливости.

— Нельзя такъ горячиться, Дмитрій Алексѣевичъ, право нельзя,—увѣщевалъ его Гостомысловъ,—вы этимъ все испортите.

Ничего товарищескаго уже не было въ его обращеніи. Его носъ сталъ какъ будто еще прямѣе и брови сдвинулись по начальнически.

— Мы сдѣлали, что могли,—продолжалъ онъ,—снеслись съ Цѣпнымъ мостомъ, и теперь умываемъ себѣ руки; подождите.

Гостомысловъ, уже не обращая на Дмитрія вниманія, взялъ только-что принесенную ему переписанную бумагу и вступилъ въ длинное объясненіе по ея поводу съ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ.

— Кстати, — обратился онъ снова къ Дмитрію, покончивъ съ бумагами,—вы имѣли какую-то исторію въ О... съ тамошнимъ прокуроромъ Боровскимъ. Министръ объ этомъ узналъ и едва ли согласится теперь принять въ васъ особенное участіе. Вы сами портите свое дѣло.

Эти слова уже совсѣмъ походили на выговоръ. Дмитрій понялъ, что ему нечего уже ожидать отъ Гостомыслова.

А-а! г. Боровской въ Петербургѣ?—сухо раскланялся онъ съ нимъ, припомнивъ свою недавнюю встрѣчу у крыльца казеннаго зданія.

Петръ Николаевичъ, со своей стороны, повредилъ Дмитрію насколько могъ. Случайно онъ встрѣтился съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ отъ котораго всего болѣе зависѣлъ исходъ дѣла начатаго Дмитріемъ.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ у Петра Николаевича сановникъ,—не вашъ ли племянникъ,—одинъ молодой человѣкъ, Дмитрій Корецкій, который хлопо-

четъ объ одной молодой особѣ, по фамиліи Ольшевской, недавно арестованной въ О...?

— Да, онъ мнѣ приходится... отдаленною родней,— съ видимымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ Петръ Николаевичъ,—но вѣрьте мнѣ, я имъ нисколько не интересуюсь и даже прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Онъ состоялъ на службѣ въ моемъ вѣдомствѣ, потомъ вдругъ, неизвѣстно почему, вышелъ въ отставку и, кажется, завелъ связи съ разными двусмысленными личностями, даже, представьте себѣ, хотѣлъ жениться на самой этой... Маршевской, или Кольчевской, про которую вы говорите. — Петръ Николаевичъ сдѣлалъ видъ будто не помнитъ фамиліи Нади.—Словомъ,—закончилъ онъ,—человѣкъ вполнѣ неблагонамѣренный.

— А-а! вотъ какъ!—улыбаясь проговорилъ сановникъ и тотчасъ оставилъ Петра Николаевича въ покоѣ.

Дмитрію скоро пришлось убѣдиться, какое роковое значеніе для него имѣлъ пріѣздъ Боровского. Ему уже не пришлось лишній разъ являться въ казенное зданіе, куда онъ такъ часто и тщетно заглядывалъ. Черезъ три дня послѣ своего разговора съ Гостомысловымъ Дмитрій получилъ приглашеніе явиться туда для „личныхъ объясненій". Недавно еще столь ласковый адъютантъ объявилъ ему, что полученныя справки вполнѣ оправдываютъ задержаніе дѣвицы Ольшевской и въ то же время крайне неблагопріятнаго свойства для него самого.

— Вы навлекли на себя, — проговорилъ адъютантъ тѣмъ равнодушнымъ голосомъ, какимъ псаломщики читаютъ молитвы, — справедливыя нареканія въ своей губерніи. Вы держали у себя въ имѣніи въ качествѣ народнаго учителя нѣкоего Брускова, человѣка въ высшей степени неблагонадежнаго. Затѣмъ, когда начато было дознаніе о происшедшихъ въ той мѣстности безпорядкахъ, вы дали этому же Брускову и еще другому лицу, Нерадовичу, скрывавшемуся подъ чужимъ именемъ, средство укрыться отъ преслѣдованія. На зем-

скомъ собраніи вы подняли агитацію противъ тамошняго предводителя и другихъ уважаемыхъ лицъ. Наконецъ, въ О... вы позволили себѣ дерзкое обращеніе съ тамошнимъ прокуроромъ.

Все это онъ отсчиталъ Дмитрію безъ передышки, не давая ему перебивать себя. А когда Дмитрій хотѣлъ возразить, онъ остановилъ его тѣмъ особымъ, повелительнымъ тономъ, не допускающимъ спора, который присваиваетъ себѣ власть по преимуществу исполнительная, когда она приняла твердое рѣшеніе. Видно было, что у Цѣпнаго моста собрали самыя подробныя свѣдѣнія и составили себѣ мнѣніе уже непоколебимое.

Заключивъ свою отповѣдь, адъютантъ объявилъ Дмитрію, что ему предписывается немедленно выѣхать изъ столицы обратно въ С... губернію, гдѣ ему и велѣно проживать подъ надзоромъ полиціи.

XVI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Петербургѣ уже запахло весной, тою особенною невскою весной, такъ мало похожею на настоящую.

Къ старинному дому на Англійской набережной, въ ясный мартовскій день, часу во второмъ, подкатили извощичьи сани, сильно скрипя полозьями по обнажавшейся мостовой. Изъ нихъ выскочилъ очень еще молодой человѣкъ въ мерлушечьей шапкѣ и красивомъ пальто на мѣху. Эти излишнія предосторожности противъ холода обнаруживали въ немъ провинціала: петербургская молодежь давно уже щеголяла въ весенней одеждѣ. Онъ позвонилъ у глухихъ дверей громаднаго подъѣзда, занимавшаго почти весь тротуаръ. Ему, не спѣша, отворилъ малоподвижный отъ тучности швейцаръ, въ поношенной ливреѣ и съ булавой, на которой мѣдный шаръ былъ замѣтно приплюснутъ.

— Графъ дома? — спросилъ у него молодой чело-

вѣкъ, у котораго зрачки безпокойно забѣгали по сторонамъ.

— Дома-то дома,—съ добродушною грубостью отвѣтилъ тотъ,—только должно быть его сіятельство заняты. А вы собственно по какому дѣлу?

Швейцаръ графа Сергѣя Борисовича Сокольницкаго, хоть и служилъ у него въ домѣ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, не переставалъ относиться довольно презрительно ко многочисленнымъ просителямъ, чуть не ежедневно забѣгавшимъ въ переднюю графа. Къ этой категоріи онъ неизмѣнно причислялъ всѣхъ, кого ему приходилось видѣть въ первый разъ. И молодой человѣкъ не избѣгъ этой участи. Онъ впустилъ его однако въ сѣни и остановилъ проходившаго камердинера графа, тоже старика, въ необыкновенно длиннополомъ сюртукѣ.

— Иванъ Ѳедотычъ, а Иванъ Ѳедотычъ!—Приказали докладывать сегодня графъ? Къ нимъ опять съ просьбой господинъ пожаловалъ.

— Приказаній особыхъ не было,—остановился не разслышавшій сперва камердинеръ.

Графъ Сергѣй Борисовичъ хоть и давно пересталъ быть, что называется, у дѣлъ, все-таки сохранилъ, если не прямое вліяніе, то по крайней мѣрѣ открытый доступъ въ самыя высшія сферы. Въ дѣлахъ не особенно важныхъ, касавшихся личныхъ, а не государственныхъ интересовъ, слово его иногда было очень вѣско. И графу не было отбоя отъ просившихъ его заступничества въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни, тѣмъ болѣе, что онъ почти никому не отказывалъ и въ глубинѣ души былъ доволенъ, что къ нему такъ часто обращались.

— Доложите графу,—обратился теперь къ камердинеру вошедшій молодой человѣкъ, слегка вспыхнувшій отъ оказаннаго ему пріема,—что пріѣхалъ къ нимъ по важному дѣлу С... предводитель дворянства, Владиміръ Алексѣевичъ Корецкій. Да вотъ кстати и письмо передайте отъ моего брата, Дмитрія Алексѣевича.

Камердинеръ вышелъ въ боковыя двери тою не-

спѣшною, вялою походкой, какая бываетъ у лошадей съ разбитыми ногами. Володя принялся осматривать широкія сѣни графскаго дома. Это былъ одинъ изъ тѣхъ старинныхъ домовъ, гдѣ царствуетъ еще тотъ барскій просторъ, большой охотникъ до перегородокъ и чулановъ, который при всемъ томъ не скупится на обширныя, монументальныя лѣстницы да на пустынныя, бальныя залы, гдѣ цѣлые десятки лѣтъ не зажигаются огни, но зато ветшаютъ и трескаются потолки и стѣны. Такихъ домовъ въ Петербургѣ уже немного, хотя кое-гдѣ они уцѣлѣли.

У Володи немного щемило на сердцѣ при мысли, что чрезъ нѣсколько минутъ онъ вѣроятно предстанетъ передъ графомъ, къ которому онъ отнесся за годъ передъ тѣмъ, въ Никольскомъ, съ дерзостью нахальнаго мальчишки. А теперь отъ этого человѣка могла зависѣть участь чуть ли не цѣлаго его семейства. Да и самъ онъ, Володя, или вѣрнѣе все его будущее счастье, развѣ не зависѣли отъ графа съ тѣхъ поръ, какъ тотъ сдѣлался опекуномъ Женички Ордынцевой? Впрочемъ, не одни самолюбивые расчеты внушали молодому человѣку уваженіе къ старому генералу, котораго онъ недавно еще обзывалъ чучеломъ. Въ головѣ у Володи, какъ и въ обстановкѣ его жизни, тоже многое перемѣнилось, и въ тотъ самый мигъ, когда онъ переступилъ порогъ стариннаго дома, онъ вполнѣ чистосердечно ощутилъ теплое, почти набожное чувство къ его владѣльцу. На дворянскихъ выборахъ, происходившихъ въ декабрѣ, Володя безъ труда побѣдилъ Ухова и незамѣтно для самого себя какъ бы преобразился. Къ тому, что прежде возбуждало его юную насмѣшливость, онъ теперь сталъ относиться съ невольнымъ почтеніемъ и, какъ часто бываетъ въ молодые годы, совершенно даже не подозрѣвалъ случившейся съ нимъ перемѣны. Онъ также искренно теперь вошелъ въ свою новую предводительскую роль, какъ прежде разглагольствовалъ на темы, вынесенныя со школьной скамьи.

— А что,—вдругъ спросилъ Володя у швейцара, — давно вернулся графъ изъ-за границы?

— Почти съ мѣсяцъ будетъ.

— А Елена Михайловна Ордынцева, съ легкою запинкой и немного покраснѣвъ продолжалъ онъ, — съ нимъ вмѣстѣ пріѣхала?

Володя былъ въ Петербургѣ только со вчершняго дня и не успѣлъ собрать никакихъ свѣдѣній объ Ордынцевыхъ. Узнать объ этомъ въ домѣ Елены Михайловны онъ считалъ неудобнымъ.

— Ея превосходительство изволили пріѣхать въ одномъ поѣздѣ съ графомъ,—нѣсколько строго отвѣтилъ швейцаръ, удивленно посмотрѣвъ на молодого человѣка. „Настоящіе господа,—подумалъ онъ,—въ чужихъ домахъ прислугу не разспрашиваютъ!“

— Пожалуйте. Его сіятельство васъ просятъ,—объявилъ старый камердинеръ, показавшись въ дверяхъ.

Володя не безъ робости послѣдовалъ за нимъ въ кабинетъ графа, довольно обширную комнату въ нижнемъ этажѣ, отличавшуюся полнымъ отсутствіемъ не только роскоши, но и комфорта. Мебель была подержанная, угловатая. Все убранство стѣнъ заключалось въ нѣсколькихъ акварельныхъ видахъ Кавказа, да во многочисленныхъ литографированныхъ портретахъ большею частью уже покойныхъ сверстниковъ. Графъ былъ у себя не одинъ. Входя въ кабинетъ, Володя едва не наткнулся на сіявшую здоровьемъ фигуру молодого Сокольницкаго. Борисъ Сергѣевичъ тоже успѣлъ преобразиться съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ не встрѣчались: на немъ снова былъ адъютантскій мундиръ, и вензель красовался на его полковничьихъ погонахъ. Увидавъ Володю, онъ весело и любезно протянулъ ему руку.

— Поздравляю васъ,—остановилъ онъ молодого человѣка почти у самыхъ дверей, — какъ товарища по должности, хотя я самъ,—прибавилъ онъ улыбаясь,—вы знаете, уже не предводитель. J'ai fait ma soumission.

Веселость Бориса Сергѣевича могла быть объяснена лишь особенно счастливымъ складомъ его нрава, такъ какъ до прихода Володи у него происходило съ отцомъ довольно крупное объясненіе. Ему только что пришлось сознаться отцу, что доходы съ села Дубняковъ, предоставленные ему графомъ, далеко не покрываютъ его издержекъ, тѣмъ болѣе, что на дняхъ, въ клубѣ, онъ проигралъ очень крупную сумму. Графъ выслушалъ его съ особымъ, немного презрительнымъ спокойствіемъ, которое всегда возбуждали въ немъ денежные вопросы.

— A votre âge,— сказалъ онъ только,—j'avais déjà gagné la croix, et vous ne savez que perdre au baccarat.

Прибавить что-либо къ содержанію сына онъ на отрѣзъ отказался.

— Въ такомъ случаѣ,—вспылилъ Борисъ Сергѣевичъ,—мнѣ остается только одинъ исходъ—богатая партія, и я не понимаю, какъ вы не умѣете помочь мнѣ съ этою дѣвчонкой, которая у насъ съ вами, такъ-сказать, въ рукахъ.

Этого старый графъ уже не вытерпѣлъ:

— Не смѣй при мнѣ и упоминать объ этомъ! — зазвенѣвшимъ голосомъ воскликнулъ онъ.—Ты хочешь, чтобъ я воспользовался правами опекуна, vous devriez rougir de me proposer une telle ignominie.

На этомъ разговоръ ихъ оборвался: доложили о пріѣздѣ Володи. Прочтя внимательно письмо Дмитрія, графъ велѣлъ просить молодого человѣка. Онъ въ эту минуту совершенно забылъ неприличное поведеніе Володи въ Никольскомъ, забылъ не отъ недостатка памяти, а отъ прирожденной ему привычки не останавливаться на мелочахъ, когда эти мелочи касались его самого. Дмитрій послалъ къ нему брата по важному дѣлу, и онъ готовился выслушать молодого человѣка съ тою неизмѣнною привѣтливостью, какую онъ всегда выказывалъ тѣмъ, кто обращался къ нему за помощью. Борисъ Сергѣевичъ встрѣтилъ молодого человѣка съ несовсѣмъ обычнымъ для него радушіемъ, но сдѣлалъ

это изъ совершенно иного побужденія: часть имѣнія Сокольницкихъ лежала въ томъ уѣздѣ, гдѣ Володя сталъ предводителемъ.

Старый графъ поднялся со своихъ креселъ съ тою немного торжественною вѣжливостью, которую онъ усвоилъ себѣ съ ранней молодости. Длинный чубукъ, изъ котораго онъ потягивалъ необычайно зловонный жуковскій табакъ, графъ при этомъ отложилъ въ сторону.

— Братъ вашъ пишетъ,— началъ онъ,—что вы подробно разскажете мнѣ, какъ произошелъ... непріятный случай съ вашею кузиной; — онъ слегка запнулся на словѣ „непріятный", какъ бы подыскивая болѣе мягкое выраженіе. — Дмитрій Алексѣевичъ проситъ моего содѣйствія; я всегда радъ оказать его насколько могу, особенно вашему брату. Хоть я и не имѣю удовольствія знать его коротко, но питаю къ нему особенное уваженіе.

Володя, молча и не садясь, выслушалъ эту привѣтственную рѣчь, которую графъ, продолжавшій стоять, проговорилъ именно какъ рѣчь. Молодого человѣка все еще коробила мысль, что онъ долженъ изложить свою просьбу передъ человѣкомъ, конечно, составившимъ себѣ о немъ далеко невыгодное мнѣніе.

— Братъ надѣялся, что ваше сіятельство,—запинаясь проговорилъ Володя, — ему конечно очень совѣстно безпокоить васъ... но онъ думалъ... важныя обстоятельства...

Графъ приписалъ смущеніе Володи нежеланію объясняться въ присутствіи третьяго лица и повелъ бровями, глядя на сына. Тотъ лихо повернулся на каблукахъ и, звеня шпорами, вышелъ изъ кабинета.

— Садитесь, я васъ слушаю.

Графъ указалъ Володѣ на стулъ и усѣлся самъ. Затѣмъ онъ снова принялся за свою трубку и предложилъ Володѣ одну изъ своихъ неизмѣнно скверныхъ папиросъ, отъ которой тотъ впрочемъ отказался. Руки своей онъ однако молодому человѣку не протянулъ:

на эту форму привѣта онъ былъ не особенно щедръ. Володя, постепенно ободряясь, принялся разсказывать въ какихъ отношеніяхъ къ его семьѣ находилась Надя Ольшевская и какъ произошелъ въ О.... ея неожиданный арестъ. Разсказъ этотъ не отличался послѣдовательностью. Остатокъ робости заставлялъ Володю поминутно опускать какое-нибудь существенное обстоятельство и, прерывая нить событій, возвращаться назадъ.

Графъ слушалъ съ пристальнымъ вниманіемъ, изрѣдка кивкомъ головы выражая свое сочувствіе. Но когда Володя дошелъ до сцены ареста, глаза старика заблистали, и онъ прервалъ разсказчика восклицаніемъ:

— Изъ-за этого ее держатъ до сихъ поръ въ тюрьмѣ! Не можетъ быть!

— Она теперь здѣсь въ крѣпости.

— Да какъ же не разъяснилось все это потомъ?..

Володя перешелъ затѣмъ къ поѣздкѣ Дмитрія въ О... и къ странному образу дѣйствій Боровского. Какъ ни просилъ его Дмитрій умолчать о своемъ рѣзкомъ объясненіи съ прокуроромъ, Володя не смогъ удержать своего расходившагося негодованія.

— Mais j'en aurais fait autant! C'est une infamie!—воскликнулъ графъ.—Это должно быть племянникъ князя Павла Дмитріевича Боровского, припомнилъ онъ.—Знаю, знаю... Je l'ai rencontré quelque part: несимпатичная личность... Но братъ вашъ долженъ былъ обратиться къ начальнику края... Отличный человѣкъ, справедливый ко всѣмъ...

Володя разсказалъ, какъ неуспѣшны были всѣ попытки Дмитрія.—Теперь онъ самъ подъ надзоромъ полиціи. Изъ Петербурга его выслали.

Старикъ почти вскочилъ со своего мѣста. Юношескій огонь сверкалъ въ его нѣкогда красивыхъ, но уже тускнѣвшихъ глазахъ.

— Какъ? вашъ братъ?! про это не пишетъ... Да зачѣмъ же онъ давно ко мнѣ не обратился?.. Я самъ бы написалъ кому слѣдуетъ.

И на лицѣ графа появилось слегка презрительное выраженіе, какое всегда вызывало у него напоминаніе о лицахъ, занимавшихъ теперь важныя должности: этихъ лицъ, какъ почти всѣ отставные сановники, онъ упорно считалъ чуть не мальчишками. Володя сказалъ, что Дмитрій перебывалъ въ двухъ министерствахъ и что тамъ едва ли что-нибудь можетъ быть поправлено.

— Къ счастію,—взволнованнымъ голосомъ сказалъ графъ,—у насъ есть власть повыше всѣхъ этихъ господъ... Là on ne se retranche jamais derrière des formalités.

— Мы и надѣялись, графъ,—съ искреннею теплотой проговорилъ Володя,—что вы не откажетесь сдѣлать для насъ даже такой шагъ...

Графу, должно быть, въ эту минуту что-то очень понравилось въ молодомъ человѣкѣ. Всякая тѣнь офиціальности въ немъ исчезла, и теперь онъ протянулъ Володѣ руку. Пожатія этой руки были рѣдки, но за то всегда искренни.

— Повторяю вамъ, сдѣлаю что могу... Ну, а вы, я слышу, предводителемъ? Хорошо. Радуюсь за васъ... Увѣренъ, что вы не уроните должность.

Володя всталъ, сознавая, что предметъ его разговоровъ съ графомъ истощенъ, и горячо выразилъ старику живое чувство благодарности.

— А вы надолго здѣсь?—спросилъ еще графъ, когда Володя уже раскланялся.

— Не знаю, право,—съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ Володя.—Опредѣленнаго срока нѣтъ.

— Avez vous été chez ma niéce?—продолжалъ спрашивать графъ, не знавшій о размолвкѣ Елены съ Корецкими.

Володя, все болѣе смущаясь, сказалъ, что не былъ, да и сомнѣвается въ своемъ правѣ бывать, такъ какъ случайное знакомство въ деревнѣ...

Онъ не успѣлъ докончить своей довольно запутанной фразы, какъ графъ перебилъ его:

— Поѣзжайте. Ручаюсь, что вамъ будутъ очень рады.

Выходя отъ графа, Володя задался вопросомъ, что могли значить эти послѣднія слова. Неужели произошелъ въ его пользу неожиданный поворотъ? Всѣ вѣсти, доходившія до него послѣ отъѣзда Елены, не были ободряющаго свойства. Ея долгое пребываніе за границей и то обстоятельство, что Борисъ Сокольницкій провелъ зиму въ ея виллѣ, сильно поколебали его надежды.

Онъ такъ былъ занятъ этими мыслями, что и не замѣтилъ, какъ въ тотъ самый мигъ, когда онъ выходилъ на крыльцо, къ дому подъѣхала карета. Лакей, быстро соскочивъ съ козелъ, подбѣжалъ къ дверцамъ, и одна изъ сидѣвшихъ въ каретѣ дамъ нагнулась къ нему изъ окна. Взглядъ ея тотчасъ упалъ на молодого человѣка и должно быть въ этомъ взглядѣ была какая-то притягательная сила, только глаза Володи, случайно повернувшись къ каретѣ, встрѣтили и уловили его. Кровь бросилась въ лицо Володи: онъ узналъ живое личико Жени. Невольно онъ кинулся впередъ къ каретѣ, но тотчасъ остановился. Какъ ни хотѣлось ему воспользоваться неожиданнымъ случаемъ, онъ не смѣлъ подойти къ молодой дѣвушкѣ. Бѣдный малый пережилъ много тревогъ съ тѣхъ поръ, какъ пришло къ нему изъ Біаррица письмо Женички. За этимъ первымъ письмомъ, на которое онъ, разумѣется, поспѣшилъ отвѣтить, недѣли три спустя послѣдовало другое. Женичка писала уже изъ Ниццы, куда Елена Михайловна переѣхала въ началѣ октября, и на этотъ разъ счастливое, оживленное настроеніе еще ярче проглядывало въ каждой строчкѣ. Солнце юга отражалось въ этомъ письмѣ, но Володѣ его свѣтлые лучи внушили самыя мрачныя думы. Онъ не понималъ, что радостное отношеніе къ жизни было насущною потребностью для Женички. Любовь готова ревновать даже къ природѣ. А тутъ, какъ нарочно, доходили до него слухи, что Елена Михайловна въ Ниццѣ зажила открытымъ домомъ. Женичка впрочемъ и сама не скрывала, что ей ужасно весело въ

пестромъ обществѣ средиземной столицы. Воображеніе дорисовывало картину полной измѣны молодой дѣвушки, и Володя въ своихъ мечтахъ уже видѣлъ ее окруженною цѣлымъ роемъ поклонниковъ, изъ числа тѣхъ праздныхъ повѣсъ, которыми такъ богата космополитическая Ницца. Про скорое возвращеніе въ Россію Женичка уже не упоминала вовсе. Къ довершенію бѣды, случайное письмо одного бывшаго товарища, тоже заѣхавшаго въ Ниццу, сообщило Володѣ про сплетни, ходившія насчетъ Елены Михайловны. Молодая женщина стала повидимому одною изъ львицъ очаровательнаго прибрежья, и благосклонная молва не скупилась на оцѣнку ея поведенія. На этотъ разъ, впрочемъ, молва не клеветала. Елена разомъ стряхнула съ себя ту напускную строгость, на которую обрекла себя въ прежніе годы. Ей вдругъ захотѣлось какъ бы вернуть потраченное время, и какъ это часто бываетъ, за недававшееся ей счастье, она вознаградила себя инымъ, болѣе дешевымъ. Что происходило въ ней самой среди ея мишурнаго веселья, этого конечно никто знать не могъ. Въ Ниццѣ уже прямо указывали на какого-то итальянскаго князя, носившаго длинное имя давно несуществующаго замка, и пріятель Володи съ безцеремонностію молодыхъ людей превратилъ эти намеки въ прямыя обвиненія. Володю письмо это привело въ неописанное смущеніе. Елена представлялась ему какимъ-то чудовищемъ. „И вотъ“, думалъ онъ, „среди какой обстановки въ домѣ этой падшей женщины приходилось жить бѣдной неопытной дѣвушкѣ!“ Онъ негодовалъ на Елену и придумывалъ несбыточные планы, чтобы вырвать Женю изъ зачумленной среды. Ни къ какому рѣшенію онъ, разумѣется, не пришелъ, но зато отвѣтъ его молодой дѣвушкѣ на этотъ разъ уже дышалъ оскорбленнымъ чувствомъ и полонъ былъ колкихъ упрековъ. Женичка въ свою очередь разсердилась, не объяснивъ себѣ причины его раздраженія, и перестала къ нему писать. Конечно и ей было немного больно и наступившая маленькая раз-

молвка иногда навѣвала на нее облачко грусти. Но въ Ниццѣ было такъ хорошо, она подружилась тамъ съ такими юными англичанками, опекунъ ея, старый графъ, тоже пріѣхавшій въ Ниццу, былъ съ нею такъ предупредителенъ и милъ, что жилось ей очень хорошо среди искусственнаго, зимняго лѣта, вѣчно цвѣтущей Ниццы. Правда, и Борисъ Сокольницкій поселился въ ихъ виллѣ, и его постоянная близость не была ей особенно пріятна. Но Борисъ теперь относился къ ней такъ сдержанно и просто, что она съ нимъ помирилась очень скоро. „Тѣмъ хуже для Володи", говорила она себѣ, „коли онъ долженъ обходиться теперь безъ моихъ писемъ. Зачѣмъ онъ дуется? Развѣ я въ чемъ-нибудь виновата?!".

А мрачное настроеніе Володи все усиливалось. Онъ еще разъ написалъ молодой дѣвушкѣ, и не получилъ отвѣта. Черезъ брата онъ между тѣмъ узналъ, что Сокольницкіе живутъ вмѣстѣ съ Еленой, и это извѣстіе повергло его въ отчаяніе. Когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ, предстоявшая можетъ быть встрѣча съ Женичкой заранѣе возбуждала въ немъ и гнѣвъ, и трепетное замираніе сердца. А теперь, когда Женичка была въ трехъ шагахъ отъ него и ласково кивнула ему головой, весь этотъ давно накопленный гнѣвъ куда-то исчезъ и осталось одно смущеніе.

Лакей между тѣмъ, слегка приподнявъ шляпу, выслушалъ приказаніе своей госпожи и поспѣшно вошелъ въ домъ.

— Владиміръ Алексѣевичъ, здравствуйте! — разсмѣявшись подозвала его Женичка. Его недоумѣвающая фигура показалась ей очень комичною, и врожденная шаловливость не исчезла даже въ минуту встрѣчи. Онъ подошелъ и пожалъ ея протянутую ручку. Миссъ Финчъ тоже ласково поклонилась изъ глубины кареты.

— Вы, кажется, все продолжаете сердиться? Но скажите, пожалуйста, за что вы сердитесь? Я бы, право, должна наказать васъ за это...

Но видно Женичка чувствовала себя не совсѣмъ правою, такъ какъ и въ голосѣ ея, и въ заискрившихся глазкахъ не было и тѣни той гордой холодности, съ которою она собиралась его встрѣтить. Все это вышло такъ неожиданно, что заранѣе припасенныя слова и заученное притворное равнодушіе были ею совершенно забыты.

— Я не сержусь, Евгенія Александровна.—Я, напротивъ, такъ безконечно радъ... но еслибъ вы знали, что я вынесъ за время вашего отсутствія!..

Смѣшливость ея мигомъ исчезла, но она тотчасъ остановила его въ томъ же веселомъ тонѣ; нельзя же было дать разыграться патетической сценѣ на улицѣ.

— Вы бы должны благодарить за мои письма, вы ихъ не стоили,—проговорила она съ укоромъ.

— Письма, которыхъ я не получалъ уже цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, продолжалъ онъ, не отвѣчая на ея веселый тонъ.—Но теперь не до упрековъ, Евгенія Александровна,—ему казалось совершенно невозможнымъ называть ее просто Женей попрежнему,—времени у насъ немного, имъ надо пользоваться... Вы велѣли о себѣ доложить графу?

Онъ спросилъ это почти торжественно, съ тревожнымъ дрожаніемъ въ голосѣ, а на лицѣ его между тѣмъ читалась и радость, и какая-то непонятная для нея боязнь.

— Да. Развѣ вы не знаете, что онъ мой опекунъ? уже совершенно серьезно отвѣтила она, не догадываясь, почему онъ объ этомъ спрашиваетъ такъ тревожно. — Онъ такой добрый и славный. Да вы, кажется, сами отъ него?

— По дѣлу брата и Нади. Вы, конечно, знаете?

— Да, бѣдный, бѣдный Дмитрій Алексѣевичъ!..

И она быстро задала ему нѣсколько вопросовъ.

— Вся наша надежда теперь на графа,—задушевно сказалъ Володя.—Я его очень, очень уважаю. Онъ за насъ и въ другомъ нашемъ дѣлѣ, если только я могу дѣло это считать еще нашимъ.

Въ голосѣ молодого человѣка опять слышалось недовѣріе.

Но Женичка упорно не хотѣла понять. „Боже мой“, думала она про себя, „зачѣмъ онъ тратитъ дорогія минуты на эти совсѣмъ ненужные упреки и какъ трудно съ нимъ говорить“. Она начинала даже сердиться за его упрямое недовѣріе.

— Вы говорите, что графъ за насъ,—сказала она,— и все-таки не хотите, чтобъ я къ нему ѣздила...

— Здѣсь живетъ не одинъ Сергѣй Борисовичъ, — неосторожно проговорился Володя.

Лицо Женички покрылось яркимъ румянцемъ. Ей было и стыдно, и больно за подозрѣніе, сквозившее въ его словахъ. Гнѣвныя слезы едва не показались у нея на рѣсницахъ.

— Если вы можете такъ говорить со мной,—произнесла она съ усиліемъ,—послѣ всего, что было прошлымъ лѣтомъ, послѣ моей поѣздки въ Бѣлые Столбы...

Онъ не далъ ей досказать.

— Женя,—воскликнулъ онъ,—стало быть вы не забыли про то, что говорено было тамъ?

Ей стало жаль его.

— Я та же, что и тогда, только вы, кажется, измѣнились, Владиміръ Алексѣевичъ,—сказала она.

Володя хотѣлъ еще что-то прибавить, но она его остановила:—а насчетъ графа вы правду сказали—онъ всегда будетъ за меня... и за васъ тоже. Только онъ до сихъ поръ не знаетъ.

— И вы ему не скажете?

У Володи теперь радостно заискрились глаза.

— Скажу, когда будетъ нужно... можетъ быть очень скоро...

— А Елена Михайловна попрежнему...

Володя не успѣлъ договорить своего вопроса: на крыльцѣ показался молодой Сокольницкій, а за нимъ просунулась въ двери и фигура лакея. Борисъ Сергѣевичъ, случайно подойдя къ окну, узналъ карету Ор-

дынцевыхъ, и безъ особеннаго удовольствія подмѣтилъ оживленный разговоръ Володи съ молодою дѣвушкой. Онъ живо спустился въ сѣни, накинулъ пальто и вышелъ на улицу, какъ бы для прогулки.

— А, кузина, — сказалъ онъ живо подходя къ каретѣ,—я и не подозрѣвалъ, что вы заѣхали. Отецъ дома, онъ будетъ очень радъ; хотите, я васъ высажу?

Онъ принялся отворять дверцы и улыбнулся въ сторону Володи. Но теперь въ улыбкѣ его не было уже ничего радушнаго: „постой мой милый“, подумалъ онъ, „я проучу тебя какъ слѣдуетъ, коли ты думаешь приняться за прежнее“.

— Его сіятельство васъ просятъ,— за спиной молодого графа проговорилъ лакей.

Кончикъ сапожка Женички высунулся на подножку и, не принимая ни одной изъ протянутыхъ ей рукъ, она спрыгнула на тротуаръ.

— До свиданья, Владиміръ Алексѣевичъ,—ласково кивнула она Володѣ.—Au revoir et bonne promenade!— чуть-чуть насмѣшливо обратилась она къ молодому графу, протягивая ему руку, туго обтянутую шведскою перчаткой съ шестью пуговицами.

Молодой графъ тотчасъ любезно предложилъ Володѣ пройтись съ нимъ вмѣстѣ, хоть и злился на то, что ему приходилось совершить невольную прогулку. Не мѣшало во всякомъ случаѣ убѣдиться, насколько разговоръ съ Женичкой усилилъ надежды молодого человѣка. Володѣ не пришлось скрытничать: столько недосказаннаго осталось между нимъ и Женичкой, что встрѣча съ нею не вызвала въ немъ того слегка опьяняющаго восторга, который такъ легко читается въ молодыхъ глазахъ. И Борисъ Сергѣевичъ, нѣсколько успокоясь, воспользовался ближайшимъ угломъ, чтобы разстаться съ Володей, рѣшивъ однако, что въ домъ Елены Михайловны молодому человѣку надо преградить доступъ.

Володя между тѣмъ уже на слѣдующій день хотѣлъ

воспользоваться совѣтомъ стараго графа и завернуть къ Ордынцевымъ, но когда въ исходѣ четвертаго часа онъ направлялся къ нимъ, на Сергіевскую, съ нимъ на Гагаринской набережной поравнялась коляска Елены, въ которой она была сама съ Женичкой и двумя мужчинами. Одинъ изъ нихъ, сидѣвшій противъ молодой дѣвушки, былъ Борисъ Сокольницкій. Онъ велъ съ ней оживленную бесѣду и повидимому забавлялъ ее. Въ другомъ Володя узналъ Боровского. Коляска проѣхала всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тротуара. Володя снялъ шляпу, но Елена, хотя тотчасъ узнала его, сдѣлала видъ, будто не замѣчаетъ, а Женичка и въ самомъ дѣлѣ не примѣтила. Володя сильно покраснѣлъ и тотчасъ повернулъ къ себѣ въ гостиницу. Это само по себѣ ничтожное обстоятельство сразу воскресило въ немъ пріутихшія было опасенія. „Она дурачила меня вчера, вотъ что“, сказалъ онъ себѣ, „да и тамъ, въ Бѣлыхъ Столбахъ, тоже. А я готовъ былъ ей снова повѣрить... Кто знаетъ, можетъ быть она смѣется теперь надо мной, съ этимъ пустоголовымъ адъютантомъ. Идти къ нимъ значило бы только даромъ уронить себя... Онѣ меня знать не хотятъ. Это ясно, какъ день!“ Володя былъ готовъ обвинить самого стараго графа въ двоедушіи. Но всего больнѣе кольнулъ его въ сердце видъ смѣющагося личика Жени. „Какъ можетъ она“, думалъ онъ, направляясь крупными шагами къ Адмиралтейской площади, „такъ охотно слушать плоскія любезности этого противнаго Бориса“!? „Кокетка, вѣтреный ребенокъ!“ невольно повторялъ онъ слова Ленскаго и сравнивалъ себя съ бѣднымъ женихомъ Ольги Лариной. Несчастная любовь охотно себя терзаетъ безотрадными мечтами. И Володя рѣшилъ, что нога его не будетъ у Ордынцевыхъ, что онъ разорветъ съ ними, забудетъ эту вѣтреную дѣвочку.

Между тѣмъ онъ совершенно напрасно обвинялъ Женичку. Ея усиленная веселость происходили какъ разъ оттого, что наканунѣ, разставшись съ Володей,

она про все подробно разсказала опекуну и нашла въ немъ союзника. Старый графъ еще со дней молодости питалъ особую склонность къ романическимъ завязкамъ, а на склонѣ лѣтъ не прочь былъ разыграть роль благодѣтельнаго провидѣнія. Дома Володю ждало извѣстіе, заставившее на время позабыть даже про Женичку. Швейцаръ гостиницы, гдѣ онъ остановился, подалъ ему только что полученную телеграмму. Онъ съ полнымъ равнодушіемъ вскрылъ конвертъ, отнюдь не предчувствуя содержанія. Но когда онъ прочелъ, лицо его мигомъ измѣнилось, и то, что за минуту передъ тѣмъ казалось ему безутѣшнымъ горемъ, поблѣднѣло передъ новою, еще большею скорбью. Вотъ что онъ прочелъ:

„Петербургъ, гостиница Демутъ, Корецкому.

„Пріѣзжай. Матушка опасно занемогла. *Дмитрій*“.

Въ тотъ же вечеръ съ курьерскимъ поѣздомъ Володя отправился въ Москву.

XVII.

Несчастія, одно за другимъ постигшія семью Корецкихъ, словно и не коснулись Анны Григорьевны. Дмитрій, глядя на мать, даже радовался. Вспышка, происшедшая во время обыска, пробудила какъ будто прежнюю Анну Григорьевну: старушка не успокоилась на вѣжливомъ письмѣ губернатора, и постояла за посрамленную честь своего дома. Въ Петербургъ была отправлена жалоба, написанная въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, и Анна Григорьевна сама не задумалась бы поѣхать туда же, и лично поддержать тамъ свои обвиненія. Но случай съ Надей и отъѣздъ Дмитрія побудили ее остаться въ Бѣлыхъ Столбахъ и даже совсѣмъ забыть о причиненной ей кровной обидѣ. Какъ оно всегда и бываетъ, меньшая бѣда стушевалась передъ болѣе сильною. Анна Григорьевна теперь только поняла,

какъ дорога ей стала Надя, и хотя ея привязанность къ племянницѣ была, такъ-сказать, изъ вторыхъ рукъ, черезъ посредство сына, старушка охотно бы пожертвовала для Нади не только остаткомъ силъ, но и тѣмъ, что было ей всего дороже послѣ дѣтей—своею независимостью, которой она въ цѣлую жизнь не роняла ни передъ кѣмъ. Она бы пошла теперь на всякое униженіе, чтобы спасти Надю. Ни на минуту не западало ей въ душу раскаяніе въ томъ, что она согласилась на свадьбу Дмитрія: она и въ мысляхъ не упрекнула Надю за случившееся. Теперь, когда сына ожидала впереди трудная и долгая борьба, ей надо было крѣпиться всѣми силами, чтобы поддержать его и утѣшить. Въ ея глазахъ Дмитрій, какъ скоро его постигло горе, сталъ опять какъ бы ребенкомъ, которому нужна прежде всего ласка и поддержка матери. И она съ нетерпѣніемъ ожидала вѣстей изъ О... А вѣсти оттуда шли все хуже и безнадежнѣе. Вернулся и самъ Дмитрій. Но вернулся совершенно инымъ. Горе его сразило. Даже въ волосахъ его стала пробиваться сѣдина. Анна Григорьевна тотчасъ подмѣтила эту перемѣну, но хорошо понимала, что слезами дѣлу не поможешь. Дмитрію она не выдала своей грусти и плакала лишь наединѣ. Въ его присутствіи она казалась бодрою, почти суровою и не переставала твердить, что все уладится, хотя сама этому плохо вѣрила. Когда онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, она хотѣла было отправиться съ нимъ, но Дмитрій ее не пустилъ. Въ письмахъ своихъ къ нему она упорно его обнадеживала. Даже когда онъ пріѣхалъ оттуда, и пріѣхалъ почти въ ссылку, Анна Григорьевна не упала духомъ. Она сошла къ нему въ сѣни, судорожно прижала его къ груди, и только двѣ горькія слезинки медленно скатились по ея сморщенному лицу. Она силилась увѣрить и его, и всѣхъ прочихъ, что жизнь ихъ можетъ пойти по старому и надо развѣ отложить на время то полное семейное счастье, которое еще такъ недавно у нихъ было подъ руками. Надо было въ осо-

бенности все такъ устроить, чтобы никто изъ домашнихъ, да и изъ посторонних тоже, не догадался о случившейся перемѣнѣ. Анна Григорьевна съ какимъ-то несвойственнымъ ей мелкимъ тщеславіемъ стала теперь дорожить каждымъ самымъ ничтожнымъ признакомъ уваженія къ сыну, хотя бы со стороны крестьянъ. Она силилась и въ немъ самомъ воскресить живой интересъ, съ которымъ онъ принялся за дѣла въ первый свой пріѣздъ. Тутъ конечно съ ея стороны была и неискренность, и нѣкоторое самообольщеніе. Старушка знала очень хорошо, что нельзя искусственно возстановить лопнувшую нравственную пружину. Но ей все-таки казалось, что можно себя принудить къ дѣлу и что даже и такой подогрѣтый интересъ иногда помогаетъ, какъ средство отогнать неугомонно-тоскливую мысль.

Но Дмитрій уже не былъ способенъ и на мнимую дѣятельность. Къ чему было лицемѣрить, да еще передъ самимъ собою, когда вся его жизнь и въ настоящемъ, и въ будущемъ сосредоточилась на одномъ помыслѣ,— на судьбѣ Нади. Для вида онъ продолжалъ руководить хозяйствомъ, но при этомъ слишкомъ ужъ замѣтно было его полное равнодушіе. Онъ охотно, самъ того не замѣчая, все передалъ младшему брату Володѣ.

Молодой человѣкъ одинъ, казалось, и уцѣлѣлъ въ семьѣ Корецкихъ. Онъ, разумѣется, принималъ участіе въ семейномъ горѣ—сердце у Володи было не черствое. Но собственная его жизнь сложилась такимъ образомъ, что ни одно впечатлѣніе не захватывало его глубоко. Тревоги его насчетъ Женички причиняли ему много безсонныхъ ночей: но и онѣ даже не приносили съ собой горькаго разочарованія неудачной любви, потому что въ сущности онъ упорно не вѣрилъ въ свою неудачу. Милый образъ Жени улыбался ему въ ту самую минуту, когда всего болѣе возмущала его мысль объ ея измѣнѣ, и жизнь Володи проходила среди этихъ колебаній между мрачными и сладкими грезами. Онъ

даже находилъ въ этомъ какую-то особенную, слегка болѣзненную прелесть. Онъ можетъ быть и отчаивался, но только чуть-чуть, на самой поверхности сердца, и вспышки радостной любви, всегда увѣренной въ себѣ, скоро приносили ему хотя мимолетное утѣшеніе.

Володя и не думалъ отказываться отъ своихъ замысловъ насчетъ предводительства. Они даже какъ разъ напоминали ему про Женю. И пока Дмитрій въ Петербургѣ тщетно добивался праваго суда, Володя въ деревнѣ съ успѣхомъ проводилъ свою кандидатуру. Его растущей популярности не помѣшалъ даже случай съ братомъ, хотя, вообще говоря, надъ Бѣлыми Столбами повѣяло опалой. Туда рѣдко кто теперь заглядывалъ, кромѣ развѣ Томилина. Отъ Дмитрія въ уѣздѣ сторонились. И Богъ вѣсть, что за дикіе слухи стали ходить на его счетъ, благодаря тому полумраку, которымъ въ глазахъ мѣстнаго общества была окружена судьба Нади. Зато Володю всѣ охотно зазывали къ себѣ, въ надеждѣ можетъ быть, кое-что разузнать про загадочную исторію невѣсты брата. Володя радушно принималъ степное хлѣбосольство, добросовѣстно хвалилъ стерляжую уху, не менѣе добросовѣстно любезничалъ съ уѣздными дамами и дѣлалъ все это безъ заднихъ мыслей, съ самою очаровательною наивностью. Когда въ декабрѣ открылись дворянскіе выборы, Уховъ и не пробовалъ съ нимъ состязаться.

Аннѣ Григорьевнѣ однако эти успѣхи младшаго сына не доставляли и тѣни утѣшенія. Порой она даже прямо возмущалась ими. Неравенство въ судьбѣ братьевъ казалось ей вопіющею несправедливостью, какъ будто Володя отнималъ у брата законную долю счастія. „Право, не понимаю“, говаривала она часто Томилину, когда Ѳедоръ Васильевичъ думалъ ей угодить расхваливая Володю, „отчего ему такъ везетъ, между тѣмъ какъ бѣдный Митя...“ и она договаривала про себя, что вѣдь Дмитрій умнѣе и способнѣе брата, а ему выдалось въ жизни лишь горе да неудачи.

Такъ однообразно и тускло протянулись зимніе мѣсяцы. Жизнь словно замерла въ Бѣлыхъ Столбахъ, точно и ее, какъ черноземныя поля, окутала мертвенная, снѣжная пелена. Одно только поддерживало Дмитрія въ эти грустные дни и помогало ему бороться съ охватившимъ его сознаніемъ полнаго безсилія: бодрость все еще не покидавшая Анну Григорьевну. Но и эта послѣдняя опора семьи была ненадежна. Дмитрій часто съ трепетомъ задумывался о будущемъ, спрашивая себя, надолго ли хватитъ той силы воли, которая словно не давала дряхлѣть старушкѣ матери. Постоянное напряженіе силъ не можетъ долго устоять противъ медленнаго разъѣдающаго дѣйствія скорби. Сыновья Анны Григорьевны часто заговаривали о ней съ Томилинымъ, какъ бы желая вывѣдать его мнѣніе и услышать ободряющее слово. Но Томилинъ боялся за будущее можетъ быть еще болѣе самого Дмитрія. Именно потому, что крѣпкая натура Анны Григорьевны не поддавалась дѣйствію постигшаго ее горя, сила отпора могла рухнуть вдругъ и разъ навсегда.

Когда въ первыхъ числахъ марта въ Бѣлыхъ Столбахъ узнали о возвращеніи графа Сергѣя Борисовича изъ-за границы, тотчасъ было рѣшено, что Володя поѣдетъ въ Петербургъ и обратится за содѣйствіемъ къ старому графу.

И вотъ въ Бѣлыхъ Столбахъ была получена телеграмма отъ Володи, отосланная послѣ его объясненія съ графомъ. Онъ обѣщалъ въ ней со своимъ неизмѣннымъ оптимизмомъ почти вѣрный успѣхъ. Но даже и это извѣстіе не могло теперь обрадовать Дмитрія. Въ этотъ самый день Анна Григорьевна, вернувшись съ прогулки, вдругъ почувствовала себя нехорошо и слегла въ постель.

„Простудилась немножко должно быть“, объяснила она, не желая придавать значенія своему нездоровью, „голова кружится: должно-быть весенній воздухъ. Отдохну часа два, къ вечеру отойдетъ“. Она не захотѣла

даже, чтобы послали за врачемъ. Но къ вечеру Анна Григорьевна не встала. Сдѣлался жаръ; ей стало тяжело дышать. Дмитрій перепугался и, несмотря на ея запретъ, послалъ за докторомъ. Когда онъ явился, были уже всѣ признаки начинающагося воспаленія легкихъ. Всего хуже было то, что съ перваго же дня силы стали быстро упадать и, несмотря на лихорадку, пульсъ былъ едва замѣтенъ. Сознаніе однако не терялось. Анна Григорьевна внимательно слѣдила за словами доктора, стараясь понять ихъ туманный, неопредѣленный смыслъ.

— Дмитрій,—подозвала она сына къ кровати, когда докторъ вышелъ изъ комнаты, — не дай мнѣ умереть безъ причастія; обѣщай мнѣ...

— Что вы, мама, что вы... докторъ вѣдь ничего не сказалъ такого...

Онъ хотѣлъ скрыть отъ нея свои опасенія.

Анна Григорьевна слабо покачала головой.—Митя, другъ мой,—сказала она шепотомъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы смягчить свои грустныя слова,—жаль мнѣ покидать васъ именно теперь... я вѣдь знаю, что я у тебя одна, да видно Богу такъ угодно. Плохо мнѣ что-то, Митя.

Дмитрій съ докторомъ просидѣли всю ночь у больной. Анна Григорьевна лежала удивительно спокойно, хоть и не могла уснуть, и черты ея лица, выдѣлявшіеся на бѣлой подушкѣ при блѣдномъ мерцаніи ночника, странно какъ-то осунулись, словно она вся похудѣла въ эту безсонную, лихорадочную ночь. Вся ея долго крѣпившаяся бодрость разомъ ее оставила. Она боролась съ недугомъ до полнаго истощенія, и болѣзнь сокрушила ее разомъ. Въ комнатѣ царила какая-то зловѣщая неподвижность, точно тишина могилы понемногу овладѣвала ею.

Утромъ Дмитрій послалъ брату депешу. Какъ ни пробовалъ его успокоить докторъ, увѣряя, что прямой опасности нѣтъ, Дмитрій почему-то зналъ, что на этотъ разъ никакими стараніями уже не спасти матери. Онъ

съ тревогой слѣдилъ за малѣйшими измѣненіями въ ходѣ болѣзни, чуть ли не каждые полчаса разспрашивалъ доктора, какъ бы умоляя его сказать лишній разъ утѣшительное слово, а въ то же время внутренній голосъ ему твердилъ, что онъ обманываетъ самого себя и надежды нѣтъ у него никакой, такъ какъ и онъ, и мать твердо увѣрены, что насталъ для нихъ обоихъ часъ вѣчной разлуки.

Анна Григорьевна не очень страдала; дышалось ей, правда, съ трудомъ, но какая-то тихая покорность осѣнила ее; удивительно спокойно и мирно лежала она, бѣлая какъ воскъ, на бѣлой подушкѣ. Не было и борьбы со смертью: жизнь какъ будто пріостановилась. Иногда въ теченіе часа или двухъ старушка бредила, но и бредъ у нея былъ не тревожный. Она вспоминала въ эти минуты про хорошіе прежніе дни, и милые отголоски минувшаго навѣвали на нее тихую радость. Заговаривала она съ Дмитріемъ не часто. Встрепенется немножко, подзоветъ, и поцѣловавъ его въ голову, шепнетъ ему два, три ласковыя слова.

О смерти она больше не упоминала, точно ей думалось, что можно незамѣтно уйти отъ семьи. Да и докторъ продолжалъ увѣрять, что опасности нѣтъ и болѣзнь идетъ своимъ нормальнымъ ходомъ. Такъ прошли два дня. Въ ночь на третій день Анна Григорьевна вдругъ заметалась на кровати, и въ первый разъ съ самаго начала болѣзни ею овладѣли лихорадочныя грезы. Она вспоминала мужа, постоянно смѣшивая его съ Дмитріемъ, и изъ ея словъ какъ будто выходило, что Дмитрія уже нѣтъ въ живыхъ и она виновата въ его смерти; потомъ она вспомнила про Надю, и точно укоряющій призракъ явился передъ нею; только глаза ея испуганно глядѣли и руки какъ бы отмахивали какое-то грозное видѣніе.

— Я тебя погубила... прости меня... я виновата, твердила она въ бреду.—Боровской, Боровской!.. я отпустила тебя къ нему... я виновата...

Дмитрій ближе подошелъ къ кровати, больная не узнала его. Она испуганно отвернулась въ сторону и въ бреду ей представилось, что это не сынъ, а самъ Боровской подошелъ къ ней и хочетъ ее куда-то увлечь. Капли холоднаго пота выступили у нея на лбу. Цѣлый часъ продолжался бредъ. Мысли старушки все болѣе путались и все болѣе страшныя грезы мучили ее. Наконецъ, со слабымъ крикомъ она опустилась на подушку, закрыла глаза и затихла на всю ночь. Къ утру ей стало хуже. Сознаніе вернулось полное, но силы еще болѣе упали.

— Что Володя... будетъ? спросила она у Дмитрія, который ей до тѣхъ поръ не говорилъ про посланную имъ телеграмму.—Мнѣ такъ бы хотѣлось его благословить...

Дмитрій ее успокоилъ, сказавъ что Володю ожидаютъ съ часу на часъ. Вѣрный своему обѣщанію, онъ самъ теперь бережно напомнилъ матери желаніе ея причаститься.

— Спасибо тебѣ, дружокъ мой... стало быть пора?

Она посмотрѣла ему прямо въ лицо. Дмитрій опустилъ глаза. Послали за отцомъ Зосимой. Анна Григорьевна исповѣдывалась недолго: слишкомъ ужъ она была слаба для длинной бесѣды съ духовникомъ; да и что могъ сказать ей отецъ Зосима? Недальняго ума онъ былъ человѣкъ, но по-своему любилъ Анну Григорьевну, всего болѣе можетъ быть по привычкѣ. Ему самому было грустно: пока онъ въ послѣдній разъ ей отпускалъ нетяжкіе грѣхи, простая задушевность, съ которою онъ слегка дрожащимъ голосомъ произнесъ разрѣшительныя слова была, лучше всякой попытки на краснорѣчивое утѣшеніе.

Послѣ причастія Анна Григорьевна опять стала совершенно спокойна. У нея даже какъ будто послѣдняя тревога отпала отъ души: теперь она свободно заговорила съ Дмитріемъ про Надю, о которой до этого избѣгала упоминать.

— Жаль, что съ ней бѣдной проститься нельзя! такъ бы хотѣлось ее поцѣловать, да прощенія попросить... помнишь? А въ мысляхъ-то часто обижала! Ты ей напиши, можетъ быть какъ-нибудь и доставятъ, напиши, что я ей шлю благословеніе, какъ родной дочери.

Она помолчала немножко.

— А мнѣ все-таки не вѣрится,—заговорила она опять,—чтобы ты съ Надей не свидѣлся. Сдается мнѣ, что не могла бы я спокойно умереть, кабы тебѣ не суждено было найти съ нею счастія.

Володя еще засталъ мать въ живыхъ. Онъ пріѣхалъ вечеромъ. Хоть его и очень напугала телеграмма Дмитрія, но дорогой онъ уговорилъ себя, что братъ, должно-быть, преувеличиваетъ опасность.

Дурныя предчувствія никакъ не укладывались въ головѣ Володи; за то, когда онъ выскочилъ изъ тарантаса, и уже на лицѣ Терентія прочелъ горькую правду,—на лица старой прислуги всегда какой-то особенный отпечатокъ кладетъ наступающая въ домѣ кончина,— молодой человѣкъ разомъ упалъ духомъ. Сердце болѣзненно сжалось и крупныя слезы показались на глазахъ. Онъ стремительно бросился къ брату, сходившему съ лѣстницы, и громко почти съ крикомъ закидалъ его вопросами: — Какъ? что? неужели нѣтъ надежды?

— Говори потише, она уснула,—остановилъ его Дмитрій.

Володя никакъ не могъ войти сразу въ грустную колею дома, охваченнаго предсмертною тишиной. Онъ громко зарыдалъ, когда его ввели въ спальню матери. Пришлось даже убѣдить его поскорѣе уйти, послѣ того какъ Анна Григорьевна, проснувшись уже въ послѣдній разъ, коснулась губами его лица, мокраго отъ слезъ, и дрожащею рукой три раза перекрестила ему лобъ.

Яркое мартовское солнце уже глядѣло въ окна, когда Дмитрій закрылъ матери глаза. Послѣдніе часы она провела въ забытьи, и никто изъ бывшихъ въ комнатѣ

хорошенько не зналъ, въ какую минуту вѣчный покой осѣнилъ ея наболѣвшее сердце.

Поднялись тѣ громкія всхлипыванія прислуги, которыя точно колокольный звонъ возвѣщаютъ дому о наступившей смерти.

Всѣмъ распоряжался Томилинъ, поселившійся въ Бѣлыхъ Столбахъ уже дня за два передъ тѣмъ. Дмитрій не въ силахъ былъ отдать малѣйшаго приказанія, а Володя въ первые дни весь отдался шумной, безпокойной скорби, не дававшей ему сосредоточиться ни на чемъ.

На похороны съѣхалось довольно много сосѣдей, даже и такихъ, которые не бывали въ Бѣлыхъ Столбахъ. Есть люди, которые такъ и спѣшатъ воспользоваться своимъ правомъ побывать на чьихъ-нибудь похоронахъ, точно они рады случаю съѣздить въ домъ, куда при жизни покойника ихъ не пускали.

Весна, какъ будто нарочно, въ этотъ день обливала Бѣлые Столбы всѣмъ блескомъ своихъ радостныхъ лучей, но въ старомъ домѣ, откуда только-что вынесли ту, которая властвовала въ немъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, и солнце не могло вызвать оживленія.

Какъ ни играли лучи его на окнахъ, внутри тускло и угрюмо тянулась жизнь, та безотрадная, пустая жизнь, въ которой нѣтъ ни цѣли, ни содержанія.

Володя пробовалъ утѣшить брата вѣстями, привезенными изъ Петербурга. У молодого человѣка уже стало пускать слабые ростки всегдашнее желаніе глядѣть впередъ и ожидать лучшаго отъ наступающаго дня.

Желаніе это онъ хотѣлъ привить и брату. Володѣ становилось душно въ Бѣлыхъ Столбахъ, и такъ какъ ему жизнь много еще сулила впереди, онъ ощущалъ потребность и у другихъ вызвать такія же радужныя ожиданія, но Дмитрій потерялъ какъ будто самую способность надѣяться.

— Зачѣмъ создавать себѣ напрасныя иллюзіи? — отвѣ-

чалъ онъ брату:—графъ Сергѣй Борисовичъ тоже вѣдь не всемогущъ.

И на этотъ разъ Дмитрій оказался правымъ. Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ въ Бѣлые Столбы пришло отъ графа письмо, въ которомъ онъ своимъ крупнымъ, неуклюжимъ почеркомъ съ сожалѣніемъ признавался Дмитрію въ неудачѣ. Какъ всегда, когда ему приходилось говорить о дѣлахъ, графъ писалъ по-русски, нѣсколько тяжеловѣснымъ слогомъ стараго времени.

Про семейное горе Корецкихъ графъ не упоминалъ вовсе: до него еще не дошла вѣсть о смерти Анны Григорьевны.

„Не могу иначе объяснить себѣ встрѣченныя мною трудности“, заканчивалъ письмо свое графъ, „какъ враждебнымъ постороннимъ вліяніемъ. Мнѣ отвѣчали съ обычною милостію и желаніемъ сдѣлать добро, но добавили при этомъ, что правосудіе должно имѣть свой ходъ и предупредить его приговоръ нельзя. Сказано было это черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я имѣлъ счастіе говорить объ этомъ. Мое предложеніе о неблагопріятномъ дѣйствіи со стороны подтверждается особенно тѣмъ, что дѣло, касавшееся васъ лично, не окончилось согласно моему желанію. Въ министерствѣ я даже встрѣтилъ сильное предубѣжденіе противъ васъ. Откуда оно идетъ, я не знаю: тамъ существуютъ обычаи“ — на этомъ мѣстѣ у графа вырвалось наружу его всегдашнее нерасположеніе къ офиціальному міру— „къ которымъ люди моего вѣка уже не имѣютъ ключа. Но я не теряю надежды: гдѣ я привыкъ искать справедливости, я всегда находилъ ее. Жму вашу руку“.

Графъ Сокольницкій.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Цѣлый годъ прошелъ со дня кончины Анны Григорьевны. Въ Петербургѣ опять повѣяло весной, и снова въ свѣтлые мартовскіе дни экипажи вереницей сновали по Невскому и Морской, разношерстная праздная толпа пестрѣла по тротуарамъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, часу въ четвертомъ, по солнечной сторонѣ Невскаго неторопливою, почти старческою поступью шелъ высокаго роста человѣкъ въ длинномъ поношенномъ пальто и мѣховой шапкѣ на сѣдой головѣ. Онъ шелъ неоглядываясь, повидимому весь погруженный въ невеселыя мысли. Вдругъ съ извощичьихъ дрожекъ, подкатившихъ къ тротуару, его громко окликнулъ сидѣвшій на нихъ молодой человѣкъ.

— Ѳедоръ Васильевичъ, постойте, наконецъ-то я васъ поймалъ!...

Томилинъ обернулся, и Володя Корецкій, сунувъ извощику два двугривенныхъ, живо соскочилъ съ дрожекъ. На этотъ разъ молодой человѣкъ уже не глядѣлъ провинціаломъ. На немъ было весеннее пальто моднаго покроя и высокая шляпа изящной формы.

— Владиміръ Алексѣичъ! какими судьбами? Когда вы пріѣхали?..

— Сегодня съ курьерскимъ, и два раза уже заѣзжалъ къ вамъ въ гостиницу. Ваше письмо меня сюда и вызвало.

Они пошли рядомъ по направленію къ Морской.

— Ну, я думаю, не одно мое письмо,—улыбнулся Томилинъ. — Не прочь были вы заглянуть въ Петербургъ. Цѣлый годъ предводительствовали, поневолѣ наскучитъ.

Володя чуть замѣтно покраснѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сталъ онъ увѣрять Томилина,—кабы не вы, я бы ни за что не пріѣхалъ. Дѣла пропасть, просто заваленъ.

Володя находился въ томъ періодѣ молодости, когда любятъ похвастать множествомъ занятій, да и не прочь самихъ себя увѣрить въ важности этихъ самыхъ занятій.

— Ну, такъ что же вы узнали, Ѳедоръ Васильевичъ? Есть какая-нибудь надежда?

Томилинъ уже цѣлый мѣсяцъ былъ въ Петербургѣ. куда отправился по вопросу о земской желѣзной дорогѣ, причинявшей его уѣзду настоящее разореніе: мѣстное земство легкомысленно приняло на себя гарантію процентовъ.

— Мнѣ показалось,—отвѣчалъ онъ,—что въ министерствѣ взглядъ на дѣло вашего брата сталъ помягче. У меня уцѣлѣли, знаете, кой-какія связи, самыя маленькія, ну да все-таки удалось добраться съ ихъ помощью до главныхъ пружинъ. Тамъ одинъ господинъ Гостомысловъ есть, важный такой, какъ всѣ эти тридцатилѣтніе штатскіе генералы, которымъ въ школѣ и во снѣ не снилось, что они въ люди выйдутъ. Смотрятъ, знаете, на нашего брата-провинціала, да еще старика, съ полнѣйшимъ презрѣніемъ; такъ и читаешь въ ихъ глазахъ, что вы вотъ ничего-молъ не смыслите въ высотѣ нашихъ предначертаній и соображеній... Ну, а принялъ меня ничего, любезно; говоритъ: „Дѣло господина Корецкаго можетъ быть поправлено—онъ самъ его испортилъ своею горячностью; а въ сущности, сказалъ онъ потомъ,—я даже совсѣмъ не знаю, за что его выслали“... И сообщилъ онъ мнѣ по секрету, конечно поломавшись,

что всю переписку о вашемъ братѣ министръ потребовалъ на дняхъ къ себѣ.

— Дай-то Богъ, отозвался Володя. — Я сегодня-же къ графу заѣду.

— Мнѣ страннымъ кажется,—немного погодя опять заговорилъ Томилинъ, — что эта перемѣна какъ разъ совпала съ назначеніемъ сюда Боровского. Онъ вѣдь теперь одинъ изъ главныхъ воротилъ, а между тѣмъ его отношенія къ вашему брату...

— Можетъ быть,—перебилъ его быстро Володя,—тутъ подѣйствовало вліяніе Елены Михайловны. Что ни говори, а она вѣдь женщина умная и энергичная.

Хотя Володя имѣлъ много причинъ сѣтовать на Елену, онъ не переставалъ быть на ея счетъ самаго высокаго мнѣнія.

— При чемъ же тутъ Елена Михайловна?—удивленно спросилъ Томилинъ.

— Какъ! вы, живя въ Петербургѣ, не знаете, что она замужемъ за Николаемъ Осиповичемъ? Свадьба была еще прошлою осенью.

Томилинъ мгновенно остановился, такъ его огорошило это извѣстіе.

— Какъ,—воскликнулъ онъ, — она вышла за этого, прости Господи, деревяннаго болтуна?

У Томилина, никогда не злословившаго, на этотъ разъ сорвалось съ языка это странное сочетаніе словъ: очень ужъ сильно недолюбливалъ онъ бывшаго прокурора.

— Елена Михайловна, — продолжалъ онъ уже самъ съ собою, — это тонкая, можно сказать, артистическая натура!..

Томилинъ съ давнихъ поръ, правда на почтительномъ разстояніи, по-старчески восторгался Еленой, олицетворявшею для него все изящество женственности.

Бѣдный старикъ-романтикъ не мастеръ былъ заглядывать въ изгибы женскаго сердца, и въ его глазахъ свадьба Елены съ Боровскимъ была какимъ-то святотатствомъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ было чему подивиться. Сама Елена не повѣрила-бы, если-бы годъ назадъ ей это предсказали.

А случилось оно само собою, просто и незамѣтно, какъ совершаются почти всегда самыя негаданныя событія. Въ одинъ прекрасный день, даже не сговариваясь, и онъ и она вдругъ пришли къ заключенію, что лучшаго исхода для нихъ и быть не можетъ. И тутъ же они сказали себѣ, что мысль эта давно подкрадывалась къ нимъ обоимъ.

Про любовь между ними, разумѣется, не было и рѣчи. Оба они были слишкомъ умны, чтобы давать себѣ трудъ разыгрывать комедію взаимной привязанности. Хоть и очень различными путями шла ихъ жизнь, она привела ихъ на одну точку.

Послѣ разрыва съ Дмитріемъ, Еленѣ захотѣлось было вознаградить себя за потерянное счастіе хотя бы его мишурною поддѣлкой. Она сказала себѣ, какъ многіе это дѣлаютъ, что незачѣмъ слишкомъ высоко искать своего счастья, а то потеряешь его изъ виду. Въ томъ-то и заключается житейская мудрость, чтобъ имѣть его всегда подъ рукой. Вскорѣ однако Еленѣ показалось, что не только ея идеалъ, но и сама она опустилась на нѣсколько ступеней; и часто ей приходилось брезгливо отворачиваться отъ того шумнаго омута, въ который она старалась погрузиться. Лебеди, какъ увѣряютъ, не могутъ долго плыть въ мутной водѣ. И на этотъ разъ, какъ въ первые дни ея молодости, къ ней на помощь пришло честолюбіе. Еслибы можно было, думала она, имѣть впереди какую-нибудь положительную, хотя бы не женскую цѣль, стремиться вверхъ къ почету и власти, она была бы спасена. Но вѣдь женское честолюбіе можетъ быть удовлетворено только съ помощію иного существа. Какъ неопытные игроки на биржѣ, женщины безъ чужой помощи не могутъ вести игру на повышеніе. И вотъ ей пришло въ голову, что Боровской какъ разъ для нея подходящій союзникъ. Его способности,

его холодная стойкость почти обезпечиваютъ успѣхъ. Нужды нѣтъ, что любовь никогда не сольетъ ихъ воедино. На высотѣ всегда бываетъ холодно. Онъ, по крайней мѣрѣ, не свяжетъ ничѣмъ ея свободы, не станетъ надоѣдать ей нелѣпыми придирками пустой ревности. Онъ пойметъ, что бракъ ихъ не болѣе, какъ наступательный союзъ, а въ тѣ годы, когда прошли увлеченія, такіе браки едва ли не самые благоразумные.

Почти совершенно такъ же разсуждалъ и Боровской. Карьера его шла блистательно. Удачное и быстрое открытіе долго разыскиваемаго гнѣзда сразу его выдвинуло. Но Боровской зналъ очень хорошо, что одного ему все-таки не доставало для достиженія той полной власти, о которой онъ мечталъ. Онъ все-таки принадлежалъ лишь къ чиновному сонму и хотя былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ его представителей, но сознавалъ, что изъ его рядовъ трудно выйти на самую высоту. Настоящихъ связей у него не было въ томъ завѣтномъ кругу, гдѣ кроются дѣйствительныя, хоть и незамѣтныя пружины, а Елена какъ разъ для него была самой неоцѣнимой союзницей. И, ставъ его женой, она принялась снова плести ту паутину, которую нѣкогда почти довела до конца, когда дѣло шло о карьерѣ ея перваго мужа.

Но какъ разъ въ то время, когда она согласилась выйти за Боровского, въ ней вдругъ живо заговорила память о Дмитріи. Она захотѣла какъ бы загладить свою вину передъ нимъ.

Она потребовала отъ Николая Осиповича, чтобъ онъ добился, пользуясь своимъ вліяніемъ, возвращенія Дмитрія изъ ссылки. Женская непослѣдовательность поистинѣ неисповѣдима.

Боровской пробовалъ отговориться, и его насмѣшливыя губы дали ей недвусмысленно понять, какимъ образомъ онъ толкуетъ ея неожиданное заступничество, но Елена настояла на своемъ такъ рѣшительно, такъ гордо высказала свое полное равнодушіе къ его догад-

камъ, что Боровскому пришлось уступить. Да упорная мстительность и не была въ его натурѣ. Счастіе его врага было разрушено; самъ онъ стоялъ теперь уже такъ высоко, что могъ выказать Дмитрію презрительное великодушіе. Въ тотъ самый день, когда состоялось назначеніе Николая Осиповича, министръ, по его же настоянію, рѣшилъ, что вина Дмитрія вовсе не такъ велика и ему можно дозволить возвратиться въ Петербургъ.

Томилинъ и Володя подошли къ перекрестку и повернули на Морскую.

— Такъ, такъ,—помолчавъ немного опять заговорилъ Томилинъ, какъ бы снова хватаясь за прерванную мысль,—Елена Михайловна теперь, стало быть... что бы ей пустить въ ходъ свое вліяніе и въ пользу бѣдной вашей кузины? Вы, я думаю, могли бы ее уговорить...

Томилинъ не зналъ о разрывѣ Елены съ Корецкими.

Володя опустилъ голову и прямо не отвѣтилъ.

— А что, когда процессъ?—спросилъ онъ въ свою очередь,—вы не знаете?

— Говорили мнѣ, послѣ завтра. Пора!.. Полтора года ее продержали.

— Да, полтора года — ужасно! — сочувственно отозвался Володя.

Въ его тонѣ слышалось какъ бы легкое угрызеніе совѣсти за то, что самъ онъ въ заботахъ о собственномъ счастіи почти совсѣмъ забылъ про бѣдную дѣвушку.

— Говорятъ, слишкомъ сорокъ человѣкъ судить будутъ, продолжалъ Томилинъ.—Вотъ изъ-за чего и протянулось слѣдствіе. Надо было ради пущаго эффекта создать крупное дѣло. Въ этомъ-то и заключается вся система Боровского. Хотѣли въ одинъ общій заговоръ вплести самыя разнородныя нити...

Въ эту минуту, стараясь обогнать скучившіяся кареты и дрожки, быстро прокатила коляска парой вороныхъ рысаковъ. Володя тотчасъ узналъ сидѣвшаго въ ней свитскаго генерала съ молодецкими усами.

Но онъ съ недоумѣніемъ замѣтилъ бывшую съ нимъ нарядную даму, на тонкомъ и изящномъ лицѣ которой петербургская скука наложима свою печать.

— Съ кѣмъ это Борисъ Сокольницкій? — спросилъ Володя.

— Да съ женой. Развѣ вы не знали? Онъ женатъ уже съ прошлаго года на какой-то княжнѣ, и очень богатой, фамиліи только не припомню.

Теперь за Володей была очередь изумиться. Борисъ Сокольницкій женатъ, стало быть... Глаза молодого человѣка весело заблестѣли въ отвѣтъ на это извѣстіе.

Онъ не переставалъ мучиться сомнѣніями; онъ ѣхалъ въ Петербургъ съ замираніемъ сердца и не догадывался, что благосклонная судьба уже за полгода передъ тѣмъ устранила его главнаго соперника...

На углу Гороховой Томилинъ съ нимъ простился. Ѳедору Васильевичу по дѣлу надо было завернуть въ Сенатъ. Коляска парой вороныхъ между тѣмъ проѣхавъ Исаакіевскій соборъ, остановилась у тротуара: съ нею поравнялся шедшій навстрѣчу высокій господинъ подъ руку съ дамой.

Подойдя къ нимъ, Володя узналъ Боровского и Елену. Она разговаривала съ сидѣвшими въ коляскѣ.

— А-а, Владиміръ Алексѣевичъ! — любезно окликнулъ Володю молодой графъ, всегда прекрасно узнававшій каждаго, на кого бы ни обращались его зоркіе глаза. — Очень радъ, очень радъ...

Володя подошелъ къ коляскѣ. Встрѣча съ Еленой его немного пугала. На этотъ разъ однако Елена Михайловна, ласково улыбаясь, протянула молодому человѣку руку. Сухое лицо Николая Осиповича тоже сложилось въ пріятное выраженіе. Случилась повидимому какая-то неизъяснимая перемѣна.

— Позвольте васъ представить женѣ,—предупредительно сказалъ графъ.

Молодая дама въ коляскѣ чуть замѣтно наклонила голову, когда ей назвали Володю. Лицо ея, блѣдное и

безжизненное, было одно изъ тѣхъ, которыя съ юныхъ лѣтъ принимаютъ надменное, къ тому же не веселое выраженіе, и съ которыхъ затаенное, безпричинное озлобленіе разъ навсегда сгоняетъ улыбку. Она была родная сестра Анатолія Болховскаго и какъ всѣ Болховскіе обладала, если не впрямь красотой, то, по крайней мѣрѣ, особымъ отпечаткомъ породы. Несмотря однако на знатность и очень крупное приданое, ей пришлось до двадцати семи лѣтъ дожидаться жениха.

— Нашъ предводитель,—продолжалъ Борисъ рекомендовать Володю.—Что, у васъ все тамъ въ порядкѣ? не бунтуютъ, а?.. А хорошо сдѣлали, что сюда пріѣхали... надолго, надѣюсь? Молодому человѣку надо повеселиться. „Entre nous, c'est une galere que ce métier-là!“

Все это было сказано порывисто и немного слишкомъ громко, съ тою шутливою фамильярностью, которую такъ любятъ иногда выказывать молодые генералы.

— Мнѣ такъ жаль, что я все не могу побывать въ Никольскомъ, — сочла долгомъ прибавить Елена, какъ бы извиняясь.

— А вы не поѣдете этимъ лѣтомъ?..—и Володя покраснѣлъ отъ сорвавшагося съ его губъ вопроса.

— Не знаю, право, — снисходительно улыбнулась Елена. — Это теперь зависитъ не отъ меня одной.

Ссылаться на свою независимость любятъ какъ разъ тѣ женщины, которыя всего полнѣе располагаютъ своею жизнію.

— Что задумывать впередъ! — разсмѣявшись заговорилъ Борисъ. — Я вотъ не знаю даже, что будетъ со мною сегодня вечеромъ.

— Пріѣзжайте обѣдать къ намъ, — отвѣтила Елена. Она продолжала заботливо поддерживать короткія отношенія съ Сокольницкими, хотя молодая графиня и давала ей порой чувствовать неизмѣримую высоту своего происхожденія.

— Радъ бы, да не могу. Въ клубѣ обѣщалъ. Вотъ

жена сейчасъ меня туда свезетъ, а за нее я принимаю съ благодарностію.

Супруга смѣрила его за это холоднымъ, недружелюбнымъ взглядомъ, но не сказала ничего.

— Борисъ, да теперь только четыре часа, — смѣясь возразила Елена. — И до поздней ночи въ клубѣ? Хорошъ государственный человѣкъ!..

— Что дѣлать, кузина? Пользуюсь свободой, пока еще не тяну лямку.

Начались взаимныя прощанія, и чрезъ двѣ минуты вороные рысаки подкатили коляску къ недалекому подъѣзду клуба, а Володя на извощикѣ направлялся къ Англійской набережной, гдѣ былъ домъ стараго графа.

На этотъ разъ онъ позвонилъ уже безо всякаго смущенія и съ увѣренностію приказалъ о себѣ доложить, да и толстый швейцаръ, все въ той же поношенной ливреѣ, принялъ его теперь благосклоннѣе. Графъ не измѣнился ни на чуточку. Въ сѣрыхъ глазахъ его попрежнему вспыхивалъ по временамъ огонекъ, да и въ кабинетѣ ни одной вещицы казалось не сдвигали съ мѣста. Даже неизмѣнная трубка была прислонена къ столу въ томъ самомъ положеніи, какъ годъ назадъ.

— Могу порадовать васъ хорошимъ извѣстіемъ, — провозгласилъ онъ, протягивая руку входившему молодому человѣку: — вашему брату разрѣшено вернуться.

Володя поспѣшилъ благодарить графа.

— Нѣтъ, я тутъ ни при чемъ, отговаривался тотъ.— Все сдѣлалось тамъ, въ ихъ канцеляріяхъ.

— Братъ какъ разъ пріѣдетъ къ процессу,—грустно замѣтилъ Володя. — Онъ, я знаю, опять примется хлопотать и пожалуй опять погорячится.

Очень ужъ разсудителенъ сталъ Володя за послѣднее время!

— Что-жъ, это понятно... я бы на его мѣстѣ тоже... Il a du sang dans les veines.

— Но неужели, графъ, ничего, рѣшительно ничего

сдѣлать нельзя? — съ искреннимъ волненіемъ проговорилъ Володя.

Графъ покачалъ головою.

— Въ настоящую минуту... ничего... — сказалъ онъ съ запинкой,—но когда кончится судъ, все можно будетъ поправить: я не отчаиваюсь.

Володя и самъ былъ не прочь повѣрить въ счастливый исходъ и далъ себя легко обнадежить.

— Ее могутъ и оправдать,—добавилъ онъ уже отъ себя къ утѣшительнымъ словамъ графа. — Не понимаю только, какъ это ни брата, ни меня въ свидѣтели не вызвали...

Графъ пожалъ плечами.

— У нихъ тамъ въ канцеляріяхъ, — презрительно сказалъ онъ, — свои причины, une logique a part!.. Ну, а вы что? только по дѣлу брата?

Володя замялся.

— Я сюда пріѣхалъ именно по его дѣлу,—объяснилъ онъ нерѣшительно, сознавая, что не договариваетъ.

— А для себя лично вы бы не пріѣхали? — прямо уже спросилъ графъ.

Володя покраснѣлъ до ушей, потомъ съ видимымъ смущеніемъ вскинулъ на старика глазами.

— Я почти никогда здѣсь не бываю,—пробормоталъ онъ въ отвѣтъ. — Вотъ уже цѣлый годъ... мои обязанности, какъ предводителя...

Но старикъ глядѣлъ на него съ самою одобряющею улыбкой.

— Вы напрасно скрытничаете: мнѣ все хорошо извѣстно.

Нѣсколько секундъ оба молчали. У Володи такъ и вертѣлся на языкѣ трепетный вопросъ. Онъ весь таялъ отъ ожиданія, но все еще не смѣлъ высказаться.

— Могу вамъ только посовѣтовать, — не переставая улыбаться, сказалъ графъ, — съѣздить къ Еленѣ завтра же. Скажу вамъ по секрету, что на той недѣлѣ у нея большой вечеръ и васъ непремѣнно пригласятъ.

— И вы думаете... я могу...

Слово „надѣяться" такъ и осталось недосказаннымъ, но глаза у Володи заблестѣли съ достаточною откровенностью.

Когда на слѣдующій день Володя поѣхалъ къ Еленѣ, онъ на мигъ даже совершенно позабылъ про то, что собственно его вызвало въ Петербургъ.

Тяжелая судьба его близкихъ словно стушевалась въ его памяти. Когда онъ проѣзжалъ мимо окружнаго суда, его поразила масса столпившихся экипажей. Кучка людей стояла у воротъ и спорила о чемъ-то съ полицейскими.

— Что это? крупное дѣло какое-нибудь разбирается?— спросилъ онъ извозчика.—Ты, можетъ быть, слыхалъ?

— Говорили намъ, баринъ,—отвѣчалъ тотъ, взмахнувъ кнутомъ на зданіе суда, — сицилистовъ судить зачали, цѣлую шайку тамъ наловили.

Ускользнувшія было грустныя воспоминанія хлынули на сердце Володи. „Бѣдная Надя", подумалъ онъ: „она тутъ, на скамьѣ подсудимыхъ", и ему живо представилось то, что происходило въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, за стѣнами большого зданія.

Эти налетѣвшія на него мрачныя мысли не помѣшали ему однако продолжать путь, и когда онъ звонилъ у подъѣзда Елены, сердце его забилось уже не отъ воспоминаній о Надѣ. Елены онъ дома не засталъ, но зато ему на слѣдующее утро принесли въ гостиницу отъ Боровскихъ пригласительную карточку на слѣдующій четвергъ.

II.

Небольшой двухэтажный домъ Елены Михайловны былъ ярко освѣщенъ снизу до верху.

Хозяйка сидѣла на большомъ диванѣ въ угловой гостиной, меблированной во вкусѣ Людовика XVI. Прямолинейныя бѣлыя кресла съ позолотой, обитыя мали-

новымъ шелкомъ, глядѣли чинно и строго, какъ ни старались ихъ разставить въ изящномъ безпорядкѣ. Несмотря на блестящія фарфоровыя бездѣлушки и даже на группы растеній по угламъ, комната обдавала входившихъ тѣмъ благовоспитаннымъ холодомъ, которымъ дышетъ любая петербургская гостиная въ началѣ великосвѣтскаго вечера. Да и сама Елена, въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ букетомъ герани на лифѣ и такою же гирляндой въ волосахъ, казалось, вся застыла въ холодномъ приличіи, хотя подъ этою внѣшностію у опытной свѣтской женщины скрывалась смутная тревога. Это былъ ея первый большой пріемъ послѣ замужества, и извѣстное добродушіе петербургскаго общества внушало ей кой-какія опасенія.

Было десять часовъ съ небольшимъ, а въ это время на званый вечеръ обыкновенно являются только престарѣлые полусановники, боящіеся позднихъ часовъ, маменьки съ некрасивыми дочками, да молодые люди еще очень неувѣренные въ себѣ. Елена вела неторопливую бесѣду съ нѣмецкимъ дипломатомъ неопредѣленнаго возраста, сухимъ, какъ деревянная кукла, но очень быстро глядѣвшимъ своими умными, сѣрыми глазками, да съ полною дамою среднихъ лѣтъ, видимо озабоченной тѣмъ, что ея пунцовое платье выходило очень некрасивымъ на малиновой обивкѣ дивана. Ея худощавая дочка, вся въ веснушкахъ, уныло отвѣчала на вынужденныя любезности очень застѣнчиваго юноши. А Николай Осиповичъ, въ дверяхъ, разговаривалъ со старикомъ генераломъ, которому было очень тяжело стоять, такъ какъ его мучила подагра. Фракъ и бѣлый галстухъ придавали строгой фигурѣ Боровского какую-то каменную осанку. Да онъ въ послѣднее время, должно быть отъ супружескаго счастья, и въ самомъ дѣлѣ окаменѣлъ: и самый подозрительный изъ отъявленныхъ бюрократовъ не нашелъ бы въ немъ и слѣдовъ радикальнаго пыла. Женички въ комнатѣ не было. Несмотря на теплую раздушенную атмосферу, въ гостиной съ каж-

дою минутой все болѣе вѣяло леденящею торжественностью.

Стали однако по-немногу съѣзжаться. Вошелъ Борисъ Сокольницкій съ женой, все также явно скучавшей. Явились двѣ дамы, каждая съ парою дочерей, да еще два старика всѣ въ звѣздахъ.

Елена оживилась, и въ послушныхъ глазахъ засвѣтились искры любезности, но все это было еще не то, чего она ожидала, и безпокойство за успѣхъ вечера все еще таилось подъ мнимымъ оживленіемъ. Борисъ, румяный и веселый, какъ всегда, стоя принялся расхваливать убранство дома заново отдѣланнаго.

— Du style et du style bien soutenu, — сказалъ онъ, обводя комнату глазами, и взявъ нѣмецкаго дипломата подъ руку, съ видомъ знатока принялся разсматривать поставленныя надъ каминомъ чашки изъ вѣнскаго фарфора съ удивительною позолотой. Затѣмъ они вдвоемъ стали вспоминать подробности бывшей на дняхъ охоты въ Гатчинѣ, на которую оба удостоились приглашенія.

Вошла Женичка, вся блиставшая свѣжимъ румянцемъ; къ ней очень шло ея полувырѣзное платье цвѣта pêche; въ волосахъ ея были приколоты двѣ бѣлыя розы, а на шеѣ висѣлъ брилліантовый крестикъ. Быстрымъ движеніемъ глазъ она обвела всю комнату: „странно, что его еще нѣтъ“, подумала она, здороваясь съ молодыми дѣвушками, которыхъ тотчасъ увела въ сосѣднюю желтую гостиную, гдѣ накрытъ былъ чайный столъ — это неизбѣжное пристанище барышень.

Комнаты между тѣмъ стали наполняться. Толстые лакеи съ необыкновенно внушительными лицами уже по два раза обнесли подносы съ чаемъ, успѣлъ образоваться тотъ безпорядокъ, когда скучившіяся дамы не успѣли еще размѣститься какъ слѣдуетъ и упорно заслоняютъ всѣ проходы своими разноцвѣтными платьями. Мужчины, старые и молодые, живою изгородью стояли у оконъ, рѣшительно не зная, зачѣмъ они пріѣхали, и двое стариковъ съ озабоченными лицами удалились въ

пустую залу, какъ будто имъ непремѣнно надо было сообщить другъ другу нѣчто очень важное. Въ маленькій кабинетъ Елены, гдѣ въ меблировкѣ царствовала удивительная пестрота цвѣтовъ и формъ въ угоду современному вкусу, стали уже заглядывать желавшіе размѣститься у ломберныхъ столовъ.

Словомъ, было все какъ слѣдуетъ.

И скука, эта всегдашняя гостья всякаго начинающагося вечера, царила въ ярко-освѣщенныхъ комнатахъ. Вмѣсто разговоровъ пока слышались только отрывки фразъ, что-то похожее на безсвязные звуки оркестра, когда музыканты настраиваютъ инструменты. Въ одномъ только углу шла оживленная бесѣда. Къ Борису и къ нѣмецкому дипломату подошли двое сановниковъ, одинъ настоящій, генералъ Славинъ, извѣстный своимъ острымъ язычкомъ и замѣчательною способностью рисовать каррикатуры; другой, съ трудомъ выдвинувшійся изъ рядовъ бюрократіи, нашъ старый знакомецъ—Петръ Николаевичъ Корецкій. Разговоръ о придворной охотѣ уже истощился.

Несмотря на присутствіе иностранца, зашла рѣчь о процессѣ.

— Между этими нигилистками,—сказалъ между прочимъ Славинъ, — есть хорошенькія женщины. И глаза у него стали тотчасъ масляные.—Одна въ особенности, совсѣмъ еще молоденькая... Ольшевская, кажется, ее зовутъ.

Боровской, только что подошедшій, не могъ подавить невольнаго дрожанія губъ. Борисъ примѣтилъ его смущеніе.

— Мы, кажется, съ нею знакомы,—ехидно замѣтилъ Борисъ Николаю Осиповичу. — Quant à moi je n'ai pas peur d'avouer mes relations...

— Представьте себѣ, и я ее встрѣчалъ! — почти съ испуганнымъ видомъ покаялся Петръ Николаевичъ. — Такой духъ отрицанія въ молодыхъ дѣвушкахъ, вотъ что ужасно, и каково же сознавать, что мы каждый

день можемъ даже въ самомъ порядочномъ домѣ столкнуться съ подобною особою!..

— Mais, c'est tres amusant, an contraire,—отвѣтилъ Борисъ.—Это своего рода маскарадъ.

Какъ ни тяжело было Николаю Осиповичу это слушать, онъ стоялъ какъ прикованный къ мѣсту.

— S'il ne s'agissait que de femmes nous en viendrions à bout, — самодовольно замѣтилъ генералъ.

— А вы не были на процессѣ?—спросилъ у Боровского молодой графъ.

— Я слишкомъ занятъ, — беззвучно отвѣтилъ тотъ.

— А вамъ слѣдовало бы немного присмотрѣть за судьями, что-то ужъ очень мягко обходятся съ этими негодяями: le contrôle avant tout.

— Судъ независимъ, — возразилъ Николай Осиповичъ.

Борисъ презрительно усмѣхнулся: — А Богъ съ нею съ этою независимостью! Говорятъ одинъ изъ этихъ молодцовъ, какой-то Нерадовичъ, цѣлую лекцію тамъ прочелъ о соціализмѣ. Это пропаганда на казенный счетъ!..

— Надо подтянуть вожжи,—по-русски сказалъ Петръ Николаевичъ.

— А для этого нужно хорошаго кучера,—отвѣтилъ пруссакъ тоже по-русски, и отошелъ къ другой группѣ, образовавшейся вокругъ княгини Старобѣльской.

Общество теперь разбилось на кружки, и въ немъ рѣзко выдѣлялись маленькія группы, образовавшіяся около женщинъ наиболѣе извѣстныхъ своимъ умомъ или положеніемъ. Это были настоящіе избранные кружки, гдѣ, зажженная женскимъ умомъ, теперь закипала не шумная, но искрящаяся бесѣда. Молодежь собралась въ желтой гостиной близъ чайнаго стола, гдѣ уже были налицо тѣ пять-шесть кавалергардовъ, которыхъ встрѣчали рѣшительно вездѣ, и безъ которыхъ ни одинъ вечеръ не обходился, какъ безъ чаю или мороженаго.

А въ пустыхъ промежуткахъ слонялся, не зная, что

дѣлать и что сказать, безцвѣтный людъ, для того только наполняющій ежедневно гостиныя, чтобы выносить изъ нихъ уколы неудовлетвореннаго самолюбія. Вокругъ княгини Старобѣльской тоже говорили о процессѣ, только говорили понизивъ голосъ, какъ бы выдѣляя себя изъ среды прочихъ. Княгиня любила выказать интересъ, можетъ быть и не совсѣмъ искренній, къ серіознымъ вопросамъ дня, но говорила она про нихъ только въ тѣсномъ кругу тѣхъ, кого она тщательно избирала среди безразличной толпы своихъ многочисленныхъ знакомыхъ.

Боровскому она за послѣднее время выказывала особое вниманіе.

— Я совсѣмъ не раздѣляю вашего легкаго взгляда на все это, — говорила она генералу Славину. — C'est malheureusement tres serieux. И всего хуже то, что эти люди возбуждають къ себѣ какое-то сочувствіе.

— Въ университетахъ развѣ да среди газетчиковъ,— возразилъ Славинъ.

— Нѣтъ, въ нашей средѣ. И когда я слышу, что въ числѣ подсудимыхъ есть молоденькія дѣвушки, какъ вотъ эта Ольшевская, которая держитъ себя такъ скромно и прилично, невольно задаешь себѣ вопросъ: виновата ли она въ самомъ дѣлѣ? Неправда ли? — вдругъ обратилась она къ Боровскому.

— Не мнѣ судить объ этомъ,—съ усиліемъ отвѣтилъ онъ, едва овладѣвая мучительнымъ чувствомъ, вызваннымъ у него словами княгини.

— Нѣтъ, эта дѣвушка меня очень интересуетъ. Я читала въ газетахъ отчетъ и право не поняла, за что ее судятъ. Да мнѣ и графъ Сокольницкій говорилъ на дняхъ, что онъ ее знаетъ и одного мнѣнія со мной. Il faut la recommander à la clémence, а это ужъ прямо отъ васъ зависитъ, Боровской.

Николай Осиповичъ не успѣлъ отвѣтить.

— А вотъ и вы, графъ,—обратилась княгиня къ вошедшему старику Сокольницкому; — что такъ поздно?

— Я былъ на судѣ и хотѣлъ дослушать адвоката этой бѣдной Нади Ольшевской. Я не могъ оторваться, да и вокругъ меня всѣ были тронуты.

— Вотъ видите,—снова обратилась княгиня къ Боровскому,—а вѣдь это не хорошо. Повѣрьте мнѣ: надо избѣгать, чтобы тѣ, которые судятъ, сожалѣли о подсудимыхъ.

Николай Осиповичъ былъ блѣденъ какъ полотно.

— Ее простятъ, надѣюсь, — отвѣтилъ графъ. — За судъ не ручаюсь, а *тамъ* навѣрное простятъ.

— Надо будетъ позаботиться, чтобы довели все это до свѣдѣнія,—закончила княгиня, и, поворотивъ свою красивую голову къ нѣмецкому дипломату, заговорила съ нимъ о новой оперѣ Вагнера.

Другіе къ ней присоединились. Всѣ они видимо чувствовали себя умственно выше окружавшей ихъ среды: такъ изящны и тонки были замѣчанія, которыми они обмѣнивались на неистощимую тему о современномъ искусствѣ. Въ этотъ общій тонъ не могла попасть одна хозяйка дома, тоже подсѣвшая къ княгинѣ Старобѣльской.

Услышанный ею разговоръ о Надѣ надолго развѣялъ пріятное ощущеніе удавшагося вечера. Чуть замѣтно сдвинулись правильныя дуги ея красивыхъ бровей. „Неужели и здѣсь, на свѣтскомъ вечерѣ, въ ея домѣ, будетъ ее преслѣдовать имя Нади? И зачѣмъ они всѣ какъ будто сговорились выражать ей сочувствіе?“

Докучливое воспоминаніе о молодой дѣвушкѣ такъ овладѣло Еленой, что она холодно и небрежно отвѣтила на поклонъ замѣчательно красиваго мужчины лѣтъ тридцати, съ южными, нѣсколько хищными чертами лица. Зрачки его походили на чернильныя пятна, а зубы неестественно ярко бѣлѣли изъ-за мясистыхъ губъ. Это былъ заѣзжій иностранецъ, князь Торре ди-Фалько, тотъ самый неаполитанскій князь, котораго въ Ниццѣ слишкомъ уже часто видѣли въ обществѣ Елены. Для нея онъ и въ Петербургъ пріѣхалъ, хоть и очень не

прочь былъ, при удобномъ случаѣ, завершить свое путешествіе выгоднымъ бракомъ.

Почти одновременно съ нимъ въ гостиную вошелъ Володя Корецкій. Онъ также, какъ и старый графъ, заслушался въ судѣ защитника Нади. Пробило уже десять, когда рѣчь была окончена, и Володя едва успѣлъ прискакать домой и переодѣться.

Увидавъ себя въ первый разъ среди незнакомой толпы, которая съ непривычки всѣхъ новичковъ обдаетъ страхомъ, Володя однако не ощутилъ никакой робости потому конечно что всѣ его мысли были сосредоточены на одномъ, — на встрѣчѣ съ Женичкой. Впрочемъ, на немъ отразился годъ его предводительства. Когда приходится чуть не по два раза въ недѣлю предсѣдательствовать хотя бы въ какомъ-нибудь училищномъ совѣтѣ, увѣренность въ себѣ мало-по-малу становится привычкой. Въ гостиной почти никто не зналъ вошедшаго молодого человѣка и, какъ водится, когда онъ поклонился хозяйкѣ, на него посмотрѣли съ недоумѣніемъ; но проницательной неловкости въ немъ никто не подмѣтилъ. Сама Елена должна была признаться, что онъ во многомъ измѣнился къ лучшему. Мягкія, слегка женственныя черты опредѣлились и коротко отстриженная черная борода придавала солидность его красивому лицу. Его представили двумъ, тремъ дамамъ, и онъ не смущаясь прошелъ этотъ неизбѣжный искусъ. А глаза его между тѣмъ тщательно искали Женичку. „Молодежь въ другой гостиной“, сказала ему Елена, уловивъ его безпокойный взглядъ.

Володя чуть не цѣлый день подготовлялся къ предстоявшему свиданію. Но дѣйствительность даже въ мелочахъ почти всегда обманываетъ воображеніе. Молодой человѣкъ задолго волновался, представляя себѣ, что скажетъ онъ Женичкѣ и что она ему отвѣтитъ, а встрѣча ихъ обошлась самымъ обыденнымъ пожатіемъ руки и двумя-тремя незначительными словами. Женичка съ января начала выѣзжать и прывыкла уже скрывать

свои ощущенія. Молодыя дѣвушки быстро проходятъ свѣтскую школу. Теперь она въ добавокъ немножко сердилась на Володю за то, что онъ совсѣмъ ужъ не поторопился пріѣхать (было слишкомъ 11 часовъ), но и этого она не выказала. Съ нею говорила немолодая, полная дама съ величественной осанкой; въ ея присутствіи конечно нельзя было дать волю радости или тревогѣ. Нарядная, свѣтская толпа ставитъ опредѣленныя узкія рамки для всѣхъ жизненныхъ отношеній, не давая имъ выйти изъ условной колеи. Людямъ бывалымъ это стѣсненіе доставляетъ даже иногда особаго рода удовольствіе. Они умѣютъ пользоваться самыми обыденными словами, придавая имъ особенный смыслъ, и слова эти пріобрѣтаютъ удвоенную цѣну; но въ очень молодые годы этотъ условный языкъ, это ограниченіе свободы вызываютъ нетерпѣливый ропотъ. И Володя мигомъ испыталъ полное разочарованіе. Онъ тутъ же возненавидѣлъ все это общество, которое тотчасъ мысленно обозвалъ пустымъ, и двухъ офицеровъ о чемъ-то развязно хохотавшихъ, и въ особенности полную даму, которая такъ неумѣстно овладѣла вниманіемъ Женички. Сама гостиная съ ея золоченою мебелью показались ему верхомъ безвкусія, и въ то же время ему чудилось, что Женичка чѣмъ-то обижена и надо ей непремѣнно объяснить, почему онъ такъ опоздалъ. А Женичка продолжала держаться съ нимъ, какъ будто они видѣлись наканунѣ, и даже представила его двумъ барышнямъ, сидѣвшимъ безъ кавалеровъ, — очевидно желая, чтобъ онъ принялся ихъ занимать. Какъ будто въ цѣломъ мірѣ могъ теперь существовать для него кто-либо кромѣ нея! Онъ даже сурово посмотрѣлъ на двухъ неповинныхъ барышень, воображая, что онѣ про все догадываются и смѣются надъ его смущеніемъ.

На помощь къ Володѣ неожиданно пришелъ графъ Сергѣй Борисовичъ.

— Часъ тому назадъ я видѣлъ васъ въ судѣ,—сказалъ онъ, подходя и подавая ему руку.—Каково вамъ

было увидать тамъ вашу бѣдную кузину!.. Ея блѣдное лицо долго останется у меня въ памяти.

Женичка насторожилась, не обращая уже вниманія на говорившую съ ней даму.

— J'ai eprouve une bien grande emotion,—продолжалъ графъ, немного отводя Володю. — Меня особенно поразило, какъ бѣдная Надежда Сергѣевна измѣнилась. Да, годъ въ крѣпости не шутка!

У Володи защемило сердце. Онъ живо вспомнилъ, какъ за часъ передъ тѣмъ онъ сидѣлъ рядомъ съ какимъ-то важнымъ лицомъ на креслахъ за судейскимъ столомъ, — Боровской доставилъ ему туда входъ, — и какъ, слушая горячую рѣчь адвоката, онъ съ тревожною грустью наблюдалъ за Надей. Спокойная строгость ея печальнаго лица съ какимъ-то укоромъ для него самого предстала вновь передъ его воображеніемъ. Онъ почти стыдился, что прямо оттуда поспѣшилъ въ этотъ блестящій міръ, куда его манили сладкія мечты о собственномъ счастіи.

— Признаюсь,—опять заговорилъ графъ,—я желалъ бы васъ видѣть тамъ не только среди публики, а однимъ изъ свидѣтелей; вы могли бы защитить свою кузину.

— Меня и брата не вызывали, — весь сгарая отъ стыда отвѣтилъ Володя.

— Да вѣдь Боровской, кажется, велъ слѣдствіе и онъ могъ конечно...

Боровской какъ нарочно будто выросъ изъ земли. Злая судьба въ этотъ вечеръ заставляла его выслушивать невзначай самыя горькія истины.

— Зачѣмъ вы не вызвали, — примѣтивъ его, обратился къ нему графъ,—ни Владиміра Алексѣевича, ни его брата для показанія въ пользу Ольшевской, вы, такъ близко знавшій ихъ семью?

— Вы забываете, графъ, что это не входило въ мои обязанности.

Страшнаго усилія воли стоила Николаю Осиповичу

эта ложь. Все время, пока тянулось слѣдствіе, онъ упорно отказывался допустить Корецкихъ въ число свидѣтелей.

Графъ презрительно махнулъ рукой и снова обратился къ Володѣ.

— А что вашъ бѣдный братъ? Онъ будетъ сюда? Для него пожалуй лучше, что онъ не могъ быть на процессѣ.

— Вы ошибаетесь, графъ, онъ пріѣхалъ сегодня утромъ, онъ былъ тамъ въ публикѣ.

И снова въ сердцѣ Володи живо заговорило чувство стыда при мысли, что братъ изъ рядовъ толпы долженъ былъ молча слушать, какъ обвиняютъ его невѣсту, не имѣя права за нее вымолвить ни слова, а онъ, Володя, присутствовалъ на судѣ благодаря тому самому человѣку, который довелъ бѣдную Надю до скамьи подсудимыхъ, и теперь онъ въ гостяхъ у этого же человѣка.

— Вашъ братъ былъ тамъ?!. Бѣдный Дмитрій Алексѣевичъ, каково ему было это слушать.

И графъ съ чувствомъ пожалъ руку Володѣ. Боровской отошелъ прочь, но имя Дмитрія, громко произнесенное взволнованнымъ голосомъ Володи, дошло до Елены, проходившей въ эту минуту вмѣстѣ съ княгиней Старобѣльской; она поблѣднѣла и остановилась. Не задолго еще передъ тѣмъ она заботилась о возвращеніи Дмитрія, она думала этимъ успокоить свою совѣсть. А теперь, когда ей можетъ быть предстояло снова съ нимъ свидѣться, страхъ овладѣлъ ею при мысли, что онъ въ правѣ отъ нея потребовать отвѣта за погубленную жизнь Нади.

И Женичкой тоже овладѣло безпокойство послѣ слышаннаго ею отрывка разговора Володи съ графомъ Сокольницкимъ. Она живо вспомнила про Надю, и ей захотѣлось узнать подробности о ея судьбѣ, но Володя къ ней не подходилъ. Ему казалось, что онъ не имѣетъ теперь права думать о своей любви. Онъ стоялъ сумрачный и молчаливый въ углу гостиной среди группы

мужчинъ, толковавшихъ о совершенныхъ пустякахъ. Но долго слушать ихъ болтовню онъ не могъ и съ чувствомъ невыразимой горечи на сердцѣ молодой человѣкъ направился къ входнымъ дверямъ. Не зная расположенія комнатъ онъ случайно очутился въ полуосвѣщенномъ кабинетѣ, гдѣ висѣвшій съ потолка фонарь разливалъ тусклый, голубоватый свѣтъ. Игравшіе окончили свои партіи, и въ комнатѣ были всего двѣ дамы, не примѣтившія молодого человѣка. Онѣ обмѣнивались замѣчаніями далеко не лестными для хозяевъ.

— Вы не находите,—говорила одна,—что самый домъ этотъ получилъ отъ новаго владѣльца какой-то странный отпечатокъ, cela sent le parvenu.

— Да сама она развѣ тоже не выскочка? И зачѣмъ она за него вышла?

— Какъ зачѣмъ? Вы не замѣтили этого итальянца съ разбойничьимъ лицомъ.

— Вы, стало быть, думаете,—разсмѣялась другая,— что здѣсь все основано на обоюдныхъ уступкахъ?

— Еще бы! Вѣдь про это давно говорятъ: еще въ Ниццѣ, помните?

Дамы, шурша платьями, направились къ выходу. Гостиныя стали пустѣть; то и дѣло шумно проходили маменьки, уводя съ собою дочекъ, и тѣ изъ нихъ, которымъ не удалось произвести впечатлѣнія, разумѣется не благосклонно отзывались о вечерѣ.

— Ну, теперь удирать справа по одному, — хватая каску, говорилъ юному гусару столь же юный кавалергардъ съ видомъ человѣка, исполнившаго тяжелую обязанность.

— Что, Петя, ѣдемъ къ цыганамъ?—съ нѣкоторымъ подобострастіемъ къ тому же кавалергарду подскочилъ штатскій съ проборомъ черезъ весь затылокъ.

Володя тоже почувствовалъ желаніе поскорѣе убраться изъ этого дома, гдѣ онъ не встрѣтилъ тѣхъ радужныхъ впечатлѣній, на которыя надѣялся. Домъ этотъ даже вдругъ опротивѣлъ ему послѣ только что слышанныхъ

имъ сплетенъ. Онъ направился къ передней, но въ дверяхъ ему попалась навстрѣчу Женичка съ тѣми же двумя дѣвицами, которымъ она представила его за часъ передъ тѣмъ. Она только что проводила до лѣстницы какую-то очень важную даму.

— Вы уѣзжать собираетесь? — остановила она Володю. — А мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы вы мнѣ разсказали про Надю...

Послѣднія слова были проговорены такъ, что другіе ихъ разслышать не могли.

Всѣ вмѣстѣ возвратились въ опустѣлый кабинетъ и усѣлись у ломбернаго стола. Двѣ барышни отъ нечего дѣлать принялись сдавать карты и производить изъ нихъ разныя фантастическія сочетанія. Къ счастію, оказался услужливый штатскій господинъ изъ плохенькихъ, который помѣстился возлѣ барышень и принялся съ ними хихикать. Володя и Женичка были предоставлены самимъ себѣ. Они могли пользоваться тѣмъ особеннымъ уединеніемъ, которое такъ легко дается иногда на свѣтскомъ вечерѣ.

— Что, какова она, бѣдная?—съ неподѣльнымъ участіемъ стала разспрашивать Женичка: — измѣнилась, похудѣла?

— Едва узнать можно!.. Лицо такое блѣдное и прозрачное, только глаза остались прежніе.

— Вы не повѣрите, какъ мнѣ ее жаль, я вспомнить про нее не могу...

— Но всего болѣе меня поразило, какъ она себя держитъ. Представьте себѣ, ни одного рѣзкаго отвѣта, ни одной неровности въ голосѣ. Прочіе волнуются, стараются говорить колкости, лица у нихъ злыя, желчныя... а она — нѣтъ. Это даже не простое терпѣніе, это спокойствіе неземное. Я такъ и чувствовалъ, что она выше всѣхъ насъ.

Володя разсказалъ горячо, съ увлеченіемъ. И это было вполнѣ искренное увлеченіе Надей, хотя можетъ быть близость милой слушательницы и придавали его

словамъ особую теплоту. Остальные не думали прислушиваться къ разговору какъ разъ потому, что онъ былъ веденъ громко, безо всякаго желанія скрытничать. Только глаза у Володи должно быть очень ужъ загорѣлись: по крайней мѣрѣ барышни обѣ разомъ поглядѣвъ на него, вдругъ улыбнулись съ нѣкоторымъ ехидствомъ. Вскорѣ однако молодые люди избавились и отъ этого небольшаго стѣсненія. Матери барышень, показавшись изъ большой гостиной, увезли своихъ дочекъ, къ крайнему ихъ огорченію, такъ какъ ихъ кавалеру удавалось, повидимому, ихъ смѣшить. При видѣ маменекъ онѣ вдругъ необыкновенно притихли и послѣдовали за ними, какъ послушныя овечки. Статскій господинъ любезно принялся въ передней отыскивать ихъ вещи.

— А знаете, Евгенія Александровна, — продолжалъ Володя, — что я не столько о ней сожалѣлъ, какъ о братѣ. Онъ весь день оставался въ судѣ вмѣстѣ съ Томилинымъ. Такъ и видно было, что онъ все время порывался броситься впередъ, прервать засѣданіе и сказать судьямъ правду въ лицо. И нельзя, вѣдь, нельзя... Это каторга, настоящая каторга!

Женичка слушала молча, облокотясь на столъ. Она чуть не заплакала. Собственное чувство подсказывало ей, что долженъ былъ вытерпѣть Дмитрій. И Володя тоже совершенно забылъ про окружавшую ихъ обстановку. Изъ сосѣднихъ комнатъ доносился урывками смѣхъ и говоръ затихавшаго вечера. Но молодой человѣкъ весь перенесся въ залу суда, и чувство жалости къ брату заслонило даже радость видѣть предъ собою любимое существо, съ которымъ послѣ года разлуки удалось ему наконецъ быть съ глазу на глазъ.

— Вы такъ еще молоды, такъ счастливы, Евгенія Александровна,—продолжалъ онъ,—что едва ли можете представить себѣ положеніе брата. Быть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той, которую любишь, слышать, какъ падаютъ на нее ложныя обвиненія и не имѣть возмож-

ности заступиться, вѣдь это ужасно, это хуже самой смерти...

Онъ замолчалъ. Нѣсколько мгновеній оба они глядѣли другъ на друга, не проронивъ ни слова, и вдругъ живое представленіе о томъ, что выстрадалъ братъ въ этотъ день словно разожгло его собственное чувство, напомнило ему, что и его тоже могутъ разлучить съ любимою дѣвушкой, пока не высказано послѣднее рѣшающее слово. Драгоцѣнныя минуты уходили, и если онъ оставитъ этотъ домъ не объяснившись съ нею, кто знаетъ, представится ли опять случай переговорить съ Женичкой наединѣ; страннымъ образомъ, та же мысль промелькнула и въ ея головкѣ. Сочувствіе къ чужому горю вдругъ снова сблизило ихъ. Случайное уединеніе среди равнодушныхъ чужихъ людей возвратила ихъ къ тому давно минувшему времени, когда они вдвоемъ такъ беззаботно вѣрили въ будущее счастіе, встрѣчаясь въ саду Никольскаго.

— А вамъ не кажется, Евгенія Александровна. — опять заговорилъ Володя, — что у насъ обоихъ здѣсь, и только у насъ, есть одинъ нашъ общій интересъ, котораго не поймутъ и не оцѣнятъ прочіе? Мнѣ кажется, будто мы съ вами опять вдвоемъ у васъ въ деревнѣ, какъ прежде.

— Вы все еще помните про Никольское? — шепотомъ сказала она, чуть улыбнувшись одними глазами.

— Я ни на одинъ не забывалъ про него весь этотъ годъ и сомнѣвался въ томъ лишь, помните ли *вы* про то милое время?

Улыбка все ярче выступала на лицѣ Женички. Эгоизмъ молодой любви разгонялъ грусть, навѣянную судьбой Нади.

— Вы опять повторяете то, что говорили, когда мы въ прошломъ году встрѣтились передъ домомъ графа Сергѣя Борисовича.

— Да, я сомнѣвался, потому что чувствовалъ себя такимъ виноватымъ передъ вами... Да и сегодня вече-

ромъ, когда я васъ увидѣлъ, мнѣ показалось будто вы за что-то...

— Ну, а теперь,—перебила она его,—вамъ все еще кажется, что я сержусь?

Безпредѣльная радость въ глазахъ Володи была достаточно яснымъ отвѣтомъ. Молодые люди не замѣтили, какъ въ комнату вошелъ графъ Сергѣй Борисовичъ.

— А, вотъ куда вы спрятались, — услышали они вдругъ его ласковый голосъ,—vous n'êtes pas brouilles à ce que je vois!

Володя живо всталъ. Ему и хотѣлось тутъ же все порѣшить съ графомъ, и совѣстно было заговорить съ нимъ о щекотливомъ вопросѣ, просившимся ему на языкѣ; но графъ вывелъ его изъ затрудненія и тутъ же объявилъ молодымъ людямъ о своемъ согласіи, видимо довольный, что отъ него зависѣла счастливая развязка.

III.

Полчаса спустя, когда уже послѣдняя карета давно отъѣхала отъ подъѣзда, Володя оставилъ домъ Боровскихъ, и скорою, радостною походкой направился къ Литейной. Ночь была теплая, звѣздная. Морской вѣтеръ мягко дулъ ему въ лицо и надъ спящимъ городомъ уже ложилась полупрозрачная мгла весенней ночи. У молодого человѣка голова шла кругомъ отъ той полной, молодой радости, которая такъ и просится наружу, и съ каждымъ готова подѣлиться своимъ неистощимымъ богатствомъ счастія. Какой-то пьяный, попавшійся ему навстрѣчу, чуть не сбилъ его съ ногъ, но и для него у Володи нашлись одни ласковыя слова и, къ немалому его изумленію, молодой человѣкъ, неизвѣстно почему, досталъ изъ кармана и сунулъ ему въ руку десятирублевую бумажку.

Вдругъ, на самомъ углу Литейной, его окликнулъ знакомый голосъ.

— Ты откуда такъ поздно?--спросилъ Дмитрій, переходившій по Сергіевской вмѣстѣ съ Томилинымъ. Володя не говорилъ ему, что собирается къ Боровскимъ, но Дмитрій примѣтилъ бѣлый галстухъ изъ-подъ растегнутаго ворота его пальто. — А-а, ты отъ нея, отъ этой женщины?

Жгучій укоръ брату звучалъ въ этихъ немногихъ словахъ.

Володѣ стало совѣстно за свою забывчивую радость.

— Я спѣшилъ домой, — какъ бы извиняясь проговорилъ онъ. — А что тамъ, чѣмъ кончилось?

— Ее приговорили... на поселеніе, —стиснувъ зубы беззвучно произнесъ Дмитрій.—Это оттого, что ее признали заслуживающею снисхожденія... Да мы еще увидимъ!.. Я побываю у нея, у этой женщины. Она можетъ черезъ мужа добиться помилованія.

Вдругъ онъ умолкъ, какъ бы устыдясь, что далъ волю накипѣвшему чувству.—Пойдемъ,—сказалъ онъ,— словами дѣлу не поможешь.

Они молча пошли по Литейной. Братья занимали двѣ комнаты въ гостиницѣ Демутъ. Томилинъ жилъ на Малой Морской, но онъ зашелъ къ нимъ, не смотря на поздній часъ.

— Ложиться, я думаю, мы не станемъ, — сказалъ Володя, усаживаясь въ кресло, между тѣмъ какъ его братъ сталъ крупными шагами ходить по комнатѣ. Володѣ тоже было не до сна. — Чаю бы спросить, вотъ что.—Онъ позвонилъ и вошедшему слугѣ отдалъ приказаніе.—Вы ужъ съ нами побудьте, —сталъ упрашивать Томилина Володя и, предложивъ ему сигару, закурилъ самъ. — Я за него боюсь, — продолжалъ онъ вполголоса, указывая глазами на Дмитрія.—Положимъ, натура у него крѣпкая, да такія потрясенія хоть кого надломятъ.

Дмитрій продолжалъ ходить взадъ и впередъ, не слыша того, что говорили его братъ и Томилинъ. Иногда онъ подходилъ къ столу и отхлебывалъ чаю.

— Разскажите мнѣ все по порядку, Ѳедоръ Васильевичъ, я, вы знаете, былъ на судѣ только вечеромъ и прослушалъ одну рѣчь защитника Нади. А вы, кажется. слѣдили за процессомъ съ самаго начала...

Томилинъ принялся разсказывать, но ужъ конечно не по порядку—на то онъ былъ слишкомъ русскій человѣкъ. Да и видимаго труда стоило ему передавать свои тяжелыя впечатлѣнія.

— Да какъ же ее не взорвало отъ этихъ обвиненій?— перебилъ Володя:—она бы должна громко протестовать!.. Судьи поняли бы, что она говоритъ правду.

— Да ея отвѣты и такъ рѣзко отличались отъ словъ всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ, и я былъ увѣренъ, что сумѣютъ оцѣнить ея благородное спокойствіе.

— Вы однако видите, что вышло не такъ.

— Ее мертвая буква закона убила, вотъ чѣмъ и былъ ужасенъ этотъ процессъ. Вѣдь и судьи, и самъ прокуроръ сознавали, что она не виновна, такъ и слышалось, что ее обвиняютъ неохотно. Да дѣлать было нечего; улики налицо, холодныя убійственныя улики. И Нерадовичъ съ какимъ-то ожесточеніемъ ее обвинялъ.

— Его-то по крайней мѣрѣ на каторгу упекли, — съ злорадствомъ воскликнулъ молодой человѣкъ,—по дѣломъ.

— Да, на двѣн дцать лѣтъ. И сестру Нади, да и мужа ея тоже. Это ужъ, признаюсь, слишкомъ; никто не ожидалъ. Вотъ объ этомъ маленькомъ курчавомъ жидкѣ, о Гольдштейнѣ, не сожалѣлъ никто. Такъ и чувствовалось, что дать ему только волю и онъ для своего дѣла съ полнымъ хладнокровіемъ готовъ зарѣзать кого угодно. Онъ и не скрывалъ этого на судѣ. Только надо ему отдать справедливость — онъ зато и не рисовался, какъ дѣлали иные. Когда Нерадовичу было дано сказать послѣднее слово, онъ этимъ воспользовался, чтобы блеснуть краснорѣчіемъ; Гольдштейнъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, то и дѣло презрительно на него взгля-

дывалъ, а самъ отъ послѣдняго слова отказался. „Ничего не имѣю добавить“, коротко объявилъ онъ предсѣдателю:—„суда вашего я не признаю, а словъ даромъ никогда не терялъ“. Его тоже на двѣнадцать лѣтъ.

— А хорошо говорилъ Нерадовичъ?—спросилъ Володя, невольно увлеченный любопытствомъ. Въ немъ какъ будто сказался послѣдній отголосокъ прежняго его поклоненія Нерадовичу.

— Фразъ громкихъ было очень много, но все это, знаете, старое, давно заѣзженное, да и казалось мнѣ, что самъ-то Нерадовичъ выцвѣлъ и сознаетъ это отлично. Говорилъ онъ какъ бы для очистки совѣсти, громогласно, но безъ настоящаго убѣжденія. Вообще мнѣ казалось, что въ публикѣ даже какъ будто разочарованы. Одинъ сидѣвшій возлѣ меня старичекъ, весь сѣдой, но съ такими еще бойкими, восторженными глазами даже вдругъ обратился ко мнѣ: „Да гдѣ же тутъ сила, гдѣ же талантъ? И неужели этимъ хламомъ они столькихъ увлекаютъ?“ По правдѣ сказать, симпатію къ себѣ вызвали только женщины, въ особенности Надя: онѣ и держали себя съ достоинствомъ, и боязни никакой не выказывали; а то вотъ, хотя бы Тумановъ, онъ весь казался растеряннымъ и голосъ его такъ и дрожалъ, а другіе, особенно одинъ мальчикъ, совсѣмъ еще молодой, лѣтъ восемнадцать, только случаи искали, чтобы наскандалить, одного даже вывели.

— А что Брусковъ? — опять спросилъ Володя.

— Брускову, представьте себѣ, очень повезло; его чуть ли не всѣхъ мягче приговорили: всего на годъ въ тюрьму, за то должно быть, что во все время процесса онъ шуточки отпускалъ да подтрунивалъ и надъ собой, и надъ остальными.

— Да неужели же, — немного погодя заговорилъ Володя, — никто изъ подсудимыхъ не сказалъ ничего въ оправданіе Нади? Вотъ хотя бы Брусковъ... онъ же зналъ отлично, до какой степени она отреклась отъ нихъ. Неужели совѣсти ни у одного не хватило?..

— Въ томъ-то и дѣло, — отвѣтилъ Томилинъ, — что по ихней совѣсти ее слѣдовало обвинять, а не выгораживать. Они просто ей мстили за отступничество.

— Ужасно! ужасно!.. — невольно воскликнулъ Володя, встряхивая головой, какъ бы затѣмъ, чтобы разсѣять гнетущее впечатлѣніе.

— А пожалуй еще ужаснѣе то, что мы вотъ съ вашимъ братомъ могли опровергнуть всѣ доводы обвиненія, и были принуждены молчать; ну, хотя бы меня вызвали, да что меня, десятокъ бы свидѣтелей нашелся въ нашихъ краяхъ... Какова же должна быть душа у того, кто, зная это, рѣшился отстранить насъ отъ дачи показанія!..

Послѣднія слова Томилина Дмитрій разслышалъ.

— И этотъ самый человѣкъ, — воскликнулъ онъ, — хлопоталъ о моей высылкѣ изъ Петербурга для того только, чтобъ я не могъ глаза раскрыть, кому слѣдуетъ. Вотъ что отвратительно! Кабы онъ мстилъ только мнѣ за оскорбленіе, это бы еще понять и извинить можно, а то — холодное неумолимое преслѣдованіе женщины...

Онъ обѣими руками взялъ себя за голову.

— Я боюсь съ ума сойти, Ѳедоръ Васильевичъ; а вѣдь мнѣ надо собою владѣть, я вѣдь одинъ могу что-нибудь сдѣлать для Нади... Если моя голова не устоитъ... Надя погибла навсегда...

Его глаза, налитые кровью, были тусклы и неподвижны. Онъ говорилъ почти шепотомъ.

— У меня мысли, одна другой страшнѣе, какъ молотки стучатъ въ головѣ.

Рука его, опиравшаяся на столъ, вдругъ задрожала и, въ полномъ изнеможеніи, онъ скорѣе упалъ, чѣмъ опустился на кресло.

— Вамъ прежде всего покой нуженъ. — сказалъ Томилинъ. — Вѣдь это вы третью ночь безъ сна проводите съ тѣхъ поръ, какъ выѣхали изъ Бѣлыхъ Столбовъ.

Дмитрій махнулъ рукой.

— Развѣ сонъ теперь ко мнѣ придетъ?

Вдругъ его взглядъ, какъ при встрѣчѣ съ братомъ на улицѣ, опять остановился на бѣломъ галстухѣ, все еще украшавшемъ шею Володи.

— А скажи, пожалуйста, — съ гнѣвною усмѣшкой проговорилъ онъ, — тебѣ не стыдно было переступить через порогъ этого дома? Должно быть очень тебѣ понравилось, коли просидѣлъ тамъ до двухъ часовъ ночи...

— Я тебѣ еще не сказалъ, — тихо и нерѣшительно отвѣтилъ Володя,—что я сегодня же сталъ женихомъ...

— Вотъ какъ, женихомъ!.. — воскликнулъ Дмитрій, но голосъ его перемѣнился и сталъ мягче.—Впрочемъ, она вѣдь тутъ не виновата, она славная дѣвушка, да и не зачѣмъ тебѣ конечно терять собственное счастіе изъ-за того, что моя жизнь разбита... Ну, поздравляю, обнимемся...

Братья обнялись; но хоть и малѣйшаго оттѣнка горечи не было при этомъ у Дмитрія, Володя словно неохотно принималъ поздравленія брата и Томилина, точно онъ не имѣлъ права на свою радость.

Блѣдное утро уже смотрѣло въ окна, и дрожащій полусвѣтъ прокрадывался изъ-за спущенныхъ занавѣсей. Физическое утомленіе, неизбѣжно дающее себя чувствовать съ наступленіемъ утра, взяло наконецъ верхъ и надъ горемъ Дмитрія. Простясь съ Томилинымъ, онъ прилегъ на диванъ, и тяжелый, безпокойный сонъ укрылъ его на нѣсколько часовъ отъ дѣйствительности, но съ тѣмъ, чтобы пробуждаясь онъ нашелъ ее можетъ быть еще болѣе неумолимой.

IV.

Ровно шесть дней спустя, въ среду, у Елены Михайловны Боровской былъ утренній пріемъ. Происходили такіе пріемы у нея обыкновенно въ кабинетѣ, гдѣ небольшіе размѣры уютной комнаты и пестрая низкая

мебель какъ-то особенно располагали къ оживленной бесѣдѣ. Собирались на ея среды отъ четырехъ до шести часовъ, большею частью мужчины. За послѣдній годъ въ образѣ жизни Елены, даже въ ея манерѣ говорить и держать себя, произошла нѣкоторая перемѣна, которую, положимъ, трудно было опредѣлить, но которую всѣ однако вполнѣ ощущали. Она не казалась уже тою строгою, нѣсколько холодною женщиной, которая при жизни перваго мужа, несмотря на свою молодость, умѣла держать мужчинъ на слегка почтительномъ разстояніи отъ себя. Ходившіе на ея счетъ слухи и допущенный ею съ нѣкоторыхъ поръ легкій, почти игривый тонъ сдѣлали то, что женщины, даже наиболѣе близкія съ ней, стали пріѣзжать къ ней рѣже, а мужчины, напротивъ, навѣщали ее охотнѣе. Замужество въ этихъ новыхъ порядкахъ ничего не измѣнило. Въ эту среду она по обыкновенію помѣстилась на очень низкой кушеткѣ, обитой темносинимъ атласомъ, выгодно оттѣнявшимъ ея изящныя черты и нарядное свѣтлосѣрое платье, отдѣланное съ нѣкоторымъ излишествомъ кружевъ и бантиковъ. Изъ-подъ этого платья виднѣлись кончики ея маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ крошечныя туфли, изъ бронзовой кожи, на шелковыхъ ажурныхъ чулкахъ. Злые языки уже зрѣлыхъ дамъ увѣряли, что Елена Михайловна слегка молодится, хотя ей недавно минуло всего тридцать лѣтъ. Но правда и то, что когда ей было всего двадцать, она сумѣла прослыть за женщину серіозную, и теперь, когда въ ея гостиной охотно допускался разговоръ обильный намеками, злословіе этимъ вооружалось, какъ разъ потому, что въ былые годы она предпочитала вести мудрыя бесѣды о литературѣ, о музыкѣ, словомъ, о предметахъ возвышенныхъ, даже съ нѣкоторою приправой не слишкомъ головоломной философіи. У людского суда есть странный обычай: чѣмъ строже бываетъ жизнь и безупречнѣе прошлое, тѣмъ взыскательнѣе требованія постороннихъ. Какъ будто приви-

легія на легкомысліе остается за тѣми, кто усвоилъ его съ раннихъ лѣтъ.

Передъ Еленой, какъ и всегда въ ея пріемные дни, былъ небольшой столикъ, изображавшій якобы простонародный лотокъ, но изъ очень дорогого лимоннаго дерева и на немъ чайный приборъ съ крошечными саксонскими чашечками. Она только что налила одну изъ нихъ, уронивъ въ нее лишь нѣсколько капель замѣчательно густыхъ сливокъ и подавала ее молодому генералу, изъ тѣхъ, отъ которыхъ безъ ума всѣ тридцатилѣтнія дамы и которыя въ благодарность за то говорятъ имъ умышленно самый неприличный вздоръ. По другую сторону помѣстился, скрестивъ ноги по примѣру щеголей прошлаго столѣтія, завитой и раздушенный князь Торре ди-Фалько. На маленькомъ плетеномъ стулѣ сидѣлъ третій собесѣдникъ почти безъ рѣчей, юный россійскій дипломатъ изъ начинающихъ и потому еще робѣвшій. Всѣ трое курили. Елена Михайловна это теперь допускала, да и сама умѣла съ большимъ изяществомъ тянуть ароматическій дымокъ пахитоски. При этомъ дипломатъ сидѣвшій поодаль дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы ловко стряхивать пепелъ въ серебряную пепельницу, стоявшую на столѣ. Разговоръ шелъ разумѣется по-французски, причемъ неаполитанскій князь самымъ забавнымъ образомъ уродовалъ этотъ языкъ, говоря напримѣръ: Zet oune homo d'oune grrande capacita politique, отзываясь столь лестно про Николая Осиповича. Генералъ, слегка хихикнувъ, еще усилилъ панигирикъ Боровского, причемъ никакъ нельзя было узнать, не глумится ли онъ надъ мужемъ Елены. Затѣмъ онъ устремилъ взоръ на стѣну и, какъ бы вдохновясь ею, принялся излагать теорію супружескаго счастья основаннаго на взаимной уступчивости.

— L'amour est aveugle, сказалъ онъ,—quel dommage, que la jalousie ne soit pas myope. Вотъ, князь, у васъ въ Италіи на этотъ счетъ нравы прекрасные; несмотря на югъ, у васъ на это смотрятъ какъ слѣдуетъ. Il ne

faut pas faire un drame de ce qui n'est qu'un vaudeville.

Заспорили, какъ водится, чтобы поддержать разговоръ. Дипломатъ произнесъ двѣ-три высоконравственныя сентенціи; итальянецъ увѣрялъ, что ounе coup de couteau самое лучшее средство развязать супружескія несогласія.

Генералъ однако настаивалъ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—мы забыли, какъ дѣлали это прежде, когда были гораздо умнѣе насъ. Alors il y avait de l'amour sans scandale et maintenant du scandale sans amour.

Вошелъ Борисъ, весело со всѣми раскланялся, побранилъ погоду и шепнулъ Еленѣ:

— Что, васъ еще нельзя поздравить?

Она приняла удивленный видъ и покачала головой. Помолвка Женички еще не была объявлена; Борисъ же сказалъ это только для того, чтобъ удостовѣрить Елену въ своемъ полномъ равнодушіи къ предстоявшей свадьбѣ.

— Что графиня?—улыбаясь спросилъ его генералъ.

— Ничего, хвораетъ немножко,—отвѣтилъ Борисъ, и при этомъ лицо его приняло комически-тоскливое выраженіе, а это случалось съ нимъ неизбѣжно всякій разъ, какъ у него спрашивали про жену. Товарищи это успѣли подмѣтить, и при каждой встрѣчѣ съ участіемъ освѣдомлялись про графиню. Завязался разговоръ совсѣмъ незначительный. Генералъ пробовалъ острить, но выходило это какъ-то неудачно. Зоркіе, насмѣшливые глаза Бориса повидимому стѣсняли и его и хозяйку дома. Борису тотчасъ показалось, что Елена какъ-то враждебно и холодно обращается съ итальянцемъ, а тотъ въ свою очередь хоть и принималъ развязныя позы, въ сущности чувствовалъ себя какъ-то неловко. Борисъ пустился въ разсужденія о бракахъ иностранцевъ съ русскими дѣвицами, увѣряя, что такіе браки всегда необыкновенно счастливы.

Итальянецъ заерзалъ на стулѣ, сказалъ, что верхъ

глупости жениться ранѣе сорока лѣтъ, а Елена на него посмотрѣла довольно презрительно. Борисъ все это съ видимымъ удовольствіемъ занесъ въ ту мысленную записную книжку, которую онъ ежедневно наполнялъ своими житейскими наблюденіями. Въ дверяхъ показался слуга, совершенно беззвучно ступавшій по мягкому ковру. Онъ подалъ Еленѣ карточку на серебряномъ подносикѣ.

— Совершенно иностранная манера,—замѣтилъ Борисъ.—Позвольте полюбопытствовать, кузина.

Онъ взялъ карточку и прочелъ:—*Дмитрій Алексѣевичъ Корецкій.*

— Что, вы его примете?

— Просить,—сверкнувъ глазами на Бориса, приказала Елена. Этого Борису и хотѣлось. Онъ сталъ покручивать усы глядя на Елену съ видомъ особеннаго участія. „Любопытная будетъ сцена“, думалъ онъ про себя. А Елена, слегка колебавшаяся, быстро рѣшилась какъ разъ вслѣдствіе не совсѣмъ умѣстнаго вопроса своего двоюродного брата. Съ тѣхъ поръ какъ она узнала о возвращеніи Дмитрія, она не могла успокоиться ни на минуту. Совѣсть ее мучила, и какъ ни пугалась она при мысли о встрѣчѣ съ Дмитріемъ, она почему-то говорила себѣ, что избѣгнуть этой встрѣчи нельзя, что рано или поздно объясненія не миновать.

При входѣ Дмитрія генералъ и дипломатъ встали. Первый съ чувствомъ пожалъ руку Еленѣ и вышелъ, замѣтно стараясь не глядѣть на вошедшаго, какъ бы умывая себѣ руки въ томъ, что Елена могла принимать у себя такихъ никому неизвѣстныхъ людей. Борисъ остался, заранѣе облизываясь при мысли о предстоявшей эффектной сценѣ: онъ зналъ про размолвку Елены съ Дмитріемъ. Князь Торре ди-Фалько тоже остался, но безо всякой причины, больше потому, что тактомъ онъ вообще не обладалъ. Сцены впрочемъ не произошло никакой. Елена протянула Дмитрію руку и совершенно просто спросила, давно ли онъ пріѣхалъ. Дмитрій кос-

нулся руки, однако, не пожимая ея, отвѣтилъ, что онъ въ Петербургѣ почти съ недѣлю. Нѣсколько секундъ прошло въ неловкомъ молчаніи, но Борисъ Сокольницкій помогъ всѣмъ выйти изъ натянутаго положенія, сказавъ нѣсколько такихъ словъ, которыхъ никто не слушаетъ, но которыя всѣмъ доставляютъ удовольствіе, потому что они словно развязываютъ какой-то узелъ. И тотчасъ все пошло обычною колеей: и Дмитрій и Елена почувствовали, что обстановка требуетъ отъ нихъ простыхъ и обыденныхъ рѣчей, и они, какъ свѣтскіе люди, обязаны этому подчиниться.

Совершивъ это, Борисъ принялся за князя, который сидѣлъ молча, вытаращивъ глаза и рѣшительно не понимая, что вокругъ него происходитъ.

— Скажите пожалуйста,—спросилъ Борисъ,—у васъ говорятъ, замокъ въ самой живописной мѣстности, между Салерно и Пестумомъ? Когда я былъ въ Неаполѣ, мы съ двумя Англичанами хотѣли туда отправиться, но намъ сказали, что туда и жандармы боятся ходить.

Князь обидѣлся.

— C'est oune caloumnie,—сказалъ онъ,—разбойники отъ насъ очень далеко.

— Во всякой мѣстности, гдѣ существуетъ общественное зло вродѣ эпидемической болѣзни или разбойничьей шайки, жители всегда увѣряютъ, что зло далеко, не у нихъ, а гдѣ-то за горами.

— И совершенно напрасно разсказываютъ про какихъ-то нашихъ разбойниковъ; они въ сущности храбрецы недовольные положеніемъ дѣлъ.

Сказавъ это, князь принялъ побѣдоносный видъ; онъ считалъ себя сторонникомъ Бурбоновъ, и защищая разбойниковъ, исполнялъ только долгъ благодарности. Вѣрнѣйшимъ доходомъ съ его имѣнія была дань, платимая ему иногда этими приверженцами черезчуръ вольнаго труда за находимое у него пристанище.

Еленѣ онъ вдругъ сталъ несказанно противенъ. Она

невольно сравнивала этого человѣка, до котораго она снизошла, съ тѣмъ, кого она цѣлыхъ десять лѣтъ пламенно любила и кто могъ бы, если бы только захотѣлъ, дать иное направленіе ея испорченной жизни. Горечь прошлыхъ воспоминаній нахлынула ей на душу, и ей теперь болѣзненно захотѣлось остаться наединѣ съ Дмитріемъ и оправдаться передъ нимъ, какъ будто оправданіе было возможно. Потрунивъ еще немного надъ итальянцемъ, Борисъ поднялся съ мѣста и лукаво улыбнулся, пожимая руку Елены. Князь, немного смущенный, но все еще горделивый, послѣдовалъ его примѣру.

У Елены сильно забилось сердце. Она чувствовала себя виноватою передъ Дмитріемъ и ей почему-то казалось, что онъ непремѣнно долженъ знать про ея поступокъ, но она тотчасъ овладѣла собою и заговорила тихо и ровно:

— Дмитрій Алексѣевичъ, мы разстались съ вами не совсѣмъ по-дружески. Но мы знаемъ другъ друга такъ давно, что вы, конечно, перестали уже помнить объ этомъ прошломъ недоразумѣніи.

— Прошлое, Елена Михайловна, давно перестало существовать.

Они съ первыхъ же словъ не понимали другъ друга. Елена просила его забыть про ихъ послѣднюю встрѣчу какъ разъ во имя того хорошаго прошлаго, которое онъ теперь отрицалъ.

— Вы тѣмъ болѣе должны меня простить,—ласковымъ голосомъ продолжала она, играя кольцами на лѣвой рукѣ,—что самый поводъ къ недоразумѣнію исчезъ. Мы вѣдь съ вами почти роднимся... и я этому очень, очень рада... Я сознаю, что поступила тогда опрометчиво, отказавъ вашему брату. Я была несправедлива къ нему; но теперь мы узнали другъ друга короче: онъ не только хорошій, онъ очень умный и способный...

— Я самъ очень радъ... счастію брата.

— И все-таки,—перебила она его,—вы вотъ уже почти цѣлую недѣлю здѣсь и не пріѣхали ко мнѣ...

— Извините меня, Елена Михайловна, я буду съ вами вполнѣ откровененъ. То, что я имѣю сказать вамъ, будетъ тяжело для насъ обоихъ, и признаюсь вамъ, я откладывалъ этотъ разговоръ... Я вѣдь не за тѣмъ пріѣхалъ къ вамъ, чтобы говорить о свадьбѣ брата.

Послѣднія слова онъ произнесъ почти горько. Когда онъ заранѣе обдумывалъ свое объясненіе съ Еленой, онъ живо представлялъ себѣ странность и неестественность своихъ отношеній къ дому, гдѣ братъ его принятъ какъ женихъ. Вѣдь нельзя же было ему вступать въ этотъ домъ въ качествѣ друга, почти родственника.

— Я вижу,—отвѣтила Елена, опустивъ глаза,—что вы все-таки не можете простить. Я не знала, что вы такъ обидчивы и злопамятны. Я готовилась протянуть вамъ руку по старому...

И она снова теперь подняла на него глаза, стараясь прочесть на его лицѣ настоящую причину его непріязни.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, Елена Михайловна, воскликнулъ онъ,—вы совершенно ошибаетесь: про себя и про нашу тогдашнюю размолвку съ вами я и не думаю. Но я не могу забыть, что вы теперь жена того самаго человѣка, по чьей винѣ... ну, да вы сами знаете, какова была роль вашего мужа въ этомъ процессѣ.

Елена вздохнула свободнѣе. Она почти радовалась ненависти Дмитрія къ мужу. Кто знаетъ, можетъ-быть въ его душѣ таилось еще прежнее чувство и онъ не можетъ ей простить ея замужества. Она однако сочла долгомъ заступиться за Николая Осиповича.

— Вы, кажется, не догадываетесь,—сказала она,—что никому иному, какъ мужу, вы обязаны (она стала подыскивать слова)... тѣмъ, что дѣло ваше приняло... иной оборотъ.

— Вашему мужу? то-есть, хотите вы сказать, по его настоянію мнѣ разрѣшили вернуться?

— Пожалуй, вы этимъ обязаны еще болѣе мнѣ. Я упросила его.

— Благодарю васъ хотя за это. Я могъ по крайней

мѣрѣ попасть на судъ... видѣть ее лишній разъ... Благодарю васъ.

Иронія слышалась въ его голосѣ.

Лакей внесъ карселевую лампу съ большимъ абажуромъ. Странный двоякій свѣтъ распространился по комнатѣ, въ ней стало какъ будто темнѣе. Лучи заходившаго солнца ярко еще сквозь нависшія тучи освѣщали городъ. Лакей сталъ бережно опускать шелковыя занавѣски, словно надо было во что бы то ни стало избавиться отъ дневного свѣта. Какъ нарочно, онъ дѣлалъ это необыкновенно медленно. Елена встала и прошла въ противоположный уголъ кабинета, какъ будто съ перемѣною мѣста она лучше могла побороть тревогу, навѣянную на нее словами Дмитрія. Онъ тоже поднялся со стула.

— Никого не принимать,—приказала Елена уходившему лакею.

— Владиміра Алексѣевича тоже не принимать?—спросилъ тотъ, повернувшись въ самыхъ дверяхъ.

— Нѣтъ, Владиміра Алексѣевича конечно просить; а Евгенія Александровна дома?

— Онѣ пошли гулять съ гувернанткой.

Лакей нѣсколько мгновеній простоялъ въ дверяхъ, ожидая не будетъ ли еще приказаній, и затѣмъ молча удалился.

Елена вдругъ почувствовала себя спокойною и даже почти счастливою. Можетъ быть свѣтъ принесенной лампы дѣйствовалъ на нее успокоительно. Инымъ женщинамъ только и по себѣ при искусственномъ освѣщеніи.

— Вы видите,—сказала она, возвращаясь на прежнее мѣсто,—вашъ братъ у насъ теперь совершенно какъ свой. Онъ по цѣлымъ днямъ здѣсь. Я въ эти нѣсколько дней такъ къ нему привыкла... И неужели же вы, котораго я знаю почти съ дѣтства, станете для меня вдругъ чужимъ? Я не хочу этому вѣрить, да и вамъ это должно казаться страннымъ.

— Я и не считаю васъ чужою, Елена Михайловна,—съ нѣкоторою задушевностью отвѣтилъ Дмитрій.—Я

доказываю вамъ это обращаясь къ вамъ съ просьбой, которую вы, и только вы, можете исполнить.

Она опять остановила его, ей ни за что не хотѣлось, чтобъ онъ высказалъ эту просьбу.

— Нѣтъ, про дѣла мы переговорить успѣемъ. Я васъ такъ скоро не отпущу. Вы мнѣ лучше разскажите что-нибудь про эти полтора года,—она замѣтила какъ при этихъ словахъ у него сдвинулись брови,—разскажите какъ старому другу. Я знаю, вамъ было очень тяжело, но право легче, когда подѣлишься горемъ. Не считайте меня пожалуйста навязчивою. Вы сами же признаете, что я вамъ не чужая: сядьте вотъ сюда,—она указала ему на мѣсто возлѣ себя на кушеткѣ,—и разскажите про вашу бѣдную мать: я такъ ее любила и уважала.

Дмитрій сѣлъ.

— Не разспрашивайте меня про смерть матери. Мнѣ слишкомъ больно про это говорить.

Елена конечно не настаивала. Но она такъ сумѣла настроить себя на теплое сочувствіе къ нему, что онъ невольно поддался ей и мало-по-малу, самъ того не замѣчая, сталъ разсказывать про свою жизнь. Ему даже какъ будто было пріятно и тепло отъ того вкрадчиваго участія, которымъ такъ и свѣтились ея лучистые глаза. Зачѣмъ было ему отвѣчать сдержанностію на ея дружескія слова? Вѣдь отъ нея одной зависѣлъ успѣхъ его стараній. Она могла спасти Надю. Отправляясь къ ней онъ въ самой глубинѣ сердца надѣялся именно на отголосокъ прежняго ея чувства, хоть передъ собою можетъ быть не признавался въ этомъ.

— Какъ много выстрадали вы за эти полтора года!—сказала она, выслушавъ его, и вся она, казалось, была полна участія къ его семейному горю. Она протянула ему свою мягкую, теплую ручку, и на этотъ разъ онъ пожалъ эту ручку уже совершенно по старому.

— Да и мнѣ было не лучше, повѣрьте мнѣ, вѣдь моя жизнь тоже испорчена, Дмитрій.

— Вы... замужемъ.

Она глубоко вздохнула. Ей надо было разсѣять недовѣрчивость, которая все еще слышалась въ его голосѣ. И Елена стала защищаться, какъ будто онъ обвинялъ ее, и дѣлала это съ тѣмъ женскимъ краснорѣчіемъ, которое умѣетъ подыскивать тѣмъ болѣе убѣдительные доводы, чѣмъ безнадежнѣе повидимому защита. Она какъ бы вызывала его на обвиненіе, точно наслаждаясь тѣмъ, что онъ упрекаетъ ее. И цѣлый часъ незамѣтно пролетѣлъ въ этомъ обмѣнѣ признаній и утѣшеній. Дмитрій сознавалъ, что разговоръ ихъ все болѣе сбивается въ сторону отъ того, что ему надо было сказать. Но вѣдь нельзя же было уклониться отъ этой невольно выслушанной имъ исповѣди; да и кто знаетъ, можетъ быть ему самому хотѣлось убѣдить себя въ томъ, что онъ обвинялъ ее напрасно въ безсердечіи. „Вѣдь она же не виновата въ поступкѣ Боровского“, думалось ему: „и ей теперь, конечно, захочется прошлое загладить“. А Елена успѣла изъ его отвѣтовъ убѣдиться въ томъ, что Дмитрій не знаетъ про ея собственное участіе въ обвиненіи Нади.

— Да,—говорила она почти со слезами,—не такою я себѣ представляла свою жизнь. Отъ васъ можетъ быть, Дмитрій, зависѣло дать ей иное направленіе, да прошлаго не вернешь. Я сама знаю, что прежде я не была такою, какъ теперь. Мнѣ надо забыться, и не моя вина, что вокругъ меня дрянные, пошлые люди, какъ тѣ вотъ, которыхъ вы у меня сейчасъ встрѣтили.

А на самомъ дѣлѣ въ ней между тѣмъ шевелилась смутная надежда, что къ прошлому еще можно вернуться хотя бы косвеннымъ путемъ, что воскресивъ это прошлое, она можетъ еще восторжествовать надъ памятью его погубленной невѣсты. Прежнее чувство къ Дмитрію казалось ей теперь чѣмъ-то высокимъ и чистымъ, чѣмъ-то искупающимъ ея теперешнюю жизнь. Нужды нѣтъ, что чувству этому нельзя уже было подняться на прежнюю высоту: въ ея положеніи разборчивость была неумѣстна.

Но Дмитрій вывелъ ее изъ этого самообольщенія.

— Я знаю, Елена, что у васъ доброе сердце. Вы не допустите, чтобы совершилась вопіющая несправедливость, вы, и вы однѣ, можете поправить... ну хоть ошибку вашего мужа.

— Я васъ не понимаю.

— Вы имѣете большое вліяніе на Николая Осиповича, а онъ почти всемогущъ въ своемъ министерствѣ... упросите его, вамъ это удастся, исходатайствовать помилованіе Надѣ.

Лицо Елены мгновенно измѣнилось. Мягкое, ласкающее выраженіе потухло въ ея глазахъ, а губы сложились какъ-то строго, почти жестко.

— Помиловать Надежду Сергѣевну?—изумленнымъ тономъ отвѣтила она,—и вы думаете, это можетъ зависѣть отъ насъ, отъ мужа? Вы преувеличиваете вліяніе Николая Осиповича.

— Полноте, Елена, полноте! Я очень хорошо знаю, кто одинъ можетъ помиловать Надю, но мужъ вашъ можетъ настоять передъ министромъ, а тотъ въ свою очередь, да что же я вамъ это объясняю!.. вамъ, которой всѣ ходы извѣстны. Ну сдѣлайте хоть попытку — въ успѣхѣ я не сомнѣваюсь... да, наконецъ, вы же сами мнѣ говорили, что за меня вы заступились.

— Вы, другое дѣло, васъ ни въ чемъ не обвиняли: мужу было извѣстно, что вы подверглись этимъ непріятностямъ безо всякаго повода.

— А есть какой-нибудь поводъ ссылать Надю? Вы же знаете не хуже меня...

— Я ничего не знаю, Дмитрій Алексѣевичъ, — холодно перебила она Дмитрія, и лицо ея словно окаменѣло. — Я даже за процессомъ не слѣдила. Надежду Сергѣевну я встрѣчала мелькомъ въ деревнѣ, но судить о ней по такому поверхностному знакомству я неберусь.

Елена медленно встала и отошла къ письменному столу. Дмитрій почувствовалъ, что какая-то стѣна выростала между ними.

— Какъ! неужели вы...—сорвалось у него недоговоренное восклицаніе.

— Да,—продолжала она, — я не вижу поводовъ ко вмѣшательству со своей стороны.—И признаюсь я не понимаю, почему вы сами за эти полтора года не приняли никакихъ мѣръ...

Дмитрій вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный.

— Я ничего не сдѣлалъ,—говорите вы? Да я здѣсь цѣлые мѣсяцы обивалъ пороги въ министерствахъ, за это-то меня и выслали, да еще по оговору вашего супруга. А изъ Бѣлыхъ Столбовъ я обращался ко всѣмъ знакомымъ; не только я, братъ и Томилинъ выбивались изъ силъ. Дядюшка вашъ, графъ Сергѣй Борисовичъ, хлопоталъ за Надю... и что жъ? Всѣ эти старанія разбивались, потому что встрѣчали установившееся предвзятое мнѣніе, а это мнѣніе поддерживалось вашимъ же супругомъ. Онъ не только сталъ обвинителемъ, зная ея невинность, но онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы помѣшать ея спасенію, и вы считаете себя въ правѣ оставаться теперь равнодушною?..

Губы Елены сжались. Рука ея судорожно затряслась на столѣ, о который она опиралась. Взглядъ у нея былъ сухой и неподвижный.

— А зачѣмъ,—спросила она,—вы и теперь не обратились къ графу Сергѣю Борисовичу?

— Я былъ у него и графъ обѣщалъ; но вы хорошо знаете, что вѣдь это послѣднее средство, вы знаете къ кому обратится графъ, а между тѣмъ одного доклада министра, стало быть, одного слова Николая Осиповича было бы достаточно, чтобы разъяснить дѣло... А тамъ ужъ конечно не откажутъ...

Елена не отвѣчала. Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ ней и, не помня себя отъ волненія, продолжалъ горячимъ, возвышеннымъ голосомъ:

— Да что же вы говорили мнѣ сейчасъ про свое участіе? Развѣ вы не знаете, что въ жизни у меня никого нѣтъ кромѣ Нади, что дорожу я только ею... Да,

наконецъ, что же сдѣлала она вамъ? За что отказываетесь вы...

— За что?—проговорила она почти шепотомъ, и одни загорѣвшіеся глаза ея выдавали охватившее ее волненіе,—за что? Да развѣ не по ея милости моя жизнь стала тѣмъ, что она теперь? И вы думаете, я стану хлопотать за вашу невѣсту?

Она захохотала. Вдругъ послышался чей-то сухой отрывистый кашель; они обернулись и увидѣли стоявшаго въ дверяхъ Боровского.

V.

Николай Осиповичъ только что вернулся изъ засѣданія очень важной коммиссіи, про которую тогда въ городѣ было много толковъ; хотя ея совѣщанія, касавшіяся политическихъ вопросовъ, считались секретными, всѣ очень хорошо знали про недавно предложенныя тамъ Боровскимъ, особенно крутыя, исключительныя мѣры. За это его многіе осуждали, но все-таки преклонялись передъ его энергіей. Вообще онъ все болѣе шелъ въ гору. Самъ онъ однако повидимому не радовался этому; по крайней мѣрѣ, когда онъ возвращался домой изъ засѣданій, на его гладкихъ чертахъ лежалъ отпечатокъ тяжелой думы. Въ такіе дни онъ бывалъ неразговорчивъ, избѣгая даже общества жены. И въ этотъ вечеръ—засѣданіе затянулось до 6 часовъ—онъ пріѣхалъ домой въ мрачномъ настроеніи. Когда швейцаръ сказалъ ему, что у ея превосходительства господинъ Корецкій, не тотъ, что каждый день бываетъ, а другой, постарше, „и сидѣть они изволятъ часъ съ лишнимъ“, Боровской сперва удивился, но тотчасъ, что-то сообразивъ, кивнулъ головой, и своею твердою, отрывистою походкой направился къ женѣ. Онъ не снялъ даже вицъ-мундира и на правой сторонѣ его груди блестѣла недавно имъ полученная анненская звѣзда.

При видѣ Николая Осиповича Дмитрій и Елена

ощутили какую-то странную неловкость, точно они были передъ нимъ виноваты. Елена спрашивала себя, давно ли тутъ ея мужъ и что онъ успѣлъ разслышать изъ сказаннаго ими. А Дмитрію живо припомнилось, что онъ въ домѣ человѣка, которому онъ нанесъ кровную обиду и тѣмъ не менѣе отъ этого человѣка ожидаетъ себѣ помощи. Краска стыда бросилась ему въ лицо при этой мысли. Боровской простоялъ нѣсколько секундъ молча, очевидно наслаждаясь ихъ смущеніемъ. Чуть замѣтная улыбка торжества показалась на его прямыхъ блѣдныхъ губахъ. Онъ сознавалъ, что владѣетъ собою вполнѣ, что за нимъ то преимущество, которое всегда остается за болѣе хладнокровнымъ.

— Я очень радъ, что застаю васъ здѣсь, господинъ Корецкій, — началъ онъ сдержанно, не трогаясь съ мѣста,—и могу сообщить вамъ пріятную новость. Вашей невѣстѣ (онъ съ особеннымъ удареніемъ произнесъ это слово) будетъ, я думаю, вскорѣ возвращена свобода.

Проговоривъ это медленно и отчетливо, онъ уставилъ свой пристальный взглядъ на жену и на Дмитрія. Прочелъ онъ или нѣтъ на ихъ лицахъ противоположныя впечатлѣнія, произведенныя его словами, только въ его глазахъ показалось уже нескрываемое, торжествующее самодовольство. Да и злорадное чувство тоже промелькнуло въ этихъ глазахъ: Николай Осиповичъ не ошибался насчетъ стыда и смущенія вызванныхъ у жены его извѣстіемъ.

А Дмитрій въ порывѣ неожиданной радости хотѣлъ бросится впередъ и протянуть своему врагу руку. Онъ забылъ въ эту минуту про все въ чемъ передъ нимъ былъ виновенъ Боровской, но холодный, чуть-чуть насмѣшливый взглядъ Николая Осиповича его остановилъ: „полюбуйтесь“, казалось, говорилъ этотъ взглядъ, „какъ я сумѣлъ отмстить вамъ, и какъ вамъ стыдно и неловко предо мною за то, что вы обязаны мнѣ благодарностью. А я то и благодарности вашей не хочу“.

— Я вамъ очень обязанъ за это извѣстіе,—сказалъ

Дмитрій,—тѣмъ болѣе, что конечно вы сами сдѣлали все нужное.

И Дмитрій тутъ же почувствовалъ, какъ блѣдны и ничтожны были эти слова въ сравненіи съ охватившимъ его чувствомъ пламенной радости.

— Моей заслуги тутъ нѣтъ. Я просто убѣдился изъ хода процесса, что г-жа Ольшевская виновна развѣ въ юношескомъ увлеченіи, за которое мы карать не должны.

„Поздно же вы убѣдились въ этомъ!“ чуть не сорвалось у Дмитрія съ языка, но и тутъ ему пришлось удержаться и сказать какъ разъ совершенно противоположное:

— Тѣмъ не менѣе моя живая признательность...

Но Боровской продолжалъ не слушая его:

— Особое присутствіе Сената, какъ вамъ извѣстно, уже постановило ходатайствовать о смягченіи наказанія. Это и дало намъ поводъ къ составленію всеподданнѣйшаго доклада о совершенномъ помилованіи.

Елена вдругъ почувствовала, что и ей надо непремѣнно выразить участіе.

— Я очень рада за Дмитрія Алексѣевича, проговорила она съ усиліемъ, и добавила уже обращаясь къ мужу,—и тому я рада, что *ты* поступилъ такъ хорошо.

Она съ намѣреніемъ сказала ему „ты“ въ присутствіи Дмитрія: выраженія этого между ними обыкновенно не употреблялось.

Но ни мужа, ни Дмитрія она этимъ не обманула: на ней лица не было, и гнѣвъ, обузданный стыдомъ, такъ и читался на ея стиснутыхъ губахъ.

Дмитрію представилось теперь съ совершенною очевидностью, что оставаться въ домѣ Боровскихъ ему нельзя уже ни минуты болѣе. Напряженное настроеніе, какъ бы носившееся въ воздухѣ, всѣ невысказанныя чувства, которыхъ и высказать нельзя было никакимъ образомъ, все это требовало скорой, немедленной развязки. Долѣе нельзя было выдержать этихъ непримиримыхъ противорѣчій внѣшней благодарности и внутренняго озлобленія. Съ уходомъ его—Дмитрій это почему-

то зналъ навѣрное—должно было непремѣнно произойти объясненіе Елены съ мужемъ. Онъ понималъ, что крутой поворотъ Боровского въ дѣлѣ Нади касался не его одного и что помимо его сложныхъ отношеній къ Боровскому и къ Еленѣ, между мужемъ и женой есть иныя отношенія еще болѣе сложныя и запутанныя.

— До свиданія, отвѣтила Елена на сказанное Дмитріемъ „прощайте“.

Николай Осиповичъ поклонился молча, а едва Дмитрій вышелъ на лѣстницу, ему навстрѣчу раздался оживленный голосъ только что пріѣхавшаго Володи. Увидавъ брата онъ живо кинулся къ нему.

— А, ты былъ здѣсь, какъ я радъ! Ну что-жъ? все исправлено? помирились, надѣюсь?

Дмитрій, не отвѣчая на вопросъ, разсказалъ брату о предстоящемъ освобожденіи Нади.

Володя былъ въ настоящемъ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ исчезала единственная черная точка, мѣшавшая его безоблачной жизни.

— Ну, теперь стало быть ты будешь здѣсь бывать на правахъ родственника, а то, знаешь, такъ было непріятно чувствовать, что ты какъ будто во враждебныхъ отношеніяхъ съ домомъ, гдѣ живетъ моя невѣста. А вѣдь Елена Михайловна въ сущности милѣйшая женщина, я къ ней былъ несправедливъ.

Дмитрій не счелъ нужнымъ разувѣрять брата. Да кстати изъ боковыхъ дверей нижняго этажа къ нимъ теперь вышла Женичка, очень милая, въ своемъ плюшевомъ, темнокоричневомъ платьѣ, которое она не успѣла снять послѣ гулянья. Она тутъ же показала Дмитрію новѣйшій изъ подарковъ жениха, золотую змѣю съ двумя рубинами вмѣсто глазъ, обвившуюся вокругъ ея тонкой ручки.

— Наша свадьба, вы знаете,—сообщила она,—будетъ тридцатаго апрѣля, а потомъ мы съ нимъ прямо въ деревню: Володѣ пора за дѣла приниматься, добавила она съ важностію.—А завтра на вечерѣ у насъ все будетъ объявлено, такъ что почти уже не секретъ.

Она подумала немножко и потомъ спросила:—А вы тоже будете?—рѣшивъ про себя, что Дмитрій конечно помирился съ мама, коли пробылъ у нея въ гостиной болѣе часа.

— Не думаю, Евгенія Александровна,—отвѣтилъ Дмитрій,—едва ли даже мнѣ придется быть у васъ на свадьбѣ.

Женичка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, но разспрашивать его не стала. Зато она заодно съ Володей порадовалась счастливой вѣсти о Надѣ.

— Что же мы однако на лѣстницѣ стоимъ?—вдругъ спросила она. — Войдите хоть ко мнѣ въ комнату, это будетъ чудесно...

Но Дмитрій отказался и уѣхалъ, а Женичка, взявъ подъ руку Володю, поднялась по лѣстницѣ, слегка припрыгивая по ступенямъ на кончикахъ своихъ упругихъ ножекъ.

— Знаешь, однако, мы лучше къ мама въ кабинетъ не пойдемъ, сказала она, поднявшись на верхній этажъ,—а до обѣда посидимъ въ залѣ.

Въ кабинетѣ Елены Михайловны происходилъ между тѣмъ разговоръ не совсѣмъ обычнаго свойства.

— Зачѣмъ вы разыграли эту комедію? рѣзкимъ голосомъ спросила Елена, какъ только дверь въ переднюю притворилась за Дмитріемъ.

— Вы ошибаетесь, это вовсе не комедія.

Въ пристальныхъ глазахъ Боровского брезжилась насмѣшливая улыбка.—Вы хлопотали насчетъ Дмитрія Алексѣевича, я довершилъ ваше доброе дѣло: свобода будетъ возвращена не только жениху, но и невѣстѣ; я кажется заслужилъ вашу благодарность...

— Я хотѣла бы знать однако,—сверкнувъ глазами отвѣтила Елена,—какимъ образомъ *вашъ* взглядъ такъ неожиданно измѣнился? Вы кажется не всегда были убѣждены въ невиновности этой дѣвицы.

Боровской молча смѣрялъ жену глазами, потомъ отошелъ къ двери и притворилъ ее.

— Извините,—сказалъ онъ,—такъ намъ будетъ удоб-

нѣе разговаривать, да и терпѣть я не могу этого двойного свѣта. Странная у васъ привычка освѣщать комнаты днемъ.

Въ сосѣдней гостиной все еще было свѣтло, хотя сумерки уже спускались на городъ съ потухавшаго неба.

Николай Осиповичъ скрестилъ руки на груди и снова посмотрѣлъ на жену, но уже безо всякаго оттѣнка насмѣшливости: что-то зловѣщее и непреклонное было въ его неподвижномъ взглядѣ.

— Вамъ угодно меня упрекать въ непослѣдовательности,—сказалъ онъ.—Коли хотите я вамъ объясню эту непослѣдовательность. Я нахожу, что Надя Ольшевская довольно настрадалась за то, что имѣла несчастіе встрѣтиться съ нами; какія бы у насъ ни были причины ей мстить—этой мести пора удовлетвориться.

Въ ровномъ его голосѣ теперь звучала тревожная нота.—Я не хочу, чтобы посторонніе имѣли право упрекать судъ въ несправедливости. Довольно съ меня и того, что я долженъ былъ выслушать здѣсь въ четвергъ вечеромъ. Вы могли замѣтить, я думаю, какое впечатлѣніе произвело это нелѣпое дѣло?

— Очень я забочусь,—съ презрительнымъ раздраженіемъ отвѣтила Елена,—о мнѣніи какой-нибудь дамы, которая на другой же день объ этомъ и думать перестанетъ. Вы удивительно стали чутки къ городской молвѣ... Или вы можетъ быть думаете, что въ вашей новой должности впечатлительная совѣсть обязательна?

Эти послѣднія слова тѣмъ больнѣе кольнули Николая Осиповича, что въ нихъ была доля истины, которой не подозрѣвала сама Елена. По мѣрѣ того, какъ Боровской поднимался на пути ко власти, память о прежнемъ чувствѣ къ Надѣ, а стало быть и потребность мести въ немъ понемногу остывали. Удовлетворенное честолюбіе заставило его прислушаться къ требованіямъ справедливости.

— Вы напрасно думаете,—злобно возразилъ онъ, —

что я дѣйствовалъ изъ однихъ личныхъ побужденій. Я и объ васъ подумалъ. Возвращеніе господина Корецкаго могло намъ причинить безпокойство. Я зналъ напередъ, что вы съ нимъ увидитесь и онъ станетъ умолять васъ возвратить ему невѣсту. Теперь его желаніе будетъ исполнено, и надѣюсь онъ васъ болѣе тревожить не станетъ?

Взглядъ, которымъ сопровождались эти послѣднія слова, подчеркивалъ ихъ смыслъ.

Елена промолчала нѣсколько секундъ, потомъ судорожно засмѣялась.

— Vous me feriez presque croire que vous devenez jaloux?

Боровской повелъ плечами:

— Хотя я имѣлъ бы поводъ ревновать, я помню нашъ уговоръ: но, помня это, я не забываю и того, что достоинство ваше, какъ жены моей, должно быть ограждено отъ нареканій. И вотъ почему я не нахожу удобнымъ, чтобы господинъ Корецкій бывалъ въ нашемъ домѣ. Вы такъ желали его возвращенія, что у меня было нѣкоторое основаніе этого опасаться. Теперь впрочемъ, полагаю, невѣста его займетъ настолько...

Боровской остановился.

Елена быстро вскинула на него глаза, но тотчасъ опустила ихъ передъ его холоднымъ взглядомъ, въ которомъ читалась нешуточная угроза.

— Я принимаю у себя кого хочу и какъ хочу, — сказала она однако, пытаясь бороться.

— Позвольте вамъ замѣтить, Елена Михайловна, что положеніе ваше... да и мое тоже,—вѣдь мы, что бы мы ни дѣлали, тѣсно связаны,—требуетъ осмотрительности. Вы за меня вышли потому, что вѣрили... въ мою будущность.

Иронія опять слышалась въ его голосѣ.

— Согласитесь, что женщина, близко стоящая къ государственнымъ дѣламъ, не можетъ держать себя такъ, какъ любая изъ прочихъ молодыхъ дамъ. Если вы это

иногда забываете, мнѣ приходится это вамъ напомнить... въ вашемъ же интересѣ.

— Что вы хотите сказать?

Елена приподнялась на креслѣ, краска показалась на ея щекахъ...

— Я хочу только сказать, — отчеканилъ Николай Осиповичъ,—что вы должны теперь забыть тотъ образъ жизни, который могъ быть на своемъ мѣстѣ, положимъ, въ какой-нибудь Ниццѣ полтора года тому назадъ. Здѣсь онъ рѣшительно несовмѣстенъ съ тою ролью, которую вы сами же для себя выбрали. Вы кажется мечтали о политической гостиной, такъ выбирайте же для нея строгія формы, приличествующія суровому Петербургу, а не тѣ итальянскія краски, пригодныя за границей.

— Вы забываетесь! — воскликнула совсѣмъ уже вспыхнувъ Елена.

— И я кстати сообщу вамъ,—продолжалъ Боровской, не обращая вниманія на ея слова,—что вашъ знакомый князь..., если не ошибаюсь, Торре ди-Фалько, нашелъ себѣ выгодную партію.—Елена не успѣла скрыть своего изумленія. — Да, да, онъ женится на дочери нашего желѣзнодорожнаго туза... впрочемъ вы не знаете, это люди не вашего общества.

— J'ai toujours pensé que c'était un aventurier!—проговорила Елена, стараясь подавить свое раздраженіе.

— Что вамъ не мѣшало принимать его довольно часто, хотя бы вотъ сегодня. Тѣмъ лучше впрочемъ, если вы о немъ дурного мнѣнія; тѣмъ удобнѣе будетъ для васъ его болѣе у себя не видѣть. — Елена посмотрѣла на мужа съ нѣмымъ изумленіемъ. — Да, я позволяю себѣ настаивать на болѣе тщательномъ выборѣ вашихъ друзей. И какъ могли вы, напримѣръ, когда здѣсь былъ Дмитрій Алексѣевичъ, отдать приказаніе никого не принимать? Съ вашею опытностью можно бы не дѣлать такихъ неосторожностей.

— Вы бесѣдуете съ прислугой?—презрительно сказала Елена.

— Надѣюсь, что мнѣ къ этому средству болѣе прибѣгать не придется, — Николай Осиповичъ теперь, съ видомъ полнаго хозяина дома, покойно усѣлся въ кресло,—и вы, какъ умная женщина, поймете, что это объясненіе между нами первое и послѣднее.

— Вы и въ гостиной сохраняете прокурорскій тонъ,— сказала Елена поднимаясь съ мѣста.

— Полагаю, что слова мои достаточно ясны?

— Ну, а если я ихъ въ расчетъ не приму?—уже совершенно вспылила Елена.

— Не примете?—Боровской медленно всталъ и уставился на жену.—Я бы вамъ этого не посовѣтовалъ. Я не ревнивый мужъ, Елена Михайловна, но своимъ достоинствомъ, своимъ именемъ я вамъ играть не дамъ. Положенія моего испортить вы уже не можете, еслибы даже захотѣли: оно теперь установилось. Намеки и злословіе его поколебать не могутъ, но я все-таки не хочу, чтобы такіе намеки могли дѣлаться на мой счетъ. И вотъ что я вамъ скажу разъ навсегда. Если вы не подчинитесь тому, что я сейчасъ сказалъ, не станете согласовать кругъ своего знакомства съ моими вкусами,— я съ вами разстанусь. Открытый громкій разрывъ гораздо лучше плохого мира. И тогда вся отвѣтственность. весь скандалъ такого разрыва падетъ на васъ. Вы потеряете болѣе, чѣмъ я; увидимъ, много ли останется за вами изъ прежнихъ друзей, когда я васъ открыто предоставлю злымъ языкамъ вашего свѣта. Вы чванитесь предо мною своимъ положеніемъ, считаете меня за выскочку, а теперь знайте это—все ваше хваленое положеніе можетъ рухнуть мигомъ, какъ скоро захочу этого я.

Проговоривъ это, не спуская съ нея глазъ, Боровской вышелъ.

Елена въ первый разъ въ своей жизни почувствовала надъ собою тяготѣніе власти, изъ-подъ которой высвободиться нельзя. Въ ней поднимались и негодованіе, и ненависть къ мужу, и отчаянные упреки себѣ

за свое необдуманное замужество. Но надо всѣми этими чувствами ложилось тяжелое сознаніе безпомощности и стыда.

VI.

Графъ Сергѣй Борисовичъ довершилъ начатое Боровскимъ. Узнавъ, что министерство готовитъ докладъ о помилованіи Нади, онъ обратился къ высокопоставленной особѣ, къ великодушному милосердію которой никогда не прибѣгали напрасно.

— Nous approchons de Pâques, madame,—сказалъ онъ между прочимъ, зная какъ тепло и отзывчиво ея религіозное чувство,—il s'agit non pas de pardonner à un coupable, mais de sauver une innocente.

Его выслушали съ полнымъ вниманіемъ. Подробно разсказанная имъ исторія Нади возбудила тѣмъ болѣе живое сочувствіе, что благодаря княгинѣ Старобѣльской, слухъ о ней достигъ уже до высокой собесѣдницы графа. Участіе, принятое ею въ судьбѣ молодой дѣвушки, устранило тѣ формальныя проволочки, которыя ставятъ преграды даже для власти, даже при совершеніи ею самаго добраго дѣла. Надя была освобождена скорѣе, чѣмъ могъ надѣяться Дмитрій. Онъ заранѣе нанялъ для нея небольшую удобную квартирку въ одной изъ нешумныхъ улицъ близъ Таврическаго сада.

И вотъ за нѣсколько дней до праздника они снова были вмѣстѣ.

Въ минуту свиданія Дмитрій готовъ былъ забыть про нескончаемые полтора года разлуки. Когда онъ вглядывался въ ея блѣдное, исхудалое лицо и покрывалъ поцѣлуями глаза, въ которыхъ долгіе мѣсяцы заключенія потушили прежній блескъ, лицо это казалось ему еще милѣе и дороже, еще прекраснѣе, чѣмъ въ былые дни, когда занималась заря ихъ любви. Но прежней Нади даже радость освобожденія, даже его ласки воскресить не могли. Она говорила правду, когда

писала ему, что изъ тюрьмы нельзя прямо вернуться къ полной жизни. Самая ея покорность безысходному горю наложила печать на все ея существо: словно она стала теперь неспособною къ полному земному счастію. Полтора года тюрьмы какъ черная тѣнь легли на молодую дѣвушку, и даже когда Дмитрій держалъ ее въ объятіяхъ, онъ чувствовалъ присутствіе этой холодной тѣни, и словно огромная ночная птица, взмахивая крыльями, парила надъ ними какъ упорное, зловѣщее предзнаменованіе.

Но Дмитрій силился разогнать эту тѣнь, вдохнуть снова полную радость жизни въ усталое сердце невѣсты. Ему даже не хотѣлось говорить съ ней о прошломъ. Надя сперва лишь качала отрицательно головой, когда онъ заговаривалъ о свадьбѣ. Ей казалось, что она не имѣетъ права стать его женой, какъ будто раздѣливъ его жизнь она внесетъ въ нее тьму и печаль тюрьмы...

— Я вѣдь не отъ міра сего,—твердила она,—меня простили, но я все-таки осужденная, ты со мною показаться не можешь нигдѣ.

Дмитрій про это разумѣется и слушать не хотѣлъ: ему дѣла не было до прочихъ: тѣмъ лучше, коли жизнь ихъ будетъ оторвана отъ міра. Онъ готовъ съ ней былъ уйти въ какую-нибудь глушь, куда бы не проникали и отголоски той среды, гдѣ оба они столько натерпѣлись. И Надя сдалась на его слова. Рѣшено было, что они повѣнчаются какъ можно скромнѣе и послѣ уѣдутъ на лѣто куда-нибудь въ горы, въ Австрію или въ Швейцарію. Горы прельщали и Дмитрія, и Надю именно тѣмъ, что онѣ такъ не похожи на тюрьму, да и горный воздухъ конечно возстановитъ ея силы.

Володя съ Женичкой почти чрезъ день навѣщали Надю. Они упрашивали ее быть у нихъ на свадьбѣ вмѣстѣ съ Дмитріемъ, но молодая дѣвушка чувствовала, что это ужъ никакъ невозможно.

— Изъ крѣпости прямо въ большой свѣтъ не выходятъ,—говорила она улыбаясь.

Она сознавала, что между ней и свѣтомъ лежитъ пропасть и долго еще будетъ лежать, да ей и не хотѣлось черезъ нее перешагнуть. И Дмитрій, хоть и не любилъ говорить объ этомъ, чувствовалъ почти то же. Онъ смутно понималъ, что праздничный блескъ произвелъ бы теперь почти болѣзненное впечатлѣніе за невѣсту, какъ производитъ его солнечный свѣтъ на человѣка, которому только что возвращено зрѣніе.

И Володя тоже, какъ ни грустно ему было, что братъ къ нему на свадьбу не пріѣдетъ, долженъ былъ съ этимъ согласиться. Такъ наступилъ нетерпѣливо ожидаемый имъ день 30 апрѣля. Ихъ вѣнчали въ министерской церкви. Свадьба была блестящая. Хотя Петербургъ уже пустѣетъ въ концѣ апрѣля, приглашенныхъ было много, а на свадьбу, извѣстное дѣло, всѣ съѣзжаются охотно. Да и стоило посмотрѣть на невѣсту.

Женичка, которой за нѣсколько дней передъ тѣмъ дали шифръ, была вся какъ бы осѣнена спокойнымъ счастіемъ, увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Это не была одна изъ тѣхъ свадебъ, гдѣ посторонніе ловятъ признаки смущенія невѣсты и насмѣшливо оцѣниваютъ осанку жениха. Тутъ скрытнаго и загадочнаго не было ничего. И онъ, и она также довѣрчиво и просто улыбались другъ другу, какъ дѣлали они это вѣроятно въ любой изъ дней послѣ ихъ помолвки.

Посаженымъ отцомъ у Женички былъ графъ Сергѣй Борисовичъ. У Володи — Петръ Николаевичъ Корецкій. Почтенный дядюшка нарушилъ было общее хорошее настроеніе, сказавъ Володѣ послѣ вѣнчанія:

— Хорошо однако, что у твоего брата хватило такту не пріѣхать съ своей нигилисткой.

Володя вспыхнулъ и рѣзко оборвалъ дядюшку:

— Я насчетъ брата и Нади никому не позволю дурно отзываться, и жена,—онъ сказалъ это съ удареніемъ,—одного мнѣнія со мной.

Петръ Николаевичъ пропустилъ этотъ отвѣтъ мимо ушей. Онъ питалъ къ племяннику невольное уваженіе

съ тѣхъ поръ, какъ тотъ своею женитьбой вступилъ въ міръ избранниковъ, передъ которымъ Петръ Николаевичъ внутренно преклонялся, хоть и воображалъ себя демократомъ, и въ одной офиціальной запискѣ сослался даже на принципъ равенства „поставленный въ основу отечественнаго строя“.

Томилинъ, бывшій тоже въ числѣ приглашенныхъ, на слѣдующій день разсказалъ Дмитрію и Надѣ, какъ все было на свадьбѣ. Онъ восторгался и туалетами дамъ, и въ особенности былъ въ восхищеніи отъ героини дня, отъ Женички.

— Такая она была прелесть,—говорилъ онъ,—въ своемъ бѣломъ атласномъ платьѣ съ кружевами, знаете, тонкими, воздушными такими. И сама она точно надъ облакомъ неслась, а глаза у нея, какъ два уголька горѣли на розовомъ личикѣ, а потомъ вечеромъ на станціи, когда молодые уѣзжали, сколько опять народу собралось и цвѣтовъ сколько ей навезли... Я, кажется, такихъ розъ и не видывалъ еще, хоть и самъ ихъ умѣю разводить. Ну и Елена Михайловна тоже красавицей смотрѣла, только блѣдна была очень, совершенно какъ мраморная. Я на нее гляжу и вѣдь ни черта у нея на лицѣ не дрогнетъ, ни складка на платьѣ не шевельнется. И одно я тоже замѣтилъ: ни разу за всю службу она не перекрестилась, точно чужая для нея свадьба.

Словоохотливый старикъ долго еще распространялся про блескъ Володиной свадьбы. Надя слушала его съ сочувственною улыбкой. А Дмитрію невольно приходило въ голову, что странно - таки пошла врозь судьба его и брата...

Черезъ недѣлю была и его свадьба съ Надей, совсѣмъ уже не похожая на Володину.

Ихъ вѣнчали у Пантелеймона послѣ вечерни. Церковь была почти совершенно пуста. Яркій майскій закатъ вливался въ окна и боролся со свѣтомъ зажженныхъ паникадилъ.

Странно гудѣли подъ сводами храма трескучій басъ діакона и голоса пѣвчихъ, какъ оно и бываетъ, когда мало народа.

На свадьбѣ присутствовали только: графъ Сергѣй Борисовичъ, Ѳедоръ Васильевичъ Томилинъ, одинъ профессоръ, съ которымъ Дмитрій подружился еще въ университетѣ, да пять, шесть человѣкъ прежнихъ его товарищей и сослуживцевъ. Была тутъ и одна вдругъ отыскавшаяся дальняя родственница по матери, генеральша Пошехонская, съ сыномъ, очень старательно исполнявшимъ обязанности шафера. Дмитрія слегка удивило неожиданное участіе негаданной родственницы. Старушка генеральша, хоть и смѣшная немножко, была такая добрая, что никакъ ужъ нельзя было ее не пригласить, а ей повидимому доставило большое удовольствіе лишній разъ надѣть шумящее, тяжелое, шелковое платье, да украсить голову уборомъ въ видѣ кисти винограда.

Странно было конечно,—и графъ, и Ѳедоръ Васильевичъ это сознавали,—что какъ разъ въ этотъ день Дмитрій и Надя казались такими одинокими на свѣтѣ и вокругъ нихъ стояли лишь случайные знакомые да почти незнакомые родственники. Но Дмитрій и Надя объ этомъ не думали. Оба они сосредоточились на тихомъ, но проникавшемъ всю ихъ душу чувствѣ благодарности за вновь найденное счастіе...

На слѣдующій день они уѣхали за границу.

VII.

На широкой каменной террасѣ отеля Шридера въ Гейдельбергѣ прилегла на кушеткѣ очень еще моложенькая женщина въ изящномъ утреннемъ платьѣ свѣтло-сѣраго цвѣта. На бѣлокурыхъ, слегка непослушныхъ волосахъ Нади была накинута кружевная косынка; ноги были окутаны пледомъ, а плечи прикрывала немного спустившаяся черная мантилья.

Терраса двумя ступенями выходила прямо въ палисадникъ. Былъ полдень, но сентябрьское солнце не особенно грѣло. Лучи его, то прятавшiеся за находившее бѣлое облачко, то снова сiявшiе съ блѣдной прозрачной лазури, яркимъ отблескомъ вспыхивали на пестрѣвшей уже осенней листвѣ. Переливы свѣта то набѣгали на вершину горы противъ оконъ гостиницы, обливая теплою окраской густую поросль буковъ и каштановъ, то снова исчезали, погружая ее въ бурѣвшую тѣнь. Такъ волны набѣгаютъ на отлогiй морской берегъ, то покрывая его блестящею пѣной, то снова обнажая его сырой безцвѣтный песокъ.

Молодая женщина, какъ бы утомленная чѣмъ-то, лежала неподвижно съ опущенными рѣсницами, и глаза ея изъ-подъ этихъ рѣсницъ тоже куда-то неподвижно смотрѣли, а на лицѣ ея былъ тотъ отпечатокъ полнаго, мирнаго покоя, какой бываетъ только у тѣхъ, кому нечего требовать отъ жизни и нечего ея бояться. Молодую женщину только что оставилъ докторъ, одна изъ первыхъ медицинскихъ знаменитостей, профессоръ и Geheimrath. Знаменитость теперь разговаривала въ гостиной съ Дмитрiемъ.

— Beruhigen sie sich doch, Herr von Koretzki,—говорилъ врачъ.—Не предвидится ни малѣйшихъ осложненiй, есть только небольшая усталость, очень свойственная молодымъ нервнымъ дамамъ.

— У жены совсѣмъ не нервная натура,—возразилъ Дмитрiй.

— Ach! das können Sie nicht wissen, съ—оттѣнкомъ нетерпѣнiя отвѣтилъ профессоръ.—Наука подъ словомъ нервы понимаетъ вовсе не то, что вы. У вашей супруги какъ будто отголосокъ (ein Widerhall) прежнихъ страданiй.

При этомъ онъ пытливо взглянулъ на Дмитрiя и, заканчивая разговоръ, прописалъ кромѣ невинныхъ капель, vollständige Gemüthsruhe und frische Luft. Затѣмъ онъ изъ рукъ Дмитрiя принялъ золотой тѣмъ особымъ

стыдливымъ движеніемъ, какимъ знаменитые доктора всегда принимаютъ гонораръ, точно они хотятъ показать, что рука ихъ совсѣмъ не чувствуетъ прикосновенія золота.

На крыльцѣ профессоръ столкнулся съ только что прибывшимъ съ желѣзной дороги красивымъ, высокимъ молодымъ человѣкомъ, котораго сопровождала тоже очень хорошенькая молодая дама. За ними носильщикъ тащилъ дюжину разныхъ небольшихъ сундуковъ и несессеровъ. На молодомъ человѣкѣ былъ настоящій англійскій дорожный сьютъ и мягкая черная шляпа. Стройная его спутница была въ короткомъ темнозеленомъ платьѣ vert bouteille со множествомъ разныхъ причудливыхъ и очень изящныхъ пуговокъ. Крошечная шляпка прикрывала ея закрученные, густые волосы. Молодой человѣкъ освѣдомился у швейцара, не тутъ ли живутъ „Herr und Frau Dmitry Koretzky"? Онъ выражался на томъ нерѣшительномъ, слишкомъ мягкомъ нѣмецкомъ языкѣ, какой свойственъ русскимъ не бывавшимъ за границей. Швейцаръ осклабился и сказалъ, что die Frau Baronin ist eben auf Terrasse. Молодые люди разсмѣялись и быстрыми легкими шагами пошли по стеклянной галлереѣ, ведущей прямо на террасу. Дмитрій и Надя узнали ихъ раньше, чѣмъ они вошли: „Володя! Женя!" воскликнули они разомъ, поспѣшивъ имъ на встрѣчу.

Начались привѣтствія, объятія, разспросы. Сначала конечно отъ излишняго оживленія ничего нельзя было разобрать, но уже черезъ минуту все улеглось, вошло въ колею и стало ясно, что всѣмъ имъ очень хорошо и счастливо живется. Насчетъ Володи и Женички даже съ перваго взгляда нельзя было въ этомъ сомнѣваться. Ихъ лица такъ и дышали здоровымъ румянцемъ и загаромъ отъ путешествія. Володя слегка возмужалъ, но черноземной полноты еще и слѣда въ немъ не было, а Женичка какъ была, такъ и осталась стройною и упругою. И въ свѣжемъ цвѣтѣ лица, и въ мягкихъ чертахъ,

и въ легкомъ станѣ все еще было что-то дѣвическое. Только въ глазахъ иногда вспыхивалъ совсѣмъ уже не прежній, не дѣтскій огонекъ, а между тѣмъ она такъ и старалась показать, что она *дама:* совершенно также мальчики, только что произведенные въ офицеры, щеголяютъ своими погонами; въ ея увѣренной манерѣ говорить и держать себя была какая-то прелестная ребяческая угловатость.

Дмитрій и Надя не въ той же степени блистали наружными признаками здоровья. У него даже въ бородѣ, которую онъ недавно отпустилъ, отчего и казался многимъ старше, пробивалась кое-гдѣ сѣдина. У нея глазамъ вернулся прежній блескъ и прежняя глубина выраженія, словно сквозившаго со дна души, теперь опять въ нихъ появлялась. Но лицо и маленькія руки казались прозрачными, и даже легкій румянецъ, игравшій на щекахъ въ минуты особаго оживленія, не сгонялъ вполнѣ блѣдность съ этихъ щекъ. Только красота Нади какъ будто выигрывала отъ этого и линіи еще чище прежняго обрисовывались, точно любящая рука великаго художника довершила ихъ изящныя очертанія.

— Вы не хотите пройти къ себѣ въ комнаты и переодѣться?—спросилъ Дмитрій, когда было объяснено, что братъ къ нимъ пріѣхалъ на цѣлый день, и вслѣдъ за тѣмъ для Володи были наняты три комнаты въ бельэтажѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы вѣдь всего изъ Франкфурта пріѣхали, нарочно для васъ, и не успѣли даже запылиться.

И Володя опять принялся разсказывать, какъ они провели лѣто, какіе онъ произвелъ въ Бѣлыхъ Столбахъ нововведенія и какъ все было отлично.

— Урожай, я тебѣ скажу, какого не видывалъ. Я тебѣ въ этомъ году на твою долю слишкомъ двадцать тысячъ вышлю, право. А въ Никольскомъ мы жить не станемъ. Женя находитъ que c'est trop grandiose pour des jeunes mariés.

Женичка, болтавшая съ Надей, поддакнула мужу:

— Вотъ, когда Володя станетъ губернскимъ предводителемъ и мы должны будемъ принимать, мы туда переѣдемъ, а теперь не зачѣмъ.

Дмитрію, неизвѣстно почему, стало какъ будто больно отъ этихъ словъ.

— А вотъ, Митя,—продолжалъ Володя,—ты бы намъ завтракать велѣлъ подать, да непремѣнно здѣсь на воздухѣ... день такой чудесный!

Проворный кельнеръ, явясь на звонокъ съ салфеткой подъ локтемъ, съ ненужнымъ шумомъ сталъ накрывать столъ и разставлять стулья. Чрезъ двадцать минутъ былъ поданъ завтракъ, состоявшій изъ трехъ нѣмецкихъ блюдъ подъ вычурными французскими названіями. Несмотря на сильный аппетитъ, Володя и Женичка не переставали разсказывать съ оживленіемъ людей, которые чувствуютъ, что про себя могутъ сказать одно хорошее. Только Володя больше говорилъ съ братомъ, касаясь политики, хозяйства, словомъ матеріи важныхъ. Онъ уже усвоилъ себѣ тотъ легкій дворянскій оппозиціонный духъ, которымъ именно щеголяютъ россійскіе консервативы. Женичка хоть и слушала мужа съ тѣмъ особымъ видомъ сочувствія, которымъ отличаются молоденькія, очень влюбленныя женщины, но предпочитала вести бесѣду съ Надей о предметахъ преимущественно дамскихъ, то-есть, о нарядахъ и объ украшеніяхъ, которыя она придумала для Бѣлыхъ Столбовъ. Во Франкфуртѣ она уже въ два дня успѣла накупить цѣлый ворохъ старинныхъ серебряныхъ и рѣзныхъ деревянныхъ вещей и франкентальскаго фарфора. При этомъ Женя щеголяла тѣмъ, что она уже не дѣвочка и можетъ въ разговорѣ касаться „всего", да и Надя отъ нея не отставала. Ее тоже охватилъ тотъ пѣнящійся задоръ, которому такъ любятъ отдаваться молодыя женщины, когда онѣ въ первый разъ встрѣчаются послѣ замужества.

— Дядюшкѣ Петру Николаевичу,—между прочимъ

разсказывалъ Володя, — Александра Невскаго дали: только это должно быть его лебединая пѣснь—пора ему на покой. А меня, ты знаешь, съ запинкой добавилъ онъ, — къ 30 августа камеръ-юнкеромъ сдѣлали. И совсѣмъ вѣдь неожиданно.

— Что-жъ, ко Двору будете ѣздить?—спросилъ у Женички Дмитрій.

— Въ этомъ году не думаю. Мы отсюда завтра въ Парижъ, а зиму, пока длится отпускъ мужа, проведемъ въ Италіи, а тамъ ужъ будетъ февраль, ну и раннею весной мы конечно опять къ себѣ въ деревню.

— А Борисъ Сокольницкій, знаешь, опять заговорилъ Володя,—въ Днѣпровскъ назначенъ—принялъ-таки губернію. Солоно ужъ очень ему пришлось отъ благовѣрной, а въ такихъ случаяхъ, извѣстное дѣло, служба прекрасный отводъ. Встрѣтились мы съ нимъ въ Царскомъ, мы тамъ съ Женей у княгини Болховской обѣдали, и говоритъ онъ мнѣ: „Ну, братецъ мой, я опять въ провинцію, снова въ почву корни пускать, только ужъ на другой ладъ". Онъ такой смѣшной, Борисъ, но все-таки славный малый.

Володя немного хвастался новыми друзьями. Дмитрій и Надя переглянулись.

— Онъ должно быть надѣется, продолжалъ Володя,—что графиня не вытерпитъ въ глуши и уѣдетъ обратно въ Петербургъ. Ее возьметъ la nostalgie de la Néva, а въ Днѣпровскѣ, говорятъ, бездна хорошенькихъ.

Все это и еще много другого разсказывалъ Володя совершенно увѣренный, что это очень интересно и важно. А Дмитрію оно казалось чѣмъ-то далекимъ и какъ бы ненужнымъ, чѣмъ-то вродѣ отголоска давно заглохшаго прошлаго. Слушая какъ Володя и его жена все говорятъ о будущихъ планахъ и все собираются куда-то ѣхать, да искать новыхъ впечатлѣній, Дмитрій невольно думалъ про себя, что совсѣмъ даже непонятно изъ-за чего эти вполнѣ счастливые люди все къ чему-то стремятся. Глаза его искали взгляда Нади, и оба

они, какъ бы сговорясь, думали, что счастье вѣдь такъ близко и не зачѣмъ его искать когда бываешь наединѣ съ дорогимъ существомъ, и что имъ въ голову не придетъ гоняться за нимъ по большимъ дорогамъ.

— А теща моя, представь себѣ,—опять началъ Володя, незамѣчавшій, что Женичка принялась ему дѣлать знаки глазами,—совсѣмъ перемѣнилась. Она живетъ на дачѣ въ Петергофѣ взаперти, никого не принимаетъ и даже ни съ того ни съ сего въ піетизмъ ударилась. Ни одной всенощной не пропускаетъ. Тутъ что-то кроется, ой, ой!.. Вѣдь его превосходительство нельзя сказать, чтобъ отличался излишнею религіозностью; да впрочемъ онъ слишкомъ занятъ,—Володя сказалъ это насмѣшливо, — чтобы заниматься супругой. Его попрежнему въ министры прочатъ. Ну да вѣдь у насъ на этотъ счетъ ни отъ какого сюрприза не обезпечены.

Женичка бросила негодующій взглядъ на мужа, а Дмитрій не разслышалъ послѣднихъ словъ брата. Онъ занялся вопросомъ: что могло вызвать перемѣну въ Еленѣ и не вернется ли она въ концѣ концовъ послѣ долгихъ блужданій на покинутый ею настоящій путь.

Подали кофе. Володя заложилъ ногу за ногу и закурилъ папироску.

— Ахъ, да!.. я и забылъ тебѣ разсказать самое главное: вообрази, кого мы вчера встрѣтили во Франкфуртѣ—самого Нерадовича!

Надя поблѣднѣла.

— Нерадовича? Да вѣдь онъ въ Сибири!—воскликнулъ Дмитрій.

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Бѣжалъ на пути въ ссылку съ какого-то этапа. И вѣдь какъ изловчился-то! Въ самую ночь своего бѣгства повстрѣчался съ какимъ-то странствующимъ монахомъ, собиравшимъ деньги на построеніе храма...

— Да какъ ты все это знаешь?

— Онъ самъ мнѣ разсказалъ. Постой, я все изложу

по порядку, это цѣлая исторія. Прикинулся онъ смирненькимъ и пошелъ съ монахомъ. Только въ лѣсу онъ отца святаго пристращалъ дубиной, человѣкъ онъ здоровенный, и выпросилъ у него честью рясу да книжку, да какія были у того бумаги, и пошелъ Левъ Александровичъ какъ ни въ чемъ не бывало просить у людей добрыхъ на храмъ Божій. Явился въ Москву и тамъ цѣлый мѣсяцъ у одной замоскворѣцкой вдовы-купчихи прожилъ. Его тамъ святымъ величали. Только боязно стало, говоритъ, всякій разъ, что съ полицейскимъ встрѣчался, чувствовалъ какъ борода сѣдѣетъ, ну и рѣшился на доброе дѣло: обобралъ свою купчиху и маршъ за границу чрезъ Смоленскъ и Варшаву.

— Какъ, съ паспортомъ монаха?—спросилъ Дмитрій.

— Разумѣется, нѣтъ. На границѣ спохватились бы. Нанялъ онъ какого-то еврейчика за пятьдесятъ рублей и тотъ его провезъ ночью, въ той самой телѣгѣ, на которой наканунѣ въ Россію партію готоваго платья доставилъ. Каковъ молодецъ? Только чужое добро въ прокъ нейдетъ. Обокрали ли его самого, или просто онъ пить началъ, но денегъ хватило только до Франкфурта. А тамъ, знаешь, чѣмъ онъ занимается? газеты на улицахъ продаетъ, такъ мы его съ женой и встрѣтили.

— Да, задумчиво вставилъ Дмитрій, — случается иногда, что какую-нибудь щепку вѣтромъ за пять верстъ унесетъ, а тамъ она и съ мѣста двинуться не можетъ и гніетъ себѣ гдѣ-нибудь на травѣ.

— Вообразите себѣ—сказала Женичка,—этотъ противный человѣкъ какъ узналъ мужа, такъ и присталъ къ нему, чтобъ ему денегъ дали на проѣздъ до Парижа. Онъ увѣрялъ насъ, что тамъ хочетъ уроками заниматься.

— И ты ему далъ, Володя?

— Снабдилъ его двацатью марками: будетъ съ него голубчика. Спрашиваю у него, зачѣмъ онъ не въ Женеву поѣхалъ, гдѣ всѣмъ его собратьямъ настоящее мѣсто. „Нѣтъ, говоритъ, благодарю покорно, съ этимъ

народомъ возиться не хочу. Довольно намаялся". Левъ Нерадовичъ остепениться вздумалъ! Только врядъ ли удастся. Вечеромъ я его опять встрѣтилъ. Выходитъ изъ пивной Ширгольца и пьянъ какъ стелька.

Сказавъ это, Володя всталъ и потянулся всѣмъ тѣломъ, какъ дѣлаютъ это люди, которымъ очень хорошо послѣ сытнаго завтрака.

— Что, любезный другъ, не совершить ли намъ прогулку по здѣшнимъ живописнымъ мѣстамъ? а нашимъ дамамъ, кстати, очень хочется вдвоемъ потолковать. Что-жъ, идетъ?

Дмитрій взялъ соломенную шляпу и трость и направился съ братомъ по дорогѣ въ замокъ.

Сперва братья шли почти молча, лишь изрѣдка обмѣниваясь безразличными замѣчаніями. Такъ бываетъ какъ разъ съ близкими людьми, когда у каждаго изъ нихъ копошится мысль, которую они не рѣшаются высказать громко.

„Какъ онъ посѣдѣлъ, однако!", подумалъ Володя, глядя на брата. Они стали подниматься въ гору: хотя походка Дмитрія была попрежнему легкая и упругая, но во всей его осанкѣ примѣчалась не то чтобъ усталость, а то отсутствіе бодраго стремленія впередъ, которое исчезаетъ съ первою молодостью. Съ каждымъ поворотомъ отлогаго подъема мѣнялась картина все болѣе уходившая внизъ. Крыши домовъ скучивались все тѣснѣе, заслоняя собою рѣку, и все выше надъ ними поднимались красныя башни протестантскаго собора и іезуитской церкви. Дома сливались въ одну пеструю массу, среди которой зелеными пятнами кое-гдѣ выступали верхушки деревьевъ. Еще поворотъ вверхъ, и мѣстами, какъ разорванная лента, стала выглядывать сѣрая полоса рѣки.

Братья прошли широкія ворота наружной стѣны замка. Тутъ у самаго входа три нѣмецкіе бюргера въ неуклюжихъ сюртукахъ, точно вытесанные неумѣлою рукой, громко разсуждали о красотахъ родной природы и

бранили французовъ, разрушившихъ замокъ два вѣка назадъ. Двѣ немолодыя англичанки, невѣроятно прямыя и тощія, въ огромныхъ приплюснутыхъ шляпахъ и сѣрыхъ пальто въ обтяжку, внимали безконечной канители проводника, справляясь съ книжкой Бедекера. Володя полною грудью вздохнулъ въ себя чистый осенній воздухъ.

— А хорошо у васъ здѣсь, нечего сказать. — Онъ обвелъ всю мѣстность тѣмъ удивленнымъ, слегка робкимъ взглядомъ, какой бываетъ у путешественника въ первый разъ встрѣчающаго совершенно неожиданныя впечатлѣнія.—Только скажи мнѣ, пожалуйста, долго вы здѣсь думаете остаться? Вѣдь это не совсѣмъ удобное мѣсто для зимы?

Эти слова развязали Дмитрію языкъ. Онъ не прямо отвѣтилъ брату.

— Володя,—спросилъ онъ въ свою очередь,—ты ничего особеннаго не примѣтилъ въ Надѣ? будь пожалуйста откровененъ...

— То-есть какъ особеннаго? Она... я нахожу, похорошѣла, очень даже похорошѣла. Правда, она еще немного блѣдна...

— Я за нее боюсь, Володя...

У Дмитрія голосъ дрогнулъ, и глаза его боязливо искали взглядовъ брата... Володя, замѣтивъ что Дмитрій хочетъ съ нимъ переговорить, не обращалъ уже вниманія на могучія развалины замка, и оба они направились паркомъ къ тому мѣсту, гдѣ скала крутымъ отвѣсомъ высится надъ долиной.

— Вотъ видишь,—разсказывалъ Дмитрій,—лѣто мы провели въ Австріи въ горахъ; тамъ одно прелестное мѣстечко есть у Траунскаго озера, куда не заглядываютъ туристы, и гдѣ нечего бояться встрѣчъ съ милыми соотечественниками.

Володя бѣгло оглянулъ брата, какъ бы желая спросить, почему онъ такъ избѣгаетъ русскихъ; Дмитрій понялъ должно быть его нѣмой вопросъ.

— Надо было помочь женѣ забыть прошлое,—сказалъ онъ.—Вѣдь жизнь ей приходится начинать сызнова. Я и надѣялся, что въ горномъ уголкѣ, среди непочатой природы, она мало-по-малу войдетъ въ новую колею; мы даже съ двумя очень милыми семействами познакомились. Имъ Надя очень полюбилась, и они ее не разспрашивали.

— Ну, такъ что же лучше?—спросилъ Володя, замѣтивъ, что братъ запнулся. — Вдвоемъ въ прелестной странѣ, да еще съ милыми людьми, чего еще желать?..

— Мнѣ бы ничего желать не оставалось, я былъ счастливъ какъ ребенокъ всѣ эти мѣсяцы. — Володя посмотрѣлъ на его сѣдѣвшую голову и недовѣрчиво повелъ глазами.—Да я за нее боюсь! Горный воздухъ ея силъ не поправилъ; она какъ цвѣтокъ недавно пересаженный все словно клонитъ головку къ землѣ. Да и малѣйшее напоминаніе о прошломъ такъ сильно на нее дѣйствуетъ: ты замѣтилъ, какъ она поблѣднѣла, когда ты сказалъ про Нерадовича?

Володя наклонилъ голову:

— Извини, пожалуйста, я такъ неостороженъ.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали сюда посовѣтоваться со знаменитымъ докторомъ. Онъ конечно говоритъ, что ничего, такъ обойдется, нужны только воздухъ и спокойствіе; да вѣдь они всѣ такъ говорятъ, когда случай имъ непонятенъ, а мнѣ все что-то плохо вѣрится.

— Знаешь что, Митя,—подумавъ немного отвѣтилъ ему братъ,—поѣзжайте-ка отсюда въ Италію, тамъ для твоей жены столько будетъ новаго и возбуждающаго, что она стряхнетъ съ себя память о прошломъ. Мы, коли хочешь, тамъ вмѣстѣ заживемъ гдѣ-нибудь. А ужъ куда ѣхать, ты самъ выбирай со своимъ докторомъ. Конечно, ты будешь избѣгать слишкомъ людныхъ мѣстъ, какъ Флоренція и Римъ.

— Мы такъ вѣроятно и сдѣлаемъ,—сказалъ тихо Дмитрій.

Они усѣлись на скамейкѣ. У Володи теперь сорвался вопросъ:

— Ну, что-жъ ты думаешь дѣлать вообще? Когда вернешься?

— Я такъ далеко не заглядываю,—неохотно отвѣтилъ Дмитрій.

Теперь Володя, проговорившись, уже не остановился на полусловѣ:

— Нѣтъ, да вѣдь какъ же?.. Неужели ты будешь такъ себѣ просто жить по разнымъ отелямъ и... ничего не имѣть впереди? Такъ это на тебя не похоже.

— Я кажется пріобрѣлъ право хотя бы и ничего не дѣлать. Дай намъ съ Надей хоть отдохнуть немножко.

— Да вѣдь это все-таки не жизнь, какъ надо ее понимать и какъ самъ ты ее понималъ. Дѣятельная, полная жизнь возможна только у себя дома: тамъ настоящее, существенное, а здѣсь развѣ приправа и удовольствіе.

Опять, какъ во время завтрака, у Дмитрія при этихъ словахъ что-то сжалось въ сердцѣ,—странно ему было слушать, какъ Володя проповѣдывалъ старшему брату дѣятельную жизнь. Да и касался онъ этими словами единственнаго больного мѣста у Дмитрія, а такое мѣсто таится, какъ извѣстно, даже у наиболѣе счастливыхъ людей.

— Оставимъ этотъ разговоръ,—перебилъ Дмитрій брата:—для жены теперь мѣста въ нашемъ обществѣ нѣтъ, а я живу ею и только ею.

— Увѣряю тебя, что ты преувеличиваешь. Если, положимъ, относительно Петербурга ты и правъ, то за то у насъ...

— Оставимъ это,—опять повторилъ Дмитрій, прикасаясь рукой къ плечу брата.—Если ты насмотрѣлся на видъ, мы теперь можемъ заглянуть въ замокъ, а тамъ будетъ пора и обѣдать.

Братья еще цѣлыхъ два часа побродили по высотамъ, и Володя громко восхищался вкрадчивою пре-

лестью Гейдельбергской природы. Но разговоръ о себѣ и о будущихъ планахъ между ними уже болѣе не возобновлялся.

VIII.

Оставшись вдвоемъ съ Женичкой, Надя тотчасъ повела ее въ палисадникъ и усѣлась съ нею въ крытой бесѣдкѣ, обросшей дикимъ виноградомъ.

Володя угадалъ. Имъ обѣимъ хотѣлось быть наединѣ, чтобы переговорить о тѣхъ самыхъ важныхъ и тайныхъ предметахъ, которыхъ ни одинъ мужчина понять и оцѣнить не въ состояніи. Надо было многое повѣрить другъ другу и кое-что другъ у друга выпытать. У молодой замужней женщины, даже когда она всею душой предана мужу, всегда найдется такой затаенный уголокъ, который мужу никакъ нельзя раскрыть и которымъ такъ хорошо подѣлиться съ подругой.

Надя обвила рукой станъ Женички, наклонила къ ней голову на плечо и поцѣловала ее въ шею подъ самымъ ухомъ.

— Ну что, Женичка, скажи, тебѣ совсѣмъ, совсѣмъ хорошо?—почти шопотомъ спросила Надя.

Въ глазахъ Женички показалась удивленно снисходительная улыбка, выражавшая, что про это нельзя было и спрашивать и что ни чье счастье не могло идти въ сравненіе съ ея собственнымъ.

— У меня даже и времени нѣтъ,—гордо возразила она,—чтобы надъ этимъ задумываться. Вотъ мы теперь только недѣлю за границей, а уже перебывали въ четырехъ музеяхъ, Саксонскою Швейцаріей любовались и столько разныхъ вещей накупили!.. Мы цѣлый день съ Володей на ногахъ...

И Женичка разсказала, какъ у нихъ времени не хватаетъ побывать вездѣ, гдѣ надо и какое удовольствіе ей доставляетъ показывать мужу все интересное

и возбуждать его восхищеніе, такъ какъ она уже все видѣла и знаетъ, а онъ за границей не бывалъ.

— Да, лѣтомъ, въ Бѣлыхъ Столбахъ, было не такъ? спросила Надя.—Тамъ вѣдь музеевъ и рѣдкостей нѣтъ.

— Какъ тебѣ сказать? И тамъ было много хлопотъ и занятій; мужъ то и дѣло ѣздилъ въ городъ по дѣламъ, а дома ужасно хозяйничалъ. И я этому очень радовалась, такъ хорошо было видѣть, что Володя такой дѣятельный и серьезный. И я ему старалась помогать, даже мы книжки съ нимъ вмѣстѣ читали про сельское хозяйство. Меня это страшно интересуетъ. Ну и въ самомъ домѣ пропасть работы. Мы его заново отдѣлываемъ. Мнѣ кретонъ выслали изъ Москвы, и знаешь, мы имъ въ нижнемъ этажѣ всѣ стѣны обили. Мебели я тоже много новой заказала. Теперь у насъ очень мило.

Надя, слушая ее, находила, что Женичкинъ медовый мѣсяцъ былъ очень суетливый, и ей немножко больно стало за старинный домъ въ Бѣлыхъ Столбахъ, который подвергся такому немилосердному обновленію.

— Можетъ быть все это хорошо и весело,—тихо сказала она, чуть-чуть отодвигаясь отъ Жени. — Но мнѣ кажется можно тише и проще быть счастливою.

— Вотъ какъ ты, напримѣръ,—призадумавшись возразила Женичка:—только видишь, Надя,—не разсердись пожалуйста,—мнѣ кажется, что вы слишкомъ ужъ тихо и скромно живете для молодыхъ. Ты даже какъ будто грустишь, словно ты не вѣришь въ будущее, а я въ него такъ ужъ твердо вѣрю.

Облако налетѣло на лицо Нади. Она опять наклонилась къ Женичкѣ и сказала ей на ухо:

— Да я и въ самомъ дѣлѣ не знаю, Женя, надолго ли все это; мнѣ иногда кажется, что я скоро умру...

— Что ты, что ты!...—испуганно перебила ее Женичка.

— Мнѣ совѣстно передъ мужемъ, продолжала Надя,—что я не сумѣла дать ему прочное счастіе... Вѣдь я его знаю: если мы разстанемся: ему новою жизнію не зажить...

— Да что же ты такое чувствуешь?—вся испуганная проговорила Женичка.

— Ничего особеннаго, только бываютъ такіе дни, когда мнѣ по цѣлымъ часамъ вставать съ мѣста не хочется, такая сладкая неподвижность меня охватываетъ, и при этомъ мнѣ даже очень хорошо и покойно, точно я тихо скатываюсь куда-то внизъ...

Говоря это, Надя вдругъ закрыла глаза, точно это самое ощущеніе было у нея теперь. — А вотъ лѣтомъ, когда мы съ Дмитріемъ иногда пробовали въ горы ходить, я вдругъ чувствовала, что я какъ будто совсѣмъ даже дышать не могу, а сердце то замираетъ, то бьется...

— Да что же говоритъ докторъ?

— Ничего опредѣленнаго; только я замѣчаю, когда онъ мнѣ постучитъ въ грудь и прислушается, лицо у него дѣлается озабоченнымъ. Вотъ даже сегодня такъ было передъ вашимъ пріѣздомъ.

Наступило короткое молчаніе.

— А самаго главнаго я тебѣ еще не сказала,—вся зардѣвшись опять заговорила Надя.

И совсѣмъ ужъ шепотомъ она сообщила Женичкѣ о наступленіи въ ея жизни того великаго таинственнаго поворота, который заставлялъ все ея существо трепетать и отъ страха, и отъ ожиданія, и отъ загоравшагося материнскаго чувства.

— Вотъ какъ! и когда ты узнала?—воскликнула Женичка, порывисто обнимая ее.

— Мнѣ сегодня докторъ сказалъ; я догадывалась уже нѣсколько дней, но не смѣла этому вѣрить... и мужъ еще ничего не знаетъ. Я ему скажу завтра... Ну, а ты, Женичка?—вдругъ спросила она, перемѣняя тонъ.

Женичка слегка покраснѣла и вздохнувъ, отрицательно покачала головой.

— Ну, ничего, успѣешь, время не ушло...

— Только какъ же послѣ этого ты говоришь,—сказала Женичка, слегка завидуя Надѣ,—что ты въ будущее не вѣришь: я тебя не понимаю.

— Ахъ, Женя! и Надя принялась гладить волосы подруги, — страшно мнѣ что-то... ну какъ все это одна несбыточная надежда и я не сумѣю даже сына ему дать. (Надя почему-то всегда была увѣрена, что у нея будетъ сынъ). Кто знаетъ, обойдется ли все это счастливо, я чувствую такую отвѣтственность передъ нимъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ такія грустныя мысли!—перебила Женичка, думавшая, что надо непремѣнно сказать что-нибудь ободряющее.—Ты себя напрасно разстраиваешь.

— Ну, положимъ такъ. Да это не все. Сумѣю ли я воспитать сына? Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала объ этомъ, мнѣ вдругъ такъ сильно захотѣлось жить! Вся моя покорность разомъ исчезла, я хочу любоваться имъ, воспитать его, выростить, а какой-то голосъ мнѣ шепчетъ, что этому не бывать...

Надя заплакала. Женичка принялась горячо ее обнимать и увѣряла, что говорить и думать такъ грѣшно, что все это пустые страхи, а напротивъ, у нея будетъ много дѣтей и всѣ они будутъ такіе славные, и сама она ихъ воспитаетъ отлично. Хотя все это ни на чемъ не основывалось, слова и ласки Женички успокоили Надю. У нея легко и мирно стало на душѣ, и имъ обѣимъ показалось, что жизнь ихъ такъ хороша и ясна, какъ этотъ солнечный день.

— Надя, ты все еще на воздухѣ, какъ можно!... и въ одномъ платьѣ!...—вдругъ послышался голосъ Дмитрія, вернувшагося съ прогулки вмѣстѣ съ братомъ.— Вѣдь почти ужъ пять часовъ! Ты развѣ забыла, что говорилъ докторъ?

Всѣ четверо вернулись въ домъ, гдѣ кельнеръ уже накрывалъ столъ къ обѣду.

— А знаешь, Надя, что мы пообсудили дорогой?— сказалъ Дмитрій. — Не поѣхать ли намъ на зиму въ Италію, какъ ты думаешь? и Володя,—добавилъ онъ, обращаясь къ Женичкѣ,—предлагаетъ всѣмъ намъ жить вмѣстѣ, остается только выбрать, гдѣ именно.

— Я очень рада,—съ сіяющимъ тихою улыбкой лицомъ отвѣтила Надя. Она вся какъ бы преобразилась послѣ своего разговора съ Женичкой, и даже молодой, здоровый румянецъ заигралъ на ея щекахъ. Дмитрій это съ радостію замѣтилъ.

— Что весело вамъ было вдвоемъ?—спросилъ онъ Женичку.

— Очень, очень, и я такъ рада, что мы зимой будемъ жить въ одномъ домѣ.

Стали перебирать одинъ за другимъ всѣ очаровательные уголки итальянскаго побережья; Римъ и Флоренцію Дмитрій устранилъ, увѣряя, что тамъ климатъ нездоровый.

Толковали очень долго. Для Сорренто и Сициліи было слишкомъ рано, да и дальнія мѣста эти не нравились Володѣ, хотѣвшему съѣздить во Флоренцію и въ Римъ. Женичка предложила поселиться въ Каннѣ, гдѣ и весело, и мило, и не такъ шумно какъ въ Ницѣ; но Каннъ все-таки Дмитрію показался слишкомъ бойкимъ мѣстомъ, и рѣшили наконецъ поселиться въ Санъ-Ремо, гдѣ климатъ такой чудесный и жизнь такая спокойная, и откуда рукой подать до Генуи и Ниццы.

Нельзя сказать однако, чтобъ этотъ скромный выборъ очень пришелся по вкусу младшей четѣ.

На слѣдующее утро Володя съ Женичкой уѣхали въ Парижъ.

Когда Надя, смущенная и въ то же время счастливая, призналась мужу въ своей великой тайнѣ, ей почудилось, что въ его глазахъ она прочла не одно чувство радости; къ нему примѣшивался безсознательный страхъ передъ будущимъ, тотъ самый страхъ, который наканунѣ Женичкѣ удалось разсѣять въ ней самой. За то Надя теперь чувствовала въ себѣ настолько твердости и покорной вѣры, что ей захотѣлось въ свою очередь и его успокоить и поддержать. Ей казалось, что за всѣ недавно истекшіе мѣсяцы, несмотря на полное созвучіе ея жизни съ мужемъ, между ними оставалось что-то

невысказанное, томившее ихъ обоихъ. Теперь, когда будущее представлялось такимъ яснымъ и опредѣленнымъ, надо было разсѣять эту послѣднюю недомолвку.

— Знаешь, Дмитрій, сказала она,—о чемъ я давно уже думала? Мы съ тобою хорошо провели эти мѣсяцы; сдается мнѣ, и впередъ будетъ такъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ иного, лучшаго счастія не надо.

— Ахъ, Надя, Надя, да что-жъ ты говоришь такое? Развѣ мнѣ чего-нибудь еще не достаетъ? теперь въ особенности, когда я знаю...

Надя перебила его, слегка покачавъ головой.

— Нѣтъ, Дмитрій, той жизни, которой достаетъ на мое счастье, для тебя не довольно; тебѣ нельзя долго жить одною семьею даже когда будутъ дѣти. Не перебивай меня, — она замѣтила горячее отрицающее движеніе мужа,—я вѣдь знаю, что говорю. Ты для меня бросилъ все, что прежде составляло твою жизнь. Ты думаешь, хоть и не говорилъ этого никогда, что я не захочу вернуться въ Россію. Ты вѣдь даже знакомыхъ избѣгалъ все лѣто. А я знаю, что ты не можешь быть вполнѣ счастливъ оставаясь безъ дѣла...

— Ты думаешь, я соскучусь по Бѣлымъ Столбамъ?— спросилъ онъ въ полголоса, хотя сознавалъ, что эти слова не вполнѣ выражали то, что онъ думалъ.

— Не только по Бѣлымъ Столбамъ... Помнишь. Дмитрій, когда мы съ тобою познакомились, ты весь полонъ былъ рѣшимости работать, и не такъ, какъ работаютъ другіе. И ты сознавалъ для себя обязательность такой работы. За это можетъ быть я и полюбила тебя; ты не походилъ на остальныхъ, которымъ прежде всего нужна рамка, мундиръ, власть или въ другомъ лагерѣ по крайней мѣрѣ слава и только слава. А вѣдь теперь какъ разъ изъ-за меня все это оставлено.

Надя говорила не то чтобы неправду, она и себя увѣряла, что такъ именно надо было говорить и чувствовать и что, дѣлая это, она исполняетъ свой долгъ, а самой ей одного только хотѣлось — видѣть Дмитрія со-

вершенно довольнымъ и раздѣлять съ нимъ все, за что бы онъ ни взялся. Какъ у всѣхъ женщинъ, полюбившихъ беззавѣтно, цѣли въ жизни и пожалуй даже убѣжденія возможны были для нея только черезъ посредство любимаго человѣка.

А въ Дмитріи ея слова вызвали горькое ощущеніе совсѣмъ не потому, чтобы перелетная жизнь ему казалась пустою и онъ желалъ вернуться къ прежней дѣятельности; ему просто больно было, что мечты его разбиты. А это былъ какъ разъ тотъ рядъ мыслей, которыхъ онъ не повѣрялъ даже Надѣ, не повѣрялъ потому, что ему было стыдно за нихъ. И онъ боялся какъ бы она не подумала, что онъ втайнѣ сожалѣетъ о прежней неудавшейся дѣятельности. Но теперь уже нечего было скрывать отъ нея; Надя сама заговорила о завѣтномъ для него вопросѣ.

— Ты хочешь, чтобъ я снова принялся обманывать себя и другихъ насчетъ пользы какой-то моей общественной дѣятельности?

— Нѣтъ, не обманывать надо,—живо возразила она,— именно не обманывать, а въ самомъ дѣлѣ работать, хотя бы скромно у себя въ имѣніи. Вѣдь даже твой братъ, посмотри, и предводитель, и хозяйствомъ занимается, и все это выходитъ гладко и честно.

Дмитрій усмѣхнулся.

— Да, Володя, правда, не ломая себѣ головы вошелъ въ свою роль крупнаго землевладѣльца. Такъ въ самомъ дѣлѣ не трудно: по два раза въ недѣлю ѣздить въ присутствіе и подписывать бумаги, либо дома у себя книжки читать объ агрономіи и къ родной землѣ примѣнять, благо она все терпитъ. А какъ вглядишься: это все мишура и самообольщеніе.

Надя испугалась той глубины недовѣрія и къ себѣ, и къ другимъ, того горькаго самоотреченія, которыя проглядывали въ словахъ мужа. Она и не подозрѣвала, какой болѣзненной струны она коснулась.

— Да вѣдь ты не имѣешь права такъ думать и го-

ворить, Дмитрій; коли иные поступаютъ дурно, надо самому дѣлать лучше ихъ, а не отрицать самое дѣло. Вспомни, вѣдь ты русскій: махнуть на все рукой, вѣдь это грѣшно, вѣдь это малодушіе.

Морщина показалась на лбу Дмитрія:

— Малодушіе!—воскликнулъ онъ. — Я кажется ни отъ какой работы не сторонился и на службѣ, и у себя дома, и по земству, и что-жъ изъ этого вышло? Въ министерствѣ воду толкли, а когда я изъ него вышелъ, чтобы не толочь воды, меня же родной дядюшка неблагонамѣреннымъ отмѣтилъ, мужики усадьбу подожгли и мать довели до гроба, а въ земствѣ... да просто вспоминать тошно!.. И въ концѣ-концовъ за то, что я какого-то мошенника уличилъ, обыскъ у меня сдѣлали, а тебя, мою невѣсту, изъ-за гадкихъ, низкихъ страстишекъ полтора года безъ вины въ тюрьмѣ продержали!.. Нѣтъ! я свою дань родинѣ заплатилъ, съ меня будетъ.

Онъ прошелся по комнатѣ, Надя словъ не находила, чтобы возражать ему.

— Да и наконецъ,—продолжалъ онъ остановясь,—къ чему сводится эта хваленая дѣятельность, эта служба безъ мундира, съ которой носятся иные, какъ съ торбой? Гнилые мосты чинить? Грошовыя школы содержать, гдѣ полуграмотные учатъ Богъ вѣсть чему, а мальчишки себѣ испорченнымъ воздухомъ легкія портятъ? Или фельдшеровъ да повивальныхъ бабокъ разводить, которыхъ народъ и знать не хочетъ? Можетъ быть ото всего этого и польза есть, только, воля твоя, любой праздный Сидоръ Сидоровичъ въ какомъ-нибудь Царево-кокшайскѣ этимъ не хуже меня заправлять будетъ, коли онъ не мошенникъ. А если онъ, какъ и подобаетъ ему, плутъ, такъ будь я семи пядей во лбу, онъ все-таки меня проведетъ. Да и не стоитъ добиваться высшаго образованія и считать себя дѣятелемъ и гражданиномъ, чтобы въ концѣ-концовъ провѣрять только Сидора Сидоровича.

Какъ всегда оно и бываетъ, когда прорвется издавна

накипѣвшее чувство, Дмитрій наговорилъ много такого, что въ его же глазахъ было преувеличено и ложно. Онъ сознавалъ это какъ нельзя лучше и потому еще больше раздражался. А Надя возмущалась его словами,—не потому, чтобъ она знала, въ чемъ они преувеличены, ей просто казалось, что такіе ужасные выводы не могутъ же быть правдой, а для нея, какъ и для всякой женщины, этого было совершенно достаточно.

— Да нѣтъ же, Дмитрій,—воскликнула она,—это совсѣмъ не такъ и ты это самъ очень хорошо знаешь. Какъ бы плохо у насъ все ни шло, ты, какъ честный человѣкъ, какъ русскій, не долженъ отворачиваться и умывать себѣ въ этомъ руки. А то выходитъ, что ты будто брезгаешь черною работой. Ты сейчасъ сказалъ, что дань родинѣ ты заплатилъ—это неправда. Дань эту никто выплатить не въ состояніи. Пока есть у насъ хоть одинъ несчастный, которому ты могъ помочь и не помогъ, ты свой долгъ передъ Богомъ и передъ родиной не выплатилъ, иначе намъ, богатымъ людямъ, слишкомъ легко было бы подъ разными предлогами отказываться отъ скучной работы да уѣзжать за границу. А коли ты изъ-за меня оставилъ Россію, такъ знай, что я давно ото всей души простила.

Теперь Надя увлеклась горячимъ желаніемъ убѣдить мужа и возвратить его на покинутый путь; ей захотѣлось снова увидѣть его на такой высотѣ, чтобы къ чувству любви къ нему всегда могло присоединяться поклоненіе чему-то высшему и болѣе сильному.

Его поразили ея послѣднія слова.

— Ты въ самомъ дѣлѣ могла искренно простить, Надя? Признаюсь, я на это не способенъ.

— Послушай, Дмитрій, сядь сюда и дай себѣ высказать всю правду.

Онъ помѣстился на табуретѣ у ея ногъ и оперся локтями на кушетку, на которой она лежала.

— Ты вотъ сейчасъ почти съ пренебреженіемъ го-

ворилъ про Володю, а вѣдь на повѣрку-то выходитъ, что онъ полезнѣе тебя! Онъ просто несетъ свои обязанности и несетъ ихъ хорошо, потому что онъ честный и старательный: развѣ это не лучше, чѣмъ вотъ твое гордое презрѣніе? Какъ будто слѣдуетъ ничего не дѣлать изъ-за того, что сразу нельзя повести дѣло, какъ именно хочется.

— Такъ чего же ты отъ меня требуешь, Надя?

— А вотъ чего: зиму мы проведемъ, положимъ, въ Италіи, а тамъ весной мы вернемся домой въ Бѣлые Столбы, и обѣщай мнѣ, что ты опять такимъ станешь, какимъ я знала тебя въ первое время нашего знакомства. Я тебѣ помогать буду. Увидишь, какъ вдвоемъ все пойдетъ хорошо.

Она улыбалась говоря это. Онъ молча кивнулъ головой. Но у обоихъ въ ту же минуту мелькнула въ головѣ мысль, что они загадываютъ о будущемъ, а кто знаетъ, принадлежитъ-ли имъ это будущее? И снова заговорилъ въ нихъ неопредѣленный страхъ передъ разлукой, тотъ страхъ, который такъ хорошо знакомъ морякамъ, когда они заглядываютъ на тропическое небо и узнаютъ въ немъ предвѣстниковъ далекой еще бури.

— Ахъ Надя, Надя!—воскликнулъ вдругъ Дмитрій,— зачѣмъ мы съ тобою теряемъ дорогіе, счастливые часы на всѣ эти постороннія для насъ заботы? Вѣдь хорошо намъ съ тобой теперь и не все ли равно, что мы не у себя дома?

Она поняла то, чего онъ не договаривалъ; и вдругъ, подмѣтивъ въ немъ эту невысказанную боязнь, ей стало жаль уже не себя, а его только. Еслибы Надѣ можно было завѣщать мужу для жизни то, что научило бы его довести эту жизнь до конца хорошо и достойно, она можетъ быть не такъ бы стала бояться разлуки и покорно отдалась бы судьбѣ.

— Дмитрій,—сказала она тихо, наклоняясь къ нему и обвивая его шею обѣими руками, — мнѣ иногда ду-

мается, что мы съ тобой можетъ быть не на долго вмѣстѣ. Не грусти о томъ, что я говорю...

Онъ вдругъ съ какимъ-то дикимъ отчаяніемъ закрылъ лицо руками.

— Слова вѣдь,—продолжала она, — ничего не значатъ. Все надо предвидѣть. И тебѣ, я знаю, это иногда приходитъ въ голову.

Онъ всталъ, отвернулся и отеръ глаза рукой.

— Да нѣтъ же, нѣтъ,—продолжала она,—я говорю это совсѣмъ не потому, что чувствую себя нехорошо; напротивъ, мнѣ сегодня лучше и мы сейчасъ пѣшкомъ отправимся въ замокъ. То, что докторъ мнѣ сказалъ, такъ обрадовало меня и столько мнѣ придало силъ... Пойдемъ, коли хочешь, сейчасъ.

Она надѣла шляпку, захватила зонтикъ и, опираясь на его руку, направилась съ нимъ по бульвару, откуда начинается подъемъ къ замку.

Въ широкой аллеѣ, обсаженной чинарами, не было прохожихъ. Мирный городокъ словно замеръ въ полуденномъ покоѣ.

— Мнѣ такъ хотѣлось бы, Дмитрій,—говорила она, всматриваясь ему въ глаза,—чтобы мы съ тобой и думали, и чувствовали совершенно заодно, какъ прежде въ Бѣлыхъ Столбахъ, помнишь, передъ моимъ отъѣздомъ. Вѣдь мнѣ больше пришлось вынести, чѣмъ тебѣ, а я, ты видишь, безъ горечи и раздраженія вспоминаю о прошломъ. Въ тюрьмѣ я научилась понимать, что никакое горе не даетъ намъ права ненавидѣть жизнь и людей, а ты, вотъ, говоришь мнѣ, что совершенно счастливъ, а въ сердцѣ твоемъ все таки озлобленіе.

— Да ты просто святая, Надя, я не могу такъ всему покоряться и все прощать; а въ особенности, когда ты, какъ сейчасъ вотъ, говоришь про возможность разлуки.

— Да вѣдь будущее не въ нашихъ рукахъ, Дмитрій. Я потому объ этомъ и заговорила, что предо всѣмъ надо смириться, даже передъ этимъ. Гдѣ же твоя сила,

коли ты падаешь духомъ, какъ скоро тебѣ жизнь не улыбается? Я говорю объ этомъ, пойми меня, потому что мнѣ сегодня такъ хорошо... Ну, посуди самъ, какимъ ты будешь отцомъ, какъ станешь воспитывать дѣтей, коли въ тебѣ самомъ нѣтъ крѣпости и вѣры, а главное — нѣтъ любви къ родной землѣ и роднымъ людямъ? А вѣдь всему этому тебѣ придется учить дѣтей.

Дмитрій всмотрѣлся въ нее и ему показалось, что въ глазахъ Нади онъ прочелъ ту бодрую вѣру въ будущее, которой ему самому не доставало. Онъ почувствовалъ себя малодушнымъ и неправымъ, и ему захотѣлось теперь загладить впечатлѣніе, произведенное его словами.

— Я знаю, что ты права, Надя, сказалъ онъ. — Да, я признаюсь и въ томъ, что часто бываю недоволенъ собою именно потому, что чувствую себя безполезнымъ...

Онъ не сознавался въ этомъ прежде, чтобы не оскорбить ее такимъ признаніемъ, и теперь ему какъ будто легче стало оттого, что сама она просила его вернуться къ оставленнымъ занятіямъ.

— Такъ рѣшено, Надя, мы лѣтомъ опять поселимся въ Бѣлыхъ Столбахъ?

Они заговорили о планахъ на будущее и Надя старалась теперь разсѣять мелькнувшее было въ его умѣ опасеніе.

— Ты не боишься устать?—спросилъ онъ ее, когда начался подъемъ.

— Нѣтъ, здѣсь скамейки на каждомъ шагу, но мнѣ сегодня такъ легко, самый воздухъ какъ будто мнѣ придаетъ силы.

Она радовалась тому, что между ними нѣтъ теперь и тѣни недомолвки и заговорила съ нимъ о томъ, какъ они будутъ воспитывать сына. Ей хорошо было оттого, что Дмитрій, повидимому, такъ искренно и тепло вторилъ тому, что чувствовала она.

Незамѣтно они прошли всю гору и поднялись къ самому замку.

Надя шла, казалось, такъ же бодро, какъ прежде. Но должно быть она обманулась насчетъ своихъ силъ. Едва вошли они въ садъ, какъ лицо ея вдругъ поблѣднѣло, и она дрожащею рукой какъ бы попробовала остановить свое забившееся сердце.

— Ничего, это пройдетъ,—отвѣтила она на его встревоженный вопросъ.

Онъ принесъ ей воды и побѣжалъ отыскивать коляску. Чрезъ нѣсколько минутъ ей стало легче, но пока онъ пріѣхалъ за ней съ экипажемъ, она сидѣла задумчиво склонивъ голову и какъ бы вопрошая темную даль будущаго. Но теперь почему-то самая мысль о возможной страшной разлукѣ была уже не такъ горька. Дома Надю уложили. Явившійся докторъ хоть и продолжалъ увѣрять, что серьезнаго нѣтъ ничего, но прописалъ уже не столь невинное средство, какъ прежде. Надя вся бѣлая и тихая, мирно лежала въ своей кровати, улыбаясь мужу, когда глаза ихъ встрѣчались. Она не ощущала ни страданія, ни тревоги. Она только-что передъ тѣмъ твердила мужу о покорности и теперь надо было показать ему примѣръ. Да и труда ей это не стоило. Развѣ на судѣ, когда надъ нею произносили приговоръ, ей не пришлось уже стоять лицомъ къ лицу передъ безвыходнымъ отчаяніемъ и все-таки не отчаиваться, а теперь, когда несбыточное сбылось, когда она вдвоемъ съ любимымъ мужемъ, когда нѣтъ и не можетъ быть между ними и тѣни разногласія, неужели теперь ей роптать и бояться? И если даже не долговѣчно будетъ ея счастье, развѣ она не отвѣдала его во всей полнотѣ?

Надя вскорѣ оправилась. Въ первыхъ числахъ октября она уѣхала съ мужемъ въ Италію, только не черезъ Парижъ, а прямо на Базель и Женеву. На шестыя сутки они прибыли въ Санъ-Ремо. Володи тамъ еще не было. Онъ съ Женичкой не могъ налюбоваться Па-

рижемъ, а оттуда они сперва поѣхали въ Миланъ и въ Венецію. Былъ уже ноябрь, когда они пріѣхали въ Санъ-Ремо. Да и остались они тамъ не долго. Даже вѣчно мѣняющіяся синія волны Генуэзскаго залива скоро показались имъ однообразными; ихъ тянуло къ новымъ впечатлѣніямъ, и недѣли чрезъ двѣ они уѣхали во Флоренцію, увѣряя, что скоро вернутся. Но Флоренція ихъ обольстила не одними произведеніями искусства: бывшіе тамъ Русскіе ввели ихъ въ пестрое, но добродушно веселившееся общество, и Женичка писала оттуда про ожидаемые балы, вовсе не упоминая о своемъ возвращеніи. Впрочемъ, Дмитрію и Надѣ и безъ нихъ жилось хорошо. Южное солнце ей придало силъ, и все предвѣщало счастливый исходъ ея беременности.

IX.

Прошло два года.

Въ судьбѣ нѣкоторыхъ лицъ нашего разсказа не произошло за это время особенно рѣзкихъ перемѣнъ. Она лишь немного подвинулась впередъ, точно сдѣлано ими было нѣсколько шаговъ по тому пути, который намѣтило для нихъ прошлое.

Карьера Николая Осиповича Боровского не совсѣмъ оправдала его ожиданія. Онъ не перестаетъ надѣяться, что его призовутъ на тотъ высокій постъ, о которомъ онъ все лихорадочнѣе мечтаетъ. Но постъ этотъ ему не дается: поднялись ли противъ него завистливые голоса или собственная заносчивость возбудила противъ него вражду, только мнѣнія его уже не встрѣчаютъ въ высокихъ сферахъ готовности имъ слѣдовать. А среди публики имя его стало возбуждать не одно только озлобленіе,—нѣтъ, къ этому озлобленію примѣшивается нѣчто худшее. Оно всѣмъ пріѣлось, оно дѣйствуетъ на нервы. Предлагаемыя имъ мѣры всѣмъ кажутся давно испробованнымъ и никуда негоднымъ

лѣкарствомъ. Онъ это примѣчаетъ. Желчь его все болѣе разыгрывается, и отъ этого онъ начинаетъ дѣлать промахи. Николай Осиповичъ походитъ на человѣка, который все собирается занести ногу въ стремя, причемъ строптивая лошадь каждый разъ становится на дыбы и въ концѣ-концовъ вырывается изъ рукъ теряющагося ѣздока.

Въ городѣ поговариваютъ, что вина неполной удачи Боровского отчасти падаетъ на его жену. Въ самомъ дѣлѣ Елена Михайловна не исполнила своей программы и не оказала честолюбію мужа никакой поддержки. Онъ вздумалъ было очертить тѣсный кругъ для ея жизни, а Елена уклонилась отъ его руководства совершенно неожиданнымъ способомъ. Она разомъ порвала и съ вліятельными связями, и съ поклонниками своей созрѣвшей красоты. Елена удалилась отъ свѣта. Все то, чѣмъ она думала наполнить тоскливую пустоту своей жизни, ей разомъ опротивѣло. Свои тягостные досуги она теперь посвятила иному. Нѣтъ въ Петербургѣ почти ни одного благотворительнаго кружка, въ которомъ бы Елена не участвовала, но то, что̀ дѣлается тамъ, ее не удовлетворяетъ. Она ищетъ своихъ путей и зачастую, не боясь грязи и нищеты, совершенно одна, въ простенькомъ платьѣ, несетъ утѣшеніе и помощь въ такіе дома, куда рѣдко заглядываютъ свѣтскія женщины. Прежде равнодушная къ религіи, она теперь молится тепло и усердно. Находитъ ли она въ этомъ утѣшеніе и радость, трудно сказать. Но Еленѣ кажется, что ей удастся загладить прежнія вины и очиститься передъ собою отъ того стыда, который охватываетъ ее, когда она вспоминаетъ про князя Торре ди-Фалько. Борисъ Сокольницкій въ Днѣпровской губерніи пріобрѣлъ любовь подчиненныхъ и лестное вниманіе властей. Достигъ онъ этого тѣми веселыми, слегка трунящими пріемами, которые онъ одинаково примѣняетъ и ухаживая за дамами, и разрѣшая важные государственные вопросы. Но женѣ его эти пріемы не нравились. Неизвѣстно по-

чему, въ одинъ прекрасный день молодая графиня съ особеннымъ, даже почти неприличнымъ трескомъ, разъѣхалась съ мужемъ. Трескъ былъ до того великъ, что за непривлекательную графиню заступились очень многіе и даже изъ очень высокихъ сферъ. Борису посовѣтовали нѣсколько попутешествовать. Ходили слухи, что молодой и симпатичный начальникъ губерніи не совсѣмъ по-рыцарски растратилъ значительную долю приданаго супруги. Не легко было перенести все это графу Сергѣю Борисовичу. Онъ горячо любилъ единственнаго сына, хотя и давно пересталъ создавать себѣ иллюзіи на его счетъ. Старикъ далъ пройти бурѣ нареканій, возвратилъ невѣсткѣ растраченное мужемъ, но внутри его что-то надломилось, хотя онъ по прежнему высоко носитъ голову, хорошо зная, что самъ онъ никогда не уронилъ бы своего имени. Такъ старая ель долго еще высится надъ скалой, не склоняя передъ ударами вѣтра своей обнаженной головы, хотя бури давно уже лишили ее зелени вѣтвей.

Аркадій Степановичъ Уховъ по прежнему пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ для него закрыта служба по выборамъ, онъ создалъ себѣ другую дѣятельность и вмѣстѣ съ коммерсантомъ Севрюгинымъ основалъ въ городѣ С. давно задуманный банкъ. Поговариваютъ, что векселя учитываются въ немъ скорѣе по знакомству, чѣмъ на основаніи кредита и что капиталъ акціонеровъ какъ химическій растворъ легко можетъ обратиться въ паръ. Но и на этотъ счетъ Уховъ обезпеченъ. Третьимъ директоромъ онъ назначилъ своего политическаго врага Заболдуху, и въ случаѣ краха онъ и Севрюгинъ расчитываютъ на оправдательный приговоръ.

И старичекъ Дровнинъ тоже процвѣтаетъ. Онъ попрежнему не упускаетъ случая провозгласить тостъ или сочинить адресъ и недавно, къ его неописанной радости, про него даже было упомянуто въ одной петербургской газетѣ.

Но можетъ быть читатель спроситъ, гдѣ же теперь Дмитрій и Надя, что сталось съ Володей, съ Женичкой, съ Томилинымъ...

Въ сѣренькій день въ началѣ сентября къ Петербургской гостиницѣ губернскаго города С. подкатилъ извощикъ съ желѣзной дороги. Сѣдокъ, мужчина среднихъ лѣтъ, съ замѣтною сѣдиной, сдавъ свои вещи швейцару, тотчасъ прошелъ во второй этажъ, гдѣ ему отвели просторный довольно хорошо меблированный нумеръ. При этомъ кое-кто изъ слугъ выразилъ то привѣтственное удивленіе, съ которымъ въ провинціальныхъ городахъ встрѣчаютъ давно тамъ небывавшихъ, но хорошо извѣстныхъ лицъ. Прибывшій ничего не отвѣчалъ на громкія привѣтствія и на разспросы о здоровьѣ. На лицѣ его было сосредоточенное, немного усталое выраженіе; та же усталость примѣчалась и въ походкѣ, и въ слегка наклоненной шеѣ. Онъ заперся въ нумерѣ и сталъ переодѣваться. Едва онъ успѣлъ съ этимъ покончить, къ нему постучались. Онъ отворилъ и увидѣлъ передъ собою рослую, все еще бодрую фигуру Томилина.

— Дмитрій Алексѣичъ, наконецъ-то!—почти со слезами на глазахъ воскликнулъ Ѳедоръ Васильевичъ.

Они громко поцѣловались. Судя по наружности никакъ нельзя было бы сказать, что въ возрастѣ ихъ разница лѣтъ на тридцать слишкомъ: такъ сильно постарѣлъ Дмитрій за эти два года.

— На долго ли?—сталъ разспрашивать Томилинъ.— У насъ поселитесь, надѣюсь?

Дмитрій покачалъ головой.

— Всего на сутки, съ братомъ о дѣлахъ переговорить и все уладить на будущее время.

Томилинъ сдѣлалъ удивленное движеніе.

— А сынка своего не привезли?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, далеко ужъ слишкомъ: онъ у меня не крѣпкаго сложенія. Я его оставилъ на рукахъ у одной англичанки, съ которой мы тамъ еще, въ Италіи, очень

подружились: она къ моей Надѣ очень добра была и ходила за нею какъ родная. Она теперь на Женевскомъ озерѣ живетъ. Я туда назадъ и спѣшу, и пока не увижу опять сына, понимаете, ни одной спокойной минуты для меня быть не можетъ. На свѣтѣ теперь у меня онъ одинъ.

Нади въ живыхъ уже не было. Зима, проведенная ею въ Санъ-Ремо, прошла какъ нельзя лучше, и Дмитрій почти уже не безпокоился. Мѣсяца за два до родовъ онъ съ женой не торопясь отправился назадъ въ Гейдельбергъ, чтобы снова обратиться къ знаменитому доктору, котораго всѣ расхваливали за его необыкновенную внимательность и постоянно успѣшное лѣченіе. Внимательность онъ оказалъ дѣйствительно большую, исправно получая за нее по золотому, и все обнадеживалъ Дмитрія, хотя самъ иногда съ тревожнымъ недоумѣніемъ всматривался въ Надю. И вотъ наступили и прошли тѣ страшные часы, ожиданіе которыхъ давно уже сопровождалось у Дмитрія замираніемъ сердца и какою-то непобѣдимою, тоскливою боязнію. Они прошли, и первые три дня все казалось благополучнымъ. Дмитрій ожилъ и не могъ налюбоваться ребенкомъ. Одно только было тяжело: докторъ его упрашивалъ какъ можно рѣже заходить къ женѣ.

Онъ не переставалъ бояться всего, что могло безпокоить Надю. Ребенка тоже все больше уносили въ сосѣднюю комнату. Надя передъ родами упорно надѣялась, что ей позволятъ кормить, но докторъ объявилъ, что объ этомъ не могло быть и рѣчи. Все это были однако небольшія огорченія, исчезавшія передъ великою радостію Дмитрія и Нади. Послѣ третьяго дня все перемѣнилось. Докторъ становился все задумчивѣе и молчаливѣе. Онъ не рѣшался произнести рокового слова „родильная горячка". Когда онъ высказалъ это слово, онъ уже зналъ, что все кончено. И Дмитрій тотчасъ это понялъ. Страннымъ образомъ ему даже казалось, что онъ давно уже, почти съ самыхъ родовъ, былъ увѣренъ

въ дурномъ исходѣ, хотя въ то же время онъ хорошо помнилъ, что первые дни были днями полной радости, не допускавшей и мысли объ опасности.

Надя пространа цѣлую недѣлю. Ея слабыя, надорванныя силы не вынесли натиска болѣзни, но зато, какъ оно и бываетъ нерѣдко, угасали медленнѣе, чѣмъ у крѣпкихъ натуръ. Она почти не говорила съ Дмитріемъ въ короткіе промежутки, когда не было бреда. Слишкомъ тяжело ей было напоминать о разлукѣ именно теперь, когда разлука наступала. Только передъ самымъ концомъ — въ послѣдній день сознаніе у нея было полное—она подозвала къ себѣ мужа проститься.

— Помни свое обѣщаніе, Дмитрій,—чуть слышнымъ голосомъ сказала она:—воспитывай сына хорошо, научи его быть полезнымъ человѣкомъ... А самъ ты не отчаивайся... вернись домой...

Того, что хотѣла она еще сказать, онъ разслышать не могъ. Это было уже одно беззвучное движеніе губъ.

Она пролежала спокойно до конца съ полузакрытыми глазами. У нея недоставало силъ говорить. Только рука ея нѣсколько разъ искала руки Дмитрія, и тонкіе, прозрачные пальчики слабо пожимали эту руку. За нѣсколько мгновеній до послѣдняго ея вздоха ему показалось, что губы у ней зашевелились еще разъ и невнятно, какъ слабый шелестъ, послышалось ему „прощай".

Томилинъ не настаивалъ, горе Дмитрія было еще слишкомъ свѣжо, чтобы посторонній могъ къ нему прикасаться. Они усѣлись, и Θедоръ Васильевичъ сталъ разспрашивать о здоровьѣ Дмитрія и про его ребенка. Дмитрій тотчасъ оживился, когда его собесѣдникъ заинтересовался его сыномъ. Это была въ немъ единственная уцѣлѣвшая струна.

— Да не станете же вы его однако за границей воспитывать?—спросилъ Θедоръ Васильевичъ.

— Ну, о воспитаніи еще рѣчь впереди. Мнѣ его сохранить, отстоять надо, для этого необходимо южное

солнце. А когда онъ окрѣпнетъ, я конечно постараюсь его пересадить на родную почву.

— Значитъ и васъ здѣсь увидимъ годика черезъ два? И тогда конечно не станете же вы сидѣть сложа руки.

— Ахъ, батюшка Өедоръ Васильевичъ,—отвѣтилъ Дмитрій, — дайте срокъ; самъ я знаю, что нельзя же вѣчно ковылемъ перекатываться. Не тунеядцемъ вѣдь я рожденъ. Кабы вы знали, какъ Надя меня упрашивала дома за дѣло взяться! И радъ бы, да какъ подумаю объ этомъ, такая горечь ко мнѣ подступаетъ къ сердцу... и пока она не улеглась, не гожусь я ни для какого дѣла.

Өедоръ Васильевичъ вздохнулъ, но ничего не отвѣтилъ.

— Это можетъ быть не хорошо по вашимъ понятіямъ,—продолжалъ Дмитрій,—я вѣдь не старъ еще и подавать въ отставку не имѣю права.

— Не то чтобы не хорошо, а повѣрьте мнѣ, вамъ самому тяжелѣе быть, какъ вы говорите, въ отставкѣ. Вотъ меня хоть въ примѣръ возьмите: седьмой десятокъ на исходѣ, дѣтокъ у меня нѣтъ, а средствъ на себя хватаетъ. И вотъ видите, хоть въ молодые годы мнѣ очень солоно пришлось, не отказываюсь отъ дѣла.

— Братецъ вашъ только что пріѣхать изволили,— живо объявилъ показавшійся въ дверяхъ слуга изъ гостиницы,

Томилинъ и Дмитрій вышли. Въ другомъ концѣ корридора уже слышался громкій голосъ Володи. Онъ только что поднялся по лѣстницѣ и, не снимая шляпы, рѣзко объяснялся съ купцомъ Севрюгинымъ, стоявшимъ передъ нимъ въ смиренной позѣ съ непокрытою головой.

— Да какъ же это?—почтительно говорилъ коммерсантъ,—Владиміръ Алексѣевичъ, ваше высокородіе, хоть выслушайте ради Бога.

— Ничего я слушать не стану. Съ вами по закону будетъ поступлено. Сто разъ вамъ говорилъ: попадете

вы подъ судъ... И что вы меня стережете съ вашими кляузными просьбами? Ступайте, я не для васъ сюда пріѣхалъ, а для брата...

Онъ примѣтилъ подходившаго Дмитрія и тотчасъ повернулся спиной къ пристыженному Саввѣ Никитичу.

— Здравствуй, Митя, здравствуй—радостно воскликнулъ онъ,—наконецъ-то! здоровъ?

Братья горячо обнялись.

— Ну пройдемъ въ нумеръ. Здравствуйте, Ѳедоръ Васильевичъ.

Володя подалъ Томилину руку и тутъ же пошелъ впередъ къ комнатѣ Дмитрія.

Въ походѣ его и въ манерахъ было теперь что-то вполнѣ опредѣлившееся. Прежней, слегка застѣнчивой нерѣшительности и слѣда не было. Начальническіе пріемы и увѣренность въ себѣ такъ въ немъ и сквозили, а по наружности Володя попрежнему оставался изящнымъ и стройнымъ; только густая борода свидѣтельвала о большей возмужалости. Провинціальная жизнь не отозвалась на немъ, не стерла, какъ часто бываетъ, шлифовки молодыхъ лѣтъ. Въ костюмѣ его была даже замѣтна изысканность, впрочемъ свойственная влюбленнымъ мужьямъ очень хорошенькихъ женщинъ.

— Ну, скажи мнѣ, любезный другъ,—началъ Володя запирая дверь,—зачѣмъ вздумалось тебѣ меня въ городъ вызвать? Развѣ ты отсюда не прямо въ Бѣлые Столбы? Мы тамъ съ Женей для тебя все какъ нельзя лучше приготовили, и такъ ужъ она радовалась твоему пріѣзду.

Дмитрій отвѣтилъ, что онъ въ Бѣлые Столбы не собирается и на другой день уѣдетъ. Володю удивило это рѣшеніе, но замѣтивъ почти мученическое выраженіе на лицѣ брата, онъ не захотѣлъ настаивать.

— Какъ хочешь,—сказалъ онъ,—и за то спасибо, что хоть далъ на себя взглянуть, а женѣ будетъ очень, очень жаль.

Братья не сразу приступили къ дѣловому вопросу,

изъ-за котораго пріѣхалъ Дмитрій. Они съ добрый часъ протолковали о самихъ себѣ. Только разсказывалъ больше Володя. Дмитрій коротко и неохотно говорилъ о своемъ прошломъ. Томилинъ имъ не мѣшалъ своимъ присутствіемъ: такъ ужъ сроднился онъ съ семьей Корецкихъ.

— Ну, а теперь,—вдругъ сказалъ Дмитрій,—пора и къ дѣлу приступить. Я не знаю, когда я сюда вернусь, можетъ быть и не вернусь совсѣмъ. Вотъ я и рѣшилъ, что лучше передать тебѣ окончательно Бѣлые Столбы, потому что изъ далека я вѣдь только мѣшать могу. Ты будешь мнѣ ежегодно высылать извѣстную сумму, которую мы сейчасъ тутъ же и опредѣлимъ, а я тебѣ выдамъ полную довѣренность.

— Да какъ же это, Митя,—сталъ протестовать Володя,—неужели ты совсѣмъ такъ и не станешь ни до чего касаться, а я хотѣлъ тебѣ предложить раздѣлъ имѣнія...

— Нѣтъ, нѣтъ, оно такъ лучше будетъ, повѣрьте мнѣ... Современемъ, коли я сюда вернусь, все это можно будетъ перерѣшить снова.

Володя уже не возражалъ и быстро съ дѣловою отчетливостью выяснилъ, сколько приходится брату на основаніи средней доходности имѣнія за послѣдніе годы. Оказалось, что Бѣлые Столбы процвѣтали подъ управленіемъ Володи и что на долю старшаго брата приходилось по двадцать три тысячи въ годъ, что значительно превышало прежнюю доходность.

— Можно сейчасъ за нотаріусомъ послать,—сказалъ Володя.—Насъ съ тобою онъ ждать не заставитъ, и тутъ же мы условіе заключимъ на сколько тебѣ угодно.

— На десять лѣтъ, спокойно отвѣтилъ Дмитрій.

Володя быстрымъ почеркомъ написалъ черновое условіе, позвонилъ и отдалъ вошедшему слугѣ приказаніе, чтобы нотаріусъ явился черезъ часъ съ переписанною бумагой и книгами. По всему видно было, что его привыкли слушаться. Дмитрій не могъ надивиться перемѣнѣ въ братѣ. Володя совсѣмъ вошелъ въ свою рамку

и она такъ пристала къ нему, какъ будто онъ прошелъ долгую жизненную школу. Во всемъ его обращеніи была та полная гармонія со средой, при которой только и можетъ человѣкъ себя чувствовать хорошо и правильно дѣйствовать.

— А сильно же вы осадили Савву Никитича!...—заговорилъ Томилинъ, вспомнивъ крупный разговоръ Володи съ купцомъ Севрюгинымъ.

— Да иначе съ этимъ народцемъ и нельзя, Ѳедоръ Васильевичъ,—опять на подрядѣ смошенничалъ, да еще моего заступничества проситъ. Только не на того онъ напалъ. Я вѣдь не Аркадій Степановичъ Уховъ... А знаете что, господа? не закусить ли, пока мы нотаріуса дожидаемся? для обѣда еще рано, а все-таки я думаю, мы всѣ проголодались послѣ дороги. Ну, такъ вотъ мы рядомъ съ общею залой внизу и помѣстимся и прикажемъ, чтобы никого туда не пускали...

Сказано—сдѣлано. Татаринъ-слуга подобострастно заявилъ, что „какъ же можно стороннихъ людей пущать туда, гдѣ ихъ высокородія кушать изволятъ". Володя заказалъ три блюда, причемъ внушилъ татарину какъ они должны быть приготовлены, выбралъ вино и совершилъ все это съ видомъ человѣка не допускающаго, чтобъ его могли надуть или не послушаться. И въ самомъ дѣлѣ, кушанье и вино оказались превосходныя. За столомъ Володя разговорился. Бываютъ люди, которымъ ѣда особенно развязываетъ языкъ, и это какъ разъ тѣ, у которыхъ расположеніе духа и пищевареніе въ наилучшемъ порядкѣ. Володя разсказывалъ брату, какія онъ ввелъ улучшенія въ Бѣлыхъ Столбахъ, какъ мужики стали жить лучше, хоть онъ себя тоже имъ въ обиду не даетъ, и какъ онъ въ руки взялъ и земское собраніе, и недавно введенное крестьянское присутствіе. При этомъ Володя не то чтобы хвасталъ, а видимо радъ былъ случаю сообщить новому лицу о своихъ успѣхахъ.

— А жаль,—говорилъ онъ между прочимъ,—что ты

не увидишь, какъ мы здѣсь съ Ѳедоромъ Васильевичемъ хозяйничаемъ. Мосты у насъ уже не проваливаются, больница въ порядкѣ—доктора Финдейзена давно спустили...

— И у васъ обоихъ,—спросилъ Дмитрій—въ самомъ дѣлѣ хватаетъ терпѣнія вѣчно тѣ же прорѣхи чинить и съ тою же дрянною кляузною оппозиціей считаться?

— На то насъ и выбрали,—отвѣтилъ Томилинъ.

— А съ оппозиціей, какъ ты ее называешь,—сказалъ Володя,—мы справились. Этого краснобая Заболдуху и Сухо-Деревскаго я даже совсѣмъ изъ земства выжилъ. Ихъ забаллотировали. Ну, они вдвоемъ да еще съ Уховымъ въ придачу противъ меня теперь ковы куютъ, страшные-престрашные, ни дать ни взять оперные заговорщики. Только никто ихъ не слушаетъ, потому что видятъ—дѣло идетъ ладно. И знаешь, такая вражда даже очень пріятна, а главное вотъ что пріятно: чувствовать, что одерживаешь побѣду и знать, что это побѣда хорошая. Нужды нѣтъ, что дѣло маленькое, уѣздное, все-таки хорошо... И вотъ Амфилохія Никандровича Берендеева—помнишь?—Тоже я отдѣлалъ, какъ слѣдуетъ!.. Вздумалъ онъ было въ одномъ имѣніи, такъ, изъ личной вражды къ помѣщику, мужиковъ надоумить, что оброка можно де и не платить, потому не казенные, и даже властямъ будто бы велѣно мужиковъ на этотъ счетъ не приневоливать. Да, вотъ, братецъ мой, каковъ исправникъ, опора-то порядка! Ко мнѣ помѣщикъ тотъ съ жалобой, а я въ присутствіи громогласно Амфилохія уличилъ: коли вы, говорю, батенька, народъ мутить станете, такъ знайте—черезъ недѣлю вашего духу здѣсь не будетъ—слетите какъ ворона съ колокольни; ну и струхнулъ онъ таки. Теперь по стрункѣ ходитъ: извѣстно ему, что меня губернаторъ послушаетъ.

Едва успѣли выпить кофе и закурить, какъ явился нотаріусъ.

Дѣло было улажено скоро, но день сталъ уже склоняться къ вечеру.

— Ну, братъ,—сказалъ Володя по уходѣ нотаріуса,—теперь намъ проститься надо, жена меня ждетъ. А такъ таки и не хочешь со мною въ Бѣлые Столбы?—принялся онъ опять уговаривать Дмитрія.—Ну, въ другой разъ, а тебѣ дай Богъ счастья, и послушайся ты моего совѣта, возвращайся ты сюда къ намъ: увидишь, какъ быстро возродишься на родной почвѣ.

Они опять обнялись. Володя даже всплакнулъ немного, цѣлуя брата, потомъ онъ пожалъ руку Томилину и сѣлъ въ коляску. Лихая тройка быстро увезла его, звеня бубенчиками. Дмитрій долго глядѣлъ въ окно въ ту сторону, куда она скрылась. Томилинъ молча закурилъ трубку.

— А что, Ѳедоръ Васильевичъ, вдругъ заговорилъ Дмитрій,—вѣдь онъ кажется такъ счастливъ, что и желать нечего? А я и забылъ васъ спросить про его жену; что, все такая же хорошенькая?

— Ни на волосъ не измѣнилась: такая же стройная, розовая, прелесть однимъ словомъ. И разумѣется Владиміръ Алексѣевичъ въ ней души не чаетъ. И то правда, что во власти таки онъ у Евгеніи Александровны и она его, когда захочетъ, вокругъ мизинчика обмотать можетъ. Ну да, когда жена умница и хорошенькая вдобавокъ—это вѣдь и есть настоящее счастье.

Наступило молчаніе. Дмитрій забарабанилъ пальцами по стеклу.

— Вотъ,—заговорилъ онъ опять спустя нѣсколько минутъ,—мнѣ часто казалось, что наша провинціальная жизнь мелка и что честному человѣку не утерпѣть среди дрязгъ обидчиваго самолюбія и разныхъ интригъ изъ-за копѣечныхъ да еще нечестныхъ барышей. А я вѣдь ошибался. И знаете отчего ошибался? Все отъ нашей русской привычки сразу широко захватывать и гнушаться скромнаго дѣла. А какое дѣло въ началѣ не бываетъ скромно? Вѣдь и Англійскій парламентъ, я думаю, сперва-то не Богъ знаетъ какими міровыми идеями задавался.

Томилинъ пустилъ изъ трубки облако дыма и отвѣтилъ, немного подумавъ:—Никогда не поздно, Дмитрій Алексѣевичъ, вернуться къ опостылѣвшему дѣлу. Займитесь пока вашимъ сынкомъ, чтобъ изъ него богатырь потомъ вышелъ,—намъ прежде всего здоровые люди нужны,—а тамъ и пріѣзжайте къ намъ, чтобъ онъ и русскимъ богатыремъ сталъ. Тогда вамъ сорокъ лѣтъ будетъ съ небольшимъ—не поздно еще поработать, коли не побрезгаете...

— Можетъ быть, можетъ быть,—въ полголоса задумчиво произнесъ Дмитрій.

Томилинъ съ нимъ тоже простился.

Осеннія сумерки ложились надъ городомъ, а Ѳедору Васильевичу надо было переночевать у себя въ имѣніи. Дмитрій остался неподвижно весь погруженный въ мечты.

Движеніе на улицѣ стало утихать, все рѣже проѣзжали извощики, а тамъ и газовые фонари зажглись передъ окнами гостиницы. Какое-то тяжелое чувство полнаго одиночества, никогда не испытанное имъ за границей, медленно охватило сердце Дмитрія. Здѣсь, недалеко отъ родного дома, гдѣ протекло его дѣтство, здѣсь, гдѣ онъ былъ такъ счастливъ и потомъ такъ горевалъ—это одиночество предстало предъ нимъ какъ ужасающій призракъ. Его стало вдругъ болѣзненно тянуть въ эти самые Бѣлые Столбы, куда онъ не захотѣлъ поѣхать съ братомъ. Кто знаетъ? Увидитъ ли онъ ихъ когда-нибудь, если теперь уѣдетъ не поклонившись праху своего погибшаго счастія? Времени у него было еще довольно. Онъ всталъ, позвонилъ и велѣлъ сейчасъ же сбѣгать на постоялый дворъ и нанять тройку. Слуга удивленно на него посмотрѣлъ, но безпрекословно исполнилъ приказаніе. Дмитрій съ возрастающимъ, болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждалъ пока подъѣдетъ тарантасъ. Теперь, когда онъ рѣшился побывать въ родномъ гнѣздѣ, желаніе увидѣть вновь это гнѣздо заставляло его сердце биться все сильнѣе.

И вотъ раздался на улицѣ стукъ колесъ. Доложили, что экипажъ поданъ. Лошади оказались мелкія и поджарыя, но везли онѣ какъ только на Руси возятъ иныя неприглядныя лошадки. За то уже больно неказистъ былъ трясkій тарантасъ съ простою рогожей вмѣсто кузова. Уныло дребезжалъ надтреснутый колокольчикъ, и самая фигура ямщика въ худомъ армякѣ какъ-то грустно выдѣлялась на темнѣвшемъ небѣ; вечеръ былъ теплый, но пасмурный. Слегка моросилъ дождь. На самомъ краю неба выплывалъ желтый мѣсяцъ и тускло освѣщалъ поля. Совсѣмъ ужъ не хозяиномъ ѣхалъ Дмитрій въ свое родное село; словно украдкой, какъ сбившійся съ дороги усталый путешественникъ, собирался онъ завернуть туда въ пасмурную ночь. А между тѣмъ вдоль по дорогѣ, блѣдно и неясно выдѣляясь изъ вечерней мглы, неслись навстрѣчу Дмитрію знакомыя мѣста. Вотъ старая, вѣтвистая ракита, у которой давнымъ давно гроза спалила верхушку; вотъ село на пригоркѣ, съ развалившимся помѣщичьимъ домомъ. Дмитрій помнилъ, какъ каждый разъ, проѣзжая мимо, онъ удивлялся тому, что его оставляютъ въ запустѣніи. Вотъ, спускаясь къ оврагу, словно пятясь, пошли низкіе дубовые кусты, гдѣ такъ часто, еще мальчикомъ, Дмитрій ходилъ съ ружьемъ за стрепетами; а вотъ, наконецъ и послѣдній оврагъ передъ подъемомъ къ Бѣлымъ Столбамъ; лѣсъ съ обѣихъ сторонъ подступилъ къ дорогѣ, и поднявшійся ночной вѣтеръ сухо зашелестилъ въ дубовыхъ листьяхъ. И лѣсъ тоже остался назади. У самаго въѣзда въ село надо было повернуть къ дому. Дмитрій приказалъ ѣхать шагомъ и, добравшись до плотины, вылѣзъ изъ тарантаса и пошелъ пѣшкомъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы знали о его пріѣздѣ.

Избѣгая встрѣчъ, словно прячась отъ людей, онъ окольнымъ путемъ пробрался въ садъ. Съ первыхъ же шаговъ Дмитрія поразили рѣзкія перемѣны: прежней раскидистой чащи уже не было; садъ расчистили и

словно пригладили, вмѣсто густой, сочной травы, по куртинамъ былъ разведенъ мягкій англійскій газонъ. И цвѣточныя клумбы уже не походили на старыя. Пахучіе цвѣты были замѣнены группами крупныхъ растеній, блиставшихъ пестротой листьевъ и вычурностію формъ. Между ними высились пышныя шапки выхоленныхъ, нарядныхъ, осеннихъ георгинъ и астръ. На лужайкѣ противъ дома былъ устроенъ небольшой фонтанъ, и холодныя красы мраморной нимфы, вывезенной изъ Италіи, отражались въ его водоемѣ. А самый домъ! Какъ онъ измѣнился! Точно бѣлила на лицѣ старухи, его древнія стѣны покрывала свѣжая штукатурка. Разныя архитектурныя украшенія—плодъ фантазіи мѣстнаго зодчаго—нарушили простоту его скромныхъ линій. Дмитрій не узнавалъ своихъ Бѣлыхъ Столбовъ. У него защемило на сердцѣ. Рука новаго времени стерла дорогія ему воспоминанія, и рука эта казалась ему святотатственною. Онъ почувствовалъ себя вдругъ старикомъ. Стоитъ въ жизни немного отстать, выйти изъ рядовъ, и трудно уже догнать остальныхъ. „Новое поколѣніе“, думалось ему, „успѣло стать на ноги за короткое время его отсутствія, и этому поколѣнію уже дѣла нѣтъ до того, чѣмъ дорожилъ онъ.“ Дмитрій сталъ бродить по саду. Вездѣ было все новое и чужое; но вотъ подъ старыми липами все еще стоитъ деревянная скамейка, гдѣ онъ когда-то признался Надѣ въ своей любви и получилъ ея первый поцѣлуй. Это былъ единственный, уцѣлѣвшій, дорогой свидѣтель старины. Онъ опустился на скамейку и зарыдалъ, какъ рыдаютъ въ первые годы юности. И въ шелестѣ оголявшихся уже вѣтвей ему почудился вдругъ чей-то шепчущій голосъ. Былъ ли то голосъ его матери, или Надя посылала ему въ горькую минуту утѣшающій привѣтъ? Дорогія тѣни, забытыя казалось остальными, предстали ему какъ бы напоминая, что жизнь его и любовь—уже въ прошломъ, но что любовь эта въ сердцѣ его не умретъ.

А небо между тѣмъ прояснилось. Тучи разорва-

лись и стали опускаться за небосклонъ. Полный мѣсяцъ слалъ къ старымъ деревьямъ еще косые молочные лучи. И онъ тоже, вѣчно неизмѣнный, говорилъ, что подъ измѣнчивою жизнью царитъ вѣчная неугасимая любовь.

Дмитрій поднялся и подошелъ къ дому. Гостинная, выходившая на террасу, была освѣщена. И тутъ все измѣнилось до неузнаваемости. Онъ заглянулъ въ растворенныя двери и захотѣлъ воскресить воспоминанія прошлаго. Но изящная меблировка съ иголочки говорила уже не о прежней хозяйкѣ. Дмитрій отошелъ прочь и смутно услышалъ голоса, доходившіе до него изъ полуоткрытаго окна сосѣдней столовой. Онъ подошелъ къ этому окну и осторожно отодвинулъ ставни. За чайнымъ столомъ съ допитыми чашками сидѣлъ его братъ и о чемъ-то оживленно говорилъ съ женой. Словъ Дмитрій разобрать не могъ. Женичка, слушая мужа, облокотилась на скатерть, и ея красивыя обнаженныя руки бѣлѣли въ матовомъ свѣтѣ лампы. Свѣтъ этотъ падалъ и на ея слегка опущенное лицо, и Дмитрій могъ ясно различить молодыя, нѣжныя черты. Вдругъ онъ услышалъ звонкій хохотъ и вслѣдъ за тѣмъ поцѣлуй на зардѣвшейся щекѣ молодой женщины...

Прошло нѣсколько минутъ, и Женичка вдругъ прищуривъ глазки, едва примѣтно зѣвнула. Володя всталъ, позвонилъ и велѣлъ все прибрать на столѣ. Едва вышелъ слуга, рука молодого человѣка обвилась вокругъ стана Женички и, нагнувшись къ ней, онъ сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо...

Дмитрій медленно побрелъ къ своему тарантасу. Съ минуту онъ колебался, не зайти ли ему, не остаться ли хоть нѣсколько часовъ подъ роднымъ кровомъ... но къ чему? Что общаго у него съ этими счастливыми людьми, съ этою цвѣтущею жизнью? Онъ сѣлъ въ убогій экипажъ и велѣлъ кучеру трогать. Онъ покидалъ Бѣлые Столбы безъ чувства горечи къ брату. Пусть молодая, удавшаяся жизнь смѣняетъ безвременно разрушенное

счастье, какъ въ природѣ новая жатва приходитъ на смѣну той, которую побило морозомъ. Дмитрію вспомнился его сынъ, и мысль о немъ воскресила въ немъ бодрость и надежды. То чего не сдѣлалъ онъ самъ, тому приспѣетъ время, когда выростетъ его ребенокъ. Въ этомъ ребенкѣ и его будущее, а человѣкъ безъ будущаго жить не можетъ, какъ растеніе безъ солнца. Дмитрій какъ бы встрепенулся, оглядывая поля и дорогу, теперь уже ярко облитыя свѣтомъ мѣсяца. Все какъ бы выступило изъ мрака, и неясныя очертанія деревьевъ и усадьбы, грустно встрѣчавшія его за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, провожали его теперь сплошь облитыя серебристымъ блескомъ. На душѣ его стало легко. Онъ сказалъ себѣ, что и сама ночь продолжается не вѣчно. Заря наступаетъ и въ жизни и въ природѣ, и благо тому, кто не терялъ въ нее вѣры, кого она застанетъ готовымъ къ дневному труду!..

ВЪ СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

К. Головинъ (К. Орловскій).

ВЪ СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ

РАЗСКАЗЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „**Трудъ**". Фонтанка, 86.
1902.

Артамонъ Прохорычъ Купріяновъ былъ одинъ изъ самыхъ именитыхъ купцовъ въ томъ большомъ приволжскомъ городѣ, гдѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка его дѣдъ Герасимъ Петровичъ сталъ торговать хлѣбомъ. Дѣла Артамонъ Прохорычъ велъ очень крупныя. Имя его было извѣстно по всему Поволжью, отъ Рыбинска до самаго Царицына, подпись его цѣнилась, что деньги. У него было два своихъ парохода и нѣсколько баржей, то и дѣло сновавшихъ по огромной рѣкѣ и возившихъ низовой хлѣбъ къ сѣвернымъ пристанямъ. Почетомъ онъ въ родномъ городѣ пользовался большимъ. Росту онъ былъ высокаго, нрава степеннаго, хоть и подчасъ крутого, и противорѣчія себѣ ни отъ близкихъ, ни отъ чужихъ не выносилъ. Да и врядъ ли кому пришло бы въ голову перечить богатому купцу съ сильной мошной, привыкшему властвовать и не легко прощавшему обиды. Да и два только раза въ цѣлую свою жизнь пришлось Артамону Прохорычу такія обиды снести, разъ отъ близкаго своего пріятеля, такого же богатаго торговца, какъ, онъ самъ, отъ Устима Демьяновича Саватѣева, другой— отъ родного сына. И горько имъ обоимъ отъ этого пришлось. Только рѣчь о томъ будетъ у насъ впереди. А дружбу вести съ Артамономъ Прохорычемъ всякому было охотно. Всѣ знали вѣдь, что у него не только деньги водятся большія, но и рука у него крѣпкая есть. И хлѣбосолъ онъ былъ хоть-куда: за лишнюю копѣйку Артамонъ Прохорычъ не стоялъ, когда доводилось ему угощать пріятелей, а тѣмъ болѣе чиновныхъ господъ изъ губернскаго начальства. А къ себѣ самому онъ былъ

очень строгъ; овдовѣлъ онъ рано, но въ домѣ его соблюдался все тотъ же чинный порядокъ, что и при покойной женѣ, а когда случалось ему ѣздить въ Нижній на ярмарку, въ Кунавинскихъ веселыхъ гуляньяхъ онъ не участвовалъ никогда. Артамонъ Прохорычъ держался древняго благочестія; и хотя числился въ единовѣріи и въ праздники аккуратно бывалъ въ храмѣ Божіемъ, никоніанцевъ онъ недолюбливалъ крѣпко и смотрѣлъ на нихъ съ какимъ-то упорнымъ, немилосерднымъ презрѣніемъ. Не разъ приходилось замѣчать добрымъ людямъ, что совсѣмъ иначе онъ поступалъ съ православными, чѣмъ съ тѣмъ, кто держался стараго закона. Иному собрату по старообрядчеству онъ, пожалуй, и проститъ, когда тотъ съ нимъ не расплатится какъ слѣдуетъ къ самому сроку, а ужъ никоніанцу онъ не спуститъ ни за что, совсѣмъ готовъ былъ раззорить человѣка, и какъ бы тотъ его ни упрашивалъ, не выпуститъ изъ своихъ рукъ, не дастъ отсрочки. И во всемъ, что касалось старообрядчества, Артамонъ Прохорычъ не скупился никогда. Надо ли было скиту небогатому помочь, или въ Рогожское вкладъ внести, или похлопотать у властей за единовѣрцевъ, Артамонъ Прохорычъ на это не скупился. А насчетъ образованности, какъ человѣкъ смѣтливый и разумный, Артамонъ Прохорычъ держался взглядовъ просвѣщенныхъ. Два раза онъ побывалъ за-границей, въ тамошніе порядки вникъ во всемъ, что торговли касается, и на двухъ иностранныхъ языкахъ говорить могъ, хоть и разумѣется не очень свободно. Дома онъ, правда, одѣвался по старинному и строго соблюдалъ всѣ отцовскіе обычаи. „Одно дѣло просвѣщеніе“, говорилъ онъ.—„отъ него сторониться не зачѣмъ, другое—уставъ церковный и складъ жизни по старинному—отъ нихъ отступать грѣшно!“ Обоихъ сыновей однако Артамонъ Прохорычъ воспиталъ по новому, и даже въ университетъ снарядилъ. Онъ понималъ, что торговому человѣку отъ науки польза большая, бояться ея нечего. Одного только надо, чтобъ новые порядки ничего не нарушали

въ домашнемъ устройствѣ, да въ почитаніи старшихъ. И Артамонъ Прохорычъ съумѣлъ показать, что готовъ онъ постоять за свои отцовскія права. Поговаривали, правда, иные люди, что чужихъ правъ онъ не всегда уважалъ, что когда умеръ его старшій братъ, оставивъ малолѣтняго сына, онъ племянника обобралъ, присвоилъ себѣ весь общій капиталъ. Да мало ли что люди толкуютъ! И можно развѣ тоже молокососу какому-нибудь давать на руки большія деньги. Теперь Артамонъ Прохорычъ былъ всѣми признанный глава Купріяновской семьи, и племянникъ жилъ у него въ такомъ же повиновеніи, какъ и родные сыновья. И какихъ-нибудь жалобъ на дядю отъ него не слыхали...

Много тоже было толковъ насчетъ старшаго сына Артамона Прохорыча—Кирюши. Этотъ Кирюша былъ для отца настоящимъ Божьимъ испытаніемъ. Природа ли у него вышла такая строптивая, или въ университетѣ онъ духа вольнаго нахватался, только едва онъ экзаменъ сдалъ,—и признаться надо, сдалъ отлично—онъ совсѣмъ вышелъ изъ родительскаго повиновенія: перечилъ отцу на словахъ, старинныхъ обычаевъ не чтилъ, даже глумился впрямь надъ святыми иконами и надъ книгами старопечатными, а что пожалуй и того хуже, знакомство близкое водилъ съ людьми совсѣмъ неподходящими. И какъ не урезонивалъ его Артамонъ Прохорычъ, то строгостью, то ласковымъ разумнымъ словомъ, Кирюша не унимался. Молчитъ онъ бывало передъ отцомъ, угрюмо глядя внизъ, и никакого отвѣта не добиться отъ него Артамону Прохорычу. А случалось и такъ, что Кирсоша не стерпитъ, гнѣвная краска покажется у него на лицѣ, и отвѣтитъ онъ отцу почти съ дерзостью, а глаза у него такъ и пылаютъ. Разъ Артамонъ Прохорычъ такъ разгнѣвался на сына, что чуть было не занесъ надъ нимъ руку, но остановилъ его взглядъ Кирилла, до того рѣшительный и смѣлый, что Артамонъ Прохорычъ побоялся, какъ бы чего добраго непокорный сынъ не отплатилъ тутъ же отцу за обиду.

Онъ прочелъ это въ Кирилиныхъ глазахъ, и всегда привыкшій властвовать надъ всѣми, на этотъ разъ онъ удержалъ себя, и спокойнымъ голосомъ велѣлъ Кириллу выйти. Но съ этой самой минуты онъ сына возненавидѣлъ. Никогда прежде ему не доводилось ни передъ кѣмъ уступать, и вотъ справедливый свой гнѣвъ умѣрить пришлось, подавить даже передъ этимъ щенкомъ, передъ этимъ молокососомъ.

И часто Артамонъ Прохорычъ горько раздумывалъ о будущемъ: какого наслѣдника выростилъ онъ себѣ, какой выйдетъ изъ этого мальчишки современемъ торговецъ, а главное—станетъ ли онъ даже для виду чтить обряды древняго благочестія? Но къ счастью, у него другой сынъ—Матвѣй, который совсѣмъ ему по сердцу, скромный, съ отцомъ почтительный, а поди-ка подъ этой скромностью что за природная купеческая сметка. Недавно еще Матвѣй, даромъ что ему только двадцать третій годъ пошелъ, распознать съумѣлъ, что отца думали провести ловкіе люди, и чуть было съ него, съ Артамона Прохорыча, задатокъ крупный не взяли за несуществующій товаръ. Не брезгуетъ онъ, стало быть, торговымъ дѣломъ, даромъ что такой же ученый, какъ и старшій братъ. И сталъ Артамонъ Прохорычъ все больше приближать младшаго сына, а старшаго отъ всего отстранялъ, едва говорилъ съ нимъ даже по цѣлымъ недѣлямъ. „И хоть бы чувствовалъ это Кирюха“, думалъ про себя Артамонъ Прохорычъ, „а то нѣтъ, какъ ни въ чемъ не бывало! Словно, и отцовскаго расположенія и денегъ отцовскихъ ему не надо совсѣмъ! Гордость окаянная обуяла!“.

А послѣ вышло и того хуже. Артамонъ Прохорычъ сталъ подмѣчать, что старшій сынъ рѣдкій вечеръ дома бываетъ. „Закутилъ, должно быть!“ сказалъ онъ себѣ. „Прежде за нимъ этого не водилось!“ Только на какія же деньги?! Артамонъ Прохорычъ держалъ сына въ обрѣзъ, и Кирсоша, надо признаться, денегъ у него не просилъ...

Призадумался старикъ. Чего добраго запутался Кирюха: векселя сталъ подписывать. Найдутся вѣдь, небось, охотники дать подъ большіе проценты сыну такого богатаго человѣка. Но Артамонъ Прохорычъ ошибался: вышло совсѣмъ не то, что онъ думалъ. Кирюша не закутилъ, а цѣлые вечера просиживалъ въ домѣ одного небогатаго учителя, сынъ котораго былъ его университетскимъ товарищемъ. Была у этого учителя дочка и пришлась она Кирюшѣ по нраву. Дѣвушка была очень пригожая, но скромная въ то же время, не любившая рядиться. Поддерживала она небогатую семью уроками, за которыми проходилъ у нея весь день. Невесело сложилась у нея молодая жизнь, а сама она была не то, чтобы веселаго, а привѣтливаго такого, ровнаго, свѣтлаго нрава. И отводилъ душу въ этой семьѣ Кириллъ. А какъ узналъ про это Артамонъ Прохорычъ, онъ сталъ потѣшаться надъ глупымъ сынкомъ.

— Ну ужъ, нечего сказать! — тяжело засмѣялся онъ.—Нашелъ къ кому ходить каждый день. Или въ цѣломъ городѣ нѣтъ голышей почище Найденовыхъ? Отца со службы выгнали, сына, товарища твоего, недавно полиція взяла, сошлютъ должно быть, а дѣвчонка, краля твоя, по грошевымъ урокамъ таскается, да еще по урокамъ ли однимъ...

Кириллъ такъ и запылалъ весь. — Про кого угодно говорите, батюшка, — сказалъ онъ, устремивъ на отца гнѣвные глаза,—только невѣсту мою трогать не смѣйте!

— Невѣсту?!...—такъ и обомлѣлъ Артамонъ Прохорычъ.—Невѣсту?!... захихикалъ онъ притворно.—Ну, сынокъ, одолжилъ! Не ожидалъ я этого даже отъ тебя! Я думалъ, признаться, ты эту дуру себѣ въ полюбовницы прочишь...

— Отецъ!—воскликнулъ Кириллъ, весь дрожа отъ негодованія, и подступилъ совсѣмъ близко къ своему родителю.

— Что!... Что такое!!...—яростно завопилъ тотъ, встряхивая сына за шиворотъ.—Ты еще говорить смѣешь!!...

Да что ты, дуракъ, въ самомъ дѣлѣ подумалъ, я такую невѣстку къ себѣ въ домъ приму, изъ нищенскаго дома, да еще ихняго никоніанскаго треклятаго отродья... Просто слышать про это не хочу, а теперь ступай! Только чтобъ ты не смѣлъ болѣе къ этимъ Найденовымъ заглядывать, слышишь!... А то наслѣдства лишу!...

— Вашего наслѣдства мнѣ не надо, батюшка!—возразилъ Кирюша.

Но отецъ вытолкалъ его изъ комнаты, не разслышавъ даже хорошенько его послѣднихъ словъ.

Угроза однако не подѣйствовала; должно быть нравомъ Кирюша похожъ былъ на своего батюшку, только и его тоже, какъ Артамона Прохорыча, всякое противодѣйствіе вызывало на рѣшительный, неуступливый отпоръ. И строгій запретъ отца—не смѣть и думать про Анну Найденову—только усилилъ въ молодомъ человѣкѣ рѣшимость взять ее себѣ въ жены. Идти подъ вѣнецъ противъ воли отца, зная, что ему не видать родительскаго благословенія, Кириллъ не побоялся ни чуть. Можетъ статься, онъ говорилъ себѣ, что смилуется потомъ Артамонъ Прохорычъ и проститъ сыну, когда тотъ къ нему явится съ повинной. Бывали вѣдь тому примѣры многіе. Но едва ли на это слишкомъ расчитывалъ Кириллъ. Не таковъ былъ человѣкъ Артамонъ Прохорычъ, чтобы простить ослушника. Да и самъ Кириллъ едва ли бросился бы отцу въ ноги, смиренно вымаливая себѣ прощеніе.

Когда Артамонъ Прохорычъ узналъ, что его Кирюша обвѣнчался вопреки его воли, отыскалъ за деньги какого-то православнаго попа, съ нимъ едва не случился ударъ, до того его изумило неповиновеніе сына. И всего хуже озлобился онъ оттого, что не на кого было излить свой родительскій гнѣвъ, а бушевать понапрасну, дѣлать весь домъ свидѣтелемъ своей безсильной и безполезной ярости Артамонъ Прохорычъ не любилъ: на то слишкомъ ужъ былъ онъ умный человѣкъ. Но тѣмъ болѣе всѣ домашніе боялись послѣдствій его скрытаго

бѣшенства. Знали они хорошо, что даромъ это не сходило никогда. И пока не отыщетъ Артамонъ Прохорычъ на комъ выместить свою злобу, всѣмъ жутко становилось отъ одного его взгляда.

На этотъ разъ ждать пришлось не долго. Гнѣвъ Артамона Прохорыча обрушился на того самаго, кто его причинилъ. Кирюша явился къ родителю на третій день послѣ свадьбы, и хоть былъ онъ не изъ робкихъ, сердце у него захолонуло при видѣ отца. А Артамонъ Прохорычъ, какъ нарочно, не вспылилъ и заговорилъ даже какъ будто потише обыкновеннаго.

— А!... вернулся таки въ отцовскій домъ!...—началъ онъ будто смѣясь. — Видно бражничать сталъ, прежде за тобой этого не водилось! Гдѣ пропадалъ? Сказывай!

— Я совсѣмъ не то..., что вы думаете...—съ невольною запинкою отвѣтилъ Кириллъ, и голосъ у него такъ и пошелъ дрожать.—Я не пьянствовалъ, а...

— Такъ что же такое? — рѣзче прежняго оборвалъ его Артамонъ Прохорычъ.

— Пришелъ я къ вамъ, чтобы повиниться и прощенье ваше получить... Я васъ не послушался. Ну, словомъ, третьяго дня насъ обвѣнчали съ Анютой.

— А!.. Вотъ какъ!..—съ удивительнымъ спокойствіемъ произнесъ Артамонъ Прохорычъ, хоть его въ этотъ мигъ такъ и душило желаніе наброситься на сына и тутъ же его смять въ своихъ сильныхъ рукахъ. Но всетаки онъ владѣлъ собою на столько, что гнѣвъ его наружу не выливался, и ему доставляло словно наслажденье любоваться явной растерянностью сына и постепеннымъ ростомъ своего все еще сдерживаемаго гнѣва.

— Что-же ты пришелъ сюда,—тряся головой и возвышая голосъ продолжалъ Артамонъ Прохорычъ,—въ расчетѣ, что я вотъ сейчасъ молъ сниму съ тебя запретъ, прощу тебя, расцѣлую, велю привести сюда твою кралю... Можетъ она тамъ за воротами стоитъ, дожидается?..

И вдругъ глаза у него такъ кровью и налились, и

вся его дикая ярость вонъ вышла, какъ рѣка изъ береговъ.—Прочь! Убирайся съ глазъ долой!—хриплымъ отъ бѣшенства голосомъ завопилъ онъ.—Чтобъ ты никогда сюда, слышишь, никогда ногой не смѣлъ!!. А то зашибу, за себя не отвѣчу! И шлюха твоя поганая, чтобъ мнѣ на глаза показываться не смѣла!..

Кирюша взглянулъ было еще на отца, и на мигъ оскорбленное чувство въ немъ боролось съ желаніемъ смягчить чѣмъ-нибудь разсвирѣпѣвшаго родителя—все-таки обиду тяжкую нанесъ онъ старику,—но гордость и тутъ взяла верхъ, и съ похвальбой онъ отвѣтилъ отцу, чтобъ тотъ не безпокоился, что ни онъ, ни жена къ нему никогда больше въ домъ и не заглянутъ.

Но сказать это было легче, чѣмъ исполнить. Очень скоро онъ понялъ, что безъ отцовской помощи мудрено ему обходиться. Понадѣялся онъ на себя, вздумалъ было сперва уроками хлѣбъ заработывать, да плохо что-то дѣло ладилось. Непривычнымъ ли оказался Кириллъ, или Артамонъ Прохорычъ постарался, чтобы непокорному сыну не было хода никуда. Только въ рѣдкіе дома его нанимали. А гдѣ и было слажено дѣло, скоро ему отказывали. Захотѣлъ Кириллъ и на службу опредѣлиться, тамъ, думалъ онъ, Артамона Прохорыча не побоятся, да на службѣ мѣста оказывались всѣ безъ жалованья. Рѣшился онъ наконецъ по торговой части пойти, но тутъ у Артамона Прохорыча вездѣ была сильная рука, и не одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ строптиваго сына въ прикащики не бралъ. Кириллъ перебивался кое-какъ перепиской, да работой у нотаріуса какого-то. Молодая жена продолжала по грошевымъ урокамъ таскаться, а тутъ она вдругъ расхворалась: было уже до родовъ недалеко. Пришлось и отъ этихъ уроковъ отказаться, а тутъ все расходы да расходы. Бѣднымъ людямъ и новорожденный ребенокъ не въ счастье...

Все тяжелѣе становилась нужда, а съ нею вмѣстѣ и горе подоспѣло: ребенка схоронили по третьему мѣсяцу, а здоровье Анюты плохо что-то поправлялось. Доктору

платить не изъ чего было; квартирка у нихъ была маленькая, да сырая, да холодная. А тутъ, хвать, грозная, трескучая зима, а дровъ-то купить было не на что. Кириллъ долго крѣпился, наконецъ онъ откинулъ гордость, пошелъ къ отцу и повалился къ нему въ ноги.

Но Артамонъ Прохорычъ не простилъ. Не смиловалъ его даже видъ Кирилла, исхудалаго, поблѣднѣвшаго...

— Ничего отъ меня и не жди!—было суровымъ отвѣтомъ Артамона Прохорыча.—Сказано тебѣ разъ, слова своего я не мѣняю. Ослушался меня и живи, какъ хочешь.

Съ тѣмъ Кириллъ и ушелъ. Ушелъ уже не такимъ гордецомъ, какъ бывало, а съ поникшей головой и съ убитымъ сердцемъ. И нужда, стоявшая передъ нимъ, суровая, неумолимая, не давала ему даже чувствовать обиды, нанесенной отцомъ.

Изъ родного дома онъ прямо пошелъ въ кабакъ, что былъ тутъ подъ бокомъ, въ сосѣднемъ переулкѣ. Заглянулъ онъ туда, самъ хорошенько не зная, какъ очутился онъ тутъ, въ грязной комнатѣ, гдѣ вокругъ галдѣло столько охрипшихъ отъ вина голосовъ. Пошелъ онъ сюда въ первый разъ, да только не въ послѣдній. И скоро его стало неудержимо тянуть къ знакомому прилавку, у досчатаго стола, гдѣ мигомъ у него завелись и друзья-товарищи.

А самъ Артамонъ Прохорычъ, хоть и обрадовался онъ, что непокорный сынъ передъ нимъ смирился, глядѣлъ съ этихъ самыхъ поръ темнѣе ночи. Жалѣлъ ли онъ втайнѣ о Кириллѣ, совѣсть ли его была неспокойна, только домашніе давно не видали его такимъ сумрачнымъ. А простить сыну Артамонъ Прохорычъ всетаки не хотѣлъ; да и не то, чтобы не хотѣлъ онъ смиловаться надъ ослушникомъ, не могъ онъ забыть, что за тяжкую обиду нанесъ ему сынъ, ему, которому всѣ уступали и домашніе и чужіе.

Въ городѣ однако стали поговаривать о Кириллѣ, котораго непреклонный отцовскій нравъ довелъ до ка-

бака, а того и гляди, до сумы доведетъ. И Артамона Прохорыча даже по купечеству принялись осуждать, сперва про себя втихомолку, а потомъ все громче, какъ примѣчать стали, что думаютъ такъ многіе. Дошли толки эти и до Артамона Прохорыча, и должно быть осерчалъ онъ отъ того пуще прежняго. Всѣ знакомые его успѣли замѣтить, какъ измѣнился его нравъ за послѣднее время, какъ сталъ онъ несговорчивѣе и угрюмѣе прежняго. И вотъ по самому этому случаю вышла у него первая размолвка съ Устиномъ Демьяновичемъ Саватѣевымъ. Никто изъ другихъ не смѣлъ заговорить съ Артамономъ Прохорычемъ о Кириллѣ, а Устинъ Демьяновичъ—лучшій его пріятель, его прогнѣвать не побоялся.

— Воля твоя,—сказалъ онъ ему, осторожно, сперва издалека поведя рѣчь о Кириллѣ,—они вдвоемъ сидѣли за чаемъ въ трактирѣ, гдѣ подъ вечеръ собирались обыкновенно первостепенные въ городѣ торговцы,—воля твоя, а сына тебѣ простить надо! Вѣдь запилъ, слышно, съ горя твой Кириллъ, пропадетъ онъ совсѣмъ!

— Туда ему и дорога!—сумрачно буркнулъ въ отвѣтъ Артамонъ Прохорычъ.

— Грѣхъ тебѣ такъ говорить! И не повѣрю я никогда, чтобъ тебѣ впрямь было все едино, что съ твоимъ сыномъ сдѣлается. Вѣдь малый онъ былъ хорошій, непьющій, и коли сталъ онъ такимъ, вина въ этомъ твоя!

— Моя вина!?—громко, на весь трактиръ крикнулъ Артамонъ Прохорычъ.—Такъ по-твоему значитъ, коли сынъ бунтуетъ, во всемъ спускать ему надо, и коли вздумаетъ на шлюхѣ первой попавшейся жениться, такую невѣстку родители обязаны въ домъ принять?

— Ну, провинился твой Кириллъ, положимъ, что провинился, и наказаніе за то онъ получилъ, а теперь, когда онъ къ тебѣ съ повинной явился, все же не выгонять его слѣдовало, не доводить его до отчаянія...

— А по твоему простить?!—и громче прежняго завопилъ Артамонъ Прохорычъ и лицо его побагровѣло. — Не смѣй ты мнѣ говорить про негодяя этого,

слышать не хочу! Пропади онъ окаянный пропадомъ... А въ своихъ домашнихъ дѣлахъ мнѣ совѣтниковъ не надо!..

Устинъ Демьяновичъ былъ человѣкъ нрава мягкаго, сговорчиваго, но онъ тоже былъ вѣдь однимъ изъ первѣйшихъ купцовъ въ городѣ, и на него кричать, да учить его никому не полагалось. И отъ грозныхъ рѣчей Артамона Прохорыча онъ не унялся; напротивъ, какъ замѣтилъ онъ, что собираются въ трактиръ знакомые люди, онъ призвалъ ихъ въ свидѣтели, и всѣ въ одинъ голосъ приняли его сторону. До этихъ поръ никто передъ Артамономъ Прохорычемъ не заикался о Кириллѣ, а теперь, когда примѣръ былъ поданъ, и поданъ лучшимъ его другомъ, у всѣхъ языки развязались. Этого ужъ не могъ стерпѣть Артамонъ Прохорычъ. Онъ вскочилъ со стула, и сильно ударилъ кулакомъ по столу. — Въ своемъ домѣ я хозяинъ! — закричалъ онъ.—И въ свои дѣла соваться никому не позволю! И кто со мной заговаривать станетъ про ослушника Кирюху, тотъ мнѣ не другъ, а супротивникъ...

Артамонъ Прохорычъ ушелъ изъ трактира крѣпко разгнѣванный. И хотя онъ пріятелю своему, Устину Демьяновичу и не подавалъ виду, что серчаетъ на него за непрошенный совѣтъ, на душу къ нему запало недоброе чувство къ Саватѣеву. И какъ оно по большей части бываетъ, незатушенную во время искорку стало все раздувать, да раздувать. Случилось какъ-то мѣсяца два спустя, что Артамонъ Прохорычъ торговалъ большую партію низоваго хлѣба, и въ цѣнѣ не сошелся съ продавцами, да не сошелся въ самыхъ пустякахъ. А Устинъ Демьяновичъ Саватѣевъ эту партію на другой же день купилъ всю безъ остатка, и большіе взялъ барыши, такъ какъ цѣны вдругъ неожиданно въ гору пошли. Обидно это показалось Купріянову, будто не въ правѣ былъ перебивать у него дорогу Саватѣевъ. Не упрекнулъ онъ однако пріятеля ни единымъ словомъ; сказалъ ему только какъ бы въ

шутку: — А ты у меня кусокъ изъ подъ самаго, значитъ. носу утащилъ. Ну, ладно братъ! Я про это не тужу. Слишкомъ много у меня своихъ дѣлъ, чтобъ чужимъ завидовать. — А на самомъ то дѣлѣ онъ все-таки злобствовалъ на Саватѣева, и скрывалъ это изъ-за того только, что прочилъ его единственную дочку, Марфу Устиновну, въ невѣсты младшему сыну, Матвѣю. И вотъ слышитъ онъ разъ невѣроятную вѣсть, что Марфуша просватана, и къ тому же за человѣка не стараго закона, за какого-то молокососа изъ Петербурга. На этотъ разъ Купріяновъ себя ужъ не сдержалъ, и прямо пошелъ требовать объясненія у Саватѣева.

— Что Устинъ,—началъ онъ, скрывая раздраженіе подъ напускною насмѣшливостью,—слышно, дочку просваталъ?! Не хорошо, братъ. Такъ поступать не годится. У насъ, кажись, все дѣло было слажено давно и вдругъ вотъ...

— Не взыщи, — радушно отвѣтилъ Саватѣевъ. — Дѣвку не приневолишь. Полюбился ей женихъ, пришлось уступить...

— Какъ!! обожженнымъ и въ то же время негодующимъ голосомъ произнесъ Артамонъ Прохорычъ.—Значитъ, у тебя и дѣвки изъ подъ начала выходятъ?! Дочери не приневолишь!? Полюбился ей молодчикъ какой-то?! Диву, право, даюсь, что у тебя за новые такіе порядки! И слово, что ты мнѣ далъ, стало,—ничего не значитъ супротивъ дѣвичьей причуды?!

— Никакого слова я тебѣ не давалъ, Артамонъ Прохорычъ. Грѣшно тебѣ такъ говорить...

— Такъ, такъ!!..—съ возрастающимъ гнѣвомъ перебилъ его Купріяновъ. Сговору не было у насъ, положимъ, а все же какъ будто рѣшено было у насъ дѣло. И за кого выдаешь Марфу?! Слышно за Питерскаго франта, да еще за поганаго никоніанца!

— Ахъ, братецъ мой!—съ укоромъ произнесъ Устинъ Демьяновичъ.—Пора бы намъ перестать такими сло-

вами ругаться! Всѣ мы православные: одному Богу молимся... А что обычай у насъ другой, экая важность!

Артамона Прохорыча такъ ошеломили эти рѣчи, что онъ не нашелъ, что отвѣтить, только зрачки его злобно забѣгали.—Да ты, чего добраго, самъ-то на старости лѣтъ отцовскую вѣру забудешь! — проговорилъ онъ сквозь зубы.

Артамону Прохорычу однако и не снилось, чтобы слова эти когда-нибудь могли стать истиной. Каково же было его гнѣвное изумленіе, когда нѣкоторое время спустя онъ доподлинно узналъ, что Саватѣевъ въ самомъ дѣлѣ перешелъ въ православіе. Съ этой минуты отъ старинной ихъ дружбы и слѣда на осталось. Купріяновъ возненавидѣлъ своего бывшаго пріятеля не за одну только обиду, нанесенную ему свадьбою Марфуши, а еще болѣе за то, что Устинъ Демьяновичъ сталъ отщепенцемъ. И въ своихъ торговыхъ дѣлахъ Саватѣевъ сталъ чувствовать теперь враждебную руку Артамона Прохорыча. Два раза съ прямымъ даже убыткомъ для себя Купріяновъ перебивалъ его крупные подряды, сильно надбавивъ цѣну. Потомъ удалось ему, когда Саватѣевъ взялся на срокъ поставить большую партію рыбнаго товара въ Нижній, законтрактовать на себя всѣ свободныя баржи, чтобы Устинъ Демьяновичъ не могъ успѣть выполнить принятое обязательство. И Саватѣеву пришлось заплатить большую неустойку. Да и перечислять нечего всѣхъ козней и подвохъ, какія устраивалъ своему бывшему другу Артамонъ Прохорычъ. Короче сказать, онъ прямо и настойчиво билъ на раззореніе Устина Демьяновича. И удалось это ему какъ нельзя лучше. Купріяновъ былъ и много богаче и куда какъ изворотливѣе, а Устинъ Демьяновичъ вдобавокъ по добродушію своему денегъ не жалѣлъ и охотно пускался въ рискованныя дѣла, словно нарочно за тѣмъ, чтобы шею совать въ изготовленную для него петлю. А какъ замѣтилъ Артамонъ Прохорычъ, что дѣла

Саватѣева пошатнулись, онъ взялъ да и скупилъ его векселя и предъявилъ ихъ разомъ ко взысканію.

Какъ обухомъ по головѣ поразила Устина Демьяновича эта бѣда. Много зла причинилъ ему бывшій пріятель, но такого поступка онъ отъ него не ожидалъ. Взыскивать разомъ всѣ его долги, это вѣдь значило раззорить его въ конецъ, пустить по міру когда-то богатаго торговца. И Саватѣевъ рѣшился пойдти къ своему врагу, у котораго не бывалъ уже болѣе года, въ надеждѣ уговорить его хоть сколько-нибудь обождать. Плохо онъ зналъ сердце Артамона Прохорыча. Злобною радостію вспыхнули глаза старика, когда вошелъ къ нему, какъ смиренный проситель, его прежній другъ, такою же радостью, какую вызвала въ немъ три года передъ тѣмъ униженная просьба Кирилла. И тутъ, какъ тогда, Артамонъ Прохорычъ не смягчился.

— По векселямъ, Устинъ Демьяновичъ,—произнесъ онъ съ усмѣшкой,—отсрочки не бываетъ. На то онѣ и выдаются... Самъ, я думаю, знаешь. Да и на что тебѣ отсрочка? Ты почитай, что богатѣйшій у насъ въ городѣ купецъ...

Купріяновъ притворился, будто не знаетъ о разстроенныхъ дѣлахъ Саватѣева. Онъ самодовольно гладилъ сѣдую бороду, видя, какъ унижается передъ нимъ недавній богачъ Саватѣевъ.

— Креста на тебѣ что-ли нѣтъ, Артамонъ Прохорычъ?—настаивалъ тотъ.—Бога ты не боишься?

— Нѣтъ ужъ на комъ, такъ на тебѣ креста нѣтъ, Устинъ, — зычнымъ голосомъ завопилъ Купріяновъ и ударивъ сильнымъ кулакомъ по столу, выпрямился во весь ростъ передъ Саватѣевымъ. — Я развѣ отъ отцовской вѣры отступился?—Все я бы тебѣ простилъ, и то, что въ дѣлахъ мнѣ перечилъ, и что дочку свою не за моего сына выдалъ... Одного простить не могу, что вѣрѣ нашей измѣнникомъ сталъ. Пощады не жди себѣ, Устинъ, не жди никакой. И кабы ты даже ползать сталъ передо мной на колѣняхъ, не простилъ бы тебѣ ни копѣйки,

и кабы тебя нищаго, голоднаго увидалъ, не помогъ бы и тогда.

Дѣлать было нечего. Понялъ Саватѣевъ, что иного отвѣта ему не добиться и съ поникшею головою ушелъ отъ пріятеля. Въ иное время не легко падалъ духомъ Устинъ Демьяновичъ, охотно ему вѣрилось, что любое дѣло въ концѣ концовъ скажется удачей, что перемелется, мука будетъ. Но теперь ему было не до такихъ утѣшеній. Купріяновъ вѣрно расчиталъ ударъ и выбралъ такую минуту, когда не откуда было ему ждать получки. Деньги всѣ были въ оборотѣ, а по нерасчетливо выданнымъ векселямъ наступила уплата. Безъ отсрочки вывернуться было никакъ нельзя, и неминуемое банкротство смотрѣло прямо въ глаза Устину Демьяновичу. И шелъ онъ, раздумывая тяжкую думу, какъ попался къ нему навстрѣчу Кириллъ Купріяновъ. Велико было горе Устина Демьяныча, но всетаки онъ остановился пораженный увидавъ Кирилла. На его лицѣ было написано горе, куда какъ болѣе тяжелое. Неряшливая запачканная одежда, испитое, опухшее лицо, глаза тусклые, блуждавшіе, такъ и говорили про закоренѣлую уже привычку искать утѣшеніе за чаркой. И преждевременная старость легла уже на его блѣдныя черты. Что-то вялое, дряхлое было въ походкѣ, точно согнулся онъ весь подъ непосильной тяжестью, и никогда ужъ не поднять ему головы, не взглянуть на людей открыто и добро.

— Что, Кириллъ Артамоновичъ, какъ поживаете?— остановилъ его Саватѣевъ. Жаль ему стало бѣднаго малаго.

Нерѣшительная усмѣшка искривила ротъ молодого Купріянова.

— Какъ видите, Устинъ Демьяновичъ. Живу какъ собака, которую со двора выгнали.

Онъ хотѣлъ было идти своею дорогой—сталъ теперь Кириллъ людей стыдиться,—но Устинъ Демьянычъ его удержалъ.

— Не хорошее вы это дѣло дѣлаете.. Не взыщите

съ меня старика, коли скажу вамъ правду. Примѣтилъ вѣдь, изъ какого заведенія вы вышли сейчасъ. Не годится это молодому человѣку, право, не годится. Да и время теперь какое: Великій постъ, скоро будетъ Страстная недѣля...

Кириллъ разразился громкимъ, злымъ хохотомъ.

— Эхъ, Устинъ Демьянычъ, воскликнулъ онъ. Спасибо вамъ за правду, спасибо. Только пустое вы это говорите. Вамъ вотъ легко о спасеніи души помышлять да хранить всѣ посты. У васъ жизнь, что гладкая дорога. Все расчитано, дѣла въ порядкѣ...

Устинъ Демьянычъ опустилъ глаза, услыхавъ это, но не возразилъ ничего.

— А мнѣ вотъ,—продолжалъ Кириллъ, знаете ли вы. что мнѣ дѣться некуда, кромѣ развѣ этого кабака, за который вы меня попрекаете?! То есть совсѣмъ, совсѣмъ некуда дѣться. Въ настоящемъ ничего, да и въ будущемъ то же самое. Занятій никакихъ: отъ уроковъ мнѣ, разумѣется, давно отказали—перебиваюсь кое-какъ перепиской. Да и Анюта моя послѣдніе глаза свои портитъ, для газеты здѣшней грошевыми переводами занимается. Да вотъ говорилъ я вамъ, въ будущемъ ничего. Развѣ то въ будущемъ, что жену похороню. Чахнетъ совсѣмъ, а лечить нечѣмъ... Ну, что-жъ, тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ мучиться не будетъ.

— Грѣшно вамъ это говорить,—закачалъ головою Саватѣевъ. Вы бы лучше къ батюшкѣ вашему пошли, попросили бы его...

— Къ батюшкѣ?—такъ громко засмѣялся Кириллъ, что двое прохожихъ остановились. — А что прикажете у него дѣлать?! Въ колѣни ему повалится?! Колѣни его обнять, да слезно молить о прощеніи?!? Продѣлали бы вы все это, Устинъ Демьянычъ. Полно, будетъ теперь. Прогналъ меня отецъ, говорятъ вамъ, какъ собаку паршивую, и то не свою, а случайно забѣжавшую на дворъ. Нѣтъ, ужъ скорѣе Христа ради просить стану на улицѣ, а къ отцу ни ногой...

И тусклые глаза молодого человѣка заблестѣли на мигъ отъ гнѣва и ненависти, какъ въ сѣрыхъ тучахъ иной разъ заблеститъ зарница. И сказавъ это, рѣзко отвернулся онъ отъ Устина Демьяныча.

Саватѣевъ пошелъ домой, словно утѣшенный, что есть на свѣтѣ бѣда хуже его собственной. „Что-жъ можетъ быть, думалъ онъ, еще вывернусь какъ-нибудь". Дѣла онъ велъ не малыя. Кредитъ у него тоже былъ и, хоть за послѣднее время стали ходить на его счетъ недобрые слухи, повѣрятъ ему, пожалуй, еще и расплатится онъ съ Артамономъ Прохорычемъ.

И сперва ему какъ будто въ самомъ дѣлѣ повезло. Удалось ему раньше срока получить порядочную сумму за товаръ, хоть и расчитался онъ за него много дешевле, чѣмъ слѣдовало. По двумъ совершенно безнадежнымъ векселямъ онъ тоже неожиданно получилъ свои деньги обратно. И сверхъ того выдали ему сорокъ пять тысячъ изъ городского банка, да почти столько же повѣрили взаймы добрые люди. Устинъ Демьянычъ повеселѣлъ. Можно было расплатиться съ Купріяновымъ, т. е. не то, чтобы совсѣмъ, конечно, а почти расплатиться. Векселей его было въ рукахъ Артамона Прохорыча на сто девяносто тысячъ. И изъ этой суммы всего двадцать пять тысячъ оставались неуплаченными: сущая бездѣлица. Какіе-нибудь полгода отсрочки и Устинъ Демьянычъ спасенъ, и пойдутъ опять его дѣла, можетъ быть не совсѣмъ по старому, да все-таки пойдутъ. А главное уцѣлѣетъ его честное купеческое имя.

Долго однако не рѣшался во второй разъ идти къ Купріянову Устинъ Демьянычъ. Надѣялся онъ и безъ него извернуться. Только на этотъ разъ онъ ошибся. Въ банкѣ ничего уже нельзя было получить, и взаймы болѣе не давали. А срокъ уже наступилъ давно, и протестованный вексель предъявленъ въ Окружный Судъ. На-дняхъ, еще до праздника, состоится опредѣленіе, и тогда... тогда все-таки не уйти ему отъ банкротства...

Саватѣевъ однако все откладывалъ да откладывалъ: тяжело ему было въ качествѣ просителя еще разъ переступить порогъ Артамона Прохорыча. Все испробовалъ онъ, чтобы достать денегъ, побольше денегъ, и одного только достигъ, что разгласилось отчаянное положеніе дѣла, и всѣ давшіе ему раньше взаймы объ этомъ пожалѣли. И вотъ узналъ онъ, что на Страстной недѣлѣ, въ самый великій Вторникъ, въ судѣ назначено его дѣло къ слушанію. А допустить до этого—значило идти на вѣрную гибель. И скрѣпя сердце Устинъ Демьянычъ отправился вторично къ своему неумолимому врагу.

— А, добро пожаловать,—не то весело, не то насмѣшливо привѣтствовалъ его Артамонъ Прохорычъ. — Что, братъ, попробовалъ отвертѣться, да не выгорѣло, и опять пришелъ ко мнѣ челомъ бить? Напрасное дѣло. отвѣтъ мой извѣстенъ тебѣ ранѣе...

Веселый, даже какъ будто добродушный тонъ Купріянова, тѣмъ не менѣе пріободрилъ Устина Демьяныча, какъ будто ему не вѣрилось, что онъ въ самомъ дѣлѣ слышитъ отъ него послѣднее слово.

— Смилуйся, Артамонъ,—заговорилъ онъ съ волненіемъ въ голосѣ.—Вспомни про нашу старинную дружбу. Ну, повздорили; по глупости моей это такъ вышло. И одолѣлъ же ты меня, совсѣмъ одолѣлъ. Лежачаго, вѣдь, не бьютъ, Артамонъ Прохорычъ. И бездѣлица этакая осталась у насъ...

— Двадцать пять тысячъ—бездѣлица! Экій богачъ! шутливо перебилъ его Купріяновъ. Да что мы этакъ съ тобою словно чужіе разговариваемъ. Садись, будь гостемъ. Чаю не прикажешь ли?

Артамонъ Прохорычъ самъ то и дѣло отхлебывалъ изъ большущаго стакана въ серебряномъ подстаканникѣ. Онъ позвонилъ и велѣлъ гостю чаю подать. Саватѣевъ присѣлъ, не посмѣвъ отказаться. Этотъ неожиданный пріемъ еще поддалъ ему бодрости.

— Да, что-жъ ты говоришь, бездѣлица этакая, почти

ласково продолжалъ Артамонъ Прохорычъ, всматриваясь пристально въ свою жертву.

— Да, посуди самъ, горячо заговорилъ опять Саватѣевъ. Дай ты мнѣ отсрочку всего на полгода, и все еще уладиться можетъ. Я вѣдь совсѣмъ не такъ запутался, какъ ты думаешь. Капиталъ у меня цѣлъ.

— Цѣлъ-то онъ цѣлъ, да не у тебя въ карманѣ,— опять усмѣхнулся Артамонъ Прохорычъ.

Но Саватѣевъ пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей.

— Двадцать пять тысячъ — великія ли это деньги для такихъ, какъ мы съ тобой?

— Твоя правда—сущіе пустяки,—насмѣшливо промолвилъ Купріяновъ, поглаживая сѣдую бороду.—Только вотъ бѣда: близокъ локоть, да не укусишь...

Малый въ эту минуту входилъ съ подносомъ и почти въ тотъ же мигъ у подъѣзда раздался слабый, нерѣшительный звонокъ.

— Подай гостю чай,—приказалъ Артамонъ Прохорычъ, да пойди-ка, посмотри, кто тамъ пожаловать изволилъ...

Саватѣевъ дрожащими руками поставилъ стаканъ чаю передъ собою на столъ и, едва малый вышелъ, заговорилъ опять робкимъ голосомъ.

— Знаю, Артамонъ Прохорычъ, что я у тебя въ рукахъ и что на милость ты меня не обнадежилъ. Только вспомни тоже, какіе теперь дни пошли. Небось самъ говѣешь?...

— Да, сейчасъ вотъ отстоялъ обѣдню, съ недоброю улыбкой вставилъ Артамонъ Прохорычъ, только не кстати ты мнѣ про это напомнилъ. Ты вѣдь по-нашему молиться разучился...

Саватѣевъ хотѣлъ что-то возразить, но Артамонъ Прохорычъ его остановилъ. Изъ сѣней все громче раздавался чей-то настойчивый голосъ.

— Постой,—сказалъ Купріяновъ, прислушиваясь, никакъ это мой сынокъ опять сюда пожаловать изволилъ... Да, онъ самый... его голосъ... Да чего онъ вздумалъ?

Ломаться насильно? Говорилъ я ему глазъ сюда не казать...—И весь побагровѣвъ отъ гнѣва, Купріяновъ стремительно бросился къ дверямъ и вышелъ въ сосѣднюю хату.

— Кто тамъ озарничать вздумалъ? Въ моемъ домѣ шумъ поднимать?! крикнулъ онъ такъ громко, что стекла въ окнахъ зазвенѣли. Саватѣевъ послѣдовалъ за нимъ. Кириллъ между тѣмъ, оттолкнувъ слугу, вырвался изъ сѣней въ залу. Отецъ и сынъ опять стояли другъ передъ другомъ. Трудно было предсказать, чѣмъ кончится ихъ новая встрѣча, до того безумно глядѣло отчаянное лицо Кирилла, до того читалась непреклонная, суровая ненависть въ глазахъ Артамона Прохорыча.

— Кто тебя звалъ? Какъ смѣлъ ты мой запретъ нарушить?! Говори!—злобно, но съ притворнымъ спокойствіемъ отчеканилъ старый купецъ, смѣривъ несчастнаго сына запламенѣвшимъ взглядомъ своихъ старческихъ глазъ.

Кириллъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца, не рѣшаясь подойти ближе. Весь онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Лицо перекосилось отъ страшной, почти безумной улыбки.

— Ну, батюшка, дождались своего... Пришелъ вамъ спасибо сказать, заговорилъ онъ неестественно засмѣявшись. Жена моя... моя Анюта... Голосъ его вдругъ упалъ и осѣкся.

— Не смѣй про нее здѣсь!... хотѣлъ было грозно оборвать его отецъ, но Кириллъ не далъ ему договорить.

— Нечего безпокоиться, завопилъ онъ вдругъ неожиданно громко, и мгновеннымъ блескомъ озарились его потемнѣвшіе глаза.—И запреты ваши ей не страшны теперь. Померла она... сегодня ночью померла... Спасибо вамъ... И васъ даже лихомъ не помянула; заказала къ вамъ пойти и сказать, что вамъ простила.

Голосъ молодого человѣка не вынесъ черезчуръ сильнаго напряженія и оборвался. Послѣднія слова онъ произнесъ чуть слышно.

— Скончалась? Вотъ какъ? нерѣшительно произнесъ нѣсколько озадаченный Артамонъ Прохорычъ. Ну, Царство ей Небесное... Старикъ широко перекрестился, но суровыя его черты не смягчились.

— Такъ, вотъ батюшка... Порадуйтесь теперь, все тѣмъ же полубезсознательнымъ, вызывающимъ тономъ сказалъ Кириллъ.—Свели ее бѣдную въ гробъ...

Слова эти мгновенно вызвали новую гнѣвную волну на лицѣ Артамона Прохорыча.

— Я ее въ гробъ свелъ? я?!—закричалъ онъ на сына.—И ты смѣешь мнѣ это говорить! Да ты что-ли потѣшаться надо мною пришелъ?

Но и Кириллъ не опустилъ глазъ передъ огненнымъ взглядомъ отца.—Не потѣшаться,—возразилъ онъ, а сказать вамъ, что у меня дома гроша нѣтъ мѣднаго... нечѣмъ даже жену похоронить.

— И ты вздумалъ,—продолжалъ кричать Артамонъ Прохорычъ, что я тебѣ на это денегъ дать обязанъ. Твоему никоніанскому попу за службы платить?! Обчелся, братъ! Ступай съ Богомъ. Не гоню тебя, какъ въ тотъ разъ, потому горе тебя посѣтило и все-же ты мнѣ сынъ, но денегъ отъ меня не жди. Ступай!

Послѣднее слово Купріяновъ произнесъ тихо, почти мягко, но Кириллъ отвѣтилъ на него дерзкимъ, язвительнымъ смѣхомъ:

— Такъ я и зналъ,—произнесъ онъ и скрестилъ на груди руки.—Ничѣмъ васъ значитъ не проймешь. Эхъ вы, благотворитель! Христіанинъ благочестивый!.. Лицемѣръ, христопродавецъ—вотъ кто ты такой...—вскричалъ онъ вдругъ и глаза его заблистали.

— Ступай, говорятъ тебѣ, ступай,—съ поразительною мягкостью отозвался на это старикъ.

Саватѣевъ не выдержалъ; его давно коробила эта сцена. Теперь негодующее чувство вырвалось наружу.

— Артамонъ Прохорычъ,—сказалъ онъ, — подумай, дни-то какіе. Или ты Бога не боишься, забудь гордость

свою сатанинскую, подумай, что и вѣдь надъ тобою есть судья.

— Не безпокойся,—насмѣшливо отвѣтилъ Купріяновъ.—Я вчера еще за упокой своей души вкладъ внесъ въ пятнадцать тысячъ. А, воля твоя, сыну своему непокорному не дамъ ни копѣйки.

— Ну такъ я за тебя дамъ, выведенный изъ себя воскликнулъ Саватѣевъ и быстро полѣзъ за бумажникомъ, растегнувъ длиннополый сюртукъ. — Чужой для меня твой сынъ, и бѣдный я человѣкъ, можетъ быть самъ нищій буду по твоей милости, а все же дамъ я ему на похороны жены. На, Кириллъ, бери... И дрожащими отъ волненія пальцами онъ протянулъ молодому человѣку полсотни рублей.

Этого Артамонъ Прохорычъ стерпѣть не могъ. Не могъ онъ стерпѣть, чтобы этотъ раззоренный имъ, полунищій Саватѣевъ, котораго онъ ненавидѣлъ, какъ врага и презиралъ, какъ человѣка пустого и легкомысленнаго, чтобъ этотъ Саватѣевъ вмѣшивался въ его семейныя дѣла, заступался при немъ за его провинившагося сына. Не скупой человѣкъ былъ Артамонъ Прохорычъ, и въ эту самую минуту, быть можетъ, его сердце готово было смягчиться. Но когда Устинъ Демьянычъ, будто на зло ему, посмѣлъ дать Кириллу деньги, въ которыхъ онъ, его отецъ, только что отказалъ, гордый нравъ стараго купца возмутился отъ такой обиды.

— Что?!—Закричалъ онъ на Саватѣева.—Ты мнѣ въ насмѣшку, этому малокососу деньги суешь?! Какъ?! ты сюда пришелъ ко мнѣ милостыни просить, да перечить мнѣ вздумалъ?! Рехнулся ты, что-ли?! Или ты думаешь, у меня у самого для Кирилла не нашлось бы денегъ, да столько, сколько тебѣ и во снѣ не видать? Или по твоему я скупъ? Копѣйки жалѣю?! Нѣтъ, ужъ коли я въ чемъ-либо отказалъ, значитъ я дать не хочу, понимаешь... не хочу, потому, значитъ не расположенъ. А слово мое свято: что сказалъ, то и будетъ. Вонъ, вонъ обоихъ.—Артамонъ Прохорычъ затопалъ ногами.—Чтобы

духу вашего здѣсь не было! Сію минуту вонъ, слышите.

И оба стиснутые кулака онъ почти подставилъ къ лицу Устина Демьяныча. Но какъ ни гнѣвался Артамонъ Прохорычъ, какъ ни казался онъ непреклоннымъ въ своемъ полновластіи, что-то странное въ этотъ мигъ запало къ нему на сердце, какое-то незнакомое ему до тѣхъ поръ сомнѣніе въ своей правотѣ. Когда онъ остался одинъ и тяжелою поступью зашагалъ по комнатамъ дома, въ немъ и слѣда не было той невозмутимой увѣренности, что все должно склоняться передъ его произволомъ, что всякаго ослушника онъ воленъ карать. Гнѣвъ его какъ-то вдругъ упалъ, и на мѣсто его на сердцѣ Артамона Прохорыча сказалось безпокойство какое-то, словно холодомъ обдавшее его душу.

Тщетно успокаивалъ себя Артамонъ Прохорычъ, мысленно твердя, что ослушнаго сына, презрѣвшаго его законную отцовскую власть, онъ прощать и миловать не долженъ. Смутное безпокойство, закравшееся въ его душу, какъ слабый лучъ утренней зари въ темную горницу, все росло да росло, и даже когда онъ вышелъ на молитву передъ кіотомъ, гдѣ въ дорогихъ ризахъ висѣли старинные образа, и тутъ не улеглась его тревога.

— Что-жъ, твердилъ онъ себѣ, неужто я не правъ передъ Кирилломъ и Саватѣевымъ тоже? Пустяки... навожденіе какое-то. Жалкимъ ужъ больно онъ мнѣ показался. Смириться онъ долженъ... вину свою признать, тогда пожалуй отцовскую милость ему вернуть могу, а то, когда онъ прощенія проситъ и даже на колѣни становится, все въ немъ эта гордыня сидитъ треклятая. На словахъ-то онъ какъ будто и смирится, а глаза такъ и горятъ. Нѣтъ, пустяки. Тяжело парню жилось эти три года, а видно не проняли его нужда и горе, видно учить еще надо; для него же лучше будетъ.

И повторяя себѣ это въ сотый разъ, Артамонъ Прохорычъ думалъ, что отогналъ докучливую мысль о

своей неправотѣ. А мысль эта все къ нему возвращалась непрошенною гостью, то словно ползкомъ къ нему подкрадываясь, то вставая передъ нимъ внезапно во всемъ своемъ яркомъ блескѣ, и никуда отъ нея уйти Артамонъ Прохорычъ не могъ, ни дома у себя, ни на улицѣ, ни въ церкви у всенощной. „А ну-ка,—мерещилось ему подчасъ, — коли парень чего добраго сдуру руки на себя наложитъ. Онъ совсѣмъ вѣдь отчаяннымъ глядѣлъ сегодня. Что ни говори, онъ вѣдь сынъ мнѣ родной, и не сунь ему въ руки Саватѣевъ этихъ пятидесяти рублей, нечѣмъ было бы ему службу по женѣ справить“...

Всякій разъ, когда Артамонъ Прохорычъ вспоминалъ про эту минуту, жгучее ощущеніе злобы и стыда опять заливало ему сердце, и понесенная имъ горькая обида въ немъ вызывала новый приливъ гнѣва. И коли съ сыномъ онъ, быть можетъ, поступилъ черезчуръ строго, такъ передъ Саватѣевымъ онъ уже правъ совершенно. Вѣдь не злобствуетъ онъ на него за какую-нибудь свою личную обиду. За то онъ караетъ своего бывшаго пріятеля, что тотъ отъ старой вѣры отшатнулся. Но странное дѣло, чѣмъ онъ чаще это мысленно повторялъ, тѣмъ явственнѣе онъ ощущалъ какое-то недовѣріе къ самому себѣ. Точно ли ужъ за одну правую вѣру ему хотѣлось постоять, не обманываетъ ли онъ себя?... Вѣдь зачѣмъ сегодня такъ осерчалъ онъ на Устина Демьяныча, когда тотъ отдалъ Кириллу деньги? Вѣдь изъ гордости одной, потому что слишкомъ обидно ему показалось, какъ это полунищій Саватѣевъ захотѣлъ быть щедрѣе его. И развѣ его дѣло мстить Саватѣеву за отступничество, за Господа мстить. Вѣдь сказано: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.“ И самъ Господь на землѣ развѣ мстилъ? И когда прослушалъ Артамонъ Прохорычъ длинное вечернее Евангеліе „горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣры,“ дрожь пробѣжала по его спинѣ, и вдругъ точно свѣтомъ молніи озарило его душу. А что если къ нему относятся эти

слова, если онъ только лицемѣрный служитель вѣры благочестивой, на самомъ дѣлѣ служащій только своей гордости. Но сознаніе это только проскользнуло по его душѣ, какъ молнія по темному небу, и самомнѣніе опять взяло верхъ. И когда онъ выходилъ изъ церкви, раздавая милостыню нищимъ на паперти, Артамонъ Прохорычъ былъ по прежнему непоколебимо увѣренъ въ себѣ.

Не спалось ему однако въ эту ночь. Долго ворочался онъ съ боку на бокъ; а когда подъ утро онъ заснулъ, странный ему сонъ приснился. Увидѣлъ онъ себя въ дремучемъ лѣсу, и ни только обступаютъ его со всѣхъ сторонъ деревья, а надвигаются на него, кивая длинными вѣтвями, точно задавить его хотятъ въ своихъ объятіяхъ. Бѣжитъ отъ нихъ Артамонъ Прохорычъ, цѣпляясь за корни, и никакъ изъ лѣса выбѣжать не можетъ. Но вотъ наконецъ поляна, черезъ поляну течетъ ручей, а на томъ берегу ручья такъ свѣтло и отрадно, какъ только въ Божьемъ раю. Еще только шагъ, другой и онъ спасенъ: ручей вѣдь не преграда. Вода въ немъ такая свѣтлая, чистая, что на днѣ каждый камешекъ виденъ. И вотъ вступилъ Артамонъ Прохорычъ въ ручей, хотѣлъ при этомъ перекреститься, но только почему-то не могъ. Кажись переступить бы ему только, и онъ на другомъ берегу. Но онъ идетъ, идетъ, и берегъ все передъ нимъ, только онъ ступить на него не можетъ, и ноги его съ каждымъ новымъ шагомъ вязнутъ все глубже. Вотъ ему вода уже по поясъ, вотъ она подъ самое горло подступаетъ. Онъ хочетъ вскрикнуть и не въ силахъ... А на берегу передъ нимъ стоятъ его сынъ Кириллъ и Устинъ Демьянычъ и смотрятъ на него не то чтобы сурово, а грустно какъ-то съ укоромъ во взглядѣ. Стоило бы только имъ руку протянуть, и онъ спасенъ. А они все стоятъ неподвижно, глядя, какъ онъ выбивается изъ силъ. Тонетъ все глубже Артамонъ Прохорычъ, едва можетъ голову держать надъ водой и наконецъ, собравшись съ силами,

онъ отчаянно прокричалъ: Кириллъ, помоги! Помогите оба!...

Онъ проснулся, и холодный потъ выступилъ у него на лбу. „Слава Богу", подумалъ онъ и перекрестился, и хотѣлъ было даже посмѣяться надъ своимъ испугомъ, но смѣхъ ему не дался. Угрюмо онъ всталъ съ постели, угрюмый пошелъ церковь обѣдню слушать. И какъ ни старался Артамонъ Прохорычъ молиться въ этотъ день, онъ не могъ. Что-то его точно отталкивало отъ Господа, цѣпѣнѣли, застывали на его губахъ слова молитвы, и когда вышелъ онъ изъ церкви и побрелъ къ себѣ домой, наткнулся онъ на негаданное зрѣлище. Ему приходилось идти мимо православной церкви. Оттуда ѣхалъ по улицѣ гробъ, совсѣмъ убогій, ничѣмъ не изукрашенный. Только что отпѣвали покойника. За гробомъ шли всего пятеро. Впереди всѣхъ его сынъ и отецъ покойной Анюты. Артамонъ Прохорычъ снялъ картузъ и помолился. Что-то его словно подталкивало тоже пойти за гробомъ и проводить до могилы сноху. Но вѣдь службу правили по никоніанскому обряду, и въ числѣ бывшихъ тутъ онъ узналъ Саватѣева. И Артамонъ Прохорычъ не пошелъ.

Но встрѣченные имъ похороны весь день не выходили у него изъ головы. Онъ не могъ изгнать изъ своей памяти болѣзненный видъ убитаго горемъ сына, едва волочившаго ноги, пока онъ шелъ за гробомъ. И вся эта жалкая, нищенская обстановка, эти полуразвалившіяся дроги съ парою клячъ, этотъ простой, ничѣмъ не покрытый гробъ, эта небольшая кучка людей, провожавшихъ покойницу,—все это живымъ укоромъ представлялось ему, какъ вопіющее противорѣчіе съ его богатствомъ.

И вдругъ на слѣдующее утро неожиданное рѣшеніе сложилось въ умѣ Артамона Прохорыча,—рѣшеніе не только простить сына, но пойти къ нему на домъ и примириться. Артамонъ Прохорычъ ничего не дѣлалъ на половину. Любое изъ своихъ рѣшеній принималъ

онъ разомъ, не колеблясь, а когда оно было принято, исполнялъ безповоротно... И, простоявъ обѣдню, онъ отправился въ тотъ переулокъ, гдѣ на дворѣ, въ деревянномъ флигелькѣ, проживалъ его сынъ.

Въ двухъ комнаткахъ, занимаемыхъ Кирилломъ на самомъ верху флигелька, подъ чердакомъ, нужда голая, неприкрашенная, въ этотъ день особенно била въ глаза, такъ какъ ничего не было прибрано съ самой кончины Анюты. Она строго всегда соблюдала чистоту въ своихъ каморкахъ, но какъ ея не стало, Кириллъ на все махнулъ рукой. И вотъ онъ сидѣлъ тутъ, спиной къ дверямъ, опершись локтями на грязную доску единственнаго стола, бывшаго въ комнатѣ. Лицо было опущено на руки, и даже головы онъ не повернулъ, когда вошелъ его отецъ. Покоробило старика то, что видѣлъ онъ передъ собою: голыя, досчатыя стѣны, не мытый полъ, на которомъ соръ валялся, а всего болѣе исхудалый, осунувшійся видъ бѣднаго малаго.

— Кириллъ,—началъ онъ, остановившись на порогѣ, и голосъ его казался необычайно мягкимъ и тихимъ.— Кириллъ, ну вотъ пришелъ я къ тебѣ, я самъ, отецъ твой, принесъ тебѣ родительское свое прощеніе...

Кириллъ повернулся къ отцу и, не вставая съ мѣста, уставился на него тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ. Онъ будто не понялъ словъ Артамона Прохорыча.

— Удивленъ ты очень моему приходу? Да?—продолжалъ старикъ все тѣмъ же мягкимъ голосомъ и губы его складывались въ непривычную для нихъ улыбку.—Что-жъ, довольно на тебя серчалъ! Полно, будетъ. Все тебѣ прощаю, все: и озорство твое, и слова твои дерзкія. Приходи ко мнѣ въ домъ жить по старому...

Тутъ Кириллъ снова очнулся. Онъ медленно всталъ и подошелъ къ отцу, не спуская съ него пристальныхъ, неподвижныхъ глазъ.

— Чтобъ я перешелъ къ вамъ по старому жить?!..— заговорилъ онъ глухо, хотя въ голосѣ его слышалось

поднимавшееся волненіе,—послѣ того, что было..., послѣ того, какъ вы...

— Да ты пойми,—тутъ же перебилъ его отецъ,—что я, прощая тебя, совсѣмъ прощаю. Затѣмъ и пришелъ сюда, чтобы тебѣ сказать.

— Прощаете?—громко разсмѣялся Кириллъ, у котораго бѣшеная злоба вырвалась наружу,—и сами пришли мнѣ это сказать?! Спасибо!

И онъ подвинулся ближе къ отцу, скрестивъ на груди руки.

— Да ты съума что-ли спятилъ?—отступая на шагъ, воскликнулъ Артамонъ Прохорычъ, совсѣмъ озадаченный неожиданнымъ отвѣтомъ сына.

— Нѣтъ, я въ своемъ умѣ... въ полномъ умѣ. Такъ значитъ простить меня изволили... да... И за то меня прощаете, что жену мою въ гробъ свели, потому что вѣдь отъ вашей милости, отъ бѣдности, да отъ скорби душевной она хворать стала. Была вѣдь она кровь съ молокомъ три года назадъ, когда за меня выходила... Стало быть, вы думаете, теперь стоитъ вамъ только сказать „приходи Кириллъ, забудемъ прошлое“, и въ самомъ дѣлѣ я такъ и забуду... Нѣтъ, батюшка, полно, лучше я у чужого какого-нибудь человѣка въ батракахъ стану жить, чѣмъ хлѣбъ вашъ ѣсть. Станетъ то онъ мнѣ поперекъ горла... хлѣбъ-то вашъ...

— Да ты никакъ въ самомъ дѣлѣ... да, какъ ты смѣешь?..—почти испуганно, глядя на сына, закричалъ въ отвѣтъ Артамонъ Прохорычъ, у котораго гнѣвныя пятна выступали на щекахъ.

Но это былъ уже не настоящій, не прежній его гнѣвъ. Поведеніе Кирилла до того поразило его, что онъ стоялъ передъ сыномъ, какъ бы чувствуя себя пристыженнымъ, точно сшибло его что-то съ той высоты, на которой онъ простоялъ всю жизнь.

— Ты вспомни, передъ кѣмъ ты говоришь,—добавилъ онъ несовсѣмъ увѣреннымъ, хоть и раздраженнымъ голосомъ.

— Помню, батюшка, помню,—съ воспламененными отъ ненависти глазами отвѣтилъ ему Кириллъ,—слишкомъ ужъ хорошо помню. И отвѣтъ мой тоже изволили слышать... да? Ну, такъ ступайте же къ себѣ по добру, по здорову... иного отвѣта у меня для васъ нѣтъ.

Артамонъ Прохорычъ почти зашатался на мѣстѣ, услыхавъ это, и лѣвая его рука безсознательно оперлась о косякъ двери.

— Да, ступайте,—не помня себя отъ вспыхнувшей въ немъ дикой злобы,—продолжалъ Кириллъ.—Не разъ уже вы меня гнали отъ себя, когда я передъ вами на колѣняхъ ползалъ. Теперь мой чередъ... Ступайте, говорятъ вамъ... а то...

Невольнымъ движеніемъ старикъ протянулъ впередъ руки, какъ бы съ тѣмъ, чтобы защититься отъ удара, хотѣлъ что-то сказать, но губы его только безсильно затряслись. Мощная его натура была сломлена разомъ. Прежде, когда видалъ онъ передъ собою Кирилла, смиренно просившаго о прощеніи, одинъ видъ ослушника вызывалъ у него взрывъ непреклоннаго родительскаго гнѣва. Теперь, когда сынъ былъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ передъ нимъ, когда онъ дѣйствительно нанесъ ему страшное оскорбленіе, не гнѣвъ уже, а горькая, безпомощная печаль наполняла сердце старика. И отвернувшись молча, онъ медленно сошелъ съ лѣстницы.

Никогда домашніе не видывали Артамона Прохорыча такимъ, какимъ онъ былъ въ эти дни, молчаливаго, мрачнаго, сгорбленнаго, точно стряслась надъ нимъ какая-то невѣдомая бѣда. И ни разу за эти дни не раздавались въ домѣ раскаты его могучаго голоса. Онъ не вымещалъ своей затаенной злобы на близкихъ, какъ дѣлалъ это прежде. Присмирѣлъ какъ-то Артамонъ Прохорычъ и осунулся вдругъ, точно разомъ сталъ на цѣлыхъ десять лѣтъ старше. Младшій сынъ его, Матвѣй, шепнулъ даже двоюродному своему брату, тому самому, котораго обдѣлилъ когда-то Артамонъ Прохорычъ: „А что, Петька, кажись и наслѣдства намъ съ тобою, поди, не

долго дожидаться?"... Петька только осклабился въ отвѣтъ на слова отцовскаго любимца.

Въ великую Пятницу послѣ вечерни Артамонъ Прохорычъ исповѣдывался въ иновѣрческой церкви; онъ любилъ причащаться въ великую Субботу. Прежній священникъ, много лѣтъ бывшій духовникомъ Купріянова, недавно померъ, и замѣстившій его новый въ первый разъ исповѣдывалъ Артамона Прохорыча. Отецъ Николай былъ совсѣмъ маленькій старичекъ съ тресущейся головой и рѣдкими сѣдыми волосами. Но глаза его сѣрые, съ красными жилками, загорались подчасъ совсѣмъ по юношески, хотя въ обыкновенное время они глядѣли просто старческими глазами.

Исповѣдь Артамона Прохорыча въ прежніе годы продолжалась не долго. Признаетъ онъ себя великимъ грѣшникомъ передъ Господомъ, да тутъ же заявитъ о какомъ-нибудь пожертвованіи на богоугодныя дѣла, и священникъ, бывало, тотчасъ произнесетъ разрѣшительную молитву, и вдобавокъ похвалитъ еще за щедрость. Не такъ было въ этотъ разъ. Когда Артамонъ Прохорычъ сказалъ ему о крупномъ вкладѣ, который собирался внести, отецъ Николай сложилъ руки, слегка наклонилъ голову на бокъ и, помолчавъ немного, произнесъ тихо:

— Доброе это у васъ намѣреніе, если только оно исходитъ отъ чистой любви къ Господу и ближнему вашему. Но ежели мысль ваша такова, что вы думаете пріобрѣсти этимъ право на милость Господа или откупиться отъ грѣха какого, по совѣсти долженъ сказать вамъ, что Господу такая жертва неугодна: съ Нимъ торговаться нельзя. Онъ по милости Своей неизрѣченной ниспосылаетъ и благая и злая, и подкупить Его праведный судъ, какъ судъ человѣческій, мы не въ силахъ.

Артамонъ Прохорычъ изумился. Въ первый разъ ему доводилось слышать такія рѣчи. И говоритъ ихъ этотъ сгорбленный невзрачный старичекъ съ простоватымъ

лицомъ, отъ котораго онъ ожидалъ развѣ словъ благодарности за свое щедрое подаяніе храму Божію. Сверкнули на мигъ глаза Купріянова—еще не отучили его отъ гордости послѣдніе дни,—но тутъ онъ вспомнилъ, что онъ на духу и что этотъ маленькій, простоватый священникъ въ эту минуту имѣетъ надъ нимъ власть, какъ представитель Божьяго Суда.

— Да, кажется, батюшка,—не совсѣмъ рѣшительно отвѣтилъ онъ,—я отъ чистаго сердца жертвую отъ ревности, такъ сказать, къ церкви Божіей; развѣ это грѣшно?

— Такъ, такъ,—возразилъ священникъ, прямо не отвѣчая и улыбаясь беззубымъ ртомъ.—Ежели вы себя правымъ не считаете передъ Господомъ, а только на милость Его смиренно надѣетесь, чувство ваше именно христіанское. А узнать вамъ, такъ-ли вы чувствуете, очень нетрудно. Коли нѣтъ у васъ ни на кого злобы, а напротивъ, вы себя считаете виноватымъ передъ всѣми, тогда жертва ваша въ самомъ дѣлѣ приносится отъ чистаго сердца.

Артамонъ Прохоровичъ недоумѣвалъ все болѣе. Какъ онъ долженъ былъ считать себя кругомъ виноватымъ, когда лишь два дня передъ тѣмъ его родной сынъ, которому онъ великодушно простилъ, отвѣтилъ ему такъ дерзко, выгналъ его изъ дома, да, выгналъ старика отца.... Но Купріяновъ и тутъ опять сдержалъ себя.

— Старшій мой сынъ,—отвѣтилъ онъ,—крѣпко меня огорчилъ, батюшка, и огорчилъ какъ разъ въ то время, когда я самъ пришелъ къ нему объявить мое родительское прощеніе.

Послѣднія слова онъ произнесъ громче, приподнимая голову. Снисходительная улыбка снова пробѣжала по блѣднымъ губамъ священника, и о. Николай опять сложилъ руки, принимаясь внимательно слушать. Артамонъ Прохорычъ чистосердечно разсказалъ все, что было между нимъ и сыномъ. Онъ былъ очевидно убѣж-

денъ въ полной своей правотѣ. Каково же было его удивленіе, когда онъ услыхалъ отвѣтъ священника.

— Сынъ вашъ, конечно, очень и очень согрѣшилъ передъ вами, и его поступка Господь не оставитъ безъ наказанія. Но и вы передъ нимъ виноваты, скажу даже, болѣе виноваты, чѣмъ онъ. Родители не должны озлоблять своихъ дѣтей, учитъ Апостолъ Павелъ.

— Какъ,—перебилъ его Артамонъ Прохорычъ,—коли значитъ сынъ мнѣ не повинуется, возстанетъ противъ моей родительской власти...

— Родительская власть,—въ свою очередь, но все также тихо остановилъ его о. Николай, — не для того установлена Богомъ, чтобы мы свою волю проявляли на дѣтяхъ, смотрѣли на нихъ, какъ на подвластныхъ себѣ, а для того, чтобы мы наставляли ихъ для ихъ собственнаго блага. Наказывать ихъ мы должны не изъ гнѣва, а изъ милосердія, ихъ же ради. И пускай никогда не ожесточается противъ нихъ наше сердце; не ожесточается же противъ насъ Господь, котораго мы оскорбляемъ ежечасно. Въ самомъ наказаніи должна быть любовь; и теперь даже, когда сынъ вашъ столь тяжко согрѣшилъ передъ вами, въ серецѣ своемъ вы обязаны простить его.

— Да я шелъ къ нему, чтобы простить его, а онъ.... Глаза Артамона Прохорыча опять сверкнули въ полутьмѣ храма.

— Помните,—опять перебилъ его священникъ—какъ Господь простилъ своихъ враговъ даже на крестѣ, Господь, праведно наказующій насъ ради насъ самихъ. Артамонъ Прохорычъ не нашелъ отвѣта. Онъ былъ смущенъ, и гордость какъ-то незамѣтно для него самого смягчалась и таяла въ его сердцѣ.

— А не имѣете ли вы злобы еще на кого изъ ближнихъ нашихъ?—продолжалъ священникъ.

Отправляясь къ исповѣди Артамонъ Прохорычъ и не думалъ совсѣмъ о Саватѣевѣ. Ему и въ голову не приходило, что онъ можетъ быть грѣшенъ и передъ

человѣкомъ, отступившимъ отъ истинной православной вѣры. Но теперь сомнѣніе на этотъ счетъ въ немъ зашевелилось, и онъ почти смиренно изложилъ передъ духовникомъ причины своей размолвки съ бывшимъ пріятелемъ.

— И вы совершенно увѣрены,—заговорилъ о. Николай, когда онъ кончилъ,—что вами руководила одна только ревность къ церкви Божіей?..

Купріяновъ нѣсколько замялся.

— Допустимъ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ... И все-таки предоставьте Господу мстить за себя. Если вы даже поступали совершенно искренно, не христіанскій, не истинно-православный духъ воодушевляетъ васъ. Мы чада единой церкви, и Господь намъ велѣлъ быть милостивыми къ иновѣрцамъ. Карать не наше дѣло, и Господь не каралъ, пока былъ на землѣ. И приступая къ Святому Причащенію, вы должны вырвать изъ сердца вашего всякую память о прежней обидѣ, всякій помыслъ о гнѣвѣ и возмездіи.

Артамонъ Прохорычъ молча опустилъ голову. Онъ уже не находилъ возраженій. Слова священника вливались въ его душу, постепенно смягчая въ ней гнѣвъ и гордыню. И какое то новое, совершенно невѣдомое ему чувство смиренія и любви просыпалось въ ней, какъ въ знойный лѣтній день оживаетъ поблекшая зелень отъ оросившаго ее дождя. И когда исповѣдь кончилась и о. Николай прикрылъ епитрахилью сѣдую голову Артамона Прохорыча, старикъ почувствовалъ, какъ благодатная струя словно проникаетъ все его существо, наполняя его неиспытаннымъ до того ощущеніемъ радостной покорности. Ничего внушительнаго не было въ рѣчахъ о. Николая, говорилъ онъ дрожащимъ, слегка надтреснутымъ голосомъ, и мудреныхъ рѣчей онъ бы и подыскать не съумѣлъ, и все-таки Артамонъ Прохорычъ, начавшій свою исповѣдь съ чувствомъ очень похожимъ на снисходительное пренебреженіе къ духовнику, окончилъ ее какъ истинно-кающійся грѣшникъ.

И когда нетвердый старческій голосъ о. Николая произнесъ слова разрѣшительной молитвы „азъ, недостойный іерей, властью Бога мнѣ данною, прощаю и отпускаю....“, Артамону Прохоровичу даже почудилось, что въ эту минуту въ самомъ дѣлѣ Божія власть отпускаетъ ему всѣ прежнія тяжкія его вины.

Весь этотъ вечеръ Купріяновъ ни съ кѣмъ почти слова не проронилъ, но было это уже совсѣмъ не прежнее суровое молчаніе, пугавшее всѣхъ домашнихъ, что то мягкое, привѣтливое, доброе запечатлѣлось на чертахъ старика; голосъ его даже сталъ инымъ.

И когда на другое утро ему подали пролетку, чтобы отвести его въ церковь, все лицо его будто сіяло и самъ кучеръ, хорошо знавшій вспыльчивый его нравъ, замѣтилъ, какимъ добрымъ глядѣлъ Артамонъ Прохорычъ; и послѣ онъ часто вспоминалъ, какъ привѣтливо съ нимъ поздоровался хозяинъ, садясь въ экипажъ. А Матвѣй, его сынъ, тоже замѣтившій перемѣну въ отцѣ, сказалъ двоюродному брату, качая головою: „Со старикомъ что-то не ладное творится. Такимъ я его не видывалъ никогда. Не сдобровать ему, вѣрь моему слову“.... Торжественное настроеніе, охватившее Артамона Прохорыча, такъ и не покидало его во весь день. Никогда еще онъ такъ не молился, никогда не приступалъ къ причащенію съ такимъ искреннимъ, глубокимъ чувствомъ. Ему въ самомъ дѣлѣ казалось въ эту минуту, что первѣе его нѣтъ грѣшника на землѣ и что оказана ему свыше поистинѣ великая, неизрѣченная милость. И захотѣлось ему вдругъ сгладить, искупить все дурное имъ сдѣланное, захотѣлось не для виду только, не съ самохвальствомъ, какъ прежде, совершить доброе дѣло, которое бы осталось скрытымъ отъ людскихъ глазъ.

И вотъ на пути домой онъ встрѣтился съ своимъ врагомъ—такимъ онъ считалъ его вчера еще,—съ Устиномъ Демьянычемъ Саватѣевымъ. Устинъ Демьянычъ возвращался изъ православной церкви, гдѣ тоже кон-

чилась служба. Артамонъ Прохорычъ окликнулъ его, остановивъ кучера.

— Устинъ Демьянычъ, ты причащался тоже?

Саватѣевъ утвердительно качнулъ головой.

— Такъ дай же тебя поздравить, и кстати вотъ именемъ Христа, позабудемъ все прошлое. Купріяновъ сошелъ съ дрожекъ и подошелъ къ Устину Демьянычу.

— Поцѣлуемся, братъ, и прости меня... Много я противъ тебя согрѣшилъ, понимаю это теперь...

Саватѣевъ не вѣрилъ ушамъ, слыша такія слова и не понималъ, какъ это идетъ къ нему съ поздравленіемъ тотъ самый человѣкъ, который нѣсколько дней передъ тѣмъ выгналъ его изъ дому.

— Великій день сегодня, Устинъ, и хочу порадовать тебя краснымъ яичкомъ на праздникъ. Долгъ, по которому ты просилъ отсрочки, отпускаю тебѣ совсѣмъ. Вексель твой изорву. Самъ пойду въ судъ все уладить. Только забудь все прошлое и будемъ по старинному друзьями.

Устинъ Демьянычъ не могъ сразу почувствовать то-же, что наполнило душу Купріянова, не могъ забыть своей недавней обиды, и ему даже какъ-будто унизительнымъ показалось, что долгъ прощаютъ ему какъ нищему какому. Но добрый ужъ очень человѣкъ былъ Устинъ Демьянычъ. Да и въ заправду сказать, когда кто долго висѣлъ на волоскѣ, видя передъ собою неизбѣжную скорую гибель, у того охота гордиться и чваниться проходитъ. И обнимаясь съ Артамономъ Прохорычемъ Саватѣевъ прослезился, а когда пріѣхалъ домой, объявилъ роднымъ о случившемся, какъ о великой негаданной радости.

Артамонъ Прохорычъ сдержалъ слово. Пріѣхавъ къ себѣ и напившись чаю, онъ тотчасъ принялся за прошеніе въ судъ о прекращеніи дѣла съ Саватѣевымъ. Крѣпко удивился Матвѣй, когда отецъ вручилъ ему только что написанную бумагу.

— Что же это вы, батюшка?—изумился онъ.—Вѣдь,

подумайте, двадцать пять тысячъ... такія деньги прощать...

— Будетъ съ насъ и такъ нашего богатства,—тихо возразилъ Артамонъ Прохорычъ. — На праздникъ хочу несчастнаго человѣка порадовать.

Но Матвѣй попробовалъ настаивать, точно непривычная мягкость отца ему смѣлости придавала. — Да вы нешто въ самомъ дѣлѣ такъ рѣшили?—сказалъ онъ, не трогаясь съ мѣста.—Погодите, батюшка, одумайтесь.

Огонь сверкнулъ въ глазахъ старика и на мигъ онъ сталъ прежнимъ Артамономъ Прохорычемъ.

— Когда я что сказалъ,—ударилъ онъ кулакомъ по столу,—оно такъ и будетъ. Не тебѣ малокососу меня учить. А бумагу эту подай назадъ... а то чего добраго... у Артамона Прохорыча промелькнула мысль, что сынъ его можетъ пожалуй и утаить прошеніе, если-бы ему неожиданно, что причинилось. Человѣкъ не вѣченъ, а своей судьбы вѣдь никто не знаетъ.

И въ тотъ же день Купріяновъ распорядился, чтобы прошеніе было отдано его повѣренному.

Но было у него еще другое дѣло. И что-то его толкало съ этимъ дѣломъ тоже покончить сегодня. Давно уже, въ самый годъ женитьбы Кирилла, онъ составилъ завѣщаніе въ пользу Матвѣя, отказывая ему все свое имущество. Теперь это ему несправедливымъ казалось и онъ боялся, что не успѣетъ съ этимъ дѣломъ покончить. Артамонъ Прохорычъ тутъ же принялся за новое завѣщаніе, исправить сдѣланную несправедливость. Цѣлый часъ онъ просидѣлъ за работой и не одному Кириллу, отказалъ онъ равную съ братомъ долю, онъ вспомнилъ и о племянникѣ, наслѣдствомъ котораго онъ завладѣлъ когда-то. Онъ прямо даже повинился передъ нимъ въ причиненной ему обидѣ, какъ ни тяжело это было для гордости старика. И вотъ когда дописалъ онъ послѣднюю строку, радость какую-то, облегченіе почувствовалъ на душѣ Артамонъ Прохорычъ. Все зло, какое ни сдѣлалъ онъ въ жизни, было исправлено теперь.

Легко у него было на сердцѣ, хоть и чувствовалъ онъ во всемъ тѣлѣ сильную усталость. Онъ прилегъ отдохнуть, и сладкій, давно невиданный имъ сонъ обхватилъ его и унесъ въ какой-то тихій, счастливый міръ. Часъ обѣда давно прошелъ, когда онъ проснулся; будить его не смѣли. Да было ему не до обѣда. Странную почти неземную радость онъ ощущалъ, словно наступающій праздникъ ему приносилъ какую-то особую счастливую вѣсть. Набожный онъ былъ человѣкъ, а ничего подобнаго до тѣхъ поръ никогда не чувствовалъ. Теплый апрѣльскій вечеръ—Пасха въ этомъ году приходилась поздно — такъ мягко, такъ радостно сіялъ, наполняя горницу Артамона Прохорыча алымъ блескомъ заходящаго солнца. И воздухъ былъ такой мягкій, съ такою ласкою вливался въ раскрытое окно. Прежде Артамонъ Прохорычъ не обращалъ на это вниманія: природы для него словно и не было, весна не имѣла для него прелести. А въ этотъ вечеръ, онъ съ какимъ-то дѣтскимъ упоеніемъ любовался на красоту заката, вдыхалъ въ себя теплый, апрѣльскій воздухъ. И вотъ наступила ночь, чистая безоблачная, звѣздная. Черное небо зажглось надъ городомъ, точно и тамъ правили службу пасхальную, а подъ нимъ все застыло въ ожиданіи церковнаго благовѣста. Людей не было слышно на улицѣ, самый воздухъ будто замеръ и не колыхался. Пробило одиннадцать, и вдругъ среди полной чуткой тишины, мирно, торжественно и гулко раздался соборный колоколъ. И долго разносилъ каждый его ударъ тихій ночной воздухъ, и вслѣдъ за тѣмъ другіе колокола принялись ему вторить, и все шире и шире разливались по городу волны радостнаго звона. На разные голоса вѣщали они народу православному о великомъ праздникѣ, но всѣ они сливались въ одинъ стройный благовѣстъ. И городъ встрепенулся, засновалъ народъ по недавно еще пустымъ улицамъ, застучали колеса по мостовой, огни забѣгали въ окнахъ. И всѣ потянулись въ храмы Господніе на дружную, радостную молитву.

И въ сердцѣ Артамона Прохорыча пасхальный звонъ вызвалъ совсѣмъ невѣданное ему прежде чувство. Прежде онъ хмурился невольно, слыша благовѣстъ съ колоколенъ православныхъ церквей. Теперь онъ объ этомъ не думалъ. Что значили дорогіе ему старинные обряды передъ великимъ праздникомъ, одинаковымъ для всего христіанства? И какъ сливался каждый отдѣльный ударъ колокола въ общемъ морѣ торжествующихъ звуковъ, такъ и сердце Артамона Прохорыча въ эту ночь сливалось съ общей христіанской радостью. Онъ отстоялъ обѣдню усердно, пламенно молясь,—за всѣхъ молясь— и за друзей, и за враговъ, въ томъ числѣ и за непокорнаго сына, и жаль ему стало, когда начали христосоваться, что сына этого нельзя было обнять и поздравить.

Вернулся домой Артамонъ Прохорычъ, чтобы разгавливаться, въ исходѣ третьяго часа. Лицо его какъ-то особенно сіяло и всѣ домашніе замѣтили на немъ какое-то особенное, торжественное, и въ то же время кроткое выраженіе. Ѣлъ онъ за столомъ мало, говорилъ онъ тоже немного, но за то въ каждомъ его словѣ было что-то доброе, спокойное, привѣтливое. И простился онъ со всѣми тоже особенно сердечно, точно не ко сну онъ отходилъ, а разставался съ ними на долго.

И въ самомъ дѣлѣ: предчувствіе-ли это было или нѣтъ, но встать и увидѣть свѣтъ Божій ему уже не пришлось. Когда на слѣдующій день къ нему вошли въ комнату, удивляясь, что онъ такъ долго почиваетъ, онъ уже весь похолодѣвшій лежалъ безъ жизни на своей кровати. И на лицѣ у него было все то же выраженіе, что и вчера,—тихое, спокойное, торжественное. Смерть подошла къ нему незамѣтною, и отошелъ онъ мирно, безъ страданій. Докторъ объяснилъ его кончину апоплексическимъ ударомъ. Но о. Николай, когда его призвали справить надъ покойнымъ панихиду и онъ вглядѣлся въ его черты, сказалъ бывшему здѣсь Устину Демьяновичу Саватѣеву: „Великая милость Божія совер-

шилась надъ Артамономъ Прохорычемъ. Много за нимъ было грѣховъ тяжкихъ, а призвалъ его Господь въ ту самую минуту, когда въ первый разъ, быть можетъ, за цѣлую жизнь, онъ отъ чистаго сердца совершилъ доброе дѣло, и душа его наполнилась смиреніемъ и любовью. Будемъ же уповать, что за одинъ этотъ день простятся всѣ прежніе его грѣхи".

Служба началась и изъ всѣхъ бывшихъ тутъ никто такъ не молился за упокой души раба Божія Артамона, какъ недавній его врагъ Устинъ Демьянычъ и непокорный сынъ Кириллъ.

Переплетная „НИВА", С.П.Б.